

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ ССЛXI.

1905.

СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

PSlav 318.10

Slav 2016

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССЛXI.

1905.

СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	8
II. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. просв.	12
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	20
IV. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	38
V. Опреждленія основного отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	55
VI. Опреждленія отдѣла ученаго комитета по начальному образованію	58
VII. Опреждленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	63
Н. К. Козминъ. Николай Ивановичъ Надеждинъ	1
Н. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія	42
В. А. Савальскій. Критика понятія солидарности въ социологіи О. Конта	94
М. И. Каринскій. Разногласіе въ школахъ новаго эмпиризма по вопросу объ истинныхъ самоочевидныхъ (<i>продолженіе</i>)	107

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. Ф. Ольденбургъ. Англійско-индійскій походъ въ Тибетъ 1904	137
И. А. Шляпкинъ. <i>П. Г. Васенко</i> . „Книга степенная царскаго двора“. С.-Пб. 1904	147
К. Ф. Радченко. Новый болгарскій журналъ по этнографіи	151
А. М. Лобода. Новѣйшія записки былинъ	180
А. П. Сборникъ статей по исторіи права. Кіевъ. 1904	198
Г. М. Князевъ. Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. С.-Пб.	213
К. Г. Воблый. <i>Prof. Dr. J. Conrad</i> . Grundriss zum Studium der Oekonomie. Jena 1902	223
— Книжныя повости	

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Н. И. Ашмаринъ. Нѣсколько словъ о современной литературѣ казанскихъ татаръ	1
Н. Ф. Рудольфъ. Значеніе начальной школы въ распространеніи доступнаго промышленнаго образованія	33
Д. Г. Гинцбургъ. Начало проовѣщенія въ Омбирѣ	58
А. Г. Шалыгинъ. Народное образованіе въ Уругваѣ (<i>окончаніе</i>)	62

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ:

Э. Л. Радловъ. <i>М. Ключковскій</i> . Современное воспитаніе и новые пути по Эльзасандеру	75
--	----

См. 3-ю стр. обложки.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (12-го февраля 1905 года). *Объ учрежденіи при Мариупольскихъ мужской и женской гимназіяхъ стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 12-й день февраля 1905 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Мариупольскихъ мужской и женской гимназіяхъ стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича на ассигнованные для сей цѣли Мариупольскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ земскихъ средствъ 200 руб. въ годъ.

(Собр. узак. и расп. прав., 29-го іюля 1905 г., № 133, ст. 1224).

2. (19-го февраля 1905 года). *О присвоеніи Аткарской женской гимназіи Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день февраля 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе новооткрытой женской гимназіи въ городѣ Аткарскѣ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1225).

3. (12-го марта 1905 года). *Объ учрежденіи при Московскомъ мужскомъ мѣщанскомъ училищѣ 50 стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 12-й день марта 1905 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе на средства Московскаго купеческаго общества, въ ознаменованіе высокорадостнаго событія рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, пятидесяти стипендій для постояннаго бесплатнаго содержанія бѣдныхъ дѣтей въ пансіонѣ Московскаго мужскаго мѣщанскаго училища, съ присвоеніемъ симъ стипендіямъ наименованія: „Стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича“.

(Тамъ же, ст. 1226).

4. (23-го мая 1905 года). *О предоставленіи русскимъ учителямъ и учительницамъ русско-туземныхъ училищъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей и Внутренней Киргизской Орды, Астраханской губерніи, служебныхъ и пенсіонныхъ правъ, присвоенныхъ тѣмъ же лицамъ въ русско-туземныхъ училищахъ Туркестанскаго края.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи учителямъ и учительницамъ русско-туземныхъ училищъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей и Внутренней Киргизской Орды, Астраханской губерніи, служебныхъ и пенсіонныхъ правъ, присвоенныхъ тѣмъ же лицамъ въ русско-туземныхъ училищахъ Туркестанскаго края, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ Сольскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи русскимъ учителямъ и учи-

тельницамъ русско-туземныхъ училищъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей и Внутренней Киргизской Орды, Астраханской губерніи, служебныхъ и пенсіонныхъ правъ, присвоенныхъ тѣмъ же лицамъ въ русско-туземныхъ училищахъ Туркестанскаго края, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Русскіе учителя и учительницы русско-туземныхъ училищъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей и Внутренней Киргизской Орды, Астраханской губерніи, имѣющіе свидѣтельства на званіе начальнаго народнаго учителя (учителя начальныхъ училищъ), пользуются служебными правами и преимуществами и правами на пенсіи и единовременныя пособія, присвоенными учителямъ и учительницамъ таковыхъ же училищъ Туркестанскаго края (Уст. служб. прав., изд. 1896 г., ст. 401, п. 3; Уст. пенс., изд. 1896 г., ст. 411, примѣч., п. 4; 1903 г. мая 5, собр. узак., 783, мн. гос. сов., отд. I, ст. 2).

II. Указанныя въ отдѣлѣ I служебныя права и преимущества предоставить тѣмъ русскимъ учителямъ русско-туземныхъ училищъ въ означенныхъ въ томъ же отдѣлѣ мѣстностяхъ, кои находились на службѣ въ занимаемыхъ ими должностяхъ до обнаруженія настоящаго узаконенія, — со времени опредѣленія этихъ лицъ на упомянутыя должности.

III. Означеннымъ въ отдѣлѣ I учителямъ и учительницамъ, находившимся на службѣ въ занимаемыхъ ими должностяхъ до обнаруженія настоящаго узаконенія, зачислять, если пожелаютъ, въ срокъ выслуги пенсіи и единовременныхъ пособій прежнее время ихъ службы, съ обязательствомъ, въ такомъ случаѣ, внести установленныя на пенсіи вычеты за все указанное время.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 1-го іюля 1905 г., № 114, ст. 1018).

5. (23-го мая 1905 года). *О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы при Юю-Кнауфскомъ заводѣ, Осинскаго уѣзда, Пермской губерніи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи государственнаго совѣта, о кредитѣ на устройство

и содержаніе низшей ремесленной школы при Юго-Кнауфскомъ заводѣ, Осинскаго уѣзда, Пермской губерніи, Высочайше утвердить соизволивъ и повелѣвъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ Сольскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы при Юго-Кнауфскомъ заводѣ, Осинскаго уѣзда, Пермской губерніи, *мнѣніемъ положили:*

I. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе учреждаемой при Юго-Кнауфскомъ заводѣ, Осинскаго уѣзда, Пермской губерніи, низшей ремесленной школы по *четыре тысячи шестьсотъ семьдесятъ* рублей въ годъ, съ обращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ доходъ казны изъ средствъ Осинскаго уѣзднаго земства по *одной тысячѣ* рублей въ годъ.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на устройство и оборудованіе названной (отд. I) школы *тридцать три тысячи сто девяносто два* рубля *десять* копѣекъ, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, подлежащихъ ассигнованію министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

III. Предоставить министру народнаго просвѣщенія испросить, въ смѣтномъ порядкѣ, указанный въ отдѣлѣ I кредитъ, когда это окажется возможнымъ, по состоянію средствъ государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

(Тамъ же, ст. 1020).

6. (23-го мая 1905 года). *О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Мозырѣ, Минской губерніи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи государственнаго совѣта, о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Мозырѣ, Мин-

ской губерніи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ Сольскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Мозырѣ, Минской губерніи, *мнѣніемъ положила*:

I. Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства по *четыре тысячи шестьсотъ семьдесятъ* рублей въ годъ на содержаніе учреждаемой въ городѣ Мозырѣ, Минской губерніи, низшей ремесленной школы, съ обращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ доходъ казны изъ средствъ города Мозыря по *одной тысячѣ* рублей въ годъ.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на устройство указанной въ отдѣлѣ I школы *двадцать девять тысячъ сто сорокъ* рублей *шестьдесятъ четыре* копѣйки, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, подлежащихъ ассигнованію министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

III. Предоставить министру народнаго просвѣщенія испросить, въ смѣтномъ порядкѣ, указанный въ отдѣлѣ I кредитъ, когда это окажется возможнымъ по состоянію средствъ государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

(Тамъ же, ст. 1023).

7. (23-го мая 1905 года). *Объ учрежденіи въ Московской 5-й, Уфимской и Иркутской мужскихъ гимназій, Калужскомъ, Астраханскомъ и Кутанскомъ реальныхъ училищахъ четвертыхъ должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ Московской 5-й, Уфимской и Иркутской мужскихъ гимназій, Калужскомъ, Астраханскомъ и Кутанскомъ реальныхъ училищахъ четвертыхъ должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ Сольскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Московской 5-й, Уфимской и Иркутской мужскихъ гимназіяхъ, Калужскомъ, Астраханскомъ и Кутаяскомъ реальныхъ училищахъ четвертыхъ должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ, *мнѣніемъ положили:*

I. Учредить при Московской 5-й, Уфимской и Иркутской мужскихъ гимназіяхъ, а также при Калужскомъ, Астраханскомъ и Кутаяскомъ реальныхъ училищахъ по одной (четвертой) должности помощника классныхъ наставниковъ, съ присвоеніемъ симъ должностямъ служебныхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ другимъ такимъ же должностямъ на основаніи дѣйствующихъ уставовъ и штатовъ гимназій и реальныхъ училищъ.

II. Вызываемый означенною въ отдѣлѣ I мѣрою расходъ отнести на мѣстныя средства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 1024).

8. (80-го мая 1905 года). *О кредитѣ на устройство и содержаніе въ городѣ Калязинѣ, Тверской губерніи, при низшемъ механико-техническомъ училищѣ низшей ремесленной школы.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи государственнаго совѣта, о кредитѣ на устройство и содержаніе въ городѣ Калязинѣ, Тверской губерніи, при низшемъ механико-техническомъ училищѣ низшей ремесленной школы, Высочайше утвердить соизволивъ и повелѣвъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Самойловъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о кредитѣ на устройство и содержаніе въ городѣ Калязинѣ, Тверской губерніи,

при низшемъ механико-техническомъ училищѣ низшей ремесленной школы, *мнѣніемъ положили*:

I. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на содержание низшей ремесленной школы, учреждаемой при низшемъ механико-техническомъ училищѣ въ городѣ Калязинѣ, Тверской губерніи, по одной тысячѣ девяностъ семидесяти рублей ежегодно, съ обращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ доходъ казны изъ средствъ Калязинскаго уѣднаго земства по пятисотъ рублей въ годъ.

II. Отпустить на оборудованіе означенной въ отдѣлѣ I школы три тысячи рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

III. Предоставить министру народнаго просвѣщенія испросить, въ смѣтномъ порядкѣ, указанный въ отдѣлѣ I кредитъ, когда это окажется возможнымъ по состоянію средствъ государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 8-го іюля 1905 года, № 120, ст. 1049).

9. (30-го мая 1905 года). *Объ учрежденіи въ городѣ Свенцянахъ, Виленской губерніи, Маріинскаго женскаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ Свенцянахъ, Виленской губерніи, Маріинскаго женскаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ Сольскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городѣ Свенцянахъ, Виленской губерніи, Маріинскаго женскаго училища, *мнѣніемъ положили*:

I. Учредить въ городѣ Свенцянахъ, Виленской губерніи, Маріинское женское училище на основаніи правилъ, постановленныхъ въ статьяхъ 2904—2925 уставовъ учебныхъ заведеній (Сводъ Зак., т. XI, ч. I, изд. 1898 г.) относительно Маріинскихъ женскихъ учи-

лицъ въ городахъ Батумъ и Карсѣ, не открывая лишь въ составѣ учреждаемаго училища особаго приготовительнаго класса.

II. На означенное въ отдѣлѣ I училище распространить Высочайше утвержденный, 14 февраля 1905 года, штатъ Маріинскаго женскаго училища въ городѣ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи.

III. Отпускать изъ государственнаго казначейства на содержаніе того же училища (отд. I) *четыре тысячи пятьсотъ шестьдесятъ* рублей въ годъ, съ обращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ доходъ казны изъ средствъ города Свенцягъ по *пятистамъ* рублей и изъ специальныхъ средствъ училища—по *одной тысячѣ двести* рублей въ годъ.

IV. Предоставить министру народнаго просвѣщенія испросить, въ смѣтномъ порядкѣ, указанный въ отдѣлѣ III кредитъ, когда это окажется возможнымъ по состоянію средствъ государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 1050).

10. (30-го мая 1905 года). *Объ учрежденіи класса ручного труда при Оренбургской киргизской учительской школѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи класса ручного труда при Оренбургской киргизской учительской школѣ, Высочайше утвердить соизволяя и повелѣя исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Самскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, науки и торговли и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи класса ручного труда при Оренбургской киргизской учительской школѣ, *мнѣніемъ положили:*

I. Учредить въ Оренбургской киргизской учительской школѣ должность преподавателя ручного труда, съ присвоеніемъ ей служебныхъ правъ, установленныхъ для такихъ же должностей въ учительскихъ семинаріяхъ (Свод. Зак., т. XI ч. I, уст. уч. зав., ст. 2394, прим., по прод. 1902 г.).

II. Отпускать изъ государственнаго казначейства на содержаніе означенной (отд. I) должности по *одной тысячѣ пятидесяти* рублей

въ годъ и на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей класса ручного труда при Оренбургской киргизской учительской школѣ по *четыреста* рублей въ годъ.

III. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на приспособленіе аданія школы подъ помѣщенію для упомянутого класса (отд. II) и на оборудованіе онаго *три тысячи двести шестьдесятъ шесть* рублей, съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

IV. Предоставить министру народнаго просвѣщенія испросить, въ слѣдующемъ порядкѣ, указанныя въ отдѣлѣ II кредиты, когда это окажется возможнымъ по состоянію средствъ государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 1051).

№ 11. (30-го мая 1905 года). *Объ учрежденіи класса ручного труда при Читинской учительской семинаріи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи класса ручного труда при Читинской учительской семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписать: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сальскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи класса ручного труда при Читинской учительской семинаріи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить въ Читинской учительской семинаріи должность преподавателя ручного труда, съ присвоеніемъ ей служебныхъ правъ, установленныхъ для такихъ же должностей въ другихъ учительскихъ семинаріяхъ (Свод. Зак., т. XI ч. I, уст. уч. зав., ст. 2394, прим., по прод. 1902 г.).

II. Отпускать изъ государственнаго казначейства на содержаніе означенной (отд. I) должности по *одной тысячѣ пятидесяти* рублей

въ годъ и на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей класса ручного труда при Чигинской учительской семинаріи по *четыреста* рублей въ годъ.

III. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на приспособленіе зданія семинаріи подъ помѣщеніе для упомянутаго класса (отд. II) и на оборудованіе онаго *одну тысячу семьсотъ* рублей; съ отношеніемъ этого расхода на счетъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

IV. Предоставить министру народнаго просвѣщенія испросить, въ смѣтномъ порядкѣ, указанныя въ отдѣлѣ II кредиты, когда это окажется возможнымъ по состоянію средствъ государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 1052).

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Нижепоименованныя лица, за усердную и полезную дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы на 6-е мая сего года *медаллями, съ надписью „за усердіе“*, для *попечія на шестъ*: *золотыми на лентахъ*: *Владимірской*: зубной врачъ Омскихъ мужской и женской гимназій и женской прогимназій дантистъ *Абрамъ Церахъ* и староста церкви при Екатерининскомъ учительскомъ институтѣ въ гор. Тамбовѣ, личный почетный гражданинъ, *Василій Никитинъ, Аннинской*: попечительница Куракинскаго начальнаго народнаго училища, Московскаго уѣзда, жена мауфактуръ-совѣтника *Елисавета Саножникова*, потомственныя почетныя граждане: завѣдывающій Виленскимъ первымъ начальнымъ еврейскимъ училищемъ *Илья Тазаревъ*, содержатель Виленскаго перваго ешибота при клаузѣ мясниковъ *Илья Троцкий*, учитель Нижне-Чуевскаго начальнаго училища, Борисоглѣбскаго уѣзда, *Веніаминъ Остроумовъ* и курьеръ департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія—*Николай Демидовъ*, служитель того же департамента, личный почетный гражданинъ *Алексѣй Коршуновъ*, учитель начальной школы при Псковской учительской семинаріи *Алексѣй Телляковъ*, членъ попечительнаго совѣта *Бійской Николаевской пятиклассной женской*

гимназіи, 2-й гильдіи купецъ Алексѣй *Васневъ*, швейцарь С.-Петербургской первой гимназіи, отставной унтеръ-офицеръ Агафонъ *Сидоровъ* и учителя начальныхъ училищъ: Высокопольскаго, Валкскаго уѣзда, Иванъ *Ливенко* и Зміевскаго уѣзда, Тарановскаго—Иванъ *Зузуля* и Андреевскаго—Захаръ *Филоновичъ* в *Станиславской*: попечитель Рѣшитихинскаго училища, потомственный почетный гражданинъ Александръ *Гурьевъ*, личные почетные граждане: писцы отдѣла промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія—Василій *Соколовъ* и Сергѣй *Кузнецовскій* и почетный блюститель Солецкаго двухкласснаго приходскаго училища, Порховскаго уѣзда, Михаилъ *Ванюковъ*, завѣдывающіе двухклассными училищами: Московскимъ министерства народнаго просвѣщенія Иванъ *Зиминъ* и Саткинскимъ, Златоустовскаго уѣзда, Платонъ *Мышкинъ*, учитель начальной школы при Воронежской учительской семинаріи Василій *Назаровъ*, учителя училищъ: приходскихъ: Радежскаго—Фома *Антонюкъ*, Кумьяльскаго—Иванъ *Степкій* и Коварскаго—Василій *Лебедевъ*, Виленскихъ еврейскихъ народныхъ: № 9: Соломонъ *Хаскинъ* и Файвишъ *Турецъ* и № 11—Израиль *Шуръ*, Алексѣевскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Зміевскаго уѣзда, Захаръ *Котевъ*, земскихъ начальныхъ: Ясенскаго, Порховскаго уѣзда, Александръ *Трошикинъ*, Ашевскаго, Новоржевскаго уѣзда, Николай *Щукинъ*, Гривскаго, Островскаго уѣзда, Михаилъ *Королевъ* и Требешнитскаго, Порховскаго уѣзда, Михаилъ *Сморскій* и начальныхъ, Псковскаго уѣзда: Кулейскаго—Михаилъ *Колоковскій* и Молодейскаго—Николай *Парійскій*, почетный блюститель Тюнинскаго однокласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Рославльскаго уѣзда, купецъ Александръ *Приходинъ*, попечители училищъ: Андреевскаго начальнаго народнаго, Бирскаго уѣзда, второй гильдіи купецъ Дмитрій *Герасимовъ*, Касимовскаго II городского приходскаго, купецъ Петръ *Умновъ* и Ольгинскаго сельскаго, Рязанскаго уѣзда, купецъ Федоръ *Липтевъ*, второй гильдіи купецъ Файваль *Руссога*, личный почетный гражданинъ Александръ *Дмитріевъ* и швейцарь С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, отставной унтеръ-офицеръ Изотъ *Лягъ* и серебряными на лентахъ: *Александровской*: староста церкви при Бирской инородческой учительской школѣ, второй гильдіи купецъ Василій *Головъ*, модынский купецъ Михаилъ *Арефьевъ* и служитель канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, отставной вахмистръ Григорій *Малый*; *Владимірской*: второй гильдіи купцы: почетные блюстители училищъ: Петрозаводскаго второго приходскаго

мужского Харитонъ *Коновъ* и Муноверскаго однокласснаго образцоваго начальнаго народнаго, Петрозаводскаго уѣзда, Модестъ *Плоскаревъ*, попечитель Острѣчинскаго земскаго начальнаго училища, купецъ Иванъ *Поповъ*, служители Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—отставной вахмистръ Иванъ *Тюкаловъ* и Московскаго—запасный писарь старшаго разряда Павелъ *Сарычевъ-Кулешовъ*, вахтеръ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, отставной унтеръ-офицеръ Дмитрій *Холинъ* и служитель С.-Петербургской первой гимназіи, запасный унтеръ-офицеръ Сергѣй *Степановъ*; *Аннинской*: врачъ Тверской Марининской женской гимназіи, вѣзъ дворянкъ Барвара *Давыдова*, начальница Петрозаводской Марининской женской гимназіи Дороея *Ульяшенкова*, учительница Быстреповскаго начальнаго училища, Псковскаго уѣзда, Ранса *Бибикова*, члены попечительнаго совѣта Бійской Николаевской пятиклассной женской прогимназіи: второй гильдіи купцы: Михайлъ *Притчинъ* и Григорій *Бодуновъ*, швейцаръ Императорскаго Московскаго университета, запасный унтеръ-офицеръ Никифоръ *Ивановъ*, отставные фельдфебеля: служитель того же университета Иванъ *Кабановъ* и курьеръ того же университета Егоръ *Дмитріевъ* и швейцаръ Харьковской первой мужской гимназіи, отставной унтеръ-офицеръ Тимофей *Марченко* и *Станиславской*: почетные блюстители училищъ: Двинскаго еврейскаго начальнаго, первой гильдіи купецъ Мордухъ *Капланъ*, Курганскаго Троицкаго приходскаго, второй гильдіи купецъ Павелъ *Соколовъ* и Кормыхановскаго двухкласснаго, Златоустовскаго уѣзда, крестьянинъ Федоръ *Брагинъ*, попечитель Слемско-Борковскаго сельскаго училища, Зарайскаго уѣзда, крестьянинъ Семень *Сурынъ*, завѣдывающій Пастубинскимъ двухкласснымъ училищемъ, Златоустовскаго уѣзда, Василій *Милоковъ*, учителя училищъ: приходскихъ: Порховскаго мужского, Иванъ *Сухорукъ* и Иванъ *Бодановъ* и Псковскаго Александровскаго городского—Иванъ *Черниловскій*, Будаевскаго земскаго начальнаго, Островскаго уѣзда, Ефимъ *Артемьевъ* и двухклассныхъ: Коломакскаго министерства народнаго просвѣщенія, Валковскаго уѣзда, Михайлъ *Яновъ*, Малунинскаго образцоваго начальнаго народнаго, Торонецкаго уѣзда, Михайлъ *Паревновъ* и Григорьевскаго, Оханскаго уѣзда, Дмитрій *Вожакъ*, швейцаръ С.-Петербургскаго втораго реального училища, личный почетный гражданинъ Николай *Кухановъ* и служители: С.-Петербургскаго археологическаго института, мѣщанинъ Сергѣй *Бодановъ* и С.-Петербургской второй гимназіи, отставной нестроевой Матвѣй *Петровъ* и для ношенія на груди: золотыши, на лентахъ: *Аннинской*:

главная воспитательница Варшавской первой женской гимназіи баронесса Леонида *Бойе*, попечительница Красноуфимской женской гимназіи, изъ дворянъ Лидія *Свиридова*, начальница Воронежской женской гимназіи Нечаевой—Елизавета *Нечаева*, содержательницы: частнаго учебнаго заведенія третьяго разряда въ С.-Петербургѣ Марія *Ръзвая-Чанина* и Виленскихъ училищъ: семикласснаго женскаго—Вѣра *Прозорова* и трехкласснаго мужскаго—Марія *Виноградова*, начальница и содержательница частной женской гимназіи въ гор. Калугѣ, Александра *Салова*, попечительницы: Осташковской четырехклассной женской прогимназіи „въ память Е. И. Бенардаки“, изъ дворянъ Марія *Рембиндеръ* и Соколовскаго начальнаго народнаго училища Московскаго уѣзда, жена статскаго совѣтника Евгенія *Нентцель*, учительницы женскихъ гимназій: Петрозаводской Маріинской Надежда *Калитовичъ*, Парвской—Элеонора *Сильницкая* и Вяземской: Эмилія *Калласъ* и Александра *Маркевичъ*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Ливенской—Александра *Обольянинова*, Рыбинской Маріинской—Зинаида *Покровская* и Омской—Вѣра *Скаленова*, учительница приготовительнаго класса Лебединской женской гимназіи Александра *Левитская*, учительницы Порховской женской прогимназіи: Елисавета *Григорьева* и Параскева *Нестерова*, экономка при столовой С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Аделаида *Левкевичъ*, учительница и содержательница Рунторшскаго народнаго училища Ольга *Арцимовичъ*, фельдшеръ больницы при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, личный почетный гражданинъ Иванъ *Павловъ*, попечитель Бибировскаго сельскаго начальнаго училища, Бѣльскаго уѣзда, 2-й гильдіи купецъ Павелъ *Сычениковъ*, служители: Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ: запасные унтеръ-офицеры: Илья *Михеевъ* и Максимъ *Ерохинъ*, департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія: запасный рядовой Федоръ *Шевелевъ* и мѣщанинъ Александръ *Кожарскій*, Императорскаго С.-Петербургскаго университета, изъ крестьянъ Поликарпъ *Гурьевъ* и С.-Петербургской первой гимназіи, изъ крестьянъ Василій *Снобелевъ*, швейцаръ Кропштадтской Александровской женской гимназіи, отставной матросъ 1-й статьи Тимофей *Данилинъ* и вдова уфимскаго мѣщанина Татьяна *Федорова* и *Станиславской*: содержательница частнаго учебнаго заведенія 1-го разряда въ С.-Петербургѣ Марія *Лебурде-Капринье*, помощница инспектриссы С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Юлія *Воштина*, начальницы женскихъ гимназій: К. К. Аледелковой въ Москвѣ—Киріена *Аледелкова* и Бѣ-

жонкой—Екатерина *Сладкова*, учительницы женскихъ гимназій: Уральской—Глафира *Зеленина*, Нарвской—Лидія *Николаева*, Архангельской Маріинской—Марія *Миронова*, Петрозаводской Маріинской—Марія *Подкопаева*, Омской: Эмилія *Алексеева* и Анна *Фабуръ*, Гомельской—Марія *Красиццева* и Весегонской—Елисавета *Арсеньева*, учительницы приготовительныхъ классовъ женскихъ гимназій: Гомельской—Елисавета *Кунцевичъ*, Омской—Анфиса *Зелейщикова*, Рыбинской Маріинской—Марія *Крутышева* и Тверской Маріинской—Екатерина *Ямковская-Русина*, классныя надзирательницы женскихъ гимназій: Тверской Маріинской: Марія *Федорова* и Любовь *Никифорова*, Рыбинской Маріинской—Надежда *Казакова*, Архангельской Маріинской—Надежда *Иванова*, частной К. К. Алелековой въ Москвѣ—Александра *Штраусъ* и Омской: Людмила *Дячлева*, Людвигъ *Котовичъ* и Аполлинарія *Быкова*, начальницы женскихъ прогимназій: Омской—Раиса *Буторинъ* и Маріинской Лужской—Марія *Попова*, учительницы женскихъ прогимназій: Порховской—Ольга *Иконникова*, Маріинской Лужской: Варвара *Соловьева* и Пелагея *Передольская* и Омской: Елена *Подкорытова*, Ольга *Шаврина*, Анна *Пономарева* и Вѣра *Алексеева*, попечительница Троице-Лыковскаго начальнаго народнаго училища, Московскаго уѣзда, потомственная почетная гражданка Юлія *Корзинкина*, председательница попечительнаго совѣта Курской второй женской гимназій, вдова купца Надежда *Лаурова*, попечители училищъ: Подгородно-Каменскаго начальнаго, Симбирскаго уѣзда, личный почетный гражданинъ Егоръ *Дыкинъ* и Борисоглѣбскаго третьяго городского приходскаго, купеческій сынъ Никаноръ *Аверьяновъ*, почетные блюстители училищъ: начальнаго при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ, потомственный почетный гражданинъ Нохумъ *Бройдо*, личные почетные граждане: Несвижскаго еврейскаго начальнаго Авраамъ *Машкиллейсонъ* и Ново-Александровскаго приходскаго, Донской области, Автопомъ *Скачковъ*, Бирскаго приходскаго башкирскаго, второй гильдіи купецъ Иванъ *Новиковъ*, Выксунскаго женскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, купецъ Василій *Сухарковъ* и Зачатьевскаго образцоваго начальнаго народнаго, Холмогорскаго уѣзда, изъ крестьянъ Николай *Зелянинъ*, почетный смотритель Макаревскаго городского трехкласснаго училища, купецъ Фодоръ *Присытшиковъ*, членъ попечительнаго совѣта Бійской Николаевской пятиклассной женской прогимназій, второй гильдіи купецъ Александръ *Хажинъ*, содержательница и учительница начальнаго училища въ гор. Торопцѣ Анна *Харинская*, завѣдывающая Вильвенскимъ двухкласснымъ училищемъ,

Чердынскаго уѣзда, Параскова *Засухина*, учительницы училищъ: приходскихъ: Торопецкаго женскаго—Елена *Корзова* и Мезенскаго двухкласснаго — Александра *Малиновская*, начальныхъ: Грѣбулевскаго, Островскаго уѣзда, Анна *Станкевичъ*, Двурѣченскаго, Липецкаго уѣзда, Анастасія *Базилева* и Буринскаго, Порховскаго уѣзда, Пелагея *Загорская*, земскихъ начальныхъ: Рельбицкаго, Порховскаго уѣзда, Марія *Малиновская* и Мининскаго, Островскаго уѣзда, Александра *Лобутина* и начальныхъ народныхъ: Полонскаго, Псковскаго уѣзда, Анастасія *Фестинская* и Осинскаго уѣзда: Рябковскаго — Ольга *Петрова* и Ошодоровскаго—Аванасія *Разсохина*, экономъ Рязанской Александровской учительской семинаріи, личный почетный гражданинъ Василій *Хаустовъ*, электротехникъ при С.-Петербургскомъ второмъ реальномъ училищѣ, сынъ купца Яковъ *Голантъ*, запасные старшіе писаря: писецъ канцеляріи Екатеринбургскаго реального училища Петръ *Ситниковъ* и писецъ канцеляріи правленія Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Александръ *Синицынъ*, книгошлемскій мѣщанинъ Сементъ *Катюшинъ*, с.-петербургскій цеховой мастеръ переплетнаго ремесла, взъ крестьянъ Іоакимъ *Шкваровъ*, служители: департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, запасный унтеръ-офицеръ Василій *Крутовъ*, Императорскаго С.-Петербургскаго университета: запасный фельдфебель Адамъ *Бенедиктъ* и отставной фельдфебель Дмитрій *Лазаревъ*, отставной рядовой Іосифъ *Бобокъ* и взъ крестьянъ Иванъ *Дзерко*, Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, запасный унтеръ-офицеръ Василій *Соловьевъ*, мужскихъ гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской, отставной унтеръ-офицеръ Иванъ *Топленъ*, Московскихъ: третьей: старшій унтеръ-офицеръ Федоръ *Михайловъ* и отставной рядовой Григорій *Ярославцевъ* и седьмой, въ память Императора Александра III, младшій вахмистръ Кириллъ *Матюшевъ* и имени И. и А. Медвѣдниковыхъ, запасный фельдфебель Дмитрій *Полтковъ* и частныхъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго Богинскаго, запасный рядовой Порфей *Еуровъ* и Московскаго Воскресенскаго, отставные унтеръ-офицеры: Иванъ *Борцовъ* и Валентій *Маржеевъ* и серебряными на лентахъ: на Аннинской: преподавательница Устюженской женской гимназіи Барвара *Четыркина*, учительница рукодѣлія Омской женской гимназіи Аполлинарія *Молокова*, экономъ общежитія студентовъ Императорскаго Томскаго университета, отставной унтеръ-офицеръ Севастьянъ *Лобаревъ*, экономка С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ изъ мѣщанъ Анастасія *Иванова*, попечительница Торопецкихъ городскихъ приход-

скихъ мужского и женскаго училищъ, жена потомственнаго почетнаго гражданина Екатерина *Шерапова*, попечители училищъ: сельскихъ: Борецкаго, Сапожковскаго уѣзда, мѣщанинъ Андрей *Никифоровъ*, Селецкихъ мужского и женскаго, Рязанскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Центковъ* и Сергіевскаго, Сапожковскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ *Назаровъ* и Чернышевскаго женскаго 3-го разряда, Донской области, мѣщанинъ Василий *Соболевъ*, почетные блюстители училищъ: начальныхъ еврейскихъ: Виленскихъ: второго, сынъ купца Юлій *Сыркинъ* и третьяго, потомственный почетный гражданинъ Овсей *Буниловичъ* и Шкловскаго, второй гильдіи купецъ Самуиль *Тумаркинъ*, приходскихъ: Ишимскаго городского мужского, второй гильдіи купецъ Григорій *Филипповъ*, Чернышевскаго, Донской области, торговый казакъ Михаилъ *Ефимовъ*, Верхне-Бѣлоомутскаго мужского двухкласснаго образцоваго, Зарайскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Бѣликъ* и Линдовскаго однокласснаго, Повѣнецкаго уѣзда, изъ крестьянъ Александръ *Мазилъ*, почетный смотритель Тюкалинскаго двухкласснаго городского училища, второй гильдіи купецъ Григорій *Бердинскій*, квартирохозяинъ Березовскаго земскаго начальнаго училища, Порховскаго уѣзда, временный купецъ Георгій *Коростелевъ*, членъ попечительнаго совѣта Александровско-Грушевской ремесленной школы, купецъ Петръ *Вейерманъ*, служители: департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія крестьянинъ Иванъ *Бурлаковъ*, Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ отставной унтеръ-офицеръ Козьма *Емельяновъ*, запасные ефрейторы: Адрианъ *Терентьевъ* и Родионъ *Рябовъ*, отставной рядовой Мартынъ *Анцевъ* и запасные рядовые: Василий *Улыбашевъ* и Евгенийъ *Акининъ*, Николаевской главной астрономической обсерваторіи: отставной рядовой Янъ *Калашевскій* и мѣщане: Алексѣй *Гавриловъ* и Макаръ *Ивановъ*, канцелярн попечителя Виленскаго учебнаго округа, запасный унтеръ-офицеръ Николай *Азбукинъ*, Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, изъ крестьянъ Петръ *Григорьевъ*, Московскаго: отставной старшій писарь унтеръ-офицерскаго званія Захаръ *Михайловъ*, запасный унтеръ-офицеръ Егоръ *Артемовъ*, запасный фельдфебель Оедоръ *Зеленовъ*, оставной батарейный закройщикъ Илья *Тимофеевъ*, отставной рядовой Оедоръ *Анисимовъ* и крестьяне: Василий *Морозовъ* и Алексѣй *Столяровъ* и Томскаго отставной ефрейторъ Степанъ *Черемныиъ*, гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской, отставной ефрейторъ Петръ *Бердинъ* и казакъ Арефа *Главозда*, Московской второй, запасный фейерверкеръ Иванъ *Глазовъ*, Виленской первой, крестья-

нинъ Осипъ *Пашкевичъ* и С.-Петербургской частной женской Стеблингъ-Каменской, запасный унтеръ-офицеръ Василій *Андреевъ*, Московскаго частнаго реального училища Воскресенскаго, отставной канониръ Христофоръ *Лукинекъ* и Болховскаго городского четырехкласснаго училища, мѣщанинъ Константинъ *Уколицкиъ* и мѣщанинъ гор. Иванова-Вознесенска Яковъ *Шмелевъ* и *Станиславской*: членъ попечительнаго совѣта Бійской Николаевской пятиклассной женской гимназіи, мѣщанинъ Иванъ *Палабужевъ*, учителя пѣнія училищъ: Кронштадтскаго, реального, изъ мѣщанъ Яковъ *Космадель* и Сызранскаго городского трехкласснаго, изъ мѣщанъ Георгій *Опредѣленновъ*, попечители училищъ: сельскихъ начальныхъ: Шемякинскаго, Боровскаго уѣзда, мѣщанинъ Иванъ *Потемкинъ*, Перочинскаго, Зарайскаго уѣзда, крестьянинъ Александръ *Нечаевъ*, Воловскаго, Егорьевскаго уѣзда, крестьянинъ Николай *Назаровъ* и Ступинскаго, Балахнинскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй *Семеновъ* и Крючковскаго начального, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ Тимофей *Бондаренко*, попечительница Михалковскаго начального народнаго училища, Московскаго уѣзда, изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ Прасковья *Юкишиъ*, почетные блюстители училищъ: Подлѣсно-Слободскаго двухкласснаго образцоваго, Зарайскаго уѣзда, крестьянинъ Степанъ *Титловъ* и Малытскаго еврейскаго народнаго, купецъ Нотель *Бакъ*, мѣщанинъ гор. Вольска, Николай *Блессинъ*, писецъ канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, запасной старшій писарь Сергѣй *Козько*, садовникъ Императорскаго Томскаго университета, крестьянинъ Гамадутдинъ *Шамсутдиновъ*, служителя: департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣнія, отставной рядовой Николай *Пазухинъ*, Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ: младшій фейерверкеръ Федоръ *Прусаковъ*, запасный старшій писарь Тимосей *Штучкинъ*, отставной рядовой Семенъ *Панкратовъ*, запасный нестроевой старшаго разряда Николай *Куткинъ*, запасный рядовой Гавріилъ *Трофимовъ* и крестьянинъ Михаилъ *Волковъ*, Николаевской главной астрономической обсерваторіи: крестьяне: Федоръ *Ивановъ* и Казиміръ *Якубовичъ*, Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: отставной рядовой Павелъ *Шкарута*, мѣщанинъ Василій *Чубаровъ* и крестьяне: Иванъ *Бобылевъ* и Тихонъ *Сорока*, Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: отставной рядовой Федоръ *Тимофеевъ*, изъ мѣщанъ Николай *Озеровъ*, запасный рядовой Иванъ *Романенко* и изъ крестьянъ Григорій *Костанциевъ*, Московскаго отставной рядовой Николай *Нистратовъ* и Томскаго: отставной ефрейторъ Ефимъ *Сорокинъ*, отстав-

ной рядовой Никита *Кайгородовъ*, мѣщане: Матвѣй *Кайдаловъ* и Михаилъ *Лясоцкій*, отставной матросъ Николай *Мясодовъ* и изъ крестьянъ Порфирій *Можжеветиновъ*, Андрей *Ярославцевъ* и Михаилъ *Цыванюкъ*, гимназій мужскихъ: С.-Петербургскихъ: первой—изъ крестьянъ Сергѣй *Васильевъ*, шестой—запасный рядовой Францъ *Замыжа* и двѣнадцатой—запасный рядовой Маркъ *Веремеюкъ*, Великоустюгской: изъ мѣщанъ Николай *Лочиневъ*, запасный рядовой Александръ *Бонинъ*, запасный ефрейторъ Семенъ *Шемлякинскій* и изъ крестьянъ Иванъ *Нисановскій*, Московскихъ: третьей—ефрейторъ Акимъ *Лашковъ*, седьмой—въ память Императора Александра III: запасный рядовой Евлампій *Ефремовъ* и запасные ефрейторы: Кузьма *Шишеловъ* и Иванъ *Князевъ* и имени И. и А. Медвѣдниковыхъ: крестьяне: Иванъ *Волковъ*, Ѳеодоръ *Пискаревъ* и Василій *Ивановъ*, Бѣлгородской его королевскаго высочества Герцога Эдинбургскаго: отставной ефрейторъ Андрей *Новиковъ* и отставной рядовой Андрей *Толбатовскій* и Воронежской первой: крестьяне: Иванъ *Квасовъ* и Аѳанасій *Ждановъ* и женскихъ: Омской—отставной рядовой Матвѣй *Кунгурцевъ* и К. К. Алелековой въ Москвѣ, крестьянинъ Яковъ *Киртевъ*, реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: третьяго—запасный рядовой Петръ *Большаковъ* и крестьянинъ Василій *Савостьяновъ* и при реформатскихъ церквахъ: изъ мѣщанъ Юрій *Поррикъ* и крестьянинъ Иванъ *Харламовъ*, Гатчинскаго имени Императора Александра III: крестьяне: Василій *Березинъ*, Василій *Смирновъ*, Григорій *Степановъ* и Иванъ *Слюзозъ* и Сумскаго: отставной рядовой Ѳеодоръ *Курочкинъ* и крестьяне: Козьма *Товстунъ* и Иванъ *Завальный* и Златоустовскаго городского училища, отставной рядовой Константина *Зарубинъ*.

(27-го іюня 1905 года, № 48). *Награждается* орденомъ 21-го мая 1905 г., св. равноапостольнаго князя *Владимира 3-й степени*, ординарный профессоръ Императорскаго университета св. *Владимира*, дѣйствительный статскій совѣтникъ Антонъ-Владиміръ *Высоковичъ*, за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военныхъ дѣйствій.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(27-го іюня 1905 года, № 48). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ

Нѣжинъ, магистръ греческой словесности, коллежскій совѣтникъ *Бурзи*—ординарнымъ профессоромъ того же института, по греческой словесности; титулярный совѣтникъ *Шестаковъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Кіевской второй гимназіи, на три года, съ 9-го мая; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ зоологіи, коллежскій ассессоръ *Головинъ*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ зоологіи; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Ревельской гимназіи Императора Николая I, коллежскій ассессоръ *Липеровскій*—правителемъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа.

Утверждаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кондратьевъ*, статскій совѣтникъ *Алисовъ* и губернский секретарь *Хозиновъ*—почетными попечителями: первый—вновь Ахтырской гимназіи, второй—вновь Воронежскаго реальнаго училища и третій—Лебедянской прогимназіи,—всѣ, согласно избранію, на три года.

Переменяются: директоры гимназіи: С.-Петербургской пятой, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Янко* и Псковской, статскій совѣтникъ *Кусовъ*—одинъ на мѣсто другого.

Увольняется, согласно прошенію, инспекторъ классовъ женской гимназіи фонъ-Дервизъ, въ Москвѣ, директоръ Московской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сырольковскій*—отъ первой изъ названныхъ должностей.

По Рижскому учебному округу. *Производится,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники, учитель Ревельскаго реальнаго училища *Съеже*—съ 1-го іюля 1903 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: доцентъ сельскаго хозяйства Императорскаго Юрьевскаго университета *Томсонъ*—съ 1-го апрѣля 1905 г.; учителя: Юрьевскаго реальнаго училища: *Плотниковъ*—съ 6-го мая 1904 г. и *Грассъ* (сверхштатный)—съ 10-го января 1904 г., Полянградской мужской прогимназіи, *Воскресенскій*—съ 10-го марта 1905 г.; врачъ Рижскаго политехническаго института, докторъ медицины *Вольфертъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: учителя гимназій: Перновской, *Исаевъ*—съ 1-го августа 1902 г. и Ревельской Александровской, *Андріевскій* (сверхштатный)—съ 18-го іюля 1904 г., Юрьевскаго реальнаго училища, *Сосновскій*—съ 1-го іюля 1903 г., Либавской женской гимназіи, *Годобскій*—съ 26-го февраля 1905 г., Митавскаго Александровскаго трехкласснаго городского училища, *Константъ*—съ 20-го марта 1905 г.; учитель-инспекторъ Верроскаго трехкласснаго городского

училища, *Флору*—съ 1-го октября 1904 г.; бухгалтеръ канцеляріи попечителя *Лозайтисъ*—съ 11-го апрѣля 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Юрьевского реальнаго училища *Гонне*—съ 21-го октября 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, помощникъ прозектора Юрьевского ветеринарнаго института *Паукуль* (сверхштатный)—съ 15-го мая 1904 г.; учитель Верроскаго трехкласснаго городского училища *Таубе*—съ 1-го января 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель приготовительнаго класса Митавской гимназій *Евграфовъ*—съ 13-го ноября 1905 г.; бывший помощникъ классныхъ наставниковъ Юрьевского реальнаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Линде*—съ 18-го апрѣля 1899 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: канцелярскій служитель канцеляріи совѣта Императорскаго Юрьевского университета *Швальбе*—съ 13-го іюня 1897 г.; второй учитель Рижскаго городского Александровскаго Задвинскаго мужскаго начальнаго училища *Кочинъ*—съ 1-го сентября 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*: преподаватель Рижскаго политехническаго института, коллежскій регистраторъ *Рейнбергъ*—съ 1-го января 1905 г. и ассистентъ того же института *Центнершверъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; *коллежскаго ассессора*: учителя: Рижской Ломоносовской женской гимназій, коллежскій секретарь *Александровъ*—съ 30-го мая 1888 г., Ревельской гимназій Императора Николая I: *Рабиновичъ*—съ 10-го октября 1900 г. и *Бауманъ* (сверхштатный)—съ 20-го октября 1900 г., Перновской, *Вишневинъ*—съ 1-го августа 1900 г.; *титулярнаго совѣтника*, врачъ 2-го Либавскаго мужскаго городского начальнаго училища *Экштейнъ*—съ 15-го января 1901 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: сверхштатный ассистентъ при ботаническомъ садѣ Императорскаго Юрьевского университета *Мищенко*—съ 19-го декабря 1902 г., по степени кандидата Императорскаго университета; учителя трехклассныхъ городскихъ училищъ: Либавскаго, *Глыбо*—съ 21-го сентября 1900 г. и Венденскаго: *Соосте*—съ 1-го августа 1900 г. и *Тэтси* (сверхштатный)—съ 15-го сентября 1900 года.

(2-го іюля 1905 года, № 50). По Кавказскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ Кутаисской гимназій *Харламовъ*—съ 8-го сентября 1904 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Бакинской губерніи *Коптыловъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; директоръ Майкопскаго низшаго механико-техническаго Императора Александра III

училища *Даниловъ*—съ 4-го сентября 1903 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Кутаисской губерніи *Судаковъ*—съ 12-го марта 1904 г.; сверхштатный учитель Ейскаго реального училища *Михайловъ*—съ 1-го августа 1904 г.; учитель Ставропольской мужской гимназіи *Добровольскій*—съ 27-го сентября 1904 г.; учителя 1-й Тифлисскаго мужской гимназіи *Авилонъ*—съ 24-го августа 1904 г., *Дьячковъ-Тарасовъ*—съ 1-го сентября 1904 г. и *Стасъ*—съ 27-го сентября 1904 г.; учитель Екатеринодарской мужской гимназіи *Брокъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; учитель Пятигорскаго мужской прогимназіи *Вьюнниковъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе советники: сверхштатный учитель Владикавказскаго реального училища *Соколовскій*—съ 30-го сентября 1904 г.; учителя Бакинскаго реального училища: *Еремьевъ* и *Отрошковичъ*, оба—съ 1-го октября 1904 г.; учитель Бакинскій Императора Александра III мужской гимназіи *Варшамовъ*—съ 13-го сентября 1903 г.; учитель Темиръ-Ханъ-Шуринаскаго реального училища *Зефировъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные советники: преподаватель Ставропольскихъ женскихъ гимназій *Крымскій*—съ 11-го сентября 1902 г.; учитель-наставникъ Эриванской учительской семинаріи *Добротинъ*—съ 5-го октября 1903 г.; учитель Екатеринодарской мужской гимназіи *Сажунъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; учитель Елисаветпольской гимназіи *Порембскій*—съ 25-го іюня 1903 г.; почетный смотритель Бакинскаго Михайловскаго городского училища *Санаровъ*—съ 20-го мая 1904 г.; учитель Бакинскій Императора Александра III мужской гимназіи *Емельяновъ*—съ 27-го апрѣля 1903 г.; учитель Сухумскаго реального училища *Бирюковичъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; инспекторъ Зугдидскаго городского училища *Панкратовъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; учитель приготовительнаго класса Новороссійской мужской гимназіи *Колосовъ*—съ 30-го августа 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Владикавказскаго реального училища *Фуфисовъ*—съ 14-го октября 1904 г.; учитель Шемахинскаго городского училища *Долевъ*—съ 1-го января 1903 г.; учитель Владикавказскаго Николаевскаго шестикласснаго городского училища *Артюновъ*—съ 11-го сентября 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Ейскаго реального училища *Бардакъ*—съ 29-го августа 1904 г.; учитель Грозненскаго Пушкинскаго шестикласснаго городского училища *Масловъ*—съ 18-го ноября 1902 г.; учитель Тифлисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины *Егоровъ*—съ 24-го іюня 1903 г.; врачъ Майкопскаго Императора Александра III техническаго училища *Соловьевъ*—съ 4-го мая 1902 г.; изъ титулар-

ныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель магометанскаго вѣрученія Омарова закона въ татарскомъ отдѣленіи при Закавказской учительской семинаріи бекъ *Эфендіевъ*—съ 1-го августа 1904 г.; учитель-инспекторъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго городского училища *Мустановъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; помощникъ преподавателя ручнаго труда Тифлисскаго Александровскаго учительскаго института *Ивановъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; помощникъ воспитателя пансіона Бакинскаго реальнаго училища *Григорьевъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Елисаветпольской мужской гимназій *Постловъ*—съ 3-го сентября 1904 г.; сверхштатный учитель городского училища при Тифлискомъ Александровскомъ учительскомъ институтѣ *Аникинъ*—съ 1-го августа 1904 г.; учитель Мовдокскаго городского шестикласснаго училища *Бузуловъ*—съ 1-го сентября 1902 года; учитель того же училища *Медведевъ*—съ 31-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные совѣтники*: учитель-инспекторъ Бакинскаго Михайловскаго городского училища *Эрманъ*—съ 10-го іюня 1895 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Владикавказской мужской гимназій, *Гусовъ*—съ 1-го октября 1902 г. и Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища *Бѣлый*—съ 20-го ноября 1902 г.; дѣлопроизводитель IX класса канцеляріи попечителя *Афанасьевъ*—съ 18-го октября 1903 г.; учитель Бакинскаго Михайловскаго 1-го городского училища *Микаберидзе*—съ 31-го августа 1900 г.; учитель приготовительнаго класса Екатеринодарской мужской гимназій *Хрусталева*—съ 25-го августа 1902 г.; учитель Владикавказскаго Николаевскаго городского училища *Лавошкинъ*—съ 21-го августа 1902 г.; учитель Зугдидскаго городского училища *Джунія*—съ 21-го октября 1901 г.; преподаватель Ставропольскихъ женскихъ гимназій *Чуваловъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учитель Тифлисскаго реальнаго училища *Ярошенко*—съ 28-го октября 1900 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: исправляющій должность учителя-завѣдывающаго Бакинскимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ *Ганиевъ*—съ 17-го сентября 1903 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Бакинской Императора Александра III мужской гимназій *Кваліевъ*—съ 25-го января 1903 г.; учитель приготовительнаго класса Шушинскаго реальнаго училища *Аванасьевъ*—съ 7-го августа 1902 г.; смотритель Эриванскаго русско-татарскаго училища бекъ *Нариманбековъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; смотритель Чурукъ-Суйскаго нормальнаго училища *Абакаровъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: письмоводитель Вла-

днѣвказской мужской гимназіи *Рудановскій*—съ 24-го января 1905 г.; помощникъ учителя Нахичеванскаго городского училища *Теръ-Маркаровъ*—съ 1-го августа 1898 г.; помощникъ учителя Зугдидскаго городского училища *Ашортія*—съ 20-го августа 1896 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: канцелярскій служитель канцеляріи попечителя *Ананьевъ*—съ 1-го февраля 1902 г.; письмоводитель Майкопскаго реальнаго училища *Осиповъ*—съ 1-го ноября 1903 г.; смотритель Дыгскаго земскаго двухкласснаго нормальнаго училища Елисаветпольской губерніи *Юзбашевъ*—съ 1-го ноября 1902 г.; смотритель Славянскаго земскаго двухкласснаго нормальнаго училища Елисаветпольской губерніи *Михайловъ*—съ 20-го октября 1896 г.; смотритель Ахутскаго двухкласснаго училища *Маминашвили*—съ 1-го августа 1900 г.; смотритель Саровскаго начальнаго училища Елисаветпольской губерніи *Мирзоевъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; завѣдывающій Мевенскимъ двухкласснымъ станичнымъ приходскимъ училищемъ *Баскаковъ*—съ 24-го ноября 1902 г.; учитель Какобетской сельской школы *Петриашвили*—съ 1-го октября 1888 г.; учитель Кисискевской сельской школы *Рцхладзе*—съ 22-го октября 1887 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учитель Кутаисской мужской гимназіи *Евсипьевъ*—со 2-го декабря 1900 г.; преподаватель Новороссійской мужской гимназіи *Журавлевъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учитель и воспитатель Тифлискаго Александровскаго учительскаго института *Круповскъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель 1-й Тифлисской Великой Княгини Ольги Θεодоровны женской гимназіи *Ильинскій*—съ 15-го августа 1900 г.; учитель Шушинскаго реальнаго училища *Рыбинъ*—съ 15-го октября 1900 г.; учитель Тифлисской 3-й мужской гимназіи *Коневъ*—съ 1-го августа 1900 г.; сверхштатный учитель Тифлисской 3-й мужской гимназіи *Либерманъ*—съ 11-го августа 1900 г.; учитель Батумской мужской гимназіи *Леоновъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель Владикавказской мужской гимназіи *Вопиловъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; врач-преподаватель Кубанской учительской семинаріи *Новицкій*—1-го сентября 1900 г.; преподаватели Ставропольской мужской гимназіи *Шалфневъ*—съ 15-го августа 1900 г., и *Лукинъ*—съ 18-го іюля 1900 г.; *титულлярнаго советника*, врачъ Владикавказскаго реальнаго училища *Билинскій*—съ 1-го октября 1900 г., по степени гварка, *коллежскаго секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ: Тифлисской 1-й мужской гимназіи *Моско*—съ 10-го октября 1898 г. и Тифлискаго реальнаго училища *Патрушевъ*—съ 1-го ноября

1900 г.; учитель Моздокскаго шестикласснаго городского училища *Елоркинъ*—съ 15-го августа 1900 г.; учитель Бакинскаго Михайловскаго городского четырехкласснаго училища *Ованесовъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учитель Дорбентскаго городского училища *Тетеревятниковъ*—съ 15-го февраля 1899 г.; учитель Бакинскаго городского двухкласснаго училища *Степановъ*—съ 10-го сентября 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Владикавказской мужской гимназій *Рясинъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель Ставропольскаго городского шестикласснаго училища *Волобуевъ*—со 2-го апрѣля 1902 г.; учитель Ставропольскаго городского шестикласснаго училища *Ефремовъ*—съ 19-го сентября 1900 г.; *зубернскаго секретаря*, почетный попечитель Владикавказской женской прогимназій *Файдишевичъ*—съ 11-го апрѣля 1901 г., по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета.

Назначаются: директоръ Одесской четвертой гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Борзаковский*—инспекторомъ студентовъ Императорскаго Новороссійскаго университета, съ 1-го іюля; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ международнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ивановскій* исправляющимъ должность ординарнаго профессора того же университета, по кафедрѣ государственнаго права; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ уголовного права, титулярный совѣтникъ *Чубинскій*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ уголовного права и уголовного судопроизводства; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Юрьевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Лунинъ*—директоромъ Либавскаго реальнаго училища; въ званіи камергера Высочайшаго Двора статскій совѣтникъ *фонъ-Дервизъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Рязанской первой гимназій на три года съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ министерству путей сообщенія лѣкарь, коллежскій ассессоръ *Никитинъ*—помощникомъ завѣдывающаго врачебно-санитарною частью учебныхъ заведеній департамента народнаго просвѣщенія.

Перемѣщается директоръ Одесской пятой гимназій, статскій совѣтникъ *Юнгмейстеръ*—директоромъ частной гимназій Юнгмейстера въ г. Одессѣ, съ 1-го іюля.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ, директоры: мужскаго училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вермандеръ* и Бѣлгородскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Комаровъ* и инспекторъ студентовъ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пятницкій*, всѣ трое съ мундирами, означеннымъ должностямъ присвоенными, изъ нихъ: Комаровъ и Пятницкій, съ 1-го іюля, за выслугою срока.

(9-го іюля 1905 года, № 52). Назначается преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Моршанскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Пактовскій*—директоромъ Бѣлгородскаго учительскаго института, съ 1-го іюля.

Утверждается, статскій совѣтникъ *Станкевичъ*—иновъ почетнымъ попечителемъ Острогской гимназіи, согласно избрацію, на три года.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Максимовъ*, инспекторъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, магистръ богословія *Малеванскій* и наставникъ-руководитель гимназіи, состоящей при названномъ институтѣ, статскій совѣтникъ *Михайловскій*—всѣ трое съ мундирами, означеннымъ должностямъ присвоенными, изъ нихъ Малеванскій за выслугою срока.

По Виленскому учебному округу. Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Ковенской губерніи *Сильмуро*—съ 1-го августа 1904 г.; преподаватель Витебской гимназіи *Воскресенскій*—съ 1-го февраля 1905 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: штатный врачъ Гродненскаго начальнаго еврейскаго училища *Роутенштейнъ*—съ 25-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: штатные врачи: Бѣлостокскаго начальнаго еврейскаго училища *Гурвичъ*—съ 12-го января 1900 г. и Мозырской прогимназіи, *Обухсенденъ*—съ 13-го января 1905 г.; учитель-инспекторъ Рѣчицкаго городского училища *Астаповичъ*—съ 12-го сентября 1904 г.; учителя городскихъ четырехклассныхъ училищъ: Двинскаго 2-го, *Росачъ*—съ 26-го іюля 1904 г. и Брестскаго *Ошвейскій*—съ 1-го августа 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: учитель-инспекторъ Городокскаго городского училища *Гали-*

ковъ—съ 1-го августа 1903 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Виленской 1-й, *Киришевскій*—съ 13-го апрѣля 1905 г. и Бобруйской, *Мокроусовъ*—съ 1-го февраля 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: при Виленскомъ учительскомъ институтѣ, *Синицкій*—съ 7-го января 1904 г., Витебскаго 1-го: *Крачковскій*—съ 1-го іюля 1903 г. и *Кривошій*—съ 5-го октября 1904 г., Двинскаго 1-го *Морозъ*—съ 1-го января 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные советники: учителя городскихъ училищъ: Слонимскаго, *Ланпа*—съ 11-го сентября 1901 г., Гродненскаго, *Томасовъ*—съ 16-го августа 1903 г. и Невельскаго, *Эдуръ*—съ 1-го августа 1903 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Виленскаго реальнаго училища *Станкевичъ*—съ 6-го августа 1903 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари, учитель Витебскаго 1-го городского училища *Косцюкевичъ*—съ 1-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари, старшій учитель Кобринскаго приходскаго училища *Михайловъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; въ коллежскіе регистраторы: бывшій учитель приходскаго училища, нынѣ помощникъ классныхъ наставниковъ Двинскаго реальнаго училища *Ясинскій*—съ 1-го сентября 1894 г. и старшій учитель Брестскаго 2-го двухкласснаго приходскаго училища *Чакинъ*—съ 20-го ноября 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго ассесора: преподаватели: Ковенской мужской гимназій, *Климонтновичъ*—съ 1-го сентября 1900 г. и Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, *Голосиновъ*—съ 15-го августа 1901 г.; титулярнаго советника: штатные врачи: Бѣльскаго городского училища, *Мазля*—съ 5-го августа 1900 г. и Тельшевскаго еврейскаго начальнаго училища, *Браудо*—съ 28-го мая 1899 г., оба по степени лѣкаря; учителя Юганшкельскаго училища, имени Карня: *Тоцилинъ* и *Екимовъ*, оба—съ 1-го сентября 1900 г.; учитель рисованія Виленскаго еврейскаго учительскаго института *Ванинъ*—съ 15-го февраля 1901 г.; губернскаго секретаря: бывшіе учителя уѣздныхъ училищъ, нынѣ учителя городскихъ училищъ: Суражскаго, *Рафаловичъ*—съ 1-го августа 1899 г. и Себежскаго, *Бѣлевичъ*—съ 16-го августа 1900 г.; коллежскаго регистратора, бывшій помощникъ учителя, нынѣ учитель Двинскаго 2-го городского училища *Матюшевъ*—съ 1-го августа 1899 г.

(16-го іюля 1905 года, № 55). Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе советники: экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, докторъ медицины *Пенскій*—съ 25-го февраля 1905 г. и Вар-

шавскаго, докторъ медицины *Незнамовъ*—съ 7-го мая 1904 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи *Калужинъ*—съ 27-го февраля 1905 г.; дѣлопроизводитель VI класса отдѣла промышленныхъ училищъ *Максимъ*—съ 5-го февраля 1905 г. и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Кузнецовъ*—съ 4-го сентября 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ сельскаго хозяйства *Широкииъ*—съ 22-го февраля 1905 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ химіи *Красускій*—съ 1-го февраля 1904 г.; адъюнктъ-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ химіи *Семеновъ*—съ 1-го октября 1899 г. и исправляющій должность адъюнктъ-профессора того же института *Шейминъ*—съ 1-го мая 1894 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*—адъюнктъ-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, ученый лѣсоводъ 1-го разряда *Марченко*—съ 4-го декабря 1904 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*: ординарные профессора С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, доктора медицины коллежскіе совѣтники: *Лихачевъ* и *Андюскій*, надворные совѣтники: *Салазкинъ* и *Тонковъ* и докторъ ботаники *Надсонъ*, всѣ пятеро—съ 1-го іюня 1904 г.; *коллежскаго секретаря*—экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ уголовного права *Демченко*—съ 1-го января 1892 г., по диплому первой степени Императорскаго университета.

По Харьковскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учителя: гимназій: Воронежской 1-й, *Сазоновъ*—съ 8-го января 1905 г., Новочеркасской, *Волоткинъ*—съ 1-го ноября 1904 г.; реальныхъ училищъ: Новочеркасскаго, *Подръзовъ*—съ 24-го ноября 1904 г. и Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, *Фрикке*—съ 18-го ноября 1904 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи *Киликовъ*—съ 20-го апрѣля 1903 г.; Императорскаго Харьковскаго университета: прозекторъ при кафедрѣ гистологіи и эмбриологіи *Павловъ*—съ 30-го мая 1899 г., сверхштатный лаборантъ при магнитно-метеорологическомъ отдѣленіи физическаго

кабинета *Поповъ*—съ 22-го іюля 1903 г., помощникъ инспектора студентовъ *Федоровскій*—съ 22-го февраля 1905 г. и наставникъ Екатерининскаго учительскаго института въ гор. Тамбовѣ *Камлевъ*—съ 14-го ноября 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: Императорскаго Харьковскаго университета: сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ систематическаго и клиническаго учения о нагножныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ *Полтавцевъ*—съ 25-го ноября 1903 г.; бывший сверхштатный ординаторъ при офтальмологической клиникѣ *Сивецкій*—съ 5-го декабря 1902 г.; учитель Харьковской 2-й женской гимназій *Педаевъ*—съ 20-го іюля 1903 г.; врачъ Павловскаго реальнаго училища *Максимовъ*—съ 31-го декабря 1903 г. и учитель Фатежскаго городского училища, Курской губерніи, *Подшиваловъ*—съ 6-го сентября 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней Императорскаго Харьковскаго университета *Ряснянскій*—съ 7-го декабря 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Старобѣльской Александровской, *Поповъ*—съ 1-го марта 1905 г., Бѣлгородской е. к. в. герцога Эдинбургскаго, *Зиборовскій*—съ 1-го февраля 1903 г., Сумскаго реальнаго училища, *Тумской*—съ 1-го октября 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Щигровскаго, Курской губерніи, *Бураковъ*—съ 14-го декабря 1903 г., Пензенской губерніи: Мокшанскаго, *Гусевъ*—съ 22-го сентября 1904 г., Саранскаго, *Кочкинъ*—съ 16-го октября 1904 г., Керенскаго, *Лоховъ*—съ 25-го сентября 1904 г. и Таганрогскаго, Донской области, *Тяновъ* (сверхштатный)—съ 1-го августа 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: помощники классныхъ наставниковъ: Бѣлгородской е. к. в. герцога Эдинбургскаго гимназій, *Сулима*—съ 22-го февраля 1903 г. и Новочеркаскаго реальнаго училища, *Даниловъ*—съ 22-го марта 1904 г.; письмоводитель Корочанской Александровской гимназій *Бажневъ*—съ 19-го февраля 1905 г.; учитель Харьковской женской гимназій Е. Н. Драшковой, *Ильинъ*—съ 20-го января 1904 г. и надзиратель Екатерининскаго учительскаго института въ г. Тамбовѣ *Николаевъ*—съ 16-го ноября 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: письмоводители реальныхъ училищъ: Павловскаго, *Кумсовъ*—съ 23-го іюля 1894 г., Новочеркаскаго, *Симкинъ*—съ 3-го февраля 1905 г. и учитель Суджанскаго городского училища, Курской губерніи, *Солдатовъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: письмоводитель Каменскаго реальнаго училища *Рыковскій*—съ 10-го

января 1905 г.; учителя приходскихъ училищъ: Курской губерніи: Дмитріевскаго, *Брызаловъ*—съ 4-го апрѣля 1903 г., 1-го Обоянскаго, *Недрийайловъ*—съ 1-го августа 1897 г., Донской области: Манычскаго, *Луковский*—съ 1-го сентября 1901 г. и Малонесвѣтайскаго, *Ренсковъ*—съ 20-го октября 1904 г.; въ коллежскіе регистраторы: учителя приходскихъ училищъ: Грайворонскаго 2-го, Курской губерніи, *Покровъ*—съ 22-го ноября 1892 г., Усманскаго, Тамбовской губерніи, *Погребенченковъ*—съ 1-го августа 1902 г., Донской области: Новочеркаскаго 3-го, *Валишовъ*—съ 1-го января 1905 г., Мечетинскаго, *Бородинъ*—съ 1-го сентября 1902 г., Нижне-Кундрюческаго, *Васильевъ*—съ 25-го октября 1904 г., Мало-Мечетновскаго, *Воскобойниковъ*—съ 9-го ноября 1902 г., Александровскъ-Грушевскаго, *Кирьевъ*—съ 22-го декабря 1902 г., Александровскаго, *Луковский*—съ 1-го сентября 1904 г., Герновскаго, *Мукаловъ*—съ 21-го сентября 1904 г., Ново-Николаевскаго, *Насоновъ*—съ 1-го сентября 1902 г., 1-го Константиновскаго, *Осиновъ*—съ 1-го сентября 1903 г., Кагальницкаго, *Петровский*—съ 1-го декабря 1899 г., Цымлянскаго, *Поздникинъ*—съ 12-го августа 1904 г., Орѣшкѣвскаго, *Ренсковъ*—съ 20-го сентября 1904 г., Романовскаго, *Холлаховъ*—съ 15-го января 1904 г. и Ольшанскаго, *Хмаринъ*—съ 27-го мая 1904 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго совѣтника инспекторъ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи *Соколинскій*—съ 23-го марта 1901 г.; надворнаго совѣтника преподаватель Харьковскаго технологическаго института императора Александра III, коллежскій секретарь *Цауне*—съ 1-го августа 1903 г., коллежскаго ассессора: учителя: Бѣлгородской е. к. в. герцога Эдинбургскаго гимназіи, *Гунтъ*—съ 18-го іюля 1900 г., Воронежскаго реальнаго училища, *Кендро*—съ 8-го октября 1899 г.; преподаватель Ростовскаго-на-Дону среднетехническаго училища *Москалевъ*—съ 12-го октября 1900 г. и завѣдывающій мастерскими Новочеркаскаго атаманскаго техническаго училища *Хоткевичъ*—съ 1-го ноября 1899 г.; титулярнаго совѣтника Императорскаго Харьковскаго университета: штатный лаборантъ при фармацевтической лабораторіи *Валлико*—съ 23-го мая 1903 г., по степени магистра фармаціи, бывшій сверхштатный ординаторъ при хирургической факультетской клиникѣ, *Зеленинъ*—съ 23-го января 1900 г., по степени лѣкаря; учитель-техникъ Борисовской школы ремесленныхъ учениковъ, Курской губерніи, *Акимовъ*—съ 11-го ноября 1900 г., коллежскаго секретаря: сверхштатный лаборантъ при фармацевтической лабораторіи Император-

скаго Харьковскаго университета *Красовскій*—съ 15-го ноября 1899 г., по званію провизора; помощники классныхъ наставниковъ: Елатомской гимназіи, *Кондратовъ*—съ 23-го октября 1900 г., Воронежскаго реальнаго училища, *Таировъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; надзиратель Ростовскаго-на-Дону соединеннаго средняго механико-химико-техническаго училища *Лосевъ*—съ 11-го декабря 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Курской губерніи: Бѣлгородскаго, *Кулетаевъ*—съ 1-го сентября 1899 г., Щигровскаго, *Пантелеевъ*—съ 31-го августа 1900 г., Моршанскаго, Тамбовской губерніи, *Гриоровъ*—съ 27-го ноября 1900 г., Пензенской губерніи, Нижне-Ломовскаго, *Бѣликовъ*—съ 24-го октября 1900 г. и Городищинскаго, *Сергачевъ*—съ 1-го августа 1900 г.; *губернскаго секретаря*, бывший учитель уѣзднаго училища, нынѣ исправляющій должность учителя Бѣлгородскаго городского училища, Курской губерніи, *Малыхинъ*—съ 30-го октября 1899 г.; *коллежскаго регистратора*, бывший помощникъ учителя Львовскаго городского училища, Курской губерніи, *Косименко*—съ 26-го іюня 1896 г.

Назначается директоръ Ставропольской гимназіи, статскій совѣтникъ *Мельниковъ-Разведенковъ*—директоромъ Моршанскаго реальнаго училища съ 25-го іюня.

Утверждается статскій совѣтникъ *Кушакевичъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Нѣжинскаго низшаго механико-техническаго училища имени А. О. Кушакевича, согласно избранію, на три года, съ 1-го января 1904 г.

Перемѣщаются: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, по кафедрѣ географіи, докторъ геогнозій и минералогіи, статскій совѣтникъ *Кротовъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ геологіи и палеонтологіи, согласно прошенію; директоры гимназій: Елисаветградской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Владычинъ*, Минской, статскій совѣтникъ *Адо*, Бобруйской, статскій совѣтникъ *Бельговскій* и Брестской, статскій совѣтникъ *Преображенскій*—директорами гимназій: Владычинъ Одесской пятой, Адо—Бобруйской, Бельговскій—Брестской и Преображенскій—Минской и директоръ Свислочской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Тихомировъ*—директоромъ Полоцкой учительской семинаріи, всѣ пятеро съ 1-го іюля.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: директоры: Моршанскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Клемъ* и Полоцкой учительской семинаріи, дѣйствительный статскій

совѣтникъ *Смирновъ*, оба—съ мундирами, означеннымъ должностямъ присвоенными, изъ нихъ *Клеммъ*—съ 25-го іюня, а *Смирновъ*—съ 1-го іюля.

(23-го іюля 1905 г., № 57). По Императорскому клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники, исправляющій должность младшаго ассистента, лѣкарь *Драницынъ*—съ 20-го декабря 1904 г., изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники, сверхштатный ассистентъ, докторъ медицины *Яковсонъ*—съ 15-го января 1905 г.

Утверждается въ чинѣ титулярнаго совѣтника со старшинствомъ, сверхштатный ассистентъ *Карловичъ*—съ 7-го сентября 1899 года, по степени лѣкаря.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: главный надзиратель пансіоновъ Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая *Яворовскій*—съ 30-го ноября 1904 г.; учитель Поливановской учительской семинаріи *Андреевъ*—съ 8-го августа 1902 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Тульской губерніи *Модестовъ*—съ 1-го марта 1902 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: *Болотовъ*—съ 1-го октября 1904 г. и *Кузнецовъ*—съ 1-го сентября 1904 г., помощникъ инспектора студентовъ того же училища *Хорошевскій*—съ 27-го августа 1904 г.; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Костромской, *Ширяевъ*—съ 1-го іюня 1904 г., Рязанской, *Булатовъ*—съ 4-го мая 1903 г., Смоленской, *Смирновъ*—съ 20-го октября 1904 г. и Тульской, *Зетрель*—съ 1-го августа 1904 г.; преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: *Уримовъ*—съ 11-го декабря 1904 г., *Новицкій*—съ 12-го января 1905 г., *Лактинъ*—съ 4-го января 1905 г., завѣдующій сборно-механическою мастерскою того же училища *Шварцманъ*—съ 1-го января 1905 г.; учитель Московской 7-й гимназіи въ память Императора Александра III *Покровский*—съ 1-го октября 1904 г.; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Оссовскій*—со 2-го января 1905 г.; врачъ 2-го Смоленскаго городского училища *Прайсъ*—съ 29-го октября 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Шуховъ*—съ 15-го марта 1905 г., члены-соревнователи попечительнаго совѣта того же учи-

лица: *Грейнеръ*—съ 15-го марта 1905 г. и *Пынтка*—съ 5-го марта 1905 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи *Хайловъ*—съ 26-го ноября 1898 г.; лаборанты: Императорскаго Московскаго технического училища: по кафедрѣ технологіи волокнистыхъ веществъ, *Картовъ*—съ 1-го января 1905 г., и по кафедрѣ физики, *Крутъ*—съ 21-го сентября 1904 г. и Императорскаго Московскаго университета при институтѣ судебной медицины, *Кусковъ*—съ 9-го іюля 1903 г., сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ общей патологій того же университета *Кожинъ*—съ 31-го октября 1903 г.; учителя: гимназическихъ классовъ: Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, *Сokolovъ*—съ 1-го сентября 1902 г., Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, въ Москвѣ (сверхштатный), *Силиничъ*—съ 16-го сентября 1903 г., Ярославской гимназій, *Ермолаевъ*—съ 1-го ноября 1903 г., Скопинскаго реальнаго училища, *Думанъ*—съ 15-го марта 1898 г., Рыбинской Маріинской женской гимназій, *Евграфовъ*—съ 24-го октября 1903 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: *Ветлужскаго*, *Боюмоловъ*—съ 1-го октября 1903 г. и Муромскаго, *Самойловъ*—съ 4-го января 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: *Буйскаго*, *Павловъ*, *Ветлужскаго*, *Батуевъ*—оба съ 27-го іюля 1903 г., *Переславскаго*, *Горстинъ*—съ 1-го сентября 1903 г., *Иваново-Вознесенскаго*: *Борисовъ*—съ 21-го сентября 1900 г. и *Шанинъ*—съ 31-го октября 1898 г., *Саложковскаго*, *Кабаковъ*—съ 16-го сентября 1904 г., *Данковскаго*, *Карабиновъ*—съ 28-го октября 1903 г., *Рязскаго*, *Горюстаевъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; учитель Киржачской школы ремесленныхъ учениковъ *Башилавинъ*—съ 30-го іюля 1903 г.; врачъ Саложковскаго ремесленнаго училища *Стахановъ*—съ 4-го апрѣля 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Касимовскаго средняго семикласснаго технического училища *Стенькинскій*—съ 1-го іюля 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: членъ-соревнователь почетительнаго совѣта Комисаровскаго технического училища *Васильевъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; сверхштатный ассистентъ при факультетской терапевтической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета *Пибартъ*—съ 9-го апрѣля 1900 г.; учитель-инспекторъ Крапивненскаго городского училища *Знаменскій*—съ 1-го іюля 1902 г.; завѣдующій Рославльскою низшею ремесленною школою имени М. К. Мухина *Юзефовичъ*—съ 23-го января 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: завѣдывающій 2-мъ Брянскимъ, *Борисовъ*—съ 1-го февраля 1903 г., *Буйскаго*, *Москачевъ*, *Галичскаго*, *Корженевскій*, оба—съ 19-го августа 1903 г., *Нерехтскаго*, *Шаровъ*—

съ 14-го апрѣля 1904 г., Плесскаго, *Простовъ* — съ 1-го октября 1903 г., Юрьевецкаго Города-Мнядовскаго, *Веселовскій* — съ 19-го августа 1903 г., Муромскаго, *Наумовъ* — съ 1-го октября 1900 г. и Вязниковскаго, *Кульковъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Соколовъ* — съ 1-го іюля 1904 г.; завѣдывающій студенческимъ общежитіемъ имени Императора Николая II и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Числовъ* — съ 22-го марта 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Крапивненскаго, *Чеплевскій* — съ 12-го августа 1902 г., Иваново-Вознесенскаго, *Таракановъ* — съ 19-го августа 1900 г., Вязниковскаго, *Сперанскій* — съ 1-го августа 1900 г., Чухломскаго, *Кулакинъ* — съ 1-го сентября 1904 г., Елецкаго, *Війтолинъ* — съ 1-го августа 1902 г., Болховскаго, *Заусайловъ* — съ 1-го августа 1901 г., Скопинскаго, *Михайловъ* — съ 1-го января 1900 г., Малоархангельскаго: *Травинскій* — съ 1-го іюля 1896 г. и *Семеновъ* — съ 1-го іюля 1897 г., Касимовскаго, *Морозовъ* — съ 11-го февраля 1903 г.; помощникъ учителя Дорогобужскаго городского училища *Алмазовъ* — съ 10-го февраля 1902 г.; письмоводитель и бухгалтеръ женской гимназіи фонъ-Дервизъ, въ Москвѣ, *Гороховъ* — съ 19-го декабря 1903 г.; преподаватель школы колористовъ, состоящей при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ *Фаддеевъ* — съ 16-го января 1904 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: почетный смотритель Тульскаго ремесленнаго училища *Шембель* — съ 25-го іюня 1904 г.; помощникъ дѣлопроизводителя Императорскаго Московскаго техническаго училища *Любимовъ* и помощникъ бухгалтера того же училища, *Кречетковъ*, оба — съ 1-го января 1905 г., изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Матоневъ* — со 2-го января 1905 г.; почетный смотритель Бронницкаго городского училища *Зиминъ* — съ 16-го іюля 1904 г.; бывшій помощникъ учителя, нынѣ учитель 1-го Брянскаго городского училища *Кодинъ* — съ 20-го августа 1900 г.; учителя приходскихъ училищъ: Кромскаго, *Парнасскій* — съ 10-го іюня 1903 г., Александровскаго, *Лебедевъ* — съ 20-го сентября 1887 г. и при Рязанской 2-й гимназіи, *Головинъ* — съ 12-го ноября 1903 г.; учитель искусствъ Иваново-Вознесенскаго городского училища *Шерловичъ* — съ 1-го января 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя-завѣдывающіе приходскими училищами: Николаевскимъ Большесольскимъ, *Баевъ* — съ 8-го іюня 1904 г., Лухскимъ, *Соколовъ* — съ

24-го октября 1904 г., Константиновскимъ, *Клодкинъ*—съ 10-го октября 1904 г. и Мирохановскимъ, *Успенскій*—съ 15-го сентября 1902 г., учитель Владимірскаго 1-го приходскаго училища *Горюховскій*—съ 14-го декабря 1903 г.; фельдшеръ Императорской Екатерининской больницы, въ Москвѣ, *Ширевъ*—съ 20-го декабря 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаго советника—преподаватель исполняющій обязанности инспектора частнаго реальнаго училища К. К. Мазинга, въ Москвѣ, *Модестовъ*—съ 1-го июня 1900 г.; *надворнаго советника*—доцентъ Демидовскаго юридическаго лица *Голубевъ*—съ 7-го ноября 1904 г.; *коллежскаго ассессора*: приватъ-доцентъ и сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ физиологіи Императорскаго Московскаго университета *Шатерниковъ*—съ 1-го мая 1899 г., штатный ассистентъ при госпитальной хирургической клиникѣ того же университета *Нанажковъ*—съ 4-го декабря 1901 г., врачъ Кологривскаго городского училища *Гурвичъ*—съ 9-го мая 1894 г., всѣ трое по степени доктора медицины; лаборантъ при механической лабораторіи Императорскаго Московскаго техническаго училища *Цирумъ*—съ 31-го августа 1904 г.; преподаватели гимназій: Ярославской, *Овсейскій*—съ 1-го января 1900 г. и частной женской Бесѣ, въ Москвѣ, *Луневскій*—съ 23-го февраля 1901 г.; наставники учительскихъ семинарій: Поливановской, *Шеленинъ*—съ 15-го сентября 1900 г. и Новинской, *Захаревъ*—съ 10-го августа 1900 г.; учителя частной женской гимназіи Л. О. Ржевской, въ Москвѣ: *Мендельсонъ*—съ 12-го сентября 1900 г. и *Дмитровскій*—съ 16-го февраля 1900 г.; инспекторъ Саложковскаго ремесленнаго училища *Иерусалимскій*—съ 23-го ноября 1899 г.; учитель-инспекторъ шеолы ремесленныхъ учениковъ нижегородскихъ цеховыхъ *Домашневъ*—съ 1-го января 1900 г.; *штатнаго советника*: помощникъ прозектора при кафедрѣ гистологіи Императорскаго Московскаго университета *Ивановъ*—съ 16-го марта 1900 г., сверхштатные лаборанты того же университета: при медицинской химической лабораторіи, *Макеевъ*—съ 29-го января 1900 г. и при госпитальной хирургической клиникѣ, *Савостьяновъ*—съ 9-го сентября 1897 г., сверхштатные ассистенты того же университета: при кафедрѣ хирургической патологіи, *Щежанъ*—съ 21-го сентября 1897 г., при терапевтическомъ отдѣленіи клиникъ, *Кожеевниковъ*—съ 15-го мая 1895 г., при кафедрѣ физиологіи, *Юдинъ*—съ 18-го апрѣля 1899 г., при клиникѣ нервныхъ болѣзней, *Ивановъ* (Николай)—съ 7-го марта 1898 г., при факультетской хирургической клиникѣ, (бывшій) *Орловъ*—съ 20-го февраля 1899 г., при

клиникѣ дѣтскихъ болѣзней, *Сперанскій*—съ 12-го ноября 1899 г., при терапевтическомъ отдѣленіи клиникѣ, *Струновъ*—съ 23-го мая 1898 г. и при клиникѣ дѣтскихъ болѣзней, *Раръ*—съ 18-го сентября 1900 г.; врачъ при Новинской учительской семинаріи *Тишковъ*—съ 7-го іюля 1900 г., всѣ двѣнадцать по степени дѣкара; *коллежскаго секретаря*: штатный лаборантъ при лабораторіи технической химіи Императорскаго Московскаго университета *Ушаковъ*—съ 29-го мая 1904 г., сверхштатные лаборанты того же университета: при лабораторіи неорганической и физической химіи *Прозинъ*—съ 25-го ноября 1903 г., при лабораторіи органической и аналитической химіи: *Челмицель*—съ 29-го ноября 1903 г. и *Мозеръ*—съ 26-го марта 1904 г., при кабинетѣ физической географіи, *Вильборгъ*—съ 26-го февраля 1904 г., сверхштатные ассистенты того же университета: при зоологическомъ музеѣ, *Некрасовъ*—съ 26-го марта 1904 г., при кафедрѣ геологіи, *Иловайскій*—съ 17-го апрѣля 1904 г., всѣ семеро по диплому первой степени Императорскаго университета, сверхштатный лаборантъ при физическомъ институтѣ того же университета *Гоніусъ*—съ 24-го сентября 1903 г., по званію инженеръ-механика; сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ того же университета, *Пэркъ*—съ 19-го февраля 1904 г., по степени кандидата Императорскаго университета; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Аваевъ*—съ 1-го февраля 1902 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; учителя городскихъ училищъ: Михайловскаго, *Поручиковъ*—съ 1-го октября 1899 г., Спасскаго, *Федяевъ*—съ 1-го августа 1899 г., Любимскаго, *Макшеевъ*—съ 1-го января 1900 г., Александровскаго, (бывшій) *Марковъ*—съ 1-го августа 1898 г., Костромскаго, *Горячкинъ*—съ 20-го августа 1900 г., Нерехтскаго, *Градусовъ*—съ 1-го августа 1899 г.; Чухломскаго, *Каминниковъ*, Серпуховскаго, (сверхштатный) *Ежовъ*, оба—съ 18-го августа 1900 г., Карачевскаго, (сверхштатный) *Зубцовъ*—съ 1-го іюня 1900 г., Юхновскаго, *Хализовскій*—съ 18-го августа 1900 г., Ешифановскаго, *Нестеровъ*—съ 27-го декабря 1900 г.; помощникъ воспитателя Смоленскаго дворянскаго пансіонъ-пріюта *Чернацкій*—съ 15-го августа 1900 г., въ измѣненіе статьи о немъ, помѣщенной въ Высочайшемъ приказѣ текущаго года, за № 16; *коллежскаго регистратора*: помощники учителя городскихъ училищъ: Орловскаго, *Ивановъ*—съ 4-го ноября 1898 г., Внѣвскаго, *Скачковъ*—съ 1-го ноября 1900 г., Покровскаго, (бывшій, нынѣ учитель) *Ковалевъ*—съ 20-го августа 1897 г. и Данковскаго, (бывшій, нынѣ учитель) *Шев-*

ляковъ—съ 12-го февраля 1899 г.; домашніе учителя дирекцій народныхъ училищъ: Московской, Шанинъ—съ 8-го іюня 1904 г. и Ярославской, Спасивцевъ—съ 1-го февраля 1904 г.

Назначается ординарный профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Тонковъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета, по кафедрѣ анатоміи.

Утверждается инспекторъ мужскаго училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви свв. Петра и Павла, въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Шахъ*—директоромъ названнаго училища.

IV. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (11-го мая 1905 года, № 9334). *О размѣрѣ содержанія лицъ преподавательскаго персонала, призванныхъ по случаю мобилизаціи изъ запаса на военную службу, и ихъ замѣстителей.*

Вслѣдствіе возбужденнаго попечителемъ Московскаго учебнаго округа вопроса о размѣрѣ содержанія лицъ преподавательскаго персонала, призванныхъ по случаю мобилизаціи на дѣйствительную военную службу изъ запаса, министерство народнаго просвѣщенія разъяснило (въ отношеніи отъ 2-го сентября 1904 г., за № 1886), что подъ содержаніемъ, сохраняемымъ, по ст. 32 уст. о воин. повин., за тѣми изъ преподавателей учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, которые, состоя въ запасѣ, призваны на дѣйствительную службу по случаю мобилизаціи, надлежитъ разумѣть только штатное содержаніе за 12 нормальныхъ уроковъ и что, на основаніи примѣчанія къ ст. 562 т. III уст. о службѣ правит. изд. 1896 г., выдача вознагражденія лицамъ, замѣщающимъ преподавателей, призванныхъ изъ запаса, не носитъ обязательнаго характера, почему такое лишь въ случаяхъ настоятельной необходимости, за невозможностью иначе обезпечить правильный ходъ преподаванія, должно быть относимо на спеціальныя средства учебнаго заведенія.

Подвергнувъ нынѣ новому разсмотрѣнію, въ связи съ отзывомъ государственнаго контроля, вопросъ о вознагражденіи преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, призванныхъ изъ запаса на военную службу, и ихъ замѣстителей, министерство народнаго просвѣщенія пришло къ заключенію, что подъ содержаніемъ, оставляемымъ, въ

силу ст. 32 уст. о воин. повин., за означенными преподавателями, слѣдуетъ разумѣть *все* содержаніе, какое преподаватель получалъ до призыва за уроки, за исправленіе письменныхъ работъ, за классное наставничество, за обязанности бібліотекаря и секретаря педагогическаго совѣта, если онъ таковыя исполнялъ, подобно тому, какъ это установлено по отношенію къ преподавателямъ, подвергшимся сумасшествію. Что же касается упомянутаго выше примѣчанія къ ст. 562 т. III св. зак., уст. о службѣ гражд. изд. 1896 г., то примѣчаніе это, въ виду особыхъ условий учебной службы и установленнаго закономъ порядка вознагражденія преподавателей, не можетъ во всей полнотѣ быть примѣняемо ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ.

Посему и въ отмѣну приведеннаго выше разъясненія министерство народнаго просвѣщенія находитъ необходимымъ преподать къ руководству подлежащихъ учебныхъ начальствъ слѣдующія указанія:

1. Преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній, призванные на дѣйствительную службу изъ запаса, сохраняютъ за собою *все* содержаніе, которое они получали до призыва, въ томъ числѣ вознагражденіе за дополнительные, сверхъ 12, уроки, за исправленіе письменныхъ работъ, классное наставничество, исполненіе обязанностей бібліотекаря или секретаря педагогическаго совѣта.

2. Расходъ по выдачѣ вознагражденія замѣстителямъ преподавателей, призванныхъ на дѣйствительную службу изъ запаса, подлежитъ отнесенію на штатныя средства учебнаго заведенія; въ случаѣ недостаточности ихъ — на спеціальныя средства учебнаго заведенія; въ случаѣ же недостаточности и этого источника можетъ быть возбужденъ вопросъ объ отнесеніи расхода полностью или въ извѣстной части на общіе остатки отъ смѣтныхъ назначеній по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

2. (16-го іюня—4-го іюля 1905 года, № 11657). *О программахъ преподаванія въ мужскихъ гимназіяхъ законовѣдѣнія и философской пропедевтики.*

Въ циркулярномъ предложеніи моемъ отъ 5-го сего іюня, за № 10974, указано, что съ 1905—1906 учебнаго года въ VII-омъ классѣ большинства мужскихъ гимназій должно быть введено преподаваніе законовѣдѣнія при одномъ урокѣ въ недѣлю и философской пропедевтики при двухъ урокахъ въ недѣлю, а въ VIII-омъ классѣ тѣхъ же гимназій въ 1906—1907 учебномъ году надлежитъ продол-

жать преподаваніе названныхъ предметовъ при двухъ урокахъ по каждому изъ нихъ.

Препровождая при семъ къ вашему превосходительству выработанныя въ ученомъ комитетѣ и утвержденныя мною программы психологіи для VII-го класса, логики для VIII-го класса и законовѣднія для VII-го и VIII-го классовъ мужскихъ гимназій, съ объяснительными записками къ этимъ программамъ, считаю нужнымъ объяснить, что при обсужденіи вопроса о введеніи въ курсъ гимназій философской пропедевтики признано было необходимымъ ограничиться преподаваніемъ въ VII-омъ классѣ психологіи, а въ VIII-омъ классѣ логики, не внося въ учебный планъ гимназій ни введенія въ философію, ни исторіи философіи. Изъ двухъ послѣднихъ наукъ введеніе въ философію, рассматривающее различныя возможныя рѣшенія философскихъ проблемъ, есть предметъ университетскаго преподаванія; въ среднюю же школу слѣдуетъ вводить какъ можно меньше предположеній и гипотезъ и останавливаться, по преимуществу, на твердо установленныхъ наукою фактахъ. Что же касается исторіи философіи, то на изученіе оной при четырехъ урокахъ, назначенныхъ на философскую пропедевтику, не достанетъ времени, такъ какъ для успѣшнаго прохожденія психологіи и логики упомянутое число уроковъ необходимо признать минимальнымъ.

Засимъ, принимая во вниманіе почти полное отсутствіе среди нѣшняго преподавательскаго персонала гимназій лицъ, подготовленныхъ къ преподаванію законовѣднія и психологіи, я нахожу возможнымъ, впредь до подготовки учителей названныхъ выше новыхъ, въ курсѣ гимназій, предметовъ, допустить временно къ преподаванію психологіи лицъ, окончившихъ курсъ православныхъ духовныхъ академій, а къ преподаванію законовѣднія какъ лицъ, окончившихъ курсъ юридическаго факультета, такъ и наличныхъ преподавателей другихъ предметовъ, преимущественно исторіи, достаточно подготовившихся къ преподаванію сего предмета. Дабы предоставить означеннымъ преподавателямъ возможность изучить нѣкоторыя юридическія сочиненія, въ особенности по энциклопедіи права, я, согласно съ мнѣніемъ ученаго комитета, нахожу полезнымъ рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки соответственныхъ мужскихъ гимназій книги, показанныя въ объяснительной запискѣ къ прилагаемой при семъ программѣ законовѣднія.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство, для надлежащихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу.

ПРОГРАММА ЗАКОНОВѢДЕНІЯ ДЛЯ МУЖСКИХЪ ГИМНАЗИИ.

(Курсъ VII и VIII классовъ).

Введеніе.

Необходимость и формы общежитія. Необходимость правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между людьми. Требованія религіи, нравственности, справедливости и права и взаимныя отношенія и различіе между ними.—Цѣль, содержаніе и значеніе права. — Положительное право.—Источники права: обычай, законъ.—Дѣйствіе закона во времени, по мѣсту и по лицамъ.—Кодификація законовъ.— Полное собраніе законовъ. Сводъ законовъ. Понятія объ юридическихъ наукахъ и законовѣдѣніи.

I.

Государственное право.

Отношеніе государственныхъ законовъ къ гражданскимъ. Понятіе о государствѣ и его элементахъ. I. Народъ. Подданство. II. Территорія. III. Верховная власть. Глава государства. Происхожденіе государства.

Формы государственнаго устройства. Монархія и ея виды. Монархія неограниченная, ограниченная сословнымъ представительствомъ и народнымъ представительствомъ. Республика. Сложныя формы государственнаго устройства.

Элементы Русскаго государства. I. Верховная власть. Существо верховной власти. Замѣщеніе престола. Правительство и опека при несовершеннолѣтїи Императора. Коронованіе и миропомазаніе. Титуль и гербъ. Учрежденіе Императорской фамиліи.

Дѣятельность верховной власти въ области законодательства. Процессъ образованія закона. Обнародованіе закона. Дѣятельность верховной власти въ сферѣ управленія.

Органы русской верховной власти.

Органы верховнаго управленія: государственный совѣтъ. Совѣтъ и комитетъ министровъ. Органы подчиненнаго управленія. Правительствующій сенатъ. Святѣйшій правительствующій синодъ. Министерства и равныя имъ установленія. Предметы вѣдомства министерствъ: управленіе международными дѣлами, управленія военное, финансовое

судобнос, внутреннее управленіе и церковное управленіе. Организація министерствъ. Министерства въ отдѣльности. Мѣстные органы подчиненнаго управленія. Правительственные органы мѣстнаго управленія. Начальники губерній. Губернское правленіе и другія учрежденія. Органы мѣстнаго общественнаго управленія. Дворянскія учрежденія. Крестьянскія учрежденія. Земскія учрежденія: земскія собранія и земскія управы. Городскія учрежденія: городскія думы и городскія управы. II. Народъ. Состоянія: дворянство, духовенство, городскіе обыватели, сельскіе обыватели, инородцы. Иностранцы. Права и обязанности населенія. III. Территорія.

II.

Гражданское право и гражданскій процессъ.

Понятіе о гражданскомъ правѣ. Вѣтви гражданскаго права. Субъектъ и объѣктъ права. Физическія и юридическія лица. Правоспособность и дѣеспособность лица.

Семейственное право. Условія вступленія въ бракъ. Опекa и попечительство.

Наслѣдственное право. Наслѣдованіе по завѣщанію и по закону.

Вещное право. Виды вещей. Право собственности. Составныя части права собственности: владѣніе, пользованіе, распоряженіе. Виды права собственности. Ограниченіе права собственности. Способы приобрѣтенія права собственности. Укрѣпленіе правъ на имущество. Прекращеніе права собственности.

Обязательственное право. Виды обязательствъ. Источники обязательствъ. Договоръ, главнѣйшіе виды договоровъ.

Гражданское судопроизводство въ общихъ чертахъ.

III.

Уголовное право и уголовное судопроизводство.

Понятіе объ уголовномъ правѣ. Уголовное преступленіе и его отношеніе къ гражданскому преступленію. Виновики преступнаго дѣянія. Вмѣляемость и причины, ее устраняющія. Предметъ преступнаго дѣянія. Преступное дѣяніе. Внутренняя сторона преступнаго дѣянія. Умыселъ и неосторожность. Вишняя сторона преступнаго дѣянія. Участіе въ преступленіи. Право наказанія. Роды наказаній. Важнѣйшіе виды уголовныхъ преступленій.

Уголовное судопроизводство въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Объяснительная записка къ программѣ законовѣдѣнія.

Курсъ законовѣдѣнія распредѣляется между VII и VIII классами слѣдующимъ образомъ. Въ VII классѣ (при 1 урокѣ) должно быть пройдено введеніе и государственное право до вопроса „Элементы Русскаго государства“, а въ VIII классѣ (при 2 урокахъ)—государственное право, начиная съ вопроса „Элементы Русскаго государства“, гражданское и уголовное право.

Курсъ законовѣдѣнія долженъ дать учащимся въ связномъ, доступномъ и систематическомъ изложеніи необходимыя для каждаго образованнаго человѣка свѣдѣнія о дѣйствующемъ законодательствѣ и основывающемся на немъ государственномъ и общественномъ строѣ Россіи и представить сжатую, но въ основныхъ чертахъ полную картину существующаго порядка, по которой ученикъ могъ бы получить ясное представленіе о своихъ отношеніяхъ къ государству и согражданамъ. Въ курсѣ законовѣдѣнія не должно быть введено изложеніе юридическихъ контроверзъ, спорныхъ положеній и юридическихъ теорій. Въ немъ слѣдуетъ ограничиваться только сообщеніемъ необходимыхъ основныхъ положеній изъ теорій права, которыя являются ключемъ къ пониманію и сознательному усвоенію свѣдѣній изъ области положительнаго права. При изученіи отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ надлежитъ обращаться къ исторіи ихъ происхожденія и приводить историческія справки въ мѣрѣ необходимой для уясненія ихъ современнаго значенія. При такой постановкѣ преподаванія законовѣдѣнія будутъ избѣгнуты съ одной стороны отвлеченность и связанная съ нею недоступность предмета пониманію учениковъ средней школы, а съ другой—устраена будетъ та сухость предмета, которая можетъ произойти отъ заполнения его одними только положеніями, взятыми изъ дѣйствующихъ законовъ.

Планъ преподаванія законовѣдѣнія наиболѣе цѣлесообразно можетъ быть установленъ тѣмъ порядкомъ прохожденія отдѣльныхъ частей этого предмета, который намѣченъ въ программѣ. Изученію отдѣльныхъ частей курса должно предшествовать введеніе, въ которомъ должны быть кратко охарактеризованы разнообразныя формы общенія, установлены основныя понятія о правѣ, его значеніи и формахъ проявленія (обычай и законъ), а также сообщены свѣдѣнія о разныхъ юридическихъ наукахъ и опредѣленъ предметъ законовѣдѣнія. Затѣмъ надлежитъ перейти къ изученію началъ государственнаго права, рас-

крывающаго элементы государственнаго строя, ихъ юридическое положеніе и взаимное отношеніе. Изучивъ область государственныхъ отношеній, слѣдуетъ перейти къ изученію юридической природы частныхъ отношеній между людьми и ихъ охраны, что составляетъ предметъ гражданскаго права и процесса. Этотъ отдѣлъ курса предполагаетъ знакомство съ основами государственнаго правопорядка и потому долженъ слѣдовать за предыдущимъ, а не предшествовать ему.

Наконецъ, третій отдѣлъ (уголовное право и уголовное судопроизводство), посвященный изученію карательной дѣятельности государства, долженъ замыкать собою изученіе отношеній государственной и частной жизни, ибо карательная дѣятельность государства направлена на обезпеченіе защищаемыхъ правомъ благъ какъ жизни государственной, такъ и частной, а слѣдовательно предполагаетъ знакомство какъ съ государственнымъ строемъ, такъ и съ сферой гражданскихъ отношеній.

Въ качествѣ учебныхъ руководствъ наиболѣе отвѣчаютъ приведенной выше программѣ слѣдующія книги:

1. *Жуковскій*. Курсъ законовѣдѣнія.
2. *Солодовниковъ*. Законовѣдѣніе.

Но могутъ быть употребляемы въ качествѣ руководствъ и другія, имѣющіяся въ продажѣ, книги, а именно:

1. *Бакиссъ*. Курсъ закоповѣдѣнія. 1883 г.
2. *Долбинъ*. Курсъ законовѣдѣнія.
3. *Мушниковъ*. Русскіе государственные и гражданскіе законы.
4. *Чижевъ*. Законовѣдѣніе.

Для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки рекомендуются слѣдующія книги:

1. *Коркуновъ*. Лекціи по общей теоріи права.
2. *Меркель*. Юридическая энциклопедія. С.-Пб. 1902 г.
3. *Коркуновъ*. Русское государственное право, т. I—II.
4. *Шершеневичъ*. Русское гражданское право.
5. *Энтельманъ*. Учебникъ гражданскаго судопроизводства.
6. *Сергѣевскій*. Русское уголовное право. С.-Пб. 1905 г.
7. *Случевскій*. Курсъ уголовного судопроизводства, I—II.

Сверхъ того могутъ быть полезными для тѣхъ же библіотекъ слѣдующія книги:

8. *Ренненкампфъ*. Юридическая энциклопедія.
9. *Хвостовъ*. Общая теорія права. М. 1905 г.

10. *Рейльсбергеръ*. Общее ученіе о правѣ. Перев. Базанова. М. 1897 г.
11. *Градовскій*. Начала русскаго государственнаго права, т. I—III.
12. *Алексеевъ*. Русское государственное право.
13. *Мейеръ*. Русское гражданское право. Изд. подъ ред. проф. Гольмстена.
14. *Гольмстенъ*. Учебникъ гражданскаго судопроизводства.
15. *Тазанцевъ*. Русское уголовное право, I—II. С.-Пб. 1902 г.
16. *Фойтшицкій*. Курсъ уголовного судопроизводства.

ПРОГРАММА ФИЛОСОФСКОЙ ПРОПЕДЕВТИКИ ДЛЯ МУЖСКИХЪ ГИМНАЗІЙ.

А. Программа психологіи.

(Курсъ VII класса).

1. Предметъ психологіи. Отличіе душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ. Задачи психологіи.
2. Самонаблюденіе и его трудности. Наблюденіе надъ душевной жизнью другихъ и его слабыя стороны. Экспериментъ, какъ вспомогательный способъ изученія душевныхъ явленій.
3. Связь душевныхъ явленій съ тѣлесными. Нервная система, какъ органъ душевной жизни.
4. Ясное сознаніе и его узоотъ. Вниманіе, его виды и условія. Разсѣянность и ея виды.
5. Дѣленіе душевныхъ явленій на три класса.
6. Ощущеніе. Физическія и физиологическія условія ощущеній. Дѣленіе ощущеній. Ощущенія органическія и моторныя. Ощущенія отдѣльныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Психофизическіе опыты Вебера.
7. Воспроизведеніе и его виды. Воспріятіе и узнаваніе. Иллюзіи. Воспріятія внѣшнія и внутреннія. Представленія. Отличіе представленій отъ воспріятій. Образованіе ассоціацій, сохраненіе и воспроизведеніе представленій. Воспоминаніе въ отличіе отъ воспроизведенія.
8. Воображеніе, его матеріалъ, приемы и виды. Пассивное воображеніе. Творческое воображеніе и его значеніе въ искусствѣ, наукѣ и жизни.
9. Мышленіе и его отличіе отъ воспріятія и воображенія. Основ-

ныя формы мышленія. Понятіе и его отличіе отъ представленія. Образование понятій; слово и его значеніе. Сужденіе и увѣренность. Умозаключеніе.

10. Чувствованія и ихъ свойства. Классификація чувствованій. Общая характеристика такъ называемыхъ физическихъ чувствованій, ихъ отличіе отъ ощущеній. Чувствованія, вызываемыя представленіями. Формальные и предметныя чувствованія. Эгоистическія и симпатическія чувствованія. Чувствованія эстетическія, интеллектуальныя, нравственныя и религіозныя. Аффекты и ихъ виды. Настроеніе.

11. Прирожденныя стремленія и главнѣйшіе виды ихъ. Желанія, склонности и страсти. Воля. Волевой процессъ. Свобода воли и ея отношеніе къ разуму. Нравственный характеръ. Виды произвольныхъ дѣйствій. Дѣятельность воли въ области мышленія. Происхожденіе произвольныхъ движеній. Отношеніе воли къ чувствованіямъ. Привычка и ея значеніе въ душевной жизни.

12. Единство душевной жизни. Личность. Самопознаніе.

Объяснительная записка къ программѣ психологій.

Преподаваніе философской пропедевтики (т. е. психологій и логики) въ гимназіяхъ будетъ въ значительной степени способствовать общему развитію учениковъ: учениковъ, которые ограничатся среднимъ образованіемъ или поступятъ въ высшія техническія заведенія, философская пропедевтика въ извѣстной мѣрѣ ознакомитъ и заинтересуетъ новой для нихъ областью знанія, играющей въ исторіи культуры такую выдающуюся роль, что незнаніе ея не можетъ быть оправдано; тѣмъ же, которые поступятъ въ университетъ, изученіе философской пропедевтики дастъ возможность болѣе плодотворнаго занятія наукою, такъ какъ ознакомитъ ихъ съ научными методами и съ фактами психической жизни.

Въ частности, отъ преподаванія психологій слѣдуетъ ждать значительнаго расширенія кругозора учениковъ. Учебные предметы, преподаваемые въ гимназіяхъ, знакомятъ учениковъ съ объективнымъ міромъ или же съ продуктами человѣческаго творчества (какъ напр., предметы историческіе и филологическіе), но о субъектѣ и его дѣятельности въ этихъ предметахъ не говорится. Такимъ образомъ, въ психологій ученики впервые знакомятся съ тѣмъ дѣятелемъ, который лежитъ въ основѣ всѣхъ историческихъ явленій. Это вызоветъ въ ученикахъ болѣе вдумчивое отношеніе къ окружающимъ ихъ явле-

ніямъ и къ самимъ себѣ и положить основу для созданія въ будущемъ болѣе глубокаго и правильнаго міросозерцанія, чѣмъ то, которое составляетъ въ настоящее время столь обычное явленіе. Значеніе психологіи для пониманія историческихъ явленій всегда сознавалось болѣе или менѣе ясно; но дѣлать психологію предметомъ преподаванія было невозможно вслѣдствіе неразработанности этой науки; главнымъ образомъ второй половинѣ XIX вѣка мы обязаны тѣмъ, что теперь въ психологіи имѣется достаточное количество твердо установленныхъ и объясненныхъ фактовъ, такъ что сообщеніе ихъ можетъ стать учебнымъ предметомъ, открывающимъ ученикамъ доступъ къ пониманію ихъ собственнаго субъективнаго міра.

Въ теоретическомъ отношеніи непосредственной цѣлью преподаванія психологіи должно быть достиженіе яснаго пониманія учениками своеобразнаго характера главнѣйшихъ душевныхъ явленій, связи ихъ въ цѣломъ душевной жизни и особенностей въ методахъ ознакомленія съ фактами душевной жизни; въ практическомъ отношеніи—выработка въ ученикахъ навыка вглядываться въ душевныя явленія и давать себѣ отчетъ въ ихъ составѣ и вліяніи другъ на друга, а также выработка привычки къ сознательному чтенію.

Для достиженія этихъ цѣлей преподавателю рекомендуется имѣть въ виду слѣдующія указанія:

1. Въ программѣ предполагается лишь изложеніе психологіи, какъ науки, основанной на данныхъ опыта; относительно же ихъ метафизическаго истолкованія преподаватель можетъ, если найдетъ необходимымъ, коснуться главнѣйшихъ философскихъ направленій въ рѣшеніи вопросовъ о душѣ. Если онъ, въ виду близкой связи психологіи съ этикой и эстетикой, найдетъ удобнымъ и желательнымъ разъяснить попутно нѣкоторые вопросы, относящіеся къ этикѣ и эстетикѣ, то программа предоставляетъ ему эту возможность; но въ виду вышеуказанныхъ задачъ преподаватель при этихъ отступленіяхъ долженъ заботиться, чтобы ученики ясно понимали разницу въ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ душевныя явленія разсматриваются въ психологіи, этикѣ и эстетикѣ.

2. Изъ положеній, относящихся къ опыту, слѣдуетъ внимательно разсматривать лишь твердо установленныя, о гипотезахъ же только упоминать, не разбирая ихъ детально.

3. Весь курсъ психологіи долженъ изучаться вполне нагляднымъ образомъ, такъ чтобы преподаватель всегда отправлялся отъ данныхъ внутренняго опыта учащагося и постоянно подтверждалъ ими всѣ свои

положенія, иллюстрируя ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько это позволяетъ время, примѣрами, заимствованными изъ изящной литературы. Если же преподавателю придется ссылаться на факты, устанавливаемые экспериментальнымъ путемъ, то слѣдуетъ при этомъ описать, какъ именно ставятся и производятся эксперименты, а если позволять время и средства, то и демонстрировать ихъ.

4. Весь учебный матеріалъ намѣченъ въ программѣ лишь самыми общими штрихами, дабы не стѣснять преподавателя указаніемъ всѣхъ частныхъ и предоставить ему право, для достиженія вышеуказанныхъ цѣлей преподаванія, углубляться въ анализъ и описаніе отдѣльных фактовъ душевной жизни либо съ большей, либо съ меньшей подробностью, глядя по составу класса и количеству учебныхъ часовъ. Такимъ образомъ, программа указываетъ лишь *minimum* того матеріала, который при нѣкоторомъ навыкѣ къ преподаванію психологіи можетъ быть пройденъ въ одинъ годъ при двухъ урокахъ въ недѣлю. Если же почему либо и этотъ *minimum* окажется неосуществимымъ—что особенно легко можетъ случиться въ первое время при отсутствіи учебника—то для достиженія цѣли преподаванія полезнѣе сполна пропустить нѣкоторыя главы, чѣмъ равномерно сжимать изложеніе всѣхъ еще непройденныхъ частей, ибо польза изученія психологіи зависитъ отъ той умственной работы, которая производится при наглядномъ описаніи и анализѣ фактовъ душевной жизни; а чрезмѣрно краткое изложеніе, страдающее отсутствіемъ наглядности, не можетъ имѣть значенія для развитія учениковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, преподавателю не слѣдуетъ упускать изъ виду, что вслѣдствіе тѣсной связи душевныхъ явленій между собой при разсмотрѣніи каждаго изъ нихъ приходится касаться и другихъ, такъ что изложеніе психологіи можно вести въ различномъ порядкѣ. Поэтому преподаватель не обязанъ строго держаться порядка, указаннаго въ программѣ, но можетъ дѣлать отступленія, путемъ которыхъ онъ, по его собственному убѣжденію, легче достигнетъ назначенныхъ ему цѣлей преподаванія.

Въ цѣляхъ болѣе сознательнаго усвоенія пройденнаго преподавателю слѣдуетъ поощрять учениковъ къ чтенію рекомендуемыхъ имъ книгъ, при чемъ, однако, преподаватель долженъ сообразоваться съ тѣмъ, чтобы это чтеніе не отвлекало учениковъ отъ другихъ обязательныхъ занятій.

Въ качествѣ учебныхъ пособій при прохожденіи психологіи можно рекомендовать слѣдующія книги:

Бэнъ, А. Психологія. М. 1902 г.

Гейдинъ. Очеркъ психологій, основанной на опытѣ. С.-Пб. 1898 г.

Джемсъ. Психологія. С.-Пб. 1896 г.

Леддъ. Очеркъ элементарной психологій. С.-Пб. 1900 г.

Селли. Основныя начала психологій въ примѣненіи ея къ воспитанію. С.-Пб. 1897 г.

Снетиревъ. Психологія. Харьковъ. 1893 г.

Ушинскій. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія (сокращенное изданіе въ одномъ томѣ).

Фонсегривъ. Элементы психологій. 2-е изд. Серг. Пос. 1903 г.

Изъ названныхъ сочиненій заслуживающими особой рекомендаціи слѣдуетъ признать три, а именно: Ледда, Селли и Фонсегрива.

Для усгѣбности преподаванія психологій необходимо, чтобы гимназическія бібліотеки были пополнены произведеніями, въ которыхъ учителя и ученики могли бы почерпнуть необходимыя для нихъ свѣдѣнія; въ виду этого можно рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки гимназій слѣдующія книги:

Апри. Современное состояніе экспериментальной психологій, ея методы и задачи. М. 1900 г.

Винъ. Введеніе въ экспериментальную психологію. С.-Пб. 1903 г.

„ Измѣненіе личности. С.-Пб. 1894 г.

Вундтъ. Очеркъ психологій. С.-Пб. 1897 г.

„ Основанія физиологической психологій. М. 1887 г.

Гартманъ. Современная психологія. М. 1902 г.

Гельмгольцъ. Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ. С.-П. 1875 г.

„ Популярныя лекціи.

Геринъ. Пространственное чувство и движеніе глаза. С.-Пб. 1887 г.

Гербартъ. Психологія. С.-Пб. 1895 г.

Голоцкий. Программа психологій. Кіевъ. 1880 г.

Гротъ. Психологія чувствованій. С.-Пб. 1880 г.

Кавелинъ. Задачи психологій. С.-Пб. 1872 г.

Карпентеръ. Основанія физиологій ума. С.-Пб. 1877—1886 г. 2 т.

Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ. Физиологія органовъ чувствъ. М. 1900 г.

Ланге. Душевныя движенія. С.-Пб. 1896 г.

Липпсъ. Самосовнаніе. С.-Пб. 1903 г.

Лоэкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. М. 1898 г.

Лотце. Микрокосмъ, I—III. М. 1866 г.

Маудсли. Физиологія и патологія души. С.-Пб. 1871 г.

Поповъ. Естественный нравственный законъ. Серг. Пос. 1897 г.

- Потебня.* Мысль и языкъ. Харьковъ. 1892 г.
- Рибо.* Болѣзни памяти. С.-П. 1881 г. Исслѣдованіе аффективной памяти. 1899 г.
- „ Творческое воображеніе. С.-Пб. 1901 г. Эволюція общихъ идей. М. 1898 г.
- „ Психологія вниманія. С.-Пб. 1890 г. Психологія чувствъ. Кіевъ. 1897 г.
- „ Болѣзни воли. С.-Пб. 1884 г. Болѣзни личности. С.-Пб. 1886 г.
- „ Характеръ. С.-Пб. 1899 г. Современная англійская психологія. М. 1881 г.
- „ Современная германская психологія. С.-Пб. 1895 г.
- Смитъ.* Теорія нравственныхъ чувствъ. С.-Пб. 1868 г.
- Соколовъ.* Вѣра. М. 1902 г.
- Соколовъ.* Читенія по педагогической психологіи. Екатер. 1904 г.
- Спенсеръ.* Психологія. 4 тома. С.-Пб. 1876 г.
- Титченеръ.* Очерки психологіи. С.-Пб. 1898 г.
- Тьюкъ.* Духъ и тѣло. М. 1888 г.
- Тэнъ.* Объ умѣ и познаніи. С.-Пб. 1894 г.
- Ульрици.* Нравственная природа человѣка.
- Челпановъ.* О памяти. С.-Пб. 1903 г.
- „ Мозгъ и душа. С.-Пб. 1903 г.
- „ Проблема воспріятія пространства. К. 1896—1904 гг.
2 тома.
- Вопросы философіи и психологіи.
- Вѣстникъ психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма.
- Сикорскій.* Всеобщая психологія съ фізіогномикой. Кіевъ. 1904 г.
- Прейеръ.* Душа ребенка. 1891 г.
- Штерринъ.* Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи. С.-Пб. 1903 г.
- Необходимо, чтобы и ученическія бібліотеки приобрѣли нѣкоторые психологическія сочиненія, какъ на примѣръ:
- Балдуинъ.* Психологія въ примѣненіи къ воспитанію. М. 1904 г.
- Вундтъ.* Душа человѣка и животныхъ. 2-е изд. С.-Пб. 1894 г.
- Джемсъ.* Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. М. 1902 г.
- Кейра.* Воображеніе и память. С.-Пб. 1896 г.
- „ Характеръ и нравственное воспитаніе. С.-Пб. 1897 г.
- Компейре.* Элементарный курсъ психологіи. С.-Пб. 1892 г.
- Лесафъ.* Семейное воспитаніе ребенка. С.-Пб. 1893 г.

- Флекситъ.* Мозгъ и душа. С.-Пб. 1897 г.
Лотце. Основаніе психологія. С.-Пб. 1884 г.
Пейо. Самовоспитаніе воли, С.-Пб. 1899 г.
Рише. Опытъ общей психологія. С.-Пб. 1895 г.
Страховъ. Обь основныхъ понятіяхъ фізіологіи и психологіи.
 С.-Пб. 1874 г.
Тиндаля. Рѣчь о значеніи воображенія.
Тома. Воспитаніе чувствъ. С.-Пб. 1901 г.
 „ Нравственность и воспитаніе. С.-Пб. 1900 г.
Циенъ. Фізіологическая психологія. С.-Пб. 1893 г.

В. Программа логики.

(Курсъ VIII класса).

1. Предметъ и задача логики.
Отличіе точекъ зрѣнія логики и психологіи на мышленіе.

I.

2. Понятіе, содержаніе и объемъ понятій. Различіе и взаимоотношенія понятій по объему и содержанію.
3. Сужденіе и предложеніе, какъ словесное его выраженіе. Матерія и форма сужденій. Дѣленіе сужденій по количеству, качеству и модальности. Категорическія, условныя и раздѣлительныя сужденія.
4. Непосредственное умозаключеніе и его виды. Опосредствованныя умозаключенія: а) категорическій силлогизмъ. Дѣленіе силлогизма на фигуры. Условный и раздѣлительный силлогизмы и ихъ виды. Энтимема. Сорить; в) индукція полная и неполная; с) аналогія; д) математическіе выводы.
5. Логическіе законы мышленія и ихъ значеніе.

II.

6. Послѣднія послышки научнаго знанія: а) данныя опыта и опредѣленія; в) истины очевидныя.
7. Опредѣленіе и его виды. Ошибки въ опредѣленіяхъ. Термины.
8. Раздѣленіе понятій на виды. Правила раздѣленія понятій; отношеніе раздѣленія понятій къ классификаціи.
9. Доказательство прямое и непрямое. Неправильныя доказательства.

10. Естественно-научное изслѣдованіе и его задачи. Законы природы. Наблюденіе и свидѣтельство. Экспериментъ. Методы индуктивнаго выясненія причинной связи между явленіями: Гипотеза и ея значеніе.

11. Система, какъ форма изложенія науки.

Объяснительная записка къ программѣ логики.

Преподаваніе логики въ VIII классѣ гимназій, при двухъ недѣльных часахъ, имѣетъ цѣлью нѣкоторое завершеніе научнаго образованія. Ученикамъ гимназій сообщаютъ свѣдѣнія изъ различныхъ областей знанія, касающихся частью міра физическаго, частью міра духовнаго, но учениковъ не знакомятъ съ наукой, какъ таковой. Преподаваніе логики и имѣетъ въ виду заполненіе этого пробѣла; въ логикѣ ученики познакомятся съ составомъ науки и съ средствами, путемъ которыхъ наука создается, т. е. съ приемами установки научной истины. Преподаваніе логики несомнѣнно послужитъ дѣлу умственнаго образованія учениковъ и, въ практическомъ отношеніи, научитъ ихъ разбираться какъ въ своихъ, такъ и въ чужихъ доводахъ.

Въ основу программы положены слѣдующіе принципы.

1. Программа обозначаетъ минимумъ свѣдѣній, которыя необходимо сообщить ученикамъ. Преподавателю, однако, предоставляется право расширять ту или иную часть программы, соотвѣтственно особымъ условіямъ, напр., особой даровитости класса, особаго интереса къ какой-либо отрасли знанія и т. д. Такъ, напр., въ главѣ объ умозаключеніяхъ преподаватель можетъ указать также простѣйшія формы математической вѣроятности. Равнымъ образомъ преподаватель, говоря объ экспериментъ въ естествознаніи, можетъ обратить вниманіе на вспомогательныя построенія въ геометріи и указать на то значеніе, которое они имѣютъ въ геометрическихъ доказательствахъ. Говоря о математическихъ выводахъ, программа имѣетъ въ виду лишь простѣйшіе математическіе выводы, дѣлаемые на основаніи аксіомы равенства двухъ величинъ одной и той же третьей.

2. Программа предоставляетъ преподавателю какъ свободу выбора учебника логики изъ числа допущенныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ равно и свободу расположенія учебнаго матеріала. Преподаватель можетъ, если посчитетъ сіе необходимымъ, переставить порядокъ изложенія нѣкоторыхъ отдѣловъ ло-

гики. Такъ, напр., преподаватель можетъ начать изложеніе логики съ ученія о сужденіи, а потомъ уже перейти къ ученію о понятіяхъ. Такой порядокъ, пожалуй, болѣе правильный, и ежели программа отстываетъ отъ него, то только потому, что почти всѣ существующіе учебники логики начинаютъ свое изложеніе съ ученія о понятіяхъ. Равнымъ образомъ преподаватель можетъ помѣстить главу о законахъ мысли непосредственно послѣ ученія о сужденіяхъ. Подобныя же перестановки допустимы и въ методологін; напр., преподаватель можетъ соединить изложеніе ученія о понятіяхъ съ ученіемъ объ опредѣленіи и раздѣленіи ихъ.

3. Преподаваніе логики должно вести такъ, чтобы все содержаніе ея было постоянно выясняемо на примѣрахъ, доступныхъ пониманію учениковъ и заимствованныхъ изъ соотвѣтственныхъ областей знанія, дабы ученики могли отчетливѣе усвоить себѣ логическія положенія и уснить себѣ ихъ значеніе въ наукѣ. Такъ, дедуктивные приемы мысли необходимо объяснять на примѣрахъ, заимствованныхъ изъ области математическихъ наукъ, а наблюденіе и экспериментъ иллюстрировать примѣрами изъ естествознанія, въ особенности физики.

Весьма полезно выработать въ ученикахъ навыкъ къ анализу предложенныхъ имъ примѣровъ, а также и къ подыскиванію ими самими новыхъ примѣровъ и къ рѣшенію логическихъ задачъ въ родѣ тѣхъ, которыя предложены въ логикахъ Девонса, Минто и А. Schullte-Tiggess'a (Philosophische Propädeutik. Berlin, 1898).

4. Въ программу логики не включены историческія указанія; изъ нея исключены даже нѣкоторые термины, обычно встрѣчающіеся въ курсахъ логики, какъ напр., анализъ, синтезъ, категория и др. Преподаватель можетъ, ежели будетъ имѣть достаточно времени и ежели пожелаетъ, привести всѣ необходимыя историческія справки, касающіяся возникновенія и значенія этихъ терминовъ; такъ, говоря объ индукціи, преподаватель можетъ разъяснить ученіе Сократа, Бэкона и Милля и указать на различное пониманіе индукціи этими мыслителями; далѣе, говоря о силлогизмѣ, преподаватель можетъ разъяснить значеніе Аристотеля, а разъясняя ученіе о понятіяхъ, упомянуть о номинализмѣ. Сообщеніе ученикамъ историческаго матеріала и ознакомленіе ихъ съ философскою терминологіей, безъ сомнѣнія, имѣетъ нѣкоторое значеніе; но преподаватель не долженъ упускать изъ виду, что главная цѣль преподаванія логики состоитъ въ томъ, чтобы ученики усвоили тотъ minimum знаній, который опредѣляется программой.

Въ качествѣ учебныхъ руководствъ при прохожденіи курса логики рекомендуются слѣдующія книги:

- Минто.* Дедуктивная и индуктивная логика. 1900 г.
Троицкій, М. Элементы логики. 1887 г.
Владиславлевъ. Учебникъ логики. С.-Пб. 1901 г.
Сотвиллингъ. Учебникъ логики. С.-Пб. 1901 г.
Джевонсъ. Элементарный учебникъ логики. С.-Пб. 1881 г.
Козловскій. Краткій учебникъ логики. 1894 г.

Для приобрѣтенія въ библиотеки гимназій рекомендуются слѣдующія книги:

а) въ ученическія библиотеки старшаго возраста:

- Ламе, Н.* Основы логики (по Зигварту). 1898 г.
Портыцкій, П. Изъ области математической логики. М. 1902 г.
Уэтли. Основанія логики. Пер. Шимкова. С.-Пб. 1873 г.
Дюамель. Методы умозрительныхъ наукъ. С.-Пб. 1867 г.
Валковъ. Логическое исчисленіе. С.-Пб. 1888 г.
Смирновъ. Основныя понятія и методы наукъ. Казань. 1896 г.
Фрейсине. Очерки по философіи и математикѣ. С.-Пб. 1902 г.
Лаландъ. Этюды по философіи наукъ. 1896 г.
Шопенгауэръ, А. Эристика. Пер. кн. Цертелева. С.-Пб. 1890 г.

б) въ фундаментальныя библиотеки:

- Снеширевъ.* Логика. 1901 г.
Милль. Система логики. М. 1897—99 гг.
Бэконъ. Собраніе сочиненій, 2 т., пер. Бябикова. 1874 г.
Аристотель. Сочиненія, имѣющіяся въ русскомъ переводѣ.
Владиславлевъ. Логика. 2 изд. 1881 г.
Каринскій. Классификація выводовъ. С.-Пб. 1880 г.
Джевонсъ. Основы наукъ. С.-Пб. 1881 г.
Триделенбургъ. Логическія изслѣдованія. М. 1868 г.
Спенсеръ. Психологія. С.-Пб. 1876 г.
Гель. Логика. М. 1861 г.
Троицкій, М. Учебникъ логики, въ 3 частяхъ. 1888 г.
Милль. Изслѣдованіе философіи Гамельтона. М. 1894 г.
Чичеринъ. Основанія логики и метафизики. М. 1894 г.
Уэвель. Исторія индуктивныхъ наукъ. С.-Пб. 1869 г.
Контъ. Курсъ положительной философіи. С.-Пб. 1899—1900 гг.
Липпсъ. Основы логики. С.-Пб. 1902 г.

- Матъ.* Научно-популярныя очерки. М. 1901 г.
Гершель. Философія естествознанія. С.-Пб. 1868 г.
Либихъ. Бэконъ Веруламскій. С.-Пб. 1866 г.
Пуэнкаре. Наука и гипотеза. 1903 г.
Зеленогорскій. Математическій, метафизическій, индуктивный и критическій методы. 1877 г.
Лейбфельдъ. Современныя направленія въ логикѣ. 1890 г.
 „ Логическое ученіе объ индукціи. С.-Пб. 1890 г.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Воиновъ, А.* Прямолинейная тригонометрія съ собраніемъ задачъ. 6-е изданіе. Павловскъ н/Д. 1904. Стр. 99. Цѣна 70 коп.“

— „*Темномыровъ, Аполлоній.* 1) Молитвы, священная исторія и богослуженіе православной церкви. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1904. Стр. 160. Цѣна 15 коп. — 2) О вѣрѣ и жизни христіанской. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гербачъ, В. С.* 1) Русскія прописи круглаго шрифта и образцы другихъ болѣе употребительныхъ шрифтовъ. 8-е изданіе, Д. Д. Полуобояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 50 коп.—2) Прямое письмо, новыя русскія прописи. 14-е изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 20 коп.—3) Русская скоропись. 10-е изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 40 коп.“ (для низшихъ классовъ, въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Смирновскій, П.* Маленькая русская хрестоматія. Изданіе 5-е,

А. Я. Панафидина. М. 1903. Стр. VIII+110. Цѣна 15 коп., въ пакѣ 20 коп., въ перепл. 25 коп.* (для приготовительныхъ классовъ).

— „Смирновскій, П. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Часть II. Время отъ Ломоносова до Карамзина. Изд. 10-е, А. Я. Панафидина. М. 1904. Стр. VIII+464. Цѣна въ перепл. 1 р. 40 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „Соколовъ, А. Ѡ. Репетиціонныя карты. 17 листовъ.“

— „Тюленевъ, П. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для письменнаго и устнаго изложенія. «Петербургскій учебный магазинъ». С.-Пб. 1905. Стр. 249+V. Цѣна 75 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „Ушинскій, К. Дѣтскій міръ и хрестоматія. Изд. 40-е, пересм. Я. Н. Наумовымъ. Часть I-я. С.-Пб. 1905. Стр. III+200+74. Цѣна 50 коп.“ (также для низшихъ училищъ).

— „Цезарь, Гай Юлій. Записки о Галльской войнѣ. Книга VII. Объяснилъ А. Трейманъ. Ковно. 1905. Часть I: текстъ. Стр. 42.— Часть II: комментарий. Стр. XII+48+1. Цѣна 50 коп.“ (для гимназій и прогимназій).

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній ¹⁾:

— „Вольногорскій, П. По бѣлу свѣту. Вып. III. Амазонка, паприца рѣкъ Южной Америки. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1905. Стр. 275. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для средняго возраста).

— „Гегббдингъ, Гаральдъ. Философскія проблемы. Переводъ съ нѣм. Г. А. Котляра. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 104. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Кильдтисевскій, Н. П. Описаніе поѣздки по Россіи группы учениковъ Астраханскаго реальнаго училища лѣтомъ 1904 года. Астрахань. 1905. Стр. 112. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Мюрхедъ, Д. Х. Основныя начала морали. (Elements of Ethics). Переводъ подъ ред. Л. Е. Оболенскаю. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Стр. XV+207. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста).

⊙ „По Азиатской и Европейской Турціи. (Изъ книги Gugo Grothe: «Auf türkischer Erde»). Переводъ О. Романовой, подъ ред. С. Григорьева. М. 1904. Стр. II+171. Цѣна 1 р.“ (въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ).

¹⁾ Книги, отмѣченныя знакомъ ⊙, допущены также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— „Толковая Библия, или Комментарій на всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Заветъ. Подъ ред. *А. П. Лопухина*. Томъ I. Пятовннжіе Моисеево. (Общедоступная богословская библиотека. Вып. 14). С.-Пб. 1904. Стр. XVI+669+3.“

— „*Фабръ*. Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ «Энтомологическихъ воспоминаній». Томъ II. Переводъ съ франц. *Е. Шевыревой*. Подъ ред. *Ив. Шевырева*. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1905. Стр. VII+607. Цѣна 3 р.“ (для старшаго возраста и въ ученическія библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также признать заслуживающею рекомендаціи посредствомъ особаго циркуляра для выдачи ученикамъ упомянутыхъ учебныхъ заведеній въ качествѣ награды).

— „*Щелювъ, В. Г.* Правительствующій сенатъ. (Общедоступная библиотека правовѣднія, издаваемая обществомъ распротр. полезн. книгъ подъ ред. *Г. С. Фельдштейна*). М. 1904. Стр. 54. Цѣна 5 коп.“ (также въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній).

© „*Щенкина, Е.* Читенія по исторіи Россіи въ осмнадцатомъ вѣкѣ. Выпускъ I. Государственный строй. С.-Пб. 1905. Стр. 8+263. Цѣна 1 р. 20 коп.“ (для старшаго возраста).

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Ельсинъ, А.* Русская грамматика по способу наведенія. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Югансона. Кіевъ. 1904. Выпускъ I. Курсъ пригтовительнаго и перваго класса. Стр. V+119. Цѣна 40 коп.—Выпускъ II. Курсъ втораго и третьаго класса. Стр. II+72. Цѣна 25 коп.“ (для младшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была переработана согласно указаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Бретъ-Гартъ*. Калифорнійскіе рассказы. Переводъ съ англ. подъ ред. *С. Бриллианта*. Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 518. Цѣна 1 р. 50 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Гюнтеръ, З. Исторія географическихъ открытій и успѣхи землевѣдѣнія въ XIX вѣкѣ. Переводъ Л. Д. Симицкаго. Подъ ред. Д. Н. Анучина. М. 1903. Стр. 188. Цѣна 1 р.“—рекомендовать вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки, равно какъ въ спеціальныя педагогическія библіотеки при педагогическихъ классахъ женскихъ гимназій.

— Таблицу-картину: „Мѣры предупрежденія и леченія холеры. С.-Пб. 1905. Цѣна 2 коп.“—допустить въ среднія и низшія учебныя заведенія, въ качествѣ классной стѣнной таблицы, а равно и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжки изданія т-ва И. Д. Сытина: „Дружбинъ, П. 1) Обь умѣ и нравахъ волковъ и шакаловъ. М. 1905. Стр. 39. Цѣна 10 коп., въ папкѣ 20 коп.—2) Обь умѣ и нравахъ лисицъ. М. 1905. Стр. 56. Цѣна 15 коп., въ папкѣ 25 коп.—3) Обь умѣ и нравахъ птицъ. М. 1905. Стр. 31. Цѣна 10 коп., въ папкѣ 20 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки „Дѣтской библіотечки т-ва И. Д. Сытина“: „Скопинъ, Вл. 1) Горилла. (По Брэму). М. 1905. Стр. 31. Цѣна 6 коп.—2) Гіэна. (По Брэму). М. 1905. Стр. 31. Цѣна 6 коп.—3) Обезьяны. (По Брэму). М. 1905. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Иманаевъ, М. Русское слово. Часть I. Букварь. Изд. 3-е, вновь перераб. и доп. Казань. 1905. Стр. 32+IV. Цѣна 15 коп.“ (для татарскихъ и башкирскихъ начальныхъ училищъ и для классовъ русскаго языка при мектебахъ и медрессахъ).

— „*Страховъ, Н.* Грамотка-первинка. Харьковъ. 1905. Стр. 44. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Ушинскій, К. Д.* Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Азбука и 1-я послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 130-е. С.-Пб. 1905. Стр. IV+110. Цѣна 25 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Силаховъ, А.* Руководство къ составленію учениками домашнихъ сочиненій въ связи съ систематическимъ въкласснымъ чтеніемъ. Изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе» (Учительская библіотека). М. 1903. Стр. 240. Цѣна 60 коп.“

— „*Страховъ, Н.* Руководство къ обученію грамотѣ. Методическое пособіе при обученіи по «Грамоткѣ-первинкѣ». Харьковъ. 1905. Стр. 72. Цѣна 40 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Шельцель, К. Э.* Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ. Часть 1-я. Изд. 7-е, испр., Эмиля Берндта. Одесса. 1905. Стр. 151. Цѣна 1 р.“ (для инородческихъ начальныхъ училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній ¹⁾:

— „*Бахметева, А. Н.* Бесѣды Спасителя. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1901. Стр. 80. Цѣна 15 коп.“

— „*Бахметева, А. Н.* Начало христіанства въ Россіи и крещеніе Руси при великомъ князѣ Владимірѣ. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „*Бахметева, А. Н.* Преподобные Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Бахметева, А. Н.* Притчи Господни. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 72. Цѣна 15 коп.“

¹⁾ Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Водовозова, Е. Н. На отдыхъ. Разказы для дѣтей. Изд. 2-е, испр. и доп. С.-Пб. 1905. Стр. 193. Цѣна въ папкѣ 85 коп.“

— „Водовозовъ, В. И. Разказы и стихотворенія для дѣтей. Изд. 3-е, значит. дополн. С.-Пб. 1904. Стр. 175. Цѣна въ папкѣ 75 коп.“

— „Горбунова, Е. Человѣкъ или Три испытанія. Сказаніе по Карменъ Сильвѣ. № 527. М. 1905. Стр. 47. Цѣна 3 коп. — То же на лучшей бумагѣ. Цѣна 5 коп.“

— „Засодимскій, П. Аля. Изъ біографіи одной маленькой дѣвочки. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 40. Цѣна 15 коп., въ папкѣ 25 коп.“

— „Засодимскій, П. Изъ дневника Андрея Муратова. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 56. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 30 коп.“

— „Засодимскій, П. Лютиль. Разказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 40. Цѣна 15 коп., въ папкѣ 25 коп.“

— „Кудрялицевъ, В. Пустыница. Разказъ изъ лѣтописей первыхъ вѣковъ христіанства. Изд. 4-е, А. Д. Ступина. М. 1901. Стр. 60. Цѣна 10 коп.“

— „Лукашевичъ, Клавдія. Медаль. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 32. Цѣна 10 коп., въ папкѣ 20 коп.“

— „Лукашевичъ, Клавдія. Нянька-Ванька. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 32. Цѣна 10 коп., въ папкѣ 20 коп.“

— „Лукашевичъ, Клавдія. Птичница Агаея. Разказъ. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. 37. Цѣна 50 коп.“

— „Митропольскій, Ив. Дѣти лейтенанта. Повѣсть. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 72. Цѣна 40 коп.“

— „Нольде, М. П. Послушаемъ! Разказы для дѣтей. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 94. Цѣна 50 коп.“

— „Орловъ, М. А. Какъ добывается крахмалъ? Изд. П. В. Луквицкова. С.-Пб. 1904. Стр. 76. Цѣна 15 коп.“

— „Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай въ ночь съ 14-го на 15-е іюня 1877 года. Изд. В. А. Березовскаго. (Солдатская бібліотека. 14-й комплектъ. № 272). С.-Пб. 1902. Стр. 62. Цѣна 15 коп.“

— „Полевой, П. Св. Алексій, митрополитъ Московскій. Изд. А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „Полевой, П. Св. Стефанъ, просвѣтитель Пермской земли. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 30. Цѣна 10 коп.“

— „Солнышко. Ежемѣсячный журналъ. Редакторъ-издатель Але-

кстѣй *Альмедитенъ*. С.-Пб. Подписная цѣна 1 рубль въ годъ.“ (по предварительной подпискѣ).

— *„Хирьяковъ, А. Бѣлый невольникъ. Разсказъ. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1905. Стр. 34. Цѣна 15 коп.“*

— *„Хмелева, О. Н. Марья-кружевница. Повѣсть. Изд. «Посредника». № 27. М. 1905. Стр. 47. Цѣна 3 коп.—То же на лучшей бумагѣ. Цѣна 5 коп.“*

г) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки ¹⁾:

— *„Абаза, К. К. Бесѣда про японца. Издалъ В. Березовскій. С.-Пб. 1905. II, Первые съ нимъ встрѣчи, на морѣ и на сушѣ. Стр. 42. Цѣна 20 коп.—III. Какъ онъ наступалъ на Манчжурскую землю. Стр. 76. Цѣна 30 коп.“*

— *„Блаассенгъ, Митр. Ив. Глиновѣдѣніе. Кирпичное производство. Изд. книжн. склада «Глиновѣдѣніе». С.-Пб. 1904. 1) Нажимной способъ формованія сырца для строительнаго кирпича. Стр. 31. Цѣна 20 коп.—2) Чимарный способъ формованія сырца для строительнаго кирпича. Стр. 28. Цѣна 20 коп.—3) Подпятный способъ формованія сырца для строительнаго кирпича. Стр. 32. Цѣна 20 коп.—4) Три способа сушки сырца для строительнаго кирпича безъ большихъ затратъ. Стр. 42. Цѣна 30 коп.—5) Кирпичевѣлательныя машины „Геркулесъ“ и „Эврика“ и ихъ дѣйствіе въ сравненіи съ ручной выдѣлкой сырца-кирпича. Стр. 80. Цѣна 50 коп.—6) Рисунки къ сочиненію „Ручной способъ формованія сырца для строительнаго кирпича“. 78 рисунковъ. Цѣна 30 коп.“*

— *„Вѣдомости сельскаго хозяйства и промышленности. (Органъ южно-русск. общества поощр. землед. и сельск. промышл.). Кіевъ. Выходить два раза въ недѣлю. Подписная цѣна на годъ 4 руб.“ (по предварительной подпискѣ).*

— *„Гари, Гестъ, Крамеръ, Лассиръ-Ковъ. Обработка камней и земель, и технологія химическихъ производствъ. Полный переводъ съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. В. В. Эвальда, А. А. Байкова и Н. К.*

---

¹⁾ Книга, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки высшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ университетскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Ремпена. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». (Промышленность и техника. Томъ VII). С.-Пб. 1902—1903. Выпуски I—V.“

— *Данилинъ, И.* Панкратычъ. Изд. Вятскаго товарищества. № 12. Вятка. 1903. Стр. 17. Цѣна 3 коп.“

— *Дорожинъ, Г. Н.* Новый способъ борьбы съ вредителями садовъ посредствомъ окуриванія. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хозяйственная библиотека). С.-Пб. 1904. Стр. 59. Цѣна 30 коп.“

— *Еуровъ, С. Ф. I.* Чужая бѣда. II. Нищія. Два разсказа. Изд. «Посредника». № 520. М. 1905. Стр. 47. Цѣна 3 коп. — То же на лучшей бумагѣ. Цѣна 5 коп.“

— *Елматьевскій, С.* Гекторъ. Разсказъ. Изд. Вятскаго товарищества. № 6. Вятка. 1903. Стр. 36. Цѣна 5 коп.“

— *Короленко, Вл.* Пріемышъ. (Быль). Изд. «Посредника». № 119. М. 1905. Стр. 16. Цѣна 1½ коп.“

— *Кржишталовичъ, Н. И.* Описаніе печей комнатныхъ, кухонныхъ, русскихъ крестьянскихъ, банныхъ, ретирадныхъ, водогрѣйныхъ, сушильныхъ (снопосушитель и зерносушитель), кирпичныхъ маленькихъ печей взаи́мъ чугунокъ, черепицеобжигательныхъ и углеобжигательныхъ. (Общедоступныя изданія Новгородскаго губернскаго земства. № 17). 3-е изд. Новгородъ. 1904. Стр. IV+177+44. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— *Мельшинъ, Л.* Кобылка въ пути. Разсказъ. Изд. «Посредника». № 404. М. 1905. Стр. 63. Цѣна 3 коп.—То же на лучшей бумагѣ. Цѣна 5 коп.“

— *Мещерскій, И.* Народная школа и сельское хозяйство. Сборникъ статей (1887—1904 гг.). С.-Пб. 1905. Цѣна 1 руб. 25 коп.“

— *Наживинъ, И.* Великая истина. Разсказъ. Изд. «Посредника». № 525. Стр. 32. Цѣна 1½ коп.—То же на лучшей бумагѣ. Цѣна 3 коп.“

— *Семеновъ, С. Т.* Брюханы. Разсказъ. Изд. «Посредника». № 530. М. 1905. Стр. 64. Цѣна 3 коп.—То же на лучшей бумагѣ. Цѣна 5 коп.“

— *Сертьенко, П.* Галя. Романъ. Изд. М. В. Ключкина. М. 1905. Стр. 176. Цѣна 60 коп.“

— «Солдатская библиотека. Изд. В. А. Березовскаго. 14-й комплектъ. №№ 264—277. 279. 280. С.-Пб. 1901—1904. Цѣна отъ 3 до 20 коп.“

— *Федоровъ, М.* Японія и японцы. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1905. Стр. 167. Цѣна 50 коп.“

Опредѣленіемъ отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Зюкова, П. А. Воскресная школа. I. Азбука. II. Книга для чтенія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 214 + II. Цѣна 40 коп.“—допустить къ классному употребленію въ воскресныхъ школахъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу *М. Блюка*: „Устройства и установки для снабженія горячей водой домовъ и общественныхъ учрежденій. Изд. *К. Казначеева*. М. 1903 г. Цѣна 2 руб.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній, но лишь подъ условіемъ значительнаго пониженія весьма высокой цѣны ея, примѣрно до 1 рубля.

— Брошюры *М. Нетыкса*: 1) „Краткое руководство кузнечнаго дѣла. Изд. 2-е *К. И. Тихомирова*. М. 1903 г. Цѣна 60 коп.“ и 2) „Краткое руководство слесарнаго дѣла. Изд. 2-е *К. Тихомирова*. М. 1902 г. Цѣна 60 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для ремесленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ, а равно для тѣхъ ремесленныхъ отдѣленій и классовъ при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаются кузнечное и слесарное ремесла.

— Журналъ: „Вѣстникъ учителей рисованія, съ бесплатнымъ ежемѣсячнымъ приложеніемъ сборника рисунковъ: Прикладное искусство. Цѣна 3 руб. 2-ой и 3-й (190²/₂ и 190²/₄) годы изданія“ — одобрить для учительскихъ библиотекъ всѣхъ техническихъ училищъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу *Хр. Шрёдера*: „Школа столярнаго дѣла. Общепонятное изложеніе наиболее важныхъ теоретическихъ и практическихъ свѣ-

дѣній по столярному и столярно-мебельному дѣлу. Руководство для школъ и самообразования, вновь обработанное *А. Гребомъ*. Изд. *К. Казначеева*. М. 1903 г. Цѣна 2 руб. 40 коп. — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия, для техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ, а также для ремесленныхъ классовъ по столярному дѣлу, при условіи, однако, значительнаго пониженія ея цѣны, примѣрно до 1 руб. 50 коп.

— Сочиненіе *Е. И. Орлова*: „Практическое руководство. Сухая перегонка дерева. Полученіе древеснаго порошка и спирта. С.-Пб. 1905 г.“ — одобрить для библиотекъ всѣхъ среднихъ техническихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НАДЕЖДИНЪ.

(Къ столѣтію со дня рожденія).

Николай Ивановичъ Надеждинъ родился въ селѣ Нижнемъ Бѣлоомутѣ Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи 5-го октября 1804 года. Отецъ его, диаконъ, а впослѣдствіи священникъ мѣстной сельской церкви, былъ человѣкъ малообразованный, нигдѣ не учившійся, но „одаренный отъ природы счастливыми и быстрыми способностями, обширною памятью, наблюдательностью и страстью къ чтенію“. Среди „тяжкихъ трудовъ“, при „крайней недостаточности средствъ“, онъ рѣшался тратить попадавшіеся ему въ руки гроши на покупку историческихъ, нравоучительныхъ и иныхъ книгъ, продававшихся на деревенскомъ базарѣ. Изъ этихъ книгъ составила библіотечка, томовъ до ста; здѣсь были положены основы первоначальному образованію его сына, съ ранняго дѣтскаго возраста проявившаго замѣчательную пылкость ума. Едва научившись читать, мальчикъ съ жадностью набросился на сочиненія Ломоносова, Хераскова, „Аониды“ Карамзина, „Всеобщую исторію“ Роллена и разные рукописные сборники, „привозимые пріѣзжавшими на вакаціи родственниками—семинаристами“; увлекшись поэзіей, онъ пытался „излагать свои мысли стихотворнымъ размѣромъ“. По достиженіи десятилѣтняго возраста, согласно существовавшему въ то время „обычаю и закону“, принятымъ въ духовномъ сословіи, онъ долженъ былъ поступить въ духовное учебное заведеніе. Но невозможность надзора за „оторваннымъ отъ родительскаго дома“ ребенкомъ, а главное—„дороговизна содержащаго въ далекомъ губернскомъ городѣ“—пугали отца, который, съ грустью откинувъ мысль о дальнѣйшемъ обученіи сына, отправилъ послѣдняго одного въ Рязань къ преосвященному Ософилакту, съ ходатайствомъ о назначеніи его причетникомъ въ Бѣлоомутской церкви. Ходатайство было изложено на бумагѣ въ мѣрной рѣчи самимъ десятилѣт-

нимъ просителемъ, который, возбудивъ любопытство архіерея своими виршами и самостоятельностью, въ отвѣтахъ на предложенные вопросы выказалъ не малыя свѣдѣнія по исторіи и географіи, за что немедленно былъ помѣщенъ въ рязанское духовное училище съ правомъ „пользоваться доходами съ причетническаго мѣста“. Сначала нѣсколько уступавшій другимъ ученикамъ по нѣкоторымъ предметамъ, Надеждинъ, усердно пополняя пробѣлы своихъ знаній, быстро перегналъ товарищей, черезъ годъ былъ уже въ семипаріи и, „прочувшись здѣсь четыре года въ низшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ“, былъ отправленъ для полученія высшаго образованія въ Московскую духовную академію, куда начальство обыкновенно посылало лучшихъ воспитанниковъ, окончившихъ классъ богословія.

Подвергнувшись въ Москвѣ „предварительному испытанію“, Надеждинъ, уже читавшій Канта и другихъ философовъ, съ усиліемъ написалъ диссертацию на тему: „Perpendatur pretium atque eruantur desiderata systematis Wolfiani tam in toto, quam in singulis partibus considerati“; онъ энергично „возсталъ на Вольфа и вообще на эмпиризмъ, главную характеристическую черту основанной имъ школы“. „Въ этомъ духѣ“ начались его занятія философіей, которой отведено было такое видное мѣсто среди другихъ наукъ въ Московской академіи. Это учрежденіе переживало тогда пору „юношескаго развитія“; „учили и учились въ немъ очень усердно“. Особенное вліяніе оказали на Надеждина лекціи по исторіи философскихъ системъ Ѳ. А. Голубинскаго и лекціи по эстетикѣ П. И. Доброхотова. Числясь официально по математическому отдѣленію, юный студентъ выказалъ однако особый интересъ, помимо философій, къ исторіи гражданской и церковной, что было замѣчено профессорами, поручившими ему заняться „церковно-историческимъ изслѣдованіемъ о значеніи въ православной церкви символа св. Софіи“. Несмотря на обнаруженные Надеждинымъ необыкновенныя дарованія, онъ не былъ на особенно хорошемъ счету у начальства: излишняя рѣзвость характера и страсть къ остроумію вызывали уклоненія отъ строгой дисциплины, и, не будучи студентомъ „съ такъ называемымъ прекраснымъ поведеніемъ“, вмѣсто того, чтобы кончить академію первымъ, онъ кончилъ восьмымъ, не былъ оставленъ—какъ слѣдовало ожидать—бакалавромъ, а, получивъ степень магистра богословія, въ 1824 году поѣхалъ искать удачи на педагогическомъ поприщѣ опять въ Рязанскую семинарію.

Преподавательская дѣятельность Надеждина была вполне зауряд-

ной и ничѣмъ не отличалась отъ дѣятельности другихъ учителей, гораздо менѣе способныхъ; вѣроятно, „тяготаясь пустотой и мелочностью риторическихъ занятій“, онъ относился къ своимъ обязанностямъ довольно небрежно: не знакомилъ своихъ учениковъ съ русской литературой и, останавливаясь на хрѣяхъ, фигурахъ, тропахъ, латинскихъ задачахъ, иногда по нѣскольку мѣсяцевъ задерживалъ письменныя работы и возвращалъ ихъ непоправленными. Малая оригинальность его уроковъ лишь до нѣкоторой степени выкупалась строгой логичностью въ развитіи мыслей и ласковымъ обращеніемъ со слушателями, которые за это платили искренней привязанностью и любовью. Иначе относилось къ Надеждину семинарское начальство, съ которымъ онъ часто вздорилъ; оно косо смотрѣло на бурную и веселую жизнь вновь назначеннаго педагога, на его подшучиванье надъ товарищами, любовныя интрижки, куреніе табаку, смѣлыя возраженія на дѣлаемые ему замѣчанія, особенно во время переходныхъ экзаменовъ,—и даже жаловалось на него мѣстному епископу. Надеждинъ этимъ мало смущался, умѣлъ выходить сухимъ изъ воды,—и только недовольство своимъ положеніемъ побудило его, по истеченіи двухъ лѣтъ, бросить семинарію ¹⁾.

9-го октября 1826 г. онъ былъ уволенъ по прошенію, въ которомъ „ссылался на свое болѣзненное состояніе“, и вскорѣ переѣхалъ въ Москву, гдѣ разыскалъ своего земляка, профессора-медика Ю. Е. Дядьковского. Послѣдній познакомилъ его съ редакторомъ *Вѣстника Европы* М. Т. Каченовскимъ, который принялъ участіе въ судьбѣ молодого человѣка, не имѣвшаго въ Москвѣ никакихъ опредѣленныхъ занятій, кромѣ мѣста домашняго наставника въ семьѣ Самариныхъ. Какъ пребываніе въ домѣ „большого“ московскаго „барина“, такъ и знакомство съ вліятельнымъ профессоромъ имѣли не мало значеніе въ устройствѣ дальнѣйшей жизни Надеждина. Обширная самаринская библіотека, находившаяся въ его распоряженіи, была „составлена преимущественно изъ новѣйшихъ французскихъ книгъ, которыхъ онъ дотолѣ и въ глаза не видывалъ“; и въ немъ пробудилась мысль о необходимости пополнить образованіе. Онъ прочиталъ „*Décadence et chute de l'Empire Romain*“ Гиббона во французскомъ переводѣ, затѣмъ „перешелъ“ къ Гизо, „Исторіи итальянскихъ республикъ“ Сисмонди, Галламу (*Le moyen âge*). „Все это“—пишетъ Надеждинъ—

¹⁾ Кромѣ семинаріи, въ теченіе года Надеждинъ былъ преподавателемъ латинскаго языка въ Рязанской губернской гимназіи.

„дало мнѣ способы переработать прежній запасъ историческихъ моихъ свѣдѣній по новымъ взглядамъ. Но и прежнее было во мнѣ заложено такъ прочно, что не разрушилось, а только просвѣтлилось и украсилось новою, облагоустроенною физиономіею. Вспоминая минувшее, я сознался, какъ важна была въ исторіи моего образованія его первоначальная двойственность, шедшая путемъ правильнаго развитія. Не будь положенъ во мнѣ сначала школьный фундаментъ старой классической науки, я бы потерялся въ такъ называвшихся тогда высшихъ взглядахъ, новыхъ романтическихъ мечтаніяхъ, которыя были à l'ordre du jour. Теперь, напротивъ, эти новыя пріобрѣтенія вѣка настлались во мнѣ на прочное основаніе; и дѣло шло своимъ чередомъ“. Кипучая дѣятельность московскихъ журналистовъ не могла не обратить на себя вниманія Надеждина; съ постепенно возрастающимъ интересомъ онъ сталъ слѣдить за отраженіемъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ западно-европейской борьбы классицизма съ романтизмомъ, за нападками *Московского Телеграфа* на ревнивыхъ охранителей старыхъ литературныхъ традицій—и его „за живо взялъ этотъ споръ“. Онъ „видѣлъ, что все происходило отъ недоразумѣнія, что спорщики не понимали, о чемъ они спорятъ, и потому, будучи съ одной стороны правы, большею частью несли дичь“; онъ „досадовалъ“ на „крайнее невѣжество“ нашихъ „романтиковъ“, обнаружившееся въ томъ, что они „проповѣдывали вовсе не по убѣжденію, но съ чужого, дурно понятаго голоса“. Ему захотѣлось высказаться самому; сближеніе съ Каченовскимъ пришлось какъ разъ кстати: въ *Вѣстникѣ Европы* 1828 г. появились статьи съ „Патріаршихъ Прудовъ“ за подписью Никодима Надоумки—и Надеждинъ пополнилъ собой ряды присяжныхъ московскихъ литераторовъ.

Всѣ сочиненія, помѣщенные имъ въ разныхъ журналахъ (см. *Русскій Зритель*, *Московский Вѣстникъ*, *Атеней*, *Галатея*), подраздѣляются на произведенія беллетристическія, этюды философско-эстетическіе, историческіе и критическіе очерки и рецензіи. Беллетристика, въ свою очередь, распадается на оригинальную и переводную. Къ первой категоріи относятся немногія извѣстныя намъ элегіи, написанныя довольно гладкими стихами; здѣсь обыкновенно оплакивается утрата „дѣвственнаго мая“, „поры вдохновеній“, когда „юное сердце сладостно билось“ и въ немъ „трепетали всѣ струны жизни“; теперь сердце тоскуетъ: ему жаль „отпѣвсти, не расцвѣтши“, и грустно поэту „бродить одинокимъ путникомъ по пустынной степи“ безъ друга, которому можно повѣдать горе; лишь зарѣдка поется вдохновенная „пѣснь

красотѣ". Кромѣ элегій, есть набросокъ драматической поэмы: „Михаилъ Ярославичъ, великій князь Тверской“, гдѣ изображена бесѣда съ мальчикомъ-внукомъ старухи-крестьянки, заброшенной изъ прекраснаго города Кіева въ Валдайскія горы,—бесѣда, указывающая на попытку Надеждина уловить отбѣнокъ народной рѣчи и нарисовать картинку изъ жизни Руси въ эпоху татарщины. Встрѣчаются также переводы произведеній Ламартина, Козегартена, Жана Поля Рихтера; темы обыкновенно высокія и поучительныя: рѣчь идетъ о Промыслѣ Создателя, который „бдитъ надъ всѣмъ“ и руководитъ человѣкомъ, несмотря на его ропотъ,—о раскаяніи старика въ непоправимыхъ заблужденіяхъ юности,—о солнцѣ, которому воздается должная хвала; переводы изъ античной литературы, именно такъ называемыхъ „Орфеевыхъ гимновъ“, сопровождаются обширными филологическими комментаріями, выясняющими важное значеніе „этихъ цвѣтовъ изъ міра, для насъ погибшаго“. Этюды философскіе и эстетическіе заключаются въ разсужденіяхъ о Платонѣ и въ обширномъ трактатѣ: „О высокомъ“, гдѣ „предлагаются благосклонному вниманію публики опыты правилъ, извлекаемыхъ скромною любознательностью изъ безсмертныхъ твореній великихъ геніевъ древняго и новаго міра“. Опредѣливъ понятіе о предметѣ своего разсужденія, авторъ руководствуется кантовскимъ подраздѣленіемъ высокаго на два главные вида, подробно разсматриваетъ каждый изъ нихъ, подкрѣпляетъ свои положенія многочисленными примѣрами изъ литературы и жизни и въ заключеніе останавливается на „составныхъ элементахъ“ высокаго стиля. Довольно сильное вліяніе эстетики Бутервека не лишаетъ извѣстной самостоятельности сжато и строго-логично изложенный трактатъ Надеждина, который снискалъ себѣ, помимо того, большую популярность критическими очерками общаго характера и рецензіями на произведенія Пушкина, Гнѣдича, Баратынскаго, Подолинскаго, Орлова, Булгарина и др. Въ „Литературныхъ опасеніяхъ за будущій годъ“ и „Сонницѣ нигилистовъ“ Надеждинъ ясно выразилъ свои взгляды на творчество и современное ему состояніе русской литературы. Осмѣивая приравненіе поэзій безумію, отрицаніе всякихъ правилъ для генія, необразованность „велеумныхъ“ журналистовъ, онъ съ излишнею рѣзкостью вышучиваетъ Полевого въ лицѣ Конторкина, издѣвается надъ легкомысленными шеллингистами и байронистами и называетъ нашу словесность „безплодною пустынею“. Въ рецензіяхъ Надеждина особенно любопытны отзывы о Пушкинѣ. Юношескія и не вполне самостоятельныя творенія поэта вызвали осужденія критика за отсутствіе ори-

гинальности, пренебреженіе „исторической достовѣрностью“, за выборъ легкомысленныхъ сюжетовъ и легкомысленное отношеніе къ послѣднимъ; было замѣчено, что „для гѣнія недовольно смастерить Евгенія“ и „скитаться по цыганскимъ шатрамъ и разбойническимъ вертепамъ“, но, въ то же время, была безусловно признана „плѣнительная гармонія“ „гладкихъ, плавныхъ, легкихъ стиховъ“; выяснилось, что произведенія Пушкина, „несмотря на грязныя пятна, кои они обыкновенно бываютъ запачканы, обнаруживаютъ талантъ мощный, богатый“, которому не слѣдуетъ „придавать фальшиваго блеска насильственной примѣсью веществъ чуждыхъ“ для того, чтобы онъ могъ „заиграть блестящею звѣздой на горизонтѣ нашей словесности“. Правда, на первыхъ порахъ, этотъ талантъ былъ названъ лишь „пародіальнымъ“, изображающимъ природу „не съ лицевой ея стороны, не подъ прямымъ угломъ зрѣнія“, „блистающимъ“ въ „арабескахъ“ (ср. картины во вкусѣ фламандской школы въ „Нулинѣ“ и „Онѣгинѣ“), почему и данъ совѣтъ сжечь „Бориса Годунова“, извѣстнаго лишь по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ *Съверныхъ Цѣтлахъ* и *Денницѣ*; но выходъ въ свѣтъ всей драмы измѣнилъ точку зрѣнія Надеждина, нашедшаго въ пьесѣ „органическую цѣлость“, „вѣрный и яркій очеркъ“ личности Бориса, „мастерское“ изображеніе Шуйскаго и т. д. Такъ былъ оцененъ Пушкинъ; несомнѣнно, больше недостатковъ было указано въ произведеніяхъ другихъ авторовъ, обстоятельно разобранныхъ въ рядѣ рецензій, въ которыхъ постепенно выяснялись основные взгляды критика на поэтическое творчество. Надеждинъ полагаетъ, что гѣній, согласно опредѣленію Канта и Шеллинга, является „естественнымъ дарованіемъ души, чрезъ которое природа даетъ искусству правила“; свобода есть „добровольное подчиненіе вѣчнымъ законамъ мудрой природы“, отражающейся въ духѣ человѣка. Необходимо соревновать природѣ. Поэзія—„живопись природы“. „Ея достоинство, слѣдовательно, должно состоять въ вѣрности, живости и красотѣ изображеній, въ коихъ она ее представляетъ“. Но „великая картина природы составлена изъ смѣшенія свѣта съ тѣнями; часто также заблужденія и страсти людскія покрываютъ ее мрачными пятнами“. Художникамъ и поэтамъ „не запрещается, конечно, и *оттѣмлять* свои эскизы, по примѣру великой первохудожницы природы“ (ср. „гдѣ жизнь окисаетъ и плѣснѣетъ, тамъ поэзія имѣетъ полное право морщиться и гримасничать“, ибо „изображаетъ вѣрно то, что видитъ и слышитъ въ природѣ“); но они не должны „забывать, что изящество картинъ составляетъ изъ *свѣтло-тѣни*, а не изъ одной только тѣни, мутной и

ирляной". Такимъ образомъ, Надеждинъ не порицаетъ реализма (ср. требованіе народности и естественности), но стоитъ за него; онъ только предлагаетъ изображать не одиѣ отрицательныя стороны дѣйствительности, но, вмѣстѣ, и положительныя; онъ идетъ далѣе: не отказывается даже поэту въ правѣ изображать одиѣ отрицательныя стороны, лишь бы онѣ были оцѣнены должнымъ образомъ и освѣщены идеей, проводимой авторомъ и придающей гармоническое единство его произведенію.

Большая начитанность и стройная система выработанныхъ взглядовъ, проявившихся въ вышеупомянутыхъ статьяхъ, были высоко оцѣнены Каченовскимъ, который усмотрѣлъ въ сотрудникѣ своего журнала крупную научную силу и посоветовалъ ему „примениться къ университету“. Тогда Надеждинъ сдѣлалъ смѣлый шагъ — имѣя степень магистра богословія, ходатайствовалъ о допущеніи его къ экзамену на степень доктора словесныхъ наукъ; фактъ этотъ не имѣлъ себѣ подобныхъ въ факультетской практикѣ, дѣло было представлено на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія князя К. А. Ливена и тянулось такъ долго, что проситель уже началъ подумывать бросить все и отправиться въ Китай въ составѣ новой миссіи. Наконецъ, изъ Петербурга пришелъ утвердительный отвѣтъ. Надеждинъ тотчасъ же подвергнулся устнымъ и письменнымъ испытаніямъ, которыя выдержалъ весьма успѣшно, а немного спустя, въ 1830 году, не прерывая своей журнальной дѣятельности въ *Вѣстникѣ Европы* и *Московскомъ Вѣстникѣ*, гдѣ были помѣщены двѣ серьезныя статьи: „Опытъ перевода гораціевыхъ одъ В. Орлова“ и „Иліада Гомера, переведенная Н. Гнѣдичемъ“, — напечаталъ и, при стеченіи массы студентовъ и сторонней публики, блестяще защитилъ диссертацию, написанную на тему: „De origine, natura et fatis poëseos, quae romantica audit“. Эта диссертация вызвала рѣзкую отвѣдь Н. А. Полевого и довольно безпристрастный разборъ тогдашняго литератора П. Ср. Камашева.

Изслѣдованіе Надеждина—трудъ замѣчательный, особенно для его времени. Первая часть его выискала „исторію происхожденія и постепеннаго развитія романтической поэзіи“. Сдѣлавъ небольшое вступленіе, которое сильно отзывалось философій Шеллинга, поговорилъ о „двойственности“ — „первообразной и первоначальной формѣ всякаго постепеннаго развитія“, о „синтезѣ противоположностей“, составляющемъ „все сущее“, — онъ указываетъ на „разъятіе этого первоначальнаго синтеза“, на „колебаніе элементовъ, долженствующихъ разрѣ-

питься", на то, какъ одинъ элементъ „береть верхъ“ надъ другимъ и обратно, почему „зрѣлая жизнь всегда должна представлять *двоjakий* видъ“, а поэзія „дважды мужаетъ и созрѣваетъ“, произведя „прекраснѣйшіе цвѣты“ и „пріятнѣйшіе плоды“. Здѣсь есть намекъ на античную и средневѣковую поэзію; подробное изложеніе внѣшней исторіи послѣдней обнаруживаетъ, что „духъ ея былъ не тотъ, коимъ нѣкогда одушевленъ былъ древній умершій міръ“, въ виду чего авторъ разбираетъ сужденія о романтическихъ произведеніяхъ Шиллера, Бутервека, А. В. Шлегеля, Ансильона, Пиктета, Виктора Гюго и „пучась предосторожности изъ ошибокъ другихъ“, „излагаетъ свое собственное мнѣніе“ во второй части книги. Оказывается, что сначала преобладаютъ „процессы жизни, проторгающейся извнутри внѣ“, при „средобѣжномъ расширеніи духа“; затѣмъ—„процессы жизни, сосредоточивающейся извнѣ внутрь“, при „средостремительномъ самовозвращеніи духа“,—и что для выясненія „полярной“ противоположности классической и романтической поэзіи необходимо „обратить вниманіе на состояніе естественное, гражданское и религіозное міра средняго сравнительно съ древнимъ“. Затѣмъ дѣлается выводъ: „у древнихъ творческая сила была соревновательницею внѣшней жизни, струящейся въ нѣдрахъ видимаго міра; у среднихъ, напротивъ, провозвѣстницею жизни внутренней, клубящейся въ таинственномъ локѣ духа человѣческаго“. Далѣе слѣдуетъ обстоятельнѣйшее, основанное на добросовѣстномъ изученіи первоисточниковъ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, наблюденіе надъ „внутреннимъ составомъ поэтическихъ формъ“ и „внѣшнимъ строеніемъ механической версификаціи“ средневѣкового творчества; это наблюденіе „разрѣшаетъ предположенія“ автора о характерѣ романтической поэзіи въ „пріятную достовѣрность“. „По эта достойная сестра поэзіи классической, какъ и послѣдняя, скончалась. XVI столѣтіе, бывшее для нея златымъ вѣкомъ, было вмѣстѣ и свидѣтелемъ ея быстраго паденія“, вызваннаго постепеннымъ, на первый взглядъ „непримѣтнымъ разложеніемъ“ „духа, обычаевъ и органическаго устройства“ средневѣкового общества. Обстоятельно написанный очеркъ посвященъ обзору упадка романтической поэзіи въ разныхъ странахъ Европы. Отрывки изъ произведеній Клемана Моро, Ронсарда, Драйдена должны убѣдить, какъ блекли „нѣжные цвѣты“ въ „атмосферѣ суровой и холодной“; эти „жалкіе выродки“ побудили многихъ „сильныхъ мужей“ обратиться назадъ и въ античности „искать новаго священнаго огня“. Но „звучный и сильный тонъ, который издавала

древняя лира, благоговѣнно прославляя тайны природы, не могъ возбуждать такого же святаго вступленія, быть низведенъ на выраженіе безнравственныхъ обольщеній или утонченныхъ злоухищреній похоти“; поэтому „не должно быть обвиняемо возмущеніе, вспыхнувшее подъ знаменами германцевъ противъ поэтическаго деспотизма французовъ“. вмѣсто неоклассицизма (т. е. псевдоклассицизма), замѣчается опять возвратъ къ романтизму въ началѣ XIX вѣка; но, по существу, то и другое направленія односторонни и устарѣли: пѣнтика Буало—болѣе нетерпима; поэтическая свобода современныхъ романтиковъ — „глубокое безначаліе“; сильно измѣнился общественный организмъ, измѣнилось понятіе о человѣкѣ — въ новомъ мірѣ, на новомъ полѣ дѣятельности примирятся прежнія крайности въ „возведеніи полярной противоположности“ двухъ великихъ міровъ къ „средоточному единству“, и, можетъ быть, для Россіи „соблюдается слава того внутреннѣйшаго соединенія между обоими полюсами творческой дѣятельности, котораго требуетъ, жаждетъ духъ человѣчскій“.

Получивъ степень доктора, Надеждинъ вскорѣ принялъ участіе въ конкурсѣ для полученія оставшейся вакантной въ Московскомъ университетѣ катедры изящныхъ искусствъ и археологій; онъ представилъ въ факультетъ, помимо диссертациі, подробную программу соответствующихъ кафедръ предметовъ. Магистръ А. М. Гавриловъ и евангелическій пасторъ, докторъ философіи К. А. Зедергольмъ претендовали на то же мѣсто, но предпочтеніе было отдано Надеждину, хотя профессора Ивашковскій и Снегиревъ усилленно агитировали противъ него въ совѣтѣ, указывая (какъ это ни странно) на невозможность допустить въ университетъ послѣдователя Шеллинга и нападая на „темноту и несообразность его способа выражаться“. 26-го декабря 1831 года Надеждинъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по искомой кафедрѣ; а за три недѣли передъ тѣмъ получалъ еще мѣсто преподавателя логики, російской словесности и мнѳологій при московской театральной школѣ.

Московскій университетъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ еще „наканунѣ возрожденія“: комментированье какой-либо пѣсни „Энеиды“ или книги Тита Ливія, выставленіе образцами краснорѣчія Дмитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго, съ исключеніемъ Жуковскаго, чтеніе курса всеобщей исторіи по сухому и краткому нѣмецкому учебнику—все это не выходило изъ рамокъ гимназическаго преподаванія и мало привлекало вниманіе молодежи. Лекціи Надеждина, какъ и его коллеги М. Г. Павлова, были счастливымъ исключеніемъ. Блестя-

ція импровизаціи молодого профессора, очаровавшія и министра С. С. Уварова, привлекли въ аудиторію много слушателей, среди которыхъ были В. Г. Бѣлинскій, П. В. Станкевичъ, О. М. Бодянский и К. С. Аксаковъ. Студенты восторженно отзывались о Надеждиѣ; по ихъ словамъ, онъ „одинъ замѣнялъ десять“ лекторовъ, а нѣкоторые говорили, что если они будутъ въ раю, то обязаны тѣмъ Надеждину. Въ чемъ же состояло содержаніе этихъ плѣнительныхъ лекцій?

Наиболѣе замѣчательны два курса: теоріи изящныхъ искусствъ и археологій, при чемъ второй изъ нихъ служилъ „историческимъ оправданіемъ“ перваго. Труды нѣмецкихъ эстетиковъ: Бутервека, Бахмана и др., а также бакалавра Московской духовной академіи П. И. Доброхотова помогли Надеждину излагать теорію искусствъ. Онъ „начиналъ съ психологическаго анализа эстетическаго чувства и отсюда выводилъ идею изящнаго, показывая, какъ потомъ эта единая идея раздробляется и съ какими отгѣнками является въ мірѣ изящныхъ искусствъ подъ творческими перстами гениа, сообразно требованіямъ вкуса“. „Любовь къ изящному“ признавалась „завѣтнымъ достоинствомъ человѣческой природы“, „искрой, приносимой нашимъ духомъ съ вѣчнаго алтаря“; для „разрѣшенія“ этой искры въ „свѣтозарное пламя“ необходимо образованіе, которое „постепенно возводитъ дѣйствительность къ совершенству чрезъ проясненіе въ ней идеи, составляющей ея основаніе“; „идеаль эстетическаго образованія есть сдруженіе нашей жизни съ красотой“, которая является „высочайшей гармоніей жизни“, „точкой взаимнаго соприкосновенія и единства“ „полярныхъ противоположностей“: истины и блага. „Храмъ красоты“—весь міръ, а „всѣ лучи его жизни“ „сосредоточиваются и отражаются“ въ человѣческомъ духѣ, для котораго красота есть „мать наслажденія“. Послѣднее возникаетъ тогда, когда „подъ грубою корою вещества“ мы начинаемъ „предчувствовать присутствіе высшей, родной себѣ жизни“; „отрѣшеніе наслажденія отъ матеріа“— „первая эпоха эстетическаго образованія“, между тѣмъ какъ во второмъ періодѣ наслажденіе „или воспкинасть до восторга и проливается въ дѣйствіа, или утихаеть до созерцанія и заковывается въ мысль“, т. е. „красота или обращается въ предметъ умственнаго созерцанія, или становится средоточіемъ творческаго дѣйствованія“. „Умственное созерцаніе красоты, или представленіе ея въ понятіяхъ принадлежитъ вкусу; творческая дѣятельность, проявляющая внутреннюю полноту ея въ изящныхъ издѣліяхъ, составляетъ гениа“. И вкусъ, и гениа,

возникшіе изъ полноты чувства, противоположны другъ другу: одинъ, „пристрастившись къ правильности и порядку, простираетъ свою наблюдательность до тиранской строгости; другой, „упоенный чувствомъ свободы и могущества, увлекается въ своемъ одушевленіи до анархическаго своеволія“, — но есть возможность примиренія обонхъ, при обоюдномъ уваженіи правъ каждаго. Не всѣ люди — художники, но для всѣхъ „болѣе или менѣе доступно блаженное наслажденіе гармоніею жизни, воспроизведенное въ насъ самихъ собственными нашими силами“, которое составляетъ „окончательную“ эпоху эстетическаго образованія. Для достиженія эстетическаго совершенства надо начать съ „изученія природы въ ея изящныхъ явленіяхъ“, „развивающихся въ насъ порывы къ творчеству“, „для образованія которыхъ къ художественной дѣятельности необходимо изученіе самихъ изящныхъ художествъ“, такъ какъ они „дозволяютъ разсматривать красоту въ миниатюрной какъ бы цѣлости“ и, „представляя намъ ее, какъ дѣло собственныхъ нашихъ рукъ, ободряютъ насъ къ благородному соревнованію“. Эстетическое образованіе, разъ оно получено, есть „довершеніе и вѣнецъ нашей жизни: безъ него наша человѣческая природа ни доцвѣсть, ни вырѣть не можетъ“. Наше умственное образованіе, имѣющее цѣлью вѣрное познаніе истины, обратилось бы въ „мелочное школярство“, если бы „основаніемъ живого и полнаго знанія“ не былъ „энтузіазмъ къ истинѣ“, который „не иначе возможенъ, какъ подъ условіемъ эстетическаго образованія, научающаго видѣть истину въ красотѣ и красоту въ истинѣ“; наша нравственная дѣятельность, заключающаяся въ „безусловномъ самоотверженіи воли въ жертву долгу“, имѣла бы слѣдствіемъ „суетное факирство, изнуряющееся въ безплодныхъ пожертвованіяхъ“, если бы добродѣтель не была „никогда не оскудѣвающимъ одушевленіемъ ко благу“ — одушевленіемъ, „возможнымъ только подъ условіемъ эстетическаго образованія“, которое опять-таки „пріучаетъ насъ открывать благо въ красотѣ и красоту во благѣ“; — наконецъ, сама „дщерь вѣчности“ религія „не только не чуждается эстетическаго образованія въ своемъ земномъ странствованіи, но даже позволяетъ ему служить себѣ, при воспитаніи рода человѣческаго для вѣчности“. Таковы были главныя идеи Надеждина въ лекціяхъ по теоріи изящныхъ искусствъ, исторія которыхъ по памятникамъ излагалась въ курсѣ археологіи, носившемъ на себѣ слѣды вліянія „Ideen“ Геерена и другихъ изслѣдователей древности. Этотъ курсъ, въ основныхъ его положеніяхъ, значительно совпадалъ съ диссертацией о романтизмѣ: здѣсь были

сдѣланы характеристики искусства восточнаго, античнаго, средневѣкового; было указано, что „періодъ художественной дѣятельности, возникшій изъ мрака среднихъ вѣковъ, совершилъ свое кругообращеніе“, и что „настоящій вѣкъ, принадлежа къ новой эпохѣ жизни“, долженъ „покориться“ новому, особому „направленію къ всеобщности“, уже замѣтному въ творческой дѣятельности, — долженъ „соединить идеальное одушевленіе среднихъ временъ съ изящнымъ благообразіемъ классической древности“, „просвѣтить мрачную глубину Шекспира лучезарнымъ изяществомъ Гомера“,—слѣдствіемъ чего является потребность естественности и народности, и „разрѣшеніе жизни въ сладкую гармонию истины и блага, въ очаровательную поэзію неистощимаго самоуслажденія“.

Помимо чтенія лекцій, Надеждинъ исполнялъ разныя „порученія“ совѣта, будучи членомъ училищнаго комитета, комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, секретаремъ университета, участникомъ въ изданіи *Ученыхъ Записокъ* послѣдняго. Особенно плодотворна была его дѣятельность по первой изъ перечисленныхъ должностей: какъ „визитаторъ“, онъ осматривалъ учебныя заведенія города Москвы, Тверской, Рязанской и Тульской губерній и много способствовалъ улучшенію какъ хозяйственной части, такъ и постановки преподаванія разныхъ предметовъ. За его службу Надеждину были объявлены Высочайшее благоволеніе и признательность министра; кромѣ того, ему выдавали и денежные награды. Еще съ 1829 года состоявшій членомъ Общества исторіи и древностей російскихъ, въ 1834 году онъ былъ выбранъ членомъ Общества любителей російской словесности, которое тщето хотѣлъ оживить своей энергіей и своими трудами. Имя Надеждина становилось все болѣе громкимъ; положеніе въ Москвѣ упрочивалось. Кругъ его знакомыхъ постепенно расширялся. Иные, правда, были недовольны его рецензіями на произведенія Пушкина, который находилъ своего критика „весьма простонароднымъ, vulgar“, и, при случаѣ, былъ не прочь метнуть въ него эпиграммой, хотя иногда признавалъ возможнымъ занять у него денегъ и принять участіе въ его литературныхъ предпріятіяхъ; другіе—особенно журналисты—дулись за рѣзкій тонъ его отзывомъ объ ихъ изданіяхъ — но его „ласкалъ“ И. И. Дмитріевъ, съ нимъ сблизился на „ты“ М. П. Погодинъ, — были въ пріятельскихъ отношеніяхъ М. А. Максимовичъ, семья Аксаковыхъ; наконецъ, предъ нимъ раскрылись двери нѣкоторыхъ аристократическихъ домовъ. Приблизительно въ это время Надеждинъ задумалъ проявить свои спо-

собности еще на много поприщѣ дѣятельности—и съ 1831 года сдѣлался редакторомъ журнала, который, по образцу *Телеграфа*, называлъ *Телескопъ*; прибавленіемъ къ этому періодическому изданію была *Молва*, сообщавшая новости и знакомящая съ модами. Программа *Телескопа* была очень широкая: отразить главнѣйшія направленія современнаго просвѣщенія. Сотрудниковъ было много: въ отдѣлѣ поэзіи принимали участіе К. С. Аксаковъ, Жуковский, Загоскинъ, Кольцовъ, Лажечниковъ, Н. Ф. Павловъ, Рачъ, Станкевичъ, Тютчевъ, Хомяковъ, Шевыревъ, Языковъ; въ отдѣлѣ прозы и критики ученой и литературной—Бѣлинскій, Бодянский, Боткинъ, Воллянский, Венелингъ, Галаховъ, Герценъ, И. В. Кирѣевскій, Межевичъ, Максимовичъ, Мельгуновъ, Ф. Л. Морозкинъ, Огаревъ, М. П. Павловъ, П. И. Панаевъ, Перовошиковъ, Чаадаевъ. Произведенія Пушкина и Погодина встрѣчаются въ обоихъ отдѣлахъ. Не малое мѣсто было отведено переводамъ сочиненій извѣстнѣйшихъ иностранныхъ писателей: философовъ, ученыхъ, беллетристовъ; наряду съ переводами помѣщались любопытнѣйшія литературныя характеристики: Бальзака, Гизо, Дюма, Манцони, заимствованныя изъ *Revue des deux Mondes*. Цѣлый рядъ англійскихъ „reviews“ и „magazines“ и французскихъ „revues“ служилъ источникомъ для *Телескопа*; изъ нѣмецкой прессы почерпалось сравнительно меньше матеріала. Несмотря на нападки современныхъ журналистовъ, особенно Полевого, Греча и др.; несмотря на жалобы С. С. Уварова, не разъ обвинявшаго Надеждина въ оскорбленіи академіи наукъ, и недовольство нѣкоторыхъ московскихъ магнатовъ и полиціи, *Телескопъ* имѣлъ, въ первые годы изданія, отъ 500 до 700 подписчиковъ, вызвалъ одобреніе князя А. А. Шаховскаго и Венелина, произвелъ впечатлѣніе во дворцѣ, заинтересовалъ даже фрейлингъ и обратилъ на себя вниманіе самого императора Николая. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы успѣхъ былъ окончательно обезпеченъ: иногда поговаривали, что оппозиція союзу петербургскихъ литераторовъ невозможна при помощи „ненадежнаго“ Надеждина, который, къ тому же, нуждался въ „мѣрахъ оборонительныхъ“ противъ высшаго начальства.

Вопросъ о русской народности былъ любимой темой статей самого Надеждина въ *Телескопѣ*. Этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ диссертацией и намѣчаетъ ходъ его дальнѣйшихъ занятій. Зная, что народность въ Европѣ „положена во главу угла цивилизаціи“, писатель обзрѣваетъ прошлое Россіи и старается выяснитъ свойства русскаго духа. Обзоръ приводитъ къ печальнымъ заключеніямъ: у насъ не

было прошедшаго, поучительнаго по своимъ идеямъ и богатаго событіями. „Отечественныя преданія“ за первые пять вѣковъ (періодъ удѣльной системы) представляютъ „дремучій лѣсъ безличныхъ именъ, толкущихся въ пустотѣ безжизненнаго хаоса“; „при совершенномъ бездѣйствіи пружинъ, конми возбуждается народная дѣятельность, у насъ не могло выражаться тогда ни одного глубокаго характера, ни одной рѣзкой фвізіономіи“. Даже послѣ Іоанна III, при которомъ болѣе проявилась жизнь русскаго народа, „цѣлые два вѣка протекли еще въ младенческихъ нестройныхъ движеніяхъ организующагося государства“.

„Великіе перевороты, столпившіеся въ тѣсномъ промежуткѣ“ времени, препятствовали „юному исполнну русскому подержаться на одной постоянной точкѣ“ и „выработать оригинальные характеры“. „Полная русская исторія“ начинается „не дальше Петра Великаго“, и эта „первая глава“ ея еще „такъ свѣжа, такъ нова“. Скучность нашей общественной жизни, излишняя подражательность, плохая образованность находятся въ прямой связи съ нашей литературой, жизнь которой должна была бы сложиться, при нормальномъ порядкѣ вещей, изъ двухъ элементовъ: центростремительнаго и центробѣжнаго, стремленій выразить свою народность и воспользоваться пріобрѣтеніями другихъ племенъ, иными словами: „литература живая должна быть плодомъ народности, питаемой, но не подавляемой общительностью“. Къ нашей литературѣ, однако, плохо примѣнимы эти основныя положенія, ибо мы „бродимъ ощупью, повторяемъ безотчетно несвязныя преданія, косимъ подъ игомъ слѣпago суевѣрія“. Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ самостоятельный русскій языкъ подпалъ подъ „чуждое, несвойственное ему вліяніе“ языка церковно-славянскаго, и *наша* письменность была собственно „южно-славянскою по матеріи, греческою—по формѣ“, между тѣмъ какъ „единственнымъ поприщемъ“ для развитія народной рѣчи была пѣсня, признанная „грѣховодной забавой“; затѣмъ „русскіе прицѣпились всѣми нитями бытія къ Польшѣ, влюбились въ ея языкъ и литературу“,—и, лишь „съ утвержденіемъ на Москвѣ средоточія Восточной Руси, языкъ ея (дѣловой и приказный) укрѣпился“, и „вѣкъ царя Грознаго“ обѣщаль быть „золотымъ утромъ русской народной словесности“. Но многое измѣнилось съ наступленіемъ междуцарствія; въ правленіе Петра русская рѣчь была „настоящимъ вавилонскимъ столпотвореніемъ“, и „въ такомъ жалкомъ безпорядкѣ, въ такомъ хаотическомъ смѣшеніи предстало русское слово Ломоносову“; послѣдній не могъ при-

дать языку чисто народной, русской формы, которая, не будучи искусственной и книжной, „утвердилась бы въ народѣ“. Наконецъ, воцарилось французское вліяніе; начавшись съ Кантемира и Тредьяковскаго, оно достигло наивысшаго развитія подѣ перомъ Карамзина, который скоро „состарѣлся“. И „послѣ вѣковыхъ опытовъ и усилій мы дошли до того, съ чего начали прочія европейскія литературы— до совершеннаго раздѣленія между народной рѣчью и книжнымъ литературнымъ словомъ“; поэтому нельзя не задать вопроса: „какъ быть литературѣ русской, когда нѣтъ еще языка русскаго?“ Для того, чтобы „переплавить всѣ разнородные элементы и вылить изъ нихъ одинъ чистый, образованный, изящный разговоръ, котораго не стыдился бы и книги“, надо обратить вниманіе на „лексикографію“ и „синтаксисъ“. Обогащенію первой, страдающей отъ „недостатка словъ для идей общихъ“, можетъ служить цѣлый „рой живыхъ нарѣчій“ славянскихъ, гдѣ сокрыты „рудники богатства“; для возсозданія второго, „запущеннаго вѣковою небрежностью“, нужно прибѣгнуть къ „оборотамъ и формамъ языка, сохранившимся въ своемъ первобытномъ неискаженномъ видѣ въ устахъ простаго народа“. Но „самый богатый“ языкъ „будетъ мертвъ, если не повѣетъ въ немъ духъ жизни“, который у насъ „доселѣ состоитъ подѣ вліаніемъ самаго позорнаго рабства“. Въмѣсто „несчастнаго подражанія“, необходима народность, выражающаяся въ „совокупности всѣхъ свойствъ, наружныхъ и внутреннихъ, физическихъ и духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, изъ которыхъ слагается фізіономія русскаго чело-вѣка“.

Журнальная дѣятельность Надеждина расширила его, безъ того значительный, кругъ знакомыхъ, и это обстоятельство было ему пріятно. Поповичъ по происхожденію, семинаристъ по воспитанію, онъ не всегда могъ „соскочить“ съ себя „семинарскую кору“, но въ душѣ питалъ неодолимое желаніе сдѣлаться свѣтскимъ чело-вѣкомъ. По невѣдѣнію, онъ нѣсколько идеализовалъ высшій кругъ общества, за что и понесъ вскорѣ наказаніе. Въ сомнѣ богатаго помѣщика Сухова-Кобылина ему суждено было встрѣтить дѣвушку, которая пробудила въ немъ серьезное, глубокое чувство, покорила его сердце. Елисавета Васильевна, впоследствии извѣстная писа-тельница Евгенія Туръ, въ свою очередь заинтересовалась умнымъ и образованнымъ профессоромъ, который въ письмахъ къ ней про-являлъ замѣчательную чуткость и нѣжность, какъ бы ни упрекали его друзья и знакомые въ излишней холодности и нескрѣпности.

Онъ сознавалъ, что „натура, гѣня его скудельный составъ изъ чертовой глины, не забыла подбросить въ него чувства“, что сердце его раскрывалось для наслажденій красотами природы, что онъ „расположенъ вѣрить“. „Прочь—писалъ онъ—глупая метафизика, разочарывающая прелесть жизни своими черствыми, холодными, костлявыми понятіями! Пусть жизнь наша остается тѣмъ, чѣмъ она есть! Пусть сущность ея будутъ составлять движеніе, колебаніе, переменна!.. Съ этимъ словомъ можно и должно примириться... Развѣ море—это великій символъ вѣчности, не колышется безпрестанно; развѣ нѣтъ въ немъ ежедневнаго прилива и отлива? И между тѣмъ оно всегда одно и то же... Но варіаціи ли составляютъ прелесть, очарованіе музыки? Лишь бы только одна тема, одинъ неизмѣнный мотивъ господствовалъ въ нихъ и управлялъ ихъ игрою! Итакъ пусть душа моя волнуется, пусть играетъ, пусть плещетъ своими чувствованіями!.. Только бы солнце, золотящее ихъ не затмевалось... Только, чтобы вихрь, сынъ тучъ, не набѣгалъ на нихъ и не разбивалъ лучезарнаго, животворнаго лика, отражающагося въ каждой ихъ каплѣ!“... Но вихрь набѣжалъ и разбилъ „лучезарный ликъ“: воспитанная въ аристократическихъ традиціяхъ, мать не захотѣла отдать свою дочь замужъ за „кутейника“ и не обращала вниманія на то, что отказъ можетъ дурно отразиться на здоровьи молодой дѣвушки. Тогда предавшійся отчаянію Надеждинъ рѣшилъ подать просьбу объ отставкѣ, чѣмъ привелъ въ большое удивленіе начальство, коллегъ и знакомыхъ, а самъ долгое время тщетно искалъ мѣста губернатора или вице-губернатора, чтобы имѣть средства и улучшить общественное положеніе въ глазахъ высшаго свѣта.хлопоты не имѣли, однако, почти никакого результата; между тѣмъ въ Москвѣ стали распространяться разныя сплетни объ отношеніяхъ Надеждина къ Сухово-Кобылиной, говорили, что онъ „добивается ея руки исключительно изъ-за матеріальныхъ расчетовъ“. Узелъ запутывался—и насталъ моментъ его разрубить. Судьба легко разрѣшила всѣ недоразумѣнія: вслѣдствіе семейныхъ неурядицъ произошелъ разрывъ между Надеждинымъ и любимой имъ дѣвушкой, — и исчезли послѣднія мечты о счастьи... Съ надорваннымъ здоровьемъ, разстроенными нервами, получивъ желанную отставку и сдавъ *Телескопъ* на попеченіе Бѣлинскаго и его друзей,—Надеждинъ наскоро собрался и уѣхалъ за границу. И лишь шесть лѣтъ спустя появилось въ печати его единственное крупное беллетристическое произведеніе—повѣсть „Сила воли“, гдѣ, среди вымысла, маскировавшего основную канву,

взятую изъ жизни,—*mutatis mutandis*—можно открыть отраженіе исторіи несчастной любви, не нашедшей себѣ отклика въ „пустынѣ ужаснаго, ненавистнаго свѣта“.

Черезъ полгода, вернувшись изъ своей поѣздки, Надеждинъ отказался отъ предложенной ему кѣредры въ Кіевскомъ университетѣ и снова принялся за изданіе *Телескопа*, который просуществовалъ, однако, недолго: „Философическія письма“ П. Я. Чаадаева были, какъ извѣстно, причиною его запрещенія. Эта роковая статья, въ которой редакторъ усмотрѣлъ „возвышенность предмета, глубину и обширность взглядовъ“, вызвала „страшное негодованіе“ въ извѣстной части публики и „ужасную суматоху въ цензурѣ и литературѣ“. Жуковскій признавалъ кѣтолицизмъ несомвѣстнымъ съ понятіемъ о Россіи; А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вязомскому о „большихъ толкахъ“, о возможности „грозы“, о своихъ спорахъ съ Чаадаевымъ. „Что надѣлалъ Надеждинъ? Какъ до такой степени не знать своего дѣла? Виноватъ одинъ, а естественно падаетъ на всѣхъ... Здѣсь объ этомъ такой трезвонъ по гостинымъ, что ужасъ: и что всего досаднѣе, вступиться нельзя: явная глупость въ самой статьѣ, а еще болышая въ напечатаніи оной“—горячился князь В. Ѳ. Одоевскій. Расходились слухи, что Надеждинъ подвелъ цензора—профессора Болдырева; что „письма“ помѣщены въ *Телескопъ* въ виду его малаго успѣха; или въ видѣ одолженія Чаадаеву, якобы замѣшанному въ любовныхъ дѣлахъ Надеждина; власти подозрѣвали существованіе „тайной партіи“, желавшей „поднять шумъ, подобный тому, который былъ вызванъ запрещеніемъ *Телеграфа*“. Императоръ Николай нашелъ содержаніе статьи „дерзостной безмыслицей, достойной умалишеннаго“, прибавивъ, что „не извинительны ни редакторъ журнала, ни цензоръ“, почему было рѣшено выслать Надеждина на жительство въ Усть-Сысольскъ подъ присмотръ полиціи, и, въ видѣ особой милости, графъ Бенкендорфъ „исходатайствовалъ ему позволеніе писать и печатать сочиненія подъ своимъ именемъ“. О ссылкѣ Надеждина Д. М. Княжевичъ извѣстилъ Погодина: „Общій спутникъ нашъ Николай Ивановичъ сдѣлалъ большую неосторожность и несетъ наказаніе совершенно заслуженное; но Богъ и Государь милостивы. Авось изгнаніе его не будетъ продолжительно. Для Николая Ивановича этотъ урокъ во всякомъ случаѣ будетъ полезенъ“.

„Урокъ“, дѣйствительно, былъ „полезенъ“. Заброшенный сначала въ глухой городишко, удаленный отъ умственнаго центра, а затѣмъ переведенный въ Вологду, среди людей, ему чуждыхъ и незнакомыхъ,

Надеждинъ сильно тосковалъ; связи съ тѣмъ „міромъ“, гдѣ кипѣла дорогая ему научная работа, поддерживались корреспонденціей немногихъ закадычныхъ друзей, сообщавшихъ „изгнаннику“ свѣдѣнія о московской жизни и литературѣ и выслывавшихъ ему книги и журналы. Уединеніе вызывало склонность къ самоуглубленію, къ переоцѣнкѣ совершенныхъ поступковъ, къ повѣркѣ движеній души и научныхъ интересовъ. „Тоска моя утоплена въ глубинѣ души“—писалъ онъ Максимовичу въ Кіевѣ. „Изгнаніе дорого мнѣ стоило. Оно разрушило всѣ очарованія прошедшаго. Въ будущемъ вижу только одно, что видѣлъ и Шиллеръ, когда не стало въ немъ „вѣры милой въ твореніе пламенной мечты“—вижу только наслажденіе дружбы и труда! Богъ подкрѣпитъ меня!“. „Я чувствую, что моя вѣйшая жизнь кончилась“, признавался онъ Погодину. „Отнынѣ я пересталъ существовать для настоящаго и будущаго. Все прошло и прошло невозвратно. Вы дѣйствуйте, трудитесь, приносите пользу—запасайте себѣ славу и благодарность; я едва ли долго сохранию способность принимать сердцемъ участіе въ вашихъ подвигахъ. *Вамъ подобаеть расти, мнѣ же малитися.* Говорю это не въ порывѣ отчаянія. Я такъ привыкъ къ моему положенію, что могу рассуждать о немъ безпристрастно, хладнокровно. По той же самой причинѣ я нахожусь теперь въ совершенномъ равнодушіи ко всему, что было, что могло быть причиною моего несчастья“. Но онъ не былъ равнодушенъ къ запросамъ своего ума, къ незаглохшей въ немъ жаждѣ идейной работы. Пусть „изнемогаетъ тѣло“, зато „душа желѣзная“; пусть онъ жалуется, что „способенъ только къ механическимъ занятіямъ, которыя служатъ въ родѣ душевнаго моціона“, что „тратитъ время на пустословіе“ или погруженъ въ „дробную копотливую работу, сообразную съ нынѣшнимъ состояніемъ души“, что ему „надо еще работать по найму, по заказу, чтобы срыть съ шеи долги“,—въ его головѣ тѣснится масса разнородныхъ замысловъ, не похожихъ на прежніе. Эстетика и археологія постепенно отходятъ на второй планъ; „высшая исторія челоѣчества сосредоточивается въ исторіи религіи, въ исторіи церкви“; „досуги посвящаются“ изученію прошлаго Русской земли; собираются матеріалы для статьи, гдѣ должно быть изображено „животворное вліяніе Кіева на Русскій Сѣверъ чрезъ спасительный свѣтъ христіанства...“. И, помимо пѣлаго ряда разнообразныхъ статей въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара,—въ *Библиотекѣ для Чтенія и Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* 1837 года, появляются историко-географическія и

историко-этнографическія изысканія Надеждина, нашедшаго въ нихъ себѣ „несказанную отраду“.

Въ географіи—по словамъ И. И. Срезневскаго—Николая Ивановича особенно интересовало то, что „непосредственно соприкасается съ судьбами человѣчества, что запечатлѣваетъ на себѣ слѣдъ его разумнаго бытія и запечатлѣваетъ себя на его исторіи. Есть тутъ на чемъ остановиться: сила климата и почвы и сила человѣка надъ климатомъ и почвой; усвоеніе, размноженіе, расселеніе и уничтоженіе человѣкомъ растений и животныхъ; его овладѣніе теченіемъ водъ и нѣдрами земли; потомъ постройки самыхъ громаднѣхъ размѣровъ и полныя жизни, и лежація въ развалинахъ часто глубоко подъ почвой; потомъ имена краевъ и мѣстностей, водъ, горъ и степей, гдѣ жилъ человѣкъ,—имена, пороживающія въ преданіяхъ тысячи лѣтъ и остающіяся перѣдко вмѣсто всякихъ лѣтописей и памятниковъ на память о жизни народовъ. Такъ думалъ Надеждинъ о географіи, и географическія изслѣдованія ставилъ въ основу изслѣдованій и выводовъ историческихъ. Глядя своеобразно на изслѣдованія географическія, Надеждинъ не могъ отрѣшиться отъ изслѣдованій этнографическихъ. Этнографъ—думалъ онъ—долженъ наблюдать всѣ разнообразныя особенности, представляющіяся въ родѣ человѣческомъ, гдѣ онъ есть, какъ есть, и чрезъ полное, всестороннее обслѣдованіе ихъ въ ихъ виѣшней раздѣльности выяснитъ существенную между ними внутреннюю связь и большую или меньшую общность, такъ чтобы и здѣсь разнообразіе частныхъ, возводясь къ своимъ естественнымъ разрядамъ, совокуплялось, наконецъ, въ стройную картину живого развитія одного начала жизни, которое есть человѣчество“. Съ одной стороны, должно было изслѣдовать языкъ; съ другой—разсматривать народъ, какъ „органическую связь семей и поколѣній людей“, отличающихся извѣстными „качествами тѣла и души, особенностями тѣлеснаго организма, наклопностей и физическаго быта и особенностями нравовъ, понятій и быта духовнаго“. Принимался во вниманіе и тотъ фактъ, что народности могутъ „сталкиваться“ между собою, вызывая „обоюдный размѣнъ“ національныхъ особенностей,—и задачей этнографа было отдѣлать то, что „въ многовѣковой накіпи разнородныхъ и разнокачественныхъ элементовъ, которая составляетъ накіпъ народа, должно признать ни откуда не занятымъ, самороднымъ и самообразнымъ,—отъ того, что появилось вслѣдствіе чуждаго вліянія“. Эти общія точки зрѣнія начали находить себѣ примѣненіе въ статьяхъ о Венедахъ, о Великой Россіи, о нѣкоторыхъ финскихъ наро-

дахъ и въ „Опытѣ исторической географіи русскаго міра“. Къ трудамъ той же категоріи надо отнести очерки: „Съ чего должно начинать исторію?“, „Объ историческихъ трудахъ въ Россіи“ и „Объ исторической истинѣ и достовѣрности“. Второй изъ упомянутыхъ очерковъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Шафарика, давшаго о немъ самый лестный отзывъ въ письмѣ къ Погодину.

Разработка русской исторіи, по мнѣнію Надеждина, не вполне удовлетворительна. До половины XVIII столѣтія „мы жили, въ счастливомъ довольствѣ, сказаніями нашихъ предковъ“. Байеръ впервые „обнаружилъ недовѣрчивость къ нашимъ лѣтописнымъ преданіямъ“, „предпочиталъ имъ чужеземные источники“ и высказался за скандинавское происхожденіе Руссовъ; слабая дань критикѣ была заплачена Татищевымъ, Эминимъ, Щербатовымъ, болѣе „осторожнымъ и разсудительнымъ“ Ломоносовимъ, Болтинымъ, Елагинимъ. „Всѣ эти писатели, хотя явно, часто даже съ ожесточеніемъ, противорѣчили Байеру въ выводахъ, но по направленію и приемамъ критики принадлежать къ его школѣ“; введеніе же „строгаго, методическаго, ученаго“ изслѣдованія—дѣло Шлецера, который „началъ, подъ именемъ Нестора, издавать русскія лѣтописи съ древнимъ ихъ текстомъ, сличенныя, переведенныя и объясненныя по-нѣмецки“. Къ несчастію, „настаявая сильно и справедливо на необходимости дипломатики и палеографіи, Шлецеръ, между тѣмъ, давалъ равную вѣру всѣмъ спискамъ, бывшимъ у него въ рукахъ, и нерѣдко, по собственному признанію, вносилъ въ возстановленный текстъ Нестора слова, даже цѣлыя фразы, находившіяся только въ одномъ спискѣ, и притомъ въ самомъ древнемъ или болѣе прочихъ испорченномъ. Это придавало нашей критикѣ тонъ исключительно экзегетическій, который водится за ней и донынѣ“, какъ будто „дѣло идетъ о каноническихъ книгахъ или объ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ“.

Экзегетическая школа сдѣлала еще очень немного, какъ мысль о „полной и систематической исторіи пробудилась снова и осуществилась блистательнымъ образомъ“ въ „Исторіи государства російскаго“, изложенной хорошимъ стилемъ и снабженной „драгоцѣнными примѣчаніями“. Но Карамзинъ „родился литераторомъ, рѣзчикомъ на языкѣ“, и его „безсмертное произведеніе“, „составляя эпоху въ нашей исторической литературѣ“, „не могло подвинуть впередъ исторической нашей критики“. Вслѣдъ за трудомъ Карамзина явился „новый яркій метеоръ“, порожденный тѣмъ переворотомъ въ понятіяхъ Западной Европы, который былъ вызванъ философіей, филологіей, лекціями

Гизо и изслѣдованіями Тьерри—была напечатана „Исторія русскаго народа“ съ зловѣщимъ именемъ Нибура, разрушившаго цѣлые пять вѣковъ классической исторіи Рима; но это имя напрасно только перетревожило. Критика новой исторіи оказалась такъ же кротою, безопасною, консервативною, какою мы видѣли ее на страницахъ „Исторіи государства россійскаго“. Наконецъ, „подъ шумъ волненія“, вызваннаго Полевымъ,—возникло новое направленіе критики—скептическое; стали сомнѣваться въ достовѣрности нашихъ лѣтописей, единственныхъ намятниковъ самой древней и самой важной части нашего прошедшаго, „разрушать всѣ прежнія работы“, съ угрозой „отнять у насъ цѣлые четыре вѣка исторіи“. По глубокому убѣжденію Надеждина, бѣда произошла отъ „чрезмѣрной поспѣшности, которая составляетъ отличительный характеръ нашей образованности: „едва заложили основаніе, какъ тотчасъ думаемъ сомкнуть сводъ и вывести вершину“. Положимъ, скептицизмъ „не совсѣмъ безоснователенъ“, но онъ „не долженъ простираться слишкомъ далеко.“ Не зачѣмъ „обезглавить нашу исторію“ и предполагать, что вовсе не существовало „подлинника древней лѣтописи“. „Важно не то, кто именно писалъ“ послѣднюю, но „когда она написана“, и, по нѣкоторымъ признакамъ, можно заключить о ея принадлежности къ XI вѣку и о сочинительствѣ черноризца печерскаго; при чемъ крайне неправдоподобно думать, чтобы „начало нашихъ лѣтописей было исторической мистификаціей XIV вѣка“. Пропуски, повторенія существующихъ списковъ не исключаютъ еще возможности „возстановить нашу лѣтопись въ ясномъ и вразумительномъ видѣ“, чему „блистательный образецъ показалъ“ Шлецеръ. Но и его „рѣшительный догматизмъ“, напоминающій методу „библейской экзегетики, гдѣ изъясняется текстъ, котораго каждая черта боговдохновенна“, долженъ быть отвергнутъ. „Пусть древнія наши лѣтописи состоятъ изъ мѣзовъ. Отъ этого исторія наша не пострадаетъ ни въ формѣ, ни въ содержаніи“, но „даже значительно можетъ обогатиться“. По примѣру другихъ европейскихъ народовъ, мы должны признать „полезными и важными для исторіи“ тѣ „отголоски минувшаго, которые сохранены не хартією и чернилами, а устами народа“, т. е. пословицы, пѣсни. Конечно, при этомъ, надо „вооружиться критикою строгою, но благодушною, прозорливою“, дѣйствующею на основаніи „новыхъ правилъ“. Каковы же эти „новыя правила“? Всѣ свидѣтельства, изъ которыхъ „заимствуется познаніе былого“, раздѣляются на „естественныя, или физическія“, и „искусственныя, или собственно историческія“. Подъ пер-

выми разумѣются „слѣды великихъ физическихъ переворотовъ земного шара, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкую связь съ судьбою рода человѣческаго“; подъ вторыми—всѣ словесные отзвуки минувшаго, „представляющіе множество различныхъ оттѣнковъ, отъ летучаго и невѣрнаго преданія, живущаго въ устахъ народа, до непреложнаго документа, изваяннаго въ публичной надписи или начертаннаго на официальной хартіи съ соблюденіемъ всѣхъ формъ дипломатической законности“. Надъ этимъ матеріаломъ можно оперировать двояко: въ область „герменевтики“ входитъ „возстановленіе“ и „разборъ смысла“ свидѣтельствъ; умѣнье „открывать въ нихъ истину“ выпадаетъ на долю „діагностики“. Достоувѣрность свидѣтельства выясняется либо при помощи низшей, либо при содѣйствіи высшей критики. Низшая критика, т. е. археологія, палеографія, эпиграфика, нумизматика, „доказываетъ подлинность, или изобличаетъ подлогъ и порчу разсмотрѣніемъ матеріальной формы,—вещества, очертанія и разныхъ другихъ внѣшнихъ принадлежностей; сличеніемъ съ другими экземплярами памятника или текста, если они есть; сравненіемъ съ другими свидѣтельствами, неоспоримо принадлежащими тому же лицу или той же эпохѣ“. Болѣе „плодотворная“ высшая критика „оцѣниваетъ достовѣрность свидѣтельствъ по примѣтамъ нравственнымъ“, разсматриваетъ „тѣ же два внѣшнія условія: лицо и время“, которыя „изслѣдуются относительно ихъ внутреннихъ правъ на довѣріе потомства“. Слѣдя за примѣненіемъ высшей критики, нельзя не замѣтить, что она „впадаетъ въ извѣстный логическій порокъ, называемый кругомъ въ умозаключеніи *circulus in demonstrando*“. „Она опредѣляетъ достоинство свидѣтельствъ по характеру эпохи и лицъ, тогда какъ эта эпоха и эти лица сами узнаются и оцѣниваются не иначе, какъ изъ тѣхъ же свидѣтельствъ. Слѣдовательно, въ изысканіяхъ своихъ она принимаетъ за основаніе то, что должно быть ихъ заключеніемъ“. Примѣры въ лицѣ Вольфа и Нибура ясно доказали, что критика этого рода болѣе склонна къ разрушенію и порожденію сомнѣній, чѣмъ къ утвержденію и созиданію. Но „невѣріе есть издыханіе мысли“; какъ же выйти изъ затрудненія? Надо подвергнуть анализу не одни свидѣтельства, но и содержащіеся въ нихъ факты: къ критикѣ свидѣтельствъ — „формальной“, присоединить критику фактовъ — „реальную“. „Всякій фактъ“ — говоритъ Надеждинъ — „самъ въ себѣ имѣетъ внутреннія условія достовѣрности, которыя гораздо важнѣе и выше, которыя часто не зависятъ нисколько отъ достовѣрности свидѣтельствъ, напротивъ—даютъ имъ достовѣрность. Эти внутреннія условія составля-

ють историческую возможность факта, возможность не отрицательную только, заключающуюся въ отсутствіи противорѣчія, но положительную, состоящую въ полномъ согласіи его съ законами историческаго развитія жизни. Никакой древній манускриптъ, никакой извѣстный авторитетъ, выдержавшій всю пытку обыкновенной критики, не убѣдитъ меня въ подлинности факта, если онъ представляетъ рѣшительное противорѣчіе съ этими законами; напротивъ, полное согласіе съ ними внушаетъ довѣренность къ факту, хотя бы онъ опирался на преданія, не удовлетворяющихъ требованіямъ нынѣшней критики". Отвѣтка исторической возможности фактовъ дѣлается тогда, когда принимается во вниманіе ихъ „согласіе съ общими законами человѣческой природы“, „одной во всѣхъ безчисленныхъ существахъ, называемыхъ людьми, развивающейся и дѣйствующей по однимъ законамъ, какъ бы существа ни были отдѣлены другъ отъ друга пространствомъ и временемъ“; когда, „при общемъ единствѣ природы человѣческой“, отмѣчается „различіе ея въ разныхъ народахъ, издавна отдѣлившихся другъ отъ друга“; когда не забывается „вліяніе времени, или послѣдовательнаго развитія жизни въ каждомъ народѣ“; когда, наконецъ, отводится должное мѣсто „стороннимъ вліяніямъ, этой внѣшней накипи, всасываемой и усвоемой народами“. При этихъ началахъ реальная критика избѣжитъ „Сциллы невѣрія“ и „Харибды легковѣрія“: расширяя область преданій, „имѣющихъ право на историческую достовѣрность“; стѣсняя употребленіе преданій, „выдерживающихъ пробу обыкновенной критики, но не рождающихъ убѣжденія“, она будетъ служить для утвержденія вѣры. Союзъ критики формальной и реальной дастъ желанные результаты; но, при всемъ томъ, необходимо постоянно помнить, что „всякое усовершенствованіе знанія есть только приближеніе къ истинѣ“, а „всякая достовѣрность, получаемая нами, есть только относительная“.

Подобныя изысканія услаждали для Надеждина горечь одиночества и облегчали тяжесть ссылки, изъ которой весной 1838 года ему удалось вырваться на волю, по ходатайству Д. М. Княжевича и Я. И. Ростовцева. Событіе было въ высшей степени отрадно и не могло не отразиться на настроеніи Николая Ивановича: теперь всякая новая его статья будетъ напечатана безъ особыхъ разрѣшеній „высшей полиціи“, не вызоветъ переписки между поочтительмъ, министромъ и генераломъ Дуббельтомъ; теперь привѣтъ и ласка друзей отогрѣютъ „сиротствующую душу“, „зацѣпенѣвшую во льдахъ холоднаго сѣвера“, гдѣ „ртуть замерзаетъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ“.

„Да, я совершенно счастливъ“, писалъ Надеждинъ Максимовичу: „потому что совершенно прощенъ милосерднымъ Монархомъ, совершенно возвращенъ къ жизни, совершенно свободенъ! Я все еще пока въ Вологдѣ; но уже не оттого, что не могу, а оттого, что нельзя тронуться съ мѣста. У насъ только что начинается весна. Рѣки и болота вскрылись. Надо сидѣть, по крайней мѣрѣ, до мая. Но, при первой возможности, я взмахиваю крыльями и лечу вольною птичкою. Куда—спросишь ты. Конечно, уже не въ Москву, которую ты справедливо называлъ мачихою въ отношеніи ко мнѣ. Я ѣду прямо въ Питеръ“. И, дѣйствительно, 30-го іюня онъ былъ уже въ столицѣ; но сильно развившаяся хроническая болѣзнь (ревматизмъ) побудила его „съ глубочайшей благодарностью принять предложеніе Д. М. Княжевича поселиться на югѣ Россіи“—въ Одессѣ, гдѣ послѣдній былъ попечителемъ округа.

Однако, „несмотря на южное небо и цѣлебную силу моря“, здоровье Надеждина „плохо поправлялось и было весьма неблагонадежно“; „валянье въ крымскихъ грязяхъ“ и искусство врачей дѣлали больного „молодцомъ“ лишь на время. „Я живъ—пока!“—извѣщалъ онъ Погодина: „отдыхаю понемножку, но двигаюсь еще очень плохо на скудельныхъ своихъ ногахъ. Спрашиваешь: что я дѣлаю? Разуется, не сажу сложа руки... Братъ! жизнь коротка и глупа. Надо... не сорить ею по мелочи! Особенно намъ съ тобою пора приняться за умъ; вѣдь, ужъ половину поля перешли, половину жизни промытарилъ“. И онъ страстно не хотѣлъ „промытарить“ по-пусту ея другой половины. Общеніе съ пріятелями отнынѣ ничѣмъ не стѣсняется; прежнія связи упрочены былыми напастями: „amicus certus in re incerta cernitur“. Таковы были Максимовичъ, Погодинъ и Д. М. Княжевичъ, „истинно добрѣйшій и благороднѣйшій человекъ“, съ которымъ Николай Ивановичъ былъ „связанъ священнѣйшими узами благодарности“ и которому „отдалъ въ безусловное распоряженіе всего себя“. Были и другіе: преосвященный Иннокентій, знаменитый проповѣдникъ и бывший сотрудникъ *Воскреснаго Читенія*; профессоръ В. В. Григорьевъ; К. А. Неволинъ; С. О. Богородскій; А. А. Краевскій... Съ послѣднимъ завязалась энергичная переписка, хорошо выразившая интересы Надеждина. Имѣтъ вѣсти изъ Петербурга, получить *Отечественныя Записки*, отправить для нихъ статьи, сообщить отъ себя одесскія литературныя новости, учредить обмѣнъ мнѣній между южной и сѣверной окраиной Россіи—его завѣтныя желанія. „Вотъ начало трудовъ, которые вы заказали мнѣ“,—писалъ онъ Краев-

скому: „посылаю эти немногіе листки, содержащіе въ себѣ почти только введение, единственно для того, чтобы вы не отчаялись въ ихъ полученіи. Разъ взявшись за дѣло, я не люблю отставать. У меня всегда начало—половина работы“; или: „теперь оканчиваю „Литературу XVII вѣка“, которая скоро полетитъ къ вамъ. Насчетъ дополненій къ „Энциклопедическому Лексикону“ подожду вашего перваго листка, чтобы приноровиться“. Изданіе первой книги *Киевлянина* вызвало слѣдующее посланіе Максимовичу: „По несчастію, съ сею оказією не могу выслать требуемаго тобою; но вышлю немедленно, буде это не противно таможенному уставу. Самъ ты виноватъ, что вторично не напомнилъ мнѣ. Я, было, думалъ, что сборника твоего не будетъ. Теперь непременно напишу и вмѣстѣ съ литографическими штукаами вышлю. Тогда ты увидишь, что я не такой чучело, какъ ты, обманувшій начисто *Одесскій Альманахъ* на нынѣшній годъ“.— Въ упомянутомъ альманахѣ, издателемъ котораго былъ Княжевичъ, а также *Утренней Зарн*, *Сынъ Отечества* и, поздѣе, въ *Москвитянинѣ* помѣщено нѣсколько статей Николая Ивановича, встаетъ сказать, не всегда успѣвавшего исполнять всѣ заказы и обѣщанія; но не здѣсь, главнымъ образомъ, а во вновь учрежденномъ Одесскомъ обществѣ исторіи и древностей особенно ярво проявилась научно-литературная его дѣятельность.

„Новороссійскій край“, говоритъ первый предсѣдатель общества Княжевичъ въ проектѣ устава, препровожденнаго Уварову, „принадлежитъ къ числу немногихъ, представляющихъ обильную жатву пылвому уму, стремящемуся расторгнуть завѣсу времени и по немногимъ даннымъ угадать прошедшее. Въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ край этотъ былъ сценою столкновенія различныхъ народовъ, изъ которыхъ каждый оставилъ нѣкоторыя слѣды, видимыя и доселѣ. Сохранить эти памятники глубокой древности, описать и объяснить ихъ—цѣль, которую предположило себѣ составляющееся вновь общество“. Такая цѣль пришла въ душѣ и Надеждину, который въ торжественномъ собраніи общества произнесъ рѣчь: „О важности историческихъ и археологическихъ изслѣдованій Новороссійскаго края, преимущественно въ отношеніи къ исторіи и древностямъ русскимъ“, а въ его *Запискахъ* впоследствии напечаталъ изслѣдованія: „Геродотова Скифия, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями“, „Критическій разборъ сочиненія доктора Линднера: *Skythien und die Skythen von Herodot*“, „О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчена, принадлежавшаго народу Угличамъ“ и др.

Въ томъ же 1840 г., когда было открыто Одесское общество, Надеждинъ, вмѣстѣ съ Княжевичемъ, предпринялъ продолжительное путешествіе по славянскимъ землямъ. „Въ непродолжительномъ времени я оставляю Одессу и Россію“, писалъ онъ Погодину. „Ѣду далеко на западъ. Хочу объѣхать всѣ словенскія земли. Я собираю давно уже матеріалы для исторіи восточной церкви, преимущественно у словенскихъ народовъ“. „Не умирай безъ меня“, увѣщевалъ онъ прихворнушаго въ то время Максимовича, съ которымъ любилъ дѣлиться своими планами: „Умирать такъ вмѣстѣ!—Я Ѣду, какъ ты уже знаешь. Ѣду я далеко. Хочу объѣхать Балканъ и Карпатъ, эти родимыя гѣзда нашего доблестнаго рода и могучаго языка. Ѣду черезъ Молдавію, Валахію, Седмиградію, Сербію и Венгрію— сначала до Вѣны; потомъ, побывши въ Прагѣ и Мюнхенѣ—спускаюсь въ Италію до Неаполя. Оттуда хочу пробраться черезъ Адриатику,—до Рагузы (Дубровника) и Черной Горы, и по Далматскому берегу, черезъ Кроацію и Сирію, опять въ Вѣну. Изъ Вѣны уже обыкновенною дорогою пройду въ Львовъ, и думаю заглянуть къ Венгерскимъ Руснякамъ въ Сѣверовосточные Комитаты; буду и на развалинахъ Галича“.—Николай Ивановичъ увѣждалъ, сопровождаемый лучшими пожеланіями знакомыхъ. „Извѣстіе о Надеждинѣ тѣшитъ меня“, откровенничалъ съ Погодинымъ Бодянский: „съ его проникательностью и мѣткостью можно сдѣлать многое. Впрочемъ, если онъ не займется изученіемъ, почему бы то ни было, языковъ тѣхъ народовъ, конкъ собирается осмотрѣть, онъ сильно и жалко промахнется; онъ будетъ смотрѣть изъ чужихъ рукъ и долженъ довольствоваться даннымъ. Въ такомъ случаѣ жалъ миѣ его напередъ“. Но жалѣть Надеждина было нечего: онъ не „промахнулся“, а со свойственной ему „проницательностью и мѣткостью“, дѣйствительно, сдѣлалъ многое. „Чтенія, наблюденія, соображенія“ способствовали достиженію цѣльныхъ результатовъ; языки: новогреческій, валашскій и нѣкоторыя западно-славянскія нарѣчія были изучены; безъ всякихъ книгъ и пособій, въ чисто дорожной обстановкѣ, пишется серьезнѣйшее изслѣдованіе, касающееся „судьбы русскаго народа въ языкѣ“, которое выдерживаетъ самую строгую „повѣрку по источникамъ“ и помѣщается Кошитаромъ въ *Jahrbücher der Litteratur*; наконецъ, составляется отчетъ о путешествіи, напечатанный дважды: въ *Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей* и въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1842).

Возвратясь въ Одессу въ сентябрѣ 1841 г., Надеждинъ сразу почувствовалъ, какими важными познаніями обогатился его умъ; но-

вое, широкое научное поприще, намѣченное еще въ дни ссылки, раскрывалось предъ нимъ и манило къ себѣ. Его интересуетъ вопросъ о существованіи русской церкви до Владиміра; онъ не прочь посмѣяться надъ „неконсеквентнымъ“ отношеніемъ къ Шлецеру Погодина, который подлежитъ отвѣтственности еще за незнаніе чешскихъ лѣтописцевъ; онъ убѣдился, что „славянскій патриотизмъ, мечтающій о централизаціи славянскаго міра, существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ“, но что народы славянскіе вообще,—за исключеніемъ венгерскихъ славянъ и русиновъ, угнетаемыхъ магнатами— „живутъ себѣ преспокойно подъ австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой-либо политической самобытности“. Посвященіе крымскаго имѣнія Княжевичей даетъ толчекъ для развитія цѣлаго ряда идей. Какая „бездна воспоминаній, встрѣчающихся на каждомъ шагу по всему протяженію южнаго берега—воспоминаній столькихъ вѣковъ и народовъ, столькихъ событій и идей—отъ подземныхъ гробницъ безымянныхъ скифовъ въ курганахъ Керчи до подземныхъ убѣжищъ первыхъ христіанъ, въ скалахъ Инкермана; отъ кресель, на которыхъ завололся Митридатъ, до мѣста, освященнаго первоученической кровью св. Климента, сверстника и ученика апостоловъ; отъ храма Діаны Таврической, гдѣ столько поэтовъ почерпали для себя вдохновеніе, до развалинъ церкви, въ которой была купель, возродившая въ благодатную жизнь всѣхъ насъ въ лицѣ равноапостольнаго Владиміра“. Чувствуется, что „главное направленіе умственной дѣятельности“ Надеждина, всегда бывшее „философски-историческимъ“, сдѣлалось „религіозно-историческимъ“. Обширный „кругъ занятій“ былъ „тѣмъ болѣе привлекателенъ, чѣмъ менѣе былъ до сихъ поръ обработанъ“. Вотъ собственныя признанія Николая Ивановича въ письмѣ къ Ю. Н. Бартеневу: „Я занимаюсь теперь изученіемъ судебъ христіанства, преимущественно въ святомъ видѣ восточнаго православія, то-есть исторіею православной восточной церкви! До сихъ поръ никто еще не брался за этотъ важный, для насъ особенно такъ драгоцѣнный, предметъ. Всѣ историки христіанства—или католики, или протестанты, люди съ непримиримыми предразсудками противъ нашего православія! А мы ихъ не только читаемъ, но даже и списываемъ съ безусловною вѣрою!.. Чтобы не повторить съ чужого голоса, чтобы достать истину изъ самыхъ источниковъ, я нарочно совершилъ послѣднее мое путешествіе, въ которомъ обозрѣлъ восточную Германію, Италію, а главное южно-славянскія страны: Далмацію, Истрію, Черногорію, Кроацію, Славонію, Сербію, Молдавію, Валахію, Трансильванію,

Венгрію, гдѣ нашелъ столько новаго, любопытнаго и важнаго въ отношеніи къ моему предмету, что могу смѣло сказать о себѣ: „живу не даромъ“. Теперь я привожу въ порядокъ собранные матеріалы и даже готовлю къ изданію, если Богъ укрѣпитъ силы и пошлетъ средства. Выйдетъ нѣчто цѣлое—„Исторія восточнаго христіанства у славянъ“. Но предметъ тѣмъ еще не исчерпывается, только почнется, такъ сказать отвѣдается. Надо-бъ было и для теперь приготовленнаго отдѣла посвятить еще Булгарію, Македонію, Фессалію, проникнуть до Святой Гѣры, гдѣ, по слухамъ, таятся безвѣстныя еще сокровища для исторіи христіанства собственно славянскаго. Но если объять всю восточную церковь,—то какое безпредѣльное море!.. Видите ли, какъ далеко простираются мои мечты! Сомнѣваюсь, чтобы онѣ могли выполниться, тѣмъ болѣе, что судьба отказала мнѣ во внѣшнихъ средствахъ къ ихъ исполненію. Можетъ быть, даже и теперь, я долженъ оторваться отъ дѣла, оставить его при началѣ только. Вы слышали, что я намѣревался пріѣхать въ Петербургъ скоро. Для чего это? Для того, что боюсь, въ настоящемъ положеніи, совершеннаго изсякновенія способовъ къ существованію. Надо будетъ, можетъ быть, торговать своимъ перомъ, или отдать въ наймы свою службу, чтобы не умереть съ голоду“.—Умереть съ голоду не дали друзья: въ мартѣ 1842 г. Надеждинъ былъ зачисленъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ; но сильныя припадки ревматизма задержали его въ Одессѣ, уложили на мѣсяць съ лишнимъ въ постель въ Кіевѣ—и только поздней осенью онъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ вступилъ въ отправленіе новыхъ служебныхъ обязанностей по должности редактора *Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ*.

Чтобы преобразовать этотъ журналъ согласно предначертаніямъ новаго министра Л. А. Перовскаго, требовались усиленные, копотливыя занятія, отнимавшія много времени; имъ отдался Николай Ивановичъ со свойственнымъ ему усердіемъ. Онъ облакалъ въ литературную форму доставляемый сырой матеріалъ; съ педантической точностью и аккуратностью исправлялъ множество корректуръ; желая придать единство изданію, старался сглаживать встрѣчающіеся противорѣчія и недочеты; печаталъ, безъ подписи, свои замѣчательныя изслѣдованія въ области географическаго, этнографическаго и статистическаго изученія Россіи: о новороссійскихъ степяхъ, о сѣверо-западномъ краѣ имперіи въ прежнемъ и настоящемъ видѣ, о племени русскомъ въ общемъ семействѣ славянъ, объ исчисленіи народонаселенія, о городахъ русскихъ съ указаніемъ вліянія гражданственности

азиатской и европейской, объ объемѣ и порядкѣ обзорнiя народнаго богатства, о городѣ Зарайскѣ, о Гиржавскомъ монастырѣ въ Бессарабiи, объ армяно-грегорiанской церкви и мн. др. Надеждинъ привлекалъ, по мѣрѣ возможности, къ сотрудничеству въ журналѣ и своихъ старыхъ знакомыхъ, способныхъ быть ему полезными: онъ съ удовольствiемъ напечаталъ разысканiя Погодина о городахъ и предѣлахъ древнихъ княжествъ Кiевского и Черниговскаго; вмѣстѣ съ Неволынымъ, снабдилъ ихъ драгоцѣнными подстрочными дополненiями, за „отчетливостъ“ которыхъ ручался, и обратился ко всѣмъ „любителямъ и знатокамъ дѣла“ съ просьбою—„взять на себя трудъ провѣрить, по своимъ свѣдѣнiямъ, предлагаемыя здѣсь показанiя, изслѣдованiя и соображенiя, въ особенности же на основанiи живыхъ мѣстныхъ наблюденiй, подтвердить или опровергнуть сдѣланные выводы, пояснить оставшияся темноты, разрѣшить возбужденныя недоумѣнiя“.—Труды по редакцiи, несомнѣнно, поглотили бы всѣ силы и весь досугъ Надеждина, если бы судьба въ 1845 г. не послала ему хорошаго помощника въ лицѣ стараго знакомаго В. В. Григорьева, по странному смеленiю обстоятельствъ, принужденнаго оставить профессуру и причислится къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Но облегченiе, доставленное прiателемъ, съ которымъ Николай Ивановичъ жилъ „душа въ душу“, было только кажущееся, такъ какъ громадная эрудицiя редактора журнала не ускользнула отъ внимательнаго министра, по достоинству оцѣнившаго дарованiя подчиненнаго. Результатомъ этого были порученiя Надеждину дѣль, „требовавшихъ философско-богословскихъ знанiй“, и двѣ продолжительныя командировки за границу (1845—1846 и 1847—1848 гг.).

Въ описываемую эпоху „признавалось цѣлесообразнымъ принимать противъ раскола мѣры строгости и наказанiй“; всякаго рода дознанiя производились „секретно“; власть свѣтская соперничала съ властью духовной въ искорененiи этого зла, которому придавали характеръ государственной важности; было приложено также не мало попеченiя къ тому, чтобы „южные славяне православнаго вѣроисповѣданiя получали вѣрныя свѣдѣнiя о важнѣйшихъ событiяхъ, совершавшихся внутри русской церкви“. Особенно были выдвинуты два вопроса: о скопцахъ и о нашихъ раскольникахъ, задумавшихъ основать въ Бѣлой Криницѣ самостоятельную архiereйскую каедрю. Начальство многого ожидало отъ Надеждина, который въ 1845 году закончилъ „Ислѣдованiе о скопческой ереси“, болѣе подробное и обстоятельное, чѣмъ однородная работа Дала, и отпечатанное въ количествѣ всего

25 экземпляровъ, а затѣмъ представилъ министру записку, въ которой сообщалъ „частныя свѣдѣнія, полученныя изъ Вѣны и Песта“, о томъ, что бывший Далматинскій епископъ Венедиктъ Кралевичъ „изъявилъ согласіе пойти къ нашимъ раскольникамъ“. Но, побывавъ за границей, Надеждинъ, на основаніи личныхъ распросовъ и наблюдений, пришелъ къ выводу о неправильности суждений своихъ „корреспондентовъ“; выдавать „разныя слухи, догадки и предположенія за несомнѣнную истину“—было несомнѣнно съ его „осторожностью и добросовѣстностью“, почему во второй запискѣ онъ измѣнилъ первоначальную точку зрѣнія. „Слухи есть, что они (Павель и Алимпій)“—писалъ онъ—„въ особенности рассчитывали на Венецію, гдѣ съ давнихъ лѣтъ проживаетъ бывший нѣкогда православный епископъ Далматскій Венедиктъ Кралевичъ, жизнь котораго исполнена странныхъ и необыкновенныхъ приключеній... Но дѣло съ тѣмъ не сладилось, безъ сомнѣнія потому, что старикъ, вслѣдъ за побѣгомъ своимъ изъ Далмаціи, обезпеченный отъ австрійскаго правительства щедрымъ пенсіономъ, живетъ себѣ теперь пригнѣваячи и, конечно, не имѣетъ никакихъ выгодъ промѣнять великолѣпную, блестящую Венецію на какую-нибудь бѣлокриницкую трущобу“.—Далѣе, называя, правда, расколъ „язвою“ (какъ иначе могъ выразиться въ тѣ времена чиновникъ въ официальной бумагѣ!), онъ не преминулъ отмѣтить, что императоръ Александръ I, пріѣхавъ въ 1816 г. въ Черновицы, „изволилъ любоваться этой необыкновенной береженностью русской національности въ липованахъ, представленныхъ его величеству“, „удостоилъ нѣкоторыхъ распросовъ о житіѣ-бытѣ ихъ и отпустилъ съ щедрыми подарками“.—Кромѣ того, совѣстливое отношеніе Надеждина къ раскольникамъ подтверждается еще слѣдующимъ фактомъ. Въ 1847 г., приглашенный для богословскаго разговора съ бывшимъ настоятелемъ Бѣлокриницкаго монастыря—Геронтіемъ, который былъ заключенъ въ арестантской комнатѣ III отдѣленія и находился въ подозрѣніи, что онъ не купецъ, а монахъ (*что и следовало раскрыть*),—Николай Ивановичъ „цѣлыхъ два часа бесѣдовалъ о Никоновскихъ исправленіяхъ, ничѣмъ не обнаруживъ своего знакомства“ съ человѣкомъ, который, незадолго передъ тѣмъ, „въ качествѣ настоятеля принималъ и угощалъ его въ своихъ кельяхъ“, не скрывая своего монашескаго званія. „Лично Геронтій не зналъ Николая Ивановича“—было заключеніе присутствовавшего при бесѣдѣ чиновника Липранди, которому даже въ голову не пришла мысль о возможности бывшихъ свиданій Надеждина съ арестантомъ, состояв-

шихся при иныхъ условіяхъ и въ иной обстановкѣ. То же „совѣстливое“ отношеніе къ расколу заставляло изслѣдователя не довольствоваться имѣющимися въ его распоряженіи матеріалами для оцѣнки этого крупнаго историческаго явленія и искать все новыхъ и новыхъ данныхъ. По его указанію, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ Погодину съ просьбой предоставить на время въ распоряженіе министерства „весьма рѣдкія, а частію и единственныя въ своемъ родѣ, рукописи, въ коихъ содержатся любопытныя свѣдѣнія касательно сущности и распространенія въ Россіи ересей и расколовъ“; все нужное, конечно, было выслано изъ „Дрвохранилища“, и, помимо того, завербованныя Погодинымъ „поставщики древностей“ изъ раскольниковъ, повидимому, доставили не мало важныхъ документовъ, за что одно время предполагали даже награждать ихъ медалями.

Занятія расколомъ и поѣздки за границу сблизили Надеждина съ нѣкоторыми славянскими учеными и литераторами, которыхъ онъ расположилъ въ свою пользу яснымъ умомъ и широкой образованностью. Сношенія становились тѣснѣе; завязывалась и переписка. Миклошичъ извѣщалъ его о греческихъ рукописяхъ; чешско-словацкій поэтъ Янъ Коларъ просилъ его, за полтора года до своей кончины, поддержать изданіе „обширѣйшаго и труднѣйшаго“ изъ его сочиненій: „Старославянская Италия“; по его совѣту, епископъ Платонъ Атанацковичъ напечаталъ на сербскомъ языкѣ брошюру о раскольникахъ; Вукъ Караджичъ въ своихъ письмахъ передавалъ свое настроеніе, создавшееся подъ вліяніемъ происшествій 1848—1851 гг. Въ этихъ письмахъ „довольно подробно разсказаны событія изъ исторіи народныхъ движеній въ австрійской имперіи“, и по нимъ можно „прослѣдить постепенно развивавшіяся и смѣнявшія другъ друга впечатлѣнія, которыя вынесены были Караджичемъ изъ тогдашней борьбы между нѣмецкими революціонерами, мадьярскими республиканцами и славянскими федералистами“.

Во время пребыванія Надеждина за границей и его сношеній со славянскими дѣятелями, въ 1846 году въ Петербургѣ состоялось открытіе Русскаго Географическаго Общества. Его имя не стоитъ въ спискѣ учредителей; но виной тому было его отсутствіе въ нужный моментъ. На самомъ дѣлѣ, именно ему, а не кому другому было наиболѣе обязано новое учрежденіе какъ своимъ основаніемъ, такъ и дальнѣйшимъ развитіемъ своей плодотворной дѣятельности. Задачи этого общества были намѣчены въ запискѣ „Объ этнографическомъ

изученіи народности русской“, читанной Надеждинымъ, вскорѣ по возвращеніи изъ командировки, въ первомъ годовомъ собраніи. „Теоретическій“ объемъ науки оказался очень широкимъ: для ознакомленія съ русской народностью потребовалось обстоятельное изученіе исторіи, географіи, археологіи, быта... Почувствовалась нужда въ матеріалахъ; сдѣлались необходимыми мѣстныя наблюденія въ разныхъ частяхъ Россіи,—стало неизбѣжнымъ содѣйствіе многихъ лицъ, которыя, сочувствуя идеѣ общества, пожелали откликнуться на его призывъ. Но случайныя присылки этнографическихъ данныхъ, даже возбуждая любопытство, не всегда могли удовлетворить научнымъ требованіямъ; поэтому „случайности“ были „подчинены нормѣ“ въ продуманной программѣ, составленной, при содѣйствіи другихъ членовъ, Надеждинымъ и разосланной имъ во многія губерніи, въ количествѣ семи тысячъ экземпляровъ. Послѣдствія разсылки были „самыя утѣшительныя“, такъ какъ отовсюду „начали стекаться въ общество мѣстныя этнографическія описанія, все болѣе интересныя и важныя“. Дѣло шло тѣмъ успѣшнѣе, что ни одинъ вкладчикъ не былъ „оставленъ безъ привѣта“ Надеждинымъ, который въ концѣ 1848 г. былъ избранъ предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи этнографіи; кромѣ того, имъ же были обнаружены кой-какіе недостатки разосланной программы, которая была переработана и, въ новомъ видѣ, дала еще болѣе блестящіе результаты, вызвавъ необыкновенную дѣятельность лицъ всѣхъ сословій и званій въ разныхъ краяхъ Россіи. Накопленіе матеріала наводило на мысль о желательности его обнародованія; для этой цѣли были выбраны наиболѣе подробныя и обстоятельныя этнографическія описанія, и въ 1853 году былъ издавъ первый выпускъ *Этнографическаго Сборника*, образцово составленнаго подъ редакціей К. Д. Кавелина и Надеждина, который помѣстилъ въ немъ нѣсколько „превосходныхъ изслѣдованій о Сити въ общерусскомъ значеніи“. Одно изданіе матеріаловъ не удовлетворило энергичнаго предсѣдательствующаго, пожелавшаго заняться ихъ разработкой и систематическимъ изложеніемъ; подготовка этихъ новыхъ трудовъ, которые должны были быть раздроблены на нѣсколько частей, проявилась въ такъ называемыхъ „предварительныхъ обзорнѣяхъ“ — обычныхъ предметахъ чтеній въ засѣданіяхъ Отдѣленія и въ собраніяхъ Общества. Кромѣ того, въ 1848 г. прежнія *Записки* Общества, выходившія безсрочно и не сообщавшія своевременно всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, были замѣнены *Географическими Извѣстіями*, въ послѣдствіи преобразованными въ *Вѣстникъ*. Душой и этого предпріятія былъ тотъ же Николай

Ивановичъ. Въ его умѣ то и дѣло возникали новые планы, новые замыслы: онъ задумалъ „вскрыть“ цѣнные для этнографіи „рудники“, заключающіеся въ памятникахъ древней письменности и запискахъ иноземцовъ о Россіи, и самъ принялъ участіе въ этнографическомъ обследованіи нашихъ лѣтописей; онъ рѣшилъ привлечь къ любимому дѣлу любимыхъ друзей и знакомыхъ. Съ большой готовностью беретъ онъ устроить Максимовичу командировку отъ общества, съ порученіемъ „проѣхать по чертѣ, отдѣляющей малороссійское народонаселеніе отъ великорусскаго и бѣлорусскаго, и опредѣлить, съ положеніемъ на карту, границы ихъ“,—и очень скорбитъ, когда проектъ его не осуществился по недостатку матеріальныхъ средствъ; онъ обращается къ Погодину по дѣлу о назначеніи московскаго профессора Г. Е. Щуровскаго начальникомъ одной снаряжаемой экспедиціи; даетъ массу порученій Неволину, который завѣдуетъ его перепиской; старается поддержать нѣкоторые „предположенія“ И. И. Срезневскаго, котораго знакомитъ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ по случаю избранія обоихъ въ члены славяно-русскаго комитета. Наконецъ, онъ задумалъ дать образцы возможныхъ обобщеній въ области интересующаго его предмета. 30-го ноября 1852 года, въ торжественномъ собраніи Общества, въ присутствіи трехъ великихъ князей и полтора-раста членовъ, онъ прочелъ статью: „О русскіхъ народныхъ мѣтахъ и сагахъ, въ примѣненіи ихъ къ географіи и особенно къ этнографіи русской“. „Несмотря на двухчасовое чтеніе“, по словамъ П. С. Савельева, „она приволакала къ себѣ вниманіе блестящей и ученой аудиторіи; это торжественное введеніе русскіхъ сказокъ въ область науки, съ такими занимательными подробностями, умными наводеніями, неожиданными выводами и увлекательнымъ изложеніемъ, поразило всѣхъ... Всѣ члены сѣвшили принести поздравленіе и изъявить свои чувства удивленія оратору. Это была истинная овація; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это была и „лебединая пѣснь“...

Простонародныя сказки и приказы, басни и побасенки—съ точнѣе срѣвніи Надеждина—давно сдѣлались предметомъ изслѣдованія европейскихъ ученыхъ, въ родѣ знаменитаго Риттера; поэтому и у насъ, въ Россіи, небезполезно „представить небольшую пробу самаго способа, какимъ могутъ быть производимы эти занятія, въ видахъ и по требованіямъ науки“. Произведенія народнои фантазіи раздѣляются на „мѣты“ (μῦθος) и „саги“ (Sage). Подъ первыми разумѣются „всякіе народные вымыслы, служащіе покровомъ для мысли“, „по существу своему безвременныя и безмѣстныя“; подъ вторыми—„всякія народ-

ныя сказки, выросшныя на событія“, — „разказы, неизбѣжно двигающіеся сколько во времени, столько же и въ пространствѣ“. Хотя русскихъ мифовъ извѣстно сравнительно мало, однако слѣды мифизма все же можно найти въ „безчисленныхъ, разнообразныхъ обрядахъ и обычаяхъ, которыми, можно сказать, пропитанъ весь домашній бытъ русскаго человѣка, обставлена вся его жизнь отъ колыбели до могилы, и даже за могилой, пока онъ живетъ еще въ памяти своихъ родныхъ и ближнихъ“; затѣмъ, „мифологическое начало“ проявляется въ памятникахъ чисто-словесныхъ—въ „народныхъ повѣрьяхъ“, которыя „населяютъ“ „окружающую дѣйствительность различными сверхъестественными призраками“ и „тѣшатъ воображеніе воспоминаніями о бывавшихъ въ старину дивахъ дивныхъ и чудахъ чудныхъ“. Это все— „развалины, обломки, иногда не больше какъ самыя мелкіе дребезги давно минувшаго періода“, „порваннаго сильнымъ переворотомъ“: передъ „Божественнымъ свѣтомъ“ христіанства, „какъ ночные сны и призраки передъ свѣтомъ дня, рассыпаются и исчезаютъ всѣ мечты, всѣ вымыслы и придумки той эпохи предоставленнаго самому себѣ человѣчества, которую принято называть общимъ именемъ язычества“.

Изъ массы мифическихъ созданій иное „затерлось совсѣмъ и погубило безслѣдно“, иное „истерлось въ такой прахъ, что едва ли есть уже возможность разгадать и возстановить первоначальный видъ его“; но „было мѣсто и для попытокъ—продлить среди новаго порядка идей и вещей, старую мифическую жизненность и дѣятельность народной фантазіи; и это происходило посредствомъ больше или меньше удачной переработки стариннаго баснословнаго вещества, въ духѣ и формахъ той же старины, но уже, по возможности, сообразно новымъ понятіямъ и потребностямъ крещенаго, православнаго міра“. Таковы „стихи народные“; изъ послѣднихъ „стихъ о Голубиной книгѣ“, сохранившійся въ различныхъ редакціяхъ, должно признать „старшимъ, по первоначальному его происхожденію“. Здѣсь языческія преданія тѣсно сплетаются съ возрѣніями христіанскими. Голубиная книга—не Евангеліе или Библия, а „вся сокровищница“ стариннаго „народнаго знанія, весь тогдашній запасъ домашней мудрости“, согласно которой „на трехъ рыбахъ земля основана“; имя: „царь Малатоминъ Малатомьевичъ“—„явно до-историческое, положительно мифическое“. Но христіанство „проскользнуло“ по цѣпи отвѣтовъ, выражающихъ космогоническія понятія, „позолотило ихъ своимъ небеснымъ блескомъ“: „у насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда *Божія*“ и т. д. Въ географическомъ отношеніи, любопытно „Окіяпъ-

море"—наше нынѣшнее Черное, въ старину, какъ свидѣтельствуется исторія, собственно такъ называвшееся «Русское» море, съ присовокупленіемъ весьма старой и общераспространенной въ древнемъ мірѣ христіанскомъ легенды о совершавшемся нѣкогда въ этомъ морѣ ежегодно чудѣ появленія изъ волнъ его церкви съ мощами нѣкогда пострадавшаго тамъ за Христа св. Климента, папы Римскаго“. Встрѣчающееся въ бѣлорусской редакціи Латырь-море, какъ „ясно указываетъ мѣстность, гдѣ произошла редакція“,—Балтійское, а латырь—камень янтарь, который „понины находятъ, въ большомъ или меньшемъ изобиліи, по всему южному берегу“ упомянутого моря, „отъ Копенгагена до Курляндіи“.—„Созерцательный интерес“, „принадлежащій мнѣу въ собственномъ смыслѣ“, смѣшается „чисто-повѣствовательнымъ“ въ сагѣ, гдѣ „разсказъ, болѣе или менѣе баснословный, всегда привязывается къ какому-нибудь опредѣленному, поименованному лицу или, по крайней мѣрѣ, къ какой-нибудь нарочитой эпохѣ народной жизни“. „Историческое основаніе“ сагъ выражается, прежде всего, въ ихъ „особомъ хронологическомъ устройствѣ“. „Условіе времени соблюдается“, конечно, „крайне не строго, но все-таки княженіе Владиміра, правленіе Грознаго, „періодъ смутной и буйной вольницы, господствовавшей въ Великомъ Новгородѣ“,—любимыя эпохи, вокругъ которыхъ „предпочтительно группируются народныя воспоминанія“. „Второе общее свойство“ сагъ—изобиліе „мѣстныхъ, въ собственномъ смыслѣ географическихъ подробностей“: „вводится нерѣдко какой-то общій очеркъ пространства русской земли, очевидно, изложенный народнымъ воображеніемъ съ тогдашней дѣйствительности“. Особенно интересна „древняя баснословная“ гидрографія. На Руси замѣчается „чрезвычайная обширность рѣчныхъ системъ“ и „ихъ повсюдно, можно сказать, соприкосновеніе“; рѣки дѣлались „понлицами“ и „кормилцами“ населенія и служили „главными и долго единственными путями сообщенія“ среди „дремучихъ, непроходимыхъ“ лѣсовъ и „широкихъ, безпредѣльныхъ степей“. Не даромъ „Книга, глаголемая Большой Чертежъ“ была „чистою, совершенною“ гидрографіею; не даромъ „самое старое описаніе нашей Русской земли, въ самой старой нашей лѣтописи, происхожденіе которой никакъ не моложе первыхъ годовъ XII вѣка“, есть „чистѣйшее гидрографическое“. Опираясь на лѣтопись, легко прійти къ заключенію, что „русскій чело-вѣкъ того времени помнилъ очень явственно Дунай, какъ первоначальную свою отчизну“. Имя Дуная „неумолчно повторяется“ по всей Россіи „въ такихъ отголоскахъ старины, гдѣ меньше всего можно

предполагать позднѣйшее подновленіе": нѣсныхъ свадебныхъ, хоро-водныхъ, обрядовыхъ, которыя могли образоваться только въ такой періодъ, когда русскій человѣкъ „имѣлъ Дунай, такъ сказать, подъ бокомъ, когда тутъ былъ привычный водопоій для его коней, когда сестры его хаживали брать изъ него воду для домашняго очага". Поэтому въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" Дунай „упоминается явно рѣкою русскою"; лѣтописи дѣлають „указанія о владычествѣ и пребываніи русскихъ на Дунаѣ о посадникахъ, наславшихся туда изъ Кіева, о рыболовствѣ, производившемся тамъ Галичанами"; польскій историкъ, архіепископъ Длугошъ утверждаетъ, что „румуны, или молдаво-валахи, нынѣшніе жители и властители придунайскихъ княжествъ, незадолго передъ его временемъ, выселясь сюда, нашли здѣсь русскихъ „старобытныхъ влестелей и насельниковъ" (*veteres dominos et colonos Ruthenos*); нѣкоторыя данныя изъ византійской исторіи „намекають довольно указательно на присутствіе русской стихіи не только при Дунаѣ, но и въ Дунаемѣ, въ глубинѣ Балканскаго полуострова", съ VII и VI вѣка; наконецъ, слагается „цѣльная обширная сказка о богатырѣ Дунаѣ Ивановичѣ, поставленномъ въ самой сказкѣ въ непосредственное соотношеніе съ рѣкой Дунаемъ"... „Призрачныя, летучія воспоминанія" прикрѣпляются къ „исторической почвѣ"; сказки и басни—„простая, искренняя, душевная исповѣдь русскаго человѣка о самомъ себѣ", и изучать эту исповѣдь—„значитъ изучать самого русскаго человѣка, по самымъ вѣрнымъ дан-нымъ, какія мы имѣемъ о его давно минувшей старинѣ".

Этнографическія изысканія увлекали Надеждина, но не заслонили собой отъ него развитія современной литературы и не заглушали въ немъ интереса къ журналистикѣ. Еще раньше увлекавшійся творчествомъ Гоголя и „со смѣхомъ читавшій" о походеніяхъ капитана Копѣйкина, въ 1846 году онъ проводитъ ночь безъ сна за чтеніемъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями"; онъ не можетъ не взяться за перо, по выходѣ въ свѣтъ „Филологическихъ наблюденій надъ составомъ русскаго языка" протоіерея Павскаго,—результатомъ чего была большая, напечатанная въ *Отечественныхъ Запискахъ* рецензія; онъ обращается также къ П. И. Кеннену съ просьбой прочесть „листокъ его маранья" и „передать оный въ *Академическія Вѣдомости* для обнародованія"; онъ отправляетъ Максимовичу, съ „сербскимъ Пушкинымъ" — Симою Милутиновичемъ, „писульку", гдѣ читаемъ слѣдующія строки: „*Кіевлянину* твоему я готовъ помогать всячески.—По—на зубокъ—не знаю, успѣю ли что проноднестъ. Ты

поджидай до декабря первых чиселъ. Бude ничего не получишь, извини—и выпускай первую книжицу. Для второй припасемъ. Между тѣмъ, ты увѣдомь меня, изъ чего предполагается состоять (sic) первая книжица“.

Личныя качества и трудолюбіе Николая Ивановича спискали ему уваженіе въ обществѣ и литературныхъ сферахъ. Старые грѣхи были забыты непосредственнымъ начальствомъ, поощрявшимъ его чинами, орденами, знаками отличія безпорочной службы. „Н. И. Надеждинъ перегналъ васъ“, сообщалъ Погодину И. И. Давыдовъ въ декабрѣ 1851 г.: „онъ уже генералъ“. Но самъ награждаемый былъ чуждъ честолюбію; въ половинѣ сороковыхъ годовъ онъ весь высказался въ письмѣ къ тому же Погодину: „Толкуешь ты про награды. Итъ, братъ! Это вѣрно, не наше ремесло. Я говорю по чистой совѣсти—не хлопочу ни о чемъ подобномъ, да и считаю бесполезнымъ хлопотать. Чтѣ мнѣ? Чинъ что ли генеральскій? Такъ куда съ нимъ? Или—кресты? Такъ ихъ здѣсь (въ Петербургѣ) никто не носитъ. А звѣзды даются только генераламъ. Ты правъ—у меня точно плебейская натура. Но далъ мнѣ Богъ поползновенія къ этимъ вещамъ. Можетъ быть, и къ лучшему“... Но, вѣроятно, иначе относился онъ къ своей все болѣе возрастающей литературной извѣстности. Ему могло быть пріятно мнѣніе Я. К. Грота, въ частныхъ бесѣдахъ не разъ хвалившаго его статью о глаголахъ и некрологъ Д. М. Княжевича; ему могло быть лестно, что журналисты считаютъ для себя полезнымъ поставить его имя въ спискахъ сотрудниковъ своихъ изданій, а искренній другъ (Погодинъ), посѣтивъ Германію, передаетъ знаменитому Риттеру нѣмецкій переводъ разсужденія о Геродотовой Скоинѣ. Надеждинъ былъ любимымъ и почетнымъ гостемъ на вечеринкѣ или обѣдѣ у Краевскаго и Панаева; И. П. Сахаровъ былъ для него, просто, „дражайшимъ дяденькой“; многіе ученые искали съ нимъ знакомства и отзывались о немъ съ почтеніемъ.—Были, правда, и неблагопріятели. Оставшіеся въ живыхъ члены порѣдѣвшаго,—можно сказать, распавшагося Пушкинскаго кружка продолжали видѣть въ немъ ругателя великаго поэта,—ругателя, который „не умѣлъ чувствовать счастья, читая Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова“... С. П. Шевыревъ, съ тридцатыхъ годовъ затаившій обиду за напечатанную въ *Телескопѣ* рецензію на „Исторію поэзіи“, готовъ былъ заподозрѣть авторство Надеждина чуть не въ любой анонимной статьѣ, въ которой была сдѣлана неблагопріятная оцѣнка его „Исторіи русской словесности“; П. П. Мурзакевичъ, неизвѣстно за что подовольный Надеждинымъ, утвер-

ждалъ, что послѣдній не былъ безкорыстенъ въ своей любви къ Сухово-Кобылиной и былъ способенъ присвоить себѣ документы, принадлежавшіе Одесскому обществу исторіи и древностей. — Но антипатіи и вражда были *часто* отголоскомъ „былого“; поколѣніе молодое не слѣдовало, да и не могло слѣдовать примѣру старшаго. Славянофилы, пороживавшіе тогда тяжелое время, были въ извѣстныхъ сношеніяхъ съ Николаемъ Ивановичемъ. Въ мартѣ 1849 года выпущенный изъ крѣпости Ю. Э. Самаринъ пріѣзжаетъ къ нему и передаетъ ему содержаніе разговора съ императоромъ Николаемъ; только что освобожденный отъ ареста И. С. Аксаковъ также посѣщаетъ его, какъ лицо, „принявшее искреннее участіе“ въ судьбѣ опальнаго писателя. Это искреннее участіе проявилось не только въ отношеніи Надеждина къ славянофиламъ, но и въ отношеніи ко всѣмъ начинающимъ ученымъ и молодымъ людямъ, нуждающимся въ совѣтахъ и поддержкѣ. П. С. Билярскій, перебравшійся въ Петербургъ въ погонѣ за счастьемъ, былъ у Надеждина, который хотя „не общалъ ему ничего навѣрно“, однако „позволилъ навѣдаться у себя черезъ нѣсколько дней“, невольно пробудивъ чувство благодарности въ просителѣ; такой же хорошій пріемъ нашелъ и А. А. Куникъ, которому вскорѣ было предложено занять мѣсто домашняго учителя у Даля; нѣсколько позже Мстиславскій вручалъ свою статью о Русской Правдѣ Надеждину, „общавшему свое покровительство“. Быть руководителемъ молодежи и ходатаемъ за нее — отрадно для Николая Ивановича. „Ты, кажется, на меня дуешься“, пишетъ онъ Погодину: „а я такъ все по-старому, обращаю къ тебѣ племянника моего, тебѣ уже знакомаго, съ тѣмъ, чтобы ты снабдилъ его изъ твоей гаммазы книгами, какія признаешь нужными для руководства и помощи ему въ преподаваніи всеобщей исторіи“... „Серьезная бесѣда съ Николаемъ Ивановичемъ“, по словамъ П. С. Савельова: „всегда и для всякаго была поучительна; его свѣтлый умъ, огромный запасъ знаній и опытъ жизни были открыты всѣмъ. Потому-то и самыя обыкновенныя бесѣды его въ кругу знакомыхъ производили не малое вліяніе, бросая свѣтлыя мысли и умныя замѣтки на тотъ или другой предметъ разговора. И онъ любилъ бесѣдовать; это даже была его слабость. Какъ бы ни былъ онъ занятъ, всякій приходилъ къ нему въ кабинетъ безъ доклада, и Николай Ивановичъ говорилъ неумоимо, болѣе занимая посѣтителя, нежели тотъ его занималъ, и бесѣды эти продолжались не рѣдко отъ ранняго утра до поздняго вечера, что, разумѣется, отнимало у него не мало времени и побудило, наконецъ, постановить

опредѣленные вечера для бесѣды (помнится, по субботамъ). Это, впрочемъ, только въ небольшомъ размѣрѣ избавляло Николая Ивановича отъ наплыва посѣтителей, потому что коротко знакомые или имѣвшіе къ нему дѣла (а ихъ было не мало) всетаки имѣли къ нему доступъ во всякое время. По субботамъ же стекались къ нему ученые и литераторы самыхъ противоположныхъ партій, знакомые и полузнакомые, съ опредѣленною цѣлью—поболтать и послушать его. И тутъ являлся Николай Ивановичъ во всемъ блескѣ собесѣдника: то былъ специалистомъ, говоря а parte съ богословомъ, археологомъ, историкомъ, этнографомъ, лингвистомъ, философомъ, журналистомъ или фельетонистомъ; то овладѣвалъ одинъ бесѣдою, говоря о предметахъ общедоступныхъ, умѣя, притомъ, самые серьезные вопросы облекать въ веселую форму, разнообразить анекдотами кстати, и умышленно доводя иногда логическое развитіе какой-нибудь мысли до крайности, чтобы выпуклѣе показать ея нелѣпость“.

Въ такихъ условіяхъ проходила петербургская жизнь Надеждина. Непрерывная, упорная работа, требовавшая сильнаго умственнаго напряженія, подорвала его слабое здоровье; расшатанный прежними недугами организмъ не выдержалъ и началъ сдавать. „Я очень хилъ“, говаривалъ Надеждинъ: „и едва влачу свое скучное бытіе“. Дѣйствительно, теперь уже было нельзя „долго сидѣть съ перомъ надъ бумагой“; было необходимо серьезное лѣченіе. И онъ ѣздилъ на Кавказъ и въ Крымъ, гдѣ „купилъ себѣ, по случаю, небольшую полосу земли, называемую по-татарски Кучукъ-Кій („Малая-Деревня“). Но жестокий ревматизмъ „не оставлялъ его и въ крымскихъ грязяхъ“.—Къ несчастью, въ исходѣ 1852 года Л. А. Перовскій покинулъ свой постъ, который занялъ Д. Г. Бибииковъ. Съ новымъ начальствомъ появились новыя вѣянія,—и планъ *Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ* долженъ былъ подвергнуться измѣненію. Начались чрезмѣрные, усидчивыя занятія редактора. Въ теченіе цѣлаго дня находился онъ въ своемъ кабинетѣ, пересчитывалъ безчисленныя корректуры, просматривалъ груды рукописей. Больному можно было заранѣе предсказать неминуемую печальную участь. 18-го мая 1854 года Неволинъ общалъ Максимовичу: „Съ нашимъ общимъ другомъ Надеждинымъ былъ ударъ и довольно сильный. Это случилось 28-го или 29-го августа прошедшаго года... Къ Рождеству онъ поправился столько, что могъ уже ходить съ костылемъ и выѣзжать для прогулки. Но на него нашла, было, скука и даже уныніе: и лѣмаря запрещали ему ломать голову надъ чѣмъ либо, и самъ онъ чувствовалъ въ себѣ большую для того

слабость; сверхъ того, какъ поправленіе шло медленно, то онъ сталъ опасаться даже, поправится ли когда-нибудь совершенно. Весна, которая у насъ въ этомъ году хороша, оживила его и, что главное, возвратила бодрость духа; онъ говоритъ теперь самъ, что надѣется совершенно выздороветь. Онъ почти уже владѣетъ всѣми своими пораженными членами; наиболѣе еще остаются замѣтными слѣды большого паралича на лицѣ, нѣсколько искривленномъ и дикомъ. Языкъ началъ голосить почти по-прежнему... Параличъ приключился ему, по общему мнѣнію, отъ усиленныхъ занятій при сидячей городской жизни прошлымъ лѣтомъ и отъ разныхъ большихъ и малыхъ неприятностей, происшедшихъ для него съ переменною начальства.—Но облегченіе, которое чувствовалъ иногда Николай Ивановичъ, было временнымъ; надежды на выздоровленіе постепенно слабѣли и, наконецъ, были совсѣмъ утрачены. „Жизнь угасала исподволь“; тѣло было истомлено, но сила духа еще долго была поразительна. Больной никакъ не могъ вполне выдержать предписываемый врачами режимъ: нѣсколько часовъ по утрамъ онъ посвящалъ переводу на русскій языкъ одного изъ томовъ „Землѣдѣнія“ Риттера и зачитывался только что изданными „Сказками“ А. Н. Аванасьева... Вѣсть о неизлѣчимости недуга Надеждина болѣзненно отзывалась въ сердцахъ каждого изъ его друзей и знакомыхъ; къ тому же смерть за границей Неволлина явилась мрачнымъ предзнаменованіемъ и наводила на скучныя думы. „Вслѣдъ за Неволлинимъ“, писалъ изъ Оренбурга В. В. Григорьевъ П. С. Савельеву: „долженъ, кажется мнѣ, умереть и Надеждинъ“. Предчувствія оправдались. 27-го декабря 1855 года состоялось собраніе этнографическаго отдѣленія въ квартирѣ Николая Ивановича; нѣкогда энергичный и краснорѣчивый предсѣдатель едва могъ сказать нѣсколько неспитныхъ словъ въ продолженіе этого вечера. Черезъ недѣлю онъ былъ уже „весьма плохъ и въ умственномъ отношеніи, а передъ смертью лишился языка и сознанія“. Утромъ 11-го января 1856 г. послѣдовала его кончина. Три дня спустя были похороны, которыми распоряжались А. М. Княжевичъ и И. П. Липранди. Въ кладбищенской церкви Смоленской Божіей Матери ученикъ протоіерей Ѳ. Ѳ. Сидонскій съ чувствомъ произнесъ небольшое слово, въ которомъ отмѣтилъ, что „сама живость прозрѣнія, или правильнѣе устремленія въ будущее заставляла покойнаго тѣмъ живѣе чувствовать тѣспоту предѣловъ, положенныхъ человѣческимъ начинаніямъ“.— Появились и сочувственные некрологи. „Имя Надеждина“, читаемъ въ *Современникѣ*: „останется незабвеннымъ, какъ имя дѣятеля умнаго

и честнаго, на поприщѣ развитія нашей мысли и нашего слова. Надеждинъ, при глубокомъ, обширномъ, всестороннемъ образованіи, владѣлъ замѣчательнымъ даромъ слова и не былъ сухимъ специалистомъ, а принималъ живое, пылкое участіе во всѣхъ современныхъ вопросахъ, касались ли они науки, искусства или политики. „Въ лицѣ Н. И. Надеждина“, напечатано въ *Память*: „русская литература и русская наука понесли чувствительную потерю, какъ въ человѣкѣ, обладавшемъ многостороннею ученостію и глубокими свѣдѣніями, въ особенности по части отечественной этнографіи“. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Москвитяинѣ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ* были помѣщены воспоминанія о Надеждинѣ и его автобіографія. Чрезвычайно разстрошенный Максимовичъ дѣлился своимъ горемъ съ Погодинымъ: „Не съ кѣмъ, кромѣ тебя, вспомнить мнѣ стараго товарища нашего, Надоумку горемычнаго, которымъ 11-го января повершился сто первый годъ московскаго университета нашего“. Погодинъ откликнулся въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Тронули меня твои строки о Надоумкѣ. Жаль бѣднаго. А какія способности были у этого человѣка“. — Помянули Николая Ивановича и въ географическомъ обществѣ. 27-го января въ общемъ собраніи П. И. Срезневскій дѣлалъ характеристику покойнаго члена: „Такія не для всѣхъ осязаемая, но мощныя силы въ дѣлахъ науки и литературы всегда были высоко цѣнны и не оставались въ забвеніи у потомства. По такой-ли не осязаемой силѣ вліянія памяти Эней Сильвій, Эразмъ Роттердамскій, Павелъ Ювій и другіе подобныя писатели, которыхъ нельзя помянуть ни однимъ монументальнымъ твореніемъ и которые, однако же, памятны болѣе писателей, оставившихъ творенія, казавшіяся монументальными? Рядомъ съ ними будетъ памятенъ и Надеждинъ“.

И. Козминъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РИМСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ¹⁾.

КРУШНОЕ ДОМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ВЪ ЭПОХУ НАИВОЛЬШАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАССВѢТА РИМСКАГО МІРА.

(ДАННЫЯ ПЕТРОНИА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ I-ГО ВѢКА ИМПЕРІИ).

„Pour résoudre... un problème difficile et complexe... l'historien doit observer attentivement tous les faits, toutes les institutions, toutes les règles du droit public ou privé, toutes les habitudes domestiques. Il doit étudier toutes ces choses avec une attention également scrupuleuse, parce qu'il ne sait pas à l'avance de quel côté lui viendra la lumière. Cette méthode est longue, mais c'est la seule qui est sûre. Ce n'est pas la méthode du doctrinaire, mais c'est la méthode du chercheur“.

Fustel de Coulanges.

Выпуская нѣсколько лѣтъ тому назадъ свою книгу, въ которой заключается рядъ этюдовъ изъ аграрной исторіи римской древности ²⁾,

---

¹⁾ Подъ такимъ общимъ заглавіемъ были напечатаны авторомъ въ *Журнали Мин. Нар. Просв.* слѣдующія работы: 1) Римское землевладѣніе во времена Августа по сочиненіямъ Горация (1895, январь); 2) Т. Помпоній Аттикъ, какъ представитель особаго типа земельныхъ магнатовъ въ переходную эпоху отъ республики къ имперіи (1896, февраль, июль и сентябрь); 3) Древне-римское крестьянство и первоначальное возникновеніе крупной собственности (1897, сентябрь и октябрь). Настоящая работа является новымъ индивидуальнымъ этюдомъ изъ той же серіи.

²⁾ „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи)“, т. I, С.-Пб. 1899, (651 стр.). Кромѣ переработанныхъ двухъ первыхъ изъ сейчасъ названныхъ трехъ этюдовъ, трудъ, заглавіе котораго только что выписано, содержитъ еще въ видѣ вводной первой части обзоръ историографіи по изуче-

авторъ печатаемаго здѣсь небольшого труда имѣлъ въ виду не только подѣлаться съ специалистами ¹⁾ и некоторыми изъ полученныхъ результатовъ: для него было важно, кромѣ того, подвергнуть ихъ сужденію особый приемъ группировки и обработки матеріала, освѣщающаго экономическое прошлое классическихъ народовъ, который ему удалось выработать въ теченіе своихъ занятій названнымъ вопросомъ. Самъ онъ убѣдился на опытѣ въ значительной и разнообразной полезности этого приема, какъ существеннаго вспомогательнаго и подготовительнаго средства работы, или также какъ сильнаго и тонкаго орудія проверки добытыхъ результатовъ при изслѣдованіи большой темы, взятой изъ области римскаго (и вообще античнаго) землевладѣнія; потому-то представлялось ему правильнымъ оповѣстить и другихъ о своемъ способѣ анализа и построенія, чтобы онъ былъ принятъ или опровергнутъ: серьезная и справедливая оцѣнка предлагаемаго методическаго нововведенія, во всякомъ случаѣ, каково бы ни оказалось конечное заключеніе критиковъ, должна была бы принести пользу дальнѣйшему успѣху дѣла, безпристрастно показавъ вѣрность или невѣрность положенныхъ въ его основаніе принциповъ.

Здѣсь необходимо кратко напомнить, въ чемъ выражается своеобразіе избраннаго особаго направленія работы. Неполнога и отрывочность данныхъ въ памятникахъ, оставляющая рядъ явленій въ тѣни, раскрывающая природу и развитіе другихъ лишь съ крупными пробѣлами,—эта особенность составляетъ трудно одолимое препятствіе на пути всякаго разыскателя въ области греко-римской старины; она обнаруживается преимущественно сильно, можетъ быть, именно при изслѣдованіи хозяйственныхъ процессовъ. Такое положеніе вещей заставляеть историка-экономиста, стремящагося къ познанію развитія хозяйственнаго строя у грековъ и римлянъ, съ самымъ педантически-тщательнымъ, неослабнымъ вниманіемъ относиться къ ничтожнѣйшимъ показаніямъ источниковъ. Онъ обязанъ дорожить и пользоваться всѣми мельчайшими обломками въ сохранившейся до насъ традиціи, то-есть, въ изображеніи познаваемой старины сохранившимися до насъ свидѣтелями-современниками теперъ исчезнувшей жизни.

Недостаточно сказать, что историкъ классической древности и,

нію римскаго аграрнаго строя и въ видѣ заключительной четвертой части—попытку синтеза типичныхъ особенностей римскаго хозяйства и общаго построенія его олоціи.

¹⁾ Онъ обращался, впрочемъ, и шире ко всѣмъ интересующимся социальную исторію вообще.

всего болѣе, ея экономическаго быта обязанъ всегда добиваться господства надъ всею массою наличнаго матеріала. Необходимость *исчерпывающаю* изученія всѣхъ оставленныхъ древностью данныхъ должна обнаруживаться не въ одномъ фактѣ соответствующаго *собиранія* ихъ, но и въ самомъ характерѣ ихъ *обработки*. Нужно не только захватить *все* въ свои руки, но научиться разсматривать это все съ *разныхъ точекъ зрѣнія* и вводить отдѣльные элементы собраннаго и изслѣдуемаго матеріала (ключки погибшаго цѣлага) въ различныя комбинаціи другъ съ другомъ. Самою лучшею, широкую и твердою формою подобныхъ сочетаній явится, безъ сомнѣнія, *систематическим* группировка изученныхъ данныхъ около ясно поставленнаго плана *общаю* (или обобщеннаго) изображенія выбраннаго капитальнаго вопроса, напримѣръ, развитія крупнаго землевладѣнія въ ту или другую эпоху (или въ нѣсколько послѣдовательныхъ эпохъ, или, наконецъ, во все протяженіе) исторіи римскаго міра. Но практическое осуществленіе такой задачи само по себѣ облегчится и станетъ болѣе прочнымъ, если матеріаль будетъ предварительно или параллельно подвергаться по частямъ особенно пристальному наблюденію путемъ сосредоточенія извлекаемыхъ изъ него данныхъ около *особаю* рода *монографическихъ* сюжетовъ. Такимъ только образомъ возможно „выжать“ изъ фрагментарныхъ источниковъ дѣйствительно всѣ скрытыя въ нихъ показанія; тѣмъ самымъ въ концѣ концовъ оригинально повысится сумма свѣдѣній, изъ которыхъ придется создавать впоследствии общее *систематическое* построеніе.

Такъ должны будутъ вырастать рядомъ съ основнымъ стволомъ изслѣдованія главной задачи—въ данномъ случаѣ около постепеннаго уразумѣнія сущности всего процесса аграрной эволюціи въ римскомъ мірѣ—отдѣльныя вѣтви, то-есть, возникать спеціальныя „*разысканія*“ и „*этюды*“. Послѣдніе и сыграютъ роль пособниковъ для лучшаго уясненія самаго матеріала, при необходимости его *интенсивнѣйшаю* использованія, и выполнять службу пробныхъ камней при опредѣленіи правильности общаго построенія. Выѣтъ съ этимъ они неизбежно будутъ проливать новый свѣтъ и на всю дорогу, проникая преимущественно въ наиболѣе темныя ея мѣста; а такого рода результаты умножать естественнымъ образомъ фактическія богатства изслѣдователя и окажутъ на духъ его бодрящее дѣйствіе.

Вырабатывая „*типы*“ подобныхъ „*индивидуальныхъ очерковъ*“ по хозяйственной исторіи римской древности, авторъ этихъ строкъ въ указанной выше книгѣ своей стремился выдвинуть наиболѣе подхо-

дѣшіе образцы послѣднихъ. По его мнѣнію, формулированной только что цѣли, какъ нельзя лучше, будутъ содѣйствовать слѣдующіе два приема: 1) централизованіе работы на тщательнѣйшемъ изученіи того, что даетъ для познанія такого или иного вопроса (или момента, эпохи) изъ аграрной исторіи именно данный *отдѣльный источникъ*; 2) постановка задачи воспроизводить *исторію земельного состоянія отдѣльныхъ* крупныхъ или характерныхъ историческихъ *личностей* и разъяснить при этомъ социальную роль такой или иной формы землевладѣнія на конкретныхъ примѣрахъ ¹⁾.

Критики, отозвавшіеся съ цѣлиною для автора благосклонностью о его трудѣ и добытыхъ выводахъ, не раздѣлили, однако, его взгляды на важное значеніе предлагаемой имъ системы для уснѣшной разработки великой и не порѣшенной еще проблемы въ области возстановленія и истолкованія хозяйственнаго строя античной древности ²⁾. Они приводятъ два главныхъ возраженія:—1) Предлагаемый способъ рисуется имъ задерживающимъ полную, систематическую обработку вопроса, какъ бы загоняющимъ изслѣдователя въ сторону отъ большой дороги, по которой надобно прямо идти. 2) Группировка матеріала около отдѣльныхъ личностей или случаевъ ослабляетъ достовѣрность изображенія, такъ какъ, вслѣдствіе всегда повторяющагося недостатка точныхъ данныхъ, приходится неизбѣжно обращаться къ дополнительнымъ и нерѣдко шаткимъ аналогіямъ, чтобы могло оказаться возможнымъ возстановить „экономическую біографію“ того или другого изъ избранныхъ дѣятелей хотя бы съ нѣкоторою полнотою ³⁾.

¹⁾ Въ названномъ трудѣ („*Очерки по исторіи римскаго землевладѣнія*“) эюды, посвященный „Горацію“, долженъ былъ дать *Spécimen* перваго типа; тотъ, который занять „*Антикомъ*“ — иллюстрировать второй. См. въ той же книгѣ, на стр. 51—59, 63—72, 237—245, 444—453, детальное разъясненіе самаго принципа „индивидуальныхъ эюдовъ“ по римской аграрной исторіи. Было бы неумѣстно здѣсь еще разъ повторить высказанныя тамъ соображенія въ подробностяхъ.

²⁾ См. преимущественно подробнѣе рецензіи и характеристики профессоромъ *Н. И. Карцева* въ журн. „Русское Богатство“ (1900, ноябрь и декабрь) и *Ф. Эллискаю* въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* (1900, іюль) и въ „Вѣстникъ Европы“ (1900, августъ), а также замѣтку *М. И. Ростовцева* въ „Мірѣ Волекамъ“ (1900, апрѣль).

³⁾ *М. И. Ростовцевъ* даже утверждаетъ, что онъ больше цѣнитъ въ качествѣ достовѣрныхъ иллюстрацій экономическаго быта и его развитія въ формѣ конкретныхъ картинъ изъ исторіи состоянія отдѣльныхъ лицъ—такіи фиктивные изображенія, какъ извѣстныя работы *Беккера* — „Харилъ“ и „Галлъ“, чѣмъ реальные біографіи хозяйственной карьеры дѣйствительныхъ историческихъ лицъ въ родѣ *Аттика* или *Горація*. Не трудно было бы опровергнуть правильность такого предпочтенія въ

Авторъ долженъ сознаться, что разсужденія благожелательныхъ противниковъ не убѣдили его. Что касается *первою* возраженія, то, позволительно замѣтить, медленность не можетъ быть названа сама по себѣ недостаткомъ въ дѣлѣ изслѣдованія труднаго вопроса; излишество же или чрезмѣрность замедленія въ данномъ случаѣ, какъ кажется, не доказана критиками ¹⁾). Далѣе, по вопросу о *твердости* *методы*, примененной авторомъ, ошибки, будто бы вытекающей изъ самаго существа индивидуальныхъ этюдовъ, и о малой прочности приобретенныхъ подобнымъ путемъ выводовъ, автору представляется слѣдующее: оппонентамъ легко удалось, аргументируя этотъ тезисъ, вскрыть въ его работѣ лишь рядъ отдѣльныхъ промаховъ ²⁾); теоретическая же правильность руководящихъ посылокъ и историческая справедливость главныхъ заключеній представляется ему не поколебленною высказанными возраженіями ³⁾).

интересахъ твердости и плодотворности результатовъ для изслѣдованія экономической исторіи Рима фантастическаго подобія беккеровскому „Галлу“ передъ попыткою автора дать достовѣрное воспроизведеніе „исторіи состоянія“ Атика. Для этого можно было бы воспользоваться и теоретическими соображеніями, и фактическими доказательствами, извлекаемыми изъ самаго текста особенно инкриминируемаго очерка объ Атикѣ. Но, думается, это было бы излишно: врядъ ли почтенный рецензентъ, мнѣніемъ котораго искренно дорожитъ авторъ, будетъ упорствовать и нынѣ на этомъ замѣчаніи, проскользнувшемъ у него въ первомъ спорѣ, въ видѣ скорѣе остроумнаго нападенія, чѣмъ серьезнаго критическаго довода.

¹⁾ Они только говорили (см., напр., въ статьѣ Н. И. Карѣва „Русск. Бог.“ 1900, № 11, стр. 26—27), что авторъ, имѣя въ распоряженіи тотъ матеріалъ, который обработанъ имъ въ „Очеркахъ“, могъ бы построить гораздо болѣе значительное изображеніе, если бы выполнилъ его по обще-систематическому плану, чѣмъ то, которое онъ даетъ, подчиняясь плану индивидуально-монографическому. Это опять пріятно было прочесть автору, какъ лестный отзывъ о вѣсѣ его научнаго багажа, но это не подкашиваетъ вообще основаній развиваемаго методологическаго воззрѣнія о спеціальныхъ услугахъ, предварительно оказываемыхъ подобными частичными изслѣдованіями общему построенію вопроса.

²⁾ На послѣднее онъ очень благодаренъ критикамъ.

³⁾ Авторъ продолжаетъ настаивать, что его картина помѣстья Горація и исторія состоянія Атика, какъ бы часто ни случалось ему прибѣгать при изображеніи ихъ къ гипотезамъ и аналогіямъ, являются не примѣрными, искусственно-подобранными иллюстраціями, похожими на „Галла“ Беккера или „Римъ во времена Августа“ Дезобри, а воспроизведеніемъ реальныхъ (и важныхъ) историческихъ фактовъ, въ среднемъ выводѣ достовѣрныхъ и неопровержимыхъ, а во многихъ частностяхъ точно и безусловно несомнѣнныхъ. Нѣтъ охоты только здѣсь возвращаться вновь къ матеріалу, устанавливающему тамъ главные выводы: впрочемъ, и оппоненты не дали достаточнаго обоснованія для указаннаго только что возраженія. Важное значеніе „исторіи состояній“ для выясненія еще темныхъ существенныхъ вопро-

Желая развить дальше и глубже, обставить полнѣе и богаче свою точку зрѣнія, авторъ готовъ предложить заинтересованнымъ читателямъ рядъ новыхъ этюдовъ, задуманныхъ по той же идеѣ, составленныхъ по той же методѣ. Раньше всего рисуются наиболѣе интересными *два* единичныхъ члена подобной серіи. Въ послѣдней части упомянутаго сочиненія своего—«Очерки по исторіи римскаго землевладѣнія»—авторъ, во-первыхъ, поддерживалъ вопреки большинству изслѣдователей экономической исторіи древности теорію *Родбертуса-Буэзера* о сохраненіи „замкнутой домовой системы“ (*Oikenvirtschaft*)¹⁾,

совъ въ хозяйственной эволюціи данныхъ эпохъ прямо признается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ представителей экономической науки—*Зомбартомъ*. См. „Der moderne Kapitalismus“ (Leipzig, 1902), I, 278: „Die Frage (о первоначальномъ накопленіи крупныхъ имуществъ въ средневѣковой Европѣ и о древнѣйшемъ источникѣ капитализма) wird sich kaum mit Sicherheit beantworten lassen, solange wir nicht die Entstehungsgeschichte sämmtlicher Privatvermögen während des Mittelalters kennen, wie wir sie bis jetzt für ein Paar Dutzend Familien wenigstens in den Umrissen besitzen“. — Ср. еще тамъ же, стр. 282 и 299—324. — Та же мысль определенно высказана рецензентомъ труда Зомбарта—*Георгомъ Белозомъ*, большимъ знатокомъ соціальной и экономической исторіи средневѣковья. См. „Historische Zeitschrift“, XC Band (1903), S. 479. Превосходное сочиненіе *R. Ehrenberg*, Das Zeitalter der Fuggor (2 Bände, Iena, 1896) являетъ собою образецъ даже руководящихъ трудовъ съ большимъ размахомъ по капитальной проблемѣ экономической исторіи, пользующихся очень широко такою методою. Зомбартъ указываетъ и другія много крупныя и значительныя научныя сочиненія, еще болѣе тѣсно біографическія, важныя для раскрытія отдѣльныхъ болѣе скромныхъ сторонъ хозяйственнаго процесса въ пору зарожденія капитализма; послѣднія можно прямо сравнить по задачѣ и методѣ съ тѣми работами, здѣсь предлагающимися.

¹⁾ Переносъ на нашъ языкъ нѣмецкую транскрипцію термина *Oikenvirtschaft*, авторъ, можетъ быть, неосторожно говорилъ тамъ—*„оikosное хозяйство“*. Проф. Зѣлинскій вооружается противъ филологической неправомерности ея (см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, июль, стр. 170—171, крит. отд.), требуетъ, чтобы писали „*экс*“ (= *oikos*) и „*экическое хозяйство*“ по аналогіи съ „*экономія*“, для установленія одинаковости передачи однородныхъ (однокоренныхъ) терминовъ. Нельзя возражать въ принципѣ противъ основательности такого возраженія, хотя слѣдуетъ вспомнить, что начертаніе „*экономія*“ взято у насъ изъ французскаго или нѣмецкаго словоначертанія, а не непосредственно транскрибировано съ греческаго: дифтогъ „*oi*“ передается вѣдь обыкновенно на русскій языкъ по византійской или рейхлиновской системѣ, какъ „*и*“, а не какъ—„*э*“, и для соблюденія полнѣйшей точности и послѣдовательности надо бы говорить—„*икъ*“ и „*икономія*“. Однако и *экъ*, и *икъ*—оба претятъ слуху и вкусу, какъ сочетанія слишкомъ напоминающія междометія или звукоподражанія. Поэтому въ видахъ эстетическихъ нельзя ли, отказываясь отъ прилагательнаго „*оikosный*“ и замѣняя его только переводнымъ „*домовый*“, сохранить право на употребленіе существительнаго—„*оikosъ*“ (хотя бы всегда въ кавычкахъ) по аналогіи съ „*дигосъ*“ въ филологической терминологіи.

какъ опредѣляющей черты хозяйственнаго строя во все продолженіе существованія римскаго государства: онъ давалъ только выставленной ими гипотезѣ свое особое, такъ сказать, „историзированное“ толкованіе.— Въ зависимости отъ этого, во-вторыхъ, онъ отрицалъ прочность и широту появившагося и развившагося въ римскомъ мірѣ къ концу республики и началу имперіи капитализма ¹⁾. Какъ лишній аргументъ въ пользу перваго положенія, на нижеслѣдующихъ страницахъ будетъ представлена группировка своеобразныхъ и цѣнныхъ данныхъ для экономической исторіи римскаго міра въ эпоху наибольшаго его матеріальнаго расцвѣта, заключающихся въ сатирическомъ произведеніи *Петронія*.— Позже для освѣщенія втораго тезиса полезно будетъ вновь вернуться къ *Горацию*, чтобы постараться разсмотрѣть, какъ опредѣляется въ умѣ этого замѣчательнаго писателя мѣсто, занимавшееся въ современной ему дѣйствительности торговлею. Какъ извѣстно, послѣдняя составляетъ важный признакъ, констатирующій наличность въ какой-нибудь странѣ высшихъ формъ хозяйственныхъ отношеній: стало быть, большее или меньшее развитіе торговли въ Римѣ будетъ служить однимъ изъ средствъ подтвердить или опровергнуть существованіе или преобладаніе „замкнутаго домашнего строя“.

СОСТОЯНІЕ ТРИМАЛЬХІОНА И ЕГО ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

1. Происхожденіе богатства Тримальхіона и его характеръ. — 2. Составъ его имущества. Главныя пѣнія. — 3. Формы эксплуатаціи, практиковавшіяся въ его помѣстьяхъ.— 4. Данныя о состояніи Тримальхіона, какъ матеріалъ для исторіи „замкнутаго домашнего строя“. Экономическая эволюція римскаго міра и феодализація.

„Tu latifundia possides“.

(*Petron. Trim. cap. 77*).

„Nec est, quod putes illum quicquam emere. Omnia domi nascuntur“.

(*Ibid. cap. 88*).

Здѣсь не мѣсто говорить о любопытномъ произведеніи *Петронія*, какъ о литературномъ памятникѣ вообще; нѣтъ надобности вступать въ оцѣнку его автора, какъ писателя. Соціальный историкъ можетъ

¹⁾ Ср. кроме публ. брошюры Эд. Мейра, Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums, въ нашей литературѣ интересную лекцію М. И. Ростовцева, Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ („Русск. Мысль“, 1900, мартъ).

исходитъ изъ того, что даетъ для этого филологическая критика. Последняя, хотя и не рѣшила вполне единодушно вопроса о личности автора, зато пришла въ концѣ концовъ къ согласію, по крайней мѣрѣ большинства, въ опредѣленіи, что знаменитая „сатира“ (или *satyricon*) должна быть съ наибольшимъ вѣроятіемъ отнесена ко времени Нерона ¹⁾. Такой установившійся въ наукѣ средній взглядъ объ авторѣ долженъ быть принятъ социальнымъ историкомъ за основаніе; опираясь точно такъ же на выработанное филологами общее воззрѣніе о подлинности произведенія и достовѣрности его текста, онъ получаетъ возможность идти дальше въ изученіи самаго петроніева матеріала, поскольку оно полезно въ интересахъ познанія процессовъ развитія хозяйства и общества.

Ученые, занимавшіеся такъ называемою „исторіею римскихъ нравовъ“ (*Sittengeschichte*), давно увлекаются сатирою Петронія, какъ неисчерпаемымъ источникомъ для освѣщенія весьма разнообразныхъ сторонъ современной ему культуры. Въ частности одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ея отрывковъ, эпизодъ, извѣстный подъ именемъ „піра Трималхіона“ (*Cena Trimalchionis*), не можетъ въ этомъ смыслѣ не быть названъ однимъ изъ наиболее благодарныхъ и поучительныхъ. Содержаніе оригинальнаго бытового разсказа въ самомъ дѣлѣ изумительно богато рѣдкою по изобразительности живописью и полно роскошныхъ подробностей, представляющихъ жизнь съ поразительною яркостью и неподдѣльнымъ реализмомъ. Нельзя удивляться послѣ этого, что произведеніе многообразно эксплуатировалось для характеристики внѣшней обстановки и внутренняго состоянія римскаго общества того времени. Мимоходомъ указывались и нѣкоторые экономическіе элементы рисуемой Петроніемъ картины. Но послѣдніе не были еще до сихъ поръ тщательно собраны въ одно цѣлое; они не подвергались еще сами по себѣ (точно такъ же, какъ стихотворенія Горачія до появленія этюда автора настоящихъ строкъ) внимательному сопоставленію, анализу и обобщенію именно съ цѣлью выяснитъ,

¹⁾ См. статью о Петроніи въ новѣйшемъ научномъ руководствѣ по исторіи римской литературы—*M. Schanz, Geschichte der römischen Litteratur* (2 Aufl. II Band, 2 Hälfte: Die römische Litteratur vom Tode des Augustus bis zur Regierung Hadrians. München, 1901, *W. Müllers, Handbuch der classischen Philologie*, VIII, 2).—Самый знатокъ древней литературы сообщаетъ здѣсь въ сжатой формѣ послѣдніе результаты, добытые изученіемъ Петронія, и хорошо документируетъ свое изложеніе ссылками на лучшіе авторитеты и богатую спеціальную литературу. Ср. *Em. Thomas, Pétrone* (2 éd. P. 1902) съ указаніемъ новѣйшей библиографіи.

какъ отражаются въ нихъ хозяйственныя формы и отношенія. Между тѣмъ, если прилежно сгруппировать всѣ рисунки и черточки, сообщаемыя въ упомянутомъ поэтическомъ отрывкѣ писателемъ, котораго называютъ *Petronius arbiter*, то получится экономическій образъ, достойный запечатлѣнія въ памяти историка, заслуживающій тщательнаго разсмотрѣнія. Если собрать „исчерпывающимъ образомъ“ всѣ щедро разсыпанные тутъ плоды и затѣмъ осторожно, но вѣрнѣе сдѣлать ихъ, такъ сказать, научнымъ прессомъ, то выжметса сокъ, который доставитъ влагу, способную хорошо утолить жажду истины и по затронутой здѣсь спорной проблемѣ экономической исторіи.

Стоитъ произвести опытъ подобнаго рода, то-есть, изучить происхождение, составъ и организацію состоянія петроніева героя, какъ они изображены даровитымъ писателемъ; а потомъ можно постараться критически вывести изъ этого литературнаго матеріала допускаемый имъ историческій выводъ ¹⁾.

1.

Тримальхионъ, гостепріимный, но хвастливо-самодовольный хозяинъ, устроившій въ своемъ роскошномъ обиталищѣ изображенный Петроніемъ пиръ, владѣлецъ огромнаго состоянія, прежде всего интересенъ по своей біографіи. Повѣствованіе ея влагается авторомъ въ собственныя словоохотливыя уста любопытнаго героя, развязанныя не однимъ виномъ, но и горделивымъ чванствомъ.

Это былъ человѣкъ самаго низкаго происхожденія. Уроженецъ азіатскаго востока, онъ началъ жизненное поприще въ положеніи раба, понавъ въ неволю уже въ самомъ дѣтствѣ ²⁾. Но онъ рано

¹⁾ Изучая указанный эпизодъ въ сатирическомъ романѣ Петронія, удобно всего пользоваться изданіемъ *Людвигъ Фридлэндера*—съ научно установленнымъ текстомъ, превосходнымъ переводомъ и богатыми примѣчаніями: *Petronii cena Trimalchionis, mit deutscher Uebersetzung und erläuternden Anmerkungen v. L. Friedländer* (Leipzig, Hirzel, 1891).—Кромѣ того полезно обращаться къ критическому изданію всего памятника, опубликованному *Бюхелеромъ* (*F. Bücheler, Petronii arbitri satiarum reliquiae*; 1-е большое изданіе—Berlin, 1862; 3-е малое изданіе, Berlin, 1895. Только что вышло четвертое изданіе).

²⁾ См. *Petron. Sat.* с. 75 (edid. Friedländer, p. 190, 18): „...Тамъ 'magnus' ex Asia veni, quam hic candelabrus est“.—Онъ не скрывалъ такого ничтожнаго начала; напротивъ, какъ бы кичился имъ. Особая, красовавшаяся въ его домѣ біографическая картина изображала его рабское прошлое (*Petron. 29; Fr. 76, 12*).—Ниже будутъ прямо цитироваться главы съ указаніемъ въ скобкахъ страницы и строки по изданію Фридлэндера.

задался цѣлью „сковать себѣ хорошее счастье“ и прекрасно понялъ, что можетъ достигнуть его личною ловкостью, направляя работу ума къ „пріобрѣтательству“ ¹⁾. Сдѣлавшись въ концѣ-концовъ собственностью какого-то знатнаго римскаго гражданина ²⁾, онъ, какъ часто случалось съ способными, искусными и хитроумными рабами изъ грековъ, сирійцевъ или египтянъ ³⁾, сумѣлъ стать для него совѣтъ необходимымъ человѣкомъ. Онъ, вѣроятно, добившись мѣста довѣреннаго слуги, велъ съ блестящимъ усиліемъ дѣла господина и расширилъ его хозяйство, умножилъ богатство, потворствуя вмѣстѣ съ тѣмъ его порокамъ ⁴⁾. Угодилъ онъ и господѣ не одною услужливостью и лестью, но также очаровательностью собственной особы, такъ что возвысился до роли и ея тайнаго фаворита ⁵⁾. Такъ или иначе, но рабъ-любимецъ явился фактическимъ хозяиномъ у господина и оставался имъ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ ⁶⁾. Занимая должность диспенсатора, самую высокую изъ обязанностей домашняго управленія, поручавшихся рабамъ ⁷⁾, онъ былъ

¹⁾ *Ibidem* (Fr. 190, 13): „Corcillum est, quod homines facit, cetera quisquilia omnia... Sed ut sepegam dicere, ad hanc fortunam me frugalitas mea perduxit“.

²⁾ Въ 71-й главѣ (Fr. 180, 10) онъ называетъ себя—*C. Pompeius Trimalchio Maecenatianus*.—Петроній хочетъ указать подчеркнутыми здѣсь элементами имени на социальную связь дѣйствующаго лица его происхожденія съ родомъ Помпеевъ и съ Меценатомъ: бывшій рабъ могъ послѣдовательно принадлежать имъ обоимъ; а тѣмъ онъ могъ ввести родовое и фамильное имена ихъ обоихъ послѣ освобожденія въ свои наименованія и прозвища изъ благодарности и гордости, или желая сохранить за собою патронатную защиту семейства своихъ прежнихъ господъ. Ср. прим. *Friedländera* къ этому мѣсту.

³⁾ См. статью *L. Friedländer*, *Petron's Gastmahl des Trimalchio* въ журналѣ „*Deutsche Rundschau*“, 1890-й годъ, LIII, 380.

⁴⁾ *Ibidem* (Fr. 190, 21). Самъ Тримальхионъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ дичино хвастаетъ только послѣднимъ; но нужно думать, что прежде всего первое послужило основой вниманія и благодарности хозяина. Это видно изъ самой виртуозности, которою обладалъ Тримальхионъ въ „искусствѣ накопленія“. Онъ, очевидно, практиковался въ немъ съ очень ранней юности. Недаромъ же сдѣлался онъ хранителемъ богатства своего господина (*Petron.* 29; Fr. 76, 15). Можно подобрать изъ римской исторіи не мало примѣровъ возвышенія рабовъ именно такимъ путемъ. См. между прочимъ въ *Очеркахъ* автора указаніе на подобную судьбу нѣкоторыхъ рабовъ и вольноотпущенниковъ Атика (стр. 344—345). Ср. *L. Friedländer*, *Sittengeschichte* (6 Aufl.), I, 393.

⁵⁾ *Petron.* 75 (Fr. 190, 23): „Ego tamen et ipsimae [dominae] satis faciebam. Scitis, quid dicam; taceo, quia non sum de gloriosis“.

⁶⁾ *Petron.* 75 (Fr. 190—21): „Tamen ad delicias... ipisami [domini] annos quatuordecim sui“...

⁷⁾ Диспенсаторъ — это казначей. См. *Petron.* 29 (Fr. 75, 15).—Ср. *J. Mar-*

на дѣлѣ всеиленъ въ кругу его „дома“. Въ силу посмертнаго распоряженія господина Тримальхионъ получилъ свободу и сдѣланъ былъ наслѣдникомъ крупной части громаднаго состоянія благодѣтеля на ряду съ самимъ императоромъ.

Тримальхионъ началъ такимъ образомъ свободную жизнь уже съ имуществомъ, поднимавшимся выше минимума сенаторскаго ценза ¹⁾, можетъ быть, даже сильно превосходившимъ установленную предѣльную сумму, то-есть, миллионъ сестерціевъ ²⁾. Невполнѣ ясно, въ какихъ цѣнностяхъ, недвижимыхъ или движимыхъ, оно заключалось. Изъ сопоставленія имѣющихся свѣдѣній или намековъ слѣдуетъ, впрочемъ, предполагать, что, по крайней мѣрѣ, солидная часть его должна была воплощаться въ земельныхъ фондахъ ³⁾. Виѣствъ съ землями ему завѣщаны могли быть, впрочемъ, и деньги, или извѣстную долю земель онъ обратилъ въ коммерческіе капиталы, чтобы начать спекуляціи въ видахъ приращенія богатства.

Энергичный сынъ счастья дѣятельно принялся за работу. Онъ,— это уже указано выше,—опредѣленно руководился твердымъ практическимъ правиломъ, выработаннымъ обстоятельствами и, повидимому, широко вошедшимъ тогда въ понятія римскаго общества, именно—

---

quardt, Römische Privatalterthümer (2 Aufl.), I, 153.--L. Friedländer, Sittengeschichte (6 Aufl.), I, 128.

¹⁾ *Petron. 76 (Fr. 191, 1): „Ceterum quemadmodum di volunt, dominus in domo factus sum, et ecce cepi ipsimi cerebellum? Quid multa. Coheredem me Caesari fecit, et accepi patrimonium laticlavium“.*

²⁾ Состоянія дѣйствительныхъ сенаторовъ въ большинствѣ случаевъ много разъ превосходили закономъ установленный минимумъ. Нечего удивляться, если цѣнность собственности и этого баловня судьбы возвышалась съ самаго начала до нѣсколькихъ миллионновъ.—„*Patrimonium laticlavium*“ въ изучаемое время просто понималось, какъ очень большое богатство (ср. *Friedländer, Cena Trimalchionis*, p. 137; *Sittengeschichte Roms*, I, 245)... Счастливымъ выходцемъ изъ рабства здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ пользуется возможностью назвать почетнымъ (сенаторскимъ) именемъ свое имущество, хотя бы только за его величину, разъ личность его далека отъ всякаго права на такую честь.

³⁾ Такъ можно думать, прежде всего, на основаніи того, что хозяинъ его былъ богатъ, преимущественно, землями, которыя въ концѣ концовъ всѣ были скумены (мы увидимъ это ниже) наслѣдникомъ-вольвоотпущенникомъ, и часть которыхъ онъ долженъ былъ получить по завѣщанію. Кроме того, составъ собственности Тримальхиона, какимъ онъ сложился къ концу его жизненной карьеры, также подтверждаетъ, что зерно его и вначалѣ должно было заключаться въ недвижимостяхъ. Таковъ былъ, очевидно, образъ первоначальнаго состоянія придуманнаго Петроніемъ типическаго олицетворенія господствовавшихъ въ его современникахъ жизненныхъ стремленій.

убѣжденіемъ, что богатство — высшая сила жизни ¹⁾). Онъ неустанно трудился, чтобы овладѣть этою силою, присвоить ее себѣ, и самъ признаеть, что къ закату своихъ дней достигъ превосходныхъ результатовъ ²⁾).

Трималхионъ пустилъ въ выгодные обороты довольно крупныя, повидимому, капиталы ³⁾: онъ такъ же, какъ и Аттикъ, считалъ, что постоянного приращенія богатства, то-есть, прочнѣйшаго источника благополучія, можно достигнуть лучше всего искусными операціями „купи-продажи“ ⁴⁾). Только въ его времена, благодаря установившимся послѣ утвержденія принципата мирнымъ порядкамъ (рах Ротана!) и укрѣпившейся защитѣ со стороны новаго правительства правъ и имуществъ, можно было предаваться обмѣну гораздо безопаснѣе и потому успѣшнѣе, чѣмъ въ эпоху смутъ поздней республики: нужно вспомнить, какъ другу Цицерона приходилось тогда скрывать

¹⁾ Самъ Трималхионъ откровенно выставляетъ этотъ тезисъ въ разговорѣ съ друзьями (см. *Petron.* 77; ed. *Fr.* 194, 20): „Credite mihi: assom habeas, assom valeas; habeas, habebis“. — Горацийъ заявляетъ устами своихъ „героевъ наживы“ (*Sat.* I, 1, 62): „Nihil satis est... quia tanti, quantum habeas, sis“. — Ср. *Ibid.* v. 38:

..... cum te neque fervidus aestus
Demeat lucro, neque hiems, ignis, mare, ferrum,
Nil obstat tibi, dum ne sit te ditior alter.

Можно сопоставить съ приведеннымъ текстомъ Петронія еще характерный стихъ Ювенала (*Sat.* III, 143):

Quantum quisque sua nummorum servat in arca,
Tantum habet et fidei...

Ср. *Schol.* ad h. l. — *Plutarch.* Περὶ φιλοπλοῦν. 7: „Ἐσοῦστέν νόμιζε αὐτὸν, ὅσον ἐν ἔχρῃ“. — *Senec.* *Epist.* 115, 14: „Ubique tanti quisquam, quantum habuit fuit“. *Бл. Августинъ* (*De discipl. Christ.* 11, 12) говоритъ, что эта истина давно стала пословицей: „Unde et illud proverbium: quantum habebis, tantum eris“ (*Migne, Patrol. lat.* XL, 676 = *Cap.* 8, 9; *Ibid.* 674).

²⁾ Онъ — безконечно счастливъ (*Fr.* 190, 15: „Felicitate desilio“). Онъ можетъ вполне наслаждаться отъ обладанія „большою кучею“, повторилъ съ однимъ изъ подобныхъ ему дѣйствующихъ лицъ въ сатирахъ Горация: „Suave est magno tollere aservo“ (I, 1, 51). Онъ, дѣйствительно, другими словами прямо это и говоритъ, когда указываетъ, что жена его можетъ „иѣрками черпать золото“ (см. *Petron.* с. 37, *Fr.* p. 90, 22).

³⁾ *Petron.* 76 (*Fr.* 192, 4): „Nemini tamen nihil satis est, concupivi negotiari“. — Что торговые дѣла его были очень значительны, это видно изъ сообщаемыхъ намъ же данныхъ: въ одно изъ подобныхъ предпріятій было вложено 30 милліоновъ сестерціевъ (*Ibid.* *Fr.* 198, 8).

⁴⁾ *Petron.* 75 (*Fr.* 190, 14): „Bene emo, bene vendo“.

свою „денежную игру“ отъ завистливыхъ очей политическихъ насильниковъ.

Ловкій предприниматель, уже тогда обладавшій землями въ Кампаніи, занялся торговлею преимущественно сельскохозяйственными продуктами. Онъ построилъ много судовъ ¹⁾, нагружалъ ихъ виномъ, свининою, овощами, ароматическими растеніями (всѣмъ этимъ славилась Кампанія); къ перечисленнымъ видамъ товаровъ онъ присоединилъ еще рабовъ и, пользуясь близостью самаго крупнаго рынка, вывозилъ все это въ Римъ на продажу ²⁾. Часть груза составлялась изъ результатовъ сбора или приплода, получавшихся съ его личныхъ имѣній; но собственныя произведенія должны были пополняться для увеличенія массы предлагавшагося товара, путемъ скупки кругомъ у мѣстныхъ владѣльцевъ, которые не въ силахъ были обнаружить такую же предпримчивость; возможно, что нѣкоторые виды добывались (перекупались) даже изъ другихъ странъ ³⁾, такъ что Трималхіонъ являлся лишь посредникомъ при доставкѣ. Сбытъ обезпечивался въ полнотѣ всего привоза, такъ какъ перечисленные предметы принадлежали къ разряду продуктовъ широкаго потребленія, а, стало быть, и высокаго спроса.

¹⁾ Самая возможность начать такое дѣло уже свидѣтельствуетъ о томъ, что средствъ Трималхіона хватало на большіе расходы, и онъ не останавливался передъ послѣдними, если рассчитывалъ тѣмъ самымъ открыть путь къ большей наживѣ. Судостроеніе и перевозка товаровъ по морю (*res navicularia*) являлись вообще выгоднымъ дѣломъ въ Римѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ превращаться въ великую державу и расширился постоянными сношеніями его съ дальними странами побережья Средиземнаго моря. См. *M. Voigt, Römische Privataltertümer* (2 Aufl.) у *Iv. Müller, Handbuch*, IV², 376. Чуткій и цѣпкій въ вопросахъ обогащенія, Катонъ старшій, какъ только обстоятельства выдвинули на первый планъ этотъ видъ хозяйственной дѣятельности, немедленно приспособился къ нему. См. въ „*Очеркахъ по исторіи римскаго землевладѣнія*“, стр. 261.—Самъ *Петроній* устами Трималхіона (с. 76) говоритъ не въ одномъ буквальномъ смыслѣ: „*Scitis, magna navis magnam fortitudinem habet*“. — Крупное значеніе такой морской торговли, какъ источника роста состоянія, обнаруживается и изъ извѣстнаго запрещенія сенаторамъ (въ 536 г. отъ основанія города) заниматься ею, когда въ политикѣ римскаго государства по той или иной причинѣ господствовала тенденція удержатъ ихъ въ сферахъ чистаго землѣдѣльческаго хозяйства. См. *Liv. XXI, 63*.—*Mommsen, Staatsrecht*, III, 509—511.

²⁾ *Petron.* 76 (*Tr.* 192, 5): „*Quinque naves aedificavi, onoravi vinum—et nunc erat contra aurum—misi Romam*“.—*Ibid.* (192, 10): „*Alteras feci naves maiores et meliores et feliciores... Oneravi rursus vinum, lardum, fabam, seplasiun, mancipia*“.—*Seplasiun*—это приготовлявшася въ Капуѣ пахучая мазь.

³⁾ Къ числу послѣднихъ среди поименованныхъ товаровъ принадлежали, можетъ быть, иногда рабы.

Дѣло не обходилось, конечно, безъ риска, и устроитель его, случалось, терпѣлъ неудачи; но онъ не терялъ энергіи ¹⁾, и счастье обыкновенно улыбалось ему. Въ концѣ концовъ фортуна осыпала его благами ²⁾: онъ сдѣлался богаче, чѣмъ всѣ жители его родного города вмѣстѣ ³⁾. Тогда онъ рѣшилъ—опять такъ же, какъ поступилъ въ свое время Атикъ—вынуть капиталы изъ торговли ⁴⁾ и вложилъ главную массу своихъ средствъ въ землю. Онъ скупилъ всѣ помѣстья своего прежняго господина ⁵⁾ и сдѣлался настоящимъ земельнымъ магнатомъ: про него стали говорить—*„tu latifundia possides“* ⁶⁾, и слова эти выражали какъ бы *рубрику*, опредѣлявшую существенный признакъ соціального „status“ Трималхіона. Въ дальнейшей жизни онъ сосредоточился на веденіи и расширеніи громаднаго владѣльческаго хозяйства, которое и должно было все болѣе и болѣе наполнять его казну, все болѣе и болѣе возвышать его и подчинить ему людей.

Это видно будетъ изъ послѣдующаго описанія состава и характера состоянія Трималхіона въ ту эпоху его жизни, когда накопленное богатство уже обратило его въ звѣзду первой величины ⁷⁾. Правда, онъ продолжалъ вести коммерческія, —вѣрнѣе всего, ростовщическія, —предпріятія черезъ своихъ вольноотпущенниковъ ⁸⁾; но послѣдніе играли уже тогда роль лишь добавочныхъ (не основныхъ) источниковъ обогащенія. Такъ же дѣйствовали раньше его и подобно ему черезъ подставныхъ лицъ—либертовъ или рабовъ—другіе крупные хозяева, сильные, несомнѣнно, главнымъ образомъ властью надъ землею

¹⁾ *Petron. Ibid. (Fr. 192, 7): „Omnes naves naufragarunt, factum non fabula. Uno die Neptunus trecenties sestertium devoravit“.*—Дальше тутъ же Трималхіонъ хвалится тѣмъ, что не палъ духомъ: *„Putatis me defecisse? Non mehercules mihi haec iactura gusti fuit, tanquam nihil facti“.*—Въ другомъ мѣстѣ (с. 75, *Fr. 190, 12*) Трималхіонъ называетъ эту свою „дѣлкость въ приобретеніи“ словомъ—*„virtus“*!

²⁾ Одна операція доставила ему, напримѣръ, десятиmillionную вырубку. См. *Petron. 76 (Fr. 192, 17)*.

³⁾ *Petron. 76 (Fr. 192, 20): „Postquam coepi plus habere, quam tota patria mea habet...“*

⁴⁾ *Ibid. (Fr. 192, 21): „... manum de tabula: sustuli me de negotiatione“.*

⁵⁾ *Petron. 76 (Fr. 192, 18): „Statim redemi fundos omnes, qui patroni fuerant“.*

⁶⁾ *Ibidem, 77 (Fr. 194, 7)*.

⁷⁾ *Ibidem (Fr. 194, 21): „Sic amicus vester, qui fuit rana, nunc est rox“.*—

Таковъ своеобразный грубый аккордъ самодовольства, которымъ рассказчикъ заканчиваетъ типичную симфонію своего экономическаго возвышенія, также не отличающуюся тонкостью созвучій.

⁸⁾ *Petron. 76 (Fr. 192, 22): „... coepi per libertos foenerare“.*

и на ней строившіе свое социальное могущество. Можно привести въ примѣръ опять Катона Старшаго и Аттика ¹⁾; кромѣ того, слѣдуетъ назвать еще Марка Брута ²⁾, позже Плинія Младшаго ³⁾ и будущаго императора Пертинакса ⁴⁾.

Читатель Петронія застаётъ Тримальхиона уже глубокимъ, хотя бодрымъ и еще вкушающимъ отъ кубка жизни старикомъ ⁵⁾, достигшимъ увѣнчанія своей „частно-хозяйственной“ дѣятельности. Онъ утвердилъ навсегда свою осѣдлость въ роскошной Кампаніи (*Campania felix*), которая славилась какъ чуднымъ климатомъ, такъ и высокимъ плодородіемъ ⁶⁾. Италійскіе богачи, очевидно, вслѣдствіе этого очень стремились приобрести тамъ хорошія, доходныя земельныя имущества ⁷⁾. Тамъ же находились и „латифундіи“ Тримальхиона. Беллетристическое произведеніе съ романи-

¹⁾ См. сочиненіе автора настоящихъ строкъ—„Очерки по исторіи римскаго землевладѣнія“, т. I, стр. 261, 267 и въ другихъ мѣстахъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 275.—Ср. *Th. Mommsen*, Ueber den Zinswucher des M. Brutus, въ журналѣ „Hermes“ за 1899 г. (томъ XXXIV) и работу *Bardt*, Der Zinswucher des M. Brutus (Berlin, 1898).

³⁾ *Plin.* Epist. III, 19, 8: „Sum quidem prope totus in praediis, aliquid tamen feneo“.

⁴⁾ *Capitolin.* Pertin. 3, 3: „... Mercatus est per suos servos“.—См. подробности о преимущественно земельномъ составѣ его состоянія въ тѣхъ же „Очеркахъ“, стр. 230—231.

⁵⁾ См. *L. Friedländer*, Cena Trimalchionis, p. 7.

⁶⁾ *Strabo*, V, p. 242: „Ἐπὶ δὲ τούτων τῶν ῥόνων Καμπανία πάσα ἴσθεται, πλείον εὐδαμονέστατον τῶν ἀκρίτων περιήκοντα δ' αὐτῆ γεωλοφία. τε εὐχαρποι καὶ ὄρη τὰ τε τῶν καὶ τὰ τῶν Ὀσίων“.—Ср. интересныя описанія природы и богатства благодатной страны у *Плинія Старшаго* (*Hist. nat.* III, 40; XVIII, 109; 191), *Вергилія* (*Georg.* II, 221 ss.) и др. Обильную коллекцію указаній на подобные тексты можно найти у *Forcellini-De-Vit.* Onomasticon (v. Campania). Ср. еще *Ch. Desobry*, Rome au siècle d'Auguste (5 éd. P. 1886), III, 394;—*Jung*, Die romanischen Landschaften des römischen Reichs (Innsbruck, 1881), p. 518. — *Idem*, Geographie von Italien, 2 Aufl. (у *Io. Mueller*, Handbuch, III Bd.), p. 25 ss.

⁷⁾ *Гораций* вспоминаетъ о крупныхъ виноградныхъ помѣстьяхъ въ Кампаніи (*Epod.* IV, 13.): „Arat Falerni mille fundi iugera“.—Когда *Проперцій* хочетъ оказать, что у него нѣтъ большихъ имѣній, ему рисуются кампанскія латифундіи его богатыхъ современниковъ (IV, 4, 5); „Nec mihi mille iugis Campania pinguis agatur“.—*Петроній*, какъ будетъ видно ниже, также даетъ много матеріала, изъ котораго можно убѣдиться, что Кампанія была типичною страню крупнаго землевладѣнія.—*Моммсенъ*, на основаніи археологическаго и эпиграфическаго изслѣдованія плодороднѣйшихъ мѣстностей Кампаніи—*ager Falernus* и *campus Stellas*,—говоритъ, что „hanc quoque Italiae regionem latifundia perdidit“.—*Corp. inscr. lat.* t. VII, p. 460.

ческимъ содержаніемъ не можетъ дать намъ, конечно, полнаго реестра имѣній одного изъ героевъ, сообщить подробную опись угодій, на которыя они распадались, и показать всѣ особенности практиковавшейся въ нихъ хозяйственной системы. Но изображение Петронія рисуетъ отчетливую и яркую картину, такъ сказать, „экономическаго типа“ земельного состоянія Трималхіона.

Главнымъ мѣстопробываніемъ его былъ, вѣроятно же всего, богатый, красивый и веселый городъ *Кумы*, расположенный въ величественно-живописной мѣстности на высокомъ холмѣ у берега моря и на близлежащей равнинѣ, недалеко отъ Неаполя, Путеоль и Бай¹⁾, излюбленнаго „эдема“ могущественныхъ гражданъ имперіи, искавшихъ и находившихъ тамъ роскошный источникъ всякаго рода земныхъ радостей²⁾. Трималхіонъ сдѣлался тамъ довольно виднымъ и почтен-

¹⁾ Вопросъ о городѣ, въ которомъ поселился Трималхіонъ, различно рѣшается учеными.—Моммзенъ высказывается въ пользу Кумъ (см. „Hermes“, XIII, 1878, p. 109); теперь такъ же думаетъ *Friedländer* („Cena Trimalchionis“ p. 6).—Другіе отдавали предпочтеніе Неаполю (раньше *Friedländer*, Index lectionum universitatis Regiomontanae, 1860, p. 61; также *A. Collignon*, Etude sur Pétrone, P. 1892, p. 4) или Путеоль (H. W. Halsey, Quaestiones Petronianae, въ „Harvard studies in classical Philology“, II, 1881, p. 1—40; также *Kiebs*, Philologus, XLVII, 1889, p. 623).—*M. Schanz* (Gesch. d. röm. Litteratur, 2 Aufl. II 103) находятъ, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ за отсутствіемъ ясныхъ указаній въ текстѣ. У Петронія говорится только вообще, что городъ этотъ лежалъ въ Кампаніи около моря (см. *Satur.* с. 77; 81), недалеко отъ Бай (с. 53) и Капуи (с. 62). Правда, авторъ прибавляетъ, что онъ былъ „греческій“ (с. 81), что склоняетъ отвѣтъ въ пользу Неаполя или Кумъ, исключая Путеолы и Мизенъ. Въ концѣ-концовъ все-таки аргументы, собранные Моммзеномъ (въ его статьѣ—„Trimalchios Heimath und Grab-schrift“ въ XIII т. журнала „Hermes“), рисуются наиболѣе убѣдительными и побуждаютъ предпочесть Кумы Неаполю, какъ мѣстопробываніе Трималхіона. Петроній самъ, повидимому, обладалъ видкомъ около Кумъ (см. *Tac. Ann.* XVI, 19), и онъ могъ описывать жизнь этого города, какъ нѣчто, очень хорошо ему знакомое до пятимѣсячныхъ мелочей.

²⁾ О видахъ римской знати около неаполитанскаго залива и объ образѣ жизни богачей въ любимыхъ модныхъ курортахъ и купальныхъ мѣстахъ у этихъ береговъ много и интересно писали различные ученые, занимавшіеся исторіею нравовъ. См. спеціально *L. Friedländer*, Sittengeschichte Roms (6 Aufl.) II, 111—115; 118—121.—*Becker-Göll*, Gallus (3 Aufl.), I, 99 ff.—*Ch. Dezobry*, Rome au siècle d'Auguste (5 éd. P. 1886), III, 390—404; 642—643.—Подробное и систематическое изслѣдованіе топографіи Кампаніи съ богатыми данными объ ея исторіи и объ установленіи тамъ формъ общественной жизни и повседневнаго быта найдемъ въ трудѣ *J. Beloch*, Campanien, Topographie, Geschichte und Leben der Umgebung v. Neapel im Alterthum (2 Aufl.), Berlin 1890.—Ср. еще *Winnefeld*, Römische Villen der Kaiserzeit („Preuss. Jahrbücher“, 1898), и *M. Rostowzew*, Pompeja-

нымъ членомъ муниципальной общины ¹⁾ и воздвигъ въ ней для себя княжескую резиденцію ²⁾.

Петроній не жалѣеть красокъ для изображенія *куманскаго дома* Тримальхіона, какъ роскошнаго увеселительнаго и дѣловаго жилища. Когда послѣдній купилъ его, онъ былъ лишь скромною, даже жалвою постройкою; теперь—это великолѣпный дворець—*храмъ*, какъ называетъ его счастливый собственникъ ³⁾. Красивый парадный входъ украшалъ его главный фасадъ, выходившій на улицу. Пестро отдѣланный разноцвѣтной мозаикой вестибуль велъ въ просторный атрій, расписанный стѣнными картинами, на которыхъ изображалась біографія хозяина ⁴⁾. Самъ владѣлецъ охотно перечисляетъ составныя части своего обиталища. Оно было очень обширно, вызывая сравненія съ лабиринтомъ ⁵⁾. Въ немъ—четыре столовыя, залъ, огромная пріемная для гостей, два длинные портіеа съ мраморными колоннадами, двѣ богатыя бібліотеки, греческая и латинская ⁶⁾, особо устроенное помѣщеніе для купанья ⁷⁾. Внутри зданія, кромѣ того, располагались двадцать жилыхъ покоевъ для господъ; среди нихъ можно было видѣть пышную опочивальню самого Тримальхіона, большой апартаментъ для его супруги. Даже для привратника (*ostiarius*) есть въ распоряженіи прекрасная комната, можетъ быть, потому, что она на виду у главнаго входа (какъ „ложи“ парижскихъ консьержей). Въ верхнемъ этажѣ устроены обширныя помѣщенія для многочисленной прислуги ⁸⁾. Описаніе пира свидѣтельствуетъ чрезвычайно разнообраз-

nische Landschaften und römische Willen („Jahrbuch d. deutschen Arch. Inst., Bd. XIX, 1904).

¹⁾ Онъ былъ тамъ *севиромъ* въ корпораціи *августаловъ*. См. *Petron.* с. 30 (*Fr.* 180, 11).—Новѣйшій изслѣдователь вопроса объ „августальствѣ“ (проф. М. Н. Крашенинниковъ, *Августалы и сакральное магистерство*, Спб. 1895) нѣсколько развѣчалъ высокую репутацію этой коллегіи, созданную *Моммзеномъ* (см. *Archäologische Zeitung*, 1878, p. 74 и *Röm. Staatsrecht*, III, 452). Но если судить по тому, какъ Тримальхіонъ выдвигаетъ на видъ свое достоинство севира-августала, все же видно, что, по крайней мѣрѣ для вольноотпущенника, это было почетное званіе. Ср. *Friedländer*, *Cena*, p. 309.

²⁾ *Petron.* 76 (*Fr.* 102, 10): „Aedifico domum“.

³⁾ *Ibid.* 77 (*Fr.* 194, 12): „Interim dum Mercurius vigilat, aedificavi hanc domum. Ut scitis, casula erat, nunc templum est“.

⁴⁾ *Petron.* 28 (*Fr.* 74, 23 ss); 29 (*Fr.* 76, 6 ss).

⁵⁾ *Petron.* 72 (*Fr.* 182, 21).

⁶⁾ *Petron.* 48 (*Fr.* 122, 7).

⁷⁾ *Petron.* 78 (*Fr.* 182, 23).

⁸⁾ См. обо всемъ этомъ разсказъ Тримальхіона въ 72-й главѣ.

ными подробностями о блиставшемъ богатствѣ убранствѣ громаднаго palazzo и о безпримѣрной роскоши стола, которую находили въ немъ посѣтители званыхъ ужиновъ миллионера-вольноотпущенника ¹⁾. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что обстановка поражала больше нагроможденіемъ драгоценностей, которыми кичился разжившійся рагуену, чѣмъ изяществомъ сочетаній, которое могло бы удовлетворить прихотямъ вкуса утонченнаго представителя высшаго общества ²⁾.

2.

Куманская барская резиденція Тримальхиона обслуживалась огромною толпою рабовъ (*servi urbani*)—привратниковъ, лакеевъ, нажей, поваровъ, конюховъ, гимнастовъ, музыкантовъ, актеровъ и т. д. Но весь этотъ безчисленный служебный персоналъ удовлетворялъ не однимъ фривольнымъ цвлямъ безпечальнаго житія, то-есть, развлеченіемъ искателя благополучія, превратившагося въ крупнаго магната. Въ томъ же домѣ находилось *центральное управленіе*, то-есть, главная контора всего хозяйства, производившагося на поверхности его обширныхъ помѣстій ³⁾. Во главѣ грандіознаго механизма стоялъ *procurator*—

¹⁾ У Фридландера (см. въ статьѣ его о Тримальхионѣ въ *Deutsche Rundschau*, 1890, LXIII, p. 381 ss.) собрано много характерныхъ подробностей о жизни Тримальхиона въ его куманскомъ дворцѣ. Ср. въ изданіи текста „*Sena Trimalchionis*“ Фридландера (стр. 15) любопытное письмо *Лейбница* къ принцессѣ Луизѣ Гогенцоллернской отъ 25-го февраля 1702 г., въ которомъ авторъ рассказываетъ объ оригинальномъ воспроизведеніи въ его время шара Тримальхиона при ганноверскомъ дворѣ въ видѣ оценочнаго представленія.

²⁾ Это былъ, очевидно, иной типъ жизни, чѣмъ былъ Цицерона въ его куманской или тускуланской виллѣ, или Аттика въ его римскомъ и загородныхъ домахъ. См. книгу автора настоящей статьи—„*Очерки по исторіи римскаго землевладѣнія*“, т. I, стр. 306—309; 400—410. Ср. *Dézobry*, Rome au siècle d'Auguste, IV, 213—227; *A. Lichtenberger*, De Ciceronis re privata (Parisiis, 1895) и *O. E. Schmidt*, Ciceros Villen (Leipzig, 1893). Авторъ изучаемаго здѣсь произведенія, если онъ дѣйствительно Петроній, норовитъ другъ и „*arbiter elegantiae*“ при его дворѣ, могъ особенно рѣзко изображать „грубую роскошь“ счастливыхъ выскочекъ, такъ какъ самъ принадлежалъ къ особенно изнѣженнымъ образцамъ любителей изысканно-цивилизованной жизни. Въ этомъ именно отношеніи Петроній интересно представляетъ въ известномъ романѣ *Генриха Сенкевича*—„*Quo vadis*“.

³⁾ См. „*Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія*“, стр. 291—293 и цитированную тамъ работу *M. Voigt*, Ueber die Bankiers, die Buchführung und die Litteralobligation der Römer (въ „*Abhandl. d. Sächsischen Gesellsch. der Wissenschaften*“, Hist.-philol. Classe, Band X, Leipzig, 1888). Много данныхъ объ управленіи крупными частными имуществами въ римскомъ мирѣ можно также найти въ рабо-

довѣренный человѣкъ, вѣроятно вольноотпущенникъ, главноуправляющій всѣми дѣлами господина ¹⁾). Особая рабская канцелярія вѣдала письмоводство, которое велось чрезвычайно аккуратно и обстоятельно ²⁾. Денежная часть была поручена специальному казначею (*dispensator*) ³⁾. Приказчики, поставленные въ отдѣльныхъ имѣніяхъ (*villici*), являлись въ извѣстные сроки либо по специальнымъ требованіямъ прокуратора или самого господина въ главную контору для представленія докладовъ и отчетовъ ⁴⁾. Дѣятельною силою, если не въ веденіи хозяйства, то въ наблюденіи за нимъ, представлялась собственная супруга Трималхіона, Фортуната. Онъ взялъ ее съ рабскаго рынка, освободилъ, возвысилъ, сдѣлалъ своею женою. нравъ у нея непріятный, и она нерѣдко довольно остро даетъ ему знать о себѣ. Неразборчивый въ средствахъ мужъ безъ особыхъ церемоній реагировалъ на ея докучливыя выходки ⁵⁾; но въ общемъ онъ помнилъ ея услуги ⁶⁾, цѣнилъ въ ней практическій умъ и довѣрялъ ея бережливости ⁷⁾.

Картина, вызываемая въ воображеніи бѣглыми данными, которые сообщаетъ Петроній объ „администраціи“ хозяйства Трималхіона, заставляеть конкретно чувствовать, такъ сказать, за нею присутствіе

такъ *A. Schulten*, *Die römischen Grundherrschaften* (Weimar, 1894) и *E. Beaudouin*, *Les grands domaines dans l'empire romain* (Paris, 1899; раньше печаталась въ журн. „Nouv. revue hist. de droit franç. et étr.“ за 1897 и 1898 гг.).

¹⁾ *Petron.* 30 (*Fr.* 78, 5): „Procurator rationes accipiebat“.—Такое лицо являлось необходимымъ руководителемъ большого земельного собранія, особенно если оно было разсыяно по разнымъ мѣстностямъ. См. *Marquardt*, *Privatleben*, I, 155, 4. Главный раскладъ „прокуратуръ помѣстій“ или „хозяйства“ обнаруживается въ организаціи императорской собственности. См. *E. Beaudouin*, *Les grands domaines dans l'emp. rom.* р. 30 ss. Но образецъ былъ данъ предварительно въ устройствѣ управленія частныхъ крупныхъ хозяйствъ въ концѣ республиканской эпохи. См. въ „*Очеркахъ изъ исторіи римскаго землеустройства*“, стр. 143—145; 344—345.

²⁾ Канцелярія эта состояла изъ многочисленныхъ рабовъ-писцовъ (*actuarii*). *Петроній* приводитъ (въ главѣ 53-й) любопытный отрывокъ изъ „конторскаго журнала“ (*calendarium, epheMERIS*) трималхіонова хозяйства, въ которомъ сообщаются интересныя подробности о внутренней жизни крупнаго частно-владѣльческаго организама.

³⁾ *Petron.* с. 30 (*Fr.* 78, 9; 79, 2; 8).

⁴⁾ *Ibid.* с. 53 (*Fr.* 130, 20; 132, 4).

⁵⁾ *Petron.* 74 (*Fr.* 186, 12 ss.).

⁶⁾ *Petron.* 76 (*Fr.* 192, 14).

⁷⁾ Можетъ быть, въ ея рукахъ находилось закладываніе главною кассою. См. *Petron.* 37 (*Fr.* 90, 22). Она была правою рукою Трималхіона (*Ibid.* *Fr.* 90, 25).

огромнаго территоріальнаго богатства. Дѣйствительно, недвижимыя имущества его были такъ велики, что онъ самъ, какъ кажется, хорошо не зналъ ихъ состава, протяженія и инвентарей ¹⁾. Онъ характеризуетъ размѣры своихъ латифундій риторическою фигурою, которая сдѣлалась тогда почти обычнымъ обозначеніемъ земельныхъ комплексовъ подобнаго рода: онъ съ удовольствіемъ признаетъ, что только птица можетъ облетѣть его имѣнія ²⁾. Счастливецъ горделиво заявляетъ, что онъ твердо стоитъ, опираясь „многими ногами“ на сушу и на море ³⁾.

Можно постараться выдѣлить изъ напыщеннаго разсказа собственника приблизительныя контуры хотя бы нѣкоторыхъ изъ самыхъ главныхъ, существенныхъ элементовъ его колоссальныхъ владѣній. Конечно, должны были быть у него прежде всего загородныя виллы ⁴⁾ неподалеку отъ Кумъ, Путеоль и Неаполя: это была необходимая принадлежность каждаго крупнаго римскаго состоянія. Объ одной изъ такихъ виллъ, расположенной около Помпей—*horti Pompeiani*—упоминается прямо въ текстѣ, именно въ отрывкѣ изъ дневника главной конторы Тримальхіона, который рабъ-докладчикъ читалъ хозяину при гостяхъ ⁵⁾. Но въ общей сложности ихъ, разумѣется, было больше одной, и рядомъ съ изящными жилищами-дачами для пріятнаго пребыванія господина въ различныя времена года на земляхъ, примыкавшихъ къ нимъ, должно было совершаться настоящее сельское производство для извлеченія прибыли.

Такое соединеніе виллъ увеселительныхъ съ хозяйственными мызами встрѣчалось, можно предполагать, довольно часто въ Кампаніи по сосѣдству съ городами, покрывавшими берегъ неаполитанскаго залива такъ же, какъ и въ другихъ густо заселенныхъ пунктахъ полуострова. *Марціалъ* подробно изображаетъ виллу Фаустина близъ Бай, которая именно была не только восхитительною „*maison de plaisance*“,

¹⁾ *Petron.* 37 (*Fr.* 92, 8); 53 (*Fr.* 130, 20).

²⁾ *Ibid.* (*Fr.* 92, 5): „... fundus habet, qua milvi volant“.

³⁾ *Ibid.* 39 (*Fr.* 96, 22): „In cancro ego natus sum, ideo multis pedibus sto, et in mari et in terra multa possideo; nam cancer et hoc et illoc quadrat“.

⁴⁾ Изъ брошеннаго вскользь одного слова Тримальхіона обнаруживается также, что у него были доходимыя дома (*insulae*) въ городѣ, гдѣ онъ жилъ, которые онъ отдавалъ внаемъ, извлекая, можетъ быть, порядочную выгоду. Одинъ изъ такихъ домовъ онъ даритъ по завѣщанію заслуженному рабу: „*Carioni quoque insulam(lego)*...“ *Cf. Petron.* с. 71. (*Fr.* 176, 22).

⁵⁾ *Petron.* 53 (*Fr.* 136, 19).

но и превосходно воздѣланнымъ доходнымъ помѣстьемъ ¹⁾. Стаций описываетъ великолѣпную виллу Помпія Феликса около Сорренто (Surrentum). Въ ней былъ отлично устроенный и роскошно разукрашенный домъ съ паркомъ ²⁾, который опять же можетъ явиться примѣромъ того, чѣмъ должны были быть виллы Тримальхіона, если мы въ видахъ специальной цѣли изслѣдованія захотимъ на минуту признать его лицомъ, исторически существовавшимъ; но рядомъ располагались также прекрасные виноградники и плодородныя, хорошо обработанныя хлѣбныя поля ³⁾. Можно думать, что многія и изъ другихъ виллъ, которыя упоминаются въ различныхъ источникахъ, какъ находившіяся въ тѣхъ же мѣстностяхъ ⁴⁾, также соединялись съ кусками земли, отданными подъ разнаго рода выгодныя культуры ⁵⁾.

¹⁾ См. *Martial*. III, 58. Это въ высшей степени характерное описаніе поэта ра-
зобрано авторомъ настоящихъ строкъ въ его нѣсколько разъ цитированной здѣсь
книжкѣ— „*Очерки изъ исторіи римскаго земледѣлія*“, т. I, стр: 151—153.

²⁾ *Stat. Silv.* II, 2, 1: Et inter notas Sirenium nomine muros,
Saxaque Tyrrhenae templis onerata Minervae,
Celsa Dicaearchae speculatrix villa profundi,
Qua Bromio dilectus ager, collesque per altos
Uritur, et prelis non invidet uva Falernis.

Вслѣдъ за этимъ начинается длинное, чрезвычайно интересное описаніе дома и садовъ.

³⁾ *Ibid.* v. 98. Quid nunc ruris opes pontoque novalia dicam
Iniccta malidas Baccheo nectare rupes?
Saepe per autumnum iam pubescente Lyaeo
Conscendit scopulos noctisque occulta sub umbra
Palmitum maturo rorantia lumina terit
Nercis et dulces rapuit de collibus uvas.
Saepe et vicino sparca est vindemia fluctu,
Et Satyri cecidere vadis, nudamque per undas
Dorida montani cupierunt prendere Panes.

⁴⁾ См. напримѣръ, у *Jul. Beloch*, Campanien, указател., подъ словомъ—*villa*.

⁵⁾ Около *Castellamare* (древнихъ „Стабій“) и *Bosco Reale* найдены чрезвычайно любопытныя развалины сельскихъ усадеб (*villae rusticae*); онѣ носятъ очевидные признаки земледѣльской эксплуатаціи, совершавшейся нѣкогда (то-есть, въ римское время) на земляхъ, которыя къ нимъ принадлежали. Профессоръ *М. И. Ростовцевъ*, лично изучившій на мѣстѣ эти очень важныя для социальнаго историка вещественныя памятники, обращалъ вниманіе автора настоящихъ строкъ на то, что развалины производятъ ясное впечатлѣніе хозяйственныхъ центровъ небольшихъ разбитовъ. Последнее вполне вѣжется съ условіями подгородной культуры, которая сосредоточивалась больше всего на интенсивномъ воздѣлываніи садовыхъ и огородныхъ растений; они же разводятся съ самымъ лучшимъ успѣхомъ именно на мелкихъ участкахъ руками непосредственно заинтересованнаго земледѣльца, такъ какъ требуютъ упорнаго

Петроніево описаніе состоянія Тримальхіона должно было, конечно, служить воплощеніемъ „господствующаго типа“ частнаго землевладѣнія въ „счастливой Кампаніи“.

Главные, самые солидные элементы въ составѣ недвижимостей Тримальхіона, то-есть, обширнѣйшія его латифундіи, повидному, находились также въ Кампаніи. Самъ владѣлецъ въ своихъ автобіографическихъ повѣствованіяхъ называетъ двѣ изъ нихъ. Одна была расположена въ недалекомъ разстояніи отъ Кумъ—*praedium Cumanum*. Она занимала, безъ сомнѣнія, очень значительное, можетъ быть, даже громадное пространство: по хозяйственному „журналу“ въ одинъ день у поселенныхъ тамъ рабовъ родилось 70 ребятъ; 300.000 модіевъ пшеницы вывезено было въ тотъ же день съ полей въ амбары; на другихъ поляхъ пахало 500 быковъ ¹⁾. Одно такое помѣстье, расположенное въ краѣ, который славился буйнымъ плодородіемъ, въ знаменитыхъ „*campi Phlegraei*“ или „*Leboriae*“ (отсюда нынѣшнее—*tetta di lavogo*) ²⁾, лучшей части много воспѣтаго „*campus Capra-*

и аккуратнаго труда, неуспыной бдительности, постоянного присутствія опытнаго, зоркаго глаза. Однако, изъ одного факта обнаруженія единицъ мелкаго хозяйства въ Кампаніи около побережья неволитанскаго залива еще нельзя заключать, что такіе небольшіе участки являлись собственностью людей крестьянскаго типа. Это были, вѣрнѣе всего, клочки, выкроенные на поверхности крупныхъ помѣстій въ мѣстахъ, наиболѣе удобныхъ для обработки, изъ не вездѣ плодороднаго побережья, между скалами и несчастливыми отмелями. Можетъ быть, они отдавались господами въ аренду безземельнымъ сьемщикамъ. Примѣровъ подобной обработки крупныхъ имѣній, молкими фермерскими единицами, какъ извѣстно, много находится въ источникахъ. Они относятся къ различнымъ мѣстностямъ Італіи, и та, которая здѣсь насъ интересуетъ, была слишкомъ выгодна, чтобы тамъ при цѣпкой и неравной борьбѣ за земли между богатыми и бѣдными могло удержаться молкое землевладѣніе. Указаннымъ только что выше развалинамъ римскихъ виллъ въ мѣстности къ югу отъ Неаполя (вдоль залива) скорѣе свидѣтельствуютъ даже о непосредственной господской эксплуатаціи располагавшихся тамъ небольшими кусками очень доходныхъ земельныхъ имуществъ: „окономіи“ снабжены были роскошными орудіями производства (винными и маслодѣльными прессами и т. д.) и богато обставленными складами для храненія продуктовъ. Самая отдышка зданій обнаруживаетъ здѣсь именно барскія жилища, а не фермы скромныхъ арендаторовъ. См. въ цитированной статьѣ М. И. Ростовцева (въ „*Jahrbuch des deutschen arch. Inst. Bd. XIX, S. 124*) біографію о „*villae rusticae*“, найденныхъ около Стабій.

¹⁾ *Petron.* 53 (*Fr.* 130, 13): „VII kalendas sextiles: in praedio Cumano, quod est Trimalchionis, nati sunt pueri XXX, puellae XI; sublata ex area tritici milia modium quingenta; boves domiti quingenti“.

²⁾ *Plin.* Н. н. XVIII, 11: „Quantum autem universas terras campus Campanus antecedit, tantum ipsum pars eius, quae Leboriae vocantur, quam Phlegraeum Graeci appellant. Finiuntur Leboriae via ab utroquo latere consulari, quae a Puteolis et quae a Cumis Capuam ducit“.—Ср. *J. Beloch, Campanien*, p. 373.

pus", не могло не образовать собою могучей основы внушительнаго богатства.

Другое имѣніе, о которомъ также говоритъ самъ Трималхіонъ, начиналось, подобно первому, вблизи отъ города, но уходило вглубь страны и протягивалось, очевидно, на обширныя пространства вдаль: собственникъ съ чванствомъ заявляетъ, что оно въ одно и то же время находится по сосѣдству съ Тетрадиною и Тарентомъ, городами, какъ извѣстно, далеко отстоявшими другъ отъ друга ¹⁾. Это, разумѣется, плоская похвальба, безвкусное преувеличеніе рассказчика; но во всякомъ случаѣ онъ могъ расписывать такими красками на глазахъ у всѣхъ только въ самомъ дѣлѣ „княжеское владѣніе“.

Трудно утверждать, что отдѣльные элементы кампанской земельной собственности Трималхіона должны были составлять одну сплошную территорію (единое „latifundium“): отдѣльныя большія помѣстья такихъ богачей располагались всего чаще солидными островами на извѣстныхъ разстояніяхъ одно отъ другаго. Но владѣлецъ постоянно стремился „прикупать“ новыя и новыя полосы ²⁾, увлекаясь, какъ всѣ вообще земельные магнаты, его собратья, „прелестью накопленія“ (*pulchritudo iungendi*), и, очевидно, жаждалъ „округленія“ и объединенія своихъ недвижимыхъ имуществъ въ одно широко раскинутое, но сплоченное тѣло (*ingens cupido agri continuandi*) ³⁾.

¹⁾ *Petron.* 48 (*Fr.* 122, 2): „...Dicitur (praedium) confine esse Tarraciniensibus et Tarentinis“.

²⁾ Трималхіонъ съ интересомъ говоритъ объ этихъ покупкахъ, и изъ его словъ видно, что такія приращенія собственности были дѣломъ обычнымъ въ его хозяйствѣ.—См. *Petron.* 53 (*Fr.* 130, 20). „...‘Quid?’ inquit Trimalchio, ‘quando mihi Pompeiani horti empti sunt?’—‘Anno priore’, inquit actuarius, ‘et ideo in rationem nondum venerunt’.—Excanduit Trimalchio et ‘quicumque’, inquit, ‘mihi fundi empti fuerint, nisi intra sextum mensem sciero, in rationes meas inferri vetuo’...“—Въ данномъ отрывкѣ отчетливо рисуется громадное хозяйство, которое не можетъ быть обнято постоянно все глазомъ господина, въ которомъ онъ неизбежно вынужденъ предоставлять дѣйствовать управляющимъ, ограничиваясь общимъ надзоромъ и остававшаяся самоуправство неожиданными ревизіями и „острастками“.

³⁾ Денегъ на это хватало, такъ какъ, несмотря на большой оборотъ, касса Трималхіона всегда была полна крупнымъ золотымъ фондомъ, составлявшимъ нестоимый запасъ сбереженій. Излишки эти только отчасти получались отъ добавочныхъ коммерческихъ предпріятій, главнымъ же образомъ они доставлялись доходами отъ помѣстій. Это былъ результатъ простого сбыта земледѣльческаго сырья въ громадную столицу, поглощавшую, въ силу колоссальнаго спроса ея населенія, огромную массу продуктовъ и отдававшую поставщикамъ чистыя деньги за отсутствіемъ въ ней сильнаго индустріальнаго производства: она бѣдила, обогащая ихъ, стояла въ зависи-

Трималхіонъ настойчиво искалъ продажныхъ помѣстій въ Апуліи, желая ввести также эту область, важную и для хлѣбопашества, и для пастбищнаго хозяйства, въ сферу своей экономической власти ¹⁾. Съ другой стороны, онъ мечталъ приобрести хорошую собственность въ Сициліи, чтобы ему можно было, какъ онъ самъ признается, ѣздить изъ Кампаніи черезъ этотъ островъ въ Африку, не выходя изъ предѣловъ своихъ собственныхъ владѣній ²⁾. Изъ такихъ словъ естественно вывести, что и въ этой классической странѣ латифундій ³⁾ у него должны были существовать обширныя имѣнья.

Растущее состояніе Трималхіона могло кромѣ покупокъ постоянно умножаться еще завѣщаніями кліентовъ, вольноотпущенниковъ, родичей, друзей и т. д. Съ наслѣдства началось его матеріальное благополучіе; оно должно было и дальше приращаться ими ⁴⁾. Такимъ образомъ, фиктивный, литературный образъ Трималхіона ярко показываетъ, что такое было богатство и экономическое могущество въ римскомъ мірѣ въ I вѣкѣ имперіи? Оно воплощалось въ форму индивидуализированныхъ подъ властью отдѣльныхъ владѣльцевъ огромныхъ комплексовъ территоріальной собственности, покрывавшихъ значительныя части цѣлыхъ областей, раскинувшихся иногда по многимъ провинціямъ, по составлявшихъ объединенное частное хозяйство. Знаменитыя—*„patrimonia sparsa per orbem“*, о которыхъ во второй половинѣ IV вѣка съ взволнованнымъ изумленіемъ будетъ говорить *Аммианъ Марцеллинъ* ⁵⁾, оказываются, стало быть, типичными и для болѣе раннихъ эпохъ процвѣтанія Рима, какъ міровой державы.

места отъ нихъ, не сумѣла создать противовѣса въ самостоятельной промышленной экономической силѣ.

¹⁾ *Petron.* 77 (*Fr.* 194, 11): „Quod si contigerit fundos Apuliae iungere, satis vivus pervenero“.

²⁾ *Petron.* 48 (*Fr.* 122, 3): „Nunc coniungere agellis Siciliam volo, ut cum Africam liberit ire, per meos fines navigem“...—это—замѣчательно любопытный текстъ при всей его сатирической неправдоподобности!

³⁾ Недаромъ всѣ новѣйшія изслѣдованія, вскрывшія особенно глубоко природу и организацію латифундій, основаны главнымъ образомъ на африканскомъ матеріалѣ. Неудивительно также, что почва Африки чуть ли не ежегодно даритъ наукѣ превосходные памятники, истолковывающіе римскую аграрную старину. Впрочемъ, многія и другія провинціи оказались ареною развитія крупной собственности въ поражающихъ размѣрахъ.

⁴⁾ О наслѣдствахъ, полученныхъ Трималхіономъ, о завѣщаніяхъ, составлявшихъ въ его пользу разными лицами, нѣсколько разъ упоминаетъ *Петроній* въ разсказѣ о немъ. См. напр. *Satyr.* 47 (*Fr.* 120, 15); 53 (192, 3).

⁵⁾ *Ammian.* XXVII, 11, 1.

3.

Насколько можно судить по даннымъ, которыми Петроній обставилъ свое сатирическое описаніе состоянія Трималхіона, хозяйство его было организовано на специфически барскихъ началахъ, то-есть, велось *крупно-плантационнымъ* способомъ. Производство осуществлялось по преимуществу руками рабовъ. О громадномъ количествѣ населенія въ куманскомъ дворцѣ, загородныхъ виллахъ и сельскихъ помѣстьяхъ Трималхіона ясно говорится въ текстѣ. Рабовъ у него было такъ много, и они жили такъ разбросано, что едва-ли десятая часть ихъ видѣла лично хозяина ¹⁾. Изрядное число ихъ родилось въ домѣ или имѣніяхъ барина, продолжая породу его собственныхъ невольныхъ слугъ (*vernae*); другіе покупались (*empticii*) для увеличенія рабочаго состава или лакейскаго персонала; третьи получались по завѣщаніямъ ²⁾. Рабы Трималхіона дѣлились на многочисленныя декуріи ³⁾, подчиняясь въ городѣ центральной владѣльческой конторѣ съ прокураторомъ во главѣ; въ сельскихъ же помѣстьяхъ, какъ обыкновенно практиковалось при такой системѣ эксплуатаціи, ставились въ каждомъ для руководства дѣломъ рабы-приказчики (*vilici*) ⁴⁾.

Подобная картина организаціи хозяйственной техники, совершенно опредѣленно нарисованная Петроніемъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что крупное производство, основанное на соединеніи вмѣстѣ труда большихъ рабскихъ массъ („grande culture“), являлось въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Хр. господствующимъ типомъ обработки барскихъ доходныхъ недвижимостей, по крайней мѣрѣ, внутри Италіи. Это, безъ сомнѣній,—чрезвычайно важное наблюденіе, которое слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ высказывавшихся въ наукѣ попытокъ опровергнуть тезисъ о широтѣ примѣненія рабовладѣльческаго, плантационнаго хозяйства на латифундіяхъ и о глубинѣ социальнаго вліянія этой

¹⁾ *Petron.* 37 (*Fr.* 92, 8): „Familia vero babae babae, non mehercules puto decimam partem esse, quae dominum suum noverit“.

²⁾ *Petron.* 47 (*Fr.* 120, 14—16).

³⁾ *Petron.* 47 (*Fr.* 120, 11): „Continuoque cocum vocari iussit... et clara voce: 'ex quota decuria es?'—Cum ille se ex quadagesima respondisset, 'empticius an', inquit, 'domi natus'“. Стало быть, въ городскомъ домѣ насчитывалось до сорока рабскихъ декурій.

⁴⁾ *Petron.* 53 (*Fr.* 130, 20; 132, 4).

формы сельскохозяйственной культуры на аграрныя отношенія между классами ¹⁾).

Осуществлялись ли на землях Трималхіона другіе виды организаціи сельскаго труда, авторъ не пожелалъ указать. Есть въ источникахъ фактическія свидѣтельства, что въ Кампаніи находило мѣсто и фермерское хозяйство, то-есть, „колонатъ“ въ его первоначальной свободной и срочной фазѣ (съемка земли по контракту) ²⁾. Марціалъ какъ будто указываетъ на нее въ своемъ описаніи хозяйственныхъ порядковъ на виллѣ Фаустина около Бай ³⁾. Существуютъ и эпиграфическіе тексты, подтверждающіе такое предположеніе ⁴⁾. Очень

¹⁾ Известно, что теперь въ ученой литературѣ замѣчается сильная реакція противъ сдѣлавшагося классическимъ тѣснаго сочетанія въ умахъ историковъ признака „рабства“ съ понятіемъ „античнаго общественнаго и экономическаго строя“. Теперь, наоборотъ, съ особенною охотою выдвигаютъ данныя, свидѣтельствующія объ участіи „свободнаго труда“ въ сельскомъ хозяйствѣ древняго міра. Въ числѣ наиболее авторитетныхъ представителей новаго теченія можно назвать Эдуарда Мейера съ его блестящею брошюрою—„Die Slaverei im Altertum“ (Dresden, 1898). Въ томъ же направленіи идетъ, разрабатывая вопросъ,—Е. Cicotti, Il tramonto della schiavitù (Milano, 1899). У него приведена богатая библиографія. Большинство новѣйшихъ солидныхъ исследователей исторіи развитія крупнаго землевладѣнія въ римскомъ мірѣ, изображая эксплуатацію латифундій, придаютъ гораздо болѣе значенія фермерской культурѣ на нихъ (мелкой арендѣ), чѣмъ рабскому хозяйству (плантаціонному производству). См. сводку выводовъ въ работѣ Е. Beauvoisin, Les grands domaines dans l'empire romain (P. 1899). Слѣдуетъ опасаться, какъ бы эта свѣжая и плодотворная точка зрѣнія, открывшая много новаго, ранѣе незамѣченнаго, въ организаціи римскаго землевладѣнія, при неосторожномъ увлеченіи ею, не привела къ преувеличеннымъ заключеніямъ, которыми нарушатъ правильную историческую перспективу.

²⁾ Эта форма, оставившая по себѣ ясный слѣдъ въ *Дигестахъ*, прекрасно изображена Фюстелъ де-Куманжемъ въ его знаменитой работѣ—„*Le colonat Romain*“ (въ сборникѣ—„*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*“, 1885). Затѣмъ новый свѣтъ на нее пролили африканскія аграрныя надписи. См. многочисленными исследованіями о нихъ Шульцена, Кюка, Бодуэна, Зека, названныя въ нашихъ „*Очеркахъ изъ исторіи римскаго землевладѣнія*“ (см. Указатель). Ср. М. Rostowzew, *Geschichte der Staatspracht in der römischen Kaiserzeit* („*Philologus*“, IX Supplementband, Leipzig, 1904: это—нѣмецкая переработка его магистерской диссертациі), стр. 432 слл.

³⁾ *Martial*. III, 58, 38 vs. — „*Rustici*“, „*probi coloni*“ у Марціала,—это, очевидно, мелкие съемщики, какъ арендаторы Горациа—„*boni patres*“ (*Epist.* I, 14, 2).—какъ у него же въ стихотвореніяхъ Офелль (*Sat.* II, 2).

⁴⁾ Надобно вспомнить надписи, давно приводившіяся Моммзеномъ для доказательства ранняго развитія долгосрочной аренды на италійскихъ крупныхъ помѣстьяхъ (см. „*Hermes*“, XV, въ статьѣ о знаменитой надписи *Saltus Burunitanus*). Можно привести нѣсколько примѣровъ: „*T. Alfrenus Atticus, colonus fundi Tironiani, quem*

можетъ быть, что система мелкой аренды, издавна установленная еще республиканскимъ правительствомъ на *ager Campanus*¹⁾, явилась для этого образцомъ. Есть факты, относящіеся еще къ концу республиканскаго времени, которые показываютъ, что уже тогда начинали пользоваться даже рабами для такой цѣли, какъ стѣмщиками или держальцами господской земли²⁾. Еще чаще социальнымъ матеріаломъ для этого должны были служить вольноотпущенники³⁾. У Трималхона могли быть такіе привилегированные рабы, которымъ онъ особенно довѣрялъ, или которыхъ хотѣлъ вознаграждать за услуги: вполнѣ естественно было давать имъ нѣкоторую хозяйственную самостоятельность, сажая на фермерскіе участки за особый оброкъ деньгами или вѣрнѣе, натурою (изъ части урожая)⁴⁾. Это тѣмъ болѣе было понятно, что такимъ путемъ могли становиться доходными, оплодотворяясь, такъ сказать, полусвободнымъ трудомъ, такія угодья помѣстій, которыя почему-нибудь было неудобно пускать подъ обработку за

---

coluit annos I.^a (*Inscr. regni Neap.* 5505=C. I. L. IX, 3675); изъ той же надписи обнаруживается жена его (Attilia Restituta, colona) и рабы этого крестьянскаго хозяйства (familia Tironianensis). См. еще — „C. Vergilius Martianus, colonus agri Caeliaeici“ и жена его „Anulena Certa, colona agri supra scripti annorum XXII (Orelli, 4644). Затѣмъ—„Q. Insteius Diadumenus, coluit ann. XXXV, vixit annis LXXXIV“ (*Inscr. regni Neap.* 2527=C. I. L. X, 1877). Последняя надпись датирована 176-мъ годомъ послѣ Р. Хр. Можется говорить здѣсь (стр. 408): „Dies waren freie Zeitpächter, wie dies die Zusetzung der Pachtjahre auf das bestimmteste anzeigt“.

¹⁾ См. Cic. De leg. agr. II, 29, 81; 31, 84.—M. Weber, Römische Agrargeschichte (1891), p. 136.—Mommsen, Corp. inscr. lat. I, p. 460.

²⁾ См. Bremer, Iurisprudencia antehadriana, p. 170, 201. Ср. Dig. XXXIII, 7, 12, 3—6; XV, 3, 16. Ciccotti, Il tramonto della schiavitù, p. 218. Особенно должна была развиться такая метаморфоза въ способѣ эксплуатаціи трудовой силы сельскихъ рабовъ со времени прекращенія завоевательныхъ войнъ, когда стала вырождаться рабская порода, и надобно было позаботиться объ улучшеніи матеріальнаго и личнаго положенія рабовъ. Это теченіе было впервые подмѣчено и выдвинуто Родбертусомъ, который изъ него выводитъ, какъ извѣстно, весь институтъ „колоната“. Изъ новѣйшихъ авторовъ см. у Fustel de Coulanges, L'alleu et le domaine rural à l'époque mérovingienne, и въ сію же направленіи—„Le colonat romain“—отдѣлы, озаглавленные—„Les tenures serviles“.

³⁾ Въ качествѣ арендаторовъ на чужихъ земляхъ въ римскомъ мірѣ вольноотпущенники исторически какъ бы смѣнили кліентовъ первоначальной эпохи. См. въ статьѣ нашей о древнѣйшемъ римскомъ крестьянствѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1897 годъ, октябрь.

⁴⁾ См., что онъ говоритъ по поводу своего завѣщанія, въ главѣ 71-й. То же на вѣрво дѣлалось и при жизни господина.

счетъ самого барина ¹⁾). Затѣмъ еще многихъ рабовъ Тримальхионтъ отпускалъ вновь на волю, также обезпечивая матеріально и наполняя такимъ путемъ наиболѣе удобную для свободнаго земельного арендаторства социальную категорію людей ²⁾). Впрочемъ, въ конечномъ выводѣ, во всякомъ случаѣ, типъ плантаціи (господской запашки) преобладалъ надъ типомъ фермерскаго надѣла на земляхъ Тримальхиона. Такую черту характерно подмѣтить въ „баллетристическомъ“ произведеніи: она не пропадетъ безъ значенія для вывода, хотя бы приблизительнаго, о господствовавшихъ тогда способахъ культуры въ большихъ помѣстьяхъ ³⁾).

¹⁾ Можетъ быть, тѣ *vici*, которые иногда упоминаются въ эпиграфическихъ памятникахъ Кампаніи, вскрываютъ подобныя сгруппированныя близко другъ отъ друга поселенія колонистовъ-съемщиковъ. См. *Beloch*, *Campanien*, index („*vici*“).

²⁾ Въ посмертномъ распоряженіи онъ обѣщаетъ освободить ихъ всѣхъ (см. ту же 71-ю главу). Во время пра мы также видимъ прѣдѣлы отдѣльныхъ освобожденій. *Petron*, с. 40 (*Fr.* 100, 23); с. 41 (*Fr.* 102, 5).

³⁾ Мелкая аренда, какъ форма эксплуатаціи латифундій въ Италіи, лишь мало-помалу начала расширяться на счетъ крупнаго владѣльческаго хозяйства. Еще *Родбертусъ* обозначалъ какъ демаркаціонную линію между фазою господства на полуостровѣ крупной барской культуры, производившейся руками рабовъ, и послѣдующею эпохою преобладанія на большихъ господскихъ мѣстностяхъ мелкаго хозяйства фермеровъ-съемщиковъ, — поколѣніе, прожившее между писательствомъ старшаго и младшаго Плиніевъ. См. *К. Rodbertus-Jagetzow*, *Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des class. Altertums* (въ „*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*“, 1864 годъ). Причины этого процесса были сложнаго характера. Съ одной стороны къ сокращенію разбитовъ барскихъ запашекъ приводило именно обѣднѣніе источниковъ самаго рабства. Съ другой—въ томъ же направленіи дѣйствовали многія особенности въ развитіи самого италійскаго сельскаго хозяйства, о которыхъ здѣсь долго было бы говорить (ср. „*Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія*“, стр. 311 и сл.). Время, когда указанный аграрный переворотъ сталъ болѣе или менѣе ясно замѣчаться, правильно опредѣляется *Родбертусомъ*, по крайней мѣрѣ приблизительно. Въ самомъ дѣлѣ, въ описаніяхъ *Плинія Старшаго* латифундіальное землевладѣніе совпадаетъ съ плантаціоннымъ хозяйствомъ. На обширныхъ помѣстьяхъ *Плинія Младшаго* и его друзей уже широко распространена фермерская аренда. Знаменитый экономистъ полагаетъ, что тѣмъ самымъ совершалась эволюція низшихъ классовъ отъ рабства къ крѣпостничеству, ибо главнымъ социальнымъ матеріаломъ, изъ котораго монополизировался классъ съемщиковъ, служили, по его мнѣнію, сельскіе рабы, сжавшіеся на участки и постепенно эмансипировавшіеся. На самомъ дѣлѣ такая трансформация рабства представляетъ лишь менѣй рукавъ образовавшагося потока. Но въ описываемомъ переходѣ земельныхъ магнатовъ отъ крупнаго къ мелкому хозяйству находилось удовлетворительное разрѣшеніе для того серьезнаго кризиса, который вызванъ былъ окончательнымъ обезземеленіемъ свободнаго крестьянства, грозя страшнымъ потрясеніемъ: терявшіе собственность на землю прежніе крестьяне устраивались въ подходящихъ для себя условіяхъ труда, какъ съемщики чужой земли.

Что касается направленія самого производства на обширныхъ и разнообразныхъ земляхъ Трималхіона, то оно было развѣтвленное и сложное; объектами культуры служили многочисленные виды хозяйственныхъ растений и всякія породы домашнихъ животныхъ.

На громадныхъ пастбищныхъ пространствахъ, подалеже въ горахъ или въ холмистомъ предгорьѣ разводились рогатый скотъ и овцы, между прочимъ тонкорунныя, а также мулы „знатной расы“¹⁾. На плодородныхъ полосахъ сѣялись лучшіе сорта хлѣба²⁾; подходящіе куски отдавались подѣ виноградники³⁾, а ближайшія къ Кумамъ и Неаполю части различныхъ имѣній, очевидно, были заняты усовершенствованными насаждениями или производствами специально городскихъ „*degrées alimentaires*“—домашней птицы, овощей и фруктовъ⁴⁾, меда⁵⁾, конечно, также и цвѣтовъ⁶⁾.

Все это потреблялось въ очень большихъ количествахъ уже внутри громаднаго хозяйства разбогатѣвшаго выходца изъ рабства безчисленнымъ и разнохарактернымъ персоналомъ его челяди (*familia*), псевдосвободной, полусвободной и свободной, и всякаго рода посторонними прихлебателями или гостями (*hospites*), которые на короткое или даже долгое время „приставали“ къ его „дому“, вполнѣ или отчасти питаясь на его счетъ. Затѣмъ такіе продукты находили широкій сбытъ не только въ Римѣ, куда стоило извѣстныхъ усилій возить наиболѣе нѣжные виды утонченныхъ сельскихъ произведений⁷⁾, но и въ ближайшихъ густо населенныхъ и богатыхъ приморскихъ городахъ и модныхъ „вилледжатурахъ“⁸⁾.

Выдуманная Петроніемъ личность Трималхіона является въ его произведеніи коллективнымъ снимкомъ людей извѣстной общественной категоріи; поэтому авторъ неизбежно долженъ изображать состояніе своего героя такими конкретными красками, какія хранила его память въ видѣ слѣда отъ много разъ воспринимавшихся въ окружаю-

¹⁾ См. у Петронія вообще главу 38-ю. Ср. еще гл. 53 (*Fr.* 130, 15) и 56 (*Fr.* 138, 4).

²⁾ *Petron.* с. 53 (*Fr.* 130, 14).

³⁾ *Ibidem*, с. 48.

⁴⁾ Это видно изъ состава его ужина, на которомъ подавались только собственные продукты.

⁵⁾ *Petron.* с. 38.

⁶⁾ Цвѣты также играли важное мѣсто въ украшеніи его дома.

⁷⁾ Это было указано выше.

⁸⁾ См. *I. Beloch*, *Campanien*, p. 54 ff. (et passim).

щей жизни впечатлѣній. Только при такомъ условіи рассказываемая имъ вымышленная исторія могла вызывать въ воображеніи его читателей конфигурацію и составъ собственности, а также картину характера хозяйства, реально существовавшихъ кругомъ него и составлявшихъ основу благосостоянія и крѣпости членовъ не исчезающаго социальнаго магната¹⁾.

Трималхіонъ—дѣйствительно неподражаемый образецъ одной изъ разновидностей миллионеровъ перваго вѣка имперіи. Онъ самъ говоритъ про себя, что онъ „богатъ какъ царь“²⁾: онъ даже не понимаетъ, что значить „бѣдный“³⁾, измѣряетъ цѣну людей количествомъ ихъ имущества⁴⁾. Онъ хвастается въ заранѣ составленной эпитафій, что приобрѣлъ добро стоимостью не менѣе, чѣмъ въ тридцать миллион⁵⁾ сестерціевъ⁶⁾. Такъ или иначе, но передъ нами вырастаетъ изъ-подъ пера моралиста и бытописателя любопытная и важная социальная фигура. Конечно, она задумана съ сатирическою цѣлью, написана не безъ карикатурныхъ преувеличеній; но во всякомъ случаѣ—это не фантазія, а фактъ, выхваченный изъ жизни, хотя и освѣщенный концентрированными лучами; и это образъ не исключительный, не единственный; это—представитель распространеннаго типа, занимавшаго въ обществѣ видное мѣсто и игравшаго замѣтную роль⁷⁾. Оттого-то Петроній и разработалъ личность Трималхіона съ такою тщательностью, и она нарисована имъ во весь ростъ, но и съ мельчайшими деталями.

Нельзя сомнѣваться въ большомъ значеніи „*Иура Трималхіона*“, какъ историческаго памятника. *Фюстель де-Куланжъ* утверждаетъ безъ колебанія, что для социальнаго историка ничего не даютъ положительнаго, а потому мало и стоятъ сатирическія изображенія. Знаменитый авторъ, фанатическій сторонникъ точнаго текстуальнаго изслѣдованія старины, готовъ даже смѣяться надъ тѣмъ, кто основываетъ на

¹⁾ Въ другихъ мѣстахъ пронаведенія Петронія постоянно попадаются фигуры крупныхъ собственниковъ.

²⁾ *Petron.* 77 (*Fr.* 194, 22).

³⁾ *Ibid.* 48 (*Fr.* 122, 11).

⁴⁾ *Ibid.* 77 (*Fr.* 194, 20).

⁵⁾ *Ibid.* 71 (*Fr.* 180, 13): „...Sestertium reliquit trecenties“. Трудно сказать навѣрно, все ли имущество Трималхіона подразумѣвается подъ этою цифрою или только недвижимости, объявленныя по ценовымъ спискамъ.

⁶⁾ См. *Friedländer*, *Sittengesch.* I, 99 ff; 392 ff.—*H. Lemonnier*, *La condition privée des affranchis dans l'empire romain* (P. 1887), p. 261 ss.—*G. Boissier*, *L'opposition sous les Césars*, p. 253 ss.

подобномъ матеріалѣ какой-нибудь серьезный выволъ ¹⁾). Но онъ не правъ въ формализмъ своего требованія опираться при каждомъ научномъ построеніи исключительно на данныхъ дѣловаго характера. Статистической безусловности, повторяемъ, нельзя искать въ петроніевомъ описаніи имущества Трималхіона: это—не кадастровая опись, по которой можно было бы установить его гражданскій цензъ; это—не писцовая книга (*polyptuchum*), въ которой перечисляются всѣ недвижимости съ ихъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Это, такъ сказать,—рисунокъ на глазъ, картина, рассчитывающая на глазомѣрную правильность, бьющая на психологически реальную иллюзію жанровой сцены.

Строить по разказу Петронія индивидуальный этюдъ изъ исторіи римскаго землевладѣнія—это значить поступать такъ, какъ дѣлалъ бы историкъ русскаго дореформеннаго хозяйства, если бы онъ пользовался какъ матеріаломъ для изображенія его бытовой картины или провѣрки его вліянія на „живую жизнь“, данными изъ „*Пошехонской Старинѣ*“ нашего знаменитаго сатирика. Такой приѣмъ не долженъ подвергаться осужденію строгаго критика самъ по себѣ. Наоборотъ, серьезный изслѣдователь, стремящійся привлечь къ выясненію своей задачи всѣ источники, оставленные эпохою, можетъ расширить свои точки зрѣнія, вдумываясь въ наблюденія чуткихъ художниковъ—толкователей дѣйствительности. Тѣмъ болѣе правильно такъ дѣйствовать при изученіи древности, отъ которой у насъ остался въ рукахъ лишь фрагментарные источники. Вся сила тутъ только въ методической осмотрительности при извлеченіи историческаго вывода изъ поэтическаго или вообще литературнаго произведенія ²⁾.

Трималхіонъ у Петронія, начертывая собственными устами свою социальную характеристику, нисколько не стѣсняется раскрывать всѣ

¹⁾ *Fustel de Coulanges, L'alleu et le domaine rural, p. 21.*

²⁾ Прекрасно, если можно возстановлять частновладѣльческія состоянія на основаніи офіціальныхъ и зарегистрированныхъ свѣдѣній; но таковыхъ римская древность намъ не оставила, и приходится радоваться, когда встрѣчаемъ въ источникахъ подобныя беллетристическіе очерки. Надобно, конечно, недантическимъ образомъ собирать всѣ lyingся обрывки точныхъ числовыхъ показаній, въ свѣтъ ихъ провѣрять литературные приѣмы, но не отказываться отъ дополненій, которыя они даютъ для укрѣпленія осторожнаго вывода. Можно повторить, что и для изученія социальной исторіи новыхъ эпохъ свѣдѣніями, доставляемыми повтами, не слѣдуетъ пренебрегать, и произведенія, напримѣръ, Пушкина или Тургенева навѣрно даютъ превосходныя иллюстраціи къ свѣдѣтельствамъ болѣе строгихъ источниковъ хотя бы для воспроизведенія и пониманія крѣпостнаго права.

ея несовѣтъ приглядныя подробности. Намъ многія изъ нихъ кажутся отталкивающими, другія водевилно-смѣшными; онъ же хвастливо украшаетъ всѣми этими красками собственный панегирикъ. Онъ провозноситъ хвалу себѣ, какъ четырнадцать слишкомъ вѣковъ спустя будетъ дѣлать съ такою же наивною наглостью ситости и самодовольства олицетворенная Эразмомъ „Глупость“. Какъ послѣдняя, такъ и первый являются воплощеніемъ господствующихъ особенностей вѣка. Авторы относятся къ своимъ героямъ отрицательно, какъ Петроній къ реальному, такъ и Эразмъ къ аллегорическому. Они бичуютъ ихъ, каждый въ своемъ тонѣ; но самое сосредоточеніе на нихъ вниманія писателей, задающихся дидактическою цѣлью, свидѣтельствуетъ о томъ, что осуждаемыя явленія составляли коронной симптомъ жизни общества. Они избрали форму сатиры, желая, чтобы имѣвшіе уши лучше слышали. Чувствъ или отвращеніе сгустили краски подъ кистью сатириковъ, историкъ долженъ тонкимъ ножомъ критики осторожно снять съ созданнаго имъ образа покровъ преувеличенія; тогда онъ сумѣетъ обнаружить яркое зерно исторической истины, скрывающееся подъ оболочкою комическаго шаржа.

Въ данномъ случаѣ это сдѣлать даже не очень трудно. Каждому приступающему къ произведенію Петронія, какъ къ историческому памятнику, легко дѣлается яснымъ,—что въ надутомъ разсказѣ выскочки, „баловня судьбы“, но и „кузнеца своего счастья“ принадлежитъ его личному безвкусному и лживому самохвальству,—а гдѣ развертывается настоящій, какъ сказано, „жанровый“ фонъ, безъ котораго, очевидно, и сатира должна была бы лишиться убѣдительности, потерять свою „соль“ и, стало быть, парализовалась бы ея поучающая сила.

Если авторъ Трималхіона, еще разъ, былъ извѣстнымъ приближеннымъ Нерона, онъ зналъ его дѣйствительныхъ прототиповъ, извѣстныхъ вольноотпущенниковъ, любимцевъ императора Клавдія—Парцисса, Палласа, затѣмъ неронова приспѣшника Тигеллина и др. ¹⁾ Онъ рисовалъ жизненными красками, живописалъ то, что видѣлъ кругомъ. Явленія въ родѣ личности Трималхіона представлялись зломъ его моралистическому сознанію именно тѣмъ, что въ нихъ было грубого, животнаго, противнаго чувству утонченнаго носителя высшей

¹⁾ См. данныя объ этихъ лицахъ и имъ подобныхъ въ только что цитированныхъ трудахъ *Фридлендера* и *Лемонье*.—Ихъ возвышеніе, исторія состоянія и душевный типъ pochodятъ на экономическую карьеру и характеръ Трималхіона, только близость къ императору сдѣлала ихъ политиками, Трималхіонъ же къ своему благополучію стоитъ въ сторонѣ отъ государства.

культуры. Въ изображеніи нравственной природы своего оригинала сатирикъ именно и пагромощаетъ комическіе эффекты. Обстановку же онъ долженъ былъ избрать такую, каковая дѣйствительно окружала подобныхъ господъ, и чертить ее типичными, общераспространенными штрихами, чтобы каждый читатель сейчасъ же могъ подставить подъ вымышленный рассказъ знакомыя наблюденія. Стало быть, экономическая сторона картины въ основѣ не могла у Петронія удалиться отъ исторической истины или сосредоточиться на чемъ-нибудь исключительномъ.

4.

Первыя „историко-экономическія“ выводы, для формулированія которыхъ сатира Петронія даетъ прекрасный матеріалъ, ясны изъ простой группировки содержащихся въ ней данныхъ.—Описаніе богатства Тримальхіона является блестящимъ лишнимъ и существеннымъ, хотя и частнымъ, фактическимъ доказательствомъ отвлеченнаго тезиса Плинія, что „латифундіи покрывали Италію“ даже въ эпоху, когда приобрѣлъ прочную силу въ странѣ первоначально враждебный имъ императорскій режимъ. Вручая историку замѣчательно яркій аргументъ въ пользу этого положенія, авторъ не противорѣчитъ и устанавливаемой римскимъ натуралистомъ оцѣнкѣ, что подобный земельный строй былъ „гибеленъ“ для страны, хотя Петроній не высказываетъ его прямо. Достоинство представляемаго Петроніемъ подтвержденія тезиса Плинія поднимается еще тѣмъ, что оно выражено у него не громкою риторическою фразою, а конкретнымъ этюдомъ, дышащимъ жизненною правдою, несмотря на сознательно-карикатурную обработку. Далѣе, именно такая реалистическая концепція картины, представляемой Петроніемъ, позволяетъ историку извлекать изъ нея и выводы болѣе спеціальнаго характера, обладающіе, однако, важнымъ значеніемъ. Знакомство съ состояніемъ Тримальхіона ясно обнаруживаетъ намъ, что эксплуатація рабской силы оставалась во второй половинѣ I-го вѣка послѣ Р. Хр. главнымъ нервомъ господствовавшей тогда на магнатскихъ латифундіяхъ Италіи сельскохозяйственной системы, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ вообще свойства почвы и условія сбыта вызывали и питали широкое производство.

Сказаннаго мало. Болѣе внимательное и близкое изученіе организаціи тримальхіонова богатства освѣщаетъ основныя особенности римскаго хозяйства вообще и даетъ хорошую опору для сужденія

о его коренной природѣ. Наличие состоянія Трималхіона въ той его конфигураціи, въ какой представилъ его Пестроній, вручать соціальному историку римскаго міра превосходныя данныя для доказательства очень важной идеи. Если только согласиться, что мы можемъ принимать описаніе автора за невольно возстановляющуюся подъ его беллетристическимъ перомъ реальную, типично индивидуализированную единицу частнаго имуществва ¹⁾, то при ближайшемъ разсмотрѣніи она выяснится какъ достовѣрный признакъ сохраненія въ римской имперіи I-го вѣка *крупнаго домоваго хозяйства* (системы „ойкоса“) ²⁾.

Если историку дѣйствительно удастся вскрыть въ произведеніи Пестронія этотъ замѣчательный фактъ, то тѣмъ самымъ пріобрѣтается цѣнный матеріалъ для возстановленія чрезвычайно необходимаго звена въ эволюціи этой экономической системы въ древнемъ мірѣ и для уразумѣнія развитія римскаго хозяйства вообще. Тогда подтверждается удивительное явленіе *непрерывности* существованія „замкнутаго домоваго строя“ въ эпоху наибольшаго процвѣтанія матеріальной культуры въ римскомъ государствѣ. „Ойкосъ“ въ самомъ дѣлѣ предстаётъ передъ нами сквозь изображеніе Пестронія въ своей необычайной внутренней живучести, долго не ослабѣвающей даже несмотря на, повидимому, блестящее параллельное развитіе высшихъ формъ хозяйственной организаціи въ окружающемъ мірѣ. Онъ пересиливалъ давленіе разрушавшихъ его экономическихъ теченій въ великой державѣ, внутри которой выработались, какъ кажется съ перваго взгляда, крѣпкія основы капитализма. Онъ какъ бы пристроился къ сожителству съ формами производства, допускавшими, даже вызывавшими многостепенное раздѣленіе труда при производствѣ благъ вслѣдствіе возникновенія широкаго обмѣна между частями объединеннаго міра на „всеобщемъ рынкѣ“. „Ойкосъ“ отчетливо рисуется здѣсь въ многосторонности своей организаціи, въ присущей ему поражающей гибкости и изумительной приспособляемости даже къ неблагоприятнымъ для него средамъ.

¹⁾ Выше высказывались въ различныхъ мѣстахъ тѣ соображенія, которыя позволяютъ намъ считать это вѣроятнымъ, даже несомнѣннымъ.

²⁾ Здѣсь не приходится опредѣлять это понятіе, введенное въ историко-экономическую терминологию *Родбертусомъ* и великолѣпно развитое *Бюккеромъ*, тѣмъ болѣе, что теорія послѣдняго примѣнительно къ исторіи хозяйства въ древнемъ мірѣ изложена и разобрана въ книгѣ автора настоящей работы—„Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія“, стр. 468—495 и ниже.

Въ заключеніе даннаго этюда умѣстно нѣсколько минутъ сосредоточиться на обобщеніи именно съ такой стороны доставляемаго Петроніемъ соціально - историческаго матеріала. Самая уже вышняя общая картина состоянія Трималхіона вызываетъ представленіе *большого частновладѣльческаго дома, способнаго къ самодовлѣнію*,—а это и есть существеннѣйшая отличительная черта „ойкоса“. Но можно, не довольствуясь такимъ поверхностнымъ впечатлѣніемъ, сдѣлать нѣсколько опытовъ внутренняго анализа, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ опредѣленныхъ данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ.

„Хозяйство *безъ обилья*, удовлетворяющее вполне своему собственному потребленію“ (блага потребляются внутри того же хозяйства, которое ихъ производитъ, покрывая всѣ насущныя нужды его членовъ; длина пути, который пробѣгаетъ продуктъ между хозяйствомъ производящимъ и хозяйствомъ потребляющимъ, равна нулю)—такова формула первоначальной фазы системы „ойкоса“ въ простѣйшемъ видѣ. Но въ такой чистотѣ она вообще рѣдко можетъ воплотиться въ исторіи, если исключить самыя отдаленныя первобытныя эпохи существованія человѣческихъ обществъ. Въмѣстѣ съ развитіемъ экономической культуры и государственности „замкнутые дома“ вступаютъ въ общеніе другъ съ другомъ и преобразуютъ свою природу. Многіе исчезаютъ; тѣ, которые выживаютъ, растутъ въ объемѣ для увеличенія силы сопротивленія и мѣняютъ тактику. Не покупать—нельзя и невыгодно; но они стараются такъ сочетать силы, находящіяся въ ихъ распоряженіи, чтобы „*покупать какъ можно меньше*“ и въ каждую данную минуту владѣть способностью обходиться безъ содѣйствія вышняго міра, если не подчинять послѣдній своему могуществу. Такую тенденцію мы прекрасно замѣчаемъ въ грубомъ, но инстинктивно жизненномъ, отчетливомъ и стойкомъ сознаніи Трималхіона. Онъ прямо заявляетъ, что не желаетъ покупать чужого и требуетъ отъ своихъ слугъ обходиться своимъ. Онъ совершенно ясно высказываетъ общій тезисъ—*„deorum beneficio non esto“* ¹⁾. Онъ такъ и ставитъ хозяйство, чтобы „*все въ немъ рождалось*“, ничего не приобреталось, по возможности, извнѣ. Это понимаютъ окружающіе, и они невольно восхищаются такою ловкостью, дающею громадную силу. Присутствующіе на ужинѣ давніе знакомцы Трималъ-

¹⁾ *Petron. c. 48 (Fr. 120, 21)*. Дальше онъ прибавляетъ, частнымъ образомъ применительно къ предметамъ, подававшимся у него за столомъ: „...Nunc quicquid ad salivam facit, in suburbano nascitur...“.

хіона говорятъ также совсѣмъ опредѣленно: „*Nec est, quod putes illum quicquam emere. Omnia domi nascuntur*“¹⁾.

Приведенные только что два текста очень любопытны и замѣчательны. Отъ нихъ нельзя отдѣлываться скептической улыбкою; въ нихъ скрываются общераспространенныя въ тѣ времена экономическія представленія о томъ, какая организація хозяйства даетъ его обладателю наибольшую социальную крѣпость²⁾. Въ чемъ тайна богатства? Въ возможности обходиться безъ помощи всѣхъ. Такова мораль замкнутой домовой системы, которая высказывается Петроніемъ непреднамеренно: онъ не проводитъ опредѣленной экономической тенденціи, и его нельзя поэтому обвинить въ продвинутой мысли: въ описаніи просто отражается само собою, какъ въ хорошемъ зеркалѣ, то, что происходитъ въ жизни кругомъ.

Хозяйство Трималхіона не было, конечно, простымъ (первообразнымъ) „ойкосомъ“, а являлось „домомъ вторичнаго порядка“. Отъ первобытнаго оно отличается не только громадностью величины, но и условиями происхожденія и сложностію внутренняго устройства. Оно служитъ представителемъ поздней фазы въ эволюціи домоваго строя, которая сопровождала развитіе и расширеніе государственной жизни, экономическихъ связей и культурнаго уровня: „ойкосъ“ тогда долженъ бороться съ опасными для него новшествами, и онъ стремится противостоять имъ, поддѣлываясь подъ нихъ.

Богатство, обладателемъ котораго Петроній рисуетъ своего героя, выросло и укрѣнилось при помощи міра, для него виѣшняго, черпая средства изъ искусно отысканныхъ и смѣло использованныхъ „коммерческихъ“ источниковъ (*bene esto, bene vendo*)³⁾. По поднявшись, пріобрѣтя силу, оно опять „замкнулось“ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи—въ смыслѣ отдѣленія отъ міра, какъ необхо-

¹⁾ См. *Petron.* 38 (*Fr.* 92, 11). Тутъ же прибавляется въ шутивомъ тонѣ, но характерно: „...Lana, credae, piper, lacte gallinaceum, si quaesieris, inveneris“.

²⁾ Эд. Мейеръ („*Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums*“, р. 4) оцѣниваетъ приведенныя слова, какъ „трюпами“, извѣстныя каждому экономному хозяину, который во всякую эпоху старается расходовать поменьше и потому опасается излишнихъ покупокъ. Врядъ ли и это не поверхностное или не пристрастное сужденіе: надобно видѣть здѣсь иѣчто болѣе глубокое. Ср. „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія“ стр. 288 и сл. — *K. Bücher, Die Entstehung der Volkswirtschaft* (3 Aufl.), р. 117.

³⁾ Такая программа уже раньше превосходно разрабатывалась и осуществлялась Аттикомъ.

димаго средства питанія (*non esto*). Приобрѣтается навнѣ только то, что составляетъ уже роскошь, капризное украшеніе жизни ¹⁾. Но и это чужое опъ стремиться „насадить“ на своей землѣ, привить къ своему хозяйству ²⁾, чтобы оно могло самостоятельно удовлетворять не однѣмъ многочисленнымъ насущнымъ нуждамъ грубой крестьянской жизни, а разнообразнѣйшимъ потребностямъ большого населенія, дифференцированнаго на группы съ значительными различіями въ склѣдъ потребностей, даже утонченнѣйшимъ прихотямъ вкуса, испорченнаго пресыщеніемъ.

Примѣняясь къ условіямъ вѣка, Тримальхионъ, главарь громаднаго дома, „способнаго къ самодовлѣнію“, не ограничивается тѣмъ, что приобрѣлъ независимость отъ другихъ въ своемъ богатомъ хозяйственномъ существованіи. Онъ хочетъ держать другихъ въ подчиненіи отъ своего матеріальнаго могущества. Онъ больше не покупаетъ, но продолжаетъ много продавать. Этимъ путемъ онъ вытѣсняетъ изъ конкуренціи слабыхъ. Отъ этого страдаютъ мелкопомѣстные собственники, хирѣющія земли которыхъ, если они сосѣди, можетъ легко поглощать въ своихъ нѣдрахъ его собственное территориальное княжество, а они превращаются въ зависимыхъ людей. Изъ окружающей среды извлекается много *денегъ*, но онъ уже (это также характерно!) не пускаются, по крайней мѣрѣ очень большими массами, обратно въ широкій міръ для оборотовъ, какъ капиталы ³⁾, а кладутся въ сундукъ, какъ запасъ, пища горделивому самочувствію, потенциальный элементъ экономической власти ⁴⁾.

Итакъ, если мы всматриваемся во внутреннее устройство состоянія

¹⁾ Покупаются преимущественно диковины, служившія разнообразію стола, отдѣлкѣ платья, обстановки и т. д. См., напримѣръ, у *Петронія* главу 50-ю (стр. 38-ю). Приходилось приобретать „на внѣшнемъ рынкѣ“ еще квалифицированныхъ рабовъ—искусниковъ—спеціалстовъ какого-нибудь ремесла, служившихъ также надобностямъ роскоши. См. „*rueri Alexandrini*“ (*Fr.* 80, 17) „*rueri Aegyptii*“ (*Fr.* 88, 19).

²⁾ См. главу 38-ю.—Приходилось покупать по необходимости лишь то, чего достать на собственной почвѣ или культивировать на ней было окончатально невозможно, но безъ чего не хотѣлось или нельзя было обойтись. Таковы были, напримѣръ, въ первой категоріи экзотическія „деликатессы“ для пища, а во второй—желѣзо въ необработанномъ видѣ для домашнихъ кузнечныхъ подѣлокъ или усовершенствованныя сельскія орудія.

³⁾ Только сравнительно небольшія суммы идутъ въ спекуляцію черезъ рабовъ или вольноотпущенниковъ.

⁴⁾ Ср. *Pernice*, *Parerga*, VIII, въ „*Zeitschr. f. Rechtsgeschichte*“, *Rom. Abth.* XIX (1898), p. 115.

Трималхіона, насколько позволяетъ описаніе Петронія, особенно припоминая при этомъ множество убѣдительныхъ аналогій въ показаніяхъ другихъ писателей, то узнаемъ въ немъ именно „ойкосъ“ *поздней природы*. Это было мощно расчлененное и объединенное, очень сложное хозяйственное дѣло, оперировавшее многостороннимъ раздѣленіемъ и соединеніемъ труда; но раздѣленіе это не было общественнымъ, а, такъ сказать, „внутренно-домовымъ“; оно совершалось не въ силу закона экономического взаимодѣйствія съ различными другими хозяйственными ячейками и сотрудничества съ ними на пути производства продуктовъ и многостепеннаго обмѣна ихъ по мѣрѣ созрѣванія до потребляемости, а въ силу распоряженій частнаго господина для нуждъ его и зависимой отъ него челяди.

Къ сожалѣнію, самая форма произведенія не допускала автора утомлять читателя техническими подробностями. Онъ писалъ, имѣя въ виду наглядность изображенія, и ему показалось удобнѣе всего остановиться на земледѣльческихъ, сельскохозяйственныхъ чертахъ картины. Въ текстѣ Петронія недостаточно обнаруживается все разнообразіе дѣятельности рабскаго персонала внутри помѣстій Трималхіона ¹⁾. Напримѣръ, почти ничего не говорится о размѣрахъ и характерѣ обрабатывающей промышленности, совершавшейся въ предѣлахъ его владѣній. Но даже изъ немногихъ намековъ, которые можно собрать въ сатирѣ, становится яснымъ, что именно ремесленный трудъ подчиненнаго крупному барину рабочаго люда поставлялъ главную массу предметовъ, нужныхъ для жизненнаго обихода господина и его слугъ ²⁾.

¹⁾ Кромѣ *servi rustici* онъ показалъ достаточно широко только работу той части *servi urbani*, которые предназначены были для личныхъ услугъ господину.

²⁾ Повидимому, практиковалось у него производство вещей изъ шерсти. См. *Petron.* 38. *Fr.* 92, 13): „Parum illi bona lana nascebatur; arietes a Tarento emit et eos culavit in grege.“—Упоминаются рабы-саможники (*cap.* 68, *Fr.* 170, 16). Вѣроятно, многіе изъ предметовъ роскоши могли производиться руками своихъ же людей: извѣстно, что въ числѣ своей *familia* крупные рабовладѣльцы постоянно имѣли коджитеровъ, ювелировъ т. д. Про одного раба на ширѣ Трималхіона говорится, что онъ „на всѣ руки мастеръ“ („omnis manae mancipium“, с. 68, *Fr.* 170, 17).—Огромное развитіе рабскаго ремесла въ римскихъ богатыхъ домахъ—дѣло извѣстное. См. *Marquardt*, *Privatleben der Römer* (2 Aufl.) и *Ciccotti*, *Il tramonto della schiavitù*, въ соотвѣствующихъ мѣстахъ. Превосходный матеріалъ для характеристики такого „домоваго ремесла“, обеспечивавшаго самодовлѣніе магнатскаго хозяйства въ римскомъ мірѣ, собралъ *K. Buxeff* въ любопытной статьѣ—„Die diokletianische Taxordnung“ (въ журналѣ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft* за 1894 годъ). Памятники, относящіеся къ организаціи хозяйства въ средневѣковыхъ домахъ (*Grund-*

Владѣнія Трималхіона—на самомъ дѣлѣ царство въ миниатюрѣ¹⁾. Онъ обладаетъ въ предѣлахъ его положительно неограниченною властью²⁾. „Управленіе“, устроенное имъ въ своихъ имѣніяхъ, подробно описывается въ разныхъ мѣстахъ сатиры. Господитъ законодательствуетъ (издаетъ декреты); онъ отправляетъ функціи высшей администраціи, имѣя подъ собою многочисленныя подчиненныя органы—центральныя и мѣстные, министровъ, канцелярію, намѣстниковъ, полицію; онъ производитъ судъ³⁾. Административная организація его владѣній, объединенная подъ его руководствомъ, представляетъ собою цѣлый внутрительный механизмъ⁴⁾. Не одни рабы наполняютъ составъ подданныхъ Трималхіона: кругомъ него ютятся много вольноотпущенниковъ; къ нему присасываются въ качествѣ кліентовъ по доброй волѣ чужіе люди, нуждающіеся въ покровительствѣ⁵⁾. Царство Трималхіона—это большой „патронатный союзъ“.

herrschaften), напримѣръ, капитулярія, формулы и полноты также хорошо иллюстрируютъ такую „обрабатывающую промышленность замкнутого дома для собственнаго потребленія“. См., напр., извѣстный уставъ Карла Великаго для управленія его имѣніями—*Capitulare de villis*, главы 29, 31, 34, 39, 41, 43, 45, 48, 57, 61, 62. Ср. *R. Ebersstadt, Magisterium und fraternitas, eine verwaltungsgeschichtliche Darstellung der Entstehung des Zunftwesens* (Leipzig, 1897) и *F. Kutzgen, Aemter und Zünfte* (Jena, 1903). Слѣдуетъ помнить, что широко организованное на обширныхъ помѣстьяхъ Карла Великаго „замкнутое домовое хозяйство“ для удовлетворенія потребностей королевскаго дома и даже для покрытія части государственныхъ расходовъ, безъ всякаго сомнѣнія, построено было по образцу экономическихъ порядковъ, царившихъ въ империіяхъ римскаго типа и происхожденія. Генетическая связь тутъ обнаруживается тѣсная, потому возможны и обратныя заключенія.

¹⁾ Уже было отмѣчено, что онъ самъ называетъ себя *rex* (с. 77; *Fr.* 194, 22); помѣстья свои онъ пышно именуетъ „*mei fines*“ (с. 48; *Fr.* 122, 4).

²⁾ *Petron.* с. 37 (*Fr.* 92, 10).

³⁾ Трималхіонъ хочетъ, чтобы на памятникѣ, который будетъ воздвигнутъ надъ его могилою, онъ былъ изображенъ сидящимъ на трибуналѣ (с. 71, *Fr.* 178, 28). Хотя здѣсь, повидимому, имѣются виду его августальскія прерогативы (см. *Friedländer, Sena Trimalchionis*, p. 307—308), но внутри своихъ имѣній онъ былъ еще гораздо больше судьей, чѣмъ въ сравнительно второстепенной своей муниципальной должности.

⁴⁾ Безчисленныя подробности объ этомъ разбросаны по всему произведенію Петронія. См. главы 28; 30; 48; 49; 53; 54. Говорили, что частновладельческое хозяйство въ римскомъ мѣрѣ организовалось по образцу управленія императорскими имуществами. Можетъ быть, дѣло происходило перѣдко какъ разъ наоборотъ: императоръ учился многому у частныхъ магнатовъ. Въ самомъ началѣ имперіи мы видимъ въ хозяйствѣ Трималхіона воплотившій законченный социальный организмъ.

⁵⁾ Они очень цѣнятъ опеку Трималхіона. Чтобы сохранить подъ его кровомъ укромное мѣсто, они готовы заскивать передъ рабами господина. См. *Petron.* с. 30.

Вліяніе и подчиняющая сила могущественнаго барина распространяется съ значительною энергіею и кругомъ: происходитъ, такъ сказать, лучеиспусканіе власти. Отличительною особенностью административнаго положенія обширныхъ помѣстій римской знати внутри государства являлась ихъ „экстерриториальность“, то-есть, независимость—„иммунитетъ“ отъ мѣстнаго муниципальнаго управленія съ непосредственнымъ подчиненіемъ ихъ владыкъ лишь областнымъ органамъ центральной имперской власти ¹⁾). Врядъ ли можно приложить такое понятіе къ владѣніямъ Трималхіона: указанная привилегія принадлежала особамъ сенаторскаго класса, вѣроятно же всего, и всадникамъ; Трималхіонъ же былъ вольноотпущенникомъ, и выше отмѣчено, что онъ самъ участвовалъ въ муниципальной жизни своего города, входилъ тамъ въ коллегію августаловъ. Но это обстоятельство фактически не мѣшало ему пріобрѣтать самостоятельность и даже подводить подъ зависимость отъ себя родной муниципіи. Онъ не былъ „экзимированъ“ отъ своей мѣстной общины (*civitas*); но онъ „импонировалъ“ ей своимъ богатствомъ. Онъ нерѣдко оказывался ея благодѣтелемъ ²⁾); очень легко можетъ произойти, что муниципальные магистраты должны будутъ обратиться къ его богатству за ссудою въ финансовомъ затрудненіи. Это уже будетъ первый шагъ къ кабалѣ, къ установленію его опеки надъ городскими дѣлами, а стало быть начало поглощенія независимости общины, притяженіе ея въ рамки клиентелы магната; для него же въ этомъ откроется серьезный актъ роста „домоваго имущества“, „частновладѣльческаго господства“. Тогда его приказамъ будутъ повиноваться не одни рабы и захудалые люди, пріютившіеся подъ его порабощающею охраною, но и цѣльная организованная социальная группа, состоящая изъ свободныхъ людей, въ которой онъ самъ пока занимаетъ по праву далеко не первенствующее положеніе.

Отъ общей государственной власти (центрального правительства) Трималхіонъ зависитъ безъ сомнѣнія, какъ всякій подданный цезарей. Но случаевъ столкновенія между ними не предвидится. Онъ даже сравнительно рѣдко сносится съ нею. Налоговъ онъ какъ итальяскій собственникъ не платитъ ³⁾); воинской повинности не несетъ

¹⁾ Этотъ фактъ можно нынѣ считать безусловно доказаннымъ. См. „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія“, стр. 347 и слл. (съ указаніемъ литературы вопроса).

²⁾ *Petron.* с. 71 (*Fr.* 180, 1).

³⁾ Только за провинціальными землями, если таковыя у него дѣйствительно имѣются,

ни самъ, ни черезъ слугъ, такъ какъ армія пополняется волонтерами. Вчинять судебные процессы Тримальхионъ избѣгаетъ, ведетъ свои дѣла осторожно, гдѣ нужно—черезъ другихъ, которыми и прикрывается. Такимъ образомъ, его владѣнія вообще сохраняютъ характеръ „самостоятельнаго царства“ во всѣхъ внутреннихъ отношеніяхъ, со склонностью все меньше сноситься на равныхъ правахъ съ виѣшнимъ міромъ. Государство его не трогаетъ, но и онъ не влечется къ общенію съ нимъ. Тримальхионъ равнодушенъ къ дѣламъ широкой общей политики и всецѣло замкнутъ въ свои частные интересы. Это—настоящій *домовладыка*, *pater familias*—и только ¹⁾. Онъ покоренъ государству, пока послѣднее сильно и пока оно мало стѣсняетъ въ социально-экономическомъ отношеніи своихъ могущественныхъ подданныхъ. Если оно ослабѣетъ и станетъ требовательнымъ, у Тримальхиона и подобныхъ ему въ рукахъ находится готовый организмъ для самостоятельнаго существованія и много средствъ для оппозиціи.

Тримальхионъ является, стало быть, господиномъ крѣпко устроеннаго „дома“ (*οἶκος*, онъ—*Oikenwirt*) въ переходный періодъ устанавливавшейся имперіи (принципата), какъ Аттикъ, другъ Цицерона, былъ носителемъ того же общественно-хозяйственнаго типа въ переходный же періодъ падавшей республики. И та, и другая эпохи, хронологически соприкасавшіяся между собою, по внутреннимъ особенностямъ, политическимъ и экономическимъ, скрывали въ себѣ серьезныя опасности для благоденствія даже крупныхъ замкнутыхъ домовъ. Хозяйство перерождалось и стремилось организоваться на началахъ широкаго единства и многосторонняго обмѣна съ раздѣленіемъ функций производства и распредѣленіемъ его продуктовъ при помощи разнообразныхъ соглашеній между производителями и потребителями черезъ посредничество купцовъ. Господство надъ міромъ олигархіи домовладыкъ изъ республиканской знати во времена Аттика вызывало противъ нихъ жестокое недовольство областныхъ группъ, способныхъ къ энергичному хозяйственному взаимодействию, но угнетавшихся ихъ

прокураторы его вносятъ подать въ казначейство областного намѣстника черезъ подбавляющую муниципальную курію. Затѣмъ еще его довѣренными приходится выдѣлывать агентамъ казны различныя пошлины при торговыхъ актахъ и сдѣлкахъ.

¹⁾ Его такъ и называютъ (*Petron.* с. 31; *Fy.* 82, 1). Въ рассматриваемую эпоху это слово лучше и чаще всего приѣмается именно къ латифундальному магнату. Онъ мало думаетъ о своихъ „гражданскихъ“ правахъ и обязанностяхъ. Муниципальныя почести привлекаютъ его больше всего виѣшностью, блескомъ, почетомъ, очень мало интересомъ къ общественной дѣятельности.

консерватизмомъ и тиранніею. Между собою самодовлѣющіе римскіе магнаты также не умѣли поддерживать прочныхъ союзныхъ отношеній; каждый слишкомъ исключительно погружался въ грубый социальный индивидуализмъ. Они ослабляли другъ друга соперничествомъ изъ-за власти надъ міромъ и потому облегчили возможность переворота, который шелъ навстрѣчу интересамъ міра, дали демократической монархіи побѣдить себя.

Когда наступила эпоха Трималхіона, положеніе вождей замкнутыхъ домовъ стало еще труднѣе. Ростъ среднихъ свободныхъ обеспеченныхъ классовъ во всѣхъ областяхъ, объединенныхъ оружіемъ римскаго государства, и новое усиленіе въ имперскомъ обществѣ народно-хозяйственныхъ теченій—встрѣтили сознательную поддержку въ правительствѣ принципата. Стремленіе цезарей солидаризироваться съ великимъ прогрессивнымъ движеніемъ общества къ высшимъ формамъ культурнаго единенія удваивало опасность, грозившую представителямъ стараго порядка. Самый порядокъ (*Oikewirtschaft*) не исчезъ, но стойкость его главарей пошатнулась. Старые многіе сложили головы въ мукахъ, среди которыхъ погибла республика. Появлялись новые нерѣдко изъ провинціаловъ, удачно поднявшихся вверхъ, которые по традиціи старались создать собѣ могущество по прежнему въ видѣ внушительныхъ земельныхъ состояній, устраивавшихся въ формахъ „господскихъ мірковъ“. Они искали покровительства новой власти, выражая ей безусловную покорность¹⁾; но принципатъ держался еще на сторонѣ ихъ противниковъ, общественныхъ элементовъ, развивавшихъ экономическое единство, и новымъ домовладыкамъ приходилось много разъ падать жертвами именно этой переходной волны. Политическимъ выраженіемъ такой борьбы между двумя экономическими теченіями и ихъ принципами можетъ быть

¹⁾ Отличный примѣръ подобнаго рода находимъ въ личности *Сенеки*, знаменитаго философа и воспитателя Нерона. Источники сохранили слишкомъ мало точныхъ данныхъ для полнаго восстановленія исторіи состоянія этого характернаго представителя крупнаго земельнаго магнатства. Свѣдѣнія о его экономическомъ положеніи, заключающіяся въ повѣствованіяхъ Тацита и Діона, въ извѣстіяхъ Плинія Старшаго и другихъ, а также намеки, извлекаемые изъ собственныхъ его сочиненій, позволяютъ лишь опредѣленно установить его принадлежность къ числу самыхъ крупныхъ италійскихъ землеуладѣльцевъ эпохи. Но если сравнить его образъ съ рядомъ другихъ, современныхъ и аналогичныхъ ему, а затѣмъ осторожно воспользоваться для оцѣнки внутренняго устройства ихъ хозяйства нѣкоторыми любопытными свѣдѣніями также современнаго имъ Колумеллы,—можно твердо надѣяться получить результатъ, немаловажный для подтвержденія главнаго вывода настоящаго этюда.

названо суровое соперничество между цезаризмомъ и сенаторскою аристократіею, которое происходило въ теченіе перваго вѣка имперіи. Внѣшнимъ признакомъ слабости послѣдней являлась ихъ неспособность противостоять „государевымъ опаламъ“, не только губившимъ личности отдѣльныхъ господъ, но и поглощавшимъ въ фискальное имущество цѣлыя мощныя богатства¹⁾). Однако, постоянно нарождались новыя магнатскія единицы, свидѣтельствуя тѣмъ, что все-таки живъ оставался старый хозяйственный строй, что сломить и задавить его можетъ только равносильно развившеся экономическое начало. А до этого многого еще недоставало римскому міровому (или „народному“) хозяйству.

Далекіе отъ притязаній на правительственную власть, чуждые высокога честолюбія, ловкіе въ социальномъ самосохраненіи главари крупныхъ домовъ могли оставаться цѣлыми и лично даже въ обозначенную переходную эпоху колебанія въ римскомъ мірѣ экономическихъ теченій, одного, удерживавшаго замкнутость, другого, развивавшаго общеніе. Тѣмъ самымъ смягчались толчки, которые наносились „старымъ домамъ“ наплывомъ хозяйственного сотрудничества ихъ враговъ. Дома, такимъ образомъ, не всегда рассыпались; наоборотъ, они часто переходили изъ рода въ родъ, сохраняя силу сопротивленія. Примѣрами подобной категоріи представляются въ исторіи своихъ состояній каждый въ свое время Аттики и Трималхіонъ: это—индивидуальныя носители наиболѣе характернаго и прочнаго признака во внутренней природѣ хозяйственного строя того міра, къ которому они принадлежали, въ эпоху, когда этому строю приходилось упорно сопротивляться силамъ и вліяніямъ, перерождавшимъ эту природу.

Такимъ образомъ, социальныя фигуры Аттика и Трималхіона преемственно сцѣпляются („аффилируются“) между собою; оба (если выдѣлить признакъ болѣе частный) являются образцами побѣдоноснаго приспособленія началъ, подвергавшихся гоненію, къ новымъ условіямъ жизни у того же берега, откуда дула буря. Они избѣгаютъ ударовъ, ступшевываясь, какъ бы ныряя подъ поверхность разливавшагося кру-

¹⁾ Судьба Сенеки и его состоянія опять же представляютъ хорошую, конкретную иллюстрацію указываемаго процесса. Примѣръ его подкрѣпляется множествомъ другихъ такихъ же фактовъ опалъ, соединенныхъ съ конфискаціями, приводившихъ къ унычуженію цѣлаго ряда такихъ крупныхъ домовъ. Изъ Тацита, Светонія и другихъ авторовъ можно было бы извлечь длинный синодикъ такихъ руководителей самостоятельныхъ домовыхъ единицъ, павшихъ жертвами руководителей общественнаго единства и сотрудничества.

гомъ „народнохозяйственнаго моря“, чуя, что оно не очень глубоко, что подъ его оболочкою можно прожить, не потерявъ основныхъ атрибутовъ своего существованія, чтобы вынырнуть черезъ нѣкоторое время вновь окрѣпшими къ бою ¹⁾).

Цѣль ихъ скоро будетъ достигнута. Отъ тренія съ старымъ экономическимъ порядкомъ новая власть сама фатально организуетъ свою матеріальную силу по его формамъ. Это неволью сроднить государство цезарей съ классомъ земельныхъ магнатовъ-домовладыкъ. Послѣ демократическихъ и народнохозяйственныхъ колебаній перваго вѣка оно найдетъ уже во второмъ истинную опору именно въ сохранившей силу и измѣнившей только политическія стремленія старой аристократіи, а не въ нарождавшейся, но не могшей окрѣпнуть новой „буржуазіи“. Сенека, какъ социальный типъ, въ сущности являлся еще врагомъ Нерона, и потому дружба ихъ оказалась непрочною не въ силу одного сумасброднаго характера императора. По Плинію Младшій,—такой же земельный магнатъ, какъ и тотъ,—уже настоящимъ другомъ Траяна, и онъ будетъ представителемъ новаго наслоенія въ судьбахъ „ойкоса“ среди римскаго міра: онъ станетъ воплощеніемъ

¹⁾ Аттикъ и Трималхіонъ типично символизируютъ въ своихъ единичныхъ образахъ, изъ которыхъ одинъ историческій, другой — литературно-художественный, важный этапъ въ исторіи римскаго замкнутого домашнего хозяйства. Автору этихъ строкъ приходится еще сослаться на тѣ заключенія, какія онъ выводитъ изъ этого объ Аттикѣ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи римскаго землевладѣнія“ (см. стр. 415 и сл.). Частыя указанія на эту книгу въ настоящей работѣ неизбежны, потому что послѣдняя развивается и защищается дальше выставленное въ первой положеніе. Тамъ же охарактеризованы другіе примѣры-типы людей отмѣчаемаго здѣсь политическаго направленія, подсказаннаго хозяйственными и социальными мотивами. Изъ нихъ Секстъ Росцій-сынъ (стр. 429—431), по своему общественному настроенію (устраняя изъ сравненія личный характеръ), можетъ быть, больше всего сближается съ Трималхіономъ. Инстинктивное сознаніе социальной важности экономическаго дѣла своей жизни послѣдній обнаруживаетъ въ предсмертныхъ распоряженіяхъ. У него нѣтъ дѣтей, но онъ завѣщаетъ главную массу своего состоянія женѣ — Фортунатѣ (*Petron.* 71; *Fr.* 178, 1). Онъ увѣронъ, что она, выросшая въ его школѣ, не растратитъ врученнаго ей имущества, а позаботится о сохраненіи его въ цѣлости и даже о приращеніи. Онъ знаетъ, что она выберетъ себѣ наследникомъ человека, который способенъ будетъ отстаивать свою „матеріальную честь“, и если даже отдастъ еще кому-нибудь свою уже „сморщенную“ руку, то „достоинѣйшему въ приобретательствѣ“. Онъ въ порывѣ великодушія обѣщаетъ освободить всѣхъ своихъ рабовъ (*Petron.* 71, *Fr.* 178, 20); но врядъ ли къ этому побуждаетъ его настоящимъ образомъ имъ же высказываемое мнѣніе, что „рабы—люди“ (с. 71, *Fr.* 178, 17): онъ знаетъ, что, и освобожденные, они принудительно (кабально) будутъ работать на его наследниковъ.

эпохи довольно мирнаго сосуществованія его съ „народнохозяйственной системою обмѣна“ и возрожденія его власти надъ государствомъ, выросшимъ при поддержкѣ именно міровыхъ тенденцій въ хозяйственной жизни и экономической политикѣ ¹⁾).

Такой союзъ съ правителями великой державы потомковъ прежнихъ домовладыкъ, разумѣется, неискренень. Они подчиняются, но не сочувствуютъ „дифференцированному единству“. Они покоряются и служатъ, пока государство крѣпко, пока оно можетъ защищать и награждать. Сами они какъ общественная группа не въ состояніи усвоить потребности въ „большой политикѣ“ и постоянномъ широкомъ общеніи. Какъ только начнется разложеніе міродержавной силы имперіи, они отвернутся отъ поддержки ея интересовъ; они вновь замкнутся въ свою твердую скорлупу, еще упроченную привилегіями, которыя пожалуютъ знати императоры послѣднихъ вѣковъ (III-го, особенно же IV-го и V-го), то-есть, въ свое магнатское самодовлѣніе. Они обособятся въ частновладѣльческомъ быту и будутъ становиться всемогущими по мѣрѣ паденія могущества имперскаго цѣлаго. Эта послѣдняя эпоха оставила въ числѣ своихъ литературныхъ памятниковъ также превосходныя доказательства наличности и силы „домовой“ организациі хозяйства во время этого заключительнаго расцвѣта. Сочиненія *Симмаха*, *Авзонія*, *Аполлинарія Сидонія*, *Паулина Пельскаго*, *Лактанція*, *Сальвiana* и другихъ полны богатаго и въ данномъ направленіи далеко еще не использованнаго матеріала ²⁾).

Авторъ уже раньше старался обосновать общій тезисъ, что замкнутое домовое хозяйство прошло черезъ всю исторію римскаго государства и общества ³⁾. Отъ начала до конца ихъ существованія оно не было разрушено противоборствовавшими процессами („не потонуло въ волнахъ народнохозяйственнаго моря“). Оно продолжало жить и разви-

¹⁾ Авторъ надѣется дать изображеніе состоянія Плинія Младшаго именно какъ образецъ крупнаго замкнутаго дома въ эту слѣдовавшую за временемъ Триумвирата эпоху.

²⁾ Его необходимо подвергнуть самой тщательной обработкѣ для детальнаго воспроизведенія хозяйственнаго процесса внутри римскаго міра въ IV и V вѣкахъ. (Обстоятельное и точное выполненіе такой задачи сослужитъ серьезную службу какъ—смотря назадъ—выясненію социальной исторіи поздней античности, такъ и—вглядываясь впередъ—опредѣленію социальнаго наслѣдья, оставленнаго ею новой Европѣ.

³⁾ См. въ той же книгѣ—*„Очерки римскаго землевладѣнія“* (стр. 582 и сл.) опытъ классификаціи степеней въ судьбахъ системы „ойкоса“ въ предѣлахъ римской исторіи.

ваться не только какъ фактъ, но какъ характерное начало, опредѣлявшее природу ея экономическаго строя¹⁾. *Петроніевъ* „Трималхионъ“ даетъ въ руки защитника этого положенія великолѣпный реальный аргументъ. Онъ констатируетъ благоденствіе „ойкоса“ и его успѣшное размноженіе какъ разъ въ такую эпоху, когда противъ подобнаго предположенія нагромождаются, по видимостямъ, многочисленныя и неопровержимыя противоположенія. Вотъ, за что искренній испытатель соціальной исторіи древности долженъ быть благодаренъ сатирику и назвать его поэтическое произведеніе важнымъ памятникомъ для научнаго познанія эволюціи хозяйства.

Заключая разборъ (съ соціально-исторической точки зрѣнія) поэтическаго отрывка, сохранившагося отъ единственнаго въ своемъ родѣ римскаго бытового романа, въ цѣломъ видѣ погибшаго подобно

---

¹⁾ Нужно думать, что именно это и разумѣлъ *Бюхеръ*, когда подводилъ всю древность подъ свою первую „Stufe“ въ развитіи мірового хозяйства. Благодаря отвлеченности мысли, характеризующей теоретика, онъ не сумѣлъ только обставить историческими ограниченіями свою догматическую схему. Онъ не могъ, конечно, не замѣтить многочисленныхъ и яркихъ фактовъ, обнаруживающихъ появленіе и, повидимому, богатое и роскошное распространеніе и въ древности формъ высшихъ, болѣе совершенныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Въ статьѣ его (*Die Diokletianische Taxordnung*, см. „*Zeitschr. für die gesamte Staatswiss.*“ 1894) есть слова, прямо указывающія, что приведенное сейчасъ толкованіе его мысли правильно. См. еще работу *Бюхера* „*Zur griechischen Wirtschaftsgeschichte*“ (въ сборникѣ—*„Festgaben für Albert Schäffle“*, Tübingen, 1901). Проф. *Ө. Ф. Эльминскій*, защищая воззрѣніе *Мейера*, поворачиваетъ тотъ же доводъ противъ сторонниковъ критическаго пользованія бюхеровскою системою (см. въ его рецензіи на „*Очерки*“ автора настоящей работы въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1900, № 7, стр. 161); онъ говоритъ, что и оппоненты *Бюхера* не могли не знать того, что онъ устанавливаетъ. Такое замѣчаніе врядъ ли справедливо: пропустить мимо вниманія развитіе торговли и вообще разнообразныя признаки появленія „народнаго“ или „мірового“ хозяйства въ римской имперіи (и еще раньше—въ республикѣ) не можетъ никакой изслѣдователь. Но не такъ легко поддѣлать сквозь эту призму, казалось бы, широко раскинувшася обитія, утвердившагося раздѣленія труда и дифференціаціи экономическихъ функций между странами и классами, выдѣленія индустри, образованія многообразныхъ формъ денежнаго и кредитнаго обращенія—сохраненіе жизни и, какъ оказалось, неразрушимой для тѣхъ временъ крѣпости автономнаго замкнутаго дома. Чтобы открыть послѣднее, требовался не только тонкій глазъ (такимъ обладаетъ и *Эд. Мейеръ*), но и счастливая дивинація. Во всякомъ случаѣ *Бюхеръ* показалъ плодотворный путь и вручилъ отличное орудіе для анализа такъ называемаго „мірового хозяйства римской имперіи“ и для вскрытія подъ его объединяющею поверхностью или кожей множественности замкнуто хозяйствующихъ, способныхъ къ самодовлѣющему существованію тѣхъ („ойкосовъ“).

многимъ драгоценнымъ продуктамъ античнаго литературнаго творчества, позволительно будетъ сдѣлать еще одно наблюдение: полезно выдвинуть генетическую, родовую, преемственную связь между „ойкосомъ“ и „феодализмомъ“¹⁾. Гдѣ развивается самостоятельность и усиливается значеніе перваго внутри государства (укрѣпляющагося на оборотъ хозяйственнымъ общеніемъ и единствомъ власти), тамъ неизбежно растетъ процессъ феодализаціи. Издавна образовалась, какъ извѣстно, въ историографіи ученая школа такъ называемыхъ „романистовъ“, которые выводили средневѣковой феодализмъ не изъ германскихъ вліяній, а изъ римской имперіи. Но ея старыя представители исходили лишь изъ изученія эпохи упадка послѣдней и ослабили свою теорію слишкомъ рѣзкою ея формулировкой: они видѣли въ разлагавшейся великой монархіи почти феодальное государство со всѣми уже готовыми институтами. Если же мы сумѣемъ избѣгнуть такой слишкомъ грубой концепціи и разложимъ понятіе—„феодализмъ“ не въ видахъ статическаго анализа на признаки, а по принципу генетическаго изученія на „слои“, на постепенно подготовляющіяся и нарастающія другъ на друга трансформациі, то удастся установить на твердомъ фундаментѣ гипотезу о происхожденіи этого порядка въ Европѣ: европейскій феодализмъ можно будетъ достоверно и безъ натяжки вывести изъ условій, созданныхъ не германскими варварами, а разложеніемъ римскаго общественнаго строя; можно будетъ прослѣдить его далекіе корни не только въ падавшей монархіи IV и V вѣковъ по Р. Хр., но и въ погибавшей республикѣ I-го вѣка до Р. Хр. Появившійся въ 1890 году замѣчательный трудъ *Фюстель де-Куланжа* — „*Les origines du système féodal*“ съ рѣдкимъ мастерствомъ обнаружилъ феодализацію земельного строя и социальныхъ отношеній именно въ эпоху гражданскихъ смуть II и I вѣка до Р. Хр., обусловившихъ смѣну аристократической республики демократическимъ принципатомъ. Теоретическая формула, данная еще *Родбертусомъ* и блистательно развитая *Бюхеромъ*, которая должна символизировать своеобразіе античнаго—больше всего римскаго—экономическаго строя, то-есть, ихъ теорія о замкнутомъ домовомъ хозяйствѣ (*Oikowirtschaft*), какъ существенной особенности послѣдняго,—если ее сблизить съ фактическимъ изслѣдованіемъ *Фюстель де-Ку-*

¹⁾ Авторъ намекалъ уже на нее въ своемъ предшествующемъ трудѣ; теперь онъ хотѣлъ бы подчеркнуть наблюдение примѣнительно къ болѣе ранней эпохѣ римской исторіи.

манжа, дать сильный терминъ для опредѣленія экономической природы феодализма.

Мы называемъ *феодализациею* ¹⁾ особаго рода процессъ эволюціи общественности, когда въ социальномъ организмѣ, особенно если онъ крупный, получаетъ преобладаніе отталкиваніе (диссоціація) между элементами, находящимися въ союзѣ. Формою сожительства и сочетанія личностей и группъ при развитіи такого теченія не можетъ прочно оставаться большое государственное тѣло съ многочисленнымъ населеніемъ, раскинувшимся на обширной территоріи. Сложно организованная и отвлеченно построенная верховная власть теряетъ способность служить органомъ и направителемъ общей жизни въ богато расчлененномъ цѣломъ. Стало быть, въ государствѣ происходитъ разложеніе единства (измельчаніе союзовъ) и упадокъ энергіи и дѣятельности (энервація) централизирующаго начала. Государственное строеніе пріобрѣтаетъ рыхлость и разсыпчатость; территорія крошится на части, надъ которыми устанавливается могущество ихъ распорядителей (намѣстниковъ) или обладателей (помѣщиковъ); прерогативы высшей власти также распадутся, отчуждаясь въ руки этихъ послѣднихъ—областныхъ начальниковъ и, еще дальше, мѣстныхъ магнатовъ, которые такимъ образомъ превращаются въ „владѣтельныхъ князей“. По мѣткому выраженію профессора П. Г. Виноградова—„феодализмъ отличается территоріальною окраскою политическихъ и политическою окраскою территоріальныхъ отношеній“ ²⁾. Хорошо бы только сейчасъ же прибавить охрѣсѣто въ этой схемѣ, опредѣляющей типичныя особенности процесса „партикуляризаціи“ социальнo политическxъ связей при феодализированіи общественнаго строя, къ эпитету „территоріальный“ (т. е. мѣстный) еще признакъ—„землевладѣльческій“. Дѣйствительно, какъ поясняетъ авторъ, помѣщикъ дѣлается тутъ государемъ, и—прибавимъ—правитель области, захватывая независимыя политическія функціи, также перерождается въ помѣщика.

Стало быть, могущество „территоріальныхъ владыкъ“ (главарей мелкихъ соединеній) является при феодализаціи коррелятивомъ и противовѣсомъ слабости „государства“ (большаго соединенія). Они съ

¹⁾ Здѣсь имѣется въ виду только тотъ частный случай явленія, который наблюдается въ крупныхъ культурныхъ государствахъ, поражаи разстройствомъ ихъ ростъ. См. попытку общей формулировки процесса въ статьѣ нашей подъ словомъ *феодализмъ* въ Энциклопедическомъ словарѣ *Брокгауза-Ефрона*.

²⁾ См. первую ученую работу замѣчательнаго русскаго историка—„Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи“ (С.-Пб., 1880), стр. 2.

силою выступаютъ въ его обезсиленной роли. Естественно, ихъ множественная воля вытѣсняетъ единый законъ, господствовавшій въ большомъ политическомъ союзѣ, подвергающемся дезинтеграціи. Исчезаетъ государственная защита слабаго и вмѣстѣ съ нею падаетъ авторитетъ публичнаго права. Большинство гражданъ или подданныхъ ищетъ охраны подъ частнымъ патронатомъ сильнаго, оказывается на его земляхъ въ положеніи соціальной зависимости, положеніи, выгодномъ и добровольномъ для господина, всегда необходимомъ для массы, вынужденной вступать въ подчиненіе на различныхъ ступеняхъ. Частнодоговорныя отношенія въ ихъ пестромъ разнообразіи, учреждаемомъ насиліемъ, смѣняютъ государственный законъ, какъ болѣе нормальную равнодѣйствующую свободѣ комбинаціи бывшихъ общественныхъ силъ.

Таковы тѣ существенныя черты феодализирующагося общества, которыя интересны въ настоящей связи нашего изложенія. Слѣдуетъ бросить взглядъ болѣе точнымъ образомъ еще на хозяйственную сторону процесса. Возможность феодализаціи тѣсно связывается съ ростомъ въ данной странѣ (или странахъ, объединенныхъ государственною властью) крупнаго землевладѣнія. На земельномъ богатствѣ прежде всего покоится могущество поднимающихся вождей, которые подрываютъ своими центробѣжными стремленіями крѣпость государственнаго зданія. На ихъ земляхъ сосредоточиваются образующіяся феодальныя группы. Въ нихъ господа и должны замѣниться, чтобы оставаться государями, и такія частновладѣльческія территоріи будутъ удовлетворять сами всегда своимъ нуждамъ, чтобы быть способными сохранять самостоятельное бытіе среди торжества раздѣленія въ окружающей средѣ. Очевидно, домовое самодовлѣніе является хозяйственною тенденціею феодально-обособленной группы. Феодальная сениорія есть такимъ образомъ крупный замкнутый домъ. Въ немъ править и пользуется благами господинъ земли, которая его питаетъ; въ немъ работаютъ для его силы и для своего существованія зависимые отъ главара люди, сѣвшіе на его частновладѣльческой территоріи, которая стала основою и оболочкою независимой общественной единицы. Замкнутое домовое хозяйство (Oikewirtschaft) есть экономическая природа феодальной сениоріи. Необходимо сказать и обратно: не только возрождается такой хозяйственный порядокъ тамъ, гдѣ торжествуетъ идущій изъ какого-нибудь другаго источника процессъ феодализаціи, но и послѣдній всегда угрожаетъ тому соціальному строю, гдѣ крупныя „ойкосы“ не теряютъ

своей крѣпости, вопреки широкому развитію государственности, вопреки высокому расцвѣту культуры.

Черезъ всю римскую исторію прослѣживается такое развитіе крупной собственности съ одной стороны и условно-зависимыхъ формъ владѣнія съ другой. Рядомъ и въ тѣсномъ взаимодействіи раскрываются въ ней постоянно возрождающіяся кабальные отношенія между личностями на основѣ частно-патронатныхъ связей. При этомъ всегда замѣтно въ общественномъ строѣ движеніе къ господству земельного магнатства не только надъ закрѣпощаемыми низшими классами, но и надъ государственною властью и политикою. Такимъ образомъ, можно начертать, воспроизводя социальную эволюцію римской державы, непрерывно протягивающуюся изъ эпохи въ эпоху кривую борьбы между феодализациею и государственностью, въ волнистыхъ колебаніяхъ которой подъемы будутъ знаменоватъ прогрессъ государственнаго единства, паденія—регрессъ феодальнаго (или „феодаловиднаго“) разобщенія. Параллельно съ первыми (подъемами) и вторыми (паденьями) ярко обнаружится предъ бдительнымъ вниманіемъ и пронизательнымъ взоромъ изслѣдователя, способнаго отрѣшиться отъ ходячихъ представленій, выработанныхъ старою школою изслѣдователей древности, и другое явленіе, нераздѣльно съ нимъ соединенное: онъ подмѣтитъ аналогичныя (однородныя, совпадающія) колебанія расцвѣта и упадка „замкнуто-домоваго, автономно-самоодвѣющаго хозяйства“, носителя стремленія къ феодальной обособленности (социальной дезинтеграціи).

Въ римской исторіи „до Тримальхіона“ время борьбы патриціевъ съ плебеями и позже время господства нобилитета должны быть названы эпохами, когда власть „ойкосовъ“ и „феодализация“ опасно усиливались, потрясая государственную крѣпость и ростъ единства. При чемъ этотъ двойной процессъ развивался въ каждомъ изъ двухъ указанныхъ случаевъ на фонахъ различнаго протяженія—сначала на италійскомъ, потомъ на средиземноморскомъ; потому-то онъ двигался здѣсь и тамъ съ неравнымъ размахомъ—сначала совершался въ болѣе скромныхъ рамкахъ, потомъ достигъ громадныхъ размѣровъ. Время же самого Тримальхіона должно быть охарактеризовано какъ наиболѣе значительная, широкая и долговременная остановка роста „ойкоса-феодализма“ въ римскомъ мірѣ, произведенная силою могучаго подъема культурнаго процвѣтанія, которое вызвано было благоприятнымъ сочлененіемъ многообразныхъ положительныхъ факторовъ. Но обнаруженіе крупныхъ „ойкосовъ“ благополучно существующими въ

эпоху апогея дивилизаціи въ римской имперіи свидѣтельствуеъ о сохраненіи внутри общественнаго строя могучаго государства болѣзнетворнаго организма, который, если не будетъ задавленъ, вновь произведетъ язву и возобновитъ разстройство ¹⁾. Факторы разложенія въ скрытомъ видѣ продолжаютъ жить и въ сильномъ тѣлѣ расцвѣтшей міровой державы. Они опять вскроются, когда единство ея будетъ поколеблено одновременнымъ и согласнымъ дѣйствіемъ различныхъ причинъ. Замкнутое домовое хозяйство, твердо возродившееся въ формѣ *latifundii-seniorii* (*Grundherrschaft*), вчернѣ уже готовое, и феодализация отношеній между классами, захватившая обширное пространство на поверхности общественнаго строя, начинавшая проникать довольно глубоко въ его почву,—таково было главное *соціальное* наслѣдье, переданное нарождавшейся новой Европѣ падающею древностью. Можно сказать, что здѣсь опредѣляется схема, истолковывающая сущность соціальной природы этой тяжелой эпохи регресса въ общей исторіи человѣческой культуры.

Интересно еще подчеркнуть въ видѣ послѣдняго слова, что домовая замкнутость и феодализация, когда онѣ развиваются и усилиются (нераздѣльно-вмѣстѣ), свидѣлствуютъ о не вполне сокрушенной силѣ *варварства* въ общественномъ сознаниі, или о новомъ приливѣ ея („варваризаціи“), овладѣвающимъ организмомъ государства, хотя бы и великаго. Вожди римской республики въ послѣднюю эпоху ея существованія въ соціально-политическомъ отношеніи обнаруживаютъ въ себѣ много неискорененной грубости и узости понятій, чувствъ и стремленій, несмотря на вѣщій видъ вполне цивилизованныхъ людей ²⁾. Что же говорить о тѣхъ, кто къ нимъ при-

¹⁾ Подобныя остановки будутъ замѣчаться и въ глубинѣ среднихъ вѣковъ, когда развитіе „ойкоса-феодализма“ достигнетъ гораздо большихъ успѣховъ и крѣпости, чѣмъ въ римскомъ мірѣ императорской эпохи. Въ этомъ смыслѣ (*toutes proportions gardées*) можно провести аналогію между экономической политикою принцепата и монархіи Карла Великаго. Различіе обстановки, въ которой приходилось дѣйствовать римскимъ и франкскому цезарямъ, выражалось въ томъ, что среда давала первымъ сильныхъ союзниковъ, а второй долженъ былъ функционировать (притомъ съ слабѣйшими силами) противъ укрѣпившихся враговъ. Потому-то дѣло Августа и его преемниковъ оказалось болѣе прочнымъ, чѣмъ вѣременное предпріятіе Карла, явившееся лишь мимоходомъ просвѣтомъ народнохозяйственныхъ традицій среди глубокаго ослабленія социализирующихъ началъ.

²⁾ Цицеронъ, Аттикъ и имъ подобныя были исключеніями. Да и они сами — типы далеко не безукоризненные, какъ высшіе показатели побѣды надъ застоємъ (устарѣлою косностью). Въ первомъ слишкомъ мало проявляется самостоятельнаго

мыкалъ какъ большинство господствующаго сословія. Великимъ прогрессивнымъ теченіямъ, вызвавшимъ утверженіе имперіи, сопровождавшимъ ея развитіе и направляемымъ политикою лучшихъ цезарей, не удалось вытравить этой коренной бѣды ¹⁾. Трималхіонъ—типичный представитель большинства въ составѣ крупно обезпеченнаго класса римскаго или, по крайней мѣрѣ, италійскаго общества въ лучшую эпоху его блестящаго развитія; и онъ—варваръ чистѣйшей воды ²⁾; это великолѣпный социальный матеріалъ для поддержанія отсталыхъ формъ, для задержки развитія. Не по силамъ было римской имперіи долго нести въ рукахъ знамя цивилизаціи и ея прогрессивнаго движенія.

Ив. Гревсъ.

творчества и пронительности (рѣчь идетъ только о социальнo-политическихъ идеяхъ), слишкомъ много инстинктивной традиціонности, подражанія и робости. Второй при всей утонченности вкусовъ и чуткости ума своимъ равнодушіемъ къ общественной дѣятельности (узостью своего индивидуализма) свидѣтельствуетъ объ элементарной грубости политическихъ концепцій, руководившихъ его сознаніемъ. Только Цезарь обладалъ мировоззрѣніемъ, стоявшимъ на высотѣ истинной цивилизаціи. Но вѣдь онъ былъ однимъ изъ единичныхъ колоссовъ, порождаемыхъ гениемъ человѣчества разъ въ теченіе столѣтій: полстоимъ своей мысли онъ унесся далеко впередъ. Послѣ него можно указать признаки истинно цивилизованнаго мировоззрѣнія въ римскомъ обществѣ развѣ у самыхъ замѣчательныхъ юристовъ, императорской эпохи или еще у такихъ государей, какъ Адрианъ; но и то придется дѣлать оговорки.

¹⁾ Ср. остроумную статью *J. Beloch, Der Verfall der antiken Cultur* (въ „*Hist. Zeitschr.*“ Bd. 84, 1900). Здѣсь авторъ съ успѣхомъ проводитъ мысль, что начало культурнаго регресса въ мірѣ античной цивилизаціи вызвано было „варваризующимъ толчкомъ“ римскихъ великихъ завоеваній. Его обличенія и гипотезы интересны облудать всякому, кто интересуется изученіемъ роли духовнаго фактора (сознанія) въ историческомъ процессѣ.

²⁾ Онъ прямо издѣвается надъ образованностью (*Petron.* с. 56; 58), несмотря на свои библіотеки, и на эпитафій своей вѣдѣ горделиво вырѣзаетъ свидѣтельство, что онъ никогда не слушалъ философовъ (с. 71; *Fr.* 180, 14). *Г. Буассье (L'opposition sous les Césars)* называетъ Трималхіона—„un type dégénéré“. Врядъ ли это такъ: онъ и его предки никогда и не поднимались до той высоты, съ которой могло начаться вырожденіе.

КРИТИКА ПОНЯТІЯ СОЛИДАРНОСТІ ВЪ СОЦІОЛОГІИ О. КОНТА.

Популярное въ наше время слово „солидарность“ въ системѣ Конта является однимъ изъ центральныхъ понятій. Какъ мы увидимъ, оно проходитъ у Конта черезъ всю систему и, что самое главное, въ этомъ движеніи своемъ получаетъ всякій разъ новое и новое содержаніе. Оно фигурируетъ и въ астрономіи, и въ биологіи, и въ соціологіи и здѣсь, въ соціологіи, оно является какъ этическая категория, и какъ политическая категория и какъ юридическая категория, а въ другой системѣ Конта, въ его „Положительной политикѣ“¹⁾, даже какъ категория религіозная. Усмотримъ всѣ грани сложнаго и многосторонняго понятія солидарности, какъ оно раскрывается въ „Курсѣ положительной философіи“ Конта и составляетъ первую часть нашей критики. Вторая часть должна дать критическую оцѣнку понятія солидарности на точкѣ зрѣнія критической философіи.

Анализъ понятія солидарности и его критическая оцѣнка имѣютъ своею цѣлью выяснить догматическій характеръ одного изъ основныхъ предположеній контовскаго позитивизма, именно предположеніе универсальнаго характера естественно-научнаго познанія.

---

¹⁾ О. Конту принадлежатъ два главныхъ сочиненія: „Cours de philosophie positive“ (I т. въ 1830 и послѣдній, VI, въ 1842 г.) и „Système de politique positive“ (4 т. 1851—54). Что касается вопроса о внутреннемъ единствѣ этихъ трактатовъ, то авторъ настоящей статьи, говоря о „другой“ системѣ Конта, принимаетъ къ воззрѣнію В. Соловьева: „мы находимъ у Конта не одну, а двѣ различныя системы“... См. В. Соловьевъ: Контъ, статья въ Энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона, кн. 31. Цитаты даны по третьему изданію, Paris 1869.

Какъ извѣстно, одною изъ главныхъ задачъ системы Конта было обосновать новую науку объ обществѣ. Эту науку онъ назвалъ соціологіей. Замыселъ былъ въ томъ, чтобы дать такую науку соціологіи, которая есть „соціальная физика“¹⁾; другими словами, явленія соціальной жизни Контъ хотѣлъ выразить въ терминахъ естествознанія...

Такая задача была поставлена уже давно у истиннаго родоначальника того типа мышленія, который потомъ былъ названъ позитивнымъ, у знаменитаго лорда Бэкона въ его научной программѣ. „Естественная наука—говорилъ Бэконъ—есть великая мать всѣхъ наукъ; на ея основаніи должны обновиться не только физическія ученія, какъ, напримѣръ, астрономія, оптика, механика, медицина и проч., но также, что многихъ удивитъ, гуманистическія, какъ напримѣръ, мораль, политика, логика“ (Novum Organon I, 78—80).

И Джонъ Стюартъ Милль, ближайшій ученикъ О. Конта,—какъ справедливо замѣчаетъ Минто въ своей „Логикѣ“,—написалъ свою логику не затѣмъ, чтобы научить естествоиспытателей, какъ имъ нужно дѣлать свои открытія, а затѣмъ, чтобы, установивъ приемы точныхъ наукъ, приложить потомъ эти приемы въ наукахъ объ обществѣ.

Кромѣ Спенсера только Контъ стремился во всей полнотѣ выполнить эту основную идею позитивизма. И самъ онъ и его школа были убѣждены, что эта идея выполнима.

Но посмотримъ, однако, какъ же выполнялъ свою идею О. Контъ.

Контъ исходилъ изъ предположенія, что явленія естествознанія и явленія соціологіи различаются между собою не принципиально, не такъ, какъ различаются роды, а такъ, какъ различаются виды одного рода.

Въ его классификаціи наукъ соціологія, какъ извѣстно, стоитъ въ одной плоскости съ науками естественными. Ея явленія различаются только по степени общности; они уже по объему, но богаче по содержанию. Въ этомъ и все различіе. И въ естествознаніи и въ соціологіи О. Контъ видѣлъ основной законъ солидарности явленій, но различалъ только степени солидарности. „Солидарность—указывалъ Контъ—тѣмъ больше, тѣмъ яснѣе обозначается, тѣмъ сложнѣе явленія, въ сферѣ которыхъ она обнаруживается, слѣдовательно со-

¹⁾ I, 74; IV, 12.

лидарность въ наивысшей степени обнаруживается именно въ социаль-ныхъ явленіяхъ“ ¹⁾).

Но легко однако же показать, что то реальное содержаніе, которое Контъ вложилъ въ понятіе солидарности, когда говорилъ о явленіяхъ естествознанія, и то реальное содержаніе, которое онъ вложилъ въ понятіе солидарности, когда говорилъ о явленіяхъ социологіи, различаются между собою не по степени, не количественно, а качественно и слѣдовательно принципиально.

Но перейдемъ къ анализу понятія солидарности у Конта, чтобы поставить передъ собою всѣ грани этого понятія.

Самое общее представленіе, обозначаемое словомъ солидарность, можно описать такъ, что это есть согласіе, связанность нѣкоторыхъ элементовъ, нѣкотораго цѣлаго. Повидимому, солидарность въ такомъ общемъ и широкомъ смыслѣ Контъ считалъ сплошнымъ мировымъ закономъ. Этотъ законъ встрѣчается уже въ неорганическомъ мірѣ (астрономія), играетъ существенную роль въ мірѣ растений и въ мірѣ животныхъ и достигаетъ своего максимума въ мірѣ людей. Законъ этотъ въ мірѣ животныхъ есть основной биологическій законъ. Этотъ законъ и переносится Контомъ на общество. Въ организмѣ части и цѣлое солидарны, т. е. во время дѣйствія части тѣла содѣйствуютъ другъ другу. Но социологія есть прямое продолженіе биологіи. Биологія изучаетъ организмы растений и животныхъ. Общество есть тоже организмъ (*organisme social, système organique, organisme collectif*) ²⁾. Законы биологіи суть виѣствъ и законы социологіи. Слѣдовательно, солидарность частей и цѣлаго въ индивидуальномъ организмѣ имѣетъ мѣсто и въ социальномъ.

Контъ говоритъ: „Всевозможныя стороны социальнаго организма (*tous les aspects possibles de l'organisme social*), всѣ социальные элементы или *modi* находятся между собой въ существенной солидарности (*solidarité fondamentale*)“ ³⁾; и еще: „научное основаніе статическаго закона состоитъ въ очевидной самопроизвольной гармоніи, которая должна всегда стремиться господствовать (*qui doit toujours tendre à régner*) между цѣлымъ и частями общественной системы, элементы которой не могутъ не сочетаться окончательно способомъ,

¹⁾ IV, 234—261.

²⁾ IV, 237, 253; VI, 712.

³⁾ IV, 235—237.

совершенно соответствующимъ ихъ собственной природѣ ¹⁾). Согласно указаннымъ опредѣленіямъ Контъ дѣлаетъ слѣдующія заключенія: всѣ стороны социальной жизни должны изучаться въ связи, а не обособленно ²⁾; политикъ, желающій измѣнить государственный строй или религиозныя вѣрованія, несмотря на общее состояніе цивилизаціи, долженъ потерпѣть неудачу ³⁾; данное состояніе цивилизаціи порождаетъ и форму политической власти, обратное воздѣйствіе имѣетъ очень ничтожное значеніе ⁴⁾.

И такъ солидарность есть связанность частей цѣлаго въ цѣломъ. Въ этомъ смыслѣ солидарность есть законъ космическій, біологическій, основной статическій въ социологии. Хотя и то и другое и третье покрывается понятіемъ солидарность, но солидарность, какъ законъ социологии, получаетъ и нѣкоторый плюсъ. Именно то, что во вселенной и въ мірѣ организмовъ констатируется какъ фактъ, то въ социологии представляется не столько фактомъ, который должна установить наука, сколько тенденціей, идеаломъ, въ направленіи котораго должно разсматривать явленія социальной жизни. Эти послѣдніе не то что солидарны, а ихъ нужно разсматривать такъ, какъ если бы они были солидарны.

Замѣтимъ, здѣсь же, что критическая философія тщательно различаетъ конститутивный принципъ и регулятивный принципъ познанія и смѣшеніе ихъ считаетъ не критическимъ, догматическимъ представленіемъ.

Но перейдемъ къ разсмотрѣнію реального содержанія солидарности въ социологии Конта.

Кто солидаренъ, съ кѣмъ солидаренъ и въ чемъ солидаренъ?—спрашиваемъ мы у Конта. Очевидно, думаемъ мы, элементы общества между собою въ цѣломъ. Кто же суть элементы общества, въ чемъ и какъ они солидарны между собою?

Контъ указалъ слѣдующія социальныя единицы: индивидъ, семья, корпорація, государство. Ученіе объ этихъ социальныхъ единицахъ полно у Конта вопіющихъ несообразностей. Позитивный философъ объявилъ индивидъ фикціей и реальностью только человѣчество въ

¹⁾ IV, 242—243. См. Чичеринъ: Положительная философія и единство науки. М. 1892 г., стр. 214.

²⁾ IV, 255.

³⁾ IV, 239.

⁴⁾ IV, 244—245.

цѣломъ ¹⁾ и въ заключеніе далъ такой уродливый общественный идеаль, подобнаго которому не знаетъ исторія.

Разсматривая индивидъ, какъ соціальную единицу, Контъ усмотрѣлъ въ его свойствахъ не только отсутствіе солидарности, но прямой антагонизмъ личныхъ и соціальныхъ свойствъ. Оказывается, что соціальное требуетъ отъ человѣка усиленной умственной дѣятельности, а личное чувствуетъ природное отвращеніе къ умственному труду. Контъ называетъ это печальнымъ совпаденіемъ (*une déplorable coincidence*) ²⁾. Далѣе, соціальное требуетъ отъ человѣка общественныхъ наклонностей, а личное въ немъ глубоко эгоистическое ³⁾.

Спасая свой принципъ солидарности, Контъ объявилъ отдѣльнаго человѣка—фикціей, реальностью—человѣчество въ цѣломъ ⁴⁾, а первую соціальною единицею семью ⁵⁾. Семья—говоритъ Контъ—является необходимымъ зародышемъ существенныхъ для общества наклонностей (*dispositions*) ⁶⁾; семья есть школа соціальной жизни ⁷⁾.

Но въ чемъ же солидарность въ семьѣ и между кѣмъ? Части семьи мужъ и жена, отецъ и дѣти. Солидарность же между ними покоится на началѣ субординаціи: жена какъ существо низшее по способности къ умственному труду и управленію должна подчиняться мужу; а дѣти, какъ слабыя, должны подчиняться родителямъ ⁸⁾. Это съ одной стороны. Но съ другой стороны Контъ признаетъ единство семьи основаннымъ на совокупной цѣли, на связи преимущественно нравственной ⁹⁾, призванной удовлетворять симпатическія наклонности человѣка, болѣе развитыя у женщины ¹⁰⁾.

Группы семействъ—такъ ведетъ далѣе свое разсужденіе О. Контъ—группы семействъ образуютъ общественный организмъ. Біологическія изслѣдованія показываютъ, что возрастающее совершенство животнаго организма заключается въ спеціализаціи его функций. Эти функции выполняются все болѣе и болѣе обособленными и все-таки солидарными

¹⁾ IV, 417.

²⁾ IV, 388.

³⁾ 396—397.

⁴⁾ IV, 417.

⁵⁾ IV, 398.

⁶⁾ IV, 399.

⁷⁾ IV, 411.

⁸⁾ IV, 402—403, 406—408.

⁹⁾ IV, 399—400.

¹⁰⁾ См. Чичеринъ: Полож. фл. и ед. н., стр. 229 и слѣд.

между собою органами. Таковъ же характеръ и организма социальнаго. И развитіе организма социальнаго идетъ въ томъ же направленіи: раздѣленіи труда и кооперативномъ его характерѣ, который возрастаетъ вмѣстѣ съ усложненіемъ общества ¹⁾. Однако же раздѣленію труда въ своемъ крайнемъ выраженіи велетъ къ уничтоженію солидарности. „Судьба рабочаго—говоритъ Контъ—занятого въ теченіи всей своей жизни фабрикаціею ножей или булавочныхъ головокъ, справедливо заслуживаетъ сожалѣнія, но здравая философія должна не менѣе сожалѣть челоѣка, исключительно и постоянно занятого рѣшеніемъ уравненій и классификаціей наѣкомыхъ“ ²⁾. И въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ обособленіе частныхъ интересовъ отъ общихъ и возможно уничтоженіе солидарности.

Въ этомъ пунктѣ разсужденій Контъ снова снасаетъ принципъ солидарности и на этотъ разъ черезъ идею правительства. Назначеніе правительства по Конту какъ разъ въ томъ, чтобы сдерживать и предупреждать по возможности разногласіе между чувствами, идеями и интересами, т. е. другими словами въ томъ, чтобы поддерживать солидарность. „Характерная черта правительства—говоритъ Контъ—съ какой бы точки зрѣнія мы его ни рассматривали, заключается въ преобладаніи духа цѣлаго“ ³⁾.

Но какимъ образомъ возникаетъ правительство? Контъ старается объяснить значеніе и назначеніе правительства изъ самаго хода социальной жизни. Правительство возникаетъ естественно. Эта дедукція правительства изъ хода социальной жизни представляетъ любопытнѣйшую страницу въ системѣ Конта.

Раздѣленіе труда и специализація занятій — такъ разсуждаетъ Контъ — ведетъ къ неравенству имущественному и нравственному. Неравенство ведетъ къ подчиненію слабыхъ сильнымъ и умнымъ. Этими сильными и умными являются тѣ, которые отправляютъ въ обществѣ болѣе общія, болѣе абстрактныя функціи. „Анализируя подчиненіе однихъ лицъ другимъ — говоритъ Контъ — легко видѣть законъ его, заключающійся въ томъ, что различные виды частной дѣятельности естественно подпадаютъ подъ управленіе тѣхъ функцій, которыя обладаютъ непосредственно высшею степенью общности“ ⁴⁾.

¹⁾ IV, 417—427.

²⁾ IV, 427—430.

³⁾ IV, 430—431.

⁴⁾ IV, 433—434.

И еще: „частныя функціи соціальной жизни, вступая въ отношенія, имѣющія все болѣе общій характеръ, должны подчиняться руководству самой общей функціи, которая состоитъ въ воздѣйствіи цѣлаго на части“¹⁾.

Но кто же отправляетъ самыя общія функціи, подъ которыя подходитъ наибольшій кругъ частныхъ дѣятельностей въ обществѣ? Кто долженъ стоять на верху непрерывной іерархіи все болѣе и болѣе общности труда въ гражданскомъ обществѣ? — Банкиры — отвѣчаетъ Контъ—и банкиры-то и должны составлять правительство. Но гдѣ же—спросите вы—различіе между обществомъ и государствомъ, между публичнымъ и гражданскимъ правомъ? Такого различія нѣтъ. Гражданское общество непосредственно переходитъ въ государство и категоріи права замѣнили принципъ солидарности.

Стоитъ остановиться подробнѣе на этой единственной въ своемъ родѣ дедукціи правительства изъ хода соціальной жизни. Болѣе подробную картину правительства у Контъ находимъ во второй части его соціологіи и именно тамъ, гдѣ Контъ рисуетъ передъ нами третью фазу развитія человѣчества: позитивное состояніе человѣчества²⁾.

Позитивное состояніе въ своемъ идеалѣ предносилось Контъ, какъ правильное сочетаніе главнѣйшихъ чертъ предшествующихъ періодовъ. Остатки теологическаго и метафизическаго періодовъ Контъ видѣлъ въ двухъ партіяхъ своего времени: партіяхъ легитимистовъ и либе-

¹⁾ IV, 435. См. Чичеринъ: Полож. философія, стр. 232.

²⁾ Соціологія Контъ, какъ извѣстно, разбивается на двѣ части: статику и динамику. Первая должна представить законы строенія общества въ его покоѣ, вторая законы движенія общества. Содержаніе статической соціологіи въ существенномъ нами почерпано. Соціальная динамика раскрываетъ пресловутый законъ, будто человѣчество переживаетъ въ своемъ развитіи три періода: теологическій, метафизическій и позитивный. (См. *В. Соловьевъ*: Теорія Огюста Контъ о трехъ фазисахъ въ умственномъ развитіи человѣчества. Полное собраніе, т. I). Очень любопытно прослѣдить реальное содержаніе солидарности въ каждый изъ этихъ періодовъ. Мы переходимъ однако прямо къ послѣднему, потому что два первыхъ только разлагались, чтобы приготовить позитивный. Позитивный л есть въ сущности единственно статическій. Въ статикѣ, согласно Контъ, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ устойчивѣе идеи даннаго общества, чѣмъ болѣе согласуются онѣ взаимно (IV, 78; VI, 481). Но такова именно по мысли Контъ статика позитивнаго періода. Здѣсь мы имѣемъ максимумъ солидарности. Солидарность написана въ немъ, подобно какъ справедливость у Платона въ идеальномъ государствѣ, большими буквами.

раловъ. Въ первой онъ видѣлъ остатки отжившихъ своей вѣкъ богословскихъ воззрѣній, во второй порожденіе несостоятельной метафизики. Первая стоитъ за порядокъ, вторая за прогрессъ. Однако, согласно Конту, не имѣя никакихъ позитивныхъ основаній, онѣ не способны создать что либо положительное. Школа богословская проповѣдуетъ отжившія своей вѣкъ ученія и глуха къ потребностямъ новаго времени,—она слишкомъ консервативна. Школа метафизическая съ своими отрицательными ученіями способна только разрушать и бессильна для созиданія,—она слишкомъ прогрессивна ¹⁾).

Очень любопытно замѣтить здѣсь, что разумѣлъ Контъ подъ разрушающими ученіями метафизической школы. А сюда онъ причислялъ не болѣе не менѣе какъ слѣдующее: анархическія, какъ онъ выражался, начала свободы, какъ: свобода совѣсти, слова, печати ²⁾; анархическое же начало равенства ³⁾ и наконецъ метафизическія начала народнаго суверенитета ⁴⁾ и раздѣленія властей ⁵⁾).

Задача политики по Конту въ томъ, чтобы правильно сочетать начало порядка съ началомъ прогресса. Но какъ понимать начало порядка и какъ понимать начало прогресса? Начало порядка Контъ находилъ въ теологическомъ періодѣ. Средневѣковый порядокъ и могучая организація папства были предметомъ особеннаго удивленія Конта. Этотъ порядокъ вызывалъ единственный упрекъ Конта въ томъ, что эта удивительная организація была основана на религіи, а не на положительной наукѣ ⁶⁾). Слѣдовательно, идеальный строй долженъ сочетать въ себѣ именно эти два начала. Начало порядка найдетъ себѣ воплощеніе въ организаціи на подобіе папской, а начало прогресса въ томъ, что на мѣсто религіи станетъ положительная философія ⁷⁾). Представители положительной философіи составятъ корпорацію, которой будетъ принадлежать духовная власть въ государствѣ (*autorité spirituelle*).

Въ дѣлахъ правительственныхъ голосъ философовъ будетъ имѣть

¹⁾ IV, 24—69.

²⁾ IV, 49, 54, 58.

³⁾ IV, 63—64.

⁴⁾ IV, 65.

⁵⁾ IV, 17. См. Чичеринъ: Положительная философія и единство науки, стр. 200—209.

⁶⁾ IV, 28.

⁷⁾ IV, 131 и дальше.

совѣщательный характеръ, а въ дѣлахъ воспитанія ихъ голосъ рѣшающій. Вступленіе въ корпорацію позитивныхъ философовъ будетъ обставлено строгими требованіями нравственности и способности, а умамъ некомпетентнымъ обсужденіе высшихъ вопросовъ строго воспрещается.

Свѣтскую власть составятъ начальники промышленности (chefs industriels). Въ основу ихъ распредѣленія по разрядамъ будетъ положенъ принципъ возрастающей общности ихъ функций. Низшую ступень займутъ земледѣльцы, вторую промышленники обрабатывающіе, выше станутъ купцы и, наконецъ, еще выше банкиры. Банкиры, такъ какъ они отправляютъ самыя общія и абстрактныя функции, получаютъ и политическую власть ¹⁾.

Остановимся на минуту и посмотримъ на все мысленное зданіе Конта.

Не правда ли, какое стройное построеніе?

Подобно тому какъ науки въ своей классификаціи представляютъ лѣстницу ступеней, восходящихъ отъ социологіи ко все болѣе и болѣе общимъ явленіямъ до явленій математики, такъ и общество представляетъ лѣстницу ступеней, восходящихъ къ группамъ, отправляющимъ все болѣе и болѣе абстрактныя функции до позитивныхъ философовъ и банкировъ. Нигдѣ такъ выпукло, такъ рельефно не выступаетъ на видъ, до какой степени Контъ былъ во власти предвзятыхъ понятій, до какой степени онъ былъ близокъ къ той догматической метафизикѣ, на которую напалъ съ такимъ ожесточеніемъ.

Но почему именно такой строй предносился Конту какъ идеальный, почему именно въ немъ онъ видѣлъ максимумъ солидарности?

Чтобы доказать это, Контъ вводитъ въ оборотъ своихъ понятій и опять подъ видомъ солидарности этическихъ категорій. Рисуя свое идеальное государство, Контъ съ большимъ вдохновеніемъ говоритъ о томъ благодѣтельномъ вліяніи, какое будетъ имѣть его положительная философія на совершенствованіе людей.

Такъ говоритъ объ этомъ Контъ. „Положительное созерцаніе общественной эволюціи“ укажетъ зависимость каждаго отдѣльнаго существованія отъ цѣлаго. Черезъ это личное счастье представится тѣсно связаннымъ съ развитіемъ доброжелательныхъ и симпатическихъ чувствъ относительно всего человѣческаго рода: чувство обязанности возьметъ верхъ надъ чувствомъ права.

¹⁾ VI, 495; 501—502.

Это сознание солидарности въ отношеніи между рабочими и предпринимателями внесетъ недостающіе имъ теперь моральные принципы, которые чувство долга поставятъ выше чувства права. Богатства стянутся въ руки начальниковъ промышленности. Но позитивная философія посредствомъ воспитанія въ духъ своемъ приведетъ ихъ къ тому, что они станутъ смотрѣть на себя, какъ на хранителей общественныхъ капиталовъ (*dépositaires nécessaires de capitaux publics*) ¹⁾, и вселитъ имъ въ сознание, что съ большими средствами соединяются и большія обязанности, въ результатъ установится общественная іерархія, которая будетъ прямымъ продолженіемъ іерархіи биологической. На всемъ протяженіи этой лѣстницы ступеней будетъ господствовать одинъ и тотъ же законъ: порядокъ ступеней опредѣляется все большимъ и большимъ обобщеніемъ. Политическая организація будетъ обще-европейской, какъ это предчувствовали Генрихъ IV и Лейбницъ, при чемъ эта политическая организація постепенно перейдетъ въ моральную ²⁾.

Таковъ общественный идеалъ О. Конта, въ которомъ солидарность написана большими буквами. Мы видимъ, что понятіе солидарности является здѣсь у Конта этическимъ началомъ и основаніемъ моральнаго настроенія. Это моральное настроеніе развиваетъ духъ позитивной философіи. Она раскрываетъ солидарность, какъ всеобщій космическій законъ, какъ всеобщій биологическій законъ, какъ всеобщій законъ общественной эволюціи; ростъ солидарности это тѣло; исторіи. Это съ объективной стороны. Со стороны субъективной это максима воли, правило поведенія. Это долгъ. Психологически это сознание зависимости и чувство личнаго значенія. Сознаніе личнаго значенія—это дань эгоизму; сознаніе зависимости это дань альтруизму. Но нужно подчинить эгоизмъ альтруизму. Это происходитъ благодаря социальной солидарности. Всеобщій законъ природы разумъ дѣлаетъ закономъ воли, превращая его въ долгъ. „Понятіе долга—говоритъ Контъ—вытекаетъ изъ общей концепціи позитивной философіи, заставляющей смотрѣть на отдѣльнаго индивида, какъ на члена цѣлаго рода, такъ что правила его дѣятельности должны вытекать изъ универсальнаго порядка вещей, а не изъ однихъ чисто индивидуальныхъ интересовъ“ ³⁾.

¹⁾ VI, 511; 515, 520, 522.

²⁾ VI, 440—547.

³⁾ VI, 454, 455 и дальше.

Всѣ грани понятія солидарности у Конта такимъ образомъ усмотрѣны нами, и мы должны дать критическую оцѣнку построеній Конта съ точки зрѣнія теоріи познанія критической философіи.

Разумѣется, для того, чтобы замѣтить отсутствіе въ построеніи Конта юридическихъ понятій, или чтобы усумниться въ теоретической и практической годности его общественнаго идеала съ банкирами и позитивными философами, для этого нѣтъ надобности непремѣнно изучать критическую философію. Но сила критической философіи все-таки въ томъ, что она можетъ точно указать и всѣ другія, менѣе замѣтные противорѣчія у Конта и, что самое главное, она можетъ указать коренную ошибку Конта, она можетъ объяснить, откуда явились и неизбежно должны были явиться всѣ противорѣчія у Конта.

Укажемъ сначала всѣ тѣ границы, которыя перешелъ Контъ безъ всякихъ основаній, все время прикрываясь терминомъ солидарность.

Принципъ солидарности есть законъ астрономическій, законъ физическаго міра. Очевидно, это естественно-научный принципъ, т. е. каузальный. Позитивная философія утверждаетъ, что каузальный принципъ ни въ какомъ случаѣ не есть причина производящая, а только послѣдовательность и сосуществованіе явленій во времени. Съ этой формулой совершенно согласна критическая философія. Представленіе причины, какъ силы производящей, и на точкѣ зрѣнія критической философіи, есть принципъ не естественно-научный, а сверхестественный, сверх-физическій, метафизическій. Но легко теперь видѣть, что, оперируя понятіемъ солидарности, Контъ не выдержалъ этого критическаго характера каузальнаго принципа. Когда онъ говоритъ о солидарности между индивидами, о солидарности въ семьѣ, о солидарности въ другихъ формахъ общества (кооперации, государствахъ), то онъ говоритъ о психическомъ воздѣйствіи социальныхъ элементовъ другъ на друга. Очевидно, это нѣчто большее, чѣмъ только послѣдовательность явленій.

„Часто повторяя, что индивиды „дѣйствуютъ“ другъ на друга, Контъ, очевидно, — говоритъ А. С. Лапко - Данилевскій въ своей статьѣ о Контѣ, — Контъ, очевидно, представлялъ себѣ отношеніе между ними не въ видѣ одной только послѣдовательности: всякое „дѣйствіе“ предполагаетъ извѣстную трату силы, какъ бы мы ни понимали ея природу“¹⁾).

¹⁾ Статья помѣщена въ сборникѣ подъ ред. Новгородцева: „Проблемы идеализма“. Москва. 1903, стр. 457.

Это первое. Второе, когда Контъ называетъ свой законъ біологическимъ и затѣмъ этотъ біологическій законъ распространяетъ на общество, дѣлаетъ его соціологическимъ, его принципъ перестаетъ быть естественно-научнымъ, а становится телеологическимъ, перестаетъ быть конститутивнымъ, а становится регулятивнымъ.

Критическая философія утверждаетъ, что причинность и цѣлесообразность два кардинально различныхъ принципа, которые нельзя прилагать съ одинаковымъ правомъ къ явленіямъ одного и того же порядка. Причинность—это принципъ научнаго познанія, а цѣлесообразность не есть принципъ научнаго познанія, а только особаго „рефлексіоннаго“ созерцанія природы.

Но и здѣсь, и въ этомъ принципѣ цѣлесообразности Контъ не различаетъ естественной цѣлесообразности отъ цѣлесообразности воли. Это опять два рода явленій, принципиально различныхъ между собой. Естественная цѣлесообразность есть объективный фактъ, фактъ природы въ мірѣ растений и животныхъ. Цѣлесообразность же воли фактъ субъективный. Это категорія практическаго разума, царство правилъ поведенія и практическихъ идеаловъ, это принципъ нравственной дѣятельности. Онъ имѣетъ самостоятельное существованіе и не зависитъ ни отъ причинности механической, ни отъ цѣлесообразности естественной. Нарушеніе границъ ведетъ къ величайшимъ абсурдамъ. То, что утверждается, какъ естественно-научный законъ, не можетъ быть идеаломъ, ибо тогда это не законъ. Законъ природы есть, а не долженъ быть. То, что есть законъ природы, не можетъ быть максимой воли; и въ самомъ дѣлѣ, если солидарность есть всеобщій законъ природы, то какъ законъ этотъ можетъ стать и нашимъ долгомъ?

Законъ природы всегда предписанъ и всегда дѣйствуетъ и не считается съ нашими идеалами. Если онъ есть, то какъ можно сказать, что онъ долженъ быть? Какъ можно дѣлать изъ него предписаніе? Въ чемъ же коренная ошибка Конта?

Ошибка Конта въ томъ, что, оперируя принципами разнаго рода, онъ все время думалъ, что имѣетъ дѣло съ принципами одного рода. Онъ не различалъ, смѣшивалъ то, что тщательно различаетъ и размежевываетъ критическая философія, принципы: каузальный, телеологическій, моральный. Вотъ почему классификація наукъ Конта въ корнѣ неправильна. Явленія, которыя изучаются его рядомъ наукъ, различаются между собою не принципомъ общности, абстрактности, а тѣми функциями разума, которыя проявляются въ познаніи.

Слѣдовательно, Контъ неизбежно долженъ былъ впасть въ противорѣчія, ибо самое предпріятіе его ложно въ своемъ замыслѣ.

Явленія естествознанія и исторіи въ широкомъ смыслѣ, т. е. явленія природы и явленія человѣческаго духа—учить критическая философія—различаются между собою не количественно, а качественно и, слѣдовательно, принципиально ¹⁾.

В. Савальскій.

---

¹⁾ Мы подошли къ проблемѣ разграниченія естествознанія и исторіи въ широкомъ смыслѣ. Проблема эта является для научной мысли нашего времени очередной и одной изъ труднѣйшихъ для разрѣшенія. Но уже теперь она начинаетъ приобретать довольно ясныя очертанія въ своей постановкѣ и возможномъ рѣшеніи. Блестящую формулировку этой проблемы даетъ Windelband въ брошюрѣ: *Geschichte und Naturwissenschaft*, 1894; Rickert посвящаетъ ей солидный трактатъ: *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung* (есть и русск. переводъ Водена, С.-Петербурга, 1904), тоже Хенорол: *Les principes fondamentaux de l'histoire*. Paris 1899.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛЪ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ ¹⁾.

Г. Значеніе научнаго знанія при отождествленіи эмпиризмомъ критерія достовѣрности съ необходимою мыслимостью.

Послѣдовательность эмпиристической теоріи знанія требуетъ, чтобы наиболѣе надежнымъ основаніемъ достовѣрности послѣднихъ посылокъ знанія, а съ ними, конечно, и всего знанія, признавалась Спенсеровая необходимая мыслимость положенія, дополненная лишь отрицательнымъ требованіемъ отсутствія въ общей жизни сознанія остающихся неразъясненными недоумѣній, касающихся этого положенія. И если новый эмпиризмъ ставитъ важнѣйшей своей задачей объяснить существующее научное знаніе, то онъ долженъ объяснить его, взявъ за исходный пунктъ этотъ критерій достовѣрности. Достижимо ли это? И если достижимо, то въ чемъ должно состоять это разъясненіе?

I.

Если подъ научнымъ знаніемъ разумѣть совокупность такихъ положеній, которыя должны считаться логически оправданными, то отвѣтъ на поставленный вопросъ предпрѣшается сдѣланной выше критикой Миллева ученія о процессѣ убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ знанія.

У Спенсера, какъ и у Милля, послѣднимъ основаніемъ всякой достовѣрности служатъ факты опыта, и необходимая мыслимость даетъ у

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1905 годъ.

Спенсера логическое оправданіе сужденію, именно какъ представительница безкопечно огромнаго количества фактовъ, лежащихъ по эмпиризму у ней самой въ основаніи. Въ той главѣ „Основаній психологіи“, которая носитъ заглавіе „Всеобщій постулатъ“ и посвящена разъясненію познавательнаго значенія критерія, Спенсеръ вполне опредѣленно „согласную поддержку всѣми предшествующими опытами“ называетъ „лучшимъ ручательствомъ вѣрованія“; „опыты отношеній между явленіями въ прошедшемъ“ признаетъ „единственнымъ основаніемъ нашего настоящаго знанія о такихъ отношеніяхъ“ и значеніе необходимой мыслимости видитъ именно въ томъ, что она служитъ представительницей этихъ опытовъ. А поэтому и для Спенсера, какъ и для Милля, оправданіе послѣднихъ посылокъ знанія должно сводиться къ вопросу о возможности, съ помощію частныхъ фактовъ, оправдывать общія положенія, которыя или прямо выступаютъ въ роли послѣднихъ посылокъ знанія, или неизбежно подразумеваются при сливающихся съ частными фактами ихъ истолкованіяхъ, принимаемыхъ непосредственнымъ сознаніемъ за непосредственно данные факты. Своей теоріи этого оправданія Спенсеръ не представляетъ. И такъ какъ почти вся сейчасъ цитованная глава его „Основаній психологіи“ посвящена, съ одной стороны, разъясненію преимуществъ необходимой мыслимости предъ Миллевой индукціей, съ другой,—разрѣшенію Миллевыхъ возраженій противъ его критерія, при чемъ не дѣлается никакихъ возраженій противъ Миллева общаго взгляда на оправданіе общихъ положеній изъ частныхъ фактовъ,—то мы въ правѣ предположить, что онъ не видитъ никакой нужды въ какомъ-либо исправленіи этихъ взглядовъ.

Выше мы рассматривали эти взгляды и, прежде всего, нашли ¹⁾, что выступающая у Милля на передній планъ теорія индукціи, какъ простого обобщенія частныхъ фактовъ, не объясняетъ и не доказываетъ того, что Милль хочетъ объяснить и доказать. Затѣмъ мы нашли у Милля совершенно особое, послѣдовательно, правда, но проведенное, но хорошо гармонирующее съ общей практикой научнаго сознанія оправданіе процесса установки общаго положенія изъ частныхъ фактовъ, когда этотъ процессъ имѣетъ дѣло съ явленіями, постоянно всюду и въ обиліи встрѣчающимися въ опытѣ. По этому объясненію то, что считается простѣйшей индукціей, оказывается на дѣлѣ очень сложнымъ процессомъ исключенія, въ которомъ вслѣдствіе

¹⁾ См. выше С. II.

обилія случаевъ, согласующихся съ положеніемъ, устраняется предположеніе о случайности совпаденія тѣхъ явленій, о связи которыхъ говорить оно, т. е. устанавливается эмпирическій законъ, а вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія обстоятельствъ, при которыхъ происходятъ эти случаи, исключаются возможные предположенія о непрямой, посредственной, сложной законсообразности, и такимъ образомъ эмпирическій законъ получаетъ значеніе закона природы. Съ другой стороны, въ рядѣ разъясненій, касающихся Спенсера критерія достовѣрности, мы имѣли возможность убѣдиться, что если не просто Спенсера необходимая мыслимость положенія, на которой можетъ въ продолженіи того или другого времени и не отразиться замѣтно для сознанія критическая провѣрка положенія позднѣйшимъ, болѣе широко развившимся опытомъ, то эта же необходимая мыслимость только въ соединеніи съ добавочнымъ условіемъ, съ отсутствіемъ серьезныхъ недоумѣній противъ положенія, характеризующагося ею, должна удовлетворять еще строже, чѣмъ Миллева индукція, требованіямъ этого процесса исключенія и, слѣдовательно, еще рѣшительнѣе вести къ установкѣ закона природы, чѣмъ Миллева индукція или вообще методическое изслѣдованіе.

Однако при критикѣ Милля мы замѣчали, что установка закона природы при помощи такого индуктивнаго процесса все же не можетъ завѣрять въ его безусловной достовѣрности, такъ какъ никогда нельзя быть вполне увѣреннымъ, что такимъ путемъ исключены дѣйствительно всѣ возможные предположенія о законсообразности косвенной, посредственной или сложной, а не тѣ только, поводъ къ которымъ даетъ предшествующій, при всей своей обширности все же ограниченный опытъ. Сверхъ того, — и это особенно важно — мы видѣли также ¹⁾, что такимъ путемъ устанавливается законъ природы, а не устанавливается его неизмѣнность, слѣдовательно сужденія, въ собственномъ смыслѣ всеобщаго, все же не получается, какъ правильно училъ уже Юмъ.

И оба эти ограниченія безусловной достовѣрности индуктивнаго процесса, конечно, должны быть приложимы и къ Спенсерову критерію, хотя бы взятому и въ соединеніи съ указаннымъ дополнительнымъ требованіемъ. Первое приложимо уже потому, что даже исторія знанія, какъ было разъяснено, свидѣтельствуетъ, что матеріалъ, на которомъ происходитъ критическая провѣрка необходимо мыслимаго

¹⁾ См. выше С. III.

положенія, можетъ оказываться недостаточнымъ, по крайней мѣрѣ, для провѣрки руководящихъ порождающими необходимую мыслимость познавательными процессами предположеній. Последнее приложимо по общей для всякой эмпиристической теоріи причинѣ, ясно сознанный уже Юмомъ. Безусловная неизмѣняемость устанавливаемого закона волюгъ обезпечивалась бы самой установкой закона лишь въ томъ случаѣ, если бы законъ устанавливался изъ самаго содержанія связываемыхъ имъ явленій, выводился изъ самаго понятія объ этихъ явленіяхъ, вслѣдствіе чего онъ никогда, ни при какихъ условіяхъ не могъ бы оказаться инымъ для явленій, имѣющихъ то же содержаніе, подходящихъ подъ то же понятіе. Но по эмпиризму законосообразная связь явленій можетъ быть констатируема только опытомъ. А поэтому, какъ твердо она ни могла бы быть констатируема, она можетъ быть констатируема только въ качествѣ налично существующаго факта, безъ котораго нельзя понять облія соответствующихъ ей случаевъ совпаденія явленій при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, но который самъ остается непонятнымъ со стороны условій, опредѣляющихъ его самого; а поэтому о продолжительности господства надъ явленіями этой законосообразной связи въ будущемъ, какъ зависящей отъ этихъ неизвѣстныхъ намъ условій, мы дать рѣшительнаго сужденія не можемъ.

Милль, какъ мы знаемъ, хотя и пытался бороться съ сознаваемымъ имъ недочетомъ логическаго оправданія общаго сужденія изъ частныхъ фактовъ съ помощью своей неудачной теоріи о возможности превращенія каждой индукціи въ силлогизмъ, какъ такую форму вывода, которая съ общенаучной точки зрѣнія допускаетъ твердыя заключенія, тѣмъ не менѣе самъ чувствуетъ неодолимость затрудненій, и поэтому скромно довольствуется утвержденіемъ, что установка общаго сужденія изъ частныхъ фактовъ законна лишь подъ условіемъ ограниченія этой всеобщности предѣлами пространства и времени подлежащихъ наблюденію явленій.

Спенсеру эта сторона дѣла представляется въ иномъ свѣтѣ. Доказательство въ смыслѣ твердаго обоснованія положенія, правда, также и въ его сознаніи рисуется въ формѣ вывода положенія изъ болѣе общей истины. Противъ чистаго эмпиризма, подъ которымъ онъ разумѣетъ эмпиризмъ, не признающій какъ унаслѣдованныхъ познавательныхъ формъ, такъ равно и ссылокъ на ассоціативную связь представлений, онъ возражаетъ ¹⁾: „черезъ всю аргументацію такого эмпи-

¹⁾ Pr. of Psych. II, 390—392, p. n. IV, 88—89.

ризма проходить безмолвное предположеніе, будто бы можетъ существовать такая философія, въ которой ничего не утверждается, что не доказано". И онъ находитъ, что „послѣдствіемъ такого отказа признать нѣкоторую основную истину, не доказанную и неспособную быть доказанной, является то, что всякая система его (чистаго эмпиризма) заключеній является лишенной основанія по той причинѣ, что доказывать какое-либо специальное положеніе значитъ ассимилировать или уподоблять это предложеніе нѣкоторому классу предложеній, которые были признаны за истинныя. И если возникаетъ какое-нибудь сомнѣніе касательно общаго предложенія, приведеннаго для оправданія этого specialнаго предложенія, то единственное средство для уничтоженія такого сомнѣнія — показать, что это общее предложеніе можетъ быть выведено изъ предложенія еще большей общности. И если къ намъ будутъ приставать за доказательствомъ и этого болѣе общаго предложенія, то намъ не остается никакого исхода, какъ снова повторить тотъ же процессъ". Однако, несмотря на выразившеся въ этихъ словахъ признаніе, что твердаго доказательства можно искать не въ частныхъ фактахъ, а лишь въ выводѣ изъ болѣе общаго сужденія, Спенсеръ считаетъ правильнымъ выходомъ изъ указаннаго затрудненія признаніе необходимой мыслимости за критерій достовѣрности. Но это, очевидно, недоразумѣніе. Вѣдь если и при эмпиризмѣ Спенсеръ не считаетъ возможнымъ отрицать, что твердое обоснованіе положенія должно опираться на болѣе общую истину, то какимъ образомъ требованіе безконечнаго регресса все къ болѣе и болѣе общимъ истинамъ для обоснованія какого бы то ни было положенія можетъ быть устранено безъ ущерба для научной состоятельности выводнаго сужденія признаніемъ законности доказательства, заканчивающагося ссылкой на необходимо мыслимое положеніе, когда признается, что оправданіемъ самаго этого необходимо мыслимаго положенія служатъ частные факты, для которыхъ необходимая мыслимость служить лишь представительницей въ сознаніи?

Если Спенсеръ остается нечувствителенъ къ этому противорѣчію, то едва ли объясненіе этого нужно искать въ томъ, что онъ находитъ, что для оправданія необходимо мыслимаго сужденія можно ссылаться не на ограниченное число частныхъ фактовъ, съ которыми можетъ имѣть дѣло сознательный индуктивный процессъ, а на то безконечное ихъ обиліе и разнообразіе, которое предполагается лежащимъ въ основаніи необходимой мыслимости. Если серьезно признается, что вѣра въ необходимо мыслимое сужденіе можетъ находить оправданіе только

въ этихъ фактахъ, то какъ же можно счесть безусловно твердымъ это оправданіе, когда утверждается, что рѣшительное доказательство истинности сужденія можетъ быть почерпнуто единственно изъ сужденія болѣе общаго? Вѣрнѣе предположить, что, хотя Спенсеръ и указываетъ для оправданія логическаго значенія необходимой мыслимости на безконечное обиліе фактовъ, лежащихъ у нея въ основаніи, тѣмъ не менѣе онъ готовъ приписать ей всю полноту этого логическаго значенія въ силу просто того, что она есть необходимая мыслимость, безъ отношенія къ тѣмъ фактамъ, обиліемъ которыхъ по эмпиризму должно объясняться ея происхожденіе. И у Спенсера можно найти такія разъясненія, которыя, дѣйствительно, даютъ поводъ думать, что Спенсеръ въ прямое противорѣчіе съ цитованнымъ выше утвержденіемъ его, что опыты отношеній между явленіями въ прошедшемъ служатъ единственнымъ основаніемъ нашего знанія о нихъ, и въ противорѣчіе общимъ принципамъ эмпиристической теоріи склоненъ былъ вѣрить, что необходимая мыслимость даже и сама по себѣ, независимо отъ фактовъ, которые по эмпиризму должны объяснять ея происхожденіе, должна имѣть рѣшающее значеніе для логическаго оправданія положенія, характеризующагося ею. Ту самую главу „Основаній психологій“, которая посвящена оправданію критерія, Спенсеръ начинаетъ такъ: „Чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли извѣстное сказуемое неизмѣнно существуетъ съ извѣстнымъ подлежащимъ, намъ ничего не остается, какъ только поискать такого случая, гдѣ бы это подлежащее существовало безъ этого сказуемаго“. И затѣмъ указавъ, что этотъ розыскъ сводится къ попыткамъ представить себѣ отрицаніе изслѣдуемаго положенія, онъ продолжаетъ: „и моя неудача представить себѣ это отрицаніе есть открытіе того, что здѣсь вмѣстѣ съ подлежащимъ неизмѣнно существуетъ и сказуемое. Слѣдовательно,—такъ заключаетъ онъ эти свои разъясненія,—немыслимость отрицанія даннаго познанаго есть тотъ признакъ, который доказываетъ, что это познанаго принадлежитъ къ самому высокому рангу; это есть тотъ критерій, въ силу котораго мы узнаемъ его состоятельность, состоятельность самаго высокаго возможнаго характера... Если отрицаніе познанаго немисливо, то открытіе этого обстоятельства равносильно открытію того, что мы обязаны принимать его. А познанаго, которое мы обязаны такимъ образомъ принимать, есть познанаго, классифицируемое нами, какъ имѣющее самую высокую возможную достовѣрность. Утверждать немисливостъ его отрицанія значить въ то же время утверждать психологическую необо-

димось для насъ его думать и давать наше логическое оправданіе его за несомнѣнное“. Въ этихъ словахъ, повидимому, достаточно ясно, немислимость отрицанія положенія уже сама по себѣ, безъ отношенія къ вопросу объ условіяхъ ея происхожденія, который вводится уже далѣе для разрѣшенія Миллевыхъ возраженій, не только признается условіемъ психологической необходимости для насъ принимать его, но и провозглашается законнымъ критеріемъ достовѣрности, наивысшимъ логическимъ оправданіемъ этой достовѣрности.

Но если дѣйствительно такъ нужно понимать мысль Спенсера, то, конечно, нельзя не признать ее страннымъ недоразумѣніемъ, которое могло возникнуть только подъ влияніемъ несогласимыхъ съ эмпиризмомъ взглядовъ или другихъ гносеологическихъ направленій или общаго сознанія. Когда дѣло идетъ о логической состоятельности того или другого положенія, то какое же значеніе можетъ имѣть необходимая мыслимость этого положенія въ главахъ философа, который считаетъ ее за простой результатъ влияния на сознаніе соответствующихъ этому положенію фактовъ, кромѣ того значенія, какое должны имѣть самые эти факты? Какое она можетъ дать логическое право принимать это положеніе за истинное, кромѣ того права, которое могло бы быть соединено съ самими этими фактами? Ассоціанистъ можетъ, конечно, утверждать, что факты, породившіе необходимую мыслимость извѣстнаго положенія, въ огромной массѣ уже невоспоминаемы, что безконечная масса ихъ прошла въ сознаніи цѣлаго ряда предшествовавшихъ поколѣній, лишь оставивъ соответствующіе слѣды въ самой психической организаціи поколѣній послѣдующихъ, и что поэтому необходимая мыслимость положенія въ сознаніи индивидуума является единственнымъ показателемъ многовѣковаго опыта, который возстановить невозможно. Но все же ея логическое познавательное значеніе для этого ассоціаниста должно будетъ заключаться не въ ней самой, а исключительно въ этомъ многовѣковомъ опытѣ, о которомъ она свидѣтельствуетъ, что онъ дѣйствительно былъ, т. е. ея доказательная сила должна будетъ исключительно сводиться къ фактамъ, породившимъ ее, а она сама должна будетъ ограничиться только ролью представительницы того полномочія, которое должно принадлежать имъ.

При эмпиристической теоріи знанія о безусловной достовѣрности знанія, очевидно, не можетъ быть и рѣчи. Но если бы возраженія противъ эмпиристическаго критерія достовѣрности ограничивались исключительно мыслию, что изъ фактовъ нельзя получить безусловно досто-

вѣрныхъ общихъ положеній, то вопросъ о возможности объяснить съ эмпиристической точки зрѣнія научное знаніе, едва ли было бы справедливо даже и ставить. Слишкомъ рискованнымъ было бы утверждать, что всякое обоснованіе сужденія, не могущее претендовать на значеніе безусловно твердаго доказательства, должно быть отнесено къ психологическимъ условіямъ вѣры и не можетъ имѣть никакого притязанія на то, чтобы считаться условіемъ знанія. Правда, логика и доселѣ не представила безусловно твердыхъ формулъ для выводовъ отъ частныхъ фактовъ къ общимъ сужденіямъ и не разъяснила со всею очевидностью того значенія, какое могутъ имѣть для логическаго оправданія этихъ сужденій такіе выводы. Можетъ быть, кому-нибудь покажется странной и самая мысль о безусловно достовѣрныхъ или, если угодно, умозрительно очевидныхъ формулахъ для вывода, не могущаго претендовать на безусловную достовѣрность. Но эта мысль не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія. Почему совершенно понятными и очевидными для мысли могли бы быть права только безусловнаго, а не относительнаго также или условнаго оправданія положенія? Наука создала теорію такъ называемой математической вѣроятности, которой многіе, конечно, не откажутъ въ умозрительной очевидности, а между тѣмъ эта теорія учитъ о такомъ обоснованіи положеній, которое не можетъ претендовать на безусловную достовѣрность. И налично существующее научное знаніе въ своей практикѣ на многія положенія, которыя съ точки зрѣнія какой-угодно теоріи знанія должны основываться на тѣсной ассоціативной связи (какъ это показано было выше ¹⁾), смотреть и не можетъ не смотрѣть, какъ на положенія, относящіяся къ области знанія, и довѣрчиво пользуется ими при обоснованіи другихъ положеній, имѣющихъ также въ ея глазахъ научное значеніе. Въ виду всего этого, изъ того факта, что послѣднія высшія посылки знанія должны опираться по эмпиризму на частныхъ фактахъ и поэтому не могутъ считаться безусловно доказанными, еще нельзя выводить, что положенія науки по эмпиризму не могутъ имѣть логическаго оправданія, и поэтому въ признаніи умозрительной очевидности послѣднихъ посылокъ знанія нельзя видѣть спасеніе научнаго знанія отъ скептицизма, какъ думалъ Кантъ, который не пытался, да и не могъ по состоянію психологическихъ знаній въ то время вполне оцѣнить громадную роль ассоціаціи въ установкѣ фактическаго матеріала знанія. И не признавая безусловной достовѣр-

---

¹⁾ См. выше Е. II, вторая половина.

ности высшихъ посылокъ знанія, эмпиризмъ все же имѣлъ бы возможность отличить научное знаніе отъ ненаучныхъ предположеній и мнѣній тѣмъ, что первое считалъ бы совокупностью такихъ положеній, которыя получаютъ, хотя и не безусловно твердое, но все же наивысшее доступное человѣческому сознанію логическое оправданіе съ помощью такихъ методовъ, которые по суду логической мысли ведутъ къ такому именно оправданію.

Но при критикѣ Миллевой теоріи знанія было показано ¹⁾, что для этой теоріи въ вопросѣ объ оправданіи послѣднихъ посылокъ знанія затрудненіе состоитъ не въ томъ только, что достовѣрность этихъ посылокъ при предполагаемомъ у Милля ихъ обоснованіи должна съ общенаучной точки зрѣнія представлять въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несомнѣнные недочеты при сличеніи съ масштабомъ безусловной достовѣрности, но оно простирается и на самую существенную сторону всякаго выводнаго процесса. Отрицаніе возможности умозрительнаго знанія, проведенное новымъ эмпиризмомъ во всей его послѣдовательности подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ условій, по необходимости должно было простираться и на формулы выводовъ, т. е. на сужденія, въ которыхъ утверждается въ общей отвлеченной формѣ та связь между посылками и выводнымъ сужденіемъ въ разнообразныхъ выводныхъ процессахъ, которая при предположеніи достовѣрности посылокъ должна оправдывать вѣру въ выводное сужденіе. Вслѣдствіе этого, какъ это было выше подробно разъяснено, не можетъ быть установлена вообще логическая состоятельность никакого вывода, и основанія каждаго сужденія—все равно, каковы бы они ни были,—превращаются въ простыя психологическія условія вѣры. Въ такомъ случаѣ наивысшая возможная для нашего знанія достовѣрность, которая должна была въ эмпиризмѣ различать научно установленныя положенія отъ мнѣній, должна превратиться также въ простую психологическую вѣру, которая будетъ различаться отъ другихъ случаевъ подобной вѣры лишь тѣмъ, что условія, ее порождающія, до извѣстнаго времени оказывались не парализующимися въ своемъ вліяніи на сознаніе общюю совокупностію предшествующей познавательной жизни, какъ это бываетъ съ другими условіями вѣры.

Такъ какъ это основаніе отрицать всякую возможность логическаго оправданія какихъ бы то ни было выводовъ связано съ такими взглядами Милля, которые, составляя общую характеристическую

¹⁾ См. выше С, III, послѣдняя часть этого отдѣла.

черту новаго эмпиризма, раздѣляются и Спенсеромъ, то сказанное о Миллѣ должно быть приложимо и къ Спенсеру. Правда, послѣднія посылки знанія по Спенсеру должны приниматься на основаніи своей необходимой мыслимости и не предполагаютъ процесса вывода въ смыслъ сознательнаго обзора и сличенія съ сужденіемъ фактовъ, способныхъ быть поставленными въ логическія отношенія съ нимъ. Но такъ какъ необходимая мыслимость въ этомъ случаѣ служить все же лишь представительницею фактовъ, вліянію которыхъ на сознаніе, какъ предполагается эмпиризмомъ, сопровождалось ея образованіемъ, и которые должны служить логическимъ оправданіемъ достовѣрности, приписываемой сужденію, то и въ системѣ Спенсера признаніе сужденія логически оправданнымъ предполагаетъ такое отношеніе между фактами и сужденіемъ, при которомъ первые способны оправдывать послѣднее. И это отношеніе, очевидно, будетъ то же, какимъ оказалось бы отношеніе между тѣми же фактами и тѣмъ же сужденіемъ въ томъ случаѣ, когда сужденіе въ сознательномъ познавательномъ процессѣ выводилось бы изъ этихъ фактовъ, какъ изъ своихъ посылокъ,—слѣдовательно то же, какъ и отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ въ логической формулѣ этого выводнаго процесса или между условіемъ и условнымъ, если формула представляетъ условное сужденіе. Пусть эту формулу можно будетъ выразить, напримѣръ, въ такомъ сужденіи: если бы въ продолженіи огромнаго періода времени всѣ факты извѣстнаго рода, встрѣчаясь постоянно и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, всегда безъ исключенія сопровождались опредѣленными другими фактами, то всѣ факты перваго рода по праву должны считаться стоящими въ необходимой связи съ фактами втораго рода. Совершенно понятно, что если бы мы задались вопросомъ о томъ, на чемъ должно основываться это сужденіе, то должны будемъ прийти къ тому же результату, къ какому пришли и при критикѣ Миллева взгляда. Представитель эмпиризма не можетъ сослаться на умозрительную очевидность этого сужденія, т. е. на очевидность его изъ самаго содержанія входящихъ въ него представленій, такъ какъ онъ отрицаетъ всякую умозрительную очевидность. Тѣмъ менѣе можетъ быть доказано это сужденіе частными случаями, подъ него подходящими, т. е. ранѣе бывшими примѣрами логически законной установки общаго сужденія на основаніи постоянной встрѣчи сознанія съ частными фактами, ему соответствующими. Такъ какъ сужденію, объ оправданіи котораго теперь идетъ рѣчь, должно представлять общую логическую формулу для всѣхъ логически состоятельныхъ выводовъ отъ

частныхъ фактовъ къ общему сужденію, то оправданіе самой этой формулы путемъ того же вывода будетъ уже предполагать состоятельность ея самой и именно вдвойнѣ. Во-первыхъ, всякій частный примѣръ подобнаго вывода, приводимый въ ея подтвержденіе, долженъ уже предполагать состоятельность формулы, по которой онъ сдѣланъ, для того, чтобы быть признаннымъ состоятельнымъ, слѣдовательно пригоднымъ для ея подтвержденія; вѣдь если поставленъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли изъ фактовъ слѣдуетъ выводъ общаго сужденія, то, пока не разрѣшенъ этотъ вопросъ, каждый фактически совершавшійся подобный выводъ долженъ разсматриваться просто какъ фактъ возникновенія вѣры въ общее сужденіе при данности въ сознаніи опредѣленнаго ряда соотвѣтствующихъ сужденію фактовъ, а не какъ выводъ, въ которомъ общее сужденіе слѣдуетъ изъ частныхъ фактовъ, т. е. способно логически оправдываться ими. Во-вторыхъ, самый выводъ формулы изъ этихъ примѣровъ, чтобы быть состоятельнымъ, предполагаетъ уже ея состоятельность. Такимъ образомъ эмпиризмъ не даетъ основаній толковать отношеніе фактовъ, порождающихъ необходимую мыслимость, къ признанію общаго сужденія въ томъ смыслѣ, что факты логически (все равно абсолютно или относительно) оправдываютъ это признаніе; онъ можетъ утверждать только, что эти факты обыкновенно сопровождаются этимъ признаніемъ или вѣрой. Онъ не можетъ говорить объ этихъ фактахъ, какъ доказательствахъ общаго сужденія, а лишь какъ о психологическихъ условіяхъ вѣры въ него, и можетъ отличать это условіе вѣры отъ другихъ ея условій лишь тѣмъ, что оно доселѣ не парализуется въ своемъ вліяніи на сознаніе общою совокупностію прожитой познавательной жизни подобно тому, какъ оказались способными парализоваться ею другія условія, которыя также сопровождаются признаніемъ общаго сужденія на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія познавательной жизни.

II.

Но если Спенсера теорія знанія, подобно Миллевой, при разъясненіи научнаго знанія въ его различіи отъ ненаучныхъ мнѣній, не можетъ опираться на ту мысль, что научное знаніе должно представлять совокупность наиболѣе твердо обоснованныхъ или логически оправданныхъ положеній, то оно, въ противоположность Миллевой, содержитъ въ себѣ такой взглядъ на лежащія, по мнѣнію Спенсера, въ основѣ знанія необходимо мыслимыя положенія, который, если

счесть его вѣрнымъ, даетъ основаніе, даже и при отрицаніи возможности логически оправдывать научныя сужденія, признать вѣру въ эти сужденія за такой суррогатъ знанія, который практически долженъ оказаться вполне пригоднымъ занять его мѣсто.

Признавая необходимую мыслимость критеріемъ достовѣрности, Спенсеръ въ то же время видитъ въ ней не только психологическое условіе вѣры, но условіе, порождающее вѣру съ безусловною психологическою принудительностію. „Утверждать немислимость отрицанія (опредѣленнаго) познанаія, говорить онъ въ приведенномъ выше мѣстѣ его „Основаній психологій“, значить въ то же время утверждать психологическую необходимость для насъ думать его, и давать логическое оправданіе признанія его за несомнѣнное“. Вѣра психологически необходимая, слѣдовательно неспособная допускать никакихъ колебаній, конечно, и безъ логическаго оправданія должна, будучи положена въ основу научнаго знанія, проводить рѣзкую, вполне опредѣленную грань между положеніями этого знанія и всѣми другими мнѣніями. А поэтому въ Спенсеровомъ ученіи о психологической необходимости вѣры мы имѣемъ взглядъ, который заслуживаетъ того, чтобы изслѣдовать его съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ.

Выше намъ приходилось подробно разъяснять, что ассоціативный процессъ по существу представляетъ тотъ же типъ, что и Миллево методическое изслѣдованіе, ставящее своей задачей логическое оправданіе сужденія. Однако, тамъ же было указано и на различіе его отъ послѣдняго. При немъ мышленіе не ставитъ своей задачей изслѣдованіе того или другаго положенія, и тѣ факты, которые сопровождаются укрѣпленіемъ ассоціаціи между представленіями, соотвѣтствующей опредѣленному сужденію, не сопоставляются сознаніемъ съ этимъ сужденіемъ въ качествѣ фактовъ, его оправдывающихъ. Простымъ прохожденіемъ своимъ черезъ сознаніе въ опредѣленныхъ сочетаніяхъ они производятъ по чисто психологическому закону соотвѣтствующую связь представленій, и съ этой связью представленій невольна и неосознательно соединяется вѣра въ связь явленій во внѣшней дѣйствительности, соотвѣтствующихъ этимъ представленіямъ. И эта вѣра при обычномъ теченіи психической жизни не нуждается ни въ какой мотивировкѣ и можетъ не сопровождаться не только никакими оправдывающими ее основаніями, но даже и сознаніемъ нужды въ такихъ основаніяхъ. Такимъ образомъ, Спенсеръ имѣетъ право говорить о неразрывной ассоціативной связи представленій, къ которой сводится

у него необходимая мыслимость, какъ о чисто психологическомъ условіи вѣры.

Стоя на ассоціанистической точкѣ зрѣнія, Спенсеръ вполне послѣдовательно можетъ говорить даже объ этомъ условіи вѣры, какъ такомъ условіи, подъ влияніемъ котораго вѣра можетъ получать наивысшую интензивность.

Уже Юмъ, какъ мы знаемъ, счелъ возможнымъ объяснить ассоціацией возникновеніе того феномена совершенной неимовѣрности для насъ исключенія изъ сужденія, въ которомъ предшествующіе ему мыслители видѣли признакъ умозрительнаго характера сужденія. Уже тогда же и опредѣлилось, что ассоціанистическое объясненіе этой неимовѣрности должно сводиться къ мысли, что чѣмъ тѣснѣе образованная ассоціативная связь между извѣстными представленіями, тѣмъ болѣе интензивная должна образоваться въ непосредственномъ сознаніи вѣра въ сужденіе, соотвѣтствующее ассоціации, а слѣдовательно, тѣмъ неимовѣрнѣе должно быть для этого сознанія противорѣчіе этому сужденію или исключеніе изъ него. Понятно, что по Юму на самой высшей ступени интензивности ассоціативной связи и эта вѣра и эта неимовѣрность должны достигать наивысшей интензивности.

Когда позднѣйшій эмпиризмъ счелъ необходимымъ свести къ ассоціации же и феноменъ немыслимости исключенія изъ сужденія, понимаемый въ смыслѣ невообразимости этого исключенія, то, естественно, онъ призналъ, что этотъ феноменъ долженъ возникать въ сознаніи тогда, когда ассоціативная связь между представленіями достигаетъ такой наивысшей степени, которой совсѣмъ не знала философія Юма. Самый фактъ ассоціативной связи между представленіями состоитъ собственно въ томъ, что представленіе объ извѣстномъ явленіи, постоянно соединявшемся въ нашемъ опытѣ съ опредѣленнымъ другимъ явленіемъ, при своемъ вызовѣ въ сознаніи оказывается соединеннымъ съ представленіемъ объ этомъ другомъ явленіи, и эта связь между представленіями получаетъ настолько принудительный характеръ, что для нашего сознанія оказывается затруднительнымъ отдѣлять одно представленіе отъ другого. Понятно, что для того, чтобы получилась совершенная невообразимость исключенія изъ сужденія, соотвѣтствующаго ассоціации, необходимо было требовать, чтобы это затрудненіе достигло той наивысшей степени, которой по предполагалъ Юмъ и при которой оно должно оказаться совершенно непреодолимымъ для нашего сознанія, то-есть, чтобы ассоціативная связь

достигла совершенной неразрывности. Это объясненіе феномена немислимости, по которому онъ долженъ возникать на непредполагавшихся Юмомъ ступеняхъ того же ассоціативнаго процесса, на менѣе высокихъ ступеняхъ котораго долженъ былъ возникать феноменъ неимовѣрности, точно такъ же, какъ недостаточно послѣдовательное или во всякомъ случаѣ недостаточно осторожное отнесеніе самими ассоціанистами неимовѣрности и немислимости къ характеристическимъ чертамъ двухъ различныхъ степеней ассоціативной связи представленій могутъ возбуждать представленіе, что именно феноменъ неимовѣрности на высшихъ ступеняхъ ассоціативнаго процесса долженъ былъ смѣняться феноменомъ немислимости. Однако, дѣйствительная послѣдовательность и этой формы ассоціанистической теоріи идетъ не въ этомъ направленіи.

Немислимость, понимаемая въ смыслѣ совершенной невообразимости противорѣчія опредѣленному сужденію, могла получаться ассоціативнымъ путемъ дѣйствительно только тогда, когда затрудненіе отдѣлить одно представленіе отъ другого достигло бы той наивысшей степени, которой не предполагалъ Юмъ и на которой оно дѣлается со-всѣмъ неодолимымъ для сознанія. Немислимость въ ея эмпиристическомъ истолкованіи была бы даже въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ самую эту достигшую наивысшей степени трудностью отдѣлить одно представленіе отъ связаннаго съ нимъ неразрывной ассоціаціей другого, то-есть представляла бы собою только обратное выраженіе для самой этой неразрывной ассоціативной связи, съ которою прямо отождествлялась необходимая мыслимость. Но если отсюда слѣдуетъ, что немислимость не можетъ совпадать съ менѣе высокими степенями ассоціативной связи, на которыхъ уже должна возникать неимовѣрность, то никакъ не слѣдуетъ, что съ нею не можетъ совпадать эта послѣдняя. Неимовѣрность сама по себѣ, по своему понятію никакъ не есть, подобно немислимости, та или другая степень связи между представленіями и происходящаго отсюда затрудненія отдѣлить одно представленіе отъ другого. По самому понятію о ней мы имѣемъ непосредственно въ самомъ феноменѣ неимовѣрности дѣло не съ образомъ или съ представленіемъ, а съ вѣрою, не съ тою или другою степенью связи между представленіями, а съ сужденіемъ объ существованіи или несуществованіи въ фактической дѣятельности опредѣленной связи между явленіями, соотвѣтствующими этимъ представленіямъ. Связь возникновенія неимовѣрности съ тѣми или другими степенями ассоціаціи можетъ означать только связь явленія

съ его условіемъ. И поэтому нѣтъ никакого препятствія къ тому, чтобы неимовѣрность, соединяясь съ менѣе высокими степенями ассоціативной связи, соединялась въ то же время и съ самыми высшими ея степенями, которыхъ не предполагалъ Юмъ и на которыхъ по позднѣйшему эмпиризму должна была возникать немыслимость. И если по эмпиризму ассоціація представленій въ силу того и порождаетъ въ сознаниі неимовѣрность сочетанія, противорѣчащаго сужденію, соотвѣтствующему ассоціаціи, что затрудняетъ обособленіе ассоціировавшихся представленій, а немыслимость предполагаетъ самое высшее, непреодолимое затрудненіе къ этому обособленію, то, очевидно, и для новѣйшаго эмпиризма должно оставаться во всей силѣ требованіе на самую высшую ассоціацію, которая отождествилась у него съ необходимо мыслимостью, смотрѣть, какъ на условіе самой интенсивной вѣры, и на отрицательное выраженіе ея, на немыслимость противорѣчія этой ассоціаціи смотрѣть, какъ на условіе самой полной неимовѣрности.

Такимъ образомъ, Спенсеръ въ силу простой послѣдовательности ассоціанистическаго объясненія необходимой мыслимости могъ бы утверждать, что необходимая мыслимость служитъ психологическимъ условіемъ самой интенсивной вѣры въ необходимо мыслимое. Но такое утвержденіе вовсе не равнялось бы еще его ученію о психологической необходимости вѣры въ необходимо мыслимое. Оно равнялось бы этой послѣдней мысли лишь при дополнительномъ утвержденіи, что на нашу способность принимать что-либо за истинное, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о положеніяхъ, термины которыхъ связаны неразрывной ассоціаціей, ничто неспособно производить вліяніе, кромѣ характеризующей ихъ необходимой мыслимости, то-есть, что въ этихъ случаяхъ это чисто психологическое условіе вѣры оказывается единственнымъ условіемъ, вліяющимъ на способность вѣрить. Но, по обычному взгляду, всякая вѣра, возникающая ассоціативнымъ путемъ, правда, представляетъ собою очень обычно встрѣчающійся въ жизни сознаниія фактъ, но фактъ, который въ качествѣ познавательнаго акта подлежитъ критической оцѣнкѣ нашего же сознаниія со стороны его логической состоятельности, со стороны того, оправдывается ли или достаточно ли оправдывается вѣра условіями, невольно ее возбуждающими. И опять, по обычному взгляду, эта оцѣнка логической значимости тѣхъ или другихъ условій, психологически производящихъ вѣру, не можетъ не производить вліянія на самую вѣру. Понятно, что съ этой точки зрѣнія признать ассоціативную необходимую мыслимость

психологическимъ условіемъ самой интенсивной вѣры въ необходимо мыслимое еще не значить эту вѣру признать безусловно принудительной, психологически необходимой.

На этой точки зрѣнія стоитъ Милль. Онъ признаетъ ¹⁾, что кажущаяся невозможность отрицанія сужденія въ точности соразмѣрна степени трудности скомбинировать два представленія въ одинъ образъ и что если ассоціація не настолько интенсивная, чтобы сдѣлать невозможнымъ случай, ей противорѣчащій, оказывается способной затруднять или даже на время дѣлать совершенно невозможнымъ довѣріе къ существованію такого случая, то ассоціація, достигшая такой интенсивности, что порождаетъ немыслимость противорѣчащаго ей случая, можетъ, конечно, сдѣлать невозможнымъ это довѣріе на все время, пока продолжается опытъ, ее породившій. Такимъ образомъ, Милль считаетъ ассоціативно образовавшуюся необходимую мыслимость совершенно достаточнымъ психологическимъ условіемъ для порожденія самой интенсивной вѣры. Но въ то же время онъ признаетъ, какъ мы знаемъ, законность критическаго вопроса о логической состоятельности этой вѣры и считаетъ вполне возможнымъ признать истинность положенія, противорѣчащаго необходимо мыслимому сужденію, когда это критическое разсмотрѣніе приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ.

Правда, это ограниченіе фактическаго господства надъ сознаниемъ вѣры, психологически порождаемой вліяніемъ неразрывной ассоціаціи, повидимому, можетъ законно отрицаться Спенсеромъ уже потому, что, признавъ въ противоположность Миллю ту же необходимую мыслимость критеріемъ истины, онъ можетъ не опасаться антагонизма между психологически необходимой вѣрой, порождаемой ею, и результатамъ критическаго изслѣдованія необходимо мыслимыхъ положеній. И еще законнѣе, повидимому, можетъ отрицаться это ограниченіе такимъ представителемъ эмпиризма, который, согласно разъясненной выше послѣдовательности эмпиризма, признавалъ бы совершенную невозможность разрѣшенія вопроса о логической состоятельности послѣднихъ посылокъ и такимъ образомъ, повидимому, вполне устранилъ бы всякую возможность парализаціи исключительнаго психологическаго вліянія ассоціативной необходимой мыслимости на нашу вѣру въ положенія, характеризующіяся этою необходимою мыслимостью. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Конечно, въ сознаниі философа, отождествляющаго критерій досто-

¹⁾ Exam. of Nat. Phil. въ внесенномъ въ поздн. изд. прим. къ стр. 150 цит. изд.

вѣрности съ необходимою мыслимостью, психологическая вѣра въ необходимо мыслимое положеніе обезпечена отъ враждебнаго столкновенія съ такимъ рѣшеніемъ вопроса относительно ея логической состоятельности, которое онъ можетъ признать правильнымъ. Но если устойчивость вѣры, способной породиться чисто психологическимъ путемъ, оказывается гарантированной лишь въ силу того, что по суду разившейся критической мысли условіе, ее порождающее, признается пригоднымъ считаться критеріемъ достовѣрности, то необходимость этой вѣры не можетъ уже считаться чисто психологическою необходимою. Для разившейся критической мысли она будетъ продолжать существовать и сохранять свою интенсивность уже не какъ простое чисто психологическое слѣдствіе фактически образовавшейся необходимой мыслимости, а въ силу разъяснившейся возможности логически оправдать ея состоятельность. И такъ какъ при ассоціанистическомъ ученіи Спенсера о происхожденіи необходимой мыслимости познавательное значеніе она, какъ мы видѣли, могла получить только, какъ представительница громаднаго опыта, то для логическаго оправданія сужденія, которое обезпечивало бы существованіе вѣры послѣ развитія критическихъ запросовъ въ мысли, получалъ бы значеніе фактъ необходимой мыслимости даже не самъ по себѣ, не прямо въ томъ видѣ, въ какомъ онъ оказывается фактически психологическимъ условіемъ вѣры, а лишь въ качествѣ косвеннаго признака полной согласованности сужденія съ безконечно обильнымъ и разнообразнымъ опытомъ. Да и обезпечивается устойчивость психологически порожденной вѣры съ помощію отождествленія необходимой мыслимости съ критеріемъ достовѣрности лишь въ сознаніи тѣхъ, кто убѣдился въ этомъ тождествѣ. У всѣхъ же тѣхъ, кто пришелъ бы—все равно, правильно или неправильно,—къ иному, напримѣръ, Миллеву взгляду въ разрѣшеніи критическаго вопроса о познавательномъ значеніи необходимой мыслимости, эта гарантія устойчивости психологической вѣры послѣ развитія критическаго сознанія, очевидно, не существовала бы.

Точно такъ же не устранила бы указаннаго затрудненія къ признанію безусловной психологической принудительности или необходимости вѣры въ необходимо мыслимое и признанная невозможность логически твердаго разрѣшенія вопроса о состоятельности необходимо мыслимыхъ сужденій. Ею, конечно, предполагается, что психологическая вѣра не можетъ встрѣтиться съ твердо доказаннымъ противорѣчающимъ ей положеніемъ. Но въдѣ ею же также и предполагается, что вѣра эта не можетъ найти для себя логическаго оправданія, т. е.

что этою вѣрою признается за истину то, что не можетъ быть логически оправдано, слѣдовательно по суду мысли не имѣетъ основаній считаться истиннымъ. И если психологическая вѣра и есть, по Спенсеру, именно актъ утвержденія, актъ признанія чего-либо за истину, то почему критическое сознаніе отсутствія основаній, способныхъ оправдывать вѣру, не должно бы было вліять на ту же способность вѣрить, парализуя эту психологически возникающую вѣру? Съ другой стороны, если и принять, что человѣческая мысль неспособна имѣть знанія въ собственномъ смыслѣ, то-есть сужденій, способныхъ быть логически оправданными, то вѣдь это не уничтожаетъ факта, что безчисленные лица были убѣждены и теперь убѣждены въ возможности логическаго оправданія многихъ сужденій, и что многіе изъ нихъ связывали и связываютъ это оправданіе не съ необходимою мыслимостью, а съ различаемымъ отъ нея методическимъ изслѣдованіемъ, результаты котораго въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, по ихъ убѣжденію, становятся въ антагонизмъ съ вѣрой, психологически порождаемой прямой неразрывной ассоціаціей представленій. Почему же ихъ вѣра не должна бы была оказаться въ зависимости отъ результатовъ ихъ изслѣдованія? И какъ, въ виду этого, мы стали бы говорить о безусловной психологической необходимости вѣры въ необходимо мыслимыя сужденія?

Для того, чтобы утверждать психологическую необходимость вѣры въ образовавшіяся неразрывныя ассоціаціи, для этого недостаточно признать, что эти ассоціаціи служатъ психологическимъ условіемъ вѣры наивысшей интенсивности; для этого требуется дополнительное доказательство той мысли, что при такихъ ассоціаціяхъ совершенно невозможно вліяніе на способность вѣры какихъ бы то ни было другихъ условій, способныхъ парализовать вліяніе на нее неразрывной ассоціаціи.

Можно подумать, что вліяніе какихъ бы то ни было другихъ условій на вѣру, психологически порождаемую необходимою мыслимостью, въ философіи Спенсера устраняется уже тѣмъ, что роль необходимой мыслимости въ процессѣ знанія здѣсь расширяется до такой степени, что она оказывается охватывающей всѣ проявленія познавательной дѣятельности, имѣющія притязаніе на научное значеніе, т. е. какъ всѣ положенія, претендующія на непосредственную очевидность (общія высшія послышки знанія и частныя фактическія истины), такъ и положенія, получаемыя выводнымъ путемъ. А обнимая всю умственную дѣятельность, насколько она претендуетъ на научную состоятельность, она должна, конечно, характеризовать собою и всѣ способные имѣть

научное значеніе процессы, которые могли бы имѣть отношеніе къ вопросу о логической состоятельности того или другого изъ необходимо мыслимыхъ положеній. Слѣдовательно, въ этой философіи исключаются сами собою при процессѣ убѣжденія, претендующемъ на состоятельность, какія бы то ни было другія условія вѣры, кромѣ выходящихъ изъ необходимой мыслимости.

Но изъ всего этого слѣдовало бы только то, что тѣ другія условія, которыя, при допущеніи ихъ вліянія на психологическую вѣру, способны бы были парализовать ее, сами могли бы быть только процессами, значеніе которыхъ опирается также на довѣріи къ необходимой мыслимости. И отсюда Спенсеръ могъ бы вывести, что при его критеріи достовѣрности эти процессы не могутъ имѣть болѣе познавательной цѣнности, чѣмъ то сужденіе, съ вѣрой въ которое они становятся враждебно. Но какъ отсюда слѣдовало бы, что эти процессы совсѣмъ не должны оказывать вліянія на эту вѣру? Правда, Спенсеръ, какъ мы знаемъ, признавая необходимую мыслимость непогрѣшительнымъ критеріемъ достовѣрности и поэтому считая невозможнымъ, чтобы на дѣйствительной необходимой мыслимости опирались стояція въ антагонизмѣ другъ съ другомъ сужденія, видитъ въ этихъ коллизіяхъ ошибку сознанія, которое въ доказательствѣ какого-либо одного изъ двухъ противорѣчащихъ одно другому сужденій иллюзорно принимаетъ за необходимо мыслимое то, что на дѣлѣ не имѣетъ дѣйствительной необходимой мыслимости. Но пусть все это было бы дѣйствительно такъ; какъ отсюда слѣдовало бы, что аргументація, которой сознаніе ошибочно придаетъ характеръ необходимой мыслимости, не должна была бы возбуждать въ этомъ сознаніи вѣры, соответствующей этому характеру, и тѣмъ парализовать вѣру въ необходимо мыслимое противорѣчащее ей положеніе? Почему, наконецъ, человекъ, держащійся иныхъ, хотя бы и ошибочныхъ взглядовъ на критерій достовѣрности, не могъ бы, даже и не признавая аргументацію необходимо мыслимой, усвоить ей болѣе достовѣрности, чѣмъ непосредственной ассоціативной необходимой мыслимости, и почему аргументація въ такомъ случаѣ не могла бы въ его сознаніи вполне парализовать психологическую вѣру, возбуждаемую дѣйствительною необходимою мыслимостью?

Изъ общихъ основаній Спенсеровой системы, очевидно, нельзя вывести психологической необходимости вѣры въ необходимо мыслимыя положенія. Не удивительно поэтому, что онъ хочетъ представить въ защиту ея совершенно особое основаніе. Въ особой главѣ „Основаній психологіи“, которая носитъ названіе „Динамика сознанія“ и въ ко-

торой онъ ближе старается разяснить вѣру въ необходимо мыслимое съ ея психологической стороны, онъ кладетъ въ основаніе ту мысль, что когда мышленіе ведется съ должною точностію, т. е. когда душевныя состоянія, называемыя нами словами, переводятся на тѣ душевныя состоянія, которыя они символизируютъ собою (чего часто вовсе не дѣлается), то мышленіе предложенія состоитъ въ совмѣстномъ появленіи въ сознаніи подлежащаго и сказуемаго и предполагаетъ сопоставленіе въ мысли представленій, соотвѣтствующее смыслу сужденія. Разясняя затѣмъ, какъ должны на образованіе сужденія дѣйствовать различныя степени связи представленій, онъ подъ влияніемъ этой положенной въ основаніе мысли естественно приходитъ къ отождествленію неспособности разорвать связь между представленіями съ невозможностію образовать сужденіе, противорѣчащее этой связи представленій. Голый фактъ, говорить онъ, состоитъ въ томъ, что человѣкъ подчиняется въ своей мысли необходимымъ связямъ представленій просто потому, что не имѣетъ никакого другого выбора: онъ управляютъ его мыслями, жаждетъ онъ того или нѣтъ. Затѣмъ, показавъ, что изслѣдованіе твердости вывода состоитъ въ испытаніи твердости связей между посылками и выводнымъ сужденіемъ, онъ заключаетъ такъ: „если существуютъ какія-либо неразрывныя связи, то онъ (человѣкъ, изслѣдующій свои мысли) принужденъ принимать ихъ. Если нѣкоторыя состоянія сознанія абсолютно связаны между собою извѣстнымъ образомъ, то онъ обязанъ думать о нихъ именно этимъ образомъ. Впрочемъ, это предложеніе представляетъ простое тождество. Сказать, что существуютъ необходимыя мысли, значить просто сказать, только въ другой формѣ, что есть мысли, элементы которыхъ не могутъ быть разорваны“.

Всматриваясь въ эти Спенсеровы разясненія, мы, конечно, не можемъ не согласиться, что какъ скоро предположено, что сопоставленіе представленій въ сознаніи, соотвѣтствующее смыслу сужденія, т. е. точный образъ утверждаемаго въ сужденіи составляетъ необходимое условіе самаго процесса образованія сужденія, и что безъ такого образа будетъ простое словесное утвержденіе, а не дѣйствительный актъ сужденія, то не можетъ быть не признано, что, пока сужденіе сохраняетъ характеръ необходимо мыслимаго сужденія, никакое условіе, никакой процессъ, въ которомъ обсуждалась бы его логическая состоятельность, не могъ бы производить никакого, парализующаго вліянія на вѣру, психологически порождаемую необходимою мыслимостью, даже у лица, держащагося какихъ угодно гносеологическихъ взглядовъ. Вѣдь,

при необходимой мыслимости сочетанія, составленіе образа противорѣчащаго ему сочетанія должно быть признано невозможнымъ, и, слѣдовательно, должно быть признано невозможнымъ образованіе соответствующаго сужденія, способнаго парализовать вѣру въ сужденіе необходимо мыслимое. Даже простая постановка критическаго вопроса въ отношеніи къ тому или другому опредѣленному необходимо мыслимому сужденію, простое критическое сознаніе недостаточности необходимой мыслимости для его логическаго оправданія, при указанномъ предположеніи, должно оказаться совершенно невозможнымъ, если, конечно, подъ критическимъ сознаніемъ этой недостаточности разумѣть дѣйствительное сознаніе этой недостаточности, которое способно ослаблять психологическую вѣру, а не простое словесное выраженіе его безъ соответствующаго проявленія его въ мысли. Дѣйствительное критическое сознаніе недостаточности необходимой мыслимости опредѣленнаго сужденія для его логическаго оправданія есть, конечно, признаніе возможности комбинаціи явленій, противорѣчащей этому сужденію. Но это признаніе само должно быть актомъ сужденія. И если актъ сужденія невозможенъ безъ созерцательнаго образа, соответствующаго тому, дѣйствительность или возможность чего утверждается въ сужденіи, то ясно, что это признаніе возможности комбинаціи, противорѣчащей необходимо мыслимому сужденію, само должно быть признано дѣломъ невозможнымъ; и если оно выражается въ словахъ, то это словесное выраженіе должно остаться такимъ сочетаніемъ словъ, съ которымъ не можетъ соединиться соответствующаго мыслительнаго акта.

Несомнѣнно, что этотъ взглядъ, который въ своемъ послѣдовательномъ развитіи долженъ вести къ рѣшительному отрицанію самой возможности даже постановки въ сознаніи критическаго вопроса о логическомъ оправданіи психологической вѣры въ необходимо мыслимыя сочетанія, долженъ превратить эмпиристическую теорію знанія изъ критической теоріи, какой она стремилась быть у Милля, въ явный догматизмъ. Но мы не можемъ отрицать, что этотъ своеобразный догматизмъ представлялъ бы большую выгоду для новаго эмпиризма. Если, какъ мы выше разъясняли, при послѣдовательномъ развитіи общихъ обонимъ важнѣйшимъ представителямъ эмпиризма предположеній, всякое логическое оправданіе сужденій должно переходить въ простое психологическое условіе вѣры, и если поэтому для эмпиризма терялась возможность полагать значеніе научнаго знанія въ томъ, въ чемъ видитъ это значеніе общее сознаніе, т. е. въ томъ, что это

знаніе представляет собою совокупность положеній, наилучше обоснованныхъ, т. е. получающихъ наиболѣе твердое оправданіе своей значимости, то этотъ своеобразный догматизмъ, который психологическую вѣру превращалъ въ вѣру роковую, неспособную быть ничѣмъ парализованной, и допускалъ несогласіе съ ней лишь словесное, не имѣющее никакого эквивалента въ самихъ познавательныхъ процессахъ,— этотъ догматизмъ превращалъ бы, очевидно, вѣру въ такой суррогатъ логически оправданнаго знанія, который практически совершенно пригоденъ былъ бы замѣнить логически оправданное знаніе, такъ какъ эта вѣра, не допуская никакихъ сомнѣній или колебаній, этой чертой не менѣе рѣзко и опредѣленно отличалась бы отъ совокупности ненаучныхъ мнѣній, чѣмъ это знаніе.

Однако, все это такъ должно бы было выходить, если бы указаннымъ путемъ могла быть дѣйствительно твердо установлена мысль о безусловной принудительности психологической вѣры въ необходимо мыслимыя положенія. Но въ самомъ ли дѣлѣ устанавливается она этимъ путемъ?

III.

Центръ тяжести приведенныхъ разсужденій Спенсера, очевидно, состоитъ въ мысли, что не обособленные представленія о субъектѣ, и предметѣ сужденія и о томъ отношеніи, въ какомъ они должны быть поставлены, а дѣйствительная постановка ихъ въ представленіи въ томъ соотношеніи, которое соотвѣтствуетъ смыслу сужденія, должна неизбежно входить въ психологическую сторону акта сужденія, безъ чего этотъ актъ (а не простое словесное его выраженіе) былъ бы психологически невозможнымъ. На какомъ же основаніи Спенсеромъ принимается эта мысль?

Спенсеръ не приводитъ въ доказательство этой мысли никакихъ основаній. И когда онъ прямо высказываетъ ее и когда иллюстрируетъ ее наблюденіями воображаемаго изслѣдователя надъ операціями собственной мысли, имѣющими дѣло съ необходимо мыслимыми сочетаніями, всюду она выступаетъ у него въ качествѣ совершенно очевидной. Какъ же объяснить эту предполагаемую очевидность?

Если послѣдніе элементы знанія, единичные акты познания, по ученію Спенсера ¹⁾, должны представлять изъ себя безмолвыя для

¹⁾ Princ. of Psych., II, 1394. p. л. IV, 92.

явныя утверждѣнія того, что нѣчто обладаетъ или не обладаетъ извѣстною природою, принадлежитъ или не принадлежитъ къ извѣстному классу, имѣеть или не имѣеть извѣстное свойство, то въ каждомъ такомъ элементѣ мыслительности, очевидно, прежде всего можно различать двѣ стороны: во-первыхъ, самое утверждѣніе или вѣру, безъ которой сужденіе не было бы сужденіемъ, т. е. актомъ утверждѣнія, вѣры; во-вторыхъ, указаніе на то соотношеніе явленій, которое въ данномъ случаѣ составляетъ предметъ вѣры, такъ какъ безъ этого даннаго въ самомъ сознаніи указанія не оказывалось бы предмета утверждѣнія или вѣры, а потому также не могло бы состояться сужденія, какъ акта вѣры въ опредѣленное соотношеніе между опредѣленными реальностями. Съ другой стороны, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что самымъ нагляднымъ обозначеніемъ для сознанія опредѣленнаго соотношенія опредѣленныхъ явленій могло бы быть представленіе этого соотношенія этихъ реальностей, т. е. созерцательный образъ, вполне соответствующій предмету вѣры. Возьмемъ теперь во вниманіе, что дѣло идетъ о сужденіи, въ которомъ утверждается никакъ не существованіе опредѣленнаго субъекта, опредѣленнаго предиката и опредѣленнаго абстрактно взятаго отношенія какъ трехъ вещей, отдѣльно существующихъ другъ отъ друга, а утверждается это опредѣленное отношеніе между этими опредѣленными субъектомъ и предикатомъ. И подъ вліяніемъ этого соображенія сейчасъ выраженная мысль объ особой наглядности обозначенія утверждаемой въ сужденіи связи явленій, когда для него пользуются созерцательнымъ образомъ, вполне соответствующимъ этой связи, легко принимаетъ другой видъ; представляется совершенно естественнымъ, что указаніемъ для мысли на утверждаемое ею и можетъ быть только этотъ созерцательный образъ, вполне соответствующій предмету вѣры. И съ этой точки зрѣнія, когда поднимается вопросъ о возможности вѣры въ комбинацію явленій, противорѣчающую комбинацію необходимо мыслимой, невольно является недоумѣніе: какимъ же образомъ предполагающіяся несоединимыми, слѣдовательно, отдѣльныя представленія о субъектѣ, предикатѣ и опредѣленномъ отношеніи могли бы стать для сознанія указаніемъ на предметъ вѣры, которому они не соответствуютъ; не обманываемся ли мы словеснымъ выраженіемъ этого сужденія, предполагая, что, произнося его, мы имѣемъ въ мысли указаніе на то сочетаніе явленій, которое должно бы стать предметомъ вѣры, и не должно ли здѣсь на дѣлѣ все ограничиваться однимъ словеснымъ утверждѣніемъ за отсутствіемъ того указанія въ мысли на предметъ воз-

можной вѣры, безъ котораго, конечно, невозможенъ и самый актъ вѣры?

Эти соображенія, очевидно, имѣютъ свою привлекательную сторону, и мнѣ не представляется невѣроятнымъ, что они не остались безъ вліянія на Спенсера, когда онъ принимаетъ, какъ не требующую доказательства истину, положеніе, что сужденіе предполагаетъ созерцательный образъ, точно соответствующій утверждаемому въ немъ определенному соотношенію определеннаго субъекта съ определеннымъ предикатомъ.

Но какъ ни привлекательными представляются эти соображенія на первый взглядъ, на дѣлѣ они ошибочны.

Когда Спенсеръ начинаетъ цитованную уже нами ранѣе главу „Основаній психологіи“, озаглавленную „Всеобщій постулатъ“, словами: „чтобы увѣриться, дѣйствительно ли сказуемое неизмѣнно существуетъ съ своимъ подлежащимъ, намъ ничего не остается, какъ сдѣлать опытъ надъ вообразимостію случая, противорѣчащаго сужденію“, то онъ, очевидно, предполагаетъ, что самый этотъ вопросъ, дѣйствительно ли извѣстное сказуемое существуетъ неизмѣнно съ извѣстнымъ подлежащимъ, можетъ быть поставленъ и фактически постоянно ставится сознаниемъ. Но въ чемъ же состоитъ этотъ вопросъ? Какъ показываетъ самый предполагаемый способъ его рѣшенія, этотъ вопросъ есть вопросъ о томъ, не существуютъ ли или по крайней мѣрѣ не возможны ли случаи, противорѣчащіе извѣстному общему сужденію, т.-е. случаи, гдѣ тотъ же субъектъ не имѣлъ бы того же предиката. Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ, очевидно, ставится для изслѣдованія и повѣрки предположеніе о возможности случаевъ, противорѣчащихъ извѣстному сужденію. Но вѣдь разрозненные представленія, соединенныя съ словами, изъ которыхъ состоитъ это предположеніе, когда эти слова употребляются въ такой грамматической формѣ, въ которой они дѣйствительно могутъ обозначать только разрозненные представленія, не составляютъ никакого предположенія и, слѣдовательно, не могутъ вызывать и на определенные опыты надъ своимъ сознаниемъ съ цѣлью изслѣдованія и повѣрки не поставленнаго въ мысли предположенія. И если фактически изслѣдованіе и повѣрка дѣлаются, то значить предположеніе было сдѣлано дѣйствительно, а слѣдовательно, со словами соединилось въ сознаніи указаніе на вполне определенное для мысли предположеніе. И если вопросъ по Спенсеру ставится, а слѣдовательно и предположеніе дѣлается именно тогда, когда еще остается неизвѣстнымъ, мыслима ли извѣстная комбинація явленій или

нѣтъ, и если поэтому оно должно дѣлаться и въ томъ случаѣ, когда она фактически совершенно не мыслима и только эта немыслимость еще не сознаана, то это значитъ, что Спенсеромъ должно приниматься, что возможно какое-то вполне опредѣленное указаніе въ мысли и на такія отношенія явленій, созерцательный образъ которыхъ, соотвѣтствующій сужденію, совершенно невозможенъ.

И мысль о операціяхъ въ мышленіи съ такого рода предположеніями, для которыхъ мы не можемъ построить въ своемъ представленіи соотвѣтствующаго имъ созерцательнаго образа, совсѣмъ нельзя отнести къ случайнымъ, неудачнымъ концепціямъ какого-нибудь философа, напримѣръ, въ данномъ случаѣ Спенсера, который легко могъ бы отказаться отъ нея, замѣтивъ ея противорѣчіе съ очень важнымъ положеніемъ своей системы. Такія операціи постоянно встрѣчаются и не въ обычной только мысли, но и въ самой наукѣ. Геометръ, при такъ называемыхъ аналогическихъ доказательствахъ, къ которымъ ему приходится прибѣгать нерѣдко при обоснованіи геометрическихъ теоремъ, гипотетически предполагаетъ построенія, которыя въ дальнѣйшемъ движеніи доказательства оказываются невозможными, а слѣдовательно, по свойству геометрическихъ истинъ, и невообразимыми; и такія предположенія и обнаруженіе ихъ несостоятельности оказываются существеннымъ звеномъ при доказательствѣ теоремы. А это значитъ, что для цѣлей доказательства извѣстной теоремы геометръ гипотетически принимаетъ сужденія, въ которыхъ утверждается такая связь извѣстныхъ предикатовъ съ извѣстными субъектами, которая фактически для насъ совершенно невообразима. И эти предположенія или гипотетически принимаемая сужденія, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могли бы быть замѣнены въ ходѣ геометрическаго доказательства простымъ подборомъ словъ, которыя обозначали бы поставленныя вѣ связи другъ съ другомъ простыя понятія субъектовъ этихъ сужденій, ихъ предметовъ и абстрактно взятыхъ отношеній. Такія совсѣмъ разрозненныя представленія не могли бы, конечно, войти въ общую связь того геометрическаго доказательства, въ которое они фактически входятъ, не могли бы составить связнаго звена въ цѣпи сужденій, составляющихъ доказательство, которое, такимъ образомъ, состояться не могло бы. И если тѣмъ не менѣе доказательство фактически осуществляется и Спенсеръ, конечно, не рѣшится счесть его простымъ наборомъ словъ, то отсюда должно слѣдовать, что съ такого рода предположеніями или гипотетически принятыми сужденіями соединяются совершенно опредѣленные для мысли указа-

нія не просто только на обособленные другъ отъ друга явленія и взятыя абстрактно отношенія, изъ которыхъ вывести ничего нельзя, а на тѣ соотношенія ихъ, предположенія о которыхъ оказываются необходимыми для вывода въ связной цѣпи звеньевъ доказательства.

И если всмотрѣться въ дѣло внимательнѣе, то во всемъ этомъ не окажется ничего удивительнаго и ничего непонятнаго. Когда сознание имѣетъ передъ собою предложеніе, субъектъ и предикатъ котораго, а равно и взятое абстрактно отношеніе, которое должно связывать субъектъ и предикатъ, способны вызвать въ насъ вполне опредѣленные представленія, и только мы не можемъ создать цѣльный образъ, точно соответствующій сужденію, то было бы совершенно ошибочно сказать, что въ сознаниі съ этимъ предложеніемъ можетъ соединиться только то же, что соединилось бы съ отдѣльными словами, обозначающими эти три представленія, т.-е. могутъ соединиться исключительно только эти три представленія въ качествѣ совершенно обособленныхъ другъ отъ друга представленій. Съ самой формой предложенія, въ которое они вошли, соединяется, сверхъ того, представленіе, что здѣсь имѣется въ виду нѣкоторое соотношеніе явленій, характеризующихъ для сознания этими представленіями, а вмѣстѣ и общее представленіе о роли, которая должна принадлежать каждому изъ этихъ представленій въ этомъ соотношеніи; а поэтому и самыя эти три представленія получаютъ для сознания значеніе не какъ отдѣльно взятыя представленія, а какъ характеристическія черты того соотношенія явленій, которое должно имѣться въ виду предложеніемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое указаніе на это соотношеніе явленій, которое имѣло бы для сознания созерцательную ясность, могло бы получиться лишь въ томъ случаѣ, если бы представленія не оставались просто для сознания характеристическими чертами этого соотношенія явленій, а слились бы другъ съ другомъ въ одинъ цѣльный образъ, который, такимъ образомъ, оказался бы отчетливымъ созерцательнымъ образомъ этого соотношенія. А поэтому вполне понятно, что на подобный образъ наше сознание смотритъ какъ на самое ненаглядное и самое желательное со стороны своей наглядности указаніе на то, объ утвержденіи чего или вѣрѣ во что ставится вопросъ въ сознаниі. Но это никакъ не значитъ, чтобы отсутствіе этого соответствующаго предложенію образа лишило сознание всякаго указанія на то, что будетъ утверждаемо или отрицаемо при принятіи предложенія или отрицаніи его, дѣлало возможное утвержденіе или отрицаніе безпредметнымъ и, слѣдовательно, въ дѣй-

ствительности невыполнимымъ. Насколько предложеніе вызываетъ въ сознаниі эти представленія не какъ особья одно отъ другого представленія, а какъ черты, которыя должны характеризовать комбинацію явленій и указывать роль, какую въ ней должно играть каждое изъ этихъ явленій, оно этимъ самымъ даетъ указаніе на предметъ возможнаго утвержденія или отрицанія, и притомъ такое указаніе, которое съ такою же подробностію исчерпываетъ эти черты, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно построеніе образа, соответствующаго сужденію, и гдѣ это построеніе точно опредѣляется этими чертами. Это указаніе, слѣдовательно, достаточно опредѣленно, чтобы отличить эту комбинацію отъ всевозможныхъ другихъ, и дать возможность узнать ее, если бы она, предположимъ, оказалась данною въ воспріятіи. Слѣдовательно, психологическую невозможность вѣры въ комбинаціи, противорѣчащія необходимо мыслимымъ сочетаніямъ, нельзя доказывать совершенною невозможностію имѣть въ сознаниі указаніе на то, что въ такомъ случаѣ должно бы составить предметъ утвержденія или вѣры и безъ чего вѣра должна быть признана невозможною.

Конечно, Спенсеръ, считая условіемъ сужденія соответствующій ему созерцательный образъ, можетъ быть, и не соединялъ съ этимъ вполне опредѣленно той мысли, что этотъ образъ есть единственно возможное въ сознаниі указаніе на предполагаемую сужденіемъ связи явленій,—указаніе, безъ котораго эта связь, не будучи никакъ выражена въ сознаниі, вовсе не можетъ входить въ мыслительный процессъ. Можетъ быть, не отрицая, по крайней мѣрѣ, вполне отчетливо того, что и не представляемая вполне наглядно комбинація могутъ быть указаны въ сознаниі и поэтому могутъ входить въ мыслительные процессы, онъ хотѣлъ сказать только, что онѣ не могутъ сами быть утверждаемы, не могутъ сами стать предметомъ вѣры. По тогда мы вновь стоимъ передъ вопросомъ: почему же эта вѣра, въ такомъ случаѣ, должна быть сочтена психологически невозможною?

М. Наринский.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Англо-индiйскiй походъ въ Тибетъ 1904 года.

II НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

Graham Sandberg. THE EXPLORATION OF TIBET. Its History and Particulars from 1623 to 1904. Calcutta 1904. Pp. IV+324 in 8°. L. A. Waddell. LHASA AND ITS MYSTERIES. With a record of the Expedition of 1903—1904. With 200 Illustrations and Maps. London 1905. Pp. XXII+530.

При разсмотрѣнiи вопроса о результатахъ похода въ научномъ отношенiи мы должны прежде всего отмѣтить, что результаты эти совершенно не оправдываютъ возложенныхъ на нихъ надеждъ. Мы должны сразу признать, что Lhasa is not unveiled, завѣса не снята: мы имѣемъ нѣсколько новыхъ прекрасныхъ фотографiй, нѣсколько блестящихъ описанiй свѣтовыхъ эффектовъ, но вся жизнь „ламайскаго Рима“, „ламайскаго Ватикана“, попрежнему неизвѣстна намъ. Знатоки ламаизма Уаддель, авторъ извѣстной цѣнной книги о буддизмѣ въ Тибетѣ, не далъ намъ того описанiя лхасскихъ святынь, котораго ждали отъ него специалисты. Читая его книгу, еще опредѣленнѣе дѣлается впечатлѣнiе, которое выносишь изъ чтенiя отчетовъ корреспондентовъ; участниковъ похода: очевидно, что англичанамъ показывали очень мало монахи прятали все, что можно было прятать; вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно всѣмъ участникамъ экспедициі были даны точныя указанiя не настаивать слишкомъ на осмотрѣ святынь, чтобы не раздражать населенiя. Это было весьма правильно и умно съ политической точки зрѣнiя, но наука несомнѣнно должна была сильно отъ этого проиграть: намъ нужны были не внѣшнiя впечатлѣнiя, такихъ уже достаточно количество имѣлось въ предшествующей литературѣ предмета,

а подробныя тщательныя описанія. Спѣшимъ оговориться: быть можетъ, г. Уаддель готовитъ намъ рядъ отдѣльныхъ монографій, которыя онъ обрабатываетъ на досугѣ, давъ въ своей книгѣ только общій набросокъ; пока не появились однако эти монографіи, намъ приходится признать, что походъ 1903—1904 г. далъ мало для науки.

Изданная до окончанія похода книга д-ра Сандберга несомнѣнно вызвана походомъ и должна была подвести итогъ всему, что сдѣлано по изслѣдованію Тибета. Написанный нѣсколько поспѣшно трудъ почтеннаго, нынѣ, увы, покойнаго уже автора, не вполне удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, какія въ настоящее время можно предъявлять подобнаго рода книгамъ. Спѣхъ слѣдуетъ вѣроятно объяснить тѣмъ, что авторъ хотѣлъ успѣть закончить свой трудъ скорѣе, чтобы дать англійскимъ читателямъ представленіе объ изслѣдованіи страны, въ которую шли англійскія войска. О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Тибета имъ же было говорено раньше въ статьѣ „The exploration of Tibet“¹⁾, въ настоящей книгѣ видное мѣсто удѣлено XVIII вѣку, причемъ авторъ полагаетъ, не совсѣмъ какъ намъ кажется основательно, „что онъ далъ первый полный и точный отчетъ о капуцинской мисси“²⁾.

Въ настоящее время можно несомнѣнно больше сказать о знакомствѣ съ Тибетомъ у европейцевъ до XVIII вѣка, чѣмъ сказано у Сандберга, особенно объ Одорикѣ, Андрадѣ и Грюберѣ и Дорвилѣ³⁾. Относительно XVIII вѣка приходится сказать, что авторъ слишкомъ увлекся симпатіей къ капуцинамъ въ ущербъ иезуитамъ, что заставляетъ его совершенно невѣрно освѣщать дѣятельность иезуита о. Ипполита Деизидери, одного изъ самыхъ заслуженныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Тибетѣ, и значеніе котораго для знакомства нашего съ Тибетомъ гораздо большее, чѣмъ капуциновъ. Отрицательное отношеніе Сандберга къ Деизидери сказалось даже въ томъ, что въ противоположность приводимымъ имъ самимъ источникамъ онъ считаетъ о. дельла Пенну учителемъ о. Деизидери въ тибетскомъ⁴⁾. Такое отношеніе, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что у Сандберга былъ подъ ру-

¹⁾ Calcutta Review 1893. October.

²⁾ Sandberg, p. III.

³⁾ См. нашу статью *Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1904, № 11, стр. 132.

⁴⁾ „Desideri while in Lhâsa was even taught the Tibetan language by the Prefect of the Capuchins“; между тѣмъ внизу въ примѣчаніи ссылка на Маньяги (ссылка вѣроятно на отдѣльный оттискъ p. 9, въ журналѣ это R. G. It. 1901, p. 551, n. 3): „Il Desideri... insegnò la lingua del Tibet al della Penna stesso“.

кою весьма неполный материалъ о Дезидери, такъ какъ книга проф. Пуини о Дезидери ¹⁾ вышла, повидимому, одновременно съ книгой Сандберга. За выходомъ этой книги гораздо опредѣленнѣе выясняется личность и значеніе іезуитскаго миссіонера, хотя и теперь еще собраны, повидимому, не всѣ доступные материалы объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ. Такъ, до сихъ поръ не найдена подлинная рукопись Дезидери или даже полный списокъ съ нея. Мы должны здѣсь исправить нѣкоторыя неточности, которыя вкрались въ наши указанія на рукописи Дезидери вслѣдствіе недостатковъ доступныхъ намъ тогда источниковъ ²⁾. Проф. Пуини известна одна рукопись сочиненія Дезидери, не автографъ ³⁾, съ этой рукописи былъ сдѣланъ списокъ для Hakluyt Society въ Лондонѣ. Такимъ образомъ это не двѣ разныхъ рукописи, какъ мы думали, а оригиналъ и копія; третья рукопись, которую мы предполагали существующей въ Мачератѣ, тамъ не находится. Счастливая случайность навела насъ на слѣдъ можетъ быть подлинной рукописи Дезидери: К. Г. Залеманъ, разбирая бумаги Клапрота въ Азіатскомъ музеѣ Академіи Наукъ, указалъ намъ на картонъ съ бумагами, относившимися къ Тибету ⁴⁾, въ которомъ мы нашли слѣдующую замѣтку: „Notizie storiche del Thibet e Memorie de' Viaggi e Missione ivi fatte dal P. Ippolito Desideri della Compagnia di Gesu dal medesimo scritte e dedicate. Ouvrage manuscrit composé de trois volumes in 4° ⁵⁾... Къ этой замѣткѣ были приложены два списка оглавленія къ означенному труду Дезидери и хронологическая таблица, въ которой, начиная съ 1712 г. (Départ de Rome le 27 Septembre) и кончая 1728 г. (Arrivée à Rome le 18 Janvier), указаны главнѣйшія даты путешествія (напр. еще Arrivée à Lhâsa le 18 Mars 1716, Départ de Lhasa le 16 Avril 1721). Маленькая выдержка изъ текста указы-

¹⁾ Carlo Puini. Il Tibet (Geographia, Storia, Religione, Costumi) secondo la relazione del viaggio del P. Ippolito Desideri (1715—1721). Roma 1904. (Mem. d. Soc. Geogr. Ital. vol. X).

²⁾ Наша статья I. с. стр. 132—133.

³⁾ Puini, I. с. р. XI: „Il manoscritto posseduto oggi dalla Magliabechiana non è certamente l'autographo del Desideri“.

⁴⁾ „Tibetain. Tibetica. Papiere in Bezug auf P. Ippolito Desiderij, Turner etc“. Мы въ другомъ мѣстѣ дадимъ описаніе бумагъ этого картона.

⁵⁾ Мы не называемъ здѣсь того архива, въ которомъ Клапротъ нашелъ рукопись Дезидери, потому что опасаемся, какъ бы это не помѣшало нашимъ розыскамъ рукописи: архивъ нынѣ находится въ разныхъ рукахъ и часть его почти недоступна.

васть на нѣкоторую разницу съ текстомъ у Puini ¹⁾). Такъ какъ еще далеко не извѣстно, удастся ли разыскать, а особенно получить для изданія, рукопись Деиздери, бывшую въ рукахъ Клапрота, мы сочли нужнымъ напечатать здѣсь оглавленіе цѣликомъ, потому что оно помогаетъ разобраться въ изданіи Puini. Мы не позволили себѣ исправить даже описки и печатаемъ рукопись такъ, какъ нашли ея: неудобствъ при чтеніи это не можетъ вывзвать никакихъ. Мы только даемъ въ примѣчаніяхъ разночтенія двухъ списковъ оглавленія; второй, черновой, мы означаемъ черезъ В.

Notizie Istoriche del Thibet e Memorie de' Viaggi e Missione ivi fatte dal P. Ippolito Desideri della Compagnia di Giesu dal medesimo scritte e dedicate ²⁾.

Libro I. Memorie del viaggio da Roma a Lhasà città Capitale del terzo Thibet: e missione ivi intrapresa.

Cap. I. Partenza da Roma e viaggio fin'a Lisbona.

Cap. II. Navigazione da Lisbona fin'all'altura del Capo di Buona Speranza.

Cap. III. Continuazione del viaggio di mare fin'a Mosambiche, e di poi fin'a Goa.

Cap. IV. Partenza da Goa e viaggio fin'alla città di Delly capitale dell'Imperio del Mogol. Brevi notizie di quella Corte.

Cap. V. Delle chiese e Christianità, che ha in Delly la Compagnia di Giesu, ed'alcuni christiani ivi abitanti.

¹⁾ Не рѣшаемся дѣлать изъ этого какихъ либо выводовъ, потому что проф. Puini не имѣлъ въ виду въ своемъ изданіи дать полное воспроизведеніе книги Деиздери. Вотъ выдержки; мы ставимъ въ примѣя скобки безъ буквъ то, что въ нашемъ текстѣ прибавлено противъ текста Puini, разночтенія показаны такъ: P=Puini, K=Klaproth, нашъ отрывокъ: „Finalmente [tre anni cinque mesi, e venti due giorni dopo la mia partenza da Roma] due anne e quattro mesi dopa la [mia. P.] partenza da Goa: un anno e quasi sei mesi dopo la nostra [uscita] da Delly, — e dieci interi mesi dopo [d'esser[e] partiti da Cascimir, a' 18 di Marzo del [anno] 1716, Vigilia del glorioso Patriarca S. Giuseppe col favor [e. P.] divino arrivamo alla città di Lhasà capitale [del terzo, e massimo] [di questo P.] Thibet, termino del si lungo [nostro P.] viaggio e luogo [da me stabelito, e profissomi per incomiuiar la mission di quel regno...] [altre volte da' nostri padre della Compagnia scelto per lo stabilimento di quella nostra missione, P.]“ Въ рукописи помѣчено: „Cosi il P. Ippolito Desideri della Comp^a di Giesu nelle Notizie istoriche del Thibet. Lib. I, Cap. XI. MS.“

²⁾ В. sin'a, въ В. всюду вм. fin'—sin'.

Cap. VI. Dimora nella Città d'Agra e notizie della missione, cho quivi ha la Compagnia di Giesu.

Cap. VII. Partenza da Delly: arriva a Cascimir e dimora in quella città. Alcune notizie di quel luogo ¹⁾).

Cap. VIII. Partenza da Cascimir, e viaggio fin'a Lhatà Capitale del secondo Thibet.

Cap. IX. Dimora in Lhatà città capitale del Secondo e Gran Thibet. Partenza e arriva a Treescy Khang.

Cap. X. Viaggio del Gran Deserto di Ng-nari Giongar et ajuto ricevuto dalla Compagnia d'una Principessa Tartara.

Cap. XI. Entrata nelle prime popolazioni del terzo e massimo Thibet. Continuazione del viaggio, e arrivo alla Capitale. Visite al Rè, e a'primi Ministri. Principio di Missione in quel Regno.

Cap. XII. Protezione del Rè. Soccorso dato al medesimo, e al primo Ministro in un pericolo. Dimonstrazioni di gratitudine da' medesimi usali. Rifiuto de'loro dono e offerte.

Cap. XIII. Primo libro composto dall'autore in quella lingua, e solennemente presentato al Rè in una publica udienda.

Cap. XIV. Studio de' Libri, e dell'errori di quello genti.

Cap. XV. Altri libri composti dall'autore in quella lingua.

Cap. XVI. Ragguaglio della missione, che la Compagnia di Giesu ha avuto nel Thibet, della sua fondazione fin'a tempo dell'autore.

Libro II. Notizie della natura, costume e Governo Civile del Thibet ²⁾.

Cap. I. Confini, estensione, origine e figura del Regno del Gran Thibet. 1.

Cap. II. Clima e qualita della terra del Thibet e quali cose da essa si producano. 7.

Cap. III. Del Muschio; e suo animale. D'altri animali, delle Barche, e Ponti, che son nel Thibet. 14.

Cap. IV. D'alcuni luoghi, provincie, e città particolari della parte occidentale di questo Thibet e specialmente di Kutti, de Secchia, e di Giegazze. 27.

Cap. V. Della città di Lhasà Capitale di questo Thibet e sue vicinanze. Della Residenza del Gran Lamà e d'alcuni grossi conventi e universita. 36.

¹⁾ Здѣсь копчается перечень главъ первой книги въ В.

²⁾ Цифры страницъ или листовъ только въ В.

Cap. VI. D'altre vicinanze della città di Lhasà, e specialmente del Convento e università di Serà. D'alcuni altri luoghi, e provincie particolari di questo Thibet e specialmente ¹⁾ di Sanyee, e della città di Zzathang ²⁾. 47.

Cap. VII. D'alcune provincie della parte orientale di questo Thibet e specialmente di quella di Takpo, del Congbo, e di Kham. 53.

Cap. VIII. Del dominio di questo Thibet. Un principe Tartare s'impadronisce di questo Regno per quali ragione, e in qual modo. 62.

Cap. IX. Macchine contro il Rè Cinghes Khang. Tradimento orditogli e per qualificazioni ³⁾. Guerra contra di essa mossa da Tartari della Tartaria indipendente. 70.

Cap. X. Il figlio secondogenito del Rè Cinghes Khang discopra il tradimento, e ne porta avviso al Padre. Battaglie succedute a Dam, assedio della città di Lhasa, e morte del Rè Cinghes Khang. 79.

Cap. XI. Fuga del Principe secondo genito del Rè Cinghis Khang, del suo primo Ministro, e del suo generalissimo. Son questi traditi nel ⁴⁾ loro ospite e maltrattati da'nemici. 89.

Cap. XII. Eroica fedeltà e costanza del generalissimo Ton Drup zzering. Sua ammirabile impresa e generosa morte. 95.

Cap. XIII. Resolutione e felice successo del già primo Ministro Targum Treescy contro i Tartari usurpatori e sacchaggiatori del Thibet. 102.

Cap. XIV. L'Imperador della Cina vindica la morte del Rè Cinghes Khang. Suo primo esercito disfatto. Con nuova guerra disfa i Tartari e resta padrone di questo Thibet. 109.

Cap. XV. Della maniera del Governo Civile di questo Thibet. 124.

Cap. XVI. Si comincia a trattar d'un altro Governo o Gerarchia che hanno quelle genti del Thibet corrispondente in certo modo alla nostra Gerarchia ecclesiastica e premieramente del loro Gran Lamà e come gran Pontefice di quei paesi. 135.

Cap. XVII. Si discute, se quel, che s'è riferito che succede intorno al gran Lama del Thibet, sia puramente artificio degl'uomini, ò se posso avvenire per immediato inganno, e industria del demonio. 140.

Cap. XVIII. Si risponde a quelli, che asseriscono, non aver il do-

¹⁾ B. particolarmente.

²⁾ B. Zzethang.

³⁾ B. per quali cagioni (sic), такъ и выше.

⁴⁾ B. dal.

monio alcun potere contro gl'uomini, specialmente dopo la venuta al mondo di Nostro Signor Giesu Christo. 158.

Cap. XIX. Si prosequiscono le notizie intorno al gran Lama e altri Lama inferiori del Thibet. 175.

Cap. XX. De Religiosi e Religione del Thibet, de loro conventi: del lor'abito; del loro istituto e consuetudine. 185.

Cap. XXI. Diverse specie di Religiosi che sono nel Thibet. 203.

Cap. XXII. Indola, costumi politici, vitto, vestito e consuetudine delle genti del Thibet. 214.

Cap. XXIII. Ingegno e capacita de Thibettani, loro caratteri libri e studij. Attività de medesimi alle arte, e perizia nella medicina. Loro costume nella malattia. 228.

Cap. XXIV. Occupazioni giuocchi, agricoltura, e inclinazione de Thibettani al bene, e alla pietà. 237.

Cap. XXV. De Matrimonj de Thibettani. 245.

Cap. XXVI. Costumi de Thibettani circa i defonti. 252.

Cap. XXVII. Si comincia a trattar degl'Errori, e della Religione de Thibettani e primieramente si piega il sistema della Metempsychosi ò sia transmigrazione Pittagorica, conforme da medesimi e asserita e creduta. 262.

Cap. XXVIII. Opinione de Thibettani intorno agl'animali, e intorno a certi viventi da loro chiamati Itna. Che cosa credino in ordine all inferno. 276.

Cap. XXIX. Si prosequiscono le notizie d'altre cose, che affermano e credono i Thibettani, concernenti allo spiegar il loro systema della metempsychosi. 288.

Cap. XXX. Si propone e si spiega un altro enomissimo, e primario errore della setta de Thibettani che consista in negar, che vi sia alcun'ente a se, e incausato e alcuna causa suprema di tutte le cose. 301.

Cap. XXXI. Si negando i Thibettani l'esistenza del vero Dio, ammettano alcuna fabulosa Divinita, o se siano assolutamente senza veruna cognizion di Dio. 317.

Cap. XXXII. Di tre classi d'oggetti di Culto, e d'invocazione che ammettano i Thibettani Se ne spiegano le qualita e si fa vedere, che nessuna divinita in essi riconoscono. 324.

Cap. XXXIII. Di ciò che contiene la Religion de Thibettani in ordine alla morale, o sia in ordine alla virtu e a i verj e in ordine a regular i costumi. 337.

Cap. XXXIV. Del Legislator de'Thibettani: e alcune favole che del medesimo descrivono. 347.

Cap. XXXV. Di due altre idoli principali de'Thibettani, l'uno detto Cenreesy et l'altro chiamato Urghien. 357.

Cap. XXXVI. Si referiscono altre favole de'Thibettani credute e spacciate intorno al supradetto Urghien. 371.

Cap. XXXVII. Il Thibot anticamente senza legge. Il Rè Sichiong Teuzzen cerca alcuna Religione. Invia per tal fine ambasciatori a diverse parte, o una scolta di giovani all'هندستان. 381.

Cap. XXXVIII. Da chi fosse introdotta nel Thibet la falsa Religione. Primo tempio fabbricato in Regno. Libri tradotti in quella lingua, o conventi di Religiosi qui si instituiti. 388.

Cap. XXXIX. D'altri oggetti inferiori di venerazione invocati e riveriti da'Thibettani. 402.

Cap. XL. D'alcuni luoghi tenuti in venerazione da'Thibettani, o di ciò che verso di essi asservino. Della loro Corona e loro degiuni. 413.

Cap. XLI. Si sodisfa a alcuni dubbj e quesiti che sopra le materie sia qui trattate potrebbero accorrere. 422.

Cap. XLII. D'alcune Relazioni, o autori che hanno trattato del Thibet intorna a esse. 433.

Libro III. Partenza dalla Missione de'Regni del Thibet. Passaggio ad altra Missioni, e ritorno in Europa.

Cap. I. Partenza da Lhasà. Dimora fatta in Kutti. Partenza dagl'ultimi confini del Thibet e arrivo al Regno di Nepal. 1.

Cap. II. Si danno alcune notizie del Regno di Nepal. 8.

Cap. III. Viaggio da Nepal fino al Gange, e fino alla città di Pattna. 18.

Cap. IV. Alcune notizie della città di Pattna. 27.

Cap. V. Partenza da Pattna e viaggio fin'alla città d'Agra. Notizie della città di Bonares, di Elahabàs e del fiume Gange. Dimora fatta in Agra. 36.

Cap. VI. Missione fatta in Dollys. Città Capitale del Mogol. 43.

Cap. VII. S'espongono le cause delle turbulenze, che nel Mogol incorsero l'Imperador', e il suo Vizir Nezam-em-muluk. 57.

Cap. VIII. Si continua a descrivere le turbulenze del Mogol tra l'Imperador', e di grandi di quella corte. 66.

Cap. IX. Partenza da Dolly. Ritorno a Pattna. Passaggio a Bengala. Navigazione a Pondiscery. 77.

Cap. X. Notizie della città di Pondiscery. Andata alla Missione del Carnat. 85.

Cap. XI. Notizio della Missione, che la Compagnia di Giesu fruttuosamente esercita nel Regno di Carnat. 91.

Cap. XII. Partenza dalla Missione di Carnat. Notizie della città di Meliapur e delle memorie che quivi si conservano dell'Apostolo S. Tommaso. Notizie della città di Madrastu (?). 102.

Cap. XIII. Partenza dall'Indie. Navigazione per l'Europa. Malattia mortale avuta in mare. Grazia ricevuta per intercessione del von. P. Giovan de Britto. 116.

Cap. XIV. Continuazione della navigazione dopo il Capo di Buona Speranza. Isole di S. Elena e del Ascensione. Passaggio della linea, e arrivo all'isola della Martinica nell'America. Arriva a Porto Luigi. 123.

Cap. XV. Viaggio da Porta Luigi a Parigi, e da Parigi a Marsiglia. 132.

Cap. XVI. Viaggio di Marsiglia a Genova. Passaggio per la Toscana, e arriva a Roma. 137.

Cap. XVII. Sentimento dell'autore intorno alla Dottrina, ché si richiede ne' missionarj dell'Indie, e primieramente quanto grande ella debbe essere. 146.

Cap. XVIII. Qual'è in qual genere particolarmente convien che sia la Dottrina, che indispensabilmente si richiede né Missionarj, che si destinano alla conversion degl'infedeli nell'Indie. 157.

Cap. XIX. In qual modo la sopra esposta e necessaria dottrina possa promuoversi ne' Missionarj, che per l'Indie si destinano. 165.

Cap. XX e ultimo. Si mostra la grave obbligazione, che a ogni Cristiano indispensabilmente corre, d'ajutar' o promuovere la missione da farsi trà gl'infedeli; e in qual modo possa da ciascuno nel proprio suo stato adempirsi una tal obbligazione.

Оглавление это и еще болѣе книга проф. Пуини убѣдительно показываютъ, насколько неправъ былъ г. Сандбергъ, отводя почтенному иезуиту второстепенное мѣсто сравнительно съ калуцинами. Крайне желательно, чтобы появилось, наконецъ, полное и точное изданіе трудовъ Дезидери ¹⁾.

¹⁾ Пользуемся случаемъ, чтобы исправить опisku, вкравшуюся въ цѣнный трудъ проф. Пуини: на стр. XLII олъ, перечисляя документы, касающіеся Дезидери, говоритъ: Una breve scrittura pubblicata dal Klaproth nel „Journal Asiatique“ (2 série t. VII, 1831), цитата не точна—это томъ VIII „Notes sur le Tibet par le P. Hippolyte Desideri, recueillies par N. Delisle“. 117—121. Издано Клапротомъ.

Говоря о трудах капуциновъ, г. Сандбергъ не остановился на книгѣ Георга (Alphabetum Tibetanicum), въ которой именно заключено много матеріаловъ, собранныхъ капуцинами. Относительно Boligatti онъ могъ воспользоваться только статьями Magnaghi, которыя не исчерпываютъ путевыхъ записокъ капуцина; такъ, напр., у Magnaghi не приведено интереснаго мѣста относительно голландскаго путешественника van de Putte ¹⁾; оно приведено только у Пуини (LVIII — LIX).

Переходя къ свѣтскимъ путешественникамъ въ Тибетъ, авторъ, къ сожалѣнію, не воздастъ должнаго двумъ своимъ соотечественникамъ — Богию и Тернеру, особенно послѣднему; по отношенію къ нимъ книга Маркхэма дастъ гораздо болѣе цѣнныя свѣдѣнія.

Обзоръ путешественниковъ XIX столѣтія особенно неудовлетворителенъ по отношенію къ русскимъ путешественникамъ, хотя г. Сандбергъ, насколько намъ извѣстно, и былъ знакомъ съ русскимъ языкомъ. Врядъ ли правильно говорить теперь, особенно въ области географической литературы, что сочиненіе, написанное по-русски, остается неизслѣдованнымъ большинствомъ географовъ ²⁾. Нельзя также признать правильнымъ произнесеніе приговоровъ надъ экспедиціями, о которыхъ въ печати появились только предварительные отчеты; между тѣмъ г. Сандбергъ чрезвычайно отрицательно отнесся къ послѣдней тибетской экспедиціи Петра Кузьмича Козлова и Александра Николаевича Казнакова, результаты которой полностью печатаются только теперь. Мы думаемъ, что, видя основательный трудъ извѣстныхъ изслѣдователей Средней Азии и Тибета, покойный почтенный авторъ пожалѣлъ бы о тѣхъ словахъ, которыя онъ написалъ въ настоящей книгѣ. Написанная по поводу начавшагося похода, она носитъ на себѣ слишкомъ явные слѣды той цѣли, для которой написана, и не замѣнитъ собою классическаго труда Маркхэма. Крайне желательно, чтобы сэръ К. Маркхэмъ, если самъ не возьмется за продол-

¹⁾ Здѣсь будетъ бесполезно исправить странную ошибку, повторенную дважды (р. 101 и 105). Пуранг-гиръ (Purang-gir, *Purangir*) госаниъ — монахъ, англійскій агентъ, а вовсе не знаменитый Ванченъ въ Дашихлужбо, современникъ Боги. Мѣсто тибетскаго храма, устроеннаго Уарренъ Гэстингомъ, не Bhot-Magan, а Bhot-Bagan, ср. нашу статью, I. с., стр. 151.

²⁾ Это сказано по поводу труда В. А. Обручева, хорошо навѣстнаго всѣмъ специалистамъ! (стр. 235). По поводу супруговъ Литтльдалъ авторъ только вспоминаетъ только о супругахъ Потаниныхъ; напомнимъ еще о русскихъ Клеменцахъ и французахъ Dieulafoy.

женіе и дополненіе своей книги о Тибетѣ, нашель себѣ скорѣе подражателей и продолжателей.

Чтобы воспользоваться экспедиціей и для научныхъ, этнографико-историческихъ цѣлей, индійское правительство прикомандировало къ штабу экспедиціоннаго отряда г. Джемса Аустина Уадделя. Прекрасно подготовленный къ этой задачѣ своими предыдущими работами д-ръ Уаддель, какъ намъ казалось, долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы проникнуть въ глубь тибетской жизни, особенно духовенства Тибета. Между тѣмъ, большая часть книги посвящена исторіи похода, что сдѣлано подробнѣе корреспондентами, сопровождавшими экспедиціонный отрядъ. Какъ извѣстно, до сихъ поръ мы были мало освѣдомлены о бытѣ тибетцевъ. Въ книгѣ Уадделя мы не находимъ почти ничего касающагося быта и обихода обитателей Тибета,—нѣтъ, напр., даже настоящаго описанія городовъ и деревень, между тѣмъ авторъ посѣтилъ два крупныхъ центра Чжянцэ и Лхасу. Относительно администраціи страны, о которой у насъ пока еще далеко не точное и ясное представленіе, мы у Уадделя находимъ почти только одну таблицу—Table of the Government of Tibet (р. 165), безъ подлежащихъ поясненій относительно функцій указанныхъ чиновниковъ, такъ что свѣдѣнія, сообщенныя Сарат-Чандра-Дасомъ¹⁾, хотя и не вполне удовлетворительныя, являются до сихъ поръ наиболѣе полными по отношенію къ вопросамъ администраціи.

Обращаясь къ духовной сторонѣ жизни, мы, прежде всего, должны отмѣтить описаніе посѣщенія скита отшельниковъ-созерцателей. Эта сторона религіозной жизни буддійскихъ монаховъ производитъ, повидимому, особенно сильное впечатлѣніе на европейцевъ; на нихъ съ особенной силой дѣйствуетъ безусловная и безграничная вѣра, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ, даже передъ тѣмъ, что можетъ казаться явно бессмысленнымъ.

Описаніе отшельниковъ у Уадделя настолько характерно и ярко, что мы его изложимъ подробно и, какъ параллель къ нему, приведемъ далѣе описаніе буддійскихъ отшельниковъ созерцателей у монголовъ, сдѣланное русскимъ изслѣдователемъ Монголіи.

Уаддель съ спутниками поѣхалъ долиною Чжянцэ по направленію

¹⁾ Особенно цѣнно теперь, благодаря *дополнительнымъ, преимущественно бытовымъ, фотографіямъ*, новое изданіе его книги: „Journey to Lhasa and Central Tibet by Sarat Chandra Das“. Edited by the Hon. W. W. Rockhill. New Edition. London 1904.

къ Шигаце. Стояло великолѣпное весеннее утро — все было полно свѣта, красокъ, пѣнія птицъ и людей на поляхъ. Чтобы попасть къ отшельникамъ, надо было оставить вскорѣ цвѣтущую долину и свернуть въ каменистое ущелье. Здѣсь все было тихо, горный ручей еле еле пробивался между камнями—по скаламъ вдали были видны темныя кельи отшельниковъ, мѣстами висѣлъ дымъ отъ огней, разведенныхъ прислужниками, готовившими пищу. На шумъ отъ камней, падавшихъ подъ ногами у посѣтителей, показались монахи. Они сразу отличались отъ обыкновенныхъ тибетскихъ ламъ тѣмъ, что носили длинные волосы, или распущенные или закрѣпленные узломъ на макушкѣ, по примѣру индѣйскихъ отшельниковъ; одежды ихъ были похожи на одежду мѣрягъ. Они уже подворглись—кто первому заключенію на *шесть* мѣсяцевъ, кто второму на *три юда*, три мѣсяца и три дня, и прислуживали тѣмъ изъ своихъ братьевъ, которые были заключены уже до смерти. Одинъ изъ монаховъ сказалъ Уадделю, что скитъ носить названіе „Пещера блаженныхъ размышленій о несчастіи“. Храмъ въ скитѣ отличался большею сравнительно съ другими тибетскими храмами простотою убранства, въ немъ было мало образовъ и алтарь былъ очень просто убранъ жертвенными чашечками; вмѣсто шкафовъ съ статуэтками были полки съ книгами. На стѣнахъ находились изображенія индѣйскихъ и тибетскихъ отшельниковъ — къ сожалѣнію, Уаддель не перечисляетъ изображеній и только указываетъ извѣстнаго Миларайбу (XI в.) и Саракху. Посѣтителей охотно повели смотрѣть „пещеры“ отшельниковъ; онѣ были беспорядочно раскиданы по скаламъ, числомъ больше 20. Входъ въ нихъ замуравленъ, оставлено только мѣсто для крѣпкой двери, запертой всякимъ замкомъ. Кромѣ запертой всегда двери оставлены только два отверстія: маленькій стокъ и крошечное отверстіе, достаточное для того, чтобы просунуть руку изнутри за поджаренными зѣрнами и водою, которыя клались передъ отверстіемъ каждый день: зерна, завязанные въ салфетку, а вода, налитая въ углубленія на полочкѣ. Далѣе приводимъ дословно описаніе Уадделя.

„Замурованный въ этой темной кельѣ, съ той минуты какъ дверь закрывается за нимъ, отшельникъ остается въ полной темнотѣ, на все время своего добровольнаго заключенія, на первой или второй ступени или на всю жизнь. Онъ не можетъ различать смѣны дня и ночи или теченіе времени. Но единственное общеніе съ міромъ это то мгновеніе, когда его ежедневная пища оставляется на полочкѣ у его кельи, и то обѣтъ обязываетъ его не впускать свѣта и не вы-

глядывать наружу. Онъ не можетъ видѣть никого, не можетъ говорить ни съ кѣмъ во все время заключенія. Въ первой кельѣ, въ которую насъ повели, былъ заключенъ старый отшельникъ, который не видѣлъ свѣта, не видѣлъ никого, не говорилъ ни съ кѣмъ болѣе двадцати одного года! Пока мы стояли спаружн, жалѣя несчастнаго человѣка, который добровольно заперся въ этой тюрьмѣ, одинъ изъ насъ попросилъ доказательства присутствія отшельника въ кельѣ. Прислужникъ тогда подалъ знакъ, который здѣсь употребляется, когда приносятъ пищу. Онъ потихоньку постукалъ три раза по полочкѣ, такъ тихо, что мы почти ничего не слышали, и тогда, спустя десять; двѣнадцать секундъ, пока мы въ ожиданіи задерживали дыханіе; среди гробового молчанія, маленькая дверца передъ нами задрожала; затѣмъ начала двигаться и затѣмъ вдругъ открылась дюйма на три; изъ глубокаго мрака медленно, дрожа, выдвинулась рука въ перчаткѣ! Это было все—только рука въ перчаткѣ. Она высунулась дюйма на четыре по полкѣ и медленно стала щупать въ теченіе двухъ, трехъ минутъ и, не найдя ничего, медленно вернулась назадъ, дрожа, какъ рука паралитика, и дверь закрылась,—точно улитка спряталась въ раковину, и ничто не прервало мучительнаго молчанія, кромѣ, какъ мнѣ почудилось, подавленнаго стопа. При дневномъ свѣтѣ это было нѣчто неземное и страшное. Только рука въ перчаткѣ! И такъ даже рукъ несчастнаго былъ запретъ на дневной свѣтъ—еще капля въ чашу его бѣдствій; трудно было представить себѣ, что человѣческое существо могло быть заключено, такимъ образомъ, добровольно; заключеніе это годилось только для дикаго звѣря“.

Уаддель говоритъ о другомъ знаменитомъ скитѣ отшельниковъ въ Тибетѣ, въ той же долинкѣ Чжянце, по имени Шалу; странпо, при этомъ, что онъ забываетъ, что отшельники эти и приемы ихъ самостязаній и созерцаній ведутъ свое начало еще изъ Индіи, что есть обширная литература, посвященная всѣмъ этимъ приемамъ и способамъ созерцанія. Говоря объ отшельникѣ, Уаддель заявляетъ: „задача его состоитъ, главнымъ образомъ, въ недѣльномъ повтореніи милліоны разъ заклинанія на безсмысленномъ санскритскомъ жаргонѣ, въ сопровожденіи извѣстныхъ жестовъ и положеній пальцевъ и другихъ частей тѣла, съ цѣлью изгнанія демоновъ“. Подобнаго рода разсужденія удивительно слышать отъ специалиста: можно относиться, какъ угодно, къ индійскимъ йогинамъ и ихъ тибетскимъ послѣдователямъ, но ученый не въ правѣ отказать въ серьезномъ вниманіи этимъ попыткамъ мистическаго разрѣшенія философскихъ вопросовъ, онъ не

въ правѣ нѣсколькими насмѣшливыми, небрежными фразами отдѣлать то, на что въ теченіе вѣковъ затрачены сотни тысячъ человѣческихъ жизней, въ чемъ сказалось, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, безкорыстное стремленіе къ познанію высшей истины. Даже въ краткомъ очеркѣ газетнаго корреспондента—Лендона—мы найдемъ большое вниманія къ религиозному факту, чѣмъ у специалиста: его непосредственное чувство было глубоко задѣто, несмотря на то, что разсудокъ возражалъ и порицалъ. Онъ съ глубокимъ чувствомъ смотрѣлъ на этихъ дѣтей-прислужниковъ, которымъ вскорѣ предстояло начать прохожденіе подготовительныхъ ступеней отшельничества, чтобы кончать тюрьмой безъ свѣта до гроба. Онъ вспоминаетъ водившаго ихъ монаха, которому вскорѣ предстояло быть заключеннымъ до смерти: „И теперь на торжественномъ обѣдѣ, среди блеска серебра и безупречнаго бѣлья и огней съ красными абажурами на обѣденномъ столѣ, встаетъ внезапно передъ вами, затмевая все, картина: вы видите ту самую руку, которую вы такъ горячо пожимали, прощались при отъѣздѣ изъ монастыря, медленно ошущивающей плиту передъ тюрьмой и ищущей пищу, руку настоятеля, замурованнаго на всю жизнь: онъ вѣдь долженъ былъ тогда вскорѣ уйти во мракъ“¹⁾.

Не менѣе сильно впечатлѣніе, произведенное созерцателями, хотя и не замурованными, на русскаго изслѣдователя буддизма въ Монголіи; вотъ какъ онъ описываетъ свое посѣщеніе созерцателя; онъ заглянулъ въ юрту: „это было обыкновенное ламское жилище съ божницей у сѣверной стороны, съ кроватью на лѣвой сторонѣ, а на правой были разостланы войлоки, да къ стѣнѣ была прикрѣплена полка, на которую обыкновенно ставится пища отшельника. У кровати, на обычномъ мѣстѣ хозяина было постлано два олъбка (подушки), на которыхъ сидѣлъ созерцатель. Но, Боже мой, что это была за фигура! Видъ его былъ изможденный до крайности, лицо такое блѣдное и исхудалое, что ламу этого можно было принять скорѣе за восковую статую, чѣмъ за человѣка. Онъ сидѣлъ неподвижно въ молитвенной позѣ, руки были опущены на колѣна, въ правой рукѣ онъ держалъ четки, но дѣйствительно даже не перебиралъ ихъ, какъ говорилъ мнѣ нирбѣ; глаза его были совершенно закрыты, лицо, повидному, покойное, но совершенно безчувственное. Пока нирбѣ ставилъ ведерочки съ пищей отшельника и ходилъ въ монастырскую кухню, чтобы взять новья для другого такого же созерцателя, я все оставался у первой

¹⁾ P. Landon, Lhasa, I.

юрты и смотрѣлъ на невиданнаго мною человѣка. Я простоялъ минутъ пять, но ни одинъ мускуль его не дрогнулъ въ это время. Эта мертвенная неподвижность произвели на меня какое-то ужасное, гнетущее впечатлѣніе, когда, отошедши отъ этой юрты, я послѣдовалъ за нирбой къ другой; еще сильнѣе заговорило это чувство, когда переходилъ я къ третьей и т. д.¹⁾

Въ отличіе отъ доктора Уадделя, не пожелавшаго ближе ознакомиться съ бытомъ и ученіемъ тибетскихъ созерцателей и отшельниковъ, профессоръ Позднѣвъ посвятилъ монгольскимъ созерцателямъ рядъ цѣнныхъ и любопытныхъ страницъ²⁾, по отношенію къ которымъ можно только пожалѣть, что въ нихъ не прослѣжена зависимость монгольскаго текста отъ тибетско-индійскихъ его оригиналовъ.

Будучи самъ врачомъ, докторъ Уаддель зато сообщаетъ намъ не безинтересныя свѣдѣнія о тибетскихъ врачахъ³⁾, хотя и тутъ онъ избѣгаетъ почему-то точныхъ данныхъ и говоритъ слишкомъ неопредѣленно объ индійскихъ источникахъ тибетской медицины. Онъ не говоритъ также о томъ, что собственно въ самомъ Тибетѣ медицина въ настоящее время стоитъ, повидимому, очень низко.

Интересной могла бы быть глава о прорицателяхъ, если бы д-ръ Уаддель и здѣсь далъ себѣ трудъ нѣсколько точнѣе и подробнѣе остановиться на описаніяхъ. Относительно сообщаемого имъ свѣдѣнія, что государственный прорицатель Нэчунъ Чой-жонгъ скрывался, сообщимъ слухъ, что онъ уѣхалъ съ Далай-ламой на сѣверъ. Уаддель и Лендонъ отмѣчаютъ любопытный фактъ, что какъ храмъ, такъ и жилище Нэчунскаго прорицателя отличались необыкновенной чистотой и опрятностью—явленіе, совершенно небывалое въ Тибетѣ; фрески храма тоже отличаются большими достоинствами. Приходится жалѣть о томъ, что докторъ Уаддель и здѣсь тоже, какъ почти вездѣ, не даетъ описанія священныхъ изображеній, котораго отъ него ждали съ такимъ справедливымъ нетерпѣніемъ специалисты; если отъ г. Лендона нельзя было требовать описаній, для которыхъ необходима совершенно специальная подготовка, то отсутствіе ихъ въ книгѣ доктора Уадделя просто необъяснимо.

Далѣе докторъ Уаддель изъ святынь Лхасы касается Поталы,

¹⁾ *А. Позднѣвъ*. Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи въ связи съ отношеніями сего послѣдняго къ народу. С.-Пб. 1887. Стр. 207.

²⁾ *Ibid.* Стр. 202—233.

³⁾ *Waddell*, l. c., pp. 376—379.

дворца Далай-ламы, большого храма Будды и изъ окрестныхъ святынь монастыря Сэра. Интересны фотографіи, приложенныя къ тексту, но самъ текстъ мало интересный и даетъ очень туманное представленіе о святыняхъ, ничѣмъ почти не отличаясь отъ описаній не специалистовъ, газетныхъ корреспондентовъ. Напримѣръ, противъ стр. 392 помѣщенъ снимокъ съ одного изъ корридоровъ Поталы; на снимкѣ видно, что стѣны всѣ расписаны, но какъ, чѣмъ? На это, кромѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, отвѣта нѣтъ. Между тѣмъ именно отъ г. Уадделя мы вправѣ были ожидать точныхъ описаній, цѣнныхъ для специалиста. То же самое чувство разочарованія отъ недостаточнаго описанія испытываемъ мы по отношенію къ главной святынѣ Лхасы— большому храму Будды. Это особенно досадно и непонятно, потому что тотъ же докторъ Уаддель нѣсколько лѣтъ тому назадъ перевелъ тиботское описаніе храма ¹⁾. Самъ онъ, правда, горюитъ, что пошелъ въ храмъ со своей книжкой въ рукахъ ²⁾. Но нигдѣ не видно слѣдовъ сравненія двухъ описаній и, признаемся откровенно, описаніе очевидца—доктора Уадделя, намъ кажется совершенно недостаточнымъ и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленіе книги г. Цыбикова о Лхасѣ.

О монастырѣ Сэра сказано тоже очень мало. Ясно, что по отношенію къ знаменитому „Дорчжэ“ (родъ перуна), здѣсь сохраняемому, докторъ Уаддель былъ введенъ въ заблужденіе монахами, которые сказали ему, будто бы онъ находится въ Поталѣ и только выдается въ Сэра на нѣсколько дней во время празднованія новаго года. Монахи, несомнѣнно, просто прятали свою святыню отъ чужеземцевъ.

Еще менѣе вниманія докторъ Уаддель удѣлялъ старшину, любопытному храму Будды, такъ называемому Рамочэ. О немъ просто сказано нѣсколько словъ, между тѣмъ какъ онъ заслуживалъ тщательнѣйшаго описанія.

Въ концѣ нашего, быть можетъ, нѣскольکو суроваго отчета о книгѣ доктора Уадделя мы считаемъ нужнымъ оговориться, что наше отношеніе къ ней опредѣлялось нашимъ отношеніемъ къ г. Уадделю, какъ къ высококомпетентному специалисту, отъ котораго наука была въ правѣ ожидать рядъ цѣнныхъ научныхъ данныхъ. Быть можетъ, конечно, какъ мы уже сказали выше, докторъ Уаддель готовитъ еще рядъ

¹⁾ Journ. As. Soc. of. Beng. 1895, pp. 259—283. Description of Lhasa Cathedral

²⁾ Waddell, p. 363.

спеціальныхъ монографій, въ такомъ случаѣ намъ до извѣстной степени приходится извиниться за нашъ отзывъ, но только въ извѣстной степени, такъ какъ самъ докторъ своимъ предисловіемъ далъ намъ право требовать отъ его книги многого. Онъ говоритъ ¹⁾, указавъ на свою спеціальную долготѣнную подготовку: „Читатель извинить, па-дѣюсь, эти ссылки на личныя дѣла, которыя сдѣланы не изъ хвастовства, но только, чтобы объяснить нѣсколько особенное положеніе, въ которомъ я оказался, какъ членъ передовой колонны недавней исторической экспедиціи въ Лхасу. Перечисленные обстоятельства дозволили мнѣ имѣть сообщеніе съ ламами, туземными вождами и народомъ, какое было бы немислимо для другого человека, не подготовленнаго заранѣе такимъ образомъ; эти же обстоятельства дали мнѣ средства для объясненія многихъ символовъ, обычаевъ и мифовъ, которыя были бы непонятны непосвященному“. Чтобы оправдать эти слова, доктору Уадделю нельзя ограничиться разобранной здѣсь книгою.

Мы не привлекли вновь къ разсмотрѣнію книги г. Лондона (о которой говорили въ первой части статьи) не потому, чтобы считали ее ниже по достоинству, чѣмъ книгу Уадделя, но потому, что она и не имѣла претензій дать систематическій научный матеріалъ; конечно, и въ ней много цѣнныхъ отдѣльныхъ указаній, которыми не преминетъ воспользоваться специалистъ, но, въ общемъ, она не предназначена для специалистовъ и соответственно и написана. Только поэтому мы ее и не коснулись здѣсь, потому что вообще мы позволяемъ себѣ горячо рекомендовать ее всякому, интересующемуся Тибетомъ.

Стъ Лхасы не снята завѣса и много еще придется поработать для того, чтобы изучить какъ ее, такъ особенно и весь Тибетъ ²⁾; надо только пожелать, чтобы тѣ ученые, которымъ суждено посвятить себя этой интересной и благодарной задачѣ, посвятили Тибетъ не какъ спутники военныхъ экспедицій или дипломатическихъ миссій, а какъ мирные путешественники-ислѣдователи; думаемъ, что политика отъ этого не проиграетъ, а наука, несомнѣнно, много выиграетъ.

Сергій Ольденбургъ.

¹⁾ *Waddell*, p. VII.

²⁾ О. Н. Чернышевъ любезно указалъ намъ на только что появившуюся работу по геологій Тибета—результатъ экспедиціи: Н. Н. Hayden. Preliminary note on the Geology of the Provinces of Tsang and Ü in Tibet (Rec. Geol. Surv. of India XXXII. p. 2. 160—174).

II. Г. Васенко. „Книга степенная царского родословия“ и ее значение въ древне-русской исторической письменности. Часть первая. С.-Пб. 1904. (8 вен.+ III+260+1 вен.). Цѣна 2 руб.

Исслѣдованіе г. Васенко представляетъ цѣнный вкладъ не только въ науку русской исторіи, но и въ исторію русской литературы. Авторомъ безусловно доказано, что то, что дошло до насъ въ рукописяхъ подъ именемъ „Степенной книги“, есть памятникъ письменности, возникшій въ XVI столѣтіи, въ 1560 (1563) гт., подъ влияніемъ знаменитаго митрополита Макарія (1542—1563 гт.). Однимъ изъ оя составителей (авторъ, по нашему мнѣнію, не точно считаетъ его единственнымъ) былъ протопопъ Андрей, впоследствии митрополитъ Аонасій (1564—1566 гт.). Остальные его выводы, хотя и не категорическіе, все-таки весьма цѣнны: сомнительно составленіе какой-то Степенной митрополитомъ Кипріяномъ, невозможно авторство митрополита Макарія или писателя житій Василя—Варлаама и т. д. Большинство выводовъ автора обоснованы на тонкомъ анализѣ и образцовой критикѣ литературы предмета и сюда относящихся памятниковъ древней письменности. Появленіе исслѣдованія произошло лишь послѣ цѣлаго ряда этюдовъ, напечатанныхъ и въ нашемъ журналѣ, и въ Извѣстіяхъ Академіи. Самыя замѣчанія наши вовсе не имѣютъ въ виду колебать научнаго значенія исслѣдованія, а лишь пополнить и исправить кой какіе недочеты почтеннаго автора. Начинаю съ мелочей. На стр. 124 слово *предложеніе* надо начинать съ прописной буквы, ибо это названіе части сочиненія. Чтеніе *явственъ* или *степенъ* (стр. 151) было бы убѣдительнѣе при существованіи палеографическаго снимка даннаго мѣста рукописи Моск. Дух. Ак. изъ Волоколамскихъ № 632. Замѣчаніе, что снабженіе житій замѣткой въ концѣ заглавія: благослови отче, свидѣтельствуешь о томъ, что данное произведеніе полагалось для чтенія въ *торжественныхъ случаяхъ* (стр. 229),—но вѣрно: замѣтка благослови отче, или *εὐλόγησον πατέρ*—обычная отмѣтка при житіяхъ и другихъ памятникахъ, назначенныхъ для чтенія, на примѣръ, за трапезой¹⁾. Ошибки въ годахъ каталога Баузе (стр. 140) можно было подтвердить, на примѣръ, ошибочнымъ отнесеніемъ духовника царя Алексѣя Савиновича къ 1588 г. „*Животи* Кралева и архіепископа

¹⁾ Ср. издаваемый нами Указецъ Спасопрлудскаго монастыря 1584 года. Н. К. Нинальскаго, Описаніе рукописей Кирилло-Бѣловерскаго монастыря XV вѣка. С.-Пб. 1897, стр. I.VI, стр. 90 (№ 612).

српскихъ“ носятъ обычно названіе *Родослова* (стр. 163 и прим. 2)¹⁾, да и вообще можно бы было опустить разсужденіе о Родословѣ: на мысль о родословномъ изложеніи можно было натолкнуться и по евангелію (Мато. I, Луки III), и по синодикамъ. Замѣчу кстати, что по изслѣдованію проф. Пѣтухова и синодики стали у насъ обычными съ XIV вѣка—со времени митрополита Кипріяна. Автору, вообще, слѣдовало бы подробнѣе коснуться дѣятельности Кипріяна, чтобы объяснить, почему именно къ его имени пристало мнѣніе о происхожденіи „Степенной“. Любопытно, что Фларетъ Черниговскій (Обзоръ 1884, стр. 93) замѣчаетъ, что Кипріяну приписывается составленіе „Крипицы“—какихъ-то лѣтописныхъ извѣстій. Вопросъ Сахаровской Степенной Кипріяна, конечно, много: въ имѣющихся у меня бумагахъ Сахарова: описи его библіотеки и началъ словаря русскихъ писателей—о Степенной Кипріяна ни слова. Сравненіе списковъ житія Михаила Клопскаго (142—152) удобнѣе было бы дать въ отдѣльномъ приложеніи, чтобы не отвлекаться въ сторону. Между Сказаніемъ о князьяхъ Владимірскихъ и Степенной существуетъ сходство не только схемъ, но и выраженій. Если принимать авторомъ Сказанія Спиридона—Савву и 1523 годъ, то кажется слѣдовало бы подробнѣе развить и обосновать сказанное на стр. 167, хотя бы и въ приложеніи. Перехожу къ болѣе важнымъ упущеніямъ. При обзорѣ литературы предмета пропущены свидѣтельства Селлія, Бакмейстера, Греча. Адамъ Селлій (раньше Татищева) въ своемъ Каталогѣ писателей (изд. 1736 г. въ Ревелѣ, рус. пер. М. 1815 г.; стр. 44, № 90) ни слова не говоритъ о Кипріянѣ, а лишь отмѣчаетъ: Макарій, митрополитъ Московскій, издалъ Степенную книгу, то есть Родословную Россійскихъ Государей. Бакмейстеръ въ подробномъ отзывѣ объ изданной Миллеромъ „Степенной книгѣ“ далъ общую ея характеристику, сравнивая ея характеръ съ сочиненіемъ Боссюэта (*Discours sur l'histoire universelle*)²⁾.

Гречъ говоритъ о Кипріянѣ: изъ сочиненій его помѣщены въ Степенной книгѣ житіе Петра митр. и Слово прощальное. Нѣкоторые лѣтописцы приписываютъ ему и самыя Степенныя книги, но сіе но

¹⁾ *Животи..* то је право име, а преписивачи су га називали родословом или пароставником под којим је именом обично и познато ово дело *Носаковић*, Историја српске књижевности В. 1867, стр. 62. *Јамчъ*, Историја сербохрватске литер. К. 1871, стр. 218 sq.

²⁾ *Baekmeister*, Russische Bibliothek, 1775, Band III, S. 455. О Боссюэтѣ см., между прочимъ, рѣчь А. Н. Лопухина, выдержавшую два изданія (1892 и 1898): Промыслъ Божій въ исторіи человѣчества. С.-Пб.

доказано... О Макаріи: по его старанію и подъ непосредственнымъ его надзоромъ отчасти сочинены, отчасти же дополнены Стенснныи книги и пр. ¹⁾).

Указывая на царскаго духовника протопопа Андрея—митрополита Аванасія какъ на составителя Степенной книги, появившейся при митрополитѣ Макаріи (стр. 211 и 244), авторъ не уничтожаетъ возможности видѣть въ немъ лишь *одного* изъ составителей, а не единственнаго. Вокругъ Макарія работала цѣлая группа сотрудниковъ ²⁾. Одинъ изъ нихъ, неизвѣстный до сихъ поръ Ермолай, вѣроятно, протопопъ Спасскій изъ Дворца, прилагая образцы своего слога (а два изъ нихъ близки къ Степенной книге—сказаніе о Василии еписк. Рязанскомъ и объ архим. Мигтяѣ) просилъ въ своей челобитной:... Божиимъ промысломъ и благословеніемъ превеликаго всея Росіи архiereя Макарія митрополита составихъ три вещи отъ древнихъ драги... Нынѣ Господи Царю не презри прилежнаго сего моленія моего, да вменица въ миро семь часть моя со исправльшими слово твоего наказанія... аще самъ благоволиши поноудити сіа три вещи прочести яже азъ грѣшныи въ простотѣ смысла составихъ се по порядку суть здѣ ³⁾).

Далѣе бы слѣдовало автору обратить вниманіе и на поученіе на день св. Николая, приписываемомъ тоже попу Андрею ⁴⁾. Найдутся о немъ разныя мелкія свѣдѣнія и въ лѣтописяхъ ⁵⁾. Во всякомъ случаѣ, авторъ уже не первый считаетъ Андрея—Аванасія—авторомъ Степенной книги. Вотъ что въ 1894 г. писалъ почтенный провинціальный дѣятель о. А. Свирѣлинъ: „составитель рукописи житія преп. Даниила (Переяславскаго) есть, конечно, одно лицо съ составителемъ житія его въ Степенной книгѣ. Нѣкоторыя событія въ Степенной книгѣ о преп. Даниилѣ взяты почти буквально изъ рукописнаго житія. Степенная книга, хотя и приписывается митрополиту Макарію, но несомнѣнно въ составленіи ея участвовалъ и Аванасій (*раньше объяснено, что это протопопъ Андрей*), подъ руководствомъ митрополита. Въ I части Степенной книги, на стр. 76 сочинитель говоритъ о

¹⁾ Опытъ краткой исторіи русской литературы, С.-Пб., 1822, стр. 36.

²⁾ Напр., смиренный монахъ и пресвитеръ Іліа церкви преп. Евванія великаго, живъ внутри дома архіепископа (въ Новгородѣ), переписавшій житіе св. Георгія Новаго изъ устъ Митрофана и Прохора иноковъ Аеоискихъ изъ мон. св. Георгія.

³⁾ Рукоп. Хлудова № 147, л. 447—448.

⁴⁾ Издаю Варсовымъ въ Читеніяхъ О. И. и Д. Р., 1882, III, ср. Толстого, Рук. Ц, № 140 и 301.

⁵⁾ Львовская лѣтопись.

себѣ, что онъ составилъ Степенную книгу по благословенію и повелѣнію митрополита Макарія. Во II ч., на стр. 97 онъ молитъ Іону, новаго чудотворца... о Макаріи и о себѣ: „не презри и насъ“... Почтенный изыскатель древностей о. протоіерей Діевъ (въ 1859 году) извѣстилъ меня, что въ Московскомъ Чудовѣ монастырѣ есть Степенная книга, писанная въ XVI столѣтіи; въ ней по листамъ написано: „книга Чудова монастыря собрана смиреннымъ Аванасіемъ, митрополитомъ всея Россіи“. Это еще болѣе говоритъ въ пользу нашего мнѣнія ¹⁾).

Накопецъ, отмѣтимъ, что нашъ авторъ мало обратилъ вниманія на самое заглавіе „Степенная книга“. Откуда появилось это слово, взаиміи обычныхъ лѣтописей, лѣтописецъ, хронографъ и пр.? Что такое значить степень и что значить грань?

Обращаемся къ самой книгѣ—начнемъ съ заглавія.

Книга степенная Царскаго родословія, иже въ Русей земли въ благочестіи просіявшихъ... скипетродержателей... иже мнози... многообразными подвиги яко златыми степенями на небо восходную лѣствицу непоколеблемо воздрузиша... Чудесныя же о нихъ повѣсти ихъ же елико возмогохомъ... изобрѣсти и сія здѣ въ книгѣ сей степенями расчленены суть и гранями объявлены и главами съ титлами сказуемы, ими же возможно всяку повѣсть въ книгѣ сей реченну немедленно обрѣсти (I, стр. 3 и 4). Гранесованіе степенемъ и оглавленію гранемъ о (отъ) благочестиво державствующихъ и святопожившихъ боговѣчныхныхъ царей и Великихъ князей... наченалъ отъ Владиміра... и прочихъ... исчисленіе титломъ и именованіе Пресвященныхъ митрополитовъ. (I, стр. 55). Степень первый и грань первая... въ немъ же главъ 75... (I, стр. 56, стр. 75). Да не токмо глаголаше первый степень и повѣсть скончается, но да подвижемся вспоминуть и прочая степени богопросвѣщеннаго изращенія иже отъ блаженнаго Владиміра, державствующихъ ихъ же родословіемъ и... подвиги... и... добродѣтельное житіе воспомянемъ... въ славу прославляющему ихъ Богу (I, стр. 219). Третій степень помянухомъ и грань третій кончавше и четвертаго степени боговѣщаннаго царствія достигше глаголемъ, елико разума подасть Богъ (I, 240). Четвертый степень прешедъ, пятый степень начинается иже есть начало Московскому царствію (I, 248). Конецъ осьмага степени

¹⁾ *Протоіерей Александръ Смирлинъ*, Житіе преп. отца нашего Данила, Переславскаго Чудотворца. Изданіе второе. Переяславль-Задѣскій, 1894, стр. 53. Объ Андрѣ, какъ авторѣ житія преп. Данила, см. стр. 49—55.

и грани осмыя родословнаго коронноплодія иже благочестно державствующиѣхъ... пять степеней во градѣ Кіевѣ скончашася, *три же степени* градъ Владимиръ *стяжа*, девятый же степень начася въ богоспосаеомѣ градѣ Москвѣ (I, 376). Аще убо... о блаженномъ князѣ Ѳеодорѣ... *повѣсть до здѣ совершиися и конецъ грани сказанія, иже о девятомъ степени* (I, 401)... Но до сего станемъ тротьяго на десять степеней... Отсюда убо начинается четвертый на десять степень (I, 580), ему же сказаніе аще Богъ сотворитъ вся елико хоцетъ иже и и здѣ (время Іоанна III-го) паче трехъ степеней возвыси и прослави сій 15. степень ему же сказаніе до здѣ и конецъ пятая на десять грани;... да не умолчено же буди... приложити и шестый на десять степень ему же начало сиче (II, 172) и пр.

Дальнѣйшіе примѣры употребленія нашего названія „степень“ видны изъ Описи книгамъ въ *степенныхъ* монастыряхъ находившимся, составленной въ 1653 году ¹⁾... Тамъ мы находимъ выписку изъ отписныхъ книгъ 1637 г. во Владимірскомъ Рождественскомъ монастырѣ ²⁾, гдѣ подъ № 1664 значится—*книга степенная* Царская въ дестъ и рядомъ съ ней какаѣ-то греческая царственная въ поддестъ письменная; въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ (1653 г.) хранится лѣтописецъ *степенной* въ дестъ. По Матеріаламъ для словаря древнерусскаго языка И. И. Срезневскаго, т. III, С.-Пб., 1903 г. Степень обозначаетъ—ступень, порогъ, лѣстница, подножіе, основаніе (переносно), возвышеніе, санъ, должность (столб. 511—512). Стихови степенни, пѣснь степенна, пѣснопѣнія I. Дамаскина на воскресныхъ и праздничныхъ утrenoхъ. Степенна пѣснь — пѣснь высока (Рѣчи жидовска языка до 1300 г.).

Итакъ книга степенная не есть книга только степеней родства—это книга высокая (царственная), книга восхожденія.

Грань(ь) по тому же словарю Срезневскаго имѣетъ значенія—стихъ, versus, στίχος. Пишетъ же (Іеремія) сіа плача на грани раздѣля, коемуждо грану в зачалѣ полагаи жидовска языка письмена. Омирѣскый грань (στίχος). Закона градскаго главы различны въ чотырехънадесятыхи гранѣхъ. По граномъ же и сеи псаломъ сложится. Грань—angulus, terminus—уголъ, сарут, κεφάλαιον, titulus, τίτλος, грань же яснѣе именуется съчтаніе. Написано соущее и толкованіе порознь

¹⁾ Чтенія Об. Ист. и Древн. при Моск. унив. 1848, I, стр. 30 и 12.

²⁾ Не тамъ ли окончилъ свои дни перяславецъ Андрей—Аванасій послѣ оставленія митрополіи?

на двѣ грани; двѣ черты на крестъ (I, столб. 585) (ср. тамъ же азбука граница съ подгителными словы).

Выясненіе терминовъ, по нашему мнѣнію, содѣйствуетъ рѣшенію общаго вопроса о цѣли Степенной книги и, подтверждая заключеніе автора, расширило бы и его воззрѣніе на дѣло. Для митр. Макарія и его подручныхъ—писателей Степенной книги слово *степень* обозначало извѣстный періодъ, княженіе, царствованіе — со всѣми особыми проявленіями Божьей благодати. Объ исторіи туль и помину не было—дѣло шло объ символическомъ пониманіи преомства власти, власти благочестивой, боговѣнчанной, ведущей на небо, какъ золотыя ступени лѣстницы, на небо восходной. Грань это то, что мы назвали бы томомъ, частью. Степени и грани совпадаютъ случайно, но степень имѣють въ виду внутренній, а грань чисто вѣншій признакъ. Наконецъ—слово, сказаніе, обозначало — „заглавіе“. Итакъ, слово *степень* носить символическій характеръ. Всякій изъ родоначальниковъ современнаго составителя Грознаго царя Ивана Васильевича является не только благовѣрнымъ и самодержавнымъ Великимъ Княземъ всея Русіи, но и человекомъ богоугодившимъ или своимъ благочестіемъ, или своими подвигами. Это прекрасно указано и авторомъ (стр. 224), но кое что надо дополнить. Не даромъ же изображенія князей въ росписи Архангельскаго собора украшены нимбами святыхъ: а вѣдь митрополитъ Макарій и самъ былъ иконописецъ, и любилъ фресковыя росписи храмовъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ новаторомъ: вспомнимъ дѣло дьяка Висковатаго ¹⁾. Я предполагаю, что роспись входной паперти Благовѣщенскаго собора родословнымъ древомъ русскихъ князей и царей, на вѣтвяхъ котораго помѣщены ихъ изображенія, тѣсно связана съ выраженіемъ Степенной книги: о Богу утвержденныхъ скипетродержателяхъ иже бяху отъ Бога яко райская древесца пасаждони при исходищахъ водъ... яко садъ добровраченъ и красонъ листвіомъ и благоцвѣтущъ многоплоденъ же и зрѣлъ... высоковерхъ и многочаднымъ благородіемъ, яко свѣтило врачными вѣтвми разширяемъ (I, 3) ²⁾. Укажу еще хотя и небольшое, но любопытное совпаденіе старыхъ фресокъ и Степенной книги. Роспись Золотой палаты XVI вѣка дошла до насъ лишь въ описаніи Симона

¹⁾ Отмѣчу кстати, что Висковатаго смущала между прочимъ символическая икона „Ветхій дѣпныи“, созданная любителемъ символовъ митрополитомъ Макаріемъ.

²⁾ Сравни рисунокъ Древа российскихъ государей царевны Татьяны Михайловны, приложенный къ спискамъ рукописей Воскресенскаго монастыря, изд. архим. Амфилохіемъ. М. 1876.

Ушакова 1762 г. ¹⁾, но, сопоставляя дѣло Висковатова (155) съ упреками за изображенія Блуженія и другихъ аллегорій ²⁾ съ Описными книгами (стр. 2), мы видимъ, что роспись уже существовала въ 1554 году и возобновлена послѣ пожара 1560 г. (изображенія царей Федора и Бориса Годунова, вѣроятно, приписаны послѣ). Надписи надъ изображеніями во многихъ случаяхъ сходны съ текстомъ Степенной книги (можетъ быть, въ зависимости отъ общаго источника—хронографа). Любопытно было бы сравнить и надписи рѣзнаго царскаго мѣста (Мономаховъ тронъ) въ Успенскомъ соборѣ съ текстомъ Степенной книги.

И такъ, главною цѣлью (по мнѣнію П. Г. Васенко — второстепенною) именно было доказать святость сѣмени Владимірова. Съ нами согласенъ и изслѣдователь жизни Макарія—Н. Лебедевъ, не упомянутый П. Г. Васенко. Онъ говоритъ: „Степенная книга, составленная при Макаріи и подъ его вліяніемъ, стремится представить исторически, такъ сказать, апотеозъ русскаго царствующаго дома, указывая на связь его съ родомъ Августа и изображая жизнь и дѣла князей съ значительною примѣсью элемента сверхъестественнаго“ ³⁾.

Последнее *mutatis mutandis* указываетъ на вѣрность параллели, проведенной еще Бакмейстеромъ между нашей Степенной книгой и воззрѣніями Воссюзта на ходъ исторіи.

И. Шляпкинъ.

Новый болгарскій журналъ по этнографіи.

Съ 1903 года въ околийскомъ городѣ Филиппопольскаго округа Станимакъ издается журналъ, посвященный географіи, исторіи, языку, флорѣ, фаунѣ, социально-экономическому положенію и пр. Родопскаго края, подъ редакціей извѣстнаго этнографа Ст. Н. Шишкова и В. Дѣчова. Свою обширную программу журналъ, выходящій ежемѣсячно или разъ въ 2 мѣсяца, книжками въ 2—4 печатныхъ листа, старается по мѣрѣ силъ выполнить, но центръ тяжести лежитъ на этнографіи и культурномъ положеніи, равно какъ исторіи культуры

¹⁾ Описныя книги царскихъ палатъ Золотой и Грановитой, изд. Общ. Древнерусскаго искусства. М. 1882, подъ ред. Филимонова.

²⁾ Въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1847, III, 25 окт. и 1858, II.

³⁾ Н. Лебедевъ, Макарій, митр. всероссійскій (1482—1563). Москва, 1897, стр. 11 (134 стр.).

южной окраины Болгаріи и прилегающей къ ней Фракія. Журналъ снабженъ иллюстраціями, по преимуществу этнографическаго характера, и представляетъ не только мѣстный, но и общій интересъ, какъ, надѣюсь, будетъ видно изъ предлагаемаго мною обзорнія содержания журнала за 1904 годъ.

№ 1 заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: „Изъ древнота минало на Родопитѣ“—извлеченія изъ Геродота (стр. 1—4); „Изъ народнитѣ прѣданія“ (6—9)—сообщаются любопытныя народныя легенды, связанныя съ названіями трехъ мѣстностей; „Изъ сѣврѣмненія помашкия обществененъ животь“ (11—23)—начало статьи, въ беллетристической формѣ изображающей общинный совѣтъ, общинный судъ, воиную повинность, выборы депутатовъ у помаковъ, — въ сожалѣнію изложеніе испещрено турецкими словами, въ большинствѣ случаевъ оставленными безъ объясненія; въ отдѣлѣ „Народни умотворенія изъ Родопитѣ“ находимъ (30—32) двѣ пѣсни и описаніе нѣкоторыхъ народныхъ вѣрованій и предсказаній.

Въ № 2 отмѣчу статью Ст. Н. Шишкова: „Матеріали изъ неотколѣшиото минало на Родопитѣ“—разсказывается, какъ, благодаря интригамъ греческаго духовенства и грекомановъ-болгарь, Аху-челбійская кааза осталась подъ властью Турціи по Санъ-Стефанскому договору, и такимъ образомъ болгарское населеніе бассейна Арды, которое имѣло свои географическія, этнографическія, экономическія и историческія связи съ Филиппополемъ, было отрѣзано отъ своего естественнаго центра и оставлено на милость турецкой власти и греческимъ кознямъ (стр. 45—49). Далѣе находимъ продолженіе статьи: В. Дѣчова: „Изъ сѣврѣмненія помашкия обществененъ животь“, „Какъ сѣ се явили помади въ чисто българското село Косово (Шайтаново), Рупчоско“ (стр. 56—59)—любопытный разсказъ о томъ, какъ, съ цѣлью сохранить неправильно захваченную землю, болгаринъ потурчился, и отъ него пошло потомство, которое, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, притѣсняло односельчанъ, пока не выселилось въ 1825 году, запуганное болгарской четой. Въ отдѣлѣ: „Вѣсти изъ Родопитѣ“ сообщаются весьма поучительныя свѣдѣнія о школьномъ дѣлѣ въ Болгаріи. Въ отдѣлѣ: „Народни умотворенія“ помѣщена сказка, описаніе одной дѣтской игры и простонародныя названія мѣсяцевъ—по большей части происходящія отъ именъ святыхъ, особенно чтимыхъ народомъ, празднуемыхъ въ соотвѣтственные мѣсяцы. Привожу эти названія: Големин, Малкѣшан, Марто, Лѣашко, Ирминския (Иеремійнъ), Петрѣския, Плинския, Лгус

(очевидно изъ августъ), Симфонскія, Устинскія, Архангелскія, Никулскія.

Въ № 3 можно отиѣтитъ статью В. Дѣцова: „Древніи исторично-археологични бѣлѣжки (Гдѣ е старото свѣтѣлице на Веситѣ и Сатритѣ)* (74—78). Авторъ указываеъ на рядъ развалинъ при горахъ Чилъ-тепе и Епиханъ-тепе, находящихя на болгарско-турецкой границѣ въ 20—25 километрахъ отъ с. Чепеларе на юго-востокѣ. Тамъ была найдена каменная статуя, представляющая голаго человѣка, желѣзные большіе клещи, круглая желѣзная большая ложка съ ручкой. Кромѣ того авторъ сообщаетъ о совершаемомъ въ старину помаками празднествѣ на горѣ Епиханъ-Баба. Въ другой статьѣ того же В. Дѣцова: „Изъ исторіята на Сръдно-Родопскитѣ планини“ любопытенъ разсказъ о томъ, какъ султанъ даровалъ званіе бей одному зажиточному болгарину села Райкова и освободилъ его владѣнія отъ всякихъ налоговъ. Но потомки утратили все привилегіи и званіе (стр. 79—84). Другая половина статьи повѣствуетъ о романическомъ эпизодѣ въ жизни этого самаго болгарина. Въ отдѣлѣ: „Народни умотворенія“ находимъ двѣ пѣсни, три народныя средства противъ болѣзней, названіе мѣстностей изъ окрестности с. Малово.

Въ № 4 находимъ „Описание с. Чепеларе“—П. И. С. (стр. 99—108) съ рисункомъ. Въ с. Чепеларе при 2½ тысячномъ населеніи большое 2-хъ-этажное зданіе для училища и начальной школы (къ сожалѣнію по недостатку средствъ, такъ какъ село бѣдное, недостроенное). Не такъ давно въ Чепеларе образовалось общество „Родопска искра“, имѣвшее свою читальню и нѣсколько лѣтъ тому назадъ выказавшее большую дѣятельность по части изданія популярныхъ брошюръ, касающихся важныхъ и необходимыхъ экономическо-культурныхъ нуждъ этого края. Теперь это общество строитъ особое зданіе для театра, читальни и библіотекки, по размѣрамъ не уступающее училищному—это въ глуши, среди горъ, куда до недавняго времени можно было пробраться только верхомъ на мулъ! Далѣе можно отиѣтитъ интересныя путевыя замѣтки Педѣлова: „Изъ Бѣломорската равнина“ (109—114). Въ отдѣлѣ: „Книгопись“ въ рефератѣ о XIX книгѣ „Сборника Болгарскаго Мин. Народн. Просвѣщ.“ находимъ поправки къ труду Карайова: „Матеріалъ за изучаване Одринскія вилаеъ“ по отношенію къ Гюмюрджійскому санджаку (стр. 119—123). Въ отдѣлѣ: „Народни умотворенія“ помѣщено 5 пѣсенъ и словарикъ къ нимъ и собственныя имена помаковъ.

Въ № 5—6 находимъ слѣд. болѣе интересныя статьи: „Отъ Че-

пеларе до Чиль-тепе. Географски очеркъ"—П. П. С. (131—141); продолженіе статей Недѣлева и В. Дѣчова (143—165); „Село Ковачовици, Неврокопско“ Ст. Н. Ш.—сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о жителяхъ этого села, въ особенности о одеждѣ и говорѣ ихъ—жители мало чѣмъ отличаются отъ жителей Рупчоса. Статья снабжена рисункомъ (165—168). Въ отдѣлѣ: „Документи изъ миналото на Родопитѣ“ помѣщенъ любопытный документъ о учрежденіи въ селѣ Ковачовицѣ (Неврокопской каазы) общесельской училищной кассы по инициативѣ нѣкоего дѣда Цвѣтка, который былъ человекомъ, горячо преданнымъ своему народу, обходилъ села въ Неврокопской каазѣ, и избралъ себѣ для постоянного мѣстопробыванія с. Ковачовицу. Онъ часто бесѣдовалъ съ крестьянами, побуждалъ ихъ въ общественной дѣятельности, будилъ національный духъ, въ церкви провозносилъ пламенные проповѣди, которыя носили не исключительно религіозный характеръ. По увѣреніямъ стариковъ дѣдъ Цвѣтко въ дѣйствительности былъ архимандритъ о. Пахомій и былъ однимъ изъ Тырновскихъ депутатовъ на первомъ болгарскомъ церковномъ соборѣ въ Константинополѣ. Въ Неврокопскую каазу онъ прибылъ въ 1873 г.; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Документъ составленъ въ весьма лояльномъ духѣ по отношенію къ султану, которому высказывается благодарность за освобожденіе болгаръ отъ ига фанаріотовъ, но въ то же время проникнутъ горячимъ патріотическимъ чувствомъ (стр. 180—182). Въ отдѣлѣ: „Народни умотворенія“ помѣщена сказка: „Двѣ сирачѣата“, представляющая довольно любопытную версію извѣстнаго мотива о преслѣдованіи невинной сестры женой брата, и шесть пѣсенъ.

№ 7. Въ статьѣ Ст. Н. Шишкова „Чокуръ-къой“ (стр. 191—198—съ рисунками), между прочимъ, говорится о отношеніи къ помакамъ болгарскаго правительства, которое вмѣсто того, чтобы позаботиться о пробужденіи среди нихъ народнаго самосознанія посредствомъ школы, дѣлало все для того, чтобы поселить въ нихъ отвращеніе къ новымъ условіямъ жизни и заставить выселиться въ Турцію. При этомъ подъ маской мнимаго патріотизма крылись и кроются въ данномъ случаѣ только низкія корыстныя цѣли: помацкія земли безъ помаковъ. А отсутствіе точно уясненной и опредѣленной государственной политики, основывающейся на болѣе широкихъ государственныхъ интересахъ въ отношеніи къ помацкому населенію въ Родопяхъ, у всѣхъ болгарскихъ правительствъ до сихъ поръ, да и на будущее еще продолжительное время, было величайшей причиною, что создавался такой неправильный

взглядъ, и проходятъ незамѣченными крупныя ошибки, которыя когда-либо сознаютъ, да будетъ поздно. Въ статьѣ: „Роженскія съборъ на 27 юли въ Сръднитъ Родопи“ (207—209) любопытны общія замѣчанія о обычаяхъ приносятъ курбаны въ Родопахъ и о празднествахъ, связанныхъ съ этими приношеніями. Кромѣ того въ № 7 помѣщено начало статьи В. Дѣцова: „Иглолистнитъ гори въ Рупчосъ и новиятъ законъ за горитъ“ (198—207). Въ отдѣлѣ: „Народни умотворения“ помѣщено 4 пѣсни, одна сказка, названія мѣстностей въ окрестности Чокуръ-къой, сообщается о нѣкоторыхъ народныхъ вѣрованіяхъ и примѣтахъ въ Чокуръ-къой и фамильныхъ и бранныхъ именахъ. Тексты снабжены словарями.

Болѣе интересныя статьи № 8—9: окончаніе статьи Подѣлова (227—232); „На иктъ за П. (Едно народно суевѣрие)“ (233—236); продолженіе статьи: „Иглолистнитъ гори“ etc. (236—239); „Нашата просвѣтно-культурна дѣйностъ въ Родопитъ отъ освобожденіето до днесъ“ (248—253). Въ отдѣлѣ: „Народни умотворения“ находимъ свѣдѣнія по народной ветеринарной медицинѣ, нѣсколько образчиковъ народныхъ заговоровъ и шесть народныхъ пѣсенъ съ объяснительнымъ словаремъ.

Въ № 10 можно отмѣтить статью Ст. Н. Шишкова: „Изъ долината на Арда“ (271—277); его же „Нуждата отъ едно българско търговско агенство въ Скеча или Гюмюрджия?“ (288—291); окончаніе статьи: „Иглолистнитъ гори“ (277—287). Въ отдѣлѣ: „Народни умотворения“ сообщены три пѣсни, нѣкоторыя народныя вѣрованія и примѣты съ объясненіемъ непонятныхъ словъ.

Пожелаемъ успѣха новому изданію!

К. Радчино.

Новѣйшія записи былинъ.

Ч. Е. Олчукотъ. 1) Печорскія былины. С.-Петербургъ, 1904 г. XLV + 424 стр. in 8 (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, т. XXX, и отдѣльно). 2) Архангельскія былины и исторически пѣсни, собранныя А. Д. Григорьевымъ, въ 1899—1901 гг. Съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Томъ I. Часть 1. Поморье.—Часть II. Пинега. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Москва. 1904 г. LX+708 стр. in 8.

Преждъ нами до нѣкоторой степени юбилейныя изданія. Въ 1804 г., т. е. ровно 100 лѣтъ тому назадъ, считая съ 1904 г., года изданія разсматриваемыхъ сборниковъ, впервые появилось въ печати собраніе

русскихъ былинь и историческихъ пѣсенъ: *Древнія Русскія Стихотворенія*. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1804 г. До этого времени, если не считать передѣлокъ Чулкова, Екатерины II и др., извѣстны были въ печати лишь отдѣльные былевые отрывки да изъ старшихъ историческихъ пѣсенъ нѣсколько ММ, и *Древнія Русскія Стихотворенія*, представлявшія часть такъ называемаго сборника Кириши Данилова, открывали собою новую эру въ изученіи нашей народной словесности. Переизданныя 14 лѣтъ спустя, они долго оставались почти единственнымъ и во всякомъ случаѣ главнѣйшимъ источникомъ для знакомства съ русскимъ былевымъ эпосомъ. А между тѣмъ первымъ издателемъ ихъ было лицо, совершенно непричастное къ наукѣ, и, по собственному признанію его, только „нечаянный случай доставилъ ему рукопись *Древнихъ Стихотвореній*, которая, быть можетъ, дорого стоила собирателю ея“. „Нечаянный же случай“ явился виной того, что послѣ 2-го изданія эта рукопись затерялась и снова нашлась уже въ 1894 г. ¹⁾).

Въ тридцатыхъ годахъ начинается грандіозная дѣятельность П. В. Кирѣвскаго, о которой его *Писни* даютъ только приблизительное и далеко неполное представленіе. Она была также дѣломъ частнаго почина и всецѣло зависѣла отъ личной энергіи, взглядовъ, увлеченія самого П. В. Кирѣвскаго и его сотрудниковъ. Сѣть поисковъ широко раскинулась, и записи у П. В. Кирѣвскаго охватываютъ обширный районъ, но распределены въ немъ довольно неравномѣрно. „Въ одной губерніи нашелся любознательный собиратель, и нашлись былины; въ другой—такого собирателя не было, и въ сборникѣ Кирѣвскаго былинь изъ нея не оказывается“ ²⁾). Однѣ изъ лучшихъ былинь въ этомъ сборникѣ—сѣвернаго происхожденія. Еще опредѣленнѣе на сѣверъ указывали тѣ матеріалы, которые печатались въ *Памятникахъ и образцахъ народнаго языка и словесности* при академическихъ

¹⁾ Сборникъ Кириши Данилова, 1901 г., стр. 202—3, III—VI.

²⁾ В. О. Миллеръ. *Очерки*, 1897, стр. 66. Самъ г. Миллеръ оспариваетъ этотъ взглядъ, указывая на то, что, при всемъ интересѣ съ 60 годовъ къ былинамъ, „результаты тридцатилѣтнихъ поисковъ былинь въ разныхъ областяхъ Россіи, за вычетомъ губ. Олонеккой и Архангельской и нѣкоторыхъ мѣстностей Сибіри, оказываются крайне скудны“ и почти не пополняютъ Кирѣвскаго. Значитъ, все же для мѣкоморья мѣсть данныхъ Кирѣвскаго не полны и случайны; затѣмъ дальше придется говорить, насколько можно довѣрять интересу къ былинамъ, и, наконецъ, чего не оказалось въ центральной Россіи послѣ 60-хъ годовъ, то могло еще доживать свой вѣкъ въ 30-хъ годахъ.

Извѣстіяхъ за 50-ые годы. И, однако, кто знаетъ, сколько времени „Исландія нашего эпоса“ оставалась бы необсѣдованною, если бы „независящія обстоятельства“ въ жизни П. Н. Рыбникова не забросили этого изслѣдователя въ Олонецкую губернію, а необычайное его открытіе не вызвало экскурсіи А. Θ. Гильфердинга! Но снова вмѣшивается „начальный случай“: нежданная, преждевременная смерть прерываетъ дѣятельность Гильфердинга въ самомъ разгарѣ, и снова надолго водворяется затишье. На мѣстѣ, гдѣ богатый сборъ былъ сдѣланъ Рыбниковымъ, Гильфердингъ нашелъ еще много новаго, и тѣмъ какъ бы завѣщавъ изслѣдователямъ не довольствоваться добытымъ, а продолжать поиски. Продолженіе послѣдовало не скоро, если не считать случайныхъ, мелкихъ находокъ; даже въ прекрасныхъ *Материалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.*, г. Ефименки, былинамъ удѣлено сравнительно мало вниманія, и собираніе ихъ производилось, судя по позднѣйшимъ даннымъ, довольно поверхностно. Лишь „въ 1884 г. въ Отдѣленіи этнографіи Русскаго Географическаго Общества... возникла мысль о необходимости сохранять для искусства и науки уцѣлѣвшіе еще среди русскаго народа остатки быстро исчезающихъ памятниковъ русской народной поэзіи“¹⁾.

Была учреждена комиссія, начались экскурсіи, которыя, къ сожалѣнію, были такъ организованы, что не имѣли времени „для полного этнографическаго изслѣдованія края“, не могли даже „непосредственно знакомиться“ съ населеніемъ и „естественно должны были прибѣгать къ посторонней помощи“ урядниковъ, сотскихъ, десятскихъ...

Въ итогѣ, экспедиція въ губерніи Олонецкую, Архангельскую и частью Вологодскую констатировала: „что касается до эпоса, то онъ достаточно уже исчерпанъ почтенными собирателями, покойными П. Н. Рыбниковымъ и А. Θ. Гильфердингомъ“; въ частности, „въ Архангельской губ. былина уже явленіе рѣдкое“, и, напримѣръ, на низовой Печорѣ, въ с. Усть-Цылымѣ Θ. М. Истомина не нашелъ сказителей былинъ, а разпросы его о старинахъ, которыя тамъ извѣстны, убѣдили его въ томъ, что это не былины, а рассказы и записи объ усть-цылемской мѣстной старинѣ“²⁾.

Проходить нѣсколько лѣтъ, и вдругъ въ той же Архангельской губ. гг. Марьковъ, Ончуковъ и Григорьевъ записываютъ нѣсколько сотъ былинъ (въ изданныхъ ими сборникахъ, изъ коихъ сборникъ

¹⁾ *Писни русскаго народа* Θ. М. Истомина в Дюшна, 1894 г., VII и д.

²⁾ *Ibid.* XIX; г. Ончуковъ стр. XXV.

г. Григорьева не законченъ, всего 429 №№)! Мало того: по указанію г. Ончукова, „вездѣ по... всѣмъ мѣстамъ Печоры къ старинщикамъ относятся съ большимъ почтеніемъ, ихъ знаетъ непремѣнно каждый въ своемъ селеніи, а иногда слава ихъ гремитъ на всю Печору“. „Поэтому“, продолжаетъ г. Ончуковъ: „мнѣ мало понятно, какимъ образомъ прежніе путешественники на Печору ничего не слышали о старинахъ“ (XXV). Но еще болѣе поразительно другое замѣчаніе г. Ончукова: „Большой новостью мои открытія десятиковъ былииъ на Печорѣ были всей печорской бюрократической интеллигенціи: учителямъ, священникамъ, чиновникамъ, между которыми есть цѣлыхъ два дѣйствительныхъ члена Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи... Никто и не подозрѣвалъ о существованіи былииъ на Печорѣ!“ (XXVI) ¹⁾.

А между тѣмъ еще такъ недавно проф. В. Ө. Миллеръ писалъ: „Можно положительно сказать, что, начиная съ 60-хъ годовъ, когда появляются первые выпуски сборниковъ Кирѣевскаго и Рыбникова, когда знакомство съ народными былинами входитъ въ программу преподаванія средне-учебныхъ заведеній, когда о русскомъ богатырскомъ эпосѣ появляются журнальныя статьи,—высокое значеніе и научный интересъ былииъ достаточно проникли въ сознаніе всякаго любителя этнографа... Несомнѣнно, что всякому любителю-этнографу было бы особенно лестно записать какую-нибудь новую былинку, открыть какого-нибудь новаго богатыря“ ²⁾. Печорскіе этнографы, какъ видно, придерживались иного мнѣнія, и поневолѣ закрадывается сомнѣніе въ томъ, чтобы сдѣланныя доселѣ записи вполнѣ отвѣчали дѣйствительному географическому распредѣленію у насъ былииъ. Хорошо, что удалось, наконецъ, провѣрить данныя относительно сѣвера Россіи; но вѣдь этому помогла исключительная сила и живучесть тамъ былинной традиціи. Большая часть Россіи—въ иномъ положеніи. ¹⁾

Надо имѣть въ виду также, что недочеты по части собиранія былииъ важны не только со стороны вопроса о географическомъ распространеніи послѣднихъ. Какъ показываютъ наблюденія, отдѣльныя мѣстности въ той или иной степени разнятся своимъ репертуаромъ. Не говоря ужъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ или подробностяхъ, даже сюжеты, извѣстные по прежнимъ записямъ, не всѣ повторяются, напримѣръ, въ Архангельской губ., и, наоборотъ, въ ней записаны

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Очерки, стр. 66.

такія былины, какихъ мы раньше не знали нигдѣ. Позволительно предполагать поэтому, что и въ утраченномъ репертуарѣ центральныхъ губерній было кое-что свое, неизвѣстное въ репертуарѣ другихъ мѣстъ.

Такъ до самаго недавняго времени шло у насъ собраніе лучшаго нашего достоянія въ области народной поэзіи, и, право, слѣдуетъ еще удивляться, что собрано столько! Строгой, выдержанной системы не было, и очень многое зависѣло отъ простого случая, подчасъ отъ „независящихъ обстоятельствъ“. Цѣнные, глубоко симпатичные труды гг. Маркова, Ончукова и Григорьева знаменуютъ ли новый порядокъ, или они по старому останутся лишь единичными отрадными явленіями?

Во всякомъ случаѣ свою ближайшую задачу названные изслѣдователи выполнили прекрасно, и предшествующій опытъ, съ его удачами и неудачами, не прошелъ для нихъ безслѣдно.

На первый планъ выдвинуто не количество обследованныхъ мѣстъ, а качество наблюденій, при чемъ лишній разъ подтвердилась необходимость предварительныхъ развѣдокъ для освѣщенія мѣста и характера послѣдующихъ работъ. Напримѣръ, г. Ончуковъ въ первую поѣздку на Печору „успѣлъ записать только 7 былинь“ исключительно потому, что пріѣхалъ въ неудачное время, когда „печорцы семьями, въ полномъ составѣ, со старухами и ребятишками, иногда даже съ животными, заколачивая дома, отправляются изъ селеній—часть на пожни, часть на рыбныя ловли“ (I—II). Рискованно пріѣзжать и въ такую пору, какъ великій постъ, особенно на его послѣднихъ недѣляхъ: „печорцы-старообрядцы, да и печорцы-православные, обычно очень религіозно настроенные, едва ли бы стали пѣть что-нибудь свѣтское въ это время“; по крайней мѣрѣ г. Ончуковъ встрѣтилъ старинщика, не согласившагося пѣть даже на пасхальной недѣлѣ, а послѣ праздниковъ пѣвшаго только по воскресеньямъ (III), хотя, замѣтимъ, наблюденія г. Григорьева показываютъ, что въ великій постъ былины поются предпочтительно передъ другими пѣснями: видимо, здѣсь играютъ роль и мѣстные особенности и индивидуальныя черты пѣвцовъ. Вообще же, чтобы быть плодотворной, этнографическая экскурсія должна быть приноровлена къ условіямъ мѣстной жизни, и съ этой стороны поѣздка г. Ончукова является одной изъ самыхъ удачныхъ. Г. Григорьевъ, какъ кажется, находился въ менѣе благоприятномъ положеніи, такъ какъ его поѣздки совпадали съ лѣтними работами ¹⁾.

¹⁾ Матеріалы г. Григорьева — плодъ поѣздокъ лѣтомъ 1899, 1900 и 1901 гг.;

Поморяне были заняты рыбною ловлею на Мурманѣ; „на этотъ промыселъ, имѣющій важное экономическое значеніе для Поморья, отправляется буквально все мужское населеніе даже съ девятилѣтними подростками, за исключеніемъ немногихъ должностныхъ лицъ“ (5—6).

„Не до старинъ“ лѣтомъ и пинежцамъ; по крайней мѣрѣ работы у нихъ въ эту пору достаточно (131), и самъ г. Григорьевъ въ одномъ мѣстѣ обронилъ характерное замѣчаніе: „теперь женщины (Пинежскаго края) поютъ старинны во время великаго поста, а *лѣтомъ, когда имъ не до старинъ, онѣ забываютъ ихъ*“ (142).

Главнымъ, однако, залогомъ успѣха остается тотъ тактъ въ обращеніи съ народомъ, на который указывалъ Гильфердингъ. Въ этомъ отношеніи оба собирателя оказались достойными послѣдователями своего маститаго предшественника; но г. Григорьевъ далъ также нѣсколько яркихъ иллюстрацій тѣхъ затрудненій, съ какими доселѣ сопряжена у насъ во многихъ мѣстахъ дѣятельность этнографа-собираателя.

Вотъ случай, происшедшій какъ разъ на почвѣ нѣкоторыхъ не совсѣмъ осторожныхъ пріемовъ прежнихъ изслѣдователей. Въ дер. Андозерахъ одинъ знатокъ наговоровъ сообщилъ г. Григорьеву наговоръ и пѣсню, подавая надежду сообщить ему еще что-нибудь на слѣдующее утро, но утромъ отказался наотрѣзъ, отговариваясь незнаніемъ; отказомъ отвѣтила и другая крестьянка; оказалось, что крестьяне думали, какъ это обнаружилось позднѣе, будто г. Григорьевъ „посланъ отъ царской семьи“; „эту догадку сдѣлали они потому, что у нихъ былъ раньше г. Истоминонъ, говорившій имъ, что даетъ имъ плату за пѣніе изъ царскихъ денегъ“ (10). „Менѣе вреднымъ для дѣла“, продолжаетъ г. Григорьевъ: „было то, что въ одномъ мѣстѣ кто-то додумался, что я собираю для того, чтобы играть это потомъ въ театрѣ, а въ д. Каменихъ одинъ крестьянинъ... додумался, что я шпионъ, хотя смыслъ этого слова былъ, кажется, и для самаго выдумщика не совсѣмъ ясенъ“ (ibid.). „Нѣкоторыя старухи, кромѣ одного какого-нибудь духовнаго стиха, не хотѣли больше ничего пѣть, такъ какъ это не идетъ въ ихъ положенію, въ которомъ онѣ должны сокрушаться о своихъ грѣхахъ и молиться, а не пѣть. Одна старуха въ дер. Колежмѣ, сынъ которой торгуетъ въ дер. Поноѣ, отказалась пѣть старинны, такъ какъ ей, очевидно, было стыдно пѣть, да еще за

г. Ончуковъ занимался собираніемъ лѣтомъ 1901 г. и съ апрѣля по начало іюля 1902 г.

деньги. Старообрядцы, избѣгающіе близкаго соприкосновенія съ православными и интересовавшіеся прежде всего при встрѣчѣ со мной, какъ я крещусь, «истово» или «щѣпотью», и давно ли пришелъ антихристъ, уклонялись отъ разговоровъ со мною, какъ съ «мірскимъ» (10—11). При нѣкоторой сноровкѣ удавалось не только побороть это недоувѣріе, но и выяснитъ значеніе собранія этнографическаго матеріала; понимали даже, почему однѣ и тѣ же старинны и другіе подобныя матеріалы записываются по нѣскольку разъ въ разныхъ мѣстахъ. Напримѣръ, „одна нюхчанка, жившая замужемъ въ дер. Колежмѣ, съ удовольствіемъ пѣла (г. Григорьеву), такъ какъ у нихъ въ Нюхчѣ, по оя словамъ, дѣйствительно поютъ иначе“ (11 пр.).

Непосредственное, возможно ближайшее общеніе съ народомъ принесло между прочимъ и тѣ плоды, что внесло нѣсколько любопытныхъ новыхъ данныхъ относительно положенія былинъ въ народѣ.

Такъ, признавая въ общемъ вслѣдъ за Гильфердингомъ, что первымъ условіемъ сохраненія былинъ является глушь, удаленность отъ центровъ жизни съ ихъ культурными нововведеніями, г. Ончуковъ отмѣчаетъ, что „въ частности можетъ быть и иначе. Все зависитъ отъ того, какъ старо каждое отдѣльное маленькое глухое селеніе, и живутъ ли въ немъ старики“. Если же воздѣ въ глуши извѣстны былины, то съ другой стороны, напримѣръ, центръ низовой Печоры—Усть-Цыльма представляетъ „совсѣмъ почти городъ: 2 церкви, 2 школы, полицейское управленіе, казначейство, почта, телеграфъ, больница, квартиры крестьянскаго чиновника, мирового судьи, податнаго инспектора и пр.; въ ней всегда много прѣзжихихъ, лѣтомъ постоянная горка, зимой общественныя игры молодежи на улицахъ—вообще всѣ условія, способствующія быстрѣйшему вымиранию и полному забвенію усть-цылемы старинъ“. И тѣмъ не менѣе тамъ г. Ончуковъ записалъ старинны отъ 9 человекъ, „а на самомъ дѣлѣ старинщиковъ тамъ и еще больше“. Объясняется это тѣмъ, что усть-цылемы по-старому заняты традиціонной рыбной ловлею, во время которой по-старому же коротаютъ дни пѣніемъ былинъ. Но, что особенно замѣчательно, женщины усть-цылемы не знаютъ былинъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ женщины сказительницы числомъ даже превосходятъ мужчинъ. „И этому объясненіе одно: усть-цылемы почти не поютъ старинъ дома, а только на рыбной ловлѣ... да если бы старики дома и пѣли старинны, всякая дѣвушка, конечно, предпочла бы пѣнію стариковъ горку, гдѣ она является активной участницей пѣсенъ, игръ и пр. На рыболовныхъ же тоняхъ, гдѣ главнымъ обра-

зомъ поются старины, усть-цылемки не бываютъ" (XXVII—XXVIII). Слѣдовательно, сохраненіе былинъ здѣсь обусловлено болѣе всего извѣстнымъ образомъ жизни, что, напомнимъ, г. Марковъ ставилъ на первомъ мѣстѣ ¹⁾.

Впрочемъ, пѣвіе былинъ не всегда и не вездѣ связано исключительно съ промысломъ или другой подходящей работой. По крайней мѣрѣ, еще не такъ давно въ Пинежскомъ краю „старики пѣли ихъ (т. е. былины) обычно по престольнымъ праздникамъ, когда собирався вмѣстѣ народъ изъ разныхъ деревень, а старухи и дѣвушки—на вечеринкахъ и трапезахъ, при собраніяхъ для общей работы на пряхкахъ, особенно же въ великомъ посту, когда нельзя пѣть другія пѣсни“ (141). То же, лишь въ меньшей степени, встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ и понинѣ (ibid. и 14). Кромѣ того, въ нѣсколькихъ селахъ, напримѣръ, историческія пѣсни про Петра I поются мужчинами во время свадьбы, когда женихъ прѣзжаетъ за невестой или возвращается съ нею послѣ вѣнца домой (Гр. 142). Одна сказительница поетъ былины на ночлегахъ, когда ходитъ собирать милостыню (ibid.), другая—„когда ей станетъ скучно“, при чемъ иногда поетъ ихъ съ сосѣдкой (Гр. 14); иной разъ „соберется 3—4 человека старообрядцевъ и поетъ вмѣстѣ старики про Илью Муромца, стихъ объ Есафѣ царевичѣ“ (ibid.). Былины, такимъ образомъ, поются при различныхъ обстоятельствахъ, и, что особенно важно, поются онѣ паравиѣ съ пѣснями божественными, протяжными, *хоровыми*, даже входятъ въ кругъ обрядовыхъ, точнѣе свадебныхъ, пѣсенъ. Мало того, онѣ принимаютъ до извѣстной степени характеръ женскихъ пѣсенъ. Онежскія былины Гильфердинга записаны отъ 57 мужчинъ и 15 женщинъ (26%); бѣломорскія былины г. Маркова записаны отъ 6 женщинъ (54,5%) и 5 мужчинъ, при чемъ вообще въ тѣхъ селахъ, гдѣ дѣлалъ записи г. Марковъ, названо 11 сказителей и 13 сказительницъ (52,5%); у г. Ончукова—18 мужчинъ и 7 женщинъ (38%) и у г. Григорьева—25 мужчинъ и 77 женщинъ (67%), а въ среднемъ, по даннымъ послѣднихъ двухъ, женщинъ 52,5%, т. е. вдвое больше, чѣмъ у Гильфердинга. То же замѣчается и въ числѣ пропѣтыхъ былинъ: если у г. Ончукова ²⁾ женщинамъ принадлежитъ 11 №№, при 90 мужскихъ, то у г. Григорьева—172, при 40 мужскихъ, или въ среднемъ у обохъ 183 (58%) женскихъ, при 130 (42%) мужскихъ.

¹⁾ Бѣломорскія былины, стр. 8—9.

²⁾ Нужно принять въ расчетъ, что 40 изъ 101 былинъ г. Ончукова записаны въ Усть-Цыльмѣ, о которой уже была рѣчь.

Если затѣмъ обратимся къ отдѣльнымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, то замѣтимъ, что въ то время, какъ отъ мужчинъ поморцевъ и пинежцевъ г. Григорьеву удавалось записывать лишь по 1 или по 2—3 „старинны“, Кривополѣнова пропѣла ему 14 былинъ, не считая духовныхъ стиховъ, Копалина—12, Юдина—11, Пашкова Марія—8, двѣ пѣвицы—по 6. Нѣкоторыя былины чаще всего или почти исключительно извѣстны среди женщинъ; таковы въ Пинежскомъ краю: „Мать князя Михаила губить его жену“, „Князь Дмитрій и его невѣста Домна“, „Козаринъ“, „Романъ (Васильевичъ) и его дочь Настасья“, „Братья-разбойники и ихъ сестра“.

Мы знаемъ, что самъ народъ установилъ рядъ рубрикъ для своихъ пѣсенъ и до послѣдняго почти времени, мѣстами по крайней мѣрѣ, старался строго соблюдать это дѣленіе, считая „грѣхомъ или неприличіемъ“ пѣть пѣсни, приуроченныя къ какому-нибудь времени или мѣсту, въ неурочное время или въ необычной обстановкѣ. Конечно, на практикѣ такое стремленіе едва ли когда-нибудь осуществлялось со всею точностью, но и слишкомъ замѣтное ослабленіе его уже служить однимъ изъ показателей нарушенія устойчивости пѣсни¹⁾. Въ отношеніи былинъ, гдѣ замѣчается подобное явленіе, даже „настоящее народное названіе былинъ *старинами* знаютъ немногіе наиболѣе выдающіеся пѣвцы и пѣвицы; обычно же женщины смѣшиваютъ ихъ съ духовными стихами, а мужчины съ пѣснями“ (Гр. 142). Наоборотъ, гдѣ былевая традиція еще сильна, какъ въ Кулойскомъ и Мезенскомъ районахъ, былины которыхъ подготовляются г. Григорьевымъ къ печати и составляютъ продолженіе разбираемаго тома, тамъ „настоящее народное названіе былинъ старинами знаютъ почти всѣ пѣвцы и пѣвицы... знатоки старинъ здѣсь называются „старыньшиками“; число пѣвцовъ здѣсь равняется числу пѣвицъ или даже превышаетъ послѣднее; здѣсь нѣтъ специальныхъ женскихъ старинъ; здѣсь, наконецъ, обыкновенно по большому числу старинъ знаютъ мужчины, т. е. здѣсь знаніе старинъ является главнымъ образомъ мужскимъ дѣломъ“ (XIV—XV Гр.)²⁾.

¹⁾ Ср. *Пѣсни пинжковъ*, М. Довнаръ-Запольскаго. Кіевъ, 1895 г., стр. V.

²⁾ Своеобразное отступленіе представляетъ сборникъ г. Маркова, въ которомъ былины, записанныя у женщинъ или вѣрнѣе—у одной изъ нихъ, выше мужскихъ и свидѣтельствуютъ о рѣдкой живучести старой былевой традиціи. Но 1) былинъ г. Маркова записаны всего въ двухъ селахъ, гдѣ возможенъ случайный подборъ пѣвцовъ и пѣвицъ, тѣмъ болѣе, что лучшая сказительница не мѣстнаго происхожденія; 2) эта послѣдняя передала огромное большинство своихъ былинъ отъ *мужчинъ*.

Быть можетъ, показателемъ паденія былинь, какъ особаго вида пѣсни, служить и то колебаніе во взглядѣ на нихъ, которое словно начинаетъ уже проскальзывать кое-гдѣ: враги мірской пѣсни, старо-обрядцы, поютъ былины наравнѣ съ духовными стихами; разрѣшаются онѣ и въ великій постъ, „когда нельзя пѣть другія пѣсни“ (Гр. 141—2, 14); и вдругъ сказитель православный, не старый, уже отказался ихъ пѣть на Пасхѣ, „потому что—грѣхъ“, и послѣ Пасхи пѣлъ только по воскресеньямъ (Он. 184).

Если затѣмъ мы обратимся къ самой формѣ и складу былинь, къ ихъ содержанію, наконецъ, то и здѣсь замѣтимъ ясныя слѣды тѣхъ же переживаній. Гг. Ончуковъ и Григорьевъ (второй—поскольку дѣло касается Поморья и Пинежскаго края) одинаково отмѣчаютъ, что „въ прежнее время старины знали больше“ (Гр. 141; ср. Он. XXXI), что хорошихъ сказителей и сказительницъ нынче мало, большинство „путають, перевирають, извращають старины сильно. У многихъ старинъ не знаютъ нынче конца, нѣкоторые старины поютъ не сначала“ (Он. XXXII). Слѣва г. Ончукову больше всѣхъ, П. Позднѣевъ „всѣ старины поетъ однимъ „ясакомъ“ (напѣвомъ), что хорошій былинщикъ никогда не позволитъ, да и не сумѣетъ;.. не помня подлинныхъ слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, приносить много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Усть-Цыльмѣ рѣчи“ (XXXII). Еще характернѣе одна сказительница г. Григорьева, Екатерина Александровна. „Странность ея старинъ замѣчается и въ содержаніи, и въ формѣ. Въ содержаніи мы видимъ непослѣдовательность, неясность и трудную допустимость нѣкоторыхъ дѣйствій. Въ формѣ мы видимъ натяжки, иногда съ нарушеніемъ смысла, для выдержанія размѣра стиха. Изъ нея манеры пѣть (нынѣшъ г. Григорьевъ) я вывелъ заключеніе, что она слыхала много старинъ, владѣетъ ихъ складомъ, но такъ какъ давно не пѣвала, то позабыла ихъ и дополняетъ ихъ изъ собственной фантазіи... При пѣніи у нея не было твердо установленныхъ стиховъ; если попросишь ее повторить пропѣтое раньше, то измѣнялась не только форма, но и содержаніе“ (138). Тому же собирателю встрѣтился крестьянинъ, „который слыветъ пѣсенникомъ и знаткомъ будто бы старинъ. На самомъ дѣлѣ оказалось, что онъ старинъ не знаетъ, а знаетъ только ихъ размѣръ и напѣвъ, но плохо. Онъ пропѣлъ одну сказку (о купеческой дочери) протяжно, подражая старинамъ, но неудачно: одни стихи у него оканчивались трохеемъ, а другіе дактилемъ; онъ хотѣлъ было пропѣть такъ и другія сказки, такъ какъ

ему очень хотѣлось заработать⁴, но г. Григорьевъ отказался отъ нихъ (138—9). Въ общемъ печорскія, поморскія и пинежскія записи гг. Ончукова и Григорьева, особенно второго, производятъ впечатлѣніе чего-то обезличеннаго. Сплошь да рядомъ нѣтъ той эпической полноты и законченности, къ какимъ мы привыкли въ лучшихъ записяхъ. Въ той же Архангельской губ., въ Кулойскомъ и Мезенскомъ краяхъ „гдѣ знаніе старинъ еще процвѣтаетъ“ (Гр. XIV), „старинны отличаются своей длиной, такъ что заключаютъ въ себѣ обыкновенно 200, 300, даже 400 стиховъ и иногда имѣютъ болѣе 500 стиховъ; здѣсь старинны отличаются сложностью сюжетовъ и исполняются многими эпическими и пѣсенными пѣвцами; здѣсь довольно часто встрѣчаются пѣвцы, знающіе по десятку или по нѣскольбу десятковъ старинъ; здѣсь хорошіе пѣвцы стараются расположить разныя старинны объ одномъ и томъ же богатырѣ въ порядкѣ времени его подвиговъ“ (XIV)⁴). Между тѣмъ на Печорѣ, Поморѣ и въ Пинежскомъ краѣ преобладаютъ былины короткія, около 100 стиховъ, а нерѣдки и въ нѣсколько десятковъ; напримѣръ, сватовству Соловья Б. удѣлено въ № 8 г. Ончукова 78 ст., въ № 34 г. Григорьева—68; прїездъ Алеши Поповича въ Кіевъ и убіеніе Тугарина въ № 50 г. Григорьева пересказаны на 83 ст., а въ № 43, тамъ же, этотъ сюжетъ свелся къ простой повѣдкѣ Алеши П. въ Кіевъ и занялъ всего 35 ст. Дѣйствіе нерѣдко происходитъ по сказочному, въ невѣдомомъ царствѣ, въ невѣдомое время: таковы особенно былины про Илью съ Идолицемъ, изъ которыхъ одна (Гр. № 138) къ тому же представляетъ такъ называемую „небылицу“ и, повидимому, пародію на былины объ этомъ богатырѣ; также внѣ пространства и времени—„отъѣздъ Добрыни, похищеніе его жены Черногрудымъ королемъ и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича“ (Гр. № 109; ср. *ibid.* №№ 3, 19). Въ № 72 г. Ончукова дѣло идетъ объ извѣстномъ нашествіи татаръ на Кіевъ, но во главѣ послѣднихъ какой-то Скурла-царь (очевидно, новообразованіе изъ Скурлаты, Скуратова), сынъ Смородовичъ, а вмѣсто обычныхъ русскихъ богатырей выступаетъ „дѣтина“, „удалой доброй молодець“ Потапъ Артамоновичъ. У г. Григорьева въ № 38 во вступленіи обычный эпическій пиръ, но даетъ его „во Муромѣ“ неизвѣстный „ко-

⁴) Ср. замѣчаніе В. Ф. Миллера по поводу старыхъ записей архангельскихъ былилъ Розановымъ и Никольскимъ: „большинство изъ нихъ представляетъ сводныя редакціи 2—3 сюжетовъ. Но такое сведеніе отдѣльныхъ былилъ въ одну показываетъ въ сказителяхъ вообще хорошее знакомство съ эпическими типами и сюжетами“ (*Очерки*, 75).

роль"; онъ приказываетъ Ильѣ Муромцѣ расчистить дорогу до Кіева, результатомъ чего и является первая поѣздка Ильи. Тугаринъ въ № 212 Григорьева сталъ Гогаринымъ (быть можетъ, подъ вліяніемъ пѣсни про Гогарина-Гагарина, Он. № 99). Въ параллель Черногрудому королю назовемъ какого-то Полубѣлаго, съ которымъ воюетъ Илья Муромецъ (Гр. № 180); за племянницу Владиміра сватается Гремить Маноиловичъ (Он. № 73); среди богатырей оказывается Кузенко Сибирчаженинъ (Он. № 84; ср. въ Р. Б. гт. Миллера и Тихонравова племянника Ильи Кузьму Семерцянинова, № 14 изъ Олонецк. губ.); названный братъ Алеши Поповича—Гурьюшка (Он. № 85); на заставѣ среди другихъ богатырей

Да и жилъ Родивонъ да Превысокіе,
Да и жилъ тутъ Микита да Преширокіе (Он. № 1)..

Имя „Дунай“, какъ извѣстно, не только принадлежитъ одному изъ богатырей, но и входитъ въ составъ популярнаго пригѣва, въ чистомъ видѣ или съ различными перегласовками, въ родѣ: Здунай (Гр. № 74), съ-за-Дунай (Истоминъ и Дютшъ, стр. 131) и др.; подъ вліяніемъ послѣднихъ и богатырь въ № 63 г. Григорьева получилъ прозвище „Здуниннай“. Даже слово „богатырь“ встрѣчается рѣдко, и вообще былины богатырскаго содержанія очень мало. „Богѣ древнія старины“, отмѣчаетъ г. Ончуковъ: „знаютъ плохо: такъ, про Вольгу я записалъ только отрывокъ“ (XXXII). Замѣтно преобладаютъ, особенно у г. Григорьева, былины-фавль, былины-новеллы, тѣ неопредѣленныя пѣсни, иногда былевья по складу, иногда приближающіяся къ такъ называемымъ низшимъ эпическимъ, то приуроченныя къ тѣмъ или инымъ именамъ, то безымянные, содержаніе которыхъ сосредоточивается на развитіи не историко-эпической, а психологической черты. Такъ, 36 поморскихъ записей г. Григорьева распределяются слѣдующимъ образомъ: 6 приходится на несправедливый оговоръ жены и ея смерть („Князь, княгиня и старицы“); по 4—на „князя Дмитрія и его невѣсту Домну“ (месть за презрѣніе) и бой Ильи съ сыномъ; 3—на Грознаго съ сыномъ; по 2—на сюжеты: гибель жены князя Михайлы, двѣ поѣздки Ильи (встрѣча съ разбойниками и съ королевичной), Добрыня въ отъѣздѣ; нашествіе французовъ въ 12 г.; туры (въ нѣсколько раскольничьей редакціи); въ единичныхъ пересказахъ: сватовство Владиміра, Соловей Будимировичъ, Козаринъ, продажа Ивана Гостинаго матерью, Дунай и Настасья-королевична (типа—Молодецъ и королевична), Оника воинъ, братья разбойники и

ихъ сестра, вдова съ дочерью и сыновьями корабельщиками (изъ пѣсень о кровосмѣшеніи), графъ Паскевичъ и смерть генерала. Среди 176 пинежскихъ записей на долю жены князя Михайлы приходится 32 номера (18%), на долю князя Дмитрія (Михайлы, Кошавича) съ Домной—18 (10%), братьевъ разбойниковъ и сестры—9 (5%), князя Романа—7 (4%), Козарина—11 (6%); изъ былинь про Илью наибольшимъ распространеніемъ пользуется встрѣча его съ разбойниками—8 вар. (4,5%); Алеша Поповичъ наимѣнше выступаетъ въ походеніи съ сестрой Бродовичей, Петровичей и под.—9 вар. (5%), и, т. д. Грань между былиной-старинной и простой пѣснью становится почти неуловимой, и если въ такихъ старинахъ, какъ о Казаринѣ и под., илюзію „старинной“, „старинной были“ поддерживаетъ „старинная“ обстановка, то и этой послѣдней нѣтъ уже въ такихъ „старинахъ“, какъ—про вдову и разбойниковъ (Он. № 68), вдову и 3 дочерей (Гр. № 74), разбойниковъ и сестру, или, наконецъ, про оклеветанную старцами княгиню. Даже „стариннаго“ размѣра и склада въ нихъ иногда не оказывается:

Питеръ, въ Москву проѣзжали,
 Во деревню заѣзжали,
 Ко вдовушки приставали;
 Ко вдовушки приставали,
 Подъ окошкомъ колотились... (Он. № 58) ¹⁾.

Или вотъ, напримѣръ, „совсѣмъ новая старина“: вдова, ея дочь и сыновья—корабельщики (Гр. № 6; ср. г. Маркова № 28). Вдова спустила двухъ малютокъ сыновей на синее море, чтобъ оно ихъ вспоило-вскормило; спустя много лѣтъ у мѣста, гдѣ жила вдова, появляются неизвѣстные корабельщики, и вдова собирается выйти за одного замужъ; а за другого выдать дочь; обнаруживается, однако, что корабельщики—покинутыя дѣти вдовы. Стоитъ сравнить эту старину хотя бы съ вариантами въ прим. къ № 380 *Пѣсень тинчуковъ* М. Довнаръ-Запольскаго ²⁾, и мы не найдемъ въ ней ни одной черты специально „старинной“. Иногда, впрочемъ, еще какъ бы чувствуется давленіе старой былевой традиціи; такъ, въ № 131 г. Григорьева разсказывается, какъ теща, желая отравить нелюбимаго зятя, погубила и родную дочь, раздѣлившую чашу мужа, и какъ изъ одного вы-

¹⁾ О значеніи размѣра, какъ показателя сохранности пѣсни, см. у Потемки въ Отчетѣ о 22 присужденіи наградъ гр. Узарова, 105 и д.

²⁾ См. еще у г. Маркова, стр. 612.

росла золотая верба, а изъ другой кипарисъ-дерево, сплетшіяся вмѣстѣ. Тема—изъ круга такъ называемыхъ низшихъ эпическихъ пѣсенъ (А. И. Соболевскій, *Пѣсни*, I, №№ 82—88), гдѣ только отравительница обыкновенно приходится матерью не женѣ, а мужу; но прикрѣплена она у г. Григорьева къ князю Владимиру; въ № 84 А. И. Соболевскаго (изъ Олонецкой губ.), кромѣ Владимира, есть ужъ и Кіевъ; будь традиціонный пирь, и циклизация могла бы считаться законченной.

При чрезмѣрномъ развитіи, преобладаніи всѣхъ подобныхъ чертъ былины неминуемо растворяется въ общей массѣ остальныхъ пѣсенъ, если не замрутъ до того, и возможно, что различіе въ репертуарѣ центральныхъ и сѣверныхъ губерній, которое вѣрно подмѣтилъ В. О. Миллеръ, создалось именно такъ, что въ первыхъ былевой эпосъ быстро вымеръ, не успѣвъ особенно видоизмѣнить своей богатырской первоосновы подъ вліяніемъ обрядово-бытовыхъ пѣсенъ и другихъ подобныхъ произведеній, а на сѣверѣ вымирание идетъ медленнѣе и выражается по преимуществу въ отмѣченномъ выше перерожденіи.

Но если крайнее приближеніе былинь къ другимъ пѣснямъ свидѣтельствуешь объ ослабленіи строго былевой традиціи, то самъ по себѣ взаимообмѣнъ между ними, конечно, не новъ: на него указываетъ присутствіе въ былинахъ и прочихъ пѣсняхъ значительнаго количества однородныхъ темъ, мотивовъ, деталей, что можно прослѣдить хотя бы по извѣстному изслѣдованію Потебни, посвященному малорусскимъ и сроднымъ народнымъ пѣснямъ; многія изъ такихъ чертъ успѣли уже прочно укрѣпиться въ былинахъ и, слѣдовательно,—давняго происхожденія. За нынѣшними переживаніями былевой поэзіи на нашемъ сѣверѣ мы такимъ образомъ должны признать лишь болѣе рѣзкое выраженіе того, что было и раньше, но проявлялось исподволь, мало замѣтно. Тѣмъ больше значенія имѣютъ эти переживанія, тѣмъ сильнѣе также они ставятъ на очередь вопросъ о продолженіи начатаго Потебней.

Провить старой былинной традиціи опасность и съ другой стороны. Въ состязаніе съ ней вступаетъ книга. Нѣсколько печатныхъ изданій былинь нашелъ г. Григорьевъ у крестьянъ; „одинъ пѣвецъ ссылался на печатную книгу, какъ на источникъ своей старины объ Ильѣ Муромцѣ“; другой, „хвалившійся знаніемъ старины, выучилъ ее, по его словамъ, съ книги и собирался достать и прочесть сперва эту книгу, а потомъ пропѣть старину“ (139—141). На смѣну традиціонному устному преданію идетъ такимъ образомъ печатный текстъ,

и если мы примемъ въ расчетъ, что „развитіе грамотности приохочиваетъ населеніе (особенно молодежь) къ книгамъ и даже газетамъ“ (Гр. XXV), то, пожалуй, не такъ ужъ далеко то время, когда чтеніе былины явится серьезнымъ конкурентомъ ихъ игнору. Съ другой стороны, при сколько-нибудь замѣтномъ распространеніи печатныхъ текстовъ мѣстный репертуаръ поддастся вліянію послѣднихъ и утратитъ свой мѣстный характеръ, то-есть главное свое достоинство съ научной точки зрѣнія.

Былины, насколько мы ихъ знаемъ теперь на сѣверѣ, группируются гнѣздами, которыя отличаются другъ отъ друга какъ общимъ содержаніемъ, такъ и отдѣльными мелкими чертами. Это замѣчается даже въ предѣлахъ той части Архангельской губ., которую изслѣдовалъ г. Григорьевъ: въ Кулойско-Мезенскомъ краѣ преобладаютъ старины о богатыряхъ, старины-фэблы (шутливныя) здѣсь мало извѣстны, а историческія пѣсни почти неизвѣстны; въ Поморьѣ, кромѣ старинъ о богатыряхъ, сильно представлены историческія пѣсни и вообще старины-новеллы, а въ Пинежскомъ краю также и старины-фэблы (XV). Сравнительное изученіе всѣхъ такихъ гнѣздъ освѣтило бы намъ путь распространенія былины, что такъ важно для вопроса о роднигѣ ихъ. Наблюденія г. Ончукова, напримѣръ, показываютъ, что на сѣверѣ до сихъ поръ различаются новгородскіе и московскіе выходцы, и соотвѣтственно этому здѣсь, быть можетъ, двѣ былевыхъ струи: новгородская и московская.

Пока же можно только констатировать, что архангельскій репертуаръ имѣетъ много общаго съ олонецкимъ, но представляетъ и значительныя особенности. Въ немъ есть нѣсколько былины съ совершенно новымъ содержаніемъ; помимо историческихъ пѣсенъ, былины сюморощяго пошиба и такихъ, которыя относятся скорѣе къ такъ называемымъ низшимъ эпическимъ пѣснямъ, остаются: покупка Ильей Муромцемъ коня и война этого богатыря съ Полубѣлымъ (Гр. № 180), сватовство Идолицы (Гремита) на племянницѣ Владимира (Он. № 73; Гр. № 69; Марк. №№ 49, 79); Лука Даниловичъ (Он. №№ 50, 66, 71); Глѣбъ Володьевичъ (Марк. №№ 50, 80); Жданъ-царевичъ (Марк. № 34); съ появленіемъ въ печати кулойско-мезенскихъ былины г. Григорьева, судя по предварительному перечню ихъ, этотъ списокъ еще увеличится. Къ числу не встрѣченныхъ въ Олонецкомъ краѣ, но извѣстныхъ по записямъ изъ другихъ мѣстъ, относятся архангельскія былины про Данила Ловчанина (Староильевича или Бориса Романовича: Он. № 36; М. № 48; ср. Кирѣвскаго, III, стр. 28 и 32 съ Поволжья),

про бой Ильи Муромца съ Добрыней, кончающійся братаньемъ богатырей (Гр. №№ 113, 186; М. № 108; М. и Т. II, № 15; ср. *Очерки* В. О. Миллера, стр. 75) и про похождение Алеши съ Сбродовичной (Гр. №№ 78, 83, 85, 97, 100, 104, 118, 128, 173 [54, 72, 81]; Он. № 3; М. и Т. II, № 32; Кир. III, 52, 58; ср. *Очерки*, *ibid.*).

Характерную черту пинежско-кулойско-мезенской группы ¹⁾ составляетъ присутствіе значительнаго количества былинь скоморошьяго склада съ сравнительно богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ; изъ 83 пинежскихъ и кулойско-мезенскихъ сюжетовъ 12, или 14%, рѣзко запечатлѣны творчествомъ скомороховъ ²⁾. Въ этомъ отношеніи былины разсматриваемыхъ районовъ ближе всего напоминаютъ сборникъ Кириши Данилова, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые скоморошья сюжеты повторяются здѣсь и тамъ; таковы изъ болѣе распространенныхъ: Терентище (Гр. № 41; К. Д. № 2), Кострюкъ (Гр. №№ 59, 116, 137, 156, стр. XVII; К. Д. № 5), Добрыня и Марина (Гр. стр. XVII; К. Д. № 8), Небылицы („сынъ на матери снопы и т. п. возилъ“: Гр. №№ 51, 66, 73, 140, 123; К. Д. № 40); изъ рѣже встрѣчающихся: „Усы грабятъ богатаго крестьянина“ (Гр. № 122; К. Д. № 58) и „Дурень-валень“ (Гр. стр. XIX; К. Д. № 55). Такое соединеніе скоморошьяго темъ съ старыми богатырскими ³⁾, рѣдкое обиліе и достоинство историческихъ пѣсень, весь вообще подборъ эпическаго матеріала очень роднятъ пинежско-кулойско-мезенскій репертуаръ съ сборникомъ Кириши Данилова; въ какой степени простирается сходство на самые тексты, объ этомъ можно будетъ съ полной определенностью судить лишь по напечатаніи кулойско-мезенской части сборника г. Григорьева.

Самой значительной скоморошьей былиной является „Путешествіе Вавилы со скоморохами“ (№ 121). „Веселые люди не простые, но простые—скоморохи“ зовутъ пахаря Вавилу „скоморошить“.

¹⁾ Съ Поморьемъ Пинежскій край имѣетъ только 3—4 общія сюжета, съ Кулойско-Мезенскимъ краемъ—20, а этотъ послѣдній съ Поморьемъ—1, при общемъ числѣ пинежскихъ сюжетовъ—54, а кулойско-мезенскихъ—49. Гр. XVI—XVII.

²⁾ Вслѣдъ за г. Григорьевымъ, въ томъ числѣ условно считаеиъ Кострюка и Добрыню съ Мариной. Изъ остальныхъ „Путешествіе Вавилы со скоморохами“ (Гр. № 121) и „Ловля флиа“ (Гр. №№ 190, 194, 197)—новы; отчасти то же можно сказать про „Илью и Идолице“ (Гр. № 138); „Продѣлки Васьки Шинка“ и „Старина о льдинѣ и боѣ женщинъ“ пока не напечатаны и извѣстны только по заглавію.

³⁾ См. у г. Григорьева на стр. XVII—XVIII перечень кулойско-мезенскихъ былинь и то, что на стр. XIV—XV.

„Я вѣтъ пѣсѣнь пѣть да не умѣю,
И въ гудокъ играть да не горазбѣтъ“,

отвѣчаетъ Вавило; получивши чудеснымъ образомъ это умѣнье вмѣстѣ съ необходимымъ инструментомъ и убѣдившись, что предъ нимъ не „простые люди“, а „светлые“¹⁾, Вавила идетъ съ ними „переигрывать“ невѣрнаго царя. Кто по дорогѣ относился къ скоморохамъ и ихъ предпріятію легкомысленно, тотъ былъ чудесно наказанъ, красная же дѣвица, пожелавшая усидѣха, была награждена. Состязаніе съ царемъ кончилось тѣмъ, что отъ игры Вавилы „нишешное“ царство сгорѣло. „Посадили тутъ Вавилушка на царство; онъ привезъ вѣтъ тутъ да свою мать“. Это ужъ не смѣхотворная побасенка на потѣху толпѣ, а своего рода идеализація скоморошества, отвѣтъ, по удачному предположенію г. Григорьева, на гоненія, которыя открыла на скомороховъ свѣтская власть въ союзѣ съ церковной; здѣсь то же стремленіе поднять значеніе своего занятія, какое мы находимъ, напримѣръ, у французскихъ жонглеровъ: ср. фавлю о Богородицѣ, давшей одному изъ нихъ за его игру свѣчку (XX). Былина эта имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII в., изъ Малороссіи, сохранилось заглавіе: „слово о вѣтриникѣ съ скоморогѣмъ какій оубѣ“ (Гр. XXII). Г. Григорьевъ склоненъ видѣть въ последнемъ указаніи на старую запись былины; возможно, конечно, что, наоборотъ, нынѣшняя былина пошла отъ какого-нибудь книжнаго источника; во всякомъ случаѣ, до нея мы не знали ни одной былины, гдѣ бы скоморохи являлись *главными* героями и притомъ въ походеженіи серьезнаго характера.

Извѣстны въ Архангельской губерніи и семейства съ фамліей „Скомороховъ“; потомки ли они дѣйствительныхъ скомороховъ или инымъ путемъ получили это прозвище, сразу трудно сказать; напримѣръ, въ Пинежскомъ краю есть крестьянинъ „Илья Муровицъ“, прозванный Муровицемъ потому, что сильно обросъ, а другой получилъ прозваніе Кострюка за то, что онъ самъ или кто-то въ его роду укралъ сѣно изъ костра (кучи) (Гр. XXIII и 141).

Любопытно, что старообрядческое вліяніе очень слабо отразилось на разсматриваемыхъ былинахъ, какъ, впрочемъ, и вообще въ нашемъ былевомъ эпосѣ, несмотря на то, что сѣверъ въ такой же степени можетъ быть названъ хранителемъ эпоса, какъ и хранителемъ старообрядчества. Старообрядческую передѣлку удалось отмѣтить г. Гри-

¹⁾ Ст. 38 даже какъ бы отождествляетъ ихъ съ Кузьмой и Демьяномъ.

горьеву только въ известномъ вступленіи къ былиннамъ о татарскомъ нашествіи—„Турахъ“ (№ 33), гдѣ видѣніе малыхъ туровъ объясняется такъ: Богородица завапываетъ вѣру христіанскую, плачетъ надъ вѣрой, „уливается“:

„Не бывать тебѣ, вѣра, да на святой на Руси,
Не видать тебѣ, вѣра, слѣту бѣлого“ и т. д. ¹⁾

Вѣроятно, важную роль здѣсь сыграло то, что, напримѣръ, заставляло быть крайне осторожной лучшую сказительницу г. Маркова, которая боялась, какъ бы не соврать, потому что, по ея словамъ, „убавишь или прибавишь (въ содержаніи), — таковыя прокляты; а стихи-ти (духовные)—паче“ (29). Впрочемъ, по почину Гильфердинга, мы часто говоримъ о личномъ вліяніи исполнителей, о вліяніи окружающей среды и т. д.; но въ сущности не установлено точно, насколько глубоко идетъ такое вліяніе. Сличеніе сѣверныхъ и болѣе южныхъ записей одинаковыхъ сюжетовъ, сличеніе текстовъ, записанныхъ отъ старообрядцевъ, съ нестарообрядческими, и т. п.—много могло бы пролить свѣта на этотъ вопросъ и ждетъ своего изслѣдователя.

Съ этой стороны, чѣмъ больше пересказовъ, тѣмъ лучше, и вообще съ точки зрѣнія положенія нашего эпоса въ его настоящемъ и прошломъ остается лишь благодарить изслѣдователей, которые, подобно г. Григорьеву, съ рѣдкой тщательностью стараются подобрать все, что въ известномъ районѣ есть относящагося къ предмету ихъ разысканій. Иной вопросъ, какъ печатать собранный такимъ образомъ матеріалъ,—полностью, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ собранъ, или въ извлеченіи, съ указаніемъ только новыхъ разячтеній. Первое придастъ изданію нѣкоторую громоздкость и осложняетъ трудъ послѣдующихъ изслѣдователей, которымъ не легко рыться въ общей массѣ сырого матеріала и отдѣлять болѣе важное отъ менѣе важнаго, существенное отъ несущественнаго. Второе предоставляетъ слишкомъ большой просторъ личному усмотрѣнію, которое довольно опасно и тѣмъ нежелательнѣе, что наша наука далеко еще не закончила собранія сырого матеріала, не ступила на путь систематизаціи его и даже не выработала критерія для послѣдней. Одного мы въ правѣ

¹⁾ Ср. у г. Маркова (12): „нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя мною, позволяютъ предполагать, что старинные скиты также играли роль въ храненіи и распространеніи нашего эпоса“. То же отмѣтилъ и г. Григорьевъ (14 стр.). Интересно бы точнѣе установить эту роль.

требовать отъ изданій: хорошихъ указателей, гдѣ бы тексты, напечатанные по сказителямъ и сказительницамъ, сведены были по главнымъ дѣйствующимъ лицамъ и сюжетамъ и гдѣ бы указаны были варианты по прежнимъ изданіямъ. Пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ прекраснымъ указателямъ г. Маркова; г. Ончуковъ ограничился словаремъ мѣстныхъ словъ и указателемъ именъ; изданіе г. Григорьева еще не закончено, но г. собиратель общаетъ (стр. LVI), что тщательно составленные мѣстные (къ I-му тому) указатели его будутъ въ концѣ дополнены и общимъ сводомъ вариантовъ по другимъ изданіямъ. Весьма цѣннымъ приложеніемъ къ сборнику г. Григорьева являются 56 былинныхъ напѣвовъ, записанныхъ при посредствѣ фонографа и переложенныхъ на ноты съ возможною точностью и полнымъ знаніемъ дѣла. Хотя напѣвами интересовался еще неизвѣстный составитель тажъ называемаго сборника Кириши Данилова, но за ничтожными исключеніями, у насъ не было до сихъ поръ ни точныхъ записей быловыхъ напѣвовъ, ни, самое главное, достаточнаго количества ихъ. А между тѣмъ напѣвъ обусловливаетъ собою и самый размѣръ стихотворный, о которомъ правильно судить можемъ лишь въ связи съ первымъ; напѣвъ, г. Григорьевъ также отмѣчаетъ, что текстъ подгоняется къ напѣву (XXIX).

Если мы прибавимъ, что разсматриваемыя записи представляются небезполезными и въ діалектологическомъ отношеніи¹⁾, то достаточно ясно будетъ, насколько разносторонне и широко значеніе ихъ, какой богатый матеріалъ для разнородныхъ изслѣдованій заключаютъ онѣ въ себѣ. Нѣтъ нужды, что онѣ сравнительно мало вносятъ совершенно новыхъ сюжетовъ²⁾: зато онѣ много даютъ для вѣднѣйшей исторіи нашего былого эпоса и для болѣе правильнаго пониманія его. Наконецъ, даже въ текстахъ, которые въ общемъ повторяютъ только извѣстное раньше, встрѣчаются новые подробности, штрихи, намеки, которые, какъ совершенно вѣрно замѣчаютъ гг. Ончуковъ (XXXIV) и Григорьевъ (LIV), имѣютъ тоже свою цѣну и подчасъ немалую. Но это ужъ входитъ въ область детальнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ сюжетовъ, чего мы здѣсь не имѣемъ въ виду.

А. Лебеде.

¹⁾ Сборнику г. Ончукова предпослана „Замѣтка о языкѣ Печорскихъ былинъ“ В. Чернышева. На діалектологическую сторону большое вниманіе обратилъ г. Григорьевъ.
²⁾ У г. Григорьева см. ихъ на стр. 12 и 138; у г. Ончукова они не отмѣчены, но наиболѣе интересное въ этомъ отношеніи изъ сборника г. Ончукова было уже указано.

Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову его учениками и почитателями. Изданъ подъ редакціей М. Н. Ясинскаго. Кіевъ. 1904 г., XVII+465 стр.

По доброму иноземному обычаю, который начинаетъ постепенно завоевывать себѣ признаніе и у насъ, среди почитателей и учениковъ Михайла Флегонтовича Владимірскаго-Буданова возникла мысль почтить 35-лѣтній юбилей ученой и литературной дѣятельности маститаго историка права изданіемъ юбилейнаго сборника. По различнымъ причинамъ выходъ въ свѣтъ предположеннаго изданія опоздалъ на нѣкоторое время, такъ что вышло оно въ 1904 году (вмѣсто 1903 г.). Несмотря на то, что намѣреніе издать такой Сборникъ не получило широкой огласки и содержаніе его было ограничено тѣмъ, что въ него должны были войти исключительно статьи историко-юридическаго содержанія, въ составленіи Сборника приняло участіе много ученыхъ самыхъ разнообразныхъ специальностей. При выборѣ темы статьи, предназначенной для такого изданія, какъ вѣрно въ свое время замѣтилъ извѣстный романистъ Куице, авторъ можетъ руководиться двоякими соображеніями: онъ можетъ избрать небольшой вопросъ и рассмотреть его подробно и со всѣхъ сторонъ, исчерпывающимъ образомъ, или же, онъ можетъ коснуться общихъ вопросовъ и разбирать ихъ въ общихъ чертахъ. Въ разсматриваемомъ Сборникѣ большинство участниковъ избрало первый путь. Поэтому, если нормальная задача рецензента должна заключаться въ пересказѣ разбираемаго произведенія и въ представленіи критическихъ замѣчаній на него, то въ данномъ случаѣ, въ виду разнообразія и детальности вопросовъ, затронутыхъ въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ—вторая половина работы по необходимости отпадаетъ. Ему остается только ограничиться пересказомъ основнаго содержанія отдѣльныхъ изслѣдованій, и рецензія сводится къ реферату.

А. И. Филипповъ разбираетъ начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по *leges barbarorum* (стр. 1—26). Въ германистической литературѣ точное описаніе процедуры и значенія ея въ этихъ стадіяхъ судопроизводства доселѣ вызываютъ оживленные споры. Авторъ справедливо указываетъ, что только при помощи сравнительнаго правовѣдѣнія, можетъ быть, удастся пролить свѣтъ на эти ученія и, съ своей стороны, указываетъ на то важное значеніе, которое въ этомъ смыслѣ можетъ имѣть изученіе постановленій Русской Правды и сравненіе ихъ съ соответствующими варварскими правдами. По его мнѣнію, многіе пункты ученія объ *inertitatio*, которые доставляютъ

много заботь изслѣдователямъ германскаго права, легко могутъ быть объяснены сопоставленіемъ со „сводомъ“ Русской Правды, при чемъ русскіе источники иногда даютъ болѣе опредѣленные отвѣты, чѣмъ германскіе. Не останавливаясь подробно на изображеніи русскаго виндикаціоннаго процесса, авторъ детально разбираетъ древне-германское право и только попутно указываетъ на очевидныя сходства и различія ихъ. Онъ удѣляетъ вниманіе: 1) той стадіи процесса, которая обыкновенно называется *de vestigio minando*—отыскиванію пропавшей вещи по слѣду, при чемъ отмѣчаетъ, что въ древне-русскомъ правѣ подробно описывается общій порядокъ производства поисковъ, а въ германскомъ—порядокъ обыска дома и 2) такъ называемому *Anefang*, виндикаціи вещи посредствомъ наложенія рукъ, которая имѣла мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда поиски увѣнчивались успѣхомъ. Попутныя указанія на русское право вполнѣ подтверждаютъ высказанную авторомъ мысль о плодотворности сравнительнаго изученія германскаго и русскаго права, и можно только пожелать, чтобы онъ довелъ до конца свое намѣреніе (стр. 10) и далъ исчерпывающее сравненіе этихъ родственныхъ правовыхъ системъ.

И. А. Покровский останавливается на нѣкоторыхъ особенностяхъ римскаго уголовнаго процесса, которыя для современнаго человѣка представляются очень странными („Частная защита общественныхъ интересовъ въ древнемъ Римѣ“, стр. 26—43). Именно, въ республиканскомъ Римѣ судебное преслѣдованіе могло быть начато и доведено до конца только тогда, когда это преслѣдованіе брало на себя частное лицо; безъ такой жалобы—и въ случаѣ отказа отъ нея—дѣло не получаетъ движенія; судъ оперируетъ только при помощи тѣхъ доказательствъ, которыя представляетъ частный обвинитель. По защита публичныхъ интересовъ ввѣрялась частнымъ лицамъ не только въ области уголовнаго права; рядъ отношеній, за которыми теперь признанъ публичный характеръ, охранялся частно-правовыми популярными исками, которые могъ предъявлять любой гражданинъ, но не органъ власти, по должности. Разсмотрѣвъ критически существующія въ литературѣ объясненія этого аномальнаго явленія (ученія Гейба, Цумта, Моммзена и др.) и показавъ недостаточность ихъ, авторъ предлагаетъ самостоятельную теорію. По его мнѣнію, аккюзаціонный порядокъ уголовнаго процесса былъ заимствованъ изъ гражданскаго, популярныя интердикты явленіе болѣе древнее—они возникли въ практикѣ претора, когда магистратъ осуществлялъ свою *coercitio* только по заявленію какого либо гражданина и предоставлялъ ему

возможность начать гражданское дѣло противъ нарушителя порядка. Удобство этого порядка, при существовавшемъ въ Римѣ стрѣбъ магистратуры, и привычка къ нему облегчили перенесеніе его въ область уголовного процесса, когда сказалась недостаточность суда народныхъ собраний и послѣднія были замѣнены судомъ *quaestiones perpetuae*. Къ тому же, такой порядокъ представлялся цѣлесообразнымъ и потому, что магистраты конца временъ республики больше занимались партійными раздорами и политикой, чѣмъ своими прямыми обязанностями, такъ что частный починъ уголовного преслѣдованія являлся наилучшей гарантіей для общественныхъ интересовъ. Но если на первый взглядъ такому порядку нельзя отказать въ нѣкоторомъ „идейномъ величій“, то нельзя сказать, чтобы всѣ послѣдствія его были благотворны. Развитію доносовъ и профессиональных доносчиковъ, которые извлекали доходъ изъ этой дѣятельности, является прямымъ слѣдствіемъ его и позднѣйшее законодательство должно принимать мѣры къ замѣнѣ этого порядка болѣе подходящимъ. Это объясненіе проф. Покровскаго представляется вполне убѣдительнымъ.

Ө. В. Тарановскій даетъ очень любопытную попытку восполнить существенный пробѣлъ въ изученіи Наказа Императрицы Екатерины II („Политическая доктрина Наказа Императрицы Екатерины II“, стр. 44—86). Обыкновенно политическія воззрѣнія, проводимыя въ Наказѣ, признаются всецѣло заимствованными изъ Монтескье, самостоятельность ихъ отрицается. Между тѣмъ, какъ показываетъ г. Тарановскій, сопоставляя разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ Наказа замѣчанія, Екатерина II имѣла совершенно опредѣленное и самостоятельное представленіе о необходимомъ, по ея мнѣнію, для Россіи государственномъ стрѣбѣ. Въ основаніи его лежитъ идея просвѣщеннаго абсолютизма, идея абсолютной власти монарха. Но правленію его должно быть законно,—поэтому монархъ долженъ прежде всего устраняться отъ непосредственнаго управленія всѣми дѣлами; монархъ долженъ только устанавливать законы и создавать учрежденія,—„протоки, черезъ которые наливается власть Государева“. Эти учрежденія подлежатъ ближайшему надзору монарха; власть судебная должна быть строго отдѣлена отъ полиціи и всѣ подчиненныя правительства должны дѣйствовать по законамъ. Только полиціи предоставляется въ этомъ отношеніи нѣкоторая свобода, что можно заключить изъ того, что она обязана руководствоваться не столько законами („неизмѣнными установленіями“), а „уставами“. Основная цѣль всего управленія за-

ключается въ общемъ благѣ, законность его является слѣдствіемъ объективнаго порядка, даваемого сверху, а рефлексомъ послѣдняго—вольность отдѣльныхъ гражданъ. Гарантіями законности служатъ: 1) ясность закона, при чемъ однако только самодержецъ, а не судья, можетъ истолковывать законъ, 2) гласность суда. Внутренняя справедливость закона также обеспечиваетъ неукоснительность исполненія его. Если съ этой теоріей сопоставить ученіе Монтескье, то различіе между ними становится очевиднымъ. У Монтескье мы встрѣчаемъ монархію сословную, въ которой отдѣльныя корпораціи обладаютъ самостоятельными прерогативами, у Екатерины II — монархію бюрократическую. Поэтому и въ заимствованіяхъ изъ Монтескье императрица не слѣдовала буквально своему оригиналу, а иногда сильно измѣняла значеніе мыслей его. Эти заимствованія зачастую являются искаженіями подлинника, въ которыхъ тенденціозно проводились мысли составительницы Наказа. Авторъ подробно иллюстрируетъ свою мысль сличеніемъ отдѣльныхъ фрагментовъ Наказа и „Духа законовъ“ и приходитъ къ тому выводу, что императрица, не стѣсняясь, „брала изъ богатой сокровищницы „Духа законовъ“ отдѣльныя жемчужины, но низывала ихъ на свою нить и вышивала ею свой собственный узоръ“ (стр. 83). Идеѣ бюрократической монархіи императрица осталась вѣрна во всей своей послѣдующей дѣятельности, и г. Тарановскій совершенно правъ, указывая на то, что прямой путь отъ доктрины Наказа велъ не къ законодательнымъ комиссіямъ съ представительнымъ составомъ, а къ бюрократическому Учрежденію о губерніяхъ.

Очеркъ написанъ очень живо и убѣдительно; въ исторіи изученія Наказа изслѣдованіе г. Тарановскаго несомнѣнно оставитъ глубокий слѣдъ.

И. Я. Гурляндъ остановился на изслѣдованіи мало разработаннаго въ исторіи русскаго права вопроса о „приказѣ сыскныхъ дѣлъ“ (стр. 87—109). Въ литературѣ и напечатанныхъ памятникахъ объ этомъ приказѣ говорится очень немного, но большой свѣтъ на это учрежденіе проливаютъ найденные авторомъ въ архивѣ Оружейной палаты документы, которые содержатъ крупную часть архива сыскаго приказа. Благодаря этимъ даннымъ, является возможность установить время учрежденія приказа (1619 годъ) и причины его. На необходимость такого учрежденія, вѣдающаго жалобы на сильныхъ бояръ, указалъ соборъ 1619 г., и это указаніе нашло поддержку въ патріархѣ Филаретѣ. Филаретъ, возвратясь изъ плѣна, замѣтилъ, что сильные бояре эксплуатируютъ въ свою пользу юношескую не-

опытность царя, и страна вслѣдствіе этого пришла къ хаотическому неустройству. Преимущественное значеніе имѣли вопросы о приведеніи въ порядокъ владѣнія помѣстьями и о закладничествѣ, институтѣ, вызывавшемъ сильное озлобленіе въ народѣ. Необходимо было создать инстанцію, „грозную насильникамъ и обидчикамъ“, и такую инстанціей явился приказъ сыскныхъ дѣлъ; во главѣ его были поставлены вліятельные люди. Первоначально онъ былъ высшей судебной инстанціей по помѣстнымъ и холопскимъ дѣламъ, но, помимо этого, на него возлагались и другія порученія; изъ него выдѣлялся иногда особый приказъ „приказныхъ дѣлъ“, а иногда эти учрежденія снова сливались; иногда параллельно съ нимъ функционировало еще одно аналогичное учрежденіе, безъ опредѣленнаго названія и точно ограниченной компетенціи—приказъ „что на сильныхъ бьютъ челомъ“. Всѣ эти учрежденія объединены единымъ назначеніемъ—бороться съ эгоистическими стремленіями бояръ. Приказъ сыскныхъ дѣлъ оказался самымъ долговѣчнымъ изъ этихъ трехъ, — онъ перешелъ и въ слѣдующее царствованіе, но постепенно значеніе его упало; въ 1660 году встрѣчается еще приказъ „сыскныхъ заставныхъ дѣлъ“; встрѣчаются установленія подъ этимъ наименованіемъ и позже, но кромѣ названія у нихъ нѣтъ ничего общаго съ первоначальнымъ приказомъ.

Въ очеркѣ о „заповѣдныхъ лѣтахъ“ и „старинѣ“ (стр. 110—124) *М. А. Дьяконовъ* полемизируетъ съ критиками тѣхъ замѣчаній его о старожильствѣ, которыя онъ высказалъ въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи сельскаго населенія“. Во вновь изданной Торопецкой уставной грамотѣ 7709 года онъ находитъ нѣкоторое подтвержденіе своихъ взглядовъ о прикрѣпленіи по давности. Авторъ приводитъ многочисленныя аналоги изъ западно-европейской исторіи права, начиная отъ эпохи конца римской имперіи, и народовъ новой Европы. Если въ русскихъ источникахъ и нѣтъ точнаго описанія этого института, то не слѣдуетъ заключать объ его отсутствіи. Правила Торопецкой грамоты свидѣтельствуютъ о существованіи института давности, хотя они и не опредѣляютъ ея срока; послѣдній могъ быть различнымъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ этой грамотѣ, а также въ грамотѣ двинскому земскому судейкѣ, авторъ находитъ, кромѣ того, данныя для опредѣленія вопроса — до какихъ поръ дѣйствовалъ законъ о Юрьевѣ днѣ. Въ очеркѣ отведено большое мѣсто полемикѣ съ *В. И. Сергѣевичемъ* и особенно *Н. Н. Дебольскимъ*, мнѣнія котораго онъ убѣдительно опровергаетъ.

Г. К. Кадлец знакомитъ читателя „съ трудовыми ассоціаціями у славянъ“ (стр. 125—141). Указавъ на изначально общинный характеръ славянскаго землевладѣнія и на артели, которыя явились въ замѣну исчезающихъ кровныхъ союзовъ, авторъ особенно внимательно останавливается на самой распространенной у славянъ формѣ ассоціаціи, носящей названіе „спраги“. Она нормирована дѣйствующимъ черногорскимъ кодексомъ и встрѣчается также и въ другихъ славянскихъ земляхъ—въ Сербіи, Славоніи, Болгаріи и въ Россіи. Сущность ея заключается въ томъ, что нѣсколько лицъ соединяются для исполненія какой-либо — преимущественно земледѣльческой—работы; участники доставляютъ иногда необходимыя орудія и обыкновенно продовольствуются совмѣстно; результатъ, достигнутый совмѣстнымъ трудомъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ иногда вознагражденіемъ каждаго участника (напр., при общественной запашкѣ), а иногда участники получаютъ пропорціональное вознагражденіе. Авторъ указываетъ также на обычай помогать другъ другу въ сельскихъ работахъ („помочи“, „толока“), благодаря которому тоже создается кратковременная ассоціація, далѣе, на аналогичные ему южно-славянскіе обычай—„любы“, „узаимицы“, на черногорскую „супону“, ассоціаціи, вызванныя соединеніемъ различныхъ стадъ животныхъ въ одно стадо, и на другія соединенія. Существованіе такихъ ассоціацій уже въ древности свидѣтельствуетъ о томъ, что начало семейно-общинное уступаетъ мѣсто индивидуализму.

П. Г. Виноградовъ останавливается на „нѣкоторыхъ особенностяхъ родового строя уэльскихъ кельтовъ“ (стр. 142—152), которыя вытекаютъ изъ сущности родовыхъ отношеній и поэтому не безынтересны и для русскихъ читателей. Въ кельтскомъ обществѣ сохранилось въ особенной чистотѣ агнатическое начало въ строеніи родственныхъ союзовъ. Общее хозяйство, „ложе“, сохранилось до четвертаго поколѣнія по мужской линіи, и только въ четвертомъ колѣнѣ оно распадалось на составныя части, „гаволи“ (вѣтви). Главную отрасль хозяйства составляло скотоводство, поэтому земля дѣлилась на обширныя площади и находилась въ общемъ владѣніи. Хлѣбопашество было организовано на коммунистическихъ началахъ, при чемъ каждый участникъ общины получалъ полосу, соответствующую долѣ его участія въ совмѣстной работѣ по обработкѣ земли („общаго плуга“). Впослѣдствіи выработалось двѣ системы такой организаціи: по одному типу, всякій совершеннолѣтній членъ ассоціаціи получалъ равное съ прочими количество полосъ земли, такъ что если въ селѣ было,

напримѣръ, двадцать совершеннолѣтнихъ мужчинъ, то онъ получалъ $\frac{1}{20}$ всей принадлежавшей ему площади; по другому типу—земля распределялась по отдѣльнымъ хозяйствамъ (лохамъ) и притомъ по „отчеству“, т. е. по генеалогическимъ расчетамъ, но съ тѣмъ, чтобы каждый членъ племени имѣлъ достаточное для него количество земли и каждый глава хозяйства находился въ равныхъ условіяхъ съ другими представителями его поколѣнія. При разверсткѣ земли соблюдалась довольно сложныя правила. Если же данный претендентъ на землю не могъ установить право на владѣніе по отчеству, то онъ отыскивалъ его „по породѣ“, что составляло разницу только въ искахъ. Въ своемъ изложеніи П. Г. Виноградовъ дополняетъ и исправляетъ изслѣдованія Сибома, впервые обратившаго вниманіе на эти архаическія институты.

Вопросу „объ участіи земскихъ добрыхъ людей въ древне-русскихъ судахъ“ посвятилъ свое изслѣдованіе Г. В. Демченко (стр. 153—176). Обозрѣвъ разнообразную терминологию источниковъ, авторъ подробно останавливается на необходимой квалификаціи суднаго мужа, который долженъ былъ быть мѣстнымъ жителемъ, не участвующимъ матеріально въ дѣлѣ и завѣдомо пригоднымъ для суднаго дѣла; религія особой роли не играла, встрѣчаются указанія на судныхъ мужей на православныхъ и даже не христіанъ. Эти судьи, очевидно, пополняются изъ того же контингента, изъ котораго выходятъ всѣ разряды народныхъ представителей въ судѣ. Участіе такихъ представителей въ судѣ зависѣло отъ рода дѣла, подсуднаго такой коллегіи, и отъ призванія ихъ на судѣ для разбора конкретнаго дѣла. Во многихъ судебныхъ актахъ и протоколахъ нѣтъ указаній на участіе судныхъ мужей въ дѣлѣ, однако, какъ убѣдительно доказываетъ авторъ, умолчаніе акта не всегда свидѣтельствуетъ объ отсутствіи ихъ; такой пропускъ можетъ объясняться какъ необстоятельностью при изложеніи дѣла, такъ и простой невнимательностью писца. Такой пропускъ не лишалъ акта юридической силы, и поэтому, если имѣются категорическія предписанія закона о привлеченіи судныхъ мужей въ опредѣленныхъ случаяхъ, то можно предполагать, что ихъ и въ самомъ дѣлѣ призывали, хотя въ процессуальныхъ актахъ объ этомъ ничего не говорится. Свои выводы авторъ подкрѣпляетъ огромнымъ матеріаломъ, извлеченнымъ изъ разнообразныхъ источниковъ.

Интересныя „данныя для исторіи Кіевского городского самоуправления въ XVII вѣкѣ“ (стр. 176—194) сообщаетъ И. М. Каманинъ.

Въ своей диссертациі ⁴⁾ М. Ф. Владимірскій-Будановъ долженъ былъ отказаться отъ изображенія внутренней жизни Кіевской городской общины, за недостаткомъ актовыхъ данныхъ. Г. Каманичъ собралъ всѣ новые источники, какъ найденные имъ лично, такъ и опубликованные другими, которые даютъ возможность воссоздать эту картину. До введенія магдебургскаго права, при воеводствѣ, мѣщанство должно было много страдать отъ произвола королевскихъ чиновниковъ; но и послѣ введенія магдебургскаго права эта зависимость не исчезла окончательно. Отъ произвола больше всего стѣсненія приходилось терпѣть торговлѣ, но столь же тяжко отзывалась на благосостояніи города междоусобная борьба среди самихъ гражданъ. Въ Кіевѣ создались, вѣроятно при введеніи магдебургскаго права, 2 группы гражданъ, подложавшія самостоятельнымъ юрисдикціямъ—„майгборскаго права“ и замковой; остальные мѣщане (бискупскіе, землянскіе и пр.) примыкали то къ одной, то къ другой юрисдикціи. Эти усобицы между отдѣльными группами прекращаются послѣ войнъ Хмельницкаго; съ тѣхъ поръ мѣщане могли жить спокойно по магдебургскому праву, которое оказало на Кіевъ благотворное вліяніе, благодаря своему „живительному началу“ — широкой гласности въ городскихъ дѣлахъ и контролю надъ правителями. Въ приложеніяхъ къ этой статьѣ напечатаны четыре документа изъ кіевского центральнаго архива.

М. М. Ковалевскій даетъ очеркъ „юридическаго быта генуезскихъ колоній на Черномъ морѣ во второй половинѣ XV вѣка“ (стр. 194—228). Въ XV вѣкѣ Генуя признала необходимымъ реформировать внутреннюю администрацію своихъ черноморскихъ колоній и съ этой цѣлью въ статутъ 1448—1449 гг. были кодифицированы административныя постановленія, обязательныя для колониальныхъ властей. Однако, эти мѣра не принесла ожидаемыхъ плодовъ. При составленіи статута слишкомъ много руководствовались условіями и порядками метрополи, и поэтому законъ мало подходилъ къ чуждой обстановкѣ. Статуту пришлось дѣйствовать въ центрѣ столкновеній самыхъ разнообразныхъ и оригинальныхъ народностей (латинянъ, сарацинъ, мингрельцовъ, валаховъ и др.); удаленіе отъ метрополи затрудняло контроль надъ посылаемыми въ колоніи чиновниками, и хотя въ самомъ статутѣ и были предусмотрены карательныя и предупредительныя мѣры противъ такихъ злоупотребленій, но фактически онѣ ни къ чему не

⁴⁾ „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“.

приводили. Въѣсть съ тѣмъ, постоянная боязнь нашествія сосѣднихъ татаръ и подчиненія туркамъ гибельно отражалась на благосостояніи колоній, побуждая жителей покидать ихъ и возвращаться въ метрополию; несмотря на неусыпныя заботы банка Св. Георгія, которому Генуя уступила свои права на колоніи, это завоеваніе дѣйствительно произошло въ 1475 г., когда Каффа была захвачена турками. Для описанія внутренняго быта М. М. Ковалевскій сумѣлъ извлечь изъ статута очень много, не только въ смыслѣ изложенія юридическаго устройства колоній, организаціи учреждений, правъ и обязанностей административныхъ властей и порядка управленія, но и изображенія общественныхъ нравовъ. Статутъ содержитъ не только эти административно-правовыя нормы, по нему также можно составить представленія объ образѣ жизни обывателей, о торжествахъ и народныхъ увеселеніяхъ въ многочисленныя праздничныя дни, объ этикетѣ, окружавшемъ власти; въ немъ много полицейскихъ предписаній касательно торговли и промысловъ; онъ даетъ нѣкоторое представленіе о финансовомъ положеніи этихъ общинъ. Законъ, какъ видно, энергично вторгался въ частную жизнь гражданъ. Талантливо группируя эти указанія памятниковъ, авторъ даетъ живую и интересную картину общественной и частной жизни въ черноморскихъ колоніяхъ.

Въ объективномъ, „*sine ira et studio*“, изслѣдованіи о „введеніи „нѣмецкаго“ права въ селахъ Чехіи XIV вѣка“ (стр. 229—255) *А. Н. Ясинскій* старается найти безпристрастный отвѣтъ на вопросъ о томъ, способствовало ли это право упроченію правового положенія крестьянъ и улучшенію ихъ экономическаго состоянія. Такъ полагаетъ господствующее мнѣніе, но на основаніи чешскихъ грамотъ авторъ приходитъ къ противоположному взгляду. На „нѣмецкомъ“ правѣ земли пріобрѣтались въ эмфитевтическое владѣніе; владѣльцы имѣли обширныя правомочія, но право собственника стояло выше права владѣльца, котораго можно было удалить, выкупивъ у него землю. При заключеніи такой наследственной аренды землевладѣлецъ передавалъ имущество „оккупатору“ за известную сумму, которая обыкновенно называлась закупомъ. Авторъ подробно разбираетъ данныя грамотъ, опредѣляющія размѣры и условія уплаты этого закупнаго платежа, до окончательной выплаты которой владѣлецъ не получалъ на руки эмфитевтической грамоты. Вслѣдствіе этихъ платежей, введеніе эмфитевческаго права обезсиливало крестьянство, оттягивало капиталы отъ земли и являлось удобной финансовой мѣрой, при помощи которой землевладѣльцы заполучали народныя сбереженія въ свои руки.

Поэтому крестьяне неохотно вступали въ такое отношеніе, которое приводило къ экономическому рабству.

I. А. Малиновскій помѣстилъ въ Сборникѣ очеркъ о „древнѣйшей русской аристократіи“ (стр. 256—274). Древнѣйшіе источники указываютъ на то, что „лучшимъ“ людямъ принадлежитъ власть въ странѣ; аристократія выступала *in corpore* въ собраніяхъ, гдѣ она играла руководящую роль; изъ нея же избирались и отдѣльныя должностныя лица. Слагалась она изъ лицъ экономически наиболѣе обезпеченныхъ; „лучшіе люди“—это богатые промышленники, рабовладѣльцы и скотовладѣльцы; для иллюстраціи авторъ приводитъ данныя изъ быта сибирскихъ инородцевъ, стоящихъ приблизительно на такой же ступени экономическаго развитія, какъ и древнѣйшая Русь. Вторымъ моментомъ, выдѣляющимъ челоуѣка изъ толпы, являются его нравственныя качества—мужество, знаніе жизни. У древнихъ славянъ, народа мирнаго, въ почетѣ была не столько военная доблесть, сколько опытность, житейская мудрость, а въ первобытномъ обществѣ это удѣлъ старости. Поэтому въ памятникахъ часто идетъ рѣчь о „старцахъ“, которымъ принадлежитъ власть. Вотъ эти два качества, экономическая состоятельность и преклонный возрастъ, выдѣляли челоуѣка надъ толпою, а древнѣйшая русская аристократія—это люди пожилые и богатые, при чемъ авторъ оговаривается, что въ отдѣльныхъ случаяхъ, конечно, возрастъ, самъ по себѣ, могъ и не играть роли. Этотъ очеркъ представляетъ собой начало задуманнаго авторомъ обширнаго изслѣдованія по исторіи происхожденія общественныхъ классовъ въ Россіи.

В. А. Удинцовъ разсматриваетъ старинное закладное право (статья „Подписка въ вѣрѣ“, стр. 275—298), основываясь въ особенности на неизданныхъ чердынскихъ закладныхъ XVI вѣка и другихъ памятникахъ. Въ чердынскихъ закладныхъ залогъ именуется довольно послѣдовательно „подпиской въ вѣрѣ“. Виды залога въ древности были различны; допускался залогъ съ временной передачей заложеннаго имущества въ пользованіе кредитору и безъ такой передачи. По мнѣнію автора, первоначально такой переходъ владѣнія вещью не былъ неразрывно связанъ съ залогомъ; заложенная вещь фактически не выходила изъ имущественной сферы должника, она только обозначалась, описывалась и дѣлалась порукой за долгъ. Право кредитора на пользованіе залогомъ истекаетъ не изъ залоговыхъ отношеній, а изъ условій о ростѣ—пользованіе замѣняло проценты. Все разнообразіе формъ залога объединяется тѣмъ, что залогъ является гарантіей

долга; терминъ „подписка въ вѣрѣ“ очень отчетливо выражаетъ эту мысль. Въ связи съ этимъ залоговое обязательство юридически характеризуется какъ аксессуарное. На случай просрочки, въ закладную вставлялось обыкновенно условіе о превращеніи ея въ купчую при неисправности должника. При этомъ, вѣроятно, дополнительное взысканіе съ должника отпадало. Если же такой оговорки не было въ закладной, то, слѣдуетъ думать, наступала продажа заложенной вещи. Помимо того, что это представляется естественнымъ слѣдствіемъ неисправности, и въ источникахъ есть нѣкоторые указанія на такой порядокъ; за кредиторомъ сохранялось право на взысканіе съ остальнаго имущества должника недополученнаго.

А. Я. Шаповъ подробно разбираетъ вопросъ объ официальномъ или неофициальномъ происхожденіи Стоглава (стр. 299—330). Въ литературѣ по этому предмету высказано очень много мнѣній, при чемъ многіе изслѣдователи склоняются къ признанію этого памятника не подлиннымъ, а считаютъ его лишь черновой записью или проектомъ соборнаго постановленія. Въ статьѣ г. Шаповъ собраны всѣ различныя соображенія, которыя выставлены въ защиту подлинности Стоглава. Авторъ указываетъ на то, что впоследствии Стоглавъ признавался дѣйствующимъ закономъ, на который ссылались въ практикѣ, изъ котораго дѣлались выписки въ патріаршихъ грамотахъ и церковныя постановленія котораго были прямо отиѣнены соборомъ 1667 года. Далѣе, авторъ разбираетъ доводы, приводимые въ пользу неофициальнаго происхожденія Стоглава—отсутствіе подлиннаго постановленія собора и различія въ редакціяхъ разныхъ списковъ. Эти факты, какъ доказали авторитетные знатоки старины, сами по себѣ ничего не говорятъ; напротивъ, неопровержимымъ доказательствомъ официального происхожденія являются недавно открытые наказные списки по соборному уложенію 1551 года. Это—документы для официальной публикаціи постановленій собора по епархіямъ, выработанные на самомъ соборѣ 1551 года. Открытіе этихъ списковъ должно явиться поворотнымъ моментомъ въ полемикѣ о подлинности Стоглава,—полемика весьма партійной и далеко не безпристрастной; такъ какъ „раскольники стали видѣть въ немъ свою главную опору, а православные своего самого страшнаго врага“ и „русская православная церковно-историческая наука... никогда не относилась къ Стоглаву безпристрастно, а при изслѣдованіи его всегда задавалась цѣлями полемическими“ (слова проф. Н. Н. Лебедева).

Князь Е. Н. Трубецкой даетъ блестящую „характеристику поли-

тических идеалов эпохи Возрождения" (стр. 331—350). Политические идеалы этой эпохи являются ярким протестом против мирозерцания средних веков. В средние века все знание поглощалось богословием; превыше земного государства, проходящего, — как это показал примьер римской империи, — долженъ стоять „градъ Божій“. Эти мысли блаженного Августина предопредѣляли все духовное течение средних веков. Теократическій идеалъ объединялъ писателей какъ свѣтскаго, такъ и клерикальнаго направленія; споръ шелъ только о томъ, кто долженъ стоять на вершинѣ человѣческаго общества, представлявшагося въ видѣ готическаго храма — папа, или свѣтскій владыка — императоръ. Человѣкъ, какъ таковой, исчезалъ, — онъ, „невольный гость на божественномъ пирѣ“, не есть цѣль въ себѣ и для себя. Церковный авторитетъ сказывался во всемъ, — всѣ средневековые трактаты, и юридическіе и богословскіе, безразлично, полны текстовъ изъ Писанія, писатели какъ бы стыдятся самихъ себя и своихъ мнѣній и стараются укрыться за какимъ-либо богословскимъ авторитетомъ. Но послѣдній періодъ средневековой мысли подготавливаетъ переходъ къ новому мирозерцанію. Благодаря номиналистическому направленію въ схоластикѣ, разлагается философское мирозерцаніе средних вековъ. На мѣсто церковнаго идеала становится идеалъ свѣтскій, гуманистическій, культъ человѣка приобретаетъ центральное мѣсто. Свобода человѣка не стѣняется сословными границами, онъ всему обязанъ своимъ силамъ, поэтому и власть захватывается тѣмъ, кто сильнѣе и энергичнѣе. Возрождается сочувствіе къ античному міру, ибо, во-первыхъ, это эпоха великихъ подвижниковъ человѣческой мысли, а во-вторыхъ, образецъ чисто свѣтской культуры. Отсюда вытекаетъ стремленіе проникнуть въ истинный смыслъ классиковъ и освобожденіе, уже извѣстныхъ и среднимъ вѣкамъ, античныхъ философскихъ ученій отъ схоластическихъ прикрасъ и искаженій; крѣпнеть вѣра въ разумъ, возрождается искусство. Эти жизнерадостныя тенденціи очень ярко выступаютъ и у публициста эпохи — Макіавелли, типичнаго представителя идей XV вѣка. Аскетизмъ ему ненавистенъ, ненавистна ему и церковь; его идеалъ — самостоятельное національное государство. Всѣми силами онъ обрушивается на римскую церковь, злѣйшаго врага объединенія Италіи; его мечта — возстановленіе славныхъ временъ древняго Рима. Въ сущности, онъ болѣе язычникъ, чѣмъ христіанинъ по своимъ симпатіямъ; въ прямую противоположность средневековому воззрѣнію „онъ хочетъ низвести религію до степени орудія мірской политики“. Священники нужны ему

въ качествѣ охранительнаго устоя, необходимаго для государства. Внутреннее существо вѣры ему безразлично; нравственная оцѣнка политическаго искусства ему чужда; вопросъ о нравственности или безнравственности тѣхъ или другихъ средствъ политики для него не существуетъ. Таковы, по мнѣнію автора, типическія черты ученія Макіавелли, которыя выясняютъ контрастъ между эпохою Возрожденія и предшествующими ей средневѣковыми понятіями.

А. К. Митюковъ высказываетъ новый и оригинальный взглядъ на одно явленіе римскаго права—*in diem addictio*, то добавочное соглашеніе, присоединяемое къ куплѣ-продажѣ, въ силу котораго продавецъ можетъ отказаться отъ сдѣлки, если въ теченіе извѣстнаго срока ему будутъ предложены болѣе выгодныя условія (стр. 352—367). Авторъ проводитъ различіе между сдѣлками съ *addictio in diem* въ техническомъ смыслѣ и обыкновенными соглашениями о правѣ отступить отъ сдѣлки при (вольной) продажѣ. По его мнѣнію, *addictio in diem* выработалась въ практикѣ продажъ съ аукціона, на что указываетъ самое названіе этой оговорки. Продажи съ аукціона, какъ свидѣлствуютъ источники, были сильно распространены въ Римѣ; къ нимъ прибѣгали и государство и частныя лица, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ самое производство аукціона норучалось банкирамъ, специалистамъ по этой части. Банкиры при этомъ пользовались услугами особаго вспомогательнаго персонала (*praesones*), который обладалъ самостоятельной организаціей и не былъ въ зависимости отъ банкировъ. Дѣйствія банкировъ имѣли полу-официальный характеръ, за ними признавалась *publica fides*, такъ что *addictio* банкира—признаніе вещи проданною такому-то лицу, обладала такой же силой, какъ и *addictio*, совершенная магистратомъ, т. е. она непосредственно переносила право собственности безъ передачи владѣнія вещью. Съ этой точки зрѣнія авторъ предлагаетъ новое толкованіе *fr. 41 pr. Dig. 6, 1* (Ульпіана), указывая, что вторая половина этого фрагмента свидѣлствуетъ объ аномальномъ переходѣ права собственности непосредственно въ силу самой *addictio* безъ передачи владѣнія. Юристъ, по его мнѣнію, встрѣтился съ случаемъ включенія условія объ *addictio in diem* въ сдѣлку вольной продажи и примѣняетъ къ ней тѣ нормы о вещной силѣ условія, которыя были выработаны въ практикѣ продажъ съ аукціона. Вторая часть фрагмента служитъ, такимъ образомъ, мотивомъ рѣшенія, даваемаго юристомъ въ первой части.

Н. П. Дашкевичъ старается доказать подлинность одной грамоты князя Ивана Ростиславича Берладника отъ 1134 года (стр. 366—381),

которая была опубликована впервые г. Богданомъ П.—Хыждеу въ одномъ румынскомъ журналѣ. Противъ подлинности этой грамоты, которая представляетъ большой интересъ для исторіи русскаго племени въ придунайскихъ земляхъ, высказались такіе авторитетные знатоки, какъ А. И. Соболевскій и румынскій славистъ г. Богданъ. По мнѣнію автора, въ содержаніи грамоты нѣтъ никакихъ историческихъ несообразностей, и съ этой точки зрѣнія она не вызываетъ сомнѣній. Сложивъ обстоитъ дѣло съ филологической критикой, такъ какъ оригинала грамоты теперь найти нельзя, даже нѣтъ факсимиле ея, а опубликованные тексты не вполнѣ сходятся между собой. Но и съ этой точки зрѣнія авторъ высказывается за подлинность, такъ какъ языкъ мѣста происхожденія грамоты (г. Берладъ) былъ нечистый; правописаніе не можетъ быть въ точности установлено за отсутствіемъ оригинала; что же касается прочихъ особенностей языка—фонетики грамоты, формы ея и пр., то авторъ признаетъ ихъ не необъяснимыми для XII вѣка. На основаніи этихъ соображеній, воздерживаясь отъ полнаго рѣшенія вопроса о подложности этой грамоты, авторъ приходитъ къ выводу, что существующія данныя врядъ ли даютъ право на отрицательное заключеніе.

Н. А. Максимейко приводитъ интересныя данныя для опредѣленія мѣста происхожденія Русской Правды („Русская Правда и литовско-русское право“, стр. 382—395). Онъ справедливо указываетъ на то, что тотъ общій отвѣтъ, который предлагаетъ господствующее мнѣніе, именно, что въ Р. Правдѣ содержится русское уставное и обычное право,—отвѣтъ очень неопредѣленный. По мнѣнію автора, въ исторіи русскаго права можно наблюдать три крупныхъ правовыхъ системы: право Сѣверовосточной Россіи, выразившееся въ московскихъ законодательныхъ актахъ, право Литовской Руси (наиболѣе полное выраженіе его—Литовскій Статутъ) и право Сѣверо-Западнаго края (кодификаціи Новгородъ и Пскова). Чтобы ближе опредѣлить право Р. Правды, необходимо рѣшить, къ какой системѣ его можно причислить. Авторъ склоняется къ тому, что въ ней выразилось литовско-русское право, и доказываетъ это сличеніемъ Р. Правды съ литовскимъ правомъ. Въ уголовномъ правѣ это сходство выразилось въ одинаковой квалификаціи увѣчья, какъ преступленія противъ жизни, въ признаніи ударовъ батогами, чашой и пр. не только преступленіемъ противъ здоровья, но и оскорбленіемъ чести, въ признаніи мести исполненіемъ приговора, а не актомъ самосуда, въ зависимости исполненія личныхъ наказаній отъ воли потерпѣвшаго, наконецъ,

въ отвѣтственности общины за преступника, котораго общество не разыскивало. Въ области гражданскаго права наблюдаются аналогичность постановленій Р. Правды и литовскаго права относительно наследственныхъ правъ вдовы, относительно ограниченія завѣщательнаго произвола, при чемъ и тутъ и тамъ усмотрѣнію матери-вдовы предоставлялся большій просторъ; постановленія объ опеку, неизвѣстныя остальнымъ русскимъ правовымъ системамъ, повторяются въ Р. Правдѣ и въ литовскомъ правѣ; въ такомъ же положеніи находится и институтъ обильныхъ холоповъ и закуповъ—эта терминологія встрѣчается опять-таки только въ литовскихъ памятникахъ, она неизвѣстна ни московскимъ, ни сѣверо-западнымъ ¹⁾). Наконецъ, процессу Р. Правды неизвѣстенъ институтъ судебныхъ поединковъ, и нельзя умолчаніе о немъ приписывать недосмотру составителя, который удѣлилъ большое вниманіе процессуальному праву; но и въ литовскихъ памятникахъ этотъ институтъ, по изысканіямъ автора, отсутствуетъ. Поэтому, по мнѣнію автора, Р. Правда является исходнымъ пунктомъ развитія литовскаго права, а если это такъ, то долженъ измѣниться и обычный порядокъ изложенія исторіи русскаго права: Р. Правда, Псковская Судная грамота являются не послѣдовательными стадіями развитія, а выразителями различныхъ типовъ русскихъ правовыхъ системъ.

Ю. А. Кулаковскій высказываетъ нѣкоторыя замѣчанія къ вопросу о происхожденіи еемнаго строя Византійской имперіи (стр. 396—403), на который теперь обращено большое вниманіе византинистовъ. Авторъ указываетъ на разнообразіе значеній слова *τὸ θέμα*, которое въ различныхъ областяхъ являлось техническимъ выраженіемъ для опредѣленія очень разнообразныхъ понятій. Для разбираемаго вопроса особенный интересъ представляетъ свидѣтельство изъ Стратегіи Маврикія, гдѣ этимъ терминомъ опредѣляется военный отрядъ. У другихъ писателей оно иногда имѣетъ такое же значеніе (у Соофана, писателя начала IX вѣка), а иногда также и значеніе опредѣленной территоріи (въ Тактикѣ Льва Мудраго, памятникъ конца IX вѣка). Сообразно съ этимъ многіе ученые склоняются къ тому, что слово *τὸ θέμα* въ значеніи „военный отрядъ“ древнѣе въ языкѣ византійскихъ писателей, чѣмъ въ значеніи „область“. Противъ такого пони-

¹⁾ Изслѣдованію института закупничества по литовскому праву въ связи съ правомъ Р. Правды посвящена специальная статья М. Н. Ясницкаго, помѣщенная въ сборникѣ, стр. 430—465; см. ниже.

мапія высказывается *Θ. И. Успенскій*, ссылаясь на цитаты, приведенныя у *Дюканжа* подъ словомъ *θραττικοί* (= provinciales). Однако, по мнѣнію автора, эти цитаты не подтверждаютъ теоріи *г. Успенскаго*, и вопросъ о происхожденіи еемы какъ единицы управленія, во главѣ которой былъ поставленъ военный командирь, остается темнымъ. Не выяснила его и работа нѣмецкаго изслѣдователя *Гельпера*, который связываетъ соединеніе военной и гражданской власти въ однихъ рукахъ съ уничтоженіемъ эпарховъ. Но прямыхъ данныхъ для такого утвержденія нѣтъ, и на конкретныхъ фактахъ не выяснено еще, какія функціи гражданской власти перешли къ стратигамъ еемъ. Ясность можетъ быть внесена только при помощи болѣе широкой постановки и большого углубленія анализа свидѣтельствъ источниковъ. Съ своей стороны, авторъ указываетъ на одинъ текстъ, доселѣ не использованный—мѣсто изъ сочиненія, приписываемаго императору *Никифору Фокѣ*. Вообще же, по его мнѣнію, „вопросъ о еемахъ сложнѣе и труднѣе, чѣмъ это обыкновенно представляется, и размысканіе дать, когда впервые названа та или другая еема, ничего не разрѣшаетъ въ поискахъ о происхожденіи еемнаго строя“ (стр. 403).

Содержательная статья *Т. Д. Флоринскаго* посвящена изслѣдованію древнѣйшаго памятника болгарскаго права (стр. 404—430), такъ называемаго „закона суднаго людямъ“, или „судебника царя Константина“. Этотъ памятникъ представляетъ собой болгарскую компиляцію византійскихъ законовъ. На него обращено вниманіе ученыхъ съ начала прошлаго вѣка; за это время для изученія его сдѣлано довольно много; въ Болгаріи и Россіи появилось много солидныхъ трудовъ по этому предмету, но, все же, многіе пункты еще остаются невыясненными. Поэтому, обозрѣвъ тѣ положенія, которыя представляются наиболѣе убѣдительными, авторъ останавливается на тѣхъ, которыя еще ждутъ рѣшенія и не установлены окончательно въ литературѣ. Сюда прежде всего относится время составленія сборника; въ этомъ отношеніи авторъ примыкаетъ къ мнѣнію *Р. Губе* и профессора *Зигеля*, которые относятъ этотъ памятникъ, возникшій, по общему мнѣнію, въ Болгаріи, къ эпохѣ царя *Симеона* (888—927 гг.), въ пользу чего говорить анализъ его внутренняго содержанія; именно въ немъ замѣтно влияніе *Эклога*, но на немъ не отразился *Прохиронъ*, появившійся въ Византіи въ 870—879 гг. Законъ судный дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, краткой и пространной, поэтому возникаетъ дальнѣйшій вопросъ о томъ, какая изъ нихъ древнѣе. Авторъ скло-

няется къ признанію краткой редакціи, которая ближе подходит къ Эклогѣ, древнѣйшею, отъ которой пространныя редакція отличается тѣмъ, что къ ней были присоединены нѣкоторыя дополнительные статьи, о точномъ времени происхожденія которыхъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Разбираемый сборникъ, впрочемъ, нельзя признать простой компиляціей Эклоги; составители Закона суднаго близко слѣдовали Эклогѣ; многія статьи представляютъ даже просто переводъ греческаго текста, но въ другихъ замѣтны измѣненія—иногда они сводятся къ редакціонному сокращенію, но иногда въ славянскомъ текстѣ замѣтно приспособленіе закона къ мѣстнымъ бытовымъ условіямъ; а очень часто можно установить и существенныя измѣненія греческаго закона; такъ, на примѣръ, слишкомъ суровыя наказанія замѣнены болѣе гуманными. Трудно опредѣлять, былъ ли этотъ сборникъ изданъ государственною властью, какъ дѣйствующій законъ, или же это была частная, не официальная работа, предпринятая какимъ-либо юристомъ или книжникомъ. Многіе изслѣдователи склоняются ко второму мнѣнію (на примѣръ, Богитичъ и Бобчевъ), но авторъ присоединяется къ мнѣнію Р. Губе и Зигеля и видитъ въ Законѣ судномъ—„сборникъ законовъ, вышедшихъ отъ государственной власти“. Сборникъ этотъ представляется автору древнѣйшимъ памятникомъ не только болгарскаго, но и вообще славянскаго права; изученіе его имѣетъ большой интересъ и для русскаго историка, такъ какъ онъ вошелъ въ Кормчую книгу и получалъ широкое распространеніе на Руси. Но необходимой подготовкой къ такому изученію должно явиться критическое и тщательное изданіе этого памятника.

М. Н. Ясинскій касается очень спорнаго въ литературѣ вопроса о „закупахъ Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права“ (стр. 430—464). Первоначально въ литературѣ господствовалъ взглядъ на закупничество какъ на заемъ, соединенный съ залогомъ личности должника, который долженъ былъ отработать свой долгъ, а до этого момента находился въ холопствѣ. Таково мнѣніе Невольна, Мейера, Чичерина. Въ послѣднее время В. И. Сергѣевичъ, къ которому присоединились и другіе изслѣдователи, обратилъ особенное вниманіе на встрѣчающееся въ Русской Правдѣ именованіе закупа „наймитомъ“ и древнее отождествленіе купли и найма („нанялся — продался“) и призналъ закупничество чистой формой договора найма. Но, по мнѣнію автора, такое толкованіе также вызываетъ недоумѣнія и вопросы. Между тѣмъ краткія постановленія Русской Правды не могутъ дать

опредѣленнаго отвѣта, и авторъ старается найти его въ другихъ источникахъ. Въ этомъ отношеніи литовско-русское право даетъ цѣнные данныя. Такъ, въ многочисленныхъ литовскихъ актахъ XV и XVI вѣковъ слово „закупъ“ имѣетъ то же значеніе, что и слово „застава“, „закупить“—значитъ взять въ заставу или, говоря современнымъ языкомъ,—взять въ залогъ. Эти термины примѣняются въ одинаковомъ значеніи, какъ это доказываютъ другіе акты, не только къ недвижимостямъ, но и къ людямъ. Въ такомъ же смыслѣ эти названія повторяются и въ Литовскомъ Статутѣ. На основаніи этихъ источниковъ, можно охарактеризовать юридическое положеніе литовскихъ закуповъ, которые отнюдь не являются наймитами; наоборотъ, наемъ и закупничество строго различаются; должникъ долженъ былъ отработать свой долгъ, погашая его въ опредѣленной суммѣ работой въ теченіе опредѣленнаго времени. Такъ какъ приведенныя авторомъ примѣтки относятся къ эпохѣ позднѣйшей, къ XV и XVI вѣкамъ, то онъ считаетъ необходимымъ оговориться, что тѣмъ не менѣе свои выводы онъ считаетъ правильными и для эпохи Русской Правды, болѣе ранней (XII и XIII вѣка). Дѣло идетъ не о случайномъ созвучіи названія, а о явленіяхъ, внутренне вполне сходныхъ, и о терминахъ, вполне установившихся. Возникновеніе такого института, какимъ представляется закупничество, такой архаической формы залога, не можетъ быть отнесено къ позднѣйшему времени. Возможны, конечно, частныя измѣненія этого института, но существо его осталось безъ измѣненія.

Къ Сборнику приложены отлично исполненный портретъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова и библиографическій указатель литературныхъ трудовъ его, составленный М. Н. Ясинскимъ; изъ вырученныхъ отъ продажи денегъ предполагается образовать при юридическомъ факультетѣ университета св. Владиміра фондъ на премію за лучшее сочиненіе по исторіи русскаго права.

Въ приведенномъ выше обзорѣ книги можно было остановиться только на самыхъ существенныхъ пунктахъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ Сборникѣ; пришлось опустить множество весьма интересныхъ и цѣнныхъ детальныхъ замѣчаній и экскурсовъ. Но даже изъ такого бѣглого обзора видно, что книга представляетъ интересъ не только для спеціалиста, но и для всякаго интересующагося исторіей права. По характеру и назначенію книги и при разнообразіи представленныхъ въ ней отраслей историческаго правовѣдѣнія, статьи Сборника нельзя подвести подъ общія, объединяющія, категоріи. Наи-

болѣе родственны между собою статьи по исторіи русскаго права (славянскаго права). Онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что изученіе древнѣйшихъ институтовъ права и права Русской Правды сдѣлало большой шагъ впередъ; изъ нихъ видно, какіе благотворные результаты даетъ сравнительное изученіе древнѣйшихъ правовыхъ системъ, и насколько возрастаетъ матеріалъ, надъ которымъ можно оперировать. Наша историческая наука имѣетъ полное основаніе гордиться этимъ сборникомъ, который является достойнымъ подношеніемъ маститому юбиляру. Остается только пожелать, чтобы было побольше такихъ юбилеевъ и побольше такихъ юбилейныхъ сборниковъ.

А. Н. Островскаго

Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. Критически проверенный текстъ; біографія, приложенія, примѣчанія, портреты автора, его fac-simile и проч. подъ редакціей М. И. Лисарева. Тт. I—V. С.-Пб. Изд. книгоиздат. товарищ. „Просвѣщеніе“.

Въ настоящее время всякихъ пьесъ „съ настроеніемъ“ и à thèse, имѣющихъ часто значеніе болѣе публицистическое или философско-психологическое, нежели художественное, ставящихъ разныя сложныя и подчасъ не совсѣмъ ясныя и для самихъ авторовъ проблемы общественной морали и личной совѣсти, новое изданіе произведеній Островскаго, привлекая собою лишній разъ вниманіе читателей къ этому писателю, представляется явленіемъ особенно желательнымъ. Проф. Овсяннико-Куликовскій въ одномъ изъ своихъ критическихъ этюдовъ, собранныхъ въ книжкѣ „Вопросы психологіи творчества“, высказалъ какъ-то мимоходомъ мысль, что обобщающая сила образовъ Островскаго весьма невелика, не простирается дальше той дѣйствительности, которая въ нихъ изображена, и по мѣрѣ того какъ выведенные знаменитымъ драматургомъ купеческіе типы будутъ понемногу исчезать въ жизни, и соответственныя созданія его потеряютъ непосредственный художественный интересъ; недавно одинъ изъ журнальныхъ критиковъ по поводу постановки на сценѣ Александринскаго театра „Горячаго сердца“, отзываясь объ этой пьесѣ, какъ о сплошной „дикой пошлости“, писалъ, что сатира Островскаго „стара, обветшала, сгнила“ и что „положительный элементъ у Островскаго—монбланы нестерпимо-оскорбительныхъ фальшивыхъ банальностей“; но съ этимъ всѣмъ трудно согласиться; правда, въ сцениче-

скомъ исполненіи многія драмы и комедіи автора „Своихъ людей“ и „Грозы“ представляются въ настоящее время иной разъ устарѣлыми, мало увлекательными, но причина этого не въ самихъ драмахъ и комедіяхъ, а въ современныхъ ихъ исполнителяхъ, играющихъ въ большинствѣ случаевъ по смутнымъ закулиснымъ традиціямъ старыхъ знаменитыхъ сценическихъ истолкователей своеобразныхъ типовъ Островскаго и не умѣющихъ или не желающихъ отнестись непосредственно-жизненно къ ихъ внутренней правдѣ...

При появленіи своемъ впервые въ свѣтъ пьесы Островскаго привлекли, какъ извѣстно, къ себѣ вниманіе, главнымъ образомъ, народностью своего содержанія; въ этомъ прежде всего заключалась ихъ новизна для современныхъ читателей и зрителей, „новое слово“, сказанное авторомъ въ русской драматической литературѣ и съ подмостковъ русскаго театра; но народность произведеній Островскаго опредѣляется двумя сторонами: яркостью и жизненною правдою изображенія бытовыхъ отношеній и вышнихъ формъ національной русской жизни и художественнымъ проникновеніемъ въ душу народную, выраженіемъ национальныхъ особенностей внутренняго міра русскихъ людей, при чемъ и та и другая сторона имѣла для поэта не самостоятельное значеніе цѣли творчества, а его средства—первая для большей жизненности типическаго представленія данной дѣйствительности, вторая, какъ реальная основа для художественнаго опредѣленія общихъ идеальныхъ нормъ истинно-человѣческаго развитія. Въ сценическомъ истолкованіи первыхъ знаменитыхъ исполнителей пьесъ Островскаго оба указанные момента творчества писателя получали органически цѣльное выраженіе, но, судя по имѣющимся современнымъ театральнымъ воспоминаніямъ, сила получавшагося художественнаго впечатлѣнія опредѣлялась преимущественно захватывающею глубиною усвоенія и выразительностью передачи второго изъ нихъ: Садовскій—Любимъ Тордовъ („Бѣдность не порокъ“), Пав. Васильевъ—Красновъ („Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“), Е. Н. Васильева—Марья Андреевна Незабудкина („Бѣдная невѣста“), С. Васильевъ и Мартыновъ—Тихонъ Кабановъ („Гроза“) увлекали зрителей, „ударяли по сердцамъ“ ихъ не столько точностью бытового фона и законченностью вышнихъ очертаній воспроизводимыхъ ими образовъ, сколько поразительною внутреннею, психологическою правдою ихъ художественнаго воплощенія; у новѣйшихъ исполнителей большею частью остались однѣ потускнѣвшія отъ времени традиціонныя формы безъ оживлявшаго ихъ нѣкогда внутренняго содержанія. Въ сценическомъ исполненіи, отмѣченномъ непо-

средственнымъ проникновеніемъ въ соответственное душевное состояніе изображаемаго лица и художественной правдой выраженія этого состоянія, произведенія Островскаго и теперь доставляютъ истинное наслажденіе въ театрѣ, увлекая зрителя внутреннею жизненностью драматическихъ положеній въ общечеловѣческомъ ихъ содержаніи: г-жа Комиссаржевская—Лариса Огудалова въ „Безприданницѣ“ и г. Варламовъ—Русаковъ въ комедіи „Не въ свои сани не садись“ являются живымъ подтвержденіемъ сказаннаго.

Въ литературномъ отношеніи удивительная ясность и прозрачность композиціи, яркость и выпуклость образовъ, художественная типичность представленія бытовыхъ условій жизни и прекрасное знаніе изображаемой среды, замѣчательный, по своей оригинальности, чистотѣ и выразительности, языкъ и рѣдкая выдержанность драматическаго стиля безусловно составляютъ и будутъ всегда составлять притягательную силу произведеній Островскаго для истиннаго цѣнителя художественнаго слова, установивъ давно и по праву за писателемъ значеніе классическаго въ области русской драматической литературы. Въ свою очередь преобладающіе основные мотивы разрабатываемыхъ имъ драматическихъ коллизій, опредѣляющіеся столкновеніемъ угнетенныхъ и слабыхъ съ властными и сильными, жаждою счастья, любви и участія среди мертвящаго холода, мелочнаго эгоизма и злобы, порывами или сознательными стремленіями къ свѣту среди окружающей тьмы на свѣтломъ фонѣ гуманнаго сочувствія поэта къ людскому страданію и вѣры въ конечное торжество правды, не могутъ не представлять и, конечно, будутъ всегда представлять живой интересъ для вдумчиваго читателя: вѣдь ничто, по свидѣтельству Чехова („Морозъ“), такъ не сближаетъ людей и не приближаетъ ихъ къ Богу, какъ чувство немощи человѣка, его боли и страданія, а жажда любви и счастья и стремленіе къ свѣту и правдѣ такъ же вѣчно присущи душѣ человѣка, какъ безсмертна она сама... Самая простота формъ выраженія, какъ бы ни осложнялись техническія средства искусства въ соответствіи съ осложненіемъ жизни, всегда будетъ имѣть свою привлекательность, какъ простота деревни, затишье и бодрительная свѣжесть полей и лѣсовъ послѣ городской напряженной, трудовой или суетливой, жизни, хотя, можетъ быть, и болѣе привычной и болѣе содержательной для личнаго сознанія...

Новое изданіе сочиненій Островскаго является *одинадцатымъ* по общему счету; имѣющійся матеріалъ распределенъ въ хронологическомъ порядкѣ въ 10 томахъ, изъ которыхъ пока вышло въ свѣтъ

пять¹⁾. Какъ видно изъ предисловія редактора, по плану изданія, въ собраніе входятъ только оригинальныя произведенія автора, и при томъ написанныя имъ однимъ безъ участія другихъ лицъ. Въ *первомъ* томѣ напечатаны: „Семейная картина“, „Свои люди — сочтемся“, „Утро молодого человѣка“, „Неожиданный случай“—пьеса, впервые появившаяся въ печати въ 1851 году въ альманахѣ „Комета“ и до сихъ поръ не входившая ни въ одно изъ прежнихъ изданій сочиненій автора,—„Бѣдная невѣста“, „Не въ свои сани не садись“ и въ приложеніи юмористической разсказъ,—„Записки замоскворѣцкаго жителя“, единственное произведеніе Островскаго въ повѣствовательномъ родѣ, которое упоминается у И. И. Иванова въ его книгѣ „А. Н. Островскій, его жизнь и литературная дѣятельность“ и, кромѣ настоящаго изданія, было перепечатано еще въ журналѣ „Театръ и искусство“ за 1903 годъ (№№ 8 и 9); *второй* томъ заключаетъ въ себѣ пьесы: „Бѣдность не порокъ“, „Не такъ живи, какъ хочется“, „Въ чужомъ пиру похмѣлье“, „Доходное мѣсто“, „Праздничный (въ оглавленіи опечатка—„праздний“) сонъ—до обѣда“, „Не сошлись характерами“; въ *третьемъ* помѣщены: „Воспитанница“, „Гроза“, „Старый другъ лучше новыхъ двухъ“, „Свои собаки грызутся, чужая не приставай“, „За чѣмъ пойдешь, то и найдешь“ („Женитьба Бальзаминова“), „Тяжелые дни“; въ *четвертомъ*—„Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ“ въ *двухъ редакціяхъ*, „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, „Шутники“, „Воевода (Сонъ на Волгѣ)“ въ первой редакціи; въ *пятомъ*—„Воевода“ въ другой редакціи, „На бойкомъ мѣстѣ“, „Пучина“ и хроника „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“²⁾. Въ

¹⁾ Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, успѣли уже выдти и остальные пять, но характеръ изданія, конечно, остается одинъ и тотъ же, и замѣчанія, высказанныя въ настоящей статьѣ относительно первыхъ пяти томовъ, сохраняютъ свое значеніе и по отношенію ко всѣмъ прочимъ; поэтому, не входи въ особое разсмотрѣніе вновь вышедшихъ теперь выпусковъ, и ограничиваюсь относительно ихъ, гдѣ это можетъ содѣйствовать полнотѣ представленія о разсматриваемомъ изданіи, нѣкоторыми дополнительными подстрочными примѣчаніями.

²⁾ Въ *шестомъ* томѣ напечатаны: драмат. хроника „Тушино“, „Василиса Мелентьева“, „На всякаго мудреца довольно простоты“, „Горячее сердце“; въ *седьмомъ*—„Бѣшенныя деньги“, „Не все коту масляница“, „Лѣсъ“, „Комикъ XVII столѣтія“ и статьи „Путешествіе по Волгѣ отъ истоковъ до Ниж.-Новгорода“, напечатанная первоначально въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1859 г. и съ тѣхъ поръ въ первый разъ вновь появляющаяся въ печати въ настоящемъ изданіи (значеніе путевыхъ впечатлѣній Островскаго во время этой поездки для его послѣдующей художественной дѣятельности намѣчено въ общихъ чертахъ П. И. Вейнборгомъ въ указан-

предисловіи къ первому тому редакторъ заявляетъ, что онъ „тщательно слѣдилъ и исправилъ текстъ по рукописямъ и журнальнымъ оттискамъ, въ свое время скорректированнымъ самимъ авторомъ“, въ заглавіи изданія текстъ также названъ „критически провѣреннымъ“; къ сожалѣнію, значеніе работы редакціи въ этомъ направленіи представляется неопредѣленнымъ: критическое изученіе предмета можетъ имѣть смыслъ, поскольку его выводы и заключенія мотивированы; въ разсматриваемомъ изданіи Островскаго при сравненіи его съ прежними, напримѣръ, съ девятымъ изданіемъ Думнова, оказывается не мало отличій въ текстѣ произведеній, но они нигдѣ не объясняются, и читатель остается въ невѣдѣніи, которое изъ двухъ чтеній нужно считать болѣе правильнымъ, и почему прежнее замѣнено новымъ... Такъ, въ „Семейной картинѣ“ въ прежнемъ изданіи Думнова (9-мъ по общему счету) Пузатова-мать говоритъ сыну: „Парамонъ Феропонтычъ жениться задумалъ, невѣсту ищетъ. Вотъ *опускать*-то, Антипушка, не надо“ (I, стр. 12); въ новомъ изданіи—*упускать* (I, стр. 15). Въ комедіи „Свои люди—сочтемся“ Ляпочка, мечтая о кавалерахъ въ танцахъ (д. 1, явл. 1), по прежнему изданію, разсуждаетъ: „Ужъ какое же есть сравненіе: военный *али* штатскій?“ (стр. 27); въ новомъ изданіи *или* (I, стр. 36); А ну, какъ я передъ нимъ *скоибужу*? (I^о, стр. 27); въ новомъ—*оконбужу* (стр. 36). Въ слѣдующемъ явленіи Аграфена Кондратьевна, унимая дочь, въ прежнемъ изданіи говоритъ: „прямо къ отцу пойду, такъ въ ноги и брякнуся“ (стр. 29); въ новомъ изданіи: „прямо *отцу* пойду, такъ въ ноги и

васмомъ ниже его биографическомъ очеркѣ писателя); въ *восьмомъ* томѣ помѣщены: „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“, „Слѣгурочка“, „Поздняя любовь“, „Трудовой хлѣбъ“, „Богатыя новѣсты“ и статьи: „Застольное слово о Пушкинѣ“ и „Докладная записка объ устройствѣ въ Москвѣ частнаго народнаго театра“; въ *девятомъ*—„Волки и овцы“, „Правда хорошо, а счастье лучше“, „Послѣдняя жертва“, „Возприданница“, „Сердце не камень“ и записка о театральной школѣ; послѣдній, *десятымъ* томъ заключаетъ въ себѣ биографическій очеркъ съ общою характеристикой художественнаго творчества и литературной и общественной дѣятельности Островскаго, составленный *Н. И. Вейнбергомъ*, статью *М. И. Писарева* „Къ матеріаламъ для біографіи А. Н. Островскаго“, представляющую „историко-литературную справку“ объ обстоятельствахъ и условіяхъ появленія въ печати и на сценѣ комедіи „Свои люди—сочтемся“ (напечатана была раньше авторомъ въ Приложеніяхъ къ XII вым. „Кжегодника Императорскихъ театровъ“), пьесы: „Невольницы“, „Таланты и поклонники“, „Красавецъ-мужчина“, „Безъ вины виноваты“, „Не отъ міра сего“, словарь нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ произведеніяхъ Островскаго выраженій, которыя могутъ нуждаться въ объясненіи, біографію сочиненій писателя и указатель критическихъ статей о нихъ.

брякнусь“ (стр. 38). Фоминишна въ концѣ третьяго явленія того же дѣйствія, сообщая о приходѣ свахи, говоритъ въ прежнемъ изданіи: „сама въ секунду явится“ (стр. 34); въ новомъ изданіи „секунту“ (стр. 44). Ризположенскій (въ новомъ изданіи—Рисположенскій) въ 8 явленіи въ прежнемъ изданіи, входя, говоритъ: „толкнулся было къ Самсону Силычу“ (стр. 40); въ новомъ изданіи—„толкнулся“ (стр. 51). Старуха Большова (Аграф. Кондр.) и сваха въ томъ же явленіи называютъ въ новомъ изданіи стряпчаго Сысоемъ *Псовичемъ* (стр. 52), въ прежнемъ не было этого искаженія имени „*Псойчъ*“ (стр. 40). Въ 10 явленіи Большовъ въ прежнемъ изданіи говоритъ Ризположенскому: „А что, Сысой Псойчъ, съ этимъ крючкотворствомъ на своемъ вѣку много чернилъ извелъ?“ (стр. 44); въ новомъ изданіи: „чай ты съ этимъ крючкотворствомъ“ (стр. 56). Ризположенскій нѣсколько ниже въ томъ же явленіи говоритъ, по тексту прежняго изданія: „Да что, вы, Самсонъ Силычъ, помилуйте, нешто мнѣ въ первый разъ! Ужъ еще этого-то не знать! Хе, хе, хе!.. Да такія ли я дѣла дѣлалъ“... (стр. 45). Въ новомъ изданіи послѣ этихъ словъ слѣдуетъ: „да съ рукъ сходило. Другого-то за такія штуки ужъ заслали бы давно, куда Макарь телятъ не гонялъ“ (стр. 58). По указанію редактора рассматриваемаго изданія, сдѣланному въ примѣчаніяхъ соответствующаго тома (I, стр. 482), приведенныя лишнія противъ прежняго текста слова были исключены Островскимъ, по требованію цензуры, во второй редакціи комедіи, но указаніе это не разъясняетъ въ данномъ случаѣ дѣла, такъ какъ и въ изданіи Думнова комедія „Свои люди—сочтемся“ напечатана въ первой, а не во второй редакціи. Въ явленіи 11 перваго дѣйствія Большовъ въ прежнемъ изданіи говоритъ Подхалюзину: „Слушай-ка, Лазарь! Такого-то года, сентября *такого-то* дня“ (стр. 50). Въ новомъ изданіи: „Сентября *12-го* дня“ (стр. 63). Подхалюзинъ тамъ же нѣколькими строками ниже, по прежнему тексту, говоритъ Большову: „Сахару для дому брали“ (стр. 50); въ новомъ изданіи—„для дома“ (стр. 64). Реплика Подхалюзина Большову: „Кажется, долженъ чувствовать-съ“ напечатана въ новомъ изданіи (стр. 67) съ точно опредѣляющимъ произношеніе удареніемъ въ словѣ *долженъ* на второмъ слогѣ, чего въ прежнемъ изданіи (стр. 52) не было. Нѣсколько ниже Большовъ, по тексту перваго изданія, говоритъ: „Чего-жъ ждать-то? Дождешся, пожалуй, что какой-нибудь свой же братъ оберетъ тебя до-чиста“ (стр. 53). Въ новомъ изданіи: „свой же братъ, *собачій* сынъ...“ (стр. 68). Во второмъ явленіи 2-го дѣйствія

Подхалюзинъ въ прежнемъ изданіи говоритъ о Тишѣвѣ: „Ишь ломается!“ (стр. 56); въ новомъ изданіи: „ишь ломаешься?“ (стр. 71). Въ четвертомъ явленіи того же дѣйствія Ризположенскій въ прежнемъ изданіи говоритъ Подхалюзину: „тотъ говоритъ—тятенька дай, другой говоритъ — тятенька дай. Одного вотъ въ гимназію опредѣлили...“ (стр. 59). Въ новомъ изданіи послѣ словъ „другой говоритъ—тятенька дай“ вставка: „А я къ семейству очень чувствительный человекъ“ (стр. 76). Въ десятомъ явленіи 2-го дѣйствія Большовъ въ прежнемъ изданіи говоритъ Подхалюзину: „Такъ что-же Лазарь, посватать тебѣ Алимпіяду-то Самсонову, а?“ (стр. 78). Въ новомъ изданіи прибавлено: „Красавицу-то неописанную?“ (стр. 97). Ниже, послѣ словъ: „Понимаешь-ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливымъ сдѣлать!“ также прибавлено: „Всю жизнь тебѣ могу даровать“ (стр. 98, срв. стр. 78 прежн. изд.).

Въ сценахъ „Утро молодого человека“ въ прежнемъ изданіи Иванъ, слуга Недопекина, говоритъ Сидорычу: „у насъ ужъ *темнъ* извѣстный“ (стр. 122); въ новомъ изданіи: *темнъ* (стр. 152); „видишь, какъ мы живемъ. А ты что!“ (стр. 123); въ новомъ изданіи: „А *вы* что!“ (стр. 152). Въ комедіи „Бѣдная невѣста“ въ послѣднемъ явленіи 4-го дѣйствія Хорьковъ говоритъ Марьѣ Андреевнѣ въ прежнемъ изданіи: „Я не могъ перенести вашего *отказа*“ (стр. 238); въ новомъ изданіи: „вашего *отказу*“ (стр. 352). Въ комедіи „Не въ свои сани не садись“ Маломальскій говоритъ Бородину, по тексту прежняго изданія: „Никому вреда... *окромъ* себя“ (стр. 260); въ новомъ изданіи: „*окромъ* себя“ (стр. 383); „то есть насчетъ чего же... это *касающеся*“ (стр. 261); въ новомъ изданіи— „*касающее*“ (стр. 384). Въ комедіи „Бѣдность не порокъ“ (д. 2, явл. 2) Любовь Гордѣевна въ прежнемъ изданіи говоритъ Митѣ: „ты, Митенька, не сердись—на меня, не *помни* моихъ прежнихъ словъ“ (т. II, стр. 27); въ новомъ изданіи: „не *помни*“ (стр. 35). Анна Ивановна (д. 3, явл. 4) въ прежнемъ изданіи говоритъ: „однѣ за рученьку, другой за *друнѣ*“ (стр. 48); въ новомъ изданіи— „за *друнѣ*“ (стр. 60). Митя (д. 3, явл. 6): „*Прикажите* говорить, Пелагея Егоровна?“ (стр. 51); въ новомъ изданіи: „*прикажете*“ (стр. 63). Илья въ драмѣ „Не такъ живи, какъ хочется“ (1 д., явл. 2) въ прежнемъ изданіи говоритъ: „однѣ въ проруби утонуть“ (стр. 69); въ новомъ изданіи: „въ прорубь“ (стр. 87). Въ комедіи „Доходное мѣсто“ (д. 2, явл. 6) Бѣлогубовъ, по прежнему изданію, говоритъ Юлинькѣ о Жадовѣ: „хоть и въ учителя пойдетъ—все хлѣбъ-съ“ (стр. 193); въ но-

вомъ изданіи: „въ учителя“ (стр. 251). Въ пьесѣ „Праздничный сонъ—до обѣда“ Красавина, по прежнему изданію, говоритъ (кварт. 2, явл. 3): „бѣлый арахъ на насъ подымается, двѣсти *милліоновъ* войска вѣдетъ“ (II°, стр. 273); въ новомъ изданіи—„*милліонтовъ*“ (II, стр. 352). Приведенные примѣры взяты изъ первыхъ двухъ томовъ новаго изданія: въ нихъ разночтеній, подобныхъ указаннымъ, при сравненіи съ текстомъ прежняго изданія, оказывается почему-то больше, нежели въ послѣдующихъ трехъ томахъ, но они имѣются и въ другихъ; на примѣръ, въ драмѣ „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, въ IV томѣ, Зайчиха въ 1 явл. 1-го дѣйствія, по прежнему изданію, говоритъ: „на два *дня*“ (стр. 2); въ новомъ изданіи: „на два *дни*“ (стр. 254); Бабаевъ въ концѣ 1-ой картины говоритъ въ прежнему изданіи о Татьянѣ: „другіе говорили, что она немножко *простенькая*“ (стр. 13); въ новомъ изданіи „*простѣшка*“ (стр. 269); въ комедіи „На бойкомъ мѣстѣ“, въ V томѣ, Испутевый въ явл. 4 перваго дѣйствія въ прежнему изданіи говоритъ: „Всѣ окна высадимъ!“ (стр. 78); въ новомъ изданіи: „окны“ (стр. 169). Въ правописаніи и пунктуациі новаго изданія также часто отличается отъ прежняго, и нѣредко не въ смыслѣ преимущества передъ послѣднимъ, какъ, на примѣръ, можно видѣть изъ сопоставленія хотя бы слѣдующихъ тирадъ:

9-е изданіе (Думнова).

Липочка. Отчего-жъ ты у меня не спросишь? Что я глупѣе что-ли васъ съ маменькой? (I, 32).

Тышка. На-ка-съ, попробуй! нешто не скажу? ей-Богу, скажу! (I, 56).

Тышка (входитъ со штофомъ). Вотъ онъ я пришелъ! (I, 58).

Воминичина... тамъ какого *ни* возьми, все человекъ (I, 64).

Устинья Наумовна. А кто сочинить?—все я же (I, 64).

— Отчего жъ не женить? И не увидишь, какъ женю (I, 66).

— Отчего-жъ нельзя, меня что-ль совѣститься, бралиантовый? Ничего—говори, нужды нѣтъ (I, 67).

Пелагея Ефоровна (Торцова). Вотъ мужъ у меня не любить. Что дѣлать, характеромъ такой вышелъ (II, 80).

Новое изданіе.

Отчего-жъ ты у меня не спросишь, что я глупѣе что-ли васъ съ маменькой? (I, 42).

Нако-съ, попробуй! нешто не скажу, ей-Богу скажу! (I, 72).

Вотъ онъ а! Пришелъ! (I, 74).

... тамъ какого *не* возьми—все человекъ (I, 81).

А кто сочинить—все я же (I, 81).

Отъ чего-жъ не женить, и не увидишь, какъ женю (I, 83).

Отъ чего жъ нельзя, меня что-ль совѣститься, бралиантовый, ничего—говори, нужды нѣтъ (I, 86).

Вотъ мужъ у меня не любить, что дѣлать, характеромъ такой вышелъ (II, 88).

Нельзя не замѣтить, что такіа разночтенія, какъ *опускать* и

упускать, али и или, сконфужусь и оконфужусь, секунду и секунту, толкнулся и толкнулся, Псоичъ и Псовичъ, теннь и темнь, окромъ себя и окромъ себя, касающееся и касающее, помни и попомни, учителя и учителя, миллионъ и миллионтовъ и т. п., такія вставки, какъ собачій сынъ или „всю жизнь тебя могу даровать“, далеко не безразличны для такого писателя, какъ Островскій, въ стилистическомъ и фразеологическомъ отношеніи. Откуда взялись эти и подобныя имъ различія? Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что дѣло касается драматурга, пьесы котораго идутъ на сценѣ: имѣютъ ли оказывающіеся варианты какое основаніе въ рукописяхъ поэта, или внесены въ текстъ его произведеній изъ сценической практики? Хотя, по замѣчанію Гагомана ¹⁾, полное усвоеніе исполнителемъ текста своей роли должно быть безусловнымъ требованіемъ, но извѣстно, что въ дѣйствительности актеры нерѣдко измѣняютъ, сокращаютъ или дополняютъ подлинныя слова играемаго автора какъ невольны, по забывчивости или разсѣянности, такъ и намѣренно, для большаго, по своему личному мнѣнію, эффекта или большей выразительности исполненія; если въ классическихъ произведеніяхъ недопустимы какія бы то ни было измѣненія, въ интересахъ неприкосновенности того поэтического языка, какимъ они бываютъ написаны, и если безусловно испозволительны для актера какія-либо вставки, имѣющія характеръ пошлости и рассчитанныя на дурныя вкусы толпы, то отрицать вообще у сценическаго исполнителя, особенно отмѣченнаго печатью истиннаго творческаго дарованія, право прибавить, когда можно, какое-нибудь слово, даже какую-нибудь мысль къ словамъ и мыслямъ своей роли, „когда нужно закрыть пробѣлъ, сдѣланный писателемъ“, когда эта прибавка дѣлается въ духѣ пьесы и въ расчетъ на существенную выгоду исполненія, „значило бы, по авторитетному мнѣнію нѣкоторыхъ теоретиковъ драматическаго искусства, оспаривать у актера художественную свободу, свободу творчества и сравнивать его съ ремесленникомъ, которому назначается извѣстная норма для его работы, норма, внѣ которой работа эта теряетъ цѣну“ ²⁾. Островскій въ отношеніи своихъ произведеній, говорятъ, держался такого же взгляда: когда къ нему, какъ къ автору, обращались за дозволеніемъ измѣнить что-нибудь въ роли, онъ отвѣчалъ: „вамъ нужно, васъ стѣ-

¹⁾ „Режиссеръ“, русск. переводъ Нейродова, „Библіотека „Театра и искусства“, 1903 г., кн. V, стр. 25.

²⁾ Р. Ретшеръ, Э. Фёрстеръ и А. Герберъ. Принципы сценическаго искусства, русск. перев. М. В. Карѣева, стр. 17—20.

снять, и выкидывайте, что хотите; я писалъ, а принимать на себя приходится вамъ, — значитъ, вамъ оно и чувствительнѣе“¹⁾). Въ пьесѣ его „Тяжелые дни“, по свидѣтельству г. Писарева²⁾, покойный В. И. Живокини игралъ роль стряпчаго Мудрова. Въ сценѣ второго дѣйствія, когда молодой Брусовъ объявляетъ матери: „Тятенька барина прибли!“ Мудровъ, почуя добычу, которая несомнѣнно перепадетъ ему, какъ адвокату, въ такомъ интересномъ для него дѣлѣ—обращается къ Брусову съ просьбою изложить подробно обстоятельства дѣла. При этомъ Живокини надѣвалъ очки и оставался въ нихъ во все продолженіе разсказа, какъ бы заранѣе уже приготовляясь „строчить свои кляузы“. Такой ремарки въ пьесѣ не было; но тѣмъ не менѣе юный талантливый актеръ настолько понравился Островскому, что онъ впоследствии вносилъ это въ пьесу, какъ необходимую деталь. Другой, подобный же случай произошелъ съ актеромъ Андреевымъ-Бурлакомъ, какъ извѣстно въ совершенствѣ изображавшимъ въ комедіи „Лѣсъ“ роль Аркадія Счастливецва. Во многихъ мѣстахъ своей роли Бурлакъ сдѣлалъ очень характерныя прибавки отдѣльныхъ словъ, и даже цѣлыхъ короткихъ фразъ, къ тексту автора. Такъ, въ сценѣ 2-го дѣйствія, когда напоминаютъ Аркашкѣ одинъ крайне неприятный эпизодъ—объ изгнаніи его изъ города, по приказанію губернатора, съ казаками, провожавшими его четыре версты нагайками—Счастливецъ возражаетъ: „И совѣмъ не четыре“. Артистъ, говоря эту реплику, прибавлялъ „а только до рожи“.—Или, напримѣръ, въ пятомъ дѣйствіи на замѣчаніе Несчастливецва: „Аркадій, насъ гонять!“ Бурлакъ гордо произносилъ свое знаменитое: „Пренебреги!“ (вовсе не существующее въ пьесѣ).—Островскій, по замѣчанію г. Писарева, не только не протестовалъ противъ этихъ дополненій, а напротивъ самъ собственнымъ одобреніемъ санкционировалъ ихъ умѣстность“. Однако, несомнѣнно, что не всѣ прибавки подобнаго рода и сокращенія, дѣлаемые актерами въ текстѣ своихъ ролей, были и бывають одинаково удачными и могутъ служить къ украшенію собственнаго текста автора, особенно въ отношеніи литературномъ. Такъ, напримѣръ, г. Варламовъ въ роли Курослѣпова въ „Горячемъ сердцѣ“, уходя послѣ діалога съ Силаномъ съ крыльца въ домъ, въ концѣ 2-го явленія 1-го дѣйствія, повторяетъ нараспѣвъ еще разъ „но яко“... (въ текстѣ у Островскаго этихъ словъ здѣсь нѣтъ) и прибавляетъ „на-

¹⁾ П. Р. Записки стараго актера, „Русск. старина“, 1905 г., мартъ, стр. 569.

²⁾ Р. Ретшеръ, Э. Фротеръ и А. Герберъ. Принципы сценическаго искусства, примечаніе М. П. къ статьѣ „Можно ли говорить роль своими словами?“ (стр. 18).

дило"; такая прибавка едва-ли умѣстна и могла быть одобрена авторомъ, такъ какъ въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ извѣстны обороты: „но яко именуемая державу непобѣдимую“ („Взбранной воеводѣ“), „но яко разбойникъ исповѣдаю Тя“ („Вечери Твоея тайныя“); но въ молитвѣ: „Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою“ для *no* вовсе нѣтъ мѣста; если же артистъ намѣренно путалъ слова въ данномъ случаѣ, чтобы тѣмъ подчеркнуть путаницу и сумбуръ мыслей въ головѣ играемаго имъ лица, то это представляется и совершенно излишнимъ и мало пѣлесообразнымъ, такъ какъ отчетливое знаніе церковныхъ пѣснопѣній, само собою разумѣется, не можетъ служить свидѣтельствомъ ясности мысли и сознанія человѣка, какъ и наоборотъ... Во всякомъ случаѣ, возможность проникновенія изъ сценической практики тѣхъ или другихъ вариантовъ въ подлинный текстъ драматурга обуславливаетъ, конечно, необходимость устраненія въ *критическомъ* изданіи его сочиненій всего того, что можетъ подавать поводъ къ смѣшенію одного съ другимъ; рассматриваемое съ этой точки зрѣнія, новое изданіе сочиненій Островскаго не только не устанавливаетъ съ надлежащей опредѣленностью текста автора, но даже, какъ можно видѣть изъ сказаннаго, порождаетъ иногда новыя сомнѣнія и недоумѣнія по этому предмету: различія, оказывающіяся въ текстѣ, при сравненіи новаго изданія съ прежними, не мотивированы, и читатель долженъ на слово вѣрить вступительному заявленію редакціи, что текстъ былъ тщательно сличенъ и исправленъ „по рукописямъ и журнальнымъ оттискамъ, въ свое время скорректированнымъ авторомъ“¹⁾. Никакихъ свидѣній о рукописяхъ, подобныхъ хотя бы тѣмъ, какія были сообщены г. А. Носомъ въ вступительной статьѣ

¹⁾ Въ предисловіи къ десятому тому г. Писаревъ по поводу замѣчаній этого рода объясняетъ, что редактированное имъ „изданіе сочиненій Островскаго не предназначается издателями для строго научныхъ цѣлей (каково, напр., московское изданіе соч. Гоголя 1889 г., редактированное Н. С. Тихомировымъ, гдѣ сводъ *смыслъ* вариантовъ составляетъ его существенную принадлежность); настоящее изданіе, говоритъ г. Писаревъ, въ виду своего популярнаго характера, свободное отъ специальныхъ научно-литературныхъ изслѣдованій, поставило своей задачей предложить читателямъ лишь безусловно вѣрный текстъ *последней*, конечной, если позволено будетъ такъ выразиться, редакціи, текстъ, признанный авторомъ болѣе уже не подлежащимъ иамѣненію“ (курсивъ автора)... Но рѣчь въ данномъ случаѣ, по моему мнѣнію, идетъ вовсе не о какомъ либо недостаткѣ настоящаго изданія, *независимо* отъ тѣхъ или другихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ издателями, а именно о томъ, какимъ оно должно бы быть, чтобы его можно было назвать критическимъ, какъ оно, въ отличіе отъ другихъ, *названо* издателями въ его заглавіи, и дѣло въ томъ, что въ настоящемъ своемъ видѣ оно не вполне отвѣчаетъ этому своему названію...

его при изданіи Думнова (стр. I.VI—LVII), не дается, и никакихъ ссылокъ на нихъ не дѣлается. По отношенію комедіи „Свои люди—сочтемся“, напечатанной, конечно, въ первой редакціи, указаны въ примѣчаніяхъ параллельно различія, сдѣланныя авторомъ, по требованію цензуры, во второй, въ которой она была напечатана въ первомъ изданіи сочиненій Островскаго—гр. Кушелева-Безбородка; такимъ же образомъ въ примѣчаніяхъ (въ V т.) указаны различныя сокращенія, вставки, варианты и другія измѣненія, сдѣланныя драматургомъ въ текстѣ, и раздѣленія его на *дѣйствія* и *картины* въ хроникѣ „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“ при постановкѣ этой пьесы на сцену; двѣ другія пьесы, имѣющіяся въ двухъ редакціяхъ: „Воевода“ и „Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ“ напечатаны въ полномъ видѣ въ обѣихъ; вторая редакція текста „Минина“, сдѣланная авторомъ специально для сцены, какъ и указанныя выше измѣненія для театра въ „Дмитріи Самозванецъ и Василю Шуйскомъ“, воспроизводятся въ печати впервые въ настоящемъ изданіи по рукописямъ центральной бібліотеки Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ. Въ историко-литературномъ отношеніи, можетъ быть, лучше было бы, вмѣсто перепечатокъ даннаго текста параллельно съ вариантами въ примѣчаніяхъ и воспроизведенія рядомъ двухъ редакцій одного и того же текста, какъ бы двухъ самостоятельныхъ произведеній, напечатать по одному основному, выбравъ изъ двухъ наиболѣе полный, съ обозначеніемъ болѣе или менѣе значительныхъ пропусковъ или вставокъ, имѣющихся въ другой редакціи, какими-либо условными знаками въ текстѣ и на поляхъ (скобками, звѣздочками), какъ въ Ирвинговомъ изданіи Шекспира или изданіи „Недоросля“ Д. М. Мусиной подъ ред. г. Озаровскаго, и съ указаніемъ въ примѣчаніяхъ только перестановокъ и вариантовъ въ отдѣльныхъ словахъ или оборотахъ, появляющихся, напримѣръ, иногда при соединеніи двухъ или нѣсколькихъ репликъ одного и того же лица въ одну, съ пропускомъ промежуточнаго діалога; въ полномъ видѣ необходимо было бы напечатать рядомъ изъ всѣхъ названныхъ пьесъ только дватри дѣйствія, переработанныхъ авторомъ совершенно заново, какъ послѣднія дѣйствія въ двухъ редакціяхъ „Воеводы“ и эпилогъ въ первой и вторая и третья сцены пятаго дѣйствія во второй редакціи „Минина“. Преимущество въ данномъ случаѣ заключалось бы въ наглядности при сужденіи какъ о содержаніи, такъ и ходѣ литературно-художественной работы автора и изученіи, въ частности, процесса творчества его, какъ драматурга.

Въ концѣ каждаго тома помѣщены примѣчанія редактора къ заключающимся въ немъ пьесамъ. Въ историко-литературномъ отношеніи, впрочемъ, примѣчанія эти, за исключеніемъ упомянутыхъ версій и вариантовъ къ напечатаннымъ въ изданіи текстамъ комедіи „Свои люди—сочтемся“ и драматической хроники „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“ изъ другихъ редакцій этихъ пьесъ, особенно значительностью и богатствомъ содержанія не отличаются: сообщаются преимущественно свѣдѣнія, когда появилась впервые въ печати та или другая пьеса, въ какомъ періодическомъ изданіи была при этомъ напечатана, если не вышла прямо, какъ „Бѣдность не порокъ“, отдѣльною книгою, и когда была въ первый разъ поставлена на императорскихъ сценахъ съ указаніемъ исполнителей, участвовавшихъ въ этихъ первыхъ представленіяхъ. Никакихъ свѣдѣній о рукописяхъ, какъ сказано, нѣтъ; такимъ образомъ не указано, напримѣръ, что первоначальное названіе комедіи „Не въ свои сани не садись“ было „Отъ добра добра не ищутъ“, что комедія „Бѣдность не порокъ“ первоначально была названа авторомъ „Гордымъ Богъ противится“, драма „Не такъ живи, какъ хочется“ въ первой черновой редакціи носила заглавіе „Божіе крѣпко, а вражье лѣпко“; остается неизвѣстнымъ также, были ли приняты во вниманіе при изданіи и въ чемъ именно состояли поправки Островскаго, которые были имъ сдѣланы въ вырѣзкѣ изъ „Современника“, заключающей въ себѣ текстъ „Восводы“ въ первой редакціи и находящейся среди рукописей драматурга въ отдѣленіи рукописей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музея. Желательно было бы имѣть въ примѣчаніяхъ хотя наиболѣе важныя библиографическія указанія относительно главнѣйшихъ критическихъ статей и рецензій о печатаемыхъ произведеніяхъ автора ¹⁾ и выдающихся представленіяхъ ихъ на сценѣ; въ рассматриваемомъ изданіи сдѣлано въ этомъ направленіи нѣкоторое исключеніе только въ отношеніи „Грозы“ въ видѣ небольшихъ выдержекъ изъ отзвовъ объ этой драмѣ Гончарова (въ письмѣ непремѣнному секретарю академіи наукъ), Добролюбова („Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“) и г. Скабичевскаго, но въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ и безъ точныхъ цитатъ. Имѣющіяся въ примѣчаніяхъ замѣтки о цен-

¹⁾ Въ X томѣ (стр. 601—610) это отчасти сдѣлано: даны нѣкоторыя библиографическія указанія, но, къ сожалѣнію, характеръ случайнаго, съ значительными пропусками, особенно за послѣднія 15—20 лѣтъ, и безъ надлежащаго критическаго отношенія къ матеріалу.

зурныхъ условіяхъ постановки нѣкоторыхъ пьесъ Островскаго на сценѣ, кромѣ „Своихъ людей“ (введена была, какъ извѣстно, особая роль квартальнаго) и „Вѣдной невѣсты“ (исключена была роль Дуни), не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ текстамъ произведеній, которыхъ касаются, и потому, не лишены интереса сами по себѣ и отчасти для культурной исторіи русскаго театра, въ изданіи сочиненій автора не могутъ, въ сущности, имѣть большого значенія. Весьма цѣннымъ даннмъ является помѣщенная въ примѣчаніи къ комедіи „Шутники“ выписка изъ ненапечатаннаго письма автора къ Бурдину о постановкѣ на сценѣ второго акта этой пьесы ¹⁾. Что касается афишъ, то простая перепечатка ихъ едва-ли можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ. Хотя значеніе извѣстнаго изреченія Шиллера „Dem Mimen flicht die Nachwelt keine Kränze“, можетъ быть, какъ было уже однажды справедливо замѣчено ²⁾, нерѣдко истолковывается не совсѣмъ правильно и слишкомъ преувеличивается въ смыслъ исключительности въ приложеніи къ сценическимъ дѣятелямъ, но несомнѣнно, драматическое искусство, какъ говоритъ Гагеманъ, „творить и живетъ лишь въ настоящемъ, будучи, въ полномъ смыслѣ слова, искусствомъ настоящаго времени. Творчество актера, не санкціонированное, по словамъ названнаго автора, къ десяти часамъ вечера, должно считаться безусловно погибшимъ. Оно кончается само собой, такъ какъ отъ сужденія сравнительно небольшого числа публики ничего не остается. И даже въ случаяхъ истинно художественнаго изображенія людей, отъ актера ничего не остается кромѣ восторженнаго воспоминанія, и то лишь до тѣхъ поръ, пока живетъ видѣвшее его поколѣніе“ ³⁾... Чтѣ, если не звукъ пустой, означаютъ всѣ эти имена Щепкина, Садовскаго, Шумскаго, Живокини, Сосницкаго, П., С., Е. Н. Васильевыхъ, Самарина, Мартынова, В. В. Самойлова, Колосовой, Никулиной-Косицкой, Свѣтковой, Бороздиной и др. для тѣхъ, кто ихъ не видалъ и не могъ видѣть на сценѣ?.. Другое было бы дѣло, если бы въ дополненіе къ афишамъ съ ихъ именами сдѣланы были указанія на сохранившіяся воспоминанія видѣвшихъ ихъ игру современныхъ зна-

¹⁾ Очень цѣнно также ненапечатанное впервые въ десятомъ томѣ настоящаго изданія, въ примѣчаніяхъ къ пьесѣ „Не отъ міра сего“, интересное письмо Островскаго къ покойной Стрелцовой относительно исполненія роли Ксеніи.

²⁾ А. Клаар. Schauspiel und Gesellschaft (Berlin, 1902), стр. 32—33.

³⁾ К. Гагеманъ. Драматическое искусство и артисты, русск. перев. Нембродова, „Библиотека „Театра и искусства“ 1904 г., кн. 11, стр. 29.

токовъ и любителей театра и приведены были бы, хотя бы самыя сжатыя, извлеченія изъ этихъ воспоминаній. Передъ читателемъ были бы тогда не одни имена, а оживали бы и самыя творческія созданія артистовъ, какъ они запечатлѣлись въ душахъ зрителей. Таковы, напримѣръ, статьи *Родиславскаго* („Русскій Вѣстникъ“, 1872 г., № 7) о Пр. Садовскомъ (Любимъ Торцовъ, Беповоленскій), *Баженова* (Сочиненія, т. I) о Садовскомъ (Беневоленскій, Хрювовъ въ „Шутникахъ“, Подхалюзинъ) и о Шумскомъ (Оброшеновъ въ „Шутникахъ“), — „Воспоминанія о Московскомъ театрѣ“ *Коротчевскаго* въ Приложеніяхъ къ „Ежегоднику Императ. театровъ“ (вып. V, кн. 2; вып. VI, кн. 3) о Садовскомъ въ роляхъ Русакова, Беневоленскаго, Любима Торцова, Тита Титыча Брускова („Тяжелые дни“), Дикдога, Хрюкова, Курослѣнова, Подхалюзина, Юсова, Безсуднаго, Краснова и др., о Серг. Васильевѣ въ роляхъ Бородинна и Тих. Кабанова, о Шумскомъ въ роляхъ Жадова, Досузова („Тяжелые дни“), Оброшенова, Крутицаго и другихъ, — „Ключки воспоминаній“ *А. Стаховича*, гдѣ записаны впечатлѣнія отъ игры Садовскаго въ роляхъ Курослѣнова, Любима Торцова, Беневоленскаго, — П. Васильева въ роляхъ Любима Торцова и Краснова, — Мартынова въ роли Тихона Кабанова, — С. Васильева въ той же роли и въ роли Милашина („Бѣдная невѣста“), — Е. Н. Васильевой въ „Бѣдной невѣстѣ“ (Марья Андреевна), — Горбунова въ Аеоиѣ („Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“), — напечатанное недавно П. О. Морозовымъ письмо *Эдельсона* къ Островскому о Садовскомъ — Л. Торцовѣ („С.-Пб. Вѣд.“, 1904 г., № 158), — воспоминанія *Е. Карпова* въ журналѣ „Театръ и искусство“ 1903 г., (№№ 42, 43) о Стрепетовой въ „Грозѣ“ (Катерина) и т. п. Это нервыя пришедшія на память; при специальномъ разысканіи нашлось бы, конечно, и еще не мало... Самъ вдумчивый артистъ и выдающійся исполнитель репертуара Островскаго, почтенный редакторъ изданія могъ бы, несомнѣнно, многимъ подѣлиться изъ своихъ личныхъ воспоминаній за время своей многолѣтней сценической дѣятельности и близкаго отношенія къ театру. Отчего бы, напримѣръ, было ему не указать въ примѣчаніяхъ, гдѣ слѣдуетъ, какъ появилась въ роли Мудрова въ „Тяжелыхъ дняхъ“ упомянутая выше ремарка объ очахъ, если происхожденіе ея было ему хорошо извѣстно? Подобныя примѣчанія были бы прекрасными иллюстраціями къ тексту печатаемыхъ драматическихъ произведеній.

Вѣрность новаго изданія болѣе чѣмъ удовлетворительная, хотя и уступаетъ изданію Думнова. При первомъ томѣ приложенъ порт-

реть Островскаго ¹⁾, при второмъ портретъ Садовскаго въ роли Любима Торцова (д. 1, явл. 15), при третьемъ портретъ Стрепетовой въ роли Катерины въ „Грозѣ“ (д. 5, явл. 4) ²⁾, при четвертомъ facsimile рукописи автора—конецъ заключительной сцены послѣдняго акта изъ пьесы „Не все коту масленица“ и въ пятомъ напечатана известная группа: Гончаровъ, Тургеневъ, Дружининъ, Островскій, гр. Л. Толстой и Григоровичъ (1856 г.). Высказанныя выше замѣчанія, представляя нѣсколько указаній, какое было бы желательно имѣть изданіе сочиненій Островскаго, не умаляютъ, разумѣется, значенія выходящаго изданія въ настоящемъ его видѣ и не мѣшаютъ пожелать ему полного успѣха.

Г. Иваницкій.

Prof. Dr. J. Conrad. Grundriss zum Studium der Politischen Oekonomie. Erster Theil: Nationalökonomie. Vierte ergänzte Auflage. S. 389. Zweiter Theil: Volkswirtschaftspolitik. Dritte wesentlich erweiterte Auflage. S. 544. Jena 1902.

Даже въ обширной нѣмецкой литературѣ Grundriss проф. Конрада представляетъ выдающееся явленіе, какъ по широтѣ поставленной задачи, такъ и по удачному выполненію ея. Главный интересъ курса этого известнаго нѣмецкаго экономиста заключается въ томъ, что въ немъ обстоятельно разработаны вопросы экономической политики. Вторая обширная часть Grundriss'a посвящена этой отрасли экономическихъ знаній. Впервые отдѣленіе экономической политики отъ общей теоріи народнаго хозяйства было проведено Рау въ его общеизвестномъ трудѣ *Lehrbuch der politischen Oekonomie*.

Опытъ Рау не нашелъ себѣ широкаго распространенія, и въ большинствѣ случаевъ вопросы экономической политики или трактовались рядомъ съ общими теоретическими вопросами или входили въ область полицейскаго права. Въ послѣднее время опять наблюдается тенденціи къ отдѣленію этихъ двухъ родственныхъ дисциплинъ. Одна изъ наиболѣе удачныхъ попытокъ въ этомъ родѣ принадлежитъ перу профессора Конрада.

Подъ народнымъ хозяйствомъ проф. Конрадъ понимаетъ планомерную дѣятельность народа, направленную на удовлетвореніе своихъ

¹⁾ Кромѣ этого въ изданіи напечатано еще два портрета писателя—при шестомъ и десятомъ томѣ (1875 и 1885 г.).

²⁾ При седьмомъ томѣ приложенъ портретъ Мартынова, при восьмомъ—П. Ва-
сильева.

потребностей (Die gesamte, planmässige Thätigkeit eines Volkes zur Befriedigung seiner Bedürfnisse ist die Volkswirtschaft, S. 3). Лично настѣ такое опредѣленіе не удовлетворяетъ—оно по своему объему слишкомъ широко.

Подъ такое опредѣленіе подойдетъ всякая дѣятельность народа, направленная на удовлетвореніе его потребностей, на примѣръ,—религіозныхъ, моральныхъ, правовыхъ, эстетическихъ и пр. Гдѣ въ такомъ случаѣ грань, отдѣляющая понятіе народнаго хозяйства, на примѣръ, отъ понятія правового порядка; вѣдь и правовой порядокъ созданъ для удовлетворенія потребностей народа?

Расплывчатость своего опредѣленія, повидимому, сознаетъ и самъ авторъ и потому въ дальнѣйшемъ изложеніи отступаетъ отъ него, ограничивая область науки изслѣдованіемъ удовлетворенія только матеріальныхъ потребностей (begrenzen wir das Gebiet der Wissenschaft auf die Verfolgung der materiellen Bedürfnissbefriedigung). Хотя дѣятельность врача, адвоката, музыканта и хозяйственна, однако, она должна составлять предметы другихъ наукъ; впрочемъ, сознается Конрадъ, точное разграниченіе здѣсь невозможно, и даже не необходимо (unmöglich, aber auch nicht notwendig). Изъ одной крайности нѣмецкій профессоръ впадаетъ въ другую. Подобное опредѣленіе науки ужь слишкомъ узко. Съ точки зрѣнія такого опредѣленія въ политическую экономію не должно входить изслѣдованіе всякой хозяйственной дѣятельности, направленной на удовлетвореніе духовныхъ потребностей, на примѣръ,—постройка церкви, театра, музыкальнаго зала, библіотеки и т. д. Отношенія, возникающія въ данномъ случаѣ между рабочими, предпринимателями, поставщиками, посредниками и проч., будутъ несомнѣнно составлять предметъ экономического изслѣдованія, хотя, конечно, цѣль этой дѣятельности—удовлетвореніе не матеріальныхъ, а духовныхъ потребностей. Возьмемъ другой примѣръ—никто не станетъ отрицать того, что писчебумажная фабрика или, еще лучше, типографія имѣетъ своей цѣлью—удовлетвореніе духовныхъ потребностей человѣка; но значить ли отсюда, что разсмотрѣніе отношеній, создающихся на этой фабрикѣ, не должно входить въ область политической экономіи?

Наконѣцъ, гдѣ провести грань между духовными и матеріальными потребностями человѣка? Очевидно, въ этомъ опредѣленіи мы встрѣчаемъ пережитки матеріализма Смитовской школы.

Опредѣленіе проф. Конрада несостоятельно и съ другой стороны: оно не отграничиваетъ ясно политической экономіи отъ различныхъ

техническихъ дисциплинъ, преслѣдующихъ также удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка. Политическая экономія, собственно говоря, занимается не изслѣдованіемъ удовлетворенія нашихъ матеріальныхъ потребностей, а изслѣдованіемъ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя создаются въ сферѣ народнаго хозяйства съ одной стороны, и общими условіями его развитія и состоянія съ другой.

Значить, насколько еще не достаточно выяснены основныя понятія политической экономіи, если даже такой вдумчивый изслѣдователь, какъ проф. Конрадъ, не могъ удовлетворительно разобраться въ нихъ.

Необходимо отмѣтить, что планъ изложенія Конрада отличается существенными особенностями. Обыкновенно въ курсахъ политической экономіи мы встрѣчаемъ четыре отдѣла: производство и обращеніе цѣнностей, распредѣленіе и потребленіе. Авторъ отступаетъ отъ общепринятаго дѣленія и вводитъ только два отдѣла—о производствѣ и распредѣленіи. Обращеніе цѣнностей входитъ въ первый отдѣлъ, а то, что входило въ отдѣлъ потребленія, отнесено къ экономической политикѣ. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ тѣхъ мотивовъ, которые побудили его принять такое дѣленіе. Неудобная сторона этого нововведенія заключается въ томъ, что затрудняется пользование Grundriss'омъ, особенно въ вопросѣ объ обращеніи, для лицъ, привыкшихъ къ традиціонной системѣ изложенія; во-вторыхъ—значительно нарушается архитектоника самаго изслѣдованія.

Первый отдѣлъ выходитъ очень обширнымъ и смѣшаннымъ по содержанию. Нужно сознаться, что отсутствіе стройности въ изложеніи характерно для этого отдѣла Grundriss'a. Такъ, на примѣръ, въ главѣ II трактуются о деньгахъ, въ главѣ III—о кредитѣ, IV—о видахъ народнаго хозяйства, V—о цѣнѣ, VI—о банкахъ. Между тѣмъ, вопросъ о банкахъ удобнѣе было бы помѣстить вслѣдъ за кредитомъ.

Въ введеніи авторъ рассматриваетъ основныя понятія политической экономіи—благо, цѣнность, имущество. Кратко касается здѣсь онъ и методовъ изслѣдованія. По его мнѣнію, въ политической экономіи должны находить себѣ примѣненіе два метода—дедуктивный и индуктивный. Въ вопросѣ о цѣнности проф. Конрадъ держится эклектизма, —объединяя всѣ тѣ источники цѣнности, которые указывались другими экономистами—какъ-то полезность, рѣдкость, трудъ и проч.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи проф. Конрадъ подробно останавливается на вопросахъ о деньгахъ, банкахъ, векселяхъ. Всѣ свои теоретическіе выводы онъ иллюстрируетъ массою цифрового матеріала. Такъ, напримѣръ, въ главѣ о цѣнахъ авторъ подробно говоритъ о ростѣ цѣнъ на земельные участки въ городахъ и въ сельскихъ округахъ, приводятся сравнительныя данныя о цѣнахъ на сельскохозяйственные и промышленные продукты и т. д. Это обиліе новѣйшихъ статистическихъ данныхъ прекрасно освѣщаетъ теоретическія разсужденія автора.

Въ вопросѣ о развитіи народнаго хозяйства проф. Конрадъ держится схемы Гильдебранда, а не Бюхера, различая натуральное, денежное и кредитное хозяйство. Безусловно какъ та, такъ и другая схема не можетъ претендовать на строгую научность. Это, въ сущности говоря, ни больше, ни меньше какъ предположенія, или, лучше сказать, допущенія, придуманныя нами въ цѣляхъ лучшаго пониманія экономическаго развитія. Это своего рода вѣхи, поставленныя нами для того, чтобы легче было разбираться въ процессѣ развитія народнаго хозяйства, самой же сущности этого развитія онъ далеко не опредѣляютъ и не выражаютъ. Съ этой точки зрѣнія и нужно смотрѣть на подобнаго рода схемы.

Въ ученіи о распредѣленіи есть нѣкоторыя детали, которыя вызываютъ у читателя сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, авторъ опредѣляетъ ренту на капиталъ, какъ часть чистаго дохода предпринимателя, которая можетъ быть сведена къ примѣненію капитала; ее не нужно смѣшивать съ процентомъ на капиталъ, который является эквивалентомъ за предоставленіе ссуды (§ 271). По установившемуся взгляду, этотъ видъ дохода составляетъ предпринимательскую прибыль. По мнѣнію же Конрада—предпринимательская прибыль нѣчто иное—это соединеніе ренты на капиталъ и ренты на трудъ. На нашъ взглядъ, не совсѣмъ удачно это своеобразное употребленіе термина ренты. Обычно, подъ нимъ понимаютъ нетрудовой доходъ, между тѣмъ у Конрада есть и заработная рента (Arbeitsrente).

Далѣе преувеличена оцѣнка теоріи капитала Бемъ-Баверка; авторъ называетъ ее оригинальной, хотя извѣстно, что Бемъ-Баверкъ заимствовалъ ее у англійскаго экономиста Джвонса; зачатки же этой теоріи находятъ еще у средневѣковыхъ экономистовъ. Бемъ-Баверкъ только подробно развилъ ее и затѣмъ популяризировалъ.

Третью часть перваго тома составляетъ исторія политической экономіи. На исторію авторъ смотритъ не какъ на введеніе, но какъ

на дополненіе къ изученію фактическихъ отношеній и современнаго состоянія науки. Она должна дать обзоръ развитія экономическихъ воззрѣній на общемъ фонѣ хозяйственной жизни.

Правъ авторъ, говоря, что экономическія теоріи могутъ быть правильно поняты только на основаніи изученія фактическихъ отношеній, среди которыхъ онѣ развились. Исторія политической экономіи не можетъ быть вполне отдѣлена отъ исторіи развитія народнаго хозяйства. (*Die Geschichte der Nationaloekonomie wird von der Geschichte der Entwicklung der Volkswirtschaft selbst völlig getrennt werden können*, S. 294).

Въ классическомъ мірѣ, говоритъ проф. Конрадъ, хозяйственная дѣятельность была уже необычайно разнообразна, и къ тому же она въ высокой мѣрѣ была проникнута народно-хозяйственнымъ характеромъ (ср. противоположный взглядъ Бюхера); тѣмъ не менѣе она мало привлекала къ себѣ вниманіе выдающихся людей того времени. Причину этого явленія нужно видѣть въ нѣкоторомъ пренебреженіи къ физическому труду со стороны правящихъ классовъ, которые на первомъ мѣстѣ ставили политическое могущество государства, и потому интересовались больше политическими вопросами. Этимъ и объясняется въ извѣстной степени скудость теоретическихъ воззрѣній въ древнюю эпоху по вопросамъ народнаго хозяйства.

Прекрасно выяснилъ авторъ теорію и практику меркантилизма и дальнѣйшій переворотъ воззрѣній въ смыслѣ фритредерства. Происхожденіе школы физиократовъ поставлено имъ въ связь съ экономическимъ положеніемъ Франціи; при этомъ не упущено изъ виду и вліяніе философіи просвѣщенія (Руссо, Вольтеръ, Дидро, Монтескье и др.). Въ ряду послѣдователей Ад. Смита проф. Конрадъ различаетъ пессимистовъ (Р. Мальтуса, Д. Рикардо) и оптимистовъ (Фр. Бастіа, Кэри). Такую группировку послѣдователей отца политической экономіи нельзя не назвать удачною. Она яснѣе устанавливаетъ связь съ послѣдующимъ развитіемъ социальнo-экономическихъ воззрѣній.

Исторію развитія социалистическихъ ученій авторъ вполне основательно начинаетъ съ романовъ объ идеальномъ государствѣ (*Staatsromane*) Платона, Томаса Мора, Кампанеллы и др. Не оставилъ безъ вниманія проф. Конрадъ и анархизмъ, гдѣ, между прочимъ, имъ разсмотрѣны воззрѣнія Прудона, М. Штирнера, Бакунина.

Въ новомъ реалистическомъ направленіи авторъ различаетъ старо и новонсторическую школу; къ первой отнесены Бруно Гильдебрандъ, Кнись и В. Рошеръ. По нашему мнѣнію, Кнись и Гильдебрандъ по

своимъ основнымъ воззрѣніемъ принадлежать скорѣе къ новоисторической школѣ. Въ нашей отечественной литературѣ такой группировки держится проф. Симоненко (Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ), называя Гильдебранда и Кнуса основателями новоисторического направленія.

Характеризуя новоисторическую школу, проф. Конрадъ вполне умѣстно замѣчаетъ, что представители этой школы не должны преувеличивать значенія исторіи, такъ какъ послѣдняя должна оставаться для политической экономіи только вспомогательной наукой (*nur eine Hilfswissenschaft*), а не переходить въ нее. Въ этомъ отношеніи, на нашъ взглядъ, грѣшитъ послѣдній трудъ современнаго корифея новоисторической школы проф. Шмоллера—его *Grundriss*. Это, собственно говоря, не курсъ политической экономіи, а скорѣе смѣсь социологіи, этнографіи, исторіи и политической экономіи.

Проф. Конрадъ подмѣтилъ то интересное явленіе, что противоположности австрійской и новоисторической школъ постепенно все болѣе и болѣе сглаживаются. Можно пожалѣть, что авторъ слишкомъ кратко остановился на новѣйшихъ теченіяхъ экономической мысли, а школу Brentano и государственный социализмъ (Ад. Вагнеръ) обошелъ молчаніемъ. Задача новаго социально-политического направленія хорошо опредѣляется авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: *die Individualität der Einzelnen zur vollen Entwicklung zu bringen und in möglichster Freiheit das Gefühl der Selbstverantwortlichkeit in jedem Mitgliede der Gesellschaft zu pflegen, aber doch die gesamte Kultur in erster Linie zu fördern, das Interesse des Einzelnen stets dem Gesamtinteresse unterzuordnen. S. 389*).

Вторая часть *Grundriss*'а проф. Конрада посвящена экономической политикѣ. Подъ послѣдней онъ понимаетъ ученіе о задачахъ правительства и общества въ отношеніи къ хозяйственной жизни. Экономическая политика ставитъ цѣли и изслѣдуетъ, какимъ образомъ цѣлесообразнѣе всего можно содѣйствовать народному хозяйству, устранить существующій вредъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть лучшаго состоянія.

Въ введеніи авторъ разсматриваетъ вопросы объ отношеніи между государствомъ и обществомъ, о задачахъ государства въ хозяйственной сферѣ, объ основныхъ принципахъ новѣйшей экономической политики. Авторъ сторонникъ государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь, не переходящаго только въ полицейскую опеку. „Опять пониманіе задачъ государства, говоритъ онъ, получило высокій,

идеальный характер; оно приближается болѣе къ древне-классическому, хотя и смотритъ на государство, не какъ на самоцѣль (nicht als Selbstzweck), но только какъ на средство".

Дальѣйшее изложеніе распадается на пять отдѣловъ, изъ которыхъ первый посвященъ добывающей промышленности. Особенно подробно авторъ останавливается на сельскомъ хозяйствѣ. Въ вопросѣ о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи проф. Конрадъ держится средняго взгляда: каждая категорія имѣетъ свое большое значеніе, и потому желательно соединеніе той и другой формы (стр. 69). Вопросы, относящіеся къ сельско-хозяйственной политикѣ, какъ напр., кредитъ, земледѣльческіе синдикаты и пр., рассмотрѣны съ исчерпывающей полнотой. Существеннымъ пробѣломъ этого отдѣла является то, что авторъ не коснулся вопроса о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Между тѣмъ положеніе этихъ паріевъ рабочаго класса заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Къ тому же особенныя условія сельско-хозяйственной промышленности рѣзко выдѣляютъ эту категорію рабочихъ изъ всего остальнаго класса. Въ литературѣ этотъ вопросъ разработанъ въ послѣднее время довольно детально.

Во второмъ отдѣлѣ авторъ говоритъ объ обрабатывающей промышленности; сюда же вошелъ и рабочий вопросъ. Проф. Конрадъ указываетъ четыре социальныхъ вопроса нашего времени: 1) рабочий, 2) ремесленный—конкуренція ремесленника съ крупнымъ предпринимателемъ, 3) женскій вопросъ и 4) вопросъ образованнаго пролетариата (die Frage des gebildeten Proletariats). Это подраздѣленіе социального вопроса заслуживаетъ вниманія. Обыкновенно у насъ социальный вопросъ отождествлялся съ рабочимъ. Проф. Конрадъ показалъ полную несостоятельность такого пониманія, и между прочимъ въ социальномъ вопросѣ подмѣтилъ новый его видъ — это существованіе образованнаго пролетариата. У насъ, въ Россіи, этотъ новый видъ социального вопроса еще пока не народился, но на Западѣ онъ пріобрѣлъ уже права гражданства.

Сущность социального вопроса хорошо охарактеризована проф. Конрадомъ въ слѣдующихъ словахъ: Die Sociale Frage ist nicht wie sie vielfach bezeichnet wird, als einfache Magenfrage, sondern als eine Kulturfrage anzusehen (s. 195). Возникновеніе социальныхъ вопросовъ есть результатъ культурнаго развитія. Классовая рознь въ древнемъ мірѣ существовала еще въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ въ наше время, напр., въ индійскихъ кастахъ, однако тогда социального вопроса не существовало.

Отмѣчая причины новѣйшаго движенія рабочихъ, авторъ обращаетъ вниманіе и на вину государства, мало заботившагося въ прежнее время объ улучшеніи положенія низшихъ классовъ. Государство до послѣдняго времени предоставляло больше льготъ и преимуществъ высшимъ классамъ. На это указываетъ, напр., преобладаніе въ финансовой системѣ косвенныхъ налоговъ, которые ложатся болѣе тяжелымъ бременемъ на бѣдныхъ, чѣмъ на богатыхъ.

Въ рабочемъ вопросѣ авторъ обращаетъ вниманіе и на этическую сторону. По его мнѣнію, этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о *воспитаніи* народныхъ массъ; отсюда вытекаетъ необходимость воспитательнаго въ широкомъ смыслѣ слова воздѣйствія на эти массы. Признавая въ этомъ отношеніи большое значеніе за рабочими ассоціаціями, проф. Конрадъ высказывается за желательность развитія легальныхъ организацій среди рабочаго класса. Борьба между рабочими и предпринимателями неизбежна, благодаря же организаціямъ эта борьба будетъ болѣе правомѣрна и болѣе соотвѣтственна духу современной цивилизаціи.

Заслуживаетъ вниманія упоминаніе автора въ главѣ о страхованіи рабочихъ о томъ, что принципъ объективной отвѣтственности, связанный съ тѣмъ или другимъ предпріятіемъ, какъ часть расходовъ по веденію его, впервые былъ выставленъ въ прусскомъ желѣзнодорожномъ законодательствѣ 1834 г. Это законодательство на мѣсто римской субъективной отвѣтственности поставило объективное начало—идею профессиональнаго риска. Впослѣдствіи это начало перешло во всѣ европейскіе кодексы.

Въ III отдѣлѣ говорится о торговлѣ и торговой политикѣ, о средствахъ сообщенія и страхованіи. Ставя вопросъ о сравнительныхъ выгодахъ веденія желѣзнодорожнаго хозяйства государствомъ или частными компаніями, авторъ не рѣшаетъ этого вопроса ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, полагая, что это по принципиальный вопросъ, а практическій; рѣшеніе его зависитъ отъ фактическихъ условій промисловости и времени (с. 412).

Въ четвертомъ отдѣлѣ, посвященномъ населенію, авторъ затрагиваетъ современные насущные вопросы; такъ, напримѣръ, значеніе позднихъ браковъ, физическое вырожденіе и пр.

Заключивается книга политивой о бѣдныхъ (отд. V). Здѣсь, между прочимъ, проф. Конрадъ приводитъ интересныя данныя объ уровнѣ зажиточности населенія въ Пруссіи. По статистическимъ даннымъ 1895/96 г., отъ подоходнаго налога было освобождено 68,7% на томъ

основаніи, что ихъ доходъ оцѣнивался менѣе, чѣмъ въ 900 мар., затѣмъ доходъ 36% не превышалъ 900—1200 мар.; 47% хозяйствъ Берлина состояли только изъ одной отопляемой комнаты, гдѣ въ среднемъ на каждую приходилось по 4 человѣка. Эти цифры достаточно краснорѣчивы для того, чтобы показать, насколько низко народное благосостояніе въ такой культурной и сравнительно богатой странѣ, какъ Пруссія, что же можно тогда сказать о другихъ болѣе бѣдныхъ странахъ и въ частности о нашемъ отечествѣ?

Проф. Конрадъ различаетъ двоякаго рода причины бѣдности—внутреннія: 1) лѣность и безпечность, 2) страсть къ наслажденіямъ (Genussucht) и 3) непредусмотрительность; и внѣшнія: болѣзни, инвалидность, смерть кормильца, потеря мѣста и пр. Съ внутренними причинами можно бороться какъ педагогическими мѣрами, такъ и общимъ поднятіемъ уровня культуры. Что касается внѣшнихъ причинъ, то здѣсь экономическая политика должна направляться къ поднятію народнаго благосостоянія и къ болѣе соразмѣрному распределенію его.

Въ основныхъ принципахъ практической политики о бѣдныхъ проф. Конрадъ подчеркиваетъ то, что мѣры борьбы съ бѣдностью должны направляться къ тому, чтобы по возможности предотвращать ее. Милостыня во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ. Съ нищенствомъ необходимо бороться предупредительными мѣрами, которыя поднимаютъ народное хозяйство и особенно могутъ быть полезными для низшихъ классовъ. Целью не признавать справедливости такой точки зрѣнія. Это единственно вѣрный путь къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, къ смягченію названнаго социальнаго зла; всякаго же рода палліативы въ видѣ полицейскихъ мѣръ несколько не помогаютъ дѣлу. Они обращаютъ вниманіе на слѣдствія, а не на причину явленій. Отсюда, само собой разумѣется, подобныя мѣры могутъ имѣть только внѣшній успѣхъ.

Съ особенной силой возстаетъ авторъ противъ частной безсистемной милостыни. Съ такого рода благотворительностью нужно бороться всѣми силами, потому что ничто такъ вредно не дѣйствуетъ, какъ помощь недостойнымъ.

Для иллюстраціи своихъ положеній проф. Конрадъ довольно подробно разсматриваетъ отдѣльные роды и виды благотворительности.

Переходя къ общей оцѣнкѣ труда проф. Конрада, мы должны указать, что главное его достоинство—это историческая перспектива при разсмотрѣніи тѣхъ и другихъ явленій хозяйственной жизни. Почти

въ каждой главѣ мы встрѣчаемъ сжатые и вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельные экскурсы въ область исторіи. Подобныя справки освѣщаютъ развитіе изслѣдуемаго явленія, выясняютъ современное положеніе дѣла и, наконецъ, даютъ твердую почву для сужденій о будущемъ.

Эту историческую перспективу прекрасно дополняетъ обиліе цифрового матеріала. По всѣмъ наиболѣе важнымъ вопросамъ авторъ собралъ богатый статистическій матеріалъ. Въ виду этого сужденія его не носятъ такого голословнаго, бездоказательнаго характера, какимъ нерѣдко отличаются изслѣдованія другихъ экономистовъ. Во многихъ случаяхъ трудъ проф. Конрада можетъ служить прямо справочной книгой тѣмъ болѣе, что въ выборѣ статистическихъ данныхъ авторъ нерѣдко обращалъ вниманіе на интересъ современности.

Съ особенной любовью проф. Конрадъ останавливается на законодательствахъ, касающемся тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ явленій. Съ болѣею подробностью авторъ, конечно, излагаетъ германское законодательство, вкратцѣ онъ рассматриваетъ и законодательство другихъ странъ. Можно пожалѣть объ одномъ, что онъ не ввелъ въ кругъ своего изслѣдованія и русскаго законодательства. Въ европейской литературѣ имѣются изслѣдованія, касающіяся нашего законодательства, и потому, казалось бы, не представляло особаго труда для проф. Конрада включить въ свое изслѣдованіе и дѣйствующее у насъ право. Этимъ была бы достигнута большая полнота изслѣдованія. Есть еще нѣкоторые пробѣлы; такъ, напр., авторъ оставилъ безъ вниманія жилищный вопросъ, который въ наше время значительно обострился.

При оцѣнкѣ тѣхъ и другихъ экономическихъ вопросовъ авторъ держится строго-научнаго и объективнаго метода. Читатель не замѣчаетъ у него духа партійности, полемическаго задора. Спорные вопросы освѣщаются со всѣхъ сторонъ, безъ намека на тенденціозность.

Направленіе проф. Конрада по духу симпатичное—онъ относится съ любовью къ обездоленнымъ классамъ и является убѣжденнымъ сторонникомъ соціальныхъ реформъ.

Изложеніе автора отличается краткостью, легкостью и ясностью. Видно, что почтенный профессоръ обладаетъ счастливой способностью сказать въ немногомъ многое. Онъ сумѣлъ вмѣстить громадный по обилію матеріалъ въ сравнительно небольшомъ по объему изслѣдованіи.

При трактованіи теоретическихъ вопросовъ авторъ пользуется

конкретными примѣрами изъ обыденной жизни и тѣмъ значительно облегчаетъ пониманіе сложныхъ экономическихъ проблемъ. Книга не загромождена именами авторовъ и названіями сочиненій; вообще проф. Конрадъ очень умѣренно пользуется ссылками на литературу. Это производитъ пріятное впечатлѣніе на читателя.

Таковы достоинства новаго труда проф. Конрада. Отсюда естественно, что его *Grundriss* читается съ большимъ интересомъ и не только специалистами. Можно пожелать, чтобы это цѣнное изслѣдованіе Конрада скорѣе явилось и на русскомъ языкѣ, особенно его экономическая политика.

Кстати сказать, русскіе переводчики почему-то не симпатизируютъ Конраду,—такъ до сихъ поръ на русскій языкъ переведены только его краткій курсъ политической экономіи. Безусловно, экономическая политика въ русскомъ переводѣ нашла бы себѣ широкій кругъ читателей.

К. Г. Небольскій.

Книжныя новости.

Записки общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ III, Варшава 1904.

Въ I отдѣлѣ выпуска помѣщены сокращенные протоколы засѣданій общества за 1903 г., съ приложеніями, свидѣтельствующіе о живой и разносторонней дѣятельности общества (стр. 1—78). Во II отдѣлѣ напечатаны четыре самостоятельныхъ изслѣдованія. П. А. Заболотскій даетъ горячую характеристику А. Н. Плещеева (статья: „Поэтъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ“, стр. 1—58), останавливаясь на біографіи поэта и отраженіи внѣшнихъ событий личной и общественной жизни въ его творествѣ. По мнѣнію автора, Плещеевъ является не исключительно поэтомъ общественнаго направленія; въ его твореніяхъ онъ усматриваетъ сходство съ музой Тютчева, служителя чистаго искусства. Русская литература обязана ему многими поэтическими переводами съ иностранныхъ языковъ, и авторъ всецѣло соглашается съ той оцѣнкой глубокаго воспитательнаго значенія поэзіи Плещеева, которую даетъ В. П. Острогорскій. Въ рѣчи „Объ органической теоріи общества“ Е. В. Спекторскій разбираетъ научное значеніе этой теоріи. По его мнѣнію, она упорочила въ обществовѣдѣніи два чрезвычайно важныхъ принципа — идеи общества и эволюціи, въ особенности послѣднюю. Если идея общества не отсутствовала во французской литературѣ XVIII вѣка, то идея социальной эволюціи въ ней не встрѣчается вовсе; нѣтъ ея и въ позднѣйшихъ доктринахъ. Органическая школа впервые изолировала специально общественныя явленія и подвергла ихъ самостоятельному изученію. Но представленіе объ

органическомъ мирножъ ростъ общества не могло выдержать критики послѣдующихъ изслѣдователей, и поэтому органическая теорія должна была уступить мѣсто другимъ, передавъ имъ то, что въ ней есть дѣйствительно цѣннаго. Въ рѣчи В. А. Фляксбергера, произнесенной имъ по поводу столѣтней годовщины кончины Иммануила Канта, мы встрѣчаемъ попытку „кратко и популярно изложить главнѣйшія философскія идеи“ Канта. Авторъ даетъ обзоръ главнѣйшихъ тезисовъ Кантовскаго ученія и наибольшее вниманіе удѣляетъ отношенію Канта къ естествовѣдѣнію (вопросамъ объ отношеніи разума къ опыту, о законахъ нравственныхъ и естественныхъ, его теоріи мірозданія и мірообразования и др.). Въ докладѣ С. Н. Алексѣева подробно разбираются неясныя постановленія законовъ XII таблицъ о порядкѣ взыскапія съ должника, когда, какъ сказано въ источникахъ, кредиторъ имѣтъ право обременять должника кандалами вѣсомъ „не менѣе 15 фунтовъ, а если угодно, то и больше“. Докладчикъ пространно приводитъ и критикуетъ тѣхъ изслѣдователей, которые исправляютъ текстъ рукописей древнихъ авторовъ и, замѣняя слово „не менѣе“ словомъ „не болѣе“, придаютъ ему совершенно иное, прямо противоположное значеніе. Докладчикъ требуетъ буквального толкованія этого постановленія, такъ какъ въ пользу такого пониманія, по его мнѣнію, говорятъ всѣ соображенія: общая строгость римскаго права къ должнику, сравнительное историческое изученіе и филологическія толкованія. Въ такомъ же буквальномъ смыслѣ понимаетъ докладчикъ и другое постановленіе законовъ XII таблицъ о томъ, что несостоятельнаго должника кредиторы могли разрубить на части — постановленіе, которое въ современной наукѣ очень часто признается символическимъ. Современныя понятія о гуманности и справедливости неприможимы къ древности, — не возможна мысль, что законъ тогда могъ „зло смѣяться“ надъ должникомъ.

„Вѣстникъ Права“, 1905 г. Книги 1—4.

Въ разнообразномъ и интересномъ содержаніи первыхъ четырехъ книгъ особенное вниманіе привлекаютъ статьи, посвященныя вопросамъ государственнаго права. Можно сказать, что эти статьи какъ по объему, такъ и по внутреннему достоинству занимаютъ первое мѣсто. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ указать на изслѣдованіе проф. Алексѣева о „политической доктринѣ Руссо и ея отношеніи къ ученію Монтескье“, въ которой онъ полемизируетъ съ М. М. Ковалевскимъ, утверждающимъ, что между ученіемъ Руссо о народномъ суверенитетѣ и доктриной Монтескье о равновѣсіи властей не существуетъ принципиальнаго различія. Авторъ доказываетъ противоположное, подробно разбирая и сопоставляя исходные тезисы политическихъ ученій Руссо и Монтескье, указывая какъ на внутреннія противорѣчія въ разсужденіяхъ г. Ковалевскаго, такъ и на несоотвѣтствіе ихъ со словами Руссо. Доктрина раздѣленія властей и значеніе ея для правового государства является центральнымъ пунктомъ статьи В. Гессена — „Теорія правового государства“. Обособленіе отдѣльныхъ властей является краеугольнымъ камнемъ западноевропейскаго конституціонализма и основнымъ принципомъ правового государства и остается чуждымъ государственному строю абсолютныхъ монархій. Установивъ, что только конституціонное государство можетъ быть правовымъ,

авторъ останавливается на отдѣльныхъ элементахъ его, на монархической власти и парламентскомъ укладѣ, разбирая два типа конституціоннаго государства, парламентарный и дуалистическій. Они опредѣляются степенью зависимости правительственной власти отъ законодательной. Вопросы земскаго самоуправления подробно разобраны въ статьѣ г. Гронскаго — „Земское представительство“, въ которой критически разсматривается дѣйствующее право, преимущественно съ точки зрѣнія изученія круга вопросовъ земскаго представительства. Новѣйшія теоретическія конструкціи самоуправления разобраны въ статьѣ г. Матвѣева. Ученіямъ о народномъ представительствѣ посвящено любознательное изслѣдованіе г. Цейтлина (еще неоконченное) — „Народное представительство въ конституціонныхъ государствахъ“, касающееся вопросовъ избирательнаго права и учредительныхъ собраній (утвержденіе и измѣненіе конституціи) — при чемъ авторъ удѣляетъ большое вниманіе системѣ пропорціональныхъ выборовъ, высказываясь за всеобщее избирательное право — и исторіи и законодательству западно-европейскихъ государствъ по вопросу объ измѣненіи основныхъ законовъ, и г. Н. Л. („Административная хроника“ въ мартовской книгѣ), въ которой очень просто и ясно описано отношеніе представительныхъ корпорацій къ системѣ другихъ государственныхъ установленій, и, въ частности, права этихъ корпорацій и функции ихъ. Право стачекъ подробно разбирается въ статьѣ проф. Александра Миллашевскаго (апрѣльская книга). Изъ цивилистическихъ изслѣдованій наибольшее вниманіе привлекаетъ статья проф. Покровскаго — „Гражданскій судъ и законъ, проблема ихъ взаимоотношеній“. Въ ней авторъ касается въ высшей степени интереснаго, но и столь же труднаго вопроса о расширеніи судейскаго усмотрѣнія, новой тенденціи доктрины и законодательныхъ кодификацій предоставить судѣ широкій просторъ при примѣненіи закона. Разсматривая критически новѣйшія теоріи по этому предмету, ученія Жени, Ламбера, Салейя, Штаммера, Эрлиха, проф. Покровскій налагаетъ свой взглядъ на эту проблему, въ которомъ онъ высказывается за традиціонную методу юридическаго толкованія, полагая, что нельзя отказаться отъ „законодательства, какъ единственнаго формы сознательнаго и планомернаго социальнаго строительства“. Новая теорія вызывается отсталостью многихъ социальныхъ предпосылокъ дѣйствующихъ кодексовъ; необходимо сдѣлать законодательный аппаратъ возможно болѣе восприимчивымъ къ социальнымъ интересамъ среды и придать законодательству возможную гибкость. Слѣдуетъ также отмѣтить другую статью того же автора, о принатіи наслѣдства (апрѣльская книга), гдѣ онъ критикуетъ постановленія проекта новаго гражданскаго уложенія. Историкъ права найдетъ интересныя замѣчанія въ статьѣ проф. Н. А. Максимова — „О минныхъ архаизмахъ уголовнаго права Русской правды“, въ которой онъ полемизируетъ съ нѣкоторыми взглядами В. И. Сергѣевича и М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

Уголовному праву отведено сравнительно немного мѣста. С. К. Гогель, въ докладѣ будапештскому тюремному конгрессу (напечатанномъ въ январской книгѣ), высказывается противъ реформы суда присяжныхъ; Н. П. Полянскій даетъ оцѣнку дѣйствующихъ законовъ о ростовничествѣ; любопытна статья В. И. Трапезникова — „Преступность, репрессія и герои Максима Горькаго“, въ которой авторъ типами Горькаго иллюстрируетъ свой пессимистическій

взглядъ на уголовную репрессию и обвиняетъ „юристовъ“ въ томъ, что они слишкомъ мало считаются съ общественными условиями, вызывающими преступность. Л. Я. Тауберъ подробно разбираетъ, догматически и съ точки зрѣнія политики права, вопросъ о законодательной постановкѣ преступлений, преслѣдуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшаго. Помимо приведенныхъ статей, въ этихъ четырехъ книгахъ „Вѣстника Права“ есть еще много любопытныхъ мелкихъ замѣтокъ: отдѣлы хроники (гражданской и административной) составлены живо и интересно. Къ январской, февральской и апрѣльской книгамъ приложены отчетъ и труды С.-Петербургскаго юридическаго общества.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ.

— *Pachalery, A.* ANTHOLOGIE DES PROSAEURS ET DES POÈTES FRANÇAIS DU XIX-e siècle avec des notices et de nombreuses notes grammaticales, littéraires etc. A l'usage des familles et des classes supérieures des écoles précédée d'une introduction par M. Émile Faguet. I. Prosateurs (1800—1850). Odessa 1905. VII+319 стр.

— *Ермоловъ, А.* Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. С.-Пб. 1905. II. Всенародная агрономія. XII + 528 стр.—III. Животный мѣръ въ возрѣніяхъ народа. VII+555 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.—IV. Народное погодовѣдѣніе. XII+468 стр.

— *Тсодоровичъ, Н. Ис.* Города Радинь и Межирѣчье Сѣдлецкой губерніи. Историческій очеркъ. Сѣдлецъ 1905. 54 стр.

— *Гельдъ, Г.* Алтарь Зевса въ Пиргамъ. Ревель 1905. 25 стр.

— *Виноградовъ, Н.* Царь Максѣмьянъ и его непокорный сынъ Адольфъ. Старый текстъ и нѣсколько словъ по поводу текста. С.-Пб. 1905. 38 стр.

— Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета для десяти губерній Царства Польскаго. Выпускъ XX. Заработная плата сельскихъ рабочихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго въ десятилѣтіе 1890—1900 гг. и причины измѣненія ея. Варшава 1904. 54+69+67 стр.

— *Беркли, Джорджъ.* Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія. По порученію Философскаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ переведено Е. Ѳ. Дебольскою подъ редакціею Н. Г. Дебольскаго. С.-Пб. 1905. Издательство О. Н. Поповой. 183 стр. Цѣна 40 коп.

— Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1905 года. Выпускъ третій. Вятка 1905. 100—124, 1—133.

— *Сергіевъ, М. Г.,* свѣщ. Указатель къ „Сказаніямъ Русскихъ летописцевъ о Вяткѣ“. 23 стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ КАЗАНСКИХЪ ТАТАРЪ.

(Очеркъ).

Завѣжій иностранецъ, которому случилось бы по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ посѣтить „Красу Востока“, какъ казанцы издавна именуютъ свой далеко не во всѣхъ отношеніяхъ бозукоризненный городъ, и фланировать по ея улицамъ, вовсе не напоминающимъ по своей внѣшности тѣ далекія страны восходящаго солнца, которыя плѣнительныя сказки Шехерезады и рассказы нѣкоторыхъ „правдивыхъ“ путешественниковъ облекли заманчивой дымкой фантастическихъ, таинственныхъ образовъ, былъ бы весьма удивленъ, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что этотъ городъ, въ которомъ поклонники пророка въ настоящее время составляютъ лишь одну шестую всего населенія и при поверхностномъ обзорѣваніи даже мало бросаются въ глаза въ общей массѣ русскаго населенія, представляетъ изъ себя значительный культурный центръ мусульманства, который распространяетъ свои изданія на арабскомъ, турецкомъ и татарскомъ языкахъ по всей мусульманской части Россійской имперіи и даже едва ли не по всему востоку. Однако, на самомъ дѣлѣ это такъ. Мусульманскія изданія расходятся отсюда въ милліонахъ экземпляровъ по всему полушарію, идутъ во множествѣ въ наши средне-азиатскія владѣнія, проникаютъ на Кавказъ и даже покупаются за границу, въ Индію и Африку.

Книжное дѣло у татаръ, повидимому, развивается съ каждымъ годомъ: татары начинаютъ заводить собственные типографіи, и въ послѣднее время были слухи объ основаніи новаго товарищества,

которое будетъ имѣть собственную типографію и займется издательскимъ дѣломъ на мусульманскихъ языкахъ ¹⁾. Мусульманское книгопечатаніе, которое раньше было всецѣло въ рукахъ русскихъ людей, начинастъ мало-по-малу переходить къ татарамъ, которые, кажется, скоро перещеголяютъ въ этомъ дѣлѣ своихъ учителей. До самаго послѣдняго времени, не болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, мѣстная мусульманская литература состояла почти всецѣло или изъ ученыхъ мусульманскихъ сочиненій, написанныхъ арабскимъ языкомъ и доступныхъ лишь незначительному образованному классу муллъ и улемовъ, или изъ сочиненій на турецкомъ языкѣ (турецкомъ или татарскомъ, а нерѣдко и смѣшанномъ изъ этихъ обонхъ), но не оригинальныхъ, а переводныхъ съ другихъ восточныхъ нарѣчій, несравненно болѣе богатыхъ въ литературномъ отношеніи, нежели захудалое нарѣчіе казанскихъ татаръ. Всѣ эти книги, за весьма немногими исключеніями, были религіознаго характера или касались различныхъ обрядовыхъ сторонъ вѣщнаго культа. Книги научнаго и беллетристическаго характера почти совсѣмъ отсутствовали, да имъ и мало было цѣны: высоко цѣнилось только то, что имѣло связь съ религіей, все же остальное, свѣтское, считалось за пустяки. Когда произошелъ переломъ въ литературныхъ вкусахъ казанскихъ татаръ—довольно трудно сказать опредѣленно за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ подъ руками, но все-таки можно думать, что этотъ переломъ въ большей или меньшей степени находится въ причинной связи съ послѣдними сорьзными событіями на мусульманскомъ востокѣ. Восточная война вывела исламъ изъ его заоченѣлости, и отголоски этого движенія, вѣроятно, чувствовались и у нашихъ мусульманъ. Повидимому, они стали чего-то бояться, какъ бы почувствовали, что на ихъ узкій застывшій мірокъ надвигается что-то серьезное и неумолимое, что-то такое, съ чѣмъ имъ нужно бороться всѣми силами. Сознаніе необходимости реформировать свою жизнь, поставить ее на новыя начала, внести въ нее новые элементы стало все болѣе и болѣе проникать въ умы мусульманъ, и, повидимому, они тутъ поняли, что для борьбы съ надвигающимся европеизмомъ имъ нужно овладѣть его же оружіемъ: его научными и техническими знаніями и вообще его культурой. При этомъ было, конечно, важно приобщиться къ этой культурѣ безъ посредничества

¹⁾ Одно такое товарищество, подъ фирмою *Хидметъ* („Служеніе“), уже существуетъ въ г. Троицкѣ, Оренбургской губ., но печатаетъ свои изданія въ Оренбургѣ въ типографіи М. Каримова.

русскаго общества, такъ какъ мусульманъ здѣсь страшила руссификація, хотя бы и призрачная, и они обратились „за море“, туда же въ Турцію, въ страну падишаха, въ эту святую страну, которая представляется раемъ многимъ изъ нашихъ наивныхъ мусульманъ.

Заслуживаетъ вниманія, что приблизительно къ этому времени (1885 г.) относится появленіе одного народнаго романа ¹⁾, авторъ котораго выдвинулъ нѣкоторые новые взгляды на жизнь. Романъ написанъ на какой-то смѣси, въ которой, однако, явно преобладаетъ османское нарѣчіе. Видимо, авторъ старался подражать стамбульскимъ образцамъ, насколько умѣлъ.

Проповѣдуя новыя воззрѣнія на тѣ требованія, которыя предъявляетъ мусульманину измѣнившаяся дѣйствительность, онъ вноситъ новшества даже и въ самую манеру письма. Это новшество заключается въ употребленіи знаковь препинанія, которые, какъ извѣстно, въ чисто восточныхъ сочиненіяхъ отсутствуютъ. Примѣчательно и то, что самыя названія знаковь препинанія, которыя объясняются авторомъ въ введеніи къ роману, османскія, заимствованныя у французовъ; такъ, запятая онъ называетъ *сирюль* и проч.

Употребленіе османской рѣчи казанскими литераторами продолжается и поныгѣ. Но такъ какъ чисто турецкая рѣчь для большинства татаръ была бы мало понятной ²⁾, то ее, гдѣ надо, разводятъ татарскими (мѣстными) словами и оборотами: получился какой-то своеобразный жаргонъ, дѣланный и не всегда для татаръ вразумительный. Впрочемъ, въ послѣднее время нѣкоторыя изъ татарскихъ сочиненій пишутся и на чисто народномъ языкѣ, разумѣется съ примѣсью арабскаго элемента, который всюду неизбѣженъ и необходимъ для „высокаго штиля“, такъ какъ народная татарская рѣчь бѣдна словами, нужными для выраженія болѣе или менѣе отвлеченныхъ понятій.

Такимъ образомъ казанскіе татары до сихъ поръ не имѣютъ общаго литературнаго языка: языкъ каждаго писателя носитъ въ себѣ нѣкоторыя особенности, отличающія его отъ языка другихъ сочиненій какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексическомъ отношеніяхъ. Периодъ въ ихъ произведеніяхъ встрѣчаются слова провинціальныя, не занесенныя ни въ одинъ изъ существующихъ словарей, и совершенно непонятныя для многихъ читателей. Кромѣ лицъ чисто татарскаго

¹⁾ „Мулла Хисамеддинъ“.

²⁾ Да и сами авторы не могутъ вполне владѣть ею, такъ какъ самый строй ея очень труденъ и требуетъ грамматической подготовки.

происхожденія, на литературномъ поприщѣ выступаютъ мещеряки, башкиры и тептяри, внося въ книжную рѣчь свои особенные обороты и испещряя ее мѣстными словами. А такъ какъ татары вообще не изучаютъ своего языка въ школахъ, не знаютъ его грамматики и не имѣютъ установившагося правописанія, то все это приводитъ къ тому, что, по выраженію одного изъ татарскихъ публицистовъ Мухаммедъ-Фатыха Тагирова (см. его соч. „Появленіе Истины“, стр. 65), для того чтобы понимать казанскія изданія, является необходимость имѣть при себѣ, въ качествѣ толкователей, также и самихъ авторовъ этихъ изданій.

Какъ уже было сказано выше, свѣтская литература у казанскихъ татаръ считается за собою не болѣе трехъ десятилѣтій, это явленіе еще совершенно новое, но, несмотря на свою новизну, оно уже довольно опредѣлялось и выяснилось, такъ что является возможность дать этой литературѣ нѣкоторую характеристику и указать на ея существенныя черты. Общая тенденція, какую можно подмѣтить во всѣхъ сочиненіяхъ этого рода, это дать такой матеріалъ для чтенія, который, будучи доступенъ по своему содержанію не только образованнымъ (по-мусульмански) классамъ общества, но также и вообще грамотному люду, вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ бы проводникомъ въ народныя массы новыхъ идей и научныхъ знаній въ европейскомъ смыслѣ этого слова. По своему содержанію подобныя сочиненія распадаются на нѣсколько родовъ. Здѣсь можно указать на сочиненія публицистическія, на сочиненія по изящной словесности (повѣсти и романы) и на сочиненія историческаго и вообще научнаго свойства. Первые сочиненія трактуютъ, главнымъ образомъ, о необходимости ввести измѣненія въ весь строй мусульманской жизни, начиная съ жизни семейной и кончая отношеніями общественными и вопросомъ о народномъ образованіи, вторыя представляютъ рядъ повѣстей и рассказовъ, весьма тенденціозныхъ и написанныхъ съ тою же цѣлью, что и первыя, т. е. съ явнымъ намѣреніемъ поучать, проводить въ общество новые просвѣщенные взгляды. При этомъ фабула произведенія и смыслъ имѣютъ значеніе второстепенное, и напоминаютъ намъ нѣкоторые изъ русскихъ романовъ эпохи реформъ. Третьи имѣютъ цѣлью дать большой публикѣ доступныя познанія въ области исторіи, географіи, естественныхъ и математическихъ наукъ. Послѣднія сочиненія нерѣдко составляютъ простую передѣлку турецкихъ изданій подобнаго же рода, съ сохраненіемъ османской терминологіи, часто совершенно излишней и лишь затрудняющей пониманіе текста.

Отличіе этой послѣдней литературы отъ произведеній прежнихъ лѣтъ заключается, между прочимъ, въ значительномъ усиленіи элемента народности, національнаго элемента, который раньше проскальзывалъ лишь изрѣдка и обыкновенно скрывался въ массѣ общемусульманской словесности. Новые беллетристы затрогиваютъ различныя стороны общественной и семейной жизни мусульманъ, стороны, которыя раньше были покрыты мракомъ неизвѣстности, благодаря мусульманской изолированности. Разумѣется, отсутствіе крупныхъ талантовъ не позволяетъ ожидать въ этомъ отношеніи многого; но если принять во вниманіе прежнее замалчиваніе явленій мѣстной жизни, характерное для произведеній прежняго времени, то это явленіе составляетъ несомнѣнный прогрессъ и, кромѣ того, представляетъ значительный интересъ для каждаго, кто пожелалъ бы получить хотя бы нѣкоторое представленіе о внутренней жизни мусульманъ. Благодаря этимъ сочиненіямъ, мы можемъ ознакомиться также и съ тѣми взглядами и предрассудками, которые господствуютъ въ различныхъ слояхъ татарскаго общества, какъ по части жизни общественной, такъ и семейной. Благодаря этимъ сочиненіямъ, мы узнаемъ, что современный семейный строй мусульманскаго общества покоится на весьма шаткихъ и гнилыхъ устояхъ: сами мусульмане, въ лицѣ выводимыхъ ими героевъ, сознаются въ этомъ. Относясь съ презрѣніемъ къ образу жизни и воззрѣніямъ своихъ сосѣдей, мусульманскіе писатели иногда противорѣчатъ сами себѣ, открывая такія гнилыя раны въ своей собственной жизни, какихъ не должно бы было ожидать у народа, имѣющаго претензію на обладаніе „высшей истиной“.

Однимъ изъ вопросовъ, которые уже нѣсколько лѣтъ волнуютъ образованное татарское общество, нужно считать вопросъ о школьномъ обученіи дѣтей, который давно служитъ причиной раздора между мусульманами-прогрессистами и сторонниками старыхъ преданій. Въ этомъ отношеніи несогласія касаются какъ самыхъ методовъ преподаванія, такъ и преподаваемыхъ въ школахъ предметовъ. Въ отношеніи метода преподаванія грамоты вся татарская интеллигенція распадается на два лагеря, борьба между которыми иногда находитъ отголоски и на страницахъ періодическихъ изданій. Одни изъ нихъ, такъ называемые старо-методисты, стоятъ за старинную методику обученія чтенію, по складамъ (старо-методисты, партія *усуль-и-кадимъ*), другіе (приверженцы новаго метода—*усуль-и-жяидъ*) стараются ввести новый звуковой методъ. Послѣдніе въ настоящее время, кажется, начинаютъ значительно брать верхъ, къ величайшему неудовольствію

первыхъ. Этотъ споръ очень обостренъ, и въ немъ участвуютъ иногда лица, не имѣющія никакого понятія ни о какомъ методѣ, по слышкѣ: споръ о методахъ является здѣсь лишь предлогомъ къ ожесточенной борьбѣ противъ всякихъ нововведеній. Для насъ этотъ споръ имѣетъ большое значеніе во многихъ отношеніяхъ; интересенъ онъ также и потому, что даетъ возможность выразиться въ печати тому типичному складу мусульманскаго міровоззрѣнія, какой свойственъ многимъ изъ ученыхъ татаръ. Изъ сочиненій, написанныхъ въ цѣляхъ противодѣйствія новаторамъ въ области народнаго образованія, можно остановиться на сочиненіи *Ан-нусуль*¹⁾, авторъ котораго, заявляя приверженецъ стараго строя жизни, обличаетъ сторонниковъ новаго направленія въ посягательствѣ на чистоту ислама.

Наряду съ появленіемъ новыхъ сочиненій, цѣль которыхъ—распространить выводы современной науки среди большого круга общества, появляются также и возраженія, имѣющія цѣлью опровергнуть эти новыя теоріи, доказавъ ихъ несостоятельность. Образцомъ подобнаго рода сочиненій можетъ служить произведеніе Мухаммедъ-Фатыха Зайтова „Разрѣшеніе трудностей относительно образа возникновенія міра“, гдѣ авторъ, являясь защитникомъ геоцентрической системы, пытается опровергнуть всю новѣйшую астрономію. Едва ли слѣдуетъ говорить здѣсь, что онъ не имѣетъ никакого научнаго образованія, и всѣ его разсужденія являются лишь незрѣлымъ плодомъ незрѣлага ума. Впрочемъ, недостатокъ научныхъ свѣдѣній легко компенсируется легкостью ссылокъ на коранъ и хадисы, гдѣ каждая система легко находитъ тѣ или иные доказательства: „старометодисты“ черпаютъ въ нихъ доводы въ пользу своей системы, а новометодисты—обратные. Между прочимъ, въ видѣ доказательства, Зайтовымъ приводятся слова изъ сѣры ја-сия и изъ другихъ, гдѣ сказано, что солнце движется (ходитъ: *уá шшáмсу тáжри*, см. стр. 34), а также слѣдующія слова изъ одного хадиса, заключающагося въ извѣстномъ мусульманскомъ сочиненіи Сахихъ-уль-Бухари. Сказалъ пророкъ—да будетъ миръ ему!—: „Оно (солнце) идетъ, чтобы поклониться передъ престоломъ (Божіимъ), и, пришедши, просить на то позволенія; и ему дается позволеніе. И лишь только оно готово совершить поклонъ, какъ поклонъ его не пріемлется, и ему говорятъ: „Возвратись туда, откуда ты пришло“,—и оно восходитъ (совершивъ путь), съ запада.

¹⁾ Ан-нусуль уль-хадидѣ фи хыляфи-ль-усули-ль-жядидѣ. Острыя стрѣлы, направленные противъ новаго метода. Казань, 1899.

На это указываютъ слова Всевышняго: „И солнце ходитъ въ обитающія своею“; это предопредѣленіе Всемогущаго, Премудраго“.

Въ опроверженіе положенія, что отъ движенія развивается теплота, а отъ теплоты получается огонь, остроумный авторъ „Разрѣшенія трудностей“ говоритъ слѣдующее: „Я говорю, что вообще отъ движенія не получается тепла и отъ тепла не получается огня. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующее: когда изъ пожарной трубы бьетъ вода черезъ очень узкое отверстіе и очень быстро, то никакой теплоты не развивается, а получается одинъ только холодъ; точно также на пароходѣ паръ находится въ очень сдввленномъ состояніи и въ состояніи очень быстрого движенія, такъ что получаютъ сильныя звуки, но объ огнѣ нѣтъ и помину“.

Приверженцы прогресса, разумѣется, также не остаются въ долгу и оплачиваютъ своимъ противникамъ тою же монетою, осмѣивая невѣжество муллъ и шакирдовъ и коренящіеся въ народѣ предрасудки. Ихъ стремленіе ввести сколь возможно быстро европеизмъ простирается даже на костюмъ. Они осмѣиваютъ старинное платье мужчинъ, бритье головы и металлическія украшенія изъ монетъ, носимыя женщинами, при чемъ въ одномъ сочиненіи герой разсказа, разгуливая по пароходу, гордится своимъ костюмомъ европейца и красною фескою на головѣ, придающей ему видъ „образованнаго турка“.

Въ сочиненіи „Событія въ 1900 году отъ Р. Хр.“, надо сказать, написанномъ безобразно безграмотнымъ и безтолковымъ языкомъ, авторъ, сидя въ таратайкѣ, съ грустью вспоминаетъ при звонѣ ямщицкихъ бубенчиковъ звонъ серебряныхъ и золотыхъ украшеній изъ монетъ, носимыхъ женщинами и дѣвушками „Татаристана“, которыя „избрали себѣ украшенія, подходящія лишь для животныхъ“. Дѣло въ томъ, что татарская масса, слѣдуя по стопамъ своихъ улемовъ, продолжаетъ до сихъ поръ считать виѣшность, а слѣдовательно и костюмъ, однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ правильности религіозныхъ убѣжденій, и для многихъ изъ нихъ „зеленые халаты и надѣтая на голову чалма“ продолжаютъ оставаться показателями чистоты ортодоксальныхъ убѣжденій. Здѣсь еще играетъ извѣстную роль также и опасеніе сдѣлаться такъ или иначе похожими на своихъ сосѣдей, чего мусульмане вообще избѣгаютъ.—„Ты говоришь объ усуль-и-жялидъ и объ усуль-и-жязидъ“?—говоритъ одинъ изъ безграмотныхъ татаръ въ сочиненіи *Уку'атъ*. „Съ тѣхъ поръ, какъ онъ ¹⁾ появился, препо-

¹⁾ Т.-е. усуль-и-жялидъ (новый методъ).

даватели *халфы* ¹⁾, являясь на собранія, не надѣваютъ чалмы, а ходятъ, надѣвъ на голову шапку, въ короткомъ платьѣ, съ тростями въ рукахъ! Какъ ты назовешь ихъ муллами? Признакъ мусульманства—зеленый халатъ и чалма. Ученики тоже привыкають надѣвать короткое платье: разъ перемѣнилась одежда, какъ ты будешь знать, что это мусульманинъ? Также можно видѣть, какъ во время уроковъ они, какъ русскія дѣти, выходятъ въ садъ и играютъ“.

Реакція, вызванная введеніемъ европейскихкихъ новшествъ, побудила глашатаевъ новаго направленія выступить съ защитой современной науки. Какъ своеобразное выраженіе подобнаго рода апологетики, надо разсматривать, на примѣръ, сочиненіе Абдуллы Буби „Способствуетъ ли прогрессъ наукъ безвѣрію“? Авторъ этой книги считаетъ необходимымъ выступить съ разъясненіемъ этого вопроса въ виду того, что многіе изъ окончившихъ курсы въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ впадаютъ въ невѣріе и отрицають религію, нѣкоторые же лица (Дреперъ) утверждаютъ, что религія и цивилизація—два противоположныхъ другъ другу начала. На первыхъ страницахъ своей небольшой книжки (40 стр.) Абдулла приводит доводы противъ матеріализма, впрочемъ довольно общезвѣстные и мало убѣдительные: нѣкоторые старинные пророческіе сны и пр. Между прочимъ, онъ говоритъ: „наукою установлено, что отдѣльные атомы всѣ подобны одинъ другому; у вещей другъ другу подобныхъ требованія природы должны быть одинаковы, слѣдовательно, должно быть нѣчто внѣшнее и свободное, которое облакаетъ ихъ въ различныя формы, а именно необходимъ творецъ всего, Богъ-Господь. Подобно тому, какъ одна изъ чашекъ вѣсовъ не можетъ взять перевѣса надъ другою, если нѣтъ чего-либо дающаго перевѣсъ извнѣ, и подобно тому, какъ глина горшочника не можетъ принимать различныя формы безъ дѣйствія со стороны послѣдняго, такъ и отдѣльные атомы не могутъ облакаться въ различныя формы сами собою“ (8 стр.). Кроме того, „уже самая осторожность требуетъ признанія Творца міра, ибо, если сдѣлать невозможное предположеніе, что, какъ утверждаютъ матеріалисты (dahri), Творца не существуетъ, то все же за нашу вѣру мы не получимъ никакого вреда. Если же, какъ мы утверждаемъ, Божество въ мірѣ существуетъ, то матеріалисты, утверждающіе противное, будутъ обречены на вѣчныя мученія. Слѣдовательно, людямъ въ родѣ Дрепера, считающимъ себя умными, необходимо, по крайней мѣрѣ изъ остo-

¹⁾ Помощники мюдеррисовъ.

рожности, не распространять и не внушать своихъ развращающихъ ученій. Дѣйствительно, если бы религіозныя вѣрованія мѣшали прогрессу, тогда нельзя бы было и назвать людей, подобныхъ Дреперу, неправыми, но нашъ исламъ не противенъ цивилизаціи, какъ вѣра отцовъ и дѣдовъ Дрепера (т.-е. — христіанство), но совершенно согласенъ съ требованіями ума и мудростью“. Этотъ намекъ, направленный противъ христіанства, можно видѣть и нѣсколько дальше (стр. 13), гдѣ авторъ говоритъ: „по ученію ислама, мірская премудрость не безуміе передъ Богомъ, какъ утверждаютъ нѣкоторыя религіи, но капля изъ моря премудрости Божіей“.

Въ дальнѣйшемъ разсужденіи авторъ, иногда уклоняясь въ сторону отъ предмета, старается опровергнуть существующее мнѣніе, что Магометъ научился исламу у монаховъ и что исламъ распространялся силою оружія. По мнѣнію автора, теперь уже прошло время, когда постановленія религіи можно было санкціонировать однимъ словомъ: *такъ велитъ коранъ*, и если такой способъ еще и пригоденъ для того, чтобы удержать въ исламѣ старыхъ мусульманъ, то съ другой стороны онъ служитъ „колодой, сваленной на пути распространенія ислама среди цивилизованныхъ народовъ, и даже служитъ важнымъ поводомъ къ тому, что нѣкоторые освѣдомленные въ наукахъ люди удаляются отъ ислама и становятся матеріалистами“. По мнѣнію автора, способовъ къ спасенію надо искать въ наукахъ, а не ограничиваться лишь одними религіозными познаніями, тѣмъ болѣе, что самъ исламъ есть *научная религія* и до мельчайшихъ подробностей соответствуетъ правиламъ разума и мудрости. Здѣсь Абдулла Буби разбираетъ нѣкоторыя мусульманскія постановленія, начиная съ *намаза* ¹⁾ и кончая паломничествомъ. По мнѣнію автора, „намазъ есть совершеннѣйшая гимнастика („жимнастикъ“), религіозныя омовенія очень нужны для здоровья, пятница и праздники—для наставленій и поученій о нуждахъ вѣры и мірской жизни, невыдергиваніе волосъ изъ носа служитъ для „выцѣживанія“ микробовъ и недопущенія ихъ въ легкія, стрижка той части усовъ, которая перевѣшивается черезъ верхнюю губу—для того, чтобы помѣтившіеся на нихъ микробы не попали въ ротъ; неяденіе вилокю рекомендуется потому, что вообще каждому извѣстно, что у него на рукахъ, но неизвѣстно, что есть на вилкѣ: можетъ быть, она была во рту опасно больного“ и пр. Говоря о пользѣ обрѣзанія, онъ замѣчаетъ, что даже нѣкто-

¹⁾ Обязательная пятикратная молитва.

рые изъ иновѣрныхъ докторовъ сами себя подвергаютъ образованію и пр. „Такимъ образомъ, если ученикамъ школъ будетъ внушаться все соотвѣтствіе кораническаго ученія съ науками, то они приобретутъ возможность давать отвѣты на всѣ вопросы, направленные противъ ислама, и тогда не будетъ причинъ пропускать намазъ, ни на пароходахъ (sic!), ни въ другихъ мѣстахъ“¹⁾.

Наиболѣе интереса представляютъ произведенія беллетристическаго характера, повѣсти и рассказы изъ современнаго татарскаго быта. Имѣя въ виду отсутствіе болѣе или менѣе выдающихся талантовъ, трудно надѣяться на появленіе болѣе или менѣе крупныхъ произведеній; татарскіе романы и повѣсти являются таковыми лишь по названію: творчество въ нихъ весьма бѣдное, это скорѣе ученическія произведенія, плоховато написанныя на заданную тему. Для насъ они интересны не столько съ внутренней, сколько съ вѣшней стороны, такъ какъ знакомятъ насъ, хотя лишь отчасти, съ бытомъ татаръ. Въ послѣднее время татарская мысль, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ ея представителей, сильно занята женскимъ вопросомъ, вопросомъ о женской эмансипаціи, если только это названіе подходитъ къ тому minimum'у равноправія женщинъ, какого добиваются татарскіе беллетристы и какого не имѣетъ почти ни одна татарская женщина.

Въ повѣсти „Дѣвушка Газиза“, сочиненія Г. С. Т., читатель встрѣчается съ семействомъ одного богатаго купца Хасана, жившаго въ хорошенькомъ уѣздномъ городкѣ. Жена Хасана умерла, оставивъ ему умную, красивую и скромную дочь Газизу. Когда послѣдняя подросла, къ отцу ея стали являться со всѣхъ сторонъ свахи, предлагающія выгодныхъ жениховъ, но Хасану не хотѣлось разставаться съ своею дочерью, такъ какъ ему хотѣлось отдать ее за простаго, какъ онъ самъ, человѣка, въ спокойное мѣсто, гдѣ бы не было многочисленной мужниной родни, такъ какъ онъ не любилъ молодыхъ людей, которые ходятъ въ маленькихъ шапкахъ и въ бѣлыхъ воротничкахъ и выдаютъ себя за образованныхъ людей. Чтобы Газизѣ не было скучно, Хасанъ-Ага взялъ къ себѣ въ домъ свою младшую сестру Фатиму. Эта послѣдняя была невѣжественна, хотя считала себя за очень знающую и всѣмъ давала совѣты, считая другихъ ниже себя. Однимъ словомъ, это была такая женщина, которую нельзя было не только давать въ подруги молодымъ дѣвушкамъ, но даже и пускать къ себѣ

¹⁾ Мусульмане придаютъ большое значеніе открытому совершенію своихъ обрядовъ въ публичныхъ мѣстахъ.

на порогъ. Въ это время Хасанъ-Ага подыскалъ своей дочери жениха, сына одного купца изъ того же города, круглаго сироту, который былъ очень хорошимъ, умнымъ и старательнымъ въ торговлѣ юношею и такимъ же простымъ человѣкомъ, какъ и самъ Хасанъ. Звали его Абдуллою, и подобно Хасану онъ очень любилъ улемовъ и шакирдовъ. Все желаніе Хасана было выдать свою дочь за Абдуллу; послѣдній, зная ее за умную дѣвушку, тоже полюбилъ ее отъ всей души и просилъ ее у Бога въ своихъ молитвахъ. Между Абдуллою и Газизой даже была нѣкоторая переписка, въ которой они, „хотя это и непристойно“, объяснялись другъ передъ другомъ во взаимной любви. Когда въ домъ пришла Фатима, все это пошло вверхъ дномъ. Послѣдняя приложила всѣ свои старанія къ тому, чтобы отвлечь Газизу отъ Абдуллы, для чего выставляла ее возлюбленнаго въ очень непривлекательномъ видѣ, какъ человѣка нелюдимаго, угрюмаго и нелюбимаго молодежью. „Лучше прожить весь вѣкъ безъ мужа, говорила она, чѣмъ называть мужемъ теленка, не бывающаго въ общинѣ“. Въ концѣ концовъ старанія ея увѣнчались успѣхомъ, и ей удалось заставить Газизу перестать думать объ Абдуллѣ и обратить свое вниманіе на нѣкоего Ахмеда, который, по ея увѣреніямъ, „былъ гораздъ на все“. Родина Ахмеда находилась въ 120 в. отъ города, гдѣ жила съ своимъ отцомъ Газиза. Ахмедъ, пріѣхавъ изъ деревни въ этотъ городъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ мѣстномъ медресѣ, гдѣ, впрочемъ, ничему не научился, кромѣ какъ „наряжаться и мазаться, намазывать волосы и усы, бѣгать за женщинами, играть въ карты, пьянствовать и курить табакъ“. Растративъ довольно большое имущество, оставшееся послѣ отца, Ахмедъ началъ изыскивать способы поправить свои денежные дѣла. Разумѣется, не было болѣе выгоднаго способа, какъ удачная женитьба. Какъ-то проходя по улицѣ мимо воротъ Хасана-Аги, Ахмедъ увидѣлъ на его дворѣ горы наваленнаго товара, и въ головѣ его сталъ созрѣвать планъ. Онъ и раньше слышалъ, что у Хасанъ-Аги есть дочь, и теперь надо было найти способъ на ней жениться. Съ этимъ намѣреніемъ Ахмедъ отправился къ своему давнему знакомому Якубу, жена котораго Фатиха абыстай¹⁾, держала своего мужа въ совершенномъ повиновеніи, такъ что „безъ ея позволенія онъ даже не могъ сходить на базаръ“. Фатиха и ея мужъ не знали о разореніи Ахмеда, такъ какъ со времени смерти его отца прошло не болѣе года, и было трудно предположить, чтобы за такой краткій промежутокъ

¹⁾ Абыстай—почетное названіе женщинъ, нѣчто въ родѣ *madame*.

времени можно было прожить такое богатство, и потому приняли его очень привѣтливо. Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ, Ахмедъ сообщилъ Фатихѣ о томъ, что онъ будто бы безумно влюбленъ въ Газизу, и просилъ ее помочь его горю, такъ какъ иначе онъ не можетъ жить на бѣломъ свѣтѣ или же уйдетъ куда глядеть глаза. Фатиха приняла близко къ сердцу изліянія Ахмеда и обѣщала ему устроить свиданіе съ Газизой, увѣряя, что та несомнѣнно тотчасъ же влюбится въ такого красиваго молодого человѣка, лишь только его увидитъ, такъ какъ она, вѣроятно, не видала такихъ молодцовъ никогда. Оказалось, что Фатиха была очень дружна съ Фатимой, съ которой она нерѣдко встрѣчалась у гадалщицы (куримчи). Еще недавно Фатима была у гадалщицы, чтобы узнать, кто положилъ наколдованные медвѣжьи когти, найденные ею у себя въ перинѣ. Фатима, по словамъ Фатихи, знала хорошо Ахмеда и считала его красивымъ и общительнымъ молодымъ человѣкомъ. Свиданье Ахмеда съ Газизой дѣйствительно устроилось; исполнилось и предсказаніе Фатихи: увидавъ Ахмеда, Газиза не замедлила влюбиться въ него отъ всего сердца. Эти свиданія повторялись неоднократно. Чтобы обмануть Хасана, Ахмедъ рѣшилъ вернуться къ себѣ въ деревню и, взявъ тамъ у кого-то хорошихъ лошадей, прямо явиться къ самому Хасану и посватать его дочь. Въ это время Абдулла тоже не терялъ времени попусту и послалъ къ отцу Газизы сваху, которой и удалось добиться желаемаго безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ Хасанъ-Ага давно уже мѣтилъ свою дочь за Абдуллу. Что касается вопроса о взаимности со стороны Газизы, то Абдулла въ ней не сомнѣвался ни минуты. Итакъ, свадьба Газизы и Абдуллы была рѣшена; она была лишь отсрочена на три мѣсяца, до прибытія съ паломничества одного ишана ¹⁾, безъ котораго Хасану не хотѣлось справить свадьбу единственной дочери, такъ какъ онъ хотѣлъ устроить пышную свадьбу, пригласивъ на нее всѣхъ мullahъ околотка. Когда Газиза услышала изъ сосѣдней комнаты разговоръ отца съ свахой, то ее обдало холодомъ: не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что отецъ ни за что не отдастъ ее за Ахмеда. Фатима объяснила ей, что еще не все потеряно, такъ какъ она можетъ выйти за возлюбленнаго тайно, убѣжавъ изъ дома. Вернувшись изъ деревни на тройкѣ отличныхъ лошадей, Ахмедъ остановился у Лкуба и послалъ на тѣхъ же лошадяхъ Фатиху сватать дочь Хасана.

¹⁾ Нѣчто въ родѣ святого. Ишаны имѣютъ огромное вліяніе на татарскую массу; противъ нихъ раздается немало голосовъ въ современной татарской литературѣ.

Но Фатиха вернулась ни съ чѣмъ, получивъ „отказъ, какъ шесть“. У насъ нѣтъ дочерей для Ахмеда—таковъ былъ отвѣтъ Хасана-Аги, который разрушилъ всѣ надежды Ахмеда на любовное соглашеніе и побуждалъ его принять болѣе рѣшительныя мѣры. Онъ послалъ съ одной женщиной письмо Газизѣ, прося ее, если ея любовь искренняя, прийти попозднѣ вечеромъ къ Якубу, чтобы оттуда уѣхать вмѣстѣ. Любовь Газизы оказалась, какъ и надо было полагать, искренней, и наши „влюбленные“, сѣвъ на лошадей, укатили изъ города. Они ѣхали всю ночь и на слѣдующій день утромъ остановились въ одной русской деревнѣ. Здѣсь между молодыми людьми произошелъ разговоръ, изъ котораго выяснилось, что отецъ Газизы, въ случаѣ ея неповиновенія, обѣщалъ лишить ее наслѣдства и раздать все свое имущество на школы и мечети. Выслушавъ эти объясненія, Ахмедъ покрутилъ усы и, посоветовавъ своей невѣстѣ отправиться куда она пожелаетъ, сѣлъ на лошадей и уѣхалъ, оставивъ Газизу самое позаботиться о своей участи. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія мы встрѣчаемся съ Газизою снова въ ея городѣ, куда она вернулась изъ путешествія, но уже не въ домъ отца, а въ хибаркѣ одной благочестивой старушки бабушки Марьямъ, жившей на краю городка, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ сваливаютъ навозъ. Въ скоромъ времени она прожила все, что у нея было, и питалась кое-какъ впроголодь. Ее посѣтили нѣкоторыя старухи, предлагая ей болѣе беззаботную жизнь, но она отвергла ихъ предложенія. Изъ этого жалкаго положенія Газизу выручила нѣкая Сахибъ-абыстай, подруга ея покойной матери. Послѣдняя, отправившись къ Хасану-Агѣ, рассказала ему со словъ Газизы, что виною всего бѣдствія была Фатима, и убѣдила его взять дочь обратно въ домъ. Фатима была изгнана, а Газиза вскорѣ вышла замужъ за Абдуллу, который понялъ, что его возлюбленная была лишь жертвою обмана со стороны Фатимы, и простилъ ей ея ошибку.

Въ повѣсти любопытны жалобы бабушки Шарифы, свахи Абдуллы, на „нынѣшнія времена“. Ей не нравятся современные порядки въ семейной жизни: выйдешь на улицу, всюду ходятъ толпами женщины и дѣвушки; бывало, въ ея молодое время, если увидятъ на базарѣ женщину, то удивлялись, а теперь на базарѣ женщинъ болѣе мужчинъ: въ которую лавку ни заглянешь,—полно бабья: товаръ выбираютъ. Отъ мужчинъ не закрываются, даже волосы показываютъ, мужей не почитаютъ; нѣтъ ни одного мужчины, который былъ бы господиномъ своей жены. Да и мужчины сами напиваются спозаранокъ, цатаются

по улицамъ пьяные и вѣчатъ; въ садахъ бродятъ однѣ женщины, покрывшись халатами, и если встрѣтятся молодыя, покрасивѣе, то подкашливаютъ имъ, а сами озираются кругомъ, думая, не видитъ ли кто-нибудь.

Подобно тому, какъ въ изложенной здѣсь повѣсти несчастіе въ семьѣ вносится женщиной, въ другой повѣсти „Дѣвушка тибетейки“ описывается гибель молодой дѣвушки, обманутой профессиональнымъ ухаживателемъ. Дѣйствіе повѣсти на этотъ разъ происходитъ уже не въ уѣздномъ городѣ, а въ самомъ „пеклѣ волжскаго мусульманства“—въ Казани.

Героиня повѣсти — дѣвица Камярь, осталась пятнадцати лѣтъ сиротою послѣ своего отца, который умеръ, оставивъ безъ средствъ молодую жену, дочь и маленькаго сына. Не имѣя средствъ къ существованію, Карима, такъ звали молодую женщину, принялась выдѣлывать тибетейки, промыселъ, которымъ занимаются не только мусульманки, но и много русскихъ женщинъ въ Казани. Къ этой же работѣ она стала приучать и дочь, а маленькій Абдуль-Ахадъ выносилъ товаръ на рынокъ, гдѣ и сбывалъ или на деньги, или мѣняя на товары.

Карима недолго жила вдовою, отчасти по бѣдности, отчасти по молодости, и скоро собралась выходить замужъ. Абдуль-Ахадъ былъ переселенъ въ училище, и въ домѣ остались лишь мать и дочь. Теперь некому было относить на базаръ сработанныя вещи, и это выпало на долю Камярь. Это-то и было причиною ея паденія. Лавка, куда относились тибетейки ¹⁾, была на Сѣиномъ базарѣ и принадлежала гѣкимъ Салимовымъ, которые торговали обувью (ичетками ²⁾, туфлями), колпаками ³⁾ и тибетейками. Старшимъ приказчикомъ въ лавкѣ былъ гѣкій Вафа, человекъ малоразвитой, еле-еле грамотный, но всезнающій и съ весьма развязными манерами: онъ говорилъ съ аллобомъ о какихъ угодно предметахъ и былъ настоящимъ дипломатомъ въ политикѣ. „Надъ англійской политикой смѣялся, ругалъ американское управление, что же касается австрійцевъ, то, по его мнѣнію, это былъ самый пустой народъ“. Все это не мѣшало ему утверждать, что земля плоска какъ доска и имѣетъ посреднѣйшій пупъ. Помимо

¹⁾ Головной уборъ татаръ-шагометанъ, называемый у нихъ *тибетейкой*, *калла-лумъ* или (у мшарей) *кямачъ*.

²⁾ Особые сапоги, называемые *вичѣтъ* съ туфлями (*каушъ*).

³⁾ *Потай*, *калмакъ*, *калфакъ*, женскій головной уборъ.

всѣхъ этихъ качествъ, абызь ¹⁾ Вафа былъ еще весьма опытнымъ ловеласомъ, и первый приходъ Камярь послужилъ для него поводомъ къ построению нѣкоторыхъ плановъ. Спустя нѣкоторое время, Вафа рѣшилъ покончить свою связь съ Камярь, и съ этого самаго момента начались ея злоключенія. Прежде всего участь Камярь заинтересовала одну старушку Зугра-абыстай, которая кормилась тѣмъ, что продавала между женщинами разныя вещи, занималась ворожбою среди дѣвушекъ и, между прочимъ, также и непозволительнымъ коммисіонерствомъ, хотя четыи въ рукахъ и непрестанныя молитвы заставляли считать ее очень набожной женщиной. Человѣкъ, которому старуха продала Камярь, чтобы утѣшить послѣднюю, помѣстилъ ее на отдѣльную квартиру, но тоже скоро бросилъ ее, когда замѣтилъ, что Камярь даритъ своимъ вниманіемъ и другихъ молодыхъ людей. Очутившись въ безвыходномъ положеніи, наша дѣвица была принуждена обратиться за помощью все къ той же Зугрѣ, которая уже однажды оказала ей важную услугу. При помощи послѣдней Камярь расплатилась съ квартирой, заплатила въ мелочной лавкѣ и была устроена въ веселомъ домѣ. Здѣсь она совсѣмъ переродилась и нравомъ и характеромъ и совершенно свыклась съ своимъ новымъ положеніемъ. Спустя нѣкоторое время мы видимъ Камярь уже въ Оренбургѣ, куда она пріѣхала изъ Казани, чтобы выйти тамъ замужъ. Замужество ея не устроилось, и такъ какъ нѣкоторые совѣтовали ей повременить замужествомъ въ виду того, что это можно будетъ сдѣлать, когда она будетъ постарше, то она опять поступила въ одинъ изъ мѣстныхъ притоновъ. Здѣсь она производила необыкновенный фуроръ: отъ „гостей“ не было отбою, пьянство было безконечное, ея имя было у всѣхъ на устахъ, всѣ говорили о ней, какъ о прекрасной пѣвицѣ, красавицѣ, бойкой и рѣчистой, и нерѣдко стѣны притоновъ были свидѣтелями споровъ и дракъ, возникавшихъ изъ-за Камярь. Однако, это веселое время протекло довольно быстро: Камярь очень скоро износилась, ее „стали сажать съ кѣмъ попало“, и неминуемая болѣзнь скоро выгнала ее изъ веселаго пріюта и загнала въ больницу. Здѣсь она поправилась, хотя ея обезображенное лицо говорило всѣмъ очень краснорѣчиво, что о прежнихъ ея успѣхахъ въ дѣлахъ амура уже не могло быть и рѣчи. Нищая, оборванная, голодная Камярь, по выходѣ изъ больницы, поступила въ одно заведеніе для промывки шерсти. Здѣсь, большею частью все были

1) Абызь—ученый человѣкъ.

„бывшіе люди“; нѣкоторыя изъ женщинъ, которыхъ она встрѣтила здѣсь, были много „опытнѣе“ ея самой, другія готовились вступить на тотъ же скольскій путь, по которому уже прошла Камярь. Все лѣто проводили онѣ на берегу Яика (Урала), „точно свора собакъ во время собачьей свадьбы“, проводя ночи въ лѣсу съ кѣмъ попало, по пословицѣ „лѣсъ—мой домъ, русскій—мой мужъ“. Сначала она познакомилась было съ однимъ молодымъ, но подобное самоограниченіе уже не было въ натурѣ Камярь. Прошло нѣсколько времени, и она заболѣла опять, а вдобавокъ забеременѣла и отъ родовъ умерла.

Въ заключеніе своего разсказа авторъ, Мухаммедъ Гаязъ, указывая на то обстоятельство, что причиною гибели молодыхъ дѣвушекъ являются съ одной стороны ловеласы, подобные Вафѣ, а съ другой—старухи, въ родѣ Зугры-абыстай, и на необходимость мѣръ къ охраненію молодыхъ дѣвушекъ отъ разврата, подчеркиваетъ тотъ фактъ, что среди мусульманъ всего міра продажныя дѣвушки встрѣчаются только у однихъ казанскихъ мусульманъ. Последнее увѣреніе автора, конечно, совершенно ошибочно, такъ какъ мы знаемъ такое же явленіе и въ другихъ странахъ, напримѣръ, у африканскихъ арабовъ, о чемъ пишетъ, между прочимъ, и извѣстный французскій бслетристъ Гюи де-Мопассанъ.

Тема разсказа неизвѣстнаго автора „Что увидитъ Марьямъ?“ взята изъ той же самой области, откуда почерпнулъ сюжетъ для своей повѣсти авторъ предыдущей книжки. Только причины паденія женщины здѣсь нѣсколько другія и заключаются въ разводѣ, который у мусульманъ, какъ это извѣстно, не сопряженъ съ большими затрудненіями и потому встрѣчается какъ общее явленіе. Въ этомъ разсказѣ старый татаринъ, давно уже женатый и имѣющій дѣтей, беретъ себѣ вторую молодую жену. Появленіе чужой женщины въ домѣ вызываетъ сразу недовольство первой жены и ея дѣтей, и мужъ, подстрекаемый своей первой женой и ея родственниками, подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, разводится съ новой женой, проживъ съ нею лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣ развода молодая женщина, ища развлеченія, сводитъ знакомство, при посредствѣ неизмѣнной старушки, съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который и навѣщаетъ ее въ отсутствіе ея отца. Въ результатѣ молодая женщина попадаетъ въ ту же обстановку, что и несчастная Камярь, и умираетъ въ домѣ терпимости отъ руки одного изъ своихъ любовниковъ. Книжка написана съ тою же тенденціей, что и предыдущая, при чемъ мѣстами

вводятся разговоры постороннихъ лицъ, освѣщающіе намѣренія автора. Таково, между прочимъ, разговоръ, который ведутъ двое „интеллигентовъ“, посѣтителей того притона, гдѣ подвизалась красавица Марьямъ. Въ этомъ разговорѣ одинъ изъ собесѣдниковъ указываетъ на тѣ причины, которыя толкаютъ мусульманскихъ дѣвушекъ на путь разврата. Причины эти, по его словамъ, незнаніе сущности ислама, отсутствіе гуманности и пониманія чести. Результатомъ невѣжества являются насилія, которыя допускаетъ богатая молодежь надъ дѣвушками бѣднаго класса и которыя позорятъ народъ и исламъ. Кромѣ того, часто мусульманинъ беретъ по двѣ и по четыре жены, тогда какъ онъ не можетъ жить какъ должно не только съ четырьмя, но даже и съ одною женою; если же эти жены просятъ у мужа развода, опъ имъ его не даетъ. Третья причина та, что родители выдаютъ дочерей замужъ, не освѣдомившись предварительно объ ихъ согласіи, а только спрашиваютъ объ этомъ черезъ служанку; если служанка скажетъ, что „барышня не очень плачетъ“, то ее выдаютъ тутъ же замужъ, хотя бы она женихъ была ей ненавистна съ дѣтства. Женщина идетъ къ муллѣ, но тотъ не обращаетъ на ея просьбы никакого вниманія. Естественно, что несчастная пойдетъ по дорогѣ, указываемой ей бабушкой Мезмумой.

Книжка „Моя старшая сестра или моя молодость“, мѣстами написанная довольно пошлымъ языкомъ, — заключаетъ въ себѣ также рядъ разсужденій на злободневныя татарскія темы. Впрочемъ, главнымъ образомъ ея содержаніе касается тѣхъ же неприглядныхъ сторонъ татарской жизни, о которыхъ мы уже говорили выше. Повидимому, татарская интеллигенція сильно занята тѣми прорѣхами, какія представляетъ здѣсь и тамъ незатѣйливая ткань мусульманской жизни. По внѣшней формѣ это произведеніе представляетъ собою автобіографію одной татарской дѣвушки, дочери муллы, которая разсказываетъ намъ несложную исторію своего семейства, при чемъ указываетъ еще на одну причину, которая весьма часто уничтожаетъ навсегда возможность мирной семейной жизни. Эта причина — безупречная жизнь дѣвушки до замужества, которая впоследствии является для нея источникомъ всевозможныхъ бѣдствій. Судя по словамъ Алимы, того лица, о которомъ ведется разсказъ, зло это встрѣчается среди мусульманъ настолько часто, что нѣкоторые приверженцы крайнихъ воззрѣній считаютъ его всеобщимъ. Въ этомъ же, по ея мнѣнію, лежитъ причина развода, столь частаго среди мусульманъ. Примѣромъ этому можетъ служить старшая сестра Алимы,

которая еще въ дѣвчествѣ была увлечена жившимъ у нихъ работникомъ Валіахмедомъ, съ которымъ она среди бѣлаго дня устраивала свиданія на задахъ, въ лѣтней банѣ, стоявшей на берегу рѣчки. Наряду съ правоучительными воззваніями, обращенными къ татарскимъ дѣвицамъ, честь которыхъ подвергается такимъ жестокимъ нападкамъ, въ книжкѣ проскальзываютъ нѣкоторые бытовые черты, на которыя, какъ бы онѣ ни были ничтожны, все-таки можно сдѣлать указаніе.

Обратимся къ татарской женщинѣ. По мнѣнію мужа Алимы, татарская женщина, какъ бы она ни была богата, слишкомъ тупа и проста въ рѣчахъ и черезчуръ примитивна; она поставлена проще любой киргизки, которая въ бѣломъ покрывалѣ продаетъ кумысъ около кибитки, хотя въ отношеніи нравственности казанскія дѣвицы, по его словамъ, стоятъ неизмѣримо выше. Женщины мусульманскаго богатаго класса не ходятъ ни въ клубы, ни въ театры, ни въ другія подобныя собранія; кажется, будто онѣ все время сидятъ дома и занимаются своими дѣлами,—но какія же это дѣла? Татары-мусульмане не особенно разборчивы въ костюмѣ. Стоимость и фасонъ бѣлья, носимаго ими, не отличается ничѣмъ отъ одежды бѣдняковъ; развѣ только у нихъ бываетъ нѣсколько перемѣнъ нижняго платья и чистаго бѣлья, которое они надѣваютъ по пятницамъ или при возвращеніи изъ поѣздки. Стирка этого бѣлья обходится женамъ богатыхъ недорого, такъ какъ онѣ не отдають его искуснымъ прачкамъ, а наймутъ какую-нибудь вдову, и она стираетъ имъ за чай и за сахаръ. Жены это бѣлье не глядятъ утюгомъ и не катають, когда надо, а вынимають его изъ чайнаго ящика, въ которомъ бѣлье лежитъ набитое, какъ мочала, и прямо надѣвають его на своихъ мужей. Онѣ не знаютъ, какія рубахи мужнины и сколько ихъ лежитъ въ ящикѣ, и иногда случается, что если среди этого бѣлья мужу не найдется вымытой рубахи, то жена оставляетъ его еще на недѣлю или дней на десять въ грязномъ бѣльѣ. Иногда бываетъ и такъ, что когда начнутъ стирку, то у мужа не оказывается въ бѣльѣ ни одной рубашки, потому что онъ вовсе не мѣнялъ бѣлья... Иногда жены богатыхъ сами помогаютъ прачкѣ стирать, а въ это время прачка рассказываетъ имъ разныя новости и разговоры, которые она слышала въ городѣ... Такими же неумѣлими оказываются мусульманки и въ кулинарномъ искусствѣ. Хотя пища мусульманъ нѣсколько различается, смотря по мѣстности, но вообще она состоитъ изъ мяса, масла, проса, бѣлой муки, плодовъ и чая съ медомъ. Хотя въ Казани и другихъ мѣстахъ на свадьбахъ готовится пища изъ рыбы, но тогда готовятъ повара. Вообще у казанскихъ татаръ,

а также у оренбургскихъ и астраханскихъ, пища очень простая, рѣсчитанная лишь на то, чтобы кое-какъ быть сытымъ; но когда они не приглашаютъ особыхъ поварихъ, то и эта простая пища выходитъ у нихъ различно. У иной хозяйки мясо не сварилось, у иной слишкомъ переварилось и обратилось въ „шаклю“; у иной лапша густа, какъ каша, у другой слишкомъ жидка, такъ что на ложку не поймашь. Пельмени тоже бываютъ разные: или тѣсто сырое, или слишкомъ переложено перцу и соли, такъ что ихъ нельзя ѣсть, хотя они и не изъ тухлаго мяса. У иной кушанья варится такъ много, что не успѣваютъ выливать въ помойную яму, а у иной не хватаетъ и для гостей. У богатыхъ женщинъ есть общее свойство: всѣ онѣ, словно по уговору, то-и-дѣло надобдаютъ своимъ мужьямъ просьбами о покупкѣ вещей и платья. Не успѣетъ мужъ отвернуться, какъ онѣ уже созываютъ гостей или же уходятъ сами въ гости, считая это какъ бы религіозной обязанностью. Не разбирая праздниковъ, ни будней, онѣ ходятъ по гостямъ и занимаются сплетнями другъ о другѣ, замѣняя этимъ ѣду. Что касается до женъ мullahъ, то хотя онѣ тоже любятъ ходить по гостямъ, принимать ихъ къ себѣ и сплетничать, но онѣ болѣе ходятъ сами по деревенскимъ бабамъ съ цѣлью получить отъ нихъ *садака* ¹⁾ въ видѣ муки и соли или съ цѣлью получить приглашеніе на обѣдъ; при этомъ онѣ больше всего занимаются тѣмъ, что расхваливаютъ этихъ бабъ, такъ что у нихъ не остается времени для пересудовъ. Какъ бѣдныя, такъ и богатыя татарки думаютъ лишь о томъ, какъ бы кого-нибудь къ себѣ позвать и куда-нибудь сходить. Жена бѣдняка, имѣющаго пятерыхъ или шестерыхъ дѣтей, не заботится о томъ, чтобы вымыть и починить грязное бѣлье на ребятахъ, а отправляется къ *ишану*, потому приноситъ домой три золотника чая на 5 коп., лимонъ въ 4 коп., фунтъ кренделей за 6 коп. Съвѣвъ за этотъ чай, она мелеть всякій вздоръ и такъ проводитъ день. Какъ только взойдетъ солнце, татарка встаетъ и скорѣе хватается за самоваръ. Если же самоваръ скипитъ, но у нея не окажется чая на заварку, то въ этотъ день отъ нея не жди работы. Нѣтъ не одной татарки, которая обдумывала бы заранѣе то, что она говорить: если ужъ что-нибудь пришло ей на умъ, то она скажетъ непременно, хотя бы это было и вредно. Въ то время, какъ русская женщина принимаетъ своего мужа, сумѣвъ сварить ему обѣдъ изъ самыхъ недорогихъ вещей: луку, картофеля, капусты, татарки на-

¹⁾ Собственно милостыня; то, что дается мullahъ, шакирданъ, нищимъ.

доѣдливо привязываются къ мужьямъ съ вопросами: что принесъ? чего купить? купилъ ли бѣлаго хлѣба? купилъ ли того и другого? Если мужъ принесетъ фунта два баранины, то она не положитъ въ кушанье ни лаши, ни салмы, подъ предлогомъ, что нѣтъ муки, или же не доварить, ссылаясь на то, что нѣтъ дровъ, и накормитъ его сырою похлебкою. Русская выкармливаетъ телятъ, продаетъ масло и яйца и покупаетъ собѣ рубашки и передники, а татарка колетъ послѣднюю курицу и тратитъ послѣднюю копѣйку ¹⁾.

Порчѣ нравовъ, по мнѣнію автора, способствуютъ также нѣкоторые народные обычаи, существующіе у татаръ. Къ подобнымъ обычаямъ относятся такъ называемыя „посидѣнкі“ и джінны. „Наши братья татары, говоритъ мужъ Алимы, приходятъ въ ужасъ, когда имъ скажутъ, что женщины не должны скрываться отъ мужчинъ, и если придетъ въ домъ гость, то они требуютъ, чтобы женщины не выходили изъ другой комнаты или изъ-за занавѣски. Когда женщины выходятъ на улицу, то считается нужнымъ, чтобы онѣ накрывали голову халатомъ, жилиномъ или др. платьемъ. Но у тѣхъ же самыхъ людей, которые это говорятъ, есть обыкновеніе провожать дочерей на посидѣнкі (въ гости). Нетрудно понять, что отправить дѣвушку на посидѣнкі это значитъ отправить ее играть съ молодыми людьми. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сдѣлалось обыкновеніемъ оставлять дѣвушку, прѣхавшую въ гости, вмѣстѣ съ своею дочерью и сосѣдними дѣвушками въ отдѣльномъ домѣ, куда къ нимъ могутъ приходять молодые люди. Присутствіе взрослыхъ людей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по вечерамъ собираются дѣвушки и приготавливаютъ себѣ угощеніе, считается для молодежи помѣхой. Такимъ образомъ дается позволеніе на то, чтобы дѣвушки собирались однѣ въ домѣ и чтобы къ нимъ приходили молодые люди.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываетъ джіннъ, его устраиваютъ на удобныхъ мѣстахъ, каковы поляны между деревьями и кустами, равнины у подножія холмовъ и пр., при чемъ дѣвушки и молодые парни во время игръ скрываются парами по лѣсамъ, горамъ и берегамъ рѣкъ. Тѣ изъ нашихъ благочестивыхъ братьевъ, которые требуютъ, чтобы женщины прятались отъ мужчинъ, не скидали съ себя халатовъ и не

¹⁾ О нравственныхъ качествахъ русской женщины изъ простонародья авторъ невысокаго мнѣнія. „Женщины-простолюдинки (у русскихъ) весьма безстыдны и рабоязны (!); въ отношеніи нравственности онѣ мало чѣмъ отличаются отъ скота: у нихъ одно только и есть, что умѣнье завлекать рѣчами“ (67 стр.).

занимались торговлею, такъ какъ это запрещено шаріатомъ, тѣмъ не менѣе сами соблюдаютъ подобныя языческіе обычаи. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Казанской губерніи есть такое обыкновеніе, что дѣвушки при встрѣчѣ съ мужчинами подкашливаютъ имъ, улыбаются, смѣются и, закрывъ ту сторону, гдѣ нѣтъ никого, краемъ платка, оставляютъ ту сторону, гдѣ есть люди, открытою. Дѣло въ томъ, что эти обычаи хуже неубѣганія отъ мужчинъ. Хотя наши и говорятъ, что женщины нужно быть скромной и что показываться открыто мужчинамъ противно шаріату, однако тѣмъ изъ дѣвушекъ, которымъ не случится бывать на джипсахъ, все-таки удается видѣться и объясняться знаками съ разными личностями, напримѣръ, кучерами и сосѣдями. Разумѣется, подобно тому, какъ во время жажды пьютъ воду, оставшуюся въ комяхъ дороги, такъ и тутъ, разъ не удастся повидаться съ тѣми, съ кѣмъ хотѣлось бы, то, видно, ладно и то, что попалось подъ руку“.

Изъ сочиненій послѣдняго времени заслуживаетъ вниманія книжка Мухаммедъ-Гаяза Исхакова „Черезъ двѣсти лѣтъ — исчезновеніе“, вышедшая въ Казани въ 1904 г. Въ началѣ книги авторъ говоритъ слѣдующее: „Цѣль настоящаго сочиненія указать на то недовольство, которое возбуждаетъ во мнѣ настоящее состояніе нашей національности, и показать, что результатомъ подобнаго положенія вещей должно явиться ея совершенное исчезновеніе. Нѣкоторые люди очень довольны настоящимъ положеніемъ и ожидаютъ отъ него многого, что же касается меня, то я не вижу основаній для подобныхъ надеждъ и думаю, что все то, что въ настоящее время говорится и дѣлается среди нашего народа, не что иное, какъ только временная „лихорадка“. Такъ какъ у всѣхъ, кто говоритъ и дѣлаетъ, вся важность заключается лишь въ словахъ, то я на всѣ ихъ слова и на всѣ ихъ дѣйствія смотрю лишь какъ на кукольную комедію, изъ которой не выйдетъ ничего серьезнаго“. Эти слова татарскаго автора относятся къ различнаго рода культурнымъ начинаніямъ, которыя находятъ себѣ мѣсто среди современныхъ татаръ. Такъ какъ всѣ эти начинанія, по словамъ автора, не водутъ ни къ какимъ полезнымъ результатамъ, то онъ предсказываетъ татарской народности, черезъ 200 лѣтъ, неминуемое исчезновеніе, если только жизнь ея не проложитъ себѣ новаго русла.

Условія существованія, говоритъ онъ, сильно измѣнились, и для того, чтобы существовать при этихъ измѣнившихся условіяхъ, надо обладать тѣми знаніями, какими обладаютъ сосѣди. Не надо гордо

выставлятъ себя всезнающими; надо учиться, такъ какъ наши знанія въ сравненіи съ знаніями другого народа представляются весьма ничтожными. Поэтому слѣдуетъ учиться въ профессиональныхъ школахъ, открывать ихъ самимъ или же учиться въ правительственныхъ училищахъ, только бы учиться и пріобрѣтать знанія, полезныя для будущаго. Будемъ поступать, говорить онъ, въ коммерческія школы, станемъ вести хорошую торговлю, а не ограничиваться одними только шапками да тюбетейками; будемъ экономны, наполнимъ всѣ факультеты университетовъ, будемъ докторами, юристами, историками, математиками; будемъ учиться архитектурѣ и изящнымъ искусствамъ. Однимъ словомъ, будемъ учиться всему и стараться узнать все. Давайте учиться и работать, и тогда у насъ будутъ деньги. Тогда у насъ найдутся средства на все, и мы не будемъ просить милостыню, какъ теперь. Если мы не останемся такими же, то наше призракное благосостояніе скоро рухнетъ, а вмѣстѣ съ нимъ пропадетъ все: и правдивость, и вѣра, и самый народъ. Первыми врагами прогресса татарской массы является, по мнѣнію Исхакова, какъ и вездѣ, духовное сословіе, которое забрало въ свои руки рѣшительно все и къ которому простой народъ обращается во всѣхъ своихъ дѣлахъ, „начиная съ покупки штановъ и кончая женитьбой сыновей, выдачей дочерей и починкой старыхъ самоваровъ“. Слѣдовательно, необходимо освободить народъ отъ этого духовнаго рабства и указать мулламъ ихъ настоящее мѣсто. Пусть они хоронятъ покойниковъ и нарекаютъ имена новорожденнымъ, но не идутъ дальше своихъ прямыхъ обязанностей. Вторымъ препятствіемъ для прогресса служитъ недостатокъ школъ или же преподаваніе въ нихъ различной бесполезной „чепухи“. Виновниками послѣдняго являются тѣ же невѣжественные муллы, которымъ народъ вѣряетъ это святое дѣло. Третьимъ препятствіемъ, и при томъ самымъ ощутительнымъ, надо считать то обстоятельство, что всѣ тѣ люди, которые могли бы быть полезны для нашей національности, происходятъ изъ бѣднаго класса и принуждены, въ цѣляхъ добыванія пропитанія, держать себя въ рабской подчиненности у самыхъ низкихъ людей. У насъ нѣтъ ни одного писателя, который поступалъ бы совершенно самостоятельно, всѣ они служатъ игрушками для людей, не годящихся имъ и въ подметки, но имѣющихъ возможность заставить ихъ умереть съ голода. Четвертое препятствіе заключается въ томъ, что мы не учимся въ русскихъ школахъ, не зная до сихъ поръ, что не имѣемъ своихъ, и что мы совершенные невѣжды, не идущіе дальше правилъ омовенія. Это по-

слѣднее обстоятельство служило и долго будетъ служить намъ во вредъ, потому что даже тѣ изъ насъ, кого мы считаемъ наиболѣе развитыми, до сихъ поръ бѣгутъ отъ правительственныхъ школъ. Пятое препятствіе состоитъ въ томъ, что во всѣхъ нашихъ дѣлахъ нѣтъ никакой устойчивости и все у насъ непрочно: нынче есть, а на будущій годъ уже нѣтъ. Народъ уже не имѣетъ привычки къ упорному, продолжительному труду и не хочетъ понять простой истины, что нельзя сегодня посадить яблоню, а завтра уже идти съ лукошкомъ за яблоками.

Послѣ подобнаго введенія авторъ останавливается на болѣе или менѣе кратковременныхъ явленіяхъ изъ жизни татарскаго общества, ознаменовавшихъ собою различныя эпохи его жизни за послѣднее столѣтіе. Сначала онъ рисуетъ намъ свадебныя обычаи прежнихъ богачей съ ихъ бессмысленною расточительностью, потомъ переходитъ къ болѣе позднимъ временамъ, когда среди казанскихъ татаръ возникли разногласія по поводу послѣдней вечерней молитвы (ясты намазы). Обязательна ли эта молитва? Наступаетъ ли для нея необходимое время или нѣтъ?— всѣ татарскіе ученые были заняты подобными вопросами, и не проходило ни одного собранія, гдѣ бы по ихъ поводу не велись шумныя дебаты, сопровождаемыя логическими и историческими аргументами ¹⁾ опьяненныхъ опиумомъ муллъ ²⁾. „Если тотъ или другой мулла сегодня былъ на этой сторонѣ, то завтра онъ переходилъ на другую сторону. Въ тотъ день, когда онъ нажуется нюхательнаго табаку, онъ выступалъ противъ чтенія послѣдней молитвы, въ тотъ же день, когда наѣтся опиума, былъ за молитву и даже называлъ гяурами тѣхъ, кто отрицалъ ея необходимость. Купцамъ это времяпрепровожденіе нравилось, такъ какъ служило для нихъ развлеченіемъ, а также и не было убыточно“.

Приблизительно въ это время стали строить мечети и открывать школы, но такъ какъ никто не понималъ значенія и цѣли учебныхъ заведеній, то большая часть жизни учащихся тратилась на изученіе ненужныхъ вещей.

Экономическое состояніе народа было по тому времени удовле-

¹⁾ Историческій аргументъ (далиль-и-накли) основанъ на Коранѣ и преданіи (хадисы).

²⁾ Многіе изъ муллъ и шакирдовъ въ Казани и другихъ мѣстахъ глотаютъ опиумъ. Этотъ обычай вывезенъ изъ „Священной Бухары“. Кромѣ опиума, въ медресахъ выходитъ очень много нюхательнаго табаку *уакъ*, который татары кладутъ въ ротъ.

творительно, такъ какъ, несмотря на проповѣди муллы, которые говорили, что человѣка питаетъ Богъ, что нужно подавать милостыню и что надежда на собственноручный заработокъ дѣлаетъ человѣка глупомъ, народъ все-таки не потерялъ привычки къ торговымъ дѣламъ, унаслѣдованной отъ предковъ. Поэтому татарскіе торговцы отирывались въ различныя части Азіи и производили тамъ большую торговлю. Однако, ихъ торговые успѣхи происходили не отъ ихъ умѣнія и пониманія дѣла, а отъ того, что тогда некому было торговать съ азіатскими народами, такъ какъ наши соотечественники русскіе изнывали подъ игомъ рабства и подобными дѣлами могли заниматься лишь немногіе. Промышленность по тому времени тоже была удовлетворительной. Татарами было открыто много фабрикъ и заводовъ, которые не уступали русскимъ. То же самое можно сказать о земледѣліи и скотоводствѣ. Однако, съ теченіемъ времени все измѣнилось: русскіе открыли новыя школы, въ русскомъ народѣ пошли новыя вѣянія, среди русскихъ появились новые люди съ новыми знаніями, которые, благодаря своему умѣнью, принесли большой вредъ татарской промышленности и торговлѣ. Между тѣмъ татары оставались все съ тѣми же школами и съ тѣми же міровоззрѣніемъ. Когда муллы замѣтили, что нѣкоторые изъ насъ, по примѣру русскихъ, стали изучать необходимыя науки или учиться въ правительственныхъ школахъ, то стали кричать, что настали послѣднія времена, и такимъ образомъ внушили народу, что ученію въ правительственныхъ школахъ влечетъ къ потерѣ вѣры. Начались нескончаемые споры о томъ, грѣшно или нѣтъ учиться русскому языку, стали распространяться ложные слухи о томъ, что изученіе русскаго языка будетъ обязательно для всѣхъ, что медреса и мечети будутъ закрыты и дѣтей будутъ брать силою и учить по-русски и т. п. Въ городахъ народъ сталъ собираться въ мечети, въ деревняхъ собирать сходы. „Давайте подадимъ прошеніе! подадимъ самому царю! Вѣшай, рѣжь, мы не оставимъ своей вѣры! Приговоръ! Депутатовъ! Въ Петербургъ!“ Администрація была этимъ весьма удивлена и послала особое лицо разъяснить народу, что подобныхъ намѣреній у правительства нѣтъ. Однако, волненіе не прекращалось, и оиять пошли разные слухи. Въ такой-то деревнѣ требовали приговора для постройки церкви, въ такой-то деревнѣ построено русское училище! Опять слезы, опять вздохи, опять горе! Выселяться, выселяться! Развѣ можно здѣсь жить?! Вѣшай, рѣжь, мы не оставимъ своей вѣры! Народъ сталъ продавать имущество и готовиться къ переселенію въ Турцію, не слушая ни-

какихъ увѣщаній, и это пероселенію, какъ извѣстно, повело для эмигрантовъ къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ... Долго не могла забыться эта эмиграціонная эпопея, потому мало-по-малу все пошло попрежнему. Новаго ничего не было. Хотя въ казанскихъ типографіяхъ и можно было печатать книги на всевозможныхъ языкахъ, однако, кромѣ книгъ религіознаго содержанія, сочиненій въ родѣ Сайфъ-уль-Моликъ, Юсуфъ-Китабы и другихъ совершенно бесполезныхъ изданій, ничего другого не выходило. Не было ни научныхъ сочиненій, ни повѣстей, ни національныхъ драматическихъ произведеній. Народъ говорилъ: „Слава Богу, все спокойно“, и, не поворачиваясь, спалъ на одномъ боку. Вотъ пошли опять новые слухи, стали говорить о методѣ. Одни называли его усуль-и-жидидъ, другіе—усуль-и-язидъ¹⁾. Говорили, что по старымъ книгамъ учить не будутъ, что выдумываютъ новыя книги, что въ одной книгѣ выпустили букву *Лямъ-Алифъ*, что все это влечетъ къ обрусѣнію. Между муллами опять пошли споры. „Можно ли такъ учить?“ „Конечно, нѣтъ!“ „Если учить такъ, то всѣ будутъ грамотны, всѣ будутъ умѣть читать; если всѣ книги будутъ на турецкомъ языкѣ, то каждый читающій сумѣетъ узнать ему нужное и не справляясь у муллы!“—„Тогда что же останется мулламъ?“—„Послѣднія времена, послѣднія времена!“—Спустя нѣкоторое время въ городахъ стали открываться новометодныя школы. Разговоры между муллами усилились. Даже простой народъ вмѣсто того, чтобы спрашивать другъ друга, что стбить пудъ ржи, или дороги ли шкуры, спрашивалъ при встрѣчѣ: „ну, что подѣлываетъ новый методъ? Такой-то хазратъ (мулла), говорятъ, ихъ очень ругалъ“ и пр. Стали выходить сочиненія, опровергающія одно другое; авторы этихъ сочиненій писали свои произведенія, не зная въ сущности ни вѣры, ни новаго метода. Какъ бы то ни было, новый методъ завоевывалъ все большую и большую популярность, такъ что одно время можно было думать, что этотъ способъ преподаванія распространится среди татаръ, и наша національность угодится въ отношеніи образованія прочимъ національностямъ. Однако, къ нашему несчастію, между послѣдователями этого метода возникли несогласія; личныя цѣли брали перевѣсъ надъ общественными стремленіями. Появилось нѣсколько новыхъ направленій. Каждый сталъ издавать учебники, какъ умѣлъ, или скорѣе—какъ не умѣлъ. Въ Казани, Оренбургѣ, Троицкѣ, Уфѣ, Чистополѣ, Семипалатинскѣ и даже Астрахани откры-

¹⁾ Язидъ—неправильно; такъ произносили это слово безграмотные.

лись новометодныя школы. Онѣ стали открываться даже въ деревняхъ. Хотя преподаваніе было не одинаково и не всегда правильно, однако въ сравненіи съ прежнимъ допотопнымъ методомъ это былъ уже несомнѣнный прогрессъ. Въ народѣ стали говорить объ ученіи, а среди понимающихъ людей слышались разговоры о необходимости учительской семинаріи и о негодности старыхъ медресѣ. Въ каждомъ номерѣ газеты „Переводчикъ“ появлялись статьи о народномъ образованіи. Богачи выѣзжали и въ это дѣло и сдѣлали изъ него для себя игрушку. Одни говорили, что самая нужная вещь для народа изученіе тонкостей произношенія словъ Корана (тажвидъ), другіе изъ нихъ утверждали, что самое необходимое это то, чтобы преподаватели и учителя внушали народу уваженіе къ большимъ людямъ (богачамъ)...

Съ теченіемъ времени начались измѣненія и въ медресѣ: помѣщенія для шакирдовъ стали расширять; хотя чистота въ медресѣ и была новшествомъ, но новшество это стали считать полезнымъ. Хотя въ существованіи воздуха и возможности его порчи и не были вполне увѣрены, однако уже не отрицали, что когда въ домѣ мало народа, то дышать бываетъ легче. Въ нѣкоторыхъ медресѣ были введены реформы и въ самый порядокъ преподаванія, хотя все это было очень несовершенно. Называть эти школы именемъ медресѣ было бы клеветою. Назвать ихъ мектебами—тоже. Не знаю, какъ будетъ, если мы назовемъ ихъ богадѣльнями? По моему, это послѣднее названіе будетъ вѣрнѣе, такъ какъ нашъ народъ смотритъ на людей, здѣсь обучающихся, какъ на презрѣнныя, жалкія и несчастныя существа. Какъ бы то ни было, хотя мы не сдѣлали ничего для прогресса нашей національности, однако среди шакирдовъ стали зарождаться новыя мысли, стали понимать, что изученіе русскаго языка нужно не только для того, чтобы разговаривать на пароходахъ съ русскими бабами при возвращеніи домой. Чтеніе газетъ, новыхъ книгъ, историческихъ сочиненій и романовъ на турецкомъ языкѣ сдѣлалось общимъ обыкновеніемъ среди болѣе или менѣе развитыхъ людей. Подобные шакирды поняли, что и они тоже люди и что у нихъ есть право распоряжаться собою по собственному усмотрѣнію. Однако, боязнь получить „проклятіе“ (бядъ-ду’а) привязывала ихъ какъ желѣзная цѣпь къ вонючимъ угламъ медресѣ. Мало-по-малу изученіе русскаго языка стало распространяться среди шакирдовъ. Для этой цѣли нѣкоторые изъ нихъ отправлялись на лѣто въ русскія деревни, другіе—въ города. Каждый шакирдъ сталъ счи-

татъ для себя счастьемъ изучить русскій языкъ настолько, чтобы понимать газеты.

Въ эти годы случилось опять новое несчастье,—это была всеобщая перепись. Однако на этотъ разъ все обошлось сравнительно благополучно; можетъ быть по той причинѣ, что среди народа уже было порядочное количество благоразумныхъ людей. Появилась новая литература, среди народа сдѣлалось модою читать „Переводчикъ“, турецкія и русскія газеты. Новыя произведенія въ новомъ духѣ производили вліяніе на народъ. Научныя брошюры, правоучительныя повѣсти изъ народнаго быта, книги, написанныя съ цѣлью пробудить народную массу, стали завоевывать себѣ симпатіи общества. Зародились новыя надежды, въ разныхъ частяхъ Россіи стали открываться благотворительныя общества. Хотя дѣло призрѣнія бѣдныхъ существуетъ съ самыхъ первыхъ временъ ислама, однако у насъ оно стало знакомымъ лишь въ XIX столѣтіи. Такимъ образомъ наше просвѣщеніе въ общемъ подвигалось впередъ, за то торговля значительно пала; лопнуло много торговыхъ предпріятій. Прежній торговый духъ не угасъ, но торговля приняла мелочной характеръ. Хотя торговля краснымъ товаромъ, мелочнымъ и галантерейнымъ и не прекратилась, однако большинство торговцевъ не шло дальше апельсинавъ, лимоновъ, яблоковъ, арбузовъ и старья. Банкротство сдѣлалось общимъ обыкновеніемъ, нравственность пала. Казанцы дошли въ этомъ отношеніи до совершеннаго скотства. Днемъ они вели кое-какую мелкую торговлю, а вечера проводили въ трактирахъ и публичныхъ домахъ. Всюду можно было встрѣтить дѣвлицъ и женщинъ-мусульманокъ съ непокрытыми головами; причиною этого было непомятое усиленіе пьянства. Такъ какъ мужья пропивали весь свой заработокъ въ разнаго рода притонахъ, то женамъ не оставалось ничего лучшаго, какъ самимъ пуститься въ развратъ для того, чтобы быть въ состояніи прокормить себя. Распространилось еще одно обыкновеніе: богатые люди прельщали бѣдняковъ деньгами, и за деньги позорили ихъ дочерей. Всѣ были увѣрены, что пятикратная молитва можетъ искупить любое злодѣяніе, и всякое злодѣяніе считалось меньшимъ грѣхомъ, нежели знаніе русскаго языка. Разумѣется, были люди, учившіеся въ русскіихъ школахъ и получившіе извѣстное образованіе, но эти люди были въ общемъ мало полезны для татарскаго общества, такъ какъ или смотрѣли на татаръ съ презрѣніемъ или же не принимали никакихъ мѣръ къ излѣченію народныхъ недуговъ. Что касается муллъ, то въ этомъ

столѣтій отъ нихъ не было ничего полезнаго: новые толки, новое ишанство, новые ложные взгляды на міръ, новые сверхъ-дьявольскія хитрости для обманыванія толпы ¹⁾... Въ это столѣтіе принесли много пользы люди, изучившіе мусульманскія науки и учившіеся по-русски. Новыя школы и новыя книги, появившіяся въ концѣ XIX вѣка, являются плодомъ ихъ энергической работы. Спасибо этимъ людямъ за то, что они разъяснили намъ, что есть на свѣтѣ болгарскій народъ ²⁾, и указали намъ на наши недостатки. Не дорожа своимъ спокойствіемъ и даже жертвуя собою, они стали изыскивать средства для того, чтобы призвать къ жизни нашъ народъ. Они перенесли всевозможныя оскорбленія со стороны безсовѣстныхъ людей среди нашего народа и, вынося всё клеветы, продолжали работать на пользу нашей націи, не требуя ни отдыха, ни награды, ни благодарности. Со слезами на глазахъ указывали они и старому и малому на грядущее исчезновеніе народности... но какая была отъ того польза, кто слушалъ ихъ?..

Такимъ образомъ прошло и это столѣтіе, и наступилъ XX вѣкъ. Люди мыслящіе молились о томъ, чтобы этотъ вѣкъ сдѣлался для насъ вѣкомъ прогресса и просвѣщенія, и, въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ началѣ этого столѣтія стали обнаруживаться признаки прогресса. Распространеніе изящной литературы, начавшееся въ XIX вѣкѣ, мало-по-малу пошло впередъ. Національныя повѣсти умножались со дня на день; среди мыслящихъ заговорили о необходимости національнаго театра, а въ средѣ купцовъ стали говорить о томъ, что необходимо готовить людей, полезныхъ для націи. Косые взгляды, бросавшіеся раньше на людей, учившихся въ русскихъ школахъ, потеряли прежнее значеніе, народъ уже не смотрѣлъ съ прежнимъ благоговѣніемъ на ложныя мысли „бухарцевъ“ и на разсужденія опьяненныхъ опиу-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ изъ сочиненій позднѣйшаго времени мы встрѣчаемся съ рѣзкой критикой духовнаго сословія, обвиняемаго въ невѣжествѣ, враждебномъ отношеніи къ всякаго рода пововсденіямъ и эксплуатированіи темнаго люда. Сюда можно отнести повѣсть Т. С. Соловьева „Мужикъ и мулла, или ловушка, поставленная старымъ хазратомъ (муллою)“, гдѣ выводится мулла, лишившійся жѣста благодаря своимъ неблаговиднымъ проѣлкамъ; разсказъ „Оффиціантъ“, въ которомъ описываются противозаконныя поборы, допускаемые муллами; книжку „Счастья дѣвца, повѣсть изъ жизни башкиръ, топтырей и муллъ П. узда, Уфимской губ.“, гдѣ мы встрѣчаемъ муллу, вступившаго въ противозаконный бракъ, и др. Что касается жалобъ на поборы, то, имѣя въ виду вообще незавидное матеріальное положеніе мусульманскаго духовенства, ихъ не всегда можно считать основательными.

²⁾ Авторъ вслѣдъ называетъ татаръ болгарами. имѣя въ виду извѣстную теорію, теперь уже отвергнутую. См. мою книжку „Болгары и чуваши. Казань, 1902 г.“.

момъ головъ. Слава Богу, что муллы, глотатели опиума, стали все болѣе и болѣе сходить со сцены. Въ „Переводчикѣ“ ежедневно появлялись серьезныя статьи. Въ русскихъ газетахъ тоже замѣчались статьи, написанныя мусульманами, которыя служили дѣлу единенія русскихъ и мусульманъ. Число учащихся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ увеличилось, появились даже школы для дѣвочекъ. Въ различныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ мыслящими людьми, говорилось о томъ, что воспитаніе „матерей“—самое важное для прогресса каждой націи. Снова подвергся основательному обсужденію вопросъ о томъ, „не будутъ ли дѣвицы, выучившіяся письму, писать любовныхъ писемъ къ молодымъ людямъ?“ Стали говорить о томъ, что и женщина—человѣкъ, а не животное, что и у нея есть право на жизнь. Муллы, разумѣется, были жестокими противниками подобнаго взгляда на вещи, но на нихъ уже не обращалось того вниманія, какъ прежде. Женская грамотность росла со дня на день. Каждому стало ясно, что женщины составляютъ половину каждой націи, что онѣ хранительницы ея духа, охранители чистоты произношенія и особенностей языка, что онѣ воспитательницы будущихъ поколѣній.... Какъ бы то ни было, и у насъ стало замѣтно, что XX столѣтіе—двадцатое столѣтіе. Европейскіе народы изобрѣли себѣ телефоны и беспроволочные телеграфы, а у насъ появилось открытіе еще почище. Вы спросите: какое? Я вамъ скажу—ишанство. Это, я вамъ скажу, такая вещь, что куда тебѣ открытія всего міра! Если оно (ишанство) есть у человѣка, то оно дастъ ему и богатство, и знатность, и красивыхъ женщинъ и чего только пожелаешь. Европейскію ученые называютъ насъ, восточныхъ людей, хитрецами, но и этому до сихъ поръ не вѣрили; теперь же я повѣрилъ. И дѣйствительно, по телеграфу можно только разговаривать съ людьми, а обладая ишанствомъ, можно забрать себѣ въ руки весь народъ...

Появленіе новѣстей, романовъ и драматическихъ произведеній было непріятно нѣкоторымъ личностямъ, которыя видѣли въ нихъ изображеніе своихъ собственныхъ пороковъ, и онѣ начали толковать о томъ, какъ бы все это прекратить. „Надо пожаловаться городскому головѣ“—говорили онѣ (нашъ народъ считаетъ городскую думу за высшее учрежденіе, а городского голову за высшее административное лицо). Писатели между тѣмъ все писали да писали, а наши *абзый* ¹⁾ такъ и не могли повидать городского голову.

---

¹⁾ Абзый—почетное названіе, въ родѣ *monsieur*. Такъ зовутъ, кромѣ того, нѣкоторыхъ родственниковъ.

Въ отношеніи нравственности среди казанцевъ стало еще хуже. Причиною этому были тѣ же муллы и ишаны, которые внушали народу мысль, что всѣ грѣхи будутъ прощены, если читать намазъ и посѣщать ишановъ. Сто лѣтъ тому назадъ у татаръ не пили и мужчины, а теоръ стали пить и женщины. Среди сельскаго населенія тоже были замѣтны признаки разложенія. Изъ-за недостатка земли и незнанія рациональнаго земледѣлія мужики стали покидать деревню и расходиться по городамъ на разнаго рода черную работу. Ихъ жены и дочери тоже стали уходить въ Казань и др. города, поступать тамъ въ услуженіе, а потомъ по большей части становились распутницами... Въ половинѣ XX столѣтія банкротство среди мусульманъ стало столь популярнымъ, что большая часть мусульманскихъ домовъ была переведена на имя женщинъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовали надписи на домахъ и воротахъ, такъ что одинъ иностранный ориенталистъ, посѣтившій Казань, написалъ въ своемъ отчетѣ о путешествіи: „Взгляды здѣшнихъ мусульманъ на женщину совсѣмъ иные, нежели у прочихъ народовъ востока. Во всѣхъ дѣлахъ у нихъ играютъ роль женщины, такъ что въ Казани, въ мусульманской части города, въ нѣсколькихъ кварталахъ всѣ дома принадлежатъ женщинамъ, которыя, построивъ ихъ независимо отъ своихъ мужей, сами ведутъ отъ себя торговья дѣла“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ рассказываетъ о томъ, какъ исчезла татарская народность, несмотря на различныя культурныя мѣропріятія. Татары шли впередъ, у нихъ появились литературныя вечера и театры, стали послѣ долгихъ хлопотъ выходить газеты („Кабанъ“), явились татарскіе писатели, художники и музыканты, приобрѣтшіе европейскую извѣстность, однако все это не могло спасти народъ отъ уничтоженія. Повѣжественные муллы мѣшали проникнуть всѣмъ этимъ культурнымъ приобретеніямъ въ глубь народныхъ массъ, и они оставались удѣломъ лишь сравнительно небольшого круга людей. Сельское населеніе все продолжало бѣднѣть. Оно покидало свои деревни и уходило въ города, частью ища болѣе легкой жизни, частью принужденное къ тому недостаткомъ земли. Живя на фабрикахъ и заводахъ, въ непривычной обстановкѣ, въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ, оно дѣлалось безнравственнымъ, заражалось болѣзнями и умирало отъ чахотки. По всеобщей переписи, бывшей въ концѣ XXI столѣтія (въ 2097 г.), знаменитый татарскій писатель Джафаръ насчиталъ только 3.800 душъ татаръ во всей Россіи. Татарскія коммерческія предпріятія переходили въ руки русскихъ, медресэ и мектебы закрывались,

обращаясь въ пріюты и ночлежные дома, мечети и кладбища переходили въ завѣдываніе археологическихъ обществъ. Такъ, мечеть на Сѣнномъ базарѣ въ Казани была обращена въ „Болгарскій музей“, Галеевское медресѣ—въ „Убѣжище для неизлѣчимо больныхъ“. Причины подобнаго упадка указываются намъ тѣмъ же „последнимъ болгаринѣмъ“, извѣстнымъ татарскимъ писателемъ Джафаромъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ одномъ ученѣмъ русскомъ обществѣ. По словамъ этого писателя, татары (у него—болгары) были скромнымъ, выносливымъ, бойкимъ, способнымъ, весьма склоннымъ ко всему доброму, хотя нѣсколько фанатичнымъ народомъ, гостепріимнымъ, готовымъ отдать душу за спокойствіе, но не любящимъ долго обдумывать свои предпріятія, склоннымъ къ философствованію и бездѣлю. Будучи неустойчивыми въ своихъ дѣлахъ, они любили поговорить и шумѣть, но во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ не было серьезности и основательности. „О завтрашнемъ днѣ горюетъ только осель“,—вотъ ихъ пословица, указывающая ясно, насколько они заботились о будущемъ. До своего смѣшенія съ „татарами“¹⁾ они не были такими и заимствовали свою безпечность отъ послѣднихъ. Этому приобрѣтенію отрицательныхъ чертъ характера способствовало еще невѣжественное духовное сословіе, а также торговля сношенія съ полудикими киргизами и сартами, въ сравненіи съ которыми „болгары“ стояли выше по своему развитію и, не нуждаясь поэтому въ особыхъ знаніяхъ, привыкли считать себя за первый народъ въ мірѣ. У „болгаръ“ былъ еще одинъ недостатокъ, это чрезмерное увлеченіе пустымъ словопріемѣмъ. Изучая тѣ или другія науки, они не старались постигнуть ихъ сущность, а проводили всю жизнь въ спорахъ изъ-за словъ. „Сосѣди“ также служили большимъ препятствіемъ для „болгарскаго“ прогресса. „Нѣкоторые священники, не понимающіе хода вещей, старались сдѣлать „болгаръ“ христіанами; это послѣднее заставило „болгаръ“ смотрѣть на каждаго русскаго человѣка какъ на обманщика, и потому „болгары“ не могли перенять культуры у русскіихъ. Поэтому половину всѣхъ причинъ, приведшихъ татарскій народъ къ исчезновенію, надо искать „въ русскіихъ полахъ“. Кромѣ того, „болгары“ собственно не были знакомы съ истиннымъ исламомъ, который нѣкоторыми считается вѣромъ прогресса: они знали только его внѣшнюю шелуху и не понимали его сущности...

Разсказъ оканчивается смертью Джафара, „последняго болгарина“,

¹⁾ По мнѣнію автора казанцы—болгары и только лишь приняли въ себя позднѣйшихъ пришельцевъ—татаръ.

раздавленнаго паденіемъ минарета въ с. Болгарахъ. „Общество исторіи похоронило его, а его книги и вещи помѣстило въ свой музей. Цѣлое столѣтіе не забывались рассказы о „болгарахъ“, объ ихъ литературѣ и музыкѣ было слышно нѣсколько столѣтій, сами же они тихо, тихо спали въ своихъ могълахъ, подобно тому муміѣ XIX столѣтія, который легъ отдохнуть, возвратившись домой послѣ пятнадцати сытныхъ обѣдовъ, съѣденныхъ въ одинъ день въ разныхъ мѣстахъ“.

И. Ашмаринъ.

ЗНАЧЕНІЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ВЪ РАСПРОСТРАНЕНІИ ДО- СТУПНАГО ПРОМЫШЛЕННАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Весьма часто приходится слышать упреки въ томъ, что начальная школа нагружается балластомъ, которымъ считаютъ и педагогическій ручной трудъ, въ томъ видѣ какъ онъ проникъ къ намъ съ Запада, и утилитарный ручной трудъ въ видѣ ремесла, вводимаго въ школу и, наконецъ, занятія по сельскому хозяйству, если таковымъ отводится мѣсто въ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи.

Еще того больше приходится слышать объ опасеніяхъ, чтобы начальная школа, за рядомъ этихъ практическихъ занятій, не упустила свою главную и исключительную задачу: являться рассадникомъ грамотности и давать ту степень общаго образованія, которую только можно достигнуть при удачномъ выполненіи сравнительно скудной программы нашей сельской школы.

И дѣйствительно, усвоеніе прочной грамотности, особенно при краткости учебнаго времени, отводимаго въ начальной школѣ, требуетъ особаго напряженія силъ учащихся и учащихся. Гдѣ тутъ думать, при одномъ учителѣ (какъ это имѣетъ мѣсто въ, такъ называемыхъ, одноклассныхъ училищахъ съ трехгодичнымъ курсомъ) и ограниченности школьнаго бюджета, о какомъ бы то ни было расширеніи программы, хотя бы въ дѣляхъ упроченія общей грамотности. А между тѣмъ это является большимъ вопросомъ въ нашемъ начальномъ образованіи.

Расширеніе элементарнаго образованія можетъ быть двойное: одно — направленное къ расширенію или, какъ сказано выше, къ упорядоченію общеобразовательнаго курса нашихъ сельскихъ школъ, насколько только это возможно и желательно, и другое, — столь же необходимое, какъ и первое, это распространеніе путемъ сельской школы практическихъ знаній и умѣній.

Идеальнымъ мы признавали бы удовлетвореніе потребности, при которой наша начальная народная школа, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто въ курсахъ городскихъ, по положенію 1872 года, училищъ, являла бы собой болѣе законченный циклъ соотвѣтствующей ступени элементарнаго образованія. Если же на практикѣ приходится считаться съ трудностями осуществленія желательныхъ расширеній элементарнаго образованія, что доступно лишь отдѣльнымъ школамъ, обладающимъ исключительными средствами и учебными силами, то при наличномъ объемѣ и системѣ общаго образованія должно быть обращено особое вниманіе въ народной школѣ на возможность упроченія общихъ началъ грамотности и развитія, даваемого школой путемъ включенія въ программу курса свѣдѣній прикладнаго характера.

Само собой разумѣется, что и это послѣднее расширеніе объема преподаванія можетъ имѣть мѣсто въ училищахъ при наличности двухъ учителей (одноклассныя училища съ четырехгодичнымъ курсомъ) и необходимыхъ для этого средствъ.

Обязательная программа одноклассныхъ училищъ исчерпывается начатками Закона Божія, русскимъ языкомъ и ариметикою цѣлыхъ чиселъ, въ двухклассныхъ же къ нимъ прибавляется ариметика дробныхъ чиселъ, начала геометріи съ элементарными свѣдѣніями по землѣмѣрью, географія и естествосвѣдѣніе, исторія, черченіе, пѣніе и гимнастика и изученіе какого-либо ремесла. Для прохожденія всѣхъ этихъ добавочныхъ предметовъ, включая сюда Законъ Божій и русскій языкъ, отводится весь двухгодичный курсъ II класса. При существующей организаціи начальныхъ школъ нельзя не признать, что подготовка учениковъ въ первомъ классѣ двухкласснаго училища, соотвѣтствующаго трехгодичному курсу одноклассной начальной школы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ недостаточна для прохожденія, въ извѣстной степени, сложной программы II класса, особенно если припятъ во вниманіе, что и самое учебное время, при условіи одновременныхъ занятій учителя съ двумя отдѣленіями второго класса, является недостаточнымъ. Въ дѣйствительности этотъ второй классъ приноситъ пользу въ качествѣ, главнымъ образомъ, повторительной школы и даетъ возможность закрѣпить элементарныя познанія, пріобрѣтенныя на трехъ первыхъ годахъ обученія.

Чтобы не быть голословнымъ въ томъ, что достиженіе прочной грамотности путемъ расширенія существующей программы начальной сельской школы является вопросомъ сложнымъ и зависимымъ отъ матеріальныхъ средствъ, приведемъ здѣсь слѣдующія цифровыя дан-

ныя средней стоимости содержанія начальныхъ министерскихъ училищъ Имперіи ¹⁾).

Такъ, годовая стоимость содержанія однокласснаго сельскаго училища выражается въ суммѣ 553 рубля, тогда какъ двухкласснаго—въ 2,040 рублей.

Если сравнить стоимость содержанія сельскихъ училищъ съ городскими, то оказывается, что двухклассное городское училище (2,068 р.) обходится дороже въ среднемъ всего на 28 р., тогда какъ одноклассное (1,378 р.) городское—въ 2¹/₂ раза дороже сельскаго.

Эти цифры показываютъ, что одно упорядоченіе (доведеніе бюджета до городскихъ) однокласснаго училища связано съ двойнымъ расходомъ, противъ того, который имѣетъ мѣсто теперь.

Мы уже не говоримъ о расширеніи программъ одноклассныхъ школъ до курса двухкласснаго: это учетверило бы расходы.

Итакъ, двадцать лѣтъ спустя послѣ того какъ раздались авторитетныя слова почтеннаго дѣятеля-педагога С. Рачинскаго въ извѣстномъ трудѣ его о сельской школѣ, намъ приходится подтвердить, что „первымъ условіемъ возможнаго расширенія существующей программы начальной школы является ея добросовѣстное исполненіе“.

На этомъ видется сообщеніе учащимся прочной, практически приложимой, грамотности.

И, повторяемъ, что, по приведеннымъ даннымъ, настоятельно желательное общее расширеніе общеобразовательнаго курса нашихъ сельскихъ школъ является дѣломъ еще болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

Не надо забывать, что мы говоримъ о такомъ расширеніи элементарнаго образованія, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ не введеніе новыхъ предметовъ преподаванія, а, главнымъ образомъ, усиленіе и правильная постановка тѣхъ предметовъ, которые уже преподаются. Но и такое расширеніе—связано уже съ матеріальными затратами, такъ какъ успѣхъ занятій можетъ быть обеспеченъ лишь при одновременной работѣ двухъ учителей при четырехлѣтнемъ курсѣ, ибо при одномъ учителѣ является хаотическій образъ занятій, а самое преподаваніе настолько поверхностнымъ и съ такой потерей времени, что желаемыхъ результатовъ достигъ нельзя, и врядъ ли такая школа можетъ пользоваться успѣхомъ среди населенія.

¹⁾ Данныя взяты на 1898 годъ: „Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи“, выпускъ третій. Изд. М. Н. П. 1902 года.

Если упорядоченіе, такъ сказать, занятій въ сельской одноклассной школѣ неразрывно связано со введеніемъ при четырехъ годахъ обученія должности учительскаго помощника, то этимъ создается возможность вести дѣло элементарнаго обученія не только добросовѣстнымъ исполненіемъ существующихъ программъ, для достиженія наибольшаго эффекта, но и расширяя ихъ сообразно наличнымъ силамъ учебнаго персонала и съ тѣмъ, что можетъ уложиться въ мѣстные (эта приспособленность въ нашемъ обширномъ отечествѣ при различіи климатическихъ условій настоятельна необходима) сроки учебнаго времени.

Вотъ тутъ-то и выдвигается другая, въ одинаковой мѣрѣ, какъ и расширеніе элементарнаго обученія, важная и настоятельная необходимость въ распространеніи путемъ сельской школы знаній и умѣній, приложимыхъ на практикѣ въ условіяхъ мѣстной сельской жизни.

Несомнѣнно, что специальная подготовка къ разумному и рациональному способу использованія природныхъ богатствъ можетъ быть достигнута не въ начальной школѣ, а въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и прежде всего въ земледѣльческихъ, что сообщеніе ремесленныхъ знаній, тѣсно связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, можетъ быть достигнуто въ учебныхъ мастерскихъ, что, наконецъ, поднятіе кустарныхъ промысловъ тамъ, гдѣ они уже существуютъ, или введеніе новыхъ, гдѣ тому особо благопріятствуютъ мѣстные условія, можетъ быть достигнуто организаціей практическихъ школъ, курсовъ, показательныхъ мастерскихъ и выставокъ и т. п. учебныхъ учрежденій какъ для подросткающаго, такъ и взрослога населенія. Но чтобы удовлетворить назрѣвшей потребности въ специальномъ образованіи нашего, особенно сельскаго, населенія является необходимымъ раскинуть цѣлую сеть сказанныхъ выше просвѣтительныхъ учрежденій, такъ какъ нѣтъ селенія, гдѣ бы нашъ сельскій людъ не нуждался въ поднятіи свѣдѣній, относящихся къ его коренному дѣлу,—земледѣлію, гдѣ бы не представилась необходимость сообщать свѣдѣнія о новыхъ культурахъ, о полной возможности вести хозяйство на рациональныхъ началахъ, современныхъ условіямъ и требованіямъ жизни.

Само собой разумѣется, что удовлетвореніе насущныхъ для народа запросовъ: знать и умѣть—является тѣми благими желаніями, которыя достигаются вѣками. И здѣсь единственной, но всесильной причиной являются матеріальныя средства, которыхъ надо много, очень даже много, ибо промышленное и всякое профессиональное образованіе

является однимъ изъ дорогихъ. Все же нельзя не стремиться къ идеалу, и практика послѣдняго десятилѣтїя намъ показала, что при дружномъ содѣйствїи мѣстныхъ обществъ правительственныя начинанїя по распространенїю спеціальныхъ учебныхъ заведенїй въ нашемъ отечествѣ, если не широкимъ потокомъ, то во всякомъ случаѣ прибойной волной стали заливать наши родныя пивы.

И, дѣйствительно, если обратиться къ дѣятельности министерствъ, компетенціи которыхъ подлежатъ наши профессиональныя школы, то увидимъ, что въ настоящее время для распространенїя среди мужскаго населенїя ремесленнаго образованїя насчитывается у одного министерства народнаго просвѣщенїя 200 ¹⁾ спеціальныхъ учебныхъ заведенїй, 400 ремесленныхъ отдѣленїй при низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведенїяхъ, а также 337 классовъ ручнаго труда, въ томъ числѣ: при городскихъ, по положенїю 1872 года, училищахъ 91 и при начальныхъ училищахъ 246; кромѣ того занятїя огородничествомъ, садоводствомъ и другими отраслями сельскаго хозяйства ведутся при 3.412 училищахъ (въ томъ числѣ городскихъ 65, начальныхъ 3.347), у министерства финансовъ: 20 сельскихъ учебныхъ мастерскихъ, 4 ремесленныхъ училища и 4 класса технического рисованїя и черченїя. Если къ этому прибавить число спеціальныхъ учебныхъ заведенїй ²⁾, подвѣдомственныхъ бывшему министерству

¹⁾ Ремесленныхъ училищъ, по уставу 27-го сентября 1889 г., 24; школъ ремесленныхъ учениковъ, по уставу 20-го декабря 1893 г., 23; низшихъ ремесленныхъ школъ, по уставу 24-го апрѣля 1895 года, 85 и промышленныхъ училищъ разныхъ наименованїй, руководствующихся особыми уставами, 68.

²⁾ Не считая высшихъ (4) и среднихъ (15) спеціальныхъ учебныхъ заведенїй этого вѣдомства, имѣются сельскохозяйственными и лѣсными учебными заведенїями въ слѣдующемъ числѣ: низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ—85; низшихъ лѣсныхъ школъ (лѣсничествъ)—30; низшихъ школъ садоводства, плодоводства и винодѣлїи—20; школъ молочнаго хозяйства—13; школа овчаровъ—1; практическая школа обработки рыбныхъ продуктовъ—1; гидротехническая школа—1; ремесленное училище при среднемъ земледѣльческомъ учебномъ заведенїи—1; землѣтро-таксаторскїй классъ—1; сельскохозяйственныхъ и ремесленныхъ классовъ—3; курсы: молочнаго хозяйства—1 и сельскохозяйственныхъ техникумовъ—1; практическихъ школъ, курсовъ и классовъ—садоводства, огородничества, пчеловодства, виноградарства и винодѣлїи—24 и, наконецъ, курсовъ для приготовленїя учителей для низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ—1. Къ этому еще прибавляются постоянныя и передвижныя школы-мастерскїя, имѣющїя ближайшею цѣлью непосредственное ознакомленїе или взрослыхъ, или подростковъ съ улучшенными прїемами того или иного производства или ремесла и устраиваемыя въ районахъ развитїя кустарныхъ промысловъ. Число такихъ учебныхъ мастерскихъ еще не велико.

земледѣлія и государственнѣхъ имуществъ, то этимъ уже почти исчерпывается возможность получить подростяющему мужскому населенію Имперіи ту или другую специальную подготовку, практически примѣнимую къ сельской или городской жизни.

Не имѣя возможности въ настоящей статьѣ остановиться болѣе подробно на разсмотрѣніи вопроса о распространеніи въ Россіи спеціального образованія, мы, однако, полагаемъ, что и приведенныя данныя указываютъ на желательность дальнѣйшаго развитія у насъ промышленнаго и профессиональнаго образованія.

По даннымъ одного только министерства народнаго просвѣщенія усматривается, что за время съ 1888 по 1900 годъ всего учреждено и преобразовано 146 учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ: среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ 35; ремесленныхъ учебныхъ заведеній (3-хъ, указанныхъ выше, типовъ)—90 и промышленныхъ училищъ разныхъ наименованій—21.

Такимъ образомъ, за этотъ 12-ти лѣтній промежутокъ времени учреждалось въ среднемъ ежегодно свыше 12-ти учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ: 3 среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, 8 ремесленныхъ учебныхъ заведеній и свыше 1 промышленнаго училища (по особому уставу). Чтобы имѣть возможность учредить такое число специальныхъ учебныхъ заведеній, ежегодно требовалась единовременная сумма на ихъ устройство и оборудованіе свыше *одного милліона рублей* и ежегодная на ихъ содержаніе свыше *ста пятидесяти тысячъ рублей*.

Для устройства одного ремесленнаго училища низшаго типа министерства народнаго просвѣщенія, а именно: низшей ремесленной школы, требуется въ среднемъ единовременно на строительныя надобности и оборудованіе отъ 40 до 50-ти тысячъ рублей и ежегодно отъ 3-хъ до 6-ти тысячъ рублей на содержаніе, что зависитъ отъ того, будетъ ли открыта школа съ однимъ, двумя или тремя отдѣленіями. Точно также ежегодный расходъ по содержанію сельской учебной мастерской министерства финансовъ достигаетъ не менѣе 4-хъ тысячъ рублей.

Всѣ эти цифры весьма почтенны и говорятъ за себя. Онѣ невольно заставляютъ задумываться надъ разрѣшеніемъ вопроса о проведеніи въ жизнь дальнѣйшаго возможно болѣе широкаго плана насажденія въ Имперіи промышленнаго образованія путемъ учрежденія учебныхъ заведеній для подготовки техниковъ, мастеровъ и рабочихъ.

II, дѣйствительно, можно ли рассчитывать, что хлынувшая за это

десятилѣтне волна разнесетъ въ массу населенія тѣ знанія и умѣнія, которыя необходимы для подготовки технически и графически грамотныхъ рабочихъ, этихъ солдатъ крупной и мелкой промышленности, а также умѣлыхъ и сознательныхъ работниковъ земледѣлія. Можетъ ли темпъ этого начала сдѣлать промышленное образованіе доступнымъ? Само собой разумѣется, что на поставленный самой жизнью вопросъ приходится дать если не отрицательный, то все же далеко не утвердительный отвѣтъ.

И въ самомъ дѣлѣ, бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1903 году достигъ всего $39\frac{1}{4}$ милл. рублей. Расходы этого министерства выражались за свыше 30-ти лѣтній періодъ времени въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ 1872 году	$11\frac{1}{2}$ милл. рублей
„ 1882 „	19 „ „
„ 1892 „	$21\frac{3}{4}$ „ „
„ 1902 „	$36\frac{1}{2}$ „ „
„ 1903 „	$39\frac{1}{4}$ „ „
„ 1904 „ свыше	47 милл. рублей,

расходъ же на промышленное образованіе, среднее и низшее, въ 1904 г. едва достигалъ скромной цифры немногимъ выше 1.730.000 р., а на занятія ручнымъ трудомъ и ремеслами въ низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, по даннымъ 1902 года, свыше 100.000 руб. (на этотъ послѣдній предметъ общій расходъ составляетъ до 400.000 руб., такъ что на долю министерства приходится только $\frac{1}{4}$ часть). Если же къ этому прибавить, что изъ общаго бюджета министерства собственно на учебную часть расходуется до 75% и, не считая высшаго и средняго, изъ той же общей суммы отчисляется собственно на народное образованіе всего около 27%, на промышленное образованіе, среднее и низшее, до 4%, а на занятія ручнымъ трудомъ и ремеслами въ низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ лишь $\frac{1}{250}$ общей цифры расходовъ по министерству, то станетъ яснымъ, что дальнѣйшее развитіе въ Россіи промышленнаго образованія есть дѣло все же отдаленнаго будущаго. При этомъ если принять, что въ послѣдующемъ десятилѣтніи темпъ открытія промышленныхъ училищъ будетъ тотъ же, что и за предшествующее, то потребовалось бы увеличить бюджетъ министерства для удовлетворенія этой потребности къ 1915 году на $1\frac{1}{2}$ милліона рублей, не считая кредитовъ на покрытіе расходовъ для строительныхъ нуждъ. Для

достиженія же доступности начальной школы требуется по крайней мѣрѣ одному только министерству народнаго просвѣщенія ежегодное нарастаніе бюджета по 1½ милл. рублей въ теченіе 18—20 лѣтъ. При этихъ цифрахъ блѣднѣютъ первыя и несомнѣнно, что, открывая, согласно приведенному выше скромному подсчету по 12 промышленнымъ училищамъ ежегодно, только въ теченіе очень долгаго времени дѣйствительная потребность въ специальномъ образованіи можетъ быть удовлетворена, само собой, принимая во вниманіе и дѣятельность другихъ вѣдомствъ. Если же мы коснемся о доступности собственно къ ремесленному образованію, то, напримѣръ, для учрежденія одной нижней ремесленной школы на губернію потребуетъ ежегодно довольно таки почтенная сумма въ ½ милліона рублей. Но объ этомъ и мечтать нельзя, когда наша начальная школа еще далека до доступности.

Если же принять во вниманіе, что ежегодно теперь, когда начальная школа недоступна всѣмъ, оканчивающихъ курсъ начальныхъ школъ насчитывается свыше 420.000 душъ (въ 1900 году училось въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія 2.592.000; церковно-приходскихъ 1.633.000; ежегодно оканчивають 10%) и что лишь только ¼ часть оканчивающихъ получаетъ возможность продолжать свое обученіе, какъ въ существующихъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и промышленныхъ и профессиональныхъ училищахъ всѣхъ вѣдомствъ¹⁾, остальные же ¾, т. е. 350.000 душъ обоего пола, лишенные возможности получить то или другое профессиональное образованіе въ школьной организаціи, расходятся по матушкѣ Руси и составляютъ въ большинствѣ тотъ контингентъ пресловутаго ремесленнаго ученичества, которое у насъ давно окрещено темнымъ царствомъ.

Чтобы имѣть возможность предоставить столь большому числу подростковъ, не считая прироста и дальнѣйшаго развитія начального образованія, когда начальная школа явится доступной населенію, жаждущихъ получить дальнѣйшее образованіе, хотя бы выучкой того или другого прикладнаго дѣла, пришлось бы открыть до 7.000 промышленныхъ, коммерческихъ, сельскохозяйственныхъ и другихъ профессиональныхъ учебныхъ учреждений.

И если бы таковыя всѣ были низшаго типа, то потребовался бы

---

¹⁾ См. жур. Техническое образованіе № 4—1903 года: „Краткія свѣдѣнія о насажденіи въ Россіи техническаго и профессиональнаго образованія“ Н. Рудольфа.

расходъ на ихъ содержаніе не менѣе 33 милліоновъ въ годъ. Но если бы на долю казны пришлось лишь всего $\frac{1}{3}$ часть (11 мил. руб.) этой суммы, то и тогда на удовлетвореніе сказанной потребности потребовались бы годы и даже многіе годы. А какъ мизерна эта цифра будетъ передъ тѣми данными, которыя приведены въ только что вышедшемъ трудѣ А. Н. Куломзина: „Доступность начальной школы въ Россіи“.

Въ 1898 году оставалось безъ обученія дѣтей школьнаго возраста у насъ 6.563.373 человекъ, не считая ежегоднаго прироста населенія, дающаго огромное число дѣтей школьнаго возраста, также вызывающихъ къ свѣту знанія, а именно 143.632 человекъ.

Чтобы обезпечить доступность школы въ городахъ и селеніяхъ одной только Россійской Имперіи, предстоитъ расходовать на содержаніе дополнительной сѣти школъ 78.899.542 р., а если сюда прибавить расходъ въ 26.607.540 руб. на школы, подлежащія ежегодному открытію для прироста за время осуществленія плана организаціи доступной школы, и въ 4.984.231 р. на инспекцію, то общій расходъ выразится въ суммѣ 110.491.313 рублей.

По расчету А. Н. Куломзина этотъ расходъ могъ бы покрываться изъ слѣдующихъ источниковъ:

№	Изъ какихъ источниковъ покрывался бы расходъ.	Рубл.	%
1	Изъ государственнаго казначейства (по 2-мъ вѣд- ствамъ: мин. нар. просв. и св. синода)	41.043.313	37,2
2	Отъ земствъ 34 губерній	20.325.000	18,4
3	Изъ земскихъ сборовъ въ прочихъ губерніяхъ	11.873.686	10,7
4	Отъ сельскихъ обществъ	18.783.806	17,0
5	Отъ городскихъ обществъ	9.325.810	8,4
6	Изъ частныхъ пожертвованій	9.129.199	8,3
Изъ всѣхъ источниковъ		110.491.313	100

Слѣдовательно, на одно только министерство народнаго просвѣщенія приходилась бы весьма солидная цифра свыше 20 милліоновъ руб., считая его въ равныхъ доляхъ съ св. синодомъ.

Итакъ, чтобы дать возможность получить начальное образованіе дѣтямъ, нынѣ остающимся безъ обученія въ числѣ 6.707.005 (7.563.373 + 143.632) человекъ, надо открыть школы: 124.918 въ селеніяхъ и 7.613 въ городахъ (всего 132.531) и нести расходъ изъ одного только государственнаго казначейства свыше 41 милліона рублей.

Полагая, что $\frac{1}{8}$ часть оканчивающихъ курсъ, т. е. $\left(\frac{6.707.005 \times 10}{100 \times 8}\right)$ 111.774 человекъ получать возможность продолжать свое обученіе, какъ въ существующихъ и открывшихся вновь среднихъ общеобразовательныхъ училищахъ, такъ и всякаго рода промышленныхъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ, все же останутся $\frac{5}{8}$ или 558.926 человекъ безъ дальнѣйшей практической подготовки. А чтобы удовлетворить ихъ спросу на профессиональное образованіе, пришлось бы открыть свыше 10.000 учебныхъ заведеній хотя бы низшаго типа и нести расходы не менѣе 45 милліоновъ рублей, что на долю казны дало бы расхода еще 15 милліоновъ рублей, а это въ общемъ составило бы дополнительный расходъ со стороны казны въ 26 милліоновъ рублей (11.000.000 + 15.000.000).

Промышленное образованіе, какъ сказано выше, распространяется у насъ при посредствѣ многихъ вѣдомствъ, а потому, распредѣляя между ними полученную цифру дополнительныхъ расходовъ, необходимыхъ для организациіи доступной спеціальной школы, примыкающей къ доступной начальной школѣ, на долю собственно министерства народнаго просвѣщенія легла бы часть ея, хотя и бѣльшая.

Но если бы мы въ нашихъ пожеланіяхъ создать возможность оканчивающимъ курсъ начальныхъ школъ получать ту или другую, применимую къ запросамъ современной жизни, практическую подготовку, не шли такъ далеко, какъ манитъ насъ дѣйствительность, и ограничились бы распространеніемъ промышленныхъ и всякаго рода профессиональныхъ школъ низшаго ранга, хотя бы для тѣхъ 350.000 душъ подростковъ обоаго пола, которые за окончаніемъ нынѣ начальной школы ежегодно остаются безъ соотвѣтствующей школьной практической подготовки, то и тогда, для достиженія этой цѣли, является потребность въ дружной совместной работѣ отдѣльныхъ вѣдомствъ, распространяющихъ спеціальное образованіе среди подро-

стающего поколѣнія, какъ для увеличенія своихъ бюджетовъ на 11 милліоновъ рублей, такъ и для привлеченія общественныхъ городскихъ, сельскихъ и другихъ учрежденій, а равно и отдѣльныхъ лицъ, къ жертвамъ на тотъ же предметъ въ размѣрѣ до 22 милліоновъ рублей ежегодныхъ восполненій казны.

Но и на это нужно время и даже значительное, если принять во вниманіе трудность наростанія бюджетовъ правительственныхъ учреждений. Если же вспомнить, что въ настоящее время на промышленное образованіе среднее и низшее однимъ только вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія, — а оно то, главнымъ образомъ, нынѣ и призвано распространять это образованіе и въ вѣдѣніи его находится наибольшее число учебныхъ заведеній промышленнаго характера, — расходуется всего 4% общаго бюджета, то врядъ ли можно оспаривать желательность хотя бы болѣе скораго темпа въ распространеніи промышленнаго образованія, чѣмъ то имѣло мѣсто за истекшее десятилѣтіе. Особенно, если принять во вниманіе все прогрессирующее развитіе техники и необходимость созданія источниковъ культурныхъ силъ, могущихъ составить мощь странъ и обезпечить миръ.

Несомнѣнно, однако, что для воспріятія всякаго спеціальнаго образованія прежде всего нужна общеобразовательная подготовка и, слѣдовательно, первой заботой должно являться обезпеченіе населенія доступной начальной школой, но нельзя забывать и того, что эта школа должна опираться на такую школу, которой лишь достигается практическая подготовка учащихся къ предстоящему трудному прохожденію школы жизни.

Для огромнаго большинства нашего сельскаго и городскаго населенія школа, дающая возможность помимо общаго образованія получить еще практическія знанія, примѣнимыя къ запросамъ мѣстной жизни и отвѣчающія условіямъ того и другаго быта, будетъ несомнѣнно привлекательнѣй той, въ которой обучаютъ лишь грамотѣ. А потому и является насущнымъ вопросъ о созданіи такой ремесленной или профессиональной школы, которая, наравнѣ съ низшей общеобразовательной, стала бы какъ можно скорѣе доступной.

Если грамотность, пишетъ А. Н. Куломзинъ¹⁾, перестанетъ быть привилегіей и если, съ другой стороны, начальная школа будетъ за-

¹⁾ „Доступность начальной школы въ Россіи“, А. Н. Куломзина, изд. 1904 г., стр. 6.

вернуться техническимъ обученіемъ,—прекратятся сами собой жалобы и на то, что грамотные бѣгутъ изъ деревни.

Но нашему глубокому убѣжденію для необъятныхъ пространствъ Имперіи необходимы не сотни, а тысячи такихъ специальныхъ учреждений, гдѣ бы молодое поколѣніе могло научиться и, главное, осмысленно усваивать, приемы обработки и использованія тѣхъ неисчислимыхъ даровъ природы, которые въ настоящее время зачастую не вызываются въ жизнь за отсутствіемъ свѣдѣній практическаго характера. Но чтобы создать и немногія тысячи упомянутыхъ учебныхъ учреждений, какъ это приведено выше, нужны многіе миллионы рублей, необходимы почти столь же крупныя траты, какія вызываются и созданіемъ общеобразовательной доступной школы.

Сама собой очевидна существенная важность тѣхъ вопросовъ, которые затрагиваютъ возможность созданія будущихъ грамотныхъ матерей и отцовъ, а слѣдовательно и семей, тѣмъ уже обеспечивающихъ возможность сообщенія дѣтямъ зачатковъ грамотности въ дошкольномъ періодѣ и составляющихъ залогъ тѣхъ положительныхъ знаній, безъ которыхъ школа мертва есть. — Нельзя не приложить всѣхъ стараній къ достиженію одинаково доступной школы, доступности обученія какъ общаго, такъ и прикладнаго.

Въ замѣткѣ нашей „Школа и кустарная промышленность“¹⁾ мы указывали, что тысячи ремесленныхъ школъ всѣхъ видовъ и типовъ, тысячи учебныхъ ремесленныхъ и техническихъ мастерскихъ, курсовъ и другихъ специальныхъ учебныхъ учреждений, имѣющихъ ту же роль начальнаго, но specialнаго образованія народныхъ массъ, въ интересахъ широкаго развитія, должны рождаться въ условіяхъ общей единой солидарности: вѣдь у всѣхъ вѣдомствъ и учреждений цѣль одна—это насадить такія школы, которыя давали бы специальную подготовку мужскому и женскому подростающему поколѣнію Имперіи, столь необходимую и насущную для народнаго благосостоянія.

Эта потребность сознаана самимъ народомъ. Если въ дѣлѣ насажденія школъ общеобразовательныхъ нельзя признать нормальнымъ разграниченіе и обособленность въ дѣйствіяхъ духовнаго и учебнаго вѣдомствъ, главныхъ распространителей народнаго образованія, то и промышленное образованіе не терпитъ этого разграниченія, ибо въ такомъ, обнимающемъ собой всѣ отрасли производствъ, промысловъ и сельскаго хозяйства, въ одинаковой степени заинтересованы всѣ

¹⁾ Журналъ *Техническое Образование*, № 1, 1902 года.

вѣдомства: сельское хозяйство органически связано съ вопросами чисто техническо-промышленнаго характера, а это уже переходитъ въ область другого вѣдомства и т. д.

Какъ въ созданіи плана школьной сѣти, могущей обезпечить доступность школьнаго обученія возможно большому числу дѣтей школьнаго возраста, и проведеніи въ жизнь такого плана не можетъ быть исключена общность интересовъ въ достиженіи названной общегосударственной цѣли со стороны вѣдомствъ учебнаго и духовнаго, являющихся главными распространителями просвѣщенія народа, такъ равно необходимо единство всѣхъ вѣдомствъ, заинтересованныхъ въ подготовкѣ народныхъ массъ къ практической дѣятельности, для выработки плана общаго распространенія начальнаго спеціальнаго образованія, столь назрѣвшаго, для поднятія производительныхъ силъ Россіи для крупной и мелкой промышленности.

Не предвѣшая вопроса о подвѣдомственности того или другого рода промышленныхъ учебныхъ заведеній, нельзя однако не остановиться на мысли, что вопросъ единства возможенъ лишь тогда, когда явится сосредоточіе представительствъ всѣхъ подлежащихъ вѣдомствъ въ одномъ общемъ органѣ, по крайней мѣрѣ при разрѣшеніи поставленныхъ нами выше вопросовъ о выработкѣ плана общаго распространенія промышленнаго образованія путемъ насажденія такого рода учебныхъ учреждений, которыя бы являлись доступными нашему подрастающему поколѣнію.

Справедливость сдѣланнаго нами предположенія подтвердится еще болѣе, если мы приведемъ примѣръ, характеризующій въ достаточной степени общность интересовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ между собою, а, слѣдовательно, и интересовъ одной единой расходной кассы, т. е.—казны.

Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ одной изъ своихъ главнѣйшихъ задачъ считаетъ оказаніе помощи сельскому населенію въ его трудахъ по сельскому хозяйству и кустарному производству. Мы остановимся лишь на просвѣтительномъ содѣйствіи этого вѣдомства нашимъ земледѣльцамъ и кустарямъ, не затрагивая области экономическихъ вопросовъ. Вѣдомство это, ограничиваясь распространеніемъ школъ сельскохозяйственнаго характера для подрастающаго поколѣнія, ремесленно-техническую подготовку взрослыхъ кустарей сосредоточиваетъ устройствомъ учебныхъ мастерскихъ, курсовъ и показательныхъ работъ при помощи инструкторовъ, специалистовъ въ той или другой отрасли производства или промысловъ.

Но вотъ является вопросъ: заинтересовано ли это вѣдомство въ сообщеніи подростящему поколѣнію знаній и умѣній, необходимыхъ въ ремеслѣ или производствѣ? Несомнѣнно, да и даже очень. Дети нашего крестьянина, по окончаніи своего общаго образованія, получивъ возможность изучить то или другое практическое дѣло, разнесутъ свои умѣнья въ среду взрослога населенія и, при правильной постановкѣ ихъ ремесленно-технической подготовки, внесутъ значительную долю участія въ развитіи мѣстныхъ промысловъ или даже въ установленіи новыхъ.

Что же изъ этого вытекаетъ? Ничто иное, какъ сокращеніе расходовъ по организаціи выучки взрослыхъ кустарей въ устраиваемыхъ нынѣ учебныхъ мастерскихъ: если имъ нужно будетъ чему-либо научиться—они пойдутъ въ ту же школу, а еще лучше, если они будутъ имѣть возможность посмотрѣть новое въ музеѣ прикладныхъ знаній, или на выставку (этого рода учрежденія весьма-таки необходимы намъ и могли бы съ удобствомъ отрываться при специальныхъ школахъ).

Приведемъ здѣсь для примѣра соображенія о роли и значеніи въ будущемъ нашей сельскохозяйственной и мелкой промышленности культуры ивы и корзиночнаго производства.

Какъ то, такъ и другое находятся у насъ въ зачаткѣ. Во многихъ мѣстностяхъ Имперіи есть дико растущая лоза и даже въ изобиліи, во многихъ районахъ кустари издавна занимаются производствомъ плетеныхъ издѣлій. Каждому, однако, извѣстно, какъ низка степень этого производства, а о культурѣ корзиночныхъ сортовъ ивъ знаютъ весьма и весьма немногіе. Главнымъ и почти единственнымъ распространителемъ этого производства до сего времени являлось московское губернское земство, установившее его въ подмосковномъ районѣ. Только за послѣднее время отдѣльныя лица, сознавая пользу, получаемую отъ этого незатѣйливаго растенія, начинаютъ заниматься его разведеніемъ и отыскиваютъ мастерскя для использованія этого матеріала. Но все это единицы и если на наши рынки и поступаютъ въ настоящее время корзины и плетеная мебель хорошаго качества и рисунка, то онѣ еще недоступны по цѣнѣ и даже для средняго обывателя. Между тѣмъ, какое громадное значеніе имѣетъ корзина въ домашнемъ обиходѣ? По статистическимъ даннымъ Германіи, на примѣръ, годовое производство корзиночнаго товара изъ культивированныхъ сортовъ ивъ и другога матеріала, пригоднаго для плетенія, расходящагося по всему міру, достигаетъ 13-ти милліоновъ рублией.

Несомненно, что и въ Россіи культура ивы, пригодной для промышленныхъ цѣлей, имѣетъ всѣ благопріятныя условія. Съ одной стороны, развитіе и посадка подходящихъ для механической обработки сортовъ ивы помогутъ использованию земель, непригодныхъ для произрастанія другихъ сельскохозяйственныхъ растений, укрѣпленію береговъ рѣкъ, озеръ и пр., сыпучихъ песковъ и овраговъ и т. д., и т. д. Съ другой стороны, культивированные сорта ивы естественнымъ образомъ поднимутъ производство, такъ какъ они пригодны для болѣе цѣнныхъ, а слѣдовательно и болѣе выгодныхъ работъ.

Все это за самое послѣднее время начинаетъ заботить и вѣдомства и общественныя учрежденія, принимающія мѣры къ разведенію ивыяковъ и обученію крестьянъ корзиноплетенію. Для этой цѣли министерства земледѣлія и народнаго просвѣщенія, а также и нѣкоторые земства, приступаютъ къ устройству учебныхъ мастерскихъ, ремесленныхъ отдѣленій и заводятъ ивовыя плантаціи.

Насколько велика въ Россіи потребность въ развитіи этого дѣла или насажденіи ивовъ, достаточно будетъ указать, что по собраннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія даннымъ въ одной только Европейской Россіи насчитывается до 400 пунктовъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ могли бы имѣть значеніе и будущность и культура ивы и ея примѣненіе къ хозяйственнымъ и промышленнымъ цѣлямъ.

Производство плетеныхъ издѣлій въ своемъ разнообразіи работъ и примѣняемыхъ матеріаловъ отъ грубыхъ и большихъ до самыхъ тонкихъ—кружевныхъ и малыхъ, какъ нельзя болѣе подходитъ къ тому виду ручного труда, который является доступнымъ и для дѣтей обоого пола школьнаго возраста. Путемъ школьной выучки подросткаго поколѣнія является полная возможность или распространить умѣнья и среди взрослого населенія, или поднять таковыя до надлежащаго уровня. Но чтобы сдѣлать корзиночное производство достояніемъ школьной выучки, необходимо прежде всего распространить знанія и умѣнья по культурѣ наилучшихъ для даннаго района промышленныхъ сортовъ ивы, а также и другихъ растений, могущихъ идти для производства плетеныхъ издѣлій. Но этого мало, надо развить вкусъ и пониманіе рисунка.

Здѣсь мы усматриваемъ связь грамотности: сельскохозяйственной, графической, технической и ремесленной,—связь, которая достаточно ярко рисуетъ намъ стройную цѣлесообразность единства въ дѣятельности двухъ вѣдомствъ, ту дѣятельность, которую многіе привыкли, къ сожалѣнію, считать обособленной, разграниченной.

Примѣровъ подобныхъ сказанному можно привести много.

Не имѣя возможности распространяться далѣе по сему вопросу, мы перейдемъ къ главной цѣли нашей замѣтки.

Итакъ, при дружномъ содѣйствіи вѣдомствъ и учреждений является возможность болѣе широкаго и планомѣрнаго распространения начальнаго спеціальнаго образованія, т. е. того образованія, которое насущно для массы какъ въ примѣненіи къ условіямъ жизни, особенно нашего сельскаго населенія, такъ и для закрѣпленія общей грамотности, для избѣжанія рецидивовъ безграмотности.

Но чтобы это начальное спеціальное образованіе сдѣлать хотя бы болѣе доступнымъ, необходимо остановиться на организаціи наиболѣе простыхъ учебныхъ учреждений, непосредственно примыкающихъ къ начальной школѣ. Но мы видѣли выше, что организація даже самаго низшаго типа самостоятельныхъ ремесленныхъ и другихъ профессиональныхъ школъ, какъ это ставить намъ сама жизнь, представляется осуществимой лишь въ болѣе отдаленномъ будущемъ. А потому и выдвигается на очередь вопросъ о созданіи такого рода учреждений, которыя давали бы болѣе дешевый способъ спеціальной подготовки.

Въ статьѣ нашей о ремесленныхъ классахъ и профессиональныхъ отдѣленіяхъ при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, напечатанной въ № 12-мъ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1904 годъ, мы указывали, что эти классы или отдѣленія и являются именно такимъ видомъ учебныхъ учреждений, которыя могутъ дать соотвѣтствующую практическую подготовку, требуя значительно менѣе средствъ на ихъ устройство и содержаніе.

Это послѣднее обойдется въ три раза дешевле, чѣмъ для самостоятельной низшей ремесленной школы, а единовременные расходы составятъ и всего десятую часть.

Мы здѣсь не будемъ повторять характеристики этого рода учреждений и тѣхъ мѣропріятій, которыя необходимо принять, чтобы ремесленные классы и всякаго рода профессиональныя отдѣленія могли съ успѣхомъ отвѣчать своему основному назначенію: сообщать навыки въ тѣхъ ремеслахъ и всякаго рода практическихъ занятіяхъ сельско-хозяйственнаго характера, которыя имѣютъ примѣненіе въ домашнемъ быту вообще и, главнымъ образомъ, отвѣчаютъ потребностямъ крестьянскаго хозяйства. Обо всемъ этомъ мы говорили подробно въ указанной выше статьѣ, куда мы, въ силу необходимости, и отсылаемъ нашихъ читателей.

Ремесленные классы и всякаго рода профессиональныя отдѣленія, устраиваемыя по преимуществу въ селахъ для дѣтей обоюго пола, примыкають къ начальной школѣ и даютъ возможность сообщить специальную подготовку дѣтямъ въ возрастѣ не менѣе 11—12 лѣтъ, уже завершившимъ свое начальное общее образованіе, или приобрѣвшимъ только грамотность.

Но для сообщенія навыковъ и вообще технической и графической грамотности требуется въ зависимости отъ рода изучаемой специальности извѣстное время.

Не устанавливая въ этого рода учрежденіяхъ опредѣленнаго срока, для жизнненности ихъ необходимо, въ силу экономическихъ условій быта, время пребыванія сокращать до возможнаго, но, конечно, не въ ущербъ дѣлу обученія.

Этому до извѣстной степени можетъ оказать содѣйствіе, если при прохожденіи начальной школы учащіеся получаютъ знакомство съ такими умѣніями, которыя естественнымъ образомъ направятъ ихъ къ воспріятію той или другой ремесленно-технической или, вообще, профессиональной подготовки.

Для достиженія этого главнѣйшія мѣры могли бы состоять: въ установленіи въ начальной школѣ наглядности въ преподаваніи; въ введеніи въ курсъ этой школы начатковъ естествознанія; въ закрѣпленіи таковыхъ путемъ практическихъ занятій въ саду или огородѣ или по тѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, которыя имѣютъ значеніе въ данномъ районѣ и, наконецъ, въ сообщеніи учащимся тѣхъ навыковъ руки и глаза, которыя достигаются ручнымъ трудомъ.

Но прежде всего, однако, надо направить заботу къ достиженію наравнѣ съ общей грамотностью еще и грамотности графической. Эта послѣдняя, развивая глазъ, руку и вкусъ, уже является большимъ плюсомъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго ремесленного и профессиональнаго обученія. Если же сюда прибавить еще знакомство съ предметами обученія прикладнаго характера, хотя бы въ элементарной, такъ сказать, въ пропедевтической формѣ, то одно это можетъ уже содѣйствовать сокращенію учебнаго времени для достиженія навыковъ.

Здѣсь мы слышимъ: позвольте, опять посягательство на курсъ общаго образованія! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Само собой разумѣется, что, какъ мы сказали выше, въ начальную школу съ 3-хъ годичнымъ курсомъ и при одномъ учителѣ нельзя включать что либо новое, сверхъ установившагося объема преподава-

нія. Но можно говорить о томъ, что и въ этой школѣ, а особенно, на 3-мъ году обученія, *при условіи соответствующей подготовки народнаго учителя*, о чемъ мы будемъ говорить позднѣе, возможно направлять обученіе грамотѣ по соответствію съ запросами мѣстной жизни, хотя бы путемъ наглядности преподаванія на урокахъ объяснительнаго чтенія.

Для училищъ, гдѣ имѣются два преподавателя, а особенно для начальныхъ училищъ съ 4-хъ годичнымъ срокомъ обученія, уже можно говорить о желательномъ введеніи рисованія и сверхъ того для 2-хъ старшихъ группъ: или начатковъ естествознанія съ соответственными демонстраціями, опытами и практическими занятіями въ саду, огородѣ и т. п., или тѣхъ видовъ ручного труда, которые по мѣстнымъ условіямъ имѣютъ важное значеніе.

Рисованіе и начатки естествознанія, включенные въ общую программу преподаванія, не только не ослабятъ достиженія цѣлей общаго образованія, но и въ значительной мѣрѣ усилятъ послѣднее, такъ какъ сами, являясь предметами общеобразовательными, по своему характеру послужатъ къ лучшему воспріятію и закрѣпленію общей грамоты и, независимо отъ сего, въ значительной мѣрѣ посодѣйствуютъ большему интересу къ школѣ, чѣмъ это замѣчается нынѣ, особенно тамъ, гдѣ паритъ схоластика въ преподаваніи и гдѣ учитель, самъ безъ соответствующей подготовки, не можетъ объяснить питомцамъ школы явленія изъ окружающей ихъ природы.

Нельзя не признать, что рисованіе и начатки естествознанія, включенные въ систему обученія, только принесутъ плюсъ въ дѣло общаго образованія, посодѣйствуютъ уничтоженію рецидивовъ безграмотности, такъ какъ общее образованіе, опираясь на знанія, приложимыя въ жизни, перестанетъ быть отвлеченнымъ и будетъ наилучше восприниматься въ цѣляхъ возможнаго дальнѣйшаго самообразованія. На это послѣднее можетъ только натолкнуть сообщеніе такой грамотности, которая воспринята и закрѣплена, что будетъ вполне обезпечено, если приобрѣтенное въ школѣ умѣнье читать и писать найдетъ себѣ прииѣненіе къ запросамъ практической жизни.

Помимо закрѣпленія, такъ сказать, общей грамотности—тѣ же предметы какъ нельзя лучше направятъ молодыя силы къ той цѣли жизни, которая составляетъ укладъ ихъ быта, что несомнѣнно будетъ такъ, если наглядное преподаваніе въ классѣ начатковъ естествознанія будетъ имѣть въ виду приложимость преподаннаго къ основамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, если сообщеніе этихъ знаній бу-

дѣть дополняться опытами, демонстраціями и даже занятіями въ саду, огородѣ и т. п.

Тѣхъ же положительныхъ результатовъ слѣдуетъ ожидать и отъ введенія занятій ручнымъ трудомъ.

Если этотъ предметъ будетъ вводиться въ общеобразовательныя школы по соответствію съ мѣстными условіями, если самый выборъ работъ, принаровленный къ возрасту учащихся, будетъ отвѣчать быту населенія ¹⁾ и когда, наконецъ, при исполненіи самыхъ работъ будетъ преслѣдоваться примѣненіе приемовъ обработки, установленныхъ практикой—несомнѣнно, что ручной трудъ приучитъ къ физическому труду и разовьетъ руку. Но независимо отъ сего, если преподаваніе этого предмета, отвѣчая основнымъ требованіямъ педагогическихъ и воспитательныхъ началъ, будетъ находиться въ тѣсной связи съ рисованіемъ или черченіемъ (черченіе можетъ быть вводимо въ 2-хъ-классныя училища), то этимъ обезпечится развитіе глазомѣра и вкуса.

Но если къ этому прибавить, что ручной трудъ при правильной постановкѣ дѣла преподаванія долженъ находиться въ связи и съ остальными дисциплинами обученія общеобразовательной школы: напримеръ, ариметикой, начатками естествознанія, а въ 2-хъ-классной и съ геометрией, то станетъ яснымъ значеніе ручного труда, какъ предмета общаго образованія. Этотъ предметъ только поспособствуетъ закрѣпленію грамотности.

И дѣйствительно, прежде чѣмъ отпилить кусокъ дерева, необходимый для изготовленія той или другой части какого либо предмета, надо размѣтить, т. е. расчертить, а для того, чтобы размѣтку сдѣлать, надо отмѣрять, словомъ: и ариметика, и геометрія въ примѣненіи, да и въ какомъ наглядномъ. Несомнѣнно, что, перейдя отъ рѣшенія задачъ, обыкновенно грѣшащихъ своей отвлеченностью и непримѣнимостью, по своему характеру, въ жизни, къ производству собственноручнаго измѣренія и построенія, останется въ памяти счетъ.

Какой же видъ ручного труда можетъ принести такую пользу и можетъ считаться общеобразовательнымъ предметомъ?

Само собой разумѣется, что здѣсь не мѣсто точать сапоги, шить полушубки, сбивать войлокъ, вить веревки и, вообще, производить такія работы, которыя должны составлять предметъ исключительно ремесленной выучки, и исполненіе которыхъ требуетъ возраста и силы. Но и

1) ¹⁾ См. статью нашу „Краткая характеристика ручныхъ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ за границей и у насъ“, Журн. Мин. Нар. Пр., № 6,—1902 года.

безъ этого остается много матеріаловъ, обработка которыхъ отвѣчаетъ всѣмъ необходимымъ требованіямъ общепедагогическаго ручного труда и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ связать обученіе этой обработки и съ графикой и съ предметами общаго образованія.

Здѣсь первое мѣсто, конечно, занимаютъ дерево и металлъ, а также бумага, нашка, воскъ, глина, производство плетенья и т. п.

Обработка дерева является основнымъ видомъ ручного труда, такъ какъ этотъ матеріалъ не только легкій въ обработкѣ, но и позволяетъ особенно широко примѣнять размѣтку и расчерчиваніе. Но особенно важно, что при обращеніи съ этимъ матеріаломъ получается знакомство съ разнообразными и основными приѣмами обработки вручную.

Дерево даетъ и такой матеріалъ, который идетъ для плетенія. Этотъ видъ ручного труда, не заключая въ себѣ разнообразія въ приѣмахъ, можетъ, однако, занять видное мѣсто въ начальной школѣ, какъ предметъ общаго образованія. Для этого только надо не учить плести, да шести, а надо связать, да и крѣпко связать, этотъ предметъ съ рисованіемъ, съ познаніями начатковъ естествовѣдѣнія въ примѣненіи къ культурѣ ивы для полученія корзиночныхъ ея сортовъ. А это послѣднее естественно требуетъ знакомить учащихся не въ классѣ, а на дѣлѣ, на плантаціяхъ. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ знакомство учащихся съ выборомъ матеріала, пригоднаго для плетенія, съ его подготовкой и т. д., и т. д. Итакъ, въ результатѣ не однообразное продергиванье прутковъ, а умѣнье составить рисунокъ и выполнить по рисунку, но что еще важнѣе — знакомство съ тѣмъ, какъ надо культивировать, вездѣ въ изобиліи находящійся матеріалъ, но зачастую непригодный для работъ.

Приведеннаго, мы полагаемъ, достаточно, чтобы понять всю важность для общаго образованія и, главнымъ образомъ, для достиженія основательной грамотности введенія въ курсъ начальныхъ училищъ, какъ мы сказали выше, рисованія, начатковъ естествознанія и ручного труда. При этомъ, мы понимаемъ подъ этимъ отнюдь не выполненіе ряда работъ по обработкѣ того или другого матеріала въ цѣляхъ физическаго развитія ребенка, но имѣя въ виду его образовательное значеніе, достигаемое связью этого рода упражненій какъ съ рисованіемъ и черченіемъ, такъ и съ предметами общаго образованія.

Возможность и желательность введенія въ курсъ начальной школы ручного труда, усильнаго дѣтямъ въ возрастѣ отъ 8-ми до 11-ти лѣтъ,

на третьемъ году обученія установлена и министерствомъ народнаго просвѣщенія подъ тѣмъ, однако условіемъ, чтобы система такихъ работъ была выработана примѣнительно къ потребностямъ и понятіямъ сельскихъ жителей ¹⁾. При этомъ, успѣхъ занятій ручнымъ трудомъ въ сельской школѣ (гдѣ ручной трудъ имѣетъ наибольшее значеніе) обеспечивается тѣмъ, что онъ вводится лишь въ тѣ одноклассныя училища, при которыхъ состоятъ два учителя и гдѣ рисованіе введено въ число обязательныхъ предметовъ обученія.

Мы указали выше, что вводя въ начальную школу ручной трудъ по производству плетеныхъ издѣлій, мы вовсе не рекомендуемъ занимать учащихся однообразными работами по техникумъ ремесла, а обязательно связываемъ сообщеніе умѣній съ развитіемъ вкуса при помощи уроковъ рисованія, имѣющаго, въ данномъ случаѣ, прикладное значеніе и, главное, съ умѣніемъ не только выбрать и подготовить матеріалъ, но и съ практическими свѣдѣніями по культурѣ, то-есть выращиванію корзиночныхъ сортовъ ивъ и другихъ растений, имѣющихъ примѣненіе въ плетеніи.

Какъ же лучше подойти къ вопросу о сообщеніи учащимся особенно въ сельскихъ школахъ свѣдѣній сельскохозяйственнаго характера?

И здѣсь на помощь должна прійти начальная школа, начиная съ указаннаго выше типа ея съ 4-хъ годичнымъ срокомъ обученія: въ этой послѣдней уже является возможнымъ сообщать учащимся начатки естествовѣдѣнія, знакомить ихъ съ производствомъ демонстрацій, опытовъ и даже практическихъ занятій въ саду, огородѣ и т. п. Другими словами: классное преподаваніе начатковъ сельскохозяйственныхъ знаній связать съ занятіями, имѣющими значеніе ручного труда.

При такой организаціи начальныхъ училищъ, мы подготовимъ учащихся къ воспріятію специальныхъ уже знаній по отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, имѣющимъ то или другое мѣстное значеніе.

Однако польза отъ такой постановки школьнаго дѣла будетъ иная: сообщеніе свѣдѣній хотя бы въ самой элементарной формѣ начатковъ естествовѣдѣнія (особенно если таковыя будутъ преподаваться не отвлеченно, а въ примѣненіи къ жизни) какъ нельзя болѣе способствуетъ закрѣпленію грамотности и послужитъ къ общему разви-

¹⁾ Циркулярное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го ноября 1901 г. за № 31732.

тію учащихся. Признавая, такимъ образомъ, за рисованіемъ, естествовѣдѣніемъ и ручнымъ трудомъ (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) значеніе предметовъ общаго начального образованія—нельзя говорить о томъ, что они являются наносными или отнимающими время, затрачиваемое нынѣ на Законъ Божій, чтеніе, письмо и счетъ. Отъ введенія указанныхъ выше предметовъ въ курсъ начальной школы—только усилится грамотность, сдѣлается болѣе прочной. Эти предметы оживятъ преподаваніе и дадутъ импульсъ къ воспріятію другой грамотности, столь же необходимой какъ и общая, грамотности—технической. Надо лишь добиваться, чтобы начальная школа какъ можно скорѣе сдѣлалась доступной.

Итакъ, питомцы начальной школы, въ курсъ которой включенъ хотя бы одинъ изъ указанныхъ выше предметовъ обученія, будутъ наиболѣе воспримчивыми въ отношеніи полученія навыковъ, умѣній и практическихъ свѣдѣній, если они, для своей дальнѣйшей подготовки, попадутъ въ ту или другую школу, классы, профессиональныя отдѣленія, учебныя или частныя мастерскія.

Знакомство съ рисованіемъ, ручнымъ трудомъ или свѣдѣніями изъ начатковъ естествовѣдѣнія также поспособствуетъ тому, что время пребыванія ихъ въ этого рода специальныхъ учрежденіяхъ, какъ учебныхъ, такъ и промышленныхъ, для завершения, такъ сказать, своей технической грамотности, будетъ соответственно сокращаться, что весьма важно въ экономическомъ отношеніи.

Предполагаемъ, что для начального специального образованія массъ является необходимой организація такихъ учебныхъ заведеній, которыя, опираясь на начальную школу, могутъ быть, какъ и эта послѣдняя, доступными.

При выборѣ типа специальной школы необходимо, прежде всего, остановиться на такомъ, который не отрывалъ бы населеніе отъ земли, не содѣйствовалъ бы поголовному уходу изъ деревни, а подготавливалъ бы подростящее поколѣніе къ условіямъ жизни, сообщая знанія и умѣнья, необходимыя для сознательной работы въ тѣхъ отрасляхъ ремесла, производства или сельскаго хозяйства, которыя имѣютъ значеніе по мѣстнымъ условіямъ.

Такой специальной школой, которая можетъ сдѣлаться доступной массѣ, и будутъ служить ремесленные классы и всякаго рода профессиональныя отдѣленія при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, о которыхъ мы говорили въ 12-мъ № *Журнала* за 1904 годъ. Этого рода учрежденія, являясь по существу своему упрощеннымъ

типомъ низшихъ ремесленныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія или учебныхъ мастерскихъ министерства финансовъ и земледѣлія, могутъ сдѣлаться доступными, такъ какъ требуютъ минимальныхъ затратъ на свое устройство и содержаніе.

И если мы не можемъ разсчитывать, по приведеннымъ выше разсчетнымъ даннымъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, на болѣе быстрое распространеніе дорого стоящихъ самостоятельныхъ промышленныхъ школъ, то *широкое насажденіе ремесленныхъ классовъ и профессиональныхъ отдѣленій является, по нашему мнѣнію, дѣломъ вполне осуществимымъ.*

Съ организаціей этихъ учебныхъ заведеній на началахъ, выработанныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и, съ открытіемъ ихъ на условіяхъ новыхъ законовъ 21-го апрѣля 1903 г. и 16-го марта 1904 г.¹⁾, раскинется сѣтъ ихъ. Изъ отдѣльныхъ ячеекъ ея, при благоприятныхъ условіяхъ, могутъ вырастать потомъ и самостоятельныя школы, при чемъ эти послѣднія будутъ жизненными и крѣпкими ростками, такъ какъ явятся результатомъ запросовъ самой жизни и практики самого дѣла.

Само собой разумѣется, что осуществленіе намѣченной нами возможности сдѣлать начальное спеціальное образованіе по возможности доступнымъ населенію, вообще, и сельскому въ особенности, должно произойти по общему плану распространенія промышленнаго образованія подростовающаго поколѣнія, созданному при дружной совмѣстной работѣ всѣхъ подлежащихъ вѣдомствъ, интересы и дѣла которыхъ въ разрѣшеніи этого общегосударственнаго вопроса не могутъ быть различны.

Повторяемъ еще разъ, что широкое и планомерное распространеніе низшаго спеціальнаго образованія будетъ зависѣть отъ совмѣстной работы правительственныхъ учреждений и привлеченія къ этому дѣлу земскихъ и общественныхъ силъ.

Но чтобы и эти упрощенные типы промышленныхъ учебныхъ заведеній, какими являются ремесленные классы и профессиональныя отдѣленія, отвѣчали запросамъ ремесленной и сельскохозяйственной техники въ ея современномъ развитіи, необходимо въ числѣ другихъ условій, обезпечивающихъ ихъ надлежащую организацію, располагать и контингентомъ соответствующихъ руководителей.

¹⁾ См. статью нашу въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* № 12—1904 г.

Другими словами, мы переходимъ къ разсмотрѣнію того важнаго фактора въ жизни всякаго учебнаго учрежденія, которое составляетъ у насъ самое больное мѣсто. Для этой цѣли въ этого рода учрежденіяхъ могутъ служить лица, прошедшія курсъ ремесленныхъ училищъ и сельскохозяйственныхъ школъ не ниже 1-го разряда и имѣющія достаточную практику.

Не вѣрря обученіе простымъ рабочимъ, ремесленные классы и профессиональныя отдѣленія могутъ наравнѣ съ умѣнными сообщить и свѣдѣнія по техникѣ самаго дѣла и закрѣпить графическую грамотность.

До извѣстной степени мы можемъ быть обеспечены такими руководителями мастерами-техниками и при наличномъ числѣ промышленныхъ учебныхъ заведеній.

Но чтобы поставить правильно дѣло преподаванія въ начальной школѣ по рисованію и черченію, а также ручного труда и имѣть возможность ввести преподаваніе начатковъ естествознанія—намъ необходимо какъ можно серьезнѣе отнестись и къ соотвѣтственной подготовкѣ народныхъ учителей.

Учительскіе институты и семинаріи въ настоящей организаціи принявъ дѣйствующихъ программахъ преподаванія рисованія, ручного труда и сельскаго хозяйства не отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны предъявляться къ будущимъ учителямъ этихъ предметовъ въ начальныхъ школахъ.

Мы далеки отъ мысли, чтобы давать учительскимъ институтамъ и семинаріямъ задачу готовить учителей рисованія, учителей ручного труда или сельскаго хозяйства, такъ какъ это дѣло дальнѣйшей спеціальной подготовки ихъ, напрямѣръ, на курсахъ. Но мы утверждаемъ, что въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ преподаваніе этихъ предметовъ можетъ быть поставлено такъ, что учитель, избравшій себѣ ту или другую спеціальность преподаванія, легко доучится и будетъ вполне удовлетворять затѣмъ своему назначенію.

Не вдаваясь въ подробности, пояснимъ примѣромъ. Чтобы приготовить учителя ручного труда, недостаточно пройти съ нимъ курсъ тѣхъ работъ, которыя доступны дѣтскому возрасту, для этого необходимо выработать систему преподаванія и вести обученіе по программамъ, во-первыхъ, соотвѣтствующимъ возрасту учащихся въ семинаріяхъ или институтахъ и, во-вторыхъ, обнимающимъ предметъ въ его цѣломъ. Пройдя курсъ такихъ работъ въ учительскихъ институтахъ или семинаріяхъ, уже не будетъ затруднительно на курсахъ подго-

товать себя въ самостоятельному и сознательному руководительству ручнымъ трудомъ въ начальныхъ школахъ.

Точно также, чтобы получить право преподавать рисованіе и черченіе въ начальныхъ училищахъ, согласно новымъ правиламъ 1903 года ¹⁾, необходимо удовлетворить извѣстнымъ требованіямъ. Если отъ поступающихъ въ учительскіе институты или семинаріи будетъ требоваться выдержаніе экзамена по рисованію: для первыхъ—въ объемъ курса городскихъ, по положенію 1872 года училищъ, и для вторыхъ—въ объемъ курса двухклассныхъ сельскихъ училищъ, прохожденіе этого предмета въ институтахъ и семинаріяхъ можетъ быть поставлено такъ, что воспитанники этихъ учебныхъ заведеній не затруднятся выполнить условія. Только съ соответствующей подготовкой по рисованію въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ можетъ быть обезпечено преподаваніе этого предмета въ начальныхъ училищахъ, ибо преподавателями здѣсь будутъ тѣ же учителя общеобразовательныхъ предметовъ.

Предполагая вопросу о цѣлесообразной подготовкѣ учителей рисованія, ручного труда и сельского хозяйства посвятить отдѣльную замѣтку, мы не будемъ здѣсь входить въ детали и ограничимся лишь общимъ замѣчаніемъ.

Учительскіе институты и семинаріи въ четырехклассномъ составѣ и, организуемые при нихъ, временные курсы могутъ дать необходимый кадръ подготовленныхъ учителей рисованія, ручного труда и сельского хозяйства путемъ мѣропріятій, ничуть не нарушающихъ организацию этихъ учебныхъ заведеній.

Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

И. Рудольфъ.

---

¹⁾ Положеніе объ учителяхъ и учительницахъ рисованія и черченія. Утверждено 18-го іюля 1903 года.

НАЧАЛО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ СИБИРИ.

Въ 1711 г. неудачная попытка нѣсколькихъ шведскихъ плѣнныхъ бѣжать изъ Казани имѣла послѣдствіемъ высылку ихъ гурьбою въ Сибирь.

Они тамъ зажили на цѣлое десятилѣтіе; они привезли туда съ собою свои привычки, страсти, добродѣтели и недостатки; иные учили, другіе занимались тонкимъ мастерствомъ и свои издѣлія посылали въ Москву для продажи, кой-кто заботился о самоусовершенствованіи, а цѣлый сонмъ преданныхъ добру людей принялся за воспитаніе дѣтей и образованіе простаго люда.

Вѣсть о сооруженіи школы въ Тобольскѣ проникла въ печать черезъ проживавшаго въ Москвѣ нѣмца, которому шведскій полковникъ сообщилъ достовѣрныя о ней свѣдѣнія, полученныя отъ учредителя. Но не простирались они дальше 1717 г., будучи, впрочемъ, и отрывочными. Самый главный дѣятель (онъ же и учредитель), по возвращеніи изъ плѣна къ женѣ, издалъ подробное описаніе всего видѣннаго и совершеннаго во время продолжительнаго отсутствія и посвятилъ его шведской королевской четѣ.

Черезъ 4 года вышло уже 2-ое изданіе въ большемъ объемѣ; оно именно лежитъ передо мною: книга въ восьмую долю листа состоитъ изъ стран. 46 (заглавіе, посвященіе, введеніе и пространная экспликація плана школы) + 916 (собственно повѣствованіе до 856 стр., затѣмъ добавленіе и молитва) + 76 (азбучный указатель). Привожу здѣсь цѣликомъ заглавіе изъ-за его точности и обстоятельности, при чемъ нелишне предупредить, что подчеркнутыя мною слова напечатаны красными чернилами:

Wahrhafte und umständliche *Historie* von denen Schwedischen Ge-

fangenen in *Russland und Siberien*, Welchergestalt dieselbe nach dem A. 1709 bey Pultawa in der Ukraine mit denen Russen gehaltenen unglücklichen Treffen, in ihrer Gefangenschafft, zum Theil von Gott kräftig zur Busse entweckt worden, und was sich insonderheit bey der, von einigen unter ihnen angerichteten Schule, zu Tobolsky von Anfange bis zu Ende, wie auch auf ihrer Zurückkunft nach erfolgten Friedens-Schluss begeben hat, mitgetheilet, und nun bey dieser andern Auflage mit einem Anhangе und vollständiger Register vermehret von *Curt Friedrich von Wreech* / gewesenem Capitain unter den Königl. Schwedischen Albedylischen Dragoner-Regiment, — Soran, druckts Johann Gottlieb Rothe, 1728.

Мѣсто печати — урочище въ Лужицкой землѣ, гдѣ авторъ написалъ 8/xii 1724 г. свое посвященіе королевской четѣ, съ сильною примѣсю мистики и съ радостнымъ воспоминаніемъ объ указѣ королевы отъ 2/xi 1713 г. касательно всенароднаго покаянія; онъ поселился въ этомъ краѣ тотчасъ по возвращеніи изъ плѣна черезъ Петербургъ и Стокгольмъ, — тамъ онъ у шурина засталъ жену, которую онъ оставилъ 15 лѣтъ раньше въ беременномъ состояніи, и сына, котораго онъ еще не зналъ; тамъ же онъ, самъ нѣмецъ родомъ, принялся за воспитаніе единственнаго сына графа Промница. 13/24 iv 1728 г. онъ былъ въ Стокгольмѣ, какъ явствуетъ изъ собственноручной его записки, приклеенной къ переплету моего экземпляра; другая, тутъ же находящаяся, бумага даетъ намъ свѣдѣнія о ближайшемъ его помощникѣ, корнетѣ Paull, который 6/ii 1727 г. былъ въ Москвѣ рукоположенъ въ проповѣдники; черезъ 18 лѣтъ, именно въ 1745 г., владѣлецъ моего экземпляра приписалъ къ ней еще со словъ этого Paull'a, что капитанъ ф. Врѣхъ былъ до своей педагогической дѣятельности извѣстнымъ за бреттѣра. Я третью записку нашелъ у конца книги: въ ней говорится объ успѣхахъ пастора Шаршмидта въ Закаспійскомъ краѣ, куда онъ прибылъ въ 1709 г., и о вліяніи его на умъ татарскихъ женщинъ.

Написанная незатѣйливо и отдающая немного постнымъ масломъ, книга все-же очень занимательна по историческимъ и бытовымъ свѣдѣніямъ, которыя ее наполняютъ; есть и кое-какія этнографическія наблюденія; но средоточіемъ всего повѣствованія является подробное описаніе дѣла обученія, — оно шло непрерывно, вопреки затрудненіямъ, невзгодамъ, извѣтамъ и пожарамъ. Начавъ случайно съ сына одного плѣннаго соотечественника, ф. Врѣхъ вскорѣ сдѣлался начальникомъ большого учрежденія, благодаря наплыву учениковъ, помощи отъ московскихъ пріятелей и изъ Германіи, да щедрости обывателей,

русскихъ и татаръ, которые давали пожертвованія отъ одного рубля до 500 червонцевъ. Были возведены 5 двухъ-этажныхъ домовъ и одно зданіе безъ верхняго этажа; былъ и садъ, и конюшня. Обучались дѣти и взрослые, конечно, врозь; явилась необходимость въ интернатѣ: вѣдь родители посылали своихъ дѣтей издалека, изъ-за 700, даже 1800 верстъ; частью ихъ снабжало одеждою само училище; въ концѣ десятилѣтія на воспитаніи состояло 73 дѣвушки и мальчика. Грамота по-нѣмецки и по-шведски (самъ в. Wreesh плохо умѣлъ по-шведски), св. исторія, св. писаніе, церковное пѣніе и законъ Божій дополнялись рисованіемъ, шитьемъ, географіею, арифметикою, геометрию, латынью и французскою рѣчью, — разумѣется, не все преподавалось всѣмъ безъ разбора. Кромѣ плѣнныхъ семей разныхъ сословій, пользовались школою отпрыски русскихъ и малороссійскихъ князей, дворянъ, высшихъ чиновъ, магометанскіе татары, одинъ монгольскій ребенокъ изъ Енисейска, нѣсколько тунгузовъ и сынъ одного француза генералъ-инженера.

Von Wreesh, купно съ друзьями-единомышленниками, устроилъ проповѣди и чтеніе Евангелія и Апостола по-нѣмецки, по-шведски и по-латышски. Съ 1717 г. они, имѣя въ своей средѣ хирурга и фельдшера, открыли не то больницю, не то богадѣльню, для которой выписывали много лѣкарствъ изъ Москвы и изъ отдаленной Halle; въ ней они пользовали до 74 человекъ. Tobolskъ былъ крупнѣйшимъ центромъ ихъ дѣятельности; но за 270 в. оттуда, въ Еланчинѣ и за Уральскимъ хребтомъ, въ Соликамскѣ, работа кипѣла.

Tobolskое училище, вмѣстѣ съ тѣмъ и пріютъ (поступали дѣти 6, 5, даже 3½ лѣтъ; руководители пеклись о дальнѣйшей судьбѣ бѣдныхъ учениковъ), было устроено на началахъ полного равенства безъ различія званія и происхожденія. Петръ Великій заботливо ознакомился съ его внутреннимъ распорядкомъ; получивъ въ Петербургѣ затребованные имъ отчеты и вѣдомости въ началѣ 1720 г., онъ остался очень доволенъ, похвалилъ усердіе устроителей благого дѣла, обѣщавъ свое покровительство и намѣревался отпускать ежегодно извѣстную субсидію.

Въ 1721 г. миръ былъ заключенъ; von Wreesh рѣшилъ распродать все, закрылъ училище въ концѣ ноября 1721 г. и въ январѣ 1722 г. отправился во-свои. Тогда какъ разъ началась дѣятельность митрополита Антонія Стаховскаго, прибывшаго въ Tobolskъ 7-го декабря 1721 г. и первымъ дѣломъ занявшагося возобновленіемъ, на новыхъ началахъ, школы, которая, какъ видно изъ краткаго нашего

обзора, заслуживаетъ въ исторіи просвѣщенія Сибири больше, чѣмъ случайное о ней упоминаніе со словъ Пекарскаго, въ 3-й выноскѣ на стран. 9 интересной статьи А. Лиховицкаго (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, июль, 1905 г.). Что школа не была упразднена въ 1720 г., ясно изъ посвѣщенія ея ген.-губ. кн. Черкасскимъ, который 6/VI 1721 г. осмотрѣлъ ее внимательно, посвѣтилъ всѣ спальни и разглядѣлъ тетради по рисованію и геометріи.

Д. Гинцбургъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ УРУГВАѢ ¹⁾.

Не удовлетворяясь настоящимъ положеніемъ начальнаго образованія въ Уругваѣ, при которомъ обязательность обученія еще весьма далека отъ осуществленія ея на практикѣ, докторъ Пересъ вошелъ въ министерство просвѣщенія съ подробнымъ проектомъ новаго усиленнаго бюджета начальнаго образованія (*presupuesto*), изложеніе котораго заняло болѣе 40 страницъ его отчета: расходы должны возрасти съ 762.138 фр. до 1.200.000 франковъ въ годъ, т.-е. возрасти на 57,5%. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, прошелъ ли законодательнымъ путемъ смѣлый, во всякомъ случаѣ, проектъ энергичнаго національнаго инспектора, равно какъ и въ сужденіи о его отличіяхъ и преимуществахъ по сравненію съ тѣмъ, что было раньше, мы принуждены ограничиваться тѣми пунктами, на которые обращаетъ наше вниманіе самъ авторъ. Слѣдуетъ прибавить, что бюджетъ начальной школы обнимаетъ и расходы на подготовку учителей и учительницъ начальныхъ школъ, такъ называемую *enseñanza normal*.

Начинается со штатовъ. Стоящій во главѣ начальнаго образованія національный инспекторъ долженъ получать 5.000 фр. и 1.500 фр. на разъѣзды; 4 его помощника (*vocales*) по 2.400 фр., то же—директора учительскихъ институтовъ—мужского и женскаго; затѣмъ 18 окружныхъ инспекторовъ (*inspectores departamentales*) съ жалованьемъ по 1.440 фр. каждый и 12 ихъ помощниковъ, для болѣе обширныхъ провинцій, получающихъ по 972 фр.; по 1.600 фр. получаютъ *subdirector* и *subdirectora* мужского и женскаго учи-

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1905 годъ.

тельскихъ институтовъ. Учителя этихъ послѣднихъ получаютъ по 900 фр. независимо отъ пола и отъ предметовъ преподаванія („исторія и конституція“, французскій и англійскій языки, рисованіе, ручной трудъ и пр.); только учительницъ (profesora) „кройки, шитья и домашняго хозяйства“ полагается всего 600 фр. въ годъ. Учителей начальныхъ школъ по новому проекту должно быть: 4 третьей (высшей) степени съ жалованьемъ по 1.080 фр.; 140 второй—по 780 фр. и 512 первой степеніи (городскихъ и сельскихъ)—по 680 фр.; наконецъ 20 *странствующихъ* учителей, получающихъ по 692 фр. При нашемъ недостаточномъ знакомствѣ со стоимостью жизни въ УругваѢ приведенныя цифры могутъ быть однако же интересны своей соотносительностью. Жалованье народнаго учителя (безъ различія пола) составляетъ, такимъ образомъ, почти $\frac{1}{7}$ жалованья высшаго начальника всѣхъ народныхъ школъ (*inspector nacional*); если принять въ расчетъ, что *разъѣзды* (1.500) тратятся приблизительно цѣлкомъ на *разъѣзды* (*locosición y viajes*), а съ другой стороны школьный учитель, очевидно, живетъ въ школѣ,—такое соотношеніе нельзя не признать болѣе благоприятнымъ для низшаго, чѣмъ то принято, напимѣръ, у насъ: подробность, можетъ быть, характерная для современныхъ демократій.

Менѣе благоприятно положеніе *помощниковъ учителей* (*ayudantes*), которыхъ полагается: 8 третьей степеніи, 225—второй и 400—первой; вознагражденія ихъ: 540, 392 и 360 фр. въ годъ. Не лишена интереса постановка школьной статистики (*estadística escolar*), которую предполагается сосредоточить теперь въ Монтевидео; начальнику бюро вмѣстѣ съ двумя помощниками опредѣляется 2.820 фр. въ годъ. На изданіе „Лѣтописи начальнаго обученія“ ассигнуется 1.800 фр. Любопытно, что всѣ жалованія—до самыхъ низшихъ включительно обложены „налогомъ 10 и 5 процентовъ“; точнаго назначенія этихъ двойныхъ вычетовъ мы не знаемъ; составитель отчета всякій разъ вычитаетъ сумму налога изъ суммы ассигнованія, очевидно, на томъ основаніи, что она возвращается въ казну, такъ что общій итогъ въ 1.200.000 франковъ получился уже за вычетомъ налога.

Новостью въ излагаемомъ проектѣ является учрежденіе 4 школъ земледѣлія и зоотехніи, на что потребуется 16.000 фр.; авторъ называетъ ихъ „элементарными и практическими“ и ограничиваетъ служебный составъ такой школы всего тремя лицами, получающими: 824, 560 и 360 фр.; онъ ожидаетъ, что сельское населеніе встрѣтитъ ихъ открытіе „съ восторгомъ“; нельзя не признать такое начало

очень скромнымъ и вмѣстѣ запоздалымъ въ виду громаднаго скотоводства уругвайской пампы. Такой же отгѣнокъ мѣстнаго колорита носить учрежденіе „премій пограничнымъ учителямъ“ (*maestros fronterizos*)—по 60 фр. каждая—на сумму 5.000 фр. въ годъ, „миссія которыхъ полна исключительнаго самоотреченія и патриотизма“: на границѣ съ Бразиліей имъ выпадаетъ лишняя трудность—борьба съ португальскимъ языкомъ. Талантливое описаніе этихъ полудикихъ мѣстностей Уругвая въ книгѣ русскаго дипломата ¹⁾ можетъ хорошо иллюстрировать это мѣсто отчета; преміи назначаются только „выдѣлившимся своей дѣятельностью“. Въ этой тенденціи распространять служебное поощреніе на самыхъ низшихъ сказывается, можетъ быть, также особенность политическаго режима. Въ другомъ мѣстѣ д-ръ Пересъ возстаетъ очень горячо противъ преимуществъ, оказываемыхъ городскимъ учителямъ начальныхъ школъ передъ сельскими; послѣднихъ онъ называетъ „истинными мучениками ихъ призванія“, которыхъ „одиночество и пустынность однообразныхъ равнинъ способно при самомъ живомъ характерѣ превратить въ короткое время въ меланхоликовъ“, и требуетъ совершеннаго уравниванія жалованій. Нѣсколько теплыхъ словъ удѣлено и *странствующимъ* учителямъ, которые принуждены поневолѣ слѣдовать за своими неустойчивыми учениками; они являются также новостью въ бюджетѣ д-ра Пересъ. Прогрессъ школъ общаго типа долженъ выразиться: въ учрежденіи 30 новыхъ школъ, на что требуется 9.000 фр., и въ созданіи новыхъ учителей: 2—третьей (высшей) степени, 8—второй и 34—первой. Такой ростъ дѣла изъ года въ годъ авторъ проекта считаетъ удовлетворительнымъ, хотя и не закрываетъ глаза на медленность движенія по сравненію съ далекимъ идеаломъ всеобщаго обученія и въ виду естественнаго прироста населенія. Къ сожалѣнію, онъ не дѣлаетъ примѣрныхъ расчетовъ на этой почвѣ.

Вышеописанный прогрессъ начальнаго обученія въ республикѣ Уругвай долженъ повести къ увеличенію соответствующаго бюджета съ 762.138 фр. до 1.200.000, то-есть слишкомъ на 57%; авторъ проекта чувствуетъ смѣлость такого шага и беретъ на себя изыскать финансовыя источники, изъ которыхъ можетъ быть покрытъ такой приростъ расхода; здѣсь мы опять имѣемъ передъ собою интересную страничку жизни, столь отличной отъ нашей. Повидимому, финансовая система Уругвая широко примѣняетъ такъ называемыя *цѣлевые*:

¹⁾ А. С. Лонинъ. По южной Америкѣ, т. I.

налоги, то-есть налоги, поступления съ которыхъ имѣютъ заранее определенное назначеніе. Такъ, бюджетъ 1902 г. на начальное образованіе—762.138 фр.—оставлялся изъ слѣдующихъ источниковъ (въ круглыхъ цифрахъ):

Налогъ съ наслѣдствъ	253.000 фр.
„ на съѣстные припасы.	117.000 „
„ „ собакъ.	48.000 „
Городской налогъ для образованія	82.000 „
Сельскій налогъ для той же цѣли.	2.000 „
Налогъ на камень и песокъ	34.000 „
Прилочно изъ суммъ государства	224.000 „

Изъ такихъ разнообразныхъ и отчасти неожиданныхъ для насъ источниковъ добываетъ маленькая страна средства для своей начальной школы.

Новый увеличенный бюджетъ д-ръ Пересъ предполагаетъ создать изъ слѣдующихъ поступленій:

Налогъ съ наслѣдствъ	450.000 фр.
„ на скоть	385.000 „
„ „ съѣстные припасы	150.000 „
„ „ собакъ.	55.000 „
Городской налогъ для образованія	105.000 „
Сельскій налогъ для той же цѣли.	10.000 „
Налогъ на камень и песокъ	40.000 „
Судебные штрафы	5.000 „
	<hr/>
	1.200.000 фр.

Такимъ образомъ, около 30% скромнаго бюджета начальной школы въ предыдущемъ году не покрывалось установленными въ ея пользу цѣлевыми налогами, и государство должно было приплатить (*ha debito contribuer*) крупную сумму въ 224.000 фр. Авторъ проекта старается устранить это, повышая уже существовавшіе налоги въ пользу школы и создавая крупный по суммѣ новый. Обзоръ каждаго изъ нихъ, который онъ дѣлаетъ, не лишень интереса.

Налогъ съ наслѣдствъ, „самый законный и симпатичный изъ всѣхъ“, долженъ почти удвоиться путемъ пониженія *minimum'a* наслѣдства, оплачиваемаго налогомъ, съ 5.000 фр. до 2.000 и путемъ сокраще-

пій—съ 5 лѣтъ на 2 года—срока, въ теченіе котораго наследство можетъ переходить вторично въ новыя руки, не оплачиваясь налогомъ. Собаки должны отнынѣ еще болѣе способствовать своимъ существованіемъ процвѣтанію народной школы: 55.000 фр. вмѣсто 48.000. Прослѣживая цифру поступленія этого налога за нѣсколько лѣтъ, авторъ отмѣчаетъ крупный скачекъ предыдущаго года:—съ 39.000 на 48.000, который онъ отказывается приписать усиленному приросту собачьей породы: стало болѣе тщательнымъ и строгимъ самое взысканіе налога, что онъ рекомендуетъ и впредь. Въ отношеніи налога на съѣстные припасы онъ рекомендуетъ усиленную борьбу съ утайками и обманомъ, который здѣсь особенно сильно практикуется. Камень и песокъ составляютъ, какъ оказывается, серьезный предметъ вывоза въ сосѣднюю, развивающуюся не по дрямъ, а по часамъ Аргентину.

Но главнымъ основаніемъ финансовыхъ комбинацій національнаго инспектора является новый налогъ на скотъ (*impuesto a los semovientes*), именно на быковъ, овецъ, лошадей и свиней, который долженъ принести 385.000 фр., то-есть 32% всего новаго бюджета начальной школы. Эта сумма составляетъ лишь половину поступленія съ проектируемаго имъ налога; другая половина должна пойти на улучшение путей сообщенія. Должно быть, это политическій маневръ—заботой о чужомъ интересѣ подготавливая благосклонный пріемъ своему проекту. Всего новый налогъ долженъ дать, такимъ образомъ, 770.000 фр.; ставки его оказываются невысокими: 5 сантимовъ съ головы быка, 2—овцы, 5—лошади и 10—свиньи; по даннымъ 1900 г. Уругвай обладалъ 7.000.000 быковъ, 19.000.000 овецъ, 600.000 лошадей и 100.000 свиней. При всей необременительности налога д-ръ Пересъ приступилъ къ нему не только осторожно, но „съ почтеніемъ почти мистическимъ“ (*el casi místico respeto*): предстояло затронуть *la soberana ganaderia*, главную силу въ странѣ и источникъ ея богатства, богатыхъ и непривыкшихъ къ сдержанности степняковъ свотоводовъ, повелѣвающихъ надъ цѣлою арміею *gauchos*. Отважившись на такой шагъ, авторъ прибѣгнулъ къ пріему анкеты; онъ опросилъ письменно всѣхъ извѣстныхъ хозяевъ—*ganaderos*; ото всѣхъ отвѣты получились благоприятныя, кромѣ одного, „какъ разъ одинокаго холостяка, притомъ иностранца по происхожденію, собирающагося вскорѣ покинуть страну“. Такимъ образомъ, *пампа* съ ея *асиендами* и *эстансіями* благоволила на новый расходъ въ пользу школы, потому, между прочимъ, догадывается авторъ, что вторая цѣль налога—пути сообще-

нія—очень ей нужны. Налогъ на скотъ уже существовалъ, но отмѣненъ въ 1888 г.; съ тѣхъ поръ, однако, явились усовершенствованные способы перевозки мяса въ замороженномъ видѣ, которые сильно увеличили его вывозъ изъ Уругвая и сдѣлали его болѣе выгоднымъ. Жертва хозяевъ-скотоводовъ, очевидно, очень невелика.

Таковы приемы и пути, которыми прогрессивный *національный инспекторъ* Уругвая стремится подвинуть впередъ дѣло „смирной, но святой начальной школы“ („*umilde, pero Santa Escuela primaria*“). Для насъ необычной кажутся ихъ свобода, разнообразіе, ихъ широко общественный и политическій характеръ; тотъ налетъ канцеляризма, который могъ быть отмѣчаемъ кое-гдѣ въ предыдущемъ, совершенно исчезаетъ передъ очевидной жизненностью и прагматичностью отношенія къ дѣлу, благодаря которой каждая цифра, касается ли она школьныхъ маневровъ или результатовъ налога на собакъ, превращается въ его рукахъ въ цѣлесообразное орудіе на пользу любимого дѣла.

Съ повседневной и болѣе интимной жизнью уругвайской начальной школы мы знакомимся ближе изъ мелкихъ замѣтокъ по разнымъ частнымъ вопросамъ и нѣсколькихъ профессиональныхъ сужденій, которыми д-ръ Пересъ заканчиваетъ свой докладъ.

О физическихъ условіяхъ ученія, его гигиенической обстановкѣ и т. п. говорится немного; благопріятный климатъ страны избавляетъ, повидимому, отъ многихъ заботъ тамошнюю школу; въ школьныхъ бюджетахъ по округамъ часто идетъ рѣчь о *проточной водѣ* для школы, но нигдѣ нѣтъ рѣчи объ отопленіи. Упомянутія объ эпидеміяхъ, особенно скарлатины, встрѣчаются, впрочемъ, часто въ мѣстныхъ отчетахъ. Очень рекомендуется *древонасажденіе*; благодаря ему должна выиграть въ отношеніи здоровья и самая мѣстность вблизи школы—въ степной, бѣдной лѣсомъ странѣ; его идейный смыслъ и моральное вліяніе на дѣтей авторъ выясняетъ съ обычнымъ ему подъемомъ. Заботу о здоровьѣ учащихся выказываетъ онъ по поводу усиленныхъ занятій передъ экзаменами; онъ не скрываетъ своего отрицательнаго отношенія къ послѣднимъ какъ къ педагогическому средству. Идетъ рѣчь также о совершенномъ устраненіи аспидныхъ досокъ къ 1905 году: опыты, произведенные въ 4 школахъ Монтевидео, доказали ихъ опасность, какъ *источника заразы*; подробности не объясняются.

Болѣе вниманія удѣлено духовной сторонѣ школы. Національный инспекторъ озабоченъ тѣмъ, чтобы въ школахъ *религозный актъ* не

смѣшивался съ преподаваніемъ религіи; первый не долженъ вовсе составлять ея заботу; оттого недопустима утренняя молитва, которая по отношенію къ части собравшихся учениковъ можетъ явиться насиліемъ; точно также уроки вѣрученія должны быть послѣдними въ дневномъ расписаніи для того, чтобы могли разойтись по домамъ ученики, которые, по желанію отцовъ, ихъ по слушаютъ. Таково направленіе правительственной *сѣтской* (laica) школы Уругвая; мы помнимъ, что есть еще *escuelas religiosas*, которыя содержатся „религіозными общинами“ (*comunidades*); тамъ, конечно, должны быть другіе порядки; но извѣстно, что Уругвай, оставаясь вообще католическимъ, совершенно порвалъ сношенія съ Римомъ.

Тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ хлопочетъ авторъ отчета о развитіи гражданскихъ и патріотическихъ чувствъ въ школахъ; съ шести лѣтъ пора уже „пробуждать въ ребенкѣ гражданина“, для того, чтобы потомъ онъ отзывался всѣмъ своимъ существомъ на всѣ трепетанія жизни родины (*palpitaciones de su patria*). Одно изъ средствъ—патріотическіе праздники въ дни годовщинъ великихъ событій „изъ эпопей независимости“; ихъ должно быть однако же не слишкомъ много, для того, чтобы, злоупотребляя „трескомъ рѣчей и громомъ музыки“, не притупить чувства; въ числѣ ихъ—4 дня „національнаго траура“. Припомнимъ, при этомъ, что исторія республики очень коротка: ея самостоятельное существованіе началось только съ 1828 г., послѣ того, какъ Аргентина и Бразилія заключили миръ въ Ріо Жалейро. Авторъ хвалитъ умѣренность французовъ, ограничившихся *однимъ* національнымъ праздникомъ—14-го іюля, которому соотвѣтствуетъ 18-о іюля въ Уругваѣ.

Кромѣ праздниковъ той же патріотической цѣли должны служить школьные пѣсни и гимны; выборъ ихъ, къ сожалѣнію, еще малъ; рекомендуются поощрительныя преміи для сочинителей; желательныя темы: родина, знамя, школа, Артигасъ, извѣстный „король гаучо“, и Хосе Варела (національные герои), трудъ, мастерская, прогрессъ, республиканскія учрежденія. Отличительнымъ качествомъ ихъ должна быть „простота, общедоступность, но переходящая въ вульгарность, простонародность“. Она должны будить въ ребенкѣ также и артиста. Школьная обстановка самая подходящая для такихъ впечатлѣній; имѣется убѣдительный примѣръ: „нѣсколько лѣтъ тому назадъ, императоръ германскій, который, какъ извѣстно, не грѣшитъ излишкомъ чувствительности, когда его привѣтствовали, въ какомъ-то торжественномъ случаѣ, пѣніемъ школьныхъ гимновъ, сказалъ сопрово-

ждавшимъ его лицамъ, что онъ никакъ не можетъ слушать безъ душевнаго волненія тѣхъ пѣсенъ, которымъ научился и которыя самъ пѣлъ когда-то мальчикомъ въ школѣ“ (239). Наконецъ, д-ръ Пересъ стоитъ за устройство торжественныхъ актовъ въ концѣ учебнаго года, даже въ самыхъ маленькихъ школахъ, съ участіемъ родителей, чтеніемъ именъ отличившихся, лучшихъ ученическихъ сочиненій на патриотическія и моральныя темы, выставкой работъ и т. д.

Вторая половина монументальнаго тома наполнена годичными отчетами инспекторовъ каждаго изъ 18 департаментовъ. Въ нихъ преобладаютъ, конечно, слишкомъ спеціальныя, мѣстныя свѣдѣнія, но есть и любопытное для насъ. Любопытенъ уже самый ихъ стиль, совершенно чуждый канцелярской сухости: часты принципиальныя разсужденія, изложенныя съ большимъ краснорѣчіемъ и подъемомъ чувства, которыя заставляютъ совершенно забывать, что пишетъ подчиненный къ начальству, идетъ ли рѣчь о томъ, что лучшее обезпеченіе нужно для школьнаго учителя прежде всего для того, чтобы онъ чувствовалъ себя личностью и гражданиномъ, не боясь матеріальной нужды, или о томъ, прилично ли учителю участвовать въ полицейскихъ мѣрахъ побужденія „нерадивыхъ отцовъ“ (*padres remisos*) къ опредѣленію дѣтей въ школы, и т. п. Эта послѣдняя тема проходитъ красной нитью черезъ всѣ инспекторскіе отчеты; прогрессивное правительство очутилось въ двусмысленномъ положеніи, издавъ законъ всеобщаго обученія и не имѣя средствъ заставить уважать его. Учителя передъ началомъ учебнаго года рассылаютъ родителямъ дѣтей печатныя *carteles* съ выписками изъ закона; мѣра какъ будто оказываетъ дѣйствіе. Одни инспектора стоятъ за мѣры строгости: 1, 5 и 50 фр. штрафа за первое, второе и третье напоминаніе, вмѣшательство полиціи; но законъ допускаетъ уклоненіе отъ школы съ замѣной ея домашнимъ обученіемъ; послѣднее должно быть, однако, проверено учителемъ школы; неисполнимость требованія и возможность злоупотребленія со стороны разбросанныхъ по стени родителей очевидна. Болѣе умѣренные хотятъ установить опредѣленные случаи изъятія и насчитываютъ ихъ шесть: болѣзненность ребенка, крайняя бѣдность родителей, необходимость участія единственнаго ребенка въ работѣ родителей, отсутствіе правительственной школы въ ближайшемъ районѣ (предлагается предѣльное разстояніе—8 километровъ для мальчиковъ и 4 для дѣвочекъ), переполненіе соответствующей школы и возможность усвоить курсъ школы иначе. Вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ воедѣствіямъ полиціи, рекомендуется издать законъ, болѣе прино-

соблennyй къ дѣйствительной жизни и справедливый: справедливость поведетъ и къ неуклонности исполненія.

Между уклоненіемъ отъ записи и правильнымъ обученіемъ въ школахъ есть третій случай—неаккуратнаго, спорадическаго или только временнаго посѣщенія школы. Регистраціей этихъ случаевъ и выводомъ цифры *средняго посѣщенія* особенно усердно заняты инспектора; изъ приведенныхъ таблицъ и объясненій къ нимъ мы знакомимся съ техникой дѣла. Одни даютъ цифры учащихся за каждый изъ 4-хъ триместровъ отдѣльно, другіе приводятъ цифру записанныхъ въ началѣ года и сравниваютъ съ цифрой учившихся въ послѣднемъ триместрѣ. По самое понятіе неаккуратнаго посѣщенія шатко; установленнаго условіе—10 дней послѣдовательнаго не оправданнаго отсутствія—для исключенія ученика изъ школы многіе признаютъ слишкомъ строгимъ. Число учебныхъ дней въ году велико: 211; но при неаккуратности посѣщенія оно сокращается въ нѣкоторыхъ округахъ до 139 въ среднемъ на учащагося; въ другихъ—каждый ученикъ потерялъ въ среднемъ 1 мѣсяць учебнаго времени. Повидимому, большія манкировки учащаго персонала не рѣдкость. Въ одномъ округѣ учительницы (25) пропустили въ среднемъ по 33 дня, помощницы (20)—по 30 дней.

Слабое посѣщеніе школы учащимися находится въ тѣсной связи съ разстояніями; здѣсь мы опять встрѣчаемъ любопытныя подробности борьбы съ ними уругвайской начальной школы. Одинъ изъ инспекторовъ предлагаетъ создать особый *сервидумъ свободнаго пропуска* для школьниковъ (*servidumbre escolar de paso*): дѣти, идущія въ школу или изъ школы, должны пользоваться правомъ проходить вездѣ—черезъ всѣ поля, изгороди, дворы, загоны,—съ цѣлью сократить разстояніе между родительскимъ домомъ и школой. Каждый инспекторъ, давая отчетъ въ числѣ посѣщеній начальныхъ школъ своего округа, вычисляетъ и сумму сдѣланныхъ имъ за годъ километровъ, которая доходитъ у нѣкоторыхъ почти до 4.000. Инспекторъ департамента Flores даетъ, напр., такія свѣдѣнія о своей дѣятельности за годъ: „сдѣлано было мною всего 147 посѣщеній, продолжительность которыхъ равняется 460 часамъ; для этого сдѣлано всего 3.373 кил., изъ которыхъ 324 по желѣзной дорогѣ, 85 въ дилижансѣ, 463 верхомъ и 2.501 въ телѣгѣ (*carruaje*); средняя продолжительность посѣщенія—3 ч. 12 мин.; средний расходъ на посѣщеніе—1 фр. 2 сантим.; средняя стоимость 1 километра пути—7 сантимовъ“ (335). Припомнимъ, что всѣхъ школъ въ департаментѣ Flores 21; въ каждой изъ

нихъ инспекторъ долженъ былъ побывать, такимъ образомъ, около 7 разъ въ году. Каждая школа, повидимому, обязательно посѣщается инспекторомъ въ періодъ отъ 15-го ноября до 31-го декабря—лѣто южнаго полушарія—для производства экзаменовъ, за которые каждая школа получаетъ отмѣтку: порядочно, хорошо, превосходно (*sobresaliente*) и т. д. Инспекторъ департамента Salto намелъ возможнымъ вычислить свои посѣщенія по триместрамъ съ точностью до четверти часа. Это злоупотребленіе статистикой, которое способно вызвать улыбку, не мѣшаетъ намъ признать цѣнность другихъ свѣдѣній и цифръ, собранныхъ и скомбинированныхъ съ немалымъ трудомъ—о возрастѣ учащихся, о распредѣленіи по годамъ ученія, о процентѣ дѣтой иностранцевъ, о числѣ и качествахъ заболѣвавшихъ учащихся и учащихся и т. д. Все указываетъ на бодрую дѣятельность школьнаго организма, на бдительность и требовательность наблюдающихъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о подготовкѣ учителей и учительницъ начальной школы Уругвая, такъ называемой *enseñanza normal*. Число учительницъ значительно превышаетъ число учителей; если судить по многочисленности отпусковъ по болѣзни, которые давались особенно первымъ въ учебное время, продолжительностью нередко до 6 мѣсяцевъ, мы можемъ, повидимому, заключить о снисходительномъ и внимательномъ отношеніи. Избытка въ учительскомъ персоналѣ не замѣчается; въ донесеніяхъ инспекторовъ несовсѣмъ рѣдки сообщенія о школахъ, пустовавшихъ по недостатку учителя. Въ таблицахъ находимъ также учителей *безъ диплома*; подъ учителями-иностранцами подразумѣваются испанцы и аргентинцы.

Подготовка преподавательскаго состава начальныхъ школъ производится въ Монтевидео, въ двухъ *учительскихъ институтахъ* (*institutos normales*)—мужскомъ и женскомъ; до 1903 г. тотъ и другой состояли изъ 3-хъ классовъ съ годичнымъ курсомъ; большинство слушателей выпускались послѣ двухъ лѣтъ ученія съ дипломомъ 1-й степени; третій годъ давалъ право на дипломъ 2-й степени. Оба института—интернаты съ большимъ числомъ даровыхъ вакансій (*becas*), государственныхъ (*nacional*) или оплачиваемыхъ округами (*departamental*); даровыя вакансіи замѣщаются по конкурсу; въ отчетахъ директора и директрисы обоихъ институтовъ встрѣчаемъ рядъ примѣровъ; такъ, три слушательницы второго года, конкурировавшія на вакансію, должны были исполнить письменно три темы: по педагогикѣ—о *вниманіи*, по грамматикѣ—о *имени прилагательномъ* и математическую задачу; приемъ конкурса вообще въ большомъ ходу въ школахъ Уругвая.

Задача обоихъ институтовъ состоитъ не только въ приобрѣтеніи знаній и усвоеніи приемовъ, но въ „elevacion intelectual y moral“, въ расширеніи умственнаго горизонта, въ сформированіи „гражданскихъ убѣжденій“; среди предметовъ преподаванія второго и третьяго года находимъ: „мораль“ и „конституцію“; замѣчательно, что въ женскомъ институтѣ оба эти предмета начинаются уже съ перваго года. Содержаніе перваго предмета опредѣляется такъ: „изученіе морали распадается на 3 отдѣла; въ первомъ разсматриваются дѣлнія и факты съ цѣлью вывода изъ нихъ законовъ нравственности—методъ индуктивный; во второмъ устанавливаются понятія нравственнаго и безнравственнаго по отношенію къ человѣческому поведенію — методъ дедуктивный; въ третьемъ идетъ рѣчь о справедливости (justicia) и благотворительности (beneficencia) — методъ индуктивно-дедуктивный“. Изъ иностранныхъ языковъ преподается только французскій— всѣ три года; такъ же и рисованіе; въ женскомъ институтѣ прибавляется шитье, кройка и пѣніе; „агрнкультура и зоотехнія“ преподаются мужчинамъ; зоологія, ботаника, минералогія и „индустрія“ только женщинамъ.

Таблицы экзаменовъ знакомятъ насъ съ составомъ учащихся; изъ 13 слушателей перваго курса переведено 8, на второмъ—изъ 17—15; на третьемъ ни одинъ изъ 5 экзаменовавшихся не выдержалъ. Достаточно одного R (reprobado), чтобы экзаменующійся считался оставшимся; переводныя отмѣтки: A (aprobado — одобренъ) и S (sobresaliente). Послѣ второго года производится также *практическій экзаменъ*, результаты котораго оцѣниваются комиссіей; отсюда отмѣтки: „одобренъ большинствомъ“, „единогласно“, „одобренъ всѣми и признанъ превосходнымъ (S) однимъ“ и т. п. Общее впечатлѣніе—строгость отношеній; по поводу слушательницы, оставленной въ классѣ по причинѣ болѣе 40 пропущенныхъ дней, директриса ходатайствуетъ о томъ, чтобы minimum допустимыхъ пропусковъ былъ уменьшенъ до 30 дней. Характеристики отдѣльныхъ курсовъ въ отношеніи способностей и любви къ дѣлу очень категоричны и серьезны. Женскій институтъ многолюднѣе мужского и, кромѣ того, долженъ считаться съ усиленнымъ наплывомъ желающихъ поступить, которыхъ приходится принимать по конкурсу. Въ 1902 г. изъ 53 аспирантокъ принята 31, въ 1903-мъ—изъ 70—57; размѣры требованій, очевидно, не повышаются и не понижаются въ зависимости отъ числа экзаменуемыхъ. При этомъ руководствуются *суммой* балловъ; максимальная—30 балловъ (puntos), минимальная удовлетворительная—16. Даровыхъ

вакансій въ женскомъ институтѣ гораздо больше; число экзаменовавшихся въ послѣдовательныхъ классахъ, въ 1902 г., было: 28, 23 и 5, въ 1903-мъ—40, 29, 9.

Только годъ, какъ въ женскомъ учительскомъ институтѣ установленъ четвертый годъ ученія, дающій дипломъ 3-й степени; первый выпускъ изъ 5 лицъ состоялся въ ноябрѣ 1903 г. Такъ какъ это является новинкой и притомъ вызвано къ жизни, очевидно, авторомъ этого отчета, то сообщаются подробныя свѣдѣнія. Приведены подробныя программы всѣхъ 5-ти предметовъ преподаванія: педагогики, математики, политической экономіи, реторики и сельскаго хозяйства. *Педагогика*, преподававшаяся также всѣ 3 предыдущіе года, состоитъ здѣсь изъ двухъ отдѣловъ: „спеціальная методика по предметамъ“ и „организція народнаго просвѣщенія въ странѣ“; программа втораго отдѣла начинается такими положеніями: „каждому робонку принадлежить право на образованіе по отношенію къ семьѣ и государству; вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть право общества по отношенію къ государству и право будущаго по отношенію къ настоящему“. Сообщается „классификація школьнаго начальства“, „размѣры компетенціи, права и обязанности всѣхъ дѣятелей просвѣщенія“ и т. п. Программа математики (арифметики, алгебры и геометріи) предполагаетъ, повидимому, отчасти повтореніе пройденнаго раньше; по алгебрѣ въ концѣ программы находимъ—уравненіе первой степени со многими неизвѣстными; программа геометріи оканчивается коническими сѣченіями—въ „общихъ чертахъ“.

Политическая экономія, которую преподаетъ *profesóra* Маргарита де-Сангиветти, обнимаетъ весьма разностороннюю программу, трактующую о системѣ налоговъ, денежномъ обращеніи, монометализмѣ и биметализмѣ, банкахъ, кредитѣ, эмиссионномъ правѣ, капитализмѣ, стачкахъ, фабричномъ трудѣ малолѣтнихъ и мн. др., кончая главой: „бюджетъ и происхожденіе государственнаго долга“. *Реторики*, представляющая собою подробное ученіе о стилѣ, забота о которомъ характеристична для испанской расы; преподается также женщиной (Паулина Люиса). Программа сельскаго хозяйства начинается разсмотрѣніемъ вопроса о роли земледѣлія въ Уругваѣ—настоящей и возможной въ будущемъ, и оканчивается главой „о врагахъ агрикультуры“—вредныхъ насѣкомыхъ, болѣзняхъ злаковъ и т. п.

Такова высшая ступень того образованія, которое подготавлиетъ будущихъ дѣятелей начальной школы. Любопытно то, что она доступна пока только женщинамъ; въ мужскомъ учительскомъ инсти-

тутъ нѣтъ этого дополнительнаго курса; въ близкомъ будущемъ оба института должны слиться и образовать Instituto normal nacional, а въ провинціальныхъ городахъ должны открыться institutos departamentales съ 3-хъ годичнымъ курсомъ. Итакъ, женскій педагогическій трудъ на поприщѣ начальной школы въ этой оригинальной по культурнымъ условіямъ, демократической странѣ идетъ впереди мужского, не отвоєвывая себѣ права у государства, а поощряемый послѣднимъ, поставленный имъ въ болѣе благоприятныя условія, нежели мужской. Характеристично при этомъ еще то, что женщина выдвинута на первый планъ какъ школьная учительница тамъ, гдѣ развитію гражданскаго совнанія черезъ школу придастся такое большое значеніе. Въ современной картинѣ женскаго труда этотъ фактъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Конечно, рассматривая дѣйствительность до такой степени намъ далекую и чуждую, мы можемъ довольно легко слѣдствіе принять за причину или обратно; мы видѣли, что наплывъ желающихъ поступить въ женскій учительскій институтъ былъ особенно значителенъ и растетъ замѣтно; начальница института сообщаетъ, что „на конкурсѣ явились даже тринадцатилѣтнія дѣвочки въ коротенькихъ платьяхъ“,—можетъ быть, это предложеніе въ усиленныхъ размѣрахъ имѣло и свои экономическія причины; но мы имѣемъ право искать и другихъ объясненій—въ выдающихся качествахъ испанской женщины, въ ея физической энергіи и большомъ запасѣ духовныхъ силъ, который естественно выдвинулъ ее въ первые ряды дѣятелей школы и успѣлъ повліять на самое законодательство. Не мѣшаетъ замѣтить, что такой освѣдомленный наблюдатель, какъ покойный А. С. Юннинъ, вѣрилъ въ будущее, блестящее возрожденіе испанской расы на ея сравнительно новой, южно-американской родинѣ, главнымъ образомъ, благодаря высокимъ качествамъ ея женщины.

А. Шальгинъ.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ.

*Современное воспитаніе и новыя пути по Эльсландеру. Составилъ М. Кле-
ковскій. Библіотека „Новаго воспитанія“ подъ редакціей И. Гурбутова-
Посидова. М. 1905. Стр. 83. Цѣна 40 коп. 8°.

Первый выпускъ изданія „Новаго воспитанія“ не производитъ благо-
пріятнаго впечатлѣнія. Критика существующихъ порядковъ школьнаго
воспитанія слишкомъ радикальная, а указанные новыя пути слишкомъ
утопичны и не обоснованы достаточными аргументами.

Судя по оглавленію, книга должна состоять изъ предисловія, части
первой, въ которой описывается современное воспитаніе, и части вто-
рой, въ которой указывается общій планъ рациональнаго воспитанія;
однако предисловія мы въ книгѣ не нашли, и это насъ не особенно
опечалило, ибо достаточно и тѣхъ необоснованныхъ утвержденій, ко-
торыя на каждой страницѣ встрѣчаются въ имѣющихся двухъ частяхъ
книги.

Первая часть посвящена критикѣ существующихъ порядковъ школы;
не указано какой, но нужно думать, что критика относится ко всѣмъ
школамъ Европы вообще. Недостатки авторъ находитъ въ физиче-
скомъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи: авторъ находитъ,
что и самое дѣленіе воспитанія на физическое, умственное и нрав-
ственное есть нелѣпость (стр. 31), свойственная старой школѣ; въ
новой школѣ этого ничего не будетъ, ибо связь этихъ родовъ дѣя-
тельности настолько тѣсна, „что становится трудно различать дѣя-
тельность чисто физическую отъ чисто умственной“. Главный недо-

---

*) Отзвмы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета мини-
стерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу на-
чальнаго образованія, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

статокъ старой школы заключается въ томъ, что въ ней господствуетъ принужденіе въ формѣ порядка, поддерживаемаго въ классѣ, въ формѣ программъ обязательныхъ для прохожденія, и, наконецъ, въ формѣ обязательныхъ правилъ, проводимыхъ путемъ наказанія и высшаго принужденія. Все это никуда не годится: обычай задавать уроки на домъ—естъ обычай „варварскій“; занятія въ классѣ ведутся до того жалко, что разница между школьникомъ и его безграмотнымъ сверстникомъ невелика (стр. 6). Темы на сочиненія задаются нелѣпыя, какъ, наприѣръ, „Письмо, приглашающее ветеринара лѣчить больную кобылу“ (предполагается, вѣроятно, отъ женской болѣзни), стр. 7. Однимъ словомъ, современная школа „упраздняетъ разумъ и совѣсть“ (стр. 21).

Изъ этой критики ясно, чего желаетъ авторъ: свободнаго воспитанія: „наказанія вовсе не нужны, такъ же какъ не нужно и послушаніе“ (стр. 26). „Долой классы, уроки и расписание“ (стр. 33). „Мы требуемъ полной свободы передвиженія во всякое время, жизни на чистомъ воздухѣ, на лонѣ природы“. „Отличительная черта предлагаемой системы заключается въ созданіи обстановки, наиболѣе благоприятной для свободнаго самопроизвольнаго развитія“ (стр. 34). „Путь свободнаго развитія строго согласенъ съ естественнымъ закономъ, т. е. съ закономъ перехода отъ эгоизма къ самому возвышенному альтруизму“ (стр. 39). „Мы требуемъ, чтобы ребенку было предоставлено естественнымъ образомъ согласовать свою волю съ обстоятельствами, его окружающими, не прибѣгая ни къ принужденію, ни къ обязательствамъ“ (стр. 41). У читателя естественно возникаетъ сомнѣніе на счетъ положенія родителей по отношенію къ такому воспитанному на свободѣ и лишенному всякихъ обязательствъ ребенку. Г. Ключковскій спѣшитъ успокоить родителей: въ примѣчаніи на стр. 42 онъ говоритъ: „Родители и воспитатели вполне свободны вліять на поведение и сознаніе ребенка своимъ примѣромъ, создавать вокругъ него всю свою жизнь правдивую атмосферу, дѣйствующую воспитывающимъ образомъ, и даже *высказывать въ присутствіи ребенка свои нравственныя убѣжденія*“. Не слишкомъ ли много правъ предоставляеть г. Ключковскій родителямъ?

Мы не станемъ дѣлать дальнѣйшихъ выписокъ изъ книги г. Эльландера; полагаемъ, однако, что во многомъ, что онъ изображаетъ какъ будущее блаженное состояніе, можно узнать современное положеніе и что наступитъ время, когда будутъ взывать къ болѣе строгой дисциплинѣ въ школахъ и къ болѣе точному прохожденію про-

граммъ; только мечтаю „о лонгъ природы“ врядъ ли суждено осуществиться; нужно желать лишь, чтобы было побольше школъ, хотя бы и шлохихъ, какъ увѣряетъ г. Эльсландеръ.

Будемъ надѣяться, что слѣдующіе выпуски „Новаго воспитанія“ окажутся болѣе содержательными.

Э. Радловъ.

*9. *Паркеръ*. Китай, его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Перевелъ ген. шт. полков. Грулевъ. С.-Пб. 1903. Стр. XXIV+569+6 картъ. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Паркеръ, бывший 30 лѣтъ англійскимъ консуломъ въ Китаѣ, извѣданный эту страну по всѣмъ направленіямъ и изучившій основательно ея языкъ и литературу, написалъ свою книгу „China, her history, diplomasy and commerce“, выдержавшую въ короткое время два изданія, по туземнымъ источникамъ и личнымъ наблюденіямъ. Англійская критика встрѣтила книгу съ восторгомъ; рецензиі въ *Academy*, *Athenaeum* и *China Review* называютъ ее единственною въ своемъ родѣ по замыслу и исполненію. Менѣе благосклонны нѣмецкіе критики. *Brandt* въ „*Pettermanns geogr. Mitteilungen*“ указываетъ на поверхностность автора, на недостатокъ у него историко-философскаго пониманія, и заканчиваетъ: „у кого найдется время для прочтенія 300 страницъ этой книги, тотъ, конечно, найдетъ въ ней много интереснаго и поучительнаго, но у кого оно есть въ настоящее время? Уже бѣглый взглядъ убѣждаетъ, что въ книгѣ дѣло идетъ скорѣе о механическомъ сопоставленіи фактовъ, чѣмъ о философскомъ построеніи того, что мы привыкли понимать подъ „исторіей“. Въ ошибкахъ или тенденціозности и этотъ критикъ не нашелъ, такимъ образомъ, возможности обвинить Паркера. Суровое отношеніе можетъ быть отчасти объясняется суровымъ приговоромъ, который высказываетъ Паркеръ захвату Цзяо-чжоу (стр. 191 перевода: „этотъ шагъ Германіи, не имѣющій собою примѣра въ лѣтописяхъ дипломатическихкихъ сношеній, противный понятіямъ международной вѣжливости“)...

Отношеніе автора къ Россіи вездѣ корректно. Такъ, онъ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ примириться съ занятіемъ Манчжуріи, указываетъ на труды русскихъ ученыхъ по изученію Азіи (между прочимъ Бретшнейдера, котораго переводчикъ вездѣ называетъ Брейтшнейдеромъ), отмѣчаетъ тактичность православныхъ миссіонеровъ и т. п. Правда, онъ не скрываетъ своихъ симпатій къ Япоіи (стр. 197—200 пер.) и при всякомъ удобномъ случаѣ выставляетъ своихъ англи-

чанъ (особ. стр. 288, гдѣ предлагается корейцамъ подчиниться англійскому режиму, и стр. 449, гдѣ для реформы китайскихъ финансовъ рекомендуются англійскіе дѣятели), но и это не выходитъ за предѣлы приличія, и въ устахъ англичанина вполне естественно. Для русскаго читателя особенно интересно, что Паркеръ останавливается на китайскихъ источникахъ, повѣствующихъ о сношеніяхъ съ Россіей еще въ московскій періодъ.

Переводъ не можетъ быть названъ безупречнымъ. Мѣстами это пересказъ съ пропускомъ цѣлыхъ фразъ, мѣстами—съ вставками ненужныхъ словъ, не имѣющихся въ оригиналѣ. Неточности, искаженія смысла и неправильности нерѣдки.

Приводимъ примѣры:

<i>Переводъ:</i>	<i>Текстъ:</i>	<i>Должно быть:</i>
Стр. 5: „оставляя въ сторонѣ вопросъ о насиліованіи нашихъ политическихъ чувствъ“ (дѣло идетъ о Манчжуріи).	we can, without great violence to our feelings.	мы можемъ, не особенно насилуя наши чувства (...отнести на второй планъ Манчжурію, Тибетъ)...
Стр. 212: „Россія доподняетъ... представляя собою грандіозный пріамъ въ мировой исторіи образованія такой величественной державы“.	Russia... and is the first great instance in the world's history of a powerful empire of a powerful empire nottle of the temperate zone.	и это первый крупный случай въ мировой исторіи могущественной имперіи къ с. отъ умпреннаго пояса.
Стр. 483. „Преобладающей чертой характера манчжуръ является смѣшеніе лѣни и гордости“. Пропущено „with a tendency to get drunk“—„съ склонностью къ пьянству“.		
Стр. 491: „Китайцы съ большей безцеремонностью и меньшимъ умѣньемъ обходятся съ правдой по сравненію съ европейцами“.	„A Chiman is not so nice and particular about the truth, as we think we are“.	Китаецъ не столь щепотливъ и разборчивъ относительно правды, какъ мы, согласно нашимъ собственнымъ представленіямъ о себѣ.
Стр. 526: „Время это совпадаетъ съ обширными завоеваніями паретанъ широко распространившимся пышнымъ расцвѣтомъ греко-римской цивилизаціи“.	The time coincides with the conquests of the Parthians, and it is possible that Graeco-Roman civilization was affected by the same wave that influen-	время это совпадаетъ съ завоеваніями Паретанъ. Возможно, что греко-римская цивилизація оказалась подъ вліяніемъ той же волны, которая нахлы-

извѣстїи. Весьма возможно, sed China — whatever it was и на Китай—какая это отдаленная война war“. бы она ни была.
 этихъ событїи коснулись
 и береговъ Китая“.

На стр. 526 дальше—неточный пересказъ текста, а стр. 527 вызоветъ недоумѣніе читателя. Оказывается, что буддизмъ „быстро и глубоко врѣзался въ умы китайцевъ“ и имѣлъ на нихъ „весьма благотворное вліяніе“, и въ то же время „ученіе Будды въ настоящее время совершенно дискредитировано въ Китаѣ“. Дѣло объясняется просто: авторъ во второмъ случаѣ употребилъ „doctrine“ въ смыслѣ догматики, какъ продукта историческихъ наслоеній на первоначальное ученіе Будды. Странно, что переводчикъ не замѣтилъ этого—выше авторъ помѣстилъ цѣлое разсужденіе, въ которомъ онъ проводитъ различіе между первоначальными ученіями и „doctrine“.

Не всѣ карты оригинала помѣщены въ переводѣ, за то приложена большая карта собственнаго Китая, составленная Бородовскимъ. Пропущены въ переводѣ также словарь и указатель. Замѣтимъ, что переводчикъ въ предисловіи автора „and I made add the Index“ передаетъ „къ этой книгѣ прилагается оглавленіе“ (!) Въмѣсто этихъ весьма полезныхъ добавленій онъ счелъ нужнымъ снабдить книгу примѣчаніями, не всегда удачными, напримѣръ, на стр. 189: что „Hinterland“—политико-географическій терминъ, народившійся во время послѣднихъ захватовъ въ Китаѣ“. На стр. 228 перевода авторъ все еще называетъ Строгановыхъ „полутатарскимъ купеческимъ обществомъ“. Переводчику здѣсь бы слѣдовало указать, что въ русской наукѣ это мнѣніе уже оставлено.

В. Т.

*Краткій Учебникъ Географіи. Европа. Общій очеркъ и страны Западной Европы. Съ 27 рисунками, 18 картами въ текстѣ и 13 раскрашенными картами. Составилъ А. Соколовъ. Изд. картографическаго зав. А. Ильина. 120 страницъ. Цѣна 65 коп. С.-Петербургъ. 1906.

Оглавленннй учебникъ по расположенію частей подходит къ официалънымъ программамъ географіи Европы, предназначаемымъ для III класса гимназій и реальныхъ училищъ.

Послѣ общаго обзорѣнія слѣдуетъ частное обзорѣніе государствъ Европы въ такомъ порядкѣ: Пиренейскій полуостровъ, Италия, Франція, Швейцарія, Бельгія, Голландія, Германія, Австро-Венгрія, Румынія, Балканскій полуостровъ, Скандинавскій полуостровъ, Данія и Британское королевство.

Въ общемъ обзорѣни составитель болѣе, чѣмъ другіе надатели однородныхъ учебниковъ, останавливается на климатѣ, на растительномъ и животномъ царствахъ и на народонаселеніи. Къ общему же обзорѣни отнесено болѣе обстоятельное описаніе области Альпъ, принадлежащей различнымъ государствамъ. При обзорѣни странъ географическій матеріалъ располагается по естественнымъ областямъ, что и составляетъ особенность труда г. Соколова, рѣзко отличающую его отъ другихъ учебниковъ того же наименованія. Каждая такая естественная область въ каждой странѣ составляетъ какъ бы свою особую группу, въ которую входятъ данныя изъ географіи физической, промышленной и топографической; вопросы же о народонаселеніи, вѣроисповѣданіи, управленіи отнесены къ концу обзорѣни каждой страны. Административное дѣленіе, провинцій и даже политическое дѣленіе, напримѣръ Германской Имперіи, или вовсе опускаются или же перечисляются только мимоходомъ. Разсмотрѣніе по естественнымъ областямъ представляетъ большое удобство въ методическомъ отношеніи, такъ какъ главные географическіе объекты, относящіеся къ орографіи, гидрографіи, почвѣ и занятіямъ жителей, рассматриваются въ связи одно съ другимъ; кромѣ того, оно неминуемо сближаетъ учебниковъ съ картою. Но такое расположение матеріала требуетъ отъ учениковъ нѣкоторыхъ свѣдѣній по геологій, и вотъ по этой-то послѣдней причинѣ, въ богатой нѣмецкой, учебно-географической литературѣ, обзорѣни по естественнымъ областямъ допускается только въ старшемъ курсѣ географіи и, во всякомъ случаѣ, не ранѣе средняго. Къ чести нашего составителя, надо сказать, что онъ благополучно обошелъ этотъ подводный камень,—такъ какъ факты, относящіеся къ геологій, взяты самыя близкіе къ темѣ, которые при незначительныхъ объясненіяхъ и особенно при существованіи хотя небольшихъ минералогическихъ коллекцій могутъ быть легко поняты учениками гимназій.

Впрочемъ, чувство мѣры и краткость наблюдаются по отношенію къ географическимъ даннымъ всѣхъ категорій, особенно по отношенію матеріала, легко улетучивающагося, какъ, напримѣръ, при описаніяхъ достопримѣчательностей городовъ, при статистическихъ данныхъ. Многое въ этомъ отношеніи, очевидно, авторъ предоставляетъ или личнымъ объясненіямъ учителей или самостоятельному чтенію учениками статей изъ хрестоматій и т. п. Приложенныя къ учебнику раскрашенныя карты за небольшими исключеніями вполне приспособлены къ тексту, выполнены хорошо и безусловно наглядны. Въ попол-

неніе такихъ раскрашенныхъ картъ къ книгѣ приложены еще 18 схематическихъ карточекъ въ текстѣ, которыя иллюстрируютъ какія-нибудь спеціальныя данныя, какъ то: естественныя произведенія той или другой страны, или же изображаютъ дельты, лагуны, Босфоръ и т. п. Рисунки, приложенныя къ тексту, представляютъ или наиболѣе рельефныя виды изъ природы, какъ, напримѣръ, Алечскій ледникъ, Исполновы горы, скалы, песчаники въ Саксонской Швейцаріи, или же какія-нибудь обработанныя культурныя мѣстности. Видовъ городовъ дано 3—4.

Въ текстѣ мѣстами встрѣчаются неравномѣрности, а именно: на стр. 18, въ Общемъ обзорѣніи, въ § о народонаселеніи указывается на географическое разселеніе даже относительно мелкихъ народностей, что ученику удобнѣе узнать изъ частнаго обзорѣнія, въ § же о климатѣ, nordъ-остъ только упоминается и описанія его вреднаго вліянія на весь югъ Россіи нигдѣ въ текстѣ больше не встрѣчается. Затѣмъ Испаніи и Португаліи отведено 205 строкъ, а Швеціи и Норвегіи—159 строкъ, хотя послѣднія государства въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ неизмѣримо важнѣе для русскихъ,—и въ объяснительной запискѣ географіи значится, что на ближайшія къ Россіи государства должно обращать больше вниманія. Далѣе, на стр. 48, авторъ отмѣчаетъ, что овернцы исполняютъ въ сосѣднихъ областяхъ обязанности чернорабочихъ: водозововъ, дворниковъ и т. д.; между тѣмъ нѣтъ и поминна о дѣленіи Франціи на департаменты. На стр. 58 говорится: „Голландія снабжаетъ всю Европу явскимъ кофе. Этотъ продуктъ привозится въ Амстердамъ и оттуда продается въ разныя страны“, а между тѣмъ г. Кёнигсбергъ въ Пруссіи только поименованъ, но ничего не сказано ни о его богатствѣ, нажитомъ отъ торговли съ Россіей, ни о его крѣпости, направленной также противъ Россіи; также не отмѣчено его старинное славянское названіе, хотя бы на картѣ.

Попадаются противорѣчія и неточности, такъ, на стр. 85 и 86, съ одной стороны утверждается, что засуха уничтожаетъ растительность на Венгерской пустѣ, а съ другой доказывается, что тамъ распространено скотоводство. Во избѣжаніе такого противорѣчія, казалось бы необходимо отгнѣнить значеніе Карпатъ, какъ защиты Венгерской пусты отъ восточныхъ вѣтровъ.

Далѣе, на стр. 18, читаемъ: „Романскіе языки происходятъ отъ древняго мертвѣаго языка—латинскаго“. Можно подумать, что романскіе языки происходятъ отъ того древняго литературнаго языка, ко-

торый изучается въ гимназіяхъ. Стр. 12: „Каспійское море лежитъ въ предѣлахъ Азіи“. На стр. 17: восточная и западная половины Европы названы „отдѣлами“. Затѣмъ гор. Филиппополь показанъ на р. Тунджѣ, на картѣ, впрочемъ, правильно.

Встрѣчаются также несоотвѣтствія между текстомъ и картою. Тамъ, въ текстѣ Франціи названы Валансьенъ, Форэ, Крезо, Фосиль, Шарола, Монизэ, а на картѣ ихъ нѣтъ. На стр. 45 въ текстѣ сказано, что Лангедокскій каналъ идетъ отъ Арля на Ронѣ, а Арля на картѣ нѣтъ. Въ текстѣ Германія упоминается притокъ Майна—Редницъ, а на картѣ нѣтъ. Въ текстѣ—Аахенъ, на картѣ Ахенъ.

Мѣстами встрѣчаются шероховатости въ языкѣ. Напримѣръ: на стр. 81 читаемъ: „Хмель *служитъ* для обширнаго пивоваренія, центромъ котораго *служитъ* Пильзенъ“. На стр. 27: „Отложенію ила Ломбардская низменность обязана своимъ большимъ плодородіемъ и *плоскою* почти горизонтальною *плоскостью*“. Карта народонаселенія Европы названа „народной“ картою.

Изданъ учебникъ опрятно, напечатанъ крупнымъ, четкимъ шрифтомъ, за исключеніемъ двухъ трехъ мѣстъ, и на хорошей бумагѣ. Опечатки встрѣчаются впрочемъ, какъ напримѣръ: *Ница*, *Коринфскій*, особенно же досадная опечатка на картѣ Германской Имперіи: рѣка Заале названа *Эмаль*.

И. Белларининовъ.

**Гусевъ, А.* Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Изданіе десятое, печатанное безъ переимѣнъ съ четвертаго, одобреннаго особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособия для начальныхъ народныхъ училищъ. Москва. 1904. Цѣна 25 коп.

О книжкѣ г. Гусева прежде всего нужно сказать, что она имѣетъ вполне приличную внѣшность; бѣлая плотная бумага и четкій шрифтъ очень выгодно выдѣляютъ ее изъ ряда однородныхъ книжекъ другихъ составителей. Учебникъ этотъ распадается на три отдѣла. Въ 1-й отдѣлъ внесено все то, что обыкновенно помѣщается въ церковно-славянскихъ букваряхъ: матеріалы для ознакомленія съ буквами, подстрочными знаками, знаками препинанія и церковно-славянскія цифры. 2-й отдѣлъ отведенъ упражненіямъ, которыя предлагаются ученикамъ для ознакомленія ихъ съ наиболее употребительными церковно-славянскими формами, рѣзко отличающимися отъ формъ русскаго языка. Въ 3-мъ, самомъ обширномъ отдѣлѣ учебника ученикамъ предла-

гаются для чтенія статьи изъ св. Писанія ветхаго и новаго за-вѣта, за ними нѣкоторыя богослужебныя пѣснопѣнія, общеупотребительныя молитвы и псалмы, наичаще употребляющіяся при богослуженіи. Книжка заканчивается словаремъ. Несомнѣнно, что для успѣшности дѣла слѣдуетъ на 1-й ступени ознакомленія учениковъ съ церковно-славянскимъ языкомъ заняться только наученіемъ ихъ чтенію церковно-славянскихъ словъ безъ титлъ; когда же эту трудность ученики одолѣютъ, тогда имъ слѣдуетъ предложить для чтенія слова титленныя; далѣе необходимо ознакомить ихъ съ церковно-славянскими формами, насколько этого можно достигнуть чисто практическимъ путемъ. Точно также правильное веденіе дѣла требуетъ, чтобы статьи повѣствовательнаго характера были предложены ученикамъ прежде церковныхъ пѣснопѣній и псалмовъ, произведеній лирическихъ. Мѣсто для словаря церковно-славянскихъ словъ, конечно, въ концѣ учебника. Итакъ противъ расположенія главныхъ отдѣловъ книги г. Гусева нельзя, кажется, ничего возразить. Но если обратиться къ подробному разсмотрѣнію ея, то окажется, что въ ней не мало дефектовъ, которые необходимо давно устранить, не перепечатывая ея „безъ перемѣнъ“ изъ изданія въ изданіе. Полагаемъ, что авторъ вполнѣ признаетъ резонными всѣ нижеуказываемыя нами замѣчанія.

Начнемъ съ 1-го отдѣла. Знакома учениковъ съ церковно-славянскими буквами, сходными съ русскими, авторъ предлагаетъ имъ для чтенія сначала 3 страницы отдѣльныхъ словъ, потомъ двѣ страницы отрывочныхъ краткихъ церковно-славянскихъ текстовъ. Такъ какъ ученикамъ, изучавшимъ русскую азбуку и приступающимъ къ изученію церковно-славянской грамоты можно дать для чтенія прямо церковно-славянскіе тексты, въ родѣ: Дѣломъ ѿ славома чти ѿтца твоюго ѿ матери (Фр. га. 7, ст. и); страха господень слава ѿ поухала (Ѳал. 13, ст. 4) и т. п., то, очевидно, нѣтъ никакой необходимости предлагать имъ наборъ отдѣльныхъ словъ. Да и что пользы ученикамъ, если они будутъ читать, напр. на 2-й страницѣ книги: „пѣки, гѣла, корень, заѣто, чѣдо, сѣрдце, кѣши, пѣсѣла“, или 3-й страницѣ: „лѣниѣка, тѣкорѣта, амѣбѣла, гортѣма“ и т. п.? Пользы въ чтеніи такого матеріала для учениковъ не можетъ быть никакой. На урокахъ церковно-славянскаго чтенія можно вовсе обойтись безъ такого матеріала, благодаря тому, что въ церковно-славянской азбуцѣ имѣется 30 буквъ, сходныхъ съ русскими, а потому можно предложить ученикамъ краткіе тексты, которые изображены только этими буквами. Въ послѣднемъ случаѣ ученики будутъ читать полезное содержаніе.

Другой недостатокъ предлагаемаго авторомъ ученикамъ набора отдѣльныхъ словъ состоитъ въ томъ, что въ немъ ученики на первыхъ же порахъ встрѣчаютъ слова съ непонятными для нихъ значеніями, напр. ꙗки, љзѣ, зачѣло и т. п. Такія слова авторъ предлагаетъ ученикамъ для чтенія, когда они еще не могутъ пользоваться словаремъ церковно-славянскихъ словъ, не зная порядка и буквъ да и названій многихъ буквъ.

За страницами отдѣльныхъ словъ, ознакамливающими учениковъ съ 30-ю церковно-славянскими буквами, сходными съ русскими, въ учебникѣ предлагаются для той же цѣли двѣ страницы краткихъ текстовъ. Въ числѣ текстовъ даны такіе, которые недоступны пониманію учениковъ въ это время обученія, и трудно объяснить ихъ ученикамъ.

О содержаніи краткихъ отрывочныхъ текстовъ, входящихъ какъ въ содержаніе 1-го отдѣла учебника, такъ и 2-го (знакомство съ церковно-славянскими формами) считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько особыхъ замѣчаній. 1) Тексты эти, главнымъ образомъ, историческаго характера. Ими съ удобствомъ можно пользоваться, когда они взяты изъ библейскихъ исторій, уже изученныхъ учениками. Но уроки церковно-славянской азбуки и уроки ознакомленія съ церковно-славянскими формами обыкновенно предлагаются ученикамъ въ концѣ 1-го и въ началѣ 2-го учебнаго года, когда, слѣдовательно, ученики или еще не изучали священной исторіи, или только что приступили къ изученію ея. Авторъ же учебника беретъ часто тексты такихъ исторій, знанія которыхъ не требуется даже программой закона Божія, дѣйствующею въ школахъ, на примѣръ изъ исторіи Мельхиседека, изъ исторіи исцѣленія тещи апостола Петра, и др. Неудобства подобнаго матеріала мы видимъ въ томъ, что краткіе тексты, выхваченные изъ повѣствованій, незнакомыхъ ученикамъ изъ уроковъ закона Божія, естественно должны вызывать нужду въ дополнительныхъ поясненіяхъ, чѣмъ бесполезно расходится время. На примѣръ, на страницѣ 27-й ученикамъ предлагается для чтенія текстъ: ꙗ рече гдѣ ко ѿнѣ: се, љзѣ предаю тѣѣ кѣ рѣцѣ іеріхонѣ, ѿ царѣ ігѣѣ, ѿ іѣѣѣѣ кѣ нѣѣѣ, сіѣѣѣѣ крѣпостію (Нав. гл. 3, ст. 7). Ученику неизвѣстно, о какомъ Іисусѣ говорится, при какомъ случаѣ говорится, что такое Іерихонъ, гдѣ онъ находится, по какому случаю онъ предается? Все это нужно разъяснить ученику. А главное неудобство тутъ мы видимъ въ слѣдующемъ: только что ученики прочитали объ одномъ историческомъ фактѣ, имъ предлагается другой, за нимъ третій и т. д.

Тольково запомнить все это ученикамъ, прочитывающимъ въ теченіе часа десятки текстовъ, нѣтъ никакой возможности. Въ головѣ учениковъ такой матеріалъ, плохо усвояемый, порождаетъ только путаницу, и чѣмъ болѣе они читаютъ такихъ текстовъ, тѣмъ болѣе въ головѣ ихъ путаница осложняется, потому что историческія свѣдѣнія въ данномъ случаѣ предлагаются не въ какомъ-либо опредѣленномъ порядкѣ, а какъ пришлось. Вотъ, напр., въ какомъ безпорядкѣ слѣдуютъ тексты съ историческимъ содержаніемъ на страницахъ, отведенныхъ для ознакомленія учениковъ съ надстрочными знаками,—передаемъ ихъ въ формѣ оглавленій: первый день творенія міра, Божіе повелѣніе Моисею совершить пасху, преданіе Іерихона въ руки Іисуса Навина, помазаніе Саула на царство, первое чудо Іисуса Христа въ Канѣ Галилейской, посланіе Архангела Гавріила въ городъ Назаретъ къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, приходъ Іисуса Христа въ Галилею по преданіи Іоанновѣ, явленіе ангела Вилоемскимъ пастырямъ, встрѣча Авраама Мельхиседекомъ, призваніе апостоловъ, обращеніе Іисуса Христа къ ученикамъ въ нагорной проповѣди, устроеніе скинии, срѣтеніе Спасителя Симеономъ въ храмѣ, сошествіе Св. Духа на апостоловъ, игра Давида на гусляхъ предъ Сауломъ и т. д. въ такомъ же родѣ. Все это—факты, совершенно еще неизвѣстные ученикамъ, знакомящимся съ надстрочными церковно-славянскими знаками.

2) Уроки церковно-славянской грамоты въ начальной школѣ должны имѣть характеръ религіозно-назидательный. Но какъ въ 1-мъ, такъ и во 2-мъ отдѣлѣ книги г. Гусева много текстовъ, крайне неудачно выдержанныхъ изъ библейскихъ книгъ. Какую, напр., пользу ученики извлекутъ изъ чтенія слѣдующихъ и имъ подобныхъ текстовъ (см. страницы: 38, 39, 40, 42, 44, 45): „Онъ же Шѣтѣмъ рече ѣдиноу ѡухъ: дрѣже, нешнѣжъ твѣ (Мат. га. ѿ. ст. ѿ). И воззѣстѣша сѣдъ глаголаи царѣи (ѧ Цар. га. ѿг. ст. ѧ). Воспласкѣша рѣкѣма ѡ твѣ кѣи мнѣшнѣи пѣтѣмъ (Пс. ѿр. га. ѣ. ст. ѣѿ). „Оуглѣи возгорѣса ѡ негѣ (Ѣал. зѣ, ст. ѧ). И поразѣ крагѣи своѣи кнѣтъ (Ѣал. ѡз. ст. ѿз). Тогда (ѿѿтѣ) гѣла оуѣчѣкомъ своѣимъ (Мат. га. ѧ, ст. ѧз). Тогда (царѣ) глаголаа рѣшѣмъ своѣимъ (Мат. га. кѣ, ст. ѿ). Придѣша же глѣгѣи ко дрѣхѣрѣмъ и фарѣсѣмъ (Іѡан. га. з, ст. ѧѣ)? А по требованію программы, дѣйствующей въ начальныхъ школахъ, „главная забота должна быть посвящена религіозно-нравственной задачѣ, и посему главноу цѣлю церковно-славянскаго чтенія поставляется духовное назиданіе“. Въ виду этого указанный недостатокъ книги г. Гусева мы считаемъ весьма важнымъ.

Отдѣлъ 2-й учебника, какъ мы уже упоминали, отведенъ на ученію

учениковъ перелгать церковно-славянскія формы на русскія. Способъ ознакомленія учениковъ съ церковно-славянскими формами у автора состоитъ въ слѣдующемъ. Помѣщается нѣсколько словъ одной формы; ученики заучиваютъ ихъ. Такъ, для ознакомленія учениковъ съ 3-мъ лицомъ множественнаго числа прошедшаго неопредѣленнаго, ученики заучиваютъ: *просиша*—просили, *пристъпиша*—приступили и т. д. всего 14 словъ (см. стр. 66-ю). Потомъ ученикамъ предлагаются для чтенія краткіе тексты, въ которыхъ встрѣчаются заученныя слова. Такое ознакомленіе съ формами опирается только на память, а это не надежно. Нѣкоторые уроки въ этомъ отдѣлѣ таковы, что заучивши слова той или другой формы, далѣе, въ читаемыхъ текстахъ ученики этой формы вовсе не встрѣчаютъ, напр. формы мѣстоименія *си* (стр. 48).

Этотъ отдѣлъ, по нашему мнѣнію, авторъ долженъ пересмотрѣть и исправить недосмотры. Напр. онъ научаетъ учениковъ, что формы: *грѣшники*, *врагѣ*, *бучиикѣ* и т. п. (стр. 43) переводятся русскими формами: грѣшниками, врагами, учениками. Это не вѣрно. Русскими формамъ: грѣшниками, врагами, учениками соответствуютъ только церковно-славянскія формы: *грѣшники*, *врагѣ*, *бучиикѣ*. Другой примѣръ неточности. На стр. 54-й сообщается, что форма *ка* переводится словомъ *все*. Это правило требуетъ оговорки.

Перейдемъ теперь къ 3-му, основному отдѣлу учебника г. Гусева. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ почти ничего не сдѣлалъ въ методическомъ отношеніи, чтобы облегчить ученикамъ пониманіе предлагаемыхъ текстовъ. Въ наиболѣе обработанныхъ однородныхъ книгахъ по церковно-славянскому чтенію другихъ авторовъ принято статьи мало-мальски сложныя, будь то евангельское повѣствованіе, будь то псаломъ, разбивать на части, печатая каждую часть особыми отдѣльцами. Это, безъ сомнѣнія, облегчаетъ ученикамъ трудъ усвоенія содержанія статьи; при такомъ печатаніи библейскаго повѣствованія или псалма ученики могутъ отчетливѣе представить себѣ содержаніе ихъ. Въ книгѣ г. Гусева не сдѣлано этого ни для одной статьи, хотя въ ней есть повѣствованія, занимающія по 3—4 страницы.

Методическая обработка 3-го отдѣла книги г. Гусева ограничивается только тѣмъ, что по мѣстамъ къ нѣкоторымъ строкамъ внизу страницъ помѣщены переводы. Въ числѣ такихъ переводовъ есть и совершенно ненужные; но зато нѣтъ по мѣстамъ переводовъ, тамъ, гдѣ они необходимы. Напр. въ повѣствованіи о явленіи Аврааму трехъ ангеловъ къ словамъ: *И принесеѡ хлѣвъ, да ѣсте, ѡ послѣмъ побѣдите*

къ пѣть, ꙗкоже ради оуклонїстїа къ равѣ кашиѣ—не дано перевода, а, безъ сомнѣнїа, слова придаточнаго предложенїа: ꙗкоже ради буклонїстїа—затруднѣть учениковъ; съ другой стороны, фраза: ꙗ тече ѡкраїнѣ ко країнѣ—имѣеть при себѣ переводъ, хотя она совершенно не затруднительна для перевода. Пѣкоторые переводы, данные авторомъ въ концѣ страницъ, нельзя назвать и переводами, а ученики должны взять ихъ только памятью. Напр. въ томъ же повѣствованїи объ Авраамѣ слова: козрѣша на лицѣ содома ꙗ гоморрѣ—переведены: „пошли по направленїю къ Содому и Гоморрѣ“. Встрѣчаемъ переводы и вовсе неправильные, даже такіе, въ которыхъ трудно добраться до смысла. Напр. слова пасхальной пѣсни: не ѡ каменїи инабдїа чюдотворе, но не тѣмїа источникъ ѡз гроба ѡждїаща хрїста—переведены: „чудесно изводимое не изъ камня безплоднаго, но изъ прошедшаго источникъ не тлѣнїа гроба Христа“.—Такой переводъ проходитъ у автора по всѣмъ изданїямъ книги.

Очень важнымъ недостаткомъ учебника г. Гусева мы считаемъ еще то, что онъ въ немъ не даетъ ученикамъ возможности заучить значенїа церковно-славянскихъ словъ, встрѣчающихся въ его книгѣ; а обогащенїе учениковъ знанїемъ такихъ значенїй одно изъ условїй пониманїа того, что ученики будутъ когда-либо читать на церковно-славянскомъ языкѣ. Правда, въ школѣ на урокахъ церковно-славянскаго языка слова могутъ быть записываемы въ тетради и заучиваемы. Но это можетъ быть оправдано только на такихъ урокахъ, на которыхъ читается не учебная книга, а Евангелїе, Псалтирь, часословъ. А если ученикамъ дается учебникъ, то онъ долженъ содержать и матеріалъ для памяти, какъ это и принято во всѣхъ книгахъ по церковно-славянскому чтенїю, составленныхъ другими авторами. Дѣло въ томъ, что записыванїе учениками словъ въ тетради есть занятїе медлительное, занимающее много времени, требующее излишней провѣрки записей со стороны учителя, у котораго и безъ того труда слишкомъ много. Поэтому и должно церковно-славянскїа слова, назначаемыя къ заучиванїю, помѣщать въ учебной книгѣ.

Къ учебнику г. Гусева приложенъ словарь, но онъ, какъ всякому очевидно, удобствъ къ заучиванїю словъ представить не можетъ; онъ годится только для справокъ. Кромѣ того, въ словарь этомъ нѣтъ очень многихъ словъ изъ числа встрѣчающихся въ учебникѣ. Таковы, напр. слова: знаменїе, сїтокий, лѣкскїй, закажїити, крѣпость, согдѣх, воздїа-зѣти, прекратїти, ѡповѣдатїа, сѣхїѣ, недѣге, достойте, ѡвинѣтїа мїѣти, стѣпанъ, задѣти, пїко, ѡповѣданїе, терпїти, стѣмїе и т. п. (Слова эти

въ учебникѣ встрѣчаются на страницахъ: 84, 87, 91, 98, 100, 102, 103, 107, 113, 114, 119, 128, 133, 126, 149, 173, 175).

Наконецъ, за недостатокъ словаря г. Гусева нужно признать и то, что при многихъ словахъ не показаны тѣ значенія, которыя необходимо знать ученикамъ, читающимъ его учебникъ. Напр. *пльть*—тѣло, *чрѣво*—брюхо, животъ, *предѣлъ*—срокъ. Спрашивается: какъ ученики переведутъ слѣдующія мѣста учебника: *И оумре кѣлака пльть днѣ жѣцама по земан* (стр. 88); *нѣз чрѣва ѣдока нѣзѣви наѣх* (стр. 152); *и сѣ, жена хананійска ѡ предѣлѣ тѣхъ нѣшѣдши, возопи* (стр. 18)? Необходимо, чтобы въ словарѣ, приложенномъ къ учебнику, находились если не всѣ значенія каждаго церковно-славянскаго слова, то по крайней мѣрѣ тѣ, которыя оказываются необходимы ученикамъ, читающимъ этотъ учебникъ.

Въ заключеніе приходится сдѣлать по адресу автора разсма-
васмаго учебника еще одинъ очень серьезный упрекъ за крайне небрежную корректуру его. Въ книгѣ масса опечатокъ въ буквахъ, искажающихъ смыслъ, напр., вмѣсто слова *сотворити* въ учебникѣ стоитъ *соткоритѣ* (стр. 104), вмѣсто *глаголюща*—*глаголюща* (108), вмѣсто *возвратѣнса*—*возвратѣса* (108), вмѣсто *амѣстѣни*—*амѣстѣнѣа* (113), вмѣсто *шѣдши*—*шѣдши* (110). А опечатокъ въ надстрочныхъ знакахъ и знакахъ препинанія—нѣсть числа. Для знаковъ препинанія какъ будто придумана авторомъ своя особая система; напр. подлежащее у него отдѣляется запятою отъ сказуемаго. См. напр. строки 3—7 на стр. 123. Кроме того, въ учебникѣ есть такіе недостатки техническаго характера, что просто не знаешь, чѣмъ объяснить ихъ. Напр. на страницѣ 57-й предлагается ученикамъ такой примѣръ для ознакомленія съ именемъ числительнымъ: *Нѣхъ же тѣ водонѣм (и) по шчиѣнѣ іудейскѣ, илѣ трѣма мѣрамѣ. Т. е. допущены пропуски словъ: *кѣмнѣи шѣтъ лежацѣ*—и словъ: *амѣстѣни по дѣтѣмѣ*. Особенно досадно, что изъ изданія въ изданіе въ учебникѣ перепечатывается въ изуродованномъ видѣ евангельское повѣствованіе: „Молитва Иисуса Христа въ саду Геосиманскомъ и предательство Иуды“. Эти страницы, вѣроятно, были когда-то перепутаны метранпажемъ при сверсткѣ и въ такомъ видѣ уцѣлѣли до сего времени. На этихъ страницахъ ученикамъ предлагается сначала читать о томъ, какъ Иисусъ Христосъ пришелъ въ садъ Геосиманскій и былъ преданъ Иудою, а потомъ о томъ, какъ Онъ молился. Т. е. прочитавши изъ 26-й гл. Евангелія отъ Матвея стихи 36 и половину 37-го, они перескакиваютъ прямо ко 2-й части 47-го стиха и читаютъ до 56-го, затѣмъ возвращаются ко 2-й поло-*

винѣ 37-го и читають до 2-й половины 47-го. Были ли эти страницы такъ перепутаны въ 4-мъ изданіи, съ котораго книга безъ перемѣнъ перепечатывалась до сего времени, мы не знаемъ; но у насъ имѣется 6-е изданіе этой книги, въ которомъ онѣ уже были такъ перепутаны. Повидимому, авторъ совершенно устранилъ себя отъ просмотра корректуръ своего учебника и потому остается въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, что творится въ его книжкѣ. Удивительно и то, что никто изъ учителей начальныхъ школъ не указалъ до сего времени на эти недосмотры автору, инспектору народныхъ школъ.

А. С. Соколовъ.

*Видимыя и невидимыя движенія. Лекціи Г. А. Лоренца. Съ 40 чертежами. Переводъ С. М. Шенцера. Подъ редакціей приватъ-доцента Новороссійскаго университета В. П. Вейнберга. Изданіе Вл. Распотова. Одесса. 1904. 1+138 стр. Цѣна 50 коп.

Знаменитый голландскій ученый, Г. Лоренцъ, творецъ нынѣ господствующей теоріи электрическихъ явленій, прочелъ въ 1901 г., по предложенію Лейденскаго отдѣла общества всеобщей пользы, рядъ популярныхъ лекцій о видимыхъ и невидимыхъ движеніяхъ. Эти лекціи, составленныя въ духѣ лекцій Тиндаля, могутъ служить образцомъ общедоступнаго и въ то же время вполне научнаго и современнаго изложенія. Онѣ переведены на многіе языки, и нельзя не привѣтствовать появленія русскаго перевода, редактированнаго компетентнымъ лицомъ и не вызывающаго никакихъ замѣчаній.

О. Хвольсонъ.

*Общедоступныя лекціи Джона Тиндаля. Тепло и холодъ. Матерія и сила. Сила.—Переводъ подъ редакціей М. А. Орлова. Съ 28 рисунками. Изданіе третье, исправленное съ добавленіемъ статьи М. А. Орлова „Современный взглядъ на строеніе веществъ“. Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1904. 150 стр. Цѣна 60 коп.

Второе изданіе русскаго перевода извѣстныхъ лекцій Тиндаля, читанныхъ для дѣтей, вышло въ 1882 г. подъ редакціей покойнаго профессора О. О. Петрушевскаго. Съ тѣхъ поръ прошло 23 года, и надо думать, что въ настоящее время самъ Тиндаль многое бы измѣнилъ, если бы ему пришлось печатать новое изданіе. Онъ навѣрное уже не употреблялъ бы такихъ терминовъ, какъ „излученіе теплоты“, „отраженіе лучистой теплоты“ и тому подобное. Такіе термины вызываютъ превратныя представленія, и они особенно нежелательны въ популярныхъ книгахъ. Но само собою разумѣется, что лекціи Тиндаля и до

сихъ поръ могутъ принести большую пользу любознательнымъ дѣтямъ. Переводъ замѣчаній не вызываетъ.

Целью сказать того же о добавленіи г. переводчика „Современный взглядъ на строеніе веществъ“. Книга много бы выиграла, если бы это добавленіе отсутствовало. Авторъ пожелалъ дать понятіе о новой, электронной теоріи вещества, и это въ дѣтской книгѣ! Это большая ошибка! Новѣйшія новости вообще не могутъ и не должны быть предметомъ популяризаціи, которая должна брать своимъ предметомъ только то, что болѣе или менѣе твердо установилось въ наукѣ. Болѣе всего это относится къ книгамъ, назначеннымъ для читателей мало свѣдующихъ, какъ напр. для дѣтей. Но и вообще надо быть осторожнымъ и не торопиться популяризировать „послѣднія слова“ науки, которыя легко могутъ превратиться въ нѣчто всѣмъ оставленное, пока набирается „популярная“ статья. Такъ и случилось со статьей М. А. Орлова. То, что онъ говоритъ на стр. 147 объ $\frac{1}{1000}$ атома водорода, уже не признается вѣрнымъ съ тѣхъ поръ, какъ возникло представленіе объ электродинамической массѣ. Да и самъ авторъ говоритъ здѣсь объ „открытыхъ вопросахъ науки“. Неужели мѣсто говорить о такихъ вопросахъ въ книгѣ для дѣтей?

Далѣе ученые давно отказались отъ всего того, что авторъ сообщаетъ на стр. 146 о катодныхъ лучахъ, которые онъ почему-то называетъ „катодными“ лучами. Никто нынѣ не считаетъ катодные лучи за потоки частицъ газа, и потому курьезное указаніе автора на огромное кипящее озеро слѣдуетъ признать совершенно невѣрнымъ.

Помимо этого въ статьѣ г. Орлова не мало шероховатостей и курьезовъ. Такъ, мы на стр. 145 узнаемъ, что о составѣ частицы можно судить по химической формулѣ тѣла. Не говоря уже о томъ, что читатели, для которыхъ назначена книга, ни о какихъ химическихъ формулахъ понятія не имѣютъ, мы полагаемъ, что, наоборотъ, химическія формулы пишутся соответственно составу частицы, о которомъ судятъ на основаніи реакцій, обнаруживаемыхъ даннымъ веществомъ.

● **Хвольсонъ.**

*Старосвятская дѣвушка, Луиза М. Ольковна. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1904. 464 стр. Цѣна 1 руб.

Разбираемое произведеніе совершенно въ духѣ „классическихъ“ произведеній того же автора: „Маленькія женщины“ и „Маленькіе мужчины“. Авторъ съ обычнымъ мастерствомъ рисуетъ картины изъ се-

мейной жизни, незамѣтно для читателя вводитъ его въ кругъ своихъ интересовъ,—и, въ концѣ концовъ, читатель сродняется съ радостями и печальми дѣйствующихъ лицъ. Цѣль автора, какъ всегда, нравоучительная. Въ предисловіи г. Олькоттъ сама рассказываетъ свои тенденціи: „Старосвѣтская Дѣвушка“, говоритъ она, не претендуетъ на совершенство, но является возможнымъ лучшимъ образцомъ современной дѣвушки, которая, къ сожалѣнію, или не знаетъ, или стыдится хорошихъ старыхъ обычаевъ, дѣлавшихъ женщину по истинѣ прекрасной и уважаемой, благодаря которой домъ обращался въ то, чѣмъ онъ и долженъ быть—въ счастливое мѣсто, гдѣ родители и дѣти, братья и сестры учились любить, узнавать и помогать другъ другу“. Переводъ этой прекрасной книги вполнѣ литературенъ.

В. Сминовскій.

*Сказки „Кота Мурлыки“. Изд. 6-е. С.-Пб. 1901. 568 стр. Цѣна 2 руб.

Эта книга — знакомый, старый другъ! Для нѣсколькихъ поколѣній она была одной изъ любимѣйшихъ. Ее читаютъ съ захватывающимъ интересомъ дѣти, ее перечитываютъ и взрослые: первыхъ привлекаетъ граціозность идеи, простота изложенія, умѣние простой сюжетъ сдѣлать интереснымъ,—вторымъ нравится тотъ поэтический колоритъ, которымъ окружены образы, созданные авторомъ: онъ не волнуется своего читателя фантастикой, не надѣдаетъ моралью, не путаетъ мысли сложностью интриги,—даетъ чтеніе, успокаивающее и приподымающее отъ будничной жизни. Къ такимъ произведеніямъ относится, на примѣръ, „Миля и Ноли“—граціозная сказка, напоминающая стихотворенія въ прозѣ Тургенева.

Кромѣ подобныхъ сказокъ, имѣются и сатирическія и юмористическія (напр., „Курилка“, „Дядя Пудъ“ и др.).

Нѣкоторыя сказки проникнуты настроеніемъ грустнымъ („Божья Нива“, „Любовь великая“ и др.). Въ идейномъ отношеніи сказки, конечно, безупречны: любовь къ природѣ и людямъ,—вотъ, что особенно охотно проповѣдуетъ авторъ, умѣло маскируя свою проповѣдь художественно-набросанными картинами и удачно выбранными сюжетами.

В. Сминовскій.

*Джезъ и Джилъ. Сельская исторія. Соч. Луизы М. Олькоттъ. Переводъ съ англ. М. Г. М. 1904. 464 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Г. Олькоттъ—слишкомъ извѣстная писательница, чтобы говорить о достоинствахъ ея сочиненія. Но, признаюсь, на этотъ разъ многія

главныя достоинства ея разсказовъ — живость языка, легкій юморъ совершенно исчезаютъ за безобразнымъ переводомъ, въ которомъ представало на этотъ разъ ея сочиненіе.

Привожу нѣсколько мѣстъ: „Лаура и Лотти всегда идутъ по безопасной дорожкѣ къ лугу, и Молли Лоо—единственная смѣлая дѣвочка, которая рѣшается итти къ пруду по этой длинной дорогѣ. Я ни за что бы не рѣшилась: ледъ еще не настолько крѣпокъ, хотя морозъ и шиплетъ ность“—проговорила одна робкая дѣвица (ст. 6).

„Надѣнь вотъ эти перчатки, я никогда ихъ не надѣваю, а кошу только при себѣ для мамы и, если онѣ тебѣ годятся, то оставь ихъ себѣ. И Джекъ вытащилъ изъ кармана пару красныхъ рукавицъ съ видимою привычкою раздавать свои вещи“ (11).

„Зимой мальчики имѣли свой клубъ преній, а дѣвочки—клубъ драматическій. Въ первомъ раздавались удивительныя ораторскія восклицанія,—во второмъ же все предпринималось съ большою смѣлостью, начиная съ Ромео и Джульетты и кончая безсмертными мелодіями Mother Goose“ (65).

В. Симпсонъ.

*Н. I. Яблонскій. Томъ III. „Въ Листопадѣ“ и другіе разсказы. Изд. журнала „Охотничій Вѣстникъ“ 1904 г. М. 1904. 322 стр. Цѣна 1 руб. Томъ IV. „Четыре времени года“ и другіе разсказы. Изд. журнала „Охотничій Вѣстникъ“. М. 1904. 318 стр. Цѣна 1 руб.

Разсказы г. Яблонскаго захватываютъ читателя тѣмъ „охотничьимъ“ увлеченіемъ, которымъ, очевидно, съ отроческихъ лѣтъ захлебывался самъ авторъ. Передъ нами рядъ живыхъ, колоритныхъ эскизовъ, отъ которыхъ вѣетъ ароматомъ лѣса, прелестью ранней весны и осени. Даже наивность автора является подкупающей въ глазахъ читателя и подбавляетъ непосредственности въ его произведенія. Съ какимъ, напримѣръ, восторгомъ онъ рисуетъ любовныя сцены, разыгрывающіяся ранней весной, на тетеревиныхъ токахъ, съ какимъ упоеніемъ слушаетъ онъ „сладострастныя“ пѣсни „влюбленныхъ глухарей“, пѣсни которыхъ такъ подходятъ къ общему тревожному колориту весенней природы, — и какъ для непривычнаго уха странно звучитъ разсказъ о томъ, какъ авторъ подкрадывается къ „лѣсному красавцу“ въ разгаръ его любовныхъ изъясненій и ухлопываетъ его изъ ружья, не дождавшись конца его признаній. Повторяю, это звучитъ диссонансомъ, но стоитъ перечестъ всѣ разсказы г. Яблонскаго, и этотъ диссонансъ какъ-то меркнетъ передъ тѣмъ общимъ настроеніемъ, которое пронизываетъ ихъ: авторъ не жестокъ а только наивенъ, какъ любой лѣс-

ной звѣрь, хотя и чувствующій прелести весны, но не могушій удержаться отъ искушенія придушить живое существо, тоже чувствующее весну. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, можно, пожалуй, къ рассказамъ г. Яблонскаго отнести болѣе, чѣмъ снисходительно: передъ нами въ нихъ раскрывается великая книга природы, въ которой и добро, и зло бессознательны и сплетаются неразрывными нитями.

В. Сиповскій.

**Л. Нелдова.* „Радость“. Рассказы для дѣтей. М. 1905. 119 стр. Цѣна 80 коп.

Авторъ этого сборника уже извѣстенъ въ дѣтской литературѣ прекрасной книгой: „Дѣвочка Лида“. Въ предлагаемомъ нынѣ сборникѣ „Радость“ помѣщены три рассказа: „Радость“, „Въ замочную скважину“ и „Сонъ маленькой дѣвочки“. Изъ нихъ первый рассказъ представляетъ собою фантастическую и очень поэтическую сказку о происхожденіи жемчуга.

Два другіе имѣютъ болѣе бытовой характеръ, хотя элементъ фантастики входитъ въ оба. Будучи разныхъ литературныхъ достоинствъ, эти три рассказа, тѣмъ не менѣе, производятъ очень благопріятное впечатлѣніе.

В. Сиповскій.

**Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* Рождественскіе огни. Повѣсти и рассказы. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. М. 1905. 168 стр. Цѣна 50 коп.

Сборникъ состоитъ изъ восьми рассказовъ. Всѣ они, въ большей или меньшей степени, напоминаютъ „Записки охотника“,—уносятъ читателя на лоно природы, знакомятъ съ длинной вереницей лицъ, главнымъ образомъ, изъ крестьянскаго сословія. Природа и дѣйствующія лица изображены „уральскія“,—въ этомъ особенная свѣжесть и оригинальность разбираемыхъ рассказовъ.

Литературныя достоинства ихъ внѣ сомнѣнія, и авторъ умѣетъ быть трогателенъ безъ слащавости, поучителенъ безъ манерности. Онъ остается художникомъ все время—это дѣлаетъ его произведенія несомнѣнно выдающимися и желательными для чтенія.

В. Сиповскій.

**Бернстернъ-Бернсонъ.* Зиновія Солваквинъ. Переводъ съ норвежскаго *Б. Тигмандринкой*. Изд. Т—ва *М. О. Вольфъ*. Цѣна 50 коп. 125 стр.

Героиня романа, Зиновія, происходитъ изъ семьи, которая придерживается самыхъ строгихъ взглядовъ на жизнь—дѣвушка запрещено

даже танцовать, такъ какъ танцы ея родителямъ, свекрамъ, кажутся занятіемъ грѣшнымъ. Герой — членъ семьи менѣе строгой и живетъ обыкновенной жизнью — танцуетъ и даже имѣетъ слабость къ дракамъ; это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ его ужаснымъ грѣшникомъ въ глазахъ родителей его возлюбленной и омрачаетъ любовь самой дѣвушки. Кончается романъ благополучно: послѣ одной драки герой получилъ ударъ ножомъ въ бокъ, окончательно исправился и сдѣлался достойнымъ руки Зиновія.

Вся эта исторія сѣвернаго флирта до такой степени скучна и тягуча, до такой степени непонятна намъ, русскимъ, что книга читается не только безъ интереса, но съ великимъ трудомъ. Вообще весь міръ, изображенный въ романѣ, чуждъ нашему пониманію: пѣсни, которыя поются героями пьесы, на мой взглядъ, бессмысленны, между тѣмъ, очевидно, тамъ, въ Норвегіи онѣ полны значенія и смысла (стр. 17, 52, 53).

Первое свиданіе съ возлюбленной начинается для героя слишкомъ конфузно, — онъ только что подрался. Она сказала:

— Фуи!

— Почему ты говоришь „фуи“? спросилъ онъ.

— Фуи! повторила она — фу, какъ стыдно! (24).

Когда героиню стали уговаривать, чтобы она согрѣшила, — протанцовала, — она на доводы отвѣтила: „такъ говорила кошка воробью, который не хотѣлъ тихо сидѣть, чтобы кошка его поймала“ (51).

Остроты норвежскихъ крестьянъ тоже очень дико, хотя дѣйствующія лица ими довольны (70).

В. Симоновскій.

*И. П. Купчиновъ. Крестьянское самоуправленіе. Очеркъ законовъ близкихъ къ крестьянской жизни. С.-Пб. 1904 г. VII—192 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

„Мы люди темные, говорятъ ежедневно крестьяне, законовъ не знаемъ“. „Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона“, повѣлываютъ опредѣленно законы основные!

Чтобъ дать темной крестьянской средѣ возможность познакомиться съ наиболѣе ей необходимыми законами и тѣмъ содѣйствовать насажденію въ крестьянскомъ быту начала законности, — г. Купчиновъ и составилъ свою книгу. Она состоитъ изъ введенія, нѣсколькихъ главъ и заключенія. Во введеніи характеризуется сущность реформы 19-го февраля 1861 г., состояніе крестьянскаго самоуправления съ 1861 г. по 1889 г. и роль земскаго начальства. Затѣмъ въ рядѣ главъ разсматривается крестьянинъ, какъ членъ семьи, какъ членъ

своего сословія, какъ членъ своего общества, самое крестьянское общество—міръ и волость. Г. Купчиновъ, какъ земскій начальникъ, близко знакомый съ крестьянскою жизнью, написалъ свою книгу не только на основаніи изученія законовъ, касающихся крестьянъ, но и самаго быта ихъ. Поэтому въ изложеніи постоянно переплетаются законъ и сама жизнь. Отъ такого соединенія книга, преслѣдующая чисто практическія цѣли, не проигрываетъ, а прямо выигрываетъ, такъ какъ дѣлаетъ для простаго читателя законъ болѣе понятнымъ и близкимъ и легче убѣждаетъ въ его необходимости. Изложеніе постановленій закона постоянно подкрѣпляется ссылкой на соответственные томы свода законовъ. Нередко кромѣ указанія на требованіе закона, кромѣ разъясненія его содержанія и значенія и характеристики крестьянскаго быта даются совѣты, какъ лучше можетъ быть пополненъ законъ и могутъ быть устранены нежелательныя и даже пагубныя явленія этого быта. Въ концѣ книги въ приложеніи даются разныя практическія указанія. Думается, что эта просто и ясно написанная книга будетъ полезна для той цѣли, съ которой она составлена.

И. Ивановскій.

*Уткинскій сборникъ. I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Изданіе М. В. Вєрр. М. 1904. Цѣна 2 руб. IX+302+VIII стр.

Эта прекрасная книга представляетъ собою цѣнный вкладъ въ литературу о Жуковскомъ; она знакомитъ насъ съ тѣми людьми, которые сыграли въ его жизни великую роль. Совершенно справедливо говоритъ редакторъ предисловія, что въ оцѣнѣ жизни поэта и его отношеній къ Мойеръ и Протасовой *audiat et altera pars*. Издаваемая письма и представляютъ существенную поправку къ существующимъ біографіямъ поэта, обыкновенно выдвигающимъ поэта на особо выгодное мѣсто. Оказывается, судя по документамъ Уткинскаго сборника, мать любимой поэтомъ дѣвушки была любящимъ и чувствительнымъ существомъ, отнюдь не тѣмъ суровымъ и жесткимъ, какимъ она рисуется обыкновенно. Ея несогласіе на бракъ Жуковскаго съ дочерью была не прихотью, не капризомъ, а серьезнымъ и выстраданнымъ рѣшеніемъ ея совѣсти.

Воздушный, безтѣлесный образъ Марьи Андреевны Протасовой въ этихъ письмахъ получаетъ живую плоть и живую душу, и она кажется еще прекраснѣе въ той земной обстановкѣ, чѣмъ въ тѣхъ

туманныхъ облакахъ романтизма, которыми окружилъ поэтъ въ своей поэзіи дорогой ему образъ.

Наконецъ, помимо данныхъ, уясняющихъ опредѣленные лица, болѣе или менѣе намъ извѣстныя, письма, изданныя въ книгѣ, вводить читателя въ атмосферу русской жизни 20-хъ годовъ. Въ этомъ также ихъ неотъемлемое и важное значеніе.

В. Сяпковскій.

*A. *Pachalery*. ANTHOLOGIE DES POÈTES ET DES PROSEURS FRANÇAIS DU XIXe siècle, avec des notices et de nombreuses notes explicatives, à l'usage des classes supérieures. Précédée d'une introduction par M. Emile Faguet. Proseurs, 1800—1850. Odessa. 1905. Стр. VII + 318. Цѣна 1 р. 40 к.

Какъ указываетъ заглавіе, названная „Anthologie“ представляетъ собою сборникъ отрывковъ изъ произведеній въ прозѣ французскихъ писателей 1-ой половины XIX-го вѣка. Какъ хрестоматія, она вполне удовлетворительно составлена: по отношенію къ подбору своему матеріалъ никакихъ замѣчаній не вызываетъ, а что касается приспособленія его къ пониманію учащихся, то сочиненіе снабжено всѣми нужными литературными или историческими справками, а также въ болѣе трудныхъ мѣстахъ текста соответствующими разъясненіями.

Въ этомъ отношеніи, однако, обращаетъ на себя вниманіе громадное количество подстраничныхъ примѣчаній, занимающихъ не менѣе одной трети каждой страницы, а въ началѣ книги и того больше. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ вышеупомянутыми необходимыми объясненіями, авторъ счелъ нужнымъ дать мѣсто и такимъ, которые скорѣе носятъ характеръ настоящихъ общихъ грамматическихъ правилъ, и являются слѣдовательно лишними въ такой книгѣ, какъ хрестоматія, такъ какъ они для пониманія текста нисколько не нужны, а читатель, въ случаѣ надобности, найдетъ ихъ въ любой грамматикѣ. Напримѣръ:

На стр. 1-ой, прим. 1, наставленія о произношеніи слова *neuf*; *десять*,—лишніи или неумѣстны. По существу ихъ, впрочемъ, можно было бы спорить; объ этомъ будетъ сказано ниже.

На стр. 2-ой, на 14 строкъ текста приходится не менѣе 11-ти примѣчаній. Изъ нихъ три только, а именно №№ 1, 3 и 8 могутъ способствовать пониманію текста и считаться поѣтому уместными; прочія же восемь, въ которыхъ преподаются, по поводу отдѣльныхъ словъ текста, общія грамматическія наставленія, какъ-то, объ употребленіи облеченнаго значка (^), объ образованіи нарѣчій на *-ment*,

о родѣ существительныхъ въ связи съ разными ихъ окончаніями и въ зависимости отъ латинскаго языка,—никакой необходимостью не вызываются на этомъ мѣстѣ.

На стр. 3-ей, на 9^{1/2} строкъ текста приходится двѣхъ 12 выносокъ, изъ которыхъ достаточно было бы удержать двѣ только, а именно, №№ 3 и 6. Все остальное касается исторіи языка, произношенія, синонимии, однимъ словомъ, такихъ вопросовъ, которые прямого отношенія къ хрестоматіи не имѣютъ.

И такъ по всей книжкѣ... Конечно, наличие этого лишняго матеріала нисколько не затрагиваетъ, само собою разумѣется, литературнаго достоинства самаго сборника, и не было бы поэтому особенной нужды обращать вниманіе на эту сторону сочиненія, если бы, къ сожалѣнію, сообщаемыя въ выноскахъ свѣдѣнія о языкѣ не являлись, по существу своему, весьма сомнительнаго достоинства, и, во всякомъ случаѣ, далеко не безспорными. Въ другомъ отношеніи, они, какъ вообще большинство общепринятыхъ такъ называемыхъ грамматическихъ правилъ, въ дѣйствительности не подлежатъ примѣненію.

Разберемъ по существу нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній.

Стр. 1, пр. 1. Несомнѣнно, въ сочетаніи *neuf heures*, точно такъ же, какъ и въ *neuf ans*, окончательное *f* звучитъ какъ *v*. По дальѣ, произносится ли дѣйствительно „*neu héros*“ или какъ-нибудь иначе, объ этомъ трудно, да и, можетъ быть, не особенно полезно судить. Затѣмъ, авторъ говоритъ: „Передъ существительнымъ или прилагательнымъ, начинающимъ гласной или нѣмыми *h*, обыкновенно, *f* произносится какъ *v*: *neuf élèves, neuf heures*“. Относительно второго примѣра, это, какъ было сказано выше,—неоспоримо; что же касается перваго, между прочимъ, то дѣло другое.

Стр. 2, прим. 2. Это примѣчаніе гласитъ: „*Mai, bat, dégat et appât* sont les seuls noms de cette terminaison qui prennent un circonflexe sur l'*a*, parce que la syllabe *ai* est longue“.

Это „*parce que*“ — очень рискованно. Дѣло въ томъ, что есть не мало такихъ же „долгихъ“ слоговъ, которые не носятъ облеченнаго значка: нѣтъ вѣдь ощутительной разницы въ произношеніи между даннымъ окончаніемъ *-ai* и окончаніемъ *-as* словъ, напримѣръ, *bas, amas, pas, trépas*, между вышеприведеннымъ словомъ *appât* и другой его формою (она же — форма множественнаго числа) *appas*, между *forêt* и *foret*, между *prêt* и *près, sûr* и *sur*, и пр... Можно еще прибавить, что найдутся, наоборотъ, слоги безусловно не „долгіе“ въ произношеніи, и носящіе между тѣмъ облеченный значокъ: таковы—

окончаніе *-at* 3-ьяго лица единственнаго числа *Imparfait du Subjonctif* и окончанія *-ames* и *-âtes* 1-го и 2-го лицъ множественнаго числа *Passé défini* всѣхъ глаголовъ на *-er*, чтобы не говорить объ отдѣльныхъ словахъ, какъ-то *hôpital*.

За симъ, на предложенное авторомъ вышеприведенное правило можно было бы возразить слѣдующее:

1° Облеченный значекъ обуславливается въ данныхъ словахъ все не долготою слога, а совершенно иною причиною, изложенною авторомъ на стр. 18, прим. 2, а именно выпаденіемъ буквы *s*.

2° Окончаніе *-at* по французски—не долгое.

Но все это повлекло бы насъ слишкомъ далеко, такъ какъ пришлось бы прежде всего опредѣлить точно, что значить терминъ *long* въ французской фонетикѣ, а изъ сопоставленія употребленій этого термина на стр. 2-ой, пр. 2, и на стр. 4, пр. 1, видно, что авторъ смѣшиваетъ долготу звука, т. е. по понятію французской фонетики, протяжность его, съ закрытостью.

На стр. 18, прим. 2, опять тотъ же вопросъ. Тутъ имѣются болѣе или менѣе вѣрныя соображенія, но изъ которыхъ нельзя вывести правилъ. Говорится: „L'accent circonflexe s'emploie aussi pour marquer le son prolongé d'une voyelle“. Вѣрно. Но онъ употребляется также и при непротяжномъ звукѣ, какъ мы видѣли выше; а съ другой стороны, можно указать слоги, имѣющіе протяжный звукъ, и однако не помѣченные облеченнымъ значкомъ: пишется *dôme, rôle*, но *axiome, idiomе, rose*.—Материально, конечно, замѣчаніе автора—вѣрно, если строго ограничиться сказаннымъ имъ: но какое дидактическое значеніе этого?

Особенно неудачна, въ томъ же, между прочимъ, дидактическомъ отношеніи, попытка установить какую-то зависимость между облеченнымъ значкомъ и тоническимъ удареніемъ. Авторъ сначала замѣчаетъ, что облеченный значекъ часто попадаетъ на ударяемомъ слогѣ; затѣмъ онъ прибавляетъ: „Mais, l'intonation se déplaçant dans les dérivés, le circonflexe du simple disparaît ou se change en aigu“. Въ подтвержденіе чего, приводится съ десятокъ примѣровъ, сопровождаемыхъ тутъ же указаніемъ, въ видѣ исключеній, семи случаевъ противоположнаго явленія. Какое же, опять-таки, дидактическое значеніе такого приема? И по существу, затѣмъ автору возвести въ подобіе правила такой фактъ, наличие котораго, для него самого, отнюдь, конечно, не установлена? Мы бы, съ своей стороны, могли бы привести столько же другихъ примѣровъ, какъ за, такъ и противъ, и въ концѣ

концовъ, были бы не прочь признаться, что намъ съ авторомъ, за неизвѣнїемъ *полнаго* перечня соответствующихъ случаевъ, одинаково не извѣстно, какъ точно дѣло обстоитъ.

Стр. 3, прим. 7. „Les noms communs en *-ule* sont, les uns masculins, les autres féminins selon qu'ils dérivent de mots latins terminés par *-ulum* ou par *-ula*. Ainsi *crépuscule* est masculin parce qu'il vient du neutre latin *crepusculum*; *férule* au contraire est féminin, parce que le latin *ferula* est aussi féminin“.—Да, но затрудненіе не разрѣшается, если форма латинскаго слова—не болѣе извѣстна учащемуся, чѣмъ родъ французскаго, а это вполнѣ позволительно для многихъ изъ этихъ существительныхъ на *-ulus*, *-ula*, *-ulum*. Кромѣ того, какъ быть съ тѣми словами, прототипы которыхъ принадлежатъ не классической латыни, какъ-то, *tarentule*, *forficule*, *libellule*, или съ тѣми, которыя—не латинскаго происхожденія, какъ-то *bascule*?

Стр. 3, прим. 12. О произношеніи слова *sens*: „A notre avis, il faut prononcer *san*, quand le mot *sens* se trouve à la fin d'un vers, car il rime alors avec un mot en *ants* ou *ents*, et ne peut, pour cette raison, sonner autrement“.

Во-первыхъ, вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ произносить слово *sens* на концѣ стиха, не заслуживаетъ, можетъ быть, чтобы на немъ остановили вниманіе учащагося.

Во-вторыхъ, было время, когда слова на *-ants*, *-ents*, писались безъ *i*. Какъ они тогда произносились,—это вопросъ.

Въ-третьихъ, почему, на самомъ дѣлѣ, могутъ попадаться въ рѣмы съ словомъ *sens* только слова на *-ants*, *-ents*, а не слова на *-ens*, на подобіе слова же *sens*, какъ-то *gens* и пр.? Въ извѣстной 5-ой сценѣ III дѣйствія *Les femmes savantes*, Molière пишетъ:

Et moi, je ne vois rien de plus sot à mon sens
Qu'un auteur qui partout va guesuser des encens,

и La Fontaine, въ баснѣ *Les deux taureaux et une grenouille*, кн. II, басня 4:

Celle crainte était de bon sens:
L'un des taureaux en leur demeure
S'alla cacher à leurs dépens;
Il en écrasait vingt par heure.

Въ-четвертыхъ, опредѣлять произношеніе въ зависимости отъ рѣмы—не всегда правильно: бываютъ вѣдь рѣмы чисто зрительныя.

Въ-пятыхъ, не нуждается ли въ какомъ доказательствѣ тотъ оче-

видный фактъ, что по своей уже внѣшности слово *sens* не можетъ, какъ говорится въ французской версификаціи, быть женской римой.

Въ заключеніи, доводы автора — невѣрны, и аргументація его — неправильна.

Въ томъ же примѣчаніи, авторъ увѣряетъ, что, въ сочетаніи *contre-sens*, конечное *s* не звучитъ: значить, такъ произносятся онъ. И такъ произносятся многіе французы, между которыми и рецензентъ; но многіе другіе произносятся иначе. Правъ ли кто-нибудь въ этомъ, и кто именно, мы не беремся опредѣлить.

Точно также, въ произношеніи автора, конечное *s* слова *sens* въ сочетаніи *en sens inverse* звучитъ какъ *z*. Многіе французы произносятся такъ. А рецензентъ, вмѣстѣ съ многими другими, держится произношенія на *s*. Такъ что изъ этого?

• Зачѣмъ пытаться предложить наставленія по поводу такихъ единичныхъ, притомъ не твердо установленныхъ, мелкихъ фактовъ?

Авторъ даетъ часто практическія указанія относительно орфографіи, рода и пр., словъ съ извѣстными окончаніями. Но въ нихъ замѣчаются значительныя пробѣлы.

Стр. 11, прим. 11. „*Phénomène, renne, chène, frêne* sont les seuls noms terminés par *-ène, -éne* et *-enne*, qui soient du masculin“.

— А *pène, énergumène, mécène*, чтобы не говорить о научныхъ терминѣхъ *poimène, formène*, и пр.?

Стр. 19, пр. 2. „*Murmure, parjure, augure, mercure, sulfure*, sont du genre masculin; tous les autres substantifs terminés par *-ure* sont du genre féminin“.

А *chlorure, bromure, iodure, phosphure* и пр., которыя не менѣе употребительны, чѣмъ *sulfure*?

Стр. 201, прим. 12. „*Corse, entorse, retorse* (adj. fém.), *Corse; amorce, divorce, écorce, force*, sont les seuls mots de cette consonance;...“.

А слово *morse*?

Эти пробѣлы, конечно, важны не сами по себѣ; но дѣло въ томъ, что они даютъ основаніе предположить, что авторъ, при составленіи этихъ указаній, не располагалъ полнымъ перечнемъ французскихъ словъ съ рассматриваемыми окончаніями.

Какое тогда значеніе его утвержденій?

Мы кончимъ эти замѣчанія нѣсколькими словами о синонимѣхъ: разъясненію различій между синонимами авторъ отдѣлялъ въ примѣчаніяхъ своихъ настолько большое мѣсто, что указатель синонимамъ, помѣщенный на стр. 315—318, содержитъ въ себѣ не менѣе 500 словъ.

Вопросъ о синонимикѣ вообще возбуждаетъ много возраженій. Здѣсь не мѣсто, конечно, пускаться въ обсужденіе того, насколько указанія по синонимикѣ являются, во-первыхъ, удобопонятными, а во-вторыхъ, въ особенности, примѣнимыми. Въ этомъ отношеніи, однако, намъ представляется въ высшей степени загадочнымъ, какъ именно можно примѣнять, и кто,—не только изъ учащихся,—возьметса примѣнить указанія въ родѣ слѣдующихъ, какъ бы вѣрны, впрочемъ, они ни были:

Стр. 21, прим. 2. „*Fameux, illustre, célèbre, renommé* (syn.).—On est *fameux*, soit en bonne, soit en mauvaise part, quand on arrive au plus haut degré de la renommée; *illustre*, par le mérite et l'éclat; *célèbre*, par un talent remarquable qui fait honneur sans mettre toujours celui qui le possède dans un rang éclatant; *renommé*, par la vogue et le succès“.

По существу же, лучше бы мы отсылали учащагося къ образцовому словарю Darmesteter и Hatzfeld, опредѣленія котораго отличаются, по крайней мѣрѣ, простотою и точностью.

Но все это въ сторону! Здѣсь намъ хотѣлось бы только, воздерживаясь отъ отвлеченныхъ разсужденій, подчеркнуть одно, а именно то, что желательнo было бы отказаться отъ устарѣлыхъ схоластическихъ приемовъ и стать поближе къ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что изъ двухъ словъ близкихъ по значенію, не рѣдко случается, что одно практически вышло изъ употребленія и является чисто книжнымъ: нечего, въ такомъ случаѣ, ухитряться затруднять учащихся указаніемъ мудренаго отгвѣнка, котораго въ дѣйствительности нѣтъ, скрывая при томъ отъ нихъ главное, а именно, что слово—книжное, литературное и что имъ не придется его употреблять. Напр.:

Стр. 19, пр. 3. „*Colère, courroux, emportement*“. *Courroux*—книжное слово и только всего; никто имъ не пользуется, кромѣ писателей.

Стр. 22, пр. 2. „*Cheval, coursier, rosse... Coursier est un cheval brillant...*“—Въ книгахъ можетъ быть, но практически нѣтъ такой лошади, которую можно было бы когда либо называть *coursier*. *Coursier*—книжное слово, и только.

Стр. 3, прим. 4. „*Cité, ville*“. Мы не будемъ спорить о томъ, можно ли сказать „*La cité est une contrée*“, или нѣтъ. Но статья кончается такъ: „*le nom de cité se donne plus particulièrement à une ville capitale*“, Тамъ-то тамъ, допустимъ: но гдѣ именно, „*se donne*“?—Въ однихъ только книгахъ; на практикѣ же, было бы смѣшно назы-

вать *cité* какою бы то ни было столицу. Отчего этого не говорить прямо учащемуся?

Стр. 21, пр. 10. „*Parure, ajustement*“. *Ajustement*—малоупотребительное слово. *Parure*—ясно само по себѣ.—А почему не привлечь къ дѣлу словъ *vêtement, habillement, toilette, mise*, и пр. и пр....?

Стр. 97, пр. 5. „*Sourire, souris* (syn.). *Souris* marque l'effet de l'action exprimée par le mot *sourire*“. Неужели можно такія вещи говорить не шутя?—*Souris*—устарѣлое книжное слово, которымъ въ настоящее время безусловно никто не пользуется. Вотъ вся правда.

Не только по отношенію къ этимъ книжнымъ словамъ, но и вообще, авторъ отказывается сообразоваться съ общезвѣстной дѣйствительностью:

Стр. 49, прим. 7: „*Eveiller, réveiller*“. Выходить, *réveiller* якобы значить *éveiller une seconde fois*. На самомъ дѣлѣ, *réveiller* значить просто *будить*, наравнѣ съ *éveiller*, и даже практически вытѣсняютъ *éveiller*.

Стр. 97, прим. 6. „*Se souvenir, se rappeler* (syn.). *Se souvenir*, c'est trouver dans sa mémoire un fait arrivé; *se rappeler*, c'est appeler de nouveau dans sa mémoire les circonstances de ce qui a été“. Развѣ это для кого нибудь понятно? *Se souvenir* и *se rappeler* употребляются безразлично въ значеніяхъ *вспоминать* и *помнить*, и только всего!

Стр. 143, прим. 7. — „*Suisse, concierge, portier*“. Определенія автора — прекрасны, можетъ быть, въ теоріи. А на практикѣ дѣло обстоитъ совершенно иначе, какъ впрочемъ и самому автору несомнѣнно извѣстно. На самомъ дѣлѣ, какъ только учащійся попадетъ въ Берлинъ, а оттуда въ Парижъ, такъ онъ сейчасъ откроетъ, что слово *suisse* употребляется въ Россіи, слово *portier* въ Германіи, а слово *concierge* во Франціи. Особенно невѣрно сказанное о словѣ *concierge*: „*Concierge* se dit de celui qui a la garde d'un château, d'un palais, d'une prison, d'une maison importante“. Между тѣмъ, извѣстно, что въ Парижѣ, между прочимъ, сторожа всѣхъ домовъ, не исключая и бѣднѣйшихъ, называются одинаково *concierge*.

Зачѣмъ сбивать съ толку читателя? Дѣло тутъ касается исключительно обыденной жизни, и никакимъ литературнаго пошиба красамъ не можетъ быть мѣста!

Стр. 273, прим. 1. „*Prendre part, participer* (syn.). — *Participer*, c'est avoir dans quelque chose une part réelle, personnelle; *prendre part*, c'est partager quelque chose par le sentiment, par l'affection“. — А

prendre part à une séance въ значеніи просто *присутствовать на засѣданіи*?

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ выдержекъ, носящихъ, кстати говоря, отнюдь не случайный характеръ, можно судить, насколько все относящееся къ синонимикѣ — искусственно, до крайности утончено и произвольно.

Въ заключеніе, можно утѣшиться тѣмъ, что учащіеся не больше будутъ обращать вниманіе на подстраничныя приложенія разсмотрѣнной хрестоматіи, чѣмъ на обыкновенныя бредни грамматикъ. И отъ этого, точно такъ-же, имъ не будетъ хуже.

Они за то будутъ читать представленныя имъ отрывки съ интересомъ, поймутъ несомнѣнно помимо всякихъ подстраничныхъ украшеній, и изъ этого чтенія вынесутъ пользу.

Въ типографскомъ отношеніи удержалось довольно много опечатокъ, всѣ, опять-таки, въ пресловутыхъ примѣчаніяхъ. Вотъ нѣкоторые изъ неоговоренныхъ авторомъ, замѣченныхъ нами мимоходомъ:

Стр. 2, пр. 1,	<i>развиваться</i> вм. <i>развиваться</i> ,
" 3, " 12,	неправильный переносъ <i>voy-celle</i> ,
" 4, " 1,	<i>circonflexe</i> вм. <i>circonflexe</i> ,
" 5, стр. 5,	<i>exilé</i> вм. <i>exilé</i> ,
" 5, пр. 3,	<i>contempler</i> вм. <i>contempler</i> ,
" 10, " 2,	<i>littéralement</i> вм. <i>littéralement</i> ,
" 10, " 4,	<i>liberté</i> вм. <i>liberté</i> ,
" 12, стр. 2 1-го столбца примѣчаній,	<i>plusieurs</i> вм. <i>plusieurs</i> ,
" 12, пр. 6,	<i>premiers</i> вм. <i>premiers</i> ,
" 13, " 2,	1 вм. 2,
" 13, " 5,	1 вм. 5,
" 13, " 6,	2 вм. 6,
" 13, " 6,	<i>de</i> вм. <i>du</i> ,
" 14, " 2,	<i>posséder</i> вм. <i>posséder</i> ,
" 14, " 6,	<i>dit-il</i> ; вм. <i>dit-il</i> ,
" 14, " 8,	<i>cristallin</i> вм. <i>cristallin</i> ,
" 15, " 4,	<i>crû</i> вм. <i>cru</i> ,
" 20, " 1,	<i>Rousseau</i> вм. <i>Rousseau</i> ,
" 20, " 3,	<i>le</i> вм. <i>la</i> ,
" 20, " 6,	<i>загадка</i> вм. <i>загадка</i> ,
" 31, " 4,	<i>рыль</i> вм. <i>рыли</i> ,

Стр. 48, пр. 11, *signifie* вм. *signifie*,
 „ 48, „ 12, *cependant* вм. *cependant*,
 „ 56, „ 4, *hosti-* вм. *hostiles*.

А. Ларендъ.

По поводу отзыва г. Радонежскаго о нѣкоторыхъ книгахъ для начальныхъ училищъ.

Въ юньскихъ книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* и „Извѣстій по народному образованію“ напечатанъ отзывъ г. Радонежскаго о нѣкоторыхъ книгахъ, изданныхъ для начальныхъ училищъ. Въ заголовкѣ отзыва поименовано девять книгъ Бунакова и Руднева, и нужно полагать, что г. Радонежскому, какъ члену ученаго комитета, было поручено рассмотреть эти книги г. предсѣдателемъ комитета. Но г. Радонежскій подвергъ рассмотрѣнію не только порученныя ему книги, но и книги еще трехъ авторовъ: Баранова, Вольнера и Павлова. Поводомъ къ такой группировкѣ авторовъ послужило то обстоятельство, что книги ихъ издаются однимъ и тѣмъ же лицомъ—г. Полубояриновымъ. Составить обстоятельный отзывъ о болѣе чѣмъ двухъ десяткахъ книгъ—дѣло не легкое; но г. Радонежскій блистательно вышелъ изъ этого затрудненія, изобрѣтя особый, такъ сказать, механический способъ рассмотрѣнія книгъ. Онъ изслѣдовалъ книги по содержанію, сличалъ ихъ статьи и рисунки и такимъ путемъ получилъ обильный матеріалъ, чтобы составить свой... *обвинительный актъ*. Отзывъ г. Радонежскаго, по справедливости, заслуживаетъ подобное названіе, такъ какъ въ отзывѣ указаны и признаки преступленія, и виновныя, и заслуженное ими наказаніе. Очень жаль, что г. Радонежскій не примѣнилъ изобрѣтеннаго имъ способа ко всѣмъ другимъ авторамъ книгъ для начальныхъ училищъ; число виновныхъ значительно бы увеличилось, а между ними оказался бы и самъ г. Радонежскій. Отзывъ г. Радонежскаго настолько необыченъ и такъ любопытенъ по нѣкоторымъ частностямъ, что мы считаемъ необходимымъ дать справедливую оцѣнку этому труду, тѣмъ болѣе что составленныя нами книги „Наше Родное“ и „Добрыя Сѣмена“ занимаютъ центральное мѣсто въ отзывѣ г. Радонежскаго.

Свое обвиненіе г. Радонежскій основалъ на томъ, что въ книгахъ

поименованныхъ авторовъ встрѣчаются одиѣ и тѣ же статьи и оди и тѣ же рисунки и картинки. Въ подтвержденіе такого злодѣянія со стороны авторовъ и издателя г. Радонежскій составилъ пять списковъ повторяющихся статей и одиѣ списокъ повторяющихся картинокъ. Разсмотримъ эти списки по порядку.

Первые три списка заключаютъ перечень статей, повторяющихся въ книгахъ для перваго года обученія Бунакова, Руднева, Баранова и Вольнера. Всякій, кому приходилось составлять подобныя книги, хорошо знаетъ, по опыту, какъ трудно сдѣлать подборъ коротенькихъ статей для чтенія послѣ буквара, особенно въ томъ случаѣ, когда ставится условіемъ, чтобы эти статейки были хотя и просты по языку, но болѣе или менѣе содержательны. Обычнымъ матеріаломъ въ этомъ отношеніи служатъ краткія извлеченія изъ произведеній русскихъ писателей, басни и сказки въ краткомъ изложеніи, книги для чтенія гр. Л. Толстого, Ушинскаго и др. Если въ трехъ спискахъ, составленныхъ г. Радонежскимъ, исключить пять статей, повторяющихся два раза, то окажется, что одна изъ нихъ принадлежитъ Пушкину, девять — гр. Л. Толстому, одна — Некрасову, четыре — Ушинскому и одна — Петерсену. Остальныя представляютъ краткое изложеніе басенъ и сказокъ, встрѣчающихся въ большинствѣ подобныхъ книжекъ. Правда, одиѣ изъ списковъ не законченъ, но это потому, что дальше г. Радонежскому пришлось бы выписывать такія статейки, стихотворенія и басни, безъ которыхъ рѣшительно не обходится ни одна книжка для первоначальнаго чтенія. Такимъ образомъ въ открытіи г. Радонежскаго нѣтъ ничего особеннаго. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ запретить авторамъ пользоваться обычнымъ матеріаломъ только потому, что ихъ книги издаются одиѣмъ лицомъ! У г. Радонежскаго, однако, существуетъ другой взглядъ. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ отзывѣ:

„Въ книгахъ, изданныхъ г. Полубояриновымъ для первоначальнаго чтенія, повторяющихся статей *приблизительно половина!*... При этомъ въ счетъ не входитъ множество мелкихъ стихотвореній, которыя повторяются даже до *шести разъ въ его книгахъ*. Если бы исключить повторяющіяся статьи, то число книгъ этихъ и цѣна ихъ *могла бытъ сокращена строе*. Это сокращеніе сдѣлать бы и необходимо, и справедливо, и полезно, принимая во вниманіе бѣдность нашей начальной школы. Въ настоящемъ же случаѣ ученики начальной школы обречены читать одиѣ и тѣ же статьи по нѣскольку разъ и смотрѣть на одиѣ и тѣ же картинки въ десяткахъ книгъ. При такомъ положеніи дѣла не-

мудрено понять существующее равнодушіе къ русскому языку и переутомленіе, царящее въ школахъ. Доказано, что со второго года ученики бѣгутъ изъ школъ, гонимые скукой однообразія, которую они испытываютъ на урокахъ отечественнаго языка, который долженъ быть любимѣйшимъ, привлекательнѣйшимъ для дѣтей учебнымъ предметомъ“ (стр. 202—203 *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*).

‘Вотъ какихъ ужасовъ наговорилъ г. Радонежскій! Есть отъ чего прійти въ отчаяніе! Въ самомъ дѣлѣ, по заявленію г. Радонежскаго, оказывается, что во всѣхъ начальныхъ училищахъ обученіе чтенію ведется по книгамъ, изданнымъ г. Полубояриновымъ, то-есть по книгамъ Бунакова, Баранова, Вольера и Руднева, и что ученики въ теченіе года прочитываютъ *все эти книжки* одна за другою. Такъ какъ въ этихъ книжкахъ много повторяющихся статей и рисунковъ, то ученики испытываютъ на урокахъ русскаго языка скуку, переутомляются, становятся равнодушными къ изученію этого языка и, наконецъ, со второго года обученія бѣгутъ изъ школы. Къ счастью, всѣ эти ужасы придуманы г. Радонежскимъ, чтобы найти основаніе для обвиненія авторовъ и издателя. Въ дѣйствительности же, наблюдается совершенно иное. Въ начальныхъ училищахъ употребляются самыя разнообразныя азбуки и книжки для первоначальнаго чтенія, число которыхъ по каталогу, изданному ученымъ комитетомъ, достигаетъ до 60-ти. Само собою разумѣется, что въ каждомъ отдѣльномъ училищѣ обученіе чтенію ведется по азбукѣ и по книжкѣ для чтенія одного какого-либо автора. Никакого равнодушія и переутомленія среди учащихся не замѣчается; наоборотъ, нигдѣ дѣти не учатся съ такимъ увлеченіемъ и охотою, какъ въ начальныхъ училищахъ. Объясняется это, между прочимъ, тѣми методами и приѣмами обученія, которые выработаны школьною практикою и трудами лучшихъ русскихъ педагоговъ, каковы: Ушинскій, Бунаковъ, Ельницкій и др. Нѣтъ, конечно, и повальнаго бѣгства учениковъ изъ училищъ со второго года обученія; въ большинствѣ случаевъ училища переполнены. Если же въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не всѣ ученики оканчиваютъ курсъ, то это обуславливается не учебными книгами, а исключительно экономическими и бытовыми условіями.

Придумавъ вину авторовъ и издателя, г. Радонежскій, конечно, позаботился и о строгомъ наказаніи виновныхъ. Въ виду бѣдности нашихъ начальныхъ училищъ, онъ признаетъ и необходимымъ, и справедливымъ, и полезнымъ, чтобы изъ книгъ были исключены всѣ повто-

ряющіяся статьи, такъ какъ послѣ такой кастраціи и книгъ будетъ меньше и цѣна ихъ понизится втрое. Здѣсь г. Радонежскій обнаруживаетъ не только отсутствіе опытности въ школьномъ дѣлѣ, но и шаткость своей логики. Мы, наоборотъ, думаемъ, что мѣра, предлагаемая г. Радонежскимъ, окажется для училищъ не только бесполезной, но и вредной, и вотъ почему. Съ сокращеніемъ книгъ на половину, онѣ не будутъ въ себѣ заключать столько матеріала, сколько его требуется на цѣлый годъ обученія, а потому станутъ непригодными для училищъ. Тогда училища, въ коихъ приняты эти книги, должны замѣнить ихъ книгами другихъ авторовъ, а это вызоветъ непредвидѣнный расходъ, возложенный на бѣдныя училища безъ всякой надобности. Затѣмъ, книги, какъ извѣстно, составляютъ движимое имущество авторовъ. Сдѣлать путемъ сокращенія книги непригодными—это значитъ лишить ихъ авторовъ собственности. Сомнѣваемся, чтобы это было справедливо, а тѣмъ болѣе согласно съ закономъ. Отсюда само собою вытекаетъ слѣдствіе, что надобности въ сокращеніи книгъ не встрѣчается. Здѣсь, кстати, можно указать на одинъ фактъ, который ясно доказываетъ, что г. Радонежскій имѣетъ довольно смутное понятіе о количествѣ учебнаго матеріала, потребнаго для каждаго года обученія въ начальномъ училищѣ. Г. Радонежскимъ, какъ извѣстно, составлена, между прочимъ, „Книга для чтенія въ церковно-приходскихъ и народныхъ школахъ“. Въ прежнихъ изданіяхъ книга эта предназначалась только для 2-го года обученія, а въ новыхъ изданіяхъ та же книга, и при томъ безъ всякихъ дополненій и измѣненій, уже предназначается для 2-го и 3-го годовъ обученія.

Въ *четвертомъ* спискѣ, составленномъ г. Радонежскимъ, заключается перечень 27 статей, повторяющихся въ книгахъ Бунакова и книгахъ Баранова, назначенныхъ для 2-го и 3-го годовъ обученія въ начальныхъ училищахъ. Однинадцать изъ этихъ статей принадлежатъ слѣдующимъ авторамъ: Аксакову, Хрущову, Бабсту, Петрушевскому, Карамзину, Майкову, Соловьеву, Глинкѣ, Некрасову, Ушинскому и Вутечичу. Всѣ эти статьи представляютъ обычный матеріалъ, входящій въ книги для чтенія и хрестоматіи. Остальныя статьи, преимущественно географическаго и историческаго содержанія, отчасти составлены самимъ Бунаковымъ, а отчасти заимствованы имъ изъ книгъ Баранова. Отсюда же заимствованъ Бунаковымъ и славянскій текстъ. Въ такомъ заимствованіи нѣтъ ничего предосудительнаго, а тѣмъ болѣе вреднаго для начальныхъ училищъ. А если кто и можетъ заявлять въ этомъ случаѣ какія-либо претензіи, то, конечно, не г. Радонежскій, а авторъ той

книги, изъ которой заимствованы статьи, да и тогда только, когда не будетъ обозначенъ авторъ статьи или книги. Такъ какъ П. Ө. Бунаковъ недавно скончался и не можетъ защищаться противъ нападокъ г. Радонежскаго, то мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу вышеозначенныхъ позаимствованій статей и славянскаго текста.

Извѣстно, что въ первыхъ изданіяхъ книги Бунакова „Въ школѣ и дома“ были вполне оригинальны и самостоятельны. Коренной переработкѣ эти книги подвергнулись въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ не по инициативѣ Бунакова, а по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Въ то время въ ученое комитетъ водвинуто было гоненіе противъ многихъ распространенныхъ въ начальныхъ училищахъ книгъ. Г. Радонежскій хорошо долженъ помнить объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ состоялъ уже тогда членомъ ученаго комитета. Тогда именно были исключены изъ каталога даже такія книги, какъ „Родное Слово“ г. 1-й Ушинскаго, „Книга для чтенія“ Водовозова, „Книга для чтенія“ Паульсона ¹⁾ и др. Вотъ, чтобы спасти свои книги отъ подобной участи, Бунаковъ и былъ принужденъ ихъ переработать и воспользоваться отчасти чужимъ матеріаломъ. Но какъ бы то ни было, П. Ө. Бунаковъ, по своимъ заслугамъ на пользу народной школы и значенію въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, занимаетъ очень почетное мѣсто среди русскихъ педагоговъ. Незадолго до своей смерти Н. Ө. Бунаковъ успѣлъ окончить новый трудъ для начальныхъ училищъ, въ которому едва ли удастся г. Радонежскому примѣнить свой методъ разысканій.

Пятый списокъ г. Радонежскаго касается исключительно составленныхъ нами книгъ „Наше Родное“ и „Добрыя Сѣмена“. Тутъ г. Радонежскій потрудился съ особеннымъ усердіемъ, тѣмъ болѣе что и весь походъ его предпринять преимущественно противъ насъ, какъ составителя указанныхъ книгъ. По крайней мѣрѣ чуть ли не на каждой страницѣ его отзыва фамилія „Барановъ“ встрѣчается одинъ или нѣсколько разъ. Въ своемъ увлеченіи г. Радонежскій доходитъ до того, что приписываетъ намъ такія заслуги (а по его мнѣнію, вредоносныя дѣянія), которыя намъ не принадлежать. Такъ, г. Радонежскій утверждаетъ (стр. 200 *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*), будто письменныя упражненія, помѣщаемыя въ букваряхъ, изобрѣтены нами. Въ дѣйствительности выработка этихъ упражненій

¹⁾ Въ недавнее время книги эти снова включены въ каталогъ.

совершалась постепенно и при томъ разными лицами. Затѣмъ г. Радонежскій указываетъ (стр. 202 *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*), что объясненія выраженій и словъ, помѣщенные въ книгѣ „Добрыя Сѣмена“, послужили образцомъ для Вольнера при составленіи имъ „Иллюстрированнаго толкователя“. И это невѣрно: книга Вольнера появилась въ печати раньше книгъ „Добрыя Сѣмена“. Здѣсь, кстати, слѣдуетъ обратить вниманіе и на заявленіе г. Радонежскаго, будто „въ разное время неоднократно говорилось объ излишествахъ, допускаемыхъ при объяснительномъ чтеніи въ книгѣ „Добрыя Сѣмена“ Баранова.“ Не знаемъ, сколько разъ говорилось въ ученномъ комитетѣ, но думаемъ, что если объ этомъ говорилось, то, по всей вѣроятности, г. Радонежскимъ. Въ періодической же печати, сколько намъ извѣстно, было напечатано только одинъ разъ, а именно въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ „Правительственный Вѣстникъ“ и перепечатанной въ журналѣ „Народное Образованіе“. Статья эта касалась увлеченій при объяснительномъ чтеніи не столько насъ, сколько другихъ педагоговъ, а такъ какъ она напечатана безъ подписи, то и осталась безъ возраженій. Не вдаваясь въ бесплодную полемику съ г. Радонежскимъ по вопросу объ объяснительномъ чтеніи, мы можемъ только замѣтить, что считаемъ себя въ этомъ вопросѣ гораздо опытнѣе и компетентнѣе г. Радонежскаго, а потому лучше его знаемъ, что и какъ слѣдуетъ объяснять въ начальныхъ училищахъ.

Но обращаемся къ пятому списку. При составленіи этого списка г. Радонежскій уже не ограничился перечисленіемъ отдѣльныхъ статей, но перенесъ изъ книгъ „Наше Родное“ въ книгу „Добрыя Сѣмена“ цѣлыя отдѣлы. При этомъ г. Радонежскій многое преувеличилъ. Такъ, по его разысканіямъ, изъ книги „Наше Родное“ для перваго года обученія перенесены въ книгу „Добрыя Сѣмена“ для того же года обученія буквально или почти буквально два отдѣла. Между тѣмъ въ дѣйствительности изъ одного отдѣла перенесено 17 статейъ и стихотвореній, а изъ другого отдѣла — 11 статейъ духовно-нравственнаго содержанія, нами же составленныхъ. Точно также, по разысканіямъ г. Радонежскаго, статьи книги „Наше Родное“ г. 3-ій (стр. 25—63) буквально сходны со статьями книги „Добрыя Сѣмена“ ч. III в. 2-ой; въ дѣйствительности же изъ книги „Наше Родное“ взято только 9 статей. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, мы замѣтимъ только, что въ общемъ книги „Наше Родное“ и „Добрыя Сѣмена“ заключаютъ самое ограниченное количество повторяющихся

статей, и при томъ главнымъ образомъ духовно-нравственнаго и географическаго содержанія. И если мы воспользовались частью подобнаго матеріала, помѣщеннаго въ книгахъ „Наше Родное“, то на это были основательныя причины. Всѣ статьи духовно-нравственнаго содержанія составлены нами по разнымъ источникамъ или значительно переработаны; иначе онѣ не были бы доступны ученикамъ по изложенію. Но такъ какъ эти статьи имѣютъ тѣсную связь съ курсомъ по Закону Божию или со статьями по гражданской исторіи, то подобныя статьи должны были найти себѣ мѣсто и въ книгахъ „Добрыя Сѣмена“. Спрашивается, почему мы должны были составлять эти статьи вновь, или помѣщать ихъ въ чужомъ изложеніи, недоступномъ для пониманія дѣтей? Что касается статей географическаго содержанія, то повторяются только статьи такого общаго характера, какъ Москва—сердце Россіи, Западный край, Степной край и пр. Такія статьи безусловно необходимы для того, чтобы дать дѣтямъ общее представленіе о той или другой мѣстности Россіи. Въ противномъ случаѣ чтеніе отдѣльных, частныхъ статей не принесетъ ученикамъ никакой тѣшественной пользы. Всѣ подобныя статьи опять-таки составлены нами и, какъ показала практика, на столько удачно, что ими пользуются и другіе составители книгъ для чтенія. Спрашивается, почему мы не могли воспользоваться этими статьями при составленіи книги „Добрыя Сѣмена“? Только г. Радонежскій можетъ видѣть во всемъ этомъ что-то предосудительное!... Что касается славянскаго текста, то исторію Іосифа и житіе вселенскихъ и московскихъ святителей на славянскомъ языкѣ мы могли взять только изъ Библіи и Четьихъ-Миней. Сколько намъ извѣстно, другихъ источниковъ для этого нѣтъ.

Въ *шестомъ* спискѣ г. Радонежскаго заключается перечень картинъ, повторяющихся въ книгахъ Бунакова и Баранова. Картины эти относятся къ географіи и гражданской или церковной исторіи. Всякій, кому приходилось имѣть въ рукахъ указанныя книги, не могъ не обратить вниманія какъ на изящество исполненія этихъ картинъ, такъ и на вѣрность ими изображаемаго. И это вполне понятно. Намъ извѣстно, какъ создавались эти картины издателемъ г. Полуобояриновымъ. Онѣ составлялись подъ руководствомъ извѣстныхъ специалистовъ, рисовались лучшими художниками и рѣзались на деревѣ лучшими граверами. Созданныя съ такими трудностями и расходами картины, конечно, представляютъ весьма цѣнное имущество, которымъ издатель имѣетъ полное право распоряжаться по своему усмотрѣнію. А если такъ, то съ какою цѣлью составилъ г. Радонежскій свой спи-

софъ? Неужели онъ думаетъ, что ученый комитетъ можетъ воспретить г. Полубояринову распоряжаться своимъ имуществомъ, т. е. другими словами ограничить его гражданскія права. Впрочемъ, по отношенію къ издателю г. Радонежскій дѣлаетъ такіе интересные выводы.

„Даже и при поверхностномъ взглядѣ на всѣ эти изданія бросается въ глаза ихъ крайнее однообразіе прежде всего по внѣшнему виду:— въ нихъ одинаковый форматъ, шрифтъ, размѣръ клише, чѣмъ облегчается возможность буквального перепечатыванія однажды набраннаго шрифта и однихъ и тѣхъ же клише въ нѣсколькихъ изданіяхъ“.

Вотъ, значитъ, въ чемъ дѣло. Г. Радонежскому не нравится форматъ книгъ. Напрасно: форматъ этотъ очень выгоденъ для училищъ, такъ какъ на каждомъ печатномъ листѣ помѣщается гораздо больше матеріала, чѣмъ въ другихъ изданіяхъ. Такъ, если въ этомъ форматѣ напечатать „Родное Слово“ Ушинскаго, то окажется, что для первой части понадобится около 3-хъ листовъ, а для второй — около 5 листовъ, а это значитъ, что цѣна первой части не превыситъ 15 коп., а второй—25 коп., т. е. каждая часть будетъ на 10 коп. дешевле. Вотъ что значитъ форматъ. Само собою разумѣется, что если выбрать для всѣхъ книгъ однообразный форматъ, то и клише приноровлены къ этому формату. Навѣно ставить въ упрекъ издателю, что онъ заказываетъ клише по размѣру формата книгъ. Что же касается до возможности пользоваться однимъ и тѣмъ же наборомъ для нѣсколькихъ изданій, то это не зависитъ ни отъ формата, ни отъ шрифта. Каждый авторъ, а въ томъ числѣ и г. Радонежскій, можетъ снять съ набора стереотипъ и печатать съ этого стереотипа нѣсколько изданій. Конечно, не лишень этого права и г. Полубояриновъ.

Въ заключеніе нашей замѣтки приведемъ нѣсколько примѣровъ познаній г. Радонежскаго по методикѣ начальнаго обученія.

Г. Радонежскій, напримѣръ, не понимаетъ значенія такихъ упражненій, какъ: *мужъ—мужья, зять? стулъ? листь?* Между тѣмъ подобныя упражненія очень важны для пріученія учащихся къ правильному письму съ первыхъ шаговъ обученія. Исполняя приведенную работу, ученики не только упражняются въ сознательномъ письмѣ, но и практически пріучаются къ употребленію мягкаго знака въ среднѣ словъ. Въ букваряхъ Руднева, Бунакова и Баранова помѣщены такъ называемыя прописи-картинки. На этихъ картинкахъ изображены отдѣльные предметы или части предметовъ. Ученики должны писать названіе изображаемыхъ предметовъ или ихъ частей. Такимъ путемъ механическое списываніе обращается въ интересную и сознательную

для учениковъ работу. А вотъ какъ относится къ этимъ картинкамъ г. Радонежскій. „Особенно бросаются въ глаза рисунки, изображающіе отдѣльныя какъ бы оборванныя части человѣческаго тѣла, напимѣръ, ухо, раскрытый безобразно ротъ, одинъ усъ, оторванная рука, не то мужская, не то женская (sic!). Также едва ли ученикамъ нужно смотрѣть и изучать (?) женскіе чулки, висящіе на веревкѣ, лошадиныя копыта и др.“ (стр. 198, *Журн. Мин. Нар. Просв.*). Выходитъ такимъ образомъ, что, по мнѣнію г. Радонежскаго, эти рисунки служатъ для изученія предметовъ и что бѣднымъ ученикамъ приходится даже угадывать, какая нарисована рука,—мужская или женская. И вотъ при такихъ методическихъ познаніяхъ г. Радонежскій берется за разборъ учебныхъ руководствъ. Неудивительно поэтому, что о руководствахъ Бунакова для учителей г. Радонежскій высказался въ томъ смыслѣ, будто эти руководства должны быть сокращены на половину. Приговоръ вполне понятный, съ точки зрѣнія такого педагога, какъ г. Радонежскій.

А. Барановъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Пасхальныя каникулы не явились періодомъ отдыха для нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, такъ какъ въ это время у насъ было три научныхъ конгресса; два изъ нихъ интернаціональнаго характера: конгрессъ археологовъ въ Аоннахъ, на которомъ Франція и французская Аоннская школа были широко представлены, и два конгресса въ Алжирѣ: интернаціональный конгрессъ ориенталистовъ и ежегодный исключительно французскій конгрессъ ученыхъ обществъ, состоявшийся впервые не на континентѣ.

Археологическій конгрессъ въ Аоннахъ былъ особенно интересенъ. Онъ впервые состоялся въ 1896 г. по идеѣ г. Гомолля, ученаго директора французской Аоннской школы. Г. Гомолль въ настоящее время вернулся въ Парижъ, гдѣ онъ состоитъ директоромъ національныхъ музеевъ; но онъ ѣздилъ въ Аонны въ качествѣ делегата отъ правительства. Около тридцати французовъ, представители института, университетовъ, ученыхъ обществъ, принимали участіе въ конгрессѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ греческій наслѣдникъ и имѣли своихъ представителей большая часть европейскихъ государствъ и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Изъ французовъ назову только гг. Кодиньонъ, Масперо, Бабелонъ, изъ извѣстныхъ художниковъ: г. Бонна, знаменитый живописецъ, г. Маркертъ, скульпторъ, членъ академіи искусствъ. Особенно долго дебатировался вопросъ о реставраціи памятниковъ древности. Было рѣшено, что впредь ихъ будутъ

реставрировать, пользуясь исключительно обвалившимся матеріаломъ, который будетъ найденъ въ развалинахъ; при этомъ, конечно, будутъ руководиться не простой фантазіей. Еще обсуждали вопросъ о преподаваніи археологіи въ лицейхъ и гимназіяхъ. Естественно, что археологи желаютъ, чтобы ихъ наука проникла въ среднія школы. Но въ виду того, что классическія науки все болѣе и болѣе отходятъ на второй планъ въ среднемъ образованіи, сомнѣваюсь, чтобы въ нашихъ лицейхъ отвели мѣсто для серьезнаго преподаванія греческаго и римскаго искусства. Наши лицейсты повторяютъ знаменитый стихъ поэта эпохи романтизма:

„Кто освободитъ насъ отъ грековъ и римлянъ?“

Конгрессъ, конечно, явился поводомъ къ многимъ экскурсіямъ. На вечеръ, данномъ Аѳинской школой, участники конгресса имѣли случай послушать извѣстныхъ артистовъ французской Парижской школы. Въ аѳинскомъ Stade они присутствовали на представленіи Антигоны Софокла въ оригиналѣ, которое было устроено знаменитымъ нѣмецкимъ археологомъ г. Дёрпфельдомъ.

Было рѣшено, что слѣдующій конгрессъ состоится въ Египтъ, въ Каиръ, черезъ нѣсколько лѣтъ. Надѣмся, что въ это время г. Масперо еще будетъ въ Египтъ, чтобы принять археологовъ обѣихъ частей свѣта въ этой такъ хорошо извѣстной ему странѣ.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я писалъ о болѣе или менѣе радикальныхъ проектахъ реформы французской орфографіи и о томъ, что французская академія не дала еще положительнаго отвѣта на официальный запросъ министра. Теперь академія изложила свое рѣшеніе въ официальной брошюрѣ, редактированной г. Фаге, профессоромъ французской литературы въ Сорбоннѣ.

Академія есть сенатъ французскаго языка и литературы, а роль сената заключается въ томъ, чтобы быть консервативнымъ.

Академія заявляетъ, что она въ принципѣ противъ чисто фонетической орфографіи. Она находитъ, что фонетика измѣняется съ каждымъ поколѣніемъ; никто не можетъ сказать, какая провинція обладаетъ наиболѣе вѣрнымъ произношеніемъ, и если допустить принципъ согласованія французской орфографіи съ произношеніемъ, придется принять и утвердить нѣсколько французскихъ орфографій.

Академія заявляетъ себя на сторонѣ этимологической орфографіи, къ которой комиссія, о которой я вамъ писалъ, относится очень враждебно. „Подходящій ли теперъ моментъ“, спрашиваетъ она, „для

уничтоженія воспоминанія о происхожденіи нашего языка? Полезно ли это хотя бы съ точки зрѣнія распространенія французскаго языка? Нѣтъ; ибо родство нашего языка съ латинскимъ, которое орфографія не сглаживаетъ, а, напротивъ, выдвигаетъ, дѣлаетъ нашъ языкъ болѣе понятнымъ для ученыхъ, для людей образованныхъ всѣхъ странъ. Они хуже и менѣе быстро поймутъ, что значить слово *temps*, если мы будемъ его писать *tans*, *tens* или *tam*. Слово *temps*, отличающееся отъ *tempus* только на одну букву, напротивъ, понятно имъ съ перваго взгляда“.

Изъ отчета видно, что академія придаетъ большое значеніе физономіи, такъ сказать, словъ. Она полагаетъ, что реформа, столь восхваляемая комиссіей, внесетъ глубокой порывотъ въ привычки французовъ. Она убѣждена, что отъ предполагаемаго измѣненія страдаетъ не только языкъ, но и литература.

Однако, академія признала, что нѣкоторыя измѣненія желательны и ихъ можно ввести во французскую орфографію. Въ тридцати двухъ параграфахъ академія разбираетъ самыя важныя предложенія комиссіи и отбрасываетъ большинство изъ нихъ. Такъ, на примѣръ, она не согласна на предложеніе писать *fame* вмѣсто *femme*, *traïr* и *ébaïr* вмѣсто *trahir* и *ébahir*; *cliant*, *orient*, *patiant* вмѣсто *client*, *orient*, *patient*; — *fan*, *pan*, *tan*, вмѣсто *faon*, *paon*, *taon*; — *neu*, *seur*, *veu* вмѣсто *nocud*, *socur*, *voeu*; — *cors*, *ni*, *doit*, *pois*, *puis* вмѣсто *corps*, *nid*, *dolgt*, *poids*, *puits*; — *tems* вмѣсто *temps*; — *il vaint* вмѣсто *il vaine*; *aristocracie*, *iniciier*, *faccion*, *nacion*, *nocion*, *accion* вмѣсто *aristocratie*, *initier*, *faction*, *nation*, *notion*, *action*; — *extaze*, *phraze*, *plaize*, *roze* вмѣсто *extase*, *phrase*, *plaise*, *rose*; *sis*, *dis*, *crois* вмѣсто *six*, *dix*, *croix*; *mognon*, *pogne*, *pognard* вмѣсто *moignon*, *poigne*, *poignard*; *donter*, *sculter* вмѣсто *dompter*, *sculpter*. Она отвергаетъ замѣну *ch* черезъ *k* въ *archéologue*, *archiépisoral*; а также общую замѣну *y*, *th*, *ph*, *rh* черезъ *i*, *t*, *f*, *r* въ словахъ, взятыхъ изъ греческаго языка.

Однимъ словомъ, академія стремится сохранить историческую связь между французскимъ языкомъ и латинскимъ и греческимъ языками, отъ которыхъ происходитъ большая часть нашихъ словъ.

Напротивъ, академія согласна на слѣдующія перемѣны: *déja* вмѣсто *déjà*; *chute*, *joute*, *otage* вмѣсто *chûte*, *joûte*, *ôtage* (эти измѣненія она уже ввела въ свой словарь); *ile*, *flute*, *maitre*, *traître*, *croûte*, *vouto* вмѣсто *île*, *flûte*, *maître*, *traître*, *croûte*, *voûte*; *assidument*, *devouement* *crucifiment* вмѣсто *assiduellement*, *devoûement* или *devoeuement*, *crucifiment*

или cruciement, différent вмѣсто diflérend; fond вмѣсто fonds; appais вмѣсто arras; ognon вмѣсто oignon; pié вмѣсто pied, échèle вмѣсто échelle.

Она согласна, чтобы семь существительныхъ на ou: bijou, saillon, chou, genou, hibou, joujou, rou, присоединившія х во множественномъ числѣ, подчинялись бы общему правилу, принимая s во множественномъ числѣ.

Кромѣ того, она не противится уничтоженію буквы h въ словахъ, производныхъ отъ греческаго, когда h встрѣчается въ соединеніи съ r (rh). Точно также въ словахъ научнаго происхожденія она отдаетъ предпочтеніе i передъ греческимъ y.

Наконецъ, она не отвергаетъ предложеніе писать sizain, какъ пишутъ dizain и dizaine, и считаетъ, что эту реформу можно бы распространить на dizième и zizième (вмѣсто dixième и sixième) сообразно съ орфографіей onzième и douzième.

Нашихъ молодыхъ студентовъ не приходится жалѣть. Правда, они должны отбывать воинскую повинность, отъ чего они были избавлены во времена моей юности, но зато постоянно увеличивается число стипендій, пособій, различныхъ преимуществъ, о которыхъ мы не имѣли понятія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ богатый меценатъ, Альбертъ Канъ, предоставилъ Парижскому университету нѣсколько стипендій по 15.000 франковъ, чтобы дать возможность извѣстному числу молодыхъ людей совершить путешествіе вокругъ свѣта. Эти молодые люди должны были имѣть степень доктора и обладать практическимъ знаніемъ англійскаго языка. При этомъ меценатъ объяснилъ причины, побудившія его сдѣлать это пожертвованіе. „Мнѣ казалось, говорить онъ, что наши молодые доктора, проведя нѣсколько лѣтъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, затѣмъ готовясь къ экзаменамъ, становятся профессорами лицеевъ, не узнавъ дѣйствительной жизни. Не подвергаются ли они риску найти удовлетвореніе въ чисто абстрактномъ знаніи и считать самымъ и внушать ученикамъ, что занятіе наукою и словесностью суть чисто умственныя занятія, несущія удовлетвореніе въ самихъ себѣ, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ основаніе и цѣль есть правильно понятыя интересы человѣчества“.

Итакъ, г. Канъ хотѣлъ оторвать молодыхъ преподавателей отъ ихъ библиотекъ и привести въ столкновеніе съ жизнью всего свѣта. Нѣкоторые изъ нихъ писали замѣтки во время путешествія, редактировали ихъ, и ихъ отчеты были собраны въ одну книгу подъ загла-

viemъ: *Autour du monde par les boursiers de voyage de l'Université de Paris* (1 v, in 8° libr. Alcan).

Эти статьи трактуютъ о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ: О святой землѣ, о Бирмѣ, о Явѣ, о французскомъ Индо-Китаѣ, о Южной Америкѣ, о Канадѣ, о Новой Зеланди. Для васъ особенно будетъ интересна статья г. Мейера, преподавателя въ Марсельскомъ лицее, о Японіи, въ которой онъ жилъ два или три года тому назадъ. Этотъ трудъ, вѣроятно, написанъ въ концѣ 1903 г. Авторъ мало симпатизируетъ японцамъ и въ ужасѣ отъ ихъ честолюбія. Онъ находитъ, что они безмѣрно горды, недобросовѣстны, лживы и легкомысленны. Японцы, говоритъ онъ, больше похожи на обезьянъ, чѣмъ на людей, но это не добродушные обезьянки, прыгающія и гримасничающія, это по большей части скверныя обезьяны, павіаны, и онъ видитъ большую опасность въ паллазіатской политикѣ Японіи.

Рекомендую вамъ еще изъ этой интересной книги статью преподавателя Орлеанскаго лицея о народномъ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ; въ этомъ трудѣ авторъ, прожившій около года въ Америкѣ, указываетъ, что американская система воспитанія особенно пригодна для успѣшной подготовки людей дѣла.

Все, что касается крайняго востока, особенно интересуется въ настоящее время французозъ. Одинъ инженеръ, прожившій четыре года подъ рядъ въ Корей, описалъ эту страну въ книгѣ, озаглавленной *En Corée*, вошедшей въ составъ красивой коллекціи въ голубомъ переплетѣ, издаваемой фирмой Плонъ, къ которой принадлежитъ и вышедшая недавно книга г. де Витте: *Des Alpes bavaroises aux Balkans*. Авторъ этой новой книги, г. Бурдаре, очень хорошо описываетъ Сеулъ; онъ изучалъ нравы и обычаи жителей и путешествовалъ по провинціи. Его разсказъ очень пріятенъ и поучителенъ. Онъ очень хвалитъ корейскій народъ, который считаетъ добрымъ и умнымъ, развитіе котораго было задержано печальнымъ суевѣріемъ. Г. Бурдаре хвалитъ нынѣшняго императора и заканчиваетъ пожеланіемъ благополучія и независимости Кореи. Когда онъ писалъ свою книгу, онъ не ожидалъ, что японцы такъ скоро уничтожатъ эту независимость.

Труды по классической древности становятся все болѣе и болѣе рѣдкими; уваженіе къ классикамъ падаетъ, и трудно ожидать, чтобы они когда-нибудь снова вошли въ славу. Лѣтъ сорокъ тому назадъ книгоиздательство Гашетъ начало свою серію научныхъ изданій великихъ греческихъ и латинскихъ классиковъ. Оно дало Тацита, Вир-

гилія, Эврипида, Демосфена, Гомера, Софокла, пользующихся заслуженнымъ авторитетомъ, и нѣсколько произведеній Цицерона, изданныхъ Эмилемъ Тома, ученымъ профессоромъ Лилльскаго университета. За послѣдніе годы дѣятельность книгоиздательства замедлилась и, увы, можно предвидѣть моментъ, когда она совершенно изсякнетъ. Греческія и латинскія произведенія не имѣютъ сбыта. Однако, фирма Гашеть рѣшилась предпринять изданіе De Oratore Цицерона. Это изданіе поручено выдающемуся латинисту г. Курбану, профессору Сорбонны, любимѣйшему ученику знаменитаго латиниста, Гастона Буассье. Вышедшій томъ заключаетъ только первую книгу De Oratore и кромѣ того очень подробное введеніе и комментарий филологическій и литературный.

Другой профессоръ Парижскаго словеснаго факультета Жоржъ Лафа печатаетъ въ библиотекѣ факультета статью *les Métamorphoses d'Ovide et leurs modèles grecs* (I vol. in 8° libr. Alcan). Я только что говорилъ, что во Франціи начинаютъ забывать латинскую литературу. Овидій особенно впалъ въ немилость; онъ очень нравился въ XVIII вѣкѣ, но критика XIX вѣка была къ нему очень немилостива. Однако, ученымъ пришлось заняться имъ благодаря нѣкоторымъ работамъ по александрійской литературѣ. Было замѣчено, что въ этой литературѣ слѣдуетъ искать его образцы. Г. Лафа резюмируетъ и дополняетъ эти изслѣдованія; онъ ищетъ начало метаморфозъ въ греческой литературѣ, сообщаетъ намъ, какіе существовали сборники до Овидія, изучаетъ его приемы, его идеи. Эта весьма остроумная книга обнаруживаетъ глубокое образованіе. Къ сожалѣнію, въ ней отсутствуетъ алфавитный указатель, который былъ бы весьма полезенъ.

Мнѣ рѣдко случается сообщать вамъ о книгахъ, издаваемыхъ въ Бельгіи. Однако, я сдѣлаю исключеніе для этимологическаго словаря греческаго языка, изданнаго г. Эмилемъ Буасакомъ, профессоромъ классической филологіи въ Брюссельскомъ университетѣ. Этотъ трудъ, награжденный Бельгійской академіей, изданъ въ Брюсселѣ (книгоизд. Мишъ). Онъ выходитъ выпусками и на него открыта подписка въ 25 франковъ; онъ значительно лучше, чѣмъ *Grundzüge* Курциуса, и гораздо лучше редактированъ, чѣмъ *Handbuch der griechischen Etymologie* Лео Мейера. Конечно, онъ оставляетъ нѣкоторые вопросы неразрѣшенными, однако онъ указываетъ на серьезный прогрессъ въ наукѣ. Печатаніе этой книги представляло значительныя затрудненія;

оно было поручено типографіи Жоржъ де-Бонъ, въ которой печаталось второе изданіе Grundriss Бругманна.

Вдова Тэна продолжаетъ печатать переписку незабвеннаго историка и философа (изданіе фирмы Гашетъ, подъ общимъ заглавіемъ: *H. Taine, sa vie et sa correspondance*). Третій томъ этого значительнаго изданія обнимаетъ періодъ съ 1870 по 1875 гг., въ который произошла франко-прусская война, послѣдовавшій за нею переворотъ, правленіе и паденіе Тьера, начало правленія маршала Макъ-Магона. Во время этого періода Тэнъ подготовлялъ свой великій трудъ, поглотившій послѣдній періодъ его жизни: *Les Origines de la France contemporaine*, и читалъ публично лекціи въ Англии и въ Швейцаріи (Жюневъ). Главными корреспондентами Тэна въ этотъ періодъ были Альбертъ Сорель, замѣтившій его во Французской академіи, Эмиль Бутми, которому онъ помогалъ организовать школу политическихъ наукъ, Максъ Мюллеръ, датскій критикъ Брандосъ и нѣкоторые члены его семьи. Въ этихъ письмахъ онъ высказываетъ довольно пессимистическій взглядъ на положеніе вещей во Франціи и на свои литературные труды. Въ очень цѣнномъ приложеніи содержатся подготовительныя замѣтки къ его *Origines de la France contemporaine*. Эти замѣтки намъ позволяютъ до нѣкоторой степени проникнуть въ ателье художника и выясняютъ намъ его манеру работать. Издатель сначала предполагалъ, что изданіе займетъ не болѣе трехъ томовъ; но всѣ корреспонденты Тэна чрезвычайно охотно откликнулись на приглашеніе издателя, и теперь у него есть матеріалъ для четвертаго тома, который скоро выйдетъ. Несмотря на свой умъ, Тэнъ иногда впадалъ въ странныя заблужденія; такъ, въ ноябрѣ 1870 г. онъ пишетъ, что Россія воспользуется положеніемъ вещей, чтобы захватить Константинополь.

Умная и талантливая писательница, давшая подъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ¹⁾ такъ много прекрасныхъ произведеній, только что закончила біографію *Grande Mademoiselle*, начатую нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Второй, только что появившійся томъ озаглавленъ *Louis XIV et la Grande Mademoiselle* (libr. Hachette). Позвольте напомнить вашимъ читателямъ, что этимъ именемъ обозначаютъ въ нашей исторіи Анну Марію Луизу де-Монпансье, двоюродную сестру

¹⁾ Арведъ Баринъ есть псевдонимъ дамы, дѣйствительное имя которой есть Сесиль Венсенъ. Этотъ псевдонимъ не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ словомъ *баринъ*. Это лотарингская фамилія.

Людовика XIV, которая хотя и была старше его на четырнадцать лѣтъ, рассчитывала одно время выйти за него замужъ, принимала участіе въ мятежахъ Фронды, была сослана въ провинцію, когда эта революція окончилась неудачей, вернулась потомъ ко двору, вызвала настоящій скандалъ своими любовными отношеніями къ Лозену, за котораго она будто бы тайно вышла замужъ (этотъ эпизодъ послужилъ темою одного изъ знаменитѣйшихъ писемъ г-жи де-Севиньи), и представляетъ, вообще, одну изъ удивительнѣйшихъ личностей вѣка Людовика XIV. При изученіи этой романтической жизни, г-жѣ Арведъ Баринъ удалось бросить новый свѣтъ на нѣкоторые эпизоды и личности этой столь извѣстной эпохи. Ея книгу очень пріятно читать. Если бы авторъ не принадлежалъ къ женскому полу, этого новаго произведенія было бы достаточно, чтобы открыть ему двери Французской академіи.

Г-ну Францу Фуикъ Brentano особенно нравится изучать общественную жизнь XVIII вѣка. Я уже указывалъ вамъ на его интересную книгу *l'Affaire du Collier*. Онъ посвятилъ восемнадцатому вѣку новую книгу, озаглавленную *Les Nouvellistes* (libr. Hachette). Этому слову не слѣдуетъ придавать его современное значеніе—авторъ новеллъ, т. е. небольшихъ романовъ. Нувеллисты—въ дословномъ значеніи: собиратели новостей—суть предшественники современныхъ газетныхъ сотрудниковъ. Въ эпоху, когда газеты были весьма рѣдки, они разносили по салонамъ, по кафе, по общественнымъ садамъ, особенно въ *Jardin du Palais Royal*, правдивыя и ложныя новости, добытыя ими. Чаще всего они собирались въ *Palais Royal* подъ каштаномъ, названнымъ краковскимъ деревомъ, можетъ быть, потому что подъ его сѣнью обсуждали польскія дѣла, но еще вѣроятнѣе потому, что подъ нимъ рассказывалось много „*сгаques*“, то-есть ложныхъ новостей. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ же извѣстны, какъ нынѣ самыя извѣстныя журналисты; король и министры пользовались ими для распространенія въ публикѣ такихъ извѣстій, которыя имъ были выгодны. Нѣкоторыя кафе были также мѣстомъ сборища нувеллистовъ и любопытныхъ. Когда революція создала, наконецъ, во Франціи политическую прессу, потребность въ нувеллистахъ пропала и они исчезли.

Pierre de Nolhas, бывшій ученикъ французской школы въ Римѣ, филологъ и выдающійся писатель, занимаетъ уже нѣсколько лѣтъ мѣсто консерватора въ Версальскомъ дворцѣ. Онъ сдѣлалъ тамъ важныя открытія и внесъ серьезныя улучшенія въ размѣщеніе коллекцій. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ напечаталъ исторію

дворца, исторію Маріи Антуанеты и изслѣдованіе о Людовикѣ XV и Маріи Лещинской. Онъ только что напечаталъ первый томъ очень интереснаго труда о Людовикѣ XV и мадамъ де-Помпадуръ (киноизд. Кальманъ Леви). Г-нъ де-Нолакъ очень начитанный историкъ, отличающійся умѣньемъ отыскивать новые документы и использовать ихъ. Его произведенія отличаются литературной формой; они пользуются успѣхомъ въ обществѣ; но основательность содержанія нисколько не страдаетъ отъ этого. Я особенно рекомендую эту новую книгу о знаменитой фавориткѣ всѣмъ, кого интересуютъ исторія XVIII вѣка, такого пикантнаго и такого безправственнаго.

Изученіе гуманитарныхъ наукъ сильно упало у насъ за послѣднія двадцать лѣтъ, зато все болѣе посвящается времени на изученіе національной литературы, которую вводятъ въ программу народнаго образованія и знаніе которой стремятся распространить въ самомъ народѣ съ помощью бесѣдъ, происходящихъ въ народныхъ университетахъ, о которыхъ я вамъ уже сообщалъ, и представленій лучшихъ произведеній классиковъ артистами Comédie Française въ театрахъ предмѣстій столицы. Выдающіеся писатели предприняли даже изданіе руководствъ по французской литературѣ, доступныхъ для народа. Такъ, г. Лео Кларти, племянникъ Жюля Кларти, члена академіи и директора Comédie Française, напечаталъ (фирма Жедальжъ) книгу подъ заглавіемъ: *Nos grands écrivains racontés à nos petits enfants*, которая заслуживаетъ вниманія, какъ очень интересная попытка популяризаціи литературы; авторъ знакомитъ, примѣняясь къ дѣтскому уму, съ началами французской литературы, произведеніями Корнеля, Расина, Мольера, Ла-Фонтэна, Вольтера, Руссо, Виктора Гюго и Альфонса Додо. Тѣ изъ вашихъ читателей, которые занимаются преподаваніемъ начальныхъ основъ французской литературы, съ пользой прочтутъ эту книгу, очень искусно составленную, если имѣтъ въ виду специальную публику, для которой она предназначена. Я рекомендую имъ также монографію *l'Histoire*, вошедшую въ *Série des genres littéraires*, издаваемую книгоиздательствомъ Делапланъ. Эта книга, написанная г. Leon Leuvault, авторомъ нѣсколькихъ монографій, даетъ на 150 стр. краткое изложеніе развитія историческаго жанра во Франціи съ начала до нашихъ дней.

Библіотека современной исторіи (фирма Алькагъ) обогатилась книгою, которая принадлежитъ и области исторіи, и области литературы, и которая представляетъ нѣкоторый интересъ для будущихъ историковъ. Книга озаглавлена *La Société française contemporaine*

sous la troisième république d'après les romanciers contemporains. Авторъ, который самъ довольно талантливый романистъ, задаясь мыслью изслѣдовать, какую пользу могутъ принести при будущихъ историческихъ изслѣдованіяхъ произведенія романистовъ. Современный романъ все болѣе и болѣе стремится къ реализму; большинство авторовъ описываютъ наблюдаемые ими типы; ихъ произведенія представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ фотографіи общества. Г. Мариусъ Ари Леблонъ послѣдовательно изучаетъ встрѣчающіеся у романистовъ типы: ребенка, офицера, финансиста, дворянина, анархиста, социалиста. Очевидно, серія не полна; но авторъ говоритъ въ заключеніе, что предполагаетъ дать второй томъ. Что касается меня, мнѣ не вполне нравится стиль автора, и я несогласенъ съ нѣкоторыми его идеями. Однако, я признаю за нимъ заслугу самой идеи и полагаю, что его трудъ представляетъ драгоценное пособие для справокъ, и особенно интересенъ для иностранцевъ, которымъ не всегда доступны произведенія нашихъ романистовъ.

Лионскій профессоръ Рустанъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ поэтомъ Ростаномъ, продолжаетъ серію своихъ монографій о литературныхъ жанрахъ съ точки зрѣнія педагогическихъ упражненій. Последняя его книга (фирма Делапланъ) касается діалога. Діалогъ представляетъ литературный жанръ, совершенно въ настоящее время заброшенный, но имѣющій въ классической литературѣ прекрасные образцы и въ которомъ полезно иногда упражнять юношей. Онъ даетъ прекрасный поводъ заинтересовать ихъ произведеніями Платона, Лукіана, Фенелона, Фонтенеля, Вольтера, Вовенарга. Книжка г. Рустана предназначена не только для школьниковъ, она можетъ живо заинтересовать всѣхъ, интересующихся исторіей литературы и нѣкоторыми французскими классиками. Искусно подобранныя цитаты дѣлаютъ изъ этой книги нѣчто въ родѣ антологіи жанра, въ которомъ особенно отличались наши предки.

Виконтъ Ж. д'Авенель совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ историка, экономиста, публициста и моралиста. За свою исторію Ришелье, о которой я вамъ писалъ недавно, онъ получилъ одну изъ главныхъ премій Французской академіи. Въ *Revue des deux mondes* онъ далъ рядъ статей подъ заглавіемъ *Le mécanisme de la vie sociale*, которыя вышли затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ въ четырехъ томахъ (фирма Арманъ Коленъ). Въ своемъ новомъ произведеніи *les Français de mon temps* (libr. Plon) онъ разсматриваетъ нѣкоторыя проблемы, касающіяся современнаго положенія Франціи, психологіи французскаго

народа, элементовъ, его составляющихъ; онъ задается вопросомъ, что осталось во Франціи отъ аристократическихъ и христіанскихъ элементовъ, каковы современныя идеи о нравственности и чести, о любви и бракѣ, объ имуществѣ; онъ изслѣдуетъ роль литературы и прессы, результаты современной системы образованія. Его книга полна намековъ на извѣстныхъ лицъ, которыхъ французскій и парижскій читатель легко можетъ признать; но для иностранныхъ читателей и для потомства (если эта книга перейдетъ въ слѣдующіе вѣка) хорошо было бы, если бы эта книга была снабжена ключемъ, какъ, напримѣръ, *les Caractères* Лабрюйера.

Г. Антуанъ Тома, профессоръ романской филологіи въ Парижскомъ университетѣ, написалъ новую книгу *Essais sur la philologie française* (1 vol. libr. Bouillon). Г. Тома является въ настоящее время со смертью Гастона Париса первымъ изъ нашихъ знатоковъ романской филологіи. Я вамъ уже указывалъ на его первые литературные труды и на прекрасный словарь французскаго языка, съ которымъ навсегда останется связаннымъ его имя. Последняя книга состоитъ изъ двухъ частей: первая обнимаетъ общіе труды по исторіи и методамъ этимологіи; вторая этимологическія изслѣдованія о нѣкоторыхъ словахъ современнаго и стариннаго французскаго языка. Г. Тома проявляетъ въ своихъ тонкихъ изслѣдованіяхъ замѣчательную ученость и удивительное остроуміе.

Г. Камиль Жюльенъ, профессоръ Бордоскаго университета, членъ-корреспондентъ академіи надписей, считается лучшимъ знаткомъ галльской древней исторіи. За своего Верцингеторикса, о которомъ я вамъ сообщалъ два года тому назадъ, онъ получилъ премію въ 10.000 фр. отъ Французской академіи. Въ своихъ *Recherches sur la religion gauloise* (Bibliothèque des Universités du Midi, Bordeaux) онъ разбираетъ вопросъ, котораго касался уже г. Гэдо въ своей Религіи галловъ; но онъ изслѣдуетъ его въ болѣе широкихъ границахъ и вооруженный болѣе обширными археологическими знаніями, чѣмъ г. Гэдо. Его богато документированныя изслѣдованія касаются не только боговъ, но и обрядовъ, гаданій, домашняго и военнаго ритуала, теогоніи, судьбы умершихъ, отношенія къ другимъ религіямъ.

За послѣднее время появился рядъ очень интересныхъ книгъ по иностранной литературѣ. Считаю долгомъ указать вамъ на нихъ.

Профессоръ лицея Карла Воликаго въ Парижѣ г. Эмиль Ловриеръ напечаталъ (фирма Альканъ) значительное изслѣдованіе объ Эдгардѣ По, его жизни и его произведеніяхъ (1 томъ in 8° болѣе 700 стр.),

психолого-патологическій этюдъ. За послѣдніе годы литературная критика ищетъ обновленія въ пользованіи при своихъ изслѣдованіяхъ психологіей, которая, въ свою очередь, опирается на физиологію. Но когда дѣло касается такого писателя, какъ Эдгаръ По, то приходится прибѣгать къ психопатологіи. Тѣ, кто незнакомъ съ біографіей этого писателя, не могутъ уяснить смѣшенія въ его произведеніяхъ причудливой экзальтаціи его воображенія, болѣзненнаго характера его произведеній, удивительнаго контраста между его страннымъ, нездоровымъ, причудливымъ вдохновеніемъ и точной и логической формой. Кажется, что въ По уживались сумашедшій и математикъ. Давно уже было замѣчено, что этотъ мощный писатель—алкоголикъ. Г. Ловріеръ, опираясь на совѣты и труды нѣкоторыхъ нашихъ наиболее знаменитыхъ психологовъ и медиковъ, какъ гг. Пьеръ Жане и Рибо, полагаетъ, что нашелъ опредѣленіе болѣзни По. Эта болѣзнь есть диссоманія, нѣчто въ родѣ перемежающагося алкоголизма, и эта диссоманія представляетъ выдающуюся черту общаго состоянія дегенерации. Эта книга, весьма интересная съ точки зрѣнія психологіи или, вѣрнѣе, психопатологіи, не менѣе, впрочемъ, интересна съ литературной точки зрѣнія. Авторъ даетъ краткій обзоръ цѣлой бібліотеки книгъ, большею частью американскихъ и потому мало доступныхъ европейцамъ. Онъ набрасываетъ интересную картину литературной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ въ первой половинѣ XIX вѣка.

Въ томъ же сборникѣ (*Bibliothèque de philosophie contemporaine*), г. Анри Лихтенберже, профессоръ университета въ Нанси, напечаталъ книгу о Генрихѣ Гейне-мыслителѣ. Генрихъ Гейне-поэтъ былъ предметомъ изслѣдованія г. Жюля Легра въ его прекрасномъ произведеніи, о которомъ я вамъ сообщалъ въ 1898 г. Г. Лихтенберже не слѣдуетъ въ своемъ трудѣ методъ г. Ловріера въ его монографіи объ Эдгарѣ По. Онъ, правда, замѣчаетъ, что Гейне умеръ отъ болѣзни спинного мозга, что онъ страдалъ неврозомъ въ молодости и въ продолженіе всей остальной жизни, и задается вопросомъ, не находитъ ли психическая неуравновѣшенность поэта до нѣкоторой степени объясненію въ прогрессивномъ развитіи жестокой болѣзни, отъ которой онъ умеръ. Но онъ не настаиваетъ на этого рода соображеніяхъ, онъ убѣжденъ, что мы въ настоящее время не въ состояніи опѣнить съ достаточной точностью дѣйствіе, которое могутъ производить физиологическіе процессы на умственную жизнь нѣкоторыхъ высшихъ дегенерантовъ.

Итакъ, г. Лихтенберже оставляетъ въ сторонѣ патологию и со-

средоточиваетъ свое вниманіе на разборъ идей Гейне: его пессимизмъ, его политическія и литературныя идеи, его отношеніе къ сенъ-симонизму, его политическій взглядъ на Францію и Германію, его обращеніе въ христіанство и его послѣдній релігіозный кризисъ. Трудъ г. Лихтенберже будетъ полезенъ даже для нѣмцевъ; очень часто нѣмецкія идеи становятся болѣе ясными, пройдя черезъ французскій фильтръ: говорятъ, что подъ коноць своей жизни Гёте любилъ перечитывать своего Фауста во французскомъ переводѣ Жераръ де Первали.

Наряду съ книгой г. Лихтенберже рекомендую вашимъ читателямъ книгу еще другого эльзасца, г. Боссерта, автора замѣчательныхъ трудовъ о Гёте и Шиллерѣ, бывшаго главнаго инспектора преподаванія живыхъ языковъ, *Essais sur la Littérature allemande*. Нѣкоторыя изъ этихъ статей посвящены Гёте, другія Канту, Жанъ Поль Рихтеру, Штрауссу, Ницше. Мы имѣемъ уже прекрасную исторію нѣмецкой литературы, написанную другимъ эльзасцемъ, г. Гейрихомъ, деканомъ словеснаго факультета въ Лионѣ. Ученые эльзасцы, воспитанные французской культурой, образуютъ нѣкотораго рода промежуточную пѣсь между Франціей и Германіей; многіе изъ нихъ оказали большія услуги въ дѣлѣ интеллектуальныхъ сношеній этихъ двухъ націй. Жаль будетъ, когда эльзасскіе ученые вполне германизируются, такъ что не въ состояніи будутъ играть драгоцѣнной роли посредниковъ между двумя странами. Эльзась, служившій прежде общей связью двухъ великихъ странъ, Франціи и Германіи, теперь, напротивъ, сталъ элементомъ раздора, удаляющимъ ихъ другъ отъ друга и дѣлающимъ ихъ менѣе способными понять другъ друга.

Г. Луи Лежеръ, явившійся сорокъ лѣтъ тому назадъ первымъ изслѣдователемъ во Франціи славянскихъ народовъ, продолжаетъ свою серію книгъ, начатую въ 1872 г. книгою *le Monde slave*, въ которую затѣмъ вошли: *Etudes Slaves* (3 vol.), *Russes et Slaves* (3 vol.), *Le monde slave* (3 vol.). Теперь онъ дастъ въ качествѣ третьей серіи *Monde Slave* книгу *les Souvenirs d'un Slavophile* (libr. Hachette). Эта книга особенно интересна. Воспоминанія автора обнимаютъ періодъ съ 1863 по 1897 гг.; авторъ рассказываетъ, что побудило его заняться изученіемъ славянскихъ языковъ и народовъ, съ какими трудностями ему пришлось вначалѣ бороться. Въ царствованіе Наполеона III всѣякія попытки славянскихъ народовъ заставить признать ихъ національность и ихъ стремленія достигнуть независимости вообще считались панславястскимъ движеніемъ. На молодого студента донесли, что

онъ русскій агентъ; позднѣе, когда при Тьерѣ онъ просилъ дать ему научную командировку въ Россію, президентъ республики чуть не отказалъ ему въ этомъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ польскаго агента. Въ интеллигентныхъ кружкахъ не понимали, какъ человѣкъ, умственно развитой, можетъ посвятить себя изученію языковъ, не имѣющихъ, какъ тогда предполагали, никакой литературы. Когда въ 1860 г. при министрѣ Дюрюи, который былъ человѣкомъ весьма просвѣщеннымъ, г. Лежеръ пожелалъ преподавать въ Сорбоннѣ безвозмездно, въ качествѣ доцента, славянскіе языки и литературу, главный секретарь министра призвалъ молодого ученаго и убѣждалъ его, что онъ теряетъ даромъ время на изученіе варварскихъ нарѣчій, и предложилъ ему въ одномъ изъ провинціальныхъ лицеевъ мѣсто профессора классическихъ языковъ и литературы. Г. Лежеръ отказался и упорно продолжалъ свои занятія; и хорошо сдѣлалъ, потому что благодаря имъ онъ сталъ профессоромъ Collège de France и членомъ академіи. Авторъ даетъ интересныя подробности о способѣ преподаванія своего предшественника, покойнаго Александра Ходзю, о своихъ сношеніяхъ съ представителями славянской расы въ Парижѣ, польскими эмигрантами и чешскимъ поэтомъ Іосифомъ Фрицомъ, о своихъ путешествіяхъ по Богеміи, Кроаціи, Сербіи, Россіи, о своихъ сношеніяхъ съ русскими учеными, а именно Погодинымъ, Буслаевымъ, Срезневскимъ. Особенно интересны главы, посвященныя Писемскому и И. С. Тургонову, съ которымъ авторъ былъ особенно близокъ и нѣкоторыя неизданныя письма котораго онъ публикуетъ. Онъ даетъ интересныя подробности общественной жизни Праги и рисуетъ симпатіи чеховъ къ Франціи послѣ злополучнаго 1871 г. Во Франціи г. Лежеръ лучшій знатокъ Чехіи, въ которой онъ побывалъ отъ 1864 по 1895 г. не менѣе восьми разъ.

Другой французъ, хорошо знающій Чехію и посвятившій ей прекрасные труды, это г. Дени, профессоръ исторіи въ Сорбоннѣ, о которомъ я вамъ не разъ писалъ. Въ настоящее время г. Дени написалъ предисловіе къ книгѣ пражскаго профессора Гантиха „Prague“ (1 т. in 8°, Парижъ, книгоизд. Нильсонъ, Прага, книг. Тоничъ). Это описаніе города Праги съ точки зрѣнія артистической и живописной. Авторъ рассказываетъ исторію города, описываетъ его памятники, излагаетъ развитіе различныхъ искусствъ въ Прагѣ и въ Чехіи и старается дать представленіе объ экономической, умственной и нравственной жизни этой столицы. Книга снабжена фотографіями и гравюрами, дѣлающими ее еще интереснѣе. Къ сожалѣнію, авторъ—

иностранецъ не позаботился дать просмотрѣть свою книгу французу; у него встрѣчаются довольно грубыя ошибки.

Г. Жоржъ Лафенетръ, консерваторъ луврскаго музея и сверхштатный профессоръ въ Collège de France, — одинъ изъ лучшихъ нашихъ историковъ искусства. Мы ему обязаны прекрасными трудами по итальянской живописи и обширной монографіей о Тиціанѣ. Онъ помѣщалъ въ различныхъ журналахъ весьма хорошія статьи по эстетикѣ и исторіи искусства. Послѣдніе годы онъ особенно занимался фламандскими и голландскими художниками ранняго періода по поводу всемірной и специальныхъ выставокъ, бывшихъ въ Парижѣ и Гентѣ. Онъ издалъ свои статьи по этому вопросу подъ заглавіемъ *Les Primitifs à Bruges et à Paris* (Paris, libr. de l'art ancien et moderne). Къ сожалѣнію, эта книга, въ которой авторъ выказываетъ и вкусъ, и знаніе, не снабжена иллюстраціями; но главныя произведенія, о которыхъ говоритъ авторъ, были неоднократно воспроизведены. Г. Лафенетръ посвящаетъ двѣ главы Гарлемскому музею и голландскимъ художникамъ, произведенія которыхъ находятся въ Луврскомъ музеѣ.

Г. Лафенетръ только что назначенъ профессоромъ исторіи искусства въ Collège de France на мѣсто покойнаго Гильома. Это прекрасный выборъ.

Я не разъ уже указывалъ вамъ на усилія французскихъ университетовъ и особенно Парижскаго университета привлечь иностранныхъ студентовъ. Я, кажется, сообщалъ вамъ, что учреждено городское бюро справокъ при Сорбоннѣ, въ которомъ иностранцы могутъ получить всѣ свѣдѣнія касательно различныхъ нашихъ учебныхъ заведеній, выдаваемыхъ ими дипломовъ и дорогъ, которыя они открываютъ. Докторъ Блондель, директоръ этого бюро, только что напечаталъ свой второй отчетъ, который представляетъ очень интересный документъ. Г. Блондель, путешествуя по Дани, Швеціи, Россіи и Германіи, замѣтилъ, что иностранцы студенты и доктора, которые прѣвѣщаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ заниматься въ Парижѣ, находятся часто въ большомъ затрудненіи. Они терпятъ во множествѣ курсовъ, учреждений, клиникъ. Они не находятъ, какъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, научныхъ кружковъ, гдѣ они могли бы въ короткое время изучить интересующій ихъ вопросъ. Вернувшись въ Парижъ, г. Блондель организовалъ при медицинскомъ факультетѣ бюро справокъ для лицъ, изучающихъ медицину. Ректоръ Парижской академіи и муниципальный совѣтъ заинтересовались этимъ нововведеніемъ; рѣшено было образовать бюро справокъ, касающихся не только меди-

цины, но и всѣхъ другихъ наукъ; это бюро помѣстилось въ Сорбоннѣ, и г. Блондель былъ назначенъ его директоромъ. При бюро находится бібліотека, въ которой собраны всѣ научные журналы, правительственныя распоряженія и всѣ періодическія изданія, касающіяся вопросовъ преподаванія. Затѣмъ тамъ можно найти карточный каталогъ, въ которомъ распредѣлены по научнымъ группамъ всѣ указанія, касающіяся курсовъ, лабораторій, музеевъ, архивовъ, школъ, бібліотекъ, вмѣстѣ съ предметомъ курса, условіями допущенія на него и именами директоровъ или профессоровъ этихъ учреждений. Въ настоящее время этихъ карточекъ имѣется пять тысячъ.

Въ отдѣльномъ указателѣ помѣчены всѣ лекціи, читаемыя сверхъ обязательнаго курса. Кромѣ того, иностранцы могутъ найти всѣ программы для поступленія въ общественныя школы.

Въ особыхъ ящикахъ находятся указанія по государствамъ, касающіяся ихъ посольствъ, консульствъ, національныхъ обществъ, съ указаніемъ дней и мѣстъ ихъ собраній, адреса соотечественниковъ, находящихся въ Парижѣ. Посѣтители и пріѣзжіе иностранцы могутъ записывать свои адреса въ особой книгѣ, давая, такимъ образомъ, о себѣ знать своимъ соотечественникамъ.

Въ настоящее время въ большей части иностранныхъ университетовъ вывѣшены объявленія на французскомъ или на мѣстномъ языкѣ, въ которыхъ сообщается о существованіи бюро справокъ и о тѣхъ удобствахъ, которыя оно представляетъ. Берлинскій университетъ открылъ такое же бюро.

Въ теченіе 1904 г. парижскому бюро пришлось отвѣтить, по меньшей мѣрѣ, на 8000 вопросовъ. Это указываетъ на его важное значеніе. Парижскій университетъ тѣмъ болѣе стремится привлечь иностранныхъ студентовъ, что примѣненіе новаго военнаго закона необходимо отвлечетъ отъ него часть французскихъ студентовъ.

И много разъ писалъ вамъ о значительныхъ успѣхахъ, которые сдѣлало за послѣднюю четверть вѣка преподаваніе въ высшихъ школахъ. Однако, этому успѣху, о которомъ свидѣтельствуетъ увеличеніе числа студентовъ, мѣшаетъ недостатокъ средствъ. Всѣ наши университеты жалуются на недостатокъ мѣста, персонала и приборовъ. Совѣтъ Парижскаго университета въ своемъ отчетѣ за 1903—1904 г. указываетъ на необходимость увеличенія университетскаго бюджета вдвое. Въ томъ же смыслѣ высказываются и остальные университеты въ своихъ отчетахъ: Безансонскій университетъ заявляетъ, что не въ состояніи дать техническаго образованія, отвѣчающаго нуждамъ той

мѣстности; медицинскій, фармацевтическій, естественный и юридическій факультеты города Бордо жалуются, что у нихъ нѣтъ достаточно мѣста ни для студентовъ, ни для коллекцій. Въ Дижонѣ словесный и естественный факультеты жалуются на недостатокъ мѣста. Тѣ же жалобы исходятъ изъ Гренобльскаго университета, который не знаетъ, куда ему помѣстить книги и коллекціи. Въ Лионѣ жалуются на то, что не хватаетъ денегъ, и число студентовъ уменьшается. Въ Реннѣ затрудняются, куда помѣстить библіотеку; въ Тулузѣ жалуются, что нѣтъ денегъ на помѣщеніе для библіотеки и на лабораторіи. При настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ мало вѣроятія, чтобы государство могло удовлетворить эти жалобы. Что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Прибѣгнуть къ частной благотворительности, которой Америка обязана такими грандіозными учрежденіями. До сихъ поръ частныя пожертвованія шли, главнымъ образомъ, на академіи. Академіи завалены дарами, являющимися для нихъ весьма стѣснительными: академикамъ приходится отдавать на просмотръ чужихъ трудовъ время, которое они могли бы посвятить на изданіе оригинальныхъ трудовъ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, что у насъ ежегодно бываютъ конгрессы по среднему образованію. Они занимаютъ, главнымъ образомъ, профессиональными вопросами, представляющими интересъ только для профессоровъ нашихъ лицеевъ. Однако, конгрессъ, состоявшійся въ прошломъ году, отчетъ котораго только что появился (*Septième Congrès des Professeurs de l'Enseignement secondaire, année 1904, libr. Artn. Colin*), занялся вопросомъ, имѣющимъ общій интересъ: связь между лицеемъ и семьей. Этотъ вопросъ уже раньше подымался въ нѣкоторыхъ университетскихъ центрахъ, но чаще со стороны профессоровъ, чѣмъ со стороны родителей, которые вообще относятся пассивно и равнодушно. Однако, одинъ профессоръ провинціального лицея (Бове), который разослалъ родителямъ своихъ учениковъ подробные вопросы относительно физическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія ихъ дѣтей, получилъ много отвѣтовъ и съ своей стороны отвѣтилъ очень цѣнными указаніями, какъ руководить дѣтьми и помогать имъ въ ихъ нуждахъ. Въ Греноблѣ этотъ вопросъ былъ поднятъ совѣтомъ профессоровъ лицея, который указалъ на то, что вмѣшательство семей часто бываетъ болѣе вредно, чѣмъ полезно, вслѣдствіе слабости большинства родителей, которые позволяютъ дѣтямъ командовать собою. Парижскій конгрессъ рѣшилъ, что слѣдуетъ приглашать родителей къ участию въ дѣлахъ лицея, но такъ,

чтобы это не отражалось ни на преподаваніи, ни на дисциплинѣ. Начальство лицей могло бы, на примѣръ, указать родителямъ въ особыхъ совѣщаніяхъ, при началѣ учебнаго года, ту долю участія, которую лицей ожидаетъ отъ нихъ, и устраивать праздники и приемы, на которыхъ профессора и родители приходили бы въ соприкосновеніе. Одинъ изъ профессоровъ даже предложилъ приглашать родителей на первые уроки въ году, на которыхъ даются общія указанія и совѣты. Это предложеніе было принято, но выполнить его будетъ не легко, такъ какъ помѣщенія классовъ въ нашихъ лицейхъ слишкомъ тѣсны даже для учениковъ, и я не знаю, куда посадятъ папашъ и мамашъ, приглашенныхъ на первый урокъ. Гораздо практичнѣе будетъ устраивать въ актовыхъ залахъ лицей или въ наемныхъ помѣщеніяхъ рауты, на которыхъ сходились бы профессора и родители. Но конгрессъ никакимъ образомъ не желаетъ, чтобы на этихъ празднествахъ давались театральныя представленія, которыя отнимаютъ отъ учениковъ очень много времени; то же можно сказать и относительно концертовъ, на которые приходятъ слушать, а не разговаривать. Самыми удобными оказываются *fêtes champêtres*, на которыхъ преподаватели встрѣчались бы съ родителями. Если удастся организовать что-нибудь въ этомъ родѣ, я вамъ объ этомъ сообщу. Но опасуюсь, что эти *ria vota* останутся пока чисто платоническими.

И рѣдко пишу вамъ по вопросамъ начального образованія. Въ настоящее время начальное образованіе переживаетъ кризисъ, справедливо тревожащій многихъ разсудительныхъ людей. За послѣднюю четверть вѣка Франція сдѣлала чрезвычайно много для низшихъ школъ; образованіе было сдѣлано даровымъ и обязательнымъ; всѣ повторяли слова—истинность которыхъ можетъ быть и сомнительна—что прусскій школьный учитель выигралъ сраженія подъ Седаномъ и Садовой. И вотъ оказывается, что учителя, бывшіе въ продолженіе столькихъ лѣтъ баловнями націй, подпали подъ вліяніе пропаганды социалистовъ, антимилитаристовъ, стремящихся убѣдить ихъ, что главная ихъ обязанность заключается въ томъ, чтобы указывать дѣтямъ на ужасы войны, учить ихъ не повиноваться военнымъ властямъ и презирать патриотизмъ. Если эти доктрины привьются къ нашему корпусу преподавателей, можно будетъ перевернуть фразу относительно нѣмецкихъ учителей и говорить, что французскій учитель будетъ причиною нашихъ будущихъ поражений. Большинство специальныхъ газетъ, предназначенныхъ для учителей, одушевлены этимъ опаснымъ духомъ. Недавно въ одной изъ нихъ развивалась слѣдую-

щая мысль: лучшее средство пригготовить миръ заключается въ томъ, чтобы не готовиться къ войнѣ; въ другой газетѣ требуютъ уничтоженія патриотизма, третья совѣтуетъ резервистамъ не идти на призывъ къ мобилизаціи. Слава Богу, не всѣ наши учителя заражены этими идеями, и одинъ изъ нихъ, г. Бокильонъ, учитель города Парижа, имѣлъ мужество указать на опасность въ книгѣ, озаглавленной *La Crise du patriotisme à l'Ecole*, надѣлавшей много шума. Уже одинъ фактъ возможности этой книги является печальнымъ симптомомъ, наводящимъ на размышленіе всѣхъ истинныхъ французовъ и всѣхъ серьезныхъ друзей Франціи.

По случаю состоявшагося въ Алжирѣ интернаціональнаго конгресса ориенталистовъ школа восточныхъ языковъ издѣлала, по обыкновенію, сборникъ восточныхъ мемуаровъ, редактированный профессорами и роскошно напечатанный въ національной типографіи (in 8°, libr. Leroux). Среди статей, заключающихся въ этой книгѣ, укажу особенно на трудъ г-на Барбье-де-Менаръ объ американскомъ посольствѣ въ Константинополь въ 1782—83 г., на персидскіе документы, касающіеся Африки, изданные и переведенные г. Гюаромъ, и на статью г. Психари объ измѣненіи λ въ ρ передъ согласными въ древнемъ, среднемъ и современномъ греческомъ языкѣ. Для русскихъ интересны двѣ слѣдующія статьи: г. Эмиля Пико о протопопѣ Михаилѣ Стрельбицкомъ, бывшемъ типографѣ въ Яссахъ и Могилевѣ, (г. Пико библиофилъ и особенно интересуется исторіей початнаго дѣла) и г. Поля Буайе о французско-русскомъ словарѣ конца XVI вѣка, открытомъ авторомъ въ одномъ манускриптѣ въ національной библиотекѣ. Этотъ манускриптъ принадлежитъ географу XVI вѣка Полю Теве, составившему *Dictionnaire des Moscovites*, въ которомъ содержится 644 словъ и небольшихъ фразъ и который не лишенъ значенія при изученіи русскаго языка этой эпохи.

Г. Мелле, профессоръ сравнительной грамматики въ *école des hautes études*, помѣстилъ въ библиотекѣ этой школы книгу подъ заглавіемъ *Études sur l'Étymologie et le vocabulaire du vieux Slave* (libr. Bouillon), въ которой онъ, главнымъ образомъ, изслѣдуетъ образованіе именъ существительныхъ. Къ книгѣ приложенъ указатель древнеславянскихъ словъ, что облегчаетъ пользованіе ею. Я не беру разбирать и оцѣнивать ее, но думаю, что она представитъ интересъ для нѣкоторыхъ изъ вашихъ читателей.

Хорошія книги по эллинизму довольно рѣдки. Долженъ указать вамъ, какъ на особенно интересную, на книгу *Amédée Hauvette*:

Archiloque, sa vie et ses poésies (1 v. libr. Fontemoing). Архилохъ извѣстенъ больше по имени; объ его жизни имѣется мало свѣдѣній, изъ его произведеній дошла только отрывки. Съ помощью послѣднихъ эпиграфическихъ открытій г. Овету удалось составить довольно правдоподобную біографію поэта и дать понятіе объ его произведеніи и его стихосложеніи. Онъ не побоялся гипотезъ и слѣдовалъ примѣру архитекторовъ, воссоздающихъ по нѣсколькимъ обломкамъ древнія зданія. Попытка г. Овета указываетъ на глубокую эрудицію, остроуміе и гибкость его литературнаго таланта.

Съ тѣхъ поръ какъ г. Потье вступилъ въ редакцію Словаря греческихъ и римскихъ древностей, изданіе этого прекраснаго труда стало подвигаться нѣсколько быстрѣе. Послѣдній выпускъ начинается съ *Olympia* и доходитъ до *Paries*; въ немъ находятся статьи: *Orpignatio* полковника Ронса, специалиста по военному искусству у древнихъ, *Oraculum* г. Монсо, *Orpheus* г. Монсо, *Osiris* г. Лафэ, *Pagan* г. Тутэна, *Palaestra* г. Пуже, *Palatium* г. Сальо, *Pan* г. Гильда, *Pantheon* г. Сальо. Редакторы этого коллективнаго труда подвержены нѣкоторымъ страннымъ иллюзіямъ: въ послѣднемъ выпускѣ статья *Pandecta* подписана Фредерикомъ Бодри, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ археологовъ и лингвистовъ. Но Фредерикъ Бодри умеръ въ 1885 г., и тогда уже редакторы рассчитывали, что буква Р появится вскорѣ. Эта статья дополнена настоящими редакторами.

Книгоиздательство *Armand Colin*, издавшее большую всеобщую исторію Лависса и Рамбо и исторію французской литературы Пети-де-Жюльвиля, предприняло въ этомъ году два подобныхъ же изданія, которыя, конечно, будутъ имѣть такой же успѣхъ. Во-первыхъ, *Histoire de la langue française*, *Ferdinand Brunot*, профессора Сорбонны. Г. Брюно одинъ изъ нашихъ лучшихъ филологовъ. Онъ организовалъ и управлялъ въ продолженіе многихъ лѣтъ каникулярными курсами французскаго союза, привлекая такую массу учениковъ двухъ странъ свѣта. Въ исторіи Пети-де-Жюльвиля его перу принадлежатъ главы, касающіяся исторіи языка. Эти главы онъ теперь расширялъ въ книгу въ три тома. Первый, только что появившійся, обнимаетъ исторію французскаго языка, начиная съ латинской эпохи до эпохи возрожденія, второй будетъ доведенъ до Вожеля, великаго реформатора французскаго языка въ XVII вѣкѣ, и наконецъ третій — съ Вожеля до 1900 года. Нашей литературѣ не хватало этой книги. Литтре напечаталъ въ 1863 г. книгу, озаглавленную *Histoire de la langue française*, но это была компиляція изъ статей, появив-

шихся въ *Journal des Savants*. Трудъ г. Брюно совершенно новъ. Авторъ знакомъ съ новѣйшими изслѣдованіями по романской филологіи въ латинскихъ странахъ и въ Германіи, и его книга представляетъ важный вкладъ въ исторію этой науки.

Второй трудъ, издаваемый фирмой Колоизъ, есть *Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours*. Это произведение, которое будетъ состоять изъ восьми томовъ in 8°, издается подъ редакціей Андре Мишель, консерватора Луврскаго музея, профессора Луврской школы и автора весьма почтенныхъ трудовъ. Для успѣшнаго веденія этого обширнаго труда г. Мишель пригласилъ сотрудниковъ, въ числѣ которыхъ находятся гг. Берто, профессоръ Лионскаго университета; Бушо, консерваторъ эстамповъ въ національной библиотекѣ, членъ Института; Эйларъ, директоръ музея сравнительной скульптуры; Хасклифъ, изъ Берлинскаго императорскаго музея; Габриель Милле, профессоръ *École des Hautes études*, одинъ изъ нашихъ лучшихъ византистовъ; Нолакъ, консерваторъ Версальскаго музея. Въ настоящее время появился первый томъ: отъ началъ христіанскаго искусства до конца римскаго періода. Книга роскошно иллюстрирована. Можно подписываться по томамъ или по выпускамъ.

Книга о Франціи, написанная по-французски иностранцемъ, есть нѣчто весьма рѣдкое. Но еще удивительнѣе то, что она написана весьма талантливо. Г. Мортонъ Фуллертонъ, если не ошибаюсь, американецъ; онъ написалъ по-англійски двѣ книги, изъ которыхъ одна издана въ Лондонѣ, другая въ Бостонѣ. Подобно многимъ изъ своихъ соотечественниковъ, г. Мортонъ Фуллертонъ — globe trotter, но globe trotter, страшно интересующійся исторіей и археологіей, пытающійся найти въ явленіяхъ настоящаго времени объясненіе событій прошлаго. Въ своей новой книгѣ, озаглавленной *Terres françaises* (1 v. libr. Armand Colin), онъ описываетъ впечатлѣнія, испытанныя имъ въ Бургундіи, Франшъ-Конте, въ старой Нарбоннѣ. Г. Мортонъ умѣетъ смотрѣть и искусно комментировать видѣнное при помощи прочитаннаго. Его книга очень остроумна и, повидимому, оправдываетъ слова, приписываемыя знаменитому американцу Джефферсону: у всякаго человѣка два отечества: его собственное и Франція. Книга г. Мортонъ Фуллертона несомнѣнно одна изъ интереснѣйшихъ книгъ о французскихъ провинціяхъ появившихся за послѣднее время.

Г. Перронъ, ректоръ Тулузской академіи, напечаталъ *Lettres de M-me Roland*, недавно напечаталъ критическое изданіе мемуаровъ

этой знаменитой писательницы, бывшей въ то же время политикомъ (эти мемуары состоятъ изъ двухъ томовъ in 8°, фирма Плонъ). Эти мемуары написаны не для потомства, какъ мемуары Сенъ Симона, это скорѣе бѣгло набросанныя замѣтки, въ нѣсколько декламаторскомъ стилѣ XVIII вѣка, но проiakнутыя истиннымъ чувствомъ. Въ этихъ мемуарахъ мадамъ Роланъ описываетъ себя въ періодъ смѣшанныхъ интересовъ и страстей, предшествовавшей революціи, свою романтическую интимную жизнь и свою общественную жизнь, представляющую достояніе исторіи. Благодаря любви и привычкѣ къ размысленію надъ самой собою и къ наблюденію надъ другими, она отдаетъ себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ внутреннихъ движеніяхъ и описываетъ людей согласно производимому ими на нее впечатлѣнію. Это рядъ впечатлѣній, психологическихъ анализовъ и портретовъ. М-мъ Роланъ не была безупречной супругой; она увлекалась другомъ своего мужа жирондистомъ Бюво. Тайная борьба между страстью и долгомъ протекаетъ среди кровавыхъ бурь этой страшной эпохи. Авторъ любитъ жаловаться и охотно выставляетъ себя на первый планъ съ наивною искренностью и съ нѣкоторой напыщенностью, свойственной той эпохѣ. До сего времени эти мемуары не были напечатаны полностью; г. Перронъ нашелъ незаданныя части. Къ этому изданію онъ прибавилъ примѣчаніе о м-мъ Роланъ, критическій разборъ ея рукописей, письма, написанныя м-мъ Роланъ въ тюрьмѣ, и весьма поучительный комментарий.

Мадамъ Рекамье играла во французскомъ обществѣ роль, сходную до нѣкоторой степени съ ролью м-мъ Роланъ, но ея карьера была гораздо продолжительнѣе и протекла въ совсѣмъ иной средѣ. Она не сдѣлалась жертвою революціи, которая „какъ Сатурнъ пожирала своихъ дѣтей“; ея друзья были преимущественно среди противниковъ революціи. Она пользовалась дружбою г-жи Сталь; во время имперіи ея салонъ былъ мѣстомъ собранія людей, бывшихъ въ тайной оппозиціи Наполеону; она имѣла поклонниковъ среди знатныхъ лицъ, напимѣръ, принца изъ прусской королевской семьи, котораго, однако, не пользовались успѣхомъ; она отказалась отъ мѣста придворной дамы при дворѣ Наполеона и, какъ и мадамъ Сталь, была имъ преслѣдуема. Она имѣла поклонниковъ и среди знаменитыхъ людей, какъ Бенжаменъ Констанъ и Шатобрианъ; послѣдній на старости лѣтъ хотѣлъ даже жениться на ней. М-мъ Рекамье не была такъ называемымъ синимъ чулкомъ; она не имѣла никакихъ

притязаній на литературную славу; но она обладала разговорнымъ талантомъ, и быть можетъ, ея салонъ былъ въ XIX вѣкѣ самымъ интереснымъ представителемъ чисто французскаго искусства—разговора. Суровый Гизо говорилъ о ней: „Она внушала страстное восхищеніе, прочную привязанность, ненасытимую жажду ея общества всѣмъ, соприкасавшимся съ нею: какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ, иностранцамъ и французамъ, принцамъ и буржуа, духовнымъ и свѣтскимъ, философамъ и артистамъ, противникамъ и приверженцамъ взглядовъ, которымъ она отдавала предпочтеніе, и даже своимъ соперницамъ по любви“. О мадамъ Рекамье существуетъ цѣлая литература; лучшее сочиненіе—книга Ленорманъ: *Мадамъ Рекамье, ея годы молодости и ея интимная переписка* (Парижъ, 1872 г.). Молодой историкъ г. Эдуардъ Геррио рѣшилъ дать законченную исторію этой знаменитой личности, *Madame Récamier et ses amis d'après de nombreux documents inédits* (2 vol. in 8° libr. Plon). Среди неизданныхъ документовъ, которыми пользовался г. Геррио, находится трудъ г. Балланшъ, знаменитаго лионскаго философа, и много рукописей изъ библиотекъ Ліона, Женева, Монпелье и изъ частныхъ архивовъ фамиліи Ломени. Эпиграфомъ для своей книги г. Геррио взялъ красивыя слова Лабрюйера: „Прекрасная женщина, обладающая качествами честнаго мужчины, есть наилучшій товарищъ“. Книга г. Геррио пріобрѣтеть новыхъ друзей той, которую называли божественной Жюльеттой. Къ книгѣ приложена иконографія м-мъ Рекамье и библиографія, въ которой перечислено около 300 книгъ, въ которыхъ эта знаменитая женщина играетъ болѣе или менѣе значительную роль.

Г. Жозефъ Бедье, замѣстившій г. Гастона Париса по кафедрѣ французской литературы въ Collège de France, напечаталъ подъ заглавіемъ *Etudes critiques* (libr. Armand Colin) нѣсколько статей по французской литературѣ. Эти статьи дѣйствительно относятся скорѣе къ критикѣ, чѣмъ къ литературѣ. Г. Бедье не удовлетворяется ознакомленіемъ съ авторомъ или его произведеніями, онъ стремится еще разрѣшить различные вопросы. Онъ разсматриваетъ вопросъ о восстановленіи текста Агриппы д'Обиньи; онъ задается вопросомъ, принадлежитъ ли извѣстное произведеніе *Le paradoxe sur le comédien* Нежону или Дидро; онъ изслѣдуетъ, что есть истиннаго и что выдуманнаго въ шатобриановскомъ путешествіи въ Америку. Онъ съ математической точностью доказываетъ, что Шатобриану физически было невозможно видѣть страны, которыя онъ описываетъ, и что боль-

шая часть его произведенія написана на основаніи прочитаннаго и съ помощью воображенія. Шатобрианъ просто мистификаторъ; это уже подозрѣвали раньше, но Бедье это доказалъ.

Г. Газье, профессоръ французской литературы въ Сорбоннѣ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи этой литературы XVII и XVIII вѣка. Онъ мало пишетъ, но все имъ написанное полно остроумной пытливости и солидной эрудиціи. Онъ соединилъ въ одну книгу нѣкоторыя свои статьи, скромно озаглавивъ ее *Mélanges de littérature et d'histoire* (libr. Armand Colin). Эта смѣсь посвящена Мольеру, Паскалю, Боссюэту, Расину, Фенелону, Массильону, Роллену, Вольтеру. Одна изъ интереснѣйшихъ статей озаглавлена *Une femme anachorète au XVII siècle*. Это исторія знатной дамы, вѣроятно изъ фамиліи Калусъ, жившей въ царствованіе Людовика XVI, которая задумала удалиться въ пещеру въ Периньяхъ, гдѣ она вела жизнь анахоретовъ первыхъ вѣковъ. Она вела переписку со своимъ духовникомъ, священникомъ въ окрестностяхъ Версаля. Г. Газье нашелъ эту переписку и извлекъ изъ нея матеріалъ для очень интересной замѣтки. Впрочемъ, интересна вся эта книга одного изъ добросовѣстнѣйшихъ нашихъ ученыхъ, которому ученость не мѣшаетъ обладать литературнымъ изяществомъ.

Одинъ швейцарскій ученый, профессоръ Женевского университета, напечаталъ недавно весьма интересную для исторіи французской лексикографіи книгу *Les quatre dictionnaires français* (Genève libr. Kündig). Это сборникъ замѣчаній къ четыремъ главнымъ словарямъ французскаго языка: академическому, Литтре, Гатцфельда и Г'одфруа. Авторъ даетъ очеркъ исторіи этихъ большихъ словарей, затѣмъ даетъ въ алфавитномъ порядкѣ нѣсколько сотенъ примѣчаній о находящихся въ нихъ словахъ, или о словахъ, которые должны были бы въ нихъ находиться. Очень интересны страницы, на которыхъ г. Риттеръ описываетъ разработку академическаго словаря и расширеніе академіи съ лексикографомъ Фюретьеромъ. Очень любопытны страницы, на которыхъ г. Риттеръ перечисляетъ всѣ пробѣлы, всѣ ошибки, всѣ несовершенныя опредѣленія, всѣ неточныя цитаты, найденныя имъ въ четырехъ словаряхъ. Эта небольшая книжка въ 200 страницъ потребовала большихъ трудовъ и является драгоценнымъ вкладомъ въ исторію французской лексикографіи и даже пособіемъ при изученіи языка.

Издаваемая книгоиздательскою фирмою Лоранъ серия *les Villes*

d'art célèbres обогатилась нѣсколькими новыми книгами, заслуживающими упоминанія: Римъ въ трехъ томахъ г. Берто, бывшаго ученика французской школы въ Римѣ, автора значительныхъ трудовъ по исторіи искусства въ Италіи, и Страсбургъ г. Анри Вельмингера, о прекрасныхъ трудахъ котораго по исторіи эпохи Наполеона я вамъ писалъ; г. Вельмингеръ уроженецъ Эльзаса и принадлежитъ къ числу многихъ эльзасцевъ, страстно привязанныхъ къ Франціи и не могущихъ примириться съ потерей Эльзаса; его книга не есть простой указатель художественныхъ богатствъ Страсбурга; она написана союспомощею; авторъ останавливается на воспоминаніяхъ дѣтства и юности. Книга восхитительно иллюстрирована.

То же книгоиздательство предприняло изданіе серіи, озаглавленной *les Grands artistes*, изъ которой появились почти одновременно три книги, написанныя нашими извѣстными академиками археологами: *Praxitèle*, Georges Perrot; *Lysippe*, Maxime Collignon; *Douiris et les Peintres des Vases grecs*, Pottier. Мы не зачѣмъ представлять вамъ авторовъ: ихъ имена достаточно извѣстны. Г. Перро, бывший директоръ *école normale*, въ настоящее время непрѣмный секретарь академіи *des inscriptions et belles lettres*, авторъ исторіи древняго искусства, одного изъ значительнѣйшихъ произведеній XIX вѣка. Г. Колинсонъ, профессоръ археологіи въ Сорбоннѣ, въ настоящее время президентъ академіи надписей и консерваторъ Луврскаго музея. Г. Потье самый свѣдущій въ настоящее время во Франціи человекъ по исторіи греческой керамики. Его книга о живописцахъ греческихъ вазъ тѣмъ цѣннѣе, что не существуетъ книгъ о греческой стѣнной живописи, о которой намъ приходится судить по книгамъ о живописи вазъ. Приложенныя къ книгѣ фотографіи вазъ сняты съ луврскихъ коллекцій. Авторы трехъ вышеупомянутыхъ книгъ не задавались цѣлью дать техническія произведенія по археологіи; напротивъ, они старались избѣгнуть въ своихъ книгахъ научнаго вида. Цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы дать образованному любителю возможность ориентироваться въ произведеніяхъ древняго искусства и понять оригинальность и разнообразіе греческаго искусства.

Французская наука понесла серьезную потерю въ лицѣ знаменитаго географа Элизе Реклю. Это былъ весьма талантливый человекъ, географъ-знатокъ и замѣчательный писатель. Его новая всеобщая географія несомнѣнно одно изъ значительнѣйшихъ произведеній XIX вѣка. Онъ могъ бы стать академикомъ, но онъ былъ причудливаго

права и склоненъ къ анархизму; онъ участвовалъ въ мятежѣ коммуны. Онъ никогда не стремился занимать во Франціи какую-либо общественную должность, соответственную его заслугамъ. Онъ умеръ въ Брюсселѣ, гдѣ былъ профессоромъ географіи въ свободномъ университетѣ.

Л. Л—ръ.

ОГОВОРКА.

На стр. 8-й второго отдѣла настоящей книги, строка 5-я снизу, вмѣсто *Моро, Ронсарда* слѣдуетъ читать: *Моро, Ронсара*.

относительно которыхъ также не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они восходятъ къ этрусскому періоду.²⁰⁾

Изъ предшествовавшихъ царей легенды одинъ только Сервій Туллій занятъ дѣлами Лаціа. Въ противоположность къ дѣятельности Тарквинія Гордаго отношенія Сервія къ Лацію изображаются мирными и дружественными²¹⁾. Но это только фикція, основанная на томъ, что не существовало вообще никакихъ преданій о какихъ-либо дѣлахъ Сервія въ Лаціи. А возникла эта фикція искусственнымъ образомъ въ связи съ общимъ представленіемъ объ этомъ царѣ, добрую память о которомъ, какъ о своемъ благодѣтелѣ, хранили въ частности плебен. Со времени закона Ицилія Авентинъ представлялъ собою по преимуществу плебейскій кварталъ, какъ видно изъ названія *civus patricius*, являвшагося здѣсь, очевидно, замѣтнымъ исключеніемъ по составу населенія. На территоріи плебейскаго Авентина находилась и ага Діанае, дедикаціонная надпись которой²²⁾ удостовѣряла, что это святилище Діаны предназначалось быть *comune Latinorum Dianae templum*²³⁾. Чтимый плебями Сервій Туллій признанъ былъ стровителемъ храма Діаны только потому, что онъ былъ сооруженъ именно въ этомъ плебейскомъ кварталѣ Рима.

Причина постройки латинскаго храма на Авентинѣ заключалась въ томъ, что Авентинъ не входилъ въ черту священнаго помѣрія. Однако требованіе, что чужіе культы должны помѣщаться за предѣлами этой черты²⁴⁾, выработалось не ранѣе IV столѣтія. Храмъ латинской Діаны на Авентинѣ является явнымъ подражаніемъ храму той же богини въ Ариціи, а потому не можетъ быть древнѣе послѣдняго и, слѣдовательно, не можетъ принадлежать времени Сервія Туллія. Онъ не можетъ быть отнесенъ даже и къ началу республики, такъ какъ въ первой половинѣ V вѣка до Р. Хр. помѣщеніе чужихъ культовъ въ предѣлахъ помѣрія еще не считалось

²⁰⁾ *Wissowa*, Religion und Kultus der Römer, 35.

²¹⁾ Liv. 1, 45; Dion. 4, 25 сл.

²²⁾ Изъ этой надписи цитуютъ у Feat. p. 165: *Nesi pro sine positum [est in lege dedicationis acae] Dianae Aventinensis*. Вмѣсто этого Моммсенъ (*St.-R.* III, 614, нр. 3) дополняетъ: *positum [est in foedere Latino aedis] Dianae*; но это не хорошо по-латыни.—Ага Діанае in Aventino упоминается неоднократно, какъ образецъ позднѣйшихъ дедикацій этого рода (*Wissowa*, l. c. 34).

²³⁾ Varro, l. 1. 5, 43; Dion. 4, 26.

²⁴⁾ До Суллы также и Капитолій находился за чертой помѣрія; но выборъ мѣста для Капитолійскаго храма былъ сдѣланъ Тарквиніями и не имѣлъ никакого отношенія къ вопросу о значеніи помѣрія.

предосудительнымъ, какъ доказываетъ aedes Castoris въ ближайшемъ сосѣдствѣ храма Весты. Статуя Діаны въ авентинскомъ храмѣ представляла собою копію статуи этой богини въ Массиліи ³³⁾. Также и это обстоятельство служить указаніемъ на позднѣйшее время постройки храма. Съ тѣхъ поръ, какъ Кумы потеряли свое прежнее значеніе, а Римъ оказался отрѣзаннымъ отъ Кампаніи вольсками, массалиоты были единственными греками, находившимися въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Римомъ, куда имъ было открытъ доступъ черезъ гавани дружественныхъ церитянъ. На римскомъ форумѣ отведено было массилійскимъ грекамъ особое почетное мѣсто, называвшееся *gracostasis*. Эти сношенія между Массиліей и Римомъ продолжались еще въ началѣ IV столѣтія до Р. Хр. По извѣстію Діодора ³⁴⁾, когда римляне въ 396 году, по случаю завоеванія Вей, отправили подарокъ въ Дельфы, то этотъ подарокъ былъ выставленъ въ сокровищницѣ массалиотовъ. А политическія условія Лаціа не позволяютъ отнести постройку авентинскаго храма союзныхъ латинъ раньше IV столѣтія.

Въ 493 году съ латинами заключенъ былъ равноправный союзъ по договору. Въ теченіе V столѣтія, когда вниманіе римлянъ было занято на сѣверѣ противъ Вей, а вниманіе латинъ на югѣ противъ вольсковъ, союзъ между Римомъ и латинами держался прочно, хотя уже и тогда одинъ изъ членовъ латинской федераціи, именно Ардея, вошелъ въ сепаратное соглашеніе съ римлянами. Въ началѣ же IV столѣтія, когда у римлянъ руки развязались на сѣверѣ, такіа сепаратныя сдѣлки съ общинами Лаціа сразу участились. Для даннаго вопроса особенно важна сдѣлка съ Тускуломъ, главой арипинской федераціи ³⁵⁾. Пока Римъ и Лація стояли рядомъ, какъ самостоятельные члены равноправнаго союза, сооруженіе латинскаго храма въ Римѣ отъ имени всѣхъ латинъ не имѣло бы смысла. Совершенно вѣрно замѣтилъ еще Ливій, что латинскій храмъ въ Римѣ являлся вышнимъ выраженіемъ господства надъ Лаціемъ ³⁶⁾. А такой символъ власти надъ латинами былъ умѣстенъ только послѣ того, какъ разстроилась арипинская федерація вслѣдствіе присоединенія тускулан-

³³⁾ Strabo, 4, p. 180.

³⁴⁾ Diod. 14, 93.

³⁵⁾ „Начало міровой политики“ гл. I.

³⁶⁾ Liv. 1, 43: ea erat confessio caput rerum Roman esse.—Также и Діонисій указываетъ тутъ на протекцію римлянъ.

цевъ къ римлянамъ на правахъ муниципія. Притомъ сооруженіе латинскаго храма Діаны въ Римѣ даже и не оригинально. Священная роща Діаны существовала и въ Тускулѣ, какъ внѣшній символъ того, что Тускулъ стоялъ во главѣ арицинской федераціи ³⁷⁾. А что римскій храмъ Діаны являлся отертымъ конкурентомъ арицинскаго храма той же богини, видно изъ того, что даже и храмовой праздникъ въ обоихъ мѣстахъ падалъ на одинъ и тотъ же день ³⁸⁾. При всемъ томъ, сооруженіе латинскаго храма въ Римѣ имѣло цѣлью только лишить арицинскій храмъ его характера, какъ союзнаго святилища латинъ, но не замѣнить его во всемъ объемѣ его прежняго значенія. Нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя указывали бы на то, что союзныя собранія латинъ, прекратившіяся въ Арици еще въ первой половинѣ IV столѣтія ³⁹⁾, перенесены были когда-либо въ Римъ къ авентинскому храму Діаны ⁴⁰⁾.

Оба храма Діаны, какъ арицинскій, такъ и его преемникъ на Авентинѣ, касались, конечно, только тѣхъ латинъ, которые входили въ составъ арицинской федераціи. Слѣдовательно они не имѣли никакого отношенія, напр., къ Пренесту. Теряли они свое значеніе также и для тѣхъ общинъ, которыя, вслѣдствіе сепаратныхъ договоровъ съ римлянами, выходили изъ состава арицинской федераціи, каковы Ардея и Тускулъ, равно какъ и Лаврентъ, а позднѣе также и Тибуръ, такъ что въ концѣ концовъ для авентинскаго храма оставались одни только арицинцы, имѣвшіе у себя свой собственный храмъ Діаны, да ланувійцы. Неудивительно, что послѣ этого авентинскій храмъ заглохъ, какъ союзное святилище латинъ. Параллельно съ этимъ возвысился храмъ Юпитера на Албанской горѣ. Сверхъ основныхъ 30 участниковъ албанскаго праздника, къ участію въ немъ были допущены и латинскія общины, одновременно съ тѣмъ, какъ онѣ присоединялись къ Риму. Прежде всѣхъ допущены были, повидимому, лаврентяне,

³⁷⁾ Plin. n. h. 16, 91, 242: est in suburbano Tusculani agri colle, qui Corne appellatur, lucus antiqua religione Dianae sacratus a Latio.

³⁸⁾ Wissowa, Religion und Kultus der Römer, 201, прим. 1.

³⁹⁾ Извѣстіе Ливія (7, 25, 5) отъ 349 года касается южныхъ латинъ, для которыхъ lucus Ferentinae не причеиъ.

⁴⁰⁾ Даже Діонисій говоритъ только о всенародномъ собраніи ради праздника (Dion. 4, 26: τὰ πᾶσι τῶν ἑορτῶν καὶ πανήγυρις ἐν ἰταλικῆστύσσει τρόπον). По сообщенію Діонисія, надпись въ авентинскомъ храмѣ, содержаніе которой онъ представляетъ себѣ въ смыслѣ договора между Сервіемъ и латинцами, изображена была на мѣдной табличкѣ.

такъ какъ и римляне имѣли доступъ въ заврентскіе святилища. Затѣмъ, по ихъ примѣру, еще въ V столѣтіи (444 г.) принята Арденъ, въ IV столѣтіи Тускулъ, Пренестъ и Тибуръ, а послѣ 340—338 годовъ также остальные общины сѣвернаго и южнаго Ладія; въ вѣкъ Суллы число дополнительныхъ участниковъ дошло до 17, что дало общую сумму 47. Такимъ образомъ албанскій храмъ сдѣлался общимъ святилищемъ латинскихъ общинъ всего Ладія, а вслѣдствіе этого пало окончательно значеніе авентинскаго храма Діаны, какъ союзнаго латинскаго святилища.

Впрочемъ, имя Сервія Туллія не этрусское, а его конституція, въ связи съ которой только и сохранилась память о немъ, какъ исторической личности⁴¹⁾, касается одной только римской общины. То и другое доказываетъ, что онъ не былъ такимъ царемъ, какъ Тарквиній Гордый, т. е. повелителемъ всего Ладія, а только мѣстнымъ царемъ римской общины, подвластнымъ этрусскому суверену изъ династіи Тарквиніевъ⁴²⁾, предшественникомъ республиканскаго rex sacrorum. Поэтому не его дѣло было строить союзный храмъ латинъ или вообще вмѣшиваться какъ-нибудь въ дѣла Ладія, подвластнаго Тарквиніямъ.

Тарквиній Гордый и Сервій Туллій—единственные цари, вѣдающіе въ традиціи дѣла Ладія. Предшественники же Сервія Туллія заняты исключительно только въ предѣлахъ стараго агер Romanus республиканскаго періода, состоявшаго изъ древнѣйшихъ 17 сельскихъ трибъ. При этомъ Нума Помпилій не дѣлаетъ никакихъ завоеваній. Завоеваніе стараго агер Romanus, въ селеніямъ котораго въ предполагаемый періодъ ихъ самостоятельности примѣняется терминъ Latini, распределено между 4 царями. А такъ какъ имя Тулла Гостилія въ сказаніяхъ о сабинахъ было прочно связано съ покореніемъ Албалонги, то завоеваніе остальныхъ частей римскаго агер присвоено Ромулу, Анку Марцію и Тарквинію Приску съ такимъ расчетомъ, что послѣднему отданы наиболѣе удаленныя отъ Рима селенія за Аниономъ, а первому ближайшія Антемны и Цэнина.

Такое схематическое распределеніе селеній, равно какъ и приуроченіе къ нимъ термина Prisci Latini, не что иное какъ результатъ

⁴¹⁾ Въ качествѣ устроителя новыхъ порядковъ, потребовавшихъ раздѣленія города на 4 участка (regiones), Сервій Туллій считался также и строителемъ городской стѣны, черта которой, однако, значительно расходится съ чертой поморія, обнѣженной сервіевы regiones.

⁴²⁾ См. „Римскія три трибы“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903, августъ, 349.

археологическихъ комбинацій. Даже и самая личность Приска (т. е. „прежняго“) выработалась искусственнымъ образомъ на основаніи легенды объ Аттѣ Навіи ⁴³⁾. Подобнымъ образомъ и представленіе о Ромулѣ, какъ основателѣ Рима, не можетъ быть древнѣе республики ⁴⁴⁾, такъ какъ его имя тѣсно связано съ борьбой римлянъ противъ веевтанъ въ за-тибрской области. Поэтому и археологъ, рас-предѣлявшій завоеванія между царями, присоединилъ къ Антемнамъ и Цэнинѣ также и Крустумерій за Аніеномъ ⁴⁵⁾ для того, чтобы доставить Ромулу доступъ къ Фиденамъ и сдѣлать такимъ образомъ возможною его войну съ веевтами, сросшуюся съ его именемъ. Пока Ромулъ не превращался еще въ основателя Рима и пока сакральный царь Нума Помпилій не былъ еще перемѣщенъ изъ республиканской эпохи въ царскую, главнымъ героемъ сказаній о сабинянахъ являлся Тулъ Гостилій ⁴⁶⁾, сохранившій и въ позднѣйшей анналистической традиціи всѣ черты двойника Ромула, а во главѣ историческаго преданія объ отношеніяхъ Рима къ остальному Лацию находилась повѣсть о завоеваніи Албалонги.

10. Latium stirpis Romanae.

Понятіе о Лациі, *Latium vetus*, въ предѣлахъ, указываемыхъ древними авторами, отъ устья Тибра до Цирцей съ Таррациной включительно, сложилось въ этрусскій періодъ римской исторіи. Являясь тогда политическимъ цѣлымъ, подвластнымъ династіи Тарквиніевъ, Лаций въ томъ же объемѣ послѣ паденія этрусскаго владычества сохранился навсегда въ видѣ географической единицы.

Рядомъ съ этимъ фактическимъ Лациемъ выработалось представленіе объ особомъ маломъ Лациі. Этотъ Лаций заключаетъ въ себѣ по побережью одну лишь лаврентскую область до рѣчки Нумика, гранича здѣсь съ областью рутуловъ Ардеи, и простирается внутри страны до Албалонги включительно. Такимъ образомъ этотъ малый Лаций состоитъ изъ *ager Lavrens* и основнаго *ager Romanus*, соединенныхъ вмѣстѣ въ одно цѣлое ¹⁾.

⁴³⁾ „Римскія три трибы“, 344 сл.

⁴⁴⁾ „Легенда о близнецахъ“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, январь.

⁴⁵⁾ Точнѣе говоря, Ромулъ завоевываетъ *Crustumium*, т. е. нѣкоторую часть *ager Crustuminus*, въ то время какъ завоеваніе города Крустумерія предоставлено было Тарквинію.

⁴⁶⁾ Тамъ же, 124 сл.

¹⁾ „Основная территорія римской общины“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, июль.

Представленіе о маломъ Лациі, названномъ у Варрона *Latium stirpis Romanae* ²⁾, создано на почвѣ легенды объ Энеѣ, построившемъ здѣсь городъ Лавиніи ³⁾, отъ котораго произошла Албалонга, а отъ послѣдней Римъ. Вслѣдствіе основанія Албалонги, приписываемаго сыну Энея, прежде единая страна царя Латина распалась на двѣ части, прибрежную съ городомъ Лавиніемъ и внутреннюю съ Албалонгой. А такъ какъ къ послѣдней принадлежало и мѣсто будущаго Рима, то и получилось позднѣйшее историческое дѣленіе страны царя Латина на *ager Laurentis* и *ager Romanus*, включавшій въ себя албанскую область. Стало быть, дѣло сводится къ перенесенію на мнѣшескую древность обстоятельствъ историческаго времени.

Легенда объ Энеѣ приурочена къ лаврентскому берегу греческими историками, писавшими послѣ водворенія римлянъ въ Кампанію и имѣвшими въ виду, конечно, прежде всего Римъ. И если они не привели Энея по Тибру прямо сюда ⁴⁾, а остановили его въ лаврентской области, то причина этого, помимо близости моря, заключается въ старинныхъ религіозныхъ связяхъ между Лаврентомъ, благодаря которымъ лаврентяне были допущены къ римскому празднику на Албанской горѣ, а римляне, наоборотъ, пользовались сакральными правами въ Лавиніи. Консулы и преторы, по вступленіи въ должность, отправлялись въ Лавинію для совершенія жертвоприношенія ⁵⁾. Фактическій примѣръ этого рода упомянуть въ эксерптахъ изъ Ливія у Обсеквента ⁶⁾. Въ сказаніяхъ о сабинахъ приписывалось это еще Т. Тацію ⁷⁾. При Суллѣ учреждены въ Лавиніи особые римскіе жрецы: *sacerdotes Laurentes Lavinales* ⁸⁾, но и послѣ этого римскіе магистраты отпра-

²⁾ Varro, l. l. 5, 144: oppidum, quod primum conditum in Latio stirpis Romanae, Lavinium: hinc post triginta annos oppidum alterum conditur Alba; hinc Roma.

³⁾ Впрочемъ, и у аборигеновъ былъ какой то безмяный городъ, находившійся недалеко отъ мѣста высадки Энея (Liv. 1, 1, 5: *armati ex urbe atque agris concurrunt*).

⁴⁾ Эта версія, однако, также существовала, какъ доказываетъ корабль Энея на островѣ Тибра и передѣлка легенды о близнецахъ у Plut. Rom. 2, 5.

⁵⁾ Macr. Sat. 3, 4, 11: *consules et praetores seu dictatores, cum adeunt magistratum, Lavinii rem divinam faciunt Penatibus et Vestae*; Serv. Aen. 3, 12; 2, 296 (здѣсь *adeunt magistratum* вм. *adeunt magistratum*).

⁶⁾ Obsequens, c. 73: *cum Lavinii auspicarentur (консулы 137 года), pulli e cavea in silvam Laurentinam evolarunt*; Val. Max. 1, 6, 7.

⁷⁾ Liv. 1, 14: *Lavinii, cum ad sollemne sacrificium eo venisset.*

⁸⁾ CIL. XIV, p. 187.

влялись туда ежегодно, на десятый день послѣ албанскаго праздника, ради обряда возобновленія союза съ лаврентянами ⁹⁾. Ливій, сообщая объ этомъ въ обзорѣ послѣдствій войны 340 года, говоритъ по отношенію къ тому времени о возобновленіи этого союза и то же самое выраженіе употреблено у него и въ рассказѣ о смерти Т. Тація. Слѣдовательно, онъ представлялъ себѣ союзъ съ лаврентянами существовавшимъ издавна. Правильность этого взгляда подтверждается своеобразнымъ ежегоднымъ повтореніемъ обряда заключенія союза, не встрѣчающимся нигдѣ болѣе. Такая своеобразность можетъ быть объяснена только вліяніемъ этрусскаго обычая срочныхъ *indutiae*, а изъ этого слѣдуетъ, что она установилась еще въ періодъ этрусскаго вліянія, т. е. не позже начальныхъ временъ республики.

Религіозная связь между Лаврентомъ и Римомъ была столь тѣсная, что лаврентскіе пенаты въ то же время считались и римскими ¹⁰⁾. То, что лаврентскія саста признавались римлянами за свои и что ихъ магистраты совершали здѣсь жертвоприношенія, въ глазахъ греческаго наблюдателя должно было представляться похожимъ на религіозныя отношенія греческихъ колоній къ своимъ метрополіямъ. Отсюда у него получился выводъ, что Лавиній—родоначальникъ Рима; а такъ какъ къ старому *ager Romanus* принадлежала и Албалонга, то этотъ выводъ касался одинаково и ея, такъ что и она являлась такою же колоніей Лавинія, какъ и Римъ. Но римскіе магистраты ходили и на албанскій праздникъ, а это, по той же греческой аналогіи, вызвало представленіе, что Албалонга—была метрополія Рима. Найденный такимъ образомъ хронологическій порядокъ: Лавиній—Албалонга—Римъ и послужилъ канвой для легенды объ Энеѣ въ Лациіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, составилось соответственное понятіе о странѣ: Латина, который также, въ качествѣ олицетворенія, является продуктомъ греческой археологіи ¹¹⁾.

Лавинскія саста принадлежали сообщу лаврентянамъ и римлянамъ. Другихъ участниковъ изъ числа латинъ здѣсь вовсе не было. По крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ указаній на присутствіе въ Лавиніи

⁹⁾ Liv. 8, 11, 15.

¹⁰⁾ Varro, l. l. 5, 144: *Lavinium, ibi dii penates nostri*.

¹¹⁾ Относительно терминологіи нелишне замѣтить, что *Laurentum*—*ager Laurens* и что Лавиній, составлявшій прежде только религіозный центръ Лаврента, въ вѣкъ Суллы преобразованъ въ муниципій, такъ что съ тѣхъ поръ *Lavinates*—*Laurentes*, а официально соединились оба термина въ одно: *Laurentes Lavinates*.

латинских магистратов¹³⁾; какъ это полагалось на Албанской горѣ¹⁴⁾. Противоположное мнѣніе основано на надписи помпеянца Турранія изъ времянъ императора Клавдія¹⁵⁾, въ которой онъ величаетъ себя титулами: *pater patratus populi Laurentis*¹⁶⁾ *foederis ex libris Sibullinis percutiendi cum populo Romano, sacrorum principiorum populi Romani Quiritium nominisque Latini, quai apud Laurentis coluntur, flamen Dialis, flamen Martialis, salus praesul, augur, pontifex*. Прибавка „*nominisque Latini*“ представлять собою такое же преувеличенное обобщеніе (см. *Laurentium*), ради вѣщей пышности титуловъ этого мелкочиновнаго чловѣка, какъ и прибавка „*ex libris Sibullinis*“, которая можетъ быть объяснена только тѣмъ, что *pater patratus populi Laurentis* былъ подвѣдомственъ коллегіи хранителей сивиллинскихъ книгъ и ею также назначался, въ отличіе отъ прочихъ, собственно римскихъ, *sacerdotes Laurentes Lavinates*, бывшихъ подвѣдомственными коллегіи понтификовъ. Отсутствіемъ латинъ лаврентскій праздникъ существенно отличается отъ албанскаго, но и здѣсь они появились только съ теченіемъ времени, главнымъ образомъ съ IV столѣтія. Однихъ лаврентянъ можно признать очень древними участниками жертвоприношенія на Албанской горѣ, параллельно такому же участию римлянъ въ лаврентскомъ богослужебномъ дѣлѣ.

Нѣкотораго рода исключеніе представляютъ ардеаты, но оно касается не римско-лаврентскихъ *sacra* въ Лавиніи, а только храма Венеры (*Aphrodisium*). Этотъ храмъ находился на морскомъ берегу¹⁷⁾, вблизи Ардеи¹⁸⁾, но еще на лаврентской землѣ¹⁹⁾. Страбонъ сообщаетъ, что это было общелатинское святилище (*κοινὸν τῶν Λατίνων ἱερόν*) и что къ празднику сюда собирались латины (*ἔπου πανηγυρίζουσι Λατίνοι*), но что храмомъ завѣдывали ардеаты черезъ своихъ священнослужителей (*διὰ προπόλων*). Однако сомнительно, чтобы рутульская

¹³⁾ CIL. XIV, p. 187, ann. 3.

¹⁴⁾ Liv. 41, 16 (*magistratus Lanuvinus*).

¹⁵⁾ CIL. X 797.

¹⁶⁾ Въ противоположности къ *populus Laurentis* въ этой же надписи самый городъ названъ Лавиніемъ: *praefectus pro praetore iure dicundo in urbe Lavinio*.

¹⁷⁾ Plin. n. h. 3, 5, 57.

¹⁸⁾ Strabo, 5, 3, 5, p. 232: ἔστι δὲ καὶ ταύτης (Ардеа) πλησίον Ἀφροδίσιον, ἔπου πανηγυρίζουσι Λατίνοι.

¹⁹⁾ Ibid.: τὸ Λαοσίον κοινὸν τῶν Λατίνων ἱερόν Ἀφροδίτης, ἐπιμελοῦνται δ' αὐτὸ διὰ προπόλων Ἀρδεάται.—Безъ сомнѣнія, дѣло касается одного и того же Афродисіа (ср. Plin. l. c.); см. *Mommsen*, CIL. X, p. 675.

Ардея устраиала храмъ и праздниѣ для всѣхъ латинѣ. Скорѣе кажется, что ардеаты устроили этотъ храмъ на священной лаврентской землѣ прежде всего для себя, въ подражаніе римлянамъ, принимавшимъ участіе въ лаврентскихъ сага. Это могло случиться послѣ 444 года, когда они заключили договоръ съ римлянами, въ силу котораго Ардея превратилась въ римскую колонію. Такъ какъ ардеатскій храмъ Венеры находился на землѣ лаврентинѣ, то, безъ сомнѣнія, и они имѣли доступъ къ празднику, который такимъ образомъ являлся общимъ не для всѣхъ латинѣ, какъ, повидимому, нужно понимать слова Страбона, а только для двухъ общинъ Лаціа. Впрочемъ, возможно толковать слова Страбона и въ смыслѣ констатированія факта, что Афродисій ардеатовъ пользовался такой извѣстностью, что къ храмовому празднику стекались сюда богомольцы со всѣхъ концовъ Лаціа. Во всякомъ случаѣ, немисливо считать это святилище союзнымъ на подобіе арицинскаго храма Діаны¹⁹⁾; для этого нѣтъ ни данныхъ, ни даже просто возможности.

Съ нѣкоторою правдоподобностью можно объяснить, на чемъ основывалась такая старинная религіозная связь между Лаврентомъ и Римомъ. Выше²⁰⁾, при разборѣ списка албанскихъ XXX *populi* у Плинія, обнаружилось, что область этихъ *populi*, простиравшаяся отъ Тибра на югъ за Арицію²¹⁾, захватывала и значительную часть позднѣйшаго агеа *Romanus* въ предѣлахъ 15 подгороднихъ трибъ, не считая обвѣихъ за-аніенскихъ. Всѣ имена списка Плинія, поддающіяся топографическому опредѣленію, указываютъ на мѣстности, находившіяся къ востоку отъ Рима; а если имя *Velienses* находится въ генетической связи съ топографическимъ названіемъ *Velia* въ Римѣ, то они являются самымъ западнымъ албанскимъ *populus*, занимавшимъ часть самой площади города Рима²²⁾. Все же остальное пространство римскаго агеа по направленію къ морю, со включеніемъ устья Тибра, остается въ сторонѣ отъ территоріи албанскихъ *populi*. По-

¹⁹⁾ *Mommsen*, *St.-R.* III, 614, прим. 2.

²⁰⁾ Въ гл. VII.

²¹⁾ Мнѣніе *Sosack'a* (*Racín. Mus.* 1882, 13), что это не была сплошная территорія и что она слагалась изъ разбросанныхъ частей, не убѣдительно, такъ какъ для восполненія пробѣловъ остается цѣлая половина именъ, которыхъ нельзя опредѣлить топографически.

²²⁾ Предполагаемая основная территорія Рима при Ромулѣ, обведенная амбарвальской чертой, на разстояніи 5000—6000 шаговъ отъ городскихъ стѣнъ, создана только уже Суллою. См. статью „Основная территорія римской общины“.

этому возможно предположить, что эта-то западная (меньшая) часть территории 15 сельских трибъ и принадлежала когда-нибудь къ со-сѣднему *ager Laurentis* (а относительно Остіи врядъ ли даже можно сомнѣваться въ этомъ), а потому, составляя съ ней одно цѣлое, имѣла доступъ къ лаврентскимъ *sacra*, въ то время какъ остальная, восточная, часть, принадлежала къ албанскимъ *sacra*. Римляне, соединивъ въ своихъ рукахъ часть бывшей лаврентской земли и часть территории бывшихъ албанскихъ *populi*, унаслѣдовали отъ прежнихъ временъ доступъ какъ въ Лавиніи, такъ и къ албанскому святилищу. На Албанской горѣ они сдѣлались сами хозяевами, такъ какъ отвоевали Албалонгу у занявшихъ ее сабинянъ (*Mettius Fufetius*), въ то время какъ Лаврента они не завоевывали, а потому и должны были войти съ ними въ соглашеніе относительно участія въ ихъ *sacra*.

Загадочное обиліе латинскихъ святилищъ въ сѣверномъ Лаціи сводится къ тому, что одно только албанское святилище было дѣйствительно общелатинскимъ, но таковымъ оно сдѣлалось только съ теченіемъ времени, уже подъ римской властью, въ періодъ республики. Арицинская роща Діаны принадлежала лишь нѣсколькимъ общинамъ, а авентинская ага Діанае явилась уже на смѣну арицинскаго храма. Лаврентскія же *sacra* касались только ближайшихъ сосѣдей, съ одной стороны римлянъ, а съ другой—ардеатовъ.

Старый споръ о томъ, былъ ли въ лаврентской области, кромѣ Лавиніи, еще другой городъ Лаврентъ, древнѣе перваго ²³⁾, долженъ быть, повидимому, рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что города *Laurentum* вовсе не было, а также и Лавиніи вплоть до временъ Суллы не былъ городомъ въ политическомъ смыслѣ (=πόλις). Подъ словомъ *Laurentum* нужно разумѣть вообще лаврентскую область (=ager Laurentis), жители которой и назывались поэтому *Laurentes*. Мѣсто, называвшееся *Lavinium*, представляло собою только религиозный центръ лаврентской области, въ которомъ были сосредоточены главныя святилища лаврентянъ. Безъ сомнѣнія, это мѣсто имѣло видъ населеннаго пункта, но жители его тѣ же *Laurentes*, какъ и въ остальной области; лавинатовъ, отдѣльно отъ лаврентянъ, совсѣмъ не было ²⁴⁾. На степень города, съ муниципальными правами, Лавиніи возведенъ былъ только

²³⁾ Ср. *СН.* XIV, р. 186, ann. 9 et 10.

²⁴⁾ Поэтому, въ легендѣ о смерти Т. Тація его убиваютъ лаврентяне, хотя дѣло происходитъ въ Лавиніи (*Liv.* 1, 14; *Varro* l. l. 5, 152; *Plut. Rom.* 23). Только Діонисій (2, 52) называетъ убійцъ лавиниатами, по современной ему терминологіи.

во время реорганизации Италіи при Суллѣ, вслѣдствіе чего лаврентіане официально переименованы были въ *Laurentes Lavinates*, но такъ что въ сокращенномъ видѣ они попрежнему продолжали называться *Laurentes*, *populus Laurens*, даже въ примѣненіи къ городу Лавинію²⁵⁾. Если же Лавиніи до времени Суллы не пользовался муниципальными правами, то это равносильно отсутствію городской организации въ Лаврентѣ вообще. А это значитъ, что на священной почвѣ лаврентской области вплоть до Суллы удержался старинный сельскій строй, при которомъ всѣ селенія между собою равны, въ то время какъ при городской организации одно селеніе властвуетъ надъ всѣми остальными. Въ сельской общинѣ, живущей хуторами и мелкими поселками, нѣтъ надлежащихъ условій для развитія крупныхъ населенныхъ центровъ, но могутъ быть религіозные центры, а также и укрѣпленные мѣста (городища) на случай опасности, принадлежащія всѣмъ вообще и никому въ частности. Это тотъ общинный строй, который еще въ концѣ республики и въ началѣ императорской эпохи встрѣчался въ варварскихъ провинціяхъ (напр., въ Галліи при Цезарѣ и Августѣ)²⁶⁾.

Этотъ строй сельскихъ общинъ, лишенныхъ городского центра, нужно предполагать во всемъ Лаціи раньше періода владычества этрусковъ, оказавшихся и здѣсь „строителями городовъ“. Въ частности касается это и тѣхъ XXX *populi*, которые навсегда продолжали считаться участниками албанскаго праздника. Пока они жили исторической для нихъ жизнью, у нихъ не могло быть городовъ въ позднѣйшемъ видѣ и смыслѣ. Если тогда и существовали будущіе города: Ариція, Тибуръ и пр., то по своимъ правамъ они ничѣмъ не отличались отъ другихъ поселковъ того племени (*populus*), въ области котораго они принадлежали²⁷⁾. Также и Албалонга не могла быть настоящимъ городомъ съ кремлемъ въ томъ видѣ, какъ изображаетъ ее легенда о рожденіи Ромула и Рема²⁸⁾. Дѣйствительно, не имѣется никакихъ свидѣтельствъ, ни историческихъ, ни археологическихъ, которыя указывали бы на существованіе Албалонги, какъ крупнаго городского центра. Напротивъ, въ мѣстахъ, гдѣ можно предполагать

²⁵⁾ Напр. CIL. XIV 797: in urbe Lavinio—populi Laurentis.

²⁶⁾ См. „Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей“, 485 (§ 227).

²⁷⁾ Seeck, (I. с. 13) напрасно удивляется, что въ спискѣ XXX *populi* не имѣется именъ этихъ городовъ, которые онъ еще для того времени представляетъ себѣ „*misch-tige unabhängige Gemeinden*“.

²⁸⁾ „Легенда о близнецахъ“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1902, февраль, 78.

этотъ городъ, найдено искусственно отдѣленное городище, которое и могло служить центральной крѣпостью албанскихъ XXXI *populi* на случай опасности, поставленной подъ охрану общаго святилища Юпитера²⁹). Это сочетание военнаго и религіознаго центра и придавало Албалонгѣ то значеніе, которое ей присуще въ сказаніяхъ и которое въ видѣ переживанія старины сохранилось за ней до позднѣйшихъ временъ.

Представленіе о *Latium stirpis Romanae*, какъ совокупности *ager Laurens* и *ager Romanus*, не лишено, повидному, нѣкоторой фактической подкладки. Однако въ данной формѣ оно основывается лишь на умозаключеніяхъ греческихъ писателей, отъ которыхъ оно перешло потомъ и въ римскую археологію.

И. Петушья.

Въ исторіи древняго Рима Петушья (Petusium) занимаетъ особое мѣсто. Это мѣсто, расположенное въ долине Тибра, было однимъ изъ главныхъ центровъ политической и общественной жизни древняго Рима. Петушья была не только мѣстомъ жительства знатныхъ римскихъ родовъ, но и мѣстомъ ихъ политическихъ и общественныхъ дѣятельностей. Здѣсь происходили всѣ выборы и сессіи сената, а также всѣ торжественныя церемоніи. Петушья была также мѣстомъ жительства многихъ иностранныхъ пословъ и дипломатовъ. Благодаря своему стратегическому положенію, Петушья была также мѣстомъ военныхъ дѣяній. Здѣсь происходили всѣ битвы между римлянами и ихъ врагами. Петушья была также мѣстомъ рождения многихъ знаменитыхъ римскихъ политиковъ и общественныхъ дѣятелей. Благодаря своему историческому значенію, Петушья была также мѣстомъ многихъ историческихъ памятниковъ и сооружений. Здѣсь находились храмы, театры, форумъ и т. д. Петушья была также мѣстомъ многихъ историческихъ событий. Здѣсь происходили всѣ выборы римскихъ консуловъ, а также всѣ торжественныя церемоніи посвященія вѣнчанію. Петушья была также мѣстомъ жительства многихъ знаменитыхъ римскихъ философовъ и ученыхъ. Благодаря своему историческому значенію, Петушья была также мѣстомъ многихъ историческихъ исследованийъ и открытій. Здѣсь были найдены многие древние памятники и сооружения, которые дали возможность историкамъ узнать много нового о древнемъ Римѣ.

²⁹) „Очеркъ“, 570.

ПИСЬМА АРИСТЕНЕТА.

I.

Собрание писемъ такъ называемаго Аристенета ¹⁾ въ виду многихъ своихъ особенностей заслуживаетъ вниманія. Эти особенности съ наибольшей яркостью бросаются въ глаза при сравненіи Аристенета съ другими эпистолографами, хотя бы, напримѣръ, съ Алкифрономъ и Филостратомъ. Отъ писемъ послѣдняго сборникъ Аристенета отличается прежде всего тѣмъ, что въ нихъ не играетъ никакой роли любовь къ юношамъ, тогда какъ у Филострата она послужила темой чуть ли не для половины всѣхъ писемъ (см. Philostr. 12, 14, 22, 26, 27, 29, 35, 37, 41, 44, 46, 48, 52, 54, 59, 61, 63 ed. Olearius).

Письма Аристенета заслуживаютъ вниманія еще и потому, что они встрѣтили со стороны такого авторитетнаго изслѣдователя какъ Э. Роде (Der griechische Roman, 394) черезчуръ строгую и едва ли справедливую оцѣнку. Опредѣляя время жизни романиста Ксенофонта,

¹⁾ До сихъ поръ въ сущности осталось въ силѣ предположеніе Мерцера (см. Aristateni epistulae ed. I. Boissonade, Lutetia 1822, p. VII), что все собраніе было приписано первымъ его издателемъ Sambucus Аристенету только потому, что 1-ое письмо 1-ой книги озаглавлено: Ἀρισταίνετος Φιλοκάτω. Тотъ же самый Мерцеръ (ibid.) доказалъ съ полной убѣдительностью, что этотъ Аристенетъ не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ, котораго мы знаемъ изъ писемъ Либанія: такому отождествленію мѣшаетъ упоминаніе у Аристенета (I, 20) пантомима Карамалла, жившаго при Константинѣ. Само имя Аристенетъ нерѣдко встрѣчается въ родственной нашему сборнику литературѣ. См. Lucian, Symp. 1. Dial. meretr. X, 1. 2. Подъ такимъ распространеннымъ именемъ могъ скрываться невѣстный авторъ, уступавшій господствовавшему въ позднѣйшей эротикѣ стремленію къ псевдонимамъ, см. E. Rohde, Der griech. Roman, 189.

Роде указывает на то, что оно должно быть отнесено раньше, чѣмъ въ концу V-го вѣка, когда жилъ Аристенетъ, „denn zu dem überallher zusammengestückten Bettlertmantel bunter Phrasen, mit welchem dieser Scribent seine eigene Hässlichkeit und Blösse verdeckt, sind auch einige Lappen aus dem Romane unseres Xenophon verwandt worden.“ Сравненіе съ остальными эпистолографами показываетъ, что эта характеристика, рѣзко отличающаяся отъ мнѣнія прежнихъ изслѣдователей ³⁾, основана только на чисто субъективныхъ особенностяхъ вкуса Роде. Письмамъ Аристенета нельзя отказать ни въ извѣстномъ изяществѣ изложенія, ни въ занимательности фабулы. Даже если стать на совершенно неумѣстную въ данномъ случаѣ чисто нравственную точку зрѣнія, то и тогда нельзя обвинять Аристенета въ Hässlichkeit, какъ это дѣлаетъ Роде: въ этомъ отношеніи Аристенета нельзя даже сравнивать, напримѣръ, съ Лукіаномъ, хотя, правда, письма Филострата отличаются еще большей невинностью содержанія. Но особенно странно, что Роде, такъ прекрасно указавшій весь послѣдовательный ходъ развитія античной эротической литературы, на основаніи приводимыхъ имъ случаевъ заимствованія Аристенета у предшественниковъ особенно настаиваетъ на обвиненіи его въ „плагиатахъ“ ⁴⁾.

Такое обвиненіе съ гораздо большей силой можетъ быть предъявлено къ цѣлому ряду болѣе крупныхъ писателей, чѣмъ Аристенетъ.

Въ письмахъ Аристенета прежде всего обращаетъ вниманіе крайняя случайность и искусственность эпистолярной оболочки: настоящихъ писемъ, которыя соответствовали бы античной терминологіи, весьма мало. Такія письма, какъ 23-ье второй книги, гдѣ Теокль упрекаетъ своего бывшего друга Мирона въ вѣроломствѣ, причѣмъ эти упреки весьма естественно могли быть выражены въ формѣ письма, попадаются только въ видѣ исключенія ⁴⁾. Къ нему отчасти

³⁾ *Sambucus*: argutia cum lepore salibusque congruis et ab oratorum quoque, *μελέταις* non aliena; verba pura, quaedam etiam poetico more coniuncta, factaque varietatem simulat atque exornant (приведено у Boissonade, X); съ этими мнѣніемъ совпадаютъ отзывы Мерцера (ibid. XII) и Абрема (ibid. XIV).

²⁾ См. примѣчаніе второе на стр. 394. О плагиатахъ въ античной литературѣ см. А. Н. Деревницкій, О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи, Харьковъ 1891, 142—144.

⁴⁾ Оно одно не имѣетъ соответствующаго заглавія и сохранилось только въ одной рукописи, почему еще первый его издатель Поливоксъ высказывалъ предположеніе, что оно *νόθος* θεούτης ἐν τοῦ Ἀριστάνετου νομίσματος (Boissonade, 738 sq.).

подходят 17-ое (влюбленный Ксенофонтъ своему товарищу по любви), 18-ое (гетера поздравляетъ подругу, раздвляющую любовь только юношей), 19-ое (актриса—подругѣ) и 21-ое (гетера—возлюбленному) первой книги. Изъ второй сюда относятся: 1-ое (ходатайство передъ гетерой), 3-ье (неудовлетворенная жена—подругѣ), 6-ое (влюбленный юноша—своему сопернику, ср. 28-ое отъ юноши), 9-ое (юноша—измѣнившей ему возлюбленной), 13-ое и 16-ое (гетеры—къ неприступнымъ юношамъ) и 15-ое (подруги другъ другу). Но и изъ нихъ только часть (I, 17. 24. 28. II, 6. 9. 13. 16) можетъ быть разсматриваема, какъ настоящія письма, причѣмъ, самый предметъ письма опредѣляетъ выборъ именно эпистолярной формы, всѣ же остальные являются въ сущности какъ бы одной половиной діалога, и форма ихъ гораздо болѣе отвѣчаетъ особенностямъ именно діалогическаго изложения: читая ихъ, такъ и ждешь, что тамъ, гдѣ оканчивается „письмо“, сейчасъ же начнется реплика со стороны собесѣдника⁶⁾. Въ этихъ „письмахъ“ нѣтъ и малѣйшаго намека на то, что личное собесѣдованіе было бы невозможно, чтд составляетъ характерную особенность хотя бы писемъ Овидія. Наиболѣе значительную группу составляютъ монологи (I, 2. 3. 4. 7. 8. 12. 16. 20. 23. 25. 26. II, 2. 4. 5. 8. 10. 11. 12. 21). Это или рассказы или же лирическія извліянія, ведущіяся отъ перваго лица.

Наличность и выборъ собесѣдника не отмѣченъ и не мотивированъ, и болѣе всего письма напоминаютъ вырванные изъ цѣлой пьесы монологи влюбленныхъ юношей эротической комедіи; если въ нихъ передѣлать первое лицо на третье, то громадное большинство ихъ безъ всякаго затрудненія превратится въ небольшіе рассказы чисто повѣствовательнаго характера. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи 14-е письмо первой книги: здѣсь гетера Филотіонъ одновременно обращается къ нѣсколькимъ юношамъ, рассчитывавшимъ купить ея ласки не деньгами, а нѣсиями. Уже одинъ фактъ одновременнаго обращенія къ нѣсколькимъ лицамъ исключаетъ всякое правдоподобіе эпистолярной формы. Для того, чтобы хоть какъ-нибудь оправдать эту форму, въ началѣ 13-го письма первой книги сдѣланъ небольшой прыжокъ въ видѣ обращенія къ какому-то другу, а затѣмъ слѣдуетъ чисто повѣствовательный рассказъ, который имѣлъ

⁶⁾ Это лучше всего доказываетъ 16-ое письмо второй книги, составляющее до-словную выписку изъ начала 12-го „діалога гетеръ“ Лукіана: переименованы только имена дѣйствующихъ лицъ.

бы такое же значеніе и безъ всякаго приступа. Это особенно замѣтно при чтеніи 21-го письма первой же книги: если вычеркнуть въ его началѣ слова *καὶὸν γὰρ τὸ κακὸν ἔρατος ὃ Μορφήν τοιοῦτον οὐδ' ἀκήρα τρέπον*, то получимъ настоящую новеллу небольшихъ размѣровъ⁶⁾, почему его и надо разсматривать какъ переходную ступень къ послѣдней весьма многочисленной группѣ „писемъ“, въ которыхъ (I, 5. 6. 9. 10. 11. 22. 27. II, 7. 18. 21. 22) эпистолярная форма уже ни въ чемъ не обнаруживается и которыя по формѣ ничѣмъ не отличаются хотя бы отъ той греческой новеллы, которую Э. Роде опубликовалъ по *codex Laurentianus LVII 80* ⁷⁾. Во всякомъ случаѣ, эти „письма“ гораздо ближе къ Аретию и Боккачю, чѣмъ къ предшествовавшимъ Аристенету эпистолографамъ. Особенно характерны 5-ое, 9-ое и 13-ое письмо первой, 7-ое и 22-ое второй книги: въ нихъ мы встрѣчаемъ всѣ отличительные признаки новѣйшей новеллы⁸⁾; темы этихъ разсказовъ взяты изъ обыденной жизни; только въ 15-омъ письмѣ первой книги авторъ придаетъ своему изложенію характеръ историческаго разсказа, что и изобличаетъ его происхожденіе изъ сборника историческихъ анекдотовъ⁹⁾.

И въ этомъ отношеніи письма Филострата ничего не имѣютъ общаго со сборникомъ Аристенета: въ нихъ эпистолярная форма вездѣ строго выдержана и мотивирована; ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ и намека на что-нибудь въ родѣ новеллы, и весь эпическій элементъ ихъ ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ примѣровъ, которые беретъ изъ эпоса уже эротическая элегія въ подтвержденіе своихъ сентенцій. Зато у Филострата иногда обсуждаются литературныя темы: таковы письма 1-ое, 13-ое, адресованное къ императрицѣ Юліи Августѣ, 14-ое и 17-ое. Въ первомъ письмѣ трактуются такіе вопросы стилистики, которые умѣстны только во введеніи къ уже готовому литературному сборнику.

Благодаря чрезвычайному разнообразію формы, на письмахъ Ари-

⁶⁾ Сюда же относится II, 19, гдѣ форма новеллы замаскирована только такой прибавкой въ началѣ: *βρα, πρὸς Διδέ, βλας γυνή τε ἡρέια κρότρεκι μαστρεκὸν εὐτίς γετόθει τὴν δούλην.*

⁷⁾ Eine griechische Novelle. *Rhein. Mus.* XXXI (1876), 628—630.

⁸⁾ E. Rohde, *Der griech. Roman*, 343.

⁹⁾ E. Rohde, *ibid.* I. *Boissonade*, 444. Историческому разсказу здѣсь предшествуетъ небольшое разсужденіе о всемогуществѣ любви, приглаголю котораго и является приводимый разсказъ; но это разсужденіе служитъ, конечно, для замаскированія формы новеллы.

стенета очень удобно прослѣдить, какъ постепенно литературное письмо превращалось въ новеллу, получившую въ послѣдствіи такое широкое распространеніе, и къ какимъ приѣмамъ и ухищреніямъ приходилось прибѣгать въ промежуточный періодъ только для того, чтобы хоть какъ-нибудь придать невольно зарождавшейся новеллѣ эпистолярную форму, которая, очевидно, почему-то считалась еще обязательной для разработки такихъ темъ.

II.

Вопросъ объ источникахъ ¹⁰⁾ Аристенета прѣжними его издателями сводился къ опредѣленію тѣхъ писателей, явные слѣды чтенія которыхъ у него сразу уже обнаруживаются. Такъ Шурцфлейшъ въ своемъ предисловіи (перепечатано у I. Boissonade, XV) замѣчаетъ: *legit Platonem in primis, Philostratum, Plutarchum, Longum. In multis etiam cum Heliodoro congruit, conferendus est etiam Eustaphius, ut Longum (?) et Achillem Tatium preteream.* Вліяніе софистической эротики особенно подчеркнул Роде (*Der griech. Roman*, 343). Н. Reich, отмѣчая особенное вліяніе на Аристенета Лукіана и Алкифрона ¹¹⁾ и общность его сюжетовъ съ сюжетами Эліана (*ibid.* 32), предложилъ (р. 67) такую схему тѣхъ передаточныхъ ступеней, по которымъ извѣстные мотивы доходили до Аристенета: Лонгъ—Лукіанъ—Алкифронъ—Эліанъ—Аристенетъ.

W. Christ (*Griech. Litteraturgeschichte*, 4-ое изданіе, 854), совершенно оставляя въ сторонѣ эти изслѣдованія, указалъ только на одну александрійскую элегію, какъ на источникъ Аристенета, основываясь на томъ, что для 10-го письма 1-ой книги онъ взялъ у Каллимаха разсказъ объ Аконтіи и Кидиппѣ ¹²⁾. Правда, въ нѣкоторыхъ „письмахъ“ Аристенета можно найти нѣчто общее съ мотивами александрійской элегии. Такъ въ 14-мъ письмѣ 1-ой книги (*πορπίδιον πρὸς νεὸς ἄρμασιν οὐκ ἀργυρίφ προτραπομένους αὐτῆν*) рѣчь идетъ о томъ, что для гетеры золото гораздо пріятнѣе и убѣдительнѣе поэзии. О томъ же самомъ

¹⁰⁾ При ближайшемъ изслѣдованіи оказывается совершенно справедливыми замѣчанія *Fr. Leo*, брошенные имъ мимоходомъ (*Plautinische Forschungen*, Berl. 1895, 128). Недостатокъ мѣста помѣшалъ ему рассмотреть этотъ вопросъ съ должной полнотой.

¹¹⁾ *De Alciphronis Longique aetate*, Regimonti 1894, 7.

¹²⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у *C. Ditthey*, *De Callimachi Cydippe*, Leipzig 1868, 28.

часто говорят и Проперций и Тибуллъ и Овидій ¹³⁾, но во всемъ письмѣ нельзя указать ни одного такого мѣста, которое могло бы быть взято только непосредственно у элегиковъ, тѣмъ болѣе, что та же самая мысль встрѣчается и у Филострата (ср. 45). Точно также и въ 16-мъ письмѣ 1-ой книги мы встрѣчаемъ довольно обычную у элегиковъ мысль о томъ, что скрытая любовь гораздо сильнѣе и опаснѣе открытой ¹⁴⁾, но такъ какъ та же самая мысль встрѣчается и у авторовъ поздне-греческихъ романовъ ¹⁵⁾, то у насъ опять нѣтъ никакихъ оснований для предположенія, что Аристенетъ почерпнулъ эту мысль непосредственно у авторовъ элегій, минуя романистовъ. Точно также по всей эротической литературѣ распространена мысль, что πολλοὶ γὰρ, ὧν κατεφρόνουσιν ὑπ' ἔρωσιν, ὑπὸ τοῦ ζηλοτυπαίν ἡρώσθησαν ἐμφανῶς (Arist. I, 22) ¹⁶⁾, но она встрѣчается также и у Лукіана (dial. meretr. VIII, 2), причемъ Кохъ доказалъ ¹⁷⁾, что Лукіанъ, въ свою очередь, взялъ ее у комиковъ; и относительно Аристенета гораздо правдоподобнѣе предположить, что онъ въ данномъ случаѣ пользовался ближайшимъ источникомъ, т. е. Лукіаномъ. Изъ элегій мы знаемъ, какую удобную обстановку для любовныхъ авантуръ представляли пирры (см. Ovid. Amor. I, 4. Ars am. I, 229 sq. Heroides, XV, 113 sq.); но едва ли нужно усматривать вліяніе элегій на Аристенета и въ томъ, что у него въ 22-омъ письмѣ 1-ой книги рассказывается о томъ, какъ гетера Телксиноя отбила *на пиру* у своей родной сестры возлюбленнаго, причемъ вела себя такъ, что и къ ней могло быть вполнѣ примѣнимо то, что рассказываетъ Овидій. Но рассказы о подобныхъ эпизодахъ проникли въ самые отдаленные уголки античной литературы ¹⁸⁾. Затѣмъ, если у Аристенета (II, 22) жена, застигнутая мужемъ въ объятіяхъ любовника, послѣшно τὴν στραμνὴν ἐνετάραξεν πανταλῶς συγγέουσα τὸ ἔρωσιν τοῦ δευτέρου σώματος, ὅτι κατηγόρει μνημόματι συζυγίας, то это вовсе еще не значитъ, что Аристенетъ въ данномъ случаѣ припоминалъ то мѣсто „Amores“ Овидія (I, 8, 97), гдѣ говорится о

¹³⁾ См. мою замѣтку: „Изъ наблюденій надъ древне-римскою комедіей“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1904, апрѣль, отд. клас. фил. 176 сл.

¹⁴⁾ См. V. Hoelzer, De poesi amatoria... Marburg 1899, 54.

¹⁵⁾ Соответствующія мѣста см. у Boissonade, 460. Hoelzer, *ibid.* Къ ихъ примѣрамъ можно прибавить: Philostrat. 58.

¹⁶⁾ Изъ множества примѣровъ достаточно отмѣтить Ovid. Amor. I, 8, 95—96. Ars am. III, 593—598.

¹⁷⁾ *Rhein. Mus.* XLIII (1888), 76.

¹⁸⁾ См. объ этомъ P. Brandt, *Ovidi de arte amatoria libri tres*, Leipz. 1902, 22.

томъ, что состояніе постели можетъ служить уликой для обвиненія въ невѣрности. Это доказываетъ только, что и элегики вносили въ свои стихотворенія черты, взятая прямо изъ дѣйствительной жизни, откуда подобныя свѣдѣнія могли почерпать и всѣ остальные писатели, обходясь безъ всякихъ литературныхъ образцовъ. Въ письмѣ къ Тимократу (Arist. I, 28) влюбленный Никостратъ жалуется на тѣ муки, которымъ его подвергаетъ невѣрчивость Колхиды, ставящая его въ безвыходное положеніе: ἐκλύομαι ἐκ τῆς ἀπορίας. Этотъ вопль сближаетъ Никострата съ безчисленнымъ множествомъ влюбленныхъ юношей, изображенныхъ въ элегии и комедіи ¹⁹⁾; подобно имъ ²⁰⁾, онъ изображаетъ свое положеніе въ сравненіяхъ, понятныхъ только въ примѣненіи къ пловцу: τίς γάρ ἀστάρψ δύναιτο ἀν ἐπιστήσαι σκεπῆ. Но и раньше Аристенета такое сравненіе встрѣчалось уже у Филострата, какъ это отмѣчено Гельдеромъ, что, слѣдовательно, опять устраняетъ необходимость прямого вліянія на Аристенета со стороны элегиковъ или комиковъ. Но зато ни въ элегии, ни въ комедіи не найти того рѣшенія, къ какому въ концѣ концовъ приходитъ Никостратъ: онъ уступаетъ Колхиду своему сопернику, ἐπεὶ τοῦτο γε ἐστὶν ἀνὴρ τὰ δυνάτᾳ ἀκριβῶς διαγῶναι καὶ μηκέτι ματαίαν ἐπάγεσθαι λύπην; въ изображеніи комиковъ и элегиковъ любовь такъ сильна, что окончательно лишаетъ влюбленныхъ всякой способности что-либо διαγῶναι ²¹⁾. Все отличіе заключительной части этого письма отъ традицій элегии особенно бросается въ глаза по сравненію съ 15-мъ эподомъ Горация, сюжетъ, мотивы и отдѣльныя детали котораго очень сильно напоминаютъ элегію ²²⁾.

Больше всего точекъ соприкосновенія съ элегіей обнаруживаетъ 21-ое письмо второй книги, гдѣ влюбленный утверждаетъ, что его возлюбленная превосходитъ всѣхъ своей красотой; въ особенную похвалу ставитъ онъ ей то, что χάριτάς σου παντελῶς ἄδολοι καὶ ἀληθῶς κατὰ τὴν παρομίαν γυμναί, почему онъ и сравниваетъ ее съ розой: ἴσον τὸ ῥόδον φαῖρότερον τῆς ἄλλης κέρυκε πόας καὶ λίαν καθ' ἑαυτὴν εὐδο-

¹⁹⁾ См. V. Hoelzer, op. cit. 47 сл.

²⁰⁾ Ibid. 49.

²¹⁾ Hoelzer, op. cit. 46.

²²⁾ Fr. Leo, De Horatio et Archilocho, Gottingae 1900, 16. Th. Plüss, Das Jambenbuch des Horaz, Leip. 1904, 101. Плюссъ и въ этомъ тоже видитъ пародію на 5-ую и 12-ую оду первой книги самого же Горация (р. 103); но для того, чтобы принять это болѣе, чѣмъ своеобразное толкованіе, нужно вообще допустить возможность пародирования авторомъ своихъ же собственныхъ произведеній.

κίχουσης τσοούτον καὶ τῶν ἐπισήμων γυναικῶν ὑπερφέρεϊς. Это заставляет всѣхъ юношей сейчасъ же, какъ только ее увидятъ, влюбиться въ нее. Но опять—таки эти приемы прославленія возлюбленной свойственны далеко не однимъ только элегикамъ ²³⁾. Зато конецъ письма: ἔστω τοίνυν ἔργον ἐν μόνον ἐπιδείξιον ἐμοὶ φιλεῖν Δελφίδα καὶ ὑπὸ ταύτης φιλεῖσθαι καὶ λαλεῖν τῇ καλῇ καὶ ἀκούειν λαλοῦσης отчасти напоминаетъ знаменитое *dulce ridentem Lalagen amabo dulce loquentem* (Carm. I, 22, 23) Горация, а по настроенію больше всего подходило къ желанію Тибулла: *tecum dum modo sim, quaeso segnis inersque vocer: te spectem suprema mihi cum venerit hora, te toneam moriens deficiente manu* (I. 1, 57—60). Но опять у насъ нѣтъ оснований думать, что этотъ мотивъ взятъ Аристенетомъ непосредственно изъ элегии: онъ выписалъ это мѣсто изъ романа Ксенофонта Эфесскаго, гдѣ о Габровомъ говорится (II, 4, 1): τῷ δὲ ἄρα οὐδὲν ἔργον ἦν ἢ φιλεῖν Ἄνθειαν καὶ ὑπ' ἐκείνης φιλεῖσθαι καὶ λαλεῖν ἐκείνῃ καὶ ἀκούειν λαλοῦσης. Этого замѣчанаія изслѣдователи Аристенета не замѣчали ²⁴⁾.

III.

Отъ элегии вполне естественъ переходъ къ комедіи, какъ къ первоначальному источнику основныхъ мотивовъ всей эротической литературы. Th. Коокъ ²⁵⁾ высказалъ предположеніе, что эпистолографы позднѣйшаго времени, Алкифронъ и Аристенетъ, составляли свои письма изъ отдѣльныхъ кусочковъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ произведеній, причемъ сюда попадали и отрывки изъ комедій (р. 373). Дѣлать такія соединенія имъ было тѣмъ легче, что въ то время въ школахъ былъ весьма распространенъ обычай предлагать ученикамъ въ видѣ стилистическихъ упражненій переложеніе отрывковъ драмы въ прозу (ibid. 392). Исходя изъ этого, Коокъ попытался возстановить первоначальную стихотворную форму нѣсколькихъ отрывковъ, взятыхъ, по

²³⁾ О томъ, что возлюбленная превосходила всѣхъ красотой см. прикѣры у *V. Hoelker*'а, op. cit. 19 (надо только прибавить изъ Филострата, epist. 39 и 41); прославленіе неприкрашенной красоты, ibid. 25; о внезапномъ возникновеніи любви ibid. 38 сл.; сравненіе съ розами и другими цвѣтами *E. Rohde*, *Der griech. Roman*, 153 сл.

²⁴⁾ *R. Bürger* (*De Ovidi carminum amat. inventione et arte*, Guelferbytd 1901, 15) сравниваетъ съ 11-мъ письмомъ 2-ой книги *Ovid. Amor. II, 10* и эпиграмму Филодема (*Anthol. Palat. XII, 173*), но сходство здѣсь отдаленное и не дающее основанія для опредѣленныхъ выводовъ.

²⁵⁾ *Neue Bruchstücke attischen Komiker. Hermes*, XXI (1886), 372—410.

его мнѣнію, Аристенетомъ у комиковъ, и включилъ ихъ въ послѣдній отдѣлъ своего сборника подъ заглавіемъ: ἐκλογαὶ καταλογάδην μετὰ συζητημάτων; изъ Аристенета сюда вошли части изъ 17-го (CAF. III № 1566), 19-го (№№ 1567, 1568), 25-го (№№ 1569, 1570), 27-го (№№ 1571—1573) писемъ первой книги, и 9-го (№ 1574), 12-го (№ 1575), 13-го (№ 1576), 14-го (№ 1577) и 15-го (№ 1578) второй книги. Уже самъ Коку въ предисловіи къ третьему тому своего сборника (р. VI) сознался въ томъ, что изъ желанія представить остатки комедій въ возможной полнотѣ онъ включилъ въ этотъ отдѣлъ и такіе отрывки, которые легко могли не имѣть никакой органической связи съ комедіей. И со стороны критики именно этотъ отдѣлъ его сборника вызвалъ наиболѣе серьезные возраженія ²⁶⁾).

Если даже и примириться съ тѣмъ, что для „возстановленія“ будто бы первоначальной метрической формы Коку приходилось на каждомъ шагѣ прибѣгать къ почти неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ перестановкамъ и замѣнамъ одного слова другимъ, а также и съ тѣмъ, что текстъ писемъ не представляетъ сплошныхъ группъ стиховъ большого объема, такъ какъ отдѣльныя группы словъ, напоминающія стихотворную форму, приходится выскидывать среди гораздо болѣе обширныхъ кусковъ чисто прозаическаго характера, то и въ такомъ случаѣ оказывается, что зависимость Аристенета отъ комедій касалась только стиля его писемъ, нисколько не обнаруживаясь въ ихъ оодержаніи и обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ. Такъ 17-ое письмо первой книги (у Кока № 1566) дало нѣсколько отрывковъ, болѣе или менѣе похожихъ на стихи. Всѣ они взяты изъ той части письма, гдѣ влюбленный Ксенофитъ жалуется на неприступность и вѣроломство своей возлюбленной; но принимаемое имъ въ концѣ письма рѣшеніе вмѣстѣ съ соперникомъ бороться противъ Дафниды дѣлаетъ его совершенно непохожимъ на традиціонныхъ *adolescentes fervidi* комедій, откуда такой характеръ, стало быть, и не могъ никоимъ образомъ быть заимствованнымъ. Такое же самое впечатлѣніе производятъ и тѣ отдѣльныя отрывки изъ 27-го письма, которые у Кока помѣщены подъ №№ 1571—1573. Источникомъ для 19-го письма (№№ 1576—1568) уже потому не могла быть комедія, что здѣсь идетъ рѣчь о женитьбѣ благороднаго юноши на актрисѣ, бросившей послѣ брака сцену и сдѣлавшейся

²⁶⁾ Особенно сильно возражалъ *M. A. Scherers* въ предисловіи къ своему большому изданію писемъ Алкифрона, появившемуся въ видѣ диссертациі въ Groningen въ 1901 г.

затѣмъ настоящей „дамой изъ общества“. Такой сюжетъ никакъ не укладывается въ тѣ бытовыя условія, среди которыхъ и возникла и отпѣла аттическая комедія, но зато прекрасно характеризуетъ нравы и общественныя взаимоотношенія гораздо болѣе поздняго времени, являясь какъ бы живой иллюстраціей соответствующихъ частей кодекса Юстиніана ²⁷⁾; къ бытовымъ условіямъ, отразившимся въ новой аттической комедіи, вполне подходит эпизодъ, рассказанный въ 25-мъ письмѣ первой же книги (Ἐταῖρα μέμφεται τῇ ἀδελφῇ ἐπαλοῦσῃ αὐτῆς τὸν φίλον). Отрывки изъ него у Кока помѣщены подъ №№ 1569, 1570. Связь съ комедіей здѣсь тѣмъ болѣе вѣроятна, что признаваемые Кокомъ за взятые изъ комедіи отрывки вошли, какъ это отмѣчено самимъ же Кокомъ, и въ 12-ый „диалогъ гетеръ“ Лукіана, а это произведеніе Лукіана находится въ тѣснѣйшей и уже непосредственной связи съ комедіей ²⁸⁾. Это опять устраняетъ необходимость предполагать, будто Аристенетъ взялъ и эти отрывки изъ комедіи, а не у Лукіана, зависимость отъ котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію (см. выше). Что касается 9-го письма 2-ой книги (№ 1574), то все оно (νέος πρὸς ἐπιτορχὸν ἐρωμένην δεδιώς μὴ τι πρὸς τῆς ἐπιτορχίας ἐκείνη παύσεται χαλεπὸν) окрашено такимъ крайнимъ сентиментализмомъ, примѣровъ котораго въ комедіи мы еще не находимъ ²⁹⁾. 12-ое письмо второй книги наполнено жалобами Евбулида на расточительность жены, взятой имъ нарочно изъ бѣднаго дома для того, чтобы избѣжать капризовъ, обычныхъ у женъ съ большимъ приданымъ. Отъ Стрепсиада (Aristoph. Nubes, 42 сл.), съ которымъ сравниваетъ Евбулида Коку (CAF. III, 682, № 1575), онъ рѣзко отличается тѣмъ, что тотъ женился не на бѣдной, а между тѣмъ именно разочарованіе Евбулида, надѣявшагося встрѣтить въ бѣдной дѣвушкѣ неприхотливую жену, и составляетъ весь центръ письма. Коку удалось установить сходство одного мѣста этого письма (ἐγὼ δὲ τὸ ἱμάτιον αὐτὸ δεῖχνός, ὅπερ ἄν τοῦ γυναικὸς φορῶν, χαμικῶς τὴν ἄσπετον ὑπανίσταμαι φάσκων ὡ γυναι λῖαν σπαθᾶς) съ 54 и 55 стихами „Облаковъ“ Аристофана (ἐγὼ δ' ἄν αὐτῇ θεῖματιον δεῖχνός τοδὶ πρόφασιν ἔφασκων ὡ γυναι, λῖαν σπαθᾶς) ³⁰⁾, но въ сущности и тутъ все сходство ограничи-

²⁷⁾ Ср., P. Oagnier, Les incapacités des acteurs en droit romain, Paris 1899, 88 сл.

²⁸⁾ Th. Kock, Lucian und Komödie. Rhein. Mus. XLIII (1888), 57. A. Dindorf, Etudes sur la comédie de Menandre, Paris 1854, 314. A. Meineke, FCG. IV; 96. Θ. Φ. Ζηλινский, Изъ жизни идей. С.-Пб. 1905, 112.

²⁹⁾ E. Rohde, Der griech. Roman, 61, прим. 3-е.

³⁰⁾ Уже совсѣмъ неубѣдительно представляется мнѣ указанная Кокомъ зависимость

вается одной фразой, къ тому же носящей характеръ ходячей поговорки. Между тѣмъ вліяніе „древней“ комедіи даже на Лукіана подлежитъ весьма большому сомнѣнію ²¹⁾.

Правда, W. Volkmann старался доказать, что Аристофанъ сильно отразился на Алкифронѣ ²²⁾, связь котораго съ Аристенетомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію (см. приведенную выше схему Рейха). Но Фолькманнъ ограничивался чисто внѣшними признаками, и дѣлаемое имъ сопоставленіе Alciph. III, 18, 3 и Aristoph. Vespaе, 1498, можетъ прямо-таки служить примѣромъ того, какъ нельзя сравнивать совершенно различные по характеру тексты.

Въ 15-мъ письмѣ 2-й книги изображена любовь замужней женщины къ рабу своей сосѣдки — вдовы (отрывки у Кока № 1578). Пятый миміамбъ Геронда доказалъ, что и древность знала любовь свободныхъ женщинъ къ рабамъ. При той связи, которая существуетъ между Герондомъ и комиками, можно было бы предположить, что и этотъ сюжетъ взятъ Аристенетомъ изъ комедіи, какъ это и дѣлаетъ Кока. Разница между Хризидой Аристенета и Биггиной Геронда сказалась бы прежде всего въ томъ, что Хризидѣ вовсе не свойственно то грубое обращеніе съ рабомъ, которое дѣлаетъ жену Геронда, по выраженію Э. Ф. Зѣлинскаго (Изъ жизни идей, 114) „достойной самыхъ дикихъ временъ крѣпостного права“. Но зато комедія вовсе не знаетъ такой уступчивости по отношенію къ мужьямъ, какую обнаруживаетъ Хризида, охотно уступающая своего мужа вдовѣ въ отплату за ласки ея раба; поэтому надо признать, что общая концепція и этого письма сложилась внѣ всякаго вліянія аттической комедіи.

Вліяніе комедіи болѣе замѣтно на 13-мъ (ἐταίρας ἀπολογία πρὸς τὸν ὑποκλιζόμενον φίλον) и 14-мъ (φιλίας ἀνάκλησις) письмахъ второй книги. Здѣсь оно отразилось не только на отдѣльныхъ фразахъ (у Кока, №№ 1576 и 1577), хотя и среди нихъ нѣтъ недостатка въ та-

---

мость словъ Евбуллада: ἀλλ' οὐδὲ κάποτε τῶν ἐμῶν πεφρόντις λόγων непосредственно отъ 73-го стиха той же пьесы (ἀλλ' οὐκ ἐπίβητο τοῖς ἐμοῖς οὐδὲν λόγος): они такъ естественны, что могутъ принять сложную форму и внѣ всякой зависимости отъ опредѣленнаго литературнаго образа.

²¹⁾ Th. Kock, *Rhein Mus.* XLIII (1888), 29. То обстоятельство, что Лукіанъ 4 раза упоминаетъ Аристофана, ничего не доказываетъ, см. *ibid.* 48. Другого взгляда держится Э. Ф. Зѣлинскій, О синтаксисѣ въ древнегреческой комедіи. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883, апрѣль, 211 слѣд.

²²⁾ *Studia Alciphronica.* Diss. Vratislaviae, 1886, 37—40.

кихъ, для которыхъ было бы затруднительно привести соответствующія параллели изъ комедій, но—что самое важное—и сюжетъ и бытовые условія и общее настроеніе дѣйствующихъ лицъ переносятъ насъ въ обстановку „новой“ аттической комедіи. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно 13-ое письмо: то, что здѣсь пишетъ Халидѣиоч своему возлюбленному, смѣло могла бы сказать, напримѣръ, у Теренція (въ *Eunuchus*) *Thais* своему *Федріи* ²³⁾. Но, конечно, и въ данномъ случаѣ остается открытымъ вопросъ: дошло ли это влияніе до Аристенета непосредственно, или же онъ и здѣсь пользовался такими посредствующими звеньями, которыя мы теперь уже не въ состояніи опредѣлить.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ Кокъ усматриваетъ влияніе на Аристенета комедій на основаніи еще болѣе шаткихъ соображеній. Такъ 14-ое письмо 1-ой книги, о которомъ уже шла рѣчь выше, оканчивается словами: *ἀν ἀρχύρον ἤ, πάντα θεῖ· κ' ἐλαύνεται*; схолиастъ къ Аристофану (*Eccles.* 109) указалъ на существованіе такой пословицы, но Кокъ этимъ не довольствуется и, включая этотъ отрывокъ въ число фрагментовъ комедіи (№ 552, САГ. III, р. 504), замѣчаетъ: *vix dubium est, quin etiam Attica comoedia id commemoraverit*. Между тѣмъ, давно доказано, что Аристенетъ очень любилъ уснащать свой текстъ пословицами ²⁴⁾. Для того, чтобы отнести къ комедіи конецъ той пѣсенки, которую влюбленный поетъ въ концѣ 8-го письма 1-ой книги Аристенета, Кокъ пришлось (САГ. III, 447, № 205) слова пѣсенки: *καὶ τὴν ἑαυτῶν ἔρωσαν (οἱ ἔρωτες) ἔχαινοι μητέρα* передѣлать такъ: *ἔρωσ καὶ τὴν ἑαυτοῦ συντηρώσκει μητέρα* ²⁵⁾, но эта мысль разсѣяна по всей эротической литературѣ, встрѣчаясь между прочимъ и у Овидія и у Лукулса и у Лукіана (*diab. deorum* XI) ²⁶⁾. Поэтому пѣтъ

²³⁾ Слабѣе это влияніе сказалось на 23-мъ письмѣ 1-ой книги (*ἱερταλὸς κοίβητες παρὶ ἀμφόταρα διστοῦς*). Здѣсь уже есть черты опять-таки несвойственныя комедіи.

²⁴⁾ *I. Boissonade*, 397, 463, 606 и *passim*.

²⁵⁾ Еще болѣшнимъ измѣненіямъ подвергъ онъ отрывокъ изъ новеллы объ Агогтін и Кадиппѣ (I, 10), чтобы выкромить два съ половиной триметра (р. 436, № 139); для этого ему пришлось выпустить изъ текста Аристенета цѣлыя фразы, хотя именно здѣсь осторожность была тѣмъ болѣе необходима, что возможно прямое влияніе Каллимаха, см. *K. Ditthey*, *De Cydippa*, 10. *E. Rohde*, *Der griech. Roman*, 150.

²⁶⁾ *Boissonade*, 347. Но менѣе распространены и обычай ссылаться на розу въ доказательство того, какъ непрочно красота (изъ безчисленныхъ примѣровъ отиѣчу только *Ovid. ars am.* II, 116. *Theocr.* XXIII, 28 и *Philostrat. epist.* 34 и 35). Между тѣмъ Кокъ и для подобной сентенціи у Аристенета (II, 1) видитъ единственный источникъ только въ комедіи (САГ. III, 446, № 198).

никакихъ основаній видѣть въ комедіи единственно возможный источникъ этихъ стиховъ, да и вообще мало вѣроятно предположеніе, что Аристенетъ самъ трудился надъ сочиненіемъ этой пѣсенки; вѣрнѣе всего, онъ взялъ ее откуда-нибудь уже въ готовомъ видѣ.

Если бы Аристенетъ на самомъ дѣлѣ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ комедіи, то оно прежде всего сказалось бы на тѣхъ письмахъ, сюжетъ которыхъ особенно напоминаетъ излюбленную ситуацію комедіи. Сюда относится прежде всего 6-ое письмо 1-ой книги (πρωτὴ τῆς πρὸ γάμου φθαρσίτης). Въ комедіи паденіе до брака представляется и самой дѣвушкѣ и ея окружающимъ (мать, нянька) величайшимъ несчастіемъ (см. Terent. Песуга, Adolphoo), отъ котораго спасаетъ только ἀντιφασίσις или другой случай; происходитъ оно помимо воли дѣвушки, такъ что въ сущности приходится говорить о насиліи. Между тѣмъ у Аристенета дѣвушка сама сознательно отдается приглянувшемуся ей юношѣ послѣ продолжительнаго взвѣшанія всѣхъ доводовъ за и противъ. Героини аттической комедіи для такой трезвой разсудительности еще слишкомъ наивны и неиспорчены, точно такъ же какъ и ихъ кормилицы еще не избрѣли средствъ, πῶς ἂν ἢ πρὸ γάμου γυγούσια γυνὴ παρθένος ἔτι δόξῃ τῆς κομψῆς. Такая избрѣтательность устранила бы сразу цѣлый рядъ затрудненій, давшихъ содержаніе весьма многимъ комедіямъ (см. хотя бы Песуга Теренція, Plucium Цецилія и т. д.). Уже одинъ этотъ примѣръ показываетъ, что въ письмахъ Аристенета мы имѣемъ дѣло съ людьми совершенно иного склада, чѣмъ тѣ, которыхъ мы знаемъ изъ комедіи. Выше было отмѣчено все несходство Клейтофона (I, 16) съ героями комедіи; Мейракіофила (I, 18), избѣгая богатыхъ поклонниковъ и отдавая свои ласки только юнымъ красавцамъ, рѣзко нарушаетъ этимъ обычные приемы гетеръ комедіи. Не знаетъ комедія и той платонической любви, которой по обоюдному соглашенію довольствуются Архителъ и Телезиппа (I, 21). Такъ же мало напоминаетъ комедію и эпизоды, разсказанные въ 27-мъ письмѣ первой и 3-мъ второй книги. Ни одинъ отрывокъ комедіи не говоритъ въ пользу предположенія, что ея сюжетомъ была любовь зятя къ тещѣ (II, 8), или же страданія молодой жены, который одинаково любить какъ свою жену, такъ и возлюбленную (II, 11); не изображала она также и любви къ замуженнымъ женщинамъ (II, 17, 22).

Все это пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ виду того, что мотивы, сюжеты и типы комедіи представляли нѣчто строго опредѣленное и разъ навсегда установленное, какъ канонъ, находясь въ стро-

жайшей зависимости отъ моральныхъ воззрѣній и общественныхъ условій той эпохи, когда она сложилась. Въ письмахъ Аристенета отразились нравы и взгляды совсѣмъ другой эпохи, сильно отличавшейся отъ того общества, которое изобразилъ Менандръ и его преемники. Поэтому, за исключеніемъ отмѣченныхъ выше случаевъ, надо признать, что Аристенетъ подражалъ комедіи не какъ художникъ и жанристъ, а только какъ стилистъ и риторъ, да и то только потому, что извѣстные тогда комедіи вошли въ плоть и кровь позднѣйшей риторики, такъ что о непосредственномъ заимствованіи не можетъ быть и рѣчи.

Еще меньше точекъ соприкосновенія съ комедіей обнаруживаютъ письма Филострата. Хотя бытовая обстановка ихъ и не противорѣчитъ такъ, какъ у Аристенета, нравамъ комедіи, но зато въ его сборникѣ нельзя найти и такихъ писемъ, какъ 13-ое второй книги Аристенета, о которомъ была рѣчь выше. Если изъ Филострата все-таки можно приводить параллели для иллюстраціи того или другого мѣста комедіи, то все сближеніе должно ограничиваться одними стилистическими формами. Одинъ только разъ ссылается онъ (ер. 26), какъ на всѣмъ извѣстный примѣръ, на *Περὶ κωμῶν* Менандра въ доказательство того, что *ἐφύβη δὲ ἄρα ἐφείσαστο καὶ τὸ δράμα*. Сравнительно частыя ссылки на обычаи гетеръ комедіи (ер. 6, 39, 41, 45, 68) доказываютъ такъ же мало, какъ и стилистическія совпаденія: недаромъ въ *σοφιστικῆ παρασκευῆ* Фриниха *ἐρωτικῆι τρέκει* занимали такое видное мѣсто ²⁷⁾.

Б. Вариев.

²⁷⁾ E. Rohde, Der griech. Roman, 341.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЮЗА *ut* ВЪ ЛАТИНСКОМЪ ЯЗЫКЪ И ГЕНЕСИСЪ ПРИДАТОЧНАГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ.

Многочисленныя значенія латинскаго союза *ut* и разнообразныя роли его въ синтаксическомъ построеніи рѣчи даютъ особенно удобный случай выяснитъ происхожденіе придаточнаго предложенія вообще и общіе принципы подчиненія его главному предложенію.

Процессъ развитія сложнаго предложенія однороденъ съ процессомъ развитія простаго предложенія. Стремленіе отвлеченное сдѣлать болѣе или менѣе конкретнымъ есть тотъ логическій мотивъ, который ведетъ за собою образованіе второстепенныхъ членовъ предложенія. Слово обыкновенно означаетъ понятіе, а когда къ подлежащему и сказуемому предложенія мы прибавляемъ опредѣленія, дополненія, обстоятельственныя слова, то понятія мы превращаемъ въ представленія, общее превращаемъ въ частное, родовыя понятія въ видовыя и т. д. Распространеніе предложенія происходитъ по извѣстнаго рода логическимъ категоріямъ,—категоріи свойства, мѣста, времени, образа дѣйствія и т. д. Но далеко не всегда въ языкѣ есть слово, которымъ можно было бы прямо обозначить свойство, мѣсто, время и т. д. Не имѣя для этого отдѣльныхъ словъ, мы прибѣгаемъ къ сравненію. Сравненіе есть основной принципъ и подчиненія придаточнаго предложенія главному.

Сравненіе, вообще говоря, играетъ огромную роль въ исторіи образованія и развитія языка. Все, что мы называемъ переноснымъ значеніемъ словъ, обязано своимъ существованіемъ исключительно взаимному сравненію предметовъ, свойствъ и дѣйствій. Все отвлеченное, все, что человѣкъ мыслить, но что не было реальнымъ, получало названіе отъ сравненія съ предметомъ реальнымъ. Миръ идей

несоизмѣримъ съ міромъ словъ. Какой богатый ни возьмемъ языкъ, словъ въ немъ все-таки несравненно меньше, чѣмъ понятій и представлений у народа, имъ пользующагося. Каждый моментъ въ работѣ сознанія не похожъ ни на одинъ изъ предыдущихъ; проявленія сознанія безчисленны, а число словъ въ языкѣ всегда ничтожно въ сравненіи съ числомъ этихъ проявленій. И тутъ опять помогаетъ процессъ сравненія. Если небольшую часть этихъ проявленій мы можемъ точно назвать существующими въ языкѣ словами, то огромное большинство проявленій мы можемъ только описывать при помощи разныхъ сравненій. Все, чего мы не можемъ прямо и точно выразить тѣмъ или инымъ словомъ, мы выражаемъ путемъ сравненія съ другими предметами. Сравненіе лежитъ въ основѣ всей семасіологии языка. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы этими сравненіями пользуемся механически, безсознательно, нисколько не думая о томъ, что наше выраженіе есть сравненіе; и только детальный анализъ корней, сопоставленіе съ другими языками и т. д. обнаруживаетъ намъ, что такое-то слово заключаетъ въ себѣ сравненіе одного предмета съ другимъ. Сравненіе проникаетъ и въ синтаксическій строй языка. Когда и для чего мы употребляемъ придаточныя предложенія? Очевидно тогда, когда не можемъ выразить того, что нужно, простыми членами предложенія.

Придаточныя предложенія создаются путемъ сравненія. Когда мы не можемъ обозначить, напр., время дѣйствія простымъ обстоятельствомъ словомъ, то мы беремъ какое-нибудь другое дѣйствіе и сравниваемъ его съ первымъ по времени. Въмѣсто того, чтобы обозначить, что данное дѣйствіе произошло въ такомъ-то году, въ такой-то день и т. д., мы говоримъ, что оно произошло одновременно, раньше или позже какого-нибудь другого дѣйствія. Придаточное предложеніе времени есть обозначеніе другого, побочнаго дѣйствія, по сравненію съ которымъ мы опредѣляемъ время главнаго дѣйствія. Когда мы почему-либо не можемъ прямо обозначать однимъ словомъ мѣсто дѣйствія, мы беремъ другое дѣйствіе, бывшее въ томъ же мѣстѣ, и изъ сравненія двухъ дѣйствій заключаемъ о мѣстѣ перваго дѣйствія. По тому же принципу строится и всякое другое придаточное предложеніе. При однихъ придаточныхъ, для обозначенія разныхъ обстоятельствъ, сравниваются два дѣйствія по времени, мѣсту, способу, степени, по причинной связи; при другихъ придаточныхъ сравниваются два предмета по качеству. На сравненіи предметовъ по качеству основаны придаточныя-подлежащія, придаточныя-сказуемыя

и часто придаточныя-опредѣлительныя; другія опредѣлительныя основаны на сравненіи дѣйствій. Когда мы говоримъ: „домъ, въ которомъ мы живемъ, стоитъ на берегу рѣки“, мы свойство дома опредѣляемъ путемъ обозначенія другого, побочнаго дѣйствія, которое, какъ и главное дѣйствіе, относится къ тому же предмету: для опредѣленія свойства мы сравниваемъ два дѣйствія по мѣсту („стоитъ“ тамъ, гдѣ „живемъ“,—оба дѣйствія происходятъ въ одномъ мѣстѣ). Менѣе нагляденъ принципъ сравненія въ предложеніяхъ дополнительныхъ. Всякое дополнительное предложеніе устанавливаетъ отношеніе нашего сознанія къ наблюдаемому или воображаемому факту. Это отношеніе опять основано исключительно на сравненіи. Главное предложеніе при дополнительномъ означаетъ дѣятельность сознанія, придаточное обозначаетъ матеріалъ, надъ которымъ происходитъ эта дѣятельность. Соединеніе главнаго съ придаточнымъ констатируетъ совпаденіе впечатлѣнія сознанія съ внѣшнимъ фактомъ, его произведшимъ. Фактъ сравнивается съ впечатлѣніемъ; сравненіе устанавливаетъ совпаденіе содержанія факта съ содержаніемъ впечатлѣнія. Говоря: „я слышу, какъ ты читаешь“, я устанавливаю, путемъ сравненія, полное совпаденіе между моимъ впечатлѣніемъ, между моимъ слуховымъ воспріятіемъ и внѣшнимъ фактомъ, давшимъ впечатлѣніе.

Что сравненіе есть единственный принципъ, по которому составляются придаточныя предложенія, въ этомъ мы убѣждаемся и изъ разбора жореннаго состава всѣхъ мѣстоименій, нарѣчій и союзовъ, служащихъ для соединенія придаточнаго съ главнымъ. Въ русскомъ языкѣ придаточное подчиняется главному при помощи слѣдующихъ словъ: *кто, что* (мѣст. и союзъ), *какой, каковъ, который, чей, идѣ, куда, откуда, отколь, доколь, коль, когда, пока, какъ, сколько, чѣмъ, почему, зачѣмъ, нежели, чтобы, будто, ли, если, хотя, пусть*. Остановимся прежде всего на словахъ: *пусть, будто, хотя*. Слова эти сохраняютъ формальную функцію глагола,—все это формы повелительнаго наклоненія (*будто*-будь то). Формы эти наглядно обозначаютъ тотъ логическій процессъ, который ведетъ къ образованію придаточныхъ предложеній. Не имѣя въ запасѣ для обозначенія какого-нибудь представленія, мы прежде всего испытываемъ нѣкотораго рода затрудненіе выразить свою мысль, и это затрудненіе разрѣшается тѣмъ, что мы изъ массы предметовъ, свойствъ или дѣйствій дѣлаемъ выборъ одного, основываясь на сравненіи и уподобленіи выбираемаго нами предмета, свойства или дѣйствія нашему наличному проявленію сознанія. Вся эта умственная работа точно обозначается формами: *пусть,*

будь, хоть. Положимъ, мы говоримъ о чрезвычайной быстроты какого-либо движения; затрудняясь выразить наглядно степень быстроты однимъ какимъ-нибудь нарѣчіемъ, мы изъ массы предметовъ дѣлаемъ выборъ такого, который движется съ тою именно быстротою, какую мы представляемъ себѣ въ настоящій моментъ въ сознаниі. Мы какъ бы разсуждаемъ сами съ собою: какой бы намъ предметъ взять для сравненія? Ну *будь то хоть стрѣла...* Я получилъ извѣстіе о твоёмъ братѣ; затрудняясь на нѣкоторое время въ способѣ формулировать проявленіе своего сознания, я выбираю дѣйствіе, которое, по моему мнѣнію, очень сходно съ впечатлѣніемъ, воспринятымъ въ моемъ сознаниі, и вотъ это-то сходство, основанное на сравненіи, я выражаю фразою: „я смѣшалъ, будто пріѣхалъ твой братъ“. На такой же выборъ указываетъ раздѣлительный союзъ *mi*, происходящій отъ того же глагольного корня, какъ и слова: *или* (= и + ли), *либо*, *любой*, *libet* (*quilibet*, *quolibet* и др.); *нежели* и *если* заключаетъ въ себѣ тотъ же раздѣлительный союзъ (не + же + ли, есть + ли).

Обращаясь къ остальнымъ способамъ соединенія придаточнаго предложенія съ главнымъ, мы прежде всего поражаемся той невообразимой путаницей въ терминологіи и распредѣленіи словъ по частямъ рѣчи, которую находимъ въ грамматикахъ. Однѣ грамматикѣ, напримѣръ, выраженіе *послѣ того какъ* считаютъ нарѣчіемъ, другія союзомъ, третьи видятъ здѣсь мѣстоименіе и союзъ, четвертыя мѣстоименіе и нарѣчіе и т. д. Стремленіе установить для каждаго вида придаточныхъ предложеній спеціальныя способы соединенія повело къ тому, что соединеніе предлога, мѣстоименія и нарѣчія, три совершенно различныя части рѣчи, стали называть „союзомъ“! Но если изъ случайнаго, даваемого грамматикими перечня выраженій, соединяющихъ придаточное съ главнымъ, мы отбросимъ всѣ добавочныя элементы, которые должны быть отнесены къ главному предложенію (*межь тѣмъ*, *съ тѣмъ поръ*, *послѣ того* и т. д.) и всѣ нарѣчія, только такъ или иначе ограничивающія основной элементъ (*скоро*, *только*, *вдрузь* и др.), и если не будемъ считать особо различныхъ падежей одного и того же слова и предложныхъ сочетаній, то мы получаемъ лишь слѣдующіе способы соединенія придаточнаго съ главнымъ: *какой* (каковъ), *который*, *кто*, *что*, *чей*, *какъ*, *когда*, *пока*, *коль*, *идъ*, *куда*. Такъ какъ *ч* есть видоизмѣненіе звука *к*, а *идъ* = церк.-слав. *кѣде*, то выходитъ, что придаточное можетъ соединиться съ главнымъ однимъ только способомъ, именно съ помощью корня *к*, отъ котораго произошли всѣ только что перечисленныя мѣстоименія и нарѣчія.

Далѣе мы видимъ, что всѣ эти мѣстоименія и нарѣчія суть вопросительныя, — если не считать *пока*, утратившаго въ современномъ языкѣ вопросительный смыслъ (*коль* — устарѣлое слово, но *сколь*, *доколь* — вопросительныя нарѣчія). Грамматикѣ всѣ эти слова называютъ въ данномъ случаѣ относительными; но этотъ терминъ, не указывая значенія словъ, отмѣчаетъ только ихъ синтаксическую роль, именно то, что они служатъ (для „отнесенія“) придаточнаго къ главному; и во всякомъ случаѣ относительное значеніе развилось изъ основнаго, вопросительнаго. Мы спрашиваемъ о томъ, чего не знаемъ, и при томъ для того, чтобы получить отвѣтъ. Нашъ вопросъ показываетъ, что мы не въ состояніи назвать извѣстный предметъ, извѣстное свойство или дѣйствіе, и мы спрашиваемъ это названіе у другого. Отвѣчающій даетъ требуемое названіе. Тотъ же процессъ совершается и въ томъ случаѣ, если собесѣдника нѣтъ, если говорящій самъ для себя выражаетъ свою мысль. Не имѣя названія для извѣстнаго предмета, свойства или дѣйствія, затрудняясь назвать его, говорящій ставитъ вопросъ объ этомъ предметѣ, свойствѣ или дѣйствіи и вопросъ этотъ приставляетъ, прибавляетъ къ главному предложенію. Это и есть единственный способъ происхожденія всякаго придаточнаго предложенія. вмѣсто недостающаго намъ названія для обозначенія предмета, мѣста, времени, причины и т. д., мы ставимъ вопросъ о другомъ предметѣ, о другомъ дѣйствіи, сходномъ съ первымъ по мѣсту, времени и т. д., и этотъ вопросъ прибавляемъ къ главному предложенію. Такимъ образомъ всякое придаточное создается путемъ сравненія, а выражается въ видѣ вопроса.

Если всякое придаточное развилось изъ вопроса, не обращеннаго или обращеннаго къ другому лицу, если всякое придаточное связывается съ главнымъ при помощи одного и того же корня *к*, знаменующаго вопросъ, если всякое придаточное выражаетъ лишь сравненіе одного предмета, свойства или дѣйствія съ другимъ, выраженнымъ при помощи главнаго предложенія, то, очевидно, распредѣленіе придаточныхъ предложений по логическимъ категоріямъ подлежащаго, сказуемаго, опредѣленія и т. д. не можетъ основываться на способахъ соединенія придаточнаго съ главнымъ. Всѣ способы выражаютъ сравненіе, — и больше ничего. Чѣмъ нагляднѣе извѣстный способъ выражаетъ сравненіе, тѣмъ онъ чаще употребляется. Самымъ нагляднымъ и общимъ по значенію способомъ является нарѣчіе *какъ*. Съ этого нарѣчія могутъ начинаться предложенія дополнительныя, опредѣлительныя, предложенія обстоятельства времени, образа дѣйствія,

причины, цѣли, условныя, уступительныя. Само нарѣчіе выражаетъ лишь сравненіе,—принципъ, на которомъ основано образованіе всякихъ придаточныхъ предложений, и только добавочныя нарѣчія (*только, скоро, вдругъ*), мѣстоименія (*межь тѣмъ, послѣ того*), имена (*съ тѣхъ поръ, въ то время* и т. д.) даютъ предложенію видовой отгѣнокъ, дающій основаніе сопоставлять его съ тою или иною синтаксическою категорією. „Какъ“ выражаетъ сравненіе, а присоединеніе сюда, напр., словъ *послѣ того* показываетъ, что это сравненіе сдѣлано съ точки зрѣнія времени, и т. д. Иногда видовое отлічіе основано даже на томъ или иномъ способѣ произвошенія слова, на удареніи (ср. фразы: „я сдѣлаю это такъ, какъ ты велѣлъ“; „я сдѣлаю это, такъ какъ ты велѣлъ“. Изъ другихъ способовъ соединенія наиболѣе обычный—это слово *что*, служащее для подчиненія предложений—подлежащихъ, сказуемыхъ, опредѣлительныхъ, дополнительныхъ, предложений обстоятельства времени, образа дѣйствія, причины и цѣли. Само по себѣ слово *что* является такимъ же общимъ способомъ для выраженія сравненія, какъ и нарѣчіе *какъ*, и всѣ видовые отгѣнки получаютъ лишь при помощи другихъ, добавочныхъ мѣстоименій и нарѣчій. Съ развитіемъ языка область примѣненія придаточныхъ предложений все болѣе и болѣе расширяется; является рѣчь періодическая, въ которой придаточныя предложения составляются искусственнымъ образомъ, безъ всякой иной цѣли, кромѣ требованій плавности и округленности періода; вмѣсто того, чтобы излагать мысли поодиночкѣ, одну за другою, говорящій искусственно соединяетъ ихъ различнаго рода связью, выискиваетъ различныя соотношенія между мыслями; подчиненіе предложений дѣлается въ этомъ случаѣ лишь стилистическимъ приѣмомъ.

Все сказанное нами о происхожденіи и подчиненіи придаточнаго предложения можно одинаково примѣнить и къ латинскому языку. Придаточныя предложения здѣсь начинаются словами: *quis, qui* (*quin, quo, qua, quod, quoad, quousque* и т. д.), *qualis, quantus, quot* (*quotus, quoties*); *quia, cum, quoniam, quam* (*antequam, postquam, priusquam, quamdiu, quamvis, quamquam, tanquam, quasi, quando*); *uter; ubi, unde, ut; cur; si; dum, donec; simulac; modo; tum; ne*. Остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ соединительныхъ словахъ, стоящихъ особнякомъ. Предложения, начинающіяся словомъ *modo*, подчиняются, собственно говоря, безъ помощи соединительнаго союза; *modo* употребляется какъ русское *лишь только* (ср.: „лишь звѣзды блеснуть въ небесахъ, корабль одинокій несется“). *Simulac* состоитъ изъ основнаго *ac*, означающаго сравненіе (*ac* = какъ), и добавочнаго *simul*.

(*simulac* = вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ). *Donec* произошло изъ *do—ni—cum*, гдѣ *do* образовалось изъ *dio*, творительнаго падежа отъ *dies* („день“, „время“), *ni* есть мѣстный падежъ мѣстоименной темы *na* или *no* и, наконецъ, *c* = *cum* — *когда*, такъ что *donec* значитъ собственно: „въ то время, въ тотъ день, когда“; основнымъ элементомъ является *cum—когда*. *Dum* есть винительный падежъ устарѣвшаго слова *dies*, давашаго цѣлый рядъ нарѣчій, заключающихъ въ себѣ понятие о днѣ или времени (*dū, pridem, tandem, quondam, dudum, nondum, nōdum, vixdum, interdū, interdum, perdiū, jam* = *djam* = *diem* и др.). Если сравнить, значитъ, *dum* съ выраженіемъ, напр.: *въ то время, какъ*, то *dum* соотвѣтствуетъ только добавочному элементу „въ то время“ и не заключаетъ въ себѣ сравнительнаго союза (*какъ*). Различныя значенія частицы *ne* развились изъ ея основного отрицательнаго значенія, такъ что мы и здѣсь опять имѣемъ въ сущности бессоюзное сочетаніе. *Nim* одни производятъ изъ *ne—ut*, другіе отъ мѣстоименнаго корня *na* или *no*; слово это во всякомъ случаѣ совершенно аналогично вопросительной частицѣ *ne*. *Si*, съ параллельной древней формой *sei*, производятъ отъ мѣстоименнаго корня *so*, давашаго въ греческомъ языкѣ мѣстоименіе *ὁ*. *Cur* имѣетъ при себѣ параллельную древнюю форму *quor* (Ter. Andr. 103, 886) и = *qua* ge. Слова *uter, unde, ubi, ut* произошли отъ одного корня, который сохранился во многихъ сложныхъ нарѣчійхъ: *ali—cubi, ali—cunde, ne—cubi, ne—cunde, si—cubi, si—cunde, nun—cubi* (=ли гдѣ, Ter. Eun. 162) ¹⁾. Рядомъ съ *ut* существуетъ полная форма *uti*: въ корню, общему съ словами *ubi* и *unde*, здѣсь приставленъ мѣстный падежъ мѣстоименнаго корня *to*. *Uter* аналогично греческому *κόταρος*, *ἰόν. χόταρος*, и въ древности писалось иногда съ помощью звука *c* (*cuter*). Вмѣсто обычнаго *neuter* въ надписяхъ встрѣчается *necuter*, образованное, подобно нарѣчіймъ *pecubi, necunde*, изъ *ne* и *cuter* (Marini, Inscr. Alb. 139: *In pecutro mihi consto repetens pristinos casus meos*). Итакъ всѣ соединительныя слова, начинающіяся звукомъ *u*, произошли, очевидно, отъ корня *si*. Перебирая всѣ остальные способы соединенія придаточнаго съ главнымъ, не разсмотрѣнные еще нами, мы видимъ, что вездѣ въ началѣ стоитъ звуковое сочетаніе *qu*. Но *s* и *q*—это только различные приемы написанія одного и того же звука. Въ надписяхъ, древнѣйшемъ и новѣйшемъ языкѣ вмѣсто *s* мы часто находимъ *q* (*persequitio, quim* и

¹⁾ Въ древнихъ памятникахъ встрѣчаемъ даже форму *cibe* вмѣсто *ubi*. Подробно о электропроводности говорятъ И. В. Петушиль, *Филол. Обзор.* I, 100; II, 29; III, 149.

т. д.); *e* и *qu* одинаково соотвѣтствуютъ санскритскому *k*; даже въ латинскихъ словахъ, происходящихъ отъ одного корня, пишется то *e*, то *qu* (*coquo*, *socus*, *inquillus*, *incola* и т. д.).

Такимъ образомъ, обзоръ всѣхъ способовъ соединенія придаточнаго съ главнымъ приводитъ насъ къ выводу, что и въ латинскомъ языкѣ придаточное соединяется съ главнымъ по тому же принципу и съ помощью того же мѣстоименнаго корня, какъ въ русскомъ языкѣ. Латинское придаточное есть тоже описательная замѣна съ помощью вопросительнаго предложенія такого названія предмета, свойства или дѣйствія, для котораго въ распоряженіи говорящаго лица не оказалось подходящаго слова. Роль соединительныхъ словъ въ латинскомъ языкѣ вполне аналогична роли подобныхъ словъ въ русскомъ языкѣ. Одни и тѣ же способы соединенія пригодны для различныхъ видовъ придаточнаго. *Qui*, напр., вовсе не показываетъ, что предложеніе, начинающееся съ этого мѣстоименія, есть непременно опредѣлительное, т.-е. означающее свойство предмета: съ *qui* одинаково можетъ начинаться и причинное предложеніе, и предложеніе цѣли, и дополнительное, и предложеніе, означающее степень дѣйствія или свойства (*qui* послѣ *dignus*). Самыми обычными способами соединенія и здѣсь, какъ и въ русскомъ языкѣ, являются нарѣчія, указывающія вообще на сравненіе: это—*quam* и *ut*. Эти нарѣчія имѣютъ больше всего разновидностей въ значеніи и употребленіи, обусловленныхъ разными добавочными элементами. Къ такимъ же сравнительнымъ нарѣчіямъ общаго характера принадлежатъ и называемое обыкновенно союзомъ *sicut* (*quom*). Видовыя отлечія придаточнаго всецѣло зависятъ, какъ и въ русскомъ языкѣ, отъ добавочныхъ элементовъ, которыми дополняется нарѣчіе, выражающее сравненіе вообще. Такъ добавочный элементъ *primum* („разъ“) придаетъ сравнительному предложенію смыслъ предложенія времени. Усиливая сравнительное нарѣчіе *quam* нарѣчіями времени (*ante*, *post*, *prius*, *diu*), мы получаемъ специализованное сравнительное предложеніе, именно предложеніе времени; усиливая то же нарѣчіе словами *tam* и *si*, мы получаемъ специально-сравнительное и сравнительно-условное предложеніе; удваивая *quam* или прибавляя къ нему глагольную форму, аналогичную русскимъ соединительнымъ выраженіямъ: „хоть“, „пусть“, „будь“, именно *vis*, мы получаемъ сравнительно-уступительное предложеніе.

Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ о происхожденіи придаточнаго предложенія и о типичномъ способѣ соединенія придаточнаго съ главнымъ, остановимся теперь подробнѣе на синтаксиче-

ской роли слова *ut* и прослѣдимъ на этомъ словѣ всѣ способы спеціализаціи основнаго, сравнительнаго значенія его. Принявши роль связующаго звена между предложеніями, *ut* стало союзомъ. Разборъ значеній союза *ut* начнемъ съ тѣхъ случаевъ, гдѣ *ut* наиболѣе сохранило свои основныя черты, т.-е., гдѣ оно означаетъ сравненіе по преимуществу.

Наименѣе спеціальныи случай—это употребленіе *ut* въ такъ называемыхъ *вводныхъ* предложеніяхъ. Въ стройной системѣ русскаго или латинскаго синтаксиса вводныя предложенія служатъ большою помѣхою. Установивши два вида сочетанія—сочиненіе и подчиненіе, грамматики не знаютъ, куда помѣстить предложенія вводныя, такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ ни сочиненія ни подчиненія. По синтаксической роли этихъ предложеній легко выясняется изъ указаннаго нами общаго принципа, на которомъ основано подчиненіе придаточнаго предложенія главному. Вводныя предложенія устанавливаются путемъ сравненія сходство между нашимъ впечатлѣніемъ и фактомъ, вызвавшимъ впечатлѣніе. Глаголъ вводнаго предложенія обыкновенно означаетъ дѣятельность сознанія или виѣшнее ея проявленіе, путемъ рѣчи или инымъ способомъ; а основное предложеніе, т.-е. то, въ которое вставлено вводное, означаетъ виѣшний фактъ, давшій воспріятіе. Соединеніемъ двухъ предложеній констатируется совпаденіе впечатлѣнія сознанія съ виѣшнимъ фактомъ. Дополнительные предложенія образуются по тому же принципу, но тутъ есть и разница. Въ томъ и другомъ случаѣ впечатлѣніе сравнивается съ виѣшнимъ фактомъ, но исходныя точки тутъ и тамъ неодинаковы; начать сравненіе можно съ одного конца и съ другого, можно сравнивать впечатлѣніе съ фактомъ и фактъ съ впечатлѣніемъ. Такъ какъ впечатлѣніе ближе факта къ говорящему лицу, то обыкновенно сравненіе начинается съ впечатлѣнія, и тогда получаютъ дополнительные придаточныя предложенія. Но иногда виѣшняя связь фактовъ настолько сильна, что говорящій начинаетъ сравненіе съ факта: тогда впечатлѣніе будетъ вещью, съ которою сравниваютъ; въ этомъ случаѣ получается то, что грамматики называютъ вводнымъ предложеніемъ. Если предложеніе: „я слышу“, констатируетъ мое слуховое впечатлѣніе, а предложеніе: „ты читаешь“, указываетъ на фактъ, произведшій впечатлѣніе, то сравненіе между фактомъ и впечатлѣніемъ могло идти двоякимъ путемъ. Если передъ этимъ я говорилъ о себѣ, если въ рѣчи на первомъ планѣ стоитъ моя личность, то я начинаю сравненіе съ своего впечатлѣнія, а твое чтеніе будетъ для меня предметомъ, съ которымъ

я сравниваю; въ этомъ случаѣ я говорю: „я слышу, какъ ты читаешь“. Но если передъ этимъ шла рѣчь о тебѣ, то свое сравненіе я начинаю съ твоего дѣйствія, съ внѣшняго факта, а свое впечатлѣніе подвожу подъ внѣшній фактъ, давшій это впечатлѣніе; въ этомъ случаѣ я говорю: „ты, я слышу, читаешь“, или: „ты, какъ я слышу, читаешь“. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ вводнымъ предложеніемъ. Такимъ образомъ, вводное предложеніе есть такое придаточное, при которомъ сравненіе начинается не съ самаго впечатлѣнія, а съ внѣшняго факта, даващаго впечатлѣніе. По ученію латинскихъ грамматикъ, употребленіе *ut* во вводныхъ предложеніяхъ обуславливается постановкою *verba sentiendi* и *declarandi*;—подъ этимъ терминомъ мы и должны разумѣть глаголы, означающіе дѣятельность нашего сознанія (или словесное ея проявленіе), отъ которыхъ, при иной исходной точкѣ сравненія, зависятъ предложенія дополнительныя (въ латинскомъ языкѣ—косвенные вопросы и оборотъ *accusativus cum infinitivo*).

III. Переводъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданіе А. Ф. ДЕВРИЕНА въ С.-Петербургѣ,
Васильевскій Остр., Румян. площ., соб. домъ.

РОССІЯ.

ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА.

Настольная и дорожная книга для русскиѣхъ людей.

Подъ общимъ руководствомъ Н. Н. Семенова, вице-президента И. Р. Географ. Общ., и акад. В. И. Ламанскаго, преде. Отд. Этногр. И. Р. Геогр. Общ. Подъ редакцію В. П. Семенова. Съ многочисленными политипажамы, діаграммами, картограммами и картами.

Только что вышелъ изъ печати:

Томъ IX-й. **Верхнее Поднѣпровье и Вѣлоруссія.** (Описаніе губерній: Смоленской, Могилевской, Витебской и Минской). Со 104 политипажамы, 33 діаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 10 малыми картами. Составили: *В. И. Семеновъ*,—*М. В. Довнаръ-Запольскій*,—*Д. З. Шендрикъ*,—*А. К. Кабиновъ*,—*А. И. Сапуновъ*. Цѣна 3 р. 75 к., въ мягкой панкѣ 4 р., въ коленкор. перепл. 4 р. 25 к.

Прежде вышли:

Томъ I-й. **Московская промышленная область и Верхнее Поволжье.** (Описаніе губерній: Московской, Калужской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Костромской и Нижегородской). Цѣна 1 р. 75 коп., въ панкѣ 2 руб., въ коленкор. перепл. 2 руб. 25 коп.

Томъ II-й. **Среднерусская черноземная область.** (Описаніе губерній: Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Орловской, Курской и Воронежской). Цѣна 3 руб. 25 коп., въ мягкой панкѣ 3 руб. 50 коп., въ переплетѣ 3 руб. 75 коп.

Томъ III-й. **Озерная область.** (Описаніе губерній: С.-Петербургской, Исковской, Повгородской и Олопецкой). Цѣна 1 руб. 90 коп., въ мягкой папкѣ 2 руб. 15 коп., въ переплетѣ 2 руб. 40 коп.

Томъ VI-й. **Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье.** (Описаніе губерній: Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской). Цѣна 2 руб. 50 коп., въ мягкой папкѣ 2 руб. 75 коп., въ переплетѣ 3 руб.

Томъ VII-й. **Малороссія.** (Описаніе губерній: Харьковской, Черниговской и Полтавской). Цѣна 2 руб. 50 коп., въ мягкой папкѣ 2 руб. 75 коп., въ переплетѣ 3 руб.

Томъ XVIII-й. **Киргизскій край.** (Описаніе областей: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской). Цѣна 2 руб. 50 коп., въ мягкой папкѣ 2 руб. 75 коп., въ переплетѣ 3 руб.

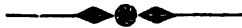
Въ настоящее время находятся въ печати:

Томъ XIV-й. **Новороссія.** (Губ. Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, обл. Войска Донского и Ставропольская губ.).

Томъ XVI-й. **Западная Сибирь.** (Губ. Тобольская и Томская).

Каждый томъ продается отдѣльно, за исключеніемъ тома I-го, первое изданіе котораго въ настоящее время почти распродано. Подписка на все изданіе не принимается, по лица, желающія получать каждый новый томъ по выходѣ такового по почтѣ съ наложеннымъ платежемъ, благоволятъ объ этомъ извѣстить издателя.

Изданіе это рекомендовано Учен. Комит. Минист. Нар. Просв. для фундамент. и ученич., старш. возр., библиотекъ средн. учебн. завед. и для раздачи воспит. сихъ завед. въ награду, а также и для библиотекъ учит. институт. и семинар. и для ученич. библиотекъ низшихъ училищ. и сверхъ того допущено въ бесплатныя читальни.—Рекомендовано Учен. Комит. Минист. Землед. и Госуд. Имуществовъ для библиотекъ подвѣд. Министерству учебн. завед.—Учен. Комит. Минист. Финансовъ рекомендовано, какъ пособіе для преподавателей географіи и для учениковъ старш. классовъ коммерч. учебн. завед. вѣдомства Минист. Финансовъ, а равно и для награжденія наиболѣе усильвающихъ по географіи учениковъ.—Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендовано для фундамент. и ротныхъ библиотекъ военныхъ и юнкерскихъ училищъ и для фундамент. библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Продолжается подписка на 1905 годъ

(16-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе іюль—августовской книжки, имѣющей выйти 1-го сентября, слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Ассоціаціи школьной взаимопомощи во Франціи. *А. Д—ся*; 3) Педагогическіе журналы у славянъ. (Окончаніе) *А. И. Яцимирскаго*; 4) Педагогическіе взгляды *В. Д. Синовскаго. И. Лесотъевой*; 5) Одна изъ многихъ. *К. А. Пуляковой*; 6) Гигіена воспитанія и образованія. (Продолженіе) Проф. *Пр. Скорцова*; 7) О минутахъ отдыха между часами школьныхъ занятій. *В. Селепкина*; 8) Очерки по психологій дѣтства. *А. П. Печеева*; 9) Принципы умственного развитія и примѣненіе ихъ въ средней школѣ. *С. Троменицкаго*; 10) Къ сексуальному вопросу въ педагогій. *К. Житомирскаго*; 11) *Vivat universitas.* Проф. *О. Ф. Зьлинскаго*. 12) Къ дефектамъ средней школы. *Seneca*; 13) Коммерческое образованіе въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія. *А. Сажуровъ*; 14) Вопросъ о просвѣщеніи татаръ. *А. А—ва*; 15) Пѣсколько словъ объ ученическихъ библиотекахъ въ городскихъ училищахъ. *О. Рунникова*; 16) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1904 г. (Продолженіе). *И. П. Вьлконскаго*; 17) Учебникъ законовѣднія. *И. П. Дружинина*; 18) Буквенный методъ обученія грамотѣ въ новѣйшей обработкѣ. *Кл. Ив. Тышомирова*; 19) По поводу методическаго руководства *В. П. Вахтєрова. И. Руннина*; 20) Учебная копторка. *Китермана*; 21) Критика и библиографія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатаются: Хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ *В. Р.*, Хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ *Я. В. Абрамова*, Хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой*, Хроника профессиональнаго образованія *В. В. Вирюковича* и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, по менѣе пятинадцати печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкою—7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—восемь рублей; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналы за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающія по менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ копторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальную библиотеку среднихъ учебныхъ заведеній Министертва, и также въ учительскія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. П. Пр. за апрѣль 1902 г.).

Редакторъ-издатель *И. Г. Гуревичъ*.

Въ кассѣ Сенатской типографіи продаются:

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

объ учрежденіи Государственной Думы, съ приложеніемъ:
Учрежденія Государственной Думы и Положенія о выборахъ
въ Государственную Думу.

Цѣна 30 коп.

„РАЗСКАЗЫ“

ВЛАДИМИРА ПРЖЕВАЛИНСКАГО.

Ц. 50 к., съ перес. 65 к. (можно высылать почт. марками.—Налож.
платежъ на 10 к. дороже).

ВЕСЬ ЧИСТЫЙ ДОХОДЪ ОТЪ ИЗДАНІЯ ПОСТУПАЕТЪ ПОРОВНУ

НА УСИЛЕНІЕ БОЕВОГО ФЛОТА

и на постройку дачи для большихъ и переутомившихся тружениковъ
Сенатской типографіи.

Н. В. МУРАВЬЕВЪ.

Последніи рѣч. 1900—1902 г.г. Сиб. 1903 г.

Цѣна 1 руб.

Складъ въ Сенатской типографіи.

ЗАКОНЪ

О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ УВѢЧНЫХЪ РАБОЧИХЪ.

Цѣна 20 коп.

О преобразованіи С.-Петербургскаго городского общественнаго управленія,
объ отиѣнѣ взыскапія съ паспортныхъ документовъ сборовъ въ доходъ
г.С.-Петербурга подъ наименованіемъ адреснаго и прописочнаго и о порядкѣ
ревизіи денежныхъ отчетовъ С.-Петербургскаго общественнаго управленія.

Цѣна 20 коп.

ОПИСАНІЕ И ПРАВИЛА

ПОШЕНІЯ ФОРМЕННОЙ ОДЕЖДЫ ДЛЯ ЧИНОВЪ ВЪДѢДСТВЪ:

1. МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ. ЦѢНА 25 КОП.
2. ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ. ЦѢНА 20 КОП.
3. ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА.
ЦѢНА 20 КОП.
4. ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ. ЦѢНА 20 КОП.
5. МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ. ЦѢНА 20 КОП.
6. МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ. ЦѢНА 20 КОП.
7. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ. ЦѢНА 20 КОП.
8. МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. ЦѢНА 20 КОП.
9. МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ
ИМУЩЕСТВЪ. ЦѢНА 20 КОП.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

22 МАРТА 1903 ГОДА

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ.

ЦѢНА 50 КОП.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

13 ЯНВАРЯ 1903 ГОДА

ОБЩИЙ ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФЪ

ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛѢ.

ЦѢНА 50 КОП.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

10 ІЮНЯ 1900 ГОДА

УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ

СЪ ОТНОСЯЩИМИСЯ КЪ ОНОМУ РАСПОРЯЖЕНІЯМИ МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Изданіе второе, дополненное. ЦѢНА 35 КОП.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ

бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него, составленный на основаніи ст. 10 Высочайше утвержденнаго 10 іюня 1900 г. Устава о гербовомъ сборѢ.

ЦѢНА 50 КОП., ВЪ ПЕРЕПЛЕТѢ 65 КОП.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

27 МАЯ 1902 ГОДА

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ.

ЦѢНА 50 КОП.

П Р А В И Л А

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ ПОЛОЖЕНІЯ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХЪ ДѢТЕЙ.

Цѣна 25 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныя правила, а также распоряженія Министра Финансовъ о пріемѣ товаровъ въ вѣдѣніе таможенныхъ учреждений, досмотрѣ, оплатѣ пошлиною и выпускѣ.

Цѣна 50 коп.

I. Именной Высочайшій указъ объ отмініи ссылки на житье и ограниченіи ссылки на поселеніе по суду и по приговорахъ общественнымъ—**II.** Высочайшимъ утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отмініи ссылки и утвержденіи временныхъ правилъ о замѣніи ссылки на поселеніе и житье другимъ наказаніями.

Цѣна 15 коп.

Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній относительно общихъ собраній и ревизіонной части акціонерныхъ компаній, а равно состава правленій оныхъ.

Цѣна 20 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О РИЖСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Цѣна 20 коп.

ОБЪ ОТВОДѢ ЧАСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ КАЗЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ СИБИРИ.

Цѣна 20 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О ПЕНСИОННОЙ КАССѢ

СЛУЖАЩИХЪ НА КАЗЕННЫХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

Цѣна 20 коп.

Объ утвержденіи инструкціи присутствіямъ по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ, чинамъ фабричнаго и горнаго надзора, а также учрежденіямъ и лицамъ, ихъ замѣняющимъ,—по примѣненію правилъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ и служащихъ, а равно членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности.

Цѣна 20 коп.

ПРАВИЛА О ПРИВОЗѢ ИНОСТРАННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

Цѣна 25 коп.

Н А С Т А В Л Е Н І Е

о порядкѣ освѣдѣтельствствованія, распредѣленія, регистраціи и препровожденія ссыльныхъ.

Цѣна 20 коп.

Сенатскій Архивъ Т. XI.

1) Протоколы Правительствующаго Сената 1759 г., 2) Указы и повелѣнія Императрицы Екатерины II, 3) Протоколы Правительствующаго Сената 1760 г. и 4) Указатель.
Цѣна 3 руб.

УРОЧНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ
ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ.
(Высочайше утверждено 17-го Апрѣля 1869 года).
Въ переплетѣ цѣна 1 руб. 50 коп.

Цѣны обозначены съ пересылкою.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ
РѢШЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
ПО ВОПРОСАМЪ ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ АДМИНИСТРАТИВНАГО ВѢДОМСТВА ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ ДОЛЖНОСТИ.
(1868—1896 г.).

Составили: Членъ Консультаци, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, исп. обяз. товарища Оверъ-Провурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената *В. Н. Тимофеевскій* и бывшій Оверъ-Секретарь того-же Департамента *С. П. Кузнецовъ*.

Печатанъ съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи.

Цѣна 4 руб., съ пересылкою—4 руб. 50 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,
РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ ОБЩАГО СОБРАНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ I И II ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
съ 1866 по 1 Января 1900 г.

Составилъ Оверъ-Секретарь Общаго Собранія Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената *В. П. Быстровъ*.

Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Объ требованіяхъ проситъ обращаться въ г. С.-Петербургъ, въ Сенатскую типографію.

Сенатская типографія не высылаетъ изданій съ наложеннымъ платежомъ, а лишь по полученіи ею наличныхъ денегъ или квитанціи Казначейства о вносѣ тако-выхъ въ § 12 специальныхъ средствъ Министерства Юстиціи.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Б. Т. Э. Паркеръ. Китай, его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней	77
И. И. Веллерминовъ. А. Соколовъ. Краткій учебникъ географіи	79
Ав. Ф. Соколовъ. Гусевъ, А. Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка	82
О. Д. Хвольсонъ. Лоренцъ. Видимыя и невидимыя движенія	89
— Общедоступныя бесѣды Джона Тиндала	—
В. В. Ошповскій. Луиза М. Олькоттъ. Старосвѣтская дѣвушка	90
— Сказки Кота Мурлыки	91
— Луиза М. Олькоттъ. Джекъ и Джилль	—
— Н. Г. Яблоновскій. „Въ Листопадъ“	92
— Л. Нелидова. „Радость“	93
— Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Рождественскіе огни	—
— Вьрнстерна-Вьрнсонъ. Зиновія Салбаккенъ	—
И. А. Ивановскій. И. П. Купчиновъ. Крестьянское самоуправленіе	94
В. В. Ошповскій. Уткинскій сборникъ	95
А. А. Ларондъ. А. Pouchery. Anthologie des poètes et des prosateurs français	96
А. Г. Барановъ. По поводу отзыва г. Радонежскаго о нѣкоторыхъ книгахъ для начальныхъ училищъ	104

ОБВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	1
--------------------------------------	---

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. В. Нетушилъ. Вопросы древняго Латія (продолженіе)	397
В. В. Варнеке. Письма Аристенета	409
И. Д. Первовъ. Синтаксическая роль союза ut въ латинскомъ языкѣ и генезисъ придаточнаго предложенія	422

ОБЪЯВЛЕНІЯ	1—3
----------------------	-----

Редакторъ Э. Л. Радловъ.

(Вышла 1-го сентября).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогійи и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу — 16 р. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902, 1903 и 1904 годы.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ на 1904 г. съ доставкою 2 р. 50 к. Съ 1905 г. годовая цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ ССCLXI.

1905.
ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

FEB 27 1906

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXI.

1905.

^{вст}
ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Имперные Высочайшіе указы	67
II. Высочайшія повелѣнія	69
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	84
IV. Правительствое сообщеніе	94
V. Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета мп. нар. пр.	96
VI. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета по начальному образованію	99
Открытіе училищъ	109
К. Я. Гротъ. Къ лицейскимъ стихотвореніямъ А. О. Пушкина	227
II. М. Головачевъ. Желательный типъ сборниковъ матеріаловъ для исторіи сибирскихъ городовъ XVII вѣка	249
Е. В. Пѣтуховъ. Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ въ послѣдній періодъ своего существованія (1865 — 1902). I—II.	264
М. И. Каринскій. Разногласіе въ школахъ новаго эмпиризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ (<i>продолженіе</i>)	318
В. И. Черетцъ. Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи	345

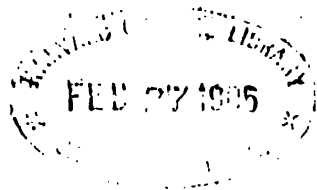
КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

В. И. Бузескулъ. Проф. Р. Винперъ. Лекціи по исторіи Греціи. Часть I. М. 1905	406
Э. Л. Радловъ. Сихорскій, И. А., проф. Всеобщая психологія съ фзіогномикой въ иллюстрированномъ изложеніи. Кіевъ. 1905	436
Д. К. Петровъ. Л. Шепелевичъ. Историко-литературные этюды. С.-Пб. 1905	439
К. Ф. Радченко. Статьи по славяновѣднію. Вып. I. С.-Пб. 1904	443
Е. И. Трифилевъ. Отвѣтъ г. Павлову-Сильванскому	453
— Книжныя новости	470

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

А. И. Анастасіевъ. Народныя учительницы	113
С. Г. Сироткинъ. Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи (<i>окончаніе</i>)	136
° ° О временномъ прекращеніи занятій въ Томскомъ учительскомъ институтѣ	199

См. 3-ю стр. обложки.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ,

данныя Правительствующему Сенату.

Въ неустанныхъ заботахъ Нашихъ о преуспѣяніи высшихъ учебныхъ заведеній и водворенія въ нихъ правильнаго теченія академической жизни признали Мы за благо, впредь до введенія въ законодательномъ порядкѣ новыхъ уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, издать временныя объ управленіи ими правила.

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей дѣйствующихъ нынѣ уставовъ Россійскихъ университетовъ, Демидовскаго юридическаго лица, ветеринарныхъ и технологическихъ институтовъ, Московскаго техническаго училища и Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства подлежатъ примѣненію нижеслѣдующія правила:

§ 1. Въ университетахъ совѣту и факультетамъ предоставляется избирать—первому ректора и его помощника, гдѣ таковая должность установлена закономъ, вторымъ — декановъ и секретарей факультетовъ.

Ректоръ и его помощникъ избираются изъ числа ординарныхъ профессоровъ, деканы и секретари — изъ всѣхъ профессоровъ соответственнаго факультета.

Избранный совѣтомъ и факультетами лица представляются въ установленномъ порядкѣ на утвержденіе.

Примѣчаніе. Выборы вышеозначенныхъ должностныхъ лицъ

должны быть произведены въ нынѣшнемъ же учебномъ году, предъ началомъ учебныхъ занятій.

§ 2. Заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетѣ возлагаются на обязанность и отвѣтственность совѣта. Въ этихъ видахъ:

а) совѣту предоставляется принимать соотвѣтственныя мѣры, дѣйствуя въ полномъ составѣ или чрезъ избранную для сей цѣли комиссію;

б) въ томъ случаѣ, если несмотря на принятыя совѣтомъ мѣры, въ университетѣ произойдутъ нарушающіе правильное теченіе академической жизни безпорядки, совѣту предоставляется ходатайствовать о приостановленіи занятій вполнѣ или частію на болѣе или менѣе продолжительный срокъ;

в) начальство надъ инспекціею ввѣряется ректору, который о поддержаніи въ университетѣ порядка и о надлежащихъ въ семъ смыслѣ указанійхъ инспектору предлагаетъ, если сочтетъ это необходимымъ, на обсужденіе совѣта или избранной послѣднимъ комиссіи;

г) разбирательство по студенческимъ дѣламъ ввѣряется профессорскому дисциплинарному суду на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 27-го августа 1902 г. правилъ.

§ 3. Устанавливаемая настоящими временными правилами обязанности и полномочія совѣтовъ, факультетовъ и ректоровъ распространяются и на соотвѣтствующіе органы власти другихъ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеній.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
„НИКОЛАЙ“.

Въ Петергофѣ.

27-го августа 1905 года.

20-го августа 1905 года. „Попечителямъ учебныхъ округовъ: Московскаго, доктору чистой математики, тайному совѣтнику Некрасову и Казанскаго, тайному совѣтнику Спльшкову и причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительному члену попечительнаго совѣта приюта принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, почетному попечителю гимназіи Императорскаго человеколюбиваго общества, дѣйствительному статскому совѣтнику Митусову — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членами совѣта министра народнаго просвѣщенія съ оставленіемъ изъ нихъ Митусова въ занимаемыхъ имъ должностяхъ“.

6-го сентября 1905 года. „Попечителямъ учебныхъ округовъ: Варшавскаго, заслуженному профессору, доктору греческой словесности, тайному совѣтнику *Шварцу* и Кіевскаго, доктору ботаники, дѣйствительному статскому совѣтнику *Бяляеву* и ректору и ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета, доктору греческой словесности, дѣйствительному статскому совѣтнику *Деревицкому*—Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть попечителями учебныхъ округовъ: первому—Московскаго, второму—Варшавскаго и третьему—Казанскаго.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

12. (12-го марта 1905 года). *Объ учрежденіи шести стипендій Имени Ею Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича при Елисаветпольскомъ городскомъ шестиклассномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 12-й день марта 1905 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Елисаветпольскомъ городскомъ шестиклассномъ училищѣ, въ ознаменованіе рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, шести стипендій Имени Наслѣдника Престола.

(Собр. узак. и расп. прав., 18-го августа 1905 г., № 149, ст. 1384).

13. (12-го марта 1905 года). *Объ учрежденіи въ гор. Витебскѣ семиклассной женской гимназіи и о присвоеніи этому учебному заведенію Имени Ею Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 12-й день марта 1905 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе въ гор. Витебскѣ съ 1-го іюля 1905 года семиклассной женской гимназіи по положенію 26-го мая 1869 г. и о присвоеніи этому учебному заведенію Имени Ею Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1385).

14. (12-го марта 1905 года). *Объ открытіи въ С.-Петербурѣ, на средства города, женскаго четырехкласснаго городского училища и объ учрежденіи новаго такового же училища и о присвоеніи какъ сему послѣднему, такъ и учреждаемому на городскія средства мужскому четырехклассному городскому училищу Имени Императора Петра Великаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 12-й день марта 1902 года, Высочайше соизволилъ на утвержденіе сдѣланнаго въ 1902 г. начальствомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа распоряженія объ открытіи въ С.-Петербурѣ, на средства города, женскаго четырехкласснаго городского училища, примѣнительно къ положенію 31-го мая 1872 года, учрежденіи новаго такового же училища и присвоеніи какъ сему послѣднему, такъ и учреждаемому на городскія средства мужскому четырехклассному городскому училищу, по положенію 31-го мая 1872 г., Имени Императора Петра Великаго.

(Тамъ же, ст. 1386).

15. (19-го марта 1905 года). *О предоставленіи начальствамъ учебныхъ округовъ права опредѣлять врачей безъ жалованья, но съ правами государственной службы, присвоенными медицинскимъ чиновникамъ, въ низшія ремесленныя школы Имперіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день марта 1905 г., Высочайше соизволилъ на предоставленіе начальствамъ учебныхъ округовъ, въ видѣ временной мѣры, впредь до общаго преобразованія промышленныхъ училищъ, права опредѣлять въ низшія ремесленныя школы Имперіи врачей безъ жалованья, но съ правами государственной службы, присвоенные медицинскимъ чиновникамъ, и съ выдачею сямъ врачамъ, гдѣ окажется возможнымъ, постояннаго или временнаго вознагражденія изъ специальныхъ средствъ тѣхъ школъ, при коихъ эти врачи будутъ состоять.

(Тамъ же, ст. 1387).

16. (19-го марта 1905 года). *О присвоеніи приходскимъ училищамъ въ городѣ Калугѣ—второму мужскому, первому и пятому женскимъ особаго наименованія: приходскія училища въ память Императора Александра II.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра

народнаго просвѣщенія, въ 19-й день марта 1905 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе приходскимъ училищамъ въ городѣ Калугѣ—второму мужскому и первому и пятому женскимъ, помѣщающимся во вновь выстроенномъ для сихъ училищъ городскомъ зданіи, особаго наименованія: „Приходскія училища въ память Императора Александра II“.

(Тамъ же, ст. 1388).

17. (19-го марта 1905 года). *О присвоеніи общежитію при Гельсингфорской женской гимназіи имени вдовы бывшаго Финляндскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Бобрікова, Елисаветы Ивановны Бобріковой.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день марта 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе общежитію при Гельсингфорской женской гимназіи имени вдовы бывшаго Финляндскаго генералъ-губернатора Елисаветы Ивановны Бобріковой.

(Тамъ же, ст. 1389).

18. (19-го марта 1905 года). *О присвоеніи Пензенскимъ 8-му мужскому и 7-му женскому начальнымъ училищамъ и земскому училищу въ селѣ Кострецахъ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи, наименованіи училищъ Имени Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день марта 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе въ ознаменованіе рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Пензенскимъ 8-му мужскому и 7-му женскому начальнымъ училищамъ и земскому училищу въ селѣ Кострецахъ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи, наименованія училищъ Имени Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1390).

19. (26-го марта 1905 года). *Объ учрежденіи при Каменецъ-Подольскихъ мужской гимназіи и среднемъ техническомъ училищѣ стипендій Имени Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 26-й день марта 1905 года, Высочайше

соизволилъ на присвоеніе учреждаемымъ Каменецъ-Подольскою городскою думою на счетъ города, въ ознаменованіе рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, четыремъ стипендіямъ при Каменецъ-Подольскихъ мужской гимназіи и среднемъ техническомъ училищѣ, по двѣ въ каждомъ заведеніи, Имени Цесаревича Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1391).

20. (2-го апрѣля 1905 года). *О присвоеніи учреждаемымъ Ананьевскимъ уѣзднымъ земствомъ двумъ стипендіямъ въ Ананьевскихъ мужской и женской гимназіяхъ Имени Государя Наслѣдника Цесаревича и Великому Князю Алексѣю Николаевичу.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, во 2-й день апрѣля 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемымъ Ананьевскимъ уѣзднымъ земствомъ двумъ стипендіямъ въ Ананьевскихъ мужской и женской гимназіяхъ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Собр. узак. и расп. прав., 6-го сентября 1905 г., № 163, ст. 1517).

21. (2-го апрѣля 1905 года). *О присвоеніи вновь открытой въ гор. Бобровѣ женской прогимназіи и учреждаемымъ при ней тремъ стипендіямъ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великому Князю Алексѣю Николаевичу.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, во 2-й день апрѣля 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича вновь открытой въ гор. Бобровѣ женской прогимназіи и объ учрежденіи при названной прогимназіи на городскія средства трехъ стипендій Имени Его Императорскаго Высочества.

(Тамъ же, ст. 1518).

22. (2-го апрѣля 1905 года). *О присвоеніи 18-му городскому начальному училищу въ гор. Екатеринодарѣ и Пидемскому земскому училищу, Олонекской губерніи и уѣзда, наименованій „Алексѣевскаго“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, во 2-й день апрѣля 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе 18-му городскому начальному училищу въ

гор. Екатеринодарѣ и Пидемскому земскому училищу, Олонцаго уѣзда, наименованій „Алексѣевскихъ“ въ ознаменованіе рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1519).

23. (22-го апрѣля 1905 года). *Объ утвержденіи списка техническихъ должностей по военному вѣдомству, кои могутъ быть предоставлены, соответственно полученному специальному образованію, лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.*

На основаніи ст. 73 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (св. зак. т. III изд. 1896 года), министръ народнаго просвѣщенія, 22-го апрѣля 1905 г., представилъ правительствующему сенату, для распубликованія, выработанный имъ, министромъ, по согласенію съ министрами финансовъ и военнымъ, списокъ техническихъ должностей по военному вѣдомству, занятіе коихъ дастъ лицамъ, окончившимъ съ ученымъ званіемъ курсъ наукъ въ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, право на производство въ чины соответственно приобрѣтеннымъ званіямъ.

Списокъ техническихъ должностей по военному вѣдомству, кои могутъ быть предоставлены, соответственно полученному специальному образованію, лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

По главному штабу.

(Въ Туркестанскомъ военномъ округѣ).

1. Должность механика при Ташкентскомъ артиллерійскомъ складѣ.
2. Должности техниковъ при начальникѣ Закаспійской области.
3. Должности техниковъ по ирригаціи въ Асхабадскомъ, Мервскомъ и Тедженскомъ уѣздахъ.
4. Должность инженеръ-строителя и инженеръ-механика, положенная по штату въ Закаспійскихъ желѣзнодорожныхъ баталіонахъ.

По главному интендантскому управленію.

1. Въ техническомъ комитетѣ главнаго интендантскаго управленія должности: техника и лаборанта, а равно и дѣлопроизводителей и

ихъ помощниковъ, и въ оружныхъ интендантскихъ управленіяхъ: техниковъ какъ по механической, такъ и по вещевой части.

2. Занятіе тѣхъ же должностей, связанныхъ съ дѣятельностью по продовольственной части, которыя предоставлены лицамъ, окончившимъ курсъ въ Московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ, а именно чиновниковъ особыхъ порученій оружныхъ интендантскихъ управленій, смотрителей продовольственныхъ магазиновъ и завѣдывающихъ и помощниковъ завѣдывающихъ различными интендантскими продовольственными заведеніями, какъ то: военными мукомольнями, хлѣбопекарнями, сухарными заводами и сѣнопрессовальнями.

По главному артиллерійскому управленію.

1. По мѣстнымъ арсеналамъ и орудіиному заводу должности: начальника мастерской и его помощника, архитектора, механика и помощника механика.

2. По оружейнымъ и патроннымъ заводамъ—начальника мастерской и его помощника, архитектора, механика и его помощника и лѣсничаго.

3. По пороховымъ заводамъ, заводу взрывчатыхъ веществъ, трубному и ракетному, начальника мастерской и его помощника, архитектора, химика и механиковъ.

По главному управленію казачьихъ войскъ.

1. Въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ должности: горнаго инженера, войсковыхъ агронома и лѣсничаго, лѣсного ревизора-таксатора, младшаго таксатора и войсковыхъ участковыхъ лѣсничихъ.

2. Въ Сибирскомъ войскѣ должности: войскового лѣсничаго и агронома-статистика при войсковомъ хозяйственномъ правленіи.

3. Въ области войска Донского должности: городского инженера, состоящаго при комитетѣ по управленію городомъ Новочеркасскомъ, на обязанности котораго лежитъ завѣдываніе водопроводомъ, механика при городскомъ водопроводѣ и лѣсничихъ, служащихъ при лѣсномъ отдѣленіи областного правленія.

4. Въ Уральскомъ войскѣ должности: архитектора, его помощниковъ, агронома и лѣсничихъ.

5. Въ Кубанскомъ войскѣ должности: областного лѣсничаго, лѣсничихъ войсковыхъ лѣсничествъ и станичныхъ лѣсовъ и областного агронома.

6. Въ Тарскомъ войскѣ должности: агронома и лѣсничаго.
7. Въ Забайкальскомъ войскѣ должности: агронома, завѣдывающаго ирригаціей, горнаго инженера и войскового лѣсничаго.
8. Въ Уссурийскомъ войскѣ: должность войскового агронома и новыя штатныя должности: войскового лѣсничаго, лѣснаго ревизора и двухъ лѣсничихъ 1 разряда.
9. Въ Астраханскомъ войскѣ должности: войсковыхъ агронома и лѣсничаго.

По главному военно-медицинскому управленію.

1. Должности главнаго мастера и механиковъ въ заводѣ военно-врачебныхъ заготовленій.
  2. Должности архитектора въ упомянутомъ заводѣ и въ управленіи Абастуманскими минеральными водами.
- Сверхъ того должности по вольному найму.

По главному штабу.

1. Мѣста для наблюденія за механическими приборами и приспособленіями въ зданіяхъ инженернаго вѣдомства (въ Ташкентскомъ и Самаркандскомъ военныхъ госпиталяхъ).
2. Должности городскихъ архитекторовъ въ гг. Краснодарскѣ, Асхабадѣ и Мервѣ.

По главному управленію военно-учебныхъ заведеній.

Должности техниковъ, завѣдывающихъ строительными работами по ремонту зданій, ихъ возобновленію и улучшенію.

(Собр. узак. и расп. прав., 18-го августа 1905 года, № 149, ст. 1403).

24. (30-го апрѣля 1905 года). *Объ учрежденіи при трехъ Екатеринбургскихъ городскихъ училищахъ трехъ стипендій Имени Ею Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день апрѣля 1905 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, въ ознаменованіе рожденія Ею Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, трехъ стипендій Имени Наслѣдника Цесаревича въ трехъ городскихъ училищахъ гор. Екатеринослава, а именно: въ четырехклассномъ, шестиклассномъ первомъ и шести-

классномъ второмъ, имени Пушкина, на каковой предметъ ассигновано обществомъ взаимнаго страхованія въ гор. Екатеринославѣ изъ запаснаго капитала 1.500 р., т. е. по 500 р. на стипендію, для обращенія процентовъ съ сего капитала на выдачу стипендіи одному изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ по каждому училищу.

(Собр. узак. и расп. прав., 6-го сентября 1905 г., № 163, ст. 1520).

25. (30-го апрѣля 1905 года). *О присвоеніи 3-му Стерлитамакскому начальному училищу Имени Царя-Освободителя Императора Александра II.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день апрѣля 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе 3-му Стерлитамакскому начальному училищу Имени Царя-Освободителя Императора Александра II.

(Тамъ же, ст. 1521).

26. (30-го апрѣля 1905 года). *Объ учрежденіи при Тифлисскихъ женскихъ Великой Княгини Ольги Теодоровны 1-й и 2-й гимназіяхъ десяти стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день апрѣля 1905 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Тифлисскихъ женскихъ Великой Княгини Ольги Теодоровны 1-й и 2-й гимназіяхъ на ассигнуемые тифлискимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ на сей предметъ средства, по 1.110 р. ежегодно, десяти стипендій въ ознаменованіе 50-лѣтія государственной дѣятельности Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, съ присвоеніемъ этимъ стипендіямъ Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества.

(Тамъ же, ст. 1522).

27. (30-го апрѣля 1905 года). *О присвоеніи Оршанской женской гимназіи наименованія „Александровская“ въ ознаменованіе высокопороднаго событія рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день апрѣля 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Оршанской женской гимназіи наименованія

„Алексѣевская“ въ ознаменованіе высокорадостнаго событія рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1523).

28. (30-го апрѣля 1905 года). *Объ учрежденіи при Ставропольской (Самарской губерніи) женской прогимназіи на средства города десяти стипендій Имени Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день апрѣля 1905 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Ставропольской (Самарской губерніи) женской прогимназіи на средства города 10 стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1524).

29. (30-го апрѣля 1905 года). *Объ учрежденіи при Болховскомъ городскомъ училищѣ десяти стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 30-й день апрѣля 1905 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Болховскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ въ ознаменованіе рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича десяти стипендій Имени Наслѣдника Престола.

(Тамъ же, ст. 1525).

30. (7-го мая 1905 года). *О принятіи Киненскаго евангелическо-лютеранскаго училища Петеробскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, подъ покровительство Его Высочества Герцога Георгія Георгиевича Мекленбургъ-Стрелицкаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 7-й день мая 1905 года, Высочайше соизволилъ на принятіе Его Высочествомъ Герцогомъ Георгіемъ Георгіевичемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ подъ свое покровительство Кинен-

скаго евангелическо - лютеранскаго училища Петергофскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи.

(Тамъ же, ст. 1526).

31. (7-го мая 1905 года). *Объ учрежденіи при Новомосковской женской прогимназіи на средства города двухъ стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 7-й день мая 1905 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Новомосковской женской прогимназіи на средства города двухъ стипендій Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1527).

32. (7-го мая 1905 года). *О присвоеніи десяти стипендіямъ, учреждаемымъ сызранскими ремесленниками при начальныхъ училищахъ г. Сызрани, Симбирской губерніи, наименованія: „Стипендіи Имени Цесаревича Алексѣя“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 7-й день мая 1905 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе десяти стипендіямъ, учреждаемымъ сызранскими ремесленниками при начальныхъ училищахъ г. Сызрани, Симбирской губерніи, наименованія: „Стипендіи Имени Цесаревича Алексѣя“.

(Тамъ же, ст. 1528).

33. (14-го мая 1905 года). *Объ учрежденіи трехъ стипендій Имени Государя Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича при Маргеланскихъ мужской и женской гимназіяхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день мая 1905 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе въ ознаменованіе рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича стипендій Имени Его Императорскаго Высочества на городскія средства: одной при Маргеланской мужской и двухъ при Маргеланской женской гимназіяхъ.

(Тамъ же, ст. 1529).

34. (21-го мая 1905 года). *Объ учрежденіи при Бѣлгородской женской гимназіи стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день мая 1905 года, Высочайше соизволилъ, на учрежденіе при Бѣлгородской женской гимназіи, на средства Бѣлгородскаго земства, одной стипендіи, съ замѣщеніемъ таковой предпочтительно дочерями офицеровъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ во время войны съ Японіей, и на присвоеніе этой стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1530).

35. (21-го мая 1905 года). *Объ преобразованіи женской прогимназіи, содержимой А. М. Францке въ гор. Варшавѣ, въ полную гимназію.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день мая 1905 года, Высочайше соизволилъ на преобразованіе женской прогимназіи, содержимой А. М. Францке въ гор. Варшавѣ, въ полную гимназію.

(Тамъ же, ст. 1531).

36. (30-го мая 1905 года). *Объ учрежденіи для завѣдыванія начальными училищами города Нижняго-Новгорода особаго училищнаго совѣта и особой должности инспектора народныхъ училищъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи для завѣдыванія начальными училищами города Нижняго-Новгорода особаго училищнаго совѣта и особой должности инспектора народныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ Сольскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра на-

роднаго просвѣщенія объ учрежденіи для завѣдыванія начальными училищами города Нижняго-Новгорода особаго училищнаго совѣта и особой должности инспектора народныхъ училищъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить въ городѣ Нижнемъ-Новгородѣ, съ 1 іюля 1905 года, для завѣдыванія начальными народными училищами названнаго города: 1) училищный совѣтъ на основаніи примѣчанія 1 къ статьѣ 3487 уставовъ учебныхъ заведеній (свод. зак., т. XI, ч. 1, изд. 1893 г.), съ тѣмъ, чтобы членъ сего совѣта отъ министерства внутреннихъ дѣлъ назначался мѣстнымъ губернаторомъ, и 2) должность инспектора народныхъ училищъ на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для сей должности отдѣломъ V Высочайше утвержденнаго, 25 мая 1874 года, мнѣнія государственнаго совѣта (П. С. З. № 53574).

II. Вызываемый означенными въ отдѣлѣ I мѣрами расходъ, въ размѣрѣ *двухъ тысячъ двухсотъ пятидесяти* рублей въ годъ (въ томъ числѣ 2.000 руб. на содержаніе инспектора народныхъ училищъ и 250 руб. на канцелярскіе расходы училищнаго совѣта), обратить на средства города Нижняго-Новгорода.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Собр. узак. и расп. прик., 12-го августа 1905 г., № 143, ст. 1334).

37. (6-го іюня 1905 года). *Объ измѣненіи размѣра годовой платы за содержаніе воспитанниковъ учительскихъ институтовъ.*

Его Императорское Величество, воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи размѣра годовой платы за содержаніе воспитанниковъ учительскихъ институтовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ Сольскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи размѣра годовой платы за содержаніе воспитанниковъ учительскихъ институтовъ, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Съ казеннокопитныхъ воспитанниковъ учительскихъ институтовъ,

оставляющихъ заведеніе до окончанія полного курса ученія въ немъ или не желающихъ, по окончаніи курса, прослужить установленное число лѣтъ въ должности учителя (уст. уч. зав., изд. 1893 г., ст. 2292 и 2338), взыскивается въ казну за каждый годъ содержанія ихъ въ институтѣ сумма, превышающая на двадцать пять рублей ежегодное изъ казны ассигнованіе на содержаніе каждаго воспитанника въ со-
отвѣтствующемъ институтѣ.

2) Въ указанномъ въ статьѣ 1 размѣрѣ взимается также и годовая плата за содержаніе въ учительскихъ институтахъ стипендіатовъ и свокоштныхъ пансіонеровъ, а въ Александровскомъ Тифлисскомъ учительскомъ институтѣ—годовая плата за содержаніе воспитанниковъ общества возстановленія христіанства на Кавказѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 19-го августа 1905 г., № 150, ст. 1407).

38. (6-го іюня 1905 года). *О кредитѣ на постройку зданія для низшей ремесленной школы въ деревнѣ Айкино.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о кредитѣ на постройку зданія для низшей ремесленной школы въ деревнѣ Айкино, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о кредитѣ на постройку зданія для низшей ремесленной школы въ деревнѣ Айкино, *мнѣніемъ положилъ:*

Ассигновать изъ государственнаго казначейства на постройку зданія для низшей ремесленной школы въ деревнѣ Айкино, Яренскаго уѣзда, Вологодской губерніи, въ дополненіе къ отпущеннымъ ранѣе на тотъ же предметъ средствамъ, *три тысячи семьсотъ тринадцать рублей восемьдесятъ девъ копѣйки*, съ отнесеніемъ сего расхода на кредиты, ассигнуемые министерству народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 26-го августа 1905 г., № 152, ст. 1413).

39. (13-го іюня 1905 года). *О служебныхъ правахъ должностныхъ лицъ дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ, учрежденныхъ на основаніи закона 25-го мая 1899 года.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о служебныхъ правахъ должностныхъ лицъ дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ, учрежденныхъ на основаніи закона 25-го мая 1899 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о служебныхъ правахъ должностныхъ лицъ дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ, учрежденныхъ на основаніи закона 25-го мая 1899 года, *мнѣніемъ положилъ:*

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Управление дворянскими пансіонами-пріютами, учреждаемыми на основаніи правилъ, приложенныхъ къ примѣчанію 2 при статьѣ 1463 устава учебныхъ заведеній, по прод. 1902 г., вѣряется особымъ директоріямъ. Лица эти избираются собраніемъ предводителей и депутатовъ дворянства подлежащей губерніи изъ лицъ, окончившихъ курсы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и утверждаются въ должностяхъ, а также увольняются отъ оныхъ, Высочайшимъ приказомъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа министру народнаго просвѣщенія. Директорамъ дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ присваивается V классъ по должности, V разрядъ по штыю на мундиръ и право на пенсію по учебной службѣ.

2) При каждомъ дворянскомъ пансіонѣ-пріютѣ можетъ быть назначаемъ, по избранію подлежащаго губернскаго дворянскаго собранія, на трехлѣтній срокъ, почетный попечитель. Означенному лицу присваивается V классъ по должности и V разрядъ по штыю на мундиръ.

3) Воспитатели дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ избираются изъ лицъ, получившихъ высшее или среднее образованіе, собраніемъ предводителей и депутатовъ подлежащей губерніи и утверждаются въ

должностяхъ, а равно увольняются отъ оныхъ, попечителемъ учебнаго округа, по представленію директора пансіона-пріюта. Воспитатели съ высшимъ образованіемъ приравняются по служебнымъ правамъ къ преподавателямъ гимназій, не получившіе же высшаго образованія—къ учителямъ городскихъ училищъ. Число штатныхъ воспитателей въ каждомъ пансіонѣ-пріютѣ опредѣляется соотвѣтственно наличному составу пансіонеровъ, причемъ на каждыя двадцать воспитанниковъ полагается по одному воспитателю. Въ случаѣ надобности, сверхъ указаннаго числа могутъ быть назначаемы на службу по вольному найму сверхштатные воспитатели.

4) Врачамъ дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ присвоивается VIII классъ по должности. Они утверждаются въ должностяхъ попечителями учебныхъ округовъ, по избранію губернскихъ предводителей дворянства.

5) Воспитателямъ дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ предоставляются права учебной службы. Пенсіи, единовременныя пособія, путевыя пособія и третное не въ зачетъ жалованья производятся директорамъ и воспитателямъ пансіоновъ-пріютовъ изъ казны. Пенсіи директорамъ дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ опредѣляются по окладамъ директоровъ мужскихъ гимназій той мѣстности, гдѣ находится пансіонъ-пріютъ, а пенсіи воспитателямъ тѣхъ же пансіоновъ-пріютовъ исчисляются, въ зависимости отъ того, получили ли они высшее образованіе или нѣтъ, по окладамъ, установленнымъ для учителей гимназій или городскихъ училищъ той мѣстности, гдѣ находится пансіонъ-пріютъ.

6) Директору и почетному попечителю пансіона-пріюта предоставляется право принимать участіе въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ обучаются воспитанники пансіона-пріюта, съ правомъ голоса по всемъ вопросамъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 2-го сентября 1905 г., № 158, ст. 1456).

Выписки изъ журнала общаго собранія государственнаго совѣта по дѣлу о служебныхъ правахъ должностныхъ лицъ дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ, учрежденныхъ на основаніи закона 25-го мая 1899 года.

Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, соглашаясь вообще съ заключеніемъ соединенныхъ департаментовъ, нашелъ лишь полезнымъ дополнить статью 6-ю онаго указаніемъ на то, что попечителю

дворянскаго пансіона-пріюта предоставляется принимать, наравнѣ съ директоромъ сего послѣдняго, участіе въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ обучаются воспитанники пансіона-пріюта, съ правомъ голоса по всѣмъ вопросамъ, ибо на тѣхъ же основаніяхъ участвуютъ по дѣйствующему закону (уст. уч. зав., изд. 1893 г., ст. 1534 и 1755) въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ состоящіе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ почетные попечители. Независимо отъ сего, въ статьѣ 2-ой заключенія слѣдуетъ, въ устраненіе возможныхъ сомнѣній, вполне опредѣлительно выразить, что при каждомъ пансіонѣ-пріютѣ можетъ быть назначаемъ лишь одинъ почетный попечитель.

На основаніи вложеннаго государственныи совѣтъ постановилъ мнѣніе, удостоенное Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(4-го августа 1905 года, № 60). По Императорской Публичной библіотекѣ. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: младшій помощникъ бібліотекаря *Саккетти*—съ 14-го мая 1905 года.

По Императорскому Россійскому Историческому музею въ Москвѣ имени Императора Александра III. *Утверждается* въ чинѣ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря*: помощникъ бібліотекаря *Коновъ*—съ 1-го января 1905 г., по диплому первой степени Императорскаго университета.

По Варшавскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: учителя: Варшавской 3-й мужской гимназіи, *Лазуръ*—съ 20-го ноября 1904 г., Сосновицкаго реальнаго училища, *Крохмаль*—съ 1-го сентября 1904 г., Замостской мужской прогимназіи, *Стелановъ*—съ 1-го января 1905 г. и Ленчицкой учительской семинаріи (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Бурневскій*—съ 15-го сентября 1904 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ физики *Роше*—съ 1-го сентября 1904 г.; учителя: Радомской мужской гимназіи, *Билинскій*—съ 15-го октября 1904 г. и учительскихъ семинарій: Лен-

чицкой, *Лагутенко*—съ 1-го сентября 1904 г. и Вымыслинской, *Демченко*—съ 2-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *нидворные советники*: прозекторъ при кафедрѣ судебной медицины Императорскаго Варшавскаго университета *Варшавскій*—съ 18-го декабря 1903 г.; учителя: Варшавской частной мужской гимназій генераль-лейтенанта Хржановскаго *Сеник*—съ 28-го іюля 1903 года и Грубешовской мужской прогимназій, *Александровъ*—съ 21-го января 1904 г. и бывший лаборантъ фармаціи Варшавскаго ветеринарнаго института, нынѣ въ отставкѣ, *Жутовскій*—съ 1-го сентября 1904 г.; эзекуторъ канцеляріи попечителя *Зыковъ*—съ 1-го марта 1904 года; учитель-инспекторъ Варшавскаго четырехкласснаго городского училища *Мицк*—съ 15-го октября 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: сверхштатный помощникъ прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи Императорскаго Варшавскаго университета *Петроковскій*—съ 10-го ноября 1902 г.; ассистентъ при кафедрѣ общій зоотехніи Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Устьянцевъ*—съ 1-го февраля 1905 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета *Успенскій*—съ 22-го марта 1904 г.; штатный учитель и завѣдывающій Ломжинскою женскою гимназіею *Левицкій*—съ 15-го августа 1903 г.; сверхштатный ординаторъ при факультетской терапевтической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Креницкій*—съ 15-го декабря 1902 г., бывший штатный ординаторъ при акушерской клиникѣ того же университета, нынѣ въ отставкѣ, *Цыковский*—съ 1-го февраля 1902 г., хранитель зоологическаго кабинета того же университета *Синицынъ*—съ 1-го декабря 1903 г., сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ фармакологіи того же университета *Садковский*—съ 1-го декабря 1901 г. и учителя Варшавскихъ городскихъ училищъ: четырехкласснаго, *Чернышовъ*—съ 1-го августа 1903 г. и 2-го трехкласснаго, *Четик*—съ 1-го августа 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: ассистентъ при кафедрѣ лѣсоводства Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Курдиани*—съ 1-го января 1905 г.; архитекторъ Императорскаго Варшавскаго университета *Мблоискій*—съ 31-го декабря 1886 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской 1-й мужской гимназій *Ивановъ*—съ 13-го февраля 1905 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: дѣлопроизводитель Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Александровъ*—съ 20-го февраля 1905 г.; учитель-инспекторъ 1-го Варшав-

скаго трехкласснаго городского училища *Ярошъ* — съ 13-го декабря 1900 г.; смотритель зданій Императорскаго Варшавскаго университета *Котляревскій* — съ 9-го августа 1904 г. и бывший учитель образцоваго училища при Андреевской учительской семинаріи, нынѣ въ отставкѣ, *Осыченко* — съ 1-го октября 1902 г.; въ *коллегіи регистраторы*, канцелярскій служитель канцеляріи Императорскаго Варшавскаго университета *Горлинъ* — съ 1-го сентября 1904 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ *коллегіаго ассесора*: учителя: Радомской мужской гимназіи, *Богдановскій* — съ 7-го сентября 1900 г., Варшавской 1-й женской гимназіи, *Архангельскій* — съ 1-го января 1901 г. и Замостской женской прогимназіи *Вертуляцкій* — съ 1-го августа 1900 г.; штатный учитель Варшавской учительской семинаріи *Москвинъ* — съ 1-го октября 1899 г.; *титულлярнаго совѣтника*, бывший сверхштатный ординаторъ при госпитальной торапедической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Святополкъ-Завадскій* — съ 20-го марта 1885 г., по степени лекаря; *коллегіаго секретаря*: помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета *Карстенъ* — съ 29-го марта 1899 года, по степени кандидата Императорскаго университета; сверхштатный учитель 1-го Варшавскаго трехкласснаго городского училища *Зленко* — съ 10-го сентября 1899 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Ломжинской мужской гимназіи *Дулевичъ* — съ 1-го января 1901 г.; *губернскаго секретаря*, учитель образцоваго училища при Ленчицкой учительской семинаріи *Синевичъ* — съ 1-го сентября 1900 г.

Назначаются: директоръ Дедеркальской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миловскій* и преподаватель Житомирской первой гимназіи, статскій совѣтникъ *Кудрицкій* — директорами: первый Глуховскаго учительскаго института, а второй — Коростышевской учительской семинаріи; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета доктора зоологіи, надворный совѣтникъ *Кожеевниковъ* — экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ зоологіи, сравнительной анатоміи и физиологіи.

Перемѣщается директоръ Коростышевской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Каравасъ* — директоромъ Дедеркальской учительской семинаріи.

Увольняются отъ службы: за выслугою срока, директоръ Глуховскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Андреевскій*; согласно прошенію, ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ

физики, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зиловъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

(13-го августа 1905 г., № 61). По Одесскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, помощникъ классныхъ наставниковъ Керченской Александровской гимназій *Плакида*—съ 16-го августа 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, помощникъ классныхъ наставниковъ Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища *Васильевъ*—съ 23-го февраля 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощники классныхъ наставниковъ: реальныхъ училищъ: Комратскаго, *Кольцовъ*—съ 4-го марта 1905 г. Кишиневскаго, *Бонташъ*—съ 1-го іюня 1903 г., гимназій: Измаильской, *Топаловъ*—съ 11-го октября 1902 г., Евпаторійской, *Высоцинъ*—съ 1-го октября 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, нисъмоводитель и бухгалтеръ Одесской Ришельевской гимназій *Цитовичъ*—съ 25-го декабря 1904 года.

Утверждаются въ чинѣ, *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ: учитель Измаильской женской гимназій, кандидатъ богословія *Муромовъ*—съ 21-го декабря 1901 г., по званію домашняго наставника; помощники классныхъ наставниковъ: Одесской 5-й гимназій: *Клюпотовъ*—съ 1-го сентября 1900 г., и *Сурковъ*—съ 30-го апрѣля 1901 г. и Севастопольской шестиклассной прогимназій, *Нольде*—съ 1-го февраля 1901 г.

По Казанскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, учитель Симбирской гимназій *Сертсегъ*—съ 27-го января 1905 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Самарской, *Мазунинъ*—съ 1-го іюля 1902 г., Казанской, *Добронравовъ*—съ 1-го августа 1904 г.; доцентъ по патологической анатоміи Казанскаго ветеринарнаго института *Голь*—съ 1-го января 1905 г.; учителя реальныхъ училищъ: Вольскаго, *Периунинъ*—съ 10-го марта 1905 г., Камышинскаго: *Ивановъ*—съ 5-го декабря 1904 г., и *Соколовъ*—съ 16-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя Саратовскаго средняго техническаго училища: *Козмодемьянскій*—съ 1-го августа 1904 г. и *Кокунинъ*—съ 12-го сентября 1904 г.; наставникъ Ровнинской учительской семинаріи *Древинъ*—съ 1-го февраля 1904 г.; почетный смотритель Маринско-Посадскаго городского трехкласснаго училища *Кружововъ*—съ 19-го января 1905 г.; экзекуторъ Императорскаго Казан-

скаго университета *Романовъ*—съ 1-го января 1905 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: преподаватель Кузнецкаго реальнаго училища *Всеволожскій*—съ 1-го сентября 1904 г.; учитель-инспекторъ Ядринскаго городского трехкласснаго училища *Мыльниковъ*—съ 18-го іюня 1904 г.; учитель Казанскаго учительскаго института *Петровъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; врачи: Царицынскаго ремесленнаго училища, *Шифринъ*—съ 1-го іюля 1902 г., Астраханскаго Агабабовскаго армянскаго уѣзднаго училища, *Формановъ*—съ 29-го октября 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: почетный смотритель Николаевского городского трехкласснаго училища *Треубовъ*—съ 14-го августа 1891 г.; помощники столоначальника канцеляріи попечителя: *Антоновъ*—съ 1-го марта 1905 г. и *Мальковскій*—съ 16-го февраля 1905 г.; учитель Сызранскаго городского трехкласснаго училища *Оршиниковъ*—съ 7-го сентября 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Михайловъ*—съ 14-го февраля 1905 г.; письмоводитель Царицынской гимназій *Бялковъ*—съ 1-го февраля 1905 г.; учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Чистопольскаго *Соколовъ*—съ 4-го іюня 1897 г. и *Кибардинъ*—съ 1-го октября 1885 г.; 4-го Новоузенскаго *Кандарицкій*—съ 1-го сентября 1887 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Симбирскаго 5-го мужскаго двухкласснаго приходскаго училища *Соколовъ*—съ 14-го октября 1904 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*: доцентъ по предмету общей патологій Казанскаго ветеринарнаго института *Клепцовъ*—съ 1-го января 1905 г.; *коллежскаго ассессора*: учителя: гимназій: Астраханской *Орловъ*—съ 10-го августа 1900 г. и *Палице*—съ 20-го сентября 1900 г.; Симбирской, *Виноградовъ*—съ 30-го ноября 1900 г.; Глазовской мужской прогимназій, *Стуридиновъ*—съ 26-го октября 1900 г.; *титулярнаго совѣтника*, сверхштатный ассистентъ при клиникѣ дѣтскихъ болѣзней Императорскаго Казанскаго университета *Зуевъ*—съ 27-го января 1900 г., по степени лекаря; завѣдывающій Камышинскою низшею ремесленною школою *Капопечковъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; *коллежскаго секретаря*, учитель Курмышскаго городского трехкласснаго училища *Губинъ*—съ 30-го сентября 1900 г.; *губернскаго секретаря*, бывшій учитель уѣзднаго училища, нынѣ учитель-инспекторъ Козьмодемьянскаго городского трехкласснаго училища *Лужьновъ*—съ 20-го марта 1900 г.; *коллежскаго регистратора*: бывшій помощникъ учителя городского

училища, нынѣ надзиратель Казанской татарской учительской школы *Александровъ*—съ 30-го сентября 1900 г.

По управленію учебными заведениями Приамурскаго края. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: инспекторъ народныхъ училищъ Читинскаго и Акинскаго уѣздовъ Забайкальской области *Харчевниковъ*—съ 1-го октября 1904 г.; преподаватель Владивостокской мужской гимназій при восточномъ институтѣ *Котельниковъ*—съ 9-го сентября 1904 г.; учителя: Благовѣщенской мужской гимназій, *Корсакъ*—съ 7-го января 1905 г. и Троицко-Савскаго реального училища, *Лессановскій*—съ 1-го января 1904 г.; инспектора народныхъ училищъ: Удскаго и Хабаровскаго уѣздовъ острова Сахалина, *Якимовъ* и Приморской области, *Даниловъ*, оба—съ 1-го октября 1904 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: преподаватели Владивостокской мужской гимназій при восточномъ институтѣ: *Бардуновъ*—съ 27-го іюня 1904 г. и *Пулезо*—съ 17-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: учитель-инспекторъ Николаевскаго трехкласснаго городского училища *Селиванчикъ*—съ 12-го декабря 1899 г.; исправляющій должность профессора юридическихъ наукъ восточнаго института *Таберіо*—съ 16-го октября 1904 г.; учитель Никольскъ-Уссурийскаго городского училища *Кожевъ*—съ 1-го января 1904 г.; изъ титулярныхъ советниковъ въ *коллежскіе ассессоры* инспекторъ Никольскъ-Уссурийскаго ремесленнаго училища *Прокофьевъ*—съ 7-го января 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*, помощникъ классныхъ наставниковъ Благовѣщенской мужской гимназій *Михайличенко*—съ 1-го декабря 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, надзиратель Читинскаго ремесленнаго училища *Баевъ*—со 2-го марта 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: бывший помощникъ учителя городского училища, нынѣ учитель Читинскаго городского пятикласснаго училища *Ядонистъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; учитель Актагучинскаго приходскаго училища *Паринъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; старшій учитель Дурульгуевскаго двухкласснаго училища *Васильевъ*—съ 25-го октября 1904 г.; помощникъ учителя Владивостокскаго городского училища *Щежунновъ*—съ 1-го января 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: старшіе учителя двухклассныхъ училищъ: Байхорскаго, *Стенурскій*—съ 1-го августа 1904 г. и Урульгинскаго, *Суринъ*—съ 15-го октября 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго совет-*

ника: профессоры восточнаго института, магистры китайской словесности: *Шмидтъ*—съ 28-го октября 1902 г. и *Рудаковъ*—съ 8-го декабря 1903 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Верхнеудинскаго и Биргузинскаго уѣздовъ *Ожунцовъ*—съ 1-го октября 1901 г.; *коллежскаго секретаря* учитель Хабаровскаго городского шестикласснаго училища *Соколовъ*—съ 17-го мая 1901 г.; *коллежскаго регистратора*, помощникъ учителя Владивостокскаго городского училища *Горбуновъ*—съ 8-го октября 1899 г.

По управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края. *Производятся*, за выслугу лѣтъ со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: преподаватели: мужскихъ гимназій: Асхабадской *Ивановъ*—съ 10-го марта 1902 г., Ташкентской *Собоновъ*—съ 21-го іюля 1903 г. и Ташкентскаго реальнаго училища, *Ростковскій*—съ 21-го августа 1903 г.; учитель-инспекторъ Копальскаго городского училища, *Яковлевъ*—съ 9-го октября 1904 г. и учитель Чимкентскаго городского училища *Крицковъ*—съ 1-го января 1903 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель-инспекторъ Джаркентскаго городского училища *Скороденковъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; учителя городскихъ училищъ: Маргеланскаго, *Чистиковъ*—съ 1-го сентября 1904 г., Кокандскаго, *Левичскій*—съ 16-го сентября 1904 г. и Мервскаго, *Климишивили*—съ 4-го октября 1900 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Ташкентской мужской гимназій *Саковичъ*—съ 30-го января 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные советники*: воспитатель пансіона Асхабадской мужской гимназій *Эсмонтъ*—съ 1-го августа 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Асхабадской мужской гимназій *Поповъ*—съ 1-го января 1902 г.; учителя городскихъ училищъ: Перовскаго, *Яковлевъ*—съ 1-го августа 1902 г. и Джаркентскаго *Быковъ*—съ 1-го сентября 1901 г. и смотрители-учители желѣзнодорожныхъ училищъ: Чарджуйскаго, *Федоровъ*—съ 1-го сентября 1900 г. и Самаркандскаго, *Костинъ*—съ 28-го марта 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *зуберскіе секретари*, завѣдывающій Ново-Бухарскимъ приходскимъ училищемъ *Комаровъ*—съ 12-го октября 1904 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учитель-завѣдующій Самаркандскимъ приходскимъ училищемъ *Долженко*—съ 5-го февраля 1900 г.; учителя русско-туземныхъ училищъ: Джизакскаго, *Третьяковъ*, Самаркандскаго, *Ивановъ*, оба—съ 1-го августа 1904 г.; учителя-завѣдывающіе русско-туземными школами: Кокандской, *Андреевъ*—съ 1-го августа 1904 г., Кармакчинской, *Касимовъ*—съ 1-го сентября 1904 г. и письмоводи-

тель Ташкентскаго ремесленнаго училища *Кокоткинъ*—съ 1-го іюля 1903 г.

Утверждаются, въ чинахъ, со старшинствомъ *коллежскаго ассесора*, преподаватель Самаркандской мужской гимназіи *Стегайо*—съ 18-го іюля 1900 г.; *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ: Пржевальскаго, *Россикинъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и Асхабадскаго *Бекеркинъ*—съ 30-го сентября 1900 г.

Назначаются: директора: Одесскаго перваго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Клосовскій*, Луцкой прогимназіи, статскій совѣтникъ *Орда* и Повгородѣверской гимназіи, статскій совѣтникъ *Васильевъ*, инспекторы: Лебедянской четырехклассной прогимназіи, преобразованной въ шестиклассную, статскій совѣтникъ *Боголюбовъ*, Ялтннской Александровской гимназіи, статскій совѣтникъ *Тюльпановъ*, Екатеринославской гимназіи, статскій совѣтникъ *Гудковъ*, С.-Петербургскихъ гимназіи и реального училища доктора Видемана, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Шмидтъ*, преподаватель, исполняющій обязанности инспектора, Елисаветградской гимназіи, статскій совѣтникъ *Степановъ* и преподаватель Иркутскаго промышленнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Шешуновъ* директорами: Клосовскій—Одесской четвертой гимназіи, Орда—Прилуцкой гимназіи, Васильевъ—Луцкой прогимназіи, Боголюбовъ—Лебедянской прогимназіи, Тюльпановъ—Херсонской гимназіи, Гудковъ—Керченской гимназіи, Шмидтъ—С.-Петербургскихъ гимназіи и реального училища доктора Видемана, Степановъ—Бердянскій гимназіи и Шешуновъ—Иркутской учительской семинаріи, изъ нихъ Клосовскій съ 1-го іюля, а Шешуновъ—съ 3-го августа; помощникъ инспектора Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, надворный совѣтникъ *Равевскій*—инспекторомъ того же института, съ 1-го іюля.

Утверждается коллежскій совѣтникъ *Метелевъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Азовской прогимназіи, согласно избранію, на три года.

Перемѣщаются: директора гимназіи: Прилуцкой, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фирсовъ*, Черниговской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Марковъ*, Павельской, статскій совѣтникъ *Якушевичъ* и Слуцкой, статскій совѣтникъ *Шумейко*—директорами гимназіи: Фирсовъ—Черниговской, Марковъ—Повгородѣверской, а Якушевичъ и Шумейко—одинъ на мѣсто другою, послѣдніе два съ 1-го іюля.

Увольняются отъ службы: за выслугою срока, директоръ Бердянскій гимназіи, статскій совѣтникъ *Мудроковъ*, съ 1-го августа, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошеніямъ:

начальникъ Плоцкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Элмановичъ* и директоры: Херсонской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Орловъ*, Керченской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Яблонскій*, Сувалкской гимназій, статскій совѣтникъ *Илатовъ* и Иркутской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Терезовскій*, первые четверо съ 1-го августа, а послѣдній съ 3-го августа, всѣ пятеро съ мундирами, означеннымъ должностямъ присвоенными, изъ нихъ Орловъ и Яблонскій, сверхъ того, за выслугой срока.

(20-го августа 1905 года, № 63). По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: преподаватели С.-Петербургскихъ гимназій: Ларинской, *Аванасьевъ*—съ 1-го сентября 1904 г. и 7-й, *Федоровичъ*—съ 20-го сентября 1904 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Сайфи*—съ 1-го января 1905 г.

По Кавказскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: директоръ Кутаисской учительской семинаріи *Дьячкнй*—съ 15-го апрѣля 1905 г.; инспекторы народныхъ училищъ: Кутаисской губерніи, *Мацавариани*—съ 1-го апрѣля 1905 г., Кубанской области, *Минервинъ*—съ 4-го августа 1904 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*, учитель Елисаветпольской гимназій *Сидоровъ*—съ 9-го ноября 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: учитель Екатеринопдарской мужской гимназій *Стефантьевъ*—съ 18-го іюля 1904 г.; учитель-инспекторъ Тифлискаго 2-го городского шестикласснаго железнодорожнаго училища *Воевода*—съ 1-го іюля 1903 г.; учитель-инспекторъ Тифлискаго Николаевскаго городского училища *Казанцевъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; учителя: Новороссійской мужской гимназій, *Македонскій*—съ 25-го іюня 1903 г., Кутаисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, *Саввиновъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; учитель-завѣдывающій Новороссійскою низшею ремесленною школою *Кизиловъ*—со 2-го сентября 1904 г.; учитель Владикавказскаго Николаевскаго городского шестикласснаго училища *Ткачевъ*—съ 5-го февраля 1905 г.; учитель приготовительнаго класса Бакинской мужской прогимназій *Успенскій*—со 2-го апрѣля 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*; учитель-инспекторъ Кизлярскаго городского трехкласснаго училища *Коссовскій*—со 2-го іюля 1903 г.; наставникъ Кутаисской учительской семинаріи *Домашевскій*—съ 10-го

февраля 1903 г.; учитель Тифлискаго 2-го городского шестикласснаго желѣзнодорожнаго училища *Габунія*—съ 1-го сентября 1902 г.; учитель того же училища *Митрофановъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; учитель 2-го Владикавказскаго городского училища *Крошкостъ*—съ 1-го января 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Дорбентскаго реальнаго училища *Куракинъ*—съ 23-го ноября 1900 г.; помощникъ воспитателя пансіона Ставропольской мужской гимназіи *Биевскій*—съ 4-го января 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: помощникъ классныхъ наставниковъ Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища *Волошинъ*—съ 28-го декабря 1904 г.; учитель двухкласснаго начальнаго училища при Кутаисской учительской семинаріи *Цаарейшвили*—съ 1-го января 1901 г.; учитель того же училища *Тирановъ*—съ 1-го декабря 1902 г.; учитель Кутаисскаго городского шестикласснаго училища *Суховъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; учитель Тифлискаго мусульманскаго училища Алиева ученія *Корчибашевъ*—съ 12-го октября 1904 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель Горійскаго городского четырехкласснаго училища *Берозашвили*—съ 1-го сентября 1900 г.; учитель Телавскаго городского училища князь *Вачнадзе*—съ 17-го сентября 1898 года; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, бывший надзиратель больницы Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища *Петренко*—съ 1-го іюля 1903 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: смотрители-учителя: Эриванскаго Танабашскаго начальнаго училища, *Аразовъ*—съ 1-го ноября 1900 г., Тавшанкишлягскаго сельскаго училища, *Газаровъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; смотритель Большекараглинскаго земскаго двухкласснаго училища *Джеминовъ*—съ 20-го ноября 1901 г.; учитель-завѣдующій Тарскимъ станичнымъ училищемъ *Абозинъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учитель Кутаисскаго городского начальнаго училища *Абзіанидзе*—съ 1-го сентября 1902 г.; учитель Батумскаго городского начальнаго училища *Мислидзе*—съ 1-го августа 1902 г.; бывший учитель Старолеушковскаго станичнаго училища *Костюкъ*—съ 1-го августа 1903 г.; бывший завѣдывающій Новогитаровскимъ двухкласснымъ станичнымъ училищемъ *Дубковъ*—съ 1-го марта 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ *коллежскаго ассесора*: учитель Бакинскаго реальнаго училища *Баруховскій*—съ 1-го января 1901 г.; учитель Ставропольской мужской гимназіи *Егоровъ*—съ 20-го августа 1900 г.; *коллежскаго секретаря*: учитель Кизлярскаго городского трехкласснаго училища *Мчедлидзе*—съ 20-го мая 1900 г.; учитель-смотритель русскаго двухкласснаго училища при За-

кавказской учительской семинаріи *Голлицидзе*—съ 1-го января 1901 г.; *губернскаго секретаря*, учитель Тифлискаго мусульманскаго училища *Омарова* учениа *Эфендиевъ*—съ 1-го сентября 1900 г.

(26-го августа 1905 года, № 64). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Воскресенскій*—почетнымъ понечителемъ частнаго реальнаго училища Воскресенскаго въ Москвѣ, на три года, съ 1-го августа.

Назначаются: преподаватель частнаго реальнаго училища Воскресенскаго въ Москвѣ, коллѣжскій совѣтникъ *Воронецъ*—директоромъ сего училища, съ 1-го августа; приватъ-доценты: Императорскаго Казанскаго университета, прозекторъ онаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Кандаратскій*, Императорской военно-медицинской академіи, консультантъ больницы общины св. Евгенія, при С.-Петербургскомъ попочительномъ о сестрахъ Краснаго Креста комитетѣ, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Садовскій* и Императорскаго Московскаго университета, преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища, магистръ прикладной математики, статскій совѣтникъ *Горячевъ*—экстраординарными профессорами: *Кандаратскій*—Императорскаго Казанскаго университета, по кафедрѣ оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею и съ упражненіемъ въ операціяхъ на трупахъ, *Садовскій*—С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, по кафедрѣ акушерско-гинекологической клиники, и *Горячевъ*—Императорскаго Варшавскаго университета, по кафедрѣ механики, съ 20-го августа, съ оставленіемъ изъ нихъ *Садовскаго* въ занимаемой имъ въ названной общинѣ должности.

IV. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

Въ постоянныхъ заботахъ о развитіи въ Россіи высшаго образованія правительство уже давно обратило вниманіе на неудовлетворительное состояніе университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Неудовлетворительность эта обнаруживала себя въ весьма различныхъ направленіяхъ, а въ послѣдніе годы и въ неоднократно возникавшихъ среди учащейся молодежи волненіяхъ, прерывавшихъ правильный ходъ занятій.

Признавая несомнѣннымъ, что таковыя волненія развивались въ связи съ общимъ броженіемъ въ русскомъ обществѣ, министерство

народнаго просвѣщенія тѣмъ не менѣе не упускало изъ вида, что и самыя законоположенія, опредѣляющія строй высшихъ учебныхъ заведеній, являются въ значительной степени неприспособленными къ назрѣвающимъ потребностямъ жизни. Находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что значительныя несовершенства дѣйствующихъ въ сихъ заведеніяхъ уставовъ неустраняемы, какъ показали опытъ, частными измѣненіями, министерство уже въ 1901 г. предположило приступить къ коренной реформѣ высшаго образованія. Въ виду сего для всесторонняго уясненія существующихъ недостатковъ строя высшей школы совѣтамъ университетовъ и соответствующимъ коллегіальнымъ органамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія было предложено высказать свои сужденія по сему предмету, а затѣмъ поступившіе въ министерство отзывы были осенью 1902 г. переданы на разсмотрѣніе Высочайше утвержденной при министерствѣ комиссіи, къ участию въ трудахъ коей были призваны какъ представители отъ высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства народнаго просвѣщенія, по ихъ избранію, такъ равно и отъ прочихъ министерствъ и главныхъ управленій, въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія.

На основаніи собранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ центральное управленіе министерства народнаго просвѣщенія могло обратиться къ составленію соответственнаго проекта преобразованія высшей школы въ связи съ преобразованиемъ средней. Беспорядки же истекшаго академическаго года, приведшіе къ пріостановкѣ занятій почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, указали на необходимость осуществленія реформы ихъ, и въ особенности университетовъ, безъ всякаго дальнѣйшаго промедленія.

Въ виду сего министромъ народнаго просвѣщенія было испрошено въ іюнь текущаго года Высочайшее соизволеніе на образованіе при министерствѣ подъ его, министра, предсѣдательствомъ особой комиссіи для составленія основныхъ положеній уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній, дабы сіи уставы могли быть безотлагательно внесены на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ. Работы сей комиссіи, признавшей необходимымъ основать преобразование высшихъ учебныхъ заведеній на началахъ внутренняго самоуправленія, нынѣ закончены.

По докладѣ министра народнаго просвѣщенія о вышензложенномъ и о соображеніяхъ его по вопросу объ открытіи занятій въ высшихъ

учебныхъ заведеніяхъ въ наступающемъ учебномъ году, Государю Императору 7-го сего августа благоудно было повелѣть образовать особое по сему предмету совѣщаніе изъ главныхъ начальниковъ вѣдомствъ. Совѣщаніе сіе пришло къ заключенію, что надлежитъ повергнуть на благовозрѣніе Его Императорскаго Величества о необходимости поручить министру народнаго просвѣщенія:

1) принявъ въ соображеніе отзывы самихъ профессорскихъ коллегій, въ самомъ непродолжительномъ времени завершить работы по составленію новаго устава университетовъ на вышеуказанныхъ началахъ, а именно положивъ въ основу преобразованія предоставленіе коллегіямъ профессоровъ возможной самостоятельности въ дѣлѣ управленія каждымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ руководствѣ учебнымъ въ немъ строемъ и въ охраненіи правильнаго и спокойнаго теченія академической жизни;

2) въ цѣляхъ же обезпеченія возможной при дѣйствіи нынѣшнихъ уставовъ авторитетности и самостоятельности коллегій профессоровъ безотлагательно разработать временныя правила управленія высшими учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія и представить эти правила на Высочайшее благовозрѣніе тѣмъ порядкомъ, который имѣетъ быть для сего Его Императорскимъ Величествомъ указанъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Brosamen aus Werken deutscher Schriftsteller Russische Schulausgabe von Rob. Behrsin. (Deutsche Autoren. Band 17). Kiew. 1904. 147 S. Preis geb. 65 kop.“ (для среднихъ классовъ).

б) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній ¹⁾:

⊙ „*Гобманъ, Францъ*. Опасности дикихъ странъ. Переводъ съ нѣм. подъ ред. *Н. И. Познякова*. Изданіе *В. И. Губинскаго*. С.-Пб. 1897. Стр. 256. Цѣна 1 руб. 20 коп.“ (для младшаго возраста).

⊙ „*Ермоловъ, А.* Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. I. Всенародный мѣсяцесловъ. С.-Пб. 1901. Стр. IX+620. Цѣна 3 руб. — II. Всенародная агрономія. С.-Пб. 1905. Стр. XII+528. Цѣна 3 руб. — III. Животный міръ въ воззрѣніяхъ народа. С.-Пб. 1905. Стр. VII+455. Цѣна 2 руб. 50 коп. — IV. Народное годовѣдѣніе. С.-Пб. 1905. Стр. XII+468. Цѣна 2 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а равно признать заслуживающею рекомендаціи посредствомъ особаго циркуляра для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

⊙ „*Конанъ-Дойль, А.* Тѣнь великаго человѣка. За городомъ. Изд. *Д. П. Ефимова*. М. 1905. Стр. 308. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста).

— „*Котляревскій, Н.* Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. 2-е испр. изданіе. С.-Пб. 1905. Стр. 313. Цѣна 2 руб.“ (для старшаго возраста).

⊙ „*Купенъ, Анри*. Причудливыя животныя. Переводъ *Е. Д. Вуррафтъ*. Изд. *А. Ф. Маркса*. С.-Пб. 1903. Стр. 447. Цѣна 3 руб.“ (также въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ).

— „*Либровичъ, Сизимундъ*. Хочу быть студентомъ. Разсказъ. С.-Пб. 1905. Стр. 37. Цѣна 15 коп.“ (для старшаго возраста).

⊙ „*Мюллеръ, Евгений*. Дѣвочка-Робинзонъ. (Robinsonette). Съ прилож. разсказа *М. Штейна*. Маленькій дикарь. Переводъ *В. Д. Владимірова*. 2-е изд., *В. И. Губинскаго*. С.-Пб. 1905. Стр. 266+II (для младшаго возраста).

⊙ „*Олкоттъ, Луиза М.* Подъ сиренями. Переводъ съ англ. *М. Г.* Изд. *А. С. Панафидиной*. М. 1904. Стр. 373. Ц. 1 руб. 25 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ).

¹⁾ Книжки, отмѣченныя знакомъ ⊙, допущены также въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

⊙ „*Перро, Шарль*. Волшебныя сказки. Съ прибавленіемъ сказокъ *Оноа* и *Лепренсъ де-Бомонъ*. Переводъ *В. Д. Владимірова*. 2-е изданіе, В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 276. Цѣна 1 руб.“ (для младшаго возраста).

⊙ „*Плещеевъ, А. Н.* Стихотворенія. 4-е доп. изданіе. Подъ ред. *П. В. Быкова*. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1905. Стр. XL+834+XIII. Цѣна 4 руб.“ (для старшаго возраста).

— „*Покровскій, Н. А. С.* Пушкинъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Изд. 2-е, доп. М. 1905. Стр. 268. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста).

⊙ „*Прядкинъ, С. Н.* 1) Памяти А. С. Пушкина. Воронежъ. 1899. Стр. 18. Цѣна 20 коп. — 2) Къ вопросу о значеніи литературной дѣятельности Гоголя, Жуковскаго и Никитина для русской литературы и развитія самосознанія русскаго общества. Воронежъ. 1902. Стр. 32. Цѣна 25 коп. — 3) Памяти Ивана Саввича Никитина. Воронежъ. 1899. Стр. 40. Цѣна 25 коп.“ (для старшаго возраста).

⊙ „*Рубакинъ, Н. А.* Самые дикіе люди на землѣ. Разсказъ о холодномъ югѣ. (Народы и страны. Географическая бібліотека. Вып. XII). Изданіе П. П. Гершунина и К°. С.-Пб. 1905. Стр. 231. Цѣна 50 коп.“ (также въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ).

⊙ „*Скоттъ, Вальтеръ*. Айвенго (Ivanhoe). Переводъ съ англ. *В. Владимірова*. 2-е изданіе, В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1899. Стр. 362. Цѣна 1 руб.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

⊙ „*Троицкій, С. Х.* Современная Японія. С.-Пб. 1904. Стр. 173. Цѣна 60 коп.“ (для старшаго возраста).

⊙ „*Уйда*. Сказки. Переводъ съ англ. *М. А. Ляллой*. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1897. Стр. 314. Цѣна 1 руб.“ (для младшаго возраста).

— „*Уэлльсъ, Г. Д.* Сказка каменнаго вѣка. (A Story of the Stone Age). Переводъ *Л. П. Данилова*. Изд. В. Д. Карчагина. М. 1905. Стр. 120+VII. Цѣна 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Фильдингъ*. Душа одного народа. Переводъ съ англ. *П. А. Буланже*. Изданіе 3-е, „Посредника“. LXXXIX. М. 1905. Стр. 308. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста).

Опредѣленіемъ основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Маухъ, Альбертъ*. Практическое руководство нѣмецкаго правописанія. Одесса. 1904. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“ — допустить къ классному употребленію въ нѣмецкихъ церковно-приходскихъ школахъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Бориско, М.* Методъ преподаванія рукодѣлій въ народныхъ училищахъ. Кіевъ. 1905. Стр. III+31+14 таблицъ. Цѣна 60 коп.; съ образцами швовъ 80 коп.“ (также для мл. кл. женск. гимн. и прогимн.).

— „*Ермиль, Н., и Н. Некрасовъ*. Албука совмѣстнаго обученія чтенію и письму. 13-е изд. «Петербургскій учебный магазинъ». С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Матвѣева, А.* Русская грамматика въ диктовкахъ. 2-й и 3-й годъ обученія. Изд. 4-е, П. П. Карбасникова. С.-Пб. 1905. Стр. 145+62+XXIV. Цѣна 70 коп.“

— „*Моренитернъ, К. Г.* Учебный курсъ исторіи евреевъ. Часть I. Библейскій періодъ. Лодзь. 1905. Стр. 118. Цѣна 60 коп.“ (также для средн. уч. зав. для учениковъ іудейскаго вѣроисповѣданія).

— „*Олежниковъ, А. А.* Краткій курсъ русской грамматики. С.-Пб. 1905. Стр. II+56. Цѣна 30 коп.“ (также для приготов. кл. средн. уч. зав.)

— „*Поливановъ, Левъ*. Начальная книжка для обученія русскому

языку. Изд. 13-е. М. 1905. Стр. X+218. Цѣна 50 коп.* (для гор. и 2-кл. сельск. уч., а также для приготов. кл. средн. уч. зав.).

— „*Ушинскій, К.* Родное слово для дѣтей младшаго возраста. С.-Пб. 1905. Годъ 1-й. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 131-е. Стр. 110. Цѣна 25 коп.— Годъ 2-й. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 114-е. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.“

— „*Шимшелевичъ, М.* Юшеръ гактыва, т.-е. Правописаніе. Еврейскій систематическій диктантъ и практическая грамматика. Варшава. 1905. Стр. 98. Цѣна 40 коп.“ (для евр. уч.).

б) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній ¹⁾:

— „*Алексъевъ-Кутурцевъ, Н. Н.* Братъ на брата. Историческая повѣсть-хроника. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1904. Стр. 173. Цѣна 50 коп.“

— „*Андерсенъ, Г.* Дѣвочка со спичками. Что старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Сказки. Изд. М. В. Ключкина. (Библ. сказ.) М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Андерсенъ, Г.* Избранныя сказки. 3-й сборникъ. Переводъ нодъ ред. М. Васильева. Изд. М. В. Ключкина. М. 1905. Стр. 111. Цѣна 50 коп.“

— „*Андерсенъ, Г.* Ромашка. Новый нарядъ короля. Двѣ сказки. Изд. М. В. Ключкина. (Библ. сказ.) М. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Архангельская, М. В.* О чемъ щебетали ласточки. Зайчикъ. Два разсказа. Изд. книгоизд. «Для дѣтей». М. 1904. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“

— „*Вердеревская, С. А.* «Папочка». Быль. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 36. Цѣна въ паукѣ 15 коп.“

— „*Диккенсъ.* Оливеръ Твистъ. Переводъ *И. Введенскаго.* Изд. П. С. Аскарханова. (Иностранные писатели. Малолькая хрестоматія. Вып. 34). С.-Пб. 1905. Стр. 160. Цѣна 40 коп.“

¹⁾ Сочиненія, допущенныя въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Для маленькихъ дѣтей. Картинки Е. Бемъ съ рассказами и стихами, собранными *Е. Горбуновой* и *В. Лукьянской*. (Библ. И. Горбунова-Посадова). М. 1905. Стр. 133. Цѣна 1 р. 20 коп.“

— „*Долановичъ, А.* Оомеа-дуракъ. Разсказъ. Изд. 5-е, В. С. Спиридонова. (Библ. маленькаго читателя). М. 1905. Стр. 42. Цѣна 25 коп.“

— „*Ивинъ, А. (Н. Покровский)*. Друзья дѣтей. Сборникъ разсказовъ. Изд. 5-е, В. С. Спиридонова. (Библ. маленькаго читателя). М. 1905. Стр. 75. Цѣна 40 коп.“

— „*Ицубантисъ, П.* Въ плѣну у китайцевъ. Разсказъ. Изд. М. В. Ключкина. М. 1905. Стр. 55. Цѣна 30 коп.“

— „*Круловъ, А. В.* Все пріатели. Разсказы для дѣтей. Изд. 4-е, М. В. Ключкина. М. 1905. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“

— „*Круловъ, А. В.* Геніальный поморъ. Очеркъ жизни М. В. Ломоносова. Изд. 6-е, В. С. Спиридонова. (Библ. маленькаго читателя). М. 1905. Стр. 55. Цѣна 30 коп.“

— „*Круловъ, А. В.* Дѣдушка - Крыловъ. Очеркъ жизни баснописца. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1905. Стр. 30. Цѣна 20 коп.“

— „*Круловъ, А. В.* Разные разсказы. Для дѣтей школьнаго возраста. (Подарокъ на елку). Изд. 3-е, М. В. Ключкина. М. 1905. Стр. 112. Цѣна 75 коп.“

— „*Наумовичъ, Г. Г.* Хорошая семья. Разсказъ изъ галицко-русской жизни. Приходская библиотека. М. 1905. Стр. 232. Цѣна 30 коп.“

— „*Николаевъ, А.* Въ царствѣ льда. Очеркъ. Изд. 2-е, М. В. Ключкина. М. 1905. Стр. 46. Цѣна 15 коп.“

— „*Покровский, Н.* Миръ не безъ добрыхъ людей. Разсказы русскихъ и иностранныхъ писателей. М. 1905. Стр. 62. Цѣна 30 коп.“

— „*Покровский, Н.* Чистые сердцемъ. Разсказы русскихъ писателей. М. 1905. Стр. 60. Цѣна 30 коп.“

— „*Попова, О. Н.* Сорокъ два дня. Разсказъ изъ русско-японской войны. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1905. Стр. 54. Цѣна 10 коп.“

— „Русскія былины. Изд. И. О. Жиркова. М. 1904. Вып. I. Богатыри кievскіе. Стр. 142. Цѣна 30 коп.—Вып. II. Удадьцы новгородскіе и другіе. Стр. 77. Цѣна 20 коп.“

— „*Сердобольскій, А.* Приключенія десятилѣтняго мальчика. Передѣлано изъ романа Ч. Дикенса «Давидъ Копперфильдъ младшій». Изд. М. В. Ключкина. М. 1905. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

— „*Сетонъ-Томпсонъ, Э.* Рваное ушко. Исторія одного кролика. Разсказъ. Переводъ съ англ. *Н. Альмедименъ*. (Библ. Горбунова-

Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1905. Стр. 46. Цѣна 20 коп.“

— „Сиротка Маруся. Переводъ съ малоросс. *Н. И. Перельмина*. Изд. 3-е, Д. П. Ефимова. М. 1905. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“

— „*Смирновскій, П.* Василій Андреевичъ Жуковский. Биографическій очеркъ. Изд. П. Глазунова. (Доступная библ. № 39). С.-Пб. 1902. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Смирновъ, А.* Живыя картинки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. Изд. 3-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 261. Цѣна въ папкѣ 80 коп.“

— „*Смирновъ, Ил. Дм.* Родное. Разказы для дѣтей. Изд. 4-е, М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 147. Цѣна 75 коп.“

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* Дѣтскій мірокъ. Разказы изъ жизни дѣтей и окружающей ихъ природы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 190+II. Цѣна 75 коп.“

— „*Сысоевъ, В.* Оаддейка въ городѣ. Повѣсть. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 62. Цѣна 35 коп.“

— „*Тепловъ, К.* Угрюмъ. Разказъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. № 13. М. 1905. Стр. 31.“

— „*Черскій, Л. Ф.* Подвигъ. Грузинское преданіе. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Черскій, Л. Ф.* Солнышко Тоуэра. Историческій разказъ. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Чистяковъ, М. Б.* Рѣдкое счастье. Разказы для дѣтей. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 72. Цѣна 40 коп.“

в) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки ¹⁾:

— „*Авчинниковъ, А. Г.* Къ послѣднимъ событіямъ. II. Японія. Военно-географическій очеркъ. Екатеринославъ. 1905. Стр. 31. Цѣна 20 коп.“ (также для публ. нар. чтеній).

— „*Бекетова, Е.* Падчерица. Изд. т-ва И. Д. Сытина. № 11. М. 1905. Стр. 32.“

¹⁾ Книги, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Бобровъ, Алексѣй*. Крестьянинъ Ювъ Ивановичъ Шумовъ и его просвѣтительная дѣятельность въ кругу своихъ поселенъ. (Биографическій очеркъ). Изд. 3-е, А. Д. Ступнина. М. 1905. Стр. 72. Цѣна 15 коп.“

— „*Бретъ-Гартъ*. Калифорнійскіе рассказы. (Рассказы, очерки и легенды). 5-е изд., М. В. Ключкина. М. 1905. Стр. 247. Цѣна 1 р.“

— „*Васильевъ, Н.* Уходъ за сельско-хозяйственными полевыми растениями. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1897. Стр. 58. Цѣна 30 коп.“

— „*Винбергъ, В. К.* Практическое руководство виноградарства и винодѣлія. 4-е изд., испр. и доп., А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1904. Стр. XVI+312+VI табл. Цѣна 3 р.“

— „Герои русской арміи. Картины, изданныя П. М. Плаховымъ: 5 серія. Варшава. 1899. № 1. Переходъ Суворова черезъ Чортовъ мость. 14 сентября 1799. — № 2. Взрывъ турецкаго броненосца. — № 3. Оборона Балзета. — № 4. Переправа черезъ Дунай у Систова. 15 июня 1877. — 6 серія. М. 1899. № 1. Ермакъ — покоритель Сибири. 20 августа 1598 г. — № 2. Полтавская битва. 27 июня 1709 г. — № 3. Знаменщикъ Ивановъ. — № 4. Переходъ черезъ Балканы. 13 декабря 1877. — 7 серія. Лейпцигъ. 1902. № 1. Бородинское сраженіе. 26 августа 1812 г. — № 2. Взятіе Плевны. 28 ноября 1877 г. — № 3. Подвигъ Мазовскаго. — 8 серія. Лейпцигъ. 1902. № 1. Штурмъ Карса. 6 ноября 1877 г. — № 2. Оборона Шипки. 9—15 августа 1877 г. — № 3. Плѣненіе Шамиля. 25 августа 1859 г. — 9 серія. Лейпцигъ. 1902. № 1. Въ Зимницѣ. 16 июня 1877. — № 2. Ратники при оборонѣ Севастополя. — № 3. Взятіе Самарканды. 2 мая 1868 г. — 10 серія. Лейпцигъ. 1902. № 1. Взятіе фортовъ Таку. 4 июня 1900 г. — № 2. Штурмъ Пекина. 1—3 августа 1900 г. — № 3. Оборона Благовѣщенска. — 11 серія. Лейпцигъ. 1902—1903. № 1. Взятіе Варшавы. 26 августа 1831 г. — № 2. Матрость Шувченко. — № 3. Штурмъ Гюсюк-Тепе. — 12 серія. Лейпцигъ. 1903. № 1. Донской атаманъ Платовъ. — № 2. Тобольцы при солѣ Четати. 25 декабря 1853 г. — № 3. Выручка въ бою товарища. — 13 серія. Лейпцигъ. 1904. № 1. Тюренченскій бой. — № 2. Боевой поѣздъ. — № 3. Кавалерійскій бой у Вафангоу. — 14 серія. Лейпцигъ. 1905. № 2. Василій Рябовъ. — № 3. Смерть героевъ. Цѣна каждой серіи 1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.“

— „Геройская смерть народнаго героя и защитника Портъ-Артура, генералъ-лейтенанта Романа Исидоровича Кондратенко, 2-го декабря 1904 года. (Картина). Цѣна 1 р.“

— „Герштетеръ, Фр. Заря новой жизни. Изд. 2-е, И. П. Первозникова. С.-Пб. 1905. Стр. 371. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „Гославскій, Е. Среди полей. Сборникъ рассказовъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 79. Цѣна 50 коп.“

— „Елаинъ, П. Н. Куры и уходъ за ними. 5-е изд. К. И. Тихомирова. (Сельско-хоз. библ.). М. 1904. Стр. 65. Цѣна 15 коп.“

— „Засодимскій, П. Черные вороны. (Дешевыя изданія т-ва И. Д. Сытина). М. 1905. Стр. 36. Цѣна 3 коп.“

— „Ивановъ, И. И. Ф. Шиллеръ. Біографическій очеркъ. Изд. жур. «Дѣтское Чтеніе». (Библ. для семьи и школы). М. 1905. Стр. 52. Цѣна 15 коп.“

— „Картины, изданныя П. М. Плаховымъ: № 1. Отправленіе казака на войну.—№ 2. Возвращеніе казака съ войны. Лейпцигъ. 1904. Цѣна за обѣ картины 1 р., съ перес. 1 р. 35 коп.“

— „Каширскій, И. А. Свиноводство. Практическое руководство для русскихъ сельскихъ хозяевъ. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библ.). С.-Пб. 1904. Стр. 196+III. Цѣна 1 р.“

— „Кичуновъ, Н. И. Культура плодовыхъ дичковъ и подвоевъ. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библ.). С.-Пб. 1905. Стр. 40. Цѣна 30 коп.“

— „Конанъ-Дойль. Приключенія Шерлока Хольмса. М. 1905. Стр. 319. Цѣна 1 р.“

— „Конанъ-Дойль, А. Воскресшій Шерлокъ Гольмсъ. Новѣйшія похождения знаменитаго сыщика. М. 1905. Стр. 272. Цѣна 1 р.“

— „Конанъ-Дойль, А. Женщина съ револьверомъ. Четыре разсказа изъ походовъ Шерлока Гольмса. М. 1905. Стр. 128. Цѣна 50 коп.“

— „Конанъ-Дойль, А. Сундукъ-убійца и др. рассказы. Переводъ Н. Д. Облеухова. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Стр. 168. Цѣна 50 коп.“

— „Конисскій, О. Я. Тарасовъ крестъ. Рассказы про Тараса Шевченко. Съ малоросс. Изд. т-ва И. Д. Сытина. № 23. М. 1905. Стр. 32. Цѣна 1½ коп.“

— „Костычевъ, П. А. Почва, ея обработка и удобреніе. Практическое руководство. (Дерев. хоз. и дерев. жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 52). Изд. 2-е. М. 1905. Стр. VIII+316. Цѣна 1 руб.“

— „Крюковъ, Н. А. Праздники древопосаженія, какъ ихъ устраи-

вать и какъ заводить посажен. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“

— „*Лабуля*. Паша-пастухъ. Турецкая сказка. Изд. т-ва И. Д. Сытина. № 16. М. 1905. Стр. 32.“

— „*Лейкинъ*, Н. А. Въ родномъ углу. Романъ.—Просвѣтитель. Повѣсть. С.-Пб. 1905. Стр. 431. Цѣна 1 р. 20 коп.“

— „*Лисовскій*, И. М., и И. В. *Шумкога*. Костеръ безостый. Самара. 1904. Стр. 16. Цѣна 20 коп.“

— „Любовь горбуна. Изъ романа Д. Эліота. Мельница на флосѣ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. № VII. М. 1905. Стр. 404.“

— „*Медведь*, Л. Изъ тины житейской. Сборникъ рассказовъ. М. 1905. Стр. 175. Цѣна 60 коп.“

— „*де-Местръ*, *Ксаевъ*. Параша Сибирячка. Перев. съ франц. А. В. *Перельминой*. Изд. 2-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“

— „*Мордовцевъ*, Д. Л. Аютины глаза или Какъ казакъ Петренко женился на родной сестрѣ Гали. Историческій рассказъ изъ быта на Украинѣ. Изд. И. П. Перевозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 12). С.-Пб. Стр. 14. Цѣна 10 коп.“

— „*Мордовцевъ*, Д. Л. Бранка или Бѣдная невольница. Историческій рассказъ временъ татарскихъ набѣговъ на Россію. Изд. И. П. Перевозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 13). С.-Пб. Стр. 19. Цѣна 10 коп.“

— „*Мордовцевъ*, Д. Л. Волю сосватали. Рассказъ изъ народныхъ повѣрій въ Малороссіи. Изд. И. П. Перевозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 9). С.-Пб. Стр. 8. Цѣна 5 коп.“

— „*Мордовцевъ*, Д. Л. Изъ острога до царскаго порога или Какъ царь Алексѣй Михайловичъ помиловалъ Кузьму за кречета. Историческій рассказъ. Изд. И. П. Перевозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 18). С.-Пб. Стр. 15. Цѣна 10 коп.“

— „*Мордовцевъ*, Д. Л. Козакъ Голота (Побѣдитель Тура). Историческій рассказъ изъ временъ нашествія татарской орды на Россію. Изд. И. П. Перевозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 6). С.-Пб. Стр. 36. Цѣна 15 коп.“

— „*Мордовцевъ*, Д. Л. Кто-то вернется. (Бородино). Историческій рассказъ изъ временъ нашествія французовъ на Россію. Изд. И. П. Перевозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 18). С.-Пб. Стр. 8. Цѣна 5 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Любимый советъ Грознаго (царя Ивана Васильевича). Историческій рассказъ. Изд. И. П. Первозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 5). С.-Пб. Стр. 31. Цѣна 15 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Не судилъ Богъ. Историческій рассказъ изъ временъ поѣздки по Россіи Императрицы Екатерины II. Изд. И. П. Первозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 4). С.-Пб. Стр. 29. Цѣна 15 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Не сыну красное ябло, а внуку. Историческій рассказъ временъ царя Ивана Васильевича III «Собирателя русской земли». Изд. И. П. Первозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 14). С.-Пб. Стр. 8. Цѣна 5 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д.* Новыя историческія повѣсти и рассказы. (1-е полное собраніе сочиненій. Т. XII). Изд. И. П. Первозникова. С.-Пб. 1905. Стр. 78+29+31+51+15+8+10+14+14+19+8+9+14+9+8+15. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Пасхальный обѣдъ у Тишайшаго (царя Алексѣя Михайловича) въ 1656 году. Историческій рассказъ. Изд. И. П. Первозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 15). С.-Пб. Стр. 9. Цѣна 5 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Первое чудо младенца Христа въ пустынь. (При бѣгствѣ Іосифа и Маріи изъ Виллема). Изд. И. П. Первозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 8). С.-Пб. Стр. 15. Цѣна 5 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* «Пешное дѣйство» на Москвѣ въ 1675 году при дворѣ тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Историческій рассказъ. Изд. И. П. Первозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 17). С.-Пб. Стр. 9. Цѣна 5 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Посажёная мать. Историческая повѣсть изъ временъ поѣздки въ Крымъ Императрицы Екатерины II. Изд. И. П. Первозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 3). С.-Пб. Стр. 78. Цѣна 35 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Пропли дѣвку или Рассказъ о томъ, какъ выдавали замужъ по приказу царя Ивана Васильевича. Историческій рассказъ. Изд. И. П. Первозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 16). С.-Пб. Стр. 14. Цѣна 10 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Прощаніе царицы Сююнбеки съ Казанскимъ царствомъ. Историческій рассказъ. Изд. И. П. Первозникова.

(Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 7). С.-Пб. Стр. 51. Цѣна 10 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Черезъ гадюкъ счастье или Какъ Остапъ змѣями добылъ въ жены себѣ дѣвку Орисью. Народный рассказъ изъ Украинской жизни. Изд. И. П. Перевозникова. (Библ. русск. писат. для самообраз. Кн. 10). С.-Пб. Стр. 10. Цѣна 5 коп.“

— „Народный русскій календарь на 1906 г. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 79+1 карта. Цѣна 20 коп.“

— „*Оржешко, Элиза.* Могучій Самсонъ. Перев. съ польск. Н. И. П. Изд. 2-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 63. Цѣна 10 коп.“

— „*Піотрашко, Л.* Земля, растеніе и удобреніе. Руководство для употребленія искусственныхъ удобрений. Ярославль. 1904. Стр. 76.“

— „Подземныя богатства. Нефть и нефтяныя промыслы въ Баку. (Дешевыя изд. т-ва И. Д. Сытина). М. 1905. Стр. 35. Цѣна 3 коп.“

— „*Позняковъ, Н. И.* Житейскіе рассказы. Изд. 2-е. М. Стр. 233. Цѣна 75 коп.“

— „*Позняковъ, Н. И.* Соловьиный садъ. Старинное преданіе. Изд. т-ва И. Д. Сытина. № 15. М. 1905. Стр. 32.“

— „*Поповъ, Ив.* Объ улучшеніи крестьянскаго садоводства. Изд. Каз. Ветер. Инст. Казань. 1897. Стр. 14.“

— „Пѣсни. Сборникъ стихотвореній. Изд. т-ва И. Д. Сытина. № 21. М. 1905. Стр. 31.“

— „*Романовскій-Романько, А. С.* Южно-русское садоводство. Изд. А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1904. Стр. XXIV+260. Цѣна 1 р. 20 коп.“

— „Самоуправленіе крестьянскаго сельскаго и волостного общества. М. 1905. Стр. 143. Цѣна 25 коп.“ (также для публ. нар. чтеній).

— „*Семеновъ, С. Т.* Родныя души. Повѣсть. № 480. М. 1904. Стр. 143. Цѣна 15 коп.“

— „*Сенкевичъ, Генрихъ.* Повѣсти и рассказы. Перевелъ *Вуколь Мих. Лавровъ.* Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». (Библ. для семьи и школы). М. 1905. Стр. 118. Цѣна 40 коп.“

— „*Тищенко, Ѡ.* Люди темные. Быль, рассказанная крестьяниномъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 47. Цѣна 10 коп.“

— „*Толстой, Л. Л.* Противъ общины. Три статьи. М. 1900. Стр. 77. Цѣна 50 коп.“

— „Толстой, Л. Н. Три вопроса: — Много ли человеку земли нужно. Изд. т-ва И. Д. Сытина. № 10. М. 1905. Стр. 32.“ (также для публ. нар. чтеній).

— „Федоровъ, Д. В. Культура озимей по кукурузѣ. (Американскій паръ). Изд. П. П. Союзкина. (Сельско-хоз. библ.). С.-Пб. 1904. Стр. 42. Цѣна 30 коп.“

— „Человѣкъ-чудовище. Повѣсть. Съ франц. изложила А. Юрсева. № 420. М. 1904. Стр. 72. Цѣна 5 коп.“

— „Шимановскій, Всеволодъ. Какъ Архимъ разбогатѣлъ. Изд. 3-е, К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. 47. Цѣна 10 коп.“

— „Шумковъ, И. В. Многосѣменная тыква, какъ самое выгодное и надежное масличное и кормовое растение. Самара. 1904. Стр. 32. Цѣна 90 коп.“

— „Шумковъ, И. В. О житнякѣ и нѣкоторыхъ дикорастущихъ травахъ, пригодныхъ для посѣва. Самара. 1904. Стр. 40. Цѣна 30 коп.“

— „Эллиотъ, Джорджъ. Дѣтубійца или Адамъ Бидъ, деревенскій столяръ. Романъ. Съ англ. Е. Б. № 330. М. 1900. Стр. 543. Цѣна 43 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Абраменко, Ѳ. Словарикъ, заключающій около 7.000 словъ, затруднительныхъ для правописанія. Изд. 2-е, дополн. Кіевъ. 1905. Стр. 124. Цѣна 10 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго учебнаго пособия, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Бунаковъ, Н. Живое слово. Учебная книга для начальной школы. Изд. Д. Д. Полубояринова. Часть I. С.-Пб. 1903. Стр. 208. Цѣна 60 коп.—Часть II. С.-Пб. 1905. Стр. 271. Цѣна 85 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Посредниковъ, А. Курсъ начального правописанія. Изд. «Петерб. учебн. маг.» С.-Пб. 1905. Годъ II, выпускъ I. Стр. 64. Цѣна 10 коп.—Выпускъ II (3-й годъ обученія). Стр. 80. Цѣна

15 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

Въ посадѣ Нью-Йоркъ, Желѣзнянской волости, Бахмутскаго уѣзда, открывается центральное трехклассное училище на мѣстных средства.

КЪ ЛИЦЕЙСКИМЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ А. С. ПУШКИНА.

(Нѣсколько поправокъ и вариантовъ).

Покойный первый редакторъ академическаго изданія Пушкина, перечисляя сохранившіяся рукописи лицейскихъ стихотвореній поэта, говорить о нѣсколькихъ рукописныхъ сборникахъ произведеній лицействова I выпуска, въ томъ числѣ и Пушкина, которые хранились и нашлись въ бумагахъ нѣсколькихъ первенцовъ лицея, а именно Яковлева, Корфа, Матюшкина, и которыми успѣли еще воспользоваться П. В. Анненковъ, П. В. Гаевскій, а также мой покойный отецъ, Я. К. Гротъ.

Л. Н. Майковъ же, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, не могъ уже воспользоваться нѣкоторыми изъ этихъ рукописей и въ своей критикѣ дошедшихъ до насъ текста и вариантовъ отдѣльныхъ стихотвореній ссылается на эти первоисточники лишь со словъ лицъ, которые ихъ успѣли до нѣкоторой степени исчерпать или описать.

Здѣсь я разумѣю, главнымъ образомъ, лицейскіе рукописные сборники-тетрадки гр. М. А. Корфа и Ф. Ф. Матюшкина.

Что касается первой изъ нихъ, то она, повидимому, безслѣдно исчезла уже давно. По крайней мѣрѣ, мѣстонахожденіе ея мнѣ неизвѣстно и никто, кажется, послѣ Анненкова, Гаевского и Ефремова ею не пользовался. Будемъ надѣяться, что этотъ интересный манускриптъ когда-нибудь еще отыщется. Пока же мы, къ счастью, располагаемъ значительными выписками изъ этой тетради.

Въ архивѣ отца моего имѣются три тетради съ переписанными его рукою въ очень старые годы стихотвореніями лицейскихъ поэтовъ I-го выпуска подъ заглавіемъ: „Извлеченіе изъ собранія лицейскихъ стихотвореній 1-го курса“, тетрадь I-я, II-я и III-я.

Не можетъ быть сомнѣнія, что это именно тѣ выписки, которыя

имъ были сдѣланы въ 1880-хъ годахъ изъ сообщеннаго ему графомъ Корфомъ сборника, о которомъ онъ упоминаетъ въ нижеприводимомъ письмѣ его къ Д. Н. Замятину.

Въ этомъ „Извлеченіи“, рядомъ съ произведеніями Пушкина, имѣются стихи Дельвига, Илличевского, Кюхельбекера и Корсакова. Изъ 42 стихотвореній, здѣсь переписанныхъ, 20, т. е. почти половина—пушкинскихъ. Вотъ ихъ перечень въ порядкѣ записи: Къ молодой актрисѣ, Князю Горчакову, Леда, Стансы, Къ Пушину, Къ Паташѣ, Окно, Наслажденіе, Къ Машѣ, Истина, Къ Делю, Сонъ, Принцу Оранскому, Къ Дольвигу, Фіалъ Анакреона, Дядя назвавшему сочинителя братомъ, Сновидѣніе, Божо царя храини, Къ Батюшкову, Кюхельбекеру.

Этими списками перечисленныхъ нѣось, какъ извлеченными изъ подлиннаго лицейскаго сборника, и при томъ, какъ видно, съ чрезвычайною тщательностью, нельзя не воспользоваться для провѣрки имѣющихся текстовъ, что я и не преминулъ сдѣлать. Результаты сличенія будутъ указаны ниже. Но несомнѣнно большій интересъ и значеніе представляетъ другой сборникъ, которымъ я располагаю, т. е. *тетрадь Матюшкина*, сохранившаяся въ подлинникѣ.

На основаніи этой рукописи мною недавно (см. Новое Время, № 10527, отъ 24-го іюня и „Историческій Вѣстникъ“, августъ) была, въ подтвержденіе сомнѣнія, высказаннаго г. Лернеромъ, обнаружена и удостовѣрена ошибка въ приписаніи Пушкину эпиграммы „Надпись на мой портретъ“, принадлежащей въ дѣйствительности, какъ оказывается, *Дельвигу*. Теперь, на основаніи той же тетрадки, какъ увидимъ ниже, приходится удостовѣрить еще другую подобную же ошибку: послѣдняя изъ трехъ извѣстныхъ эпиграммъ на Пучкову („Зачѣмъ объ инвалидной долѣ“ etc.) принадлежитъ не Пушкину, а *Илличевскому*.

Объ этомъ сборникѣ скажемъ теперь подробнѣе. Л. Н. Майковъ, перечисляя рукописи лицейскихъ стихотвореній, пишетъ: „Другая рукописная тетрадь, подобная „Духу лицейскихъ трубадуровъ“, была въ рукахъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина...; она относилась къ 1817 г. и была озаглавлена: „Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго лица“; гдѣ теперь эта тетрадь—не знаемъ, но мы имѣли въ рукахъ ея описаніе, составленное лѣтъ двадцать тому назадъ И. П. Хрущовымъ, и изъ этого описанія извлекли нѣсколько данныхъ, сообщаемыхъ ниже въ примѣчаніяхъ“¹⁾. Когда покойный Л. Н. работалъ надъ

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. I, 2-ое акад. изд. 1900 г. Примѣчанія, стр. 11.

академическимъ изданіемъ, мною было предоставлено въ его распоряженіе все, что по части автографовъ и списковъ стиховъ Пушкина и его товарищей мнѣ въ то время удалось найти въ бумагахъ отца. Но не всѣ бумаги его были тогда разобраны, и недавно среди его собственныхъ лицейскихъ замѣтокъ и воспоминаній нашлись какъ упомянутыя выписки изъ тетради М. А. Корфа, такъ и тетрадка Матюшкина. Вотъ почему намъ не удалось подѣлаться этимъ матеріаломъ ни съ Л. Н. Майковымъ, ни съ другими редакторами послѣднихъ изданій Пушкина.

Тетрадь О. О. Матюшкина была дважды въ рукахъ моего отца. Въ первый разъ ему передалъ ее на просмотръ воспитанникъ 3-го курса (извѣстный позже государственный дѣятель) Д. Н. Замятинъ 19-го октября 1880 г. на лицейскомъ обѣдѣ. Черезъ три дня (22-го октября) Я. К. возвратилъ ее при слѣдующемъ письмѣ:

„Милостивый государь, Дмитрій Николаевичъ. Возвращая при семъ съ искреннею благодарностью полученную отъ васъ 19-го октября тетрадку, могу сказать о ней слѣдующее. Она писана рукой Матюшкина, кромѣ послѣдняго стихотворенія, въ которомъ узнаю почеркъ Иличевского ¹⁾),—вѣроятно въ послѣднее время пребыванія ихъ въ Лицеѣ. Это—часть сборника лицейскихъ стихотвореній разныхъ авторовъ, подобнаго тому, какой сообщалъ мнѣ и покойный графъ Корфъ, откуда я еще въ 1833 г. сдѣлалъ значительныя выписки ²⁾). Впослѣдствіи имъ пользовался и Анненковъ при изданіи сочиненій Пушкина. Въ Полѣновской тетради ³⁾) я внимательно разсмотрѣлъ всѣ стихотворенія Александра Сергѣевича. Въ нихъ есть мѣста, пропущенныя по цензурнымъ причинамъ, въ изданіяхъ Анненкова и Исакова (прежнихъ)... Матюшкинъ давно потерялъ изъ виду эту тетрадку, потому что, передавая мнѣ въ 1872 году свои лицейскія бумаги, онъ ничего не упомянулъ ни о ней, ни объ другихъ частяхъ сборника“...

Въ этомъ письмѣ рукопись Матюшкина названа „Полѣновской тетрадью“. По всей вѣроятности, Д. Н. Замятинъ передавалъ ее моему отцу по порученію или съ разрѣшенія И. П. Хруцова, нашедшаго ее въ бумагахъ Д. В. Полѣнова. Это доказывается позднѣйшимъ свидѣтельствомъ Я. К. Издавая въ 1887 г. свою книгу „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, онъ, помѣщая въ „Дополненіяхъ къ изданіямъ Пушкина“ неизданную эпиграмму Пушкина („Портретъ“)—

¹⁾ „Въ альбомѣ Иличевскому“, Пушкина. К. Г.

²⁾ Объ этихъ-то сохранившихся выпискахъ я и говорилъ выше. К. Г.

³⁾ Т. е. Матюшкинской. К. Г.

изъ этого сборника, отзывается о немъ такъ: „Въ октябрѣ 1880 года И. П. Хрущовъ сообщалъ мнѣ доставшуюся ему отъ покойнаго Д. В. Полѣнова тетрадь стихотвореній перваго выпуска съ отиѣткою: „Эта тетрадь принадлежала Матюшкину“. Въ ней я не нашелъ почти ничего новаго, и выписалъ изъ нея только дополненія къ сказкѣ Пушкина *Бова*, которыя въ настоящее время уже напечатаны, да слѣдующую его же эпиграмму на одного изъ лицейскихъ гувернеровъ, до сихъ поръ (сколько мнѣ извѣстно) нигдѣ не появлявшуюся“ (слѣдуетъ текстъ изъ пьесы „Портретъ“: „Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ и т. д.“¹⁾).

Безъ сомнѣнія, впоследствии (не знаемъ, когда именно, — во всякомъ случаѣ послѣ 1887 г., т. е. вѣроятно незадолго до кончины академика) И. П. Хрущовъ передалъ эту тетрадку моему отцу для присоединенія ея къ прочимъ бумагамъ лицейскихъ первенцевъ. У него же, Хрущова, осталось имъ составленное описаніе этой тетради, которымъ и пользовался Л. Н. Майковъ.

Теперь, рассказавъ о ея исторіи, скажемъ о ея внѣшности и содержаніи. Это — довольно уже истрепанная тетрадка синей бумаги, исписанная до конца, на 67 стр. некрасивымъ, но довольно разборчивымъ почеркомъ Матюшкина. На заглавномъ листкѣ: *Стихотворенія воспитанниковъ Императорскаго Лицея* (приписано позже: *1 Выпуска. 1811—1817) часть II, въ Царскомъ Селѣ*. — Внизу надписано кѣмъ-то (И. П. Хрущовымъ?): „эта тетрадка принадлежала Матюшкину, а потомъ мнѣ досталась“. Оглавленіе на второмъ листкѣ, равно какъ и послѣднее помѣщенное въ этой тетрадкѣ стихотвореніе („Въ альбомѣ Илличевскому“) написаны рукой Илличевского.

Эта тетрадь составляетъ, очевидно, лишь часть цѣлаго сборника, какъ это видно изъ обозначенія „ч. II“ и изъ №№ самыхъ пьесъ въ оглавленіи и текстѣ.

Первая пьеса имѣетъ римскую цифру CXVII. Послѣ названія стихотворенія стоитъ въ скобкахъ начальная буква фамиліи автора, т. е. П. (Пушкинъ), Д. (Дельвигъ), И. (Илличевскій) и Кюх. (Кюхельбекеръ).

Всего здѣсь помѣщено 34 пьесы.

Приводимъ все оглавленіе съ обозначеніемъ страницъ.

CXVII. Осень (Кюх.)	1
CXVIII. Къ Амуру (Д.)	2

¹⁾ „Пушкинъ и пр.“, Я. К. Грота, 2-ое изд., стр. 159.

СХІХ. Пѣвецъ (П.)	2
СХХ. Сонъ (отрывокъ) (П.)	3
СХХІ. Сновидѣніе (П.)	12
СХХІІ. Диѳирамбъ (Влук.)	13
СХХІІІ. Богиня тамъ и Богъ теперь (Д.)	14
СХХІV. Цефизъ (Д.)	17
СХХV. Пирующіе студенты (П.)	19
СХХVІ. Couplets (П.)	24
СХХVІІ. Роза (П.)	24
СХХVІІІ. Близость любовниковъ (Д.)	26
СХХІХ. Задравный кубокъ (П.)	27
СХХХ. Евагеа (П.)	29
СХХХІ. Истина (П.)	32
СХХХІІ. Вова (П.)	id.
СХХХІІІ. Къ Переводчику Діаны (Д.)	45
СХХХІV. Стансы (П.)	id.
СХХХV. Портретъ (П.)	47
СХХХVІ. На музыканта (И.)	48
СХХХVІІ. Надпись на бесѣдѣ (П.)	id.
СХХХСІІІ. На Пучкову (И.)	id.
СХХХІХ. Надпись на мой портретъ (Д.)	49
СХІ. Экспромтъ на Агареву (П.)	id.
СХІІ. Тріолетъ к. Горчакову (Д.)	id.
СХІІІ. Красавицѣ, которая нюхала табакъ (П.)	50
СХІІІІ. Посланіе къ Наташѣ (П.)	52
СХІІV. Stances (П.)	56
СХІV. Князю А. М. Горчакову (П.)	57
СХІVІ. Посланіе Лидѣ (П.)	60
СХІVІІ. Пробужденіе (П.)	63
СХІVІІІ. Молодой вдовѣ (П.)	64
СХІІХ. Друзьямъ (П.)	65
СХІХ (sic). Въ альбомъ Иличевскому	66

Затѣмъ подъ каждымъ стихотвореніемъ стоитъ имя автора полною.

Что касается самого текста стихотвореній, представляющаго почти всегда первоначальную ихъ редакцію, то надо признать, что списаны они не особенно тщательно: встрѣчаются описки, орфографическія ошибки и полное невниманіе къ знакамъ препинанія, доказывающія небрежность или не особенную грамотность переписчика.

На основаніи этой тетради, выписокъ изъ сборника М. А. Корфа и еще нѣкоторыхъ отдѣльныхъ списковъ въ собраніи отца и сличенія съ ними уже извѣстныхъ текстовъ я и предлагаю здѣсь нѣкоторыя поправки и варианты къ стихотвореніямъ Пушкина. Я разсмотрю всѣ

имѣющіяся въ этихъ собраніяхъ его пьесы, держась принятаго въ послѣднихъ изданіяхъ порядка.

Къ Делін.

(Пѣсня).

Это неоконченное Пушкинымъ, подобранное и дописанное Илличевскимъ стихотвореніе, печатаемое обыкновенно въ этой подправленной редакціи, впервые опубликованной Гаевскимъ (Соврем. 1863, № 7, стр. 158), сохранилось, какъ извѣстно, и въ спискѣ самого Илличевского, и въ первоначальномъ неоконченномъ автографѣ Пушкина, мало разборчивомъ и съ многочисленными пометками. Послѣдній былъ еще въ 1876 г. подаренъ моимъ отцомъ Чешскому музею въ Прагѣ—для его собранія автографовъ—и воспроизведенъ не такъ давно въ „Извѣстіяхъ книжн. маг. т-ва М. О. Вольфъ“ (1899, № 6, стр. 124), при замѣткѣ г. В. Францева. Списокъ же Илличевского (автографъ *его* именно, а не какого-либо его товарища, какъ думаетъ г. Ефремовъ, см. С. П. т. VIII, стр. 3) былъ, очевидно, также среди бумагъ, переданныхъ отцу Θ. Матюшкинымъ, и въ свое время сообщенъ былъ Л. П. Майкову, который ошибочно принялъ его за Пушкинскій автографъ и не узналъ въ немъ именно той рукописи, которая была, повидимому, въ рукахъ у г. Гаевского, какъ на это указалъ ужъ г. Ефремовъ.

Редакторы послѣднихъ изданій Пушкина различно отнеслись къ этой пьесѣ. Л. Н. Майковъ помѣстилъ текстъ списка (автографа) Илличевского, принятаго имъ за пушкинскій автографъ. П. О. Морозовъ далъ въ изданіи тотъ же текстъ, а въ „Дополнительныхъ примѣчаніяхъ“ воспроизвелъ по извѣстному черновому перечерканному подлинному наброску—пушкинскій текстъ со всѣми пометками, хотя и не вполне точно. Наконецъ, П. А. Ефремовъ попытался возстановить текстъ стихотворенія по-своему, отчасти придерживаясь (въ началѣ 2-ой строфы) редакціи списка Илличевского, отчасти (въ 3-ей строфѣ) стараясь воспроизвести неразборчивые и недоконченные стихи подлинной рукописи.

Эта попытка г. Ефремова, вытекшая изъ правильнаго стремленія дать читателю только одно *пушкинское*, безъ поправокъ или дополненій его товарища, не можетъ, однако, быть признана удачною, ибо возстановить то, чего нѣтъ въ дѣйствительности, а имѣется лишь въ

зародышъ, чего не додѣлалъ, не дописалъ самъ Пушкинъ, — трудъ слишкомъ неблагодарный!

Вмѣсто слѣдующаго текста списка Илличевского:

„Накинуть ночи тѣни
 Покровы намъ свои,
 И дремлютъ рощей сѣни
 И быстро часъ любви
 Летитъ, — я весь горю желаньемъ.
 Спѣши, о Делія, свиданьемъ,
 Пади въ объятія мои!“

г. Ефремовъ прочелъ въ подлинной рукописи и далъ въ своемъ изданіи такой текстъ:

„Накинуть тѣни ночи
 Покровы намъ свои,
 Покровы скроютъ очи — (?)
 И быстро часъ любви
 Летитъ — и быстро исчезаетъ,
 И счастье съ нимъ улетаетъ.
 Лети-жъ въ объятія мои!“

И, съ своей стороны, не могу признать правильности такого чтенія, ибо тутъ не только произвольно возстановлено кое-что зачеркнутое и, напротивъ, опущено незачеркнутое, но и прочтено кое-что, кажется, ошибочно¹⁾. Въ результатѣ же получилось нѣчто довольно неуклюжее (даже съ искаженіемъ размѣра: предпоследній стихъ!), и, конечно, не пушкинское.

Такихъ чтеній при желаніи можно бы составить и не одно. А потому, мнѣ кажется, г. Ефремовъ сдѣлалъ бы лучше, если бы свою попытку чтенія не вводилъ въ самый текстъ своего изданія, а далъ бы въ примѣчаніяхъ.

По моему всего цѣлесообразнѣе было печатать это стихотвореніе въ извѣстной по списку Илличевского редакціи, но съ непремѣннымъ выдѣленіемъ курсивомъ стиховъ, не только прибавленныхъ, но и подправленныхъ Илличевскимъ, и съ оговоркой о томъ подъ строкой.

Обратимся теперь къ нашимъ вышеописаннымъ сборникамъ. Въ дошедшей тетради Матюшкина этой пьесы, къ сожалѣнію, совсѣмъ нѣтъ. Но въ извлеченіяхъ моего отца изъ тетради Корфа, представляющей источникъ не менѣе ранній и важный, она имѣется (тетр. I,

¹⁾ Слово „и счастье“ мы не можемъ отыскать въ автографѣ.

стр. 26) подъ заглавіемъ „Къ Делія“ и съ подписью *Пушкинъ* — въ редакціи, близкой къ редакціи рукописи Илличевского, но все-же съ вариантами и — какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, — въ редакціи лучшей, какъ-бы исправленной. Занесеніе этого стихотворенія въ такомъ видѣ съ именемъ Пушкина въ современный лицейскій сборникъ стиховъ лицействоу I курса, невольно наводитъ на предположеніе, что это не могло быть сдѣлано безъ вѣдома и согласія самого Пушкина и что мы, быть можетъ, имѣемъ здѣсь ту же редакцію, но нѣсколько исправленную и одобренную самимъ авторомъ.

Думаемъ, что читатель признаетъ правдоподобіе этого заключенія, если обратитъ вниманіе на варианты или *поправки* этой редакціи. Въ выноскахъ мы приведемъ соответственный текстъ списка Илличевского:

Къ Делія.

О Делія драгая,
Снѣжи, моя краса!
Звѣзда любви алата
Взошла на небеса;
Безмолвно мѣсяцъ покотился.
Снѣжи: твой Аргусъ удалился
И сонъ сомкнулъ его глаза ¹⁾.

* * *

Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенной
Сребристыя волны
Журчатъ съ унылой Филомелой,
Готовъ пріять любви веселой
И блескомъ освѣщенья луны.

* * *

Накинуть тѣни ночи ²⁾
Покровы намъ свои
И дремлютъ сѣни рощи ³⁾
И быстро нигъ любви ⁴⁾
Летить — я весь горю желаньемъ.

¹⁾ И *тронулъ сонъ его глаза* (какъ и въ первоначальной редакціи).

²⁾ *Накинуть ночи тѣни* (по Ефремову „тѣни ночи“).

³⁾ И *дремлютъ рощей сѣни*.

⁴⁾ И *быстро часъ любви*.

Слѣши, о Делія! свиданьемъ,
Слѣши въ объятія мои ¹⁾.

Если мое предположеніе заслуживаетъ вниманія, то не слѣдовало ли бы предпочесть эту редакцію для будущихъ изданій, уже по авторитетности ея источника?

Леда.

Эта пьеса, сохранившаяся въ поздней и неполной копіи, печатается обыкновенно по редакціи посмертнаго изданія Пушкина. Мы располагаемъ ея спискомъ въ извлеченіяхъ изъ тетради Корфа. Текстъ ея здѣсь очевидно исправитѣ прежняго. Вотъ поправки, которыя слѣдуетъ внести. Онѣ не особенно крупны, но все-же ими нельзя пренебречь.

Стихъ 1: *частымъ жемчугомъ* вмѣсто—*чистымъ жемчугомъ*.

Стихъ 21: *зашумѣло* вмѣсто—*восшумѣло*.

Послѣ стиха 37 (Слышно стenanъ) пропущенъ стихъ: „*Слова молчанья*“. Иначе недостаетъ рѣмы.

Стихъ 48-й слѣдуетъ читать:

„И пала таинства *прелестная* завѣса“

вмѣсто—таинства *прелестнаго* завѣса.

Стихотворенія Эвлега, Красавицѣ, которая нюхала табакъ, и *Stances* имѣются въ тетради Матюшкина, но въ уже извѣстныхъ редакціяхъ и не представляютъ новыхъ варіантовъ. Вторая пьеса — въ ранней редакціи, изъ которой варіанты приведены у Майкова и Ефремова.

Къ Наталѣ.

Это стихотвореніе, обращенное, какъ извѣстно, къ крѣпостной актрисѣ гр. В. В. Толстого, извѣстно было лишь въ позднѣйшей копіи и печаталось по тексту посмертнаго изданія сочиненій поэта. Но этотъ текстъ оказывается неполномъ и безъ конца — наиболѣе печальнаго—очевидно, по цензурнымъ причинамъ.

Тетрадь Матюшкина сохранила первоначальный полный текстъ, въ которомъ 34 лишнихъ стиха (28 послѣ 50-го и 6 стиховъ въ

¹⁾ *Падн* въ объятія мои.

концѣ). Печатаемъ здѣсь все стихотвореніе по Матюшкинскому тексту, съ французскимъ эпиграфомъ ¹⁾).

Посланіе къ Натальѣ.

Pourquoi craindrois-je de le dire
C'est Margot qui fixe mon gout.

Такъ и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце страстное влюбилось;
Признаюсь и я влюбленъ.
Пролетѣло счастья время,
Какъ любви не знаа бремя,
Я жила да поивала;
Какъ въ театрѣ и на балахъ,
На гулянья(хъ) иль въ воксалахъ
Легкимъ Зефиромъ леталъ —
Какъ смѣлся во зло Амуру
Я писалъ карикатуру
На любезной женскій полъ;
Но напрасно я смѣлся,
Наконецъ и самъ попался,
Самъ, увы! съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность — все подъ лавку.
Изъ Катонъ я въ отставку
И теперь я—Ц(С)ладонъ.
Милостивой жрицы Талы
Видѣлъ прелести Натальи
И ужъ въ сердце (sic) — Купидонъ!
Такъ, Наталья, признается(юся)
Я тобою полоненъ,
Въ первый разъ еще [стыжуся]
Въ женски прелести влюбленъ;
Цѣлый день, какъ ни верчуся,
Лишь тобою занятъ я.
Ночь придетъ — и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньи,
Вижу въ легкомъ одѣяньи,
Будто милая со мной.
Робко, сладостно дыханіе,
Бѣлой груди колебаніе,
Снѣгъ затмившей бѣлизной;
И полуотверсты очи...

¹⁾ Невѣдомыя до сихъ поръ стихи и варианты печатаемъ курсивомъ. Добавляемъ необходимѣйшіе знаки препинанія.

Скромный кракъ безмолвной ночи...
 Духъ въ восторгъ приводитъ мой—
 Я одна въ бесѣдкѣ съ нею...
 Вижу... дѣвственну лицею,
 Тренещу, томлюсь, нѣгью...
 И проснулся... вижу кракъ
 Вкругъ постели одинокой—
 Изнусаю вздохъ глубокой!
 Сонъ дѣвственн, томлюсь
 Отлетаетъ на крылахъ.
 Страсть сильнѣе становится;
 А любовью утомясь,
 Я слабѣю всякой часъ
 Все къ чему-то умъ стремится...
 А къ чему?—никто изъ насъ
 Дамамъ еслухъ того не скажетъ
 А ужъ такъ и слухъ размажетъ.
 Я—по свойски объяснюсь...
 Вотъ любовники желаютъ
 И того, чего не знаютъ.
 Это—свойство изъ, диллюсь!
 Завернувшись балахономъ
 Съ швабской шапкой на бекрень
 Я желалъ бы фильмономъ
 Подъ вечеръ, какъ всюду тьма,
 Взлѣзъ Анюта къ моему руку,
 Изъяснять любовну муку,
 Говоритъ: она моя.
 Я желалъ бы, чтобъ Назорой
 Ты старалася меня
 Удержатъ умиленнымъ взоромъ.
 Или сидимъ Опекуномъ
 Легкой, миленькой Розины,
 Старымъ пасынкомъ судьбины,
 Въ спанчъ и съ парикомъ ²⁾,
 Дерзкой пламенной рукою
 Влюбитъжну, пожу труду...
 Я желалъ... да етъ ногою
 Моря не перешагнуть,
 И хоть по уши влюбленный
 Но съ тобою разлученный
 Всей надежды я лишень.
 Но Наталья, ты не знаешь

²⁾ Тутъ, безъ сомнѣнія, имѣются въ виду роли, въ которыхъ выступала эта Наталья. К. Г.

Кто твой нѣжный селадонъ...
 Ты еще не кониашень
 Отчего не смѣть онъ
 И надѣяться?—Наталья,
 Выслушай еще меня.
 Ни владѣтель я Серая,
 Ни Арабъ (sic), ни Турокъ я,
 За ретиваго Китайца
 Грубаго Американца
 Почитать меня нельзя.
 Не представь и нѣмцурою
 Съ колнакомъ на волосахъ.
 Съ кружкой, пивомъ налитомъ,
 И съ цыгаркою въ зубахъ.
 Не представь кавалергарда
 Въ каскѣ, съ длиннымъ нагажомъ —
 Не люблю я бранный громъ:
 Шпага, сабля, алебарда
 Не тагчать моею рулею
 За Адамомъ гуляю.
 —Да кто-жь ты ²⁾, болтунъ влюбленный?
 —*Взгляни на стѣны совѣщеньны,*
Гдѣ безмолвля стѣнный жрать,
Взгляни на окна зауряденны,
На лампы тамъ зажжены...
Знай, Наталья,—я... монахъ!

Къ молодой актрисѣ.

Текстъ, который находимъ во всѣхъ изданіяхъ, долженъ быть исправленъ по тексту извлеченія изъ тетради М. А. Корфа въ двухъ мѣстахъ. Вотъ эти довольно существенныя поправки:

Стихъ 13-й ³⁾: „Сулять любовникамъ утѣхи“ долженъ быть совсѣмъ выброшенъ, какъ лишній и неумѣстный: его нѣтъ въ нашемъ старомъ, корфовскомъ спискѣ. Дѣйствительно, къ сказуемому „сулять“...—вовсе не подходитъ подлежащимъ слово „смѣхи“, послѣ котораго у насъ стоитъ двосточіе. Да и „смѣхи“ уже имѣють ррему „успѣхи“.

Въ стихѣ 28-мъ: слова *не стыдась* должны быть замѣнены имѣющимъ въ нашей рукописи словомъ *застыдась*, что дѣйствительно даетъ смыслъ этому мѣсту, тогда какъ въ прежней редакціи его не-

²⁾ Или: Кто же ты...

³⁾ Цифры строкъ имѣются въ академическомъ изданіи.

хвatalo: актриса поднимала сложенные на груди руки и затѣмъ, застыдась, снова клала ихъ на грудь. „Не стыдась“ тутъ не имѣеть смысла. Вотъ слѣдовательно, какъ читается это мѣсто (по списку съ тетради Корфа):

Когда въ неловкости своей
Ты сложишь руки у груди...
Или ²⁾ подымешь ихъ, и снова
На грудь положишь застыдась...

Пирующіе студенты.

Текстъ этого стихотворенія въ тетради Матюшкина, гдѣ онъ имѣется цѣликомъ, включая и 9-ю строфу (продолженіе 8-й о Корсаковѣ) удерживаетъ кое-что изъ первоначальной редакціи и представляетъ нѣсколько незначительныхъ вариантовъ.

Перечисляю особенности текста нашего—сравнительно съ текстомъ, принятымъ г. Ефремовымъ въ послѣднемъ изданіи Суворина.

Во 2-й строфѣ:	15-й стихъ . . .	станутъ (вм. будутъ)
„ 3-й „	3-й „ . . .	лежишь (вм. сидишь)
„ 6-й „	5-й „ . . .	тасуюсь (а не тосуюсь)
„ 8-й „	2-й „ . . .	любимецъ Аполлона
„ „	3-й „ . . .	властителю (вм. властителя)

Въ послѣдней строфѣ заключительные стихи читаются такъ:

Писатель за свои грѣхи
Ты сидомъ всѣхъ трезвѣ,
Прочтижъ Вильгельмъ свои грѣхи
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе.

Въ первомъ стихѣ нѣтъ вовсе запятыхъ, а потому этотъ текстъ не даетъ основанія для рѣшенія спорнаго вопроса. Мы лично считаемъ оба чтенія возможнымъ. Можно ли доказать, что запятая послѣ „грѣхи“ въ первой строфѣ поставлена самимъ поэтомъ?

Къ Ватюшкову.

Текстъ по списку изъ тетради Корфа—тождественъ съ общепринятымъ. Въ 11 ст. находимъ форму „тополей“, а не „тополовъ“.

²⁾ У Майкова неправильно имъ. К. Г.

Городовъ.

Этого стихотворенія нѣтъ въ дошедшихъ до насъ тетрадяхъ; но оно сохранилось въ копіи неизвѣстной руки въ особой тетради большого формата (изъ толстой бумаги, съ золотымъ обрѣзомъ), въ которой, кромѣ этой пьесы, имѣются еще стихотвореніе „Картины“ (Фавнъ и Пастушка) и конецъ пьесы „Бова“. О происхожденіи этой тетради, по всѣмъ признакамъ относящейся также къ старому лицейскому времени, мы ничего не знаемъ.

Текстъ этой копіи почти тождественъ съ принятымъ текстомъ, взятымъ изъ первыхъ ся изданій и дополненнымъ изъ тетради Корфа. Есть, однако, незначительные варианты, которые мы и приведемъ, такъ какъ есть тутъ одинъ или два заслуживающіе быть принятыми.

- Стихъ 11-й: *звѣалъ* и веселился (вм. звѣвая веселился)
 „ 46-й: *невидимо* (вм. невидимый)
 „ 134-й: *Воспитанный* амурозъ (вм. воспитанны)
 „ 168-й: ... *свистъ* веселый (вм. стихъ веселый)
 „ 283-й: Съ бумагой и *перомъ* (вм. и съ перомъ)
 „ 291-й: *Иль въ юности* златой (вм. Иль юности златой)
 „ 428-й: *И клятеу* ужъ сдержу (вм. И слово ужъ сдержу).

Къ Дельвигу.

Въ извлеченіи изъ тетради Корфа текстъ этого посланія тотъ же, что въ известномъ лицейскомъ автографѣ (въ лиц. музей), то-есть представляетъ первоначальную редакцію. Въ воспроизведеніи этой редакціи у Майкова и Ефремова находимъ различную разстановку нѣсколькихъ стиховъ (начиная съ 18-го). Въ нашемъ спискѣ ихъ разстановка нѣсколько отличная, почему и приводимъ ее:

Да ты же мнѣ въ досаду
 (Что скажешь бѣлый свѣтъ?)
 Стихами до надсаду
 Мужжишь Икару въ слѣдъ:
 Смотрите, вотъ поэтъ!

Бова.

Л. Н. Майковъ, основываясь на показаніи И. П. Хрущова, говорить, что текстъ отрывка „Бова“, находящійся въ тетради Матюшкина, „вполнѣ сходенъ“ съ текстомъ рукописи Московскаго Публич-

наго музея, по которой напечаталъ отрывокъ впервые цѣликомъ—
А. Н. Незеленовъ, а за нимъ и Майковъ и Ефремовъ.

Оказывается однако, что это не совсѣмъ такъ. Редакція отрывка
въ тетради Матюшкина, не подвергшаяся цензурнымъ искаженіямъ,
не только даетъ нѣсколько вариантовъ, но и полнѣе, представляя нѣ-
сколько новыхъ стиховъ, которыхъ—судя по крайней мѣрѣ по печат-
нымъ текстамъ—нѣтъ въ музейномъ спискѣ. Мы приведемъ здѣсь
всѣ мѣста съ вариантами и новыми стихами, печатая курсивомъ и
тѣ, и другіе.

- Стихъ 13-й: Я хочу, чтобъ меня поняли
" 18-й: Херувимовъ жарить пушками
" 44-й: Царь Додошь ¹⁾ вѣнца со скипетромъ.

Послѣ 47-го стиха слѣдуютъ пять стиховъ въ скобкахъ:

...Но убивъ Царя законнаго
Вендакира *Слабоумнаго* ²⁾
(Такъ бывало вѣрноподанны
Величали, королей своихъ
Если король безсечныи
Не въ постель и не ночьюю
Почивали съ камергерами).

- Стихъ 51-й: Хотя спрочемъ не имѣлъ его.
" 70—72-й: Вы, которые совѣтахъ
Облегчили тяжесть скипетра
Уладили участь царскую.
" 101—2-й: „Онъ опасенъ моимъ замысламъ
(и за ними новый) „Что мнѣ дѣлать съ нимъ? скажите мнѣ,
„Не оставитъ ли въ тюрьмѣ его“?

Послѣ 106 стиха есть лишній:

- Не болтали здѣсь, а думали
Долго естъ *дѣлможу* думали.
Стихъ 114-й: Эзельдорфъ, обрѣтый *шеабъ* зѣвалъ
" 118—119-й: Вихромахъ, Полканъ *съ Дубиною*
Стража трона, славны рыцаря
" 139-й: Громобуря, крѣпко *спящаю*
" 163-й: Оплошалъ Додошь *съ отсрочкою*
" 172-й: Но *спинной* оборотился къ ней
" 180—81-й: Юбку, чепчавъ, ленту, кружево
Все *нодь* *влючъ* *съ шкатулку* спрятала

¹⁾ Матюшкинъ пишетъ всюду *Додошь*. К. Г.

²⁾ Подчеркнуто въ рукописи. К. Г.

- „ 196—7-й: *Видитъ тѣмъ иль призракъ старато:*
Вннцелосма съ динной шапкою
- Стихъ 200-й: *Видь невинный, взоръ на выкатъ*
- „ 204-й: *Зоя видитъ и со трепетомъ*
- „ 207-й: *Трепетно, сматены полавя*

Послѣ 211 стиха идетъ стихъ, пропущенный въ прежней редакціи:

Прочитала скорымъ поцотомъ
То что такъ не могъ я выучитъ
„Отче нашъ“ и „Богородице“.

- Стихъ 220-й: *Глумилъ смѣломъ освѣтнися*

(вм. „страннымъ свѣтомъ“—очевидно бессмысленной цензурной поправки).

Наконецъ послѣ 242 стиха еще слѣдуетъ стихъ неизвѣстный:

Зонька тутъ прѣздумалась
За „спасибо“ въ темну яму състь!
Это жестоко ей казалось.

Въ стихотвореніяхъ „Воспоминаніе“ (къ Пушкину) изъ тетради Корфа, „Къ Машѣ“ оттуда же, и „Роза“ въ тетради Матюшкина тексты сходны съ общепринятыми, безъ перемѣнъ.

Князю А. М. Горчакову.

Это стихотвореніе имѣется въ обѣихъ тетрадяхъ (Матюшкина и Корфа). И тамъ и тутъ послѣдній стихъ читается:

Уснулъ... Ершовой на грудяхъ.

Кромѣ того въ текстѣ извлеченія изъ Корфа стихъ 32-й читается:

Всегда, всегда летѣла всгдѣ.

Фавіъ и Пастушка.

Это стихотвореніе подъ заглавіемъ „Картины“ имѣется въ той особой тетради лицейскаго времени, гдѣ находится стихъ „Городокъ“ и конецъ пьесы „Бова“, какъ мы упоминали выше. Во всякомъ случаѣ эта тетрадь имѣетъ близкое отношеніе къ тому источнику, которымъ пользовался Гасвскій („Современникъ“, 1863, стр. 172—173), а затѣмъ Якушкинъ (въ „Библиографическихъ Запискахъ“, 1858). По крайней мѣрѣ нашъ списокъ представляетъ тѣ же варианты.

Приводимъ всѣ варианты—сравнительно съ текстомъ Майкова и Ефремова:

- Пастушка*: стихъ 12: У берега сонныхъ водъ
 „ 16—17: Когда же въ скромной жатъ
 Пастушку на кровать
 „ 23: И тайною тоскою

25—27: трехъ послѣднихъ стиховъ нѣтъ.

- Рыба*: стихъ 9: Въ туманахъ заслѣпнетъ
 вм. стиховъ 11—13: Такъ дѣвица мечтала
 Подчасъ и воздыгала
 Вдругъ слышится глухой
 Ей морозъ за кустами
 И вотъ блеснулъ очами...
 стихъ 16: Влѣзетъ она въ гѣсочекъ
 „ 18: Влѣзетъ, летитъ и Лилъ
 Всѣ тайны обнажила
 „ 21—22: И стѣсна грудь открылась
 Дыханьемъ вѣтерка
 „ 35: Не что? тебя волна,
 Красавица, собрила.
Чудо: „ 1: Амуры златокрылы
 „ 3: На помощь бѣдной Лилы
 „ 5—9: Оставили Цитеру
 И мать свою Венеру
 По скачущимъ волнамъ
 Везутъ ее въ пещеру
 Любви укрожный храмъ.
 „ 17: И лучъ свой уласила.
Физалъ: „ 3: Одишь вечерней тьмой
 „ 7: Губитъ ее печали младость
 „ 10—12: Съ кушинукомъ не пустымъ
 Сатиръ немного пьяный
 Явился передъ нимъ
 „ 19: Въ сторонку пошатнулся
 „ 35: И чашу наслажденья
 „ 38: И вотъ вино хититъ.
Очередь: „ 8: Покрытая тоскою

Четырехъ стиховъ 9—12 совсѣмъ нѣтъ.

- Философъ*: стихъ 8: Влюбленнымъ скрылся роѣ

Послѣ 8 стиха вставлены 4 стиха:

Ахъ! грустно сердцу Лилы
 Печальной и одной
 Безъ милого къ молитъ
 Тащится надъ клюкой.

- стихъ 10: Безмолвна и грустна.

Стихи 18—21 предшествуютъ стихамъ 13—17.

стихъ 23: *Коварный тонный взоръ*
 „ 25: *Къ любви весь разговоръ*
 „ 29: *Плещамъ твоимъ сказать.*

Фіалъ Анакреона.

Въ „Извлеченіяхъ“ изъ тетради Корфа текстъ этого стихотворенія сходенъ съ первоначальной редакціей (безъ позднѣйшихъ поправокъ).

Особенность его составляютъ стихи 19—20, которые читаются:

*Иль хочется зачерпнуть
 Тебѣ глаголю соку.*

Посланіе къ Лидѣ.

Въ тетради Матюшкина списокъ этого посланія сходенъ съ принятымъ печатнымъ, какъ упоминаетъ о томъ и Л. П. Майковъ, со словъ И. П. Хруцова.

Есть, впрочемъ, маленький вариантъ:

Стихъ 38-й начинается:

„Отъ съ жизни жить...“

что послѣ было исправлено:

„Отъ въ мирѣ жить...“

Стихотвореніе „Задравный кубокъ“ имѣется въ тетради Матюшкина въ первоначальной редакціи, но съ однимъ вариантомъ противъ тѣхъ, что приведены изъ музейной рукописи у Майкова и Ефремова, а именно начало третьей строфы читается:

*Вы Гелікона
 Давни омыли (вм. жрецы).*

Редакцію первоначальную представляетъ и текстъ пьесы „Истина“ какъ въ тетради Матюшкина, такъ и у Корфа.

Прилицу Оранскому.

Въ текстѣ, извлеченномъ изъ тетради Корфа, тѣ же варианты, что въ автографѣ (изъ бумагъ отца моего). Въ выноскѣ къ заглавію его, взятой изъ той же тетради, читаемъ: „Который (т. е. П. О.) за сіе стихотвореніе подарилъ автору богатые часы“.

Между тѣмъ, по дошедшему свидѣтельству, подарокъ этотъ былъ

переданъ Пушкину отъ имени Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Но къ свидѣтельству современной лицейской тетради нельзя также отнести безъ вниманія: принцъ Оранскій могъ участвовать въ этомъ подаркѣ; быть можетъ Императрица исполнила его порученіе?

Сонъ (отрывокъ).

Эти поэтическіе отрывки имѣются въ обѣихъ лицейскихъ тетрадяхъ (въ извлеченіяхъ изъ Корфовой лишь въ выдержкахъ) въ текстахъ почти тождественныхъ съ печатнымъ. Но сказать, какъ читаемъ въ примѣчаніяхъ Л. Н. Майкова—по свидѣтельству Н. П. Хруцова,—что текстъ въ рукописи Матюшкина не представляетъ *никакихъ отличій* отъ печатнаго,—нельзя. Есть именно одинъ вариантъ, повидимому, маленький, но который существенно исправляетъ, по моему, принятое чтеніе.

Въ началѣ стихотворенія поэтъ говоритъ о своемъ нежеланіи быть пѣвцомъ славы, подвиговъ, воспѣвать великихъ міра, давать безсмертіе полубогамъ, воспѣвать любовь etc., а онъ въ безвѣстности и тиши хочетъ воспѣть „сонъ“, этотъ безцѣнный „даръ Мореея“.

Стихи 9 и 10 читаются въ печатномъ текстѣ:

„Пускай любовь Овидіи поютъ,
Мнѣ не дасть покоя Цитерея“

Въ тетради Матюшкина второй изъ нихъ читается:

И не дасть покоя Цитерея

чему уже поэтъ противопоставляетъ свое отношеніе:

Счастливыхъ дней амурь мнѣ не вьютъ.

Это чтеніе вполнѣ естественно, тогда какъ редакція печатнаго текста возбуждаетъ недоумѣніе и противна смыслу.

Другіе незначительные варианты Матюшкиной рукописи:

Стихъ 57 читается: *Я дремлю вновь.*

Въ стихахъ 56, 58 и предпоследнемъ слова *Спесь, Разстѣпаніе и Страхъ*, какъ олицетворенія, писаны прописной буквой и подчеркнуты.

Въ стихѣ 125 слова *не ужинать*—подчеркнуты.

Стихъ 200 читается;

О, дайте мнѣ Альбана кисти пѣжвы!

(что лучше чѣмъ „Подайте мнѣ“).

Наконецъ, красная строка находится въ стихахъ: 112-мъ и 163-мъ.

Въ „Извлеченіяхъ“ изъ тетради Корфа это стихотвореніе переписано

сано лишь въ выдержкахъ, которымъ предпослано слѣдующее разъясненіе: „Засимъ слѣдуетъ родъ Дидактическаго Стихотворенія Пушкина *Сонъ*, въ которомъ поэтъ не только отдаетъ похвалу сну, но и совѣтуетъ различныя средства сдѣлать его пріятнымъ. Какъ стихотвореніе это довольно длинно, то здѣсь выписывается изъ онаго только нѣсколько отрывковъ“... Слѣдуетъ пять довольно значительныхъ выписокъ. Новыхъ вариантовъ онѣ не представляютъ.

Оно.

Это стихотвореніе въ спискѣ изъ тетради Корфа представляетъ лишь незначительный вариантъ, а именно во 2-ой строфѣ 6-ой стихъ читается:

И тихо тускнеть неба сводъ.

„Наслажденіе“ въ той же рукописи безъ всякихъ отличій. Тексты стихотвореній „Надпись въ бесѣдѣ“, „Пробужденіе“ и „Швецъ“ въ тетради Матюшкина оказываются въ первоначальныхъ редакціяхъ. Въ послѣднемъ есть лишь незначительный вариантъ въ 3-мъ стихѣ 2-ой строфы:

„Прискорбія ль улыбку замѣчали“.

Къ Наташѣ.

Это стихотвореніе—безъ новыхъ вариантовъ—имѣется въ „Извлеченіяхъ“ изъ тетради Корфа. Въ выноскѣ къ заглавію читаемъ: „Дочери князя Кочубея“. Если это примѣчаніе взято изъ тетради Корфа, что весьма вѣроятно, то оно получаетъ значеніе современнаго достовѣрнаго свидѣтельства, и во всякомъ случаѣ источникъ его—лицейское преданіе. Такимъ образомъ, пришлось бы оставить предположеніе Л. Н. Майкова, что подъ Наташей слѣдуетъ разумѣть горничную фрейлины Валуевой, которой касается извѣстный разговоръ И. И. Пущина о продѣлкѣ Пушкина (Акад. изд., т. I, примѣчанія, стр. 317). Кстати отмѣтимъ ошибку г. Ефремова, что де эта пьеса, „по словамъ Пущина“, относится къ упомянутому лицу. Это—догадка Л. Н. Майкова, а вовсе не показаніе Пущина.

Куплеты „Боже, Царя храни“ въ извлеченіяхъ изъ тетради Корфа не представляютъ новыхъ вариантовъ. Пьесы „Друзьямъ“ и „Къ молодой вдовѣ“ въ тетради Матюшкина представляютъ первоначальныя редакціи, съ вариантами, приведенными у Майкова и Ефре-

мова. Текстъ послѣдней (съ именемъ: *Лида*, а не *Лиля*) почти сходенъ съ редакціей автографа изъ бумагъ Я. К. Грота.

Эпиграмма „Надпись на мой портретъ“ ошибочно приписывалась до сихъ поръ Пушкину. Въ тетради Матюшкина она помѣщена съ полною подписью *Дельсина*, такъ что сомнѣнія, высказанныя недавно г. Лернеромъ („Истор. Вѣстн.“ 1905, июнь), вполнѣ оправдались, какъ это уже мною было разъяснено въ замѣткѣ въ „Новомъ Времени“ отъ 24-го іюня 1905, № 10527 (см. тоже „Истор. Вѣстн.“ 1905, августъ). Подобная же ошибка случилась относительно одной изъ трехъ эпиграммъ на Пучкову, тоже приписанной Пушкину. Именно третья изъ нихъ (по принятому въ изданіяхъ порядку)

„Зачѣмъ объ инвалидной долѣ“...

имѣется въ тетради Матюшкина, но съ ясной подписью не Пушкина, а *Илличевскаго*. Надо полагать, что и рукописный листокъ съ этой эпиграммой, подаренный моимъ отцомъ П. Н. Тиханову, заключалъ въ себѣ автографъ Илличевскаго, а не Пушкина.

„Экспромтъ на Агареву“ въ общезвѣстной редакціи имѣется подъ такимъ заглавіемъ въ тетради Матюшкина.

Сновидѣніе (изъ Вольтера).

Эта пьеса имѣется въ обѣихъ тетрадяхъ лишь съ маленькимъ варіантомъ въ 5-мъ стихѣ:

... въ восторгахъ *изъяснлял* (вмѣсто *изъявлял*).

Стихотвореніе „Стансы“ вошло въ тетрадь Матюшкина, какъ и въ извлеченіи изъ тетради Корфа — конечно въ первоначальной редакціи, съ извѣстными варіантами.

Эпиграмма „Портретъ“ (на одного изъ лицейскихъ губернаторовъ) взята именно изъ тетради Матюшкина и впервые была напечатана моимъ отцомъ въ его книгѣ „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ (изд. 1887 г., также во 2-мъ изд.).

Couplets.

Это стихотвореніе—въ текстѣ вполнѣ тождественномъ съ печатнымъ—имѣется въ тетради Матюшкина. Замѣтимъ тутъ кстати, что отвѣтъ на него принадлежитъ не Тепперу де Фергюссону, какъ ду-

маль Л. Н. Майковъ (см. Соч. П. I, стр. 364), а „молодой вдовѣ“, воспитой Пушкинымъ, Маріи Шмитъ (впослѣдствіи за Паскалемъ), рожденной Chapon la Rose, какъ это видно изъ автографа его.

Стихотвореніе „Въ альбомѣ Иллчевского“, стоящее послѣднимъ въ тетради Матюшкина, вписано въ нее рукою самого Иллчевского.

Незначительный вариантъ представляютъ стихи 11 и 12:

*Бессмертіе ль души моей
Бессмертіе ль своихъ твореній?*

Наконецъ, въ извлеченіяхъ изъ тетради Корфа находимъ еще стихотвореніе „Разлука“, но подъ заглавіемъ: „Кюхельбекеру“ — въ первоначальной своей редакціи.

Этимъ мы исчерпали оба дошедшіе до насъ рукописные сборника лицейскихъ стихотвореній—въ отношеніи къ произведеніямъ Пушкина. Читатель видитъ, что они даютъ намъ—рядомъ съ неважными вариантами—не только нѣсколько существенныхъ поправокъ текста, но и рядъ новыхъ стиховъ, пропущенныхъ или извращенныхъ по цензурнымъ причинамъ и возстановляющихъ самый смыслъ пьесъ, даютъ и нѣсколько цѣнныхъ указаній о лицейскомъ стихотворствѣ вообще, если разсмотрѣть *все* въ нихъ помѣщенное, не говоря уже о томъ, что, благодаря сборнику Матюшкина, приходится исключить два стихотворенія изъ пушкинскаго собранія, впрочемъ такіа, которыя не могли прибавить славы нашему поэту.

Къ описанному рукописямъ намъ быть можетъ еще придется когда-нибудь вернуться, если удастся осуществить мысль издать какъ дополненіе къ книгѣ „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“—еще то, что можетъ представить цѣну и интересъ изъ остатковъ лицейскаго архива I-го курса.

К. Грозъ.

ЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ТИПЪ СБОРНИКОВЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРИИ СИБИРСКИХЪ ГОРОДОВЪ XVII ВѢКА.

Въ концѣ XVI и въ теченіе XVII в. в. Сибирская окраина представляла значительныя отличія въ ряду другихъ окраинныхъ областей Московскаго государства какъ по своему политическому значенію, такъ и по характеру задачъ, которыя предстояли тамъ для разрѣшенія. На сѣверо-западѣ Московское государство, сталкиваясь съ германо-протестантскимъ міромъ, уже давно преслѣдовало одну за вѣтную цѣль—доступъ къ Балтійскому морю; на западѣ шла нескончаемая вражда съ сильнымъ и соперничавшимъ за обладаніе промежуточными спорными областями польско-католическимъ міромъ; на юго-западѣ нужно было сначала привлечь безпокойный, вѣчно волнующійся казацкій міръ, а потомъ окончательно подчинить его Москвѣ. Наконецъ, на югѣ простиралось „дикое поле“, черезъ которое Крымъ и стоявшая за его спиной Турція постоянно протягивали свои разрушительныя руки и задерживали распространеніе московскаго владычества на югъ. Даже Астрахань, самый дальній изъ низовыхъ городовъ, представляла для Московскаго государства политическую опасность, такъ какъ и черезъ нее мусульманскій міръ старался дѣйствовать противъ Москвы. Сибирь же, находившаяся въ страшномъ отдаленіи отъ центральныхъ областей, населенная первобытными, слабыми инородцами, почти незамѣтнымъ слоемъ раскинутыми по ея необъятной поверхности, сосѣдя на отдаленнѣйшей своей границѣ съ полумногочисленнымъ тогда для Москвы „Богдойскимъ государствомъ“,—была, конечно, внѣ круга тѣхъ политическихъ интересовъ и задачъ, которые такъ ярко обнаруживались во всѣхъ европейскихъ украинныхъ областяхъ Московской Руси. Съ другой стороны, какъ сами культурно-общественныя задачи,

которыя предстояло разрѣшить въ Сибири, такъ и пути для ихъ разрѣшенія были тамъ совершенно иные, чѣмъ въ европейскихъ окраинныхъ областяхъ Московскаго государства. Тамъ не нужно было усиленно утверждать московскій помѣстный элементъ, какъ въ Псковско-Новгородской области и на территоріи бывшаго Казанскаго царства, но предстояло надобности разрѣшать шкотливые религіозные и національные вопросы, какъ въ западныхъ и юго-западныхъ областяхъ со старинной и болѣе высокой культурой, не для чего было вырабатывать извѣстный *modus vivendi*, какъ на югѣ въ сношеніяхъ съ малороссійскимъ казачествомъ и обитателями донскихъ казачьихъ городковъ. Сибирь была, можно сказать, *res nullius*, которую нужно было только занимать и заселять, и гдѣ для русскихъ борьба съ природой была гораздо труднѣе, чѣмъ съ туземнымъ населеніемъ. Прошлыя отношенія не завѣщали московскому правительству въ Сибири никакихъ сложныхъ и трудныхъ историческихъ задачъ, а отношенія, вновь слагавшіяся, были до такой степени просты и элементарны, можно сказать, стихійны, что новыя мѣстныя русскія власти свободно могли поступать „по своему высмотру и какъ Богъ укажетъ“. Эти, указанныя въ общихъ чертахъ, особенности Сибири въ ряду другихъ окраинныхъ областей Московскаго государства на весь XVII-й и на часть XVIII в. опредѣляли ходъ и направленіе сибирской исторіи и въ настоящее время указываютъ пути, приемы и задачи историческаго изученія Сибири XVII в. со всѣми привходящими сюда обстоятельствами, подробностями и характерными мѣстными особенностями и поэтому составляютъ центральный вопросъ сибирской исторіи XVII в. Колонизація правительственная, подраздѣлявшаяся на служилую, земледѣльческую и ссыльную, вольно-народная, развѣтвлявшаяся на торгово-промышленную, преобладавшую въ первое время, а потомъ уже съ ясно выраженнымъ возобладавшимъ земледѣльческимъ характеромъ, наконецъ, колонизація монастырская,—таковы пути и способы, которыми осуществлялась главнѣйшая задача исторической жизни Сибири въ XVII в. При детальной разработкѣ этого основного лейтъ-мотива сибирской исторіи XVII в., конечно, встрѣчаются характерныя особенности, объясняемыя мѣстными условіями, и изъ нихъ на первомъ планѣ—неизвѣстные по эту сторону Урала просторъ и свобода, благодаря чему въ Сибири могли обнаруживаться и органическія индивидуальныя свойства русскаго человѣка XVII в., стѣсняемыя и подавляемыя въ предѣлахъ до-уральской Руси. И такъ, прослѣдить хронологически и географически занятіе Сибири русскимъ элементомъ, указать формы,

въ которыхъ выливалось приспособленіе пришельцевъ къ новымъ условіямъ жизни, подмѣтить отличіе этихъ формъ въ новой колоніи сравнительно съ кореннымъ русскимъ строемъ и объяснить эти отличія и, наконецъ, указать варіаціи, вызываемыя географическими условіями и хронологическими разнициами,—вотъ задачи, съ которыми неизбѣжно должно столкнуться при изученіи исторической жизни Сибири въ XVII в. Петрудно видѣть уже а priori, что, при указанномъ сейчасъ характерѣ и направленіи сибирской жизни въ XVII в., интересы и вопросы чисто экономическіе должны стоять на первомъ планѣ, и явленія жизни экономической должны имѣть преобладающее, почти исключительное, значеніе при историческомъ изученіи этой эпохи. Какъ бы ни былъ простъ и несложенъ жизненный укладъ каждой данной человѣческой группы, ея хозяйственная структура является всюду фактомъ положительнымъ и легкоусматриваемымъ, а социальнo-экономическіе мотивы всегда и всюду оказываются важнѣйшими возбуждателями жизни. Это вполне оправдывается при изученіи сибирской жизни XVII в.

Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній, имѣющихъ цѣлью выяснитъ нашу точку зрѣнія вообще на задачу историческаго изученія Сибири XVII в. и тѣмъ указать на пути и приемы этого изученія, переходимъ къ вопросу, поставленному въ заголовкѣ настоящей статьи, имѣя въ виду иллюстрировать этимъ высказанныя выше соображенія.

Сибирскій городъ XVII в., особенно въ первой его половинѣ, по своей хозяйственной структурѣ немногимъ отличался отъ сибирской деревни, притомъ главнымъ образомъ количественно—своими большими размѣрами. Его населеніе, состоявшее изъ людей служилыхъ, посадскихъ, пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, еще совершенно не дифференцировалось въ области труда: земледѣліемъ, торговлей и разными промыслами занимались какъ служилые люди всѣхъ категорій, начиная съ пѣшихъ казаковъ и стрѣльцовъ и кончалъ приказными, дѣтми боярскими и даже воеводами,—такъ и посадскіе, и крестьяне, и духовенство, и монахи. Уже изъ одного этого можно заключить, насколько важную роль въ жизни города играли хозяйственные, экономическіе вопросы и интересы и какъ захватывали они рѣшительно всѣ слои городского населенія. Городъ въ хозяйственномъ отношеніи такъ тѣсно сливался съ деревней, что трудно отличить, гдѣ кончалась послѣдняя и гдѣ начинался первый. Верхній слой служилыхъ людей, имѣвшихъ въ городѣ болѣе или менѣе постоянную осѣдность,

владѣль деревнями въ окрестностяхъ, гдѣ и предавался сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, какъ и посадскіе и городскіе крестьяне на своихъ заимкахъ. Такимъ образомъ, въ городахъ были только болѣе сконцентрированы сибирскіе колонизаторы одного общаго типа, но лишь различныхъ категорій. Возникая изъ острожковъ, которые лишь въ самое первое время служили исключительно военными опорными пунктами, города скоро наполнились элементами, исключительно связанными съ землей, промысломъ, торгомъ, и въ этомъ отношеніи съ ними вполне сливались и элементы служилые. Изъ сибирскихъ городовъ отправлялись экспедиціи служилыхъ людей или для защиты отъ „немирныхъ инородцевъ“ занятыхъ русскими хозяйственными угодіями, или для „провѣдыванія“ и объясчиванія „новыхъ земель“, имѣя въ виду исключительно интересы фиска, при чемъ этимъ экспедиціямъ обыкновенно сопутствовали, а иногда предшествовали, торговые, промышленные и гулящие люди. Наконецъ, самыя правительственныя цѣли и задачи не выходили изъ сферы чисто-экономическихъ вопросовъ; московскому правительству того времени были совершенно чужды вопросы народнаго здравія, народнаго образованія, развитіе и улучшеніе путей сообщенія, регулированіе отношеній между трудомъ и капиталомъ, введеніе болѣе точной и сложной системы налоговъ косвенныхъ и т. п., что входитъ теперь въ задачи всякаго правительства, въ соотвѣтствіи съ развитіемъ и осложненіемъ жизни. Въ Сибири XVII в. на первомъ планѣ правительственныхъ заботъ стояли интересы фиска въ самой несложной и грубой формѣ, сборъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ, раздача денежнаго, хлѣбнаго и солянаго жалованья служилымъ людямъ съ наибольшей выгодой для казны, „приборъ“ пашенныхъ людей на пашни и т. п. Къ чисто-экономической сторонѣ жизни сводятся и почти всѣ судебныя дѣла, возникшія въ Сибири XVII в.; это основной мотивъ всѣхъ челобитій ямщиковъ, инородцевъ, пашенныхъ крестьянъ, служилыхъ людей; почти всѣ жалобы на воеводъ вызывались ихъ грубыми нарушеніями экономическихъ интересовъ населенія. Наконецъ, познакомившись съ общимъ характеромъ документовъ, отражающихъ жизнь Сибири въ XVII в. и входящихъ въ составъ дѣлъ Сибирскаго приказа (нынѣ въ московскомъ архивѣ м-ва юстиціи), и особенно детально разсмотрѣвъ имѣющіеся тамъ документы для исторіи двухъ городовъ, находящихся на противоположныхъ концахъ Сибири XVII в.—именно Тюмени и Иркутска,—мы пришли къ окончательному убѣжденію, что, во 1-хъ, центръ тяжести сибирской жизни XVII в. лежалъ въ вопросахъ и инте-

ресахъ экономическаго характера; что, во 2-хъ, сибирскій городъ по хозяйственной структурѣ и по господству въ немъ интересовъ экономическаго порядка почти ничѣмъ не отличался отъ деревни, и что, по-этому, въ 3-хъ, для общаго уразумѣнія сибирской жизни въ XVII в. необходимо начать съ города, такъ какъ въ немъ, какъ въ фокусѣ, лучше всего сконцентрировались элементы сибирскаго общества XVII в., и нашли наиболѣе яркое и полное выраженіе основныя проблемы тогдашней общественной жизни.

Къ сожалѣнію, изученіе исторіи сибирскихъ городовъ находится еще въ самомъ зачаточномъ состояніи. Кое-какія свѣдѣнія о нихъ, главнымъ образомъ, чисто-вѣдѣнскаго характера, разбросаны въ общихъ историческихъ обзорѣніяхъ Сибири (Миллера, Словцова, Андриевича); попытки дать историческое описаніе нѣкоторыхъ сибирскихъ городовъ (Тобольска — Бѣляева и Голодника, Тюмени — Абрамова, Томска—въ книгѣ Адриана „Томскъ въ прошломъ и настоящемъ“ и Иркутска въ изданіи Сукачева „Иркутскъ“) нужно признать слабыми и неудачными, особенно въ ихъ частяхъ, относящихся къ XVII вѣку, какъ исключительно компилятивныхъ и даже преждевременныхъ по отсутствію необходимыхъ подготовительныхъ работъ хотя бы въ видѣ сборниковъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архивовъ. Кромѣ того, авторы этихъ трудовъ, не принимая въ соображеніе скудости необходимаго фактическаго матеріала, находившагося въ ихъ распоряженіи, стремились дать всестороннее историческое описаніе даннаго города, совершенно упуская изъ вида, что, вслѣдствіе особенныхъ условій сибирской жизни, на первый планъ должна быть выдвинута одна доминирующая сторона, указанная нами выше.

Опубликованные матеріалы, касающіеся внутренней экономической жизни сибирскихъ городовъ и состава ихъ населенія въ XVII вѣкѣ, очень скудны и разбросаны въ различныхъ томахъ Актовъ Историческихъ, Дополненій къ нимъ, въ II и VIII томахъ Русской Исторической Библіотеки и въ I томѣ Памятниковъ сибирской исторіи XVIII вѣка (по 1700 г.). Удѣлѣвшія лѣтописи сибирскихъ городовъ (Тобольска, Иркутска) даютъ весьма мало матеріала въ этомъ отношеніи: онѣ исключительное вниманіе обращаютъ на событія чисто вѣдѣнскаго характера: построеніе храмовъ, смѣну воеводъ, пожары и т. п. Впрочемъ, для пяти сибирскихъ городовъ въ 80-хъ годахъ были изданы нѣкоторые матеріалы, извлеченные изъ московскаго архива министерства юстиціи, болѣе полные для Тобольска и Иркутска и менѣе подробные и обстоятельные для Якутска, Селенгинска и Нерчинска.

Въ сборникѣ „Иркутскъ. Матеріалы для исторіи городовъ въ XVII и XVIII вѣкахъ“ находятся: опись 1684 г., писцовыя книги 1686 г., переписная 1698 г. и переписныя книги выбывшихъ послѣ 1-й, 2-й и 3-й ревизій. Въ подобномъ же сборникѣ для Тобольска имѣемъ: дозорную 1624 г., переписную 1626—1627 гг., списокъ 1633 г. (составъ служилыхъ людей и возлагаемыя на нихъ порученія), переписную 1638 г., смѣтные списки 1638 — 91 гг., окладную 1655— и 1696 г., крестоприводныя записи 1682 г. (составъ служилыхъ людей), смѣтные списки 1693 — 1707 гг. и переписную 1698 г. Сборникъ, посвященный Нерчинску, уже гораздо скуднѣе: именныя книги 1685 — 1699 гг., вѣдомость 1701 г. (свѣдѣнія о „городѣ“, землѣ, жителяхъ), а другіе документы сборника уже относятся вполне къ XVIII вѣку. Якутскій сборникъ содержитъ окладныя 1681—1709 гг., переписныя книги служилыхъ людей 1670 — 1681 гг., а также 1693 и 1699 и вѣдомость 1701 г. (остальные документы относятся уже къ XVIII вѣку). Скуднѣе всѣхъ селенгинскій сборникъ, въ которомъ къ экономической исторіи города относятся только окладныя книги 1681 — 1684 гг. Изъ перечисленія документовъ, содержащихся въ этихъ сборникахъ, нетрудно заключить о довольно случайномъ характерѣ послѣднихъ, вслѣдствіе чего въ нихъ замѣтна неполнота, односторонность и особенно отсутствіе общаго плана, общей идеи. Въ сборникѣ якутскомъ, и особенно иркутскомъ и тобольскомъ, весьма удовлетворительно выраженъ составъ населенія этихъ городовъ въ XVII вѣкѣ, а тобольскій даетъ даже удовлетворительное представленіе объ экономическомъ положеніи населенія, хотя и неполное. Но даже и въ тобольскій сборникъ не вошли документы, характеризующіе условія торговой дѣятельности населенія, уровень и условія дѣятельности промысловой, различныя повинности и денежные сборы съ населенія и вообще всѣ документы таможеннаго управленія. Такимъ образомъ, сравнительное богатство и разнообразіе тобольскаго сборника зависитъ не отъ плана, положеннаго въ его основу, а оттого, что въ архивѣ министерства юстиціи вообще много документовъ, относящихся къ исторіи Тобольска.

Познакомившись съ содержаніемъ документовъ, отражающихъ жизнь сибирскихъ городовъ XVII в., и классифицируя ихъ съ точки зрѣнія установленныхъ выше общихъ началъ, нетрудно разбить ихъ на извѣстныя группы и, такимъ образомъ, уяснить себѣ желательный типъ сборниковъ матеріаловъ для исторіи сибирскихъ городовъ XVII вѣка. Прежде всего, конечно, необходимо ориентироваться въ той

вышней обстановкѣ, въ которой зарождались и развивались социально-экономическія явленія, составлявшія главнѣйшее содержаніе жизни старинныхъ сибирскихъ городовъ.

Документовъ этой категоріи нужно искать, прежде всего, въ восводскихъ опискахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о построеніи остроговъ и городовъ. Здѣсь можно найти чертежи самихъ городовъ (напримѣръ, Тары, Туринска), зданій (напримѣръ, рисунокъ Благовѣщенскаго собора въ Тюмени). Сюда же относятся немногія изъ дошедшихъ „строельныхъ“ книгъ, какъ, напримѣръ, енисейская 1667 г. и особенно ялимская 1654 г., съ планомъ и описаніемъ дворовъ жилищныхъ людей за острогомъ. Въ дѣлахъ о службѣ восводъ (именно среди описокъ и грамотъ таможеннаго управленія) также говорится объ основаніи новыхъ городовъ и остроговъ и иногда даются ихъ краткія описанія. Свѣдѣнія о состояніи самихъ „городовъ“ (цитаделей) даютъ „рописные списки“ (т. е. описанія „города“ и всего, что новый восводъ принималъ у стараго) и „городовыя списки“, почти равныя по своему содержанію „смѣтнымъ книгамъ“. Древнѣйшая роспись подобнаго рода относится въ томскому острогу 1627 г. Сюда же относятся „вѣдомости сибирскихъ городовъ 1698 — 1699 гг.“ Хотя въ большинствѣ „дозорныхъ“ книгъ не говорится о городахъ, но и въ этихъ книгахъ можно найти данныя разсматриваемой категоріи, напримѣръ, въ пелымской, составленной Неудачей Молчановымъ. Въ дозорныхъ книгахъ Качанова (1700—1701 гг.) всегда находится описаніе городовъ и весьма подробное, какъ, напримѣръ, разсмотрѣнная нами тюменская дозорная книга 1700 г. Нѣкоторыя изъ переписныхъ книгъ даютъ описаніе не только уѣздовъ, но и городовъ, какъ, напримѣръ, тобольская 1624 г. и тюменская того же года, также разсмотрѣнная нами. Этого рода документы (въ извлеченіяхъ, въ соответствіи съ предметомъ рѣчи) должны начинаться собою подобныя сборники и располагаться въ хронологической послѣдовательности, чтобы дать картину вышняго развитія города во времени. Вслѣдъ за тѣмъ выдвигается вопросъ о составѣ населенія этихъ городовъ. Въ соответствіи съ общимъ дѣленіемъ населенія на служилыхъ и ружниковъ, посадскихъ, ямщиковъ, заѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей и, наконецъ, городского пролетаріата (бобылей, захребетниковъ, гулящихъ людей и т. п.) должны располагаться и регистрирующіе ихъ документы, или *in toto*, гдѣ это возможно, или въ извлеченіяхъ. Эти данныя находятся въ большинствѣ перечисленныхъ выше документовъ, особенно въ дозорныхъ и пе-

реписныхъ книгахъ; о служилыхъ и ружникахъ дають понятіе также „окладныя книги жалованья“, при чемъ вопросъ о служиломъ населеніи городовъ сливается съ вопросомъ объ его вознагражденіи. О служилыхъ людяхъ и ихъ вознагражденіи имѣются также полныя свѣдѣнія въ „послужныхъ спискахъ“. Съ посадскими и крестьянами знакомятъ „именныя оброчныя книги“, „именныя книги посадскихъ людей съ годовыми оброки“. „Оброчныя книги“ дѣлятся на три категоріи: однѣ дають имена посадскихъ съ перечнемъ ихъ годовыхъ оброковъ, другія перечисляютъ и особыя оброчныя статьи, а третьи говорятъ о различныхъ натуральныхъ повинностяхъ посадскихъ людей. Тамъ, гдѣ это возможно, для характеристики именно состава городского населенія пригоднѣе всего оброчныя книги первой категоріи. „Ямскія книги“ говорятъ объ ямщикахъ, какъ о весьма замѣтномъ элементѣ населенія въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ, въ Тюмени. „Строельная книга тюменскаго яма“ 1630 г. даетъ хорошее представленіе объ ямщикахъ, ихъ вознагражденіи и обязанностяхъ, а „разгонныя“ книги той же Тюмени — картину ихъ обычной, ежедневной службы. Торговый слой населенія сибирскихъ городовъ XVII вѣка, почти исключительно наѣзжій, непостоянный, главнымъ образомъ, отражается въ „отпусковыхъ книгахъ“, въ которыхъ говорится или объ отпускѣ промышленныхъ людей для промысла, или торговыхъ для торговли, или вмѣстѣ говорится о тѣхъ и другихъ. О томъ же говорится во множествѣ уцѣлѣвшихъ „проѣзжихъ памятей“. По „проѣзжимъ памятямъ“ иногда составлялись цѣлыя „росписи“ торговыхъ людямъ, отпущеннымъ „къ Руси“, напримѣръ, тобольская, изъ которой видно, что и въ столицѣ Сибири торговое дѣло находилось въ рукахъ пришлыхъ людей, почти исключительно изъ поморскихъ городовъ. Сюда же должны относиться и переписныя книги пришлымъ людямъ. О послѣднемъ и самомъ нижнемъ слойѣ городскихъ обывателей — бобыляхъ, захребетникахъ и проч. — дають понятіе переписныя, дозорныя, отчасти оброчныя книги, а объ гулящихъ людяхъ — ихъ челобитья, вообще достаточно выясняющія ихъ роль въ сибирскихъ городахъ XVII вѣка. Переходя къ болѣе детальному выясненію вопроса о томъ, какъ отражаются служилые люди сибирскихъ городовъ въ соответствующей категоріи документовъ, нужно остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должны стоять книги „верстальныя“ и „разборныя“, гдѣ говорится или о приѣмѣ на службу, или о ревизіи уже приня-

тыхъ на службу мѣстнымъ начальствомъ. Напримѣръ, енисейская „разборная“ книга бѣломѣстныхъ казаковъ 1680 г. говоритъ о разборѣ и отставкѣ служилыхъ изъ крестьянъ и посадскихъ и о верстаньи дѣтей служилыхъ людей. Тобольская „разборная“ книга 1660 года носитъ характеръ настоящей ревизіи: въ ней разсматривается, правильно ли происходило верстанье въ служилые люди, особенно въ боярскіе дѣти.

Томская разборная 1680 г. опредѣляетъ годность или негодность наличныхъ служилыхъ людей для военной службы. Такимъ образомъ, документы этой категоріи важны для уясненія того, откуда и какъ пополнялся въ сибирскихъ городахъ мѣстный контингентъ служилыхъ людей. Многочисленные и весьма разнообразныя обязанности служилыхъ людей хорошо отражаются въ „послужныхъ спискахъ“, а изъ нихъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, тюменскій 1680 г., представляютъ собою цѣлыя формуляры, цѣлыя служебныя біографіи. Наконецъ, вопросъ о вознагражденіи служилыхъ людей въ то время рѣшается на основаніи какъ „послужныхъ списковъ“, такъ и упомянутыхъ выше „окладныхъ книгъ“. Эти „окладныя книги“, въ свою очередь, можно разбить на нѣсколько группъ: въ однихъ книгахъ говорится о всѣхъ видахъ „окладовъ“ — денежномъ, хлѣбномъ, солянномъ и проч., или о нѣсколькихъ, или, наконецъ, только объ одномъ. „Раздаточныя книги жалованья“ говорятъ только о денежномъ вознагражденіи за службу. Въ дозорныхъ и переписныхъ книгахъ также говорится о вознагражденіи служилыхъ людей, которые вмѣсто хлѣбнаго жалованья получали извѣстное количество пашни. Здѣсь же могутъ найти себѣ мѣсто дѣла о тѣхъ ссыльныхъ, которые верстались въ службу, особенно изъ числа „литовскихъ людей“. Роспись этихъ ссыльныхъ происходила обыкновенно въ Тюмени или Тобольскѣ; въ росписяхъ указывалось, когда и кто прибылъ (и семья), куда устроилъ, крестился ли, женился ли на русской; „остающимся“ иноземцамъ велись особыя росписи. Документы этой категоріи даютъ понятіе о степени освѣженія сибирскаго служилаго контингента пришлымъ, постороннимъ элементомъ. Если служилые люди получали за свои труды извѣстное вознагражденіе, то тяглое сословіе было обременено множествомъ уже безвозмездныхъ повинностей. Эта сторона вопроса отражается въ документахъ, которые также должны найти себѣ мѣсто въ сборникахъ разсматриваемаго типа: различныя росписи „подѣлокъ“ посадскихъ людей, годовыхъ ихъ службъ, посы-

ломъ; сюда же должно отнести и ихъ челобитья, какъ по поводу тяжести упомянутыхъ сейчасъ службъ, такъ и службъ „вѣрныхъ“, о которыхъ рѣчь будетъ дальше.

Документы чисто-финансоваго и фискальнаго характера должны занять очень видное мѣсто въ сборникахъ, типъ которыхъ мы стараемся установить, въ виду преобладанія финансоваго, фискальнаго элемента во всей системѣ управленія въ до-петровской Руси. Этотъ отдѣлъ сборника долженъ начаться „денежными смѣтами и расходными книгами“, въ которыхъ заключаются всѣ виды расходовъ и всѣ статьи доходовъ, окладныхъ и неокладныхъ. Эти документы даютъ читателю полное понятіе о бюджетномъ уровнѣ сибирскаго города XVII вѣка, при чемъ бюджетнаго равновѣсія обыкновенно не замѣчается въ виду значительнаго перевѣса расходовъ надъ доходами. Эта категорія документовъ чрезвычайно обильна для каждаго сибирскаго города и можетъ быть расположена по цѣлому ряду хронологическихъ ступеней. Система налоговъ, подходящихъ подъ категорію неокладныхъ сборовъ, получила въ сибирскихъ городахъ весьма широкое развитіе и была разработана весьма подробно. Эти многочисленные пошлыны и повинности можно разбить на три главныхъ группы: 1) съ покупокъ и продажи мѣстныхъ жителей, 2) съ промысловъ, 3) съ операций прѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Документы, иллюстрирующіе налоги на торговлю и промыслы въ сибирскихъ городахъ XVII вѣка, пахотятся въ „таможенныхъ книгахъ“ общаго типа и носятъ разныя названія въ соотвѣтствіи съ видомъ сбора и предметомъ обложения.

Десятинная таможенная пошлына была очень распространена и охватывала всѣ виды продажъ и покупокъ мѣстныхъ жителей, что и отразилось въ цѣломъ рядѣ соотвѣствующихъ таможенныхъ книгъ: съ мягкой рухляди, съ хлѣбной продажи и помѣру, съ продажи рыбы, хмеля и разной мелочи, шерстное, роговое, посаженное (съ дощаниковъ, лодокъ, каюковъ). Прѣзжіе и торговые и промышленные люди платили явчую головщину, полозовое зямой и посаженное лѣтомъ, десятину съ привезенныхъ („русскихъ“) товаровъ, полавочное, поамбарное, „для товарнаго береженья“, порублевое (по гривнѣ съ рубля объявляемыхъ капиталовъ).

На всѣ виды мѣстныхъ промысловъ, очень немногочисленныхъ и довольно первобытныхъ, былъ положенъ особый оброкъ. Кромѣ того, казна извлекала доходы путемъ налога на дворы и бани, отдачей на откупъ площаднымъ подъячимъ „площадного письма“, поголовной

пошлиной съ „холопныхъ крѣпостей“, а во вторую половину XVII в. введя „вѣрную систему“, „перевозное вѣрное бранье“, съ прорубей и т. п. Сюда же относятся „сборныя книги 10-й деньги“ съ животновъ, торговъ и промысловъ—перечень произведенной „окладчиками“ опѣки имущества, капиталовъ, торговъ и промысловъ населенія, и удѣлѣвшіе для нѣкоторыхъ городовъ сборники „скасокъ“ служилыхъ и жильцкихъ людей объ ихъ торгахъ и промыслахъ. Таможенные книги въ Сибири XVII в. отличались вообще большимъ разнообразіемъ по времени и по мѣсту. Очень многочисленные виды ихъ въ началѣ столѣтія все болѣе и болѣе сокращались, въ значительной степени благодаря челобитьямъ торговыхъ и промышленныхъ людей, для которыхъ была, конечно, очень неудобна крайняя дробность обложенія, такъ что въ концѣ столѣтія мы уже находимъ годовой оброкъ въ полтину и полуполтину, впрочемъ, при существованіи 10-й пошлины съ русскихъ и китайскихъ товаровъ и мягкой рухляди. Разнообразіе видовъ обложенія стояло также въ прямой зависимости отъ величины и торговаго значенія даннаго города: напр., въ Тюмени и Енисейскѣ виды торговаго обложенія были безконечно разнообразнѣе, чѣмъ въ Томскѣ или Иркутскѣ.

Кромѣ таможенныхъ книгъ общаго типа, нужно упомянуть о книгахъ исключительно частнаго типа, зарегистрированныхъ лишь для нѣкоторыхъ мѣстностей: напр., лѣтовныя для Енисейска, поголовныя, привальныя, отъѣзжія для Туруханска. Къ категоріи финансовыхъ документовъ относятся и „земскія приходныя и расходныя книги“, къ сожалѣнію, лишь въ небольшомъ количествѣ дошедшія отъ 30-хъ годовъ XVII в. изъ Енисейска и Мангазеи. Эти документы имѣютъ важное значеніе для исторіи „жильцаго міра“ въ сибирскихъ городахъ, такъ какъ говорятъ о „мірскихъ сборахъ“ съ „мірскихъ людей“ Енисейска и Мангазеи, съ пріѣзжихъ и мѣстныхъ торговыхъ и промышленныхъ людей и о расходованіи этихъ суммъ по мірскимъ приговорамъ на земскіе и государевы расходы; эти деньги собирали „выборные“ „заказные“ цѣловальники, которые и вносили ихъ въ лѣтовныя, поживотенныя и поголовныя книги, и въ земскихъ расходныхъ книгахъ находятся итоги собранныхъ съ міра суммъ, переданныхъ выборнымъ цѣловальникамъ на земскіе расходы. Бѣльшее количество этихъ книгъ и изъ различныхъ мѣстностей дало бы возможность познакомиться съ внутренней организаціей жильцовыхъ міровъ сибирскихъ городовъ. Документы финансового характера и таможенные книги, въ частности, должны занять видное мѣсто въ сборникахъ документовъ для исторіи сибирскихъ городовъ XVII в. по своей важ-

ности для характеристики тѣхъ экономическихъ процессовъ, которые тамъ развивались; книги таможенные, кромѣ того, важны и въ томъ отношеніи, что даютъ много матеріала для культурно-бытовой характеристики сибирскихъ городовъ того времени: сообщаютъ цѣны на мѣстные продукты и привозные товары, перечнемъ товаровъ даютъ понятіе о потребностяхъ населенія и вообще о бытовой его обстановкѣ, о мѣстахъ импорта и экспорта, о размѣрахъ торговаго движенія и его характерѣ, о мѣстахъ происхожденія лицъ, принимавшихъ участіе въ тогдашней торговлѣ. О предметахъ обихода сибиряковъ XVII в. даютъ понятіе и „товарныя цѣновыя росписи“, дошедшія, къ сожалѣнію, лишь въ очень небольшомъ количествѣ. Не должны быть также оставлены безъ вниманія и документы кружечныхъ дворовъ: счетные списки кабаковъ, выборныхъ цѣловальниковъ, книги винокурныя (о заготовкѣ вина), книги винной дачи, пивныя, т. е. отчеты о годовомъ приходѣ и расходѣ пива и вина, сохранившіяся въ небольшомъ количествѣ книги явочныя — сборы за домашнее винокурение; помимо своего непосредственнаго интереса, всѣ эти книги, со второй половины столѣтія, даютъ понятіе о службѣ и отвѣтственности „вѣрныхъ людей“ изъ среды посадскаго населенія. Въ заключеніе, въ составъ сборниковъ выясняемаго типа должны войти и челобитныя, и судныя дѣла, конечно, съ извѣстнымъ выборомъ, основанія для котораго нѣсколько разъ указывались нами выше, какъ напр., мірскія челобитныя всего города, служившихъ и неслужившихъ людей, или отдѣльныхъ міровъ — стрѣльцовъ, казаковъ, крестьянъ, гдѣ говорится объ ихъ дѣлахъ и нуждахъ экономическаго характера, особенно по поводу тягостей государевыхъ службъ, преимущественно же „вѣрной“ службы, челобиты ямскихъ охотниковъ, жалобы торговыхъ и промышленныхъ людей на обиды ихъ со стороны воеводъ, судебныя дѣла на экономической подкладкѣ (таковыхъ большинство), выясняющія взаимныя отношенія различныхъ слоевъ городского населенія и экономическія причины столкновеній.

Такова приблизительная схема для сборниковъ матеріаловъ того типа, который мы имѣемъ въ виду. Этотъ именно типъ мы считаемъ особенно желательнымъ потому, что, при доминирующемъ значеніи въ сибирской жизни того времени чисто экономическихъ отношеній (и это подтверждаетъ даже самое обиліе дошедшихъ документовъ именно этого характера), онъ наиболѣе полно и точно отразитъ весь строй жизни стариннаго сибирскаго города, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, отчасти и всей вообще Сибири. Выбирая документы именно этого характера, мы

имѣемъ дѣло съ прямымъ и непосредственнымъ отраженіемъ самой жизни, съ фактами чисто объективными, правильная и точная регистрація которыхъ была одинаково важна какъ для тѣхъ, кто ее производилъ, такъ и для тѣхъ, кто былъ ея объектомъ. Это обстоятельство вызывало взаимный контроль, а намъ гарантируетъ известную точность передачи. Такимъ образомъ, въ соответствии съ эпохой, съ общими складомъ жизни, очень сухіе документы заключаютъ въ себѣ гораздо больше скрытой жизни и правды, чѣмъ вообще даютъ, напр., различные дневники и мемуары, пропитанные субъективизмомъ и гораздо больше отражающіе ихъ авторовъ, чѣмъ окружающую жизнь. Даже лѣтописи—и тѣ далеко уступаютъ этимъ сухимъ документамъ въ указанномъ выше отношеніи. Располагая эти документы въ известномъ порядкѣ, по известной системѣ, возможно представить полную, точную и послѣдовательную, такъ сказать, картину-кинематографъ жизни сибирскаго города въ XVII в. Конечно, нѣкоторые документы для этой цѣли придется раздроблять и располагать въ 2—3 мѣстахъ, но такихъ случаевъ будетъ сравнительно немного (главнымъ образомъ, для дозорныхъ и переписныхъ книгъ); къ тому же за ними нельзя признавать какой-либо самоодвѣвающей важности, каноническаго характера: они имѣютъ только значеніе служебное, дѣйны, какъ простое и прямое отраженіе жизненныхъ фактовъ современности. Сборники документовъ, расположенныхъ по установленной нами схемѣ, весьма бы облегчили будущій синтезъ исторической жизни Сибири: вслѣдствіе исключительныхъ условій этой жизни, особенно въ XVII в., историкъ сначала долженъ имѣть дѣло съ безконечнымъ количествомъ мелкихъ, монотонныхъ фактовъ, отражающихъ сѣрую, монотонную жизнь, и въ концѣ прійти къ выводамъ также мелкимъ, чтобы, уже въ завершеніе трудной и долгой работы, получить обобщенія, болѣе или менѣе важныя. Этотъ процессъ похожъ на добываніе золота въ Сибири: послѣ продолжительной промывки цѣлой сотни пудовъ песка и земли получается всего нѣсколько долей чистаго золота,—такъ и историкъ лишь путемъ долгой и продолжительной разработки *rudis indigestaeque molis* сибирскихъ историческихъ матеріаловъ получаетъ нѣсколько чистыхъ золотыхъ крупинокъ исторической достовѣрности; поэтому намъ кажется, что предварительное изданіе сборниковъ матеріаловъ по рекомендуемой нами схемѣ облегчитъ утомительный трудъ историка и приблизитъ желаемый результатъ ⁴⁾.

⁴⁾ Примѣнительно къ рекомендуемой схемѣ нами уже составлены два сборника

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ дать примѣрный переченьъ важнѣйшихъ изъ указанныхъ выше родовъ документовъ, классифицируя ихъ въ соответствии съ намѣченной схемой.

I. Ростъ сибирскихъ городовъ и ихъ внѣшній видъ.

Росписные, городовые списки. Нужныя данныя иногда оказываются въ дозорныхъ и нѣкоторыхъ изъ переписныхъ книгъ, въ смѣтныхъ книгахъ, въ воеводскихъ отпискахъ о построеніи городовъ, въ строгальныхъ книгахъ, среди отписокъ и грамотъ таможеннаго управленія (о службѣ воеводъ).

II. Составъ населенія.

A. Оброчные.	Именные оброчныя книги.	} Также въ дозорныхъ и переписныхъ книгахъ.	
B. Служилые.	{		1) Верстальные и разборныя книги.
			2) Послужные списки.
			3) Окладныя книги жалованья.
			4) Раздаточныя книги жалованья.
C. Ямщики (въ нѣкоторыхъ городахъ).	} Ямскія книги.	} Также въ дозорныхъ и переписныхъ книгахъ.	
			5) Росписи служилымъ людямъ изъ ссыльныхъ.
D. Торговые.	{	1) Отпускныя книги.	
		2) Проѣзжія памяти.	
		3) Росписи торговымъ людямъ.	
		4) Переписныя книги пришлымъ людямъ.	
E. Городской пролетаріатъ.	Челобитныя гулящихъ людей.	} Также въ дозорныхъ и переписныхъ книгахъ.	

III. Экономическій бытъ и финансовое управленіе.

A. Обязанности посадскихъ.	{	1) Росписи „надѣламъ“ посадскихъ людей.
		2) Ихъ челобитныя.

документовъ: „Первое столѣтіе Иркутска“ (изданіе В. П. Сукачева, С.-Пб., 1902 г., удостоенное томскимъ университетомъ половиною преміи имени Л. П. Кузнецова) и „Тюмень въ XVII вѣкѣ“ (изданіе А. И. Чукмадиной, М., 1903 г., удостоенное Александровскимъ тюменскимъ реальнымъ училищемъ преміи имени Н. М. Чукмадиной). Совершенно подготовленъ для печати сборникъ „Томскъ въ XVII вѣкѣ“.

В. Денежныя смѣты и помѣты.

С. Документы кружечныхъ дворовъ.

- 1) Счетные списки кабаковъ.
- 2) " " выборныхъ цѣловальниковъ.
- 3) Книги винокурныя.
- 4) " винной дачи.
- 5) " пивныя.
- 6) " винныя.
- 7) " явочныя.

Д. Земскія приходныя и расходныя книги.

Е. Таможенныя книги въ соответствии съ видами обложенія.

- 1) Товарныя цѣновныя росписи.

Нужно замѣтить, что ни по одному сибирскому городу схема эта не можетъ быть проведена во всей полнотѣ, за неимѣніемъ въ наличности нужныхъ документовъ.

И. Головачевъ.

ЮРЬЕВСКИЙ, БЫВШІЙ ДЕРПТСКИЙ, УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЙ ПЕРІОДЪ СВОЕГО СТОЛѢТНЯГО СУЩЕСТВОВАНІЯ (1865—1902).

Историческій очеркъ.

I.

Связь этого (третьяго) періода жизни университета со вторымъ. — Вопросъ о реформѣ университета и округа въ русской и нѣмецкой печати въ 1860-ые годы. — Отношеніе къ этой идеѣ со стороны правительства; рѣзкій поворотъ ея мѣнѣй въ началѣ 1870-хъ годовъ. — Попечитель графъ А. А. Кейзерлингъ; его отношеніе къ идеѣ реформы, къ университету. — П. К. Жерве. — А. А. Сабуровъ. — Баронъ А. Ф. Штакельбергъ. — М. Н. Капустинъ. — Н. А. Лавровскій. — Отношеніе правительства и печати въ 1880-ые и 1890-ые годы къ вопросу о реформѣ. — Результаты реформы.

Подлежащій здѣсь разсмотрѣнію послѣдній (третій съ начала существованія) періодъ жизни и дѣятельности Дерптскаго-Юрьевскаго университета ¹⁾ обнимаетъ послѣднія 38 лѣтъ перваго столѣтія его существованія. Время это протекло подъ дѣйствіемъ устава 9-го января 1865 года, съ тѣми къ нему дополненіями и измѣненіями, которыя вызваны были какъ естественнымъ развитіемъ жизни и потребностей университета, такъ и особыми по отношенію къ нему правительственными мѣропріятіями, въ силу предпринятой въ 1880-хъ годахъ и къ концу періода почти завершенной реформы всей учебной системы въ Прибалтійскомъ краѣ. Это важное событіе, отмѣченное по отно-

¹⁾ Первые два періода разсмотрѣны въ нашемъ трудѣ: „Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія. Томъ I, (1802—1865). Юрьевъ 1902“.

шенію къ университету 1889 годемъ, естественно дѣлится названнымъ рубежомъ и исторію университета въ данный періодъ на двѣ неравныя части: первую, въ 25 лѣтъ, до реформы и вторую, на протяженіи 13 лѣтъ, послѣ реформы. Если первая часть этого періода представляется въ значительной степени законченной, то вторая, напротивъ, будучи почти завершена формально, составляетъ еще достояніе самой живой современности: вотъ почему къ ней весьма трудно въ настоящее время приложить желаемую полноту фактическаго изложенія и освѣщенія, какъ это, впрочемъ, отчасти относится и къ первой, дореформенной части; многіе дѣятели изъ первой части этого періода еще живы, а весьма многіе изъ второй продолжаютъ даже дѣйствовать въ посредственной или непосредственной связи съ университетомъ.

Красная нить, проходящая черезъ исторію двухъ первыхъ періодовъ жизни Дерптскаго университета—опредѣленіе своихъ отношеній къ государственному языку, а также стремленіе занять среди другихъ университетовъ въ имперіи особенное положеніе и до извѣстной степени руководить культурно-политическими воззрѣніями мѣстнаго общества—получаетъ въ третьемъ періодѣ существованія университета еще болѣе яркую окраску, но результатомъ взаимодѣйствія этихъ стремленій съ одной стороны и воззрѣній правительства и значительной части русскаго общества съ другой является новый моментъ въ жизни университета, вызванный правительственными стремленіями привести какъ университетъ, такъ и Прибалтійскій край вообще къ болѣе тѣсной культурной связи съ остальной Россіей. Активная роль въ этомъ процессѣ сближенія, какъ прежде, такъ и теперь принадлежала руководящимъ правительственнымъ начинаніямъ и идеямъ, шедшимъ изъ центра, а университету приходилось такъ или иначе реагировать на эти послѣднія, подходя однако же постепенно, силою вещей, къ такому его состоянію, которое должно было въ концѣ концовъ явиться необходимымъ слѣдствіемъ совокупной дѣятельности указанныхъ условій.

То вниманіе, съ какимъ мѣстная и заграничная пресса относились къ судьбамъ Дерптскаго университета въ первый и особенно второй періоды его существованія, имѣло мѣсто и въ послѣдующее время, отмѣченное еще тѣмъ, что къ сужденіямъ этимъ присоединяются и голоса изъ русской печати, къ тому времени достаточно созрѣвшей и оказавшейся въ возможности сдѣлаться въ 1860-ые годы отзвукомъ значительной части мыслящаго русскаго общества; и должно замѣ-

тить, что голоса эти оказались, по крайней мѣрѣ въ первые два десятилѣтія, далеко не въ согласіи съ господствующими настроеніями печати и общества Прибалтійскаго края.

Послѣ „обручительныхъ“ мѣропріятій, имѣвшихъ мѣсто при императорѣ Николаѣ I относительно университета, назначеніе попечителемъ графа А. А. Кейзерлинга чрезвычайно окрылило надежды нѣмецкой партіи въ направленіи, обратномъ помянутымъ мѣропріятіямъ. Въ этомъ отношеніи очень интересной представляется одна посвященная Дерптскому университету статья, принадлежащая перу д-ра Николаи и напечатанная за границей какъ разъ наканунѣ новаго университетскаго устава. Авторъ, считая Дерптскій университетъ „форпостомъ нѣмецкой науки и расадникомъ нѣмецкой культуры“ въ Прибалтійскомъ краѣ, высоко ставитъ въ жизни этого учрежденія именно господство германскихъ началъ къ концу второго періода его существованія; онъ горячо привѣтствуетъ одержанную надъ антигерманскими тенденціями недавняго прошлаго „побѣду“ и выражаетъ сожалѣніе, что внутренніе „мелкіе раздоры“ въ университетской средѣ сдѣлали возможнымъ въ послѣдніе годы усиленіе бюрократическаго начала въ управленіи университетомъ и появленіе чуждаго науцѣ религіознаго піетизма. Статья заканчивается такими словами: „Самымъ утѣшительнымъ является то, что нѣмецкій духъ остался побѣдителемъ въ Дерптѣ послѣ различныхъ препятствій и борьбы. Всѣ эти препятствія принадлежатъ теперь уже къ невозвратному прошлому; всѣ затрудненія, которыя угрожали естественному развитію университета, устранены со времени новаго, благопріятнаго балтійскому населенію управленія университетомъ (т. е. со времени назначенія графа Кейзерлинга). Значеніе Дерптскаго университета для Россіи поднялось внѣ всякаго сомнѣнія; столь же несомнѣнно и то, что университетъ этотъ до тѣхъ поръ можетъ приносить всей русской имперіи и особенно Прибалтійскому краю ожидаемую пользу, пока онъ останется именно нѣмецкой высшей школой и удержитъ свой нѣмецкій характеръ“¹⁾.

Конечно, такія надежды на новаго попечителя имѣли нѣкоторое основаніе, но въ общемъ, особенно со стороны мѣстной балтійской партіи, онѣ были сильно преувеличены. Графъ Кейзерлингъ былъ

¹⁾ *Dorpater Universitätszustände aus den letzten zehn Jahren. Von D-r C. Nicolai. Russische Revue, herausg. von Wilhelm Wolfsohn. B. III. Leipzig, 1864, стр. 371—385.*

человѣкъ слишкомъ корректный, осторожный и независимый, чтобы согласиться энергически поддерживать тѣ узко-партийныя стремленія, которыя исходили отъ известной группы дѣятелей университета и мѣстнаго общества; для него дороже всего были интересы свободной науки, порядка и законности. Въ силу этого онъ всецѣло сталъ, напр., на сторону профессора Шлейдена, пользуясь всеѣмъ своимъ влияніемъ, чтобы защитить его отъ гоненій, воздвигнутыхъ на него большинствомъ его университетскихъ коллегъ ¹⁾, и, конечно, этимъ далеко не увеличилъ своей популярности въ Дерптѣ ²⁾. По тѣмъ же побужденіямъ онъ писалъ натуралисту К. Э. Беру въ 1864 году: „Русскіе должны найти здѣсь (т. е. въ Дерптѣ) возможность учиться въ большомъ числѣ, чѣмъ доселѣ: вѣдь не можемъ же мы ожидать, чтобы національное чувство осталось въ забвеніи... Наши стремленія къ національности (т. е. въ балтійско-нѣмецкомъ смыслѣ) должны быть нѣсколько приостановлены, такъ какъ намъ приходится жить здѣсь на деньги изъ центральной (т. е. обще-государственной) кассы. Специально балтійско-провинціальное въ Дерпту нейдетъ; Дерптъ долженъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться международнымъ университетомъ, и прежде всего я желаю, чтобы ожилъ здѣсь духъ изслѣдованія, а остальное придетъ само собою“ ³⁾.

Дѣйствительно, мысль графа Кейзерлинга объ увеличеніи способовъ обученія для русскихъ въ Прибалтійскомъ краѣ не только вполне ясно сознавалась русскимъ обществомъ, но и обобщалась до желанія видѣть преподаваніе въ краѣ на русскомъ языкѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая университета. Въ такомъ смыслѣ высказались, напр., „С.-Петербургскія Вѣдомости“ въ передовой статьѣ № 59 1865 года: „въ самомъ дѣлѣ—говорится тамъ далѣе—съ какой стати имѣть намъ въ Россіи нѣмецкій университетъ, когда, благодаря облегченію и дешезизгѣ нынѣшнихъ средствъ сообщенія, каждый остзеецъ, желающій учиться въ нѣмецкомъ университетѣ, можетъ отпра-виться для этого въ Кенигсбергъ, который подъ бокомъ у нихъ, въ Берлинѣ?... Къ чему намъ поддерживать теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, нѣмецкій питомникъ на русской почвѣ? Не лучше

¹⁾ См. т. I, стр. 415—416.

²⁾ Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern zusammengestellt von seiner Tochter Freifrau Helene von Taube von der Lamm. В. I. Berlin, 1902, стр. 457—458, 460, 465.

³⁾ Письма отъ 20-го сентября и 6-го ноября 1864 года: тамъ же I, стр. 475.

ли обратиться ему въ настоящій русскій университетъ?». Одновременно съ этимъ, преобразовательныя пожеланія относительно Прибалтійскаго края со стороны русскаго общества находили себѣ и еще болѣе широкую формулировку—въ смыслѣ глубокаго и всесторонняго объединенія культурной жизни этой окраины съ центромъ; невѣстный авторъ одной изъ статей въ этомъ духѣ, сдѣлавъ краткій очеркъ объединительныхъ мѣропріятій правительства относительно Остзейскихъ провинцій въ XVIII и XIX вв. и не находя „твердости ни въ мѣрахъ, ни въ исполненіи“, начерталъ цѣлую программу желаемой реформы, въ которой нашла себѣ мѣсто мысль, чтобы всѣ дѣла въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ края, а равно и преподаваніе въ школахъ велись на русскомъ языкѣ: „нѣтъ ни одной основательной причины—говорилъ авторъ—жертвовать пользою государства и благомъ нѣсколькихъ милліоновъ людей для выгоды немногихъ семействъ, закоренѣлыхъ въ ненависти къ Россіи“¹⁾. Вообще, во второй половинѣ 60-хъ годовъ вопросъ о культурномъ объединеніи Прибалтійскаго края съ Россіей получаетъ въ русской печати значительное оживленіе; дѣятельное участіе въ его обсужденіи съ этой точки зрѣнія принимали почти всѣ выдающіяся тогда періодическія изданія, съ „Московскими Вѣдомостями“²⁾ и „Голосомъ“³⁾ во главѣ; за одно съ ними подавалъ свой голосъ изъ-за границы, въ своихъ „Окраинахъ Россіи“, Ю. О. Самаринъ. Съ противоположной точки зрѣнія и съ немалымъ увлеченіемъ обсуждали тотъ же вопросъ фонъ-Бокъ въ „Livländische Beiträge“, Сиверсъ⁴⁾, Экартъ⁵⁾. Наконецъ, сначала въ Дерптѣ, а потомъ и за его предѣлами высказывался на эту

¹⁾ Очерки Ливоніи. Читенія въ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при М. У., 1865, кн. 3, смѣсь, стр. 177—183.

²⁾ См., напр., передовыя статьи *М. Н. Каткова*, 1869, №№ 72, 73, 88.

³⁾ 1869, №№ 201, 202, 204, 205: статьи *М. П. Поюдина* „Остзейскій вопросъ. Письмо къ профессору Шпренгу“.

⁴⁾ *Sivers, Jedor*. Appel an die europäische Oeffentlichkeit gegen die russische Zeitungen. Leipzig 1865. Французскій переводъ этой брошюры: Appel à la publicité européenne contre le journalisme russe au sujet des tentatives faites à Moscou et à Saint-Petersbourg pour engager le gouvernement [à russifier les provinces de la Baltique. Par un Allemand qui étant natif de la Livonie, appartient politiquement à la Russie. Traduction de *Emile Joncaux*. Paris 1867.

⁵⁾ *Eckardt, Julius*. Die deutsch-russischen Ostseeprovinzen. Offenes Schreiben an Herrn Professor H. v. Treitschke. „Baltische und russische Culturstudien aus zwei Jahrhunderten“, Leipzig 1869, стр. 1—23 [Ср. *H. v. Treitschke*. Zehn Jahre deutscher Kämpfe. 2 Aufl. Berlin 1879, стр. 211—217].

тому и проф. Ширренъ ¹⁾, по поводу дѣятельности котораго такъ писалъ въ 1870 году, не безъ горечи, Ю. О. Самаринъ: „Въ лицѣ г. Ширрена остзейскій сепаратизмъ, переименованный въ русскую исторію, обзавелся на счетъ казны особою кафедрою и по распоряженію правительства сдѣлался, какъ самостоятельная наука, предметомъ обязательнаго преподаванія и обязательнаго слушанія“ ²⁾. Впрочемъ, когда Самаринъ писалъ эти строки, онъ, очевидно, не зналъ еще, что незадолго передъ этимъ проф. Ширренъ принужденъ былъ оставить службу въ Дертѣ именно вслѣдствіе своихъ рѣзко выраженныхъ политическихъ воззрѣній. Конечно, раздавались и голоса примирительнаго направленія, но въ общемъ получалось впечатлѣніе, что балтійской точкѣ зрѣнія на вопросъ противопоставлена была и въ русской печати своя самостоятельная точка зрѣнія, при формулировкѣ которой не было недостатка ни въ убѣжденности, ни въ основательныхъ историческихъ и теоретическихъ мотивахъ. Въ нѣмецкомъ обществѣ ходили даже, во всякомъ случаѣ сильно преувеличенные, слухи о предстоящемъ закрытіи Дерптскаго университета, который однако же нашелъ себѣ будто бы защиту въ лицѣ самого Государя ³⁾.

Какихъ же взглядовъ держалось на этотъ вопросъ правительство?

14-го іюня 1867 года посѣтилъ Ригу императоръ Александръ II. Въ рѣчи, сказанной на русскомъ языкѣ въ замкѣ представителямъ разныхъ сословій, Государь, отмѣтивъ искренность вѣрноподданническихъ чувствъ къ себѣ въ населеніи Прибалтійскаго края съ одной стороны и свое полное довѣріе къ этимъ чувствамъ—съ другой, далѣе, между прочимъ, сказалъ: „Я желаю, господа, чтобы вы не забывали, что принадлежите къ единой русской семьѣ и образуете нераздѣльную часть Россіи, за которую отцы ваши и братья и многіе изъ васъ самихъ проливали кровь. Вотъ почему я надѣюсь найтн со стороны вашей въ мирное время содѣйствіе мнѣ и моему представителю въ средѣ вашей, генераль-губернатору, на коего вполне полагаюсь въ приведеніи въ исполненіе тѣхъ мѣръ и реформъ, которыя

¹⁾ Die russische Presse in Sachen der Ostseeprovinzen. „Dorptser Tageblatt“ 1864.—Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig 1869.

²⁾ Отвѣтъ гг. Боку и Ширрену по поводу „Охраняй Россію“. Сочиненія Ю. О. Самарина. Т. VIII. М. 1890, стр. 343—344.

³⁾ Unter dem russischen Scepter. Aus den Erinnerungen eines deutschen Publicisten, von Fr. Meyer von Waldeck. Heidelberg 1894, стр. 64.

я считаю необходимыми и полезными для вашего края" ¹⁾. Что за словом Государя стояло и дѣло, это видно изъ того, что уже 1-го іюля 1867 года комитетъ министровъ одобрилъ предложенныя графомъ Д. А. Толстымъ мѣры къ усиленію преподаванія въ Прибалтійскомъ краѣ русскаго языка и къ проведенію въ дѣйствіе высочайшей воли отъ 3-го января 1850 года о веденіи официальной переписки въ присутственныхъ мѣстахъ въ краѣ на государственномъ языкѣ; впрочемъ, это мнѣніе комитета министровъ удостоилось высочайшаго утвержденія, съ нѣкоторыми измѣненіями, лишь 21-го октября 1869 года; 7-го октября 1868 года учреждена была должность помощника попечителя Дерптскаго учебнаго округа, со спеціальной цѣлью ближайшимъ образомъ слѣдить за изученіемъ русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ мартѣ 1868 года генераль-губернаторомъ П. П. Альбединскимъ была подана Государю всеподданнѣйшая записка относительно коренныхъ преобразованій въ Прибалтійскомъ краѣ, въ которой прямо заявлялось, что „правительство сознало необходимость объединенія этого края съ остальными частями имперіи“. Указывая на то, что „прибалтійское юношество пропитывается на школьныхъ скамьяхъ духомъ совершенно чуждымъ всему русскому“, и желая противопоставить этому широкую возможность обученія въ учебныхъ заведеніяхъ края русскому языку, какъ могучему средству сближенія съ остальной Россіей, авторъ записки писалъ: „Создавая при малѣйшей потребности русскія училища, русскія гимназіи для мѣстныхъ русскихъ столько же, какъ и для нѣмцевъ, латышей и эстовъ, учебное начальство будетъ поставлено въ возможность увеличить требованія свои относительно русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ и, быть можетъ, внести въ него постепенно русскую науку“ ²⁾.

Не смотря однако же на такое настроеніе и въ правительственныхъ сферахъ, и въ печати, и въ значительной части русскаго, особенно мѣстнаго прибалтійскаго, общества ³⁾, дѣло реформы встрѣтило,

¹⁾ *Татищевъ, С. С.* Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Т. II. С.-Пб. 1903, стр. 25.

²⁾ *Самаринъ, Ю. Ф.* Окраины Россіи. Вып. 5. Берлинъ 1875, стр. 27—28. 60—61.

³⁾ Русскіе рижане представили въ 1870 году генераль-губернатору Альбединскому всеподданнѣйшій адресъ, подписанный почти 800 лицами, гдѣ выражено было желаніе относительно русскаго языка, тожественное со взглядами на этотъ вопросъ правительства и самого генераль-губернатора, но послѣдній омазался представить этотъ адресъ по назначенію, не смотря на то, что въ 1867 и 1870 годахъ адресы отъ остзейскаго дворянства въ соответствующемъ духѣ доходили до своей цѣли. Тамъ же, стр. 133—135.

повидимому, сильный отпоръ со стороны столь авторитетной, что уже 12-го декабря 1871 года на университетскомъ актѣ официальный ораторъ могъ сказать, вспоминая о нѣкогда обѣщанной университету его августѣйшимъ основателемъ защитѣ: „мы стоимъ теперь крѣпко и спокойно, не сокрушенные вражескими нападками, на насъ направленными въ недавнее время“. Съ этой стороны понятнымъ является скептицизмъ Ю. О. Самарина, такъ писавшаго въ своихъ „Окраинахъ Россіи“ въ 1871 году: „Всѣмъ извѣстно, что именно въ послѣднее время управленіе Балтійскимъ краемъ въ значительной степени упростилось и, такъ сказать, съузилось преднамѣреннымъ устраненіемъ или отсрочкою на неопредѣленный періодъ всѣхъ крупныхъ задачъ, недавно еще стоявшихъ на ближайшей очереди. Твердой инициативы со стороны правительства не видно ни въ чемъ, и теперешняя его программа дѣйствій, буде таковая имѣется, повидимому, заключается въ систематическомъ воздержаніи отъ всякаго серьезнаго дѣйствія“¹⁾. Такимъ образомъ, назрѣвшая уже реформа учебной системы въ Прибалтійскомъ краѣ, въ томъ числѣ и университета, была приостановлена почти на цѣлую четверть вѣка; въ связи съ этимъ, для многихъ тогда необъяснимымъ, явленіемъ не лишено интереса сообщеніе въ 1889 году, когда наконецъ реформа относительно университета начала фактически осуществляться, газеты „Temps“, будто въ 60-хъ годахъ, когда реформа была окончательно подготовлена, Государь, по особымъ мотивамъ, рѣшилъ отложить ея осуществленіе на приблизительно двадцатипятилѣтній срокъ²⁾. Наблюденіе надъ событіями, предшествовавшими моменту этого рѣшенія, а также отчасти и слѣдовавшими за нимъ, даетъ возможность съ большою вѣроятностью предполагать, что на рѣшеніе Государя не остались безъ вліянія энергическіе голоса противъ реформы изъ среды нѣмецкаго общества какъ на мѣстѣ предполагавшейся реформы, такъ и въ Петербургѣ, напримѣръ, докладныя записки на высочайшее имя лифляндскаго и эстляндскаго дворянства 1870 года³⁾. Отголоскомъ же консервативнаго настроенія императора Александра II къ судьбѣ Дерптскаго университета являются слѣдующія слова официального университетскаго

¹⁾ Сочиненія. Т. VII, стр. 426.

²⁾ Ср. „Донъ“, отъ 16-го декабря 1889, № 547.

³⁾ Пространный „Memorial der livländischen Ritterschaft“ (1870) и краткаго „Supplik der ehstländischen Ritterschaft an Kaiser Alexander“ (11-го марта 1870) напечатаны В. Божомъ въ его „Livländische Beiträge“, Neue Folge, B. I, Heft 5 (Leipzig 1871), стр. 262—298. 318—321.

оратора, сказанныя по поводу смерти этого государя на торжественномъ годичномъ актѣ 12-го декабря 1881 года: „Императоръ Александръ II постоянно оказывалъ нашему университету свое милостивое отеческое покровительство, и университетъ питалъ къ нему благоговѣйную любовь и благодарную вѣрность. Его благословенному царствованію обязана онъ новымъ уставомъ, дальнѣйшимъ предоставленіемъ богатыхъ средствъ, учрежденіемъ ряда новыхъ кафедръ. Но мы должны быть благодарны еще и за гораздо большее. Блаженной памяти императоръ былъ для нашего университета крѣпкой защитой противъ угрожавшихъ вражескихъ покушеній. Въ своей милостивой, любвеобильной заботѣ онъ сохранилъ его на той основѣ, изъ которой университетъ черпалъ и единственно могъ черпать лучшія силы для своего преуспѣянія, онъ охранилъ особенности его жизни и обезпечилъ ему драгоценное благо—свободу изслѣдованія, преподаванія и ученія, какъ необходимѣйшее условіе научной работы. Память о немъ навсегда останется благословенной въ исторіи нашего университета“¹⁾).

Разумѣется, при такомъ положеніи вопроса никто изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ центрального управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, не могъ принять на себя инициативы въ дѣлѣ реформы, судьба которой однако же продолжала интересовать общественное мнѣніе какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, такъ и въ остальной Россіи. Жизнь шла своимъ чередомъ, выдвигая то старыя, то новыя насущныя запросы, требовавшіе удовлетворенія; самосознаніе русскаго общества тоже зрѣло, и рѣшеніе вопроса о реформѣ, задержанное искусственно, надвигалось само собою, силою вещей, логикой самой жизни.

Изъ попечителей округа также никто не могъ обнаружить въ эту предшествовавшую реформѣ промежуточную эпоху какого-нибудь замѣтнаго почина въ томъ или иномъ опредѣленномъ духѣ, пока по послѣдовали соответственныя указанія свыше, хотя и не всѣ попечители этого времени одинаково относились къ вопросу о реформѣ.

Графъ А. А. Кейзерлингъ оставилъ постъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа въ ноябрѣ 1869 года, смѣнивъ тревоги и волненія административной службы на почетный отдыхъ и мирныя занятія наукой. Уже уходъ изъ министерства А. В. Головинна, который дѣя-

¹⁾ Рѣчь профессора политическаго экономіи *Т. Митхофа*, въ „Festrede zur Jahresfeier der Stiftung der Universität Dorpat am 12 December 1881, gehalten von Theodor Mithoff. Dorpat 1882“, стр. 3—4.

тельно поддерживалъ Кейзерлинга въ стремленіи оградить управление университетомъ отъ вѣшнихъ воздѣйствій, и замѣна его въ апрѣлѣ 1866 года графомъ Д. А. Толстымъ дали поводъ графу Кейзерлингу къ нѣкоторому разочарованію и скептицизму относительно будущности своей служебной карьеры и возможности удержать свою точку зрѣнія на дѣло; оба эти послѣднія лица мало гармонировали между собою. Упомянутое выше назначеніе попечителю помощника, въ лицѣ д. с. с. Николаича, было несприятно Кейзерлингу. Мѣстомъ пребыванія помощнику попечителя была назначена Рига. Согласно утвержденной министромъ 28-го декабря 1868 года особой „временной инструкціи“, помощнику попечителя специально вѣрялось „попеченіе объ усгѣхахъ русскаго языка и предметовъ, преподаваемыхъ по-русски“ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа, начиная съ университета и кончая начальными училищами (§ 1); онъ обязанъ былъ „посѣщать лекціи въ университетѣ по предметамъ, преподаваемымъ на русскомъ языкѣ, и присутствовать по возможности на испытаніяхъ студентовъ изъ этихъ предметовъ какъ на провѣрочныхъ при пріемѣ, такъ и на окончательныхъ“ (§ 5)¹⁾; для этой послѣдней цѣли помощникъ попечителя долженъ былъ довольно часто пріѣзжать въ Дерптъ. Конечно, въ дѣйствительности роль помощника попечителя относительно университета была мало полезной для дѣла, весьма трудной, перѣдко двусмысленной. Въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ (къ дочери Еленѣ, отъ 24-го августа 1869 года) попечитель прямо говоритъ о своемъ помощникѣ, что онъ „aus dem Curator-Gehülfen ein Hinder-Curator sich herausgebildet“, да и вообще не стѣснялся высказывать свое неудовольствіе по поводу этого назначенія²⁾. Въ 1884 году эта должность помощника попечителя была упразднена и замѣнена учрежденіемъ второй должности окружного инспектора. Не былъ вполнѣ доволенъ графъ Кейзерлингъ и раздорами въ университетской средѣ; его корректное настроеніе плохо мирилось съ мелочностью, корыстолюбіемъ и неискренностью многихъ изъ тогдашнихъ профессоровъ: „у насъ являются либералами—писалъ онъ барону фонъ-Нискулю 10-го мая 1865—не потому, чтобы стремились къ вѣчной справедливости, а изъ зависти и изъ жажды временнаго господства“³⁾; о научныхъ силахъ тогдашняго Дерптскаго университета, особенно юридиче-

¹⁾ Сборникъ распоряженій, IV. 674—678.

²⁾ Graf Alexander Keyserling, I. 557. 563. 567—568.

³⁾ Тамъ же, I. 479.

скаго факультета, былъ онъ далеко не высокаго мнѣнія ¹⁾); не радовало его и плохое состояніе студенческой дисциплины ²⁾); наконецъ— и это главное—ему трудно было мириться со своимъ двойственнымъ положеніемъ въ то время, когда вопросъ о реформѣ переживалъ острую и критическую стадію своего развитія, и для него еще было неясно, чѣмъ должно кончиться дѣло: какъ добросовѣстный администраторъ, онъ долженъ былъ приводить въ исполненіе нѣкоторыя такія распоряженія по университету и округу, съ которыми былъ внутренне несогласенъ ³⁾). Все это вмѣстѣ привело его, обремененнаго и даже богатаго человѣка, цѣвившаго всего болѣе независимость, къ естественной мысли объ отставкѣ, которую онъ и получилъ, одновременно съ назначеніемъ ему преемника, 17-го ноября 1869 года.

Новый попечитель, Пётръ Карловичъ Жерве, бывший до того сувалкскимъ губернаторомъ, прошелъ свою, предшествовавшую этому назначенію, служебную карьеру въ сферѣ, чуждой ближайшихъ интересовъ науки и просвѣщенія; но онъ принесть на свой новый постъ глубокое убѣжденіе въ необходимости и неотложности реформы учебной и административной системы въ Прибалтійскомъ краѣ въ общерусскомъ направленіи. Отъ мѣстнаго историка Жерве получилъ неслестное наименованіе „палача университета“ ⁴⁾), но эта характеристика не вѣрна уже потому, что Жерве, въ качествѣ попечителя, дѣйствовалъ въ эпоху, когда идея реформы, вслѣдствіе указаннаго выше поворота, сдѣлалась въ руководящихъ сферахъ весьма непопулярной, и попечителю приходилось дѣйствовать лишь на свой страхъ, безъ надежды на успѣхъ и почти безъ пользы для дѣла. Съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что, пройдя совсѣмъ иную административную школу и во многомъ напоминая собою одного изъ своихъ предшественниковъ по попечительству, генерала Г. Б. Крафстрема, П. К. Жерве мало подходилъ вообще къ роли руководителя учебнымъ округомъ и университетомъ, будучи чуждъ многихъ существенныхъ интересовъ послѣдняго, хотя и былъ исполненъ въ то же время лучшими намѣреніями, отличался прямою характера и стойкостью своихъ воззрѣній.

¹⁾ Graf Alexander Keyserling, I. 482. 484.

²⁾ Тамъ же, I. 569.

³⁾ Тамъ же, I. 456. 571—572. 574—575.

⁴⁾ Die deutsche Universität Dorpat. 3 Aufl., стр. 61.

Конечно, въ Доритѣ, вблизи университета, въ постоянномъ соприкосновеніи съ недовольной средой, П. К. Жерве было не по себѣ, и вскорѣ же послѣ своего назначенія, по предварительному соглашенію съ генералъ-губернаторомъ Альбединскимъ, онъ возбудилъ вопросъ о перенесеніи управленія учебнымъ округомъ изъ Дерпта въ Ригу. Мотивируя это свое предложеніе, попечитель такъ писалъ министру, отъ 22 февраля 1870 года: „Ближайшее ознакомленіе съ настоящимъ направлениемъ дѣла общественнаго образованія въ здѣшнемъ краѣ, а равно съ характеромъ дѣятельности большинства лицъ, поставленныхъ здѣсь во главѣ этого важнаго дѣла, не только не поколебало, но, напротивъ, окончательно утвердило во мнѣ убѣжденіе въ пользѣ и необходимости вывести управленіе Дерптскимъ учебнымъ округомъ изъ того обособленнаго, ненормальнаго положенія, въ которомъ онъ нынѣ находится, и поставить его въ болѣе близкія, живыя соотношенія съ высшей мѣстной администраціей, при сочувствіи и содѣйствіи которой лишь возможно измѣненіе, путемъ зрѣлаго, совокупнаго обсужденія принимаемыхъ мѣръ, ширѣшняго, но исполнѣ соответствующаго видамъ правительства направленія въ дѣлѣ образованія и постепенное, безъ раздраженія, сближеніе этого края съ прочими частями имперіи“. По вопросу объ отдѣленіи управленія округомъ отъ университетскаго округа попечитель рассуждалъ: „Соображенія по отдѣленію университета отъ центра окружнаго управленія не могутъ служить препятствіемъ къ осуществленію предложенной г. генералъ-губернаторомъ и мною перемѣны, такъ какъ, съ одной стороны, на университетъ распространено столь обширное право самоуправленія, что для наблюденія за нимъ и личнаго удостовѣренія въ его состояніи весьма достаточно четырехъ-пяти осмотровъ въ теченіе года, произведенныхъ попечителемъ и его помощникомъ, а съ другой — количественный перевѣсъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ сосѣдственныхъ между собою городахъ Ригѣ, Митавѣ и Либавѣ вызываетъ потребность наибольшей заботы и болѣе тщательнаго призора“. Доводы попечителя были уважены, и 13 марта 1870 года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе перевести управленіе округомъ въ Ригу; самый же перевѣздъ П. К. Жерве, съ канцеляріей и архивомъ, послѣдовалъ 22 апрѣля 1870 года, при чемъ архитекторъ и окружной инспекторъ остались въ Доритѣ, и округъ продолжалъ именоваться „Дерптскимъ“.

31 мая 1875 года П. К. Жерве былъ назначенъ попечителемъ въ Харьковѣ, но продолжалъ управлять Дерптскимъ учебнымъ округомъ

до 18 августа 1875 года, когда вступилъ въ управленіе его преемникъ *Андрей Александровичъ Сабуровъ*, остававшійся въ этой должности до 24 апрѣля 1880 года. Новый попечитель, вступивъ въ управленіе округомъ уже при нѣскольکو иныхъ условіяхъ, чѣмъ его предшественникъ, пожелалъ иначе установить свои отношенія къ университету и вскорѣ же, 22 января 1876 года, возбудилъ передъ министерствомъ ходатайство объ обратномъ переводѣ управленія изъ Риги въ Дерптъ. Мотивировалъ онъ это предложеніе тѣмъ, что имѣвшаяся шесть лѣтъ тому назадъ цѣль перевода управленія въ Ригу—наблюденіе за возникавшими въ Ригѣ и сосѣднихъ городахъ русскими учебными заведеніями—въ настоящее время уже достигнута, и что теперь необходимо ближайшее наблюденіе за открывающимися подобными же русскими учебными заведеніями въ Эстляндской губерніи; кромѣ того, и въ самомъ Дерптѣ предстоитъ открытіе русскаго городского училища и учительской семинаріи для эстонской части населенія края; наконецъ, была бы желательна и большая близость попечителя къ университету, что „въ Дерптскомъ округѣ особенно важно въ виду тѣсной связи между университетомъ и всѣми учебными заведеніями края, учителя и начальники которыхъ почти всѣ получали образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, сохранили съ нимъ тѣсныя связи и потому невольно подчиняются господствующему въ данную минуту въ Дерптѣ направленію“. Не смотря на всю условность и даже неясность такой мотивировки, желаніе попечителя было уважено, и 23 февраля 1876 года послѣдовало высочайшее согласіе на перенесеніе управленія округомъ обратно въ Дерптъ, при чемъ, въ интересахъ находящихся въ Ригѣ русскихъ учебныхъ заведеній, рѣшено было оставить тамъ мѣстопробываніе помощника попечителя и состоящаго подъ его предсѣдательствомъ испытательнаго комитета. При кратковременныхъ отлучкахъ попечителя изъ Дерпта, рѣшено было, чтобы онъ оставлялъ управленіе округомъ за собою, а при болѣе продолжительныхъ — передавалъ его своему помощнику, съ вызовомъ послѣдняго изъ Риги въ Дерптъ. Переѣздъ попечителя въ Дерптъ состоялся 1 сентября 1876 года; за нимъ опять послѣдовали архивъ и канцелярія.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Дерптъ, новый попечитель успѣлъ приобрести себѣ расположеніе не только со стороны представителей университета, но и другихъ слоевъ городского общества; домъ его сдѣлался центромъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ города, и мы имѣемъ полное основаніе полагать, что характеристика, данная А. А. Сабур-

рову, какъ попечителю, со стороны мѣстнаго историка ¹⁾, въ общихъ чертахъ недалеко отъ истины. По вопросу о „реформѣ“, который официально все-таки не былъ снятъ съ очереди, А. А. Сабуровъ могъ дѣйствовать только съ той уклончивостью, мягкостью и тактомъ, которыя диктовались ему настроеніемъ эпохи.

По назначеніи А. А. Сабурова управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, на посту попечителя Дерптскаго учебнаго округа наслѣдовалъ ему баронъ *Александръ Федоровичъ Штакельбергъ*, непродолжительное управленіе котораго, съ 29 ноября 1880 по 14 іюля 1883 года, не отмѣчено было ничѣмъ особеннымъ въ лѣтописяхъ университета и округа и протекало при тѣхъ же общихъ условіяхъ, какъ и управленіе его предшественника.

При значительно измѣнившихся обстоятельствахъ пришлось нести свои попечительскія обязанности *Михаилу Николаевичу Канустину* (съ 14 іюля 1883 по 17 августа 1890 года), при которомъ положено начало осуществленію реформы учебной системы въ округѣ и въ университетѣ, и *Николаю Алексѣевичу Лавровскому* (съ 17 августа 1890 по 18 сентября 1899 года): на послѣдняго осуществленіе реформы легло своей главной тяжестью, его трудами она завершена была окончательно. При первомъ изъ названныхъ попечителей управленіе округомъ, согласно высочайшему разрѣшенію 7 марта 1886 года, снова переведено было въ Ригу, при чемъ самый переѣздъ состоялся 20 іюня 1886 года, а при второмъ, по высочайшему повелѣнію 27 февраля 1893 года, Дерптскій учебный округъ переименованъ въ Рижскій, одновременно съ переименованіемъ университета въ Юрьевскій.

Хотя, какъ уже мы видѣли, мысль о сближеніи Дерптскаго университета съ остальными университетами имперіи и о реформѣ господствовавшей въ немъ учебной системы на началахъ общерусскаго государственнаго единства проходить черезъ всю исторію этого учрежденія, начиная съ 1830-хъ годовъ, съ перерывами и колебаніями то въ пользу упомянутой идеи, то противъ нея, однако, на вполне твердую почву вопросъ этотъ былъ поставленъ лишь волею императора Александра III, его личной инициативой, его глубокимъ убѣжденіемъ въ неотложной необходимости водворенія русскихъ государственныхъ и культурныхъ началъ на Прибалтійской окраинѣ. Выполненіе этой программы совпало съ управленіемъ министерствомъ народнаго просвѣщенія графа И. Д. Делянова, стоявшаго во главѣ этой отрасли

¹⁾ Die deutsche Universität Dorpat, 63—65.

государственнаго управления съ 16 марта 1882 по 29 декабря 1897 года.

Какъ извѣстно, реформа университета и округа составляла только часть общегосударственной реформы относительно Прибалтійскаго края; въ интересахъ послѣдней была назначена въ 1882 году, по высочайшему повелѣнію, ревизія сенатора Н. А. Манассеина Лифляндской и Курляндской губерній „во всѣхъ отношеніяхъ государственнаго управления“, о чемъ попечитель баронъ Штакальбергъ официально увѣдомилъ ректора университета отъ 8 февраля 1882 года, а 3 мая 1883 года прибывшему въ Дерптъ сенатору Манассеину представлялся весь учебный и административный составъ университета. Эта мѣра опять чрезвычайно оживила интересъ къ вопросу о реформѣ университета какъ въ обществѣ, такъ и въ періодической печати. Вотъ какъ писалъ, напр., въ 1884 году И. С. Аксаковъ, воплію раздѣлявшій взгляды на данный вопросъ Ю. Ѳ. Самарина: „Учрежденіе Дерптскаго университета въ его настоящемъ видѣ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Гораздо возможнѣе примириться съ негѣпостью существованія Императорскаго германскаго университета въ Россіи, въ какой бы мѣстности онъ ни былъ, хотя бы въ Петербургѣ или въ Москвѣ, чѣмъ съ существованіемъ университета нѣмецко-балтійскаго. Какъ германскій, онъ для Россіи не нуженъ, стоить напрасной траты русскихъ народныхъ денегъ, но вреда особеннаго ей не наноситъ; какъ нѣмецко-балтійскій, Дерптскій университетъ положительно вреденъ, сколько для интересовъ самого мѣстнаго населенія, столько же и для интересовъ русскаго государства. Именно, для мѣстнаго населенія, за исключеніемъ развѣ ничтожнаго меньшинства, онъ является не просвѣтительною, а темною силой. Какъ нѣмецко-балтійскій, онъ служитъ не истинѣ, а лжи; не благу, а злу; не свободѣ, а гнету; не миру, а враждѣ; торжеству не правды, а кривды. Онъ—носитель и провозвѣстникъ началъ и идеаловъ самыхъ узкихъ и тѣсныхъ, средневѣковаго неравенства, племенныхъ и родовыхъ привилегій, безправія и рабства низменнаго народнаго слоя... Таково его значеніе для края, таковъ общій, рѣшительно преобладающій характеръ этого учрежденія, независимо отъ случайныхъ изыятій въ личномъ составѣ профессоровъ. Дерптскій университетъ, безъ сомнѣнія, самый твердый оплотъ нѣмецкой прошлой стихіи въ Прибалтійской окраинѣ и ея автономнаго исключительнаго положенія въ русскомъ государствѣ, самое мощное орудіе насильственнаго и искусственнаго онѣмеченія латышей и эстовъ, юридическаго и духовнаго порабоженія громаднаго боль-

шинства населенія нѣмецкому малочисленному меньшинству. Въ утвержденіи и развитіи такихъ-то ложныхъ и вредныхъ началъ, въ охраненіи и защитѣ ихъ отъ посягательства русской власти, русскаго государственнаго объединяющаго элемента, въ подавленіи пробудившагося въ низшихъ классахъ окраины человѣческаго и племенного самосознанія, а также и стремленія къ гражданской полноправности наравнѣ со всѣми русскими подданными, — однимъ словомъ, въ дружномъ, упорномъ и искусномъ противодѣйствіи всѣмъ этимъ новымъ историческимъ явленіямъ и силамъ и заключается такъ называемый балтійскій мѣстный патріотизмъ. Для этого-то патріотизма университетъ и служитъ центромъ или своего рода арсеналомъ, снабжая балтійскую неправду всѣми аппаратами науки, всѣми пособиями ученаго знанія и культуры“¹⁾.

Что касается отношенія общества въ Россіи и за границей къ самому факту реформы, поскольку оно выразилось въ текущей прессѣ, то высказанныя органами послѣдней сужденія отличались большимъ разнообразіемъ; ирочемъ, это разнообразіе, въ концѣ-концовъ, сводится, конечно, къ двумъ главнымъ, основнымъ точкамъ зрѣнія—за реформу и противъ нея. Русская періодическая печать на нѣмецкомъ языкѣ, за единичными исключеніями, относилась къ реформѣ не сочувственно; заграничная нѣмецкая пресса всецѣло примыкала къ этому же взгляду на реформу и очень нерѣдко выходила за предѣлы спокойнаго обсужденія связанныхъ съ нею вопросовъ, какъ, впрочемъ, грѣшили въ этомъ — только въ другомъ направленіи — и нѣкоторые органы русской печати, стоявшіе за реформу. Тѣмъ необходимѣе поэтому отмѣтить объективное отношеніе къ вопросу о реформѣ Дерптскаго университета со стороны одного нѣмецкаго органа, специально посвященнаго вопросамъ высшей школы—именно мюнхенскаго „Academische Revue“, которое въ самыя критическія годы реформы помѣстило на своихъ страницахъ нѣсколько извѣстій, имѣвшихъ цѣлью содѣйствовать выясненію истины²⁾. Наконецъ, здѣсь же должна быть

¹⁾ „Русь“ 1884 № 12, стр. 6. Ср. Сочиненія И. С. Аксакова. Т. VI. М. 1887, стр. 144—145.

²⁾ Это именно были замѣтки:

1. „A. R.“ 1895, Heft 5, стр. 308—310. Тутъ разбирается сначала общій вопросъ о „русификаціи“, при чемъ возраженія направлены противъ статьи въ „Preussische Jahrbücher“ 1893, B. 74, стр. 209—241, рѣзко осуждавшей реформу; затѣмъ опровергаются преувеличенныя указанія на то, что университетъ съ реформой быстро падаетъ въ своемъ значеніи, что переходъ къ русскому языку препода-

отмѣчена и принципиальная полемика между бывшимъ въ до-реформенное время ректоромъ университета Г. фонъ-Эттингеномъ и А. С. Будиловичемъ, ректоромъ въ самую горячую пору реформы ¹⁾, при чемъ оба участника этой полемики остались при диаметрально противоположныхъ взглядахъ какъ на сущность реформы, такъ и на прошлое Дерптскаго и на настоящее Юрьевскаго университета ²⁾.

Собственно реформа университета началась въ 1889 году преобразованиемъ юридическаго факультета. Поступательные шаги этой реформы составляютъ предметъ дальнѣйшаго изложенія. Теперь слѣдуетъ только отмѣтить, что въ ней должно строго отличать двѣ стороны: культурно-политическую и собственно учебную или учебно-административную. Говорить теперь объ успѣхахъ или неуспѣхахъ первой стороны представляется весьма труднымъ не только по нѣкоторой деликатности и крайней сложности этого вопроса, но также и вслѣдствіе близости даже момента начала реформы къ настоящему времени. Учебная реформа въ Прибалтійскомъ краѣ внесла въ жизнь мѣстнаго общества столько новаго, затронула столь многообразные и жизненные интересы культурной части ея населенія, что для окончательнаго сужденія о степени ея дѣйствительнаго успѣха слѣдуетъ

взвѣсивъ характеръ насилія, результатомъ чего, являясь уходъ изъ университета профессоръ-иностралецъ, что наконецъ нѣкоторыя распоряженія мѣстной университетской власти являются произволомъ, не основаннымъ ни на какомъ законѣ.

2. „A. R.“ 1895, Heft 7, стр. 136. Редакціонная замѣтка противъ статьи въ „Allgemeine Zeitung“ (1895 № 99, Beilage № 83), явившейся, въ свою очередь, возраженіемъ на указанную выше статью „A. R.“ 1895, Heft 5, стр. 308—310. Характеренъ конецъ этой замѣтки автора, чуждаго спеціальнымъ интересамъ балтійской точки зрѣнія: „Es ist zudem gerade in den Ostseeprovinzen unter deutscher Flagge schon so vieles gesündigt worden, dass man noch lange nicht alles als bare Münze aufzunehmen braucht, womit eine gewisse grosssprecherische Einseitigkeit an das deutsche Nationalgefühl appelliert“.

3. „A. R.“ 1896, Heft 19, стр. 437—438. Статья, которую доставилъ редакціи, какъ замѣчено отъ имени послѣдней, „unser der Dorpater Universitätskreisen sehr nahe stehender Gewährsmann“. Она направлена главнымъ образомъ противъ тенденціозныхъ и даже прямо фантастическихъ сообщеній, появившихся въ „Münchener Neuesten Nachrichten“ № 165, отъ 9-го апр. 1896. Категорически опровергая ложныя и исправляя неправильныя сообщенія этой газеты (будто во II сем. 1895 лекціи въ университетѣ прекратились съ 1 ноября вмѣсто середины декабря, число студентовъ весьма значительно уменьшилось вслѣдствіе дурнаго преподаванія и т. п.), авторъ отзывается о реформируемомъ университетѣ съ большимъ сочувствіемъ.

¹⁾ См. т. I, стр. 33—34.

²⁾ Ср. И. К. Прибалтійскій край. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1897, № 8, отд. II, стр. 14—16.

подождать того момента, когда на основахъ этой реформы выростеть и возмужаетъ совершенно новое поколѣніе мѣстнаго общества, во всемъ разнообразіи его сословно національныхъ подраздѣленій: только это поколѣніе можетъ дать матеріалъ для удовлетворительнаго отвѣта на поставленный вопросъ своей культурной работой, своимъ самосознаніемъ, формами и характеромъ своей духовной связи съ остальной Россіей. Что же касается второй стороны вопроса, то въ этомъ отношеніи реформа можетъ считаться въ главныхъ чертахъ законченной, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія ея первоначальной программы—введенія русскаго языка какъ органа преподаванія и обліженія многообразныхъ функций университета со строемъ жизни остальныхъ университетовъ имперіи. Но въ сущности и по этому вопросу нельзя сказать окончательнаго слова какъ потому, что многія стороны учебной реформы въ университетѣ задерживались и задерживаются крайнимъ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, такъ и потому еще, что сами русскіе университеты въ послѣднее десятилѣтіе пережили много новаго; жизнь открывала передъ ними новыя задачи, и, такимъ образомъ, для Юрьевского университета, втянутого въ общую сферу ихъ жизни, ускользала съ теченіемъ времени та первоначальная, болѣе ясная точка, къ достиженію которой вначалѣ направлены были усилія для первыхъ дѣятелей реформы этого учрежденія.

II.

Начало работъ надъ новымъ уставомъ въ первые годы царствованія императора Александра II. — Участіе въ этихъ трудахъ попечителей фонъ-Брадке и графа Кейзерлинга. — Утвержденіе устава и штата 9-го января 1865 года. — Отношеніе новаго дерптскаго устава къ уставу 1820 года и къ общерусскому уставу 1863 года. — Общій его характеръ. — Дополненія въ уставѣ и штатѣ 1865 года; вліяніе на нихъ общерусскаго устава 1884 года. — Подготовительная стадія реформы; ея общегосударственная основа. — Преобразование юридическаго факультета въ 1889 году и послѣдовавшія затѣмъ измѣненія въ уставѣ 1865 года. — Измѣненія въ составѣ кафедръ и учебно-вспомогательныхъ учреждений. — Прибавка къ штату въ 1896 году; безуспѣшныя ходатайства о его дальнѣйшемъ увеличеніи. — Вопросъ о богословскомъ факультетѣ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію устава 1865 года, которымъ открывається описываемый періодъ жизни университета и который, во многомъ дополненный и видоизмѣненный, но не отмѣненный, проводитъ университетъ и во второе столѣтіе его существованія.

Подготовительныя работы надъ составленіемъ этого устава, пред-

назначеннаго специально для Дерптскаго университета, продолжались цѣлыхъ восемь лѣтъ; причина этого обстоятельства заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что работы эти совпали съ трудами по составленію общаго устава для остальныхъ университетовъ имперіи 18-го іюня 1863 года, и немало усилій употреблено было на то, чтобы разрѣшить вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ работъ другъ къ другу — тѣмъ болѣе, что подъ этимъ, съ виду формальнымъ, вопросомъ скрывался другой, болѣе существенный, о положеніи Дерптскаго университета среди другихъ однородныхъ съ нимъ русскихъ просвѣтительныхъ учреждений.

Мысль о новомъ уставѣ для Дерптскаго университета впервые высказана была въ началѣ царствованія императора Александра II, когда въ министерствѣ народнаго просвѣщенія закипѣла энергическая работа по многимъ важнымъ и кореннымъ вопросамъ. Тогдашній министръ А. С. Норовъ конфиденціально обратился, 14-го декабря 1856 года, къ попечителю фонъ-Брадке съ предложеніемъ о своевременности выработки для Дерптскаго университета и округа проекта новыхъ уставовъ, въ виду не только многихъ измѣненій, которымъ подвергся уставъ 1820 года, но и новыхъ представленій попечителя о необходимыхъ принципиальныхъ улучшеніяхъ; для составленія этихъ проектовъ слѣдовало, по мнѣнію министра, образовать двѣ комиссіи: одну для устава университета, другую для устава округа и работу первой комиссіи передать для разсмотрѣнія въ университетскій совѣтъ, а второй — въ совѣтъ попечителя, послѣ чего препроводить ихъ въ Петербургъ, гдѣ предполагается въ ближайшемъ будущемъ заняться выработкой новаго общаго университетскаго устава. Въ дополнительномъ предложеніи министра попечителю, отъ 20-го декабря 1856 года, рекомендовалось при выработкѣ проектовъ принять во вниманіе, „чтобы устройство Дерптскаго университета и учебныхъ заведеній Дерптскаго округа было примѣнено, сколь можно ближе и насколько позволятъ мѣстныя обстоятельства и потребности, къ устройству прочихъ русскихъ учебныхъ заведеній“, а также что „при составленіи штатовъ необходимо ограничиться отпускаемыми нынѣ изъ казны суммами“. Попечитель, въ своихъ отвѣтахъ министру отъ 26-го и 31-го декабря 1856 года, особенно настаивалъ на необходимости вмѣстѣ съ новымъ уставомъ и новаго штата, такъ какъ значительные дефициты по университету въ послѣдніе годы покрываемы были только остатками отъ незамѣщенныхъ каедръ, простиравшимися ежегодно до 15.000 рубл., но въ будущемъ университетъ рѣшилъ не допускать столь ненор-

мальнаго положенія дѣла; въ виду этого попечитель находилъ, что если нельзя теперь же университету надѣяться на получение новаго штата, то лучше обождать пока и съ новымъ уставомъ; что же касается мысли министра, изложенной въ его дополнительномъ предложеніи, то попечитель выразилъ мнѣніе, что „сіе можетъ только имѣть успѣхъ при постепенныхъ преобразованіяхъ; если же эту мысль высказать вдругъ въ общей системѣ, то несомнѣнно возбудятся протесты и депутаціи, которыя хотя, сами по себѣ, значенія не имѣютъ, но, во всякомъ случаѣ, пронаведутъ въ умахъ непріятное волненіе“; въ объясненіе своей послѣдней мысли попечитель прибавилъ, что въ Дерптѣ издавна существуютъ и въ университетѣ и въ округѣ такія особенности въ практикѣ учебной и административной, противъ которыхъ оказывались бессильными всякія распоряженія и предписанія: „подобное бездѣйствіе законовъ и несоблюденіе административныхъ мѣръ, развивая индивидуальныя стремленія и не пріучая къ уваженію законовъ, не могло имѣть на умы благопріятнаго вліянія, тѣмъ болѣе, что долгое существованіе такого положенія неминуемо образуетъ ложное мнѣніе о допустимости онаго. Изъ сего легко объясняются причины, по коимъ здѣсь самыя мягкія, но положительныя мѣры, требуя повинновенія и пожертвованія части личныхъ взглядовъ, не могли пронзвести благопріятнаго впечатлѣнія“.

Но министръ не раздѣлялъ преувеличенныхъ опасеній попечителя, и послѣдній долженъ былъ приступить къ исполненію возложеннаго на него порученія. Работа надъ выработкой проекта уставовъ университета и округа продолжалась цѣлый годъ. Проектъ перваго устава былъ выработанъ въ комиссіи изъ представителей по одному отъ каждаго факультета, подъ предсѣдательствомъ ректора Бидера; затѣмъ, разсмотрѣніемъ его два мѣсяца занимался университетскій совѣтъ; разработанный, такимъ образомъ, проектъ, въ 220 §§, былъ отправленъ попечителемъ въ министерство, вмѣстѣ со своими замѣненіями и мотивировкой главнѣйшихъ частей проекта, отъ 16-го декабря 1857 года. Характерно объясненіе фонъ-Брадке министру, въ частномъ письмѣ отъ 5-го февраля 1858 года, по поводу внесенныхъ имъ отъ себя въ проектъ измѣненій: „хотя по уставу университета видимо разногласіе между мною и университетомъ, но это разногласіе въ дѣйствительности мнимое, ибо сдѣланныя мною измѣненія признаны отчасти полезными, отчасти безвредными, а только не желали предложить ихъ сами по ложному понятію о сохраненіи правъ, предоставленныхъ прежнимъ уставомъ и дабы не повредить нѣкоторымъ лич-

ностямъ. Признаюсь, что я ожидалъ большихъ затрудненій и противодѣйствій, оудя по трудности прежнихъ найденныхъ въ дѣлахъ сношеній, и что таковыя не проявились, убѣдительно доказываетъ возросшее довѣріе къ правительству“. Между тѣмъ, въ мартѣ 1858 года А. С. Поровъ оставилъ министерство; за нимъ слѣдовало кратковременное пребываніе во главѣ министерства сначала Е. П. Коваловскаго, потомъ графа Е. В. Путятина, при которомъ вопросъ о предоставленіи проекту устава Дерптскаго университета дальнѣйшаго движенія не поднимался. Онъ поднятъ былъ только въ 1862 году, по поводу работъ въ министерствѣ надъ новымъ общимъ уставомъ университетовъ, когда министръ А. В. Головинъ предложилъ Дерптскому университету воспользоваться возможностью принятіемъ этого новаго устава примкнуть къ общему теченію русской университетской жизни. Однако и попечитель фонъ-Брадке и совѣтъ университета отказались принять такое предложеніе и снова представили свой, но уже сокращенный въ 199 §§ и отчасти переработанный съ вышней стороны, прежній проектъ. Интересны мотивы, изложенныя фонъ-Брадке въ отвѣтѣ министру отъ 24-го марта 1862 года, по которымъ Дерптскій университетъ отказывался отъ принятія общаго университетскаго устава и предпочиталъ имѣть свой особый: „Послѣ извѣстныхъ происшествій,— передавалъ попечитель мнѣніе совѣта,— бывшихъ въ прошломъ году почти во всѣхъ университетахъ имперіи, правительству предстояла необходимость принять противъ сего положительныя мѣры, а посему и самый вопросъ объ университетахъ сдѣлался животрепещущимъ. По въ то же самое время тихая научная жизнь Дерпта ни на минуту не нарушалась и даже не было слѣдовъ какихъ-либо малѣйшихъ волненій, чѣмъ и доказывается, что основная организація тверда, и отношенія студентовъ къ университету должны оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ они нынѣ находятся. Въ проектѣ (т. е. представленномъ отъ Дерптскаго университета) сіи основанія не нарушаются, но малѣйшее въ нихъ измѣненіе можетъ гибельно отозваться на Дерптскомъ университетѣ... Въ семъ положеніи дѣлъ Дерптскій университетъ, не оспаривая выражающихся въ прочихъ университетахъ потребностей и тѣхъ внезапныхъ измѣненій, которыя для нихъ могли бы оказаться необходимыми, не можетъ, однако же, признать для себя полезнымъ уклониться отъ историческаго и чисто научнаго своего пути, слѣдуя прогрессу, но на основаніяхъ испытанныхъ и вполнѣ одобряемыхъ степеню научнаго, и нравственнаго его развитія и сохраняя во всемъ какъ свой консервативный характеръ, такъ и то

развитіе научной жизни, которое онъ себѣ усвоилъ 60-лѣтнимъ существованіемъ“. Затѣмъ попечитель говорилъ отъ себя: „Семилѣтнее нынѣ управленіе Дерптскимъ учебнымъ округомъ ознакомило меня близко съ его характеромъ и бытомъ, и я убѣдился, что хотя въ частности понятія и стремленія его могутъ подлежать критикѣ, но что общій духъ преподавателей совершенно благонадеженъ, единственно стремящійся къ усовершенствованію и разъясненію науки и къ распространенію оной между молодымъ поволеніемъ, которому они съ самоотверженіемъ и любовью сообщаютъ плоды своихъ ученыхъ изысканій. Отъ сего-то самаго произошло то благоговѣніе студентовъ къ профессорамъ, которое въ равной мѣрѣ не существуетъ и въ иностранныхъ университетахъ и служитъ самымъ твердымъ ручательствомъ спокойствія молодыхъ людей и привязанности ихъ къ университету. Но съ этимъ прямо ученымъ направленіемъ по необходимости сопряжена боязливая привязанность къ настоящему, опасеніе зла и тамъ, гдѣ оно не имѣется въ виду, и нервическая привязанность къ единожды принятымъ идеямъ. Тронуть настоящій бытъ сихъ почтенныхъ ученыхъ значитъ вывести ихъ изъ спокойствія и произвести безпокойство между студентами“. Въ концѣ отвѣта фонъ-Брадье заявляетъ, что „прогрессивныя цѣли прочихъ университетовъ совершенно не соотвѣтствуютъ его (т. е. Дерптскаго университета) понятіямъ“, что въ „политическомъ отношеніи“ Дерптскій университетъ имѣетъ „консервативный характеръ“, что въ научномъ отношеніи онъ „не отстаетъ ни отъ одного изъ иностранныхъ университетовъ“, кромѣ развѣ Берлинскаго, и потому заслуживаетъ довѣрія и что, наконецъ, „необходимо сохранить въ государствѣ хотя одинъ университетъ, развивающійся въ консервативномъ духѣ“.

Но не прошло и двухъ недѣль послѣ написанія этого отвѣта, какъ фонъ-Брадье скончался; преемникъ его, графъ Кейзерлингъ, воплотивъ раздѣлялъ эти общіе, въ консервативномъ духѣ, взгляды своего предшественника, и въ своемъ донесеніи касательно устава Дерптскаго университета, отъ 16-го мая 1862 года, выразилъ мнѣніе, что съ уставомъ дѣло еще терпѣть, но что неотложнымъ является для университета увеличеніе его денежныхъ средствъ. Онъ именно просилъ объ утвержденіи новаго штата въ общей суммѣ 211.600 р., т. е. съ прибавкой, сверхъ фактически уже получаемыхъ университетомъ изъ казны 125.823 р. 66 к., еще 85.776 р. 34 к. Министръ финансовъ нашелъ затруднительнымъ немедленное удовлетвореніе этого ходатайства, но Государь, на докладѣ товарища министра народ-

наго просвѣщенія барона Николай о Дерптскомъ университетѣ, выразилъ мысль, что слѣдовало бы увеличить содержаніе профессоровъ и преподавателей и вызвать въ Дерптъ нѣсколькихъ знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, чтобы сдѣлать университетъ этотъ однимъ изъ первыхъ въ Европѣ, и затѣмъ посылать въ Дерптъ, а не въ германскіе университеты молодыхъ ученыхъ, которые готовятся къ профессорской дѣятельности въ Россіи. Въ виду этого, министръ финансовъ готовъ уже былъ внести требуемую прибавку 85.776 р. 84 к. въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія съ начала 1864 года, однако дѣлу суждено было опять затянуться. Когда 18-го іюня 1863 года получилъ утвержденіе новый уставъ русскихъ университетовъ, то отъ министерства опять было сдѣлано, 5-го іюля 1863 года, Дерптскому университету предложеніе воспользоваться возможностью примѣненія къ Дерптскому университету штата одного изъ остальныхъ университетовъ имперіи, что было бы для Дерптскаго университета во всякомъ случаѣ „выгоднѣе“ испрашиваемой имъ теперь прибавки. Спрошенный объ этомъ, совѣтъ категорически отвѣтилъ отрицательно, о чемъ и доносилъ попечитель въ министерство отъ 13-го августа 1863 года. Мотивомъ отказа выступало то, что университетъ предпочитаетъ получить просимую прибавку немедленно, т. е. съ 1-го января 1864 года, чѣмъ ждать начала 1867 года, когда положено было отпускать полностью всю сумму другимъ университетамъ по новымъ штатамъ 1863 года. Конечно, за этимъ формальнымъ мотивомъ въ дѣйствительности стоялъ другой, болѣе существенный: это — опасеніе, что вмѣстѣ со штатомъ можетъ быть навязанъ университету и общій уставъ. Министръ А. В. Головинъ, отъ 9-го ноября 1863 года, сдѣлалъ представленіе въ государственный совѣтъ объ увеличеніи средствъ Дерптскаго университета въ желаемомъ послѣднимъ размѣрѣ (211.600 р.), ничего не говоря объ уставѣ. Однако въ государственномъ совѣтѣ это ходатайство вызвало возраженія и, не смотря на новыя подробныя объясненія министра Головина, возвращено было, отъ 24-го апрѣля 1864 года, въ министерство.

Между тѣмъ, опять возникла мысль о предоставленіи Дерптскому университету, вмѣстѣ съ новымъ штатомъ, также и новаго устава. Уже давно выработанный проектъ устава подвергнуть былъ попечителемъ, совмѣстно съ деканомъ юридическаго факультета проф. Румелемъ, сличенію съ текстомъ общаго устава 1863 года, при чемъ оказалось возможнымъ, по отзыву попечителя, внести въ проектъ изъ

общаго устава „многія полезныя постановленія, хотя, конечно, только въ формѣ, приуроченной къ особенностямъ Дерптскаго университета“; въ общемъ, разумѣется, проектъ остался при старомъ. Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ измѣненій, внесенныхъ въ штатъ и въ уставъ—главнымъ образомъ, на основаніи указаній статсъ-секретаря графа В. П. Панина, разсматривавшаго ихъ, по высочайшему повелѣнію, отъ имени II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи—при чемъ число §§ устава сведено редакціоннымъ путемъ до 89-ти, а штатъ выведенъ въ суммѣ 212.700 руб., штатъ и уставъ были снова внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта при обширной объяснительной запискѣ министра А. В. Головнина отъ 30-го сентября 1864 года ¹⁾; введеніе штата испривалось съ 1-го января 1865 года. Въ соединенномъ присутствіи департаментовъ законовъ и государственной экономіи государственнаго совѣта 27-го ноября и 7-го декабря 1864 года уставъ и штатъ подвергнуты были уже послѣднему обсужденію. Тутъ имѣлись въ виду главнымъ образомъ тѣ особенности, которыми этотъ уставъ отличался отъ общаго университетскаго устава 1863 года. По возникшимъ разногласіямъ или достигнуто было соглашеніе, или дѣло рѣшено было большинствомъ голосовъ, и, наконецъ, уставъ и штатъ положено было поднести на высочайшее утвержденіе; послѣдній окончательно выведенъ былъ въ суммѣ 209.200 руб., при чемъ положено было добавочную сумму на наличный преподавательскій составъ университета отпустить съ 1-го января 1865 года, половину прибавки на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы—тоже съ 1-го января 1865 г., а другую половину съ 1-го января 1866 года. Въ такомъ видѣ уставъ и штатъ удостоились высочайшаго утвержденія 9-го января 1865 года ²⁾.

Такова была внѣшняя исторія устава и штата 1865 года, отмѣченная тѣмъ же характернымъ стремленіемъ къ удержанію старинны

¹⁾ Напечатана въ Сборникѣ постановленій, т. IV. 24—125. По выраженію министра, при составленіи этого окончательнаго проекта „предсказали двѣ задачи: согласить по возможности проектъ новаго устава съ правилами общаго устава российскихъ университетовъ и удержать за Дерптскимъ университетомъ тѣ особенности, которыя необходимы по мѣстнымъ обстоятельствамъ и исключительному положенію сего университета“. Тамъ же, стр. 109—110.

²⁾ Архивъ департамента народнаго просвѣщенія, № 140435—2413: О пересмотрѣ уставовъ и штатовъ Дерптскаго университета и учебныхъ заведеній сего округа. Ч. I—III.

и къ обезпеченію университету особаго положенія среди другихъ университетовъ имперіи. Въ какомъ же отношеніи находится этотъ новый регуляторъ университетской жизни къ своему предшественнику, уставу 4-го іюня 1820 года, и къ общоуниверситетскому уставу 1863 года, съ которымъ ему пришлось такъ или иначе считаться при своей окончательной обработкѣ?

По сравненію съ своимъ предшественникомъ, уставъ 1865 года представляется произведеніемъ гораздо болѣе краткимъ: вмѣсто 14 главъ въ 271 §§, мы имѣемъ тутъ только 9 главъ въ 89 §§, при приблизительно одинаковой величинѣ послѣднихъ. Разница эта должна быть относена не только на счетъ редакціи, но и самаго содержанія. Напримѣръ, совершенно опущены главы IV и XI стараго устава, подробно трактующія о судебныхъ учрежденіяхъ университета, но дѣйствіе ихъ новымъ уставомъ не отмѣнено — помѣщеніемъ къ § 4 слѣдующаго примѣчанія: „Судебная, полицейская и нотаріальная власть Дерптскаго университета остается на прежнемъ основаніи, впредь до введенія въ Остзейскихъ губерніяхъ общей судебной реформы“; опущена глава XII, трактующая о цензурномъ комитетѣ университета, такъ какъ отъ этихъ обязанностей университетъ, какъ мы видѣли ¹⁾, былъ освобожденъ въ 1826 году и больше къ нимъ не былъ привязываемъ; выпущена глава IX, объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета, со ссылкой на штатъ; наконецъ, была опущена и глава XIV, имѣвшая своимъ предметомъ „хозяйственные отношенія университета“, а содержаніе удержаннаго изъ нея § 238 о владѣніи Домской горой и мѣстомъ бывшей шведской крѣпости перенесено въ § 5 новаго устава. Тотъ же приемъ перенесенія лишь отдѣльныхъ статей изъ упраздненныхъ главъ въ соответствующіе §§ новаго устава можно наблюдать въ отношеніи къ главамъ стараго устава: I-ой (ср. §§ 82—86 новаго устава), VIII-ой (ср. §§ 53—55 новаго устава), гл. X (ср. §§ 51—52, 87—89 новаго устава) и XIII-ой (ср. §§ 42—44 новаго устава). Достоинно замѣчанія, что опущенъ былъ § 1 прежняго устава, перенесенный въ него изъ устава 1803 года, а въ послѣдній изъ акта постановленія 12-го декабря 1802 года; этотъ § гласилъ, что Дерптскій университетъ „учрежденъ въ Россійской Имперіи для общаго блага, въ особенности же для пользы Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній“; въ университетскомъ проевтѣ устава было къ этому прибавлено, что университетъ этотъ „есть

¹⁾ Т. I, 372.

пользующеся, по высочайше утвержденнымъ постановленіямъ, правомъ автономіи учебное заведеніе для живой устной передачи самостоятельныхъ знаній въ главныхъ наукахъ“. Попечитель графъ Кейзерлингъ былъ очень огорченъ невозможностью провести этотъ § въ текстъ новаго устава, равно какъ сѣтовалъ и на то, что въ текстѣ этомъ отвергнуты были всѣ ссылки на прежнія установленія, помѣщенные при всѣхъ почти §§ проекта: этому историческому элементу попечитель придавалъ большое значеніе и настаивалъ на томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, „присовокупить къ тексту новаго устава пояснительныя замѣчанія съ указаніемъ источниковъ“, но и на это не послѣдовало согласія. Попечитель недоволенъ былъ также и невозможностью провести въ новый уставъ облегченное производство въ степень доктора и устраненіе экстраординарныхъ профессоровъ отъ участія въ университетскомъ совѣтѣ ¹⁾).

Не смотря однако же на эти измѣненія и уступки, уставъ 1865 года, по своему общему характеру и духу, по проникающей его идее самоуправленія и возможной свободы отъ внѣшнихъ административныхъ воздѣйствій, вполне напоминаетъ уставъ 1820 года, и если принять въ соображеніе, что все-таки утвержденный текстъ устава 1865 года въ общемъ очень близокъ къ его университетскому проекту, то характеристика, данная послѣднему графомъ Кейзерлингомъ въ представленіи отъ 16-го мая 1862 года, вполне примѣнима и къ самому уставу: „поводомъ къ сему (т. е. къ проекту новаго устава)—писалъ попечитель—было не разстройство или упадокъ прежней организаціи, которая, напротивъ того, даже при затруднительныхъ обстоятельствахъ оказывалась твердою и прочною; задача заключалась только въ соединеніи въ одно систематическое цѣлое испытанныхъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ основаній, которыя Дерптскому университету даровалъ Августѣйшій его основатель и воснослѣдовавшихъ съ 1820 года разнообразныхъ постановленій“. Что касается состава кафедръ по факультетамъ, то уже дополненія, сдѣланныя въ 1842, 1850, 1853 и 1860 годахъ ²⁾, значительно видоизмѣнили къ лучшему и расширили средства преподаванія на всѣхъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, такъ что въ этомъ отношеніи новый уставъ представилъ очень мало существенно новаго: тутъ приходится только отмѣтить учрежденіе на историко-филологическомъ факультетѣ кафедры „нѣмецкаго и сравни-

¹⁾ Graf Alexander Keyserling, I. 465—466.

²⁾ См. т. I. 376—377. 383—384. 418.

тельнаго языковѣдѣнія“ и на богословскомъ спеціальной каеэдрѣ „семитскихъ языковъ“, выдѣленной изъ состава прежней каеэдрѣ „экзегетики и восточныхъ языковъ“. Затѣмъ, каеэдра „камеральной науки, финансовъ и торговли“ перенесена была съ физико-математическаго факультета на историко-филологическій подъ именемъ каеэдрѣ „политической экономіи“; въ послѣднемъ факультетѣ нѣкоторыя каеэдрѣ получали другое наименованіе: „философіи и педагогикѣ“, „русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще“. Общее число каеэдръ по новому уставу было 40, считая по одному представителю на каждую; доцентовъ положено было 10. Наконецъ, семь прежнихъ „учителей языковъ“ замѣнены пятью лекторами, что произошло вслѣдствіе упраздненія должностей преподавателей русскаго и нѣмецкаго языковъ.

Если взглянуть теперь на уставъ 1865 года рядомъ съ общеуниверситетскимъ уставомъ 1863 года, то зависимость его отъ послѣдняго съ внѣшней стороны, въ виду сдѣланныхъ въ послѣднее время обработки измѣненій, не подлежитъ никакому сомнѣнію, при чемъ въ стремленіи къ возможной краткости уставъ 1865 года даже опередилъ общій уставъ 1863 года: 9 главъ въ 89 §§ противъ 12 главъ въ 147 §§. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что главы VI, IX, X и XI устава 1863 года отсутствуютъ, какъ отдѣльными, въ уставѣ 1865 года, будучи замѣнены первыя—краткими указаніями въ V главѣ, а три послѣднія—такowymi уже указаніями въ VIII главѣ или простой ссылкой на 110—118 §§ общаго университетскаго устава. Затѣмъ, весьма близко совпадаютъ главы I—IV обоихъ уставовъ и менѣе близко V, VII общаго устава съ VI-ой спеціального, VIII съ VII-ой и XII съ IX-ой. Замѣчательно, что по числу каеэдръ и преподавательскихъ силъ спеціальныи уставъ Дерптскаго университета очень отстаетъ отъ общеуниверситетскаго устава: въ то время, какъ тамъ только для четырехъ факультетовъ (историко-филологическій, физико-математическій, медицинскій и юридическій) положено 53 каеэдрѣ при 90 преподавателяхъ (57 профессоровъ и 33 доцента), въ Дерптѣ на всѣхъ пяти факультетахъ (тѣ же и богословскій) положено только 40 каеэдръ при 50 преподавательскихъ силахъ (40 профессоровъ и 10 доцентовъ). Не смотря однако же на эту, главнымъ образомъ внѣшнюю, зависимость, уставъ Дерптскаго университета 1865 года заключаетъ въ себѣ нѣсколько существенныхъ особенностей, органически вытекающихъ изъ прошлой исторіи этого учрежденія и не имѣвшихъ себѣ соответствія въ потребностяхъ жизни остальныхъ русскихъ универси-

тетовъ; это—система гонорара, болѣе широкая компетенція судебныхъ учреждений университета, корпоративный строй студенчества и удержаніе въ средѣ университета богословскаго факультета: „изъ этихъ немногихъ принциповъ—писалъ въ своемъ представленіи министру 16-го мая 1862 года попечитель графъ Кейзерлингъ—истекають важнѣйшія особенности Дерптскаго университета. Они сохранены, какъ самыя существенныя условія для его дальнѣйшей плодотворной дѣятельности; они же, вмѣстѣ съ тѣмъ, при всякомъ новомъ развитіи, должны быть руководящими идеями, единственно способными вести къ дѣйствительному успѣху“.

Штатъ 1865 года прошелъ, по сравненію съ представленнымъ проектомъ, безъ существенныхъ измѣненій; по окончательному расчету, прибавка изъ казны на содержаніе университета къ получаемой имъ ранѣе суммѣ, по штату 1817 года и дополненіямъ къ нему, составляла 83.447 руб. 34 коп., а общая сумма новаго штата—209.200 руб. Изъ частныхъ этого штата заслуживаютъ вниманія: жалованье ординарнымъ профессорамъ 2.400 руб. (вмѣсто прежнихъ 1.447⁷/₁₀ руб.), экстраординарнымъ, которыхъ прежде не было—1.700 руб., доцентамъ—900 руб., лекторамъ 600 руб. для французскаго и англійскаго языка и 400 руб. для прочихъ (вмѣсто прежнихъ 236¹⁰/₁₀ руб.); общая сумма на учебно-вспомогательныя учрежденія простиралась до 34.050 руб. Конечно, по сравненію съ прежнимъ штатомъ, цифры эти представляются очень значительными, и во всякомъ случаѣ вполне достаточными находилъ ихъ самъ университетъ; но онѣ, какъ и весь штатъ въ его цѣломъ, значительно ниже принятой для прочихъ университетовъ имперіи нормы: напримѣръ, по штату 1863 года на содержаніе Петербургскаго университета, безъ медицинскаго и богословскаго факультетовъ, отпущено было 337.996 руб. или Казанскаго, безъ богословскаго факультета, 369.529 руб.

Получивъ въ 1865 году уставъ и штатъ соотвѣтственно собственнымъ желаніямъ и проектамъ, Дерптскій университетъ въ теченіе цѣлой четверти вѣка, то-есть вплоть до реформы въ концѣ 80-хъ годовъ, руководился этими установленіями безъ особенно существенныхъ нововведеній. Послѣднія, въ какой мѣрѣ они были, обуславливались почти исключительно потребностями въ расширеніи преподаванія и связаннымъ съ нимъ увеличеніемъ денежныхъ средствъ. Такъ, въ 1871 году кафедра хирургіи и офтальмологіи была раздѣлена на

двѣ отдѣльныя кафедры ¹⁾); въ 1876 году должность „перваго прозектора“ была преобразована въ должность ординарнаго профессора эмбриологін, гистологін и сравнительной анатоміи и вмѣстѣ съ тѣмъ учреждена вторая должность „второго прозектора“, при чемъ необходимы на это 1.500 руб. отпущены были, въ видѣ прибавки къ штату, изъ казны ²⁾); въ 1879 году медицинскій же факультетъ обогатился новой ординатурой психіатріи съ двумя ассистентами по этой кафедрѣ, на что потребовался отпускъ изъ казны по 3.200 руб. въ годъ ³⁾, а въ слѣдующемъ 1880 году на историко-филологическомъ факультетѣ учреждены были: вторая кафедра всеобщей исторіи на спеціальныя средства университета, согласно ходатайству послѣдняго, и кафедра сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій на средства отъ казны ⁴⁾. Кроме того, еще въ 1874 году одновременно учреждены были: третья кафедра древне-классической филологіи и кафедра физической географіи и метеорологін, пять новыхъ должностей ассистентовъ (при физиологическомъ и фармакологическомъ институтахъ, при физическомъ и минералогическомъ кабинетахъ и при астрономической обсерваторіи), должность помощника прозектора при патологическомъ институтѣ и должность ассистента при поликлиникѣ; вмѣстѣ съ этимъ отпущены дополнительныя средства на усовершенствованіе способовъ обученія на медицинскомъ и физико-математическомъ факультетахъ и увеличенъ отпускъ суммъ на хозяйственные расходы—всего на сумму 21.750 руб. ежегодно изъ казны ⁵⁾. Въ 1873 году отпущено было единовременно 15.000 руб. на расширеніе хирургической клиники. Въ 1881—1887 г.г. было отпущено единовременно, равными частями, 88.000 руб. на расширеніе и улучшеніе терапевтической, глазной и акушерской клиникъ. Въ 1880 году отпущено единовременно 49.000 рублей на покупку дома у проф. Валя для помѣщенія тамъ клиники нервныхъ болѣзней, а въ 1884 году положено было отпускать на содержаніе этой клиники впредь по 2.000 руб. ежегодно ⁶⁾; въ 1885 году единовременно отпущено было на расширеніе научныхъ учреждений медицинскаго факультета 25.000 руб., а въ 1886, 1887 и 1888 годахъ по

¹⁾ Сборникъ распоряженій, V. 325.

²⁾ Сборникъ постановленій, VI. 1509—1513.

³⁾ Тамъ же, VII. 1053—1060.

⁴⁾ Тамъ же, VII. 2015—2021.

⁵⁾ Сборникъ постановленій, VI. 414—438.

⁶⁾ Тамъ же, VII. 1815; IX. 1307—1312.

20.000 руб. ежегодно ¹⁾). Въ теченіе 1883—1885 годовъ отпускаемо было ежегодно по 1.000 рублей на усиленіе штатныхъ суммъ университетской библиотеки ²⁾).

Изъ измѣненій постановленій 1865 года внѣ вопросовъ учебной стороны дѣла и улучшенія матеріальныхъ условій послѣдняго слѣдуетъ указать здѣсь на послѣдовавшее 13-го ноября 1879 года высочайшее повелѣніе объ исправленіи § 51 устава Дерптскаго университета. Послѣдній гласилъ, что по истеченіи 25-ти-лѣтняго срока службы преподаватели и другія служащіе въ университетѣ лица могутъ быть вновь утверждаемы въ должности на пять лѣтъ, если со вѣтъ или правленіе, по принадлежности, засвидѣтельствуетъ новымъ избраніемъ ихъ способность къ продолженію службы, при чемъ о преподавателяхъ представленіе въ совѣтъ могутъ дѣлать лишь подлежащіе факультеты, а не отдѣльные члены совѣта, и избраніе считается состоявшимся, если въ пользу избираемаго подано въ совѣтъ не менѣе двухъ третей голосовъ. Это положеніе измѣнено было въ томъ смыслѣ, что, во-первыхъ, данные лица могутъ подвергаться переизбранію не на одно пятилѣтіе, а на нѣсколько, безъ ограниченія, а во-вторыхъ, что касается лицъ преподавательскаго персонала, то представлять въ совѣтъ о ихъ переизбраніи можетъ также и всякій членъ совѣта; только въ случаѣ представленія кандидата факультетомъ—въ совѣтъ для положительнаго рѣшенія вопроса достаточно абсолютнаго большинства голосовъ, а въ случаѣ представленія его отдѣльнымъ членомъ совѣта требуется не менѣе двухъ третей голосовъ. Измѣненіе это, какъ очевидно, имѣло цѣлью поднять значеніе совѣта въ важномъ дѣлѣ переизбранія уже выслужившихъ пенсію профессоровъ на дальнѣйшую службу. Въ мотивировкѣ этого измѣненія изложено, что предоставленіе только факультетамъ права представлять кандидатовъ легко можетъ привести къ случайнымъ и нежелательнымъ, съ точки зрѣнія справедливости, результатамъ: напримѣръ, „въ юридическомъ и богословскомъ факультетахъ имѣется всего по 6 профессоровъ, и слѣдовательно, при баллотировкѣ какого-либо изъ профессоровъ сихъ факультетовъ, выслужившаго 25-ти-лѣтній срокъ, для рѣшенія вопроса объ оставленіи его вновь на службѣ, достаточно было встрѣтить оппозицію только трехъ изъ членовъ факультета для того, чтобы профессоръ не былъ выбранъ, хотя бы всѣ остальные

¹⁾ Тамъ же, X. 1—2.

²⁾ Тамъ же, V. 2153—2154; VIII. 740—741.

профессора университета и желали бы оставить его на службѣ" ¹⁾). Этимъ измѣненіемъ устава университетъ получилъ бы болѣе широкую возможность удержать въ своей средѣ старыхъ профессоровъ, противъ которыхъ, безъ сомнѣнія, часто были въ дѣлѣ переизбранія болѣе молодые экстраординарные профессора, иногда чрезмѣрно долго ждавшіе своего естественнаго движенія по службѣ; конечно, въ болѣе узкой сферѣ факультета ихъ оппозиція была нерѣдко болѣе опасна, чѣмъ въ совѣтѣ. Если мы припомнимъ, что предоставленіе экстраординарнымъ профессорамъ права засѣданія въ факультетѣ и совѣтѣ прошло въ новомъ уставѣ противъ желанія составителей его проекта, несомнѣнно болѣе старыхъ и вліятельныхъ членовъ университета, то упомянутое измѣненіе § 51 устава должно быть признано нѣкоторой побѣдой главнаго состава университетской корпораціи не только надъ младшими своими сочленами, но и надъ воззрѣніями по этому вопросу, обнаруженными 15 лѣтъ тому назадъ въ самомъ министерствѣ. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть, что еще 14-го іюля 1865 года послѣдовало со стороны министерства разъясненіе, что профессоръ православнаго богословія имѣетъ право принимать участіе въ засѣданіяхъ совѣта; разъясненіе это было отвѣтомъ на вопросъ тогдашняго проф. православнаго богословія протоіерея П. П. Алексѣева въ виду того, что согласно § 27 устава въ совѣтѣ засѣдаютъ „ординарные“ и „экстраординарные“ профессора, а профессоръ православнаго богословія не причисленъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ.

Но если теченіе времени сравнительно мало вліяло на тѣ общія условія университетской жизни въ Дерптѣ, которыя могли бы обнаружить, въ противовѣсъ сложившимся традиціямъ, потребность въ измѣненіяхъ относительно устава, то, напротивъ, вліяніе его въ отношеніи матеріальныхъ условій существованія этого учрежденія оказалось гораздо болѣе значительнымъ. Не смотря на указанія денежные, то постоянныя, то единовременныя, ассигнованія изъ казны на нужды медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ и библиотеки, университетъ въ разное время ходатайствовалъ о томъ или иномъ видѣ увеличенія своихъ спеціальныхъ средствъ. Спеціальныя средства университета, по уставу 1865 г., слагались изъ 5-рублеваго сбора въ семестръ за ученье и изъ 6-рублеваго единовременнаго взноса отъ вновь поступающихъ студентовъ; что, при освобожденіи недостаточныхъ студентовъ отъ перваго взноса, давало уни-

¹⁾ Сборникъ постановленій, VII. 1349—1357.

верситету, напимѣрь, въ 1874 г. лишь около 6.000 руб. дохода; получивъ въ этомъ году, какъ мы видѣли, крупную прибавку къ своему штату въ размѣрѣ, 21.750 руб., университетъ въ 1882 г., „вслѣдствіе недостаточности штатныхъ суммъ на удовлетвореніе постоянныхъ расходовъ и за неимѣніемъ источниковъ для ихъ покрытія“, получилъ разрѣшеніе удвоить плату за ученіе, т. е. взимать въ полугодіе по 10 руб. ¹⁾, а въ 1888 году плата эта была увеличена до 25 рубл. въ полугодіе ²⁾; въ томъ же году разрѣшено было, въ интересахъ медицинскаго факультета, взимать съ ученицъ, обучающихся на акушерскихъ курсахъ университета, по 250 руб. въ годъ, причемъ 200 руб. изъ этой суммы отчислялись въ спеціальныя средства акушерской клиники ³⁾.

Совсѣмъ другую судьбу имѣло ходатайство университета объ увеличеніи личнаго оклада служащихъ въ немъ лицъ. Оно возбуждено было въ самый годъ полученія упомянутой прибавки къ штату въ 21.750 руб. Именно, для разработки этого вопроса была выбрана, въ засѣданіи совѣта 28 ноября 1874 г., особая коммиссія, которая и представила свой докладъ отъ 17 февраля 1875 г.; заслушанный совѣтомъ, онъ переданъ былъ попечителю въ качествѣ матеріала для возбуждаемаго ходатайства. Сущность его заключалась въ томъ, чтобы оклады служащихъ въ Дертскомъ университетѣ лицъ были повышены до нормы, принятой для другихъ университетовъ имперіи по уставу 1863 г.; требуемая прибавка выражалась въ суммѣ 44.850 р. Главнѣйшими мотивами ходатайства были слѣдующіе: вздорожаніе жизни въ Дертѣ, особенно вслѣдствіе открытія Балтійской желѣзной дороги, повлекшаго за собой усиленный вывозъ мѣстныхъ продуктовъ въ столицу; отсутствіе сторонняго заработка; затруднительность привлекать изъ-за границы ученыя силы, въ виду постоянного стремленія германскаго правительства улучшать матеріальное положеніе университетскихъ преподавателей, что дѣлаетъ все болѣе и болѣе невыгоднымъ переходъ ихъ въ Дертъ; трудность привлеченія молодыхъ людей въ университетъ къ спеціальнымъ занятіямъ наукой, въ виду незавидной перспективы для научной карьеры въ матеріальномъ отношеніи; что же касается существующаго въ Дертскомъ университетѣ гонорара, то среднимъ числомъ онъ даетъ въ руки каждаго препода-

¹⁾ Сборникъ постановленій, VIII. 472—473.

²⁾ Тамъ же, X. 1116—1117.

³⁾ Тамъ же, X. 1106—1107.

давателя лишь до 200 р. въ годъ, и его желательно было бы сохранить и на будущее время. Къ этому попечитель П. К. Жерве, въ своемъ ходатайствѣ министерству отъ 28 мая 1874 г., прибавлялъ еще, что, по его мнѣнію, было бы желательно сравнить Дерптскій университетъ съ остальными университетами имперіи не въ одномъ только матеріальномъ отношеніи: „Съ общегосударственной точки зрѣнія полезно было бы сравненіе Дерптскаго университета съ прочими университетами по духу и стремленіямъ къ осуществленію цѣлей не провинціальныхъ только, но и общегосударственныхъ“. Средствами для осуществленія этихъ цѣлей попечитель выставлялъ: подъемъ значенія русскаго языка, русской литературы и русской исторіи, какъ предметовъ преподаванія; чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ, помимо этихъ предметовъ, еще по русскому праву и по судебной медицинѣ: „преподаваніе въ университетѣ хотя нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ—писалъ попечитель—побудитъ учащихся въ гимназіяхъ Прибалтійскаго края къ особенному усиленію трудовъ для изученія языка русскаго, откроетъ дерптскимъ филологамъ, юристамъ и медикамъ болѣе широкую практику внутри имперіи для пользы Россіи и ихъ собственнаго блага и, наконецъ, среди самаго здѣшняго общества разсѣетъ предубѣжденіе въ бесполезности знаній по русскому языку“. По ходатайство это успѣха не имѣло ¹⁾). Мысль объ уравненіи содержанія преподавательскаго персонала Дерптскаго университета съ содержаніемъ тѣхъ же лицъ въ другихъ русскихъ университетахъ была осуществлена позднѣе, при началѣ реформы.

Въ основу учебной реформы университета были положены двѣ главныхъ идеи: постепенное введеніе въ университетѣ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, русскаго языка преподаванія и приближеніе учебнаго строя въ университетѣ къ тому порядку, выраженіемъ котораго явился общій университетскій уставъ 23 августа 1864 г.; рядомъ съ этимъ шли и реформы университета въ административномъ отношеніи примѣнительно къ тому же общему университетскому уставу. Не подлежитъ сомнѣнію, что и первая, и въ особенности вторая сторона реформы Дерптскаго университета отчасти носили, и не могли не носить извѣстнаго политическаго характера, такъ какъ предприняты были на почвѣ идеи общегосударственнаго единства Прибалтійской окраины съ центромъ, и органически были связаны не только съ предшествовавшими въ томъ же духѣ мѣро-

¹⁾ Архивъ канцеляріи попечителя Дерптскаго учебнаго округа: № 110, 1875 г.

пріятіями правительства по отношенію къ университету при императорѣ Николаѣ I и Александрѣ II, но и съ реформой средней школы, оповѣщенной высочайшимъ указомъ 10 апрѣля 1887 года, и съ введеніемъ въ краѣ русскихъ судебныхъ установленій.

Въ силу этой послѣдней связи реформа началась съ юридическаго факультета.

Еще въ 1887 г. министръ графъ П. Д. Деляновъ входилъ въ государственный совѣтъ съ ходатайствомъ о предоставленіи ему права сдѣлать необходимыя по его усмотрѣнію измѣненія въ составѣ кафедръ юридическаго факультета съ цѣлію послѣдовательнаго установленія преподаванія наукъ на этомъ факультетѣ на русскомъ языкѣ и съ отношеніемъ расхода по этимъ преобразованіямъ на спеціальныя средства университета; но государственный совѣтъ по почелъ нужнымъ войти въ разсмотрѣніе этого вопроса, видя въ испрашиваемомъ министерствомъ полномочіи „значеніе временнаго отступленія отъ дѣйствующаго закона“ (т. е. § 29 устава 1865 г.), и указавъ на другой путь къ достиженію этой цѣли—„въ порядкѣ, установленномъ для чрезвычайныхъ административныхъ мѣръ“, т. е. непосредственное обращеніе къ высочайшей власти. Дѣйствительно, черезъ два года графъ Деляновъ обратился къ императору Александру III съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, указывая на предстоящее въ ближайшемъ будущемъ введеніе въ Прибалтійскихъ губерніяхъ судебныхъ уставовъ императора Александра II и вмѣстѣ съ тѣмъ производства дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ на русскомъ языкѣ, испрашивалъ разрѣшенія на принятіе ряда мѣръ, которыя бы, имѣя въ виду упомянутую цѣль, могли въ то же время „сблизить постановку преподаванія предметовъ на юридическомъ факультетѣ Дерптскаго университета съ тою, какая существуетъ во всѣхъ университетахъ на основаніи устава 23 августа 1884 г.“. Мѣры эти были слѣдующія: „1) одну изъ кафедръ остзейскаго права (кафедру юридической практики) обратить въ кафедру русскаго гражданскаго права и судопроизводства, сохранивъ другую кафедру для преподаванія мѣстнаго права; 2) кафедру русскаго права обратить въ кафедру исторіи русскаго права; 3) преподаваніе по нынѣ существующей кафедрѣ государственнаго и международнаго права ограничить преподаваніемъ одного государственнаго права, возложивъ чтеніе лекцій международнаго права на имѣющагося при факультетѣ доцента; 4) учредить одну новую кафедру полицейскаго права; 5) перевести кафедру политической экономіи изъ историко-филологическаго факультета на юри-

дическій, соединивъ съ нею преподаваніе статистики, и 5) ввести на юридическомъ факультетѣ чтеніе лекцій по энциклопедіи и философіи права, по церковному, финансовому и торговому праву; для преподаванія сихъ наукъ учредить при факультетѣ пять доцентуръ". Свое обращеніе къ высочайшей власти министръ мотивировалъ тѣмъ, что хотя осуществленіе предложенныхъ мѣръ могло быть достигнуто, согласно уставу 1865 г., ходатайствомъ самого совѣта, но „совѣтъ Дерптскаго университета, состоя преимущественно изъ нѣмецкихъ профессоровъ, не признающихъ необходимости въ изложенной реформѣ юридическаго факультета, не приметъ на себя, конечно, почина въ какихъ-либо представленіяхъ въ указанномъ смыслѣ". Въѣсть съ этимъ, министръ испрашивалъ высочайшаго соизволенія на назначеніе лицамъ, которыя будутъ опредѣлены на упомянутыя кафедры и доцентуры и станутъ читать лекціи на русскомъ языкѣ, содержанія примѣнительно къ общеперскому окладу, т. е. для ординарныхъ профессоровъ по 3.000 р., для экстраординарныхъ по 2.000 р. и доцентовъ по 1.200 р.— все изъ специальныхъ средствъ университета ¹⁾). На осуществленіе этихъ мѣръ послѣдовало 4 февраля 1889 г. высочайшее согласіе, и этотъ важный актъ, безъ сомнѣнія, долженъ считаться первымъ фактическимъ шагомъ въ дѣлѣ реформы. Въ томъ же году послѣдовало и другое чрезвычайно важное измѣненіе устава 1865 года—касательно порядка замѣщенія должностей ректора, декановъ, проректора и профессоровъ, а также оставленія послѣднихъ на службѣ по истеченіи 25-лѣтняго срока. Именно, графъ Деляновъ, съ предварительнаго высочайшаго соизволенія ²⁾), вошелъ въ государственный совѣтъ съ ходатайствомъ объ измѣненіи §§ 10, 20, 40, 47, 48 и 51 устава 1865 г. въ смыслѣ слѣдующихъ новыхъ постановленій въ духѣ общаго устава 1884 г.: 1) ректоръ избирается на четыре года министромъ народнаго просвѣщенія и утверждается высочайшею властью; 2) проректоръ избирается на три года попечителемъ округа и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія; 3) деканы избираются на четыре года попечителемъ учебнаго округа и утверждаются министромъ; 4) профессора или назначаются министромъ по собственному усмотрѣнію или представляются къ утвержденію министромъ послѣ предварительнаго обсужденія ихъ достоинствъ въ факультетахъ и совѣтѣ; 5) по выслугѣ двадцатипятилѣтняго срока профессоръ можетъ про-

¹⁾ Сборникъ постановленій, XI. 27—30.

²⁾ Сборникъ постановленій, XI. 191.

должать службу въ университетѣ, если объ этомъ будетъ ходатайствовать попечитель и на удовлетвореніе такого ходатайства послѣдуетъ разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. Не лишены извѣстнаго интереса мотивы, которыми министр сопровождалъ это свое ходатайство о столь важныхъ измѣненіяхъ въ строѣ дерптской университетской жизни. Ссылаясь на практику русскихъ университетовъ до устава 1884 г., по которой какъ замѣщеніе профессорскихъ должностей, такъ и должностей ректора и декановъ происходило по выборному порядку, министр говорилъ: „опытъ показалъ, что при такомъ порядкѣ постоянно возбуждались споры и пререканія въ профессорскихъ коллегіяхъ и поддерживался вредный духъ партій и нерѣдко противленія власти въ средѣ лицъ, которыя строгою подчиненностью должны являть примѣръ обучаемой ими молодежи; это право оказалось вреднымъ и относительно учебнаго строя университетовъ, ибо занятія должностей или повышенія въ оныхъ находились въ большей зависимости отъ профессорской коллегіи, чѣмъ отъ самаго правительства, и часто замедляло, безъ всякой надобности и ко вреду для учащихся, замѣщеніе вакантныхъ кафедръ, которыя по цѣлымъ годамъ оставались праздными“. Переходя затѣмъ специально къ Дерптскому университету, сохранившему порядокъ, отошедшій въ прошлое для другихъ университетовъ имперіи, министр писалъ: „по особымъ условіямъ этого университета, въ немъ даже въ большей степени проявляется господство крѣпко сплоченныхъ партій, которыя преслѣдуютъ чуждыя наукѣ цѣли, находя опору главнымъ образомъ въ богословскомъ факультетѣ. Ректоръ, деканы и профессора, въ виду предстоящаго избранія ихъ совѣтомъ, стараются всѣми средствами снискать расположеніе партій большинства, нерѣдко во вредъ правительственнымъ интересамъ съ единственною цѣлью быть вновь избранными. При этомъ открывается широкій просторъ всякаго рода интригамъ, просьбамъ, обѣщаніямъ, часто несогласнымъ съ убѣжденіями избираемаго. Ректоръ и деканы, связанные подобными обѣщаніями, лишаются всякой самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ и служатъ покорными исполнителями велѣній избравшей ихъ партіи, которая грозитъ имъ забаллотированіемъ въ ближайшій срокъ выборовъ. Тѣ же немногіе профессора, которые дорожатъ независимостью, выражаютъ готовность исполнять предначертанія правительства и стоять въ сторонѣ отъ партій, не рѣшаются подвергать себя случайности выборовъ и предпочитаютъ оставить службу въ университетѣ... Рѣдкіе выборы проходятъ безъ протестовъ и обвиненій въ неправиль-

номъ ихъ производствѣ, невѣрной подачѣ голосовъ, что нарушаетъ добрыя отношенія между профессорами и вноситъ въ среду ихъ раздоръ, отражающійся дурно на общемъ положеніи университета и не остающійся безъ вреднаго вліянія на студентовъ". На предложенныя министерствомъ мѣры послѣдовало 20 ноября 1889 г. высочайшее соизволеніе и утвержденіе¹⁾.

Послѣдующія мѣры, принятыя по отношенію къ университету въ теченіе всего описываемаго періода, были въ сущности продолженіемъ или развитіемъ этихъ нововведеній 1889 года, и только въ самомъ концѣ періода мы встрѣчаемся съ такими мѣрами, которыя указываютъ или на уклоненіе отъ основного характера устава 1884 года, или на стремленіе вернуться къ нѣкоторымъ старымъ традиціямъ Дерптскаго университета.

Что касается увеличенія и упорядоченія средствъ и способовъ обученія въ университетѣ примѣнительно къ обще-русской университетской нормѣ устава 1884 года, то въ этомъ отношеніи съ самаго начала былъ избранъ весьма ненадежный путь, заключающійся, какъ мы видѣли, въ томъ, что реформа должна была быть произведена по возможности безъ особыхъ ассигнованій изъ казны, одними „спеціальными средствами“ университета. Чтобы отвѣтить предъявляемымъ къ нему запросамъ, университетъ принужденъ былъ, при чрезвычайномъ напряженіи своихъ спеціальныхъ средствъ, вводя преподаваніе по новымъ предметамъ и расширяя его по старымъ, ходатайствовать то о новыхъ каюдрахъ, то объ обращеніи доцентуръ въ профессуру, то о созданіи новыхъ или преобразованіи старыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій; особенно давали себя чувствовать въ этомъ отношеніи многообразныя нужды медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ съ ихъ многочисленными и требующими большихъ расходовъ кабинетами, клиниками и лабораторіями. Все это ложилось непомерно тяжелымъ бременемъ на спеціальныя средства университета, въ явный ущербъ не только другимъ его болѣе общимъ нуждамъ (постройка и ремонтъ зданій, хозяйство, бібліотека, вознагражденіе нѣкоторыхъ служащихъ), но посомнѣнно и качеству самой реформы; многое было сдѣлано лишь по мѣрѣ силъ, съ крайней экономіей и урѣзками противъ предложеннаго.

Самое горячее и острое время учебной стороны реформы падаетъ на первую половину 1890-хъ годовъ; къ 1895 году въ главныхъ частяхъ

¹⁾ Сборникъ постановленій, XI. 847—861.

она была закончена. Къ этому именно времени подоспѣла и матеріальная помощь со стороны казны: согласно высочайше утвержденному 16-го января 1895 года мнѣнію государственнаго совѣта, при усиленномъ ходатайствѣ со стороны министра графа И. Д. Делянова и поддержкѣ этого ходатайства министромъ финансовъ С. Ю. Витте, положено было отпустить изъ казны, въ дополненіе къ штату Юрьевского университета, съ 1-го января 1895 года по 31.470 р. на содержаніе преподавательскаго состава. Впрочемъ, законченность реформы къ этому времени, даже въ примѣненіи къ формированію преподавательскаго состава и оборудованію самыхъ необходимыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, нужно понимать лишь въ самомъ скромномъ и даже условномъ смыслѣ. Вотъ какими чертами характеризуетъ этотъ моментъ реформы тогдашній ректоръ А. С. Будиловичъ: „На историко-филологическомъ факультетѣ не достаетъ и теперь трехъ кафедръ: исторіи западно-европейскихъ литературъ, исторіи церкви и теоріи и исторіи искусства; на физико-математическомъ нѣтъ особый кафедры для технологіи и технологической химіи, а равно кафедры географіи и этнографіи, каковая впрочемъ имѣется на историко-филологическомъ факультетѣ; на юридическомъ нѣтъ штатныхъ профессуръ по правамъ: международному, торговому, финансовому, церковному, а также по энциклопедіи и философіи права, а взамѣнъ того имѣются доцентуры, лишь отчасти переименованныя уже въ сверхштатныя экстраординатуры, содержимыя до 1-го января 1895 года на спеціальныя средства, а нынѣ на разрѣшенную съ этого числа добавку въ 31.470 р.; наконецъ, на медицинскомъ факультетѣ не имѣется десяти кафедръ: медицинской химіи, общей патологіи (соединена съ патологической анатоміей), врачебной діагностики съ пропедевтической клинкой, дерматологіи и сифилитики, оперативной хирургіи съ топографической анатоміей, хирургической патологіи съ десмургіей и ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, гигиены (соединена съ судебной медициной подъ названіемъ государственнаго лечебно-вѣдѣнія), энциклопедіи медицины—словомъ, вмѣсто 23 медицинскихъ кафедръ по уставу 1884 года, въ Юрьевскомъ университетѣ имѣется нынѣ всего 13 кафедръ, т. е. десятью кафедрами менѣе“¹⁾. Въ этомъ сравнительномъ подсчетѣ по медицинскому

¹⁾ А. С. Будиловичъ. Историческая замѣтка о бюджетныхъ отношеніяхъ Императорскаго Юрьевскаго университета въ разные періоды его существованія. *Журналъ Митингострота Народнаго Просвѣщенія* 1895, № 9, стр. 12.

факультету приняты во вниманіе только кафедръ, а не количество положенныхъ на нихъ профессуръ, т. е. отдѣльныхъ представителей этихъ кафедръ; если принять въ соображеніе эту сторону вопроса, и не для одного только медицинскаго, а и для остальныхъ факультетовъ, кромѣ богословскаго, то недочетъ оказывается еще болѣе поразительнымъ: вмѣсто 72 профессуръ по уставу 1884 года—всего только 40, правда при 10 доцентурахъ и 7 сверхштатныхъ профессурахъ, такъ что въ окончательномъ расчетѣ недочетъ въ профессурахъ будетъ простираться по крайней мѣрѣ до 16 ¹⁾. Съ 1895 года и до конца описываемаго періода нѣсколько улучшилось, въ отношеніи постановки учебной стороны дѣла, положеніе лишь медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ: то путемъ обращенія доцентуръ въ экстраординатуры, то учрежденіемъ на спеціальныя средства новыхъ профессуръ на первомъ возникли въ 1895 и 1898 годахъ профессуры гигиены и спеціальной патологіи и клиники и въ 1899 году усилено преподаваніе хирургіи, а на второмъ учреждены были профессуры чистой математики и минералогіи въ 1896 году и профессура зоологіи въ 1898 году ²⁾; факультеты же юридическій и историко-филологическій до конца 1902 г. не приобрѣли въ теченіе этихъ семи-восьми лѣтъ ничего новаго; относительно послѣдняго и вообще слѣдуетъ сказать, что по составу кафедръ и по количеству профессуръ къ концу описываемаго періода онъ остался совершенно безъ всякаго измѣненія, какъ будто дѣло реформы его совсѣмъ не коснулось, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности и онъ, наравнѣ съ другими факультетами, долженъ былъ удовлетворять новымъ предъявляемымъ къ нему реформою запросамъ, сообразно новымъ планамъ преподаванія на немъ примѣнительно къ общерусскому уставу 1884 года.

Совершенно своеобразную страницу въ исторіи реформъ Юрьевскаго университета занимаетъ формированіе состава профессорскихъ помощниковъ въ видѣ лаборантовъ, ассистентовъ и помощниковъ прозекторовъ, при старыхъ и новыхъ кафедрахъ и профессурахъ медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ. По штату 1865 года ихъ было положено чрезвычайно ограниченное число — всего

¹⁾ Тамъ же, стр. 13.

²⁾ Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета. Подъ ред. Г. В. Лещинскаго. Т. I, 131; II. IX.

семь: два лаборанта (химіи и фармаціи) и пять ассистентовъ на всѣ университетскія клиники, считая въ томъ числѣ и госпитальную. Цѣлыхъ 20 лѣтъ дѣло оставалось въ такомъ положеніи, и только въ 1885 году университетъ воспользовался правомъ, предоставленнымъ ему высочайше утвержденнымъ 25-го октября 1875 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи на спеціальныя средства университета вышеупомянутыхъ должностей профессорскихъ помощниковъ разныхъ категорій: такъ, 7-го марта 1885 года учреждены были при медицинской, хирургической, акушерской и глазной клиникахъ по одной должности сверхштатнаго ассистента, а при фармацевтическомъ институтѣ — должность сверхштатнаго лаборанта. Затѣмъ, въ теченіе 1890-хъ годовъ пошелъ, можно сказать, цѣлый потокъ вновь учреждавшихся подобныхъ должностей. Конечно, все это ложилось на спеціальныя средства университета, и въ данномъ случаѣ вышеупомянутое ассигнованіе изъ казны въ 1895 году 31.470 р. нисколько не помогло дѣлу, такъ какъ ассигнованіе это имѣло въ виду исключительно вознагражденіе преподавательскаго персонала вслѣдствіе учрежденія новыхъ профессуръ и перехода многихъ къ преподаванію на русскомъ языкѣ. Должно замѣтить, что учрежденію упомянутыхъ должностей профессорскихъ помощниковъ предшествовало исполненіе соответствующихъ обязанностей многими лицами бесплатно, да и по учрежденіи должностей инья изъ нихъ то продолжали быть бесплатными, то оплачивались чрезвычайно скудно, нерѣдко въ половинномъ, сравнительно съ другими университетами, размѣрѣ. Неудивительно поэтому, что должности эти и сопряженные съ отсутствіемъ ихъ надлежащей постановки неудобства составляли большое мѣсто въ жизни большинства учебно-вспомогательныхъ учреждений двухъ названныхъ факультетовъ въ теченіе всего реформеннаго періода до конца 1902 года.

Въ неудовлетворительномъ состояніи находилась оплата труда и немалого числа лицъ изъ преподавательскаго персонала университета. Не будемъ говорить о лицахъ нѣмецкаго происхожденія, не имѣвшихъ возможности перейти на русское преподаваніе и почувствовавшихъ виѣсть съ реформой неравенство своего матеріальнаго вознагражденія сравнительно со своими русскими коллегами: во всякомъ случаѣ это неравенство не могло содѣйствовать сглаживанію тѣхъ шероховатостей, которыми сопровождалась и не могла не сопровождаться реформа, по соображеніямъ и причинамъ національнымъ, по-

литическимъ и отчасти вѣроисповѣднымъ. Высочайше утвержденнымъ 2-го декабря 1891 года мнѣніемъ государственнаго совѣта положено было увеличить жалованье лекторамъ французскаго, англійскаго, итальянскаго, эстонскаго и латышскаго языковъ до 800 руб. въ годъ (вмѣсто прежнихъ 600 руб. и 400 руб.), при чемъ потребная для этого сумма была найдена путемъ одновременнаго упраздненія должностей по обученію танцевъ, плаванія, верховой ѣзды и фехтованія, а равно и отпуска средствъ на содержаніе университетскаго манежа ¹⁾; но все же этотъ окладъ былъ ниже соответствующаго оклада по общеуниверситетской нормѣ 1884 года. Далѣе, нѣкоторые профессора, назначенные на свои должности послѣ прибавки къ штату, послѣдовавшей въ 1895 году, должны были довольствоваться нѣкоторое время старымъ, по штату 1865 года, содержаніемъ, не смотря на то, что читали лекціи на русскомъ языкѣ; прибавки къ ихъ содержанію до общеперской нормы зависѣли отъ состоянія специальныхъ средствъ, которыя къ концу описываемаго періода опять начали испытывать чрезвычайное напряженіе въ виду продолжавшагося процесса реформы и дальнѣйшаго необходимаго и неизбѣжнаго развитія университета въ разѣ принятомъ направленіи; эта ненормальность была окончательно устранена лишь къ началу 1902 года, когда министерство разрѣшило, отъ 5-го января 1902 года, дополнить, не взирая на другія нужды университета, и этимъ—числомъ восемь—профессорамъ ихъ содержаніе до установленной закономъ нормы. Наконецъ, здѣсь же умѣстно упомянуть, что дополнительное вознагражденіе за исполненіе обязанностей декана (въ 400 руб.) осталось прежнее, а за несеніе обязанностей дѣлопроизводителя факультета, учрежденіе каковой должности совпало съ началомъ реформы, положено было вознагражденіе также ниже обычной въ другихъ университетахъ нормы (въ 200 руб.).

Изъ мѣръ, принятыхъ въ смыслѣ приближенія къ уставу 1884 года, должно указать здѣсь еще на послѣдовавшее 25-го октября 1893 года высочайшее согласіе на доклады министра народнаго просвѣщенія о новомъ порядкѣ производствъ окончательныхъ испытаній по юридическому факультету и о производствѣ испытаній на ученые медицинскія степени. Первая мѣра, явившаяся завершеніемъ реформы юридическаго факультета послѣ акта 4-го февраля 1889 года и послѣдовавшихъ измѣненій въ программахъ и планахъ преподаванія на

¹⁾ Сборникъ постановленій, XII. 532—538.

этомъ факультетѣ, которыя не входили въ составъ устава и о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, заключалась въ томъ, что для производства окончательныхъ испытаній учреждалась специальная коммиссія, какъ и въ другихъ русскихъ университетахъ, но лишь безъ взноса установленной уставомъ 1884 года 20-рублевой платы со стороны экзаменующихся, чтобы не ставить абитуриентовъ-юристовъ въ менѣе выгодное положеніе къ ихъ товарищамъ, оканчивающимъ курсъ на другихъ факультетахъ, гдѣ коммисіи для государственныхъ экзаменовъ не могли быть пока учреждены, въ виду незаконченности ихъ реформы относительно языка преподаванія ¹⁾). Первому же выпуску юристовъ по новымъ правиламъ, послѣдовавшему весной 1893 г. въ количествѣ всего трехъ человекъ, было предоставлено держать экзамены въ юридической коммисіи при С.-Петербургскомъ университетѣ; затѣмъ, въ дополненіе къ этому, предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 13-го іюня 1901 года, было установлено давать лицамъ, выдержавшимъ окончательныя испытанія по юридическому факультету въ Юрьевскомъ университетѣ, не званія кандидата и дѣйствительнаго студента, какъ это было раньше, а дипломы I и II степени. Что касается второй мѣры, по медицинскому факультету, то она состояла въ томъ, чтобы оканчивающіе курсъ медицины не допускались къ экзамену на степень доктора медицины, до пріобрѣтенія ими званія лекаря, какъ это было раньше, когда, пользуясь названной привилегіей, Дерптскій университетъ выпускалъ ежегодно огромное, сравнительно съ другими университетами, количество докторовъ медицины ²⁾).

Изъ примѣненій общаго устава 1884 года къ Юрьевскому университету видѣ вопросовъ учебныхъ, здѣсь должно указать на слѣдующія. Высочайше утвержденнымъ 9-го марта 1892 года мнѣніемъ государственнаго совѣта профессорамъ Дерптскаго университета, читающимъ лекціи на русскомъ языкѣ, въ дополненіе къ высочайшему повелѣнію отъ 4-го февраля 1889 года, предоставлены, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, а также продолженія службы по истеченіи 25 и 30 лѣтъ, тѣ же права и преимущества, что и профессорамъ другихъ русскихъ университетовъ на основаніи §§ 104, 105, 154, 155 и 156 общаго устава 1884 года; при чемъ нѣсколько позднеѣе, отъ 16-го іюня 1894 года, было особо разъяснено, что

¹⁾ Сборникъ постановленій, XII. 1788—1789.

²⁾ Сборникъ постановленій, XII. 1790—1791.

продолжительность чтенія лекцій на русскомъ языкѣ, для пользованія упомянутыми правами и преимуществами, не ограничивается никакими сроками.

Одновременно съ увеличеніемъ штата университета на 31.470 руб., положено было отпускать съ 1-го января 1895 года по 5.000 руб. ежегодно на содержаніе въ Юрьевскомъ университетѣ инспекціи, что предполагало уже упраздненіе должности проректора, который, согласно § 40 устава 1865 года, „имѣеть наблюденіе за исполненіемъ студентами правилъ благочинія и дисциплины“; дѣйствительно, 18-го іюля 1895 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ упраздненіи этой должности и вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніе первого инспектора университета М. А. Бутлерова, а не задолго передъ тѣмъ высочайше повелѣно было, согласно постановленію комитета министровъ, 30-го іюня 1895 года, замѣщать должность ректора, въ случаѣ его болѣзни или отлучки, старшимъ по службѣ деканомъ. 12-го сентября 1895 года утверждена была министромъ народнаго просвѣщенія „Инструкція для инспекціи студентовъ въ Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ“. Въ 1899 году была отпущена дополнительная сумма, въ количествѣ 4.960 руб., на усиленіе инспекціи въ университетѣ двумя помощниками инспектора, при чемъ одновременно съ этимъ, 27-го іюля 1899 года, послѣдовало особое циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія ко всѣмъ университетамъ, въ томъ числѣ и Юрьевскому: тутъ, между прочимъ, ставилось на видъ, „чтобы на будущее время представители инспекціи не ограничивались лишь заботами о сохраненіи внѣшняго порядка, но приняли на себя обязанности благожелательнаго попеченія объ учащихся, оказывая имъ помощь тѣми способами и средствами, какими можетъ располагать инспекція“.

Въ нѣкоторой связи съ учрежденіемъ инспекціи находится и упраздненіе университетскаго суда. Какъ уже упомянуто выше, при утвержденіи устава 1865 года, изъ университетскаго проекта этого устава была выпущена глава „о судебной расправѣ университета“, а вмѣсто нея къ § 4 въ I главѣ сдѣлано примѣчаніе, что впредь до введенія въ остзейскихъ губерніяхъ общей судебной реформы университетскій судъ останется на прежнихъ основаніяхъ, т. е. согласно указаніямъ устава 1820 года; при этомъ попечитель, увѣдомляя университетъ, отъ 25-го января 1865 года, объ утвержденіи устава, предлагалъ должность секретаря университетскаго суда, соответственно общерусскому уставу 1863 года, замѣнить должностью „се-

кретаря по студенческимъ дѣламъ“, полагаемой при проректорѣ, обязанности же существовавшихъ доселѣ секретарей апелляціоннаго и ревизіоннаго суда возложить теперь на секретаря совѣта. Между тѣмъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 23-го февраля 1867 года, генераль-губернаторомъ Альбединскимъ былъ составленъ проектъ правилъ „о введеніи мирового разбирательства въ прибалтійскихъ губерніяхъ“; этотъ проектъ былъ сообщенъ на предварительное разсмотрѣніе статсъ-секретаря князя Урусова, который поручилъ его обсужденію особой комиссіи, учрежденной для этой цѣли при II Отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Комиссія эта должна была, конечно, затронуть вопросъ и объ университетскомъ судѣ въ Дерптѣ, который уже въ проектѣ генераль-губернатора былъ предположенъ къ дальнѣйшему существованію на прежнихъ основаніяхъ; комиссія однако же, не будучи склонна раздѣлять мнѣніе генераль-губернатора, обратилась по этому вопросу, черезъ посредство министра юстиціи графа Палена, отъ 21-го марта 1873 года, къ министру народнаго просвѣщенія. Отъ послѣдняго дѣло перешло, черезъ попечителя, въ совѣтъ университета, который и поручилъ юридическому факультету заняться даннымъ вопросомъ и высказать свое мнѣніе. Сущность представленной юридическимъ факультетомъ въ совѣтъ, отъ 13-го декабря 1873 года, записки заключалась въ томъ, что какую-либо реформу въ университетскомъ судѣ слѣдуетъ отложить до времени введенія судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ во всемъ ея объемѣ, а до тѣхъ поръ оставить этотъ судъ на прежнихъ основаніяхъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился не только совѣтъ, но и попечитель П. К. Жерве, который, въ своемъ донесеніи министру народнаго просвѣщенія, отъ 7-го февраля 1874 года, мотивировалъ свое мнѣніе въ пользу оставленія университетскаго суда слѣдующими доводами: „Руководствуясь предоставленными ему дисциплинарными мѣрами, университетъ имѣлъ возможность предохранять студентовъ отъ заключенія превышающихъ ихъ состояніе долговыхъ обязательствъ, а кредиторамъ—отъ потерь; находясь же постоянно въ близкихъ отношеніяхъ къ университетскому юношеству, онъ имѣлъ возможность при каждомъ случаѣ, когда ему слѣдовало подвергнуть студентовъ наказанію, въ то же время строго критиковать противозаконные ихъ поступки съ точки зрѣнія студенческаго приличія и нравственности и, обращаясь къ чувству правдивости и живому у академической молодежи чувству чести, нѣрѣдко удерживать студентовъ отъ нарушенія законнаго порядка. Мировой же судья, будучи

лишенъ всякаго нравственнаго вліянія на студентовъ, никогда не будетъ въ состояніи предохранить пылкую и неопытную молодежь отъ заключенія обременительныхъ долговыхъ обязательствъ и предотвратить ихъ отъ нарушенія порядка“. Такъ, реформа университетскаго суда въ Дерптѣ была отложена, и онъ остался по прежнему, будучи затѣмъ подтвержденъ въ своемъ существованіи и высочайше утвержденными 28-го мая 1880 года „Правилами о примѣненіи къ остзейскимъ губерніямъ учрежденія мировыхъ судебныхъ установлений“. Однако, въ виду рѣшенія правительства распространить на Прибалтійскій край дѣйствіе судебныхъ уставовъ Императора Александра II въ полномъ ихъ объемѣ вопросъ объ университетскомъ судѣ въ Дерптѣ вскорѣ снова былъ поднятъ. Министръ юстиціи Набоковъ обратился, отъ 5-го ноября 1885 года, съ отношеніемъ по этому вопросу къ министру народнаго просвѣщенія, который запросилъ объ этомъ, въ свою очередь, мнѣнія дерптскаго попечителя; отъ послѣдняго дѣло перешло, черезъ совѣтъ университета, на специальное обсужденіе юридическаго факультета. Факультетъ, въ своей обширной запискѣ, отъ 22-го февраля 1886 года, высказался за удержаніе университетскаго суда на прежнихъ началахъ, съ чѣмъ согласился и совѣтъ, но попечитель М. Н. Капустинъ, наоборотъ, рѣшительно высказался за упраздненіе суда и къ этому присоединилъ лишь мысль, чтобы впредь до учрежденія одиночныхъ тюремъ студенты отбывали присуждаемое общимъ судомъ тюремное заключеніе въ университетскомъ карцерѣ. Министръ юстиціи, при обсужденіи этого вопроса въ его дальнѣйшемъ движеніи, склоненъ былъ къ большимъ уступкамъ: онъ не только допускалъ замѣну тюрьмы въ извѣстныхъ случаяхъ университетскимъ карцеромъ, но и полагалъ еще, что столкновенія студентовъ между собою и съ университетскимъ персоналомъ, гдѣ бы они ни произошли, должны быть разбираемы внутри университета, если они не имѣютъ уголовнаго характера; министръ юстиціи считалъ даже желательнымъ распространить такую привилегію и на остальные университеты, руководимые уставомъ 1884 года, такъ какъ подобное исключеніе для одного Дерптскаго университета могло бы подать поводъ „къ нежелательному толкованію, что правительство отдастъ предпочтеніе дерптскимъ студентамъ, какъ представителямъ нѣмецкой культуры, передъ студентами всѣхъ остальныхъ русскихъ университетовъ, и, такимъ образомъ, само поддерживаетъ то обособленіе, въ какомъ до сихъ поръ находилась дерптская университетская корпорація“. Министръ народнаго просвѣщенія графъ

Деяновъ склоненъ былъ раздѣлять эти воззрѣнія, но поочетель Калустинъ отстаивалъ свою точку зрѣнія, и согласно высочайше утвержденному 7-го іюля 1889 года мнѣнію государственнаго совѣта, гдѣ этотъ вопросъ разсматривался 14-го апрѣля и 22-го мая того же года, университетскій судъ въ Дерптскомъ университетѣ былъ безъ всякихъ ограниченій упраздненъ, какъ „остатокъ того средневѣковаго воззрѣнія, въ силу котораго лицо, принадлежащее къ извѣстному общественному классу, замыкалось въ немъ и находило опредѣленіе для всѣхъ своихъ юридическихъ отношеній“. вмѣстѣ съ этимъ упразднена была и должность синдика, а ложавшія на судѣ и на синдику обязанности по судебной, нотаріальной, опекунской и полицейской частямъ переданы были, по принадлежности, общимъ судебнымъ и административнымъ установленіямъ. Сообразно съ этимъ, нѣмѣнены были §§ 4, 29, 34, 35, 36 и 62 устава 1865 года, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространено было на Дерптскій университетъ дѣйствіе §§ 123—125 общаго университетскаго устава 1884 года ¹⁾). Мѣру эту положено было привести въ дѣйствіе одновременно съ открытіемъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ новыхъ судебныхъ установленій въ полномъ объемѣ ²⁾).

Какъ уже упомянуто было выше, высочайшимъ повелѣніемъ 27-го февраля 1893 года Дерптскій университетъ переименованъ въ Юрьевскій.

Наконецъ, здѣсь должно указать на цѣлый рядъ ходатайствъ, предпринятыхъ во второй половинѣ 1890-хъ годовъ какъ ближайшимъ, такъ и болѣе отдаленнымъ начальствомъ Юрьевского университета, объ общемъ увеличеніи его штатныхъ изъ казны ассигнованій и приведеніи, такимъ образомъ, его штата къ той нормѣ, которая принята уставомъ и штатомъ 1884 г. для другихъ русскихъ университетовъ, приближеніе къ коимъ въ учебно-административномъ отношеніи было указано самой идеей реформы. Къ сожалѣнію, ходатайства эти, какъ извѣстно, не имѣли успѣха, и такимъ образомъ идея предпринятыхъ преобразованій и способы ея осуществленія, вмѣсто того, чтобы идти рука объ руку, были разобщены, что разумѣется неизбѣжно должно было отразиться на окончательномъ результатѣ реформы не только къ невыгодѣ собственно для университета, но и къ возникновенію

¹⁾ Сборникъ постановленій, XI. 766—781.

²⁾ Архивъ канцеляріи поочетеля Рижскаго учебнаго округа, № 175; 1873 года и № 535, 1885 года.

отчасти понятнаго недовѣрія къ самой идеѣ, имѣвшей въ себѣ однако же какъ государственныя, такъ и глубокія историческія основанія.

Хотя съ 1-го января 1895 года отпущена была прибавка къ штату Юрьевскаго университета ежегодно 31.470 р. на содержаніе преподавательскаго состава и 5.000 р. на содержаніе инспекціи, однако и послѣ этого штатъ его, въ 271.000 рублей круглымъ числомъ, значительно отставалъ отъ штатовъ другихъ университетовъ, напримѣръ Кіевскаго (въ то время 379.000), Харьковскаго (391.000) и Казанскаго (398.000 р.), не считая того, что Юрьевскій университетъ не участвовалъ въ распредѣленіи суммы въ 60.000 р., ассигнуемой ежегодно на вознагражденіе приватъ-доцентовъ въ русскихъ университетахъ, и имѣя еще въ своемъ составѣ лишній противъ другихъ университетовъ богословскій факультетъ, содержаніе котораго обходится около 20.000 рублей. Поэтому, вскорѣ, отъ 14-го октября 1896 года, было возбуждено ректоромъ А. С. Будиловичемъ ходатайство о прибавкѣ къ штату университета приблизительно 130.000 р.; оно поддержано было попечителемъ Н. А. Лавровскимъ, въ представленіи въ министерство отъ 22-го декабря 1896 года. Кромѣ того, послѣдній въ особомъ письмѣ на имя министра, но по другому поводу, отъ 15-го октября 1896 года, коснувшись и вопроса о бюджетѣ Юрьевскаго университета, между прочимъ, писалъ: „Не могу не высказать глубокаго убѣжденія въ необходимости возможнаго сокращенія переживаемого нынѣ университетомъ переходнаго періода, когда университетъ уже выбился изъ старой нѣмецкой колеи, но не вступилъ еще окончательно въ новую, русскую, такъ какъ неудобство этого переходнаго состоянія неблагоприятно отзывается на всей внутренней его жизни. Для сокращенія же этого переходнаго времени необходимо скорѣйшее примѣненіе къ университету устава и штата прочихъ русскихъ университетовъ, чѣмъ была бы устранена и нынѣшняя скудость его бюджетныхъ средствъ, отражающаяся прежде всего на постановкѣ учебнаго дѣла, которая порождаетъ мнѣніе объ упадкѣ Юрьевскаго университета съ переходомъ его въ русскія руки—мнѣніе несправедливое, обличающее незнаніе дѣйствительныхъ причинъ настоящаго положенія университета и данныхъ для сравненія этого положенія съ его прошедшимъ. Юрьевскій университетъ, лишенный болѣе десятика кафедръ и ихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и въ то же время обязанный готовить студентовъ къ испытаніямъ въ государственныхъ комиссіяхъ по общимъ программамъ, не можетъ съ надеждою полнотой достигать тѣхъ цѣлей, какихъ достигаютъ прочіе русскіе

университеты. А между тѣмъ, ему, по его положенію, суждено выполнять приблизительно ту же задачу, какая въ зарейнской Германіи выпала на долю университета Страсбургскаго, въ изобиліи снабженнаго всѣми необходимыми къ тому средствами. А по сему, скорѣйшее завершеніе реформы Юрьевского университета, въ смыслѣ уравненія его съ прочими русскими университетами и по матеріальнымъ средствамъ, представляется дѣломъ государственной важности и требующимъ неотложнаго рѣшенія⁴. Ходатайство это однако же не получило въ высшихъ инстанціяхъ быстраго движенія; болѣе, чѣмъ черезъ годъ потребованы были дополнительныя разъясненія, датированныя попечителемъ 18-го февраля 1898 года. По и теперь дѣло двигалось очень медленно, и отъ 13-го іюня 1898 года ректоръ А. С. Будяловичъ такъ писалъ попечителю Н. А. Лавровскому по вопросу объ общихъ нуждахъ университета: „Ремонтныя нужды университета съ самаго начала реформы были весьма значительны, вслѣдствіе устарѣлости и запущенности большинства его зданій, ихъ тѣсноты и неудовлетворительной внутренней обстановки. Смѣты на ремонтъ, ежегодно составляемыя архитекторомъ по заявленіямъ директоровъ отдѣльныхъ институтовъ и другимъ даннымъ, обыкновенно превышали 20.000 р., достигая въ иные годы 30.000 р. и даже 40.000 р., при чемъ необходимо замѣтить, что изъ послѣднихъ значительная часть была расходуема на нѣкоторыя неотложныя капитальныя перестройки, напримѣръ, на устройство новаго гигиеническаго кабинета, магнитнаго павильона, на пристройки ботаническаго сада, патологическо-анатомическаго института и т. п. Понятно, что собственно ремонтныя потребности могли быть удовлетворяемы лишь на треть или четверть противъ смѣты, а остальное было изъ года въ годъ откладываемо до болѣе благоприятнаго времени. Вторую часть потребностей университета составляютъ улучшеніе внутренней обстановки учебно-вспомогательныхъ учреждений, пополненіе ихъ инструментарія, приборовъ, мебели, библіотекъ и т. п. На расходы этого рода правленію пришлось въ послѣдніе годы выдѣлать изъ специальныхъ средствъ очень значительныя для университета суммы, напримѣръ, при устройствѣ заново лабораторій гигиенической и по медицинской химіи, на приборы для кабинетовъ физиологическаго, фармакологическаго, патологическаго, ботаническаго и др., но все это оказывается далеко недостаточнымъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей по этой части. Наконецъ, вслѣдствіе крайней недостаточности штатныхъ и специальныхъ средствъ, какими могли располагать въ послѣдніе годы клиники и нѣкоторыя другія

учебно-вспомогательныя учрежденія университета, при необходимости дать правильную постановку практическимъ занятіямъ студентовъ по факультетамъ медицинскому и физико-математическому, за нѣкоторыми изъ этихъ учрежденій стали накопляться долги. По наведеннымъ въ маѣ сего года (1898) точнымъ справкамъ, общая сумма такихъ долговъ въ настоящее время превышаетъ 30.000 р.". Давая ходъ этому ходатайству ректора, попечитель, въ представленіи министру народнаго просвѣщенія отъ 7-го іюля 1898 года, отъ себя прибавилъ: „Считаю долгомъ присовокупить, что частныя единовременныя восполненія крайне скудному общему бюджету Юрьевского университета, почти равняющемуся по смѣтѣ 1898 г. бюджету Новороссійскаго университета не смотря на то, что въ послѣднемъ на два факультета менѣе, и болѣе чѣмъ на 100.000 р. меньшему сравнительно съ бюджетами прочихъ провинціальныхъ университетовъ, не могутъ вполне обеспечить матеріальное положеніе Юрьевского университета, пока не будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ о примѣненіи къ нему устава и штата русскихъ университетовъ 1884 года. Нѣмецкій дореформенный университетъ могъ довольствоваться своими скромными штатами 1865 года, не выходя изъ ихъ предѣловъ, хотя и въ то время онъ неоднократно восполнялся дополнительными ассигнованіями. Предпринятое же правительствомъ преобразованіе его въ русскій университетъ примѣнительно къ уставу 1884 года въ самомъ началѣ его должно было встрѣтиться съ ничѣмъ неотвратимымъ вопросомъ объ уравненіи штата его со штатами прочихъ университетовъ, когда возникавшій ежегодно рядъ новыхъ кафедръ и должностей съ содержаніемъ изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ или специальныхъ средствъ университета, быстро истощилъ эти послѣднія, поставляя тѣмъ университетъ въ безвыходное положеніе. Только рѣшительныя мѣры, то есть примѣненіе къ Юрьевскому университету устава и штата 1884 г., могутъ окончательно помочь ему, сообщить ему свободу дѣйствій и вполне обеспеченное и самостоятельное матеріальное положеніе“. Что касается печальнаго и крайне неудовлетворительнаго состоянія многихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ, о которыхъ упоминается въ приведенныхъ мотивахъ ректора и попечителя для обоснованія неотложной нужды въ новомъ штатѣ, то интереснымъ и крайне поучительнымъ дополненіемъ къ этимъ указаніямъ являются детальныя донесенія отдѣльныхъ директоровъ этихъ учрежденій, призванныхъ къ занятію соответствующихъ кафедръ въ Юрьевскомъ университетѣ въ 1894—

1896 годахъ; считая этотъ матеріалъ выходящимъ за предѣлы моей задачи, я могу лишь указать тутъ на выдержки изъ него, приведенныя въ очеркѣ А. С. Будиловича ¹⁾; къ нимъ можно бы присоединить еще крайне неудовлетворительное состояніе университетской фундаментальной библіотеки, въ которой къ моменту реформы обнаружился значительный недостатокъ и неполнота многихъ важныхъ научныхъ изданій не только на русскомъ языкѣ, что особенно было чувствительно для нѣкоторыхъ кафедръ историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, но и на другихъ языкахъ, кромѣ нѣмецкаго; нечего и говорить тутъ о полномъ почти отсутствіи студенческихъ библіотекъ для семинарскихъ занятій. И тѣмъ не менѣе, весь этотъ краснорѣчивый по своей фактичности матеріалъ, доставленный по назначенію, оказался безсильнымъ убѣдить соответствующія сферы въ необходимости дать для дѣла реформы нужныя матеріальныя средства. 18-го іюля 1898 года получился отъ министерства народнаго просвѣщенія отвѣтъ о неудачѣ ходатайства въ пользу новаго штата со слѣдующей ссылкой на слова тогдашняго министра финансовъ: „прежде Юрьевскій университетъ располагалъ значительно большими средствами по сравненію съ прочими университетами имперіи, но едва ли уступалъ имъ по научному значенію и по пользѣ, которую приносилъ; когда же въ послѣдніе годы стали примѣняться къ этому университету нѣкоторыя изъ требованій, предъявляемыхъ къ другимъ російскимъ университетамъ, то тотчасъ появилась необходимость въ усиленіи средствъ, а между тѣмъ значеніе и положеніе университета потерпѣли значительный ущербъ и нынѣ оказываются столь неудовлетворительными, что возникаетъ надобность въ дальнѣйшемъ крупномъ увеличеніи средствъ и въ значительныхъ ассигнованіяхъ на строительныя нужды“. Не смотря на чрезвычайно обстоятельное объясненіе по поводу этого замѣчанія, послѣдовавшее со стороны ректора университета отъ 12-го сентября 1898 года, министерство народнаго просвѣщенія вынуждено было отложить дальнѣйшіе шаги въ этомъ дѣлѣ до слѣдующаго года.

Дѣйствительно, 17-го марта 1899 года со стороны ректора А. С. Будиловича возбуждено было новое ходатайство по тому же вопросу о штатѣ, при чемъ послѣдній выведенъ былъ въ суммѣ 412.000 р., и такимъ образомъ испрашивалась прибавка къ существующему штату

1) А. Будиловичъ. Юрьевскій университетъ. Нѣсколько документальныхъ справокъ. Рига: 1897, стр. 22—29.

въ 131.976 р. 15 к. Не имѣя надежды на удовлетвореніе ходатайства и на этотъ разъ въ цѣломъ его объемѣ, министерство народнаго просвѣщенія просило объ ассигнованіи для Юрьевскаго университета по крайней мѣрѣ 30.000 р. ежегодной прибавки на совершенно неотложныя нужды, но отъ министерства финансовъ послѣдовала отвѣтъ, что „вслѣдствіе значительныхъ затратъ казны на мѣропріятія по охраненію государства отъ чумы и послѣдствій недорода“ удовлетвореніе этого ходатайства не представляется возможнымъ, но что не встрѣчается препятствій со стороны министерства финансовъ просить государственный совѣтъ о единовременномъ ассигнованіи 30.000 р. на покрытіе дефицитовъ по содержанію университета въ 1900 году; министръ финансовъ былъ того мнѣнія, что настоящее финансовое затрудненіе университета есть лишь „явленіе временное“. На это потребовалось новое представленіе ректора уже прямо, для ускоренія дѣла, министру народнаго просвѣщенія, отъ 11-го ноября 1899 года; заканчивая его, ректоръ писалъ: „громадный дефицитъ въ бюджетѣ штатныхъ суммъ Юрьевскаго университета не можетъ быть восполненъ ни крайней бережливостію, ни самымъ напряженнымъ развитіемъ специальныхъ средствъ университета, а по необходимости долженъ вести либо къ пропорціональному сокращенію его научной и учебной дѣятельности, что, конечно, не могло бы не компрометировать всего дѣла реформы, либо къ еще большому накопленію долговъ за всѣми почти институтами этого учрежденія“. Въ самомъ дѣлѣ, къ 1900 году дефицитъ университета простирался до 33.687 р., и результатомъ всей этой серіи ходатайствъ явилось лишь высочайше утвержденное 6-го марта 1900 года мнѣніе государственнаго совѣта объ единовременномъ отпускѣ университету на уплату накопившихся долговъ 30.000 р., а незадолго передъ тѣмъ и въ связи съ этими общими ходатайствами положено было въ февралѣ 1900 года отпускать изъ казны ежегодно, въ дополненіе къ штату, по 1.800 р. „на научныя и учебныя надобности ботаническаго сада“.

Отзвукомъ этихъ непрерывныхъ ходатайствъ университета объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія являются и слѣдующія слова новаго попечителя А. Н. Шварца, въ представленіи въ министерство отъ 12-го мая 1900 года: „Запущенность и бѣдность нѣкоторыхъ важнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений университета, особенно клиникъ, таковы, что оставлять ихъ далѣе въ такомъ же положеніи невозможно; судебные иски, возбужденные противъ отдѣльныхъ институтовъ, лишенныхъ возможности производить научныя из-

слѣдованія, не дѣлая иногда довольно крупныхъ долговъ, являются позорящимъ обстоятельствомъ для высшаго учебнаго заведенія въ краѣ, зорко слѣдящемъ за всѣмъ, что дѣлается въ этомъ заведеніи, и, наконецъ, невозможность промовировать профессоровъ, имѣющихъ право на дальнѣйшее движеніе, ставить университетъ въ крайне печальную необходимость терять прекрасныхъ преподавателей и замѣнять ихъ молодыми людьми, нерѣдко не имѣющими даже ученыхъ степеней, такъ какъ только таковыя обнаруживаютъ желаніе начать службу при тѣхъ сравнительно тяжелыхъ условіяхъ, при которыхъ приходится служить на окраинахъ¹⁾.

Но не смотря на всѣ эти ходатайства, Юрьевскій университетъ такъ и остался до конца описываемаго періода при старомъ штатѣ, перенося, конечно не безъ ущерба дѣлу, всю тяжесть своихъ ежегодныхъ дефицитовъ на спеціальныя средства. Что же касается тѣхъ внутреннихъ послѣдствій, которыя неминуемо должны были литься результатомъ столь ненормальнаго положенія вещей, то въ этомъ отношеніи можно привести здѣсь слѣдующія слова А. С. Будиловича съ меньшимъ, если не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ съ какимъ они были написаны десять лѣтъ тому назадъ: „Такъ какъ законъ экономическихъ явленій, въ ихъ взаимодѣйствіи съ прочими культурными факторами, имѣетъ не мѣстное лишь, но общее распространеніе и примѣненіе, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Юрьевъ составитъ въ этомъ отношеніи какое-нибудь исключеніе на всю Россію или Европу; что если въ Кіевѣ, Харьковѣ, Казани правильная постановка преподаванія на четырехъ факультетахъ стоитъ круглымъ счетомъ 400.000 р. въ годъ, чему приблизительно соотвѣтствуютъ нормальныя бюджеты и выгвѣшнихъ университетовъ Германіи или Франціи, то абсолютно невозможна такая же постановка преподаванія въ Юрьевскомъ университетѣ, съ его пятью факультетами, за 271.000 р.; что слѣдовательно преподаваніе будетъ вестись въ немъ безъ должной полноты и правильности, и достигаемые имъ результаты не могутъ быть вполнѣ удовлетворительны, доколѣ этотъ бюджетный недочетъ будетъ существовать; что, наконецъ, Юрьевскій университетъ лишь тогда можетъ окрѣпнуть въ своей организаціи и стать еще болѣе могущественнымъ центромъ притяженія для студенчества, чѣмъ какимъ онъ безспорно является въ настоящее время—когда и онъ бу-

¹⁾ Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 61, 1893 года; № 115, 1895 года.

деть снабженъ тѣми же матеріальными средствами для своего укрѣпленія и развитія, какія предоставлены нынѣ всѣмъ, безъ исключенія, его собратьямъ въ Россіи, Германіи и Франціи“¹⁾.

Почти совершенно внѣ этой преобразовательной работы надъ разными частями университетской учебно-административной системы оказался богословскій факультетъ, одинъ оставшійся представителемъ стараго университетскаго строя, одинъ удержавшій цѣлкомъ нѣмецкій языкъ преподаванія. Конечно, онъ не могъ не вносить извѣстной дисгармоніи въ новую систему; это чувствовалось представителями ближайшей къ университету административной власти, со стороны которыхъ, въ эпоху реформы, исходили проекты о выдѣленіи этого факультета изъ состава университета и перенесеніи его въ другую городъ. Такъ, попечитель М. П. Капустинъ, въ своемъ представленіи министру народнаго просвѣщенія отъ 28-го февраля 1887 года, говоря о цѣлесообразности выдѣленія дерптскаго богословскаго факультета изъ состава университета, между прочимъ писалъ: „Въ самой Пруссіи для богословскаго образованія существуютъ два отдѣльные учрежденія: Богословская академія въ Мюнстерѣ и *Lycium Hosianum* въ Браунсбергѣ. Тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ представляется такое выдѣленіе у насъ; учебное заведеніе въ Петербургѣ или въ Москвѣ съ большей пользой могло бы готовить пасторовъ для всей Россіи. Служба питомцевъ такого, находящагося въ центрѣ Россіи, училища принесла бы большую пользу лютеранской церкви, потому что богословское образованіе было бы свободно отъ тѣхъ мѣстныхъ условій и отношеній, въ которыя поставило себя духовенство Прибалтійскихъ губерній“²⁾. Въ 1890-хъ годахъ ректоромъ А. С. Будиловичемъ не разъ возбуждался этотъ вопросъ въ связи съ другими сторонами реформы университета, въ томъ же смыслѣ, какъ и М. П. Капустинъ, но безуспѣшно. Наконецъ, вопросъ о богословскомъ факуль-

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, № 9, стр. 31.— Закончивъ обзоръ приведенныхъ выше измѣненій и дополненій къ уставу 1865 года, замѣтимъ здѣсь, что для удобства пользованія имъ въ этомъ измѣненномъ видѣ, ему дана была новая формулировка въ ч. 1, т. XI „Свода Законовъ“ изданія 1893 года, §§ 560—650, стр. 90—104. Въ этой формулировкѣ, представляющей собою соединеніе удержаннаго въ силѣ стараго съ узаконеннымъ новымъ, всего 91 §§ вѣсто прежнихъ 89. При сравненіи обоихъ текстовъ оказывается, что изъ текста 1865 года совершенно исключены §§ 35, 77, 83, 85, 87, 88, 89; затѣмъ §§ 47 и 48 соответствуютъ въ текстѣ 1893 года §§ 605, 606, 607 и § 70—§§ 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637.

²⁾ Архивъ канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа: № 94, 1886 года.

тебѣ обсуждался съ двухъ, прямо противоположныхъ точекъ зрѣнія, въ совѣтѣ университета въ 1901 году, когда, согласно предложенію министра народнаго просвѣщенія, подвергались обсужденію вообще „вопросы относительно желательнаго устройства университетовъ“, а также въ 1902 году въ министерской „комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній“: и тамъ и тутъ рѣшенъ оный былъ въ смыслѣ оставленія богословскаго факультета по прежнему въ составѣ университета ¹⁾).

Е. Пытковъ,

(Продолженіе слѣдуетъ).

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Занятіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ занятия ведутся по учебнымъ программамъ, утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Учебныя программы составляются на основании постановленій министерства и утверждаются высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Учебныя программы должны быть составлены такъ, чтобы охватывать всѣ предметы, входящіе въ составъ учебнаго курса, и чтобы дать учащимся возможность получить всестороннее образованіе. Учебныя программы должны быть составлены такъ, чтобы охватывать всѣ предметы, входящіе въ составъ учебнаго курса, и чтобы дать учащимся возможность получить всестороннее образованіе.

¹⁾ Труды высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній. На правахъ рукописи. Вып. I, С.-Пб. 1903, стр. 139—140, 316—320.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ ¹⁾).

Если сочетаніе явленій, противорѣчащее необходимо мыслимому положенію, можетъ быть настолько опредѣленнымъ для сознанія, что можетъ стать предметомъ изслѣдованія, то самое признаніе его, будетъ ли то за твердую истину или за законно допустимое предположеніе, должно, конечно, зависть отъ того, существуютъ ли въ сознаніи основанія, которыя могутъ казаться этому сознанію достаточными для такого признанія. А потому для такого философа, который, не отрицая возможности для сознанія безъ отчетливаго образа, вполне соответствующаго тому или другому положенію, имѣтъ опредѣленное указаніе на утверждаемую въ этомъ положеніи связь явленій, хотѣлъ бы, тѣмъ не менѣе, настаивать на необходимости отчетливаго образа для вѣры въ положеніе,—для такого философа оставался бы одинъ путь придать убѣдительность своему взгляду; онъ долженъ бы былъ попытаться поставить внѣ сомнѣній, что такой образъ безусловно необходимъ для самаго обоснованія положенія, а поэтому безъ него предполагаемое положеніемъ сочетаніе явленій, хотя бы оно и было достаточно опредѣленнымъ для сознанія по своему смыслу, не можетъ сдѣлаться для него предметомъ вѣры.

И мы не можемъ отрицать, что въ самомъ Спенсеровомъ разъясненіи психологической необходимости вѣры въ необходимо мыслимое сочетаніе встрѣчаются такія мысли, которыми Спенсеръ могъ бы воспользоваться для того, чтобы придать этотъ именно оборотъ своему

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. сентябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1905 годъ.

ученію о необходимой психологически вѣрѣ. Психологическая необходимость созерцательнаго образа, точно соответствующаго тому или другому положенію, для вѣры въ него не могла бы, конечно, не быть признана, если бы было принято, что обоснованіе положенія, какую бы форму оно ни принимало, форму ли непосредственнаго усмотрѣнія его очевидности или форму вывода, всегда бываетъ и можетъ быть только процессомъ, съ помощію котораго достигается принудительное соединеніе въ одинъ образъ представленій, обозначающихъ явленія, связь которыхъ утверждается въ положеніи. При такомъ взглядѣ вѣра въ сужденію, очевидно, по необходимости всегда должна была бы считаться чистымъ эквивалентомъ этого принудительнаго соединенія представленій въ одинъ образъ, точно соответствующій обосновываемому сужденію, а слѣдовательно тамъ, гдѣ представленія совсѣмъ не допускаютъ такого соединенія, вѣра должна была бы считаться совершенно невозможной. И въ цитованномъ выше Спенсеровомъ разъясненіи психологической стороны познавательныхъ процессовъ въ „Динамикѣ сознанія“ дается такое истолкованіе процессамъ и непосредственнаго усмотрѣнія очевидности положенія и выводнымъ, которое вполне отвѣчаетъ указанному сейчасъ предположенію о значеніи въ нихъ образа, вполне соответствующаго обосновываемому положенію. Непосредственное усмотрѣніе очевидности положенія, совершенно согласно съ основными взглядами Спенсеровой философіи, толкуется здѣсь какъ усиленная и безрезультатная попытка разорвать связь представленій, соединенныхъ въ точно соответствующемъ этому положенію образъ, слѣдовательно предполагаетъ наличную данность въ сознаніи этого образа съ сознаваемою на немъ принудительною связью входящихъ въ него представленій. А смыслъ выводнаго процесса здѣсь полагается въ томъ, чтобы „установить непрямую связь между такими состояніями сознанія, которыя не были прямо связаны между собою или, если и были связаны, то не такъ сильно, какъ связывать ихъ аргументаціи не прямымъ путемъ“. Такимъ образомъ выводъ здѣсь толкуется какъ процессъ принудительнаго соединенія представленій въ соответствующій доказываемому положенію образъ, совершающійся съ помощію установленія необходимой связи этого положенія съ другими, уже дознанными положеніями, слѣдовательно также предполагаетъ такой образъ съ происходящимъ въ самомъ процессѣ принудительнымъ соединеніемъ въ немъ представленій.

Самъ Спенсеръ не сводитъ эти свои истолкованія основныхъ познавательныхъ процессовъ къ одной общей мысли, именно что всякій созна-

тельный процессъ убѣжденія въ какомъ угодно положеніи неизмѣнно долженъ включать въ себѣ созерцательное представленіе связи явленій, утверждаемой въ этомъ положеніи, и не пытается на этой общей мысли обосновать свой взглядъ на невозможность вѣры въ положеніе, для котораго нельзя создать этого созерцательнаго представленія. Но послѣдователь Спенсера, конечно, всегда имѣетъ право спросить: почему этотъ взглядъ не могъ бы находить для себя твердой опоры въ указанныхъ Спенсеровыхъ истолкованіяхъ непосредственнаго усмотрѣнія очевидности сужденія и выводнаго процесса? Однако и подобное обоснованіе Спенсера взгляда было бы несостоятельно.

Мы не можемъ здѣсь обсуждать Спенсерово истолкованіе процесса непосредственнаго усмотрѣнія очевидности сужденія, такъ какъ такое обсужденіе повело бы къ обсужденію взглядовъ, одинаково раздѣляемыхъ всею эмпиристическою школою. Пусть это непосредственное усмотрѣніе будетъ, какъ полагаетъ Спенсеръ, въ каждомъ случаѣ лишь настойчивой и неудачной попыткой разорвать связь представленій въ образѣ, точно соответствующемъ положенію, очевидность котораго устанавливается сознаніемъ. Но даже и для Спенсеровой психологін нѣтъ никакого основанія убѣдительность, заключающуюся въ выводномъ процессѣ, ставить въ связь съ принудительностію соединенія въ одинъ образъ представленій, соответствующихъ явленіямъ, соединяемымъ въ выводномъ сужденіи. Выводный процессъ, точно такъ же какъ и процессъ непосредственнаго усмотрѣнія истинности сужденія, своею конечною цѣлію имѣетъ никакъ не установку „связи между такими состояніями сознанія, которыя не были прямо связаны“ и подъ которыми Спенсеръ, очевидно, разумѣетъ представленія, а установку сужденія какъ утвержденія о соединеніи явленій, характеризующихся этими состояніями сознанія или представленіями. Сознаніе принудительной связи самыхъ представленій при непосредственномъ усмотрѣніи очевидности сужденія, а слѣдовательно и созерцательный образъ этой связи, опыты надъ которымъ по Спенсеру и должны убѣждать въ этой принудительности, оказываются при этомъ непосредственномъ усмотрѣніи необходимыми только потому, что сознаніе принудительности связи на этомъ образѣ есть тотъ путь, которымъ совершается въ этомъ случаѣ установка сужденія. Но въ выводномъ процессѣ установка сужденія совершается не этимъ путемъ опытовъ надъ неразрывностію связи представленій въ созерцательномъ образѣ этой связи, а при посредствѣ другихъ сужденій, чрезъ сознаніе связи ихъ съ изслѣдуемымъ положеніемъ, для чего нѣтъ никакой нужды

въ предваряющей установкѣ этого сужденія установкѣ принудительной связи между представленіями, точно ему соответствующей. Для установки доказывающихъ сужденій, посылокъ, если они считаются положеніями, истинность которыхъ усматривается непосредственно, должны, конечно, по Спенсеру оказаться нужными созорцательные образы связи представленій, но связи, соответствующей ихъ собственному смыслу, а не смыслу выводного положенія. И для непосредственнаго усмотрѣнія связи между посылками и выводнымъ сужденіемъ, конечно, также по Спенсеру должны оказаться необходимыми опыты надъ созерцательнымъ образомъ связи, но опять связи никакъ не представленій, соответствующей выводному положенію, а связи самого этого положенія съ посылками. А для такого образа этой связи, изъ котораго усматривалась бы ея неразрывность, хотя, конечно, и необходимо, чтобы выводное сужденіе, само входящее въ эту связь въ качествѣ одного изъ ея членовъ, было указано вполне опредѣленно для сознанія, но совершенно безразлично, дѣлается ли это указаніе чрезъ образъ, точно соответствующій смыслу сужденія, или чрезъ особыя представленія характеристическихъ чертъ явленій, о соединеніи которыхъ говоритъ оно, и той роли, какую каждое изъ этихъ явленій должно играть въ этомъ соединеніи. Для того, чтобы геометръ счелъ себя въ правѣ со всею геометрическою достовѣрностію утверждать невозможность того или другого гипотетически предположеннаго имъ построенія на томъ основаніи, что выводы, сдѣланные имъ подѣ условіемъ возможности этого построенія, ведутъ къ какой либо явной нелѣпости,—для этого, конечно, необходимо, чтобы связь между этимъ предположеннымъ построеніемъ, какъ посылкой, и выведенною изъ него нелѣпостію считалась установленной самымъ точнымъ и законнымъ образомъ; а между тѣмъ, по свойству геометрическихъ истинъ, какъ это намъ ранѣе приходилось замѣчать, то, что признается здѣсь нелѣпымъ, должно считаться и совершенно невообразимымъ. Отсюда совершенно очевидно, что связь между посылками и заключеніемъ можетъ достигать какой угодно возможной для человѣческаго знанія достовѣрности даже при совершенной невозможности построенія созерцательнаго образа, вполне соответствующаго выводному сужденію.

Такимъ образомъ, мысль о совершенной психологической невозможности сужденія, для котораго невозможно построить точно соответствующаго ему созерцательнаго образа, не можетъ искать для себя оправданія и въ невозможности обоснованія положенія безъ таковаго образа. Такъ какъ для выводного процесса нѣтъ никакой нужды

въ созерцательномъ образѣ выводного сужденія, то нѣтъ никакой психологической невозможности въ томъ, чтобы положеніе, противорѣчащее необходимо мыслимому положенію, получалось выводнымъ путемъ и чтобы оно въ томъ случаѣ, когда послышки этого вывода сами претендовали бы на необходимую мыслимость, оказывалось способно возбуждать вѣру, стоящую въ прямомъ антагонизмѣ съ вѣрой въ противорѣчащее этому положенію необходимо мыслимое въ эмпиристическомъ смыслѣ положеніе, парализуя такимъ образомъ вѣру въ послѣднее.

Самъ Спенсеръ, какъ было сказано, при разъясненіи своего взгляда на предполагаемую имъ необходимость образа, точно соответствующаго положенію, для вѣры въ послѣднее, не ссылается на свое толкованіе процессовъ непосредственнаго усмотрѣнія и вывода, благопріятствующее этому взгляду, хотя при этомъ же разъясненіи ему приходится высказывать это толкованіе. Уже при описаніи опытовъ воображаемаго изслѣдователя надъ непосредственной связью между представленіями, еще не затрогивая вопроса о выводѣ, онъ выставляетъ уже въ качествѣ очевидной истины выражаемое этимъ изслѣдователемъ признаніе совершенной неспособности своей мыслить о положеніи, противорѣчащемъ обнаружившейся при этихъ опытахъ неразрывной связи между представленіями. И если Спенсеръ обращается затѣмъ къ выводу, то никакъ не съ тою цѣлю, чтобы указать на необходимость и въ этомъ процессѣ образа, точно соответствующаго выводному положенію, а хочетъ только поставить на видъ, что и процессъ вывода предполагаетъ необходимую мыслимость, которая уже заранѣе, на основаніи прямой очевидности, отождествлена съ совершенною неспособностію думать въ противорѣчіе съ нею. А въ общемъ заключеніи изъ всѣхъ этихъ разъясненій признанная на основаніи прямой очевидности неразрывная связь между необходимою мыслимостью и психологически необходимою вѣрою переходитъ у него даже въ „простое тожество“. Мы видѣли, что въ концѣ выписанной выше цитаты прямо утверждается: „сказать, что существуютъ необходимости мысли, значить просто сказать, только въ другой формѣ, что есть мысли, элементы которыхъ не могутъ быть разорваны“. И такъ какъ эта очевидность не находится, да и не ищетъ для себя никакой опоры въ специальныхъ взглядахъ Спенсеровой гносеологии, то она, конечно, есть очевидность съ точки зрѣнія непосредственнаго сознанія и хочетъ быть только очевидностію съ точки зрѣнія этого непосредственнаго сознанія. И несомнѣнно, что эта ссылка на непо-

средственное сознание совершенно справедлива въ томъ отношеніи, что непосредственное сознание дѣйствительно, говоря обще, такъ именно и смотритъ на оба вида Спенсеровыхъ необходимо мыслимыхъ сужденій, т.-е., на частныя фактическія познаванія воспріятія и на самыя общія, характеризующіяся необходимою мыслимостью посылки знанія. Но Спенсеръ не взялъ во вниманіе, что въ непосредственномъ сознаніи этотъ взглядъ есть простой естественный результатъ проникающаго непосредственное сознанію предположенія, котораго не держится Спенсера философія и которое состоитъ въ прямомъ отождествленіи того, что составляетъ предметъ утвержденія въ указанныхъ частныхъ и самыхъ общихъ необходимыхъ сужденіяхъ, съ тѣмъ, съ чѣмъ имѣетъ дѣла необходимая мыслимость.

Такъ какъ нашимъ непосредственнымъ сознаніемъ данныя въ воспріятіи явленія и связи между ними прямо принимаются за ту самую вышнюю дѣйствительность, которая составляетъ предметъ вѣры для нашего знанія, то для нашего непосредственнаго сознанія этотъ познавательный актъ является въ собственномъ смыслѣ даже не въ качествѣ утвержденія связи, вѣры въ нее, а въ качествѣ непосредственнаго созерцанія самой той дѣйствительности, вопросы о которой должны рѣшаться въ сужденіяхъ нашего знанія. Въ границахъ этого чистаго созерцанія связи явленій въ воспріятіи, если акты этого созерцанія не нарушаются рефлексіями критическаго характера, принудительность связи явленій (за опредѣленные моменты воспріятія), прямо вслѣдствіе того, что какъ самыя явленія такъ и связи ихъ принимаются сознаніемъ за вышнюю дѣйствительность, относится имъ на эту вышнюю дѣйствительность. А такъ какъ сужденіе есть утвержденіе относительно связей въ этой самой вышней дѣйствительности, то пока не разрушено сполна или съ нѣкоторыхъ только сторонъ это непосредственное отождествленіе созерцаемаго съ вышней дѣйствительностію, созерцаніе по необходимости принимается за актъ, въ которомъ сознание прямо и непосредственно имѣетъ то, что должно составлять предметъ сужденія по его значенію какъ познавательнаго акта. И насколько при созерцаніи сознавалась бы принудительность опредѣленной связи и тѣмъ исключались бы случайныя ошибки недосмотра и перетолкованія, настолько это созерцаніе было бы тождественно по своему смыслу съ необходимымъ утвержденіемъ, съ безусловной вѣрой. При такихъ условіяхъ, конечно, психологически совершенно невозможна вѣра въ противорѣчащую воспріятію связь явленій какъ связь дѣйствительную. Созерцаніе самой этой вышней дѣйствительной

связи и въ то же время вѣра въ ея отсутствіе, конечно, должны представлять собою прямо несомнѣстимыя одно съ другимъ состоянія сознанія.

Этого рода тождество психологически необходимой вѣры съ необходимою мыслимостью обнимаетъ, правда, только одинъ видъ Спенсеровыхъ необходимо мыслимыхъ сужденій, фактическія истины воспріятія. Прямое и полное отождествленіе терминновъ созерцанія съ дѣйствительностію ограничивается и въ непосредственномъ сознаніи исключительно воспріятіями, какъ нужно думать, вслѣдствіе того, что только въ нихъ входятъ въ качествѣ основного элемента созерцанія живыя состоянія, ощущенія, которыя, будучи поставлены какъ характеристическія черты вѣдшихъ предметовъ, способны въ качествѣ живыхъ состояній прямо приниматься сознаніемъ за налично данныя свойства этихъ предметовъ въ противоположность представленіямъ, которыя не могутъ имѣть другого значенія для сознанія кромѣ значенія простого образа, если не сплетены въ неразрывной связи съ ощущеніями. Во всякомъ случаѣ, когда познавательный процессъ совершается въ неслияющихся съ воспріятіями представленіяхъ, то предметъ познавательный уже и въ непосредственномъ сознаніи отличается отъ самаго представленія, какъ простого его образа, служащаго лишь указаніемъ на него. А поэтому въ этихъ процессахъ принудительность связи представленій въ обыкновенныхъ случаяхъ и непосредственнымъ сознаніемъ толкуется лишь какъ заимствованная изъ воспріятія и въ этихъ случаяхъ или прямо получаетъ форму воспоминанія или принимается за результатъ частой встрѣчи съ этою связью сознанія. Но и непосредственное сознаніе не можетъ не быть ощутительно къ факту, что общія сужденія идутъ далѣе воспоминаемыхъ частныхъ случаевъ и что та необходимость, которой характеризуется связь явленій въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сужденій, никакъ не тождественна съ простымъ, хотя бы и частымъ совпаденіемъ явленій въ сознаніи, такъ какъ она представляется внутреннимъ свойствомъ этой связи, а не простымъ указаніемъ на объемъ ея примѣненія. Такъ является для непосредственнаго сознанія такая форма принудительной связи, которую оно не можетъ отождествить съ вѣдшею дѣйствительностію посредственно, разсматривая ее какъ заимствованную изъ воспріятія, и въ то же время не можетъ, повидимому, отождествить ее съ нею и непосредственно, такъ какъ она дана въ представленіяхъ. Такимъ образомъ о необходимой связи представленій, которой характеризуются нѣкоторыя общія сужденія, повидимому, непосредственное сознаніе ни въ

какомъ смыслѣ не можетъ предполагать, что она и есть именно та связь явленій, которая утверждается въ сужденіи. Однако непосредственное сознание находитъ средство устранить въ сужденіяхъ, отличающихся необходимою мыслимостью, это различіе связи представленій отъ связи реальностей. Оно смотритъ на непосредственно сознаваемую необходимость связи представленій какъ на такую, которая вполне опредѣляется самымъ содержаніемъ этихъ представленій, и въ то же время самый актъ постиженія необходимой связи между представленіями оно принимаетъ за прямое и непосредственное созерцаніе зависимости этой связи отъ самаго содержанія этихъ представленій. И такъ какъ въ этого рода общихъ сужденіяхъ оно утверждаетъ въ отношеніи къ ви́шней дѣйствительности только ту мысль, что въ случаѣ существованія ви́шнихъ реальностей, точно соответствующихъ содержанію опредѣленнаго представленія, должно существовать у нихъ и опредѣленное отношеніе къ опредѣленнымъ другимъ реальностямъ, также точно соответствующимъ содержанію другого представленія, то созерцаніе связей, обусловленныхъ самымъ содержаніемъ представленій, уравнивается для него созерцанію связей, обусловленныхъ самою природою реальностей, которыя оказались бы вполне соответствующими содержанію представленій. И вслѣдствіе этого утвержденіе между этими же реальностями связей, противорѣчащихъ созерцаемой необходимой связи между представленіями о нихъ, дѣлается для него столь же психологически невозможнымъ, какъ и утвержденіе связей между данными въ воспріятіи реальностями, противорѣчащихъ принудительной связи ихъ въ воспріятіи.

Такимъ образомъ при предположеніяхъ, которыми, будетъ ли то сознательно или несознательно, руководится непосредственное сознание, совершенная невозможность составленія образа точно соответствующаго опредѣленному положенію, обусловленная сознаваемой необходимой мыслимостью сочетанія, ему противорѣчащаго, совершенно исключаетъ вѣру въ это положеніе. Но такъ какъ эта очевидность невозможности вѣры здѣсь обусловлена предположеніями, которыми руководится непосредственное сознание, относительно тождества связи, составляющей предметъ вѣры въ сужденіи, съ связью, которая выражается въ необходимой мыслимости, то на эту очевидность можетъ ссылаться какъ на дѣйствительную очевидность лишь та философія, которая раздѣляетъ съ непосредственнымъ сознаніемъ его предположенія. Но философія Спенсера, прямо наоборотъ, отрицаетъ эти предположенія.

Общія сужденія, въ которыхъ придается необходимый характеръ утверждаемому въ нихъ соединенію явленій, совѣмъ не представляють по этой философіи результатъ непосредственно созерцаемой зависимости этой связи отъ самого содержанія соединяемыхъ представленій, а слѣдовательно отъ самой природы тѣхъ реальностей, которыя оказались бы вполне соответствующими этому представляемому содержанію. Необходимость связи представленій, непосредственно созерцаемая, должна, наоборотъ, объясняться по этой философіи изъ принадлежащаго представленіямъ свойства при частомъ совпаденіи двухъ опредѣленныхъ представленій въ сознаніи вступать въ тѣсную связь, которая, при продолжительности періода такихъ совпаденій, дѣлается совершенно неразрывною.

И на данное въ воспріятіи она не можетъ смотрѣть, подобно непосредственному сознанію, прямо какъ на внѣшнюю дѣйствительность уже потому, что на самое существенное содержаніе воспринимаемаго, согласно общепринятому психологическому ученію, она смотритъ какъ на наши ощущенія, а не какъ на внѣшнія свойства внѣшнихъ предметовъ, за которыя они принимаются непосредственнымъ сознаніемъ; а поэтому данные въ воспріятіи и представляющіе простыя связи этихъ ощущеній (и представленій о прежнихъ ощущеніяхъ) предметы, хотя и составленные въ основной части своего содержанія изъ живыхъ состояній а не изъ простыхъ представленій, для нея все же превращаются только въ знаки внѣшней дѣйствительности. Правда, для нея, какъ и для обще-научнаго сознанія, несомнѣнно остается и при этомъ взглядъ возможность смотрѣть на воспріятія какъ на такіе созерцательные акты, которые съ законообразною послѣдовательностію слѣдуютъ за соответствующимъ воздѣйствіемъ на сознаніе внѣшнихъ реальностей; а поэтому и на отношенія, въ которыхъ качества воспріятія оказываются стоящими одна къ другой въ актѣ того или другою воспріятія, она можетъ смотрѣть какъ на стоящія въ зависимости отъ фактическихъ отношеній внѣшнихъ реальностей, ихъ возбуждающихъ и составляющихъ предметъ вѣры въ сужденіяхъ научнаго знанія. Однако при такомъ взглядѣ все же то безусловное торжество между предметомъ сужденія и предметомъ непосредственнаго созерцанія, которое дѣлаетъ совершенно очевидной невозможность вѣры въ наличную дѣйствительность сочетанія, противорѣчащаго принудительно созерцаемому сочетанію, здѣсь исчезаетъ. Наоборотъ, уже самое разрушеніе вѣры непосредственнаго сознанія въ это безусловное тожество открываетъ путь для критическаго вопроса,

есть ли дѣйствительно твердыя основанія даже и для признанія законосообразной послѣдовательности ощущеній за соотвѣтствующими внѣшними воздѣйствіями и для соединяемаго съ нимъ права уравнивать отношенія внѣшнихъ реальностей съ данными въ воспріятіи отношеніями. И поэтому даже и въ томъ случаѣ, если бы открываемыя сознаниемъ основанія для этого признанія оказались безусловно убѣдительными, — даже и въ этомъ случаѣ вѣра въ это равенство не могла бы считаться, при развитіи критическаго сознанія, чисто психологическою необходимостію, такъ какъ стояла бы въ зависимости отъ тщательнаго анализа основаній, оправдывающихъ это равенство. Но фактически и въ этомъ отношеніи стоитъ дѣло нѣсколько иначе.

Принимаемая зависимость данныхъ въ воспріятіи отношеній качественностей воспріятія отъ отношеній внѣшнихъ реальностей не рѣдко оказывается не прямой и простой, а косвенной и сложной, вслѣдствіе чего въ этихъ случаяхъ эти отношенія могутъ оказываться совсѣмъ не равными другъ другу, хотя для сознанія, котораго опытъ недостаточно широкъ для того, чтобы обнаружить эти косвенныя и сложныя причинныя связи, отношеніе качественностей въ воспріятіи, оказывающееся для развитаго опыта неравнымъ отношенію внѣшнихъ реальностей, будетъ сохранять совершенно тотъ же принудительный характеръ, какъ и всѣ другія принудительно созерцаемыя отношенія. Съ другой стороны новыя эмпиристы, проведеніе въ возможной послѣдовательности ассоціанистическую теорію, и особенно Спенсеръ, какъ мы уже знаемъ, даже отказываются принимать вообще синтезы воспріятія за нѣчто непосредственно данное, т. е. за сочетанія, непосредственно вызываемыя воздѣйствіемъ отношеній внѣшнихъ реальностей, а видятъ въ нихъ результатъ очень сложныхъ процессовъ, закрѣпленный ассоціаціей. Такимъ образомъ и здѣсь въ области воспріятія принудительность связи объединяемаго содержанія, подобно какъ и въ общихъ сужденіяхъ, въ которыхъ приходится необходимый характеръ утверждаемой въ нихъ связи явленій, эта принудительность должна объясняться изъ принадлежащаго психическимъ состояніямъ свойства при частыхъ случаяхъ совпаденія ихъ въ сознаніи вступать въ тѣсную связь, способную достигать совершенной неразрывности.

Но когда, такимъ образомъ, отрицается то тождество или полное равенство связей, составляющихъ предметъ сужденія, съ связями, которыя усматриваются непосредственнымъ созерцаніемъ и въ этомъ созерцаніи получаютъ характеръ необходимыхъ или принудительныхъ,

и когда самая эта необходимость или принудительность разсматривается какъ результатъ, опредѣляемый свойствомъ, принадлежащимъ исключительно представленіямъ или вообще душевнымъ состояніямъ, тогда какое же право для обоснованія мысли о невозможности вѣры въ положенія, противорѣчащія необходимо мыслимымъ связямъ представленій, ссылаться на очевидность этой невозможности для непосредственнаго сознанія, для котораго эта очевидность обусловлена этими отрицаемыми Спенсеромъ предположеніями? А если не руководиться этими предположеніями, то, правда, отчетливое созерцаніе необходимой связи представленій или вообще душевныхъ состояній останется не совмѣстимымъ съ отрицаніемъ такихъ сужденій, въ которыхъ утверждалась бы прямо эта принудительная связь самыхъ представленій, но какимъ же образомъ могла бы оказаться непосредственно и безусловно очевидной для сознанія несомѣстимость въ немъ созерцанія необходимой связи, которая относится къ представленіямъ, съ сомнѣніемъ въ существованіи необходимой связи, которая относится уже не къ представленіямъ о реальностяхъ, а къ самымъ реальностямъ, ясно отличаемымъ сознаніемъ отъ представленій о нихъ, или вообще отъ душевныхъ состояній, служащихъ знаками для нихъ? Вѣдь самое то объясненіе происхожденія необходимой связи представленій изъ постоянныхъ совпаденій опредѣленныхъ явленій въ сознаніи, которымъ по взгляду самого Спенсера должна быть оправдана возникающая изъ этой необходимой связи вѣра въ необходимую связь реальностей, даже никакъ не составляетъ такой непосредственно очевидной для сознанія истины, постоянная наличность которой въ сознаніи предупреждала бы и дѣлала невозможнымъ всякій критическій вопросъ объ отношеніи созерцательно познаваемой необходимости связи представленій къ связи обозначаемыхъ ими реальностей. И самое оправданіе необходимыхъ сужденій съ помощью этого объясненія происхожденія неразрывной связи представленій опять, какъ было выше показано, никакъ не исключаетъ недоумѣній и возраженій и притомъ такого рода, что, если вѣру въ необходимо мыслимыя положенія ставить въ зависимость отъ очевидности для сознанія этого оправданія, то, конечно, нельзя будетъ говорить объ ея необходимости.

Переноса вопросъ на фактическую почву, мы не можемъ не указать на то, что существовали и существуютъ мыслители, которые выражали свое несогласіе съ такими положеніями, которыя по Спенсеру должны опираться на необходимую мыслимость. А выше намъ приходилось подробно доказывать, что при эмпирическомъ истолко-

ваніи и объясненіи происхожденія необходимо мыслимыхъ положеній даже отношеніе къ нимъ научнаго сознанія должно быть истолковано никакъ не въ смыслѣ безусловнаго довѣрія къ нимъ, а въ смыслѣ, правда, довѣрія, но условнаго и относительнаго, предполагающаго въ совокупности опыта отсутствіе серьезныхъ и остающихся неразрѣшенными возраженій противъ нихъ по самому ихъ содержанію и переходящаго въ критическое недоумѣніе при появленіи такого рода возраженій. Конечно, Спенсеръ, не сличая возбуждавшія ранѣе глубокую вѣру и признанія позднѣе наукой ошибочными положенія съ тѣми условіями, которыя по эмпиризму должны считаться порождающими необходимую мыслимость, находитъ возможнымъ не признавать фактовъ обнаруженія наукой несостоятельности такихъ положеній, которыя по послѣдовательно проведенному ученію эмпиризма должны считаться имѣвшими характеръ сужденій необходимо мыслимыхъ. Но и онъ во всякомъ случаѣ не можетъ отрицать и фактически не отрицаетъ утвержденія тѣми или другими лицами положеній, стоящихъ въ противорѣчій съ положеніями, которыя онъ самъ считаетъ необходимо мыслимыми. И такимъ образомъ ученіе его о необходимой психологической вѣрѣ въ необходимо мыслимыя положенія все же явно сталкивается даже съ имъ же самимъ признанными фактами.

Правда, у Спенсера встрѣчается такой взглядъ на эти факты, которымъ, повидимому, устраняется это противорѣчіе. Не отрицая искренности людей, утверждавшихъ или утверждающихъ положенія, противорѣчащія положеніямъ необходимо мыслимымъ, онъ тѣмъ не менѣе находитъ возможнымъ утверждать, что выражаемая ими вѣра въ эти положенія была не дѣйствительная вѣра, а мнимая. „Люди, говоритъ онъ ¹⁾, неясно переводятъ употребляемые ими слова въ эквивалентныя этимъ словамъ состоянія сознанія. Эта небрежность такъ привычна многимъ, что они совсѣмъ не сознаютъ, что они не ясно представляютъ себѣ тѣ предложенія, которыя они утверждаютъ; а поэтому они способны совершенно искренне, хоть и ошибочно, увѣрять, будто бы они могутъ думать вещи, которыя на самомъ дѣлѣ совершенно невозможно думать“. „Въ философіи какъ и въ теологіи, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ ²⁾, нѣтъ ничего обыкновеннѣе какъ допущеніе какого-нибудь предложенія безъ реального принятія его, т. е. безъ настоящаго воспроизведенія того, что оно утверждаетъ.

¹⁾ Princ. of Psych. II. 413, p. n. IV. 111.

²⁾ Ibid., II. 405, p. n. IV, 103 прим.

Часто случается, что оба термина даннаго предложенія узнаются въ мысли какъ знакомые уже термины и отношеніе, выраженное этимъ предложеніемъ, тоже узнается въ мысли какъ знакомое уже отношеніе, послѣ чего предполагаютъ, будто бы специфированные въ сознаніи термины поставлены вмѣстѣ передъ сознаніемъ въ специфированномъ въ предложеніи отношеніи и возбудили въ немъ вѣру къ себѣ: между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ эти термины вовсе не могутъ быть поставлены вмѣстѣ предъ сознаніемъ въ этомъ отношеніи, а слѣдовательно и не могутъ возбудить къ себѣ вѣры въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Эта путаница служитъ обильнымъ источникомъ ошибокъ, которыхъ желательно бы было избѣжать“.

Однако изъ этихъ же приведенныхъ мѣстъ достаточно ясно, что самое Спенсерово признаніе случаевъ вѣры въ положенія, противорѣчащія необходимо мыслимымъ положеніямъ, за случаи вѣры не дѣйствительной, а мнимой, не есть результатъ какого либо особаго анализа этихъ случаевъ, а предполагается какъ выводъ изъ той мысли, заранѣе принятой за очевидную истину, что точно соответствующее смыслу положенія соединеніе представленій въ сознаніи составляетъ необходимое условіе всякаго сужденія какъ акта вѣры и что поэтому тамъ, гдѣ невозможно точно соответствующее сужденію соединеніе представленій, невозможенъ и дѣйствительный актъ сужденія какъ актъ вѣры. Все, къ чему стремится Спенсеръ при этой попыткѣ уничтожить значеніе отрицательныхъ инстанцій противъ ого ученія о невозможности сужденія, противорѣчащаго необходимо мыслимому положенію, сводится къ тому, чтобы, признавъ на указанномъ основаніи мнимый характеръ вѣры во всѣхъ случаяхъ, гдѣ она выражается въ отношеніи къ положенію, противорѣчащему необходимой мыслимости, разъяснить, какимъ образомъ сознаніе, которое вполнѣ искренне утверждало бы такое положеніе, тѣмъ не менѣе могло бы оказаться совершающимъ чисто словесное утвержденіе безъ соответствующаго утвержденію эквивалента въ сознаніи, безъ дѣйствительной вѣры въ утверждаемое.

Но если, какъ мы видѣли выше, самая мысль о необходимости для сужденія точно соответствующаго ему образа не только не очевидна, но прямо должна считаться въ системѣ Спенсера неизмѣющимся никакихъ основаній предположеніемъ, то, конечно, и выводъ изъ нея мнимаго характера выражаемой къ-либо вѣры въ положенія, противорѣчащія необходимо мыслимымъ, не можетъ доказывать мнимаго характера этой вѣры. А поэтому случаи вѣры въ положенія, противорѣ-

рѣшающія положенія необходимо мыслимымъ, продолжаютъ оставаться отрицательными инстанціями противъ мысли, изъ которой выводится мнимый характеръ этой вѣры.

Съ другой стороны и самое объясненіе возможности мнимой вѣры, заключающееся въ сойчасъ сдѣланныхъ выпискахъ изъ Спенсеровыхъ „Основаній психологій“, такъ какъ оно имѣетъ въ своемъ основаніи ошибочную теорію, естественно должно оказаться такимъ, что само съ различныхъ сторонъ указываетъ на несостоятельность этой теоріи.

Для того, чтобы представить совершенную естественность предполагаемаго имъ, въ интересахъ устраненія отрицательныхъ инстанцій противъ его теоріи, поразительнаго факта искренне признаваемой и въ то же время мнимой вѣры, Спенсеръ хочетъ ввести этотъ фактъ въ кругъ самыхъ обычныхъ явленій общей познавательной жизни сознанія и ссылается при его объясненіи на дѣйствительно обычные и многочисленные случаи въ познавательной жизни, когда должно оказаться въ сознаніи даннымъ то, что по его теоріи должно считаться условіемъ мнимой, хотя и искренне признаваемой вѣры: съ этою цѣлію онъ напоминаетъ, что многіе часто при своихъ сужденіяхъ не стараются воспроизвести образъ, точно соответствующій утверждаемой въ сужденіи связи. Однако, едва ли такое припоминаніе, указывающее на послѣдовательность, къ какой должна вести теорія, пригодно для того, чтобы возвысить ея вѣроятность. Черезъ это напоминаніе факты попытокъ сужденія, оперирующаго съ представленіями, несоединимыми одно съ другимъ въ одинъ образъ, слѣдовательно безъ вполнѣ отчетливаго образа этой связи, дѣйствительно вводятся въ кругъ очень обычныхъ операций человѣческой мысли, слѣдовательно теряютъ всякую претензію на чрезвычайный характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это напоминаніе превращаетъ огромное число явленій обычной познавательной жизни массы людей въ простыя словесныя операнія безъ соответственныхъ умственныхъ актовъ. А это едва ли уже не слишкомъ много для удобопріемлемости теоріи. Если фактъ вѣры въ противорѣчащее необходимо мыслимому положенію сочетаніе явленій, въ виду самой своей исключительности, въ виду рѣзкаго своего несогласія съ наиболѣе обычными навыками мысли, постоянно руководящейся ассоціаціями, особенно когда она имѣетъ дѣло съ неразрывными связями представленій, наконецъ, въ виду высокой оцѣнки необходимо мыслимыхъ сужденій непосредственнымъ сознаніемъ, естественно можетъ возбуждать вопросъ, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ чисто словеснымъ утвержденіемъ, то та огромная масса случаевъ обыденной жизни сознанія, когда утвержде-

нѣ происходятъ безъ отчетливаго соединенія въ сознаніи представленій, соответствующаго смыслу сужденія, уже вовсе не даетъ поводовъ ставить подобные вопросы. Конечно, съ точки зрѣнія точнаго знанія едва ли кто рѣшится отрицать, что познавательные процессы въ обычной жизни, когда они съ разныхъ сторонъ оказываются не обставленными надлежащими гарантіями, доступны ошибкамъ, и что мы сами не придаемъ ихъ результатамъ той достовѣрности, какую придаемъ результатамъ процессовъ, обставленныхъ такими гарантіями. Но съ другой стороны, едва ли не возбудитъ справедливаго удивленія многихъ рѣшительное утвержденіе, что сужденія, постоянно примѣняемые въ обычной жизни, не смотря на искренность, съ какою они высказываются, въ огромномъ большинствѣ представляютъ чисто словесныя утвержденія безъ всякой примѣсы соответствующей этимъ утвержденіямъ вѣры. Для того, чтобы назвать это удивленіе справедливымъ, достаточно припомнить хоть тотъ фактъ, что такими сужденіями люди постоянно руководятся въ практической жизни, что, конечно, было бы невозможно безъ всякой вѣры въ нихъ. А между тѣмъ Спенсерово объясненіе мнимой вѣры, допуская это расширеніе мнимаго характера вѣры на огромную массу познавательныхъ явленій обычной жизни сознанія, представляетъ только послѣдовательное проведеніе той его мысли, что образъ, точно соответствующій сужденію, есть необходимое условіе сужденія какъ акта вѣры.

Но съ этимъ же объясненіемъ связана мысль, которая поражаетъ своею странностію въ несравненно высшей степени. По объясненію выходитъ, что ошибочное представленіе о своей вѣрѣ въ извѣстное положеніе безъ дѣйствительной вѣры въ него должно возникать въ сознаніи прямо отъ того, что сознаніе предполагаетъ или думаетъ, что отчетливое соединеніе представленій, точно соответствующее смыслу этого положенія, было воспроизведено въ немъ, тогда какъ фактически оно воспроизведено не было. Въ примѣненіи къ вѣрѣ въ положеніе, противорѣчащее необходимо мыслимой связи представленій, это будетъ означать, что ложное представленіе о существованіи фактически несуществующей вѣры возникаетъ въ сознаніи отъ того, что сознаніе предполагаетъ или думаетъ, что въ немъ произошло соединеніе представленій, которое было совершенно невозможно вслѣдствіе неразрывной связи представленій, противорѣчащей этому соединенію. Но и подъ дѣйствительной вѣрой въ то или другое положеніе также долженъ разумѣться актъ признанія съ тою или другою степенью вѣроятности или достовѣрности этого положенія, то есть такой актъ,

въ которомъ сознание также предполагаетъ или думаетъ, что дѣйствительно есть или возможны или необходимы факты, соотвѣтствующіе положенію. Такимъ образомъ, выходитъ, что Спенсеръ считаетъ вполне возможнымъ, чтобы сознание въ дѣйствительномъ смыслѣ вѣрило, т. е. предполагало или думало, что въ немъ самомъ налично было дано противорѣчащее неразрывной ассоціаціи соединеніе представленій, такъ какъ изъ этого предположенія или мысленной увѣренности сознания и долженъ по Спенсеру объясняться фактъ мнимой вѣры; но въ то же время онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы сознание въ дѣйствительномъ смыслѣ вѣрило, т. е. предполагало или думало, что существуютъ или возможны въ вещахъ связи, соотвѣтствующія этому соединенію представленій: оно можетъ, по его мнѣнію, только представлять себя такъ думающимъ, но не испытывать дѣйствительную вѣру. Такимъ образомъ оказывается, что объясненіе, которое вызывалось исключительно тѣмъ, что отрицалась возможность дѣйствительнаго акта сужденія или вѣры безъ соединенія въ сознаниі представленій, точно соотвѣтствующаго этому сужденію, само предполагаетъ именно такіа сужденія безъ точно соотвѣтствующаго имъ соединенія представленій въ сознаниі. Притомъ же оказывается, что необходимая мыслимость, т. е. по эмпиризму неразрывная связь представленій нисколько не мѣшаетъ сознанию вѣрить въ наличную данность въ самомъ сознаниі въ прямомъ смыслѣ противорѣчащаго ей факта, или такого соединенія представленій, которое логически противорѣчитъ непосредственно сознаваемой имъ неразрывности опредѣленныхъ представленій, и въ то же время эта же неразрывная связь представленій безусловно препятствуетъ сознанию вѣрить въ не стоящую съ ней въ собственномъ смыслѣ въ логическомъ противорѣччіи, а только не способную при ней получить вполне отчетливаго созерцательнаго представленія, связь внѣшнихъ реальностей. Все это такіа несообразности, далѣе которыхъ, по моему мнѣнію, идти некуда.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что это Спенсерово объясненіе мнимой вѣры совсѣмъ не примѣнимо къ наиболѣе опаснымъ для его теоріи психологически необходимой вѣры и признаваемымъ имъ самимъ фактамъ такихъ коллизій сознания, когда психологическая вѣра въ сужденія, непосредственно характеризующіяся необходимою мыслимостью, сталкивается съ вѣрой въ противорѣчащіе этимъ сужденіямъ выводы, возбуждающіе, конечно, въ сознаниі критическіе запросы и относительно познавательнаго значенія самой необходимой мыслимости. Вѣдь тотъ ученый или философъ, который, опираясь на такіе выводы,

отрицалъ бы состоятельность опредѣленнаго необходимо мыслимаго сужденія или, что то же, утверждалъ бы выводное положеніе, противорѣчащее этому сужденію, можетъ хорошо сознавать необходимую мыслимость отрицаемаго имъ сужденія, а въ такомъ случаѣ, конечно, онъ не будетъ предполагать или думать, что онъ образовалъ въ своемъ сознаніи отчетливое сочтаніе представленій, противорѣчащее этому сужденію. При своемъ отрицаніи необходимо мыслимаго положенія онъ можетъ руководиться просто тою мыслию, что необходимая (пусть и чрезъ опытъ предшествующихъ поколѣній образовавшаяся) связь представленій, входящихъ въ отрицаемое имъ сужденіе, уже не покрываетъ теперь всей совокупности фактовъ развившагося и усложнившагося опыта и оказывается недостаточно соответствующею обнаружившимся съ помощію этого опыта соединеніямъ реальностей. При такихъ условіяхъ, если бы Спенсеръ и пожелалъ назвать вѣру этого мыслителя въ выводное положеніе, противорѣчащее сужденію, непосредственно характеризующемуся необходимою мыслимостью, вѣрой не дѣйствительной, а мнимой, въ прямое соответствіе съ тѣмъ, что онъ заранѣе объявляетъ мнимой самую необходимую мыслимость подобнаго рода выводовъ, враждебно сталкивающихся съ необходимо мыслимыми положеніями, все же онъ уже не могъ бы примѣнить къ этой вѣрѣ то свое объясненіе мнимой вѣры, о которомъ теперь мы говоримъ. О мыслителѣ, выразившемъ при указанныхъ условіяхъ свое согласіе съ выводнымъ сужденіемъ, конечно, совсѣмъ несправедливо было бы сказать, что онъ предполагаетъ или думаетъ, что онъ соединилъ въ своемъ сознаніи представленія, въ дѣйствительности несоединимыя, и что именно вслѣдствіе этого ему кажется, что онъ вѣрить положенію, противорѣчащему неразрывной связи представленій.

М. Карповскій.

Въ заключеніи своего трактата г. Спенсеръ утверждаетъ, что вѣра въ выводное положеніе, противорѣчащее сужденію, не можетъ быть дѣйствительною, а мнимой, и что именно вслѣдствіе этого она не можетъ быть истинною. Но въ то же время онъ утверждаетъ, что вѣра въ выводное положеніе, противорѣчающее сужденію, можетъ быть истинною, и что именно вслѣдствіе этого она не можетъ быть мнимой. Это противорѣчіе не можетъ быть разрешено иначе, какъ признаніемъ, что вѣра въ выводное положеніе, противорѣчающее сужденію, можетъ быть истинною, а мнимой, и что именно вслѣдствіе этого она не можетъ быть истинною. Но въ то же время онъ утверждаетъ, что вѣра въ выводное положеніе, противорѣчающее сужденію, можетъ быть истинною, и что именно вслѣдствіе этого она не можетъ быть мнимой. Это противорѣчіе не можетъ быть разрешено иначе, какъ признаніемъ, что вѣра въ выводное положеніе, противорѣчающее сужденію, можетъ быть истинною, а мнимой, и что именно вслѣдствіе этого она не можетъ быть истинною.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ВЪ РОССИИ.

(Эпоха Петра Великаго и начало XVIII столѣтія).

Уже въ теченіе всего XVII-го вѣка иноземцы, преимущественно нѣмцы, населявшіе Нѣмецкую слободу, все болѣе и болѣе присматриваются къ русскимъ потребностямъ, поступаютъ на службу, ведутъ постоянныя дѣловыя сношенія, для чего неизбѣжно бывають вынуждены изучать русскій языкъ. Русскихъ, знавшихъ иностранныя языки, было очень мало; но почти всюду, говоритъ проф. Д. Цвѣтаевъ, „встрѣчались иноземцы, знавшіе по-русски“; пріѣзжіе нѣмцы, не довольствуясь практическимъ изученіемъ русскаго языка, съ разрѣшенія правительства даже учились у церковныхъ причетниковъ ¹⁾.

Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ все болѣе обозначавшейся ассимиляціи чуждыхъ Россіи элементовъ новою родиной, русскій языкъ завоевываеъ у московскихъ нѣмцевъ видное мѣсто. Іезуитъ Францискъ Эмилианъ пишетъ въ 1699 г. о Нѣмецкой слободѣ, гдѣ жили представители почти всѣхъ европейскихъ народностей: „нѣмецкій языкъ употребляется повсюду, у иныхъ даже въ собраніяхъ, и его знаютъ всѣ живущіе тутъ иностранцы; но сверхъ его каждый старается изучить и употреблять и русскій языкъ“ ²⁾.

Магистръ Паусъ, пріѣхавъ въ Россію съ цѣлью лютеранской пропаганды, первымъ дѣломъ принимается въ 1702 г. за изученіе русскаго языка при помощи грамматики Смотрицкаго и чтенія церковныхъ книгъ; впоследствии же переводить и стихами и прозой съ

¹⁾ Дм. Цвѣтаевъ, Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, 1890, стр. 338 и сл.

²⁾ Письма и донесенія іезуитовъ о Россіи к. XVII и нач. XVIII в. 1904, стр. 19.

латинскаго и нѣмецкаго языковъ на русскій ¹⁾), в пасторъ Глюкъ вносить русскій языкъ въ лютеранское богослуженіе ²⁾).

У жителей слободы образуется своего рода „слободской языкъ“, т. е. точнѣе—ореографія: они пишутъ по-русски латинскими буквами, какъ, напримѣръ, Паусъ въ его небольшомъ стихотвореніи, дошедшемъ до насъ въ его черновыхъ бумагахъ ³⁾, или В. Монсъ, о коемъ будетъ рѣчь особо.

Къ концу первой четверти XVIII столѣтія подъ влияніемъ усиленныхъ сношеній съ западомъ и заѣзжими иностранцами, число русскихъ, знающихъ иностранные языки, увеличивается. Берхгольдъ въ своемъ дневникѣ (16 февр. 1722 г.) упоминаетъ о молодомъ кн. Трубецкомъ, говорящемъ хорошо по нѣмецки, о гренадерскомъ капралѣ Апраксинѣ, тоже хорошо знающемъ нѣмецкій языкъ ⁴⁾, не говоря уже о такихъ придворныхъ чинахъ изъ нѣмцевъ, какъ камеръ-юнкеръ Балъ, или тѣ молодые люди знатныхъ семействъ, которые, подобно князьямъ Долгорукимъ, имѣли нѣмецъ-губернеровъ ⁵⁾.

Въ тѣсномъ общеніи съ русской средой, иногда даже окончательно сливаясь съ ней, принимая православіе и становясь русскими и по брачнымъ связямъ и въ смыслѣ новыхъ интересовъ и вкусовъ, иностранцы, большею частью нѣмцы и голландцы, иногда шведы, французы и швейцарцы, естественно и въ области литературной обнаруживали порою нѣкоторое воздѣйствіе на русскихъ, а, съ другой стороны—и сами воспринимали у послѣднихъ нѣчто новое, хотя бы въ видѣ веселыхъ застолийныхъ пѣсень.

Для насъ, собственно говоря, интересно не само по себѣ знакомство иноземцевъ съ русскою рѣчью и, наоборотъ,—русскихъ съ нѣмецкою, а то, что въ области поэзіи могли извлечь другъ у друга обѣ стороны, находившіяся въ общеніи. Мы уже имѣли случай подробно останавливаться на роли нѣмцевъ, какъ насадителей у насъ метротоническаго стихосложенія ⁶⁾. Теперь мы попытаемся собрать данныя для рѣшенія вопроса: не было ли воздѣйствіе нѣмцевъ глубже, не ограничиваясь только переводомъ лютеранскихъ псалмовъ? Собрать матеріалъ и со-

¹⁾ См. наши Исслѣдованія и матеріалы, т. III, ч. 1, стр. 151 и сл.

²⁾ Ibid., стр. 76—82.

³⁾ Ibid., ч. 2, стр. 102.

⁴⁾ Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольда, пер. Дамона, изд. 1902 г., ч. II, стр. 68.

⁵⁾ Исслѣдованія и матеріалы, т. III, ч. 1, стр. 207.

⁶⁾ Ibidem.

общивъ нѣчто, еще не опубликованное,—приступимъ къ поставленному вопросу. Начнемъ нѣсколько издалека.

I.

Въ изслѣдованіи, посвященномъ начальному періоду возникновенія въ Россіи искусственной свѣтской поэзіи ¹⁾, я коснулся отчасти роли завѣзжихъ иностранцевъ, поселившихся въ Россіи въ концѣ XVII столѣтія и, главнымъ образомъ, при Петрѣ Великомъ, и дѣйствовавшихъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Между прочими дѣятелями этого рода мною были указаны: пасторъ Э. Глюкъ и магистръ I. В. Паусъ, какъ одни изъ первыхъ авторовъ, пробовавшихъ создать образцы метротонического стиха на русскомъ языкѣ и пытавшихся пересадить на нашу почву религіозную и любовную лирику протестантской Европы. Но, какъ было упомянуто и въ названной моей работѣ и въ другой, предшествовавшей ей ²⁾, и помимо Глюка и Пауса существовали опыты подобнаго рода.

Библіотека Императорскаго Общества любителей древней письменности владеетъ сборникомъ разнообразныхъ статей, написанныхъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст.; этотъ сборникъ, хранящійся подъ шифромъ Q. N LXIV, включаетъ въ себѣ: Описаніе сибирскаго царства, составленное послѣ 1683 г. ³⁾, Описаніе Новые земли, Историческое описаніе Китайскаго государства, которымъ такъ интересовались европейскіе купцы и миссіонеры конца XVII вѣка, рядъ документовъ и писемъ, изъ которыхъ мы можемъ догадываться о владѣльцѣ сборника: письмо дьяка Л. Домнина къ секретарю Бранденбургскаго курфюрста, Готфриду Вейссу, отъ 19-го февр. 1689 г.; „Надгробное поученіе“ на погребеніе Фр. Лефорта, сказанное пасторомъ Штумфомъ 11-го марта 1699 г.; Письма—Матвѣя Виніуса къ Э. Г. фонъ-Бергену 1701 г., Мих. Ларіонова къ тому же лицу; того же Ларіонова къ сыну Петру въ Берлинъ; документы о турецкой войнѣ 1700 г. и др. Но самыми интересными для насъ статьями являются находящіяся на лл. 184—186 стихотворенія, написанныя къ тому же своеобразнымъ почеркомъ русскаго нѣмца, какой мы

¹⁾ Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. 1902.

²⁾ Истор.-лит. изслѣд., т. I. Изъ исторіи русской поэзіи. 1900.

³⁾ Подробнѣе см. Хр. Лопаревъ, Описаніе рукописей Импер. Общ. Люб. Др. Писем., ч. II, 1893, стр. 103—108.

наблюдаемъ въ писаніяхъ Глюка и Пауса; скажемъ точнѣе — часть рукописи лл. 28—150 чрезвычайно сходна по почерку съ рукописями второго. Къ тому же, соображаясь съ датами занесенныхъ въ сборникъ (силетенныхъ вмѣстѣ) документовъ и выписокъ, мы можемъ отнести и написаніе названныхъ стихотвореній именно къ 1710 и слѣд. годамъ. Меньшая часть ихъ была надана — и не безъ ошибокъ — составителемъ описанія рукописей Общества Л. Др. П. въ текстъ его труда ¹⁾. Предлагаемъ эти стихотворенія въ текстъ, согласно съ рукописнымъ чтеніемъ, раздѣляя лишь кое-гдѣ на стихи написанное слѣтно и ставя знаки препинанія по современному.

Первое стихотвореніе — робкое признаніе въ любви.

- Л. 184.   Похѣти часть сердцемъ (?) моею.
- 1   Щастливъ, иже явно смѣеть
Показати, что терпѣть,
Безъ опасности смѣеть
Дѣшѣ свою объявить
- 5   Тои бо не видаль ²⁾ въ любви
Слези и дыханіе.
- Мнѣ же бѣдному достонть
Искры в ³⁾ пѣпель закопать,
Любовъ часто ихъ роскромтъ;
- 10   Часто можно знознать,
Сто сердце во мнѣ горить,
Хоть языкъ и ротъ молчатъ.
- Звѣзда, еи же я молюся,
Еи же жертвѣ принесѣ,
- 15   Еи же в ⁴⁾ таниѣ поклонюся, —
Знаешь ли, сто я терплю?
Видишь ли любимая,
Какъ скорбитъ дѣша мол?
- Знаешь милая же знаешь,
20   За неволи есть вѣчить
Въ лице твое сто желаешь,
Хоть насъ слѣтчанъ раздѣчить.
Сладость наша есть в любви:
Верность и молчаніе.

Стихотвореніе печатается впервые; характерные признаки манеры

¹⁾ Ibid., 105 стр.

²⁾ Можетъ быть, слѣдуетъ читать „ридаль“.

³⁾ Въ рук. „с пѣпель“.

⁴⁾ Въ рук. „с таниѣ“.

Пауса: *видалъ* — *вм. созидалъ, дыхание вм. въздыхание*; употребление формы *вида* совершеннаго — *принесу* *вм. приношу, поклонюся* *вм. поклонюсь*; дважды *сто* *вм. что*. Манеру Пауса напоминает и (неразобранная, къ сожалѣнію) строчка нѣмецкаго оригинала, предшествующая слѣдующему стихотворенію.

Второе стихотвореніе — изображаетъ безнадежную любовь.

- Л. 184 об. Где нѣе тѣ¹⁾ дни, где их сискати,
 Сто я бедѣ, любовь и плач не зналъ.
 Печаль мя в ²⁾ тѣ поры не мѣшала спати,
 Доволенъ былъ и ничего желалъ.
 5 Ахъ исчезали и пробѣжали,
 А я напрасно их шпят искалъ.
 Нѣе боюсь смерт и смерт желаю,
 Вез жизни бо и без сердца живѣ.
 Хотѣ и не хотѣю, а самъ не знаю,
 10 Сто я слѣзами ѣ неба прошѣ.
 Желѣю слѣди моя бѣды
 И люблю страсти, их же я терплю.
 Звѣзды скажите мнѣ, аще видали
 Несчастію моему подобное.
 15 Глаза мои себѣ бѣдѣ выбрали,
 Прелщало ихъ и мя чаяние.
 Не было ложно и невозможно,
 Стобы довольно бысть сердце мое.
 л. 185. Несчастлива любовь, ты мнѣ вѣлела
 20 Любити то, сто невозможно есть.
 Не полно ли душа моя терпѣла,
 Не полно ли видалъ я твою лѣсть?
 Хоть ѣблажаешь, но ѣбнваешь,
 И сладость твои всѣмъ ѣтрава есть.
 25 Не для того ли мнѣ солнце спало ³⁾
 Чтобы огнемъ своимъ чернито мя?
 Ни для того ли мня небо видало,
 Чтобы жестокимъ ³⁾ мнѣ казатися.
 Плачѣ, рыдаю, слезъ проливаю:
 30 Слезы, рыданіе и плачъ вотще.
 На сто природа мнѣ глаза дарила,
 Иже мнѣ самому не вѣрни сѣть.
 На сто же въ нихъ любовь искры родила,
 Иже сердце во мнѣ нещадно жгѣть.

¹⁾ Въ рук. „с тѣ поры“.

²⁾ Можетъ быть, слѣдуетъ читать: „спало“.

³⁾ Въ рук. послѣднія буквы этого слова неясны.

35

Напрасно чаю и вoadыхаю,
Здыханія моя вѣтры несѣ.

Изъ этого стихотворенія напечатана Хр. Лопаревымъ только послѣдняя строфа. Оно носитъ тѣ же слѣды руки автора-нѣмца: *сто* — нѣсколько разъ, „ничего желалъ“, „сто невозможно есть“; стяженіе, встрѣчающееся у Глюка и Пауса: „*мил*“ вм. *меня*. Если бы можно было съ увѣренностью приписать это стихотвореніе Паусу, то, основываясь на его автобіографическихъ замѣткахъ, возможно было бы также указать и приблизительную дату его сочиненія, именно на 1708 г., когда авторъ былъ по его выраженію „tentatus amore mundaano“¹⁾. Приблизительно къ тому же времени (около 1710—11 гг.) относятся и несомнѣнно принадлежащіе Паусу опыты любовной лирики. Къ сожалѣнію, намъ не удалось разобрать мелко и неразборчиво написаннаго передъ началомъ стихотворенія — не то эпиграфа, не то первой строчки нѣмецкаго оригинала, которому слѣдовалъ авторъ²⁾.

Третье стихотвореніе, состоящее изъ четырехъ строфъ, трудно поддается дѣленію на стихи; по крайней мѣрѣ, не считаемъ наше дѣленіе безусловно вѣрнымъ.

а.

1. 185 об. Ты сѣде спишь, без памяти лежиши,
А на то³⁾ не глядиши
Что я желаю.
Распѣдися дѣша моя, я молю тя,
Приди послушай мя,
Что я спѣваю.

в.

Очи твои да бѣдетъ мне звезды
Сияющаго наче⁴⁾
Дня пресвѣтлаго⁵⁾.

¹⁾ Исслѣд. и матер. т. III, стр. 272.

²⁾ Кажется, можно прочесть слова: „so sehr mir... hin...“ (?).

³⁾ Въ рукоп. „на то“.

⁴⁾ Въ рукоп., очевидно, по неполному пониманію списывавшей нѣсенки или по небрежности, эта строчка читается такъ: „ющаго наче си“; въ текстѣ — предположительное возстановленіе.

⁵⁾ Въ рук., кажется, „пресвѣтлаго“.

Лѣна, солнце и звѣзды мнѣ вотще,—
 Ты, ты свободи мне ¹⁾
 ѿ тма ноцего.

Хоть ненависть зѣбами люто грысть
 ѿтого насъ коры ²⁾
 Пѣсть ревноваетъ,
 Верна любовь ѿ множества враг
 ѿ тажены(хъ) трудовъ
 Не исчезаетъ.

Д.

Что я лежѣ и на тебѣ смотрю?
 Лѣта ³⁾ благо мое
 Обнять рѣками.
 Прости дѣша, усни любимая,
 А я свои глаза
 Мочѣ слезами.

Это стихотвореніе впервые печатается нами. Оно дошло въ плохомъ спискѣ, третья строфа особенно испорчена до совершенной потери смысла и разрушенія размѣра. Слѣды живой рѣчи автора (а можетъ быть—перенисчика?) слышатся въ словахъ *распѣдися* вмѣсто *разбудися* (= пробудися); *да бѣдетъ* вмѣсто *да будутъ* (звѣзды, очи), вмѣсто „от тѣмы ноцныя“ (или — ночной) — уродливое образованіе во вкусѣ Пауса „ѿ тма ноцего“; *ревноваетъ* — вмѣсто *ревнуеть*. Небрежность списка ясна изъ примѣчаній, гдѣ предложены и нѣкоторыя поправки. Отмѣтимъ полонизмъ „спѣваю“ въ строфѣ а. Списокъ этой пѣсни имѣется въ рукописномъ пѣсенникѣ начала XVIII вѣка, принадлежащемъ проф. В. О. Ключевскому. Этотъ списокъ, къ сожалѣнію, оказался для насъ недоступенъ.

На четвертомъ мѣстѣ въ сборникѣ О. Л. Др. П. Q. N LXIV стоятъ семь небольшихъ стихотвореній, точнѣе строфъ, представляющихъ нѣчто въ родѣ застольной пѣсни. Эти строфы изданы въ названномъ „Описаніи“ г. Хр. Лопарева, но, вѣроятно, по небрежности типографіи, съ значительнымъ количествомъ (до 20) погрѣшностей про-

¹⁾ Должно быть, слѣдуетъ читать: „мня“.

²⁾ Можетъ быть, слѣдуетъ читать: „коры(отъ)“?

³⁾ Можетъ быть, слѣдуетъ исправить въ другіхъ любимыхъ Паусомъ и Глюкомъ арханомовъ „лѣтъ“?

тивъ рукописнаго текста и пропускомъ отдѣльныхъ словъ ¹⁾). Издаемъ эти строфы въ исправленномъ видѣ, согласно съ рукописью, раздѣляя на стихи (по шести въ каждой); знаки препинанія—по современному; нумерація строкъ въ рукописи—славянскими буквами ѣ, ѥ... и т. д.

1.

х. 185 об. Для чего не веселится?
 Богъ вѣсть, где намъ взавтра быти!
 Время скорѣ изнурится,
 Яко рѣка, пробѣжитъ:
 И еще себя не знаемъ,
 Когда к гробу прибѣгаемъ.

2.

Гдѣ ѥне все богатыри,
 Цесарь Александръ ²⁾ гдѣ ³⁾?
 Яко беднѣ пастыри,
 Смертно вси скончались.
 Црство црство здоляетъ,
 Само же х концу поспѣваетъ.

3.

Мудрость, развѣкъ, честь и слава,
 Красота, сокровища, —
 Исчезаютъ, яко трава,
 Яко же сень наши дни.
 Всѣ, что время созидаетъ,
 Время таже погѣбляетъ.

4.

Свѣтъ и всѣ, что въ немъ мне ⁴⁾ даромъ,
 Я веселье возлюблю
 Чести, слава токмо яромъ ⁵⁾,
 Аз же ихъ потрезвѣю.
 Да' инымъ богатымъ быти:
 Мне довѣдетъ свѣтло жити.

¹⁾ Напр., опущены въ 3,4 сена, въ 5,6—амд.

²⁾ Въ рук. з вставлено позже.

³⁾ Въ рук. е исправлено на ѥ—позже.

⁴⁾ Можетъ быть, слѣд. читать: „мню“, ибо въ этой, какъ и въ другихъ рукоп. того же времени, скорописныя е и ю порою очень сходимъ по начертанію.

⁵⁾ Т. е., яремъ = тяжесть, бремя.

5.

Мало' воръ, куда ты ходишь?
 Да' мне ренско в сахаром.
 Брат Маса'ской, куда ты бродишь?
 Поднеси на^м все^м кругомъ.
 За здорвье, кого мы знаемъ!
 Да' ему Богъ, что мы желаемъ.

6.

Вамъ, Голицынымъ, скончати.
 Князь Иванъ, до тебѣ я пишу!
 Князь Борисъ, изволь насъ ждати:
 Завтра я к тебѣ приду.
 Дружба наша такъ велела;
 Хлеб да соль — заемная дѣла.

7.

Хоть насъ ревность всуждаеть,
 Мы съвѣмся рѣвности.
 Сердце наше токмо знаетъ,
 Пожити во радости.
 Когда смерть житье скончала,
 Радость наша исчезала.

И размѣръ и языкъ этихъ строфъ — сродни тому, что находимъ у Пауса; не настаивая на принадлежности этихъ строфъ его авторскому перу, отмѣтимъ характерныя слова — по употребленію и по орфографіи, отражающей произношеніе писавшаго: *взаетра* (zu тогген?); *богатиры*, *время*, *дружъ*, *потрезвѣю*, *кѣди*; къ этимъ примѣрамъ, пожалуй, можно отнести и послѣдніе стихи пятой и седьмой строфъ.

Кто были упоминаемые въ строфѣ 6-й кн. Голицыны? Соображаясь съ хронологіей и также и съ содержаніемъ пѣсни, можно высказать предположеніе, что кн. Борисъ Голицынъ — извѣстный дядька Петра Великаго, кравчій, человѣкъ образованный, знавшій латинскій языкъ и не чуждавшійся иностранцевъ; но Корбъ упоминаеть о его грубости съ музыкантами поляками и учителемъ его дѣтей; de la Neuville рассказываетъ, какъ кн. Борисъ навязался къ нему на обѣдъ и безъ церемоніи отослалъ понравившіяся кушанья своей женѣ, а съ собою захватилъ конфеты. Иностранцы называютъ его не иначе, какъ пьяницей, да и самъ кн. Борисъ въ письмахъ къ Петру Великому упо-

минаетъ объ этой своей слабости ¹⁾. Кн. Иванъ — братъ кн. Бориса Алексѣевича, принимавшій участіе въ возведеніи на престолъ Петра Воликаго ²⁾; онъ же, кажется, подписалъ приговоръ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. На отношенія кн. Голицыныхъ къ нѣмецко-русскимъ поэтамъ указываютъ данныя переписки со. іезуитовъ; такъ, о кн. Борисѣ Алексѣевичѣ Голицынѣ о. Фр. Эмилианъ уже въ 1699 г. доносилъ своему начальству, что это — самый большой врагъ католичества — и, вѣроятно, другъ лютеранъ и кальвинистовъ ³⁾.

Князь Масальскій — можетъ быть, участникъ походовъ въ Крымъ, сорившійся съ кн. В. В. Голицынымъ въ 1686 г. ⁴⁾.

II.

Имя Виллима Монса, блестящаго адъютанта, камеръ-юнкера и, наконецъ, камергера при дворѣ Петра Великаго — достаточно извѣстно въ исторіи интимной жизни русскаго двора; извѣстна роль этого авантюриста, смѣлаго, увѣреннаго, сохранявшаго самообладаніе въ своихъ многочисленныхъ авантюрахъ вплоть до послѣдней, приведшей его въ цвѣтѣ лѣтъ на эшафотъ. Почти все, что представляетъ интересъ въ его судьбѣ, собрано М. И. Семевскимъ въ его монографіи „Царица Катерина Алексѣевна, Анна и Виллиамъ Монсъ“. 1692—1724 (2-ое изд. 1884 г.), особенно же интересны тѣ страницы, гдѣ сообщаются выписки изъ писемъ Монса, его записной книжки и стихотвореній, его собственныхъ и Егора Столѣтова, его секретаря и довѣреннаго человѣка. Это-то послѣднее обстоятельство, причастность Монса къ зарождавшемуся литературному движенію начала XVIII ст., и привлекло къ нему наше вниманіе. При содѣйствіи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ намъ удалось получить разрѣшеніе пересмотрѣть документы, относящіеся къ В. Монсу, и извлечь все, что представляетъ интересъ для исторіи начального періода русской лирической поэзіи, основанной не на развитіи элементовъ, заключавшихся въ народ-

¹⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, изд. тов. „Общ. Польза“, кн. III, столб. 1061 и сл. и IV, столб. 217—218.

²⁾ Тамъ же, кн. III, столб. 891.

³⁾ Письма и дописанія іезуитовъ о Россіи к. XVII — нач. XVIII в., 1804 г., стр. 24—25, ср. 32—33, 68.

⁴⁾ *Соловьевъ*, *ibid.* III, столб. 1005.

ной пѣснѣ, а на усвоеніи новыхъ пріемовъ и понятій, сложившихся подъ вліяніемъ Запада и его литературы. Не можемъ утверждать, что наши поиски были успѣшны: многого того, что было въ рукахъ М. И. Семевского, намъ не удалось разыскать. Но зато — мы нашли нѣчто ускользнувшее отъ внимательнаго взора этого трудолюбиваго ученаго.

Ниже мы подѣлимся съ читателемъ своими находками и сведемъ все, что извѣстно до сихъ поръ о стихотворныхъ опытахъ В. Монса и его конфидента на русскомъ языкѣ; нѣмецкія же стихотворенія перваго интересуютъ насъ лишь постольку, поскольку могутъ иллюстрировать настроеніе и пріемы этого автора.

Рано начавшій влюбляться и вести любовныя интриги В. Монсъ ухаживасть разомъ за нѣсколькими, умѣя отъ одной скрывать свои похождения съ другими. Записная его книжка богата отрывками, матеріалами для будущихъ любовныхъ посланій на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ: „мое сердце ранено... разъ вечеромъ... мое сердце влюблено до смерти“, „нѣтъ ничего вѣчнаго на свѣтѣ—но ты, которую я люблю должна быть вѣчна... мое сердце съ твоимъ всегда будетъ едино... Моя любовь—мое горе“... Огъ „самъ не свой“, „свобода исчезла“, судьба назначила ему какую-то силу: все это — и страсть, и романическій вечеръ, раненое влюбленное сердце, страданіе въ одиночествѣ, меланхолія по поводу невѣчности всего земного, любовь—источникъ страданія,—все это „матеріалъ къ сентиментальному посланію“, какъ справедливо замѣчено было уже М. И. Семевскимъ ¹⁾. Все это, поскольку можно судить изъ литературныхъ документовъ XVII вѣка—совершенно новая, чуждая русской пѣснѣ фразеологія, только съ самаго конца XVII вѣка начавшая пробиваться въ искусственныя, тяжеловѣсныя вирши первыхъ авторовъ любовныхъ пѣсенокъ ²⁾.

В. Монсъ умѣло пользуется этою фразеологіей и въ своей интимной перепискѣ и въ стихотвореніяхъ. Совершенно какою-то новой, не обычной въ старомъ русскомъ бытѣ галантностью звучать хотя бы такіе обороты его писемъ: „ласточка дорогая, изъ всего свѣта любимѣйшая“, „Сердечное мое сокровище и ангель и кунидонъ со стрѣлами, желаю веселаго добраго вечера“, „почему не прислала мигъ послѣдняго поцѣлуя?“, „Если бы я зналъ, что ты невѣрна, то я прок-

¹⁾ Семевскій, Царца Катерина Алексѣевна, стр. 95.

²⁾ См. наши Исслѣдованія и матер., т. I, ч. 2, стр. 188—189.

лялъ бы тотъ часъ, въ которомъ познакомился съ тобою. А если и ты меня хочешь ненавидѣть, то *покину жизнь* и предамъ себя горькой смерти“, „Остаюсь, мой ангелъ, вѣрный твой слуга по гробъ“⁴); „...Какъ я прочелъ письмо отъ вашей милости присильное (=присланное), то я *не могу удержать слезъ* своихъ <отъ> жалости...“, „Ахъ, счастье мое нечаянное!“, „счастливая фортуна“, „...сердце мое такъ стиснуто, что невозможно вытерпѣть и *слезъ въ себя удержать* мушу“⁵), „Я плакалъ о томъ, что ваше сердце *рудой обмлось* такъ, какъ та присильная красная лента“, „...*сердце ваше*, въ письмѣ дано знать, *тоскливое*“, „...я вашей милости рабъ и на семъ свѣтѣ вѣрный тобѣ одной государини сердечной“, „пока живъ, остаюся въ вѣрности...“, „Прими недостойное мое сердце своими бѣлыми руками“, „услужливое сердце“, „Прости, радость моя, со всего свѣта любимая“.

Ту же фразеологию любовныхъ посланій, тотъ же стиль—сентиментально приподнятый и слезливый—мы находимъ и въ безспорныхъ опытахъ В. Монса въ стихахъ на нѣмецкомъ и на русскомъ „свободскомъ“ языкѣ, на примѣръ:

...„Und also lieb ich mein Verderben,
 Un heg' ein Feuer in meiner Brust,
 Daran zuletzt ich doch muss sterben.
 Mein Untergang ist mir bewusst.
 Das macht ich lieben wollen,
 Was ich gelit verehren sollt;
 Dennoch geschichts mit grosser Lust...“

Къ сожалѣнію, при нашихъ поискахъ за рукописями, которыми пользовался М. Семевскій и изъ коихъ извлекъ помѣщенныя у него⁶) отрывки стихотвореній,—мы успѣха не имѣли; поэтому приводимъ и цитированный отрывокъ на нѣмецкомъ языкѣ и нижеслѣдующій—на русскомъ по тексту въ „Приложеніяхъ“ къ труду названнаго автора, но въ транскрипціи и съ исправленіемъ мѣстъ, гдѣ Семевскій допустилъ явныя отступленія отъ оригинала.

¹) Семевскій, стр. 97.

²) Въ рукоп. „мужу“; Семевскій, поправляетъ „не могу“, но наша поправка проще, даетъ удовлетворительный смыслъ (=долженъ) и въ духѣ употребительнаго тогда любовнаго стили, сложившагося подъ малороссійскими и польскими вліяніемъ.

³) М. Семевскій, Царца Катерина Алексѣевна, изд. 2, стр. 98, 215 и 283 — 284.

1.

Ах, сто ест свет и в свете, ах все пративнас,
 Не магу жит, не умерти, *серца таскливоа,*
 Долго ты мучилса, нет упокой сердца,
 Купидо воръ прокляты, вельми радутса ¹⁾.

2.

Пробил стрелою сердца, лежу бес памети,
 Не магу я ачнутца, і очимы ²⁾ *плакати:*
 Таска великая, сердца ³⁾ кривавая,
 Рудою запеклоса и всо прабитая ⁴⁾

Здѣсь—тѣ же черты, что и въ письмахъ: подчеркнутыя мѣста совпадаютъ почти буквально съ соответственными выраженіями, извлеченными изъ любовной переписки В. Монса.

Но кромѣ этого и другихъ нѣмецкихъ стихотвореній, извлеченныхъ Семейскимъ изъ записной книжки Монса, мы имѣемъ основаніе считать принадлежащими тому же автору еще нѣсколько стихотвореній, найденныхъ нами въ бумагахъ повѣреннаго Монса, Егора Столѣтова (Государственный Архивъ, XI разрядъ, № 42). Они извлечены нами изъ небольшой тетрадки въ 8 листовъ 4° обыкновеннаго формата ⁵⁾. Судя по обложкѣ, можно думать, что когда-то въ ней было нѣсколько болѣе листковъ. Часть стихотвореній принадлежитъ безспорно къ числу народныхъ пѣсенъ, записанныхъ Столѣтовымъ; часть же—пѣсенки литературнаго, искусственнаго склада, отличающія своимъ стилемъ, расположеніемъ содержанія тѣ же приемы сентиментальнаго нѣмецкаго творчества, какіе мы констатировали и въ несомнѣнныхъ твореніяхъ Монса.

Первое стихотвореніе изъ двухъ строфъ — укоризненнаго содержания.

¹⁾ Въ оригиналѣ (*Семевскій*, Приложенія, 283): „radagitsa“, прочтено первымъ издателемъ: „радуется“.

²⁾ Въ оригиналѣ: „i otzimy“, *Семевскій*—„и очи“.

³⁾ Въ оригиналѣ, если вѣрна копія *Семевскаго*, „schnotze“, принимаемъ чтеніе *Семевскаго*; но, можетъ быть, лучше читать „с ночи“?

⁴⁾ Въ оригиналѣ: „praditaja“, если только копія вѣрна; *Семевскій*: „пробитое“.

⁵⁾ Пѣсни записаны скорописью, не всегда достаточно разборчивою; стараемся ниже передать ихъ, какъ можно, ближе къ рукописи; знаки препинанія и большія буквы—наши.

1.

Ты что чинишь и что ты делаешь,
И ва думахъ лежишь, мое сер^цо гѣбишь?
Для чево такъ? я не бываю твоей врагъ.
Будъ ¹⁾ верность моя тебѣ подана.

2.

Отънись дѣла, зѣманъ ото сна,
Проклени врага, да и неверного.
Отъманся отъ сна, пробудися,
Во^глянь, обрадѣи мя в таске бе^виннова.

Второе стихотвореніе — жалоба женщины на желающаго разлучить ее съ милымъ:

Ахъ бедная, ахъ, что я дѣлала:
Мне бы^ престрашномъ сонъ.

г. 1 об. Проклятомъ врагъ, потъ вопъ!
Дляча мнѣ мстишь?
Проклятомъ врагъ, лестишь
И милова манишь —
Прочь отгоняешь.

Въ третьемъ стихотвореніи — женщина желаетъ быть вѣрной
милому:

г. 1 об. Не могу жить,
Чтобы милова забыть.
Я мушу верна слы^
И не зпечалить.
Не вражество
И не проклятельство
Мя с милымъ ра^лучи^.
Данъ все верна жить.

Четвертое стихотвореніе заключаетъ въ себѣ выраженіе благодарности автора и представляетъ какъ бы отвѣтъ на предыдущее:

Радѣюся, что сер^цо верная
Я себѣ полъчи^
И всемъ тоскѣ о^бы^.

¹⁾ Въ рукоп. „бун“.

- л. 2. Радость моя нем'реченная, ||
По векъ я свон(мъ) *) почти
Твое сер'цо верная.

Особенно типичнымъ, сильно отдающимъ духомъ сантиментальныхъ понятій и популярной, полулитературной-полународной пѣсни, со всею манерностью этого вида поэзии, кажется намъ слѣдующее стихотвореніе, сохранившееся въ бумагахъ Столѣтова, но, по нашему мнѣнію—принадлежащее его патрону и лишь переписанное имъ, съ нѣкоторымъ, можетъ быть, уничтоженіемъ рѣзкихъ чертъ нѣмецкаго произношенія и „слободской“ орфографіи.

1.

- л. 3. Вы, забавны часы, где вы девалися?
Ахъ, вы все пропали и мне безвестны,
Для того, что я противность ѣнче получи'.
Вы, забавны часы, гдѣ вы девалися!

2.

Пресь *) сего могъ и'дева'ца, гдѣ всегда получа',
И радощно" сер'цомъ противная печа'
Выхваленою нравъ всякой восхваляеть.
Пресь сего могъ издава'ца, гдѣ всегда получалъ!

3.

- л. 3 об. Ахъ, которая печа' легла гъ в моемъ сер'це,
И печалномъ сер'цѣ все безвестная. ||
Где твоя верна мысль? мой ангель атлетель. *
Ахъ, которая печа' легла в моемъ сер'це!

4.

Ахъ, вы, все прошедши, вы веселые дни,
Я ѣнче понма"! ахъ, в ма вспомени.
Вы, хорошия стрелы, всегда вамъ услужа'.
Ахъ, вы, все прошедши, вы веселые дни!

5.

Живите в забаве и не печальтесь.
Если мне счастья бѣде', то ты в моемъ сер'це

*) Въ рукоп.: „я свон“.

*) = „Прежъ“, съ ассимиляціей послѣдующему согласному.

Надежда пребудѣе¹⁾, я надеюсь...
Живите в забаве и не печальтесь. ||

6.

л. 4. Ахъ, останся верна, хотя вы вдали.
Мя никто не олъчить, то обещаюсь вамъ
Для того, что нету в свете милая васъ.
Ахъ, астанся верна, хотя вы вдали!

7.

Для того посылаю я мысль свою к вамъ,
А те мыслены стрелы всегда в моемъ серъце.
Ахъ, прошъ, безвременна не умари меня...
Для того посылаю я мысль свою к вамъ.

8.

л. 4 об. Ахъ, забавные часы, вы вернетесь!
Ахъ, кабы выи || лъчы²⁾ серъце обрадѣли³⁾.
Ахъ, умилися и провернись серъце свое⁴⁾ ко мне.
Ахъ, забавные часы, вы вернетесь!

По формѣ это стихотвореніе довольно рѣзко отличается отъ трехъ предыдущихъ, болѣе простыхъ, и стоитъ по манерѣ и стилю въ непосредственной связи съ русскимъ стихотвореніемъ Монса, изданнымъ Семевскимъ, и съ любовной перепиской, изъ которой мы привели выше отрывки. Искусственно построенный, обдуманый планъ этого стихотворенія ставить его совершенно особо среди другихъ опытовъ *русскихъ* стихотворцевъ, а также и Егора Столѣтова, который хоть и записывалъ любимые или модные романсы и пѣсни, однако, врядъ ли самъ грѣшилъ кропаніемъ стиховъ. Какъ и въ другихъ стихотвореніяхъ Монса—мы находимъ игнорированіе средняго рода: слова—сердце, счастье—у него всегда почти являются въ формѣ сѣрдца, счастья; сердце—результаты поправки переписчика, въ другихъ мѣстахъ, впрочемъ, не справившагося съ своей задачей и сохранившаго выраженія въ родѣ „обрадѣли“ „провернись серъдцу свое“,

¹⁾ Возможно, что здѣсь неудачная передача „слободской“ орфографіи и слѣдуетъ читать, исправивъ: „пребудѣшь и“; въ рукописи неясно, я или и.

²⁾ Въ рукоп.: „лъчы и і (?)“, исправляемъ по догадкѣ.

³⁾ Вм. „обрадовали“, подававшего надлежащаго ритма.

⁴⁾ Слѣдовало бы исправлять: „проверни серъце свое“ или „провернись сердцемъ своимъ“.

„*посылаю мысль*“, „*о мя вспомени*“ (ср. нѣм. *sich erinnern an etwas, sich besinnen auf etwas*). Грѣхомъ переписчика, вѣроятно же всего, судя по почерку Е. Столѣтова, — являются и искаженія въ пятой и восьмой строфахъ.

Имѣлъ ли стиль Монса и ему подобныхъ стихотворцевъ влияніе на его русскихъ современниковъ? Для русскихъ авторовъ начала XVIII вѣка фразеологія пѣсеннокъ Монса не прошла безслѣдно: сходные обороты рѣчи и образы встрѣтились намъ не разъ.

Къ первой и пятой строфѣ имѣемъ такую параллель:

„Забавы всѣ скрылись знать отъ меня вечно,
... Вся моя забава во слезахъ рыдальтъ“¹⁾;

или—

„Где прежнія моя забавы девались“²⁾

что буквально совпадаетъ съ выраженіемъ Монса.

Къ седьмой строфѣ—параллель того же времени:

„Долголь вамъ напасти безотлучно быти,
Аль хотите беднаго вечно уморити“³⁾.

Въ пѣсняхъ того же сборника, списаннаго въ 1762 г., какъ отклики старины, читаемъ:

„Полна тщетна мысль сердце бедно ласкать,
Полно умножать скорбь мою и мрачить мой ужъ“⁴⁾.

Или—

„Разорви оковы те и разруши мой пленъ...
Ободрися слабой мой духъ, и не будь смущенъ.
... Водрствуй духъ тогда, когда борется страсть“⁵⁾.

Наконецъ—

„Ах, надеелось сердце, не знаю какъ быти;
Ах, все сокрушилась, нечемъ пособити“⁶⁾.

Ограничимся пока этими примѣрами. Дальнѣйшее изслѣдованіе значительно расширить ихъ кругъ.

¹⁾ Рук. Тверск. Музея. № 823, л. 89 об.

²⁾ Ibidem, № 152, 53.

³⁾ Рук. № 823, л. 89 об.

⁴⁾ Ibid., л. 90 об.

⁵⁾ Ibid., л. 90.

⁶⁾ Ibid., л. 70 об.

Указанными стихотвореніями исчерпывается все, что намъ лично известно изъ твореній В. Мюсса. Остальныя пѣсни, заключающіяся въ дѣлѣ Государственнаго архива о Столѣтовѣ, по своему стилю такъ рѣзко отличаются отъ вышеприведенныхъ, что не можетъ быть и рѣчи о тождествѣ ихъ авторовъ.

III.

Самымъ близкимъ лицомъ къ В. Мюссу въ его операціяхъ дѣлового характера, а, можетъ быть, и въ веденіи любовныхъ интригъ, былъ Егоръ Столѣтовъ, блестящая характеристика котораго дана г. Семевскимъ въ цитированномъ выше сочиненіи. Для насъ интересно то, что этотъ плутоватый канцеляристъ, дважды прогнанный со службы и не миновавшій наказанія по осужденіи Мюсса, былъ по своему времени человѣкомъ довольно образованнымъ, зналъ языки нѣмецкій и польскій, хотя, какъ увидимъ,—послѣдній весьма неважно. Ему приписываютъ Севевскій сочиненіе чувствительныхъ романсовъ на русскомъ языкѣ. Поскольку могутъ они считаться его сочиненіемъ, представляется намъ въ значительной мѣрѣ вопросомъ.

Среди бумагъ Столѣтова, въ дѣлѣ Государственнаго Архива № 42, XI разряда—мы не нашли тѣхъ пѣсней, которыя изданы М. Севевскимъ, хотя, повидимому, онѣ находились въ этомъ дѣлѣ. Поэтому воспроизводимъ тексты ихъ по печатному изданію, сопровождая ихъ вариантами изъ другихъ списковъ, болѣе поздняго времени; а затѣмъ—сообщимъ тѣ новые тексты, которые были оставлены безъ вниманія Севевскимъ.

Первая пѣсня—жалоба женщины, покидаемой сердечнымъ другомъ и готовою лишиться себя жизни отъ горя.

1 1).

1 Охъ ²⁾, свѣтъ мой горькій ³⁾ моея ⁴⁾ молодости ⁵⁾,
Печально ⁶⁾ терпѣть ⁷⁾, не имѣю радости,

¹⁾ Варианты изъ рукон. Тверскаго музея № 823, 1762 г., л. 71—и обор.; чисто орфографическіе—не отмѣчаемъ.

²⁾ Ахъ.

³⁾ Горька.

⁴⁾ Опущено.

⁵⁾ Молодость.

⁶⁾ Печаль.

⁷⁾ Сердце и...

- Мои утѣхи въ ¹⁾ плачь ся ²⁾ превратились,
 Мои роскоши уже прененились ³⁾.
- 5 Тяжка ⁴⁾ туга мене сокрушаетъ ⁵⁾,
 Злая же печаль жизни мя лишаетъ ⁶⁾.
 Хоть ⁷⁾ пойду въ сады или въ виноградъ ⁸⁾
 Не имѣю въ сердцѣ ⁹⁾ ни малой отрады.
 Другъ мой сердечный ¹⁰⁾ прочь отъѣзжаетъ ¹¹⁾,
- 10 Меня бѣдную въ горѣ оставляетъ,
 Иже ¹²⁾ обязанъ союзомъ сердечнымъ,
 Въ любви сопряженъ ¹³⁾, въ вѣрности негѣстной ¹⁴⁾,
 Которой во всемъ хотѣлъ ¹⁵⁾ быть вѣрнымъ,
 Мнѣ же до смерти никакъ ¹⁶⁾ неотгнѣннымъ.
- 15 Нынѣ ¹⁷⁾ отъ очей моихъ онъ ¹⁸⁾ сокрылся ¹⁹⁾,
 Ахъ, горе, горе, уже ²⁰⁾ удалился ²¹⁾.
 Кого ²²⁾ бѣдная ²³⁾ сердечнѣ ²⁴⁾ любила,
 Того несчастьемъ ²⁵⁾ своимъ утратила,
 Восьму съ печали преострыя ²⁶⁾ мечи,
 20 Промолвию въ горѣ такіе азъ ²⁷⁾ рѣчи ²⁸⁾.

¹⁾ Доб. все в...²⁾ Опущ.³⁾ Стихъ опущенъ.⁴⁾ Тяжка.⁵⁾ ... туга в дѣломъ разлѣчила.⁶⁾ ... печаль меня сокрушила.⁷⁾ Хотя.⁸⁾ Въ виноградѣ (очевидно описка).⁹⁾ В ср^дце.¹⁰⁾ Верно и.¹¹⁾ Ѳтъѣзжаетъ.¹²⁾ Ужъ ѣмъ.¹³⁾ Постыженъ.¹⁴⁾ Нелеснымъ.¹⁵⁾ Хотѣлъ во всемъ...¹⁶⁾ Ни с чѣмъ.¹⁷⁾ А нынѣ.¹⁸⁾ Дрѣгъ мой.¹⁹⁾ Скрылся.²⁰⁾ Что ѣмъ.²¹⁾ Удалился.²²⁾ Того жъ.²³⁾ Вѣдна.²⁴⁾ Нелесна.²⁵⁾ Несчастьемъ.²⁶⁾ Преострыя.²⁷⁾ Такими.²⁸⁾ Дальшѣйшее—опущено.

- „Безчасный той день, въ онъ же азъ рожденна,
 „Почто на свѣтъ тако сотворенна!
 „За вѣрность мою легко мнѣ умреть,
 „Вѣчной слухъ будетъ, ахъ, объ моей смерти.
 25 „Пробью на мечи свои бѣдные перси,
 „Отъ чего умру, ты самъ другъ мой вѣси“.

Изъ вариантовъ, приведенныхъ въ примѣчаніяхъ по списку 1762 г., видно, что пѣсня Столѣтова, попавши въ сборники пѣсенъ и кантовъ, претерпѣла рядъ обычныхъ измѣненій вплоть до утраты конца, послѣднихъ стиховъ (21—26). Независимо отъ сюжета, трагующаго нерѣдкій въ жизни случай, складъ пѣсни, ея фразеологія, близкая, какъ можно догадываться, къ народно-пѣсенной, помогли ей продержаться нѣкоторое время въ репертуарѣ любителей пѣнія XVIII вѣка ¹⁾. Приемъ изображенія безнадежной, безутѣшной скорби по покинувшему дѣвушку (женщину) другъ, использованный въ пѣснѣ Столѣтова, мы встрѣчаемъ теперь въ пѣсняхъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ, малорусскихъ. Такъ, въ одной пѣснѣ, извѣстной на сѣверѣ Россіи (см. Пермскій сборникъ, II, стр. 35, № 4), покинутая дѣвушка также ищетъ, хотя и напрасно, утѣшенія въ природѣ, и при томъ въ сходныхъ съ нашею пѣсней выраженіяхъ. Ту же пѣсню приводимъ по нашей записи, сдѣланной въ 1890 г. въ Крест. уѣздѣ, Новгородской губ.:

„Горе большое, великое,
 Печаль моя несносная!
 Куда бѣжать, тоску дѣвать?
 Пойду съ гора во чисто поле...“.

Дѣвушка хочетъ нарвать цвѣтовъ и сплести вѣнокъ „своему дружку на головушку“, чтобы онъ ее не забывалъ. Въ бѣлорусской пѣснѣ, записанной въ Виленской губ. въ половинѣ XIX столѣтія (Этногр. сборникъ, вып. I, 1853 г., стр. 269)—въ вариантѣ той же пѣсни:

„Ты праснай, праснай, весь бѣлай звѣты!
 Ты праснай, праснай, мой милай другъ!
 Я пайду, малада, ва тсемнай гѣсь...
 ... Я пайду зъ гора у чисто поля...“.

Интересно, что въ малорусской пѣснѣ тотъ же сюжетъ принялъ

¹⁾ Напримеръ, хотя бы „сады—винограды“, ср. въ массѣ великор. пѣсенъ, и бѣлор. Шейнъ, 453 и др.

балладную, какъ бы повѣствовательную форму: дѣвушку любить, уланъ и покидасть, а на что—и самъ про то не знаетъ; онъ оставляетъ ее одну. Она рѣшается:

„Ой я зъ горя іду въ чисте поле, іду прохожуся...“.

Она сажаетъ червону калину и слышитъ себѣ совѣтъ не печалиться.

Не чуждъ поздней народной пѣснѣ и мотивъ—смерть отъ любви и угроза умереть.

„Сады винограды“, помимо народныхъ великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ уже въ XIX столѣтіи, находимъ и въ пѣсняхъ искусственныхъ XVIII вѣка, иногда—малорусскаго происхожденія, на примѣръ:

„Хощь понду в сады, албо в винограды:
Не маю в себѣ ни жадной отрады“¹⁾.

2.

Вторая пѣсня изъ бумагъ Столѣтова представляетъ нѣчто типичное по своему строенію, выраженіямъ и манерѣ для всего перваго періода возникновенія и существованія у насъ искусственной любовной лирики.

- Охъ! жалю несносны, гдѣ алаты гѣта,
Очи, которы заживають свѣта?
Зѣло убо тяжко оныхъ погубити,
О коль есть прискорбно безъ зрѣнія жити.
- 5 Не жаль ли то тяжко утраты зраки
Да бы ся вернули во обитель нахи.
Кто убо бы не радъ сидевой годинѣ,
Кто убо бы зѣло не тѣшился вынѣ.
- 10 Днесъ же азъ презѣлно оными страдаю,
Сердцемъ, всѣми члени, въ полы умираю.
Понеже вся радость отъ мене лишена,
Яко глава моя лютѣ уязвлена.
О злобное время, не полно ль ти было,
Что и въ прежнія гѣта тѣмъ мене язвило.
- 15 Нынѣ нашиаче горестъ мнѣ явлешь,
Ясности пріятной отлучить желаешь.

¹⁾ Рукон. Тверского музея № 152, л. 67; „сады винограды“—въ рук. Имп. Публ. Библ. Q. XIV, № 127, пѣсня 113-я, нами Иасл. 1, часть 2, стр. 180.

- Убо азъ надежду полагаю въ Божѣ,
 Онъ мя да врачуетъ въ милости на мнозе.
 Аще и зла болѣзнь мене обложила,
 20 Главу, умъ, мысль, волю жестоко смирила.
 Аще и никто мнѣ не поможеть,
 Но ты, о прещедрый и всекрѣпкій Боже.
 Ибо всю надежду на тя полагаю,
 И отъ тебе пріяти всяку благодсть чаю.

Характерной особенностью этой записи Столѣтова является обилие славянизмовъ: златыя, зѣло, убо, зраки, пакы, сицевой, превѣлно, азъ, аще, главу, ты и пр., которые здѣсь представлены гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ другихъ его записяхъ и вообще въ пѣсняхъ самыхъ старыхъ записей, за исключеніемъ очень немногихъ; отмѣтимъ малороссизмы: жалу, заживаютъ свѣта... Это стихотвореніе по всѣмъ признакамъ наиболѣе раннее изъ всѣхъ другихъ, внесенныхъ въ тетрадь Столѣтова. Вариантовъ его намъ не встрѣчалось.

3.

Третье стихотвореніе—плачь поиннутой по миломъ; приводимъ его съ вариантами изъ списка въ сборникѣ пѣсенъ и кантовъ Тверскаго музея, № 152 (3199), составленнаго около 1760 года (л. 48 об.):

- 1 О коль тягость ¹⁾ голубю безъ перья летати,
 Столь мнѣ безъ друга мила тошно ²⁾ пребывати.
 И ³⁾ теперь я, младенца, в слезахъ унываю,
 Что я друга сердечна ⁴⁾ давно не видаю.
 5 Никакой в сердцѣ ⁵⁾ своею радости нежаю,
 Ниже коей утѣхи в себѣ обретаю.
 Токио всегда младенца горко болѣваю,
 Что я безъ друга мила в свѣтѣ семъ горюю.
 Не могу в сердцѣ ⁶⁾ своею радости имѣти,
 10 Дологъ друга мила не возмогу зрѣти;
 Языкъ бо мой не можетъ не ⁷⁾ съ кѣмъ говорити,
 И очи мои не могутъ на иного ⁸⁾ зрѣти.

¹⁾ Тв. рукоп.—„тягостно“; то же и въ текстѣ книги Семевскаго, стр. 164, но чтеніе „тягость“ соответствуетъ требуемому числу слоговъ въ 13-сложномъ стихѣ.

²⁾ ... мнѣ тяжко безъ друга мила...

³⁾ А.

⁴⁾ Сердечнаго.

⁵⁾ В ср. пл.

⁶⁾ В сердцѣ.

⁷⁾ Ня...

⁸⁾ Иниаго.

- Точію азъ слезами себе утѣшаю,
 Своего мила друга часто вспоминаю.
- 15 Что ты ¹⁾, любезный друже, мене покидаешь ²⁾,
 Никогда мя, горькую, не воспоминаешь? ³⁾
 Спомяни ⁴⁾ мя, сердешный ⁵⁾ другъ, вѣрну ⁶⁾ дѣвиду,
 Аки згибшую ⁷⁾ въ темномъ гѣсѣ голубицу ⁸⁾,
 Азъ такожде по ⁹⁾ всякъ часъ тебе споминаю ¹⁰⁾
- 20 И всегда непрестанно о тебе мысль маю ¹¹⁾,

Какъ видно изъ приведенныхъ вариантовъ, пѣсня прожила почти полвѣка и сравнительно мало пострадала отъ времени и небрежности переписчиковъ; вѣроятно, въ значительной мѣрѣ содѣйствовало ея сохраненію то, что она пѣлась, была связана съ музыкальнымъ мотивомъ, который не далъ тексту обособиться и утратить первоначальный размѣръ. О стилѣ и языкѣ этой и предыдущихъ пѣсень въ записи Столѣтова, поскольку онѣ стоятъ въ связи съ сентиментальной манерой, рѣчь ниже. Здѣсь отмѣтимъ, что стихотворенія эти носятъ слѣдъ малорусскаго литературнаго вліянія ¹²⁾. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что остальные пѣсни, находящіяся въ бумагахъ Столѣтова,—носятъ на себѣ уже безспорно слѣды малорусскаго происхожденія, обличая не только вкусы собирателя, но и той среды, въ которой онъ вращался,—среды, явившейся наиболѣе отзывчивой къ поэзии и наиболѣе внимательной хранительницей ея въ теченіе всего XVIII вѣка.

Въ той же тетради, въ дѣлѣ № 42, разр. XI Государственнаго архива, откуда мы извлекли нѣсколько стихотвореній, приписанныхъ нами В. Монсу, читается рядъ пѣсень,—собственно, на первый взглядъ, три; онѣ и озаглавлены „Песни“. Но при внимательномъ чтеніи ока-

¹⁾ Ты—*онуц*.

²⁾ Покидает.

³⁾ Воспоминает.

⁴⁾ Спомяни.

⁵⁾ Сердешный.

⁶⁾ Верну.

⁷⁾ Изгибшую.

⁸⁾ Горлицу.

⁹⁾ На.

¹⁰⁾ Вспоминаю.

¹¹⁾ Въ Тв. рук. четные стихи носятъ помѣту (2^м), т. е. повторяются дважды.

¹²⁾ Напримѣръ, какъ во 2-й пѣснѣ: жалю несносный, заживайтъ свѣта, такъ въ 3-й: не маю, на ниншого, мысль маю.

зывается, что тутъ довольно смѣшанный наборъ строкъ, принадлежащихъ не всегда къ одной опредѣленной пѣснѣ. Видимо, Столѣтовъ записалъ на бумагу наиболѣе понравившіяся ему строфы, не заботясь иногда даже о смыслѣ; здѣсь-то и обнаруживается его слабое знаніе польскаго языка; всѣ болѣе или менѣе рѣзкіе полонизмы оказались ему непонятными и чрезвычайно искажены въ передачѣ. Приводимъ текстъ пѣсенъ съ исправленіями, гдѣ это возможно сдѣлать, нумеруя стихи; подѣ строкою—буквальное воспроизведеніе испорченныхъ мѣстъ; знаки препинанія наши.

Пѣсни.

- д. б. 1. Хожъ мѣзъ блу^а на посеред^а ночи,
Слезные реки заливаютьъ вѣчи.
Злати вѣпицы, слезные криници
Перлови кропли лиють до денници.
- б Зранило сердце, зранило ¹⁾ и душа,
По тебѣ мила, ахъ умереть мѣш^а ²⁾.
Кто^а бо такъ себя во^ано умертвиле^а,
Все бо то твоя любовь зневоляетъ.
Моя милн^аки, мненшая зоре,
Чему та^а рано зайшла есь за море.
- 10 Моя милн^аки, винограде зрелы,
Чему мя оставилъ рѣмяню белы ³⁾.
Чи я недяота ⁴⁾, чи я не спянула ⁵⁾,
Чи я не^анота, чи я зростомъ мала?
- 15 Зро^ат киприсовы ⁶⁾, а тварью надо^ана,
Яко лигѣ при са^ау оздо^ана ⁷⁾. ||
- б об. Слаткоречива мки самъ снѣ слыши ⁸⁾,
Зачи^а мя ⁹⁾, зачимъ мой миленики лишигѣ.

¹⁾ Въ рук.: „зранила“.

²⁾ Въ рук.: „умерь ты мѣш“.

³⁾ Можетъ быть, слѣдуетъ исправить такъ: „рѣмяню-бѣлы“, з я ъ въ нач. ХУІІІ вѣка писались иногда сходно, почему и ошибка у Столѣтова.

⁴⁾ Въ рук.: „Чия нець нота“, польск. спота.

⁵⁾ Въ рук.: „чиянесь паняла“, польск. wzrapiała.

⁶⁾ Въ рук. съ повтореніемъ слога кк: „зро^аткн киприсовы“.

⁷⁾ Въ рук.: „во^адо^ана“, польск. ozdoba.

⁸⁾ Такъ въ рук., исправить затрудняемся.

⁹⁾ Рук. „мил^а“, можетъ быть въ оригиналѣ Столѣтова было „мѣ“, или—„мил^а“?

- 20 Знать то проклята злая непогода
Во не¹⁾ и морски занесла тя вода.
Проклято ¹⁾, егда тебѣ шкодить море.
Ко мне приидиши, агъ тяжкое горе.
Мои милен²⁾ки, де ты, шъовися,
Злѣ ²⁾ или добре ³⁾ тебѣ, ш³⁾ванмися.
- 25 Злѣ красны крыше, злѣ мнѣ возлюбле⁴⁾на!
Поминай в мори меня утопленна.
Знать враговъ злобын⁵⁾, и злая ихъ мова
Убила менѣ смертнѣ готова. ||
1. 6. 30 Чхъ, ѡвы, ѡвы, во⁶⁾любленни цъвите,
В ночь превращенный шчемъ момъ свите.
Ро⁷⁾дерѣ сердце, сердце и штробѣ,
С тѣги великой предаюся гробѣ.
Уже бо свитла лишена ⁴⁾,
Слѣ⁸⁾внѣмъ потокомъ роже шрошенна.
- 35 Зандеть бо со⁹⁾це за черное море —
Не просвещенно шставилъ ⁹⁾ я горе.
Чѣво дика бѣдѣ и рыдати,
Чорпове ⁹⁾ море бѣдѣ проклинати.

Пѣсня состоитъ изъ 11-ти сложныхъ стиховъ, расположенныхъ въ двустопишя, связанныя рифмой; размѣръ этотъ кое-гдѣ нарушенъ, именно въ стихахъ: 1, 9, 11, 12, 18, 22, 23, 24, 28, 33, 37 и 38. Предлагаемъ такія поправки, которыя могутъ возстановить размѣръ въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ стиховъ: въ 1: „якъ блу^анамъ“; 9: „мой ты милен^{ки}...“; 11: „мой ты миле^{ки}...“; 12: „Чомъ мя... рѣмянзю-бѣлѣ“; 18: „зачи^а мя...“; 22: „агъ (= ахъ) тяжкое горе“; 23: „Мои ты милен^{ки}“; 24: „злѣ...“; 28-й стихъ для насъ неясенъ; можетъ быть, слѣдуетъ исправить „смерт<ель>нѣ“, тогда возстановляется размѣръ; 33-й стихъ требуетъ большей вставки; предлагаемъ читать его: „Уже бо свитла <на стѣки> лишена“; 37-й

¹⁾ Можетъ быть въ польск. оригиналѣ было „przeklęcię“?

²⁾ Въ рук. „злѣ“.

³⁾ Въ рук. „добра“.

⁴⁾ Такъ въ рук., съ пропускомъ трехсложнаго слова.

⁵⁾ Въ рук. „шставилъ“; вообще стихъ неясный.

⁹⁾ Въ рук., возможно, въ угоду напѣву „черовое“.

стихъ исправленію не поддается; въ послѣднемъ, 38-мъ, исправленіе внесено нами въ текстъ: „черное“ и размѣръ восстановленъ.

Къ нѣкоторымъ стихамъ этой пѣсни, какъ намъ кажется, составной—мы нашли параллели, объясняющія судьбы малорусской пѣсни:

Къ стихамъ 1—2:

„Хожу, якъ блудны посеред ночи...
 ...Сердечку тяжело, тяжело и нѣдно“...¹⁾
 „Пемашь мнѣ радости а нѣ в ден нѣ в ночи,
 Южъ я свои вышакала чорненкне очи“²⁾.

Къ стихамъ 5—6:

„Другъ мой прелюбезный, в немъ же свою душу
 Полагаю; за него, ах, упрети мушу“³⁾.

Къ стихамъ 23—24:

„Где ты мила, чернобрива, гдѣ ты ѳтзовися,
 За любовь я, бѣдный тужу, прийдѣ подивися“⁴⁾.

Къ стихамъ 31—32—въ пѣснѣ около 1727 г.:

„Красота суетна терзаетъ утробу,
 Егда возрю ону, предаеть мя гробу“⁵⁾.

Въ той же пѣснѣ обычныя рѣзны: горе—море (л. 35—36). Такимъ образомъ пѣсня въ записи Столѣтова даетъ тѣ же характерныя черты стиля, что и позднѣйшія и современныя ей записи малорусскихъ пѣсней.

Отлагая дальнѣйшій комментарий къ тексту, обращаемся ко второй группѣ строфъ, связанныхъ вмѣстѣ въ записи Столѣтова.

2.

л. 6 об. Плавлетъ сѣдно еднимъ едно,
 подѣ нимъ вода тиха.

¹⁾ Рук. Синод. учил. церк. пѣніа, № 927, нач. XVIII вѣка, л. 98 об., очевидно, четные стихи пропущены.

²⁾ Сборн. Дзюбаревича, см. наши Исслѣдованія и матер., т. I, ч. 2, пѣсня 3.

³⁾ Рук. Тверск. музея, № 152, л. 53 об.; ср. л. 64 об.—65.

⁴⁾ Головацкий, Пѣсни Галицк. и Угорск. Руси, II, 750, Коломыжка, № 73.

⁵⁾ Рук. Соф. собора, № 686, л. 215; см. нашу брошюру „Новые труды по источниковедѣнію русской литературы“, I—VIII, 1905, стр. 39.

- Кто незнаетъ ¹⁾ любитися,
 тотъ ²⁾ не насть лиха.
- 5 Ссушилъ мене, зъявилъ мене,
 ссушилъ мене молоду,
 ѡй, якъ вите³⁾ и⁴⁾ морозомъ
 тую траву зелену.
- 10 Сушилъ мене, вьмилиъ мене,
 якъ витерь били<ну> ⁵⁾.
 Мдерь будешь, якъ ѡбудешь ⁶⁾
 молодъ девчинъ.
- 15 Литель воронъ черезъ горо^а
 вѣшки подобгавши.
 Вида мене на чюжини ⁷⁾,
 мила не мавши.
- 20 Литель воро^а черезъ горо^а,
 да закрича^а двуйчи. ||
 Да вже мене кого люблю
 не видати в ѡчи.
- Литель воро^а черезъ горо^а,
 пробиты и⁸⁾ дѣка.
 Мене мое сердце <буде> ⁹⁾
 с тобою разлука.
- 25 Да ни посидиты,
 ни поговориты:
 Хотятъ вороженьки ¹⁰⁾
 насъ ра^алучити.
- 30 Посею я, посею я
 укромъ ¹¹⁾ да роса^а ¹²⁾
 Усе своимъ вороже^акамъ
 да на пересаду.

1) Въ рук. „не знаемъ“, по небрежности Столѣтова; въ малор. рук. конца XVII и нач. XVIII вв. часто ж пишется сходно съ ж (передаваемымъ латинскою буквою ш).

2) Рук.: „то“.

3) Дополненіе въ скобкахъ < > нами.

4) Можетъ быть, слѣдуетъ предположить въ оригиналѣ Столѣтова ѡбудешь, которое можно читать и „добудешь“ и „отбудешь“.

5) Въ рук.: „на чюжин“.

6) <буде> добавлено нами.

7) Рук.: „вореженьки“.

8) Рук.: „кромъ“.

- Трѣсканся, пѣканся
дичи вороже:
- 35 Якъ ла^{ка}, да гнивь
тебѣ не поможе.
- Уже мене не ходити ¹⁾,
къды ²⁾ ходила.
- 40 Уже мене не любити,
кого я любила. ||
- Да вже мене не ходити
по горо^у валомъ,
Уже мене не стояти
з миленимъ паномъ.

На послѣднемъ л. 8 мы находимъ два отрывка—или двѣ короткія пѣсни приблизительно того же типа, что и предыдущія.

3.

- 1 Жаль мнѣ повитова^{ны}, невбитная шкода,
Оплаканая моя на свите б^{ро}да.
Чи я не такая, да якъ и д^ругая,
Да чи моя доля лихая ³⁾
- 5 Що я учинила, комъ пошлюбила,
О^дцѣю славу кинела по^у лавѣ.
У молодныхъ лѣте^х ⁴⁾...

4.

Вя молотцы, молотцы, кавалерскія дѣти ⁵⁾,
Не допускайте вы мене з нелюбимъ жити.
Лежить якъ колода гнилая у бока.
Зычу сму тое, щобъ то^у (?) давъ рока ⁶⁾.

Разсматривая то, что въ записяхъ Столѣтова нользи по стилю и настроенію приписывать В. Моису или какому-нибудь изъ подобныхъ

¹⁾ Рук.: „не ходите“.

²⁾ Въ этомъ стихѣ что-то пропущено.

³⁾ Седьмой стихъ—очевидно только отрывокъ.

⁴⁾ Можетъ быть, принимаясь къ требованію 13-сложнаго стиха слѣдовало бы исправить: „ковачія дѣти“?

⁵⁾ Стихъ очень испорченъ писавшимъ безъ пониманія его смысла; можетъ быть, слѣдуетъ исправить „щобъ не дождавъ“.

ему любителю стихотворства, вышедшихъ изъ Нѣмецкой слободы, мы можемъ сразу же намѣтить двѣ группы: въ первой отнесемъ три сентиментальныхъ стихотворенія въ школьномъ стилѣ, подобныхъ которымъ мы не мало можемъ найти въ сборникахъ первой половины XVIII столѣтїя; ко второй—четыре пѣсни, также не безъ слѣдовъ школьной риторики (особенно первое), но несомнѣнно не русскаго происхожденія: источникъ ихъ — малорусская, а для первой — даже пожалуй польская, полународная полумискусственная пѣсня, возникшая изъ сочетанія народныхъ элементовъ съ литературными, воплотившая образы народной поэзіи въ болѣе или менѣе выдержанной формѣ силлабическаго 13, 11 и 14 сложнаго стиха опредѣленныхъ категорій, судьбу которыхъ мы намѣтили въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій¹⁾. Обиліе полонизмовъ въ пѣсняхъ второй категоріи объясняется, какъ кажется намъ, отчасти именно заимствованіемъ этихъ пѣсней изъ польскихъ, въ настоящее время недоступныхъ для насъ источниковъ. Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ на рядъ духовныхъ виршей съ рѣзкими полонизмами и на свѣтскія пѣсни, не менѣе богатые ими, напр., „Южь преч яде...“²⁾ и другія, которыхъ не мало въ сборникахъ начала XVIII вѣка Захарія Дзюбаревича и Леонтія Ягельницкаго. Для примѣра приводимъ здѣсь еще одну небольшую пѣсенку такого же типа (въ спискѣ 1740-хъ гг.):

Дѣвчино мила, что ж ты учинила?
 Иныхъ любила (2), мене оставила (2).
 Оставилась ты мне, слугу своего,
 Образилась ты (2) Бога живаго,
 Панъ Богъ це скара за твое присяге,
 А южь я веще (2) жегнат ся не бендзе.
 Зостану мнихемъ при якомъ кляшторѣ,
 А ты застанеш (2) панно при дворѣ.
 Бендон це служили³⁾ великіе панове,
 Сенаторови (2) и можли панове“⁴⁾.

Записи Столѣтова, конечно, болѣе руссифицированы, но едва ли не въ ущербъ вразумительности. Думается, что первая изъ его пѣсней цюпада ему въ руки уже пройдя черезъ сборники, альбомы мало-

¹⁾ См. наши „Исслѣдованія и матер.“, т. I, ч. 1.

²⁾ См. тамъ же, стр. 190 и др.

³⁾ Въ рук. „служил“.

⁴⁾ Цитируемъ по рук. Тверск. муз. № 152 (3119), л. 49; польскія пѣсни свѣтскаго содержанія въ русской записи см. также въ рукоп. сборникѣ нач. XVIII в. Синод. учил. церк. пѣнія № 316, пѣсни 30 и 31.

россовъ-любителей пѣсенъ чувствительнаго жанра, гдѣ и приобрѣла слѣды малорусскаго произношенія (умерти, прописти, зачимъ, риема „цвито-свите“ и т. п.). Самому Столѣтову, кромѣ отмѣченныхъ нами и отчасти исправленныхъ по примѣчаніяхъ искаженій, могутъ принадлежать такія формы, какъ „чево“.

Внимательное чтеніе записей Столѣтова и Моиса приводитъ насъ къ вопросу, въ какомъ отношеніи стоятъ эти записи къ современной и ближайшей къ нимъ по времени поэзії, то-есть, къ ея стилю, литературной манерѣ; исходя изъ мысли, что у Моиса его манера, хотя и навѣянная современною ему нѣмецкой, была въ значительной мѣрѣ отголоскомъ его индивидуальныхъ свойствъ, стремленій и понятій, мы должны съ фактами въ рукахъ попытаться установить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, исторію проникновенія въ русскую пѣсенную литературу фразеологии нѣмецкаго септимальнаго романа. Съ другой стороны—не лишнимъ кажется намъ собрать матеріалы и для такой же исторіи проникновенія къ намъ изъ польско-малорусскихъ литературныхъ источниковъ новыхъ для Московской Руси поэтическихъ приемовъ выраженія интимнаго чувства, дотолѣ не имѣвшаго законнаго, дозволеннаго выраженія въ формѣ искусственной, художественной литературы.

Разсмотрѣнію этихъ двухъ вопросовъ и будутъ посвящены слѣдующія главы, при чемъ исходнымъ пунктомъ намъ послужитъ собранный выше матеріалъ изъ трудовъ нѣмцевъ и Столѣтова, а пособіемъ—тѣ данныя, хотя и неполныя, которыми мы можемъ располагать, пользуясь нѣкоторыми рукописными сборниками виршъ и пѣсенъ первой половины XVIII столѣтія.

IV.

Въ нижеслѣдующемъ обзорѣ особенностей поэтическаго языка, отличающихъ первые опыты искусственной русской лирики 1700—1730-хъ годовъ, мы постараемся воспользоваться только тѣми данными, которыя, хотя и въ нѣсколько позднѣйшихъ спискахъ, могли явиться, однако, не позже указаннаго времени. Характерными признаками стихотвореній, явившихся въ означенную эпоху, можно безъ особой натяжки считать: силлабическій размѣръ, иногда въ нѣкоторой степени тонизированный ¹⁾, достаточно частое употребленіе поль-

¹⁾ О процессѣ тонизаціи силлабическаго стиха см. наши Исслѣдованія, т. III, гл. 2 и 10.

ской и малорусской любовной и поэтической фразеологии, такъ какъ своя еще не успѣла выработаться, а наряду съ этими полонизмами и малоруссизмами—въ тѣхъ же стихотвореніяхъ довольно обильные случаи церковнославянизмовъ и тяжелыхъ, вычурныхъ книжныхъ выраженій и словъ, безъ которыхъ трудно было обойтись первымъ авторамъ пѣсенокъ, пытавшимся совмѣстить новыя мысли и чувства со старой литературной формой. Добавимъ сюда случаи употребленія характерныхъ для петровской эпохи русской литературы и языка иностранныхъ словъ безъ крайней необходимости и отзвуковъ школьнаго классицизма—и мы получимъ довольно вѣрную картину языка первыхъ русскихъ опытовъ „легкой“ поэзіи. Слѣдя за особенностями языка, а затѣмъ изслѣдуя способы поэтического выраженія мысли и настроенія авторовъ, мы сможемъ, подводя итоги этой главы, заключить, что явилось, какъ слѣдствіе вліянія школьной малорусской поэзіи, что образовалось подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ западно-европейской, въ частности нѣмецкой поэзіи XVII вѣка. А вспоминая приемы, знакомые намъ изъ старыхъ записей русскихъ пѣсенъ XVII в., и сравнивая ихъ съ новыми, мы сможемъ констатировать новое, явившееся въ XVIII вѣкѣ, и, такимъ образомъ, проконтролировать наши заключенія, выведенныя изъ ниже предлагаемаго матеріала, на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ анализа опытовъ Монаса, Пауса и Столѣтова ¹⁾.

Первое, что привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователя въ пѣсенкахъ начала XVIII ст., это своеобразный языкъ. Авторы пѣсенокъ лишь въ слабой степени вносятъ словарныя особенности простонародной рѣчи, въ родѣ: *дружечка, не допускаетъ, лапушка* и т. п. Они любятъ употреблять церковнославянизмы и вообще слова и выраженія условнаго литературнаго языка, сложившагося главнымъ образомъ подъ вліяніемъ церковно-славянскаго. Возьмемъ имена указаннаго времени въ сборникъ Тверскаго музея № 152 и здѣсь находимъ: л. 47—аз, обрѣтохъ, принесохъ, на мя; л. 47 об.—отлучихся, зрѣти, мнози; л. 48 об.—доколѣ, точно, аки; 49 об.—поне, понеже; л. 50—вселися, вкоренися (аог.); 50 об.—егда, глаголы, зракъ, доколѣ; л. 51 об.—аще бы, егда бы, сичеву, амо, нѣсть, юже азъ имѣю; отлучих, получих,

¹⁾ Ниже будемъ пользоваться данными этихъ авторовъ и, главнымъ образомъ, сборниками: Дюбаревича, Ягальницкаго (Груш.), Тв. муз. ММ 152 (20—30-хъ годовъ) и 823 (до 1762 г.), а также 162; сборники этого типа — довольно однообразны по составу.

точно; л. 53—вижду, азъ, от жестокия злости; 53 об.—вижду ты, ты бо еси, паче, персты, не хошу; л. 54 цвѣтуши, имущи, хоцетъ, ничтоже успѣть, аще и др.; л. 55—драгая, токмо, зри; 55 об.—обаче, препятіе, размножися (аог.), имамъ и пр.; 57—об. егда, прахъ, аще хоцетъ и др.; 58 об.—идъ же, ничтоже, яко, обаче, аще ли, паки, неодоляъ, пресѣцаеть и т. п.; л. 59—веселихся, стыдихся, ты обрящу, злачну; 59 об.—устень, аки, мя, даждь, азъ, умрохъ; л. 60 об.—аще, яко еси даль надежду; л. 61—возлюбихъ, азъ, доколѣ, драгій, имамъ, благоразуице; 61 об.—вѣщати, содержавати, зѣло, имать, двоелична, приносяще, хваляще, чужда бо есть и др.; 65 об.—якоже, от мрза, зѣло, днесь, иже, убо, пребыхъ; и мн. др. Такое же обиліе подобныхъ словъ находимъ и въ рукописномъ сборникѣ пѣсенъ Тверского музея № 823: л. 72—престань, вещаешъ; 72 об.—случай сицевъ, мя, паче; л. 73 нехоцетъ, пребезмѣрну; 73 об.—драгую; л. 74—светозарный; 85 об.—ныне, собрашася, драгия, ликуйте; л. 91—доколѣ имамъ, нехоцешъ, паки, даруешъ; л. 93—имамъ, зело, глаголь; 93 об.—рещи, точно, азъ бо; л. 94—зело, драгия, имамъ, аки, не взираеть; 94 об.—тя, предрагая; л. 98—егда бы, печаль зѣльна, азъ, убо, сугубо и др.; л. 99—не пмамъ, понеже, благо, бо, обаче, неизглаголанной, егда; л. 100—тя, паче, не вижду; 108 об.—аще, азъ, егда; л. 109—зело, понеже, аще; 110 об.—зелно, убо; 122 об.—аще мя хоцешъ, в нощи, ты и др.; л. 123—лишаше, бяше, понеже; добавимъ сюда еще нѣсколько данныхъ изъ сборника И. П. В. Q. XIV, № 141¹⁾: убо, сугубо, играше, растошно, вижду, нѣсть, вверже; сугубо, азъ, доколѣ, вселися (аог.) и др.; власами, влатое, весма, сице, вѣщашъ и др.

Число примѣровъ этого рода можно увеличить до громадныхъ размѣровъ; но уже и приведенные выше обнаруживаютъ постоянство въ употребленіи извѣстныхъ словъ, постоянное *постореніе* однихъ и тѣхъ же выраженій, позволяющихъ объединить всѣ цитируемыя пѣсни въ одну группу, замѣтно отличающуюся отъ другой, сложившейся, судя по языку, позже, уже послѣ 40-хъ годовъ XVIII ст. подъ непосредственнымъ французскимъ вліяніемъ. Слѣды петровской эпохи лишь отчасти замѣтны въ интересующей насъ группѣ пѣсенъ—употребленіе иностранныхъ словъ въ нихъ сравнительно умѣренно; укажемъ: аектъ, высокимъ персонямъ (№ 152, л. л. 65 об. л. 67); компанія, дамы (823, л. 85 об.) фатеры (ib., л. 79); въ той же рукописи—вивать 94 об. и др.; въ натуре 91 об., натура 97 об., высокой персоне

¹⁾ См. наша Исслѣдованія, т. I, ч. 2, стр. 188 и слѣд. №№ 1, 2, 4.

горе зрѣти 123 об.: здѣсь, такимъ образомъ, наблюдается то же, что въ литературѣ драматической и повѣствовательной.

Гораздо замѣтнѣе, чѣмъ слѣды иностранной рѣчи,—воздѣйствіе малорусской, школьной, выработавшей свою особую любовную терминологию, неизмѣнно повторяющуюся въ соответствующихъ случаяхъ и обличающую то же единство или одновременность ¹⁾ возникновенія интересующей насъ группы пѣсенъ, которое мы предположительно помѣтили, анализируя остатки церковно-славянской рѣчи, встрѣчающіеся въ нихъ. Возьмемъ сначала нѣсколько случаевъ польской терминологіи любовныхъ пѣсенъ. Къ сожалѣнію, свѣтская вульгарная анонимная поэзія Польши дошла до насъ въ скудныхъ остаткахъ, не вполне къ тому же опубликованныхъ. Здѣсь находимъ: *affekt (miłość)* Груш. № 46 ²⁾, влюбленнаго „*ogień (miłości) srogi pali*“ Груш. № 2, влюбленный является „*więznięm strapionym*“, котораго дѣвушка Ганусейка беретъ „*pod swoje obronę*“, *ib.*, № 2; разлука—*„ciężki to iest kryminal miłości, kochać damę, a być w odległości*“, № 46; дѣвушка возлюбленному „*listy pisała*“ *ib.*, № 10, пренебрегая мнѣніемъ людей; эпитеты возлюбленнаго (или возлюбленной): „*skarbie drogi*“, „*sliczny kwiecie*“ Груш. № 2, или „*kwiecie rożany*“ И. П. Б. Q. XIV. № 25 ³⁾; не задаваясь цѣлью собрать все, что сюда относится, обращаемся къ интересующимъ насъ русскимъ пѣснямъ и прослѣдимъ въ нихъ, наряду съ употребленіемъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій—слѣды польско-малорусскаго литературнаго вліянія сказавшагося въ языкѣ ихъ; рук. Тв. м. № 152 даетъ слѣдующее: л. 49 об.—шлать додавати, шукати; 52 об.—прихилося, смутокъ, еднакъ, не дбаю, не треба; л. 53—мушу; 53 об.—обцешъ, мушу, рясенькій, урода, серденько; 55 об.—година, надѣю (в. п.); 56 об.—якъ, мушу, серденько, зрадлива; л. 57—мушу, жалемъ изнурила; 60 об.—прибывай до мене, якъ, иншюу, серденько, маешъ; 61 об.—тя сличну; 63 об.—дѣвчина, красна пашна, о жало! 64 об.—мушу, с великимъ жалемъ; 65 об.—стогнетъ; л. 68—чи, иншаго, якъ, розмовы, розмовляти, першій, дбаю; 78 об.—мусишъ; въ рук. № 823 отмѣтимъ хотя бы на л. 91 об.—якъ, не-мають, агине, надею, мею и др.; 110 об.—жерточки жертовать; л. 130

¹⁾ Подъ этимъ терминомъ понимается періодъ 1700--1725 или даже до 1730-хъ годовъ.

²⁾ *Грушевскій, Сьпівання в початку XVIII в. (Зап. Тов. ім. Шевченка), зборникъ Ягеллонскаго.*

³⁾ Наши Исслѣд. и матер., т. I, ч. 1, стр. 190.

об.—ширость, кохаетъ, якъ, треба, в слезахъ уплывати; въ рук. № 162—смутокъ, не маю, мушу л. 118 и мн. др., въ рук. И. П. Б. Q. XIV, № 127—„сердце шлюбовало, что еѣ не забуду“ и пр. Число этихъ примѣровъ также можно было бы значительно увеличить.

Голосъ сердца, интимныхъ его чувствъ и стремленій вылился на первыхъ порахъ существованія у насъ легкой лирической поэзіи въ своеобразную форму. Она не воспользовалась живымъ языкомъ: въ немъ вовсе незамѣтно было такого обилія какъ бы нарочно подобранныхъ церковнославянизмовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ не наблюдается и такого обилія малоруссизмовъ и полонизмовъ. Очевидно, въ языкъ разобранныхъ пѣсенъ мы имѣемъ нѣчто своеобразное, своеобразный новый специальный жаргонъ любви, новый поэтический языкъ. Въ послѣднемъ мы убѣдимся еще болѣе, когда разсмотримъ стиль и фразеологию пѣсенъ начала XVIII ст.

Разсмотримъ его, разбивъ имѣющійся у насъ матеріалъ по категориямъ, а предварительно вспомнимъ то, что характеризуетъ пѣсни несомнѣнно нѣмецкаго происхожденія—В. Монса, Пауса и анонима (предположительно—того же Пауса). Здѣсь—полная чаша чувствованій влюбленнаго: у него сердце горитъ—уста молчатъ; любимая особа—звѣзда, которой онъ молится; солнце, луна не могутъ нарушить тьму, она своимъ появленіемъ ее разгоняетъ; влюбленный обращается къ звѣздамъ; жалуется на великую тоску, тоскливое сердце, на злого купидона, радующагося страданію влюбленныхъ; сердце—пробитое, раненое; любовь—обычно несчастная; душа скорбитъ, слезы и вздохи, любовь большею частью приноситъ только слезы, побуждаетъ даже желать смерти себѣ. Иногда встрѣчаемъ: жалобу на разлуку, грусть по минувшимъ „забавнымъ часамъ“, просьбу „остаться вѣрной, хотя и вдали“, надежду на неизмѣнную, вѣрную любовь—и все это въ галантной манерной формѣ, столь чуждой старинной русской народной пѣснѣ, поскольку мы знаемъ ее въ немногочисленныхъ старыхъ записяхъ.

Тѣ же мотивы доминируютъ и въ изучаемыхъ нами искусственныхъ пѣсняхъ самаго начала XVIII ст., при чемъ общее впечатлѣніе ихъ—весьма унылое и слезливое, преобладаетъ элегическій утрированный тонъ, очень рѣдко смѣняясь бодрымъ и жизнерадостнымъ. Масса пѣсенъ занята детальнымъ анализомъ любви.

Любовь представляется въ нашихъ пѣсняхъ чисто физической; тѣмъ не менѣе она изображается въ видѣ „негасимаго огня“, „запа-

ляющаго душу“ ¹⁾); *любить*—это „болѣти, и огнемъ горѣти и сердцемъ скорбѣти“ ²⁾), отъ нея влюбленный „исчезаетъ, яко трава“ ³⁾); идеаломъ является „бесконечная любовь“ ⁴⁾); влекущая за собою и „мысли бесконечны“ ⁵⁾); о любимомъ человѣкѣ.

Зарождение любви изображается въ пѣсняхъ нач. XVIII ст. внешне-запнымъ:

„Любовь в сердца влетела до моего тела,
Все усмотрела, гнездо сотворила“ ⁶⁾.

Любовь поселяетъ въ душѣ *смятеніе, растерянность*:

„Мысль меня сдаетъ
Надежды лишаетъ,
Невидима пламень
В сердце закигаетъ“ ⁷⁾.

Влюбленный жалуется:

„Мысли суетны и зѣло тщетны
Како мя прозвають (2),
Своими злосливымъ, немилостивымъ
Мене сокрушаютъ (2)“ ⁸⁾

Душевное равновѣсіе потеряно и—

„Совет рветца, мысль во мне бьетца,
Бедно сердце стонет, в слезахъ горкихъ тонет—
Только не распадется“ ⁹⁾.

Влюбленный чувствуетъ, что „духъ его“—въ плѣну, что кто-то далъ ему „тяшку рану“ и „свободу огня“ своими острыми, какъ стрѣлы, взорами ¹⁰⁾.

Виною этого—она, и къ ней обращается влюбленный; жалуясь на боль отъ раны; *раненое сердце*—одно изъ общихъ мѣстъ этой ранней сентиментальной поэзіи:

¹⁾ Тв. м., 152, 64 об.

²⁾ Ib., л. 68 об.

³⁾ Ib., л. 59 об.

⁴⁾ Иссл., I, 1, стр. 230.

⁵⁾ Исслѣд., I, 2, 171.

⁶⁾ Тв. м., 823, л. 100, № 64.

⁷⁾ Исслѣд., I, 2, 171.

⁸⁾ Тв. м. № 152, 57 об.

⁹⁾ Тв. м., 823, л. 114.

¹⁰⁾ Тв. м., 823, л. 113 об.

„А нынѣ же мое сердце люто изнуренно
И стрѣлою внутрь острою зѣло простреленно,
Немедли, драгая, милость мнѣ явити“... ¹⁾

Въ другомъ стихотвореніи того же времени:

„Ахъ рана смертная в сердце застрѣлила:
Злая Кунда насквозь мя пробилла“... ²⁾

Такая жертва должна быть награждена:

„Видите рану, мне от вас данну:
Прошу васъ исцелить, служить вамъ стану“ ³⁾.

Но пока влюбленные сойдутся и объяснятся, гѣсенія рассказывають намъ, какъ они „молчать устами“, „тайно воздыхаютъ“; „боясь прогнѣвать“ ⁴⁾ дѣвушку, кавалеръ объясняетъ ей не сразу свою любовь. Описывается, какъ онъ *таетъ отъ любви*:

„Аки воскъ растаяше“ ⁵⁾

—отъ радости, говорится въ одномъ стихотвореніи, но обычно влюбленный

„Аки воскъ в печали таетъ“ ⁶⁾.

Въ другой гѣсеніи—у влюбленного, котораго уязвилъ злой Кунда, сердце „какъ воскъ отъ огня таетъ“ ⁷⁾; особенно риторично изображено это превращеніе, вызванное любовью въ гѣсеніи „Златыя сѣти...“:

„Ты мя каменна по моряхъ не блиска
В воскъ превратила (2) взглядомъ василиска“ ⁸⁾.

Признаніе изображается въ гѣсенкахъ интересующей насъ эпохи довольно разнообразно; въ одной—довольно галантный намекъ въ видѣ вопроса; выискиваемъ ее почти цѣликомъ ⁹⁾:

¹⁾ Тв. м., 152, л. 55.

²⁾ Ibid., л. 64 об.

³⁾ Тв. м., 823, л. 75 об., № 15.

⁴⁾ Ibid., л. 118.

⁵⁾ Изстѣд., I, 2.

⁶⁾ Тв. м., 152, 47 об.

⁷⁾ Тв. м., 152, л. 57.

⁸⁾ Ibid., л. 54 об., гѣсенія известна была еще до 1731 г., см. Актъ о Калесандрѣ въ нашемъ изданіи, Пам. р. драмы эпохи Петра Великаго.

⁹⁾ Тв. м., 823, л. 127.

Трудно мне терпеть, ахъ, все любезная,
 Не хочеть молчать любовь безмѣрна,
 Какая в моемъ сердце гореть непредстанно
 Вести сиде объявити тайно.
 Несмелость к тому жъ я не хочеть пустити—
 Несклонность бо твоя страшить мя просити ¹⁾.
 Зрениемъ на вашу красоту доволенъ,
 (Чтчего смертно азъ во всемъ боленъ? ²⁾
 (Ичiami весѣлюся и ѿ сердцу печально ³⁾:
 Чего азъ желаю, то мне есть возбранно“...

Въ другомъ стихотвореніи того же сборника влюбленный такъ излагаетъ свое признаніе:

„Ты меня пленила, всего исъсушила;
 Когда ты не узрится, духъ мой крушится,
 Сердце унываетъ, но тебе рыдаетъ“ ⁴⁾,

Въ третьемъ—просьба повѣрить признанію:

„Всякъ часъ крушуси по васъ безъ меры,
 Прошу васъ совестно, поймите мне веры“ ⁵⁾.

Выраженія любовнаго восторга обычно изобилуютъ гиперболическими выраженіями; не вдаваясь въ подробности, сошлемся на пѣсню Тверского сборника № 152, л. 66 об., богатую реальными деталями. Влюбленные выражаютъ желаніе пребыть въ любви до гроба ⁶⁾ и, какъ возможно, использовать счастливое время любви.

Здѣсь уместно отмѣтить чрезвычайный и риторическій съ современной намъ точки зрѣнія *гиперболизмъ* въ изображеніи любви; говоря о ней, авторы пѣсенокъ выражаются: „печаль зѣльна, скорбь пребезмѣрна“ ⁷⁾ или „жалость презѣльна и пребезмѣрна“ ⁸⁾, „мысли презѣльны...“ ⁹⁾; настроенные такъ—и авторъ, и поющій его пѣсенку—достигали такихъ риторическихъ выраженій скорбнаго пафоса:

¹⁾ Въ рук. „просити“.

²⁾ Въ рук. „азъ боленъ во всемъ“.

³⁾ Въ рук. „сердцямъ печаль“.

⁴⁾ Тв. 823, л. 118.

⁵⁾ Ibid., л. 75.

⁶⁾ Тв. 152, л. 56 об.

⁷⁾ Тв. 152, л. 62 об.

⁸⁾ Ibid., 47 об.

⁹⁾ Ibid., 55 об.

„Коль мнѣ сокрушено сердце узвлено,
Ахъ, гдѣсь я в свѣтѣ несчастнѣйша“ 1).

Сдавленное, скованное вѣками запрета чувство выливалось въ уродливо преувеличенныхъ выраженіяхъ, слагавшихся по чуждымъ, навѣяннѣмъ извнѣ образцамъ, находя готовый шаблонъ и не удовлетворяясь простой, скромной фразеологіей народной пѣсни.

Остановимся нѣсколько на *титетакъ*, придаваемыхъ предмету любви. Въ одномъ стихотвореніи, съ многочисленными чертами мало-русскаго происхожденія, читаемъ такое описаніе наружности милой:

„Моя хілі ша, павая ка красна,
Личен ко твое—зоря ясна,
Власы златы на главе
Мне в сердце *рани* задалі,
Черные очи, черные брові,
Уста сахарны, зубочки перловы“ 2).

Рима „на главе“, пожалуй, намекаетъ на польское происхожденіе пѣсни. Возлюбленная называется въ другой пѣснѣ такъ:

... „Предрагоценнѣйши клейноте,
Сердцу моему сладки животѣ“
... „О цвѣтъ мой благоуханнѣйши,
Самѣре драгін, шипче краснѣйши“ 3).

Авторы пѣсенъ называютъ возлюбленную: „презлична Днянна“ (przełiczna) 4). Влюбленный обращается къ дѣвушкѣ: „Ты мой виноградъ, а я тебе рать“ 5). Но чаще и разнообразнѣе въ отгнѣнкахъ—сравненіе съ цвѣткомъ. Сама любовь—„*цвѣтъ осенній*“, по выраженію одной пѣсни 6), „*цвѣтъ любви*“—любовь и ея радости 7); сердце въ горѣ отъ неудачной любви, „*аки цвѣтъ во осени*—такое насыхаетъ“ 8). Злая судьба—жалуется авторъ одной пѣсни—

„Не дала расцвѣсть *цвѣту* моему,
Учинила гибель несносно тому,

1) Ibid., л. 47 об.

2) Тв. м., 162, л. 120.

3) Тв., 152, л. 61.

4) Исслѣдов., I, 1, стр. 226.

5) Тв., 823, 110 об.

6) Тв., 152, л. 54.

7) Ibid., 47 об.

8) Ibid., 67 об.

А коли она вступила
И тем *цесток* зблила¹⁾.

„Другъ любовный“— „*цетть благоуханнѣйшій*“²⁾ или „*цетть* благоуханнѣйшій, сафирь драгій прекраснѣйшій“³⁾; милый—даже лучше цвѣтка:

„Нѣст бо и во вертоградѣ такового *цетма*
Красотою, добротою, чрезъ самого лѣта“⁴⁾.

О возлюбленной говорится:

„Ах краснейши *цетма*, светозарны свет,
Зажгла мою душу...“⁵⁾

Она называется „*цетточкомъ* внутрь сердца цвѣтущимъ“⁶⁾. Любовь такихъ является, по выраженію пѣсни—

„Якъ *цетма* прекрасный, во веснѣ цвѣтуши,
Тако и кринь предъизбранный, доброту імуши“⁷⁾.

Дѣвушка, не видясь съ возлюбленнымъ выражается:

„Давно цвѣточка сего не видала“⁸⁾.

Въ другой, можетъ быть, полународной пѣснѣ того же сборника, читаемъ обращеніе:

„Ах светъ ты мой, аленкой цвѣточикъ,
Милой животчикъ“⁹⁾.

Отраженіе, быть можетъ, этой любовной терминологіи находимъ въ малорусской пѣснѣ:

„Ой мій свѣтку, ой мій свѣтку,
Якъ маковий цвѣтку“¹⁰⁾.

Любовь—неразрыена, постоянна:

1) Ть., 823, 72 об.

2) Ть., 152, 50 об.

3) Ibid., 61; 823, л. 93.

4) Ть., 152, 53 об.

5) Ть., 823, л. 74.

6) Изслѣдов., I, 1, 230.

7) Ть., 152, л. 54.

8) Ть. 823, л. 72 об.

9) Ibid., 80.

10) Головацкий, II, 331, № 465.

„Такъ хочу съ тобою любовь имѣти,
Друже дражайши, и со ея в ней жити:
Сердце едино и мысль неразлучну,
Союзомъ крѣпчайшимъ любовь непремѣнну...“ ¹⁾

Радость и счастье, приносимыя такою любовью, изображаются также въ пѣсняхъ въ такихъ выраженіяхъ: „Мысли унывныя любов прочь отводить“ ²⁾; получивъ желаемое, авторъ пѣсни восклицаетъ:

„О коль велию радость азъ есмь обрѣтохъ:
Купида венерину милость принесохъ—
Солнце ми свѣтъ свой на мѣ спустило
И злу печаль в радость мнѣ обратило...“ ³⁾

Въ другомъ стихотвореніи:

„Радость непремѣнная всегда тутъ бываетъ,
А идѣже любовное сердце обитает...“ ⁴⁾

Съ милой—всегда радость, безъ нея—скорбь и печаль:

„Что в свѣтѣ не было, бесъ тебя уныло,
При тебе, моя радость, и горестъ мене сладость“ ⁵⁾.

Поминутая другомъ говоритъ: „Радость вся пропала и сердце упало“ ⁶⁾.

Однимъ изъ любимыхъ мотивовъ стихотвореній Монса является *жалоба на разлуку*. Тотъ же мотивъ находимъ и въ мѣстахъ русскихъ авторовъ ближайшаго къ нему времени. Въ записи Столѣтова—на первомъ мѣстѣ стоитъ такая жалоба на разлуку. Въ рядѣ пѣсенъ изображается эта „разлучная злая година“ ⁷⁾. Женщина жалуется такъ:

„Ахъ, что вижу бедна предъ собою!
Сей моментъ разлучаетъ съ тобою,
Которой до смерти буду проклинать,
Сама же во веки горко рыдать“ ⁸⁾.

¹⁾ Тв. 152, л. 54.

²⁾ Q. XIV, № 127, № 5.

³⁾ Тв., 152, л. 47.

⁴⁾ Ibid., л. 58 об.

⁵⁾ Тв., 823, л. 118.

⁶⁾ Ibid., л. 118 об.

⁷⁾ Напр., Тв. 152, л. 55 об., 56 и др.

⁸⁾ Тв. 823, л. 130.

Въ другой пѣснѣ:

„Тужу зѣло и вздыхаю, ах мнѣ, умираю!
Когда милаго не вижу, жива быть не чаю“¹⁾.

Покинутая своимъ другомъ находитъ въ себѣ сходство съ „изгибшей въ темномъ лѣсѣ горлицей“²⁾; подобно этому и въ другой пѣснѣ находимъ сходный образъ:

„Горлица убо скорбитъ сугубо,
Егда друга си не взираетъ;
Имѣетъ жалость, дышетъ радость,
А на сухомъ дровѣ сѣдаетъ“³⁾

Наконецъ третья форма, въ которую отлился тотъ же образъ тоскующей въ разлукѣ съ другомъ, имѣется въ слѣдующихъ стихахъ: безъ милой авторъ тоскуетъ „яко горлица ныне супруга лишена“⁴⁾.

Чтобы приблизиться къ милому (=милый), пѣсня часто пользуется, какъ поэтическимъ оборотомъ рѣчи—выраженіемъ *желанія имѣть крылья*; выраженія этого рода собраны нами въ прежней нашей работѣ⁵⁾; здѣсь приведемъ еще одинъ случай изъ рук. Тв. музея № 152, л. 84 об.:

„Кто мнѣ *горлицы крылы* можетъ дати,
Полечю в лѣса по други рыдати“.

Разлука случается обычно по наговорамъ товарищей:

„А что нажель себе друга помисломъ нелесна,
Разумна, умна, манерна и чесна,
А моя то братья за то не валюбил
И с милымъ другомъ скоро разлучили.
Обнесли дя злыми словами дожно,
Ах горе, горе, терпети не можно!“⁶⁾

или вслѣдствіе козней враговъ-разлучителей, сплетаемыхъ ими „хитростныхъ сѣтой“⁷⁾.

Очень любить старинная пѣсня изображать слѣдствія разлуки и

¹⁾ Тв. 152, 53 об.

²⁾ *Столптовъ*, Тв. 152, 48 об.

³⁾ *Ibid.*, л. 47 об.

⁴⁾ Тв., 823, л. 108 об.

⁵⁾ Исслѣдованія, т. I, 1. стр. 249 и слѣд., ср. въ сб. Дяубаревича № 3 и № 9; часть 2, стр. 181; *Груш.*, № III и № XIV.

⁶⁾ Рукоп. Тв. м., № 823, л. 122, пѣсня 102.

⁷⁾ Исслѣд., I, 2, 188.

оплакивать горькую судьбу покинутого (и покинутой), не щадя гиперболическихъ выраженій (ср. у Момса):

Въ разлукѣ—

„... печаль наступаетъ,
Бедно сердце в прахъ сдается
Землею покрываетъ“¹⁾.

Въ другой пѣснѣ говорится:

„... Во дни и в ночи ты вспоминаю;
Уже с печалю по тебе пропала
И сердца мѣ своимъ далече внутрь впала;
Лепота моя с лица изменилася.
Слышит мое сердце что с тобою разлуку
Предамся живо на ташкую муку...“²⁾

Оставленная другомъ говорить, что она „свѣта очию моею лишена“³⁾; что у нея отъ горя „власы кроются сѣдинами“⁴⁾. Въ одной пѣснѣ находимъ жалобу на судьбу и даже угрозу: если судьба разлучитъ помощю съ милымъ, то „в печали ея жизнь погубить“⁵⁾. Покинутый своею милой обрекаетъ себя на вѣчное одиночество:

„Ой пойду я в густые лѣсы и темные пущи,
Забудуюся у долину, нѣмого не пущу“⁶⁾.

Обычное и даже почти неизбежное слѣдствіе изображаемыхъ чувствъ—слезы, плачь, рыданіе, эти постоянные аксессуары чувствительнаго романа, появившагося въ Россіи въ петровскую эпоху. Жалобы на печаль въ пѣсняхъ той же эпохи очень часты, но форма ихъ далеко не та, что въ старшихъ записяхъ народныхъ пѣсень. „Живу в печали і всегда в жалости“⁷⁾, „Сердце в печалехъ рыдаетъ“⁸⁾, „Плачь горькій меня уязвляетъ“⁹⁾, горе „мои очи от слезъ помрачило“¹⁰⁾, „ахъ, какъ вспомню любовь прежнюю, слезами

¹⁾ Тв. 823, 111 об., вь рук.: „покропъ“.

²⁾ Ibid., л. 122 об.

³⁾ Тв., 152, л. 84 об.

⁴⁾ Исслѣд., I, 2, стр. 189.

⁵⁾ Тв., 152, л. 56 об.

⁶⁾ Исслѣд., т. I, ч. 2, сб. Дзюбаревича, № 2.

⁷⁾ Тв., 152, л. 50.

⁸⁾ Тв., 823, 122 об.

⁹⁾ Тв., 152, л. 50.

¹⁰⁾ И. П. Б. Q. XIV, № 141 (Иссл., I, 1, 189).

зальюся“ ¹⁾, „В слезах сердце утопила, жалем изнурила“ ²⁾, „слезы мои проливаю, ты (возлюбленная) зри мою муку“ ³⁾—вотъ обычныя выраженія скорби въ разлукѣ и по другимъ причинамъ. Печаль, тоску нераздѣленной любви однообразно выражаютъ въ слезахъ и мало-русскіе образцы нашихъ виршенищевъ, и нѣмецкіе авторы: у Дюбаревича читаемъ:

„Нехай мои слези наполняютъ потоки
При несчастной годивѣ
Тамъ уже, бачу, треба мнѣ жити
И з несчастной долѣ горкѣ слези нити...“ ⁴⁾

Тѣ же слезы, „дробныя слезоньки“, находимъ и въ нѣкоторыхъ мало-русскихъ пѣсняхъ XVIII вѣка—вѣроятно, также школьнаго, ученаго происхожденія, попавшихъ въ рук. И. П. В. Q. XIV, № 127 (16, 48, 50 и др.) ⁵⁾.

У Пауса—та же слезливость:

...„Ты недвижна будешь чаю,
Хотя и слезный дождь зливаю“ ⁶⁾.

Въ стихотвореніи Монса—герой такъ пораженъ, что даже не можетъ „очима плакати“ (см. выше). Такой гиперболизмъ не чуждъ вообще стихотвореніямъ интересующей насъ эпохи:

„Кто двесь ми послетъ горькихъ слезъ криници
Оплакалабъ я свои плачущи звѣнци“ ⁷⁾,

Или—

„Ахъ распалися на ми огнь геэвный
И себе вижду в жизни прежѣнной:
Нынѣ азъ бѣдны в бѣдахъ обретаюсь
И от жестокихъ злости ужаасаюсь...“ ⁸⁾

Плачущій (или плачущая) по своему любезномъ другѣ общается плакать по немъ *точно*:

¹⁾ Ть. 823, л. 123; 122, л. 56 об.

²⁾ Ть. 152, л. 57.

³⁾ Ibid., л. 55.

⁴⁾ Исслѣдованія, I, 2, стр. 169.

⁵⁾ Ibid., I, ч. 1, стр. 177 и др.

⁶⁾ Исслѣдованія, т. III, ч. 2, стр.

⁷⁾ Ть., 152, 84 об.

⁸⁾ Ibid., л. 58.

„В непрестанной горести буду пребывать,
Слезы своя прегорняя асчи изливати“¹⁾.

Всѣ имѣютъ свое счастье—жалуется авторъ другого стихотворенія—

„Единъ бо азъ вѣкъ свой плачу,
Красность и здравие трачу“²⁾.

Слезы одиночества, слезы любви иногда *томятъ* плачущаго, оплакивающаго свое горе: „Ты мя полонила, в слезахъ утопила“³⁾; горе и риомующее съ нимъ *море*—подразумѣвается слезъ, часто находимъ въ этой слезоточивой лиричкѣ: „Всегда живу в горе, въ слезахъ—амъ в мори“⁴⁾. Этотъ оборотъ находимъ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній лишь съ незначительными вариациями, не мѣняющими существа дѣла и явившимися чрезъ приснособленіе этого выраженія къ разнымъ положеніямъ разными авторами⁵⁾.

Въ стихотвореніяхъ, насъ занимающихъ, почти всегда изображается, какъ преобладающее явленіе, „любовь злая“⁶⁾; явившись какъ-то извиѣ, она кажется какою-то страшною силой, съ которою невозможна борьба для человѣка.

Потерявши надежду на счастье, страдающій отъ любви проситъ позволить ему быть въ горѣ до гроба:

„Коли от радости отчюжденна нынѣ,
До смерти пребыть желаю во злой кручинѣ“⁷⁾.

Смерть отъ любви—обычный пріемъ, которымъ авторы интересующихъ насъ стихотвореній украшаютъ свои опыты. Смерть и любовь, эта обычная пара въ мировой поэзіи, рисуются въ нашихъ матеріалахъ то въ риторически приподнятыхъ фразахъ, то въ сентиментально слезливыхъ изліяніяхъ, но опять-таки и здѣсь этотъ образъ умирающей жертвы любви (добровольной или недобровольной)—навѣянъ иностранными чуждыми вліяніями, польско-малорусскимъ и нѣмецкимъ, и отсутствуе въ пѣсняхъ чисто народныхъ въ записяхъ XVII в. и начала XVIII в.

¹⁾ Ibid., л. 50 об.

²⁾ Ibid., л. 72 об.

³⁾ Ibid., л. 68 об.

⁴⁾ Тв., 823, л. 80 об.

⁵⁾ Тв., 152, л. 68 об., 84 об.; Тв., 162, пѣсня 9 и др.

⁶⁾ Тв., 823, л. 118 об.

⁷⁾ Тв., 152, л. 67 об.; въ рук.: „вчинѣ“.

Разсмотримъ сначала случаи втораго вліянія. У Пауса находимъ въ одномъ случаѣ жалобу:

„Желанье сердце поедаетъ,
Отчаяніе во гробъ метаетъ“¹⁾.

Въ томъ же его стихотвореніи, нѣсколько ниже:

„Умиру и лучше умирати,
Нежь безъ Доринде долго жить“.

Монсъ патетически восклицаетъ: „ахъ, не умари меня“ (см. выше), что находитъ себѣ откликъ въ русскомъ подражаніи:

„Хотя сердце бес пользы горитъ,
Знать, что любовь мя уморитъ“²⁾.

Авторы дѣсенъ выражаютъ иногда желаніе смерти, чтобы угодить измѣннику:

„Плачь мое сердце, умри и тѣло;
Изгни и душе: ты того хотѣла“³⁾.

Или иначе:

„...Терзаю утробу,
Угодно будетъ—предамъ себя гробу“⁴⁾.

Въ одномъ стихотвореніи влюбленный проситъ застрѣлить его:

„...Застрелите мое сердце бѣдное
И в себѣ невольное“⁵⁾.

Въ другомъ онъ умираетъ отъ любви при мысли о ней:

„Ахъ умираю, когда споминаю,
Во своемъ несчастьи себе проклинаю“.
„...С великимъ жалемъ и умираю“...⁶⁾

Въ томъ же сборникѣ читаемъ такое патетическое обращеніе:

„Терзаю себе и терзати маю“⁷⁾
Уже ни отъ кого помощи не чаю,

¹⁾ Исследованія, т. III, ч. 2, стр. 138.

²⁾ Тв., 823, л. 92 об.

³⁾ Тв., 152, л. 64 об.

⁴⁾ Тв. 823, л. 81, № 5.

⁵⁾ Тв., 152, л. 68 об.

⁶⁾ Ibid., 64 об.

⁷⁾ Въ руж. описки: „таю“.

Пусть духъ мой да умрѣвится,
И тѣло бѣдное гробу предастся! *)

Въ другой пѣснѣ—лишеніе зора милой вызываетъ также роковое рѣшеніе:

„На очи милы не дають взрати:
Ах, беда, беда! хочу умираги!“ **)

Или въ томъ же сборникѣ пѣсень:

„Давно цветочка сего не видала,
Истинно со скуки часто умрала,
Такожь слезы по вся ночи
Испушала мои (2) **).

Наконецъ, въ пѣснѣ того же сборника находимъ такой характерный для стиля любовной лирики начала XVIII в. рефрентъ:

„Ахъ, умираю, весь наста(е)ваю!
Милости подай!“ **).

Обращаемся теперь къ случаямъ, въ которыхъ можно видѣть слѣды польско-малорусскаго вліянія. *Смерть отъ любви*, какъ опредѣленная заѣзженная формула, чувствуется уже въ одномъ польскомъ стихотвореніи, занесенномъ въ русскій сборникъ, едва ли не конца XVII вѣка:

„Ja na twym grobie
Napiszę sobie,
Że umrzeć muszę z śmierci“ **).

Угрозу смертью отъ любви съ тою же риемой находимъ и среди виршъ Даюбаревича:

„Дивчинонько, пригори мя к собѣ,
Бо як ти мя не пригорнемъ, обачишъ мя в гробѣ“ **).

Это мотивъ нерѣдкій и въ позднѣйшей малорусской народной пѣснѣ, попавшій туда не безъ вліянія литературныхъ виршъ. У

*) Ibid., т. 53.

**) Тамъ же, 823, т. 122.

*) Рук. Тв. м., № 823, т. 72 об.

4) Ibid., т. 127 об., послѣ каждой строфы; въ рук. „поставлю“.

5) Въ русской транскрипціи см. наши Исслѣдованія, т. I, 1, стр. 190-1, рук. И. П. Б., Q. XIV, № 25.

6) Исслѣдов., I, 2, стр. 163, № 2.

того же автора дѣвушка патетически просить въ горѣ отъ угрожающей разлуки съ милымъ:

„Свѣтъ, померкни; словце, затворися,
Предъ моими очима нѣгди не свѣтися...“¹⁾

Гиперболически выраженную страсть и желаніе смерти находимъ и въ русскихъ искусственныхъ виршахъ:

„Разве иттить в лесы печаль проводить?
Асида сискать и тело
С васклискомъ вкупе растерзають в муки
И себя згублю (2)“²⁾.

Желаніе быть растерзаннымъ звѣрями, выраженное въ виршѣ Дяубаревича:

„Лютые звѣрата, озміте в пустыню,
Разшарайте мене на малу дробину“³⁾—

перешло въ кругъ русскихъ авторовъ и вызвало, можетъ быть, подражаніе въ слѣдующихъ стихахъ:

„Ах вы, лютые звѣри, прибегайте ко мне.
Вотъ вамъ сладкая пища:
Растерзайте меня“⁴⁾—

просить дѣвушка, покинутая своимъ другомъ.

Несчастная любовь, не какъ эпизодъ, а какъ специально взятый сюжетъ цѣлаго стихотворенія—очень обычная тема среди тѣхъ опытовъ первоначальной лирики, которымъ мы посвящаемъ наше изслѣдованіе. Имѣемъ ли мы въ нихъ отраженіе быта, или только перебивы чужой поэзіи, или даже—хотя бы воспроизведеніе въ новой формѣ старыхъ мотивовъ, свойственныхъ безыскусственной народной пѣснѣ—для насъ не представляетъ въ настоящее время особаго значенія. Любопытно прослѣдить, во-первыхъ, какъ обширно трактуется этотъ сюжетъ, любимый въ опытахъ Мюссе, и какими приѣмами, какою фразеологіей пользуются авторы для обработки этого сюжета?

Нужно прежде всего отмѣтить, что приемы здѣсь чрезвычайно элементарны и повторяются почти безъ варіацій въ рядѣ различныхъ

¹⁾ Ibid., № 4.

²⁾ Ть., 823, 74 об.; строфа испорчена, должно быть послѣ „тело“ надо добавить „на штуки“ (?).

³⁾ Изслѣдов., тамъ же, № 4.

⁴⁾ Ть., 823, л. 82 об.

стихотвореній, до такой степени „неудачная, несчастная любовь“ отлилась въ сознаниі виршеписцевъ въ опредѣленную, законченную форму. Приводимъ большой отрывокъ, какъ наиболѣе типичный:

„Ах, мое сердце, покою не вижу,
Не зрю моею милой, себя ненавижу,
Мне предрагая язву положила,
Своею красотою сердца узвила.
Только искалъ я счастья, с трудомъ получаю,
Отчего вестна самъ изнемогаю.
Щасливъ тотъ в свете, кто любовь не знаетъ.
На что тую любовь начинаютъ,
Когда впродолжени еѣ оставляють?
Не могу терпѣти всякие муки—
По возлюбленной всегда злыя скуки“... ¹⁾

Тѣ же мысли, но нѣсколько въ иной формѣ:

„Менше б было сердцу моему печали
Ахъ, естли бы на семь свѣтѣ другъ друга не знали.
Лутше бы мнѣ было с тобою не знатся,
А нежели в любви живши приходит растатца... ²⁾

То же, но въ очень плохомъ текстѣ:

„Рад бы завсегда был, когда вас не знатъ,
Любезными стрелы никогда ни бровзатъ“... ³⁾

Воспоминаніе о прошедшемъ — также одинъ изъ любимыхъ мотивовъ сентиментальной лирики; не миновали его и наши гѣсни:

„Где златое время и дни предрагіе?
Минулися часы любезны благія“ ⁴⁾

Къ числу такихъ же неизбѣжныхъ аксессуаровъ относится и „*стичная любовь*“; этотъ ходячій со временъ античной древности мотивъ очень любимъ нашими авторами:

„Кто кого любить
Во векъ не забудеть“ ⁵⁾
„Докогда буду на свѣтѣ жити,
Всеусердно пмаю ты любить“ ⁶⁾

¹⁾ Тв., 823, л. 75 об., № 17.

²⁾ Тв., 152, л. 56 об.; вариантъ въ № 823, л. 123.

³⁾ 823, л. 127 об. (sic).

⁴⁾ Ibid., л. 111; въ руж.: „блачниа“.

⁵⁾ Ibid., 122 об.

⁶⁾ Тв., 152, л. 61.

„Азъ уже, мой друже, непрестанно любите,
Никогда, но всегда, докогда имамъ жити“¹⁾.
„Сердцемъ возлюбленна, къ любви обращенна!
Донесе въ свѣтъ буду, тебе незабуду“²⁾.
„Не тужи моя милая, не забуду ты красна.
Любовь твою не забуду,
Доколе жить здесь буду“³⁾.

Вѣчная любовь—любовь до смерти:

„Ажь терпѣти бѣдно мучимо остану,
Вѣрно любить вѣчно мило не оставлю,
Развѣ смерть мнѣ очи скрывать—
Бѣдно сердце в прахъ изыскать
Земля мя прикрывать“⁴⁾.

Возлюбленная, въ свою очередь, обѣщаетъ не забыть до гроба и выражаетъ надежду на будущее счастье:

„Будь здоровъ мой милы, язь⁵⁾ тебя не забуду:
Единъ ты въ сердце, доколь жива буду“...⁶⁾.

Все это—отзвуки, можетъ быть, школьной, ученической лирики, отзвуки гораціанскаго „*tecum vivere amet, tecum obeam libens*“. Но уже видъ сомнѣній явленіе болѣе позднее—сентиментальная *просьба* *любленнаго написать на гробѣ*, что умеръ вѣрнымъ своей милой:

„Естьли смерти мнѣ желаешь, приди послушай мене,
Естьли душу погубляеш в послѣднѣе прошу тя:
На гробъ ели написать, что умрох в моей твердости
I вѣчнымъ своимъ азъ пошелъ спать в совершенной вѣрности“⁷⁾.

Чтобы закончить нашъ обзоръ пріемовъ, какими пользуются авторы любовныхъ стихотвореній петровской эпохи, мы должны коснуться еще трехъ вопросовъ: какъ рисовалась *судьба-доля* этимъ авторамъ, поскольку отразилась на ихъ твореніяхъ любовь эпохи къ классическимъ украшеніямъ въ видѣ *боговъ и героинь* античной древности, и, въ-третьихъ, ознакомится съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ наблю-

¹⁾ Н. П. Б. Q. XIV, № 141, Изслѣдов., I, 2, стр. 188.

²⁾ Тв., 152, л. 47.

³⁾ Тв., 823, № 117, № 91.

⁴⁾ Рукоп. Синод. учил. церк. пѣни, № 316, л. 84 об.

⁵⁾ Въ рук. „акъ“.

⁶⁾ Ibid., л. 111.

⁷⁾ Тв., 152, л. 59 об.—60.

дается въ изучаемыхъ стихотвореніяхъ *Naturgefühl*, часть ли пейзажъ и какъ, изображая его, пользуется имъ авторъ?

Начнемъ съ доли-судьбы. Не касаясь того, что сдѣлано для объясненія народнаго пониманія этого образа народнои поэзиі Ал. Н. Веселовскимъ, А. А. Потебней и другими, обратимся къ нашему матеріалу,

Доля является „проклятой“¹⁾ для неудачника. „Злое несчастье“, всячески „оскорбляя“ его „всѣ члены мелко раздробляетъ“²⁾. Авторъ иногда обращается съ призывомъ къ счастью:

„Счастье, где ты пребывашь?
Иль <с> звери обитаешь?
Предстань счастье <с> звери жити,
Приди вь бедному пособити“³⁾.

Обычно въ пѣсняхъ фигурируетъ не доля-счастье, а „фортуна“, вмѣстѣ съ именемъ представляющая и нѣкоторыя отличія болѣе существенныя. Она, какъ было то во вкусѣ и понятіяхъ времени, выступаетъ въ обычномъ свойственномъ ей аллегорическомъ облаченіи, съ своими постоянными атрибутами. Въ старинной русской драмѣ, современной анализируемымъ пѣснямъ, „Фортуна“ изображалась въ видѣ особаго лица, сопутствовавшего герою пьесы и когда слѣдовало — отходившаго отъ него⁴⁾. Тамъ, гдѣ Фортуна не играетъ только роли статиста, а говорить, она—„вертитъ колесо“, „коло вертитъ глаголя“⁵⁾. Такою же является она и въ пѣснѣ:

„Ахъ злая фортуна зделала такъ вдругъ“⁶⁾,
Обратила вскорѣ коломъ своимъ вдругъ“⁷⁾.

Почти всегда Фортуна является „зрадливой“⁸⁾, т. е. измѣнчивой, предательской, какою она перешла и въ малорусскую полународную полукнижную пѣсню, Головацкаго (II, 570) „Фальшивая Юно, зрадливая Фортуна“. Вслѣдствіе этой измѣнчивости Фортуны—рядъ нареканій на нее; она—причина несчастья, разлуки влюбленныхъ:

¹⁾ Исслѣдов., I, 2, стр. 171.

²⁾ Ibid., стр. 189.

³⁾ Ть., 823, л. 75.

⁴⁾ См. наши Памятники русск. драмы эпохи Петра Великаго, стр. 377.

⁵⁾ Ibid., стр. 30, 57, 358, 360, 378, 381.

⁶⁾ Ть., 823, л. 72 об.; въ рук. „вдругъ“.

⁷⁾ Въ рук.: „вскорѣ“ и „вдругъ“.

⁸⁾ Ть., 152, л. 49 об., 50, 56 об.

„Фартуна злая учинила,
 Что меня с тобою разлучила“¹⁾.
 „Фортуно злая, злости представляешь,
 Благо во злое всегда пременяешь“²⁾.
 „Фортуна злая мне ничему не служить,
 Ах, мое сердце непрестанно тужить“³⁾.

Страдающая от несчастной любви восклицаетъ въ отчаяніи:
 „мучь, злая Фартуна за мила друга“⁴⁾; или—

„Фартуна несчастлива сие учинила
 Даровала друга и с нимъ разлучила“
 и ниже—
 „Кто мне миль баше, себя лишаши;
 Ибо фартуна такъ сотворила...“⁵⁾.

Эти обороты иногда сглаживаются и, утративъ риторическую шероховатость, приобретаютъ болѣе простонародный оттѣнокъ, напр.:

„Проклятая та моя фартуна, что такъ учинила,
 Меня мяду со милемъ другомъ вовекъ разлучила“⁶⁾
 „Ах, злая еортуна, веселья лишила!“⁷⁾.

Въ малорусскихъ записяхъ Дзюбаревича является „фортуна мизерна“ (Дз. № 4). И только разъ среди нашего матеріала намъ встрѣтилось:

„Фартуна мила—любовь возбудила“⁸⁾.

Переходимъ къ слѣдамъ школьнаго классицизма, любившаго украшать произведенія пера кстати и некстати мнѳологіей. Подобно тому, какъ въ только что упомянувшейся выше драмѣ 1731 года цѣлыя явленія полны разговорами и характеристиками боговъ⁹⁾, и въ нашей области боги древняго Олимпа находятся въ изобиліи.

Чаще всего здѣсь встрѣчается *Венера* и *Купидо*—ихъ находимъ болѣею частью вмѣстѣ, первую въ рук. Тв. 152, 53 об., 78 об.;

¹⁾ Тв., 823, л. 111.

²⁾ Тв., 152, л. 50.

³⁾ Тв., 823, л. 122.

⁴⁾ Тв., 823, л. 73 об.

⁵⁾ Ibid., л. 123.

⁶⁾ Тв., 823, л. 80.

⁷⁾ Исходков., I, 2, стр. 180.

⁸⁾ Тв., 823, 128 об.

⁹⁾ Пам. русск. драмы, стр. 86 и 183.

823, 84 об., 85 об., 118; второго—тамъ же, кромѣ послѣдняго случая. Затѣмъ не разъ встрѣчается *Аполло*, Тв. 152, л. 66. 68 об. и 823, 128 л.; по разу: *Музы* 823, л. 85 об.; *Волканъ*, 152, л. 84 об., *Персефона*, *ib.*, *Беллона*, *ib.*, *Марсъ*, *ib.*, *Минерва*, *сатт. lugubria* ¹⁾, 1; *Паллада*, *ib.*, 2; *Еоль*, *ib.*, 1; *Химера*, 823, л. 85 об., *Анионъ*, 152, л. 68 об.

Изъ этихъ боговъ Аполлонъ—при счастливой встрѣчѣ влюбленныхъ:

„Аполло ливуеть, светло торжествуетъ“ ²⁾.

Купидонъ или „злая Купида“—жестокій богъ любви, насквозь пробиваетъ сердце ³⁾, но онъ же и добрый соединитель сердецъ, онъ приноситъ милость Венеры ⁴⁾, собираетъ влюбленныхъ вмѣстѣ, его дѣло „юнымъ угождати“ ⁵⁾; отмѣтимъ курьезное отношеніе къ Богу:

„Ахъ, Боже, дай милости,

Узри мя в жалости;

Уби' влюю Купиду

За мою обиду“ ⁶⁾.

Относительно обильнаго употребленія такихъ мифологическихъ украшеній особенно характерна часть пѣсни „Кто мнѣ дастъ слезы, яко же Рахилн...“; здѣсь читаемъ:

„На что мы прежде любовь совершали,

Сердце ковати *Волкана* не звали.

Лучше бь *Персефона* насъ умертвила,

Отеса пескомъ гробнымъ покрыла.

Лучше бы в насъ *Марсу* мечъ свой утопиги,

Виллиону (sic) стрѣлъ кровню упогиги;

А ныне мы друг друга ни в очи не видаемъ,

Но в вѣрныхъ сердцахъ всегда пребываемъ.

О *Венеро*, к тебѣ прибѣгаю,

Къ тебѣ я прозбу свою простираю.

Лви намъ нынѣ своей благодати,

Пошли *Купиду* насъ наши собрати,

Да мы другъ друга зряще вселимся,

И в вѣрной любви до смерти насладимся“ ⁷⁾.

¹⁾ Рук. Кіево-Соф. собора № 686.

²⁾ Тв. 823, л. 128.

³⁾ Тв., 152, 64 об.

⁴⁾ *Ibid.*, л. 47.

⁵⁾ Тв., 823, л. 99 об., № 62.

⁶⁾ Тв., 152, л. 37.

⁷⁾ *Ibid.*, л. 84 об.

Переходимъ къ послѣдней подробности, характеризующей лирику начала XVIII столѣтія, къ чертамъ природы, пейзажа, вообще къ тому, что выражаетъ *Naturgefühl*, чувство красоты природы, поскольку оно доступно авторамъ нашихъ пѣсенокъ. Ученые, изслѣдовавшіе вопросъ объ отраженіи красоты природы въ поэзіи, отмѣтили уже, что пониманіе и эстетическая оцѣнка природы есть „одно изъ самыхъ позднихъ, долго и упорно завоевываемыхъ достояній нашего сознанія“ ¹⁾. Биве отрицаетъ существованіе этой отрасли эстетическихъ воспріятій у древнихъ; она является только въ періодъ предсмертныхъ усилій античной поэзіи; „въ нашемъ смыслѣ воспроизводить природу и сознательно любятъ ею только Авзоній и Фортунатъ“ ²⁾.

Въ народной нашей пѣснѣ обращеніе къ природѣ — довольно обычно, особенно такъ называемое *Natureingang* ³⁾, но едва ли нельзя о немъ сказать того же, что говоритъ Дидъ о природѣ въ поэзіи трубадуровъ: „зелень луговъ и деревьевъ, запахъ цвѣтовъ, ясность солнца, пѣніе птицъ исчерпываютъ содержаніе весеннихъ заговоровъ, и они пестро нагроможденные другъ на друга просто-на-просто перечисляются“ ⁴⁾. Короче сказать—природа въ этой, уже искусственной, поэзіи играетъ роль случайнаго аксессуара, украшенія, которое можетъ быть и не быть; у насъ, въ интересующей насъ сентиментальной лирикѣ природа, обращенія къ ней, случайныя черты ландшафта—не являются также необходимымъ слѣдствіемъ психологическаго состоянія пѣвца, автора пѣсни, а служатъ лишь въ качествѣ одного изъ риторическихъ приемовъ, какъ мы видѣли, нагромождаемыхъ безъ особой разборчивости и чувства мѣры. Во всякомъ случаѣ упоминанія о природѣ въ интересующихъ насъ пѣсняхъ нельзя ставить въ связь съ народно-пѣсеннымъ параллелизмомъ, о которомъ далъ прекрасныя изслѣдованія А. Н. Веселовскій. Одно—безсознательное сопоставленіе того, что имѣетъ черты едва уловимаго, но несомнѣнно реальнаго для поэта сходства; другое—преднамѣренный риторическій приемъ сентиментальной манерной лирики поздняго миннегезанга, перекочевавшій въ нашу, всегда развивавшуюся съ запозданіемъ подражательную литературу.

¹⁾ *Е. Амичковъ*, Весеннія обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ, 1903 г., ч. 1, стр. 74.

²⁾ *A. Biese*, Die Entwicklung des Naturgefühls bei den Griechen und Römern; *Амичковъ*, *ibid.*

³⁾ *Ibid.*, стр. 75.

⁴⁾ *Ibidem.*

Начнемъ нашъ обзоръ съ обращеній; въ пѣснѣ пѣмца-анонима (Пауса?) не разъ встрѣчаемъ обычное обращеніе къ звѣздамъ: „звѣзда, ей же я молюся...“, или:

„Звѣзды скажите мнѣ, аще видали
Несчастью моему подобное...“.

Далѣе — обращеніе къ солнцу, къ небу. Нѣчто подобное и въ пѣснѣ русскаго автора:

Взойди скорей солнце, подай очамъ светъ...“¹⁾.

Облако—печаль, отуманивающая влюбленнаго:

Неспокойная всегда погода бываетъ,
Егда воздушный облакъ солнце закрываетъ;
Неутѣшная печаль всегда быти можетъ
Тому, кто мила друга зрѣти не возможно“²⁾.

Неуклюжее сравненіе горя съ зимою: какъ зима все расточаетъ, такъ горе заставляетъ забыть бывшее счастье — изложено въ пѣснѣ такъ:

„Егда пройдетъ³⁾ цвѣтъ младости,
Нечаетъ уже радости:
Зима была неприятна,
А жизнь наша превратна.
В старомъ вѣку пѣть повою,
Только болезни и бедую.
Когда щастие не было
А уже в радости мила (2) (?).
Весна цвѣтъ зеленеетъ,
А осень во всемъ богатеетъ,
А лѣтомъ что собираетъ,
Зима то расточаетъ“⁴⁾.

Слѣдуетъ жалоба на уходящую лѣта и приближеніе старости (=зимы). Вся эта часть стихотворенія представляетъ вялое переложеніе готоваго матеріала, а не воспроизведеніе непосредственнаго воспріятія впечатлѣній природы. Она, думается, навѣяна чрезвы-

¹⁾ Тв., 823, л. 84.

²⁾ Тв., 152, л. 50 об.

³⁾ Въ *рук.* „придетъ“.

⁴⁾ Тв. 823, л. 74 об.—75.

чайно популярной статьёй „Притча о годѣ“, содержащей иллюстрированное описание времёнъ года ¹⁾).

Весна въ частности изображается въ пѣсняхъ такъ:

Плетитесь теперь с листками сучечки ²⁾,
 Светите в лугахъ драгиа цветочки;
 Ужь сонце лучи блистаеть,
 С рекъ, морей побеждаетъ
 Пески с водою.
 Шумять с холмы горы, смягчите снегъ с водою.
 Красисъ земли с травой зеленой
 Красисъ травой зеленой, выростаи плоть (?) водою
 Умахчись сея премена
 Уберисъ въ твоихъ гротахъ (?).
 Поите птички все радосно и в слезахъ,
 Тоучите слетки пастушки в травахъ
 Пасите везде овечекъ, наслаждаите сихъ красоть,
 Хотя в лесахъ, аи блись рекъ,
 В васъ много в садахъ способу ³⁾.

Эта пѣсня дошла до насъ въ очень испорченномъ видѣ и, кажется, можетъ быть отнесена къ 1740-мъ годамъ: по крайней мѣрѣ въ старшихъ опытахъ чувствительной лирики начала вѣка мы еще не находимъ упоминаній о пастушкахъ и ихъ подругахъ, явившихся у насъ позже подъ напоромъ оживившагося французскаго влiянiя елисаветинскаго времени.

Изображенiе весны въ пѣснѣ № 91 того же сборника отличается всѣми свойствами пѣсонъ начала XVIII столѣтiя ⁴⁾:

„Присие ныне весны время,
 В немъ же великое время.
 Цветы равно все цветуще
 Члвече (?) растуще.
 Цветы вси украшахуса,
 Людие вси радовахуса.
 Листвие з древесъ взимають
 I теми украшають.

¹⁾ Въ рук. XVII и XVIII вв. очень часто. См. *Соболевскiй*, Западное влiянiе на русскую литер. Московской Руси, 1899 г., стр. 78, *Буслаевъ*, Истор. Очерки, II, 314 — 319; Правосл. Собесѣдн. 1860 г. I и др., текстъ и библиогр. указаны у *Никольскаго*, Описание рукоп. хранящ. въ архивѣ Св. Синода, I, стр. 587—589.

²⁾ Въ рук.: „с листками сучки“.

³⁾ Тв., 823, л. 118, № 94.

⁴⁾ Тв. 823, л. 116 и обор.

Ибо вода разлилася,
 Люди ¹⁾ просветились.
 Птицы красно воспеваютъ,
 Человѣковъ утешаютъ. ||
 Ты же, красна девица,
 Какъ чистая голубица,
 I возри ты веселенко,
 Что была миленко.
 Здравствуй, моя предрагая ²⁾.
 О девице милая!
 Долголь азъ буду жити,
 Предрагую любить" и т. д.

Помимо майскихъ пѣсенъ западной Европы, на складѣ этой пѣсни чувствуется вліяніе общихъ мѣстъ упомянутой притчи о годѣ: „весна образуетъ юность“, „любима бо всѣмъ и сладка“, „въ веснѣ многоразличные и красные дни бываютъ“, „отъ весны именуется перво-время и потомъ по малу начинается листвіемъ одѣваться“... „а еже веселіе яко обычай есть в веснѣ красноденству“, „также тогда и люди радующа и собираютъ богатство“, „Вся же челоуѣцы, скоты, звѣри, и птицы прекрасному времени богородному радующа и веселяща“, „А весна богатѣетъ богатствомъ цвѣтовъ и плодовъ земныхъ“ ³⁾.

Въ нашей пѣснѣ изображеніе весны—не болѣе какъ риторическое украшеніе; далѣе рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, покинутой милымъ, который обѣщаетъ не забывать о ней. Это обязательство даетъ поводъ сблизить нашу пѣсню съ народными, воспроизводящими тотъ же сюжетъ. Но, думается, едва ли можно установить здѣсь какую-либо зависимость въ смыслѣ приоритета послѣднихъ.

Переходимъ къ тѣмъ чертамъ отраженія природы въ пѣсняхъ, гдѣ эти отраженія имѣютъ цѣлью передать не радостное настроеніе автора и поющаго лица, а горе, отчаяніе. Иногда авторъ прибѣгаетъ къ бурѣ, грому, дождю, которыми символизируется его горе ⁴⁾.

...Сыплетца гратъ, стрехчетъ ⁵⁾ громъ ужасно“...

...Тамъ дожикиъ лѣтца, вветры с шумомъ бѣютъ.

¹⁾ Въ *рук.*, „Іудне“.

²⁾ Въ *рук.*: „предрагая“.

³⁾ *Никольскій*, *op. cit.*, стр. 580.

⁴⁾ Ть., 823, л. 121 об.

⁵⁾ Въ *рук.*: „стрехеть“.

...Нетъ нигде свету, сонцебъ где сияло,
— Того ¹⁾ ужъ нетъ, чемъ сердце играло“...

Въ тоскѣ отъ разлуки съ милымъ дѣвушка ищетъ утѣшенія въ природѣ:

„Пойду ли я бедная, коли любовь злая,
Пойду я в леса дале, и лягу на траве.
Принесу жалобу во всю ту дубраву
Пушу его (sic) дали, живучи в печали“... ²⁾.

Въ другой пѣснѣ того же сборника—какъ будто не безъ вліянія народной поэзіи, — жалоба на разлуку съ милымъ, на „мерскія забавы“:

„Пуше отъ нихъ тошно, бежалъ бы хотъ в лесъ:
В лесу ползы нету, тамъ листья шумять,
Древа какъ нарочно печальны стоятъ, —
На нихъ глядеть тошно, все плакать велать“... ³⁾.

Въ пѣснѣ, можетъ быть, уже 40-хъ годовъ — обширное риторическое обращеніе къ природѣ:

Вамъ отрываю, леса дремучи ⁴⁾,
Слезнаго бедства вину,
Чемъ я рыдаю, горки слезы льючи
И настоящія часы клену...
...Полно шуметь вамъ, чистыя протоки,
Полно смущать мой покой,
Полно тревожить озера широки... ⁵⁾.

Въ пѣснѣ, носящей какъ будто отзвуки народныхъ пріемовъ, авторъ жалуется:

„Пойду з гора в чистая поля
Печаль провождать“ ⁶⁾.

Показанные примѣры обнаруживаютъ предъ нами — какъ кажется безспорно — большую бѣдность искусственной пѣсни начала XVIII вѣка въ области выраженія чувства природы. Если мы и встрѣчаемъ здѣсь кое-какіе намеки, то они либо восходятъ къ шаблоннымъ пріе-

¹⁾ Въ *рук.*: „то“.

²⁾ *Ibid.*, т. 118 об.

³⁾ *Ibid.*, т. 79.

⁴⁾ *Рук.*: „гремучіе леса“.

⁵⁾ Т. 823, т. 79 и об.

⁶⁾ *Ibid.*, т. 80.

мамъ искусственной европейской лирики, либо—въ слабой степени напоминаютъ приемы позднѣйшей нашей народной пѣсни, относительно которой еще подлежитъ сомнѣнію, всегда ли мы въ отдѣльныхъ случаяхъ имѣемъ древній *Naturgang*, отражающій полубезсознательную манеру символизированія настроеній и думъ народнаго пѣвца.

Мы прошли довольно утомительный, но и поучительный вмѣстѣ съ тѣмъ путь анализа отдѣльныхъ деталей старшихъ образцовъ искусственной лирики въ Россіи. И если хотя половина приведенныхъ фактовъ и соображеній можетъ имѣть надлежащую убѣдительность, то мы позволяемъ сдѣлать общій выводъ изъ всего сказаннаго и формулировать добытыя нами результаты.

Малорусская виршевая и пѣсенная литература съ одной стороны, а съ другой—дѣятельность нѣмецкихъ любителей стихотворства были плодотворны для русской зарождавшейся художественной лирики не только въ одномъ отношеніи — касательно размѣровъ и сюжетовъ, какъ это было выяснено ранѣе ¹⁾; малорусское, а главнымъ образомъ—нѣмецкое вліяніе оплодотворило русскую литературу, давши и *форму* выраженія русской поэтической мысли; при содѣйствіи его у насъ выработалась первоначальная поэтическая терминологія, державшаяся въ употребленіи до Ломоносова, точнѣе же—до обильныхъ переводовъ французскихъ пѣсенокъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVIII столѣтія.

Дальнѣйшее изслѣдованіе судебъ поэтического стиля лирической пѣсни не входитъ уже въ нашу задачу ²⁾.

Позволяемъ себѣ только въ заключеніе привести нѣсколько характерныхъ образцовъ лирики старшаго періода, въ дополненіе къ тому, что дано нами въ „Приложеніяхъ“ къ нашему труду „Изъ исторіи русской пѣсни“. Матеріалъ беремъ изъ прекраснаго сборника Тверского музея, № 152; они представляютъ намъ болѣе цѣнную и выразительную картину, чѣмъ отрывки.

1.

- л. 47. <O> колы велию радость а' есмь о'рѣто':
 Къпнда венерину милость принесо',
 Солнце ли свѣ' свои на мя спустило,
 И ялу печаль в радость мнѣ обратило?

¹⁾ См. наши Исслѣдованія, т. I и III.

²⁾ Вопросъ о стихѣхъ арій въ комедіяхъ и повѣстяхъ интересующей насъ эпохи будетъ предметомъ особой статьи.

Нынѣ печаль отвергаю
 И всю злость от сердца искореняю,
     Радость получаю, в сердце влагаю,
     Пред очима зрю, радость обращаю.
 Нынѣ тѣ радость умолинаю,
 Достоиню почтеніе всѣмъ пред'авляю.
     Сердцемъ возлюбленна, къ любви обращенна,
     Донеже в свѣтъ буду, тебе не забуду.

2.

- л. 47 об.—48.   Жалость предѣльна и пренебрежѣнна
                             На всякъ часть сердце сокрушаетъ.
 В радости бывшой, в надежди жившой
     Цвѣта любви вѣрной лишаетъ.
 Наносит мнѣніе, злое сомнѣніе,
     Непрестанну печал и жалость.
 Ибо отщегихся, мене отлучихся,
     Ахъ, сердечная моя радость.
 Несносна губить, кто кого любить.
     Людей злыхъ развращеніе
 Нанести свѣтъ тѣмъ, кто умѣетъ —
     Любезно соединеніе.
 Хотѣю желая зрѣти, въ приязни пребыти,
     Но не дасть злоба едина.
 Мнози развращаютъ, надежды лишаютъ,
     Ахъ, разлучна злая година.
 Истинна тягость, презѣнна жалостъ.
     О семъ кто друга не взираетъ.
 Имать сумнитца и злѣ крушитца,
     Аки воскъ от печали таетъ.
 Азъ хотѣю утѣшаюсь, но и сумнѣваюсь,
     Ибо истинны не взираю.
 Надежда хотѣю зрится, но не совершится,
     О волъ в жалости о семъ таю,
 Горлица убо скорбитъ сугубо,
     Егда друга си не взираетъ;
 Имѣетъ жалость, лишаетъ радость,
     А на сухохъ дровѣ сѣдаетъ.
 Коль мнѣ сокрушено сердце узавленно,
     Ахъ вѣсть ми в свѣтъ несчастнѣйша.
 Мню, что не имамъ зрѣти о чомъ сердце болитъ —
     Друга в приязни любезнѣйша.

3.

- л. 50.   Ахъ, печаль злая в сердце мое вселися,
                     Горестъ несносная лють вкоренися.

Увы, плачь горкій мена уязвляетъ,
 Скорби і злости в сердце представляетъ.
 Не пишу аз ни малой радости,
 Живу в печали і всегда в жалости.
 Уязвленный горемъ, что чинить, не знаю,
 Ибо никогда радости не маю.
 Жестоко счастья всегда мнѣ бываетъ,
 Фортуна злая злости престаляетъ,
 Благо во злое всегда премѣняетъ,
 Радости мои в печал обращаетъ.
 Охъ с печалию злою уязвленный,
 Жалостью злою всегда сокрушенный.

4.

л. 51 об. Аще бы постоянство пребывало въ свѣтѣ,
 Любовь тверда и непрѣмѣнна,
 Еже есть никогда нзмѣнна,
 К союзу влекущая в красном бо есть цвѣте.
 Егда ли вода можетъ быть недвижима,
 Ибо слабость сицеву имѣеть,
 Да идетъ ту, амо вѣтръ повѣетъ,
 Аще ли вѣтра пѣсть,—непоколебима.
 Непостоянную любовь, юже аз имѣю,
 Юже аз прежде возлюбихъ,
 Любовь тую днесь отлучихъ,
 О комъ благо получихъ, сердечнѣ болюю.
 А, нынѣ аз иную возлюбихъ, сердечнѣ,
 Еже точно самъ не могу знати,
 Какъ бы ея любовь сыскати,
 Ибо желаю друга пряти, любовь ихѣтъ конечнѣ.

В. Черетцъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Проф. Р. Винтеръ. Лекции по исторіи Греціи. Часть I. М. 1905. 230 стр. Цѣна 1 руб.

До сихъ поръ мы имѣли—разумѣю русскую, непереводную научную литературу—лишь одинъ самостоятельный общій курсъ греческой исторіи, да и то доведенный только до конца V в. до Р. Хр. Это—„Исторія Греціи“ П. И. Аландскаго, составленная изъ лекцій, во многихъ отношеніяхъ прекрасныхъ, но читанныхъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ¹⁾. А между тѣмъ въ послѣдніе именно годы разработка греческой исторіи ведется съ особенною интенсивностью; совершается рядъ замѣчательныхъ открытій, измѣняется самая точка зрѣнія, съ которой изучалась греческая исторія; въ иностранной, преимущественно нѣмецкой, литературѣ появились по этой исторіи замѣчательные общіе труды, и, несомнѣнно, у насъ ощущалась необходимость въ такомъ курсѣ, который стоялъ бы на уровнѣ современной науки. Недавно Н. И. Карѣевъ издалъ книгу: „Государство-городъ античнаго міра“, только-что появившуюся уже во 2-мъ изданіи, представляющую запись лекцій по древней исторіи, читанныхъ авторомъ въ 1902—3 г. въ Петербургскомъ политехникумѣ. Это—интересный „опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ“. Но Н. И. Карѣевъ не имѣлъ въ виду излагать собственно исторію Греціи: предметомъ его изученія служить древнее государство-городъ, какъ извѣстный историческій или соціологическій типъ; онъ говоритъ не только о Греціи, но и о Римѣ,

---

¹⁾ Онъ изданъ въ 1885 г., уже по смерти П. И. Аландскаго; въ 1899 г. переизданъ, но безъ всякихъ перемѣнъ.

но за-то, соотвѣтственно своей цѣли и темѣ, долженъ былъ останавливаться лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ ихъ исторіи. Что касается такого извѣстнаго и чрезвычайно полезнаго пособия, какъ „Очеркъ“ В. В. Латышева, то онъ имѣеть въ виду тоже не всю исторію Греціи, а только такъ называемыя „древности“.

Понятно послѣ этого, какъ должны мы привѣтствовать появленіе „Лекцій по исторіи Греціи“, изданныхъ профессоромъ Московскаго университета Р. Ю. Випперомъ, какой интересъ и вниманіе должны онѣ возбудить въ насъ.

Пока вышла только I часть, заканчивающаяся Пелопоннесской войной и кризисомъ демократіи въ исходѣ V в. Цѣль курса Р. Ю. Виппера—„дать основу для университетскихъ занятій по исторіи Греціи, т.-е. намѣтить главные вопросы въ изученіи соціального и политическаго развитія греческихъ общинъ и указать важнѣйшія мѣста въ источникахъ, на основаніи которыхъ можно выяснитъ существенныя черты этого развитія“ („Предисловіе“). Такимъ образомъ, и Р. Ю. Випперъ на первомъ планѣ ставитъ, какъ основную цѣль курса, „возсозданіе соціальныхъ отношеній“ (стр. 16). Но этимъ онъ своей задачи не ограничиваетъ: онъ, по его собственнымъ словамъ, „старался изложить связный общій очеркъ явленій греческой исторіи до конца V в., доступной всякому, кто знакомъ съ фактами, имѣющимися въ учебникѣ древней исторіи“ („Предисловіе“).

Падающая часть состоитъ изъ 9-ти главъ.

I глава даетъ географическій очеркъ древней Греціи (стр. 1—15). Р. Ю. Випперъ начинаетъ съ „общаго вопроса о географическомъ вліяніи на культуру и строй общества“, при чемъ касается воззрѣній на этотъ счетъ Гиппократа и Аристотеля въ древности, Бодэна, Монтескье и Бокля—въ новое время. Самъ авторъ не впадаетъ въ крайность при оцѣнкѣ воздѣйствій природныхъ условій и не склоненъ преувеличивать вліяніе географическихъ факторовъ въ исторіи. Напротивъ, онъ предостерегаетъ отъ такого преувеличиванія (стр. 3). Проф. Р. Ю. Випперъ не желаетъ поддаваться „географическому фатализму“ (стр. 4). Онъ „заранѣе отказывается отъ мысли искать неподвижныя и неотразимыя вліянія природныхъ условій“, ибо эти факторы „образуютъ благоприятную обстановку для выработки культуры въ нѣкоторомъ направленіи, но сама культура въ своемъ цѣломъ—результатъ сложныхъ сдѣленій“ (стр. 14).

Самый географическій очеркъ въ „Лекціяхъ“ очень обстоятеленъ. Между прочимъ, рядомъ примѣровъ изъ исторіи, экономической по-

литики и обычаевъ греческихъ общинъ проф. Р. Ю. Випперъ иллюстрируетъ вліяніе природныхъ условій. Приведу одинъ примѣръ. Р. Ю. Випперъ цитируетъ отрывки изъ известной присяги херсонесцевъ, въ которой „вслѣдъ за политическими завѣреніями“ идетъ обѣщаніе „чрезвычайно конкретное, вызванное продовольственными условіями Херсона“ (Херсонеса) „и законами о хлѣбной торговлѣ. «Я не буду продавать хлѣба, получаемаго съ полей (нашей) родины, и не стану его вывозить въ другое мѣсто, помимо Херсона». Это мѣсто въ присягѣ, замѣчаетъ Р. Ю. Випперъ, „нѣчто въ родѣ наивнаго вложенія перстовъ въ раны, наглядно выдѣляетъ значеніе тѣсной продовольственной регламентации въ жизни греческой общины“ (стр. 12—13).

Древнѣйшую эпоху въ исторіи Греціи, такъ называемую *микенскую*, Р. Ю. Випперъ оставляетъ, какъ самъ заявляетъ, „въ области своего изученія“, ссылаясь на то, что многочисленный матеріалъ, открытый благодаря раскопкамъ, относится главнымъ образомъ къ исторіи искусствъ, технической и вѣшней культуры и мало даетъ для „возсозданія социальныхъ отношеній“, основной цѣли курса (стр. 16). Во II главѣ, которая носитъ заглавіе: „Гомеровскій вѣкъ“ (стр. 16—25), Р. Ю. Випперъ говоритъ лишь „нѣсколько словъ“ (стр. 16—18) о микенскомъ вѣкѣ для установленія связи его культуры съ послѣдующей, гомеровской, при чемъ очень бѣгло отмѣчаетъ только недавнія открытія на о. Критѣ.

О такомъ отношеніи къ микенской эпохѣ нельзя не пожалѣть. Пусть основная цѣль курса—„возсозданіе социальныхъ отношеній“, но она не единственная, и самъ авторъ въ предисловіи говоритъ, что старался „изложить связанный общій очеркъ явленій греческой исторіи“. А въ настоящее время трудно представить себѣ „Исторію Греціи“ безъ микенскаго періода. Притомъ здѣсь археологическій матеріалъ открываетъ предъ нами широкій горизонтъ, даетъ картину пышно разцвѣтшей цивилизаціи, проливаетъ столько свѣта на политическія, торговыя и культурныя связи, что, казалось бы, нельзя не остановиться на этомъ сколько-нибудь подробно, тѣмъ болѣе, что торговымъ и экономическимъ взаимодѣйствіямъ Р. Ю. Випперъ отводитъ вообще видное мѣсто. Кое-какіе выводы можно было бы сдѣлать и относительно общаго *типа* государствъ микенскаго періода, положенія массы населенія и т. п. ¹⁾ Впрочемъ, Р. Ю. Випперъ не считаетъ микен-

¹⁾ См., напр., въ ст. *Pöhlmann*, *Aus dem hellenischen Mittelalter* (въ сборникѣ его, статей *Aus Altertum und Gegenwart*. München. 1895, стр. 166 сл.).

скую культуру греческою. „Мы должны допустить“, говоритъ онъ (стр. 16—17), „что на почвѣ Греціи произошли два культурныхъ процесса, что здѣсь была своя особая древняя исторія, которую мы до сихъ поръ знали главнымъ образомъ по литературнымъ даннымъ и которая является новой по отношенію къ первой, отерывшейся намъ теперь въ археологическихъ слѣдахъ и остаткахъ. Можно сомнѣваться, чтобы древняя культура побережій Эгейскаго моря была созданіемъ грековъ, во всякомъ случаѣ тѣхъ племенъ, которыя выступаютъ въ слѣдующій новый историческій періодъ. Можно думать, что греки вообще или ихъ позднѣйшія историческія группы впервые появились въ качествѣ варварскихъ племенъ и опрокинули старинную микенскую культуру. Очень похоже, что она кончилась катастрофой: отъ нея послѣ нѣтъ ни слѣдовъ, ни традиціи“...

Въ литературныхъ указаніяхъ Р. Ю. Виппера по микенскому періоду—тоже пробѣль. Въ примѣчаніи, въ концѣ книги, изъ работъ общаго характера онъ называетъ лишь книги Tsountas'a и Manatt'a, Hall'a, Noack'a, отчеты Evans'a и статьи Milchhöfer'a (въ Deutsche Rundschau, 1902) и Güssler'a (въ Preuss. Jahrb., 1905), то-есть исключительно иностранныя пособія, и притомъ большею частью мало доступныя для студентовъ, и совсѣмъ не указываетъ (какъ и въ другихъ случаяхъ) того, что можно найти на русскомъ языкѣ о микенскомъ періодѣ и его памятникахъ.

Касаясь отношенія гомеровскаго вѣка къ микенскому, Р. Ю. Випперъ справедливо отмѣчаетъ, что гомерическій эпосъ не представляетъ цѣльности и единства въ своихъ культурныхъ характеристикахъ: въ немъ можно различить старыя и новыя черты, наслоенія, которыя отражаютъ понятія и бытъ разныхъ эпохъ, что объясняется происхожденіемъ нашего источника (стр. 18), и большая часть II главы посвящена въ сущности вопросу о возникновеніи гомерическаго эпоса. Изъ старыхъ теорій по этому вопросу Р. Ю. Випперъ приводитъ мнѣнія Вико, Ф. А. Вольфа и Лахманна, а изъ новыхъ—лишь Пельмана и Дреруна. Краткими, но мѣткими словами онъ характеризуетъ современное воззрѣніе на гомеровскій эпосъ; онъ прибѣгаетъ къ аналогіи съ эпосомъ другихъ народовъ, въ особенности съ пѣснью о Нибелунгахъ, и эти страницы (22—25), на нашъ взглядъ, принадлежатъ къ лучшимъ мѣстамъ его курса по ясности изложенія, по широтѣ кругозора.

Въ своихъ „Лекціяхъ“ проф. Р. Ю. Випперъ ничего не говоритъ ни о происхожденіи грековъ, ни о первоначальной родинѣ ихъ, ни о

религии ихъ. Не останавливается онъ и на запутанномъ вопросѣ о родовомъ строѣ. Въ III главѣ онъ прямо переходитъ къ „общественному и политическому строю гомеровскаго вѣка“ (стр. 26—55) и тутъ, характеризуя старинную группировку общества по Гомеру, говоритъ лишь о старинныхъ союзахъ, о фратріяхъ¹⁾, не касаясь тѣхъ сомнѣній и разногласій, которыя вызываетъ вопросъ о филахъ или, напротивъ,—о матриархатѣ. Въ общемъ же очеркъ гомерическаго строя у Р. Ю. Виппера весьма обстоятеленъ; въ особенности обращаетъ на себя вниманіе характеристика тогдашнихъ классовъ (для изображенія настроенія низшихъ классовъ Р. Ю. Випперъ пользуется цитатами и изъ Гесіода). Мы не можемъ останавливаться подробно на этой характеристикѣ, яркой, стремящейся изобразить тогдашнюю жизнь и ея отношенія въ чертахъ реальныхъ, и коснемся только нѣкоторыхъ пунктовъ.

Р. Ю. Випперъ въ своемъ курсѣ вообще рѣдко касается существующихъ теорій и рѣдко подвергаетъ ихъ критическому разбору. Но на стр. 30—31 онъ останавливается на теоріи Фюстель де Куланжа. Онъ выставляетъ противъ нея возраженія общаго характера. „Соціологъ“, говоритъ онъ, „не рѣшится теперь выводить общественные союзы изъ семьи“. Другое возраженіе Р. Ю. Виппера характеризуетъ его историческое міросозерцаніе, его воззрѣніе на значеніе идей въ исторіи. Въ основѣ теоріи Фюстель де Куланжа, говоритъ онъ, „лежитъ тотъ взглядъ, что идея творитъ учрежденіе. Но, по крайней мѣрѣ, съ такимъ же правомъ, мы можемъ выставить и обратное положеніе. Когда сложился извѣстный порядокъ, установились опредѣленные общественныя отношенія и укрѣпился обычай, все то, что крѣпко, что издавна взялось, что по смыслу непонятно, становится святымъ, получаетъ религіозное сіяніе. Другими словами, религіозная санкція, религіозный мотивъ можетъ быть не первымъ словомъ учрежденія, не исходной его точкой и творящимъ элементомъ, а его послѣдней опорой, иногда, можетъ быть, надгробной надписью отживающему порядку. Въ виду этого нѣтъ достаточнаго основанія, чтобы считать первой аристократіей жречество и выводить высшій классъ изъ среды носителей семейнаго или родового культа. Правдоподобнѣе, что болѣе сильныя, болѣе многочисленныя семьи, захвативъ

¹⁾ Намъ кажется, что видѣть именно фратріи въ группахъ, расположенныхъ на 9 скамьяхъ, 9 рядами, во время народнаго жертвеннаго пиршества въ Пилосѣ (Od., III, 5—10), нѣтъ достаточныхъ основаній.

себѣ богатство и авторитетъ, постарались уже послѣ того придать ему священный характеръ" (стр. 31—32).

Характеризуя аристократію по Гомеру, проф. Р. Ю. Випперъ въ особенности отмѣняетъ „крайне матеріалистическій характеръ всей картины“ (стр. 32). „Сама война“, говоритъ, напримѣръ, Р. Ю. Випперъ, „разсматривается“ (въ эпосѣ) „въ значительной мѣрѣ подъ угломъ зрѣнія выгоды. Устами своихъ героевъ Гомеръ высказываетъ весьма прозаическія соображенія относительно барышей отъ набѣга и взятія въ плѣнъ враговъ. Тутъ есть и предварительные расчеты и игра на повышение“ (стр. 32—33). Р. Ю. Випперъ останавливается на нѣкоторыхъ фигурахъ этихъ, какъ онъ выражается, „сеньеровъ“, предпочитая титулъ βασιλεύς передавать этимъ средневѣковымъ терминомъ, нежели византійскимъ „царь“, хотя это звучитъ странно въ примѣненіи къ гомерической эпохѣ и вообще къ грекамъ. Во всемъ здѣсь у него проглядываетъ отмѣченное выше стремленіе представить тогдашнюю эпоху возможно реальнѣе и прозаичнѣе.

Говоря о землевладѣніи, Р. Ю. Випперъ признаетъ развитіе индивидуальнаго права на землю въ ту пору и указываетъ на начало ея мобилизаціи: земля стала переходить изъ рукъ въ руки (стр. 36—37). Онъ противъ примѣненія термина „натуральное хозяйство“ къ гомеровскому обществу. „Для того, чтобы найти порядокъ, заслуживающій этого названія“, по его мнѣнію, „надо обратиться къ временамъ очень раннимъ, спуститься къ культурѣ очень низкой“. Нѣкоторыя же натурально-хозяйственныя черты скрываются, главнымъ образомъ, въ домашнемъ быту сеньеровъ (стр. 43).

Около трехъ страницъ (46—49) Р. Ю. Випперъ посвящаетъ „остаткамъ стариннаго общественнаго дома по Гомеру“. Въ словахъ Телемаха: οἴτος δῆμιός ἐστιν οἶκος (Od., XX, 264), онъ готовъ видѣть *технической терминъ*, указывающій на опредѣленный общественный обычай или форму жизни. Онъ сопоставляетъ его съ учрежденіемъ, которое въ современной этнологіи получило названіе мужского клуба, или мужского дома. Этотъ подробный экскурсъ нѣсколько нарушаетъ общую композицію „Лекцій“, а для самой догадки въ словахъ эпоса слишкомъ мало опоры.

Жречество и судебный авторитетъ базилисовъ или базилеевъ Р. Ю. Випперъ готовъ отнести на счетъ старины, исконность же военной власти ихъ онъ отвергаетъ. Въ извѣстіи Аристотеля (въ 3 гл. „Ао. Пол.“) о томъ, что наряду со старинными базилеями, оказавшимися неспособными къ войнѣ, была поставлена чисто воен-

ная власть полемарха, проф. Р. Ю. Випнеръ устраняетъ мотивъ „не-способности“: басилей, по его мнѣнію, не предназначались для военнаго начальства, а въ остальномъ онъ считаетъ Аристотеля правымъ. Онъ признаетъ существованіе издавна двухъ верховныхъ властей и эту двойственность провѣряетъ на рядѣ аналогій, указывая на нѣкоторыя германскія племена, на арабовъ, на японцевъ (стр. 51). Но свидѣтельство Аристотеля говоритъ скорѣе противъ такого предположенія: Аристотель „первою“ по времени, изначальной, считаетъ власть царя (τούτων δὲ πρῶτη μὲν ἡ τοῦ βασιλέως, αὕτη γὰρ ἐν ἀρχῇ ἦν ¹⁾), а власть полемарха болѣе позднюю (θευτέρα δ' ἐπικατέστη πολεμαρχία). Вообще, 3-я глава Аристотелевой Политиі приводитъ скорѣе къ мысли о постепенной дифференціаціи и дробленіи прежде единой власти по мѣрѣ того, какъ усиливалась аристократія, а отношенія и условія жизни становились сложнѣе: обязанности, исполнявшіяся прежде однимъ лицомъ, монархомъ, бывшимъ вмѣстѣ правителемъ, военачальникомъ, судьей и жрецомъ, потомъ исполняются тремя (архонтомъ-эпонимомъ, басилевсомъ и полемархомъ), а впоследствии въ этимъ тремъ сановникамъ прибавляется еще 6 вѣсовъ ²⁾. Историческая аналогія говоритъ въ пользу Аристотеля, но не въ пользу положенія Р. Ю. Виппера: двойственность власти у арабовъ (султанъ на ряду съ халифомъ), у франковъ (майордомъ на ряду съ королемъ-Меровингомъ) и т. д.,—явленія не изначальныя, а болѣе позднія.

Что касается народнаго собранія или, какъ выражается авторъ, сходки, ἀγορῆ, въ гомерическую эпоху, то это, по его словамъ (стр. 54—55), не слабое начало новой народной формы, а скорѣе остатокъ стараго учрежденія изъ эпохи болѣе живой дѣятельности союзовъ, подобныхъ филамъ и фратріямъ.

Предметомъ IV-ой главы служатъ греческая колонизація въ Средиземномъ морѣ и перевороты въ городскихъ общинахъ Греціи (стр. 56—85).

Здѣсь авторъ касается и развитія индустриі, какъ характерной черты эпохи, появленія монеты, при чемъ на этотъ счетъ высказываетъ одно общее соображеніе (стр. 61), именно: большія культурныя восточныя государства могли долго обходиться безъ монеты; имъ

¹⁾ *Κενυον*²⁾; въ другихъ изданіяхъ—ἐξ ἀρχῆς ἦν (*Sandys*) или πάτριος ἦν (*Blass*²⁾, *Kaschel-Wilamowitz*²⁾). Чтеніе не вполне установлено, но общій смыслъ ясенъ.

²⁾ См. мою „Ав. Пол. Аристотеля, какъ источникъ для исторіи госуд. строя Аѳинъ“. Харьковъ. 1895, стр. 284.

важнѣе было выработать обширную кредитную систему для регулярованія сдѣлокъ въ предѣлахъ крупныхъ территорій; но тамъ, гдѣ товаръ въ короткій срокъ переходилъ нѣсколько политическихъ границъ, въ торговлѣ лидійцевъ и малоазійскихъ грековъ были необходимы немедленные и дробные расчеты и „естественно было каждой общинѣ стремиться къ тому, чтобы имѣть собственный расчетный знакъ, сообразуя его въ то же время съ господствующими вокругъ системами“. Тутъ же, говоря о социальныхъ измѣненіяхъ въ торгово-индустриальныхъ общинахъ и о „крестьянахъ въ социальномъ движеніи VII—VI вѣка“, Р. Ю. Випперъ анализируетъ извѣстія Аристотеля и Плутарха о положеніи крестьянъ въ Атикѣ и касается Солоновой сисахеи, подъ которой онъ понимаетъ собственно „крестьянскую реформу“ (стр. 64—70).

На этихъ интересныхъ страницахъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Въ извѣстныхъ сообщеніяхъ Аристотеля (АВ. пол., 2; ср. 5, 6, 12) и Плутарха (Sol., 13) о бѣдственномъ положеніи земледѣльческаго населенія Атики Р. Ю. Випперъ видитъ социально-историческія констукціи, на которыхъ отразилось вліяніе литературы болѣе поздняго времени. Оба автора, по его словамъ, даютъ формулу рѣзкаго раздѣленія общества на два класса, бѣдныхъ и богатыхъ, и оба приводятъ отчетливую революционную программу обездоленнаго класса. „То и другое, формула и программа“, говоритъ Р. Ю. Випперъ, „слишкомъ ясно напоминаютъ характеръ общественныхъ отношеній и настроенія во многихъ греческихъ общинахъ въ эпоху социального кризиса Пелопоннесской войны“ (стр. 65). Тогда, на почвѣ грозныхъ фактовъ реальной жизни, „возникла въ Греціи публицистика. Съ 400 г. развивается литература политическихъ и социальныхъ романовъ, социалистическихъ и социально-реакционныхъ проектовъ, плановъ общественнаго переустройства и утопій. Составители этихъ произведеній обращались къ исторіи и старались найти оправданіе своихъ программъ въ событіяхъ прошлаго; въ глубинѣ вѣковъ они искали наилучшаго устройства; подъ легендарно-историческими именами Тесея, Ликурга изображали социальныхъ реформаторовъ. Выработались особыя схемы въ изображеніи социального пересозданія народа и особыя типическія формы характеристики социального реформатора“. Раздѣлъ земель (γῆ; ἀναδαρισ) вмѣстѣ съ кассированіемъ долговъ (χρεῖων ἀποκοπή) составлялъ „формулу, лозунгъ радикально-социалистическихъ партій въ греческихъ общинахъ съ конца V вѣка“ (стр. 66). Черты

такой типической обработки социально-исторического сюжета Р. Ю. Випперъ видитъ и въ исторіи Солона у Плутарха и Аристотеля. Разсказъ этотъ интересенъ, говоритъ онъ, въ качествѣ документа настроенія греческаго общества въ IV и III вѣкахъ, но не способенъ дать намъ руководство въ пониманіи крестьянскихъ отношеній VI вѣка. „Это—соціальная легенда внѣ пространства и времени, вставленная на темное, поясное историческое мѣсто“ (стр. 66—67). Изъ послѣдующей исторіи Атики, изъ конституціи Клисоена и даже той роли, которую играло крестьянство въ кризисѣ, слѣдовавшемъ за реформою Солона, во время смуты, вызванной Дамасіемъ, Р. Ю. Випперъ дѣлаетъ выводъ, „что дѣйствительное положеніе крестьянства въ Атикѣ около 600 г. было далеко отъ того, что изображаютъ Аристотель и Плутархъ. Его участь никакъ нельзя назвать разореніемъ; иначе трудно было бы понять, какъ потомъ произошелъ столь быстрый политическій подъемъ сельскихъ классовъ“. Р. Ю. Випперъ не согласенъ и съ взглядомъ, встрѣчающимся въ новой исторической литературѣ, что разореніе и задолженность крестьянъ—результатъ замѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ, вслѣдствіе развитія торгово-промышленныхъ отношеній. Онъ готовъ допустить обратное, „что усиленіе обмѣна и ростъ индустріи отразились благоприятно на положеніи крестьянъ Атики“ (стр. 68). Вообще, по предположенію Р. Ю. Виппера, въ тѣхъ общинахъ, которыя втянулись въ болѣе подвижную жизнь колонизаціи, торговли и крупнаго ремесла, произошло улучшеніе въ правовомъ и экономическомъ положеніи крестьянъ; въ то время, какъ въ отсталыхъ областяхъ населеніе, работавшее на землѣ, находилось въ положеніи крѣпостныхъ,—тамъ, гдѣ вступило въ силу денежное хозяйство, нѣтъ крѣпостнаго крестьянства (стр. 69—70).

Мы вполне согласны съ тѣмъ, что показаніе Аристотеля во 2-ой главѣ „Ае. Пол.“ сбивчиво и преувеличено,—на чтѣ указывалось уже въ литературѣ ¹⁾: разумѣется, не можетъ быть, чтобы „вся земля находилась въ рукахъ немногихъ“; это опровергается существованіемъ въ эпоху Солона цѣлаго класса зевгитовъ и свидѣтельствомъ самого Солона о снятіи имъ столповъ, брѣи, и освобожденіемъ такимъ образомъ матеря-земли; очевидно, существовали еще мелкія и среднія земельныя владѣнія, хотя и заложеныя. Еще назадъ тому

¹⁾ См. мою „Аеиск. Политію Аристот.“, стр. 308.

десять лѣтъ мы говорили ¹⁾, что борьба демоса съ евпатридами и ея исходъ, послѣдующее торжество демократіи, все это было бы непонятно, если бы во второй половинѣ VII вѣка въ Атикѣ были одни крупныя землевладѣльцы и колонны или сельскіе пролетаріи и не было значительнаго средняго землевладѣльческаго класса.

Итакъ, въ этомъ мы согласны съ Р. Ю. Випперомъ. Но мы не можемъ согласиться съ столь скептическимъ отношеніемъ его къ свидѣтельствамъ Аристотеля и Плутарха, не можемъ видѣть въ нихъ лишь легенду и отраженіе настроенія позднѣйшаго времени, отрицать существованіе тяжелаго кризиса и двухъ рѣзко обозначившихся враждебныхъ классовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, а Солонову сисахеію сводить къ борьбѣ съ нѣкоторыми „частными“ тяжелыми послѣдствіями затянутаго процесса выкупа крестьянъ, какъ дѣлаетъ это Р. Ю. Випперъ (стр. 69). Источникомъ для Аристотеля и Плутарха тутъ служила далеко не одна позднѣйшая публицистическая литература: для характеристики положенія дѣлъ въ эпоху Солона они пользуются, между прочимъ, такимъ драгоценнымъ и достовѣрнымъ источникомъ, какъ элегіи самого законодателя, и когда они говорятъ о настроеніи конца VII и начала VI вѣка, то говорятъ большею частью словами Солона, цитируютъ отрывки изъ его элегій. Задолженность земледѣльческаго класса и крайняя нужда, рабство должниковъ, рѣзкое раздѣленіе тогдашняго общества на два враждующихъ лагеря—съ одной стороны—народа, демоса, съ другой—знатныхъ и богатыхъ, корыстолюбіе и высокомѣріе послѣднихъ, какъ причина вражды, мечты о раздѣлѣ земли, все это факты, засвидѣтельствованные Солономъ, и картина, которая рисуется предъ нами въ его элегіяхъ, очень далека отъ улучшенія положенія земледѣльческой массы, наступившаго тогда, по мнѣнію Р. Ю. Виппера, подъ вліяніемъ усиленнаго обірна и роста индустріи.

Не привожу соответствующихъ цитатъ изъ стихотвореній Солона, такъ какъ онѣ хорошо извѣстны и такъ какъ ихъ приводитъ въ своихъ „Лекціяхъ“ и Р. Ю. Випперъ частью здѣсь же, на стр. 69, частью дальше въ слѣдующей главѣ, на стр. 97—98. Тѣмъ болѣе, конечно, обращаетъ на себя вниманіе его крайне скептическое отношеніе къ свидѣтельству Аристотеля и Плутарха въ данномъ случаѣ. Онъ самъ говоритъ, напримѣръ, что „у насъ остаются все же очень опредѣленные явленія Солона, современника и главнаго дѣятеля

¹⁾ „Ав. Пол. Аристотеля“, стр. 308.

эпохи, о снятіи закладныхъ столбовъ съ земельныхъ участковъ и о выкупѣ кабальныхъ“ (стр. 68—69). Но въ отвѣтъ на вопросъ: „какія бѣдствія и затрудненія хотѣлъ реформаторъ устранить этими мѣрами“, Р. Ю. Випперъ дѣлаетъ такое предположеніе. Въ старину крестьяне Аттики находились въ нѣкоторой зависимости отъ крупныхъ владѣльцевъ и платили взносы натурою. „Съ развитіемъ торговли и промышленности землевладѣльцы могли потребовать перевода натуральныхъ оброковъ и повинностей на деньги, а это могло повести и къ полному ихъ выкупу, какъ бы мы сказали, къ освобожденію крестьянъ“. Выкупъ начался до Солона, но проходилъ не гладко и въ случаѣ затяжки выкупного платежа или несостоятельности крестьянина, землевладѣлецъ или кредиторъ налагалъ запретъ на земельный надѣлъ или отдавалъ хозяина въ кабалу. „Съ этими частными послѣдствіями большой перемѣны, которая въ общемъ была благопріятна для крестьянъ, и пришлось имѣть дѣло Солону“. Онъ провелъ полную ликвидацію „крѣпостныхъ“ отношеній (стр. 69).

Итакъ, по мнѣнію Р. Ю. Виппера, Солонъ уничтожилъ крѣпостныя отношенія (стр. 80), и его такъ называемая сисахеія была „завершеніемъ выкупа крестьянскихъ взносов и повинностей, концомъ освобожденія крестьянъ“ (стр. 98).

На нашъ взглядъ, такое толкованіе не совсѣмъ согласуется съ прямымъ, общимъ смысломъ Солоновыхъ словъ, въ которыхъ ничто не намекаетъ на подобнаго рода выкупную операцію ¹⁾.

Разъ только оставались неизмѣнными аграрныя отношенія, говоритъ Р. Ю. Випперъ, прежнія тяжелыя условія должны были черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвратиться (стр. 67). Но такъ оно именно и было: извѣстно, что Солонова сисахеія далеко не всѣхъ удовлетворила и не разрѣшила окончательно кризиса; вскорѣ наступили смуты, и лишь Писистратъ, создавъ кредитъ и оказавъ матеріальную помощь земледѣльческому классу, избавилъ Аттику отъ такого экономического кризиса, какой переживала она въ концѣ VII и въ первой половинѣ VI вѣка ²⁾. Впрочемъ, и къ извѣстіямъ объ этой сторонѣ дѣятельности Писистрата Р. Ю. Випперъ относится недовѣрчиво,

¹⁾ Не осылаюсь на „Политику“ Аристотели, упоминающую объ установленіи Солономъ максимума для поземельныхъ владѣній (1266 b 17—19), съ цѣлью предохранить мелкихъ землевладѣльцевъ отъ скупки ихъ участковъ крупными, потому что по поводу этого извѣстія можно возразить, что и оно восходитъ къ публицистическому источнику.

²⁾ См. мою „Ав. Пол. Арист.“, стр. 368.

полагая, что и они „по всей вѣроятности обязаны происхожденіемъ работъ политическихъ и соціальныхъ романовъ“ (стр. 106).

На слѣдующихъ почти 10 страницахъ (71—79) Р. Ю. Випперъ подробно говоритъ о правѣ и судѣ въ Греціи въ ту эпоху, а конецъ главы (стр. 79—85) посвященъ тиранніи. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя частности.

Р. Ю. Випперъ предполагаетъ возможнымъ, что „Аристотелево различіе айсимпетовъ и тиранніи совершенно искусственно и вызвано стараніемъ разобраться въ неясныхъ для грековъ IV вѣка старинныхъ терминахъ“ (стр. 81). Онъ готовъ признать, что айсимнетъ и тирантъ—понятія тождественныя. Далѣе Р. Ю. Випперъ полагаетъ, что терминъ „посредникъ“ (*διαλλαχτής*), которымъ Аристотель въ „Афинской Политиѣ“ обозначаетъ Солона, аналогиченъ термину айсимнетъ. Но если такъ, то тѣмъ менѣе можемъ мы отождествлять тиранна съ айсимнетомъ: нельзя же Солона причислять къ тираннамъ. Повидимому, дѣло тутъ въ происхожденіи власти: айсимнетъ дѣйствуетъ въ силу данныхъ ему полномочій, тирантъ есть узурпаторъ.

Р. Ю. Випперъ справедливо отмѣчаетъ популярный характеръ тиранніи (стр. 81); но его мнѣніе, что она не была въ большинствѣ случаевъ нарушеніемъ политическаго строя, можетъ быть принято лишь съ оговоркой: при тиранніи учрежденія могли оставаться прежними по формѣ, но фактическая власть узурпировалась тиранномъ; въ этомъ смыслѣ захватъ—перѣдко насильственный—дѣйствительной власти являлся существеннымъ нарушеніемъ строя. Это подтверждается исторической аналогіей, примѣрами тиранніи въ Италіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, цезаризма—въ Римѣ и во Франціи.

То же крайне недовѣрчивое отношеніе къ нашему преданію обнаруживаетъ Р. Ю. Випперъ и въ слѣдующей (V-ой) главѣ, въ которой онъ останавливается специально на Афинахъ VII—VI вѣка и въ которой онъ снова возвращается къ Солоновой реформѣ.

Въ началѣ этой главы Р. Ю. Випперъ посвящаетъ нѣсколько превосходныхъ страницъ (86—95) состоянію нашихъ источниковъ. „Мы вступаемъ въ изученіе ранней исторіи Афинъ“, говоритъ онъ, „по тѣмъ путямъ, которые были проложены афинской ученой и политической литературой. Обстоятельство это имѣетъ свои невыгоды. Передъ нами довольно значительный матеріалъ, относящійся къ исторіи Афинъ VII и VI вв., собранный и обработанный писателями конца V и IV вв.: ничего подобнаго въ отношеніи другихъ греческихъ общинъ у насъ нѣтъ. Эта масса матеріала способна создать извѣст-

наго рода оптической обманъ, будто старинную исторію Аоишъ мы можемъ представить себѣ гораздо яснѣе и полнѣе, чѣмъ исторію другихъ городовъ. Но вопросъ въ томъ, какова цѣна собраннаго матеріала: лежатъ ли передъ нами открытые греческими изслѣдователями подлинныя остатки и записи старины, или мы имѣемъ дѣло съ ихъ конструкціями и догадками, значеніе которыхъ зависитъ уже отъ того, насколько они выдерживаютъ наши критическіе приемы и соответствуютъ нашимъ историческимъ воззрѣніямъ“ (стр. 86—87).

Авторъ „вслушивается въ сужденіе Фукидида“ о греческой старинѣ въ его первыхъ 22 главахъ Исторіи Пелопоннесской войны, представляющихъ „тонкую соціологическую работу, стройно связанную общими идеями“ и „проникнутую основнымъ материалистическимъ мировоззрѣніемъ историка“ (стр. 87),—историка, о которомъ Р. Ю. Випперъ говоритъ, что онъ обнаруживаетъ „нѣсколько односторонній скептицизмъ“ и, подобно рационалистамъ XVIII вѣка, готовъ видѣть въ продуктахъ народнаго творчества суевѣріе, заблужденіе толпы или намѣренный вымыселъ рассказчика (стр. 88); „онъ такъ же не послѣдователенъ, какъ историки-рационалисты XVIII вѣка: выкидывая элементъ чудеснаго изъ старинныхъ сказаній, онъ удерживаетъ остовъ ихъ и переводитъ содержаніе на прозаическій языкъ“ (стр. 88). Но „эти недостатки исторической манеры Фукидида“, продолжаетъ Р. Ю. Випперъ, „не мѣшаютъ намъ оцѣнить важность его общаго мнѣнія объ отсутствіи прочной документальной основы для возстановленія политической исторіи прошлаго“ (стр. 88—89).

Затѣмъ Р. Ю. Випперъ останавливается на характеристикѣ юридическихъ и историческихъ работъ Аристотеля и его школы. Его точка зрѣнія нѣсколько приближается къ мнѣнію, высказанному Ниссеномъ (Rhein. Mus., 1892 г.). „Школа Аристотеля“, говоритъ Р. Ю. Випперъ, „предполагала воспользоваться собраннымъ матеріаломъ для того, чтобы составить большую энциклопедію по государственному праву Греціи, которая служила бы отчасти руководствомъ для политиковъ-практиковъ, отчасти удовлетворяла бы идеальной потребности и помогала выработкѣ политическаго мировоззрѣнія въ широкихъ кругахъ“. „...При такихъ задачахъ для составителей очерковъ не могло быть и рѣчи объ историческомъ анализѣ. Имѣя въ виду возможно болѣе сжатые и обзорные очерки, Аристотель или его сотрудники и ученики естественно должны были искать уже готоваго, извлеченнаго изъ источниковъ, систематизированнаго матеріала, который бы легко поддавался обработкѣ. Не археологи и источникно-

вѣды сѣдѣлись за этотъ трудъ, а юристы и социологи-популяризаторы“ (стр. 89—90).

Вся цѣна свѣдѣній Аѳинской Политіи объ аѳинской старинѣ, справедливо замѣчаетъ Р. Ю. Вишперъ, зависитъ отъ ея источниковъ. Но первоначальныя изслѣдованія въ области аѳинской старины носятъ „чисто публицистическій, больше того, рѣзко-партийный характеръ“, реакціонный съ идеализаціей старины (стр. 90). Въ описаніи конституціи Дракона въ 4-й главѣ Аѳинской Политіи Р. Ю. Вишперъ видитъ „цѣлую картину, созданную олигархической романтикой“ (стр. 91). Главный же матеріалъ Аристотелю дали Аттиды. Но и это, по мнѣнію Р. Ю. Вишпера, — „лишь слабыя и разрозненныя иллюстраціи къ изображенію общественно-политическаго движенія“ (стр. 93).

Выводъ автора таковъ: „Аристотелева Аѳинская Политія очень важна для насъ, какъ отраженіе исчезнувшей ученой литературы IV вѣка по исторіи Аѳинъ. По этому отраженію мы достаточно можемъ судить, какъ слабъ былъ матеріалъ и какъ неясна традиція относительно аѳинской старины VII — VI вѣка въ ту эпоху, когда производились историческія изслѣдованія. Очень трудно пріучить себя къ той мысли, что традиціонная аѳинская исторія, такъ стройно размѣщенная и рассказанная съ такими реальными подробностями, получившая подъ конецъ такую блестящую обработку въ Аѳинской Политіи Аристотеля, — что эта традиціонная исторія разлагается на рядъ позднѣйшихъ догадокъ, построеній, легендъ, что до своей окончательной редакціи она подверглась ряду наслоеній и послѣдовательныхъ переработокъ, и что за удаленіемъ этой оболочки остается очень небольшое зерно подлинныхъ свѣдѣній о старинѣ. Историки давно привыкли смотрѣть такимъ образомъ на литературную традицію по исторіи древняго Рима и вѣхозавѣтнаго Израиля. По отношенію къ греческой историографіи до сихъ поръ держится гораздо большій консерватизмъ“ (стр. 94—95).

Намъ кажется, что Р. Ю. Вишперъ впасть въ другую крайность: его скептицизмъ заходитъ слишкомъ далеко, и въ исторической традиціи объ аѳинской старинѣ все-же больше достовѣрнаго, нежели допускаетъ онъ (ср. *Wilamowitz, Aristoteles und Athen*). Но со многими его замѣчаніями мы согласны; напримѣръ, съ тѣмъ, что говорить онъ о „мнимой“ Драконовой конституціи ¹⁾, въ которой онъ

¹⁾ За исключеніемъ одной детали: въ числѣ чертъ, „характерныхъ для новыхъ

видитъ созданіе олигархической романтики, усматривая въ ней черты, характерныя для позднѣйшаго времени и не подходящія къ VII вѣку, и дѣйствительнымъ авторомъ которой онъ считаетъ публицистовъ олигархической партіи 411 г., отождествившихъ проектъ реакціонной реформы съ *πάτριος πολιτεία* и переносившихъ „этотъ строй назадъ на 200—210 лѣтъ черезъ головы всѣхъ извѣстныхъ народныхъ вождей“, выбравъ „въ видѣ точки опоры никому почти неизвѣстнаго, допотопнаго Дракона“ (стр. 91 — 92). Для Р. Ю. Виппера остается лишь вопросомъ, „самъ ли Аристотель, познакомившись послѣ изданія своей Политики съ олигархической редакціей о Драконѣ, помѣстилъ ее въ Аѳинскую Политію, или это сдѣлалъ его сотрудникъ, его продолжатель?“ (стр. 92).

Вообще, по мнѣнію Р. Ю. Виппера, „очень немного достовѣрнаго знаемъ мы по исторіи Атики до реформы Клисеена“ (стр. 95). Сначала крупными штрихами изображаетъ онъ промышленное развитіе Атики въ VII и VI вѣкѣ и общія политическія направленія отъ 630 до 500 гг., ту внутреннюю борьбу, которая происходила тогда на почвѣ розни интересовъ. Подробнѣе Р. Ю. Випперъ характеризуетъ политическіе взгляды Солона по его элегіямъ и снова возвращается къ *сисахюи*, о которой онъ говорилъ въ предыдущей главѣ въ связи съ общимъ экономическимъ развитіемъ Греціи. По его предположенію, „Солонъ выступалъ, можетъ быть, какъ вождь многочисленной раздраженной діакрии противъ параліовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ; онъ предложилъ и провелъ принудительную ликвидацію различныхъ долговыхъ обязательствъ, создавшихся вслѣдствіе вступленія денежнаго хозяйства; эта мѣра, внушенная сочувствіемъ къ крестьянству, была въ экономическомъ смыслѣ реакціонной; она насильственно отбрасывала послѣдствія, вытекавшія изъ развитія денежнаго хозяйства“ (стр. 98).

Къ извѣстіямъ о политической реформѣ Солона Р. Ю. Випперъ

время и не подходящихъ къ VII вѣку“, Р. Ю. Випперъ главнымъ считаетъ то, что въ основу конституціи положенъ принципъ, по которому политическія права принадлежать людямъ, способнымъ вооружиться на свой счетъ. Но это соответствуетъ въ сущности схемѣ Аристотеля, начертанной въ его „Политикѣ“: послѣ паденія монархій политическія права переходятъ къ „служащимъ въ войскѣ“ (*ἐκ τῶν πολεμούντων*), сначала собственно къ всадникамъ, *ἀξιομένων δὲ τῶν πόλεων καὶ ἐν τοῖς ἐπλοῖς ἰσχυρότερον μᾶλλον πλείους μετέχον τῆς πολιτείας*. Главнымъ же анахронизмомъ—это положеніе стратеговъ, по цензу и условіямъ, которымъ они должны удовлетворять, поставленныхъ выше архонтовъ.

относится крайне скептически. Онъ затрудняется сказать что-нибудь определенное объ этой реформѣ. Уже проф. Э. Р. ф. Штернь утверждалъ, что имущественные классы не учреждены Солономъ¹⁾. Р. Ю. Випперъ съ своей стороны подвергаетъ критику обычныя представленія о Солоновой тимократіи. Онъ видитъ тутъ однѣ догадки и толкованія названій и очень слабыя основанія, чтобы приписывать Солону введенію тимократіи. Правда, существованіе 4 классовъ (τέλη) несомнѣнно; но раздѣленіе это, по Р. Ю. Випперу, — естественно и главный смыслъ его—въ различіи относительно вооруженія и военной повинности. Р. Ю. Випперъ даже полагаетъ, что никакого закона о цензѣ въ Афинахъ, повидимому, не было (ср. стр. 170); высшіе классы имѣли доступъ къ архонтству не въ силу закона: это былъ результатъ фактическаго положенія вещей, и если впоследствии зевгитъ прошель въ архонты, то едва ли для этого понадобился особый законъ (стр. 103). Къ этому мы еще вернемся, а пока замѣтимъ лишь, что, напр., для казначеевъ въ Афинахъ цензъ, несомнѣнно, былъ установленъ; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ достовѣрности свидѣтельства Аристотеля, что еще въ его время существовалъ на этотъ счетъ законъ, хотя его и обходили (ὁ περὶ τῶν ταμίῶν νόμος, ᾧ χρῆμενοι διατελοῦσιν ἔτι καὶ νῦν καλεοῦσι γὰρ κληροῦν τοὺς ταμίᾶς ἐκ πεντακωσιομεδίμων [Ἀθ. πολ., 8]; οἱ ταμίαι τῆς Ἀθηνᾶς εἰσὶ μὲν δέκα, κληροῦται δ'εἰς ἐκ τῆς φυλῆς, ἐκ πεντακωσιομεδίμων κατὰ τὸν Σόλωνος νόμον (ἔτι γὰρ ὁ νόμος κύριός ἐστιν) [ibid., 47]).

Ничего точнаго, говоритъ Р. Ю. Випперъ, неавѣстно и о другихъ политическихъ учрежденіяхъ Солона. Возникаетъ даже вопросъ, существовалъ ли когда-нибудь совѣтъ 400? Въ извѣстныхъ словахъ, которыми Аристотель опредѣляетъ наиболѣе демократическіе моменты въ законодательствѣ Солона, особое значеніе придавая народному суду (гл. 9 „Ае. Пол.“), Р. Ю. Випперъ видитъ отраженіе политической теоріи, создавшейся подъ вліяніемъ широкой и многосторонней дѣятельности народныхъ судовъ въ афинской демократіи V и IV вв., и т. д.

Общее заключеніе Р. Ю. Виппера сводится къ тому, что за Солономъ несомнѣнны два дѣла: 1) социальный компромиссъ и 2) вторая запись права; „особой политической организаціи онъ не создавалъ; намъ нечего искать очертаній Солоновой конституціи“ (стр. 104). Такимъ образомъ Р. Ю. Випперъ, по своимъ воззрѣніямъ на исто-

¹⁾ См. его статью въ *Χαριστήρια* (Сборн. въ честь Θ. Е. Корша). М. 1896.

рическую традицію о Солонѣ, примыкаетъ къ Низо ¹⁾ и отчасти къ Белоху ²⁾. Самое происхожденіе традиціи о Солонѣ онъ объясняетъ такъ. „Позднѣе, когда тираннія была осуждена демократической теоріей, больше всего помнили того тиранна, который продержался въ Афинахъ вмѣстѣ со своей династіей около 50 лѣтъ. Тогда демократическая легенда, отыскивая ему противовѣсъ, сдѣлала его предшественника, отъ котораго остались политическія эмлеги въ народническомъ духѣ, представителемъ законныхъ конституціонныхъ началъ демократіи; разъ установилось убѣжденіе, что родоначальникъ демократіи былъ Солонъ, его образъ сталъ все болѣе обростать идеализующей фантазіей и резонерствомъ“ (ibid.).

Личность Солона, несомнѣнно, впоследствии была идеализирована; ей приписывалось многое, что въ дѣйствительности принадлежало не Солону: въ дѣйствительности одного излюбленнаго лица изображалось то, что было плодомъ работы нѣсколькихъ дѣятелей или даже поколѣній. Но все-же мы не рѣшаемся отвергать самое существованіе Солоновой конституціи. Въ основѣ нѣкоторыхъ извѣстій Аристотеля о Солонѣ лежитъ, невидному, достовѣрный источникъ, напр., хотя бы въ основѣ сообщенія о той смѣшанной системѣ выборовъ, которая введена при Солонѣ и которой Р. Ю. Вишперъ совершенно не касается.

„Немногимъ лучше“, по словамъ Р. Ю. Вишпера, „освѣдомлены мы объ эпохѣ тиранніи Писистратидовъ“ (стр. 105), особенно о ихъ внутренней политикѣ (стр. 106). „Аристотель“, говоритъ онъ, „комбинируетъ два изображенія тиранніи: одно—о социальной опекаѣ народа со стороны популярныхъ реформаторовъ, другое—объ эгоистичной охранительной политикѣ незаконныхъ правителей. Намъ надо осторожно отнестись къ даннымъ того и другого рода, такъ какъ они, по всей вѣроятности, обязаны своимъ происхожденіемъ работѣ политическихъ и социальныхъ романовъ. Изображеніе Аристотеля вызываетъ сомнѣніе именно по логичности и симметричности построенія“ (стр. 106), и Р. Ю. Вишперъ сомнѣвается въ томъ, что Писистратъ покончилъ съ социальнымъ кризисомъ, открывъ прямую поддержку мелкимъ землевладѣльцамъ. Относительно того, какъ и отчего произошло паденіе Писистратидовъ, по словамъ Р. Ю. Вишпера, „также сложилось своего рода романтическое представленіе, навѣянное позднѣйшими политиче-

¹⁾ Въ ст. Ueber Aristoteles' Gesch. d. Athen. Verfassung, въ Histor. Zeitschr., N. F., 33 B., 1892.

²⁾ Въ его „Исторіи Греціи“.

скими настроеніями и теоріями". По его мнѣнію, паденіе тираннѣ было вызвано сдѣвленіемъ внѣшнихъ условій (ibid.).

Такимъ образомъ Р. Ю. Випперъ въ скептическомъ отношеніи къ традиціи объ аѣинской до-Клиссеновой старинѣ заходитъ, пожалуй, дальше, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ изслѣдователей этой старины. Тутъ его скептицизмъ можно назвать безопаднымъ.

Гораздо доврчивѣе относится Р. Ю. Випперъ къ традиціи о реформѣ Клиссена: о ней, говоритъ онъ, „мы можемъ составить довольно ясное представленіе“ (стр. 107). Этой реформѣ онъ справедливо придаетъ громадное значеніе, видя въ ней „главный шагъ развитія аѣинской демократіи“ (стр. 101). Онъ связываетъ съ ною поворотъ внѣшней политики: „отказъ отъ восточныхъ, морскихъ и іонійскихъ связей“, къ которымъ тяготѣли Писистратиды, „и обращеніе къ сухопутной политикѣ, — это была цѣлая программа въ интересахъ сельскаго населенія“ (стр. 109). „Въ этомъ колебаніи между движеніемъ на востокъ и развитіемъ морскихъ силъ, съ одной стороны, а съ другой, увеличеніемъ сухопутныхъ владѣній и укрѣпленіемъ своего положенія въ средней Греціи проходитъ въ сущности вся внѣшняя исторія Аѣинъ въ V в.“, говорятъ Р. Ю. Випперъ (стр. 110). „Фемистоклъ рѣшительно поворачиваетъ на путь, намѣченный Писистратидами. Клиссенъ въ промежуткѣ между ними является представителемъ другой внѣшней политики. Она опиралась на интересы и на силы, главнымъ образомъ, крестьянства Аттики. И конституція Клиссена открывала значительный просторъ самостоятельной жизни этого класса“. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь останавливаться на подробностяхъ ¹⁾.

Послѣднія страницы (114—118) этой (V-ой) главы касаются политической лирики и пробужденія критицизма, при чемъ рѣчь идетъ собственно о логографахъ и среди нихъ преимущественно о Гекатѣѣ.

Если Р. Ю. Випперъ съ такимъ вообще недоверіемъ относится къ традиціи о греческой старинѣ, то тѣмъ естественнѣе его недоверіе къ традиціи о „греко-персидской войнѣ“, о которой онъ говоритъ въ VI гл. своихъ „Лекцій“ (стр. 119—145). Связнаго, систематическаго

¹⁾ Отмѣтимъ лишь, что Р. Ю. Випперъ сомнѣвается, чтобы остракизмъ былъ учрежденъ особымъ закономъ, чтобы онъ былъ введенъ теоретически въ конституцію. По его мнѣнію, остракизмъ вошелъ въ обычай въ силу ряда прецедентовъ; онъ есть наслѣдіе тираннѣ (стр. 114), приемъ, который употребляли раньше сами тираннѣ (стр. 85).

изложенія самыхъ событій этой войны онъ не даетъ, да этого въ университетскомъ курсѣ, конечно, и не требуется (хотѣлось бы только, чтобы причины столкновенія между міромъ персидскимъ и греческимъ были выяснены болѣе обстоятельно). Автора занимаютъ, главнымъ образомъ, два вопроса: 1) объ *условіяхъ* борьбы автономныхъ общинъ Греціи противъ большого организованнаго государства и 2) о *послѣдствіяхъ* этой борьбы для внутреннихъ отношеній въ средѣ грековъ, т. е. о возникновеніи афинской державы и окончательномъ развитіи демократіи въ Афинахъ.

Первый и самый существенный вопросъ въ анализѣ традиціи о греко-персидской войнѣ, говоритъ Р. Ю. Вишперъ, это выясненіе количества воюющихъ съ той и другой стороны (стр. 120). На этотъ счетъ Р. Ю. Вишперъ раздѣляетъ мнѣніе Дельбрюка, проводящаго, какъ извѣстно, параллель между персидскими войнами и войнами Карла Смѣлаго противъ швейцарцевъ ¹⁾. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что „необходимо рѣшительно отвергнуть цифры традиціи“ (стр. 120). Но можно ли взамѣнъ отвергнутыхъ традиціонныхъ выставить свои опредѣленные цифры? Дѣло въ томъ, что Р. Ю. Вишперъ не ограничивается однимъ, такъ сказать, отрицательнымъ результатомъ и, насчитывая грековъ при Марафонѣ не болѣе 10.000, а при Платеихъ—20.000 тяжелооруженныхъ, а съ легковооруженными всего 40.000, утверждаетъ, что численнаго перевѣса на сторонѣ персовъ не было (стр. 121), что едва ли на много больше были тѣ ихъ арміи, которыя нападали на грековъ: не болѣе 10.000 персовъ могло быть перевезено и высажено при Марафонѣ; не болѣе 25.000 воиновъ было и въ войскѣ подъ начальствомъ Мардонія, а считая большее число слугъ, легковооруженныхъ, обозныхъ и т. д., чѣмъ у грековъ, онъ опредѣляетъ общую цифру персовъ въ 60, самое большее въ 70 тысячъ человекъ.

Всякія исчисленія въ подобныхъ случаяхъ намъ кажутся произвольными и лишенными надлежащей опоры, не говоря уже о соображеніяхъ въ родѣ того, что персовъ не могло быть при Марафонѣ болѣе 10.000, ибо если бы „они были хотя бы вдвое сильнѣе..., то они могли бы обойти позицію Мильтиада и идти прямо на Афины“ (стр. 121).

„Традиція“, говоритъ далѣе Р. Ю. Вишперъ, „распредѣлила очень

.....*) Die Perserkriege und die Burgunderkriege. 1887; ср. *сво-же*, Gesch. d. Kriegskunst im Rahmen d. politisch. Gesch. I, 1900.

неравномерно свѣтъ и тѣни. На одной сторонѣ будто бы неумѣніе, отсутствіе плана, пассивность насильно приведенныхъ варварскихъ народностей; на другой—одушевленіе, обдуманность, искусство. Благодаря такой характеристикѣ закрывались своеобразно-интересныя стороны организациі большой персидской державы, а вмѣстѣ съ тѣмъ недостатки, которые представляло устройство грековъ“ (стр. 122). Р. Ю. Випперъ становится на объективную точку зрѣнія и для восстановленія истины обращается къ характеристикѣ персидскаго государства (стр. 122—3), придерживаясь преимущественно Э. Мейера. „Едва ли можно“, говоритъ онъ, „представлять борьбу грековъ съ персами, какъ столкновеніе культуры и варварства. Персы были культурнымъ народомъ“ (ibid.). Подробнѣе всего Р. Ю. Випперъ останавливается на монетной реформѣ, которая въ его глазахъ составляетъ культурно-политическій шагъ большой важности, и на финансахъ персидскаго государства.

Потомъ онъ переходитъ къ положенію грековъ и къ причинамъ столь неожиданнаго на первый взглядъ исхода столкновенія. Объясняетъ онъ этотъ исходъ не только естественными условіями Греціи, но и тѣмъ, что „иранцы явились на чуждую имъ почву, и все чуждое соодинолось противъ нихъ: незнакомыя внѣшнія условія и вжившаяся въ нихъ своеобразная культура. Главною особенностью этой культуры была необыкновенно интенсивная жизнь самостоятельныхъ мелкихъ общинъ, составъ которыхъ въ отдѣльности не превышалъ какого-нибудь одного или немногихъ десятковъ тысячъ полноправныхъ гражданъ. Каждый городъ могъ выставить свое хотя небольшое ополченіе... Сражаясь вблизи своей области или города, въ знакомой и привычной мѣстности, среди пересѣченной страны, въ ущельяхъ, опираясь на скалистые склоны, эти гражданскія ополченія отлично могли удерживаться“. Успѣхъ грековъ объясняется также ихъ приемами. „Въ битвахъ греко-персидской войны ясно выступаютъ два условія: искусное пользованіе особенностями поверхности родного края и тактическая выдержка ополченцевъ. Совершенство тактики въ то же время отражаетъ общественный порядокъ и общественное воспитаніе, сложившіяся въ тѣсномъ кругу кантональной жизни. Принципъ неразрывности фаланги считался настолько важнымъ, что онъ вошелъ даже въ клятву аонискаго гражданина: «не покину сосѣда по строю (τὸν παραστάτην), съ которымъ мнѣ вмѣстѣ идти»“ (стр. 133—4). Я привелъ этотъ прекрасный отрывокъ между прочимъ съ тѣмъ, чтобы лучше познакомить съ самою манерою изложенія и стилемъ „Лекцій“.

Касаясь (на стр. 135—145) въ частности Аѳинъ, Р. Ю. Випперъ прекрасно выясняетъ все значеніе дѣятельностиThemistocles, „перваго неродовитаго челоуѣка между аѳинскими политиками“, „этого наиболѣе оригинальнаго и смѣлаго политика и организатора Аѳинъ“ (стр. 135). Не имѣя возможности останавливаться подробно на этихъ страницахъ, я отмѣчу лишь нѣкоторыя изъ проводимыхъ здѣсь воззрѣній Р. Ю. Виппера.

Авторъ безъ колебаній принимаетъ, что Themistocles былъ архонтомъ въ 493 г. (хотя на этотъ счетъ можетъ быть и иное мнѣніе, именно, что Themistocles былъ архонтомъ въ 482—1 г.)¹⁾, и на этомъ основаніи предполагаетъ, что планы его возникли раньше 80-хъ годовъ и что онъ старался провести ихъ еще въ 90-хъ годахъ (стр. 135); считаетъ правдоподобнымъ, что рядъ первыхъ остракизмовъ „былъ направленъ рукою Themistocles“ (стр. 137). Реформу 487 г., введшую вновь жребій, Р. Ю. Випперъ называетъ реформой архонтства и готовъ отнести ее „на счетъ инициативы Themistocles въ виду общей связи съ его программой“; общій демократическій смыслъ этой реформы, по его словамъ, совершенно ясенъ (стр. 138): значеніе первой должности въ государствѣ было принижено. Чѣмъ же и какъ демократія замѣнила главный правительственный органъ? Чтобы особенности аѳинскаго строя выступили яснѣе предъ нами, Р. Ю. Випперъ сравниваетъ аѳинскую республику съ римскою (стр. 138 сл.). Въ Аѳинахъ начало похоже на Римъ: архонство въ его старомъ видѣ отвѣчало правленію аристократіи; но дальнѣйшій ходъ политическаго развитія Аѳинъ совершенно отклонился отъ типа, который мы изучаемъ въ Римѣ. Аристократія, какъ классъ, разрушилась въ Аѳинахъ въ теченіе VI вѣка. До нѣкоторой степени въ роли руководителя могъ выступить ареопагъ, и онъ пытался выдвинуть свой авторитетъ послѣ 480 г., хотя извѣстіе Аристотеля о 17-лѣтнемъ правленіи ареопага, по мнѣнію Р. Ю. Виппера, „безусловно преувеличено“. Болѣе постоянной политической силой является демагогъ, и авторъ характеризуетъ эту „своеобразную политическую фигуру въ аѳинскомъ демократическомъ строѣ“ (стр. 141). Въ теченіе первыхъ 60 лѣтъ демагогія правильно комбинируется со стратегіей. „Демагогъ, начиная съ Themistocles и кончая Перикломъ, непремѣнно стратегъ, и притомъ главный стратегъ государства“.

VI глава заканчивается реформой флота и ея послѣдствіями—на-

¹⁾ См. мою „Аѳинск. Пол. Арист.“, стр. 407.

чаломъ военскаго бюджета, возвышеніемъ новыхъ классовъ и ослабленіемъ деревенской Аттики (стр. 142—5).

Слѣдующія двѣ главы—VII: „Образованіе аѳинской морской державы и торжество демократіи въ Аѳинахъ“ (стр. 146—177), и VIII: „Аѳины въ 40-хъ и 30-хъ годахъ V вѣка“ (стр. 178—200)—по содержанию тѣсно связаны между собою. Рѣчь идетъ здѣсь о знаменитомъ „Пятидесятилѣтіи“. Это—превосходныя главы, едва ли не лучший отдѣлъ въ „Лекціяхъ“, и я вполне соглашаюсь съ тѣмъ, что говорить авторъ о тогдашней аѳинской демократіи, о социальномъ характерѣ партій—консервативной, „малоаѳинской“, и радикальной, съ ея, по выраженію Р. Ю. Виппера, „имперіализмомъ“, и въ особенности о реформѣ ареопага, о сдерживающихъ началахъ въ аѳинской демократіи и социальной сторонѣ реформы, системѣ денежнаго вознагражденія и другихъ мѣрахъ Перикла, о ихъ мотивахъ и о причинѣ завоевательной политики Аѳинъ ¹⁾.

Поэтому я коснусь лишь нѣкоторыхъ деталей и позволю себѣ сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній.

На стр. 148 Р. Ю. Випперъ категорически говоритъ, что годовая сумма фороса опредѣлилась въ размѣрѣ 460 тал. Извѣстно, что по поводу этого высказывались сомнѣнія. Р. Ю. Випперъ не упоминаетъ о нихъ; онъ раздѣляетъ соображенія Э. Мейера, указавшаго на то, что до 480 г. съ 1-й сатрапіи, которая по размѣрамъ почти совпадала съ территоріей союза, персы собирали 400 *вавилонскихъ* талантовъ, т. е. сумму немного ббльшую.

Говоря объ источникахъ исторіи „Пятидесятилѣтія“, Р. Ю. Випперъ замѣчаетъ, что эпоху отъ Ксерсова похода до начала Пелопоннесской войны мы знаемъ чуть ли не хуже, чѣмъ событія греко-персидскихъ войнъ (стр. 152). Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать оговорку: нашъ литературный, историографическій матеріалъ для исторіи этой эпохи дѣйствительно скуденъ или не совсѣмъ доброкачественъ; но зато мы тутъ располагаемъ весьма цѣннымъ *документальнымъ* матеріаломъ, надписями. Совершенно вѣрно, далѣе, что отдѣлъ „Пятидесятилѣтія“ въ Аристотелевой Политіи самый слабый, что въ рѣчахъ Ариотіада, гл. 24, нельзя видѣть ничего другого, какъ только ироническую

¹⁾ Я тѣмъ охотнѣе соглашаюсь, что во взглядахъ Р. Ю. Виппера нахожу много сходнаго съ тѣми воззрѣніями, которыя я отстаивалъ еще въ своей диссертациі о Периклѣ (1889 г.), а когда двое приходятъ къ одному и тому же выводу независимо одинъ отъ другого (на мою книгу, какъ и вообще на русскую литературу проф. Р. Ю. Випперъ не ссылается), то это новое доказательство его правильности.

выдумку позднѣйшаго противника демократіи (стр. 152—4); но не совсѣмъ вѣрно, что „составитель Политіи не даетъ себѣ отчета въ той связи, которая существуетъ между образованіемъ морской державы Аѳинъ и торжествомъ демократіи“. На эту связь Аристотель не разъ указывалъ: на примѣръ, седьмой періодъ въ развитіи аѳинской конституціи у него характеризуется вреднымъ вліяніемъ демагоговъ вслѣдствіе владычества на морѣ ¹⁾; Перикль, по его словамъ, направилъ государство къ развитію морскихъ силъ, вслѣдствіе чего толпа, приобретающая смѣлость, стала присваивать себѣ всю политическую власть ²⁾.

До сихъ поръ въ своихъ „Локціяхъ“ Р. Ю. Вишперъ не касался Спарты. Впервые онъ говоритъ о ней въ VII главѣ, по поводу столкновѣнія политическихъ партій въ Аѳинахъ въ серединѣ 60-хъ годовъ, и даетъ ей общую характеристику. Такимъ образомъ, этотъ очеркъ Спарты имѣетъ характеръ экскурса; ему удѣлено 6 страницъ (158—164). Намъ казалось бы, что Спарта, сохранившая столько архаическихъ чертъ и игравшая такую роль въ Греціи, заслуживаетъ большаго вниманія. Изъ частности отмѣтимъ, что Р. Ю. Вишперъ усматриваетъ въ Спартѣ „поразительные слѣды дѣленія на возрастные классы, одну изъ самыхъ старинныхъ общественныхъ группировокъ“ (стр. 159), а въ фидитіяхъ онъ видитъ „остатокъ старинной особой организаціи мужской молодежи—того, что въ современной этнологіи называютъ мужскимъ домомъ и что можно наблюдать у цѣлаго ряда полукультурныхъ народовъ“ (стр. 159—160). На переходъ отъ системы завоеваній, сопровождаемыхъ нарѣзкой для спартанцевъ земли съ крѣпостными, къ политикѣ заключенія договоровъ съ сосѣдями, къ политикѣ расширенія союзовъ, по его мнѣнію, повліяла остановка въ приростѣ гражданъ или уменьшеніе состава гражданства (стр. 161).

Своеобразная черта спартанской политической исторіи, по Р. Ю. Вишперу, состояла въ томъ, что басилеи выступаютъ въ качествѣ реформаторовъ и революціонеровъ. „Въ значительной степени это“, говоритъ онъ, „происходило оттого, что басилеи имѣли дѣло съ внѣшней политикой; у нихъ болѣе всего было возможности опереться на постороннія связи; у нихъ возникало больше побужденій и имѣлось

¹⁾ 'Αθ. Πολ., 41: ἐν ἣ πλείστα συνέβη τὴν πόλιν διὰ τοὺς δημαγωγούς ἀμαρτάνειν — διὰ τὴν τῆς θαλάττης ἀρχήν.

²⁾ 'Αθ. Πολ., 27: (Περικλῆς) μάλιστα προὔτρεφεν τὴν πόλιν ἐπὶ τὴν ναυτικὴν δύναμιν, ἐξ ἧς συνέβη θαρρήσαντας τοὺς πολλοὺς ἀπασάν τὴν πολιτείαν μᾶλλον ἄγειν εἰς αὐτούς. Ср. гл. 24.

больше средствъ внести активный элементъ и во внутреннюю политику. Въ реформѣ внутреннихъ отношеній они могли найти притомъ средства усилить свою власть, ограниченную аристократіей“ (стр. 162—3). Центръ тяжести лежалъ именно въ этомъ послѣднемъ. Спартанскіе цари стремились къ реформамъ и даже къ переворотамъ не столько потому, что они имѣли дѣло съ внѣшней политикой, сколько потому, что внутри положеніе ихъ было тяжелое, подчасъ невыносимое; власть ихъ была поставлена въ тѣсныя рамки, и сильныя, энергичныя личности стремились вырваться изъ этихъ рамокъ.

Въ Эфиальтовой реформѣ ареопага 462 г. Р. Ю. Випперъ различаетъ двѣ стороны, конституціонную и социальную, и отмѣчаетъ сдерживающій, такъ сказать, правовой характеръ афинской демократіи. Въ своей книгѣ о Периклѣ, по поводу обвиненій афинской демократіи въ необузданности, беспорядочности, измѣчивости и т. под., мы говорили, что болѣе близкое знакомство съ формами и строемъ Афинскаго государства убѣждаетъ въ иномъ: мы видимъ въ Афинахъ строго опредѣленный, обставленный довольно сложными формальностями, порядокъ законодательства, проникнутый чисто консервативнымъ духомъ, отмѣченный печатью умѣренности и уваженія къ существующимъ законамъ,—порядокъ, созданный по плану, глубоко обдуманному, проникнутому идеей законности, сознаниемъ того, что свобода должна быть въ то же время царствомъ закона; мы видимъ стройную систему самоограниченія демоса: надъ волею народнаго собранія, а слѣдовательно и надъ самимъ державнымъ демосомъ, поставленъ былъ законъ... (стр. 128—9). И мы съ полнымъ сочувствіемъ относимся къ словамъ Р. Ю. Виппера, когда онъ въ своихъ „Лекціяхъ“ говоритъ: „Все эти учрежденія“ (*γραφῆ παρανομῶν*, совѣтъ, строгая отчетность) „показываютъ, въ какой степени элементъ контроля былъ развитъ въ афинской политической жизни. Это былъ очень сложный, тонкій, осмотрительно выработанный порядокъ. Необходимо имѣть его въ виду при оцѣнкѣ обычныхъ обвиненій противъ афинской демократіи, которыя подняты были ея прямыми врагами, афинскими же олигархами, и воспроизводились много разъ до нашего времени. Афинскій многоголовый государь не былъ капризнымъ деспотомъ, онъ былъ весьма добросовѣстнымъ и точнымъ въ исполненіи обязанностей конституціоннымъ правителемъ“ (стр. 169). Жаль только, что среди этихъ контролирующихъ и сдерживающихъ мѣръ, наряду съ *γραφῆ παρανομῶν*, Р. Ю. Випперъ не коснулся порядка законодательства, *νομοθεσία*; правда, порядокъ этотъ развился позднѣе, но зародыши его относятся къ раз-

смаатриваемой эпохѣ. Затѣмъ, наряду съ совѣтомъ у Р. Ю. Вишпера лишь кратко упомянуты народныя суды, къ которымъ отошла часть дѣлъ, относившихся къ политическому надзору ареопага, и которые играли такую роль въ Аѳинахъ. Впрочемъ, ихъ компетенція развилась особенно въ послѣдствіи, отчасти на счетъ совѣта 500, и о нихъ авторъ, быть можетъ, скажетъ подробнѣе во 2-й части „Лекцій“.

Въ связь съ введеніемъ жалованья между прочимъ и архонтамъ Р. Ю. Вишперъ ставитъ допущеніе зевгитовъ къ архонтству. Какъ мы видѣли, по его мнѣнію, едва ли для этого понадобился особый законъ. „Это допущеніе“, говоритъ онъ (стр. 170; ср. стр. 103), „не было результатомъ новой реформы... Но фактически низшіе классы были до сихъ поръ исключены отъ занятія должностей. Уплаты и выдачи уравнили для гражданъ разнаго достатка возможность участвовать въ администраціи, и такимъ образомъ появился въ 457 г. первый «зевгитъ» въ качествѣ архонта“. Едва ли такъ можно утверждать: нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ совершенно опредѣленномъ свидѣтельствѣ Аристотеля въ Аѳинской Политіи о томъ, что на шестой годъ послѣ смерти Эфіальта аѳиняне „портъшили“ (ἐγυωσαν) выбирать архонтовъ и изъ зевгитовъ (гл. 26): и точная хронологическая дата („на шестой годъ“), и приведеніе имени перваго архонта-зевгита, и общій характеръ этого сообщенія, все показываетъ, что въ основѣ его въ концѣ концовъ лежитъ документальный источникъ.

VIII-ю главу—„Лонны въ 40-хъ и 30-хъ годахъ V вѣка“—Р. Ю. Вишперъ начинаетъ съ оцѣнки дѣятельности Перикла. Онъ останавливается на отношеніи новой европейской исторической литературы къ Периклу и показываетъ, какъ подъ влияніемъ политическихъ и социальныхъ теченій и наконецъ подъ впечатлѣніемъ крупныхъ размѣровъ и задачъ современныхъ государствъ, ихъ огромнаго военнаго и индивидуальнаго развитія, измѣнялся самый взглядъ на Перикла и его время. „Въ пѣломъ рядѣ сужденій о Периклѣ и его эпохѣ“, говоритъ Р. Ю. Вишперъ, „сказалось пренебреженіе къ сравнительно мелкимъ задачамъ аѳинской демократіи. Поклонники новаго государства находили, что Перикла нельзя назвать оригинальнымъ и выдающимся политическимъ дѣятелемъ; къ нему неприложима такая крупная мѣрка, и онъ скорѣе заслуживаетъ имени замѣчательнаго бургомистра, дѣльнаго городского головы“ (стр. 179). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Р. Ю. Вишперъ замѣчаетъ: „Рѣзче всего *Beloch*, *Die attische Politik seit Perikles*. 1884...“ Намъ кажется, что отрицательный взглядъ на

Перикла рѣзче всего сказался у Pflugk-Harttung'a (Perikles als Feldherr. Stuttgart. 1884) и у Макса Дупкера ¹⁾. Самое выраженіе, что Перикль былъ лишь „великій бургомистръ“, принадлежитъ Пфлугкъ-Гарттунгу. Р. Ю. Випперъ—и совершенно справедливо—не раздѣляетъ взглядовъ этихъ не въ мѣру строгихъ судей Перикла и Афинъ того времени. „Въ предѣлахъ того, что могла дать античная Эллада“, говоритъ онъ, „афинская демократія и афинская держава были самыми сложными, крупными и дѣятельными организмами; это были высшіе политическіе и социальныя продукты греческой городской культуры. Только такое сравненіе съ формами и явленіями одновременными и дастъ намъ основу для справедливой оцѣнки самого афинскаго общества, а также его выдающагося дѣятеля“ (стр. 180).

Но при этомъ Р. Ю. Випперъ полагаетъ необходимымъ „принять во вниманіе различіе моментовъ въ развитіи Афинъ: въ дошедшей до насъ исторической литературѣ это развитіе игнорировано или затенено, а между тѣмъ Афины около 460 г. и около 440 г. очень разнятся и по количеству своихъ силъ, и по настроенію большинства гражданъ. Въ связи съ этимъ и дѣятельность Перикла между двумя моментами никоимъ образомъ нельзя разсматривать, какъ одну цѣльную по тенденціямъ и средствамъ систему“. Молодой Перикль въ началѣ своей дѣятельности вполнѣ принадлежитъ и программѣ, и партіи, которая съ нею выступаетъ (стр. 180). Съ конца 50-хъ годовъ рядъ исудачъ останавливаетъ завоевательную политику демократіи. „Въ средѣ сторонниковъ широкой программы 460 г. долженъ былъ произойти поворотъ, который повелъ къ выдѣленію изъ нихъ болѣе умѣренной группы“. Къ числу „обращенныхъ“ Р. Ю. Випперъ относитъ и Перикла (стр. 181). За немѣнѣемъ данныхъ не беремся судить, насколько это вѣрно; перемѣну въ Периклѣ, если только она была, можно объяснить и иначе: въ 60-хъ годахъ Перикль шелъ за другими, съ середины V вѣка онъ дѣлается самостоятельнымъ вождемъ.

Съ оцѣнкой у Р. Ю. Виппера закона о правѣ гражданства можно только согласиться ²⁾. „Въ извѣстномъ смыслѣ“, говоритъ онъ, „законъ представляетъ и моральный кризисъ демократіи. Она стала сама исключительнымъ замкнутымъ кругомъ, какъ тѣ политическія и со-

¹⁾ Разбору этихъ отрицательныхъ взглядовъ посвящена наша диссертация „Перикль“, Харьк., 1889.

²⁾ Ср. нашу книгу: „Перикль“, стр. 244.

ціальныя формы, противъ которыхъ она выступала во имя принципа свободы и равенства. Для оцѣнки политики Перикла опять-таки важно, что его имя стоитъ въ тѣсной связи съ этой тенденціей къ замыканію демократіи. И во внѣшней и во внутренней политикѣ Периклъ отступился отъ болѣе прогрессивныхъ принциповъThemistokla и Эфіальта. Но въ рамкахъ этой остановившейся демократіи Периклъ проводилъ широкую экономическую политику“ (стр. 184).

Говоря о финансовой политикѣ Перикла, Р. Ю. Випперъ отмѣчаетъ, что Периклъ поставилъ государство на новую финансовую основу (стр. 185): онъ порвалъ съ стариннымъ религіознымъ принципомъ—началомъ храмовыхъ сбереженій (стр. 193); раньше храмовыя суммы представляли мертвый капиталъ; изрѣдка, въ крайнихъ случаяхъ, изъ нихъ брали въ займы, но взятую сумму потомъ возвращали. „Въ управленіе Перикла рѣшено было пустить въ оборотъ сбереженія, находившіяся въ храмѣ Аѳины“. Храмовыя сокровища были въ сущности присоединены къ государственной казнѣ. „Номинально все еще считалось, что занятые деньги подлежатъ полному возвращенію, но это была лишь фикція“ (стр. 186—7). Надписи однако показываютъ, что государство не только обязывалось возвратить долгъ, съ уплатой извѣстнаго процента, обозначая „до послѣдней драхмы и обола“ должную сумму, но иногда и дѣйствительно возвращало долгъ: вспомнимъ, напримѣръ, извѣстное предложеніе Каллія о возвратѣ „богамъ денегъ послѣ того, какъ Аѳинѣ въ акрополь внесено 3.000 талантовъ аттической монетою, согласно постановленію“¹⁾, предложеніе, относящееся къ эпохѣ Перикла. Слѣдовательно, перемѣна была не столько въ принципѣ, сколько въ томъ, что прежде позаймствованія изъ священной казны дѣлались въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ, а въ послѣдствіи, особенно послѣ Перикла, они стали частыми, обычными.

Глава эта заканчивается довольно подробнымъ изложеніемъ Псевдо-Ксенофонтова памфлета (‘Αθ. Πολ.), характеристикой его отношенія къ аѳинской демократіи (стр. 195—8) и характеристикой послѣдней и ея силъ у Θувидида (198—200).

Послѣдняя (IX-я) глава изданной части „Лекцій“ посвящена „Пелопоннесской войнѣ и кризису демократіи“ (стр. 201—223).

Подобно тому, какъ и въ главѣ о греко-персидскихъ войнахъ, авторъ и здѣсь не ставитъ себѣ цѣлью подробно выяснитъ причины и самый ходъ войны; его вниманіе останавливается преимущественно

¹⁾ С. I. A., I, n° 32 (*Dittenberger, Sylloge, I^a, n° 21^a*).

на измѣненіяхъ, происходившихъ въ нѣдрахъ самого общества. Онъ говоритъ объ общемъ характерѣ войны и ея социальномъ значеніи для греческаго міра, о пониженности населенія и обѣднѣніи въ Атикѣ, о пастропіи демоса и антагонизмѣ между стратегами и демагогами, о финансовомъ напряженіи Аѳинъ (указывая при этомъ на тѣсную связь радикальной демократіи съ „имперіализмомъ“), о политической комедіи, какъ органѣ реакціи, — рядъ прекрасныхъ и вѣрныхъ замѣчаній; онъ говоритъ далѣе о демократіи и новомъ просвѣщеніи, отмѣчая факты возрастающаго разъединенія интеллигенціи и народной массы: „интеллигентные круги, люди наиболѣе тронутые новымъ просвѣщеніемъ, въ самомъ главномъ центрѣ демократическаго развитія отворачиваются отъ демократіи“ (стр. 213).

Въ объясненіи этого факта у Р. Ю. Вишера свазывается до нѣкоторой степени его историческое міросозерцаніе. Онъ возражаетъ противъ обычнаго мнѣнія, которое связываетъ антидемократическое теченіе „съ воздѣйствіемъ разлагающихъ будто-бы софистическихъ теорій“, главнымъ образомъ — новой индивидуалистической морали и новаго естественнаго права, основаннаго на понятіи о безграничной свободѣ личности, при чемъ въ примѣръ приводятъ обыкновенно Алкивиада. Въ такомъ объясненіи Р. Ю. Вишеръ видитъ повтореніе мысли греческой реакціи, преимущественно Платона. Онъ отрицаетъ, чтобы развитіе индивидуализма, критицизмъ и софистическія ученія сами по себѣ шли къ разрушенію общественной солидарности. „Мы“, говоритъ онъ, „могли бы теперь быть нѣсколько осторожнѣе въ сужденіяхъ о причинахъ и связи явленій. Критицизмъ, можетъ быть, создавалъ иногда для отдѣльной личности тяжелыя душевныя состоянія; но сдѣла ли когда-нибудь критическая мысль сама по себѣ вызвала въ человѣкѣ антисоціальныя чувства, желаніе причинить вредъ обществу. Если Алкивиадъ или олигархическіе политики искусно вставляли въ апологію своей политики аргументы современной критической философіи права, это не даетъ права видѣть въ нихъ послѣдовательныхъ учениковъ новой политической школы, проводившихъ ея идеи въ дѣйствительность. Вѣдь мы хорошо знаемъ, что практическая мораль не вытекаетъ изъ разсужденій, а приспособляется къ себѣ теоріи въ случаѣ необходимости. При томъ софистическія ученія нельзя такъ односторонне, какъ это дѣлаетъ Платонъ, соединять въ группу „разрушительныхъ“ идей. Нѣтъ основанія выключать отъ софистовъ „православнаго“, въ глазахъ Платона, Сократа, который выставилъ несомнѣнно положительное ученіе. Да и тѣ софисты, къ которымъ по

преимуществу идетъ обозначеніе критиковъ и скептиковъ, искали въ теоріи не средства подкопаться подъ основы общественнаго строя, а лишь новаго обоснованія общественнаго порядка на существѣ (φύσις) человѣческой природы“ (стр. 214 — 215). „Нзмѣна демократіи въ извѣстныхъ кругахъ аѳинскаго общества вовсе не нова сама по себѣ и не есть результатъ той моральной теоріи, которая на первое мѣсто ставила право личности. Явленіе было и раньше и вытекало всякій разъ тоже изъ нѣкотораго соединенія реальныхъ интересовъ, враждебныхъ преобладанію низшихъ классовъ гражданства. Ново было широкое распространеніе антидемократическаго движенія; оно объясняется цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, заключающихъ въ себѣ паденіе основныхъ устоевъ демократіи“ (стр. 215).

Г. Ю. Вишеръ останавливается затѣмъ на результатахъ сицилійской катастрофы для внутренняго строя Аѳинъ, между прочимъ отмѣчая гибель относительно многихъ вѣтовъ, „т. е. людей того класса, который составлялъ главную и принципиальную опору демократіи. Составъ народнаго собранія сталъ послѣ 413 г. инымъ; консервативные элементы получили въ немъ больше силы“ (стр. 215); онъ характеризуетъ умѣренное направленіе реакціи и крайне олигархическое, говоритъ о революціи 411 г. и заканчиваетъ 1-ю часть своихъ „Лекцій“ реставраціей демократіи. Послѣднія строки (стр. 223) посвящены печальному исходу Пелопоннесской войны, и мы вполне присоединяемся къ слѣдующимъ словамъ автора: „Послѣднія 6—7 лѣтъ борьбы Аѳинъ противъ почти всѣхъ остальныхъ грековъ, поддерживаемыхъ персами, останутся всегда изумительнымъ примѣромъ необычайной цѣпкости и энергіи небольшого народца, воспитаннаго въ школѣ демократіи. Падѣніе поражаетъ не только изворотливость аѳинлянъ, ихъ способность приносить новыя и новыя жертвы; замѣчательно еще и то, что, не смотря на разореніе, на цѣлые годы осаднаго положенія, среди постоянной опасности быть взятыми врасплохъ съ моря или съ суши, аѳинскій народъ сохранялъ свой живой интересъ къ эстетическимъ вопросамъ, смотрѣлъ драмы и комедіи, справлялъ свои художественно-оживленные праздники. Только къ концу нервное напряженіе доводитъ народъ до утраты самообладанія“ и т. д.

Въ текстѣ „Лекцій“ помѣщено нѣсколько картъ, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить карту Аттики съ обозначеніемъ Клисоеновыхъ филъ и тритій, наглядно изображающую распределеніе между ними территоріи страны. Впередѣ каждой главы (кроме I-ой) петитомъ напечатанъ краткій перечень фактовъ, относящихся къ данной главѣ.

Въ концѣ книги находятся примѣчанія съ указаніемъ важнѣйшихъ мѣстъ въ источникахъ, на которыя опирается или которыя имѣетъ въ виду текстъ. Есть ссылки и на новую литературу; но онѣ довольно скудны, ограничиваются всего нѣсколькими сочиненіями и носятъ какъ бы случайный характеръ ¹⁾. Чаще всего авторъ ссылается на Э. Мейера и Бузольта. Въ самомъ текстѣ разбирается теорія Фюстель-де-Куланжа, приводятся нѣкоторыя теоріи по гомерическому вопросу (см. выше), упоминаются далѣе имена Э. Мейера, Дельбрюка. На русскую литературу во всей книгѣ нѣтъ ни одного указанія: для Р. Ю. Виппера она какъ бы не существуетъ; повидимому, онъ ее сознательно игнорируетъ. А между тѣмъ нѣкоторые вопросы очень основательно разработаны и въ ней. Есть въ русской литературѣ и сочиненія общаго характера, соответствующіе отдѣлы или мѣста коихъ очень полезно было бы указать студентамъ, на примѣръ „Очеркъ греческихъ древностей“ В. В. Латышева, „Исторія Греціи“ П. И. Аландскаго, „Государство-городъ античнаго міра“ Н. И. Карѣва, тѣмъ болѣе, что авторъ, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ цѣлью въ своихъ „Лекціяхъ“ „дать основу для университетскихъ занятій“.

Вообще, какъ видно изъ предыдущаго обзора содержанія „Лекцій“ Р. Ю. Виппера, въ нихъ есть пробѣлы. Интересъ сосредоточивается почти исключительно на Афинахъ; Спарта—далеко на заднемъ планѣ и о ней говорится мимоходомъ; о сицилійскихъ городахъ ни слова не сказано (если не считать нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ законодательству Залевка и Харонда). Почти ничего нѣтъ о греческой религіи, искусствѣ. Умственная жизнь Греціи охарактеризована недостаточно: авторъ касается литературныхъ произведеній, поскольку въ нихъ отражаются лишь политическія и социальныя программы и стремленія. Особенно можно пожалѣть, что не охарактеризовано болѣе обстоятельно и систематически умственное движеніе эпохи „просвѣщенія“. Впрочемъ, можетъ быть, Р. Ю. Випперъ вернется къ этому во II-ой части своихъ „Лекцій“. Вышедшая же часть не даетъ надлежащаго понятія о богатствѣ и значеніи греческой культуры. Словомъ, культурная сторона недостаточно освѣ-

¹⁾ Напр., по поводу гомерическаго эпоса въ примѣчаніяхъ указаны *Sauer*, Grundfragen der Homerkritik, 1895; *Pöhlmann*, Zur geschichtlichen Beurtheilung Homers, въ Hist. Zeitschr., 1894, и *Drexler*, Homer, 1903; а въ III гл., по поводу гомерической эпохи сдѣлана одна ссылка на *Фюстель-де-Куланжа*, а другая — на *Schurtz*, Alterklassen und Männerbünde, 1902.

цена. Зато прекрасно освѣщена Р. Ю. Випперомъ другая сторона—политико-соціальная. Современная историческая наука, какъ и литература, и искусство, отличается большимъ натурализмомъ; она стремится изучить реальную жизнь; и Р. Ю. Випперъ стремится изобразить жизнь грековъ какъ можно реально, какъ можно прозаично. Въ этомъ и достоинство, и недостатокъ его „Лекцій“. Отметимъ еще одну черту, съ которой мы такъ часто встрѣчаемся въ курсѣ Р. Ю. Виппера. Это — слишкомъ скептическое отношеніе къ нашимъ источникамъ, къ исторической традиціи. Тутъ авторъ впадаетъ нерѣдко въ гиперкритику.

Мы подробно разсмотрѣли „Лекціи“ Р. Ю. Виппера, какъ онѣ того заслуживали. Мы откровенно указали на нѣкоторые—какъ намъ кажется—спорныя положенія и пробѣлы. Но этимъ мы нисколько не умаляемъ значенія и достоинствъ „Лекцій“. Это трудъ—талантливый и самостоятельный, во многомъ оригинальный и чрезвычайно интересный. Многіе отдѣлы изложены прекрасно; положеніе и отношенія классовъ населенія, общественная организація и т. п. изображаются мастерски. Удачно выбранными цитатами и отрывками изъ источниковъ авторъ ярко и мѣтко характеризуетъ то или другое настроеніе, явленіе. Р. Ю. Випперъ—специалистъ преимущественно въ области новой исторіи, и это имѣетъ свою хорошую сторону: онъ вноситъ въ изученіе греческой исторіи свѣжесть, широту и непродубѣжденность взгляда, чуждаго рутинѣ; на многое онъ посмотрѣлъ съ новой, иной, не традиціонной точки зрѣнія. Р. Ю. Випперъ широко пользуется аналогіей, дѣлая частыя сопоставленія между явленіями греческой исторіи и исторіи другихъ народовъ и эпохъ¹⁾. Не менѣе часто об-

¹⁾ Гомерическій эпосъ онъ сопоставляетъ съ известными намъ формами эпоса у другихъ народовъ, напримѣръ, съ Нибелунгами и Калевалой (стр. 22—23, 25); гомерическую знать, этихъ „жирныхъ, тучныхъ“ людей (*ἀφρανοί, παχύνες*), сравниваетъ съ *popolo grasso* средневѣковыхъ итальянскихъ городовъ (стр. 32), гомерическихъ героевъ и вождей—съ сеньерами (стр. 33), греческихъ „всадниковъ“ — съ *saballarius* въ средневѣковой Европѣ (стр. 34), *хобболы*—съ старорусскими „отроками“ (стр. 39); положеніе мастерицъ въ большихъ дѣвичьихъ (напр., у Алкинои и у Одиссеи) напоминаетъ ему гениции, женскія мастерскія большихъ королевскихъ имѣній времени Карла Великаго (стр. 40). Р. Ю. Випперъ сопоставляетъ вліяніе колониальнаго распространенія на развитіе индустріи въ Греціи и въ новыя вѣка (стр. 58—59), ставя консервативныхъ элементовъ въ Аѣнахъ и въ новоевропейскихъ государствахъ XIX вѣка (стр. 155), *ισονομία, ισάγорта*, какъ формулу радикальной партіи въ Аѣнахъ,—съ формулой *liberté, égalité, fraternité* французской революціи (стр. 156) и т. под. Особенно часты, конечно, сравненія съ Римомъ.

ращается онъ къ даннымъ этнологіи. Выѣшняя форма изложенія въ „Лекціяхъ“ Р. Ю. Виппера—хороша: языкъ сжатый, чуждый фразъ, но ясный и выразительный.

Привѣтствуя появленіе въ свѣтъ I-й части „Лекцій“ проф. Р. Ю. Виппера, мы увѣрены, что онѣ будутъ имѣть успѣхъ, вполне заслуженный, и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ ихъ продолженія.

В. Буассеуль.

Сикорскій, И. А., проф. Всевобщая психологія съ физиогномикой въ иллюстрированномъ изложеніи. Съ 21 таблицами въ краскахъ и 285 фигурами въ текстѣ. Кіевъ 1906. Цѣна 5 руб. Стр. 574.

Обширный и интересный трудъ проф. Сикорскаго распадается на 6 неравныхъ отдѣловъ: первый посвященъ общимъ даннымъ біологіи, антропологіи, фізіологіи и нервной патологіи; второй трактуетъ о психическихъ явленіяхъ вообще; третій—о душѣ ребенка; четвертый—о душѣ животныхъ; пятый посвященъ физиогномикѣ; въ шестомъ содержатся заключительныя мысли автора. Пятый отдѣлъ, физиогномика, занимаетъ почти половину книги (223 стр.), и ему, слѣдовательно, авторъ придаетъ наибольшее значеніе: дѣйствительно, авторъ полагаетъ, что „физиогномика, болѣе чѣмъ какая-либо иная научная дисциплина, будетъ въ состояніи связать и объединить столь разнообразный психологическій матеріалъ, какъ тотъ, который дается поэзіей, изобразительнымъ творчествомъ, фізіологіей, біологіей, психіатріей; уже по одному этому физиогномика должна завоевать себѣ мѣсто и положеніе составной части психологіи“ (стр. 342). Это мнѣніе мы оставляемъ совершенно на отвѣтственности автора и должны лишь замѣтить, что его интересное „иллюстрированное изложеніе“ насъ не могло привести къ признанію высокой объединяющей роли физиогномики.

Первая физиологическая часть, написанная знатокомъ дѣла, очень поучительна. Общая точка зрѣнія, которой придерживается авторъ, есть эволюціонизмъ, притомъ въ формѣ, развитой Спенсеромъ. Во второй части изложены общія основы психологіи. Взгляды автора ближе всего стоятъ къ тѣмъ, которые защищаетъ Гефдингъ. Проф. Сикорскій весьма часто ссылается на Гефдинга, хотя нѣкоторое различіе во взглядахъ Гефдинга и проф. Сикорскаго всежъ легко подмѣтить. Гефдингъ полагаетъ, что „споръ между фізіологіей и психологіей возможенъ также мало, какъ между наблюдателями вогнутой и выпуклой поверхности одного и того же свода; всякое явленіе сознанія даетъ поводъ

къ двойному изслѣдованію“,—это точка зрѣнія параллелизма душевныхъ и тѣлесныхъ явленій, которая довольствуется констатированіемъ эмпирическаго факта, не касаясь существа того субстрата, въ которомъ протекаетъ этотъ двойной рядъ явленій. Г. Сикорскій думаетъ, что психическіе процессы представляютъ „высшую форму физиологическихъ“ и что способъ превращенія физическихъ энергій въ психическую пока еще — тайна (стр. 158). Проф. Сикорскій убѣждаетъ, что „психологическія явленія не могутъ осуществиться иначе, какъ на территоріи мозговой ткани, въ точныхъ границахъ строго опредѣленныхъ областей ея, которыя локализованы путемъ неврологическихъ изслѣдованій“ (стр. 157). Но это убѣжденіе можетъ быть лишь регулятивнымъ принципомъ изслѣдованія; въ немъ врядъ-ли можно усматривать право на тѣ заключенія, какія проф. Сикорскій дѣлаетъ, напримѣръ, при разборѣ стихотворенія „Вѣтка Палестины“. Авторъ усматриваетъ въ этомъ стихотвореніи слѣдующій порядокъ ощущеній: за зрительными слѣдуютъ осязательныя, за ними слуховыя, за этими образы общаго чувства; вся эта смѣна образовъ заканчивается постепенно осложняющимися нравственными чувствами. „Все стихотвореніе носить возвышенный характеръ и, въ то же время, весь строй его и вся послѣдовательность его образовъ совершенно точно соответствуетъ канвѣ мозговыхъ локализаций: поэтъ послѣдовательно и въ строгомъ порядкѣ взялъ аккорды на струнахъ почти всѣхъ анатомическихъ центровъ своего нервно-психическаго органа—и высокая художественность его произведенія стоитъ въ полной гармоніи съ идеальной тщательностью физиологической работы его мозга“ (стр. 184). Признаемся, что многое въ психологическихъ воззрѣніяхъ г. Сикорскаго намъ не ясно; такъ, напримѣръ, и этотъ разборъ стихотворенія Лермонтова намъ не совсѣмъ понятенъ. Хочетъ ли проф. Сикорскій сказать, что художественныя достоинства стихотворенія зависятъ отъ того, что авторъ его пользовался образами, расположенными въ нервныхъ центрахъ въ извѣстномъ порядкѣ и что стихотвореніе производило бы иное впечатлѣніе, еслибъ этотъ порядокъ былъ нарушенъ? Повидимому, такъ слѣдуетъ понимать проф. Сикорскаго, ибо онъ указываетъ на соответствіе послѣдовательности образовъ мозговымъ локализациямъ; въ такомъ случаѣ можно въ эстетику ввести новый принципъ, но польза его весьма сомнительна.

Въ третьемъ отдѣлѣ проф. Сикорскій говоритъ объ основныхъ фактахъ развитія души ребенка. Почтенный профессоръ и ранѣе писалъ объ этомъ предметѣ, о которомъ за послѣднее время появилось

столько замѣчательныхъ сочиненій, начиная съ классическаго труда Прейера и кончая трудами Селли и самого проф. Сикорскаго.

Четвертый отдѣлъ (Душа животныхъ) весьма кратокъ — всего 11 страницъ, при чемъ не указана богатая литература этого предмета; проф. Сикорскій указываетъ лишь сочиненіе Леббока о муравьяхъ, въ то время какъ можно было упомянуть о Роменсѣ, Эспинасѣ, Узо, Сутерлендѣ, Фабрѣ и множествѣ другихъ. Если бы проф. Сикорскій удѣлилъ этому предмету болѣе мѣста, или вовсе опустилъ бы его, то это было бы, по нашему мнѣнію, лучше; врядъ ли могутъ кого-либо удовлетворить свѣдѣнія, что у быка впервые въ зоологическомъ ряду проявляется чувство благоговѣнія, а у собаки чувство долга; „становясь объектомъ вивисекціи, собака не защищаетъ свою жизнь... но покоряется своему печальному долгу, подобно человѣку, идущему на казнь“. Трудно, конечно, разъяснять чувства собаки, подвергнувшейся вивисекціи, но весьма невѣроятно, чтобы сознаніе долга руководило поведеніемъ собаки, такъ же невѣроятно, какъ появленіе у быка благоговѣнія.

Пятый отдѣлъ посвященъ физиогномикѣ, которой авторъ, какъ мы видѣли, придастъ такое значеніе. Однако онъ не пытается дать законовъ выраженія ощущеній, какъ это сдѣлано въ знаменитой книгѣ Дарвина, а вслѣдъ за нимъ у Мантегацца, Вундта и многихъ другихъ; зато описательный матеріалъ чрезвычайно богатъ: авторъ пользуется не только наблюденіями надъ реальными явленіями, но и художественными произведеніями, въ которыхъ изображены различныя чувства и ихъ выраженіе на лицѣ. Въ этомъ отдѣлѣ много любопытныхъ наблюденій, воспользовавшись которыми впоследствии, можетъ быть, можно будетъ построить нѣкоторую теорію; теперь же это только любопытныя иллюстраціи и частныя примѣры, истолкованные авторомъ по своему. Весьма вѣроятно, напримѣръ, что всякая профессія кладетъ извѣстный отпечатокъ на представителя ея, но невѣроятно, чтобы этотъ отпечатокъ былъ настолько ясенъ, что можно отличить астронома отъ анатома, математика отъ философа. У г. Сикорскаго не приведено изображенія философа, а сказано только: „философы изображаются, какъ ученые, но съ большой дозой глубокомыслія и самообладанія“; но еслибъ почтенный профессоръ посмотрѣлъ на портретъ престарѣлаго Канта, то онъ не нашелъ бы на лицѣ Канта ни глубокомыслія, ни самообладанія. Извѣстенъ разговоръ о томъ, какъ френологъ и физиономистъ древности сказалъ Сократу, что природа предназначила его быть раз-

бойникомъ. Современное антибюрократическое теченіе коснулось и почтеннаго профессора: въ этомъ отношеніи любопытно его толкованіе картины Петроковино „У директора“; въ изображеніи директора почтенный профессоръ нашелъ всѣ черты бездушнаго бюрократа-формалиста. Безъ сомнѣнія, физиогномическіе экскурсы проф. Сикорскаго представляютъ занимательное чтеніе, но мы не стали бы утверждать, что проф. Сикорскому удалось доказать свою мысль о важномъ значеніи физиогномики для науки о духѣ.

Краткія заключительныя замѣчанія проф. Сикорскаго выражаютъ увѣренность въ правильности эволюціоннаго міровоззрѣнія, а также и въ томъ, что будущей наукѣ удастся раскрыть многое, что для насъ представляется теперь загадочнымъ.

Въ общемъ книга проф. Сикорскаго, хотя и содержитъ много спорнаго, но отличается свойствомъ сюжестивности, которое дѣлаетъ книгу полезною и интересною, ибо она будитъ мысль и побуждаетъ къ критикѣ и къ самостоятельному изслѣдованію.

Э. Радловъ.

Л. Шепелевичъ. Историко-литературныя этюды. Серія II. Стр. IV + 161. С.-Пб. 1905 годъ.

Изученію западно-европейскихъ литературъ въ Россіи можетъ предостоять блестящая будущность. Это наступитъ тогда, когда, усвоивъ технику и, до извѣстной степени, формы политической жизни Европы, мы обратимся къ европеизму въ лучшемъ смыслѣ слова, т. е. тому сочетанію принциповъ и идеаловъ, которыми устранилась и направлялась старо-европейская культура. До тѣхъ поръ изъ оборота литературной жизни Европы къ намъ будутъ попадать или жалкіе обрывки свѣдѣній или отголоски минуты, злоба дня. Конечно, говоримъ не о тѣхъ немногихъ специалистахъ, для которыхъ изученіе литературы — дѣло жизни, а о публикѣ. Ясно вѣдь, что для большинства русскихъ читателей поэзія Данте, Мольера, Расина, даже Шиллера и Гёте—если не книга о семи печатяхъ, то во всякомъ случаѣ — область мало извѣстная. Само собою нечего и спрашивать о знакомствѣ съ такими *второстепенными*, но все же замѣчательными писателями, какъ Корнель, Паскаль, Петрарка, многіе испанскіе поэты XVI—XVII вѣковъ, Фондель и др.

Изумительное богатство европейской литературной жизни русской публикой еще не усвоено. Да, признаться, иной разъ сомнѣваешься

въ возможности этого усвоенія, въ будущности европеизма! Развѣ не прошлы у насъ мимо, не оцѣненный по достоинству и осмѣянный, классицизмъ? Какъ будто печальный прецедентъ и для нашей науки! Тѣмъ благороднѣе роль тѣхъ немногихъ специалистовъ, которые, помня великія слова Данте, дѣлятся своими знаніями съ публикой, стараются возбудить у ней интересъ къ европейской литературѣ, способствуя если не развѣтву, то хоть зарѣ европеизма въ нашемъ отечествѣ. Среди нихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ профессору Л. Ю. Шепелевичу. Благодаря ему, между прочимъ, проложенъ у насъ путь къ истинному пониманію Донъ-Кихота, хотя, къ сожалѣнію, не всѣ его правильные взгляды усвоены нашими критиками и литераторами, до нынѣ пишущими о романѣ Сервантеса. Читатели нашего журнала знаютъ, что мы не принадлежимъ къ безусловнымъ панегиристамъ почтеннаго харьковскаго профессора: въ нашихъ рецензіяхъ мы всегда указывали и промахи его работъ. Но *erga humanum est*, а вообще нельзя не выразить полного уваженія и сочувствія „первому русскому сервантисту“.

Профессоръ Шепелевичъ—писатель тонкій и опытный: привыкнувъ къ его изложенію, начинаешь любить его краткія, но мѣткія и изящныя характеристики, которыя лишь на первый взглядъ могутъ казаться нѣсколько поверхностными. Кромѣ того нельзя не цѣнить въ профессорѣ Шепелевичѣ вѣрности высокимъ идеаламъ, тому, что онъ самъ называетъ „старыми, но вѣрными истинами“ какъ первую, такъ и вторую серію его историко-литературныхъ этюдовъ, можно смѣло рекомендовать читателю. Польза такихъ популярно-научныхъ статей несомнѣнна. Что касается до насъ, то мы отдали бы предпочтеніе второй серіи этюдовъ. При обычныхъ достоинствахъ работъ профессора Шепелевича, во второй серіи гораздо менѣе промаховъ и небрежностей, чѣмъ въ первой. Конечно, и здѣсь много остается недоговореннымъ; попадаются кое-гдѣ и фактическія ошибки. Есть статьи, имѣющія интересъ только для, напримѣръ, послѣдняя—о международномъ съѣздѣ историковъ въ Римѣ (стр. 173 — 181). Точно также, статья объ историко-литературныхъ трудахъ В. Д. Спасовича слишкомъ коротка и до нѣкоторой степени напоминаетъ аттестатъ, выдаваемый прилежному и талантливому ученику. Наконецъ, этюдъ о патриотизмѣ Петрарки (стр. 147 — 156) составленъ не настолько обстоятельно, чтобы мы могли въ этомъ спорномъ вопросѣ стать на сторону профессора Шепелевича, т. е. увидѣть въ первомъ гуманистѣ истиннаго итальянскаго патриота. Профессоръ Ше-

исповедь не убѣждаетъ своего читателя въ томъ, что политическіе идеалы Петрарки были глубоко продуманы и прочувствованы, а не только заимствованы изъ книгъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что политика Петрарки — и теорія и *поведеніе* — явленіе сложнаго состава. Можно ли, напримѣръ, отрицать, что въ Петраркѣ, какъ почти во всѣхъ писателяхъ и художникахъ возрожденія (ср. напр. Леонардо да Винчи!), была сильна струя оппортунизма, и риторика посланій къ Буссолари едва ли докажетъ противное.

Центръ тяжести въ этюдахъ проф. Шенелевича, по нашему мнѣнію, статьи объ испанскихъ писателяхъ — Сервантесѣ, Ибаньесѣ и Вальдесѣ. Особенно важны и интересны для нашей публики — двѣ послѣднія. Литературная жизнь молодой Испаніи чрезвычайно богата. Цѣлый рядъ крупныхъ талантовъ дѣйствуетъ во всѣхъ жанрахъ поэзіи. Русскимъ было бы полезно познакомиться съ наиболѣе выдающимся изъ этихъ писателей: вѣдь испанская литература во многихъ отношеніяхъ весьма и весьма похожа на русскую! Проф. Шенелевичъ, бесспорно, у насъ самый лучший знатокъ современной испанской литературы, особенно романа. Очерки объ Ибаньесѣ и Вальдесѣ составлены живо и интересно. Мы рекомендуемъ ихъ для первоначальнаго ознакомленія съ двумя популярными испанскими романистами нашихъ дней. Въ этюдѣ объ Ибаньесѣ проф. Шенелевичъ, совершенно правильно отмѣтивъ горячую любовь испанцевъ къ своей мѣстности, къ своей маленькой родинѣ (*провинциализмъ*, ярко отражающійся и въ литературѣ), даетъ удачныя характеристики трехъ наиболѣе замѣчательныхъ предшественниковъ и учителей Ибаньеса — Валеры, Гальдоса и Переды. Затѣмъ слѣдуетъ анализъ нѣсколькихъ романовъ Ибаньеса съ краткими замѣчаніями объ особенностяхъ его творчества. Для русскихъ читателей Ибаньесъ можетъ быть интересенъ и какъ представитель испанской радикальной партіи, и какъ писатель, долго и съ усѣхомъ изучавшій Крапоткина, Толстого и Горькаго. Не менѣе интересенъ Армандо Паласіо Вальдесъ. Проф. Шенелевичъ знакомитъ насъ съ возрѣвѣвшими Вальдеса на поэзію и на романъ, на ихъ общественную роль и т. д. Вальдесъ — писатель оригинальный и самостоятельный. Онъ критически относится ко многимъ современнымъ литературнымъ явленіямъ, въ родѣ мистицизма, символизма, декадентовъ и т. д. Въ поэзіи Вальдесъ ищетъ равновѣсія и гармоніи, на которыхъ и зиждется истинная красота. Необходимо вернуться къ образцамъ греческой поэзіи. Романисты латинской расы болѣе способны къ цѣльному, гармонич-

ному повѣствованію, тѣмъ германскіе или славянскіе и т. д. Пересказавъ содержаніе нѣкоторыхъ романовъ Вальдеса, проф. Шепелевичъ даетъ краткую характеристику его техники и касается *идеализма*, который проникаетъ творчество Вальдеса. Этотъ писатель рисуетъ обыденную жизнь, жизнь толпы, въ противоположность „героямъ“. Откуда же идеализмъ? Проф. Шепелевичъ находитъ его въ современномъ испанскомъ обществѣ, такъ что Вальдесъ лишь вѣрный его бытописатель. Прочитавъ эти два интересныхъ этюда, нельзя не выразить пожеланія, чтобы проф. Шепелевичъ современемъ далъ намъ исторію испанскаго романа XIX-го столѣтія въ связи съ исторіей общества.

Съ удовольствіемъ прочли мы (стр. 3—20) коротенькій этюдъ о Донъ-Кихотѣ Сервантеса. Это — любимый писатель проф. Шепелевича, къ которому онъ неоднократно возвращается. Мы советуемъ всякому русскому, который захочетъ писать о Донъ-Кихотѣ, внимательнѣе и безъ преждевременной критики вчитаться въ сочиненія уважаемаго профессора. Кому нельзя проштудировать большое сочиненіе проф. Шепелевича о Сервантесѣ, тотъ можетъ удовольствоваться чтеніемъ только что упомянутой статьи. Мы не считаемъ, чтобы всѣ вопросы, связанные со знаменитымъ романомъ, были рѣшены проф. Шепелевичемъ или къмъ бы то ни было. Далекъ нѣтъ. Намъ лично представляется возможнымъ совѣмъ иное освѣщеніе многихъ существенныхъ моментовъ романа. Но, какъ мы уже сказали, проф. Шепелевичъ продолжилъ въ Россіи (да только ли въ Россіи?) дорогу правильному пониманію Сервантеса. И въ короткой статьѣ проф. Шепелевичъ указываетъ, какъ безспорные и по нашему мнѣнію, слѣдующіе факты: беспочвенность символизма при толкованіи Донъ-Кихота, положительное отношеніе автора къ рыцарскимъ идеаламъ, сложный составъ романа, сложность психической жизни Донъ-Кихота и Санчо-Пансы, эволюцію ихъ характеровъ и т. д. Есть въ статьѣ и неясности; отмѣтимъ одну: что значитъ фраза (на стр. 12-ой): „стиль ея (т. е. плутовской новеллы) и міросозерпаніе усвоены авторомъ Донъ-Кихота вполне самостоятельно“? Какимъ образомъ вообще сторонникъ рыцарскихъ идеаловъ можетъ *усвоить* міросозерпаніе рѣсаво?

Не беремъ входить въ подробную оцѣнку статей о Сарданалатѣ Байрона (стр. 23 — 36) и о Фаустѣ Гёте (стр. 39 — 89). Наша литература бѣдна оригинальными и переводными работами о Фаустѣ. Если не ошибаемся, проф. Шепелевичъ не дѣлаетъ попытки само-

стоятельно толковать Гёте, но его статья, конечно, окажется полезной для тѣхъ, кто пожелаетъ выяснитъ себѣ смыслъ великаго произведенія.

Д. В. Петровъ.

Статьи по славяновѣданію. Выпускъ I. Подъ редакціей ординарнаго академика В. И. Ламанскаго. Изданіе второго отдѣленія Императорской академіи наукъ. С.-Пб 1904. 4° II—336.

Еще въ 1903 году второе отдѣленіе Императорской академіи наукъ положило, въ виду предстоящаго съѣзда славистовъ (отложеннаго впоследствии на неопредѣленное время по случаю войны), издать Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, разумѣя послѣднее въ самомъ обширномъ смыслѣ слова (исторія языка и діалектологія, этнологія и этнографія, древности, археологія бытовая и художественная, исторія литературы и образованности, исторія славянскихъ земель). Къ участию въ „Сборникъ“ были приглашены сверхъ русскихъ славистовъ также западно-славянскіе, англійскіе, французскіе, итальянскіе, нѣмецкіе, румынскіе, венгерскіе и скандинавскіе. При этомъ рѣшено было просить каждого изъ этихъ ученыхъ о доставленіи статей и замѣтокъ по *важнѣйшимъ* вопросамъ въ сферѣ его специальности—какъ старымъ, неокончательно еще разрѣшеннымъ, такъ въ особенности нынѣ возбуждаемымъ новыми ли открытіями и находками или новыми направленіями въ сродныхъ научныхъ областяхъ,—*дабы получить возможно полное и вѣрное представленіе о томъ, что завѣщено первымъ съѣздомъ славяновѣднѣя новому столѣтію.*

Передъ нами 1-й выпускъ „Сборника“. Конечно, на основаніи его нельзя дать общую характеристику предпріятія II-го отдѣленія. Можно только сказать, что, хотя не всѣ статьи отвѣчаютъ приведенному выше желанію отдѣленія, но нѣкоторыя изъ нихъ касаются, дѣйствительно, важныхъ вопросовъ славяновѣдѣнія и, если и не разрѣшаютъ ихъ окончательно, все же подвигаютъ значительно впередъ разрѣшеніе ихъ. На первомъ мѣстѣ въ ряду такихъ статей, несомнѣнно, слѣдуетъ поставить статью ак. А. А. Шахматова: „Толковая Палея и Русская лѣтопись“ (стр. 199—272).

Въ своей статьѣ ак. А. А. Шахматовъ дѣлаетъ попытку разрѣшить вопросъ о происхожденіи Толковой Палеи. Въ противоположность г. Михайлову и Истрину, доказывавшимъ русское происхожденіе Толковой Палеи, ак. Шахматовъ пытается установить ея болгарское происхожденіе. Не всѣ доводы г. Шахматова, конечно, убѣ-

дительно. Такъ, можно съ нимъ согласиться, что такъ называемая первая русская редакція Толковой Псалти не первоначальна, что основная редакція Псалти не дошла до насъ. Но гораздо въ меньшей степени убѣдительны доводы г. Шахматова въ пользу болгарскаго происхожденія Псалти. Предположеніе, что въ Болгаріи высшіе классы до принятія христіанства придерживались іудейства, не имѣютъ за себя историческихъ данныхъ. Нельзя приводить въ доказательство устойчивости еврейства въ Болгаріи IX—X вв. свидѣтельства о усиленіи еврейства въ Болгаріи XIV вѣка. Вообще, не представляется доказаннымъ утвержденіе ак. Шахматова, что въ Болгаріи IX—X вв. была болѣе подходящая почва для появленія Толковой Псалти, чѣмъ въ Россіи XI вѣка. Такъ же точно шатко и нуждается въ дальнѣйшемъ обоснованіи утвержденіе автора, что Толковая Псалти составлена св. Меодіемъ или кѣмъ-либо изъ ближайшихъ его учениковъ (при томъ грекомъ по происхожденію) на основаніи тѣхъ преній съ евреями и сарацинами, которыя велъ въ свое время св. Кириллъ, первоучитель славянскій (271). То же относится и къ утвержденію г. Шахматова, что въ Болгаріи возникла и хронографическая редакція Псалти. Впрочемъ, долженъ оговориться, что г. Шахматовъ довольно убѣдительно доказываетъ полную зависимость извѣстной рѣчи философа (вошедшей уже въ древнѣйшій лѣтописный сводъ) отъ Толковой Псалти, — именно, что она представляетъ собой извлеченіе изъ Псалти. Въ другой статьѣ г. Шахматовъ доказываетъ болгарское происхожденіе этой рѣчи. Къ сожалѣнію, у меня подъ руками нѣтъ этой статьи, и я лишень возможности судить о убѣдительности доводовъ г. Шахматова въ пользу болгарскаго происхожденія рѣчи. Заслуживаютъ полнаго вниманія параллели, приводимыя г. Шахматовымъ въ доказательство зависимости начального лѣтописнаго свода отъ Толковой Псалти (стр. 252 сл.). Весьма остроумны соображенія г. Шахматова, на основаніи сличенія сходныхъ мѣстъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ и Толковой Псалти, указывающихъ на общіе источники, о существованіи уже въ началѣ XII вѣка на Руси хронографа, представляющаго соединеніе текста Малалы и Амартола и содержащаго текстъ, тождественный съ протографомъ Архивскаго списка. Этотъ хронографъ, по мнѣнію г. Шахматова, могъ послужить источникомъ для статьи о столпотвореніи и разселеніи народовъ. Хронографъ этотъ перешелъ въ Россію изъ Болгаріи и вмѣстѣ съ Еллинскимъ лѣтописцемъ 1-ой редакціи восходитъ къ другому болѣе древнему хронографу (270).

Несомнѣнно, что трудный вопросъ о происхожденіи Толковой Пален не получалъ окончательнаго разрѣшенія и послѣ статьи академика Шахматова. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что статья его вызоветъ рядъ возраженій, въ особенности со стороны ученыхъ, отстаивающихъ русское происхожденіе Толковой Пален. Но несомнѣнно и то, что своей статьей ак. Шахматовъ подвинулъ 'значительно далѣе впередъ разрѣшеніе очень сложнаго и труднаго вопроса.

Въ своей статьѣ: „Южно-славянскія пѣсни о смерти Марка Кралевича“ (113—148) г. Халанскій доказываетъ связь поэмы Стороженка: „Марко Проклятый“ съ южно-славянскими пѣснями о Маркѣ Кралевичѣ—противъ Н. Θ. Сумцова. Замѣчу кстати, что преданія о Маркѣ Проклятомъ, быть можетъ, исчезли изъ памяти малорусскаго народа, но до сихъ поръ въ употребленіи поговорка: „Товчещя якъ Марко по пеклі“. По мнѣнію г. Халанскаго, слагавшійся подъ вліяніемъ безыменныхъ легендарныхъ рассказовъ о величайшемъ грѣшникѣ въ южно-славянскомъ эпосѣ образъ „несчастнаго“ Марка Кралевича отразился въ малорусскомъ народномъ творчествѣ казацкой поры; послѣднее дало матеріалъ и для поэмы Стороженка, какъ объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи къ своему „выношенному подъ сердцемъ“ произведенію (120). Нахожу совершенно неудачной попытку г. Халанскаго связать сербскую пѣсню о смерти Марка на Голешъ-платинѣ и малорусскую думу о смерти Ѳедора Безроднаго. Мотивы обохъ произведеній при всемъ ихъ сходствѣ могли возникнуть вполне независимо другъ отъ друга. Вопреки утверженію г. Халанскаго, я не нахожу „значительнаго и очевиднаго сходства не только въ общемъ планѣ пѣсенъ, но даже въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и тонѣ рассказа“ (124). Довольно странно разсужденіе автора, что атаманъ малорусской думы, Ѳедоръ Безродный, „неизвѣстный исторіи“, своимъ прозваніемъ напоминаетъ Марка сербской пѣсни, представленнаго также безроднымъ, т. е. лишившимся или пережившимъ всѣхъ своихъ родныхъ (126). Соглашаясь съ г. Халанскимъ вопреки мнѣнію Милетича, „что героическая защита и паденіе Царьграда передъ турецкой грозой нашли отраженіе въ словесности славянскихъ народовъ“ (137), я, однако, не нахожу убѣдительнымъ отдѣльныя параллели, приводимыя г. Халанскимъ изъ Повѣсти о паденіи Царьграда и южнославянской поэзіи. Напрасно связываетъ г. Халанскій Софійское поле болгарскаго преданія о гибели болгарскаго царства и смерти царя Шишмана съ Константинопольской св. Софіей. Уже имя Шишмана должно бы удержатъ г. Халанскаго

отъ подобнаго предположенія. По народнымъ преданіямъ болгарскаго народа послѣднее сраженіе Іоанна Шишмана съ турками произошло около Самокова, расположеннаго на рѣкѣ Искръ, къ югу отъ Софіи. Здѣсь мы находимъ названія: Шишмановъ гробъ, Шишманово кало и пр. ¹⁾ Да и въ другихъ пѣсняхъ съ именемъ царя Константина и царицы Елены, приводимыхъ г. Халанскимъ, очевидно, болѣе позднее событіе—взятіе Царьграда—въ народной памяти перенуталось съ болѣе ранними—паденіемъ Болгаріи, Косовской битвой и пр. Полагаю, дагѣе, что въ пѣснѣ: „Царь Ясень“ (стр. 140 сл.) сохранились слѣды воспоминаній о царѣ Іоаннѣ Александрѣ, который присвоилъ себѣ названіе Асѣня, а не о первыхъ Асѣняхъ. Первоначальнымъ поводомъ для мотива пѣсни могли послужить разводъ Іоанна Александра съ первой женой и заключеніе ея въ монастырь. Какъ извѣстно, Іоаннъ Александръ вообще находился въ дружественныхъ отношеніяхъ со Стефаномъ Душаномъ, что также легко могло дать толчекъ народной фантазіи выставить сербскаго короля въ роли виночерпія болгарскаго царя ²⁾. Впрочемъ, въ теперешнемъ ея видѣ въ пѣснѣ нѣтъ почти ничего историческаго—это одинъ изъ многочисленныхъ вариантовъ извѣстнаго мотива о увозѣ невѣсты (или жены).

Сходство между пѣсней о Роландѣ и пѣсней о смерти Марка Краевича на Урвингъ-планинѣ, по моему, чисто вѣднѣе и обусловлено одинаковостью ситуаций, въ которыя поставлены герои обѣихъ пѣсней (см. стр. 144 сл.). Поэтому не могу согласиться и съ выводомъ автора, что сербская пѣсня является переработкой какой-либо небольшой кантилены изъ числа лежавшихъ въ основѣ пѣсни о Роландѣ, съ теченіемъ времени забытыхъ на своей родинѣ (147).

Небольшую, но интересную статью далъ І. П. Томичъ подъ заглавіемъ: „Мотиви у предању о смрти краља Вукашина“ (170—183). Въ началѣ статьи авторъ излагаетъ общее положеніе, что въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ общенароднаго характера, въ особенности въ пѣсняхъ о Маркѣ Краевичѣ, главное мотивъ, а не личность, а потому подборъ и группировка составныхъ частей сдѣланы въ пѣсняхъ согласно мотиву, а не личности. Какъ примѣръ, доказывающій общее положеніе автора, разбирается преданіе о смерти Вукашина.

¹⁾ П. Сырку. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ, т. I, в. 1, стр. 593.

²⁾ Ср. мое „Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху пера-турецкимъ завоеваніемъ“, стр. 23—24, 29, 20.

Замѣчу, что преданіе, какъ оно отразилось въ пѣснѣ, не вполнѣ подтверждаетъ положеніе г. Томича. Вѣдь допустимъ, что въ этой пѣснѣ общераспространенный мотивъ былъ примененъ къ Вукашину, все же сохраненіе этой пѣсни въ народной памяти обусловлено было связью ея съ пѣснями *Маркова* цикла. Игакъ, на первомъ планѣ здѣсь все-таки личность, а не мотивъ!

Предоставляю обсужденіе статьи проф. Грушевскаго: „Звичайна схема „русской“ історіі й справа раціонального укладу історіі Східного Славянства“ (298—304) историкамъ, но не могу не выразить крайняго сожалѣнія по поводу рѣзкихъ сепаратистическихъ тенденцій, проводимыхъ въ статьѣ. Г. Грушевскому не только представляется нелѣпымъ говорить о общерусской народности, но даже не ирывается говорить о русскихъ народностяхъ, чему онъ предпочитаетъ названіе восточнаго славянства, распадающагося на великорусскую, бѣлорусскую и украинско-русскую (почему не прямо украинскую, какъ обыкновенно выражаются малорусскіе сепаратисты—нелѣпныя названія, по заслугамъ въ свое время осмѣянные извѣстнымъ польскимъ ученымъ Брикнеромъ!). Можно отстаивать права малорусскаго языка, культивировать свою литературу, но затѣмъ закрывать глаза передъ фактомъ единства русскихъ народностей, по крайней мѣрѣ, въ самомъ важномъ отношеніи—лингвистическомъ, да и этнографическомъ (съ узко антропологической точки зрѣнія можно насчитать десятки народностей въ любомъ народѣ!) Почему такого сепаратизма мы не наблюдаемъ въ средѣ нѣмецкаго народа, хотя основаній къ этому гораздо больше, но всѣ сознаютъ себя принадлежащими къ единому великому германскому племени, и не приходится въ голову говорящимъ на нижненѣмецкомъ нарѣччіи придумывать особыя искусственныя названія для себя въ отличіе отъ остальнаго нѣмецкаго народа? Неужели старинная славянская рознь, причинившая уже столько бѣдъ славянамъ, будетъ безконечно длиться и въ средѣ русскаго народа, и вмѣсто общей культурной работы будемъ слышать возгласы: мы сами по себѣ, а вы сами по себѣ: мы украинцы, а вы великоруссы—намъ до васъ никакого дѣла нѣтъ! Кто, въ концѣ концовъ, останется въ выигрышѣ, какъ не враги славянства?

Въ другой своей статьѣ: „Спірні питання староруської етнографії“ (305—321) проф. Грушевскій касается вопроса о этнографическомъ составѣ древнихъ сѣверянъ. Въ противоположность большинству ученыхъ, г. Грушевскій относитъ ихъ къ малоруссамъ, основываясь 1) на тѣсной политической и культурной связи сѣверянъ съ Кіевомъ (самъ

авторъ не придаетъ этому аргументу рѣшающаго значенія), 2) на одинаковости старыхъ похоронныхъ обрядовъ на пространствѣ отъ бассейна Стыри до бассейна Сулы и Десны, между тѣмъ какъ похоронные обряды вятичей значительно отличались отъ сѣверянскихъ и 3) наконецъ, на архаичности малорусскихъ діалектовъ нынѣшней Черниговской губерніи (312—313). Далѣе г. Грушевскій выставляетъ предположеніе, что дреговичи были переходнымъ типомъ отъ южной группы къ сѣверной (314). Г. Грушевскій отрицаетъ заселеніе сѣверянами бассейна Дона и Азовскаго приморья, отвергаетъ существованіе русскихъ хорватовъ, названіе бужанъ считаетъ политическимъ, а не племеннымъ, то же говоритъ и о названіи лучанъ, въ заключеніе касается вопроса о уличахъ и колонизаціи лѣваго побережья Днѣпра.

Третья статья проф. Грушевскаго носитъ заглавіе: „Етнографічні категорії й культурно-археологічні типи въ сучаснихъ студіяхъ Східної Европи“ (322—330). Авторъ приходитъ къ выводу, что, когда хронологія культуръ или ихъ преемственность будетъ установлена обстоятельно, а также и ихъ территорія, то, комбинируя данныя историческія и лингвистическія и на ихъ основаніи означая территорію и время колонизаціи того или иного народа, мы увидимъ, насколько покрываются колонизаціонныя территоріи районами извѣстныхъ культуръ или культурныхъ типовъ. Теперь же мы можемъ съ большей или меньшей *правдоподобностью* говорить только, что та либо иная культура *заходила* на территорію той или иной народности, развивалась среди ней. По мнѣнію автора, поэтому, слѣдуетъ предоставить археологіи то, что она должна и можетъ намъ дать—исторію культуры опредѣленной территоріи; пусть она сдѣлаетъ это свободно, не связывая себя историческими извѣстіями, а по мѣрѣ ея успѣховъ будетъ видно, что можно будетъ извлечь изъ нея для доисторической этнографіи.

Статья проф. В. Вондрака: „K výkladu některýchъ padů Slovanské deklinace“ (184—193) не принадлежитъ къ числу лучшихъ работъ почтеннаго ученаго: слишкомъ гипотетичны ея положенія и при томъ не согласованы съ тѣмъ, что намъ извѣстно о законахъ фонетики въ общеславянскомъ языкѣ.

Въ своей статьѣ г. Вондракъ старается защитить древность окончанія ѣ въ р. ед., им., в. мн. основъ на а, ја. Доводы его, однако, не отличаются убѣдительностью. Для обоснованія своей теоріи г. Вондраку приходится принимать, какъ неоспоримую истину, переходъ ѣ

въ чешскомъ языкѣ въ *ii*, а потомъ уже въ *ia*. Академикъ Ламалскій въ свое время указалъ на фактъ перегласованія *a* въ *e* въ пражскихъ листкахъ, обозначенный написаніемъ *ъ* вмѣсто *a*. Г. Вондракъ возражаетъ, почему иногда пишется *ъко* въ пражскихъ листкахъ—возраженіе неудачное, такъ какъ такое написаніе легко объясняется вліяніемъ церковно-славянской графики. Род. пад. ед. ч.: рыбы, душѣ г. Вондракъ возводитъ къ *ās*—лит. *mergūs* лат. *familiās*; *ās* перешло въ *ōs*, *ōs* въ *ūs*, *ūs* дало *ы*—переходъ, единственный въ своемъ родѣ для общеславянскаго языка! При этомъ для г. Вондрака является научной аксіомой то, что только пока гипотеза—переходъ *ōs* въ *ūs*—ъ! В по г. Вондраку, получилось путемъ перегласовки *ō*, но это *ъ* возникло гораздо позже, чѣмъ *ъ* изъ *ē*. Г. Вондракъ склоненъ объяснять и форму им. дв. ч. *рамъ* изъ **krajō*—**krajē*—**krajě*. Возможность подобной перегласовки г. Вондракъ старается доказать примѣрами, какъ *мѣж* (однако, объ этомъ словѣ приходится то же сказать, что и о словѣ *мѣль*—*ъ* здѣсь не изъ *ō*, а изъ *ē*!) указываетъ на суффиксъ *ън*, *ми въ*—*инни*, который де соотвѣтствуетъ литовскому *jōn*, отвергая гораздо болѣе правдоподобное объясненіе этого суффикса академика Шахматова—все это неубѣдительно! Далѣе г. Вондракъ пытается доказать, что *ы* въ *вин*. *мн*. *м*. *р*. восходитъ къ **ōns*, потому что, принимая **ōns*, мы должны де допустить, что *он* перешло въ *уп* раньше перегласованія *jo* въ *je*, въ противномъ случаѣ имѣли бы въ в. ед. ч. *kraje*, а также была бы необъяснима форма *въжца* и т. д. Это **ōns* въ литовскомъ дало *ūs*—*ūs*, *ō* не перешло въ *ā* подъ вліяніемъ *н*, какъ въ словѣ *катон* (но нужно еще доказать, что *о* въ этомъ послѣднемъ словѣ было долгое!), и удержалось до тѣхъ поръ, пока не наступило перегласованіе *jo* въ *je* въ **krajōns*. По мнѣнію г. Вондрака, долгіе гласныя дольше не измѣнялись, чѣмъ краткіе. Поэтому, съ одной стороны, явились *гуку*—*kraje*, съ другой—*губу*—*dujě*—въ результатѣ, по аналогіи, *kraje*—*dujě*. То же въ мѣстоименномъ склоненіи. Также объясняетъ г. Вондракъ формы *веды*, *бѣа* изъ *vedōnts* и пр. Нисколько не колеблется онъ возвестъ окончаніе *у* въ дат. пад. ед. ч. основъ на *о*, и *ы* въ тв. *мн*. тѣхъ же основъ къ **ōj* и **ōjs*. Почему *oj* не перешло въ *ъ*? По мнѣнію г. Вондрака, въ литовско-славянскомъ періодѣ существовало двойное *ō*: одно закрытое, которое дало *ū* въ литовскомъ, другое—открытое, которое осталось въ литовскомъ и перешло въ *a* въ славянскомъ. Но гдѣ же основаніе для подобныхъ утверженій въ общеславянской фонетикѣ? Все это объясненія, придуманныя для даннаго случая—*ad hoc*, и по-

тому несостоятельныя въ научномъ отношеніи. Для обоснованія своего положенія г. Вондраку приходится признать, что *ū* въ *ūj, *ūjs въ противоположность окончанію *ōps перешло въ *ū* раньше, чѣмъ перегласовалось *jo* въ *je*. Не буду упоминать о другихъ натяжкахъ, къ которымъ прибѣгаетъ г. Вондракъ для обоснованія своей теоріи о происхожденіи окончаній *u* и *ы* въ дат. ед. и тв. мн. основъ на *o*, такъ какъ, полагаю, и приведеннаго мною вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что какъ эта теорія, такъ и другія слишкомъ гипотетичны и врядъ ли способствуютъ разсвѣтлю мрака, которымъ покрыто происхожденіе загадочныхъ окончаній славянскаго языка.

Въ статьѣ „Dla czego Polacy popierali drugiego Samozwanca“ (30—40) г. Гиршбергъ, на основаніи документальныхъ данныхъ, приходитъ къ заключенію, что отряды поляковъ, воевавшихъ въ арміи Самозванца, можно подѣлить на три группы: 1) людей, жаждавшихъ высокой плати и военной добычи; 2) недовольныхъ рокошанъ, преимущественно диссидентовъ, которые рассчитывали при помощи Самозванца возобновить войну съ Сигизмундомъ и даже посадить Самозванца на польскомъ престолѣ; 3) Яна Петра Сапѣгу, который подъ влияніемъ своего двоюроднаго брата Льва Сапѣги, предложилъ свои услуги Самозванцу, дѣйствуя въ видахъ своей фамиліи, имѣя цѣлью увеличить ея могущество, а также и государственную пользу.

Въ статьѣ Н. Петрова: „Одинъ изъ путешественниковъ Ив. Петр. Котляревскаго въ украинской литературѣ XVIII вѣка, Аванасій Кирилловичъ Лобyseвичъ“ (57—63)—сообщаются краткія свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности Лобyseвича, задолго до Котляревскаго, вѣроятно, чтобы сдѣлать нѣчто угодное своему покровителю гр. К. Г. Разумовскому, сдѣлавшаго перелицовку на малорусское нарѣчіе эклогъ Виргилія или, по собственному выраженію, переодѣвшаго виргиліевыхъ пастуховъ въ малорусскій кобенякъ. Къ сожалѣнію, текстъ этой перелицовки до сихъ поръ неизвѣстенъ.

Проф. Е. Калужняцкій въ статьѣ: „«Новѣйшія путешествія по Германіи I. Г. Кейслера» и ихъ отношеніе къ Гильдебрандовому отчету о бытѣ и правахъ люнебургскихъ славянъ“ (72—80)—сообщаетъ нѣкоторыя выдержки изъ книги Кейслера: „Neueste Reisen durch Deutschland, Böhmen, Ungarn, die Schweiz, Italien und Lothringen“ 1 над. 1740 г.,—какъ содержація нѣсколько дополненій къ Гильдебрандовому отчету, означающихъ (sic) существенное обогащеніе нашихъ познаній о народномъ бытѣ залабскихъ славянъ въ первой четверти XVIII вѣка.

Заслуживаетъ полнаго вниманія статья I. Б. Куковского: „Die

Litteratur der Lausitzer Serben zu Anfang des XX Jahrhunderts“ (81—109). Въ началѣ статьи представлена авторомъ характеристика трудностей, которыя приходится преодолевать литературнымъ работникамъ этого маленькаго славянскаго островка на нѣмецкомъ морѣ, трудности какъ матеріальнаго свойства, такъ и духовнаго характера, обусловленныхъ могущественнымъ вліяніемъ нѣмецкаго языка, господствующаго какъ въ управленіи, такъ и въ средней и высшей школѣ. Затѣмъ въ отдѣлѣ „Поэзія“ г. Куковский даетъ краткую характеристику современныхъ дѣятелей на поприщѣ поэзіи, въ особенности останавливаясь на литературной дѣятельности величайшаго лужицкаго поэта Цишинскаго; авторъ приводитъ о немъ отзывы иностранныхъ критиковъ—славянскихъ и неславянскихъ. Цишинскій пишетъ новеллы, драмы, но по преимуществу онъ лирикъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ довелъ лужицкій языкъ до замѣчательной степени обработки. По своему значенію въ лужицкой наукѣ соотвѣтствуютъ Цишинскому Е. Мука—выдающійся филологъ, фольклористъ, статистикъ, географъ и историкъ, редакторъ „*Časopis Maticey serbskeje*“. Естественно, что въ области нефилологическихъ наукъ нѣтъ представителей, но удивительно жалкое состояніе богословской литературы у такого религіознаго народа. Это объясняется тѣмъ, что протестантское духовенство, придерживаясь по формѣ литературнаго языка, тѣмъ въ большей степени третируетъ духъ языка, а католическое позволяетъ собѣ обычнымъ народнымъ жаргономъ налагать возвышеннѣйшія истины евангелія. Къ тому же католики, правда, имѣютъ классическій переводъ Новаго Завѣта Горника, но протестантскій переводъ Библии изъ руць вонъ плохъ.

Въ отдѣлѣ „Журналистика“ авторъ даетъ краткій историческій очеркъ лужицкой прессы и останавливается на ея современномъ состояніи. Во главѣ современной лужицкой журналистики стоятъ „Лужица“, ежемѣсячный журналъ, въ которомъ печатаются поэтическія и беллетристическія произведенія, статьи научныя и народно-экономическія; здѣсь же находимъ краткую хронику дѣятельности лужицкихъ кружковъ. Однимъ словомъ, „Лужица“ представляетъ правдивый и интересный образъ духовнаго творчества и дѣятельности лужицкаго народа. „Лужица“—единственное литературное періодическое изданіе лужицкой интеллигенціи; редактируется она даровитымъ литераторомъ, прекрасно владѣющимъ лужицкимъ языкомъ (качество, не особенно распространенное въ средѣ лужицкой интеллигенціи!) Андричкимъ. Единственнаго научнаго журнала: „*Časopis Maticey serbskeje*“

вышло до сихъ поръ 110 выпусковъ. Единственной политической газетой въ большихъ размѣрахъ является еженедѣльникъ „Serbske Noviny“, подъ редакціей Марка Смолера, сына знаменитаго І. Е. Смолера. Газета выходитъ въ количествѣ 4.000 экземпляровъ. Къ сожалѣнію, національные вопросы разрабатываются рѣдко и слабо. Для католиковъ издается „Katholski Posol“—церковно-политическій еженедѣльникъ въ количествѣ 900—1.000 экземпляровъ (всѣхъ католиковъ лужичанъ только 12.000!), для протестантовъ—„Missionski Posol“ и „Pomhaj Boh“, первый—ежемесячникъ, второй—еженедѣльникъ. Недостатки этихъ изданій тѣ же, что и „Сербскихъ Новинъ“. Кроме того ежемесячно выходитъ „Selski Hospodar“—журналъ, посвященный сельскому хозяйству. Всѣ эти періодическія изданія печатаются въ Будишинѣ; въ типографіи М. Смолера, за исключеніемъ „Missionski Posol“, который издается въ Hoyerswerda (Wojenscu). Нижнимъ лужичанамъ приходится довольствоваться жалкимъ журнальчиномъ „Wramborski Časnik“, печальнымъ свидѣтельствомъ печальнаго положенія нижнихъ лужичанъ.

Въ общемъ, можно согласиться съ авторомъ, который говоритъ, что, хотя лужичанская литература не лишена тѣневыхъ сторонъ, но, принимая во вниманіе проявляющуюся вездѣ любовь къ національной жизни, національной работѣ, полную готовность къ жертвамъ—лишь бы обезпечить народу высшія блага—качества, отличающія современныхъ лужичанскихъ литературныхъ дѣятелей, можно не беспокоиться за будущую судьбу этого народа. И правъ нѣмецкій критикъ Георгъ Адамъ, говоря: „Ein solches Volk nicht danach aussieht, als ob es bald sterben wollte oder müsste“.

Приложеніемъ къ статьѣ служатъ образцы поэтическаго творчества Цвиничаго.

Статья Іована Ердѣяновића: „Проучаванье насеља у српскимъ земљама“ (149—169) представляетъ рефератъ о обширномъ сочиненіи, изданномъ Бѣлградской академіей наукъ въ 4-мъ и 5-мъ т. „Етнографскаго Сборника“ подъ заглавіемъ „Насеља Српскихъ земаља“—подъ руководствомъ профессора географіи Бѣлградскаго университета д-ра Іована Цвинича.

Перечислю остальные статьи „Сборника“. Г. А. Воскресанскій—Погодинскій № 27 Апостолъ и Чудовская, усвояемая св. Алексію, рукопись Новаго Завѣта (1—29); А. Ясинскій—Присяга крестьянъ по чешскому средневѣковому праву (41—56); К. Радченко—Замѣчанія относительно отдѣльныхъ мѣстъ книги Іоанна Богослова по

списку, изданному Дёллингеромъ (64—71); Dr. Feliks Korera—О современномъ изученіи памятниковъ искусства въ Польшѣ (110—112); M. Šrepel—Gajev rukopis o kujiževnom jedinstvu ilirskih Slavenâ (194—198); S. Loś—Rodzaj i liczba u rzeczownikach polskich“ (273—297); S. Ciszewski—Dusza matki i dusza niemowlęcia (331—336).

Въ приложеніяхъ помѣщены три снимка къ статьѣ г. Воскресенскаго и 31 рисунокъ и 6 чертежей къ статьѣ г. Ерделяновича.

И. Радченко.

Отвѣтъ г. Павлову-Сильванскому.

Въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1905 г., февраль, стр. 410—440) напечатана рецензія Н. П. Павлова-Сильванскаго на мой трудъ: „Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе Императора Павла Перваго. Харьковъ, 1904 г.“ Рецензентъ произноситъ слѣдующій приговоръ надъ моей книгой. По его мнѣнію, послѣдняя, какъ изслѣдованіе, „лишена научнаго значенія“, съ точки зрѣнія обработки архивныхъ матеріаловъ представляетъ „архивную опись“. Посмотримъ, на основаніи какихъ данныхъ г. Павловъ-Сильванскій приходитъ къ такимъ заключеніямъ.

Казалось бы, что отъ рецензента прежде всего можно ожидать внимательнаго, вдумчиваго отношенія къ разбираемому сочиненію. Но именно такого отношенія къ моему труду я и не вижу со стороны г. Павлова-Сильванскаго. Какъ это ни странно, но рецензентъ не усвоилъ себѣ главной основной темы „Очерковъ“ и поэтому впалъ въ рядъ грубыхъ непростительныхъ ошибокъ. На обложкѣ книги значится: „Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе Императора Павла Перваго“, а въ предисловіи я даю болѣе частное опредѣленіе ея содержанія: „Дополнить недостатокъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи крестьянъ въ Россіи powerful разрешеніемъ одного изъ этихъ вопросовъ — о *крестьянскомъ движеніи въ царствованіе Императора Павла I* — и является задачей настоящаго труда“. Такъ же прямо и категорически я опредѣляю главную тему книги въ слѣдующихъ строкахъ, которыми начинается IV глава: „Въ предшествующей главѣ мы старались представить на основаніи документальныхъ данныхъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, возможно полный очеркъ *крестьянскаго движенія въ царствованіе Императора Павла I*“. Не разъ я упоминаю именно

о крестьянскомъ движеніи и при обзорѣ его въ той или другой губерніи ¹⁾). Но всего этого оказалось недостаточно для г. Павлова-Сильванскаго. Онъ рѣшилъ, что я изслѣдую вопросъ о крестьянскихъ волненіяхъ въ царствованіе императора Павла, и посылаетъ по моему адресу рядъ упрековъ за „полное смѣшеніе жалобъ съ волненіями“ (стр. 425).

Но разъ я имѣлъ въ виду характеризовать крестьянское движеніе, то естественно, что на ряду съ волненіями крестьянъ я долженъ былъ отмѣчать также и ихъ жалобы, которыя, какъ это и самъ рецензентъ признаетъ, „указываютъ на общее броженіе помѣщичьихъ крестьянъ“ (стр. 423).

А для меня и важно было представить возможно болѣе широкую картину этого именно „броженія“. И что удивительно, самъ г. Павловъ-Сильванскій въ началѣ своей рецензій стоялъ именно на этой точкѣ зрѣнія, но черезъ нѣсколько страницъ онъ ея не выдерживаетъ и находитъ, что я сдѣлалъ крупную ошибку, смѣшивая волненія съ жалобами (стр. 425).

Именно, г. Павловъ-Сильванскій говоритъ (курсивъ мой): „во время этого широкаго крестьянскаго *движенія* всѣ, страдавшіе отъ помѣщичьяго произвола, заявили такъ или иначе, *въ возмущеніяхъ или въ жалобахъ*, о своихъ страданіяхъ, и всѣ темныя стороны крѣпостнаго права были освѣщены сразу по всей Россіи“ (стр. 415). Это-то „освѣщеніе“ для меня и было необходимо, достигалось ли оно случаями „возмущенія“ или „жалобами“.

Другимъ крупнымъ недостаткомъ моей работы рецензентъ считаетъ то обстоятельство, что „авторъ... не различаетъ причинъ — общихъ условій отъ случайныхъ поводовъ движенія“ (стр. 412), и на слѣдующей страницѣ: „г. Трифильевъ достаточно разъясняетъ значеніе этихъ указовъ (о присягѣ крестьянъ государю, о разрѣшеніи всѣмъ приносить жалобы и о трехдневной барщинѣ крестьянъ) и различныхъ слуховъ, какъ поводовъ для волненій, но взаимоотношеніе главныхъ причинъ—условія и поводовъ остается для него совершенно неяснымъ. Изъ своего изложенія онъ дѣлаетъ неожиданнѣйшій выводъ, что главная причина движенія заключалась въ отвѣченномъ желаніи свободы“ (стр. 413).

На чемъ же г. Павловъ-Сильванскій основываетъ свое удивительное открытіе? Онъ приводитъ то мѣсто изъ „Очерковъ“, откуда изъ-

¹⁾ „Очерки“... стр. 91, 96, 144, 155, 191, 193, 209, 239, 256, 270, 276 и т. д.

плекает свой выводъ: „всѣ отдѣльные случаи являются выраженіемъ одной причины—стремленія къ освобожденію отъ мета помѣщичьей власти“. Уже изъ этихъ строкъ совершенно ясно, что я говорю о реальнѣйшемъ фактѣ—гнетѣ помѣщичьей власти, стремленіе къ освобожденію отъ котораго ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться какимъ-то отвлеченнымъ желаніемъ свободы. Г. Павловъ-Сильванскій продолжаетъ цитировать мои слова, служившія ему основаніемъ для вышеприведеннаго заключенія: „Возникшія на громадномъ пространствѣ... они (волненія) всѣ тѣсно связаны между собой одной мыслью, однимъ страстнымъ желаніемъ свободы, воодушевляющимъ крѣпостныхъ крестьянъ“ (стр. 413). Напрасно г. Павловъ-Сильванскій не продолжилъ еще на нѣсколько строкъ мое опредѣленіе общей причины движенія крѣпостныхъ крестьянъ. Тогда неосновательность его вывода изъ моего опредѣленія сдѣлалась бы еще очевиднѣе. Вотъ эти строки, слѣдующія за тѣми, на которыхъ остановился рецензентъ: „Отрѣши насъ за себя, государь!“—вотъ вопль всего русскаго крѣпостного крестьянства къ Императору Павлу. Съ этимъ или открыто обращаются крестьяне къ государю, или этотъ вопль слышится скрытый подъ разными описаніями своей безысходной нужды въ прошеніяхъ крестьянъ“¹⁾. Такимъ образомъ понятіе свободы, подъ которой, по мнѣнію рецензента, я подразумѣваю нѣчто отвлеченное, въ этихъ строкахъ получаетъ вполне реальное содержаніе: освободиться отъ помѣщичьей власти, быть казенными — вотъ идеалъ крѣпостного крестьянства.

На двухъ страницахъ г. Павловъ-Сильванскій старается доказать, что, по моему мнѣнію, главная причина движенія заключается „въ отвлеченномъ желаніи свободы“, а въ концѣ 2-ой страницы самъ же себя опровергаетъ. Предоставляю слово рецензенту (курсивъ мой): „Изъ всѣхъ случаевъ крестьянскихъ волненій г. Трифильевъ самъ только одинъ случай возмущенія крестьянъ помѣщика Андреева нашелъ возможнымъ истолковать согласно своей «теоріи»“ (стр. 414), а остальные случаи истолковываетъ за меня самъ г. Павловъ-Сильванскій. Быть благодарнымъ за такую услугу я, конечно, не могу. Не ясно ли изъ приведенныхъ словъ, что ни о какой „теоріи“, приписываемой мнѣ г. Павловымъ-Сильванскимъ, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ никакая теорія не можетъ быть построена на единичномъ фактѣ...

¹⁾ „Очерки“... стр. 290.

Далѣе г. Павловъ-Сильванскій упрекаетъ меня въ томъ, что „самый процессъ волненій, составлявшій главную тему работы, описанъ чрезвычайно сбивчиво... читатель, желающій составить себѣ ясное, полное представленіе о существѣ движенія, объ особенностяхъ его въ различныхъ мѣстностяхъ, долженъ самъ систематизировать весь матеріалъ описательной части книги“ (стр. 421).

Общую характеристику движенія крѣпостныхъ крестьянъ я дѣлаю и не въ 20 строкахъ, а почти на двухъ страницахъ ¹⁾, въ частной же систематизаціи нѣтъ никакой необходимости, такъ какъ это было бы повтореніемъ того, что дано уже въ предшествующей главѣ. Кромѣ того общій характеръ движенія этого періода является, не смотря на большое число случаевъ, въ которыхъ оно выражалось, на столько однообразнымъ, что даетъ возможность характеризовать все это движеніе сразу. Г. Павловъ-Сильванскій самъ даетъ опытъ такой частной систематизаціи, и этотъ опытъ настолько неудаченъ, что только убѣждаетъ, что систематизаціи дѣлать не нужно. Въ самомъ дѣлѣ, рецензентъ дѣлитъ крестьянскія волненія по существу на нѣсколько группъ: къ 1-ой онъ относитъ тѣ случаи, которые „выражались въ открытомъ *бунтѣ* тысячи и нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ“ (стр. 421), волненія 2-ой группы онъ называетъ „*вооруженнымъ сопротивленіемъ властямъ*“ (стр. 422). Это раздѣленіе совершенно произвольное. И волненіе крестьянъ княгини Голицыной и Апраксина, и волненія крестьянъ Всеволожскаго, относимыя рецензентомъ къ 1-ой группѣ, могутъ быть по существу названы вооруженнымъ сопротивленіемъ властямъ. Или основаніемъ для такого раздѣленія г. Павловъ-Сильванскій принимаетъ число возставшихъ, какъ это можно понять изъ сдѣланнаго имъ сопоставленія волненій крестьянъ Голицыной, Апраксина и Всеволожскаго, гдѣ въ каждомъ случаѣ было болѣе 1.000 человекъ, съ волненіемъ крестьянъ въ Пензенской губерніи, которыхъ возстало „до 1.000 человекъ“? (стр. 422). Но почему же мѣриломъ брать именно 1.000 человекъ, а не 100, 500 или 2.000? Кромѣ того, вѣдь существо волненій зависитъ не только отъ числа участвующихъ въ немъ, но и отъ образа дѣйствій участниковъ, условий, среди которыхъ волненіе происходитъ, и т. п. Все это г. Павловымъ-Сильванскимъ игнорируется.

Признавая наличность въ моей книгѣ „очень многихъ цѣнныхъ извѣстій объ экономическомъ положеніи крестьянъ и о злоупотребле-

¹⁾ „Очерки“... стр. 316—318.

ніяхъ помѣщиковъ“, рецензентъ ставитъ мнѣ въ вину отсутствіе изслѣдованія этихъ извѣстій и связи „съ выводами доведеннаго до 1796 года капитальнаго изслѣдованія В. И. Семевскаго“ (стр. 415). Затѣмъ онъ самъ дѣлаетъ попытку подобнаго рода изслѣдованія и приходитъ удивительнымъ образомъ къ слѣдующему выводу. Онъ говоритъ, что во 2-й половинѣ 90-хъ гг. среднимъ оброкомъ считался оброкъ въ 6 руб. съ души (стр. 416).

Выводъ этотъ онъ дѣлаетъ на основаніи отзыва дворянъ, производившихъ разслѣдованіе по дѣлу крестьянина Устинова, жаловавшагося на своего помѣщика по поводу высокаго оброка, именно въ 6 руб. да съѣстными припасами около двухъ рублей съ души. Жалоба эта „была подана въ 1798 году и тогда была признана за основательную“ (стр. 416); слѣдовательно, оброкъ въ 6 руб. былъ найденъ тяжелымъ. И дѣйствительно, средняя величина оброка, установленная В. И. Семевскимъ для 90-хъ гг., была 5 руб.

Разслѣдованіе этой жалобы производилось въ январѣ 1800 г., и дворяне, разсматривавшіе ее, нашли жалобу „недѣльной“, такъ какъ крестьянинъ Устиновъ „оброка платитъ только по 6 руб. да съѣстными припасами не болѣе двухъ рублей съ души, что не можетъ быть отяготительнымъ и согласно съ положеніемъ, сдѣланнымъ Дерону по Высочайшему повелѣнію въ 1798 г.“ (стр. 416). Такимъ образомъ выходитъ, что за одинъ 1799 г. у насъ денежный оброкъ съ крѣпостныхъ крестьянъ повысился на цѣлый рубль. И на основаніи такихъ противорѣчивыхъ и единичныхъ данныхъ г. Павловъ-Сильванскій рѣшается дѣлать такой большой важности выводъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи отправляется отъ этого вывода какъ отъ основанія, уже твердо установленнаго. Именно, вслѣдъ за послѣдними приведенными выше строками г. Павловъ-Сильванскій продолжаетъ: „Если въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ взимался оброкъ лишь въ 4 руб., *ниже нормальнаго 6-рублеваго оброка*“... (стр. 416). Столь же неудачными, какъ его попытки положительныхъ построеній, напримѣръ, систематизація волненій, установленіе оброка (см. еще ниже), нужно признать и его замѣчанія отрицательнаго характера. Рецензентъ, по видимому, не въ достаточной степени вдумался, напримѣръ, въ свое требованіе по отношенію ко мнѣ, чтобы я занялся изслѣдованіемъ экономическаго положенія крестьянъ въ царствованіе императора Павла. Вѣдь, самъ же онъ упоминаетъ о трудѣ В. И. Семевскаго, доведшаго свое изслѣдованіе положенія крѣпостныхъ крестьянъ до 1796 года. Неужели въ теченіе *одного года* (1797 г.), къ которому

относятся данныя моей книги, это положеніе могло такъ рѣзко измѣниться, что представляло нѣчто отличное отъ того, что мы уже знаемъ?

Такимъ вопросомъ можно бы заняться, взявъ для этого періодъ времени гораздо болѣе значительный, на протяженіи котораго это положеніе могло бы существенно измѣниться. Только въ такомъ случаѣ различныя „цѣнныя указанія“ въ моей книгѣ, какъ называетъ ихъ самъ рецензентъ (стр. 416), въ связи съ однородными данными для послѣдующаго времени могли бы лечь въ основаніе изслѣдованія экономическаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ.

Что касается случаевъ злоупотребленій помѣщиками своей властью по отношенію къ крѣпостнымъ, свода которыхъ у меня не находитъ г. Павловъ-Сильванскій („нѣтъ хотя бы элементарнаго свода извѣстій, выписанныхъ имъ изъ архивныхъ бумагъ“, стр. 419), то такой сводъ, примѣръ котораго даетъ рецензентъ, въ моей книгѣ есть, и находится онъ въ концѣ книги, въ указателѣ; если бы г. Павловъ-Сильванскій потрудился заглянуть въ него, то увидѣлъ бы, что тамъ всѣ случаи злоупотребленій сведены вмѣстѣ, какъ напримѣръ, развратъ помѣщичій, продажа въ рекруты, наказанія крестьянъ, т. е. сдѣлано то, что дѣлаетъ и онъ; сводить это все въ текстъ, какъ онъ рекомендуетъ, значитъ повторять въ текстѣ текстъ же. Тамъ же сведены отвѣты крестьянъ на злоупотребленія, ихъ побѣги, присяга „быть въ единомысліи“ и т. п., а также различныя экономическіе моменты, какъ-то: поборы, подати, тягло, оброкъ.

Но не находя у меня въ текстѣ свода случаевъ злоупотребленій помѣщиковъ, онъ недоволенъ, что я свелъ „данныя лишь по одному изъ второстепенныхъ вопросовъ, которому посвящаетъ даже особую главу: объ участіи духовенства въ крестьянскихъ волненіяхъ (гл. V) и подробно разясняетъ, что сельское духовенство принимало широкое участіе въ крестьянскомъ движеніи“ (стр. 419).

Рецензентъ неправъ. Какъ я выясню, низшее духовенство сыграло чрезвычайно видную роль въ крестьянскомъ движеніи въ царствованіе императора Павла: оно было грамотно, въ умственномъ отношеніи оно стояло значительно выше крестьянъ, оно приводитъ къ присягѣ „быть воедино“, служить молебны передъ началомъ волненія, наконецъ, между духовенствомъ и крестьянами была тѣсная близкая нравственная связь, „которая оба эти сословія слияла какъ бы въ одно, заставляла духовенство въ интересахъ крестьянъ видѣть свои собственные жизненные интересы и страдать за нихъ такъ же,

какъ страдали сами крестьяне“¹⁾). При такомъ сліянні обонхъ этихъ сословій какъ можно говорить объ одномъ, не касаясь другого? Объясненіе движенія крестьянъ не можетъ быть полнымъ безъ выясненія участія въ немъ низшаго духовенства. Для этого же выясненія мною привлечены данныя, не только заключающіяся въ очеркѣ крестьянскихъ волненій, но и новый матеріалъ изъ сенатскаго архива. Таковы общія соображенія, по которымъ я находилъ нужнымъ подробно остановиться на вопросѣ объ участіи духовенства въ крестьянскомъ движеніи при императорѣ Павлѣ. Но и въ частности на самомъ же г. Павловѣ-Сильванскомъ я вижу, что этотъ вопросъ нужно было подробно выяснить: рецензентъ не имѣетъ яснаго представленія о той роли, которую духовенство сыграло въ описываемомъ движеніи; онъ пишетъ: „участіе ихъ (сельскихъ священниковъ) къ тому же *главнымъ образомъ выражалось въ томъ, что они, какъ единственные часто грамотные люди въ сельѣ, писали прошенія, уступая требованіямъ волнующейся пастыи*“ (стр. 420). Это невѣрно. Если бы г. Павловъ-Сильванскій прочелъ внимательно V главу, что ему, какъ рецензенту, слѣдовало бы сдѣлать, онъ не написалъ бы этихъ строкъ. Духовенство писало не только прошенія крестьянамъ, но и „вѣрющія“ письма, и приговоры, и объясненія, духовенство (священники, діаконы, дьячки, а не только *сельскіе священники*) не только писало всѣ эти бумаги, но представители его являлись во многихъ случаяхъ совѣтниками и „возбудителями“ этого движенія. Стоитъ вспомнить, напримеръ, роль въ возмущеніи крестьянъ Хмѣлева и Львова въ погостѣ Бросна священника Антонія, который своими возбуждающими рѣчами передъ только что усмирившимися крестьянами чуть было не вызвалъ новаго волненія²⁾, и рядъ другихъ лицъ изъ духовнаго сословія³⁾).

Объ остальныхъ формахъ участія духовенства я уже упоминалъ. Г. Павловъ-Сильванскій не только суживаетъ размѣры участія духовенства, но и совершенно извращаетъ характеръ этого участія, говоря, что сельскіе священники писали прошенія, „уступая требованіямъ волнующейся пастыи“. Участіе духовенства было именно добровольное; оно не только идетъ рядомъ съ крестьянами, но часто впереди ихъ, какъ объ этомъ я только что говорилъ; объ этомъ же свидѣтельствуютъ и многочисленные случаи этого участія, рисующіе именно *убѣжденныхъ въ своей правотѣ духовныхъ лицъ*.

1) „Очерки“... стр. 336.

2) „Очерки“... 324—326.

3) Тамъ же, стр. 323—328.

Таковы главнѣйшія обвиненія, предъявленныя мнѣ г. Павловымъ-Сильванскимъ. Но кромѣ того въ рецензіи въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются другія болѣе мелкія, которыя я не могу оставить безъ возраженій.

Рецензентъ находитъ въ изложеніи отсутствіе систематичности, отсутствіе связи между волненіями въ различныхъ губерніяхъ и рекомендуетъ свой порядокъ, географическій, расположеніе губерній по районамъ: сѣверныя, центральныя, приволжскія и т. д. (стр. 411). Но это не вѣрно. У меня есть порядокъ, котораго г. Павловъ-Сильванскій не хочетъ видѣть, именно, хронологическій, и я нахожу, что мой порядокъ гораздо лучше рекомендуемаго. Въ самомъ дѣлѣ, что достигалось бы расположеніемъ губерній по районамъ? Установленіе *внѣшней* механической связи. Узналъ бы читатель, что взволновались сѣверныя губерніи, центральныя, приволжскія и т. д. Какое же значеніе имѣло бы это по существу? Между тѣмъ расположеніе губерній по времени возникновенія въ нихъ движенія при внѣшней „пестротѣ изложенія“ даетъ возможность сдѣлать заключеніе *по существу* вопроса, вызывая въ умѣ читателя представленіе о самостоятельности возникновенія движенія въ каждой губерніи и, въ связи съ обширностью района, захваченнаго имъ (32 губерніи Европейской Россіи), объ общности и интенсивности той причины, которая могла подвинуть народъ на такое движеніе.

Г. Павловъ-Сильванскій, характеризуя мое изложеніе, говоритъ, что я часто слишкомъ подробно останавливаюсь на второстепенномъ и передаю въ извлеченіи то, что слѣдовало бы привести полностью. Въ доказательство онъ ссылается на то, что я часто *слишкомъ* обстоятельно рассказываю, какъ дѣйствовали въ Петербургѣ крестьянскіе ходоки, а нѣкоторые любопытные приговоры и жалобы крестьянъ привожу лишь въ краткомъ извлеченіи или пересказѣ (стр. 411). Но для возможно полнаго знакомства съ крестьянскимъ движеніемъ развѣ не важно знать одну изъ сторонъ этого движенія, что встрѣчали ходоки въ Петербургѣ, при какихъ условіяхъ приходилось имъ отстаивать мірское дѣло? Вѣдь, еще годъ назадъ, въ царствованіе Екаторины II, эти же ходоки за попытку подачи въ Петербургѣ жалобы на своихъ помѣщиковъ такъ дорого платили! Развѣ не важно сопоставить отношеніе обоихъ правительствъ къ ходокамъ, бывшее результатомъ разницы во взглядахъ ихъ на крѣпостныхъ крестьянъ. Рецензентъ ссылается на 184 стр., гдѣ у меня рассказывается объ одномъ такомъ ходокѣ, Василии Гашинѣ; я здѣсь привожу въ извле-

ченіи 3 письма Гашина, въ которыхъ онъ описываетъ, какъ онъ подалъ просьбу, какъ ходитъ узнавать о послѣдствіяхъ и т. п. Въ числѣ другихъ интересныхъ извѣстій онъ сообщаетъ, что прошеній „много больно подано, щотомъ 1205 просьбъ“ (184 же страница)— въ высшей степени цѣнное указаніе, которое даетъ возможность судить, какихъ размѣровъ достигало движеніе. Но для г. Павлова-Сильванскаго все это является „второстепеннымъ“.

Онъ находитъ мое изложеніе поводовъ крестьянскаго движенія сбивчивымъ на томъ основаніи, что я послѣ разбора закона 5-го апрѣля 1797 г., изданнаго тогда, когда волненіе уже утихло, перехожу къ болѣе раннему поводу, манифесту о присягѣ крестьянъ (стр. 413). Если бы рецензентъ продолжалъ перечисленіе поводовъ, то его обвиненіе меня въ отсутствіи послѣдовательности пало бы само собой. Послѣ повода, манифеста о присягѣ, я разбираю какъ поводы законъ 12-го декабря 1796 г. и различные слухи, проникшіе въ крестьянскую среду.

Если всѣ эти поводы поставить рядомъ: законъ 5-го апрѣля 1797 г., манифестъ о присягѣ, законъ 12-го декабря 1796 г. и слухи, то ясно, чѣмъ я руководился, излагая поводы именно въ такомъ порядкѣ: сравнительной важностью каждою изъ нихъ. Между тѣмъ г. Павловъ-Сильванскій, предпочитая порядокъ хронологическій и находя другой, констатируетъ у меня отсутствіе всякаго порядка, а для доказательства при перечисленіи поводовъ произвольно оставивается на второмъ.

Орловскій помѣщикъ Андреевъ въ объясненіи, представленномъ имъ ген.-прокурору по поводу жалобы на него его крестьянъ, пишетъ, что онъ не только ихъ не разоряетъ, но даже улучшилъ ихъ экономическое положеніе. „Онъ, пишетъ г. Павловъ-Сильванскій обо мнѣ, допускаетъ вѣрность заявленія помѣщика, *не замѣтивъ*, что помѣщикъ-чиновникъ—прокуроръ самъ же подорвалъ свое показаніе, признавъ, что онъ „обремененъ долгами“ и „истоцилъ все свое имущество на покунку сей бѣдственной для меня деревни“. При такомъ владѣльцѣ матеріальное положеніе крестьянъ едва ли могло улучшиться“ (стр. 414). Г. Павловъ-Сильванскій дѣлаетъ это свое замѣчаніе, *не замѣтивъ*, при какихъ обстоятельствахъ и кому пишетъ Андреевъ. Въ своемъ объясненіи Андрееву прежде всего нужно было показать ген.-прокурору, что не крестьяне, а онъ скорѣе достоинъ сожалѣнія, что его положеніе хуже положенія крестьянъ, важнѣе всего было возбудить къ себѣ состраданіе со стороны генераль-про-

курора и однимъ изъ средствъ, по его мнѣнію, было возможно жалостливѣе описать свое положеніе. Что Андреевъ былъ богатый чело-вѣкъ, а всѣ его жалобы на разореніе не имѣли фактическаго осно-ванія, видно еще изъ слѣдующаго: до 1796 г. Андреевъ владѣлъ сельпомъ Хлынинымъ; въ этомъ году онъ купилъ сосѣднее село Ан-дросово съ 381 душой. Мы не знаемъ, сколько душъ у Андреева было до покупки Андросова, но за послѣднее онъ долженъ былъ за-платить, считая каждую душу около 100 руб. ¹⁾, приблизительно 38.100 рублей. О фактѣ покупки я говорю въ началѣ же обзорѣннѣ волненія крестьянъ Андреева ²⁾, и г. Павлову-Сильванскому онъ не можетъ быть неизвѣстенъ.

Вторую часть своей рецензій г. Павловъ-Сильванскій посвящаетъ вопросу объ изученіи мною поваго архивнаго матеріала. Упомянувъ, что часто недостатки изслѣдованій выкупаются „новыми цѣнными архивными данными, кропотливо извлеченными изъ множества разсмо-трѣнныхъ авторомъ архивныхъ бумагъ“, рецензентъ продолжаетъ далѣе, что я „не извлекалъ по крупницамъ цѣнныхъ свѣдѣній изъ множества разнородныхъ дѣлъ, а ограничился пересказомъ двухъ дѣлъ государ. архива, занимающихъ четыре небольшихъ картона, добавивъ ихъ нѣкоторыми выдержками изъ однородныхъ бумагъ ар-хива сенатскаго. Важнѣйшее изъ этихъ дѣлъ, *содержащее главныя свѣдѣнія о крестьянскихъ волненіяхъ*,—дѣло VII разряда госуд. ар-хива, № 2918, «о неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ» (стр. 425). „Новыя цѣнныя архивныя данныя“ въ моей книгѣ есть, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ самъ рецензентъ въ первыхъ стро-кахъ своей рецензій и въ послѣдующемъ изложеніи (стр. 411, 412, 415). Что касается извлеченія по крупницамъ цѣнныхъ свѣдѣній, то можно ли придавать этому факту такое существенное значеніе, какъ это дѣлаетъ г. Павловъ-Сильванскій? Если бы я вадумалъ поправиться г. Павлову-Сильванскому и захотѣлъ для этой цѣли извлекать по крупницамъ цѣнныя свѣдѣнія, то къ большому своему сожалѣнію не былъ бы въ состояніи этого сдѣлать, такъ какъ самъ же г. Павловъ-Сильванскій говоритъ, что одно изъ дѣлъ содержитъ „главныя свѣ-дѣнія о крестьянскихъ волненіяхъ“. Это дѣло, какъ и слѣдовало, и положено мною въ основаніе „Очерковъ“.

Но въ этомъ замѣчаніи сквозитъ ясная тенденція, на сколько

¹⁾ В. Н. Семейскій, Крестьяне... стр. 172.

²⁾ „Очерки“... стр. 21.

можно, умалить мой трудъ по извлеченію архивныхъ данныхъ, при чемъ г. Павловъ-Сильванскій не останавливается даже передъ явной неправдой. Вотъ доказательство: я воспользовался не 2-мя дѣлами государ. архива, какъ говоритъ г. Павловъ-Сильванскій, а 4-мя: кромѣ указанныхъ рецензентомъ №№ 2985 и 2918, еще №№ 2043 и 3010. На эти дѣла я указываю на стр. 306 и 315 „Очерковъ“, что не могло быть неизвѣстно ему, какъ рецензенту. Г. Павловъ-Сильванскій долженъ знать характеръ работы въ архивахъ. Часто большая часть труда въ архивѣ уходитъ не на извлеченіе найденныхъ матеріаловъ, а на ихъ нахожденіе, для котораго иногда нужно очень много поработать. И въ госуд. архивѣ мнѣ пришлось пересмотрѣть рядъ дѣлъ, прежде чѣмъ я нашелъ необходимыя для работы. По гораздо больше труда мнѣ нужно было употребить на работу по нахожденію и извлеченію матеріаловъ въ сенатскомъ архивѣ. Этотъ трудъ г. Павловъ-Сильванскій характеризуетъ одной строчкой: „добавивъ ихъ (дѣла госуд. архива) нѣкоторыми выдержками изъ однородныхъ бумагъ архива сенатскаго“. Очевидно, рецензентъ незнакомъ съ условіями работы въ сенатскомъ архивѣ, но это незнаніе не мѣшаетъ рѣшительности его приговоровъ. Въ госуд. архивѣ всѣ дѣла о крестьянскомъ движеніи при Павлѣ въ виду ихъ важности и интереса, который къ нимъ обнаруживалъ императоръ, были сконцентрированы, въ сенатскомъ архивѣ такой концентраціи нѣтъ, отсюда необходимость пересмотра сотенъ дѣлъ для нахожденія даннаго матеріала. Наконецъ, я ознакомился съ содержаніемъ архива государ. совѣта, имѣя въ виду ту разностороннюю роль, которую совѣтъ игралъ при Павлѣ I. То, что говоритъ г. Павловъ-Сильванскій, который судить о трудѣ, употребленномъ мною, только по бѣловой, такъ сказать, части моей книги, извинительно говорить только для лицъ, совершенно незнакомыхъ съ черновой стороной работы въ архивахъ.

Мою книгу онъ приравниваетъ къ „архивной описи“, такъ какъ въ ней „совершенно нѣтъ серьезнаго критическаго отношенія къ документамъ“. Мало того, г. Павловъ-Сильванскій обнаружилъ въ ней „не только пропуски важныхъ подробностей, но и существенныя неточности, которыя совершенно искажаютъ сущность крестьянскихъ волненій въ нѣсколькихъ губерніяхъ“ (стр. 426). На читателя, который не въ состояніи провѣрить рецензента съ документами въ рукахъ, 11 страницъ, посвященныхъ г. Павловымъ-Сильванскимъ доказательствамъ приведенныхъ положеній съ постоянными ссылками на подлинныя дѣла, печатаніе en regard моей передачи документа и ориги-

нала, наконецъ, 3 документа, напечатанныхъ въ приложеніи въ подлинникъ,—все это должно произвести впечатлѣніе солидной научной аргументаціи и не оставить и тѣни сомнѣнія въ совершенныхъ мною преступленіяхъ.

На самомъ дѣлѣ никакихъ такихъ преступленій я не совершалъ: все это или сильно преувеличено или совершенно невѣрно, что я сейчасъ и постараюсь доказать. Рецензентъ начинаетъ съ разбора волненія крестьянъ гр. А. К. Разумовскаго въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Свѣривъ мое изложеніе волненія крестьянъ гр. Разумовскаго съ документами, которые легли въ основаніе этого изложенія, онъ находитъ, что „характеръ волненія былъ болѣе серьезный и совершенно иной по существу“, чѣмъ я описываю. Произошло это потому, что мною опущенъ рядъ фактовъ, которые и приводитъ г. Павловъ-Сильванскій изъ допесенія губ. прокурора А. Петрово-Соловова кн. А. Б. Куракину. Я и послѣ „критическихъ“ замѣчаній г. Павлова-Сильванскаго продолжаю утверждать то, что я сказалъ уже въ „Очеркахъ“. Рецензентъ въ изложеніи губ. прокурора видитъ тенденцію „всячески умалить значеніе происшествія“. Откуда это взялъ г. Павловъ-Сильванскій? Никакой тенденціи нѣтъ да и не можетъ быть, такъ какъ для этого никакихъ побудительныхъ причинъ и подыскать нельзя. Если это волненіе было такъ малозначительно, какъ я его описываю, основываясь на отзывѣ губ. прокурора, то почему же, спрашиваетъ г. Павловъ-Сильванскій, губер. прокуроръ и согласно съ нимъ палата суда и расправы нашли нужнымъ, какъ я сообщаю вслѣдъ за тѣмъ, наказать семь человекъ плетьюми? (стр. 426). Охотно отвѣчаю г. Павлову-Сильванскому: этотъ отвѣтъ находится въ донесеніи губ. прокурора, этотъ же отвѣтъ въ подлинныхъ словахъ приведенъ и мною въ „Очеркахъ“ въ строкахъ, слѣдующихъ за тѣмъ, которыя выписаны г. Павловымъ-Сильванскимъ.

Вотъ эти строки: „Въ виду этого (маловажности волненія) губернскаго прокуроръ никого изъ арестованныхъ исправникомъ 29 человекъ не находилъ виновнымъ, но „съ уваженіемъ на нѣкоторыя обстоятельство (всеобщаго движенія крестьянъ) и для примѣра другимъ“ оупъ находилъ нужнымъ нѣкоторыхъ наказать плетьюми, а остальнымъ вѣнчить въ наказаніе содержаніе подъ стражей и всѣхъ отправить домой“ ¹⁾. То обстоятельство, что губернский стряпчій Восойковъ былъ высланъ изъ вотчины крестьянами, не играло въ мотивахъ этого приговора

¹⁾ „Очерки“... стр. 112.

никакой роли. На сколько это волнение было малозначительно, видно еще изъ того, что по Высочайшему повелѣнію всѣмъ 29 крестьянамъ было объявлено прощенье, и они отпущены были въ тотъ же день домой.

На основаніи несущественности этого факта (съ стряпчимъ Воейковымъ) я и не вводилъ его въ изложеніе, а г. Павловъ-Сильванскій, всячески преувеличивая его значеніе, находитъ возможнымъ ставить опущеніе его мнѣ въ вину. И при разборѣ волненій крестьянъ Тверской губ., слѣдующемъ за приведеннымъ, г. Павловъ-Сильванскій также приходитъ къ невѣрнымъ заключеніямъ. Я, перечисливъ 40 случаевъ волненій въ Тверской губ., говорю, что сверхъ перечисленныхъ случаевъ были еще многочисленные случаи волненій, которые мѣстной администраціи удалось подавить своими силами ¹⁾. Г. Павловъ-Сильванскій замѣчаетъ: „это невѣрно. Никакихъ «многочисленныхъ» случаевъ волненій, подавлявшихся мѣстной администраціей, кромѣ перечисленныхъ, не было“. Но я снова утверждаю, что были случаи и кромѣ перечисленныхъ. Тверской губернаторъ, прося прислать ему батальонъ солдатъ, сообщаетъ, что „хотя *многихъ сократилъ, привелъ въ раскаяніе и покаяніе иль кротостію, а инде строгостію*, однако за всѣмъ тѣмъ многія вотчины остались въ ослушаніи, а другія открываются, не признаютъ себя подчиненными господамъ“ ²⁾. Г. Павловъ-Сильванскій привелъ только подчеркнутыя слова, а между тѣмъ опущенныя имъ существенно важны.

Въ списокъ волновавшихся вотчинъ (всѣхъ 37) губернаторъ точно указываетъ, что изъ 33 вотчинъ именно 3 усмирены командой Козловскаго полка, остаются въ непослушаніи 4, слѣдовательно, 30 вотчинъ усмирены своими средствами. Объ этомъ онъ сообщаетъ въ подчеркнутыхъ словахъ. Какъ же объяснить слова, слѣдующія за подчеркнутыми? Только предположеніемъ, которое я и дѣлаю, что кромѣ перечисленныхъ случаевъ волненій были и другіе. Намомъ на то, что списокъ неполонъ, можно видѣть даже изъ донесенія губернатора отъ 10-го февраля 1797 г., къ которому приложенъ этотъ списокъ. Въ началѣ донесенія онъ пишетъ, что онъ представляетъ „свѣдѣнія о именахъ помѣщиковъ, конхъ вотчины приведены въ должную повинность, и сколько осталось непокорныхъ“; затѣмъ, увѣдомляя о прибытіи Козловскаго полка и о усмиреніи имъ трехъ вотчинъ, закан-

¹⁾ „Очерки“... стр. 210.

²⁾ Госуд. архивъ VII разр., № 2918, № 13, л. 1.

чиваетъ донесеніе слѣдующими словами: „а нынѣ отправляю я изъ онаго команды для усмиренія остальныхъ ослушниковъ, кои на сизхъ дняхъ открылись“. Можно думать, что открылись новыя волненія, которыя еще не вошли въ списокъ; иначе для чего губернатору повторять то, что онъ уже сказалъ нѣсколькими строками выше?

Рецензентъ, указавъ, что губернаторъ преувеличилъ серьезность положенія, замѣчаетъ: „Г. Трифильевъ совсѣмъ уже вышелъ изъ границъ, рассказывая о широкомъ волненіи-возстаніи“ (стр. 428). Значитъ ли это, что я „вышелъ изъ границъ“, когда я слѣдующими словами опредѣляю общій характеръ крестьянскаго движенія въ Тверской губерніи: „Крестьянское движеніе въ Тверской губерніи, уступая въ интенсивности движенію въ другихъ губерніяхъ, отличается обширностью района, имъ захваченнаго“¹⁾. Я именно указываю на то, что сила движенія была здѣсь не велика, но зато распространилось оно очень широко.

Я внесъ въ списокъ волновавшихся вотчинъ, представленный губернаторомъ, вотчину Мышенкова, найденную мною въ спискѣ губернскаго прокурора Толстова. Почему эта вотчина не попала въ списокъ губернатора, отвѣтить невозможно: для этого нѣтъ никакихъ данныхъ. Отсутствие ея въ спискѣ доказываетъ только, что списокъ не полонъ. Соображенія г. Павлова-Сильванскаго по этому поводу: „по всей вѣроятности, губернаторъ исключилъ эту вотчину Мышенкова изъ своего списка, потому что первоначальное извѣстіе о волненіи въ ней оказалось неосновательнымъ“, не имѣя никакого фактическаго основанія, не могутъ имѣть и никакого значенія.

Но наиболѣе характерно проявилось „критическое“ отношеніе г. Павлова-Сильванскаго къ пользованію мною документами въ его разборѣ изложенія мною крестьянскаго движенія въ Новороссійской губерніи, и потому на немъ стоитъ остановиться подробнѣе.

„Описаніе волненій въ этой губерніи, пишетъ г. Павловъ-Сильванскій, ведется въ формѣ пересказа, «любопытнаго документа»—донесенія губернатора Селецкаго. *Документъ пересказанъ столь извращенно, что вся картина движенія получилась иная*“ (стр. 432).

Я утверждаю, что это совершенная неправда. Для доказательства привожу параллельно мое изложеніе и ту часть документа, объ „извращеніи“ которой говоритъ рецензентъ.

¹⁾ „Очерки“... стр. 209.

„31. Новороссійская губернія. Хотя въ Новороссійской губерніи мы мало знаемъ отдѣльныхъ случаевъ волненій крестьянъ, но объ общемъ настроеніи крѣпостного населенія губерніи въ изслѣдуемый періодъ мы можемъ судить по любопытному документу, допесевію генералъ-прокурору вновь назначеннаго въ Новороссійскую губернію губернатора Селецкаго. Оказывается, что броженіе среди крестьянъ было всеобщимъ. „Ежечастые доходятъ ко мнѣ, пишетъ Селецкій, отъ многихъ помѣщиковъ жалобы, а отъ судовъ нижнихъ земскихъ предстаненія о неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ; но по принятымъ тотчасъ законнымъ мѣрамъ, приведены къ одному (!) и подавшіе поводъ разглашеніемъ о вольности преданы сужденію. И хотя во всѣхъ уѣздахъ удержано покушеніе крестьянъ на отложеніе отъ своихъ помѣщиковъ и всадъ спокойно, но теперь получили я рапортъ отъ Ольвіопольскаго исправника Квитки, что всѣ крестьяне помѣщика майора Пулевича возмущались“.

Донесеніе Новороссійскаго гражданскаго губернатора Селецкаго отъ 26-го августа 1797 г.

„Со времени вступленія моего въ управленіе здѣшней губерніи ежечастые доходили ко мнѣ отъ многихъ помѣщиковъ жалобы, а отъ судовъ нижнихъ земскихъ предстаненія о неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ; но по принятымъ тотчасъ законнымъ мѣрамъ, приведены къ одному (!) и подавшіе поводъ разглашеніемъ о вольности преданы сужденію. И хотя во всѣхъ уѣздахъ удержано покушеніе крестьянъ на отложеніе отъ своихъ помѣщиковъ и всадъ спокойно, но теперь получили я рапортъ отъ Ольвіопольскаго исправника Квитки, что всѣ крестьяне помѣщика майора Пулевича возмущались“.

Каждый, кто безпристрастно сравнитъ мое изложеніе и документъ, на которомъ оно основано, увидитъ полную точность передачи фактовъ документа. О какомъ бы то ни было извращеніи не можетъ быть и рѣчи. По что удивительно, и самъ г. Павловъ-Сильванскій, указавъ вначалѣ на крайнее извращеніе документа, затѣмъ объ извращеніи и не упоминаетъ, а подчеркиваетъ, что, „судя по документу, это былъ единственный серьезный случай (у майора Пулевича). А г. Трифильевъ... приводитъ этотъ случай въ качествѣ примѣра (1) того, что усмиреніе волненій въ этой губерніи „далеко не всегда достигалось мирнымъ путемъ“ (с. 432). О самомъ усмиреніи г. Павловъ-Сильванскій соглашается съ моею передачей: „обстоятельства этого случая (у Пулевича), говоритъ онъ, рассказаны г. Трифильевымъ“.

Итакъ, въ чемъ же дѣло? Гдѣ же здѣсь „столь извращенная передача документа“? Объ этомъ извращеніи документа, благодаря

1) „Очерки“... стр. 281.

которому „вся картина движенія въ *Новороссійской губерніи* получилась иная“, рецензентъ говорить на 432 стр., а на 10 страницъ раньше, на 423 стр., онъ же вотъ что говорить о *той же Новороссійской губерніи*: „одинъ только разъ онъ на основаніи нѣсколькихъ фактовъ подачи жалобъ сдѣлать *вѣрное заключеніе* о «броженіи» крестьянъ въ Новороссійской губерніи“ (стр. 281).

Объяснить это противорѣчіе очень легко. Объ одномъ и томъ же фактѣ г. Павловъ-Сильванскій, „научно“ разбиравшій мою книгу, высказываетъ два діаметрально-противоположныхъ мнѣнія, смотря по тому, какое изъ мнѣній ему въ данный моментъ нужно для доказательства несостоятельности разбираемой книги.

Въ описаніи волненій въ Нижегородской губерніи г. Павловъ-Сильванскій указываетъ рядъ „существенныхъ неточностей“ (стр. 434). Это опять вѣрно. Привожу параллельно документъ и мое изложеніе.

Вотчинный пачальникъ жалуется въ судъ, что

Мое изложеніе.

„крестьяне не дѣлаютъ должнаго господамъ своимъ повиновенія и не доплачиваютъ оброку за генварскую полвину, отзываются посланной просьбой къ Е. И. В.“¹⁾

Крестьяне объявили управляющему, что они повиноваться больше ему не будутъ и оброкъ платить отказываются, такъ какъ они послали просьбу государю объ освобожденіи ихъ отъ помѣщичьей власти²⁾.

Г. Павловъ-Сильванскій находитъ „существенную неточность“ въ подчеркнутыхъ словахъ моего изложенія (стр. 433). Не думаю, чтобы кто-либо согласился съ этимъ. Напрасно рецензентъ называетъ волненіе крестьянъ князя Цицианова и его жены „минимымъ бунтомъ“ (стр. 433) на основаніи словъ губернатора: „хотя и не видно было въ нихъ (крестьянахъ) явнаго буйства и грубости“. Г. Павловъ-Сильванскій недостаточно внимательно прочиталъ рапортъ Ребиндера и слишкомъ довѣрчиво относится къ словамъ губернатора.

Вотъ что пишетъ Ребиндеръ о состояніи крестьянъ: „всѣ единогласно оказавъ ропотъ и явное ослушаніе власти своихъ помѣщиковъ, объявили, что они теперь оброку платить не хотятъ... дѣлая при томъ наконецъ и разныя неистовства, по каковому ихъ... ропоту и совершенному ослушанію и упорству никакъ привести ихъ въ пови-

¹⁾ Донесеніе губернатора отъ 17 февраля 1797 г.

²⁾ „Очерки“... стр. 214.

новеніе мнѣ не можно“¹⁾). Передъ губернаторомъ и солдатами крестьяне вели себя иначе, безъ „явнаго буйства и грубости“.

При разборѣ даже такого „яснаго документа“, какъ называется рапортъ тамбовскаго губернатора самъ рецензентъ, онъ, увлекаясь ролью обличителя, допускаетъ съ своей стороны такую односторонность, въ какой упрекаетъ меня. Какъ видно изъ цитируемаго имъ же рапорта, промуроръ центръ тяжести волненія видѣлъ въ томъ, что крестьяне не желали переходить на барщину, а предпочитали оставаться на оброкѣ. („Возмунченіе состояло *особенно* въ томъ, что *крестьяне упорствовали приутоплять землю къ господской паши, а желали быть на оброкѣ*; означенной же управитель настоятельно понуждалъ ихъ къ земледѣлію“)²⁾). Такъ передаю и я сущность волненія.

Г. Павловъ-Сильванскій находитъ, что „суду были преданы не «зачинщики», какъ онъ говоритъ, а ближайшіе «виновники» въ избіеніи нарядчиковъ“. Тутъ явное одностороннее толкованіе этого мѣста. Вѣдь, эти „виновники“ и есть тѣ „зачинщики“, о которыхъ я говорю. Въ текстѣ сказано: „нарядчики отъ возмутителей были биты“, т. е. были биты крестьянами, возмутьившимися противъ насильственнаго перевода ихъ съ оброка на барщину, и дальше: „вслѣдствіе чего виновники проданы сужденію“, значить, „виновники“ тѣ же „возмутители“, а слѣдовательно, вина ихъ заключалась не только въ томъ, что они были нарядчиковъ, но и въ томъ, что они не повиновались распоряженіямъ управителя.

Г. Павловъ-Сильванскій указываетъ на „случайные пропуски на недосмотру“ указаній, съ чего взимался оброкъ, съ тягла или съ души. Конечно, такіе пропуски всегда возможны среди многихъ сотенъ подобнаго характера указаній, встрѣчающихся во всей книгѣ.

Но г. Павловъ-Сильванскій не довольствуется указаніемъ на эти пропуски, онъ старается усилить эти указанія явнымъ преувеличеніемъ.

Напримѣръ, онъ говоритъ, что я „на стр. 247—248 четыре раза привожу цифры оброка въ 7 и 12 руб.“, не указывая, „съ чего онъ взимался, съ тягла или съ души“ (стр. 436). Можно понять, что здѣсь дѣло идетъ о четырехъ разныхъ случаяхъ, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ это одинъ и тотъ же случай.

¹⁾ Рапортъ Ребиндера отъ 16 февраля 1797 г.

²⁾ Гос. Арх. VII разр., № 2918, № 25, л. 1.

Вотъ эти мѣста изъ моей книги: „Помѣщикъ (Артемьевъ) бралъ съ крестьянъ по 12 руб. ежегоднаго оброка, между тѣмъ какъ Головининъ... бралъ съ нихъ всего 7 руб. Этотъ 12-ти рублевый оброкъ ложился очень тяжело на экономическое состояніе крестьянъ.“ (стр. 247). Предводитель дворянства и исправникъ, разслѣдовавъ жалобу крестьянъ все того же Артемьева, нашли, что, „дѣйствительно до 1797 г. оброкъ крестьянъ былъ въ 12 руб.“ (стр. 248).

Всего сказаннаго, на сколько позволили условные размѣры статьи, я полагаю, достаточно, чтобы видѣть, какъ рецензентъ „научно“ отнесся къ своей задачѣ—оцѣнкѣ новаго труда, выясненію его значенія и указанію въ немъ тѣхъ или иныхъ недостатковъ. Рецензентъ, поставивъ себѣ главной и единственной задачей—нахожденіе ошибокъ, при томъ такихъ, которыя, повидимому съ его точки зрѣнія ни чѣмъ не могутъ быть оправданы (отсюда у него своеобразный прокурорскій эпиграфъ: «ошибка ошибокъ ровнѣ»), не отнесся дѣйствительно научнымъ образомъ къ моему труду. Я, конечно, не претендую на то, что послѣдній безъ недостатковъ, но вѣстѣ съ тѣмъ думаю, что всякій трудъ требуетъ къ себѣ прежде всего справедливаго отношенія. А справедливое отношеніе устранило бы очень многія изъ тѣхъ обвиненій, которыя были мнѣ предъявлены.

Въ своемъ отвѣтѣ я оставляю совершенно въ сторонѣ субъективную окраску рецензіи, такъ какъ она не касается ни меня, ни моей книги, а относится всецѣло къ личности самого рецензента.

Е. Тришальскій.

Книжныя новости.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1904 годъ, представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1906. 184 стр.

Въ этомъ отчетномъ году наконецъ-то есть нѣвѣстіе, что въ собственность музеевъ перешли библіотека и собраніе рукописей покойнаго Н. С. Тихонравова. Собранія эти уже давно находились въ музеяхъ на храненіи, но за немнѣишъ достаточной суммы не могли ранѣе быть куплены. Приобрѣтеніемъ этимъ музеи почти всецѣло обязаны значительному денежному дару М. В. и С. В. Сабашниковыхъ, учениковъ Тихонравова. Рукописямъ Тихонравова пока составленъ только охранный каталогъ. Въ отчетѣ библіотекарь музеевъ г. Долговъ даетъ „довольно общій и довольно краткій обзоръ“ собранія рукописей и печатныхъ книгъ Тихонравова. Обѣ коллекціи составляютъ какъ бы неразрывное цѣлое,—такъ объединила ихъ долготѣνια научная дѣя-

тельность собирателя, такъ слотыла заботливая любящая рука. Вся жизнь, вся энергія покойнаго профессора была затрачена на два одинаково дорогія и любимыя имъ дѣла—университетское преподаваніе и накопленіе научныхъ сокровищъ въ видѣ книгъ и рукописей. Ведя жизнь анахорета, онъ почти все свое время дѣлилъ между аудиторіей и кабинетомъ, загроможденнымъ книгами и рукописями. Изъ указанныхъ въ Отчетѣ рукописей назовемъ здѣсь: Пятикнижіе Моисеево, съ поправками по еврейскому тексту, полууставомъ XVI вѣка, въ 8-ю д. л. (№ 453); пергаменный Паремейникъ XIV вѣка (№ 202 и 203); слова Григорія Богослова съ толкованіями Никиты Ираклійскаго, XVI вѣка (№ 176); Весѣды Іоанна Златоуста на Евангеліе, XVI вѣка (№ 179); списокъ Кормчей, „еже сказается намакавушъ“, XVI вѣка (№ 332); пять списковъ Стоглава, XVII вѣка (№№ 181, 372, 493, 523, 625); Сербскій лѣтописецъ въ сборникѣ № 126, XV вѣка и др. Главный интерес собранія П. С. Тихопрравова, несомнѣнно, лежитъ въ тѣхъ многочисленныхъ сборникахъ, которые онъ пріобрѣтаетъ съ рѣдкими знаніемъ дѣла и которые давали ему цѣнный матеріалъ въ многочисленныхъ его ученыхъ работахъ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ ихъ описанія: въ Отчетѣ представлеть пока лишь простой перечень житій русскихъ и памятниковъ чисто литературныхъ, помѣщенныхъ въ сборникахъ. Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ собраніи насчитывается 17 номеровъ лицевыхъ рукописей, кромѣ Евангелій. Собраніе печатныхъ книгъ П. С. Тихопрравова изобилуетъ весьма цѣнными и рѣдкими экземплярами.

Изъ другихъ пріобрѣтеній музеевъ отмѣтимъ слѣдующія: Исторія Россіи, сочиненіе Соловьева, томи I, VI, VII, IX, XI, XVII, XXII, XXIV, XXVIII. Автографъ С. М. Соловьева, на листахъ писчей бумаги, служившій оригиналомъ при наборѣ Исторіи въ типографіи (№ 3368). Сочиненія Пушкина, въ семи томахъ, изданія Н. В. Анненкова, С.-Пб. 1855, съ рукописными дополненіями и поправками изъ библіотеки К. Т. Солдатенкова (№ 3373). Девятнадцать писемъ П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину, переданныхъ отдѣленію рукописей А. А. Пушкинымъ. Всѣ письма напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1904 г., № 11, стр. 433—453. (№ 3379). Рукописи В. И. Даля: 5 записныхъ его книгъ (№№ 3380—3382, 3384, 3385) и Походенія Вольдамура и его Аршета. Кромѣ того, въ числѣ автографовъ В. И. Даля поступило нѣсколько связокъ карточекъ съ матеріалами для словаря.

Въ 1904 году въ библіотеку музеевъ поступило 19.501 изданіе, не считая номеровъ газетъ и журналовъ. Въ это же число не входитъ книги собранія П. С. Тихопрравова.

Въ теченіе отчетнаго года получили входные билеты для занятій въ читальномъ залѣ 8.987 человекъ, изъ нихъ 6.386 мужскаго пола и 2.601 женскаго. Количество читательницъ значительно возросло какъ абсолютно по сравненію съ предшествующимъ годомъ (на 530), такъ и въ процентномъ отношеніи къ числу читателей (на 3, 5%). Вообще количество читателей увеличилось на 821 человекъ. За годъ было сдѣлано читателями 100.398 посѣщеній (въ 1903 г.—86.447): наибольшее количество посѣщеній падаетъ на ноябрь (16.349), октябрь (13.800), сентябрь (11.824), февраль (10.777). Общее количество удовлетворенныхъ требованій 182.547. Отказано читателямъ по 5.851 требованію, при чемъ на русскія изданія приходится 4.430 отказовъ, а на иностранныя—1.521. Наибольшее количество посѣтителей, занимающихся въ чи-

тальномъ залѣ, представляетъ собою учащаяся молодежь обоаго пола (4.429 мужского пола и 2.044 женскаго пола), главнымъ образомъ, учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Число этихъ читателей, являющихся наиболѣе постоянными посѣтителями, работающими въ читальномъ залѣ, ежегодно все возрастаетъ, увеличившись и въ 1904 году на 798 человекъ сравнительно съ 1903 годомъ.

Помѣщеніе читальнаго зала осталось не перестроеннымъ, и хроническое и чрезмѣрное переполненіе стало еще явственнѣй: число читателей, которые должны были уходить изъ зала за неимѣніемъ въ немъ свободныхъ мѣстъ, еще болѣе увеличилось.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ.

— *Поворинскій, А. Ф.* СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО СУДОУСТРОЙСТВУ И СУДОПРОИЗВОДСТВУ ГРАЖДАНСКОМУ И УГОЛОВНОМУ. Томъ II. (1896—1904 гг.). Изданіе посмертное. С.-Пб. 1905. XIV+495 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— *Мокринскій, С. II.* Пакваніи, его цѣли и предположенія. Часть III. Каузальный и потенциальный моменты дѣйствія. Томскъ 1905. 293—552 стр. Цѣна 2 руб.

— *Фурманъ, Арв.* Задачи по статикѣ твердаго тела (съ рѣшеніями). Переводъ съ нѣмецкаго Бориса Гуцина. Съ 34 чертежами въ текстѣ. Изданіе И. И. Базлова. С.-Пб. 1905. 169 стр. Цѣна 1 руб.

— *Челпановъ, Г., проф.* Введеніи въ философію. Кіевъ 1905. V+532 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ семьдесятъ восьмой. С.-Пб. 1905. II+201+XXXII+II+32+122+XII+404 стр. Цѣна 3 руб. 50 коп.

— *Студинскій, Кирило, Др.* Кореспонденція Якова Головацкаго в лѣтахъ 1850—1862. У Львови 1905. III+CLXI+592 (Збірникъ фільологічної секції Наукового товариства імені Шевченка т. VIII и IX).

— *Поновъ, Н.* Рукописи Московской Синодальной (патріаршей) вивіотекки. Выпускъ I. Новоснаское собраніе. М. VII+189 стр.—III снимка. Цѣна 2 руб.

— Отчетъ Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета за 1903 годъ. Архангельскъ 1905. 13+163 стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

НАРОДНЫЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

(Улучшеніе условій ихъ жизни и образовательной подготовки).

На нивѣ народной съ каждымъ годомъ становится все больше учительницъ и все меньше учителей. Разумѣется, этому обстоятельству можно только радоваться, надобно лишь привѣтствовать желаніемъ всякаго успѣха мирную армию скромныхъ труженицъ, ряды которыхъ пополняются все свѣжими кадрами, все новыми дружинами молодыхъ работницъ. Вотъ онѣ, по большей части бѣдныя, но бодрья духомъ, укрѣпляемая вѣрою въ святость учительской профессіи, поддерживаемая надеждой на Бога, на добрыхъ людей и частью на свои юныя силы и одушевляемая чистой любовью къ заброшеннымъ и еще близкимъ къ нимъ по возрасту, крестьянскимъ дѣтямъ, — вотъ онѣ торопливо выходятъ на трудовую, доселѣ скудную и неплодную ниву и въ теченіе десятковъ лѣтъ незамѣтно, но непрерывно воздѣлываютъ на ней сѣмена добра и правды. На помощь, а иногда и на смѣну этимъ работницамъ каждый годъ готовятъ новыя кадры образованныхъ дѣвушекъ, которыя, окончивъ курсъ средней школы, также направляются въ села и деревни и отдаются здѣсь нелегкому труду школьнаго учительства. Какъ будто забывъ объ удовольствіяхъ жизни, къ которымъ такъ склоненъ особенно юношескій возрастъ, не питая надежды, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ, на возможность матеріально обеспеченнаго и независимаго существованія, отказываясь по бѣдности отъ семейнаго счастья, не смѣя, конечно, и думать о какой-либо видной общественной дѣятельности, эти дѣвушки терпѣливо и безропотно исполняютъ одно изъ самыхъ высокихъ человѣческихъ служеній на пользу ближняго, — исполняютъ въ безвѣстной

глуши, въ бѣдной крестьянской средѣ и обстановкѣ, вдали отъ образованнаго міра и часто отъ дорогого круга родныхъ и близкихъ людей, въ лишеніяхъ и нуждѣ, среди многихъ неудобствъ и нравственныхъ неудовольствій. Проходятъ года, и отрадно становится на душѣ утомленной интеллигентной работницы, если она увидитъ, что труды ея не пошли прахомъ и что въ темной деревнѣ, гдѣ еще такъ недавно сонъ непробудный царилъ, начинаютъ распространяться свѣтъ и тепло, — что онѣ мало-по-малу вносятъ въ жизнь деревни идеи трезваго поведенія, честнаго труда и разумныхъ стремленій, смягчаютъ грубые нравы и совращаютъ сферу властнаго порока и своеволія. Но до этой зари новыхъ дней доживаютъ немногія изъ учительницъ, а большинство подолгу остаются въ условіяхъ, дѣлающихъ ихъ работу и жизнь очень трудными, мало отрадными, иногда прямо тяжелыми. Попадъ изъ стѣнъ гимназій и роднаго дома въ зачуждѣнную деревню, въ совершенно новую среду людей и жизненныхъ условій, очутившись въ невѣдомой сутолкѣ мелкихъ повседневныхъ заботъ и интересовъ, какъ часто молодая, совсѣмъ неопытная учительница не имѣетъ около себя ни одного роднаго или близкаго человѣка, который познакомилъ бы ее съ этой жизнью, съ ея радостями и печалями, съ этими бѣдными и жалкими, темными и грубыми людьми, весь свой вѣкъ бющимися изъ-за куска хлѣба, далъ бы ей, когда придетъ особенная въ этомъ нужда, добрый совѣтъ и дружеское указаніе и поддержалъ бы ее въ минуты душевныхъ тревогъ и колебаній... И вотъ она одна принимается за обученіе и воспитаніе крестьянскихъ дѣтей. Дѣла это оказывается для нея мало знакомымъ, а иногда и совершенно новымъ. Правда, на послѣднемъ году обученія въ гимназій молодая дѣвушка слышала кое-что о педагогикѣ и дидактикѣ, даже сама прочитала нѣсколько книжекъ по этимъ наукамъ и видѣла, какъ нѣкоторыя изъ ея болѣе смѣлыхъ подругъ давали „практическіе“ уроки ученицамъ младшаго класса гимназій; но между гимназической педагогикой и веденіемъ учебнаго дѣла въ деревенской школѣ, повидимому, вовсе нѣтъ и точекъ соприкосновенія: та педагогика, очевидно, имѣла дѣло съ другими дѣтьми и въ своихъ внушеніяхъ принимала въ расчетъ какія-то особенныя условія времени и мѣста, очень далекія отъ той дѣйствительности, которая теперь такъ неожиданно открылась передъ юной учительницей. Прежде всего она замѣчаетъ, что крестьянскія дѣти часто не понимаютъ городскою ея рѣчи и на предлагаемые ею вопросы отвѣчаютъ или молчаніемъ, или словами не впадать, или смѣхомъ. Затѣмъ,

учительница оказывается не въ силахъ установить въ школѣ, во время учебныхъ занятій, порядокъ и тишину, безъ которыхъ невозможны сколько-нибудь правильные уроки: въ то время, когда ведетъ она занятія съ одною группою учениковъ, двѣ другія группы, оставивъ данныя работы, начинаютъ шумѣть и пошалить и постоянно заставляютъ учительницу приглашать нарушителей тишины къ порядку, отвлекая волнующуюся дѣвушку отъ дѣла и раздражая ее. Слышала и помнить юная учительница, что въ начальной школѣ надобно вести занятія не съ каждымъ ученикомъ въ отдѣльности, а съ цѣлымъ классомъ и что обученіе въ этой школѣ должно имѣть *массовый* характеръ и постоянно возбуждать учениковъ къ умственной самодѣятельности, при которой они не только внимательно слушали бы, что преподають имъ, но и принимали живое и постоянное участіе въ разработкѣ учебнаго матеріала каждаго урока и вполне сознательно учились читать, писать и считать. „Какъ хорошо, какъ легко все это въ теоріи и какъ затруднительно для пракческаго примѣненія“, думаетъ учительница. Пыталась она, преподавая первые уроки, обращаться съ учебными вопросами ко всему отдѣленію, но ученики отвѣчали ей цѣлымъ классомъ, всѣ въ разъ, а не одинъ, названный по фамиліи; поднимался шумъ, начинался беспорядокъ, и она оставила эту манеру обученія. Пробовала учительница примѣнять на своихъ урокахъ и *методъ наведенія*, какъ средство для возбужденія у дѣтей разсудочной самодѣятельности, но скоро замѣтила, что ученики не понимаютъ ея вопросовъ, мало, повидимому, задумываются надъ ними и вообще обнаруживаютъ вялость и тупость мысли; пришлось разстаться и съ „наведеніемъ“. Теперь учительница устанавливаетъ въ начальномъ обученіи тѣ же порядки, какіе давно приняты и утвердились у насъ въ средней школѣ, задаетъ дѣтямъ на домъ уроки для заучиванія по книжкѣ, не всегда даже разъяснивъ ихъ предварительно, а въ классѣ на слѣдующій день выспрашиваетъ заданное; вызвавъ къ своему столу одного, а то и двоихъ учениковъ, она заставляетъ ихъ отвѣчать приготовленный урокъ, не обращая почти никакого вниманія на остальныхъ учениковъ, а тѣ отъ скуки начинаютъ разговаривать между собою и тѣмъ развлекаются. Учительница не замѣчаетъ, что нервное возбужденіе ея постоянно усиливается, и она становится все безпокойнѣе и раздражительнѣе. Прежде благодушная и снисходительная, теперь она умѣряетъ ученическую подвижность не только замѣчаніями и выговорами, но и лишеніемъ шалуновъ обѣда, постановкою ихъ на колѣни и нѣкоторыми

другими наказаніями, о которыхъ знаетъ, обо всемъ освѣдомленная, деревенская молва... Недавно въ школъ былъ инспекторъ училищъ. Онъ слушалъ уроки учительницы и долго предлагалъ ученикамъ вопросы по всѣмъ предметамъ преподаванія, въ предѣлахъ пройденнаго. Оказывается, что учительница не примѣняетъ въ дѣлу требованій рациональной дидактики, а дѣти медленно подвигаются впередъ на пути умственнаго развитія и пріобрѣтенія знаній, такъ какъ стараются усвоивать предметы преподаванія почти одною механическою памятью. Расписавшись въ визитаціонной книгѣ, инспекторъ уѣхалъ, оставивъ учительницу задумавшейся, опечаленной и, быть можетъ, въ слезахъ...

Такое положеніе хорошо знакомо большинству школьныхъ учительницъ. Нѣкоторыя изъ нихъ становятся свѣдущими и опытными преподавательницами только черезъ шесть-семь лѣтъ педагогической практики, благодаря собственному усердію и настойчивости; другія овладѣваютъ пониманіемъ и техникой школьнаго обученія лишь послѣ обстоятельнаго знакомства съ лучшими руководствами по методикѣ преподаванія учебныхъ предметовъ, а нѣкоторыя такъ и остаются на низкомъ уровнѣ познанія тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ начальнаго школьнаго обученія, и ведутъ его безъ одушевленія, вяло и апатично, едва-едва подвигаясь впередъ. Угадать секретъ, отъ котораго зависитъ успѣшность обученія въ народной школъ, и быстро охватить умственнымъ взоромъ перспективу тѣхъ мѣръ, при которыхъ это обученіе невольно привлекало бы любовательность дѣтей, сосредоточивало на себѣ ихъ мысль и покоряло ихъ волю, нерѣдко оказываются не въ состояніи даже учительницы, предварительно получившія сравнительно хорошее общее образованіе. Пишущему эти строки лѣтъ десять тому назадъ пришлось, по долгу службы, посѣтить зимою сельскую школу, въ которой съ осени того года учительницей состояла дѣвушка, отлично окончившая учебный курсъ одного изъ извѣстныхъ желскихъ институтовъ и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ бывшая гувернанткою въ домѣ многосемейнаго помѣщика. Школа, которую предстояло посѣтить, находится въ большомъ, бывшемъ удѣльномъ, торговомъ селѣ. Тогда въ ней обучались только мальчики; ихъ было человекъ 70, народъ все разбитной, бойкій, толковый. Вмѣстѣ съ законоучителемъ сначала вошли мы въ квартиру учительницы. Она встрѣтила насъ взволнованная и долго-долго жаловалась на своихъ учениковъ, заявляя, что она попала въ какой-то адъ, что ребята дурнымъ пове-

деніемъ на урокахъ каждый день выводить ее изъ терпѣнія, что, усмиряя ихъ, она потеряла голосъ и часто приходитъ изъ класса съ платкомъ въ кровавыхъ пятнахъ, что она еще нигдѣ не видала дѣтей столь грубыхъ и шаловливыхъ и что, вѣроятно, ей придется въ скоромъ времени оставить эту школу, чтобы серьезно не заболѣть горловою чахоткой. Бѣдная дѣвушка рассказывала про свое затруднительное положеніе съ такою душевною болью и такъ сердечно, что намъ стало жаль ее. Для того, чтобы узнать причину неладовъ учительницы съ дѣтьми, ей предложено было дать урокъ въ моемъ присутствіи. Мы заранѣе установили предметъ занятій (письменное изложеніе прочитанной статьи старшими учениками) и заготовили матеріаль для работъ тѣмъ двумъ ученическимъ группамъ, которыя должны были заниматься самостоятельно, безъ непосредственнаго и постояннаго руководства со стороны учительницы. Когда мы вошли въ классъ, дѣти быстро встали и за священникомъ громко и нестройно пропѣли молитву. Мы съ законоучителемъ сѣли въ сторонкѣ, а учительница приступила къ уроку. Она очень скоро обнаружила свою педагогическую беспомощность и дидактическое неумѣнье, которыя и привели школу въ описанное ею положеніе. Когда учительница стала выписывать на классной доскѣ матеріаль для самостоятельныхъ работъ, со всѣхъ сторонъ раздались громкіе вопросы и торопливыя заявленія учениковъ. Учительница стала было, среди несмолкавшаго крика, отвѣчать на эти вопросы и заявленія, стараясь перекричать шумѣвшую толпу; но, видя безуспѣшность своихъ усилій, подошла ко мнѣ и сказала: „вотъ и всегда такъ; попробуйте-ка что-нибудь объяснить имъ“. Пришлось остановить шумъ и спокойно, но съ твердою увѣренностью сказать ученикамъ: „слушайте, ребята, учительницу“. Всѣ сразу притихли. Назначивъ самостоятельныя работы и, по моему предложенію, переспросивъ нѣкоторыхъ учениковъ, въ чемъ должны состоять эти работы, учительница пригласила младшихъ и среднихъ заниматься ихъ исполненіемъ и перешла къ старшимъ ученикамъ. Она прочитала имъ небольшую статью и вызвала одного мальчика рассказать ее. При устномъ воспроизведеніи статьи многіе ученики не одинъ разъ пытались говорить вслухъ, перебивая рѣчь ученика, вызваннаго къ отвѣту; но я останавливала ихъ замѣчаніемъ, что вслухъ долженъ отвѣчать только тотъ, кого спрашиваютъ. Не малыхъ усилій стоило учительницѣ и мнѣ довести учениковъ до болѣе или менѣе однообразной редакціи пересказа статьи, предупредить ошибки въ обозначеніи трудныхъ по орфографіи словъ и разъяснить важнѣйшія

препинанія. Тѣмъ не менѣе ученики приступили къ работѣ, казалось, послѣ достаточной предварительной подготовки. Предоставивъ старшихъ учениковъ самимъ себѣ, учительница, по моему указанію, обратилась къ провѣркѣ работъ, данныхъ къ самостоятельному исполненію ученикамъ двухъ другихъ группъ. Тутъ опять всѣ ребята заговорили было сразу, и мнѣ опять пришлось устанавливать порядокъ отвѣтовъ. Повѣрка названныхъ работъ привела меня къ выводу, что у большинства учениковъ онѣ списаны. Работу старшихъ учениковъ мы разсматривали уже послѣ урока и нашли, что эти ученики не привыкли внимательно относиться къ объясненіямъ учащаго лица, а потому написали изложеніе съ довольно грубыми, стилистическими и грамматическими, ошибками и притомъ небрежно съ вѣшной стороны.

Слѣдующій урокъ, по просьбѣ учительницы, данъ былъ мною и имѣлъ значеніе примѣрнаго. Передъ началомъ занятій въ немногихъ словахъ я объяснилъ учительницѣ предметъ урока и цѣль, которой намѣренъ достигнуть, а равно и методъ преподаванія. Занимался я съ учениками старшаго и средняго отдѣленій чтеніемъ и переводомъ церковно-славянскаго текста изъ Евангелія, а младшіе ученики самостоятельно читали одинъ изъ начальныхъ уроковъ по книжкѣ Грушевскаго. Справедливость требуетъ сказать, что хотя на своемъ урокѣ я и достигъ предполагаемой цѣли, научивъ дѣтей переводить небольшой избранный отрывокъ и воспроизводить его въ связномъ пересказѣ, но мнѣ не удалось примѣнить задуманныхъ приѣмовъ для практическаго ознакомленія дѣтей съ значеніемъ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ глагольныхъ формъ, и я приписываю указанный недостатокъ тому, что значитольную часть урока долженъ былъ употребить на разъясненіе и введеніе въ практику дисциплинарныхъ условій обученія. Послѣ урока учительница, однако, смѣло заявила, что она воспользуется всѣмъ, что видѣла и слышала, ввести въ школѣ необходимый порядокъ и непремѣнно достигнетъ въ обученіи хорошихъ успѣховъ. Къ сожалѣнію, въ слѣдующемъ году я уже не засталъ въ данной школѣ этой учительницы,—она перешла на службу въ одну изъ южныхъ губерній; тѣмъ не менѣе я узналъ, что учительница сдержала свое слово: ученики ея на выпускномъ экзаменѣ обнаружили очень хорошую подготовку въ рѣшеніи арифметическихъ задачъ и въ письменномъ изложеніи прочитанныхъ статей...

Въ памятной книжкѣ автора этой статьи записанъ не одинъ фактъ подобнаго содержанія, и всѣ эти факты свидѣтельствуютъ объ очень многихъ и разнообразныхъ дидактическихъ затрудненіяхъ, въ какихъ

постоянно оказываются учащія въ начальныхъ школахъ лица, особенно учительницы. Далекое не всегда способныя возвыситься до откровеннаго признанія кому-нибудь изъ мѣстныхъ знающихъ людей въ какомъ-либо своемъ затрудненіи и вообще въ неумѣнн вести учебное дѣло и попросить совѣта или помощи, многія учительницы доходятъ до разрѣшенія своихъ затрудненій личными, иногда очень тяжелыми усиліями. Повѣритъ ли читатель, что одна сельская учительница совершенно самостоятельно одолѣла отдѣлъ „трудныхъ задачъ“ въ ариметическомъ сборникѣ Т. Лубенца, ежедневно въ продолженіе двухъ осеннихъ мѣсяцевъ уединяясь, для рѣшенія ихъ, въ тишину и безмолвіе сельскаго кладбища?—А между тѣмъ это фактъ несомнѣнный.

Изъ начальныхъ учителей и учительницъ В—ской губерніи, общее число которыхъ въ 1903 году приближалось къ 2.500, учителя составляли только пятую часть, а остальныя четыре пятыхъ—учительницы. Почти всѣ онѣ получили образованіе въ мѣстныхъ женскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и двухъ епархіальныхъ училищахъ. Послушаемъ, какъ характеризуютъ начальныхъ учительницъ, въ зависимости отъ характера предварительнаго ихъ образованія, мѣстные руководители учебно-воспитательнаго дѣла. „Учительницы начальныхъ школъ Е—скаго уѣзда“, пишетъ одинъ изъ нихъ о всѣхъ категоріяхъ учительницъ, „часто упускаютъ изъ вида необходимость основательнаго усвоенія учащимися преподаваемыхъ имъ свѣдѣній, не соблюдаютъ послѣдовательности въ сообщеніи знаній, не всегда пользуются средствами нагляднаго обученія, не даютъ должнаго мѣста развитію самостоятельности учащихся, веденіемъ классныхъ занятій не всегда возбуждаютъ у нихъ вниманіе и интересъ, недостаточно упражняютъ учениковъ въ примѣненіи приобретаемыхъ знаній, мало удѣляютъ времени на развитіе у дѣтей навыка къ свободной и безошибочной устной рѣчи, не умѣютъ правильно пользоваться разными формами преподаванія, забываютъ вести уроки съ цѣлымъ классомъ и занимаются съ отдѣльными, по большей части самими лучшими, учениками, не обращаютъ надлежащаго вниманія на малоуспѣшность нѣкоторыхъ учениковъ, не всегда умѣло распределяютъ между ученическими группами матеріалъ для самостоятельныхъ работъ и слабо вліяютъ на развитіе разсудочныхъ силъ дѣтей“. Какъ ни мало опредѣленна представленная характеристика учительницъ, по она съ достаточной ясностью свидѣтельствуетъ объ общей неудовлетворительности практическаго и теоретическаго преподаванія дидактики въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Болѣе отчетливо характеризуетъ начальныхъ учительницъ другой руководитель школьнаго дѣла. „Преподаваніе учительницъ Н—скаго уѣзда, бывшихъ ученицъ гимназій“, говоритъ онъ, „свидѣтельствуеетъ объ отсутствіи у этихъ лицъ ясныхъ и точныхъ понятій о языкѣ вообще и о сочиненіи въ частности, какъ выраженія мыслей и чувствъ пишущаго лица. Въ связи съ этимъ одною изъ слабыхъ сторонъ въ занятіяхъ преподавательницъ разсматриваемой категоріи является постановка уроковъ объяснительнаго чтенія. Гимназистки-учительницы обнаруживаютъ недостаточное знакомство съ методикой нагляднаго обученія, церковно-славянскаго чтенія, прямого письма, устнаго счета и обученія грамотѣ (звуковыя упражненія и приемы сліянія звуковъ въ слоги и слова). Изъ дидактическихъ недостатковъ гимназистокъ-учительницъ самый главный—отсутствіе у нихъ опредѣленныхъ представленій о важнѣйшихъ правилахъ обученія и особенно о средствахъ возбужденія у дѣтей вниманія и интереса. Подготовка гимназистокъ собственно по педагогикѣ носятъ почти исключительно книжный, теоретическій характеръ. Онѣ мало знакомы съ практической постановкою учебно-воспитательнаго дѣла въ начальной школѣ, не знаютъ примѣрныхъ программъ 1897 года, не имѣютъ надлежащаго понятія объ организаціи одновременныхъ учебныхъ занятій съ разными ученическими группами и мало освѣдомлены относительно выбора, назначенія и повѣрки самостоятельныхъ занятій учениковъ. Такъ какъ естествовѣдѣніе преподается въ младшихъ классахъ гимназій, то воспитанницы выносятъ изъ нея очень поверхностныя знанія по зоологій, ботаникѣ и минералогіи. Подготовка бывшихъ ученицъ гимназій по пѣнію, можно сказать, ничтожна: ни одна изъ нихъ не въ состояніи не только сформировать хоръ, но и преподавать нотную грамоту. Въ педагогической подготовкѣ воспитанницъ епархіальныхъ училищъ наблюдаются почти тѣ же недостатки, а общеобразовательная ихъ подготовка даже слабѣе“. Но первые учительскіе шаги бывшихъ ученицъ епархіальныхъ училищъ, какъ замѣчаетъ третій наблюдатель, увѣрениѣе. „Епархіальное училище даетъ воспитанницамъ старшаго класса возможность посѣщать образцовую школу, слушать уроки старшихъ учительницъ и самимъ упражняться въ обученіи подъ руководствомъ преподавателя педагогики и дидактики. Нѣсколько свыкшись со школьной атмосферой, познакомившись съ учебниками для начальной школы, со среднимъ уровнемъ умственнаго развитія дѣтей, посѣщающихъ училище, бывшая воспитанница епархіальнаго училища принимается за учительское дѣло,

какъ довольно знакомое ей. Въ худшихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи стоятъ ученицы старшаго класса гимназій. Пробныя уроки онѣ даютъ не въ начальной школѣ, а въ приготовительномъ и низшихъ классахъ гимназій, но и первый изъ этихъ классовъ (приготовительный) не представляетъ параллели даже старшему отдѣленію начальной школы, такъ какъ въ приготовительный классъ, напримѣръ, въ С—ой гимназій, дѣвочки принимаются уже по экзамену, соотвѣтствующему курсу начального училища. „Лица, окончившія курсъ ученія въ епархіальныхъ училищахъ, по большей части хорошо знаютъ и преподають церковно-славянскій языкъ; нерѣдко знаютъ онѣ и нотную грамоту и безъ особыхъ затрудненій научають дѣтей пѣть молитвы; къ условіямъ сельской жизни онѣ болѣе привычны“, читаемъ въ новомъ отзывѣ. „Въ дальнѣйшей дѣятельности учительницъ изъ гимназій и епархіальныхъ училищъ, по замѣчанію одного изъ наблюдателей, обнаруживаются нѣкоторыя измѣненія. Начавъ ревностно работу преподаванія, ученицы епархіальнаго училища мало-по-малу вырабатываютъ себѣ извѣстный кодексъ педагогическихъ правилъ и останавливаются на немъ, прекращая работу самоусовершенствованія и знакомства съ новыми педагогическими трудами. Изъ среды же каждаго курса гимназій всегда выдѣляются нѣсколько человѣкъ, которые, послѣ трудной работы перваго времени, увлекаются своимъ новымъ призваніемъ и самостоятельно продолжаютъ заниматься надъ выработкой педагогическаго такта, надъ расширеніемъ своихъ познаній, надъ усовершенствованіемъ своихъ дидактическихъ приѣмовъ. Нѣкоторыя учительницы изъ прошедшихъ курсъ гимназій поступаютъ черезъ 15—20 лѣтъ преподавательской практики на педагогическіе курсы въ столицахъ и, возвратившись въ школу, занимаются здѣсь съ еще большимъ усердіемъ“. Безусловно ниже по веденію педагогическихъ занятій стоятъ учительницы изъ прошедшихъ курсъ только прогимназій. „Въ этомъ учебномъ заведеніи“, по словамъ одного наблюдателя, „онѣ получаютъ скудную общеобразовательную подготовку и если приобрѣтають нѣкоторыя свѣдѣнія изъ области педагогики, то благодаря лишь самостоятельному чтенію и помощи начальныхъ учительницъ, къ которымъ онѣ прикомандировываются въ качествѣ временныхъ помощницъ. Педагогическія свѣдѣнія усваиваются прогимназистками, по недостаточности ихъ общаго развитія, большею частью лишь съ внѣшней стороны, почему онѣ иногда обнаруживаютъ достаточное знакомство съ техническими приѣмами обученія, особенно полезными при занятіяхъ съ учениками младшей группы, но затруд-

няются руководить старшими школьными отдѣленіями. Правда, и въ этой категоріи учительницъ встрѣчаются прекрасныя преподавательницы, но это обстоятельство зависить уже не отъ прогимназій, а отъ другихъ факторовъ“.

Обобщая положительныя качества начальныхъ учительницъ въ зависимости отъ полученнаго ими школьнаго образованія, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: учительницы, окончившія курсъ ученія въ енархіальныхъ училищахъ, вносятъ въ начальную школу духъ церковности; учительницы-гимназистки стараются развивать въ учащихся навыки сознательнаго отношенія къ дѣлу; учительницы изъ прошедшихъ курсъ только прогимназій сообщаютъ своимъ ученикамъ твердые механическіе навыки.

На успѣхъ педагогической дѣятельности начальныхъ школьныхъ учительницъ почти всюду вліяютъ неблагопріятно вѣдшія условія ихъ жизни. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести недостаточность назначеннаго имъ содержанія: многія учительницы за свой крайне тяжелый трудъ получаютъ лишь по 180 руб. въ годъ, или 15 руб. въ мѣсяцъ и на эти деньги должны не только доставать себѣ пищу, одежду и обувь, но иногда и нанимать квартиру. Между тѣмъ, жизнь въ деревнѣ, съ увеличеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ и при повторяемости недородовъ и неурожаевъ, становится все дороже, и бѣдныя труженицы обрекаются на очень скудное, полуголодное существованіе. Но и ограниченное содержаніе, какое назначено у насъ многимъ учительницамъ, получается ими не всегда исправно. Весною и лѣтомъ кассы земскихъ управъ часто пустуютъ, едва-едва пополняясь суммами на удовлетвореніе жалованьемъ лицъ высшаго ранга, служащихъ въ земствѣ, учительницы же принуждены ожидать полученія своихъ грошей до осени, а весну и лѣто жить въ кредитъ... Здоровье учительницъ подрывается и неблагоустроенностью квартиръ, арендуемыхъ земскими управами подъ школы у мѣстныхъ обывателей: эти квартиры часто оказываются тѣсными и грязными, холодными и угарными. Не можетъ быть признано удовлетворительнымъ и питаніе большинства учительницъ: самими имъ покуда готовить себѣ пищу, а найти въ деревнѣ кухарку часто не представляется возможности какъ за отсутствіемъ такого рода женщинъ, такъ и за неимѣніемъ средствъ. Поэтому очень многія учительницы въ нашихъ селахъ и деревняхъ питаются почти однимъ чаемъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, приготовленнымъ по большей части плохо, сырымъ и кислымъ. Въ виду сказаннаго неудивительно, что между начальными учительницами рѣдко встрѣчаются лица, ко-

торыя не страдали бы болѣзнями горла, груди, нервной системы и желудка и производили впечатлѣніе не слабыхъ и истомленныхъ, не худыхъ и блѣдныхъ, не безголосыхъ и кашляющихъ, а бодрыхъ, сильныхъ и здоровыхъ людей. По истинѣ, у насъ есть о комъ глубоко задуматься и поскорбѣть отъ души... Какъ только весна начнетъ „вступать въ свои права“,—лица и учрежденія, оказывающія матеріальную помощь бѣдному люду, учащему въ начальныхъ школахъ, постоянно получаютъ преимущественно отъ учительницъ просьбы о выдачѣ денежныхъ пособій на лѣчение, на проѣздъ въ мѣста дешовыхъ курортовъ и пользованіе цѣлебными напитками и ваннами... Въ жизни начальныхъ учительницъ къ матеріальнымъ лишніямъ и невзгодамъ довольно часто присоединяются и нравственныя неудовольствія. Они возникаютъ по большей части на почвѣ „недобрыхъ встрѣчъ“ съ темными, отрицательными элементами сельской среды: деревенскіе кулаки, мужики-міроѣды, писаря, представители крестьянской власти, а иногда и родители учащихся причиняютъ беззащитнымъ труженицамъ разныя обиды и утѣсенія по такимъ случайнымъ поводамъ, каковы напимѣръ, просьбы учительницы о снабженіи школы дровами, о доставленіи подводы въ городъ, о принятіи мѣръ къ тому, чтобы крестьяне не удерживали дома своихъ дѣтей—школьниковъ и т. п. Разумѣется, не всегда правы и учительницы, но огнѣ чапсе, чѣмъ кто либо, бывають въ положеніи людей, по отношенію къ которымъ всякая вина считается безусловно виноватой.

Въ организаціи дѣла школьнаго обученія народа вопросъ объ опредѣленіи въ начальныхъ училища хорошаго, соотвѣтствующаго назначенію состава учащихся лицъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ важныхъ. Отъ этихъ лицъ, составляющихъ душу школы, зависитъ весь смыслъ ея существованія, весь успѣхъ ея дѣятельности, какъ учрежденія, призваннаго не только распространять грамотность среди темнаго народа, но и расширять, путемъ сообщенія полезныхъ знаній, умственный кругозоръ его и чрезъ это облегчать для него возможность улучшенія всѣхъ сторонъ жизни, матеріальной и духовной. Число начальныхъ училищъ, хотя и не быстро, растетъ у насъ съ каждымъ годомъ, а условія службы педагогическаго ихъ персонала почти не измѣняются къ лучшему, почему учителя оставляють эту службу при первой возможности перехода на другую, лучшую, и стремленіе къ побѣгу отъ начальнаго учительства составляетъ общую черту лицъ, взявшихъ на себя трудъ обученія и воспитанія въ народныхъ школахъ. Въ отчетѣ г. министра народнаго просвѣщенія за

1900-й годъ отмѣченъ слѣдующій знаменательный фактъ: „двадцать лѣтъ тому назадъ, когда вводился институтъ полицейскихъ урядниковъ, многія училища должны были временно приостановить свою дѣятельность за поступленіемъ учителей въ составъ урядниковъ; то же явленіе повторяется и теперь при введеніи казенной продажи питей, такъ какъ учителя массами переходятъ въ акцизное вѣдомство“. Изъ теперешняго состава начальныхъ учителей и учительницъ до 80% не остаются на службѣ въ теченіе и пяти лѣтъ.

При такомъ положеніи дѣла необходимо озаботиться немедленнымъ принятіемъ мѣръ къ привлеченію на учительскую службу въ начальныя народныя школы такихъ лицъ, которыя оставались бы въ нихъ десятки лѣтъ и, мирясь съ простотою, если не бѣдностью и убожествомъ жизненныхъ условій, приносили бы дѣлу начальнаго школьнаго образованія несомнѣнную пользу. Такимъ элементомъ у насъ могутъ быть только *учительницы*. Именно ихъ желаетъ видѣть на службѣ школьному образованію народа и Всемилоствѣннѣйшій нашъ Государь Императоръ. По поводу указанія псковскаго губернатора въ отчетѣ за 1900—1901-й годъ на оторванность отъ деревенской среды полуобразованныхъ школьныхъ учителей, вышедшихъ изъ мѣщанскаго и крестьянскаго сословія, но вкусившихъ плоды городской жизни за время своего пребыванія въ учительской семинаріи и не удовлетворяющихся болѣе скромными условіями жизни сельскаго учителя, Государь Императоръ изволилъ начертать: „*Желалъ бы видѣть побольше учительницъ въ народныхъ школахъ*“. Помимо несомнѣнныхъ педагогическихъ преимуществъ, какими располагаютъ учительницы благодаря своей женской натурѣ, въ пользу привлеченія ихъ къ учительству въ начальной школѣ должны быть высказаны еще два, довольно важныя, слѣдующія соображенія. Съ поступленіемъ учительницы на службу въ сельскую школу, въ ней долженъ увеличиваться составъ *учащихся дѣвочекъ*, а ихъ-то и необходимо обучать въ возможно большемъ количествѣ и какъ можно тщательнѣе и приниматься за это дѣло безъ всякихъ отсрочекъ, такъ какъ очень трудно и едва ли возможно распространить всеобщую грамотность и поднять культуру среди народа, не имѣющаго грамотныхъ матерей: „гдѣ грамотная мать, тамъ и грамотная семья“. Затѣмъ, отъ учительницы гораздо болѣе, чѣмъ отъ учителя, можно ожидать болѣе глубокаго добраго вліянія и на всю женскую половину крестьянскаго населенія. Уже и теперь въ нѣкоторыхъ селахъ въ долгіе зимніе вечера крестьянки охотно собираются въ школѣ у мѣстной учительницы и за

ручной работой поютъ съ нею молитвы и гимны, или же съ интересомъ слушаютъ ея чтеніе и бесѣду, а черезъ это вѣдь мало-по-малу уменьшается страшная темнота, окутывающая крестьянскую женщину, совершенно неразвитую умственно, поразительно суевѣрную и вполнѣ безпомощную по части какихъ либо улучшеній, напримѣръ въ уходѣ за дѣтьми, въ ихъ воспитаніи и въ веденіи домашняго хозяйства. Выразивъ желаніе, чтобы въ народныхъ школахъ больше было учительницъ, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ въ 27-й день апрѣля 1903 года изволилъ также преподать министру народнаго просвѣщенія указаніе, чтобы *„министерство всемирно озаботилось спеціальною подготовкою народныхъ учительницъ, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащія мѣры къ огражденію ихъ тяжелыхъ нравственныхъ и бытовыхъ условій, которыя ставятъ въ безпомощное положеніе беззащитныхъ труженицъ“*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Высочайшая воля, выраженная съ такою опредѣленностью и съ тѣмъ вмѣстѣ съ такою трогательною заботливостью, уже приводится въ исполненіе. Но крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что управленіемъ одного учебнаго округа предложено учредить при начальныхъ училищахъ *школьные совѣты*. Это управленіе, рѣшая вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію положенія народныхъ учительницъ, между прочимъ высказало, что тяжелое положеніе этихъ лицъ обуславливается, главнымъ образомъ, столкновениями ихъ съ мѣстными сельскими обществами по дѣламъ школьнаго хозяйства и правильнаго посѣщенія учениками классныхъ уроковъ. Поэтому, въ цѣляхъ улучшенія матеріальнаго и нравственнаго положенія народныхъ учительницъ, управленіе округа признастъ необходимымъ организовать при училищахъ особые школьные совѣты, которые должны вѣдать хозяйственную часть и посѣщеніе дѣтьми училища. Въ составъ школьныхъ совѣтовъ предполагается ввести законоучителя съ правами предсѣдателя, всѣхъ учащихъ лицъ училища, попечителя или попечительницу, волостного старшину, если училище находится въ селѣ, гдѣ есть волостное правленіе, или мѣстнаго сельскаго старосту и двухъ выборныхъ членовъ отъ обществъ, участвующихъ въ содержаніи училища, съ правами членовъ совѣта. Выборныя лица утверждаются на трехлѣтіе земскимъ начальникомъ. Рѣшенія совѣта приводятся въ исполненіе волостнымъ старшиною или сельскимъ старостомъ, въ случаяхъ же надобности сообщаются инспектору народныхъ училищъ и земскому начальнику. Совѣты эти должны находиться въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, въ

вѣдѣніи инспекторовъ народныхъ училищъ. — Управленіемъ другого учебнаго округа признана *потребность въ устройство санаторій для учащихся лицъ*. Учительскій трудъ, тяжелый самъ по себѣ, часто выполняется при очень неблагоприятныхъ условіяхъ: въ неудовлетворительныхъ помѣщеніяхъ, при плохихъ учительскихъ квартирахъ, при плохомъ питаніи и проч. На женскомъ организмѣ онъ отражается особенно губительно. Между учительницами часто встрѣчаются лица, страдающія малокровіемъ, грудными, головными и нервными болѣзнями. Устройство для такихъ лицъ санаторій дастъ возможность за лѣтнее время многимъ изъ учащихся возстановить расшатанное здоровье и возвратиться къ своей дѣятельности съ новымъ запасомъ силъ и энергіи.

Учрежденіе при начальныхъ училищахъ школьныхъ совѣтовъ, безъ сомнѣнія, очень желательная мѣра, но при условіи, чтобы представители мѣстной сельской власти, какъ члены этихъ совѣтовъ, не могли пользоваться своимъ званіемъ и положеніемъ во вредъ школѣ и учащимъ лицамъ, такъ какъ жизнь показываетъ, что народные учителя и учительницы нерѣдко терпятъ обиды и угнетенія именно отъ представителей сельской власти. Кромѣ того, желательно, чтобы предполагаемые къ учрежденію школьные совѣты были исполнительными органами въ высшей степени полезныхъ для каждаго начальнаго училища „школьныхъ попечительствъ“. Въ 1902 году было напечатано, что проектъ положенія о такихъ попечительствахъ уже выработана ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. По проекту въ составъ попечительствъ входятъ попечитель или попечительница училища, всѣ учащіеся лица и представители вѣдомствъ и учреждений, обществъ и лицъ, участвующихъ въ содержаніи училища. На обязанности попечительствъ лежатъ удовлетвореніе слѣдующихъ нуждъ училища: а) улучшеніе школьнаго помѣщенія и его обстановки; б) устройство ночлежнаго пріюта и доставленіе подводъ для дѣтей, живущихъ вдали отъ училища; в) снабженіе немущихъ учащихся одеждою и пропитаніемъ; г) доставленіе учащимся медицинской помощи; д) снабженіе училища, въ случаѣ недостатка, учебными книгами и нособіями; е) устройство церковнаго хора изъ учащихся, полезныхъ прогулокъ и развлеченій и ж) устройство при училищѣ сада, огорода и занятій отдѣльными сельско-хозяйственными отраслями, ручнымъ трудомъ и рукодѣльемъ. Средства попечительства составляются изъ постоянныхъ пособій и одновременныхъ пожертвованій, изъ сбора съ устраниваемыхъ попечительствомъ чтеній,

изъ сборовъ въ особыя кружки и другихъ случайныхъ поступлений. Такъ какъ частныя собранія школьнаго попечительства могутъ быть сопряжены съ затрудненіями для его членовъ, то желательно, чтобы при каждомъ попечительствѣ былъ учрежденъ, какъ исполнительный его органъ, особый школьный совѣтъ, собирающійся въ засѣданія по мѣрѣ надобности, но не менѣе одного раза въ два учебные мѣсяца. Въ высшей степени желательно и устройство санаторій, гдѣ больные начальные учителя и учительницы могли бы получать медицинскую помощь, удобное помѣщеніе и питательный столъ: процентъ разстѣлавающихъ свое здоровье въ теченіе учебнаго года учителей и учительницъ, особенно послѣднихъ, обладающихъ болѣе слабымъ организмомъ, довольно великъ, — въ сѣверныхъ губерніяхъ онъ во всякомъ случаѣ не менѣе десятой части всего учительскаго состава.

Какъ ни мало у насъ женскихъ учительскихъ школъ, все же мы имѣемъ фактическія основанія утверждать, что эти школы по преимуществу могутъ готовить наиболѣе достойныхъ народныхъ учительницъ. Къ такому заключенію приводятъ, впрочемъ, не только факты непосредственнаго наблюденія, но и соображенія теоретическія, общія. Слѣдуетъ считать знаменательнымъ то обстоятельство, что Всемилостивѣйшій Государь Императоръ на отчетѣ приамурскаго генералъ-губернатора за 1901—1902 годъ, по поводу замѣчаній о томъ, что въ Приамурской области необходимо бы открыть учительскую семинарію, изволилъ начертать слѣдующее категорическое указаніе: *„Не мужскую учительскую семинарію, а женскую. Полезно было бы и въ Европейской Россіи часть мужскихъ учительскихъ семинарій преобразовать въ женскія. Принять это указаніе къ исполненію“*.—Важнѣйшее преимущество женскихъ учительскихъ семинарій предъ всѣми другими школами, подготовляющими учительницъ для народныхъ школъ, заключается въ томъ, что онѣ должны обучать и воспитывать дѣвицъ исключительно изъ *крестьянскаго* сословія. Хорошо знакомыя съ крестьянскою жизнью, съ ея матеріальными и духовными нуждами, съ положительными и отрицательными сторонами крестьянскаго быта, съ міросозерцаніемъ, настроеніемъ и идеалами простолюдина и, наконецъ, со складомъ и формами его рѣчи, учительницы, вышедшія изъ самыхъ гѣдръ народа и затѣмъ получившія образованіе, которое не отвлекало ихъ отъ важнѣйшихъ устоевъ и особенностей народной жизни, будутъ въ деревнѣ наиболѣе желательными и достойными распространительницами добрыхъ нравовъ и полезныхъ начальныхъ знаній. Какъ людей деревни, въ ней родившихся

и выросшихъ, этихъ учительницъ сравнительно въ меньшей степени придется ограждать отъ тяжелыхъ нравственныхъ и бытовыхъ условий, какъ потому, что крестьянская жизнь, имъ близкая и родная, не должна быть для нихъ столь непривычною и трудною, какою часто находятъ ее учительницы, вышедшія изъ городской и вообще болѣе культурной среды, такъ и потому въ особенности, что учительница-крестьянка скорѣе, чѣмъ кто либо, опознается въ трудномъ стеченіи обстоятельствъ, ибо отнесется къ нему съ большимъ хладнокровіемъ, терпѣніемъ и разсудительностью, не такъ горячо и чутко... Итакъ мы — наканунѣ учрежденія женскихъ учительскихъ семинарій; вѣроятно, онѣ будутъ открываться ежегодно. Какія же слѣдуетъ высказать желанія относительно организациі этихъ учебныхъ заведеній, чтобы можно было ожидать отъ нихъ существенной и несомнѣнной пользы для дѣла начального народнаго образованія?—Съ точки зрѣнія педагога, давно служащаго школьному образованію народа и потому достаточно знакомаго съ положеніемъ этого дѣла, представляется весьма желательнымъ, чтобы женскія учительскія семинаріи устраиваемы были у насъ на слѣдующихъ началахъ:

1. Воспитаніе въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ получаютъ дѣвцы исключительно *крестьянскаю* сословія.

2. Женскія учительскія семинаріи открываются *только въ селахъ и деревняхъ*.

3. Такъ какъ залогъ развитія народныхъ массъ заключается у насъ въ сохраненіи православія и въ непоколебимой преданности царю и отечеству, то воспитаніе въ женскихъ семинаріяхъ, подготавливающихъ учительницъ для народныхъ школъ, должно быть проникнуто всецѣло именно этими началами.

4. Женскія учительскія семинаріи суть *закрытыя* учебныя заведенія, каждая съ *церковью и общежитіемъ* для учащихся.

5. Жизнь и содержаніе въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ должны быть простыми, возможно болѣе наименовающими порядливую крестьянскую жизнь и обстановку.

6. Подготовительную къ женскимъ учительскимъ семинаріямъ ступень представляютъ женскія двухклассныя сельскія училища съ пятилѣтнимъ курсомъ обученія.

7. Учебный курсъ женскихъ учительскихъ семинарій обнимаетъ *три года* и включаетъ въ себѣ предметы общеобразовательные и специально-педагогическіе.

8. При каждой женской учительской семинаріи, для практическихъ

занятій воспитанницъ, состоитъ начальное двухклассное училище, а также руководъльная мастерская, огородъ и садъ.

9. Завѣдываніе женскою учительскою семинаріей предоставляется инспектору изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, извѣстныхъ педагогическою опытностью.

10. Преподавателями въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ состоятъ лица изъ прошедшихъ курсъ не ниже учительскаго института, а преподавательницами—имѣющія званіе домашнихъ наставницъ.

11. Кромѣ инспектора, въ женской учительской семинаріи состоятъ—законоучитель, четыре преподавателя или преподавательницы (а) русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесности, б) гражданской исторіи и географіи, в) математики и (физики и г) естествовѣдѣнія и сельскаго хозяйства), учитель чистописанія, черченія и рисованія, учитель пѣнія и музыки, учительница руководъля, учитель садоводства и огородничества и надзирательница, она же и экономка, фельдшерца, а также письмоводитель. Въ начальномъ двухклассномъ училищѣ при семинаріи состоятъ законоучитель и двѣ учительницы.

12. На содержаніе женской учительской семинаріи потребно до 18.000 рублей въ годъ. Изъ нихъ на содержаніе личнаго состава семинаріи—8.000 руб. (инспектору—1.500 руб., законоучителю и четырёмъ преподавателямъ—4.500 руб. и остальнымъ учащимъ и служащимъ лицамъ—2.000 руб.); на содержаніе шестидесяти казенно-коштныхъ воспитанницъ—7.000 руб.; на содержаніе дома и прислуги, на бібліотеки, кабинеты, содержаніе письмоводителя и канцеляріи—1.700 руб. и на содержаніе начальнаго двухкласснаго училища семинаріи—1.800 руб.

13. Желательно, чтобы для всѣхъ служащихъ въ семинаріи и въ начальномъ при ней училищѣ лицъ были казенныя квартиры.

14. Воспитанницы семинаріи, по окончаніи курса, должны прослужить, за казенное воспитаніе и содержаніе, не менѣе шести лѣтъ въ должности учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ или же внести причитающуюся за воспитаніе и содержаніе сумму, по расчету изъ 200 руб. за каждый изъ трехъ учебныхъ годовъ.

Какъ общая, такъ и спеціальная подготовка воспитанницъ семинаріи должна быть направлена къ тому, чтобы выработать у нихъ твердыя, религіозныя и нравственныя убѣжденія, развить въ нихъ любовь къ Царю и родинѣ, къ простому русскому народу, къ его завѣтнымъ вѣрованіямъ, дорогимъ преданіямъ и священнымъ обычаямъ и обружить въ представленіи будущихъ начальныхъ учительницъ просвѣти-

тельное служеніе народу ореоломъ привлекательно-высокаго, нравственнаго и священнаго долга.

Общее образованіе въ женской учительской семинаріи, будучи по программамъ не ниже установленнаго для городскихъ училищъ по положенію 1872 года, должно имѣть *воспитывающій* характеръ, какимъ оно должно отличаться и въ начальной народной школѣ. Пусть преподаваніе учебныхъ предметовъ ведется преимущественно по *индуктивному* методу, просто, наглядно и послѣдовательно, въ формѣ живыхъ бесѣдъ, имѣющихъ цѣлю возбудить разсудочную самостоятельность воспитанницъ, ихъ вниманіе и теоретическій интересъ. Пусть, затѣмъ, изученіе отдѣловъ каждаго учебнаго предмета сопровождается специальными указаниями относительно объема и способа прохожденія ихъ въ начальныхъ, одноклассныхъ и двухклассныхъ, училищахъ. Пусть, наконецъ, общее образованіе въ женской учительской семинаріи носитъ *энциклопедическій* характеръ: пріобрѣтая въ общемъ познанія не обширныя, но законченныя, опредѣленныя и ясныя, будущія начальныя учительницы пусть изучаютъ предметы не только общаго, формально-снукультивнаго, но и жизненно-прикладнаго значенія, каковы: рисованіе и черченіе, руководствія, сельское хозяйство и домоводство, огородничество и садоводство. Общеобразовательная подготовка воспитанницъ учительской семинаріи должна быть настолько основательною, чтобы впослѣдствіи онѣ могли успѣшно вести преподаваніе не только въ одноклассныхъ, но и двухклассныхъ начальныхъ училищахъ. Изученіе пѣнія, особенно церковнаго, руководствій и сельско-хозяйственныхъ предметовъ должно быть обязательнымъ для всѣхъ воспитанницъ безъ исключенія и отнюдь не считаться дѣломъ второстепеннаго значенія.

Педагогическая подготовка воспитанницъ учительской семинаріи можетъ проходить черезъ двѣ ступени: *теоретическую* и *практическую*. На первой изъ нихъ, падающей на второй годъ семинарскаго курса, могутъ быть пройдены, въ возможно простой формѣ краткаго обзоренія, такія педагогическія дисциплины, какъ исторія воспитанія и обученія въ биографическихъ очеркахъ знаменитыхъ педагоговъ, педагогика въ связи съ элементарной психологіей и училищовѣдѣніе. Вторую часть педагогической подготовки воспитанницъ семинаріи будетъ составлять, на третьемъ году обученія, практическое знакомство ихъ съ методикой преподаванія учебныхъ предметовъ начальной школы и съ дидактикой. На этой ступени подготовка воспитанницъ къ учительству должна быть основана на непосредственномъ участіи ихъ въ занятіяхъ при начальномъ семинарскомъ училищѣ, на изученіи орга-

низацин его въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ и на собственныхъ ихъ упражненіяхъ въ преподаваніи. Необходимо, чтобы жизнь этого училища протекала предъ глазами воспитанницъ, чтобы онѣ узнали всё ея подробности и, видя добрые примѣры, научились гуманному обращенію съ дѣтьми и разумнымъ способамъ ихъ обученія. Знакомясь съ жизнью и дѣятельностью училища, воспитанницы должны понять, что достоинство начального школьнаго обученія состоитъ не только въ томъ, чтобы дѣти такъ или иначе пріобрѣтали учебныя знанія и умѣнія, исправно затверживая известное количество параграфовъ и рубрикъ изъ книжки, но и въ томъ, чтобы онѣ внимательно относились къ каждому уроку, развивая въ себѣ на школьныхъ занятіяхъ интересъ и любознательность, и принимали постоянное и непринужденное, живое и дѣятельное участіе въ разработкѣ учебнаго матеріала каждаго урока, въ нахожденіи и опредѣленіи тѣхъ элементовъ знанія, которые имъ необходимо не только воспринять и запомнить, но и провести черезъ всё перипетіи, черезъ всё этапы разсудочнаго процесса. Занимаясь въ училищѣ, воспитанницы семинаріи пусть проникаются убѣжденіемъ, что существенное значеніе въ обученіи принадлежитъ не только такимъ или инымъ его результатамъ, но и самому его веденію, достоинствамъ его исполненія, или *дидактическому процессу*. Этотъ процессъ является здѣсь весьма важнымъ факторомъ, обуславливающимъ цѣнность и плодотворность школьныхъ порядковъ вообще и тѣхъ знаній и навыковъ въ частности, которые начальная школа сообщаетъ своимъ питомцамъ. Если ученики ея привыкнутъ съ размышленіемъ, вдумчиво относиться къ предметамъ обученія, если послѣдніе будутъ затрогивать ихъ любопытство и возбуждать у нихъ стремленіе къ пріобрѣтенію новыхъ знаній и любовь къ книгѣ, какъ источнику свѣта и высокихъ духовныхъ состояній, то лишь тогда лица, завѣдывающія дѣломъ школьнаго обученія, могутъ быть спокойны за его успѣхъ, за безспорную цѣнность и несомнѣнную плодотворность учительскаго труда; лишь тогда они могутъ надѣяться, что ученики начальной школы, по выходѣ изъ нея, не разучатся читать и писать, не перестанутъ хотя понемногу подвигаться впередъ на пути культурнаго, умственнаго и нравственнаго, развитія и не обратятся въ прежнее, почти первобытное состояніе людей, живущихъ заботами о хлѣбѣ единомъ...

Для того, чтобы воспитанницы семинаріи извлекли возможно большую пользу ихъ постоянного общенія съ образцовымъ учили-

цемъ, необходимо, чтобы, во-первыхъ, онѣ присутствовали на даваемыхъ въ немъ *примѣрныхъ* урокахъ преподавателей семинаріи и учительницъ названнаго училища и изъ объяснительныхъ бесѣдъ этихъ лицъ усвоивали себѣ ясное представленіе о цѣляхъ и способахъ веденія указанныхъ уроковъ; чтобы, во-вторыхъ, онѣ присутствовали на *пробныхъ* урокахъ каждой изъ своихъ подругъ и затѣмъ, подъ руководствомъ учащихъ лицъ, принимали участіе въ разборѣ этихъ уроковъ съ точки зрѣнія соответствія ихъ требованіямъ методика, дидактики и педагогики, и чтобы, въ-третьихъ, каждая изъ воспитанницъ, давъ въ училищѣ пробные уроки по важнѣйшимъ предметамъ курса начальной школы, каковы—чтеніе русское и церковно-славянское, письмо въ смыслѣ чистописанія, правописанія и воспроизведенія мыслей, счисленіе и пѣніе, затѣмъ, въ теченіе времени отъ трехъ до шести учебныхъ дней, въ доказательство своей педагогической правоспособности, вела въ училищѣ всѣ учебныя занятія. Званіе начальной учительницы каждая воспитанница можетъ получить лишь при условіи, если эти занятія, а равно и всѣ пробные уроки будутъ признаны педагогической конференціей семинаріи, по крайней мѣрѣ, удовлетворительными. Очень желательно, чтобы къ концу третьяго учебнаго года воспитанницы семинаріи прослушали по всѣмъ отдѣламъ учебныхъ предметовъ начальной школы, въ числѣ данныхъ преподавателями и учительницами, *типическіе* уроки и имѣли записанными у себя въ тетрадь планы ихъ и конспекты.

Уроки по методикѣ учебныхъ предметовъ и по дидактикѣ преподаватели семинаріи должны сообразовать съ ходомъ занятій въ образцовомъ училищѣ при семинаріи, имѣя въ виду, что методика и дидактика должны представлять собою выводы уже изъ данныхъ въ училищѣ уроковъ и вообще изъ наблюденій надъ занятіями въ упомянутомъ училищѣ. Только при этомъ условіи методика и дидактика могутъ имѣть надлежащее педагогическое значеніе, твердо запечатлѣваться въ сознаніи воспитанницъ и быть регуляторами послѣдующихъ самостоятельныхъ занятій ихъ въ начальной школѣ. Учебники по методикѣ и дидактикѣ, въ цѣляхъ систематическаго обзорѣнія, свода и повторенія всѣхъ трактуемыхъ ими вопросовъ, могутъ быть прочитаны воспитанницами, подъ руководствомъ преподавателей, уже во второй половинѣ третьяго учебнаго года.

Еще на второмъ году обученія воспитанницы должны познакомиться, при прохожденіи училищовѣдѣнія, съ учебными программами одноклассныхъ и двухклассныхъ начальныхъ училищъ, а на третьемъ году курса

изучить, при руководящей помощи преподавателей, дидактическія особенности лучшихъ учебныхъ руководствъ и пособій по предметамъ преподаванія въ начальныхъ училищахъ и выработать опредѣленное понятіе о способахъ сообщенія и разъясненія ученикамъ, по возможности, всѣхъ вопросовъ упомянутыхъ учебныхъ программъ.

Проходя подготовительную практику, воспитанницы семинаріи должны убѣждаться въ томъ, что въ дѣлѣ обученія необходимо сообразоваться не только съ содержаніемъ и системой учебнаго матеріала, какъ бы солидно они ни были разработаны и представлены, но и съ *психологіей дѣтскаго возраста*; эта психологія постоянно требуетъ, чтобы школьные уроки возбуждали самодѣятельность и интересъ учениковъ, а съ внѣшней стороны, по формѣ выраженія, отличались такою простотой и ясностью, которыя дѣлали бы эти уроки доступными даже для примитивнаго умственнаго развитія и пониманія.

Вся постановка теоретическихъ и практическихъ занятій въ учительской семинаріи должна вырабатывать у воспитанницъ *педагогическія наклонности и настроеніе*: каждый урокъ и каждая практическая работа пусть напоминаютъ воспитанницамъ, что ихъ ожидаетъ трудовая и скромная доля народныхъ учительницъ, для которой требуется не только умѣнье успѣшно обучать дѣтей элементамъ знанія, но и обладаніе разнообразными прикладными свѣдѣніями, которыя онѣ могли бы распространять потомъ и среди взрослого, преимущественно женскаго, вообще суевѣрнаго и темнаго, деревенскаго населенія. Затѣмъ, воспитанницы должны выносить изъ семинаріи убѣжденіе, что онѣ успѣли въ ней усвоить лишь важнѣйшія теоретическія знанія и практическія умѣнья и установить только направленіе своей дальнѣйшей просвѣтительной дѣятельности, а потому не имѣютъ основаній думать, что общее и спеціальное образованіе ихъ закончено и что по этой части имъ не о чемъ много беспокоиться. Напротивъ, для нихъ должны быть совершенно ясными слѣдующія положенія, которыя въ сознаніи логически вытекаютъ изъ самостоятельной оцѣнки всѣхъ подготовительныхъ школьныхъ занятій: а) образованіе воспитанницъ, прошедшихъ курсъ семинаріи, только начато и должно продолжаться во все слѣдующее время учительской ихъ службы; б) успѣхъ учебно-воспитательныхъ занятій въ школѣ и необходимость глубокаго педагогическаго вліянія ихъ на дѣтей требуютъ отъ учащихъ лицъ безостановочнаго, научнаго и педагогическаго, совершенствованія; в) въ великомъ дѣлѣ народнаго воспитанія высокую цѣнность представляетъ не только общее и спеціально-дидактическое

образованіе учащихъ лицъ, но и опредѣленный складъ ихъ убѣжденій и общій благожелательный характеръ ихъ настроенія, отличительною чертой котораго должна быть любовь къ учебному дѣлу, къ воспитываемымъ дѣтямъ и простому русскому народу, крайне нуждающемуся въ заботахъ со стороны всѣхъ образованныхъ людей родины: для этого бѣднаго и темнаго народа дороги не только всякія матеріальныя жертвы на школы, но и каждое слово искренняго сочувствія успѣхамъ его просвѣщенія и прогрессивному улучшенію его благосостоянія...

Какъ ни желательно, въ интересахъ начальнаго школьнаго образованія народа, открытіе возможно большаго числа женскихъ учительскихъ семинарій, но открыть ихъ въ количествѣ, соответствующемъ потребностямъ народнаго образованія, едва ли въ состояніи государственныя и общественныя наши установленія. Поэтому необходимость заставить насъ еще долго-долго привлекать на учительскую службу въ начальныя народныя школы дѣвицъ, получающихъ образованіе въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и епархіальныхъ училищахъ. Для того, чтобы учительницы съ такою образовательною подготовкой съ возможно большимъ успѣхомъ исполняли свои обязанности, настаетъ неотложная нужда въ томъ, чтобы на спеціально-педагогическую подготовку ихъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ назначено было два года, а не одинъ, и чтобы при названныхъ учебныхъ заведеніяхъ открыты были *образцовыя начальныя школы* съ такою же постановкой въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла и подготовительныхъ занятій для воспитанницъ, какая оказывается необходимой въ начальномъ училищѣ при женской учительской семинаріи, и чтобы общеобразовательный курсъ епархіальныхъ училищъ уравненъ былъ съ курсомъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

А. Анастасіевъ.

ВОПРОСЪ О ВСЕОБЩЕМЪ ОБУЧЕНИИ ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ¹⁾.

(Историческій очеркъ).

Глава III²⁾.

Въ 1896—1897 и 1897—1898 гг., когда въ уѣздахъ Пермской губернии шла наиболѣе оживленная работа по вопросу о всеобщемъ обученіи, Пермское губернское земство почти не проявляло своего участія въ этомъ дѣлѣ. Первый значительный трудъ губернскаго земства по данному вопросу появился въ концѣ 1898 г. въ докладѣ управы ХХІХ губернскому очередному земскому собранію. Обширный докладъ (89 стр.) содержалъ въ себѣ изложеніе результатовъ, достигнутыхъ уѣздными земствами въ разработкѣ „важнѣйшаго вопроса земской дѣятельности“—всеобщаго обученія, и выводы, къ какимъ пришла губернская управа на основаніи изученія поуѣздныхъ проектовъ школьныхъ сѣтей. Въ своихъ выводахъ губернская управа прежде всего устанавливаетъ свой взглядъ на то, „должно ли быть начальное образованіе обязательнымъ для населенія, или только общедоступнымъ“. Отвергнувъ мнѣніе Шадринской управы объ установленіи обязательнаго обученія, губернская управа докладывала: „нужно сперва удовлетворить существующую (точнѣе было бы сказать: заявленную населеніемъ) потребность въ начальномъ образованіи, затѣмъ—развить образовательныя средства на столько, чтобы

---

¹⁾ Окончаніе. См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1905 годъ.

²⁾ Авторъ считаетъ долгомъ выразить свою признательность Пермской дирекціи народн. уч. и Пермской губ. земской управѣ за предоставленіе матеріаловъ для статьи.

всѣ дѣти школьнаго возраста получали доступъ къ школѣ. Если бы въ концѣ концовъ оказалось, что населеніе, по своей некультурности, не воспользовалось общедоступностью начальнаго образованія и по прежнему оставляетъ значительную часть своихъ дѣтей въ невѣжествѣ, тогда только земство получало бы *нѣкоторое* право поднять вопросъ о признаніи начальнаго образованія обязательнымъ¹. Губернская управа отрицательно отнеслась и къ предположеніямъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ вводить обязательное обученіе въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ общедоступность школы обеспечена наличными образовательными средствами. По мнѣнію губернской управы, такія предположенія грѣшатъ непоследовательностью; не существуютъ законовъ, имѣющихъ частное примѣненіе. Нельзя въ одной деревнѣ дѣлать обязательнымъ то, что теряетъ силу въ другой. Такой порядокъ противорѣчитъ основнымъ законамъ государства. При недостаточности образовательныхъ средствъ, земству остается пока энергично работать надъ ихъ развитіемъ. Чтобы обеспечить полноту этой работы, земству необходимо составить нормальную школьную сѣть и выяснить порядокъ ея завершенія¹).

Вопросъ объ исчисленіи дѣтей школьнаго возраста, по мнѣнію губернской управы, подсказанному, повидимому, работами г. Безсонова по Красноуфимскому уѣзду, необходимо было разрѣшать „не по одинаковому шаблону“, а на основаніи анализа мѣстныхъ данныхъ о возрастномъ составѣ учащихся за нѣсколько лѣтъ и о средней продолжительности пребыванія дѣтей въ школѣ. Эти данныя губернская управа предполагала найти въ цифрахъ всеобщей переписи.

Разбирая школьную сѣть по Кунгурскому уѣзду, губернская управа безусловно отвергла мнѣніе инспектора Соколова объ исчисленіи школьной сѣти не на все наличное количество дѣтей школьнаго возраста, а лишь на извѣстный процентъ ихъ (60% мальчиковъ, 30%—20% дѣвочекъ). „Нормальная школьная сѣть—идеалъ, къ которому должно стремиться земство. Нормальная школьная сѣти не сразу привлекутъ все количество учащихся, на которое онѣ рассчитаны; но съ каждымъ годомъ увеличивается число дѣтей школьнаго возраста и еще быстрѣе распространяется убѣжденіе въ необходимости учить своихъ дѣтей“. „Не за горами время, когда потребуются дальнѣйшее увеличеніе образовательныхъ средствъ“ (сравнительно съ

¹) Докладъ губернской управы Пермскому губернскому собранію XXIX сессіи. Отдѣльная брошюра, 76 стр.

расходами по нормальной школьной сѣти). Проектированіе школьныхъ сѣтей только на часть дѣтей школьнаго возраста, по мнѣнію губернской управы, „маскируетъ истинную сущность дѣла“ и можетъ вовлечь въ убытки и земство, и сельскія общества; если размѣры школьныхъ зданій для новыхъ школъ будутъ опредѣлены примѣнительно къ сокращеннымъ цифрамъ дѣтей школьнаго возраста, то въ недалекомъ будущемъ зданія окажутся тѣсными, потребуются перестроить ихъ, замѣнить новыми, т. е. тратить „двойныя деньги на одинъ и тотъ же предметъ“.

По вопросу о томъ, что выгоднѣе для населенія,—устройство ли общежитій при школахъ, назначаемыхъ для большихъ раіоновъ (при радіусѣ свыше 4 верстъ), организація ли подводной повинности для доставки учениковъ въ школы, учрежденіе передвижныхъ школъ, или большаго количества маленькихъ, упрощенныхъ школокъ, губернская управа не рѣшилась высказаться, находя этотъ вопросъ недостаточно выясненнымъ ¹⁾.

Разсуждалъ о выборѣ типа школъ при осуществленіи всеобщаго обученія, губернская управа, въ виду противорѣчивыхъ взглядовъ среди попечителей учебныхъ округовъ на право земствъ учреждать упрощенныя (съ однимъ, двумя отдѣленіями) начальныя училища, находила необходимымъ исходатайствовать въ установленномъ порядкѣ у министра народнаго просвѣщенія категорическое разрѣшеніе спорнаго вопроса, чтобы дать твердыя основанія для предстоящей земству работы по выполненію нормальной школьной сѣти ²⁾.

Губернская управа съ полною терпимостію относится къ церковнымъ школамъ и находитъ ихъ необходимыми въ проектахъ школьныхъ сѣтей. „Въ проектѣ мѣръ по введенію всеобщаго обученія нужно имѣть въ виду интересы всего населенія, безъ раздѣленія на двѣ категоріи, изъ коихъ одна находится въ исключительномъ завѣдываніи земствъ, а другая духовенства“.

Финансовая сторона, по отзыву губернской управы, оказалась ? наиболее слабою въ поуѣздныхъ проектахъ общедоступнаго обученія. Губернская управа находила необходимымъ прежде, чѣмъ рѣшить, какъ распредѣлятся расходы между земствомъ, казною, сельскими обществами по осуществленію школьной сѣти, „детально“ разработать, какіе именно предстоятъ расходы по устройству и содержанию

¹⁾ Невыясненнымъ остается этотъ вопросъ и до сего времени.

²⁾ Докладъ губернской управы XXIX собранію, стр. 83.

школь. Чтобы придать должную систему послѣдующимъ работамъ по всеобщему обученію и восполнить допущенные пробѣлы, губернская управа рассчитывала издать въ 1899 году особое статистическое изслѣдованіе положенія народнаго образованія въ Пермской губерніи ¹⁾.

Находя проекты школьныхъ сѣтей недостаточно разработанными, губернская управа высказалась за то, чтобы отсрочить разсмотрѣніе по существу ходатайствъ уѣздныхъ земствъ о правительственной субсидіи. По мнѣнію губернской управы, необходимо: „примѣнительно къ новымъ смѣтамъ расходовъ по заполненію школьныхъ сѣтей выработать общія для всей губерніи основанія правительственной помощи земству на распространеніе образованія, точно опредѣлить (исходя изъ общихъ основаній) размѣръ субсидій по каждому уѣзду отдѣльно и тогда только возбудить соотвѣтствующія ходатайства предъ правительствомъ“.

Вмѣстѣ съ этимъ губернская управа находила нужнымъ установить „общія основанія“ и для участія губернскаго земства въ расходахъ уѣздныхъ земствъ ²⁾. Выполненіе послѣдней задачи пошло еще болѣе медленнымъ путемъ, чѣмъ изданіе статистическихъ свѣдѣній о положеніи народнаго образованія въ губерніи. Только въ 1903 году губернское земское собраніе категорически высказалось о формахъ участія губернскаго земства въ расходахъ по осуществленію всеобщаго обученія, хотя вопросъ этотъ ставился въ первыхъ докладахъ директора народныхъ училищъ въ 1894—95 гг.

Въ заключеніе своего доклада управа полагала, что уѣзднымъ земствамъ ничто не мѣшаетъ, по примѣру осинскаго земства, теперь же приступить къ заполненію выработанныхъ ими школьныхъ сѣтей, въ

¹⁾ Изслѣдованіе, въ видѣ многочисленныхъ цифровыхъ таблицъ относительно разныхъ сторонъ существовавшихъ въ 1898—99 г. начальныхъ школь, вышло въ концѣ 1902 г. и для проектовъ школьныхъ сѣтей оказалось мало полезнымъ безъ соотвѣтствующаго объяснительнаго текста и общихъ выводовъ. Статистическое отдѣленіе губернской управы обѣщало пасть „основанія“ группировки цифровыхъ данныхъ, срѣднотелный анализъ цифръ, но до сего времени такъ и не выполнило своего обѣщанія. Въ таблицахъ оказались опущенными самыя важныя данныя для разработки финансовой стороны проекта всеобщаго обученія: свѣдѣнія о приходѣ-расходѣ суммъ по содержанію училищъ. Въ настоящее время объемистый сборникъ (82 таблицы на 713 страницъ) еще менѣе пригоденъ для проектовъ, такъ какъ собранія въ немъ данныя устарѣли: за 7 лѣтъ въ положеніи школь въ Пермской губерніи произошло много перемѣнъ.

²⁾ Докладъ губернской управы XXIX собранію очередной сессіи, стран. 88 отд. брош.

томъ объемѣ сѣтн, какой можетъ быть заполненъ на средства уѣздныхъ земствъ. Отирывать школы слѣдуетъ, по мнѣнію губернской управы, прежде всего въ наиболѣе многолюдныхъ районахъ. „Такое рѣшеніе вопроса устранило бы, докладывала управа, нежелательныя задержки въ развитіи народнаго образованія, зависящія отъ *ожиданій субсидій* со стороны казны или губернскаго земства“ ¹⁾. Въ параллель съ докладомъ губернской управы, директоръ народныхъ училищъ, г. Раменскій, въ особой запискѣ ²⁾, сообщая важнѣйшія данныя о положеніи народнаго образованія въ 1898 году, подкрѣплялъ свои ходатайства по вопросу о всеобщемъ обученіи доводами, почерпнутыми изъ книги управы „Экономическая оцѣнка народнаго образованія“, и снова просилъ губернское земство „принять болѣе активное участіе“ въ осуществленіи всеобщаго обученія. Директоръ народныхъ училищъ убѣждалъ губернское земское собраніе XXIX сессіи „объединить уѣздныя земства, взять на счетъ губернскаго содержаніе части вновь открываемыхъ училищъ“, а, главнымъ образомъ,—помочь обезпеченію училищъ Пермской губерніи хорошо подготовленнымъ учительскимъ персоналомъ. На основаніи распоряженія министра народнаго просвѣщенія отъ 16-го ноября 1898 года, за № 28065, и согласно постановленію съѣзда инспекторовъ народныхъ училищъ (см. II главу), директоръ народныхъ училищъ ходатайствовалъ предъ губернскимъ земствомъ объ ассигнованіи средствъ: 1) на устройство педагогическихъ классовъ при 3 прогимназіяхъ въ уѣздныхъ городахъ (Кунгурѣ, Осѣ, Камышловѣ); 2) на устройство постоянныхъ педагогическихъ курсовъ съ двухлѣтнею продолжительностью обученія при городскихъ, по положенію 1872 года, училищахъ; 3) на учрежденіе и содержаніе въ г. Перми учительской семинаріи. Изъ указанныхъ учрежденій для приготовленія учительскаго персонала директоръ отдавалъ полное преимущество учительской семинаріи: „здѣсь правильнѣе организація учебно-воспитательнаго дѣла, руководители и преподаватели—лица съ высшимъ образованіемъ, ученики находятся подъ постояннымъ наблюденіемъ воспитателей, здѣсь преподаются ручной трудъ, ремесла“. („Записка“ директора, стр. 347 журналовъ XXIX пермскаго губернскаго земскаго собранія). Необходимость учрежденія *мужской* семинаріи вытекала изъ того, что въ Пермской губерніи

¹⁾ Докладъ управы XXIX собранію, 89 стран.

²⁾ Напечатана въ приложеніи къ журналамъ XXIX пермскаго очереднаго губернскаго собранія, стр. 337—354.

²/₃ учительскаго персонала составляли уже женщины. Для новыхъ школъ, открываемыхъ, главнымъ образомъ, въ захолустныхъ деревняхъ, требуется мужской персоналъ, какъ болѣе выносливый для жизни въ неблагопріятной обстановкѣ.

Изъ запискѣ директора приложена была копія постановленія съѣзда инспекторовъ по вопросу о всеобщемъ обученіи ¹). Докладъ управы и записка директора народныхъ училищъ разсматривались предварительно смѣтною комиссіею ²) въ составѣ 5 гласныхъ. Комиссія, согласно съ мнѣніемъ губернской управы, признавала, что исчисленія уѣздныхъ земствъ относительно размѣра просимой субсидіи отъ правительства на осуществленіе всеобщаго обученія произведены по различнымъ нормамъ, не согласуются между собою, недостаточно мотивированы, но вмѣстѣ съ тѣмъ находила, что для подкрѣпленія ходатайствъ о субсидіи на выполненіе сѣти школъ „нѣтъ надобности“ въ такомъ широкомъ изслѣдованіи народнаго образованія, какое предполагала произвести губернская управа.

По мнѣнію комиссіи, достаточно было поручить губернской управѣ составить (вмѣсто предполагаемаго ею „обширнаго“ изслѣдованія народнаго образованія въ губерніи) перечень вопросовъ, какіе признаются необходимыми для поддержанія ходатайства предъ правительствомъ о субсидіи на открытіе школъ: составленіе школьной сѣти, стоимость школьныхъ построекъ, стоимость расходовъ по содержанію личнаго состава, на отопленіе, прислугу, на учебныя пособия и проч. Въ виду такой упрощенной программы, комиссія считала излишнимъ дополнительное ассигнованіе 800 рублей, которые просила губернская управа на статистическія работы по данному вопросу.

Въ преніяхъ въ собраніи по поводу изложеннаго доклада комиссіи одни гласные поддерживали ходатайство управы, другіе—мнѣніе комиссіи. Центральнымъ пунктомъ споровъ оказался вопросъ объ ассигнованіи 800 рублей, въ связи съ оцѣнкою дѣятельности губернскаго земскаго статистика. „Меня удивляетъ, говоритъ одинъ изъ вліятельныхъ гласныхъ, г. Вольскій (лѣсничій, представитель горнаго вѣдомства), заявленіе предсѣдателя управы (о необходимости 800 рублей на статистическія работы по народному образованію)“.

„Статистику поручаютъ собрать свѣдѣнія о народномъ образова-

¹) Стр. 348—354 журналовъ XXIX губернскаго земскаго собранія.

²) Это была 5-я комиссія при губернскомъ земствѣ для разсмотрѣнія вопроса о всеобщемъ обученіи.

ни, — говорятъ: пожалуйста еще 800 рублей; на другой годъ другое порученіе, и опять говорятъ: пожалуйста денегъ... Выходить, будто земскій статистикъ (получающій 2 тысячи жалованья) ничего 20 лѣтъ не дѣлалъ... Слѣдуетъ опредѣлить по смѣтѣ расходы, которые нужны, чтобы статистикъ занимался своимъ дѣломъ"...¹⁾ „Статистикъ—служащій управы“. „Расходы на его работы должны производиться изъ общихъ средствъ, ассигнованныхъ на канцелярію“. Въ доказательство того, что статистическія работы для мотивировки ходатайства о субсидіи изъ казны на всеобщее обученіе могли бы быть выполнены личными силами служащихъ управы безъ добавочнаго ассигнованія, гласный Замятинъ (главноуправляющій Тагильскими заводами) указалъ на обстоятельную разработку школьной сѣти въ Верхотурскомъ уѣздѣ²⁾.

Нѣкоторые гласные высказывались даже противъ объединяющей роли губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія. „Каждый уѣздъ выработалъ свою программу, опредѣленную хозяйственную систему... если губернскае земство возьметъ дѣло въ свои руки, придется многое подвергать ломкѣ, подводить подъ общій шаблонъ“³⁾. Собраніе, уклонившись отъ опредѣленнаго принципиальнаго рѣшенія вопроса о роли губернскаго земства въ осуществленіи всеобщаго обученія, въ XXIX сессію (12 декабря 1898 года) ассигновало 800 рублей на статистическія работы по народному образованію и поручило губернской управѣ собрать, по упрощенной программѣ, отъ уѣздныхъ управъ свѣдѣнія, необходимыя для обстоятельной мотивировки ходатайства уѣздныхъ земствъ по вопросу о всеобщемъ обученіи и не нашла нужнымъ въ XXIX сессію разсматривать въ отдѣльности, по существу, каждое изъ этихъ ходатайствъ. По вопросамъ, поднятымъ директоромъ народныхъ училищъ относительно участія губернскаго земства въ устройствѣ и содержаніи педагогическихъ классовъ и учительской семинаріи, собраніе безъ преній приняло мнѣніе комиссіи. Последняя, придерживаясь рѣшенія XXVIII губернскаго собранія, полагала, что учительская семинарія должна быть открыта въ Перми *исключительно на средства казны*. Поддержка педагогическихъ курсовъ при городскихъ училищахъ, по мнѣнію комиссіи, должна лежать

¹⁾ Журналъ Пермскаго губернскаго земскаго собранія XXIX очередной сессіи стр. 139, 141.

²⁾ См. II гл. въ январской книжкѣ за 1905 годъ *Журн. Мин. Нар. Пр.*

³⁾ Стр. 141 Журнала XXIX очереднаго губернскаго земскаго собранія.

на обязанности городскихъ учреждений, такъ какъ „въ городскихъ училищахъ обучаются дѣти горожанъ“. Относительно педагогическихъ классовъ при прогимназіяхъ комиссія находила нужнымъ собрать предварительно отзывы уѣздныхъ земствъ.

Такимъ образомъ, и на пятый годъ обсуждения вопроса о всеобщемъ обученіи губернскаго земство не обнаружило „болѣе активнаго“ участія въ этомъ дѣлѣ и даже не высказалось принципиально, въ какихъ формахъ можетъ выразиться содѣйствіе губернскаго земства уѣзднымъ въ осуществленіи школьныхъ сѣтей. Дѣло затягивалось и сводилось, такъ сказать, къ статистической перепискѣ между уѣздными и губернскимъ земствомъ. Мотивъ, на который ссылалась смѣтная комиссія при отклоненіи ходатайствъ о пособіи на педагогическіе курсы при городскихъ училищахъ, показывала, что губернскіе земцы въ сессію XXIX не пожелаали обратить должнаго вниманія на суть дѣла. Рѣчь шла о способахъ *обезпеченія училищъ губерніи подготовленными учителями*, а вовсе не о томъ, чтобы пристраивать дѣтей горожанъ на учительскія профессіи. Не дѣти горожанъ нуждались въ педагогическихъ курсахъ, а сельскія земскія школы нуждались въ учителяхъ, которыхъ представлялось возможнымъ готовить и при городскихъ училищахъ.

Любопытно сопоставить съ рѣшеніемъ XXIX собранія разсужденіе губернской управы въ докладѣ ея XXVIII очередному собранію. „Всѣ бѣды и зло нашей народной жизни суть продукты темноты и неразвитости. Съѣздъ сифилитологовъ прямо заявилъ, что безграмотность народной массы—одна изъ главныхъ причинъ распространенія сифилиса,—ужаснаго бича челоувѣчества... Нужда въ просвѣщеніи на столько назрѣла, что *останавливаться на полумѣрахъ не представляется основаній*“¹⁾.

Вопреки столь ясно выраженному сознанію того, какъ слѣдовало дѣйствовать губернскому земству, послѣднее по вопросу о всеобщемъ обученіи не только ограничивалось „полумѣрами“, но и тормозило практическое осуществленіе принципа общедоступнаго обученія.

Къ чести, впрочемъ, губернскаго земства, нужно замѣтить, что ссылка на разобранный мотивъ въ послѣдующіе годы не повторялась губернскими гласными, а собраніе XXXIII очередной сессіи признало возможнымъ субсидировать и педагогическіе курсы при городскихъ училищахъ.

Въ началѣ 1899 года губернская управа на особомъ совѣща-

¹⁾ Стр. 387 Доклада управы XXVIII губернскому земскому собранію.

нiя¹⁾ въ составѣ ея членовъ, земскихъ статистиковъ, исправляющаго должность директора народныхъ училищъ и др., выработала программу новыхъ руководящихъ указанiй, правилъ для составленiя школьныхъ сѣтей и смѣтъ на выполнение ихъ.

Правила гласили слѣдующее: 1) къ числу дѣтей школьнаго возраста относить въ русскихъ селенiяхъ 3 возрастныхъ группы (8—10 л.); въ башкирскихъ, черемисскихъ, пермятскихъ—4 возрастныхъ группы; для мусульманъ—возрастныхъ группы должны быть установлены уѣздною управою. 2) Исчисленiе дѣтей указанныхъ группъ произвести по даннымъ всеобщей переписи 1897 года. 3) Школьную сѣть рассчитывать на все количество дѣтей обоюго пола нормальнаго школьнаго возраста. 4) Нормальный радиусъ для школьныхъ районовъ долженъ быть 3 версты. 5) При наличности въ извѣстномъ школьномъ районѣ не менѣе 30 дѣтей школьнаго возраста и отсутствii здѣсь школы, слѣдуетъ проектировать нормальное земское училище; при наличности дѣтей менѣе 30—упрощенную земскую школу или 1 передвижную школу на два района; при наличности менѣе 10 дѣтей—общезитiе при ближайшей школѣ. На каждые 3—5 смежныхъ школьныхъ районовъ съ упрощенными школами въ центральномъ селенii должна быть одна нормальная школа для дѣтей, пожелавшихъ послѣ обученiя въ упрощенной школѣ закончить полный курсъ однокласснаго училища. Шестой и седьмой пункты правилъ почти дословно повторяютъ изложенныя во II главѣ постановленiя сѣзда инспекторовъ народныхъ училищъ относительно опредѣленiя нормы учащихся на 1 преподавателя (40 учащихся при занятiяхъ одного преподавателя съ 3-мя группами учащихся, 50—съ 2-мя, 60—съ 3-мя), размѣровъ школьныхъ зданiй ($\frac{1}{4}$ куб. сажени на 1 ученика + 25% на приростъ учащихся и проч.). Съ своей стороны губернская управа рекомендовала примѣрные планы школьныхъ зданiй, изданныя московской губернской управою. 6) Если въ намѣченномъ школьномъ районѣ уже существуютъ одна или нѣсколько начальныхъ школъ земскихъ или церковныхъ, то проектъ всеобщаго обученiя долженъ „предусмотрѣть“ всѣ измѣненiя въ объемѣ и типѣ начальныхъ школъ, какiя послѣдуютъ при заполненii школьной сѣти. Такъ, если существующая нормальная земская школа рассчитана на меньшее количество учащихся, сравнительно съ числомъ дѣтей школьнаго возраста въ районѣ, то слѣдуетъ проектировать со-

---

¹⁾ Это была шестая специальная „комиссiя“ при губернскомъ земствѣ по всеобщему обученiю.

отвѣтствующее расширеніе школьныхъ помѣщеній, увеличеніе состава учительскаго персонала и т. д. Если съ устройствомъ школъ въ сосѣднихъ школьныхъ районахъ слѣдуетъ ожидать отвлеченія части учащихся изъ существующихъ школъ въ новыя, то нужно ограничить штатъ преподавателей въ наличныхъ школахъ, съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ расходовъ по смѣтѣ. Если въ районѣ существуетъ церковно-приходская школа, но рассчитанная на меньшее количество учащихся, чѣмъ слѣдовало по числу дѣтей школьнаго возраста, то проектировать, по соглашенію съ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ, соотвѣтственное расширеніе церковной школы и устройство новой земской школы. 9) При составленіи смѣты расходовъ губернская управа требовала исчислить *всю* единовременные и ежегодные (отдѣльно) расходы по устройству и содержанію училищъ по нормальной сѣти, независимо отъ источниковъ средствъ, въ частности: а) на возведеніе новыхъ школьныхъ зданій и расширеніе существующихъ; б) расходы на омеблировку школьныхъ помѣщеній; в) единовременный расходъ на классныя принадлежности, наглядныя учебныя пособия, учительскую бібліотеку и проч.; г) ежегодный расходъ на жалованье учительскому персоналу, учебники, учебныя припасы, на отопленіе, прислугу, ремонтъ зданій и мебели и проч. Къ правиламъ была приложена схема для составленія школьной сѣти. (См. таблицы). Сравнительно съ вышеприведеннымъ образцомъ схемы по Екатеринбургскому уѣзду, схема губернской управы болѣе подробно и раздѣльно указывала статьи расходовъ по содержанію школъ, но сравнительно съ верхотурскимъ проектомъ—губернская схема гораздо уже. Главнымъ недостаткомъ послѣдней схемы является то, что въ перечнѣ комплекта школъ въ нормальной сѣти показываются въ одной общей рубрицѣ школы духовнаго вѣдомства и вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, наличныя и вновь проектируемыя. Обходится въ схемѣ и въ поясненіяхъ къ ней вопросъ о порядкѣ составленія школьной сѣти для городовъ, гдѣ наблюдается иной % дѣтей школьнаго возраста и должны быть другія условія устройства школъ, чѣмъ въ селахъ.

Гораздо удобнѣе было бы для отчетливаго представленія плана общедоступнаго обученія, для подсчета итоговъ дѣлать въ перечнѣ школъ разграниченіе между категоріями училищъ и показывать ихъ въ особыхъ параллельныхъ рубрикахъ. Нѣтъ въ схемѣ рубрики для показанія расходовъ на содержаніе общежитій и ночлежныхъ пріютовъ. Сливать расходы по этой статьѣ въ общей рубрицѣ „на содер-

ВХОДЫ ПО СОДЕРЖАНІЮ.						Итого расходов.		Источники содерж.				
Мѣсяцъ.	Уч. и пом. персоналъ.		Итого.	Учебныя и учебныя принадлежности.	Полѣзныя (загр., стѣн., окон., мебели., и др.).	Ремонтъ и возобновленіе.		Казна.	Земство.	Духовное вѣдомство.	Сельскія общества.	Частныя лица и учрежденія.
	Число.	Содержаніе.				Помѣщ. щей.	Иное.					

жаніе помѣщеній“—неудобно въ виду того, что при составленіи школьной сѣти для мелкихъ разбросанныхъ селеній нужно отчетливо выяснить, гдѣ представляется выгодноѣ и удобнѣе содержать общежитіе, гдѣ строить маленькія училища, проектировать передвижныя школы и т. под. Въ пояснительномъ текстѣ къ схемѣ губернской управы не указано примѣрныхъ нормъ расходовъ по каждой статьѣ. Это необходимо было сдѣлать въ особенности по отношенію къ расходамъ на учительскій персоналъ и учебники для соразмѣрности вычисленій по этимъ главнымъ статьямъ расходовъ во всѣхъ уѣздахъ.

При указанныхъ недочетахъ правила губернской управы 1899 года представляли значительный шагъ впередъ въ теоретической разработкѣ вопроса о всеобщемъ обученіи, особенно по сравненію съ указаніями губернской управы въ 1896 году, вносили большую определенность въ смѣтные счисленія. Если бы эти правила были изданы своевременно, т. е. въ періодъ наиболѣе напряженнаго интереса уѣздныхъ земствъ къ данному вопросу, то несомнѣнно указанія губернскаго земства предупредили бы уѣздныя земства отъ многихъ ошибокъ и увлеченій и ускорили бы практическое осуществленіе идеи общедоступнаго обученія.

Въ докладѣ XXX очередному губернскому земскому собранію (въ декабрѣ 1899 года) губернская управа ознакомила собраніе съ преподанными ею „правилами“ составленія школьной сѣти и высказала общій взглядъ на то, каковъ долженъ быть естественный ходъ постепеннаго осуществленія нормальной школьной сѣти. Во всѣхъ пунктахъ, намѣченныхъ по проекту школьной сѣти, въ возможно короткій срокъ должны быть открыты начальныя школы, но на первый разъ не на полное количество учащихся, предполагаемое по нормальной сѣти, а на такое, какое можно въ дѣйствительности ожидать на основаніи опыта существующихъ школъ, т. е. сообразно съ заявленной потребностью населенія; въ городахъ и большихъ заводахъ каждая семья посылаетъ своихъ дѣтей въ школу, въ глухихъ деревняхъ, напротивъ, замѣчается еще недоувѣріе, нерасположеніе къ школѣ, и изъ общаго количества дѣтей школьнаго возраста въ школу идутъ не болѣе 60%.

На первыхъ порахъ школы могутъ быть открыты въ *наемныхъ* помѣщеніяхъ, преподавательскій персоналъ, инвентарь школъ, учебники—все должно быть разсчитано на дѣйствительное количество учащихся. По мѣрѣ роста числа учащихся расходы по этимъ статьямъ должны увеличиваться. Собственныя школьныя зданія будутъ строиться

постепенно, но разъ для какой-нибудь школы признано возможнымъ построить собственное школьное зданіе, то оно должно быть рассчитано на *весь комплектъ учащихся*, предполагаемый по нормальной сѣтѣ, и построено съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ губернской управы ¹⁾. Постепенно могутъ быть осуществлены на практикѣ „нормы“ для штатовъ учительскаго персонала.

Какъ ни желательно облегчить работу учащихся и поставить преподаваніе въ лучшія условія, но трудно ожидать, чтобы земство при затратахъ на открытіе новыхъ школъ рѣшилось ассигновать средства на доведеніе до нормы штата учащихся, на лучшее обезпеченіе учительскаго персонала и проч.

Губернская управа разослала свои правила въ февралѣ 1899 года и рассчитывала въ концѣ этого года получить отъ уѣздныхъ земствъ пересоставленные по новымъ правиламъ проекты школьныхъ сѣтей. Ожиданія губернской управы не оправдались. Уѣздные земцы какъ-то неохотно брались за переработку школьныхъ сѣтей. Требования и правила губернской управы относительно пересоставленія школьныхъ сѣтей казались однимъ уѣзднымъ земцамъ запоздалыми, другимъ—несовмѣстимыми съ автономіею уѣздныхъ земствъ въ насажденіи начального образованія, третьимъ ²⁾—безполезными для дѣла по существу. Губернское земство уклонялось отъ участія въ расходахъ по содержанію вновь учреждаемыхъ училищъ по сѣтѣ. Судьба перваго ходатайства губернскаго земства предъ правительствомъ объ ассигнованіи 110 тысячъ рублей изъ дорожнаго капитала на осуществленіе идеи общедоступнаго обученія не внушала надежды на успѣхъ послѣдующихъ ходатайствъ подобнаго рода. Вслѣдствіе этого главный мотивъ, на который ссылалось губернское земство въ своихъ требованіяхъ относительно пересоставленія школьныхъ сѣтей,—подкрѣпленіе однообразными по всѣмъ уѣздамъ статистическими данными ходатайства о правительственной субсидіи на всеобщее обученіе, — не имѣлъ въ сознаніи уѣздныхъ земцевъ достаточной силы для того, чтобы пересоставленіе школьныхъ сѣтей было выполнено своевременно и съ должною обстоятельностью. Пересоставленіе школьныхъ сѣтей растянулось на цѣлое трехлѣтіе ³⁾.

¹⁾ Доклады XXX собранію, стр. 741—742.

²⁾ Одинъ изъ уѣздныхъ гласныхъ признавалъ переработку школьныхъ сѣтей „напрасною тратою труда и времени“, называлъ это „точченіемъ воды въ ступѣ“.

³⁾ Позже другихъ переработало сѣть оханское земство—въ 1902 г.

Въ XXX сессію (1899 г.) только 6 уѣздныхъ земствъ представили переработанные проекты сѣти. Не смотря на поясненія къ правиламъ, на критическія замѣчанія губернской управы по поводу работъ уѣздныхъ земствъ, послѣднія, все-таки, не выполнили всего того, чего добивалась губернская управа. Въ каждомъ пересоставленномъ проектѣ оказывались тѣ или другіе недочеты въ счисленіяхъ. Такъ, напримеръ, въ чердынскомъ проектѣ число дѣтей школьнаго возраста опредѣлялось не по даннымъ переписи, а изъ 7% населенія. Въ ирбитскомъ проектѣ не показаны расходы по ремонту школьныхъ зданій. Осинское земство, по словамъ губернской управы, ограничилось „самымъ поверхностнымъ пересмотромъ первоначальнаго проекта“. За исключеніемъ верхотурскаго проекта, главная особенность школьныхъ сѣтей, переработанныхъ по правиламъ губернской управы,—это значительное, по сравненію съ первоначальнымъ проектомъ, возвышеніе смѣты расходовъ по осуществленію общедоступнаго обученія въ каждомъ уѣздѣ. Это явленію объясняется тѣмъ, что правила губернской управы требовали расчета новыхъ училищъ на полное количество дѣтей школьнаго возраста обоюга пола и исчисленія всѣхъ расходовъ по открытію и содержанію училищъ, тогда какъ въ первоначальныхъ проектахъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ школьныя сѣти разсчитывались только на извѣстную часть дѣтей школьнаго возраста и не включались расходы, обычно принимаемые за счетъ сельскихъ обществъ или выполняемые послѣдними „натуральною повинностью“. Верхотурскій проектъ былъ разработанъ первоначально на широкихъ основаніяхъ. При измѣненіи проекта согласно правилъ губернской управы инспектору народныхъ училищъ и земской управѣ пришлось сузить первоначальныя задачи и вмѣстѣ съ этимъ произвести значительныя сокращенія въ смѣтѣ. Выше было указано на преувеличенію смѣтныхъ исчисленій по устройству школьныхъ зданій въ Верхотурскомъ уѣздѣ вслѣдствіе неудачно взятыхъ земствомъ „нормъ“ по устройству школьныхъ зданій. Во второмъ проектѣ приемы исчисленія стоимости школьныхъ зданій были употреблены другіе, болѣе соответствующіе нужному для данной мѣстности объему школьныхъ зданій и обычной стоимости строительныхъ расходовъ. Школьныя зданія проектировались 5-ти типовъ: на 45, 60, 90, 120, 180 учениковъ ¹⁾. Единовре-

¹⁾ Въ Чердынскомъ уѣздѣ при распланировкѣ новыхъ училищъ употреблялись типы на 40, 56, 80, 100, 120, 140, 160, 180 учениковъ съ квартирами для учащихся и комнатами для общежитій учениковъ.

менные расходы по осуществленію сѣти во второмъ проектѣ верхо-турскаго земства сократились, сравнительно съ первымъ, на 40% (вмѣсто 591.858 р.—355.017 р.), а постоянные расходы на 7,5%. Въ прочихъ проектахъ послѣдовало повышеніе смѣты. На сколько оно оказалось значительнымъ, можно судить по Ирбитскому уѣзду: по первому проекту единовременные расходы опредѣлялись въ 20 тысячъ, по второму въ 384 тысячи, т. е. въ 19 разъ болѣе. Въ екатеринбургскомъ проектѣ единовременные расходы опредѣлялись въ 446 тысячъ рублей, вмѣсто прежнихъ 311 тысячъ рублей, ежегодные расходы въ 215 тысячъ, вмѣсто 155 тысячъ.

По Соликамскому уѣзду къ концу 1899 года было изготовлено два проекта: одинъ, составленный особою комиссіею, опредѣлялъ расходы по осуществленію всеобщаго обученія единовременные—въ 487 тысячъ рублей, постоянные въ 261 тысячу рублей. Другой проектъ, болѣе скромный, былъ предложенъ инспекторомъ народныхъ училищъ; по вычисленію послѣдняго, общедоступность обученія можетъ быть достигнута при ассигнованіи, въ среднемъ, ежегодно добавочнаго кредита въ 30 тысячъ рублей. Инспекторъ народныхъ училищъ В. К. Семченковъ производилъ исчисленіе такимъ путемъ. По аналогіи съ количествомъ дѣтей, обучающихся въ наличныхъ школахъ Соликамскаго уѣзда, можно ожидать, что изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста пойдутъ въ школу 73% мальчиковъ и 27% дѣвочекъ. Средняя стоимость обученія одного ученика, считая здѣсь всѣ производимые на школу расходы (содержаніе персонала, помѣщеній и т. п.) въ наличныхъ школахъ 8 руб. 36 коп. въ годъ. Умноживъ эту цифру на 3.348 (послѣдняя цифра = 73% мальчнка + 27% дѣвочекъ, остающихся теперь безъ обученія), г. Семченковъ получилъ 28.979 рублей или круглымъ счетомъ 30 тысячъ рублей. Добытыя такимъ образомъ цифры были, конечно, приблизительны, и при выводѣ ихъ нарушалось основное требованіе отъ проектовъ общедоступнаго обученія (доставить образовательныя средства для всѣхъ дѣтей нормальнаго школьнаго возраста, а не для извѣстнаго % ихъ). Въ проектѣ г. Семченкова, однако, заслуживаетъ вниманія то, что онъ указалъ на полезность при составленіи смѣты расходовъ на общедоступное обученіе принимать въ соображеніе сумму расходовъ по народному образованію, падающую въ теченіе года въ среднемъ на 1 учащагося въ наличныхъ школахъ. Подобное исчисленіе, конечно, не устраняетъ необходимости опредѣленія расходовъ по отдѣльнымъ статьямъ смѣты по содержанію училищъ (персоналъ, учебники и т. п.), но оно можетъ,

такъ сказать, нивелировать смѣту, предохранять отъ крайняго преувеличенія или уменьшенія предстоящихъ расходовъ. Пріемъ опредѣленія расходовъ по средней стоимости обученія 1 ученика, указанный инспекторомъ г. Семченковымъ, усиленно рекомендуется въ недавнемъ крупномъ трудѣ по всеобщему обученію г. Куломзина. Самое бѣглое примѣненіе этого пріема къ оцѣнкѣ смѣтныхъ предположеній даетъ возможность скоро замѣтить несообразности вычислений съ дѣйствительною потребностію. Количество дѣтей школьнаго возраста въ соликамскомъ проектѣ 1899 года опредѣлялось двоякимъ путемъ: 1) черезъ вычисленіе 6,7% русскаго населенія, 8,3% инородческаго (четыре возрастныя группы); 2) по даннымъ всеобщей переписи. Общіе итоги исчисленій по тому и другому способу близко совпадали по отношенію къ цѣлому уѣзду; но по отдѣльнымъ волостямъ и селеніямъ рѣзко расходились. Въ нѣсколькихъ случаяхъ количество дѣтей школьнаго возраста по даннымъ переписи оказалось очень низкимъ 4,9%—5,2%. Какъ бы ни объяснялось подобное явленіе (повышенною смертностію дѣтей отъ эпидемій, скопленіемъ пришлаго безсемейнаго люда въ промышленныхъ селеніяхъ и др. причинами), во всякомъ случаѣ оно показываетъ, что цифры всеобщей переписи *не имѣютъ безусловной цѣнности* ¹⁾ для составленія нормальной школьной сѣти.

Особая комиссія по всеобщему обученію при соликамскомъ земствѣ, отмѣтивъ несоотвѣтствіе между данными переписи и результатами исчисленій по среднему % дѣтей школьнаго возраста среди населенія, пришла къ резонному выводу, что въ подобныхъ случаяхъ лучше рассчитывать школьную сѣть на среднюю цифру дѣтей школьнаго возраста. Въ проектѣ соликамскаго земства заслуживаютъ также вниманія предположенія строить спеціальныя школьныя зданія ²⁾ не только для вновь проектируемыхъ училищъ, но и для существующихъ школъ, если послѣднія находятся въ тѣсныхъ и неудобныхъ помѣщеніяхъ. Новыя зданія предположены и для всѣхъ школъ духовнаго вѣдомства. Тѣсныя зданія наличныхъ школъ, по устройствѣ новыхъ зданій, предполагалось обратить подъ квартиры учительскому персо-

¹⁾ Инспекторъ народныхъ училищъ Соликамскаго уѣзда указывалъ на ошибочность показаній крестьянъ при заочненіи переписныхъ листовъ.

²⁾ Стоимость школьныхъ зданій опредѣлялась по 30 руб. въ среднемъ за кубическую сажень. Размѣры: 5 арш. въ вышину; 2 кв. арш. площади на 1 ученика въ классахъ, $\frac{1}{2}$ куб. сажени объема воздуха на 1 учащагося; $\frac{2}{3}$ кв. сажени въ общежитіи; 10 кв. сажень подъ квартиру учителю и сторожевую.

налу. Въ широкомъ планѣ улучшенія школьныхъ помѣщеній соликамское земство пошло по слѣдамъ сосѣда—верхотурскаго земства.

Губернская управа, настаивая на выполненіи ея „правиль“ всѣми уѣздными земствами, но не ожидая представленія неизмѣненныхъ проектовъ школьной сѣти запоздавшими земствами, въ докладѣ своемъ ХХХ губернскому собранію (въ декабрѣ 1899 года) познакомила гласныхъ съ особенностями школьныхъ проектовъ по 7 уѣздамъ, сгруппировала много интересныхъ цифровыхъ данныхъ о потребномъ количествѣ новыхъ училищъ, о расходахъ по открытію и содержанію школъ въ разныхъ уѣздахъ и сдѣлала весьма важный выводъ о стоимости добавочныхъ расходовъ на осуществленіе общедоступнаго обученія въ цѣлой губерніи. % отношеніе числа вновь проектируемыхъ училищъ къ числу существующихъ школъ составляло въ среднемъ по 7 уѣздамъ 66%, колеблясь между 23% (Ирбитскій уѣздъ) и 107% (Осинскій уѣздъ). Среднее количество учащихся, проектируемое на 1 школу въ сѣти, колебалось отъ 43 (Чердынскій уѣздъ) до 98 (Екатеринбургскій уѣздъ). Стоимость ежегодныхъ расходовъ на 1 школу отъ 520—528 р. (Осинскій, Красноуфимскій уѣзды) до 635 рублей (Соликамскій уѣздъ). На 1 ученика приходилось по расчету въ среднемъ въ годъ расхода отъ 6,8 рубля (Красноуфимскій уѣздъ) до 17 рублей (Чердынскій уѣздъ). Средняя цифра расходовъ по уѣздамъ рѣзко колеблется вслѣдствіе разницы въ условіяхъ жизни школъ. Чѣмъ населеніе болѣе разбросанно, селенія мелки, тѣмъ малолюднѣе школы и тѣмъ дороже обходится обученіе одного ученика. Низкая цифра расходовъ на 1 ученика въ Осинскомъ и Красноуфимскомъ уѣздахъ объясняется чрезвычайнымъ удешевленіемъ „нормъ“ расходовъ на учительскій персоналъ и на содержаніе помѣщеній. Въ чердынскомъ проектѣ введена статья расходовъ, не показанная въ многихъ другихъ проектахъ,—отопленіе училищъ. Расходы по этой статьѣ опредѣлились въ значительной цифрѣ по уѣзду—10.452 руб., въ среднемъ до 60 руб. на школу. Въ Чердынскомъ уѣздѣ, суровомъ по природнымъ условіямъ и неудобномъ въ бытовомъ отношеніи, наиболѣе высоки оклады учительскому персоналу. Въ пересоставленныхъ проектахъ общедоступнаго обученія замѣчается измѣненіе первоначальныхъ предположеній относительно сроковъ завершенія школьныхъ сѣтей и источниковъ покрытія расходовъ на это дѣло. Наиболѣе рѣзкая переиѣна послѣдовала въ ирбитскомъ земствѣ. Ранѣе оно рассчитывало собственными силами осуществить общедоступное обученіе въ 4 года; въ проектѣ 1899 года ирбитское земство полагало, что всѣ одновременно расходы по запл-

ленію сѣти и ежегодные расходы по содержанію 25 школъ, не предусмотрѣнно первоначальнымъ проектомъ, должны быть отнесены за счетъ казны. Екатеринбургское земство по проекту 1899 года указало болѣе продолжительный срокъ для осуществленія школьной сѣти—14 лѣтъ. Красноуфимское земство желало отнести всѣ расходы на содержаніе инородческихъ училищъ за счетъ казны; половину одновременныхъ расходовъ на русскія училища—за счетъ губернскаго земства. Екатеринбургское, осинское и верхотурское земства въ проектѣ 1899 года придерживались тѣхъ же взглядовъ на источники покрытія расходовъ, какъ и въ первоначальныхъ проектахъ. Измѣненія коснулись только цифръ просимой субсидіи отъ правительства, сообразно съ измѣненіемъ въ смѣтныхъ исчисленіяхъ. Чердынское земство отказалось принять какую-либо долю одновременныхъ расходовъ, но не указало опредѣленно, на чей счетъ желательно отнести ихъ. По всей вѣроятности — за счетъ казны. Сопоставленіемъ цифровыхъ данныхъ въ поуѣздныхъ смѣтахъ губернская управа опредѣляла среднія цифры; на основаніи ихъ и логическихъ соображеній она вносила поправки въ смѣтные исчисленія ¹⁾. Добытые средніе выводы относительно 7 уѣздныхъ земствъ губернская управа распространила на остальные 5 уѣздовъ, гдѣ не были еще пересоставлены школьныя сѣти. Такимъ путемъ губернская управа нашла возможнымъ сдѣлать въ докладѣ XXX (1899 г.) губернскому собранію приблизительный выводъ о томъ, что для достиженія общедоступности обученія во всей Пермской губернии нужно *увеличить ежегодный расходъ по содержанію училищъ на одинъ миллионъ рублей* ²⁾ и кромѣ того затратить одновременно

¹⁾ Средняя стоимость ежегодныхъ расходовъ на 1 училище по 7 уѣздамъ опредѣлилась въ 730 рублей, средняя стоимость 1 школьнаго зданія 3.770 рублей, школьной обстановки—280 рублей. Средняя стоимость школьныхъ зданій рѣзко колеблется въ уѣздныхъ проектахъ: отъ 5 тысячъ рублей (Верхотурскій, Ирбитскій, Екатеринбургскій) до 500 рублей въ Красноуфимскомъ уѣздѣ. Въ виду явной несообразности послѣдней цифры, губернская управа въ итогъ расходовъ включила не 73 тысячи, какъ указывалось въ Красноуфимскомъ проектѣ, а 600.000 рублей, каковую сумму, по приблизительному разсчету губернской управы, должно потребовать устройство школьныхъ зданій для красноуфимской сѣти училищъ.

²⁾ Выдѣляя расходы по устройству школьныхъ зданій изъ общаго итога добавочныхъ расходовъ, губернская управа распредѣлила на 10 лѣтъ расходы по оборудованію училищъ, среднюю цифру этого расхода на 1 годъ присоединила къ итогу всѣхъ ежегодныхъ расходовъ по заполненію сѣти и такимъ образомъ рассчитывала употребить часть просимой изъ казны субсидіи и на оборудованіе

до 6 милліоновъ рублей на постройку школьныхъ зданій для существующихъ и вновь проектируемыхъ училищъ. При указанныхъ затратахъ возможно будетъ открыть вновь 1216 училищъ, преобразовать 360 школъ грамоты въ нормальныя училища, обновить и расширить помѣщенія наличныхъ школъ и такимъ образомъ довести число школъ до соответствія съ нормальными потребностями (1 школу на 1000 жителей). По отношенію къ суммѣ расходовъ, произведенныхъ губерскими и уѣздными земствами въ 1899 году (4.196.712 р.) на всѣ земскія губерскія потребности, исчисленные добавочные расходы по губерніи составляли 25%. При постоянномъ и довольно быстромъ возрастаніи расходовъ по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства (медицина, дорожное дѣло и т. д.) увеличеніе смѣты по народному образованію на милліонъ рублей признано было въ докладѣ непосильнымъ для земскихъ плательщиковъ. Управа считала необходимымъ для осуществленія всеобщаго обученія исходатайствовать $\frac{1}{2}$ милліона ежегодной субсидіи отъ правительства; остальную половинну ежегодныхъ добавочныхъ расходовъ, по мнѣнію управы, могли бы принять на себя уѣздныя земства на счетъ мѣстныхъ средствъ. По смѣтамъ 1899 г. на нужды начального народнаго образованія 12 уѣздныхъ земствъ ассигновали 782 тысячи рублей. По отношенію къ этой цифрѣ добавочный расходъ въ $\frac{1}{2}$ милліона рублей составитъ 63%. Въ теченіе предшествовавшихъ 15 лѣтъ (1883—1898) смѣтные назначенія уѣздныхъ земствъ Пермской губерніи на нужды народнаго образованія увеличились съ 506 тысячъ рублей до 810 тысячъ, т. е. на 60% первоначальной смѣты, или въ среднемъ ежегодно на 4%. По смѣтѣ 1899 года ассигнованія на дѣло народнаго образованія увеличились, по сравненію съ прошлымъ годомъ, на 15%.

Отсюда губернская управа въ докладѣ XXX собранію сдѣлала выводъ, что, при условіи возрастанія расходовъ на дѣло народнаго образованія ежегодно на 6,4%, общедоступное обученіе въ Пермской губерніи могло бы осуществиться въ теченіе десятилѣтняго періода. Подобный выводъ, казавшійся достаточно яснымъ и обоснованнымъ по отношенію къ цѣлой губерніи, вызывалъ затрудненія въ примѣненіи его къ отдѣльнымъ уѣздамъ. Изъ приведенныхъ ниже таблицъ, составленныхъ на основаніи доклада губернской управы XXX собра-

---

школьныхъ помѣщеній. Что же касается устройства школьныхъ зданій, то этотъ „капитализированный“ расходъ на наемъ помѣщеній управа полагала отнести всецѣло на мѣстныя средства.

нію, видно рѣзкое различіе въ степени напряженія платежныхъ силъ населенія въ уѣздахъ и несоотвѣтствіе между величиною предстоящихъ добавочныхъ расходовъ и возможностью возрастанія смѣты по народному образованію.

I.

Таблица, показывающая % отношенія суммы ассигнованія по народному образованію къ общей смѣтѣ расходовъ уѣздныхъ земствъ за 1899 годъ.

Осинскій	25,7%
Верхотурскій	28,8 "
Екатеринбургскій	29,1 "
Красноуфимскій	31,1 "
Екатеринбургскій	31,2 "
Соликамскій	32,2 "
Чердынскій	32,3 "

II.

% обложенія недвижимыхъ имуществъ на дѣло народнаго образованія (съ оценочнаго рубля) за 1899 годъ.

Соликамскій	0,38%
Верхотурскій	0,43 "
Красноуфимскій	0,53 "
Чердынскій	0,58 "
Екатеринбургскій	0,76 "
Ирбитскій	0,76 "
Осинскій	0,67 "

III.

% обложенія недвижимыхъ имуществъ на всѣ земскія потребности.

Соликамскій	1,06%
Верхотурскій	1,25 "
Красноуфимскій	1,50 "
Чердынскій	1,52 "
Екатеринбургскій	1,90 "

Ирбитскій	2,24 %
Осинскій	2,32 „

IV.

% добавочныхъ ежегодныхъ расходовъ (не считая расходовъ на постройку школьныхъ зданій) на осуществленіе школьной сѣти ко всей сѣти на земскія потребности.

Верхотурскій	15,1 %
Ирбитскій	16,6 „
Екатеринбургскій	20,4 „
Красноуфимскій	27,4 „
Чердынскій	35,7 „
Осинскій	37,4 „
Соликамскій	91,4 „

По даннымъ таблицы I-ой осинское земство кажется отсталымъ отъ другихъ земствъ, а соликамское—передовымъ, но цифры таблицы II и III ясно показываютъ, что соликамское земство, сравнительно съ другими, даетъ наименьшую долю мѣстныхъ средствъ на народное образованіе, напротивъ осинское довело напряженіе платежныхъ силъ до высшей степени и удѣляетъ на народное образованіе гораздо большую часть земскихъ доходовъ. IV таблица подтверждаетъ отсталость соликамскаго земства въ ассигнованіи источниковъ на образовательныя нужды; ему предстоитъ почти удвоить дѣйствующую сѣту, чтобы осуществить общедоступное обученіе. Цифры по Верхотурскому уѣзду говорятъ за то, что этому земству остается сдѣлать немного усилій для осуществленія всеобщаго обученія: % обложенія здѣсь низокъ, а наличное состояніе народнаго образованія таково, что на добавочныя постоянныя расходы потребуется только 16% общей сѣты. Ирбитскій уѣздъ близокъ къ осуществленію всеобщаго обученія, но % обложенія показываетъ, что ирбитскому земству трудно уже увеличить земскіе сборы.

Въ параллель съ приведенными цифровыми данными, губернская управа указывала еще весьма важное обстоятельство для правильнаго сужденія о степени развитія образовательныхъ средствъ въ уѣздахъ,—на неравномѣрность оцѣнки имущества для взиманія земскихъ сборовъ ¹⁾. Съ установленіемъ болѣе правильной оцѣнки, докладывала

¹⁾ Всѣ недвижимыя имущества, напр., въ Соликамскомъ уѣздѣ, были оцѣнены

управа XXX собранію, Екатеринбургскій уѣздъ, подобно Верхотурскому и Соликамскому, долженъ перейти въ группу уѣздныхъ земствъ, располагающихъ наибольшою возможностью возвысить смѣту по народному образованію. Вообще, по справедливому заключенію губернской управы, уѣзды, гдѣ развиты горнозаводская и другія отрасли промышленности ¹⁾ (Соликамскій, Верхотурскій, Екатеринбургскій, Чердынскій, Красноуфимскій), имѣютъ самые благопріятные шансы на осуществленіе всеобщаго обученія, а чисто земледѣльческіе уѣзды (Осинскій, Оханскій, Шадринскій и др.) находятся въ худшихъ условіяхъ. „Если каждый уѣздъ, разсуждала управа, будетъ предоставленъ исключительно своимъ силамъ, то, при одинаковомъ темпѣ развитія образовательныхъ средствъ, школьныя сѣти будутъ заполнены въ разныхъ уѣздахъ въ рѣзко различные періоды“. Отнести за счетъ губернскаго земства часть расходовъ, чтобы помочь отстающимъ уѣздамъ догнать опередившіе уѣзды, — губернская управа въ 1899 году не рѣшилась и полагала „отклонить“ ходатайство осинскаго земства о субсидіи изъ суммъ губернскаго земства въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ смѣты на осуществленіе всеобщаго обученія. Въ данномъ случаѣ губернская управа вступала на неправый путь отношеній ²⁾ къ уѣзднымъ земствамъ и оказалась непослѣдовательною въ своихъ выводахъ. Нельзя желать, чтобы губернское земство „поощряло“, такъ сказать, произвольную отсталость однихъ уѣздовъ предъ другими, но собранная губернскою управою данія о преимуществахъ горнозаводскихъ уѣздовъ въ экономическомъ отношеніи служили достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы губернское земство пришло на помощь менѣе богатымъ земледѣльческимъ уѣздамъ и дало возможность земствамъ послѣднихъ уѣздовъ продолжать развитіе образовательныхъ средствъ въ „равномѣрномъ темпѣ“ съ другими земствами горнозаводскихъ уѣздовъ. На сколько воспособленіе за счетъ губернскаго земства такимъ уѣзднымъ земствамъ, какъ соликамское и верхотурское, гдѣ

также, какъ и въ Екатеринбургскомъ, въ 18 милліоновъ, между тѣмъ имущества Екатеринбургскаго уѣзда болѣе цѣны.

¹⁾ Въ докладѣ сноску XXXII очеред. губ. земскому собранію (стр. 841) губ. управа указывала, что въ этихъ уѣздахъ „источники обложенія многочисленнѣе, разнообразнѣе и не такъ исчерпаны“, какъ въ земледѣльческихъ уѣздахъ.

²⁾ Черезъ два года, въ докладѣ XXXII очереди. собранію губ. управа, впрочемъ, измѣнила отрицательное отношеніе къ помощи уѣзднымъ земствамъ за счетъ губернскаго и настоячиво убѣждала губернскихъ гласныхъ держаться принципа взаимопомощи въ отношеніи къ уѣзднымъ земствамъ въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія.

низожъ % обложенія, а имущества богаты, представлялось излишнимъ, на столько необходима, по требованію справедливости, помощь осинскому, прбитскому и другимъ подобнымъ земствамъ, которыя затрачиваютъ на народное образованіе вдвое большую долю своихъ средствъ, чѣмъ земства горнозаводскихъ уѣздовъ.

Уклоняясь отъ воспособленій уѣзднымъ земствамъ за счетъ губернскаго, губернская управа не выяснила въ докладѣ XXX собранію роли участія сельскихъ обществъ въ осуществленіи идеи всеобщаго обученія. Губернская управа высказалась, что въ виду разнообразнаго отношенія мѣстныхъ крестьянъ къ школѣ (щедрія ассигнованія въ однихъ селеніяхъ, отказъ отъ всякихъ расходовъ на школу въ другихъ) „невозможно опредѣлять заранѣе степень участія сельскихъ обществъ въ дальнѣйшемъ развитіи образовательныхъ средствъ“, а потому необходимо предоставить уѣзднымъ земствамъ полный просторъ въ опредѣленіи того, что могутъ дать сельскія общества на содержаніе училищъ. Безспорно, средства, отпускаемые сельскими обществами, крайне неустойчивы, неопредѣленны. „Натуральныя“ повинности по большей части не переводятся на денежную стоимость ихъ и не регистрируются. Личныя качества ближайшихъ распорядителей и руководителей крестьянской общественной жизни, земскихъ начальниковъ, имѣютъ сильное вліяніе и на отношеніе народа къ школѣ. Благодаря содѣйствію, на примѣръ, одного земскаго начальника, крестьяне охотно изъявляютъ готовность строить школьное зданіе; пріѣзжаетъ другой земскій начальникъ и настаиваетъ, чтобы крестьяне строили красивое зданіе для волости, а школу оставили въ прежней избѣ и т. д. При всемъ томъ пріемъ „среднихъ“ цифръ и приблизительныхъ выводовъ, широко примѣненный губернской управою въ докладѣ XXX собранію, при вычисленіи общихъ расходовъ по губерніи, пригоденъ былъ и для опредѣленія доли участія сельскихъ обществъ въ расходахъ по выполненію школьной сѣти. Въ громадномъ и богатомъ статистическомъ матеріалѣ, которымъ располагала губернская управа, имѣлось не мало и точныхъ указаній на поступления отъ сельскихъ обществъ. Эти указанія могли быть восполнены отчетами инспекторовъ и дирекцій училищъ. Среднюю цифру поступленій отъ сельскихъ обществъ за послѣдніе три года по губерніи, средній приростъ этихъ поступленій за тотъ же періодъ можно было принять за приблизительный показатель возможной доли участія сельскихъ обществъ въ расходахъ по заполненію сѣти. Въ частности возможно было оцѣнить расходы, произведенные за счетъ сельскихъ

обществъ на постройку школьныхъ зданій, и на основаніи этого сдѣлать предположеніе о дальнѣйшемъ участіи сельскихъ обществъ въ самой крупной статьѣ единовременныхъ расходовъ (6 милліоновъ). Выводы подобнымъ путемъ имѣли бы такую же долю вѣроятія, какъ и всѣ прочія предположенія губернской управы, когда она среднія цифры по 7 уѣздамъ распространяла на остальные 5 уѣздовъ и дѣлала общее заключеніе относительно цѣлой губерніи. Тотъ же пріемъ можно было употребить для опредѣленія роли духовнаго вѣдомства въ насажденіи новыхъ училищъ. При возбужденіи ходатайства о полумилліонной субсидіи отъ казны, конечно, слѣдовало подумать о томъ, на какихъ основаніяхъ будетъ распредѣляться эта сумма между уѣздными земствами. По мнѣнію губернской управы, помощь государства „мѣстному самоуправленію“ цѣлесообразнѣе всего опредѣлить въ извѣстной одинаковой для всѣхъ (?) уѣздовъ долѣ мѣстныхъ (?) затратъ на начальное народное образованіе. Тогда земства, энергично работающія на поприщѣ начального образованія, будутъ пользоваться болѣе крупной поддержкою со стороны правительства, „отсталыя“ земства—„менѣе солидной поддержкою“.

„Правительственная субсидія явится премією за труды и отнюдь не поощреніемъ за бездѣятельность“. Губернская управа не выяснила, какой критерій она намѣрена принять для опредѣленія „отсталости“ уѣздовъ. Въ виду вышеприведенныхъ данныхъ, ни сумма затратъ, ни % ассигнованій на народное образованіе къ общей смѣтѣ земствъ не служатъ правильнымъ показателемъ „отсталости“ или „энергіи“ земствъ на поприщѣ просвѣщенія. Наиболѣе правильнымъ критеріемъ являются здѣсь цифры % обложенія недвижимыхъ имуществъ на всѣ земскія потребности и въ частности—на народное образованіе. Правительственная помощь должна распредѣляться пропорціонально тому, на сколько обложены имущества мѣстнымъ сборомъ. Чѣмъ выше напряженіе платежныхъ силъ въ извѣстномъ земствѣ, тѣмъ справедливѣе и нужнѣе будетъ правительственная субсидія этому уѣзду. Единовременные расходы по приблизительному подсчету губернской управы требовали 6 милліоновъ на устройство школьныхъ зданій и 256 тысячъ на оборудованіе школьныхъ помѣщеній (классная мебель, бібліотеки и пр.). Губернская управа не рѣшилась поддерживать ходатайства нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ о субсидіи изъ казны и на покрытіе единовременныхъ расходовъ, но находила возможнымъ увеличить кредитъ на выдачу пособій на покупку школьныхъ зданій изъ суммъ губернскаго земства и пришла къ мысли воспользоваться для

этой цѣли частію запаснаго капитала сельскаго страхованія. На 1-о января 1900 года означенный капиталъ долженъ былъ опредѣлиться по расчетамъ губернской управы, въ 1.800.000 руб. Оставляя достаточную сумму на пополненіе дефицитовъ по страховому дѣлу, губернская управа считала 800.000 рублей „совершенно свободнымъ ресурсомъ“, на счетъ котораго и возможно отнести „часть столь необходимыхъ и производительныхъ расходовъ“, какъ расходы на народное образованіе. Управа проектировала ходатайствовать предъ правительствомъ объ отчисленіи 300 тысячъ рублей изъ этого капитала на выдачу пособій уѣзднымъ земствамъ на единовременные расходы по открытію новыхъ училищъ. Прежде учрежденный фондъ, по мнѣнію управы, слѣдовало назначить специально на постройку и ремонтъ школьныхъ зданій для существующихъ уже училищъ. Въ заключеніе своего обзора смѣтныхъ исчисленій, губернская управа въ докладѣ XXX губернскому собранію высказала слѣдующее оригинальное предположеніе: „Для каждаго уѣзда нужно составить двѣ смѣты расходовъ (по осуществленію всеобщаго обученія). Одну въ расчетѣ, что школьное дѣло будетъ реорганизовано и что количество учащихся во всѣхъ училищахъ школьной сѣти достигаетъ предѣльной нормы“; другую—въ предположеніи, что существующія школы останутся въ прежнемъ видѣ, а въ новыхъ школахъ будетъ учиться такой % дѣтей школьнаго возраста, какой обычно учится въ наличныхъ школахъ. Нормы расходовъ останутся для новыхъ школъ одинаковыми съ прежними. Первая смѣта должна представить „максимумъ“ расходовъ на веденіе общедоступнаго обученія. Вторая приблизительную величину расходовъ *въ ближайшіе годы* по заполненію сѣти ¹⁾.

Послѣднее предположеніе губернской управы вызвало справедливыя возраженія со стороны гласныхъ ²⁾ губернскаго собранія (засѣданіе 18-го декабря 1899 г.). Г. Клепининъ и др. указывали, что предыдущія требованія управы не выполнены всѣми уѣздными земствами, что представленныя работы опять-таки не поддаются согласованію въ сводѣ ихъ по губерніи, и находили безполезнымъ для

¹⁾ Докладъ управы XXX губернскому собранію, стр. 791.

²⁾ Предварительно обсужденія въ собраніи, доклады управы рассматривались (смѣтною) комиссіею. Это была 6 комиссія при губернскомъ земствѣ для разсмотрѣнія вопроса о всеобщемъ обученіи, въ которую входили гг. Грибозъ, Зайкинъ, Вольскій, не разъ уже упоминавшіеся въ очеркѣ, и, кромя того, Иконниковъ (бывшій учитель) и Врудинскій (предсѣдатель уѣзднаго сѣзда,

дѣла требованіе управы о представленіи „двойкаго рода смѣтъ“. „Этого требованіе—только проволочка дѣла“ ¹⁾. „Уѣзды Пермской губерніи на столько разнообразны по условіямъ, что ожидать отъ нихъ одинаковыхъ расчетовъ по возбужденному вопросу нельзя“. Другіе гласные заявили, что и собранныхъ статистическихъ матеріаловъ достаточно для мотивировки ходатайствъ предъ правительствомъ о субсидіи на осуществленіе школьной сѣти. XXX очередное губернское земское собраніе, отвергнувъ предположеніе управы относительно новаго пересоставленія школьныхъ сѣтей, постановило: 1) отклонить ходатайство осинскаго земства о помощи изъ средствъ губернскаго земства на осуществленіе всеобщаго обученія; поставить въ извѣстность всѣ уѣзднымъ земствамъ, что они не могутъ рассчитывать на пособіе со стороны губернскаго земства въ *постоянныхъ* расходахъ по содержанию училищъ и что губернское земство, не отказываясь отъ выдачи пособій на *единовременные* расходы по устройству школъ, не можетъ указать опредѣленно свою долю участія въ этихъ расходахъ; 2) включить въ общую школьную сѣть по губерніи городъ Екатеринбургъ; 3) уполномочить губернскую управу возбуждать ходатайства: а) объ отчисленіи изъ запаснаго капитала земскаго страхования 300 тысячъ рублей на выдачу пособій уѣзднымъ земствамъ; б) о назначеніи $\frac{1}{2}$ милліона рублей постоянной субсидіи на содержаніе нормальной сѣти училищъ въ губерніи, при условіи отпуска въ 1-й годъ 50 тысячъ рублей, 2-й годъ 100 тысячъ и т. д., съ доведеніемъ до 500 тысячъ въ теченіе 10-лѣтняго періода, назначеннаго на осуществленіе общедоступнаго обученія ²⁾. Губернская управа сдѣлала представленіе объ отчисленіи 300 тысячъ, но „воздержалась“ отъ возбужденія второго ходатайства, — о 500-тысячной субсидіи. Въ докладѣ своемъ XXXI очередному губернскому собранію (декабрь 1900 г.) губернская управа объясняла свое уклоненіе отъ исполненія порученія, даннаго ей собраніемъ, тѣмъ, что исчисленія размѣра субсидіи были недостаточно точны ³⁾, такъ какъ они производились „косвеннымъ путемъ“, на

¹⁾ Журналъ XXX собранія, 253 стр.

²⁾ Журналъ XXX собр., 255—257 стр. Противъ позаймствованія 300 т. рублей сильно возражалъ на собраніи г. Вацлавъ Вольскій, представитель горнаго вѣдомства. Г. Вольскому во всей исторіи вопроса принадлежитъ наибольшая доля возраженій противъ ассигнованій губернскаго земства на достиженіе всеобщаго обученія.

³⁾ Замѣчательно, что предсѣдатель управы г. Ковалевскій на XXX собраніи „ис находилъ никакихъ основаній откладывать возбужденіе ходатайства“ и считалъ „вполнѣ достаточнымъ“ собраннаго матеріала для мотивировки ходатайства. Стр. 254—255 журналовъ XXX собранія.

основаніи смѣтныхъ показаній по 7 уѣздамъ и примѣненія приближительныхъ, среднихъ цифръ („огуломъ“, какъ выражалась управа) къ остальнымъ 5 уѣздамъ. Управа ожидала представленія школьныхъ сметъ отъ послѣднихъ 5 уѣздныхъ земствъ, чтобы болѣе точными цифрами подтвердить свои исчисления. Въ 1900 году прислали свои проекты три земства (пермское, кунгурское, камышловское); два земства (оханское и шадринское) опять не оправдали ожиданій губернской управы.

Поступившіе въ 1900 году въ губернскую управу статистическіе ¹⁾ матеріалы подтверждали ея первоначальное заключеніе, но управа все-таки не возбуждала ходатайства о $\frac{1}{2}$ милліонной субсидіи и рѣшила еще разъ внести этотъ вопросъ на усмотрѣніе губернскаго собранія, въ виду закона (12-го іюня 1900 г.) о предѣльности земскаго обложенія. Этотъ законъ существенно измѣнялъ условія роста земскихъ смѣтъ. Болѣе подробные расчеты губернской управы въ 1900 году показывали, что для осуществленія общедоступнаго обученія въ губерніи нужно произвести единовременныхъ расходовъ 5.373.552 руб. и увеличить текущіе расходы на 1.038.000 рублей ежегодно. Половину послѣдней суммы предполагалось покрыть изъ

---

¹⁾ Въ докладѣ XXXI собранію губернская управа привела таблицы о числѣ школъ и стоимости расходовъ по содержанію ихъ въ 1898 году во всѣхъ уѣздахъ. Къ сожалѣнію, богатый статистическій матеріалъ, вслѣдствіе неудачной группировки его (при исчисленіи, напимѣръ, средняго годичнаго расхода на 1 школу слиты были въ одинъ итогъ школы всѣхъ вѣдомствъ и типовъ: земскія, церковныя, частныя и т. п.), терялъ должное значеніе для составленія точной смѣты расходовъ, предстоящихъ земству. Изъ среднихъ цифръ, выведенныхъ губернской управою по 12 уѣздамъ губерніи, болѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія. Въ нормальной сметѣ училищъ въ среднемъ приходилось на 1 школу 71 учащійся и 662 рубля расхода въ годъ. На 1 учащагося падало ежегоднаго расхода: а) на жалованье педагогическому персоналу 7 р. 1 к.; б) на учебники и письменныя принадлежности 73 к.; в) на содержаніе школьныхъ номѣщеній 1 р. 47 к.; г) прочихъ расходовъ 41 коп., а всего 9 р. 62 к. на 1 ученика, т. е. почти столько, сколько указано въ среднемъ для всей европейской Россіи г. Куломзиннымъ. Разница между средними цифрами производимыхъ теперь расходовъ и проектируемыхъ по выполненію сметы рѣзко колеблется въ разныхъ уѣздахъ—отъ 0,64% (Верхотурскій уѣздъ) до 104% (Соликамскій уѣздъ) и показывается съ одной стороны несомнѣтельность поуѣздныхъ цифръ для свѣда среднихъ итоговъ по губерніи, съ другой—свидѣтельствоуетъ о томъ, какъ неодинакова постановка хозяйственной части училищъ въ разныхъ уѣздахъ. Соликамскому уѣзду, напимѣръ, нужно удвоить среднія цифры расходовъ по содержанію школъ, чтобы довести ихъ до нормы. Верхотурскому земству, напротивъ, придется повысить среднія цифры расходовъ на незначительную долю: всего на 0,64%.

правительственной субсидіи, вторую половину отнести за счетъ уѣздныхъ земствъ, съ разсрочкою ассигнованія на 10 лѣтъ. Если принять за исходную точку итога смѣтныхъ назначеній въ 1899 г. 3.252.879 р. въ уѣздныхъ земствахъ, то съ примѣненіемъ къ этой суммѣ закона 1900 года о 3% нормѣ для ежегоднаго возрастанія земскихъ смѣтъ, смѣты могли въ теченіе 10 лѣтъ возрасти на 1.117.724 руб. ¹⁾ Слѣдовательно, нужно было изъ возможной по закону прибавки къ смѣтѣ ежегодно отчислять не менѣе $\frac{1}{2}$ на осуществленіе всеобщаго обученія, чтобы покрыть по истеченіи 10 лѣтъ $\frac{1}{2}$ милліона добавочныхъ расходовъ, отнесенныхъ на долю уѣздныхъ земствъ. Но, кромѣ расходовъ по содержанію училищъ, земству приходится увеличивать расходы по вѣншкельному образованію народа и по другимъ отраслямъ земскаго хозяйства. При такихъ условіяхъ не было надежды на доведеніе добавочныхъ ассигнованій въ уѣздахъ до нужнаго $\frac{1}{2}$ милліона. Въ виду этого губернская управа находила нужнымъ при ходатайствѣ о субсидіи отъ правительства выговорить условіе, чтобы ежегодное пособіе отъ казны производилось *независимо отъ величины* итога добавочныхъ ассигнованій уѣздныхъ земствъ и распределялось бы между ними *пропорціонально* ихъ собственнымъ затратамъ на заполненіе школьной сѣти. Для надлежащей мотивировки такого ходатайства управа намѣревалась „еще разъ“ ²⁾ пересмотрѣть школьныя сѣти, исправить финансовыя расчеты уѣздныхъ земствъ и согласовать проекты школьныхъ сѣтей съ тѣми измѣненіями, какія произошли въ положеніи начальнаго образованія за послѣдніе три года послѣ составленія первоначальныхъ проектовъ общедоступнаго обученія. „Для окончательнаго разсмотрѣнія результатовъ новой переработки школьной сѣти управа просила собраніе избрать особую комиссію по примѣру московскаго, тульскаго, ярославскаго и др. земствъ. Выступая съ послѣднимъ предложеніемъ ³⁾, управа не могла умолчать о томъ, что специальная комиссія по всеобщему обученію была учреждена еще въ 1896 г., но собравшись 1—2 раза, прекратила свое существованіе. Губернская управа не объяснила, почему комиссія 1896 г. оказалась недѣятельнымъ и бесполезнымъ учрежденіемъ, но изъ заявленій управы о томъ, что новую комиссію было бы желательно избрать изъ лицъ, „*интересующихся* *вопросами*

¹⁾ Доклады XXXI собр., 853—855 стр.

²⁾ Тамъ же, 854 стр.

³⁾ Докладъ XXXI собранію, 854—855 стр.

народнаго образованія и *хорошо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ*“, можно догадываться о причинахъ безжизненности первой комиссіи... Слова въ курсивѣ даютъ намъ ключъ и къ пониманію нижеизложенныхъ постановленій XXXI собранія объ отказѣ отъ возбужденія ходатайствъ о полмилліонной субсидіи изъ казны. Въ параллель съ сообщеніемъ о томъ, какъ „возникла и созрѣла“ въ губернскомъ земствѣ мысль о правительственной субсидіи, слѣдуетъ отмѣтить ходатайство XXXI шадринскаго земскаго собранія объ отпускѣ 12 тысячъ изъ казны на содержаніе проектированныхъ мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ г. Пактовскимъ 20 новыхъ министерскихъ училищъ. Въ особомъ докладѣ о „скорѣйшемъ осуществленіи идеи всеобщаго обученія“ г. Пактовскій предложилъ шадринскому земству, согласно правилъ объ открытіи министерскихъ училищъ (§ 6 инструкціи 1875 г.), принять на себя обязательство доставить для 20 новыхъ министерскихъ школъ помѣщенія, отопленіе, усадьбу, съ тѣмъ, чтобы казенное пособіе по 600 руб. на каждую школу было употреблено на жалованье учительскому персоналу и учебники. Шадринское земство приняло это предложеніе. Губернская управа представила ходатайство шадринскаго земства на „благоусмотрѣніе губернскаго собранія“ безъ заключенія по нему управы. Подготовительная комиссія на XXXI собраніи ¹⁾, „подробно ознакомившись съ докладомъ губернской управы по всеобщему обученію“, признала возможнымъ согласиться лишь съ мнѣніемъ управы о необходимости образовать *особую комиссію* для надлежащей разработки ходатайства предъ правительствомъ о субсидіи. Вопреки предложенію управы, члены смѣтной комиссіи полагали, что это ходатайство не слѣдуетъ возбуждать до тѣхъ поръ, пока комиссія не соберетъ нужныхъ свѣдѣній, въ частности, пока не выяснится вопросъ о размѣрахъ расходовъ, какіе могутъ принять на себя земства, не выходя изъ предѣловъ узаконенной нормы ²⁾ возвышенія смѣты. Гласный г. Вольскій, хотя былъ участникомъ комиссіи, мнѣніе которой только что изложено, однако, въ засѣданіи собранія (11-го декабря 1900 года) высказался противъ учрежденія новаго спеціальнаго совѣщательнаго органа по вопросу о всеобщемъ обученіи и вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что инициатива возбужденія ходатайства

¹⁾ Въ составъ ея входили: г. Свиридовъ (предсѣдатель уѣднаго съѣзда), гг. Замятинъ, Вольскій, Невзоровъ (служащій въ управленіи нѣжными графа Строганова), Мѣшковъ (богатый купецъ-пароходчикъ).

²⁾ Докладъ смѣтной комиссіи XXXI собранію въ журналѣ этого собранія, стр. 345—346, срав. 128, 129 стр.

о субсидіи отъ правительства должна исходить отъ уѣздныхъ земствъ; „пусть они сами составляютъ расчеты“ (о размѣрахъ субсидіи). Указывая на незначительность смѣты министерства народнаго просвѣщенія, г. Вольскій сомнѣвался въ цѣлесообразности ходатайства о полумилліонномъ пособіи на одну Пермскую губернію. Гласный г. Пахарнаевъ подвергъ критикѣ предложенный губернскою управою принципъ распредѣленія казенной субсидіи—пропорціально ежегоднымъ затратамъ земствъ на заполненію сѣти, и указалъ „на явныя неудобства въ примѣненіи этого правила къ отдѣльнымъ уѣздамъ“. „Положимъ, что по 3—4 уѣздамъ послѣдуетъ въ извѣстный годъ увеличеніе, по сравненію съ предыдущимъ годомъ, ассигнованія (на открытіе новыхъ школъ); тогда, по принципу губернской управы, нужно будетъ увеличивать и казенную субсидію этимъ земствамъ, а, слѣдовательно, уменьшать доли пособія, назначенныя другимъ земствамъ, хотя бы послѣднія оставляли ассигнованія въ прежнемъ размѣрѣ“. Гласный Клепининъ поддерживалъ мнѣніе г. Вольскаго о бесполезности „особой комиссіи“ и говорилъ: „какъ бы ни перерабатывала комиссія матеріалы“, „врядъ ли можно будетъ подвести 12 уѣздовъ подъ одну норму... работы комиссіи не приведутъ ни къ чему“¹⁾.

Г. Ковалевскій (предсѣдатель губернской управы) въ отвѣтъ г. Пахарнаеву заявилъ, что управа „не настаиваетъ на предложенномъ ею принципѣ, разъ этотъ принципъ оказывается непригоднымъ; можно примѣнять другой способъ распредѣленія казенной субсидіи: напримеръ, принципъ взаимопомощи. Тогда уѣзды, которые даютъ меньше, могутъ получать болѣшую долю пособій“.

По прекращеніи преній собраніе постановило: 1) „отрѣшиться“ отъ прежняго постановленія собранія и *предоставить* возбужденіе ходатайствъ (о правительственной субсидіи на осуществленіе общедоступнаго обученія) инициативѣ уѣздныхъ земскихъ собраній; 2) избрать „постоянную“ комиссію при губернской управѣ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя управы, для „консультаци“ по вопросамъ народнаго образованія²⁾, въ составѣ пяти членовъ³⁾. Первый пунктъ

¹⁾ Журналы XXXI собранія, стр. 130.

²⁾ Журналъ XXXI собранія, стран. 133, стр. 338 стр. Въ томъ же засѣданіи велѣсь продолжительныя пренія по поводу новаго ходатайства директора народныхъ училищъ о субсидіи на учрежденіе учительской семинаріи. Собраніе признало учрежденіе семинаріи желательнымъ, но исключительно за счетъ казны. 135—141 стран. указанныхъ журналовъ.

³⁾ Г. Сулхановъ (управляющій государственными имуществами), гг. Малгѣвъ,

наложеннаго постановленія редактировать неясно. Ранѣе всѣхъ постановленій губернскаго земства уѣздныя земства всецѣло „по собственной инициативѣ“ заговорили о необходимости правительственной субсидіи, указывали размѣры ея, просили поддержки губернскаго земства. XXXI губернское собраніе, отрѣшаясь отъ прежнихъ постановленій и воздерживаясь отъ возбужденія общаго ходатайства о казенной субсидіи для всей губерніи на достиженіе общедоступнаго обученія, очевидно, хотѣло выразить ту мысль, что губернское земство не беретъ на себя обязанности „подкрѣплять“ нужными статистическими данными ходатайства уѣздныхъ земствъ и предоставляет послѣднимъ своимъ, такъ сказать, силами мотивировать ходатайства о субсидіи и добиваться ихъ удовлетворенія. Полное противорѣчіе постановленія XXXI собранія съ рѣшеніемъ XXX и неопредѣленность взглядовъ губернскихъ гласныхъ на роль губернскаго земства въ развитіи народнаго образованія—очень характерны; интересны для послѣдующей исторіи и указанія самихъ же губернскихъ гласныхъ на бесполезность „особыхъ“ комиссій для осуществленія всеобщаго обученія.

„Особая“ „постоянная“ комиссія по народному образованію, возобновленная постановленіемъ XXXI собранія, сдѣлала попытку проявить свою дѣятельность и собралась въ мартѣ 1901 года. Кромѣ избранныхъ на губернскомъ собраніи лицъ, въ комиссію были приглашены предсѣдателемъ въ качествѣ свѣдущихъ лицъ статистикъ г. Владимірскій, секретарь редакціи Сборника губернскаго земства г. Бобылевъ и губернский агрономъ г. Варгинъ, но не были приглашены ни директоръ, ни инспекторъ народныхъ училищъ. Намѣчая программу своихъ занятій, комиссія въ первое свое засѣданіе рѣшила, „что дальнѣйшая разработка вопроса о всеобщемъ обученіи пока снимается съ очереди, такъ какъ XXXI собраніе предоставило всецѣло усмотрѣнію уѣздныхъ земствъ составленію школьныхъ сѣтей и возбужденіе ходатайствъ, вызываемыхъ заполненіемъ сѣтей“¹⁾.

Рѣшеніе XXXI губернскаго собранія по вопросу о всеобщемъ обу-

---

Калина, Удницевъ и Клепкиннъ (предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ). Замѣчательно, что въ комиссію вошелъ г. Клепкиннъ, хотировавшій на собраніи проинимать цѣлесообразности учрежденія комиссіи.

¹⁾ Постановленія комиссіи напечатаны въ Сборникѣ Перм. губ. зем. № 2, 1901 г., стр. 1—10. Въ программѣ своихъ занятій комиссія намѣчала, главнымъ образомъ, вопросы о мѣрахъ внѣшкольнаго образованія и педагогическихъ курсахъ для учителей.

ченіи, конечно, не могло удовлетворить населеніе и тѣхъ гласныхъ, которые „интересовались вопросами народнаго образованія и были хорошо знакомы съ этимъ дѣломъ“. Сама губернская управа въ 1901 году выступила съ критикою постановленія XXXI собранія и нежелательнаго образа дѣйствій губернскаго земства по вопросу о всеобщемъ обученіи. Управа въ докладѣ послѣдующему XXXII собранію (декабрь 1901 года) доказывала, что „роль губернскаго земства въ практическомъ осуществленіи важнаго вопроса о всеобщемъ обученіи оказалась скорѣе отрицательною, чѣмъ положительною“. „Пять лѣтъ тому назадъ уѣздныя земства съ живымъ интересомъ приступили къ разработкѣ проектовъ всеобщаго обученія. Въ нихъ жила надежда на осуществленіе этой идеи при помощи губернскаго земства и правительства“. По истеченіи пяти лѣтъ кропотливой работы надъ составленіемъ школьныхъ сѣтей и смѣтныхъ исчисленій и напряженныхъ ожиданій, выяснилось одно, что уѣздныя земства на матеріальную помощь губернскаго земства надѣяться не могутъ; мало того, губернское земство сложило съ себя первоначально принятое обязательство провести въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вопросъ о казенной субсидіи на всеобщее обученіе... „Не мудрено поэтому“, заключала губернская управа, что въ 1898 году восемь уѣздныхъ земствъ возбуждали ходатайства о правительственной помощи, а въ 1901 году—только 4, остальные восемь или отерочиваютъ ходатайства или совсѣмъ отъ нихъ отказываются“... „Волна просвѣтительнаго движенія, охватившая уѣздныя земства въ концѣ XIX вѣка, въ началѣ XX вѣка упала“... Губернская управа полагала, что выходомъ изъ такого положенія можетъ служить болѣе активное участіе губернскаго земства въ осуществленіи идеи всеобщаго обученія, участіе не только „академическое“, но и матеріальное,—въ расходахъ по заполненію сѣти. Проведеніемъ по губернской смѣтѣ части расходовъ на начальное образованіе губернское земство должно осуществить принципъ взаимопомощи и въ удовлетвореніи первостепенной культурной потребности (въ образованіи), подобно тому, какъ этотъ принципъ проводится въ дорожныхъ, страховыхъ, продовольственныхъ мѣропріятіяхъ. Въ сущности вся дѣятельность губернскаго земства построена на началахъ взаимопомощи. Если бы губернскіе сборы разверстывались между уѣздами пропорціонально долѣ cadaго, то не было бы смысла въ организаціи особаго губернскаго хозяйства.

Всякій болѣе крупный общественный союзъ или беретъ на себя

выполненіе задачъ, непосильныхъ мелкимъ союзамъ (страхованіе), или приходять на помощь самостоятельнымъ, болѣе мелкимъ союзамъ: уѣздное земство помогаетъ волостямъ, губернское — уѣзднымъ, государство — органамъ самоуправленія. „Все это ясно до очевидности“, говорила губернская управа въ докладѣ XXXII собранію, „но эти истины (среди защитниковъ автономіи уѣздныхъ земствъ) какъ бы утрачиваютъ свою ясность и примѣнимость къ такой отрасли земскаго хозяйства, какъ народное образованіе. Лица, допускающія участіе губернскаго земства въ страховомъ, агрономическомъ дѣлѣ и отрицающія это участіе въ начальномъ образованіи, непослѣдовательны въ своихъ взглядахъ. Участіе губернскаго земства въ расходахъ по начальному народному образованію, осуществляя принципы взаимопомощи и объединенія въ дѣятельности уѣздныхъ земствъ, въ то же время можетъ служить средствомъ поощренія уѣздныхъ земствъ въ болѣе энергичной работѣ въ развитіи образовательныхъ средствъ. Въ послѣднемъ случаѣ губернскаго земства принимаетъ на себя известную долю расходовъ по устройству и содержанію новыхъ училищъ, открываемыхъ по нормальной сѣти. Чѣмъ больше новыхъ школъ откроетъ данное уѣздное земство, тѣмъ болѣею долею субсидіи оно можетъ воспользоваться изъ суммъ губернскаго земства. Приглашая къ активному участію въ осуществленіи всеобщаго обученія, губернская управа просила XXXII собраніе, въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія даннаго вопроса, въ принципѣ установить въ ту же XXXII сессію и размѣры матеріальной помощи уѣзднымъ земствамъ, внести потребное ассигнованіе въ смѣту 1902 года.

Если сопоставить цитированный докладъ губернской управы XXXII собранію съ ходатайствомъ директора народныхъ училищъ предъ XXVI губернскимъ собраніемъ и съ заявленіями гласныхъ г.г. Бычкова, Грибеля (см. главу I), то не трудно замѣтить, что губернская управа въ 1901 году развивала тѣ же принципиальные взгляды на роль губернскаго земства въ распространеніи начального образованія, какіе заслушаны были въ губернскомъ земскомъ собраніи еще шесть лѣтъ тому назадъ. Среди членовъ губернской управы, подписавшихъ докладъ XXXII собранію, были лица, непрерывно служившія въ губернскомъ земствѣ въ 1895—1901 году. Почему эти лица до XXXII собранія не выступали смѣло въ защиту „активнаго участія“ губернскаго земства въ осуществленіи всеобщаго обученія, не представляется возможнымъ выяснить по журналамъ собраній. Постановленіе XXXI собранія сводило къ нулю продолжительную критическую работу гу-

бернской управы надъ поуѣздными проектами общаго обученія, однако, губернская управа не заявила въ XXXI сессію своего протеста противъ изложеннаго постановленія. Быть можетъ, управа на XXXI собраніи поступала такъ въ виду предстоящихъ выборовъ на земскія должности. Утвердившись въ своемъ положеніи, члены управы могли рѣшительнѣе выступать съ критикою постановленій XXXI собранія. Повиная на пермскую губернскую управу, вѣроятно, и примѣръ другихъ губернскихъ земствъ (московскаго, харьковскаго и, въ особенности, сосѣдняго вятскаго), которыя энергично помогали своимъ уѣзднымъ земствамъ въ открытіи новыхъ училищъ. Каковы бы ни были мотивы перемѣны отношеній губернской управы къ вопросу о всеобщемъ обученіи, докладъ управы XXXII собранію займетъ видное мѣсто въ исторіи вопроса по безпристрастному и правильному выясненію управою роли пермскаго губернскаго земства въ достиженіи общедоступнаго обученія. Въ докладъ управы XXXII губернскому собранію заслуживаютъ также вниманія критическія замѣчанія о передвижныхъ школахъ, проектированныхъ чердынскимъ земствомъ, и взглядъ губернской управы на заполненіе части школьной сѣти министерскими училищами, которыя предполагалось открывать на совмѣстныя средства казны, земствъ и сельскихъ обществъ.

Передвижная школа, по проекту чердынскаго земства, въ школьныхъ раіонахъ съ 10—20 дѣтьми должна поочередно обслуживать два раіона: послѣ трехлѣтняго пребыванія въ первомъ раіонѣ школа переходитъ во второй и черезъ три года снова возвращается къ первому году трехлѣтней работы школы въ извѣстномъ селеніи, при чемъ допускается пріемъ дѣтей всѣхъ трехъ возрастныхъ группъ (8—10 л.). Въ каждый годъ дѣятельности передвижной школы въ ней должно быть одно отдѣленіе изъ трехъ обычныхъ въ нормальной школѣ. Губернская управа находила организацію неудобной и указывала 1) на равнородность состава учащихся по возрасту и, слѣдовательно, и по развитію; 2) на невозможность оставлять малоуспѣшныхъ учениковъ на повторительный курсъ при наличности одного отдѣленія; 3) на затрудненія при наймѣ школьнаго помѣщенія (перспектива трехлѣтнихъ простоевъ слишкомъ возвыситъ плату за квартиру для передвижной школы). По мнѣнію губернской управы для мелкихъ селеній наиболѣе цѣлесообразны школки грамоты. По поводу ходатайствъ: шадринскаго земства объ отпускѣ казенной субсидіи на содержаніе новыхъ 20 министерскихъ училищъ, чердынскаго—о казенной субсидіи на земскія училища, губернская управа писала: „въ прямыхъ ин-

интересахъ земства добиваться казенной субсидіи на содержаніе *своихъ* училищъ, а не открытія министерскихъ училищъ, чтобы сохранить за собою руководящую роль въ развитіи мѣстныхъ образовательныхъ средствъ". „Интересы земствъ могутъ въ данномъ случаѣ встрѣтиться съ интересами и стремленіями министерства народнаго просвѣщенія, которое, повидимому, болѣе склонно къ открытію своихъ училищъ, чѣмъ къ субсидированію министерскихъ". Противорѣчія въ образовательныхъ стремленіяхъ между министерствомъ народнаго просвѣщенія и земствами, конечно, не должно быть: земскія и министерскія училища тождественны по своимъ задачамъ и характеру просвѣтительной дѣятельности. Дѣйствительнымъ мотивомъ отрицательнаго отношенія губернской управы къ министерскимъ училищамъ послужило то, что послѣднія состоятъ „подъ исключительнымъ наблюденіемъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, но не подчинены уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ". По мнѣнію управы, губернское земство должно поддерживать ходатайства уѣздныхъ земствъ о казенной субсидіи на содержаніе только земскихъ училищъ, а не министерскихъ ¹⁾.

Благой призывъ, обращенный губернской управою къ земскому собранію XXXII сессіи, однако, не скоро вызвалъ соответствующія практическія мѣропріятія со стороны губернскаго земства въ осуществленіи общедоступнаго обученія.

XXXII очередное собраніе „не успѣло“ разсмотрѣть докладъ по всеобщему обученію и отложило этотъ вопросъ до XXXIII чрезвычайнаго собранія ²⁾. Послѣднее собралось въ мартѣ 1902 года.

Снова вопросъ о всеобщемъ обученіи обсуждался въ предварительной комиссіи ³⁾. Она признала: 1) желательнымъ участіе губернскаго земства въ дѣлѣ всеобщаго обученія въ смыслѣ объединенія дѣла и *ходатайство предъ правительствомъ о матеріальномъ участіи казны* ⁴⁾. 2) Для разработки вопроса о формѣ участія губернскаго земства въ дѣлѣ всеобщаго обученія созвать совѣщаніе изъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя губернской управы, съ приглашеніемъ къ участію въ работахъ

¹⁾ Журналъ XXXII собранія, стран. 319.

²⁾ Доклады губернской управы XXXII собранію, 850 стран.

³⁾ Составъ: г.г. Вольскій, Павловъ (адвокатъ), Свиридовъ (предсѣдатель у. съѣзда), Кыштымовъ и Клепикинъ (предсѣдатели уѣздныхъ управъ).

⁴⁾ Отмѣнялось, такимъ образомъ, постановленіе XXXI очереднаго и подтверждающаго постановленіе XXVIII чрезвычайнаго и XXX очереднаго губернскаго собраній.

совѣщанія свѣдущихъ лицъ, указанныхъ губернскою и уѣздными управами. 3) Заключение совѣщанія разослать на разсмотрѣніе предстоящихъ уѣздныхъ земскихъ собраній, проси уѣздныя управы, безъ замедленія, представить постановленія собраній въ губернскую управу для доклада будущему очередному губернскому собранію. Въ засѣданіи собранія 8-го марта 1902 года гласный (отъ екатеринбургскаго земства) г. Тибо-Бриниоль указалъ на противорѣчіе, непоследовательность въ постановленіяхъ губернскаго земства и возражалъ „противъ централизаціи“ въ дѣлѣ народнаго образованія. Г. Кыштымовъ поддерживалъ мнѣніе комиссіи и вызвалъ слѣдующій упрекъ со стороны гласнаго г. Пивинскаго: „по вопросу о порядкѣ расходованія дорожнаго капитала г. Кыштымовъ стоялъ за децентрализацію ¹⁾, потому что въ Осинскомъ уѣздѣ нѣтъ дорогъ общегубернскаго значенія. Въ дѣлѣ народнаго образованія г. Кыштымовъ стоитъ за обратный порядокъ,—за централизацію, потому что осинскіе земцы поотстали въ народномъ образованіи“ (слѣдовательно, имъ выгодно воспользоваться помощью губернскаго земства). Г. Кыштымовъ горячо возражалъ г. Пивинскому: „дороги и народное образованіе нельзя ставить на одну доску... народное образованіе — превыше всѣхъ расчетовъ; оно должно быть намъ всѣмъ одинаково дорого. Если оно выиграетъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ губернскаго земства, мы, ни мало не колеблясь, не смущаясь мелочными расчетами, должны высказаться за это участіе. Дѣло не въ дѣлежѣ денегъ, а въ томъ, чтобы народное образованіе двинуть впередъ“. Собраніе согласилось съ мнѣніемъ комиссіи ²⁾. Интересныя пренія возникли по поводу чердынской сѣти школъ. Губернская управа признала „шагомъ назадъ“ въ расчетахъ чердынской управы то, что послѣдняя исчисляла дѣтей школьнаго возраста по среднему % ихъ въ общей массѣ населенія, а не по даннымъ переписи. Гласный отъ чердынскаго земства г. Астафьевъ доказывалъ, что цифры переписи— „случайныя цифры, случайнаго года“ и могутъ имѣть только сравнительное значеніе ³⁾ съ такими же данными прошлыхъ или будущихъ

¹⁾ То-есть, за предоставленіе уѣзднымъ земствамъ самимъ распоряжаться соответствующею долею губернскаго дорожнаго капитала.

²⁾ Журналъ XXXIII чрезвычайнаго собранія, стр. 154.

³⁾ Наиболѣе яркимъ примѣромъ для освѣщенія этой мысли можетъ служить, по нашему мнѣнію, слѣдующій примѣръ. По даннымъ переписи 1897 г. въ г. Ирбитѣ насчитано 20064 жителей обоаго пола; между тѣмъ, постоянныхъ жителей въ Ирбитѣ по другимъ свѣдѣніямъ („Списокъ населенныхъ мѣстъ“ пермскаго губернскаго земства, стр. 399 и др. и адресъ-календарь) ежегодно показывалось 6²/₁₀—7 тысячъ.

переписей, но неудовлетворительны для построения по нимъ школьныхъ сѣтой (г. Астафьевъ приводилъ примѣры, подобныя тѣмъ, какіе отмѣчены выше въ соликамскомъ проектѣ).

Гласный Астафьевъ возражалъ также противъ измѣненій, какія производила губернская управа „по своему усмотрѣнію“ въ расчетахъ уѣздныхъ земствъ, тогда какъ послѣднія яснѣе могутъ знать дѣйствительныя нужды и точнѣе губернскаго опредѣлять сумму необходимой имъ субсидіи. Такъ, напримѣръ, губернская управа исключила изъ суммы испрашиваемаго пособія въ чердынской смѣтѣ 9.750 рублей на содержаніе школьныхъ помѣщеній; между тѣмъ, ни мѣстныя общества, ни земство не располагали достаточными средствами для покрытія этого расхода. Въ виду заявленія г. Астафьева и по предложенію предѣдателя, собраніе признало неудобнымъ направлять по назначенію ходатайства уѣздныхъ земствъ „въ измѣненномъ видѣ“, пока сами уѣздныя земства не выразятъ своего согласія на сдѣланныя губернской управою сокращенія въ ихъ смѣтныхъ расчетахъ нужной субсидіи отъ правительства. Согласно этому постановленію губернскаго земства на XXXIII чрезвычайной сессіи, пришлось замедлить на годъ представленіе правительству ходатайства чердынскаго и осинскаго земствъ (смѣту послѣдняго губернская управа сократила на 11.160 рублей). XXXIII собраніе рѣшило поддержать ходатайство кунгурскаго земства (о 16.330 рубляхъ субсидіи) и отклонить аналогичное ходатайство соликамскаго, за непредставленіемъ послѣднимъ нужныхъ данныхъ въ подтвержденіе ходатайства. Возвращаясь на путь активнаго участія въ осуществленіи идеи всеобщаго обученія, губернская управа въ XXXIII чрезвычайную сессію уполномочила губернскую управу, согласно заявленіямъ кунгурскаго, соликамскаго и другихъ земствъ, ходатайствовать предъ святѣйшимъ синодомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія о допущеніи, по усмотрѣнію уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, къ преподаванію Закона Божія и свѣтскихъ преподавателей, не получившихъ богословскаго образованія. Въ собраніи много было высказано жалобъ на неисправность законоучителей, на стѣснительность постановленія святѣйшаго синода ¹⁾ отъ 7—30 іюня 1900 года, за № 2503; указывалось, что при строгомъ примѣненіи

Первая цифра даетъ крайне преувеличенное представленіе о населенности Ирбита вслѣдствіе того, что при переписи были зарегистрированы въ Ирбитѣ и всѣ пріѣзжіе посѣтители ярмарки... Построеніе школьной сѣти въ Ирбитѣ по даннымъ всеобщей переписи дало бы явно несообразныя съ дѣйствительностью выводы.

¹⁾ Церковныя Вѣдомости за 1900 годъ № 22.

синодальныхъ правилъ земство ставится въ „безвыходное“ положеніе въ открытіи новыхъ училищъ. „Рекомендуютъ земству, говоритъ г. Ковалевскій, назначать сверхштатныхъ священниковъ на законоучительскія должности. Но мы знаемъ, что такое заштатные ¹⁾ священники: это или старики, или штрафованные; тѣ и другіе едва ли могутъ быть хорошими преподавателями Закона Божія“ ²⁾. Многія школы, кромѣ того, очень удалены отъ мѣста жительства священника (въ Чердынскомъ уѣздѣ, напримѣръ, отдаленность доходитъ до 40—50 верстъ). Въ іюнѣ 1902 года при губернской управѣ создано было „совѣщаніе“ изъ представителей отъ уѣздныхъ земствъ, директора и нѣкоторыхъ инспекторовъ народныхъ училищъ. На разсмотрѣніе совѣщанія была внесена объемистая записка по вопросу объ участіи пермскаго губернскаго земства въ дѣлѣ начальнаго образованія. Записка повторяла тезисы доклада губернской управы XXXIII чрезвычайному собранію и подводила болѣе точные итоги ³⁾ дѣятельности губернскаго земства по народному образованію: оказалось, что до 1897 года губернское земство, ограничиваясь крайне незначительными ассигнованіями на начальныя школы, сосредоточивало свою дѣятельность на доставленіи средняго, высшаго образованія и отчасти — спеціальнаго, по сельско-хозяйственной отрасли. Пермское земство въ данномъ случаѣ не выдѣлялось изъ ряда другихъ земствъ: многія губернскія земства въ Россіи слѣдовали такому же направленію въ мѣропріятіяхъ образовательнаго характера. „Запросы жизни показали, однако, несостоятельность“ отчужденія губернскаго земства отъ заботъ о распространеніи начальной школы. „Вопросъ о всеобщемъ обученіи долженъ былъ подчеркнуть необходимость объединяющей роли губернскаго земства въ расширеніи народнаго образованія; принципъ „невмѣшательства“ „отжилъ“ свое время и въ большинствѣ земствъ замѣненъ принципомъ: „начальное образованіе должно быть главною заботою губернскаго земства“. Поддерживая этотъ принципъ, губернская управа привела много интересныхъ

¹⁾ Въ синодальномъ опредѣленіи говорится о сверхштатныхъ, безприходныхъ священникахъ. Среди послѣднихъ, конечно, встрѣчаются и молодые, образованные лица.

²⁾ Журналъ XXXIII чрезвычайнаго собранія, стр. 157. Ходатайство было возбуждено, но успѣха не имѣло, какъ видно изъ предложенія министерства народнаго просвѣщенія отъ 30—31 октября 1904 года за № 8131.

³⁾ Цифровыя данныя по этому вопросу также въ докладѣ XXXIII очеред. собр., стр. 1266—1267.

данныхъ о мѣропріятіяхъ другихъ губернскихъ земствъ во вторую половину 90-хъ годовъ ¹⁾. Изъ опытовъ другихъ земствъ пермская губернская управа прежде всего вынесла убѣжденіе въ необходимости учрежденія „постоянной комиссіи“ по народному образованію и особаго вспомогательнаго органа при ней—школьно-статистическаго бюро; эти учрежденія должны специально заняться „тщательною“ разработкою „крупныхъ“ вопросовъ народнаго образованія, какъ, наприимѣръ, въ особенности вопроса объ осуществленіи всеобщаго обученія. Крайне незначительные, почти ничтожные результаты комиссій, учреждавшихся при пермскомъ губернскомъ земствѣ въ 1896 и 1901 г.г. губернская управа объясняла отсутствіемъ школьно-статистическаго бюро, которое бы „подготовляло матеріалы для дѣятельности“ комиссіи. Проектируя учрежденіе школьно-статистическаго бюро, губернская управа просила совѣщаніе „принципіально“ обсудить вопросъ „о формахъ матеріальнаго участія губернскаго земства въ заполненіи сѣти школъ“, въ частности, о пособіяхъ и ссудахъ на постройку школьныхъ зданій. На совѣщаніи вопросъ о „бюро“ вызвалъ оживленныя пренія. Одни не усматривали необходимости въ „бюро“ при существованіи особой комиссіи; другіе, напротивъ, доказывали полезность и необходимость этого учрежденія. „Какіе, говорилъ г. Мухлынинъ, предсѣдатель верховурской управы, будутъ результаты отъ учрежденія бюро? Уѣздныя земства въ настоящее время имѣютъ достаточно матеріала для сужденій о постановкѣ народнаго образованія; всѣ уѣздныя земства обмѣниваются печатными докладами, журналами. Изъ подобныхъ источниковъ намъ извѣстно все, что дѣлается хорошаго по народному образованію и въ другихъ губерніяхъ. Наконецъ, при губернскомъ земствѣ учреждена особая комиссія, которая, не требуя расходовъ для своей дѣятельности, можетъ (и безъ дорогаго стоющаго бюро) дать всѣ матеріалы для объединенія дѣятельности уѣздныхъ земствъ“. Предсѣдатель губернской управы, предсѣдатели осинской, оханской управы и другихъ возражали г. Мухлынину, доказывая пользу и необходимость бюро. „Въ составъ комиссіи (по народному образованію) входятъ люди занятые... Нельзя думать, что „комиссія будетъ сама возиться съ цифровыми матеріалами“. Для уѣздныхъ управъ затруднительно разрабатывать статистическія матеріалы своими силами. „Дѣло народнаго образованія на столько сложно, что необходимо постоянно

¹⁾ Пермская губернская управа извлекла эти свѣдѣнія изъ сборника псковскаго губернскаго земства и отчасти—изъ другихъ періодическихъ изданій.

слѣдить за его ходомъ, а не урывками и скачками“. Бюро необходимо для объединенія и мотивировки ходатайствъ предъ правительствомъ, для пересмотра программы народной школы примѣнительно къ измѣнившимся условіямъ народной школы“¹⁾...

Послѣ обмена мнѣній совѣщаніе признало необходимымъ: 1) чтобы въ составъ постоянной коммисіи по народному образованію входили особо избранныя лица изъ среды губернскихъ земскихъ гласныхъ и представители (по одному отъ уѣзда) уѣздныхъ управъ; 2) ходатайствовать предъ губернскимъ земствомъ объ ассигнованіи кредита въ 3½ тысячи рублей ежегодно на содержаніе школьно-статистическаго бюро, какъ вспомогательнаго органа при губернской управѣ. По вопросу объ участіи губернскаго земства въ расходахъ по заполненію школьной сѣти г. Кыштымовъ доказывалъ на совѣщаніи, что пермское земство должно послѣдовать благому примѣру московскаго земства²⁾ и во имя принципа взаимопомощи оказать матеріальное пособіе тѣмъ уѣзднымъ земствамъ, которыя, вслѣдствіе напряженности платежныхъ средствъ, не могутъ осуществить всеобщее обученіе своими средствами. Представитель шадринскаго земства г. Граудинъ внесъ на разсмотрѣніе совѣщанія свою особую записку: „объ основаніяхъ матеріальнаго содѣйствія губернскаго земства уѣзднымъ въ дѣлѣ осуществленія всеобщаго обученія“.

Въ запискѣ развивались взгляды на взаимныя отношенія губернскаго и уѣздныхъ земствъ примѣнительно къ Пермской губерніи въ томъ направленіи, какое припято московскимъ земствомъ (1896 г.) и совѣщаніемъ предсѣдателей губернскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ (августъ 1896 г.). „Губернское земство должно быть, по возможности, регуляторомъ земскихъ средствъ въ губерніи съ цѣлью равномѣрнаго использованія всѣхъ источниковъ земскаго обложенія и равномѣрнаго удовлетворенія потребностей населенія всѣхъ мѣстностей губерніи“. Уравнивая послѣдствія случайнаго распредѣленія естественныхъ и экономическихъ богатствъ по территоріи губерніи, губернское земство обязано помочь бѣднѣйшимъ по группировкѣ естественныхъ богатствъ уѣзднымъ и тѣмъ земствамъ, у которыхъ

¹⁾ „Труды совѣщанія представителей губернскаго и уѣздныхъ земствъ. 4—6 іюня 1902 года“. Стр. 3—7.

²⁾ Планъ матеріальнаго участія губернскаго земства въ расходахъ уѣздныхъ земствъ на осуществленіе общедоступнаго обученія былъ принятъ московскимъ земствомъ еще въ 1896 году. Почему губернское земство до сего времени мало обратило вниманія на примѣръ московскаго земства, остается непонятнымъ.

напряженіе ¹⁾ платежныхъ средствъ превысило уже среднюю по губерніи норму ²⁾. Воплѣтъ справедливое распредѣленіе пособій между бѣднѣйшими уѣздными земствами возможно будетъ, по мнѣнію г. Граудина, только по окончаніи работъ „оцѣночно-статистическаго бюро губернскаго земства“, которое должно точно опредѣлить степень матеріальной состоятельности каждаго уѣзднаго земства, на общихъ для всѣхъ уѣздовъ основаніяхъ оцѣнки облагаемыхъ имуществъ. Выполненіе этой задачи оцѣночнымъ бюро можетъ затянуться на долгое время, и губернскому земству, по мнѣнію г. Граудина, слѣдовало теперь же, не ожидая результатовъ работы бюро, установить „справедливыя“ основанія распредѣленія субсидій губернскаго земства уѣзднымъ. Законъ 12-го іюня 1900 года о предѣльности земскихъ обложеній позволяетъ ежегодно увеличивать расходы на народное образованіе на 3% по сравненію съ предыдущимъ годомъ. Если уѣздныя земства, строго придерживаясь этого правила, будутъ только своими средствами покрывать исчисленные расходы по заолненію школьной сѣти, то общедоступное обученіе будетъ достигнуто въ Ирбитскомъ уѣздѣ черезъ 16 лѣтъ, Верхотурскомъ уѣздѣ черезъ 19 лѣтъ, Екатеринбургскомъ—24 года, Пермскомъ—20 лѣтъ, Камышловскомъ—25, Красноуфимскомъ—25, Кунгурскомъ—35, Осинскомъ—53, Оханскомъ—53, Соликамскомъ—78, Чердынскомъ—38 и Шадринскомъ—42. Въ приведенной скалѣ рѣзко выдѣляется изъ ряда аналогичныхъ уѣздовъ цифра по Соликамскому уѣзду; она вызываетъ сомнѣніе и противорѣчить вышеприведеннымъ даннымъ о возможности для Соликамскаго уѣзда значительно увеличить свои расходы на народное образованіе. За исключеніемъ Соликамскаго уѣзда, порядокъ расположенія уѣздовъ въ скалѣ г. Граудина подтверждаетъ положеніе: земледѣльческіе уѣзды Пермской губерніи болѣе нуждаются въ помощи губернскаго земства, чѣмъ горнозаводско-промышленные. Г. Граудинъ просилъ въ заключеніе своей записки обсудить, не признаетъ ли совѣщаніе цѣлесообразнымъ впредь до окончанія оцѣночныхъ работъ принять за основаніе распредѣленіе пособій губернскаго земства уѣзднымъ—степень трудности въ осуществленіи общедоступнаго обученія, созданной закономъ о предѣльности обложенія. Горный инженеръ г. Мар-

¹⁾ Въ Шадринскомъ уѣздѣ, по выраженію г. Граудина, сумма недоимокъ—4 миліонамъ (въ круглыхъ цифрахъ) рублей, въ среднемъ на 1 дворъ 74 рубля.

²⁾ Московское земство находило возможнымъ относить за счетъ губернскаго 80% расходовъ по открытію новыхъ училищъ и 20% за счетъ уѣздныхъ, которые довели обложеніе до средней нормы.

ковъ, представитель Екатеринбургскаго земства, также въ особой запискѣ, доложенной совѣщанію, выдвинулъ на очередь еще весьма важный вопросъ при разработкѣ проекта всеобщаго обученія: выходъ значительнаго % учащихся изъ школы до окончанія курса. Такъ какъ преобладающею причиною выхода является бѣдность учениковъ, немѣнне нужной обуви, одежды, то г. Марковъ доказывалъ, что земству выгодно бы за свой счетъ экипировать бѣдныхъ учениковъ (по расчету 5 р. 30 к. на 1 ученика въ годъ), чѣмъ допускать преждевременный выходъ изъ школы по бѣдности и, какъ слѣдствіе этого,—повышеніе средней стоимости обученія 1 ученика въ нормальной школѣ ¹⁾). Въмѣстѣ съ этою мѣрою содѣйствія осуществленію всеобщаго обученія г. Марковъ указывалъ на необходимость сдѣлать начальное обученіе обязательнымъ, по примѣру Германіи, Англии и др.; только обязательное обученіе, по мнѣнію г. Маркова, можетъ совершенно устранить преждевременный выходъ изъ школы. Инспекторъ народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда признавалъ желательнымъ, кромѣ основаній, указанныхъ московскимъ земствомъ, губернской управою и г. Граудинимъ, при распредѣленіи губернской субсидіи между уѣздными земствами, принимать въ расчетъ свѣдѣнія о % грамотности въ уѣздахъ, о числѣ дѣтей, непринятыхъ въ школы, и др. подобныя данныя. Совѣщанію постановило: 1) признать, что губернское земство должно прійти на помощь уѣзднымъ земствамъ въ осуществленіи всеобщаго обученія и тѣмъ именно уѣздамъ, платежная способность населенія которыхъ является крайне напряженною ²⁾; 2) передать въ школьную комиссію для детальной разработки записки гг. Граудина и Маркова; 3) просить губернское земское

¹⁾ При числѣ учащихся 80 человекъ и среднемъ годовомъ расходѣ 780 рублей на текущіе расходы и 320 руб.—на погашеніе капитала, затраченнаго на постройку школьныхъ зданій, средней расходъ на 1 ученика въ годъ, по расчету г. Маркова, опредѣляется цифрою $\frac{780 \text{ р.} + 320 \text{ р.}}{80} = 13 \text{ руб. } 75 \text{ коп.}$ При выходѣ изъ школы 20% въ школѣ остается 64 ученика изъ 80; тогда стоимость обученія повысится: $\frac{780 \text{ р.} + 320 \text{ р.}}{64} = 17 \text{ руб. } 20 \text{ коп.}$, т. е. болѣе на 3 руб. 35 коп. Выходъ 16 учениковъ до окончанія курса илечетъ „непроизводительный расходъ въ годъ 220 руб.“

²⁾ Совѣщаніе не высказалось, что должно служить критеріемъ напряженности. Въ виду частыхъ ссылокъ на примѣръ московскаго земства, можно полагать, что участники пермскаго совѣщанія 1902 года признали удобнымъ примѣнять тотъ же критерій, какъ и въ московскомъ земствѣ, т. е. % земскаго обложенія; уѣздными земствами, обладающими свои источники доходовъ % высшимъ, чѣмъ средній, по губерніи,—въ правѣ получать субсидіи отъ губернскаго земства.

собрание: а) увеличить ассигнование на школьно-строительный фондъ (пособій на устройство зданій для народныхъ училищъ) съ 24 тысячъ рублей до 50 тысячъ рублей ежегодно; б) образовать ассигнованіемъ по губернской смѣтѣ по 10 тысячъ рублей ежегодно особый фондъ на выдачу изъ него *ссудъ* уѣзднымъ земствамъ и крестьянскимъ обществамъ на нужды народнаго образованія, въ особенности на экстренныя, непредусмотрѣнныя смѣтою (острую нужду испытывали, напримѣръ, училища Шадринскаго уѣзда во время голоднаго года). Заключение совѣщанія были разосланы на рассмотрениеъ уѣздныхъ земствъ въ XXXIII сессію очередныхъ земскихъ собраний (осень 1902 г.). Четыре земства (осинское, оханское, чердынское, пермское) безусловно согласились съ выводами совѣщанія, при чемъ осинское земское собрание постановило ходатайствовать предъ губернскимъ земствомъ о принятіи мѣръ къ скорѣйшему осуществленію идеи всеобщаго обученія.

Ирбитское земство категорически высказалось противъ участія губернскаго земства въ расходахъ на развитіе начальнаго образованія. „Принципъ взаимопомощи, говорили ирбитскіе гласные, въ данномъ случаѣ сводится къ установленію новыхъ налоговъ въ уѣздахъ, въ видѣ губернскаго сбора, въ ущербъ одного и въ пользу другого уѣзда“... „Ирбитскій уѣздъ близокъ къ осуществленію всеобщаго обученія. Въ другихъ уѣздахъ дѣло это поставлено слабѣе; поэтому ирбитскому земству *нестыдно* высказываться за матеріальную помощь губернскаго земства уѣзднымъ“. Подобные взгляды проводились представителями екатеринбургскаго земства. „Средства губернскаго земства получаютъ съ тѣхъ же плательщиковъ, какъ и средства уѣздныхъ... Оплата части расходовъ черезъ посредство губернскаго земства обойдется дороже, чѣмъ по уѣздной смѣтѣ“... „Выгоднѣе строить школы всецѣло на уѣздныя средства, чѣмъ платить крупныя суммы въ губернскій фондъ“ (гл. Ижболдинъ). Верхотурское земство не представило никакого заключенія по вопросамъ совѣщанія, вѣроятно, вслѣдствіе того, что вновь назначенный инспекторъ народныхъ училищъ Верхотурскаго уѣзда не успѣлъ еще помочь управѣ разобраться въ постановленіяхъ совѣщанія. Большинство же уѣздныхъ земствъ присоединились къ выводамъ совѣщанія. Оригинальное предположеніе при этомъ сдѣлала камышловская управа: „объектомъ помощи изъ суммъ губернскаго земства нужно брать не уѣзды, а отдѣльныя бѣдныя малопомощныя селенія; такихъ селеній найдется не мало и въ уѣздахъ, признаваемыхъ, сравнительно съ другими,

богатыми уѣздами“. Губернская управа, поддерживая мнѣнія совѣщанія, не настаивала въ докладѣ XXXIII собранію на немедленномъ рѣшеніи принципиальнаго вопроса объ участіи губернскаго земства въ осуществленіи всеобщаго обученія, какъ это сдѣлано было управою въ докладѣ XXXII очередному собранію. „Въ данный моментъ (т. е. въ декабрь 1902 года) обсужденіе (формъ участія губернскаго земства въ осуществленіи всеобщаго обученія) не можетъ дать положительныхъ результатов“. „Лучше повременить еще годъ (т. е. 8-й уже) съ рѣшеніемъ громадной важности вопроса, нежели рѣшать его теперь, руководствуясь примѣрами другихъ земствъ и общими соображеніями“¹⁾. „Размѣръ матеріальныхъ жертвъ со стороны губернскаго земства на дѣло начальнаго образованія выяснится, по словамъ доклада губернской управы XXXIII собранію, лишь послѣ разработки этого вопроса въ комиссіи по народному образованію“²⁾. Въ виду этого соображенія губернская управа оставляла открытымъ вопросъ о поддержкѣ ходатайствъ оханскаго и осинскаго земствъ о субсидіи изъ средствъ губернскаго земства и министерства народнаго просвѣщенія на осуществленіе всеобщаго обученія. Съ явною, однако, непоследовательностью, губернская управа въ томъ же докладѣ XXXIII собранію высказалась за поддержаніе ходатайства шадринскаго земства объ ассигнованіи изъ казны 12 тысячъ рублей на содержаніе вновь проектированныхъ министерскихъ одноклассныхъ училищъ. Чердынское, кунгурское, солякамское земства не возобновляли въ 1902 году ходатайствъ о субсидіи въ ожиданіи результатовъ работы комиссіи.

Смѣтная комиссія³⁾ при XXXIII очередномъ губернскомъ собраніи (это была десятая вспомогательная комиссія при Пермскомъ губернскомъ земствѣ, разсматривавшая вопросъ о всеобщемъ обученіи) приняла предложеніе губернской управы о реорганизациіи школьной комиссіи и объ учрежденіи бюро, но полагала видоизмѣнить постановленіе о школьно-строительномъ фондѣ и воздержаться отъ ассигнованія на фондъ для ссудъ, впредь до разработки послѣдняго проекта въ школьной комиссіи. Доклады управы и заключенія смѣтной ко-

¹⁾ Доклады XXXIII очередному губернскому собранію. 1284 стр.

²⁾ Тамъ же. 1293 стр.

³⁾ Составъ: гг. Пивинскій, Свѣридовъ, Кыштымозъ, Мухоминъ, Деминъ, Коптевъ. Послѣдніе двое выступали въ комиссіи по данному вопросу въ первый разъ. Стр. 5 журналовъ XXXIII очередной сессіи. Мнѣніе смѣтной комиссіи на стр. 295—300 журналовъ XXXIII собранія.

мисіи въ общемъ собраніи гласныхъ XXXIII сессіи обсуждались 11-го декабря 1902 года. Въ продолжительныхъ преніяхъ въ этомъ засѣданіи, сравнительно, оригинальными оказались заявленія гласныхъ гг. Бырдина и Тимофеева. Гласный Бырдинъ (предсѣдатель камышловскаго уѣзднаго съѣзда), поддерживая проектъ образованія губернскаго фонда на просвѣтительныя нужды, указывалъ три способа въ увеличенію фонда съ цѣлью достиженія всеобщаго обученія: 1) отчисленіе по 24 коп. съ каждаго проданнаго въ Пермской губерніи ведра водки; 2) обложеніе особымъ въ пользу фонда сборомъ со всѣхъ исковыхъ прошеній, поступающихъ въ волостные суды и 3)—галантерейныхъ и мануфактурныхъ товаровъ, предметовъ роскоши.

Гласный Тимофеевъ, ветеринарный врачъ и предсѣдатель Оханской управы, высказалъ, что онъ „положительно“ не понимаетъ, почему находятъ нужнымъ предположенія, намѣченныя „особымъ“ совѣщаніемъ, передавать еще на разсмотрѣніе „школьной“ комиссіи. Важнѣйшія положенія объ участіи губернскаго земства въ дѣлѣ начальнаго образованія должны быть рѣшены теперь же, т. е. въ губернскомъ собраніи, комиссія должна только разработать детали въ указаніи формъ содѣйствія губернскаго земства уѣзднымъ въ осуществленіи всеобщаго обученія. По баллотировкѣ ¹⁾ собраніе большинствомъ голосовъ ²⁾ (въ нѣкоторыхъ пунктахъ большинствомъ лишь одного голоса) постановило: а) придать школьной комиссіи ту организацію, какія предложена была июньскимъ „совѣщаніемъ“ и губернской управою, учредивъ при ней школьно-статистическое бюро, съ ассигнованіемъ на содержаніе бюро 3½ тысячъ рублей ежегодно; б) поручить школьной комиссіи, при помощи бюро, детально разработать планъ школьной сѣти по губерніи (въ первую очередь) и вопросъ о формахъ и размѣрѣ матеріальнаго участія губернскаго земства въ расходахъ уѣздныхъ по содержанію вновь проектируемыхъ школъ; на разсмотрѣніе той же комиссіи передать предложеніе г. Бырдина; в) увеличить съ 24 тысячъ до 50 тысячъ рублей кредитъ на выдачу пособій для устройства школьныхъ зданій; г) отклонить предложеніе

¹⁾ Многочисленность и разнорѣчивость заключеній разныхъ вспомогательныхъ комиссій, видимо, стали вносить сбивчивость въ сужденія губернскихъ гласныхъ, и въ засѣданіи 11-го декабря приходилось прибѣгать къ перебаллотировкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ. См. 140 стр. журнала XXXIII очередной сессіи пермскаго губернскаго земскаго собранія.

²⁾ Журналъ Пермскаго губернскаго земскаго собранія XXXIII очередной сессіи, стр. 140, 142, 143.

объ ассигнованіи особаго фонда для выдачи ссудъ на просвѣдительныя нужды; д) поддержать ходатайство объ ассигнованіи изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 12 тысячъ на открытіе министерскихъ одноклассныхъ училищъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, о принятіи всецѣло на счетъ казны министерскихъ училищъ въ Оханскомъ уѣздѣ и объ открытіи за счетъ казны училищъ въ глухихъ раскольническихъ мѣстностяхъ; е) отклонить поддержку ходатайствъ оханскаго земства о казенной субсидіи на открытіе новыхъ земскихъ училищъ, но поддержать (аналогичное) ходатайство осинскаго земства о правительственной субсидіи въ 29.140 рублей; ж) возбудить ходатайство объ измѣненіи правилъ 31-го марта 1900 года, въ смыслѣ установленія двухгодичнаго періода обученія на педагогическихъ курсахъ при городскомъ училищѣ (вмѣсто одnogодичнаго) для наилучшаго приготовленія кандидатовъ на учительскія должности. Въ августѣ 1903 года губернская управа созвала „реорганизованную“ школьную комиссію ¹⁾; эта комиссія, однако, не могла освободиться отъ недостатка, который замѣчался въ ранѣе формировавшихся комиссіяхъ. На засѣданія комиссіи изъ 12 *выборныхъ* членовъ отъ земства явилось только 4; три земства (осинское, красноуфимское, оханское) не прислали ни одного представителя въ комиссію. Всего участвовало въ комиссіи 21 лицо, въ томъ числѣ составъ губернской управы, четыре инспектора народныхъ училищъ, четыре выборныхъ отъ губернскаго земства, два предсѣдателя и нѣсколько членовъ уѣздныхъ управъ. Наибольшая часть времени въ засѣданіяхъ (всего было 6 засѣданій) была употреблена на заслушиваніе пространной записки-трактата губернской управы по вопросу о формахъ участія губернскаго земства въ расходахъ на начальное образованіе. Въ запискахъ излагались справки о мѣропріятіяхъ и взглядахъ другихъ губернскихъ земствъ Россіи, приводились свѣдѣнія о положеніи школьнаго и внѣшкольнаго образованія въ Пермской губернии (главнымъ образомъ на основаніи отчетовъ дирекціи народныхъ училищъ) и, наконецъ, излагались предположенія губернской управы. Предсѣдательствовалъ въ комиссіи г. Ковалевскій, предсѣдатель управы; онъ много говорилъ въ комиссіи и старался удерживать за мнѣніемъ губернской управы доминирующее значеніе въ ряду заявленій другихъ членовъ комиссіи. Соображенія губернской управы клонились къ тому,

¹⁾ Это была *одиннадцатая* коллегія при губернскомъ земствѣ, обсуждавшая вопросъ о всеобщемъ обученіи.

что достаточною формою участія губернскаго земства въ осуществленіи всеобщаго обученія могутъ служить пособія на постройку школьныхъ зданій. Губернская управа не повторяла уже своихъ прежнихъ (1901 г.—1902 г.) разсужденій о широкомъ примѣненіи принципа взаимопомощи въ мѣропріятіяхъ губернскаго земства по народному образованію, о необходимости „активнаго“ участія въ скорѣйшемъ осуществленіи всеобщаго обученія. Заявленія самого г. Ковалевскаго въ засѣданіяхъ школьной комиссіи приближались, по существу, къ взглядамъ представителей екатеринбургскаго и др. земствъ, высказывавшихся противъ „широкаго“ участія губернскаго земства въ расходахъ уѣздныхъ земствъ. „Откуда, говорилъ г. Ковалевскій на засѣданіи 17-го августа ¹⁾, губернское земство будетъ брать средства на такое широкое содѣйствіе? Съ тѣхъ же уѣздныхъ плательщиковъ“.

„Губернское земство примѣняетъ уже принципъ взаимопомощи въ выдачѣ пособій на постройку школьныхъ зданій... Этотъ принципъ имѣетъ свои границы и можетъ осуществиться лишь на обоюдномъ согласіи губернскаго и уѣзднаго земства. Указаніе одного изъ участниковъ комиссіи на безнадежность ходатайствъ предъ правительствомъ о субсидіи изъ казны на осуществленіе всеобщаго обученія вызвало возраженія со стороны инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда: онъ сопоставлялъ цифры возрастанія ассигнованій изъ средствъ земства и казны по двумъ уѣздамъ и доказывалъ, что ассигнованія изъ казны, за послѣднее время, растутъ въ большей прогрессіи, чѣмъ земскія“. Г. Ковалевскій, въ свою очередь, указывалъ на незначительность общей суммы казеннаго ассигнованія, въ сравненіи съ итогами затратъ земствъ, и на то обстоятельство, что правительство можетъ изыскивать всевозможные источники доходовъ, а права земства въ этомъ отношеніи ограничены.

Комиссія, согласно съ мнѣніемъ губернской управы, постановила ²⁾: 1) признать устройство школьныхъ зданій для открываемыхъ въ цѣляхъ заполненія нормальной школьной сѣти училищъ *формою* содѣйствія губернскаго земства осуществленію всеобщаго обученія и возбудить ходатайство объ отчисленіи изъ страховаго капитала 150 тысячъ рублей на выдачу ссудъ, на устройство школьныхъ зданій для

¹⁾ Труды школьной комиссіи, стран. 3—4. Сравни докладъ губ. управы XXXI и XXXII собранія.

²⁾ „Труды комиссіи по народному образованію Пермскаго губернскаго земства“, вып. I. Пермь 1903 г., стран. 7, 8, 10, 17.

вновь учреждаемыхъ школъ и 50 тысячъ — для зданій существующихъ училищъ ¹⁾);

2) обратиться къ уѣзднымъ земствамъ съ предложеніемъ высказаться, пожелаютъ ли они, чтобы по смѣтѣ губернскаго земства ежегодно назначалась какая либо сумма для выдачи, въ цѣляхъ взаимопомощи, бѣднѣйшимъ уѣздамъ пособія на содержаніе вновь открываемыхъ училищъ;

3) поручить школьному бюро исправить и дополнить школьную смѣту по губерніи;

4) признать не имѣющимъ практическаго значенія предложеніе г. Бырдина о способѣ полученія средствъ на всеобщее обученіе;

5) поручить „бюро“ разработать вопросъ о школьныхъ попечительствахъ (по поводу записки г. Маркова о мѣрахъ противъ преждевременнаго выхода учениковъ изъ нормальной школы).

Всѣ заключенія ²⁾ комиссіи были снова переданы на разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній. Отзѣвы послѣднихъ съ „заключеніемъ“ по нимъ губернской управы доложены были губернскому собранію XXXIV очередной сессіи. Изъ 12 уѣздныхъ земствъ верхотурское земство отнеслось безусловно отрицательно къ предложеніямъ комиссіи объ участіи губернскаго земства въ расходахъ на начальное образованіе. Екатеринбургская управа весьма пространно въ докладѣ XXXIV собранію излагала мотивы установившагося въ этомъ земствѣ мнѣнія о нежелательности субсидій губернскаго земства. По вычисленіямъ Екатеринбургской управы, изъ всякаго рубля губернскаго сбора на нужды Екатеринбургскаго уѣзда употреблялось въ среднемъ за 11 лѣтъ только 36%, остальные 64% шли на другіе уѣзды. Екатеринбургская управа считала „симпатичнымъ“ принципъ взаимопомощи и сознавала, что ея разсужденія (о невыгодности для нѣкоторыхъ уѣздовъ помогать другимъ) не пользуются хорошою репутаціею, считаются проявленіемъ „сепаратизма и грубыхъ экономическихъ началъ“, тѣмъ же управа и земское собраніе Екатеринбургскаго уѣзда остались вѣрными своей тенденціи,—высказались „противъ широкаго“ участія губернскаго земства въ распространеніи начальнаго образованія, огра-

¹⁾ Комиссія при этомъ полагала, что за счетъ губернскаго земства можетъ быть произведена и постройка „общежитій“ для училищъ, но содержаніе общежитій— за счетъ уѣзднаго земства.

²⁾ Комиссія сдѣлала еще нѣсколько постановленій, кромѣ изложенныхъ, но они не относятся къ существу вопроса о всеобщемъ обученіи и потому не приводятся въ нашѣмъ очеркѣ.

ничивъ это участіе пособіями на школьное строительство изъ специальныхъ капиталовъ и изысканіемъ „новыхъ“ (какихъ, — Екатеринбургская управа не указала) источниковъ на осуществленіе всеобщаго обученія. Прбитское земство въ XXXIV сессію (1903 г.) отказалось отъ постановленія предыдущаго собранія и признало желательнымъ участіе губернскаго земства въ расходахъ уѣздныхъ. Большинство остальныхъ земствъ согласились съ основными положеніями школьной комиссіи относительно содѣйствія губернскаго земства постройкѣ школьныхъ зданій. По вопросу объ участіи губернскаго земства въ постоянныхъ расходахъ по содержанію новыхъ школъ голоса земствъ раздѣлились: половина земствъ высказывалась за это участіе, другая половина — противъ. Отрицательное рѣшеніе даннаго вопроса мотивировалось выше цитированными соображеніями о „невыгодности“ для нѣкоторыхъ уѣздовъ подобнаго участія, указаніями на отсутствіе точныхъ данныхъ для опредѣленія степени состоятельности каждаго изъ уѣздовъ и размѣровъ необходимой помощи извѣстному уѣзду за счетъ губернскаго земства и т. п. Оханское земство высказало, кромѣ того, опасеніе, что „широкое участіе“ губернскаго земства въ расходахъ на начальное образованіе можетъ навлечь за собою „ослабленіе энергіи и активности уѣздныхъ земствъ“. Губернская управа, съ своей стороны, полагала, что точныя данныя относительно платежеспособности каждаго уѣзда могутъ быть добыты лишь съ окончаніемъ оцѣночныхъ работъ, и находила нужнымъ оставить открытымъ вопросъ объ участіи губернскаго земства въ постоянныхъ расходахъ по содержанію школъ.

Особая комиссія ¹⁾ по этому вопросу при XXXIV собраніи присоединилась къ мнѣнію губернской управы. Любопытна мотивировка мнѣнія комиссіи: „на нужды народнаго образованія губернская управа *новыхъ смѣтныхъ назначеній не требуетъ*, а намѣрена почерпнуть средства (на осуществленіе образовательныхъ мѣропріятій) изъ специальныхъ капиталовъ, *поэтому комиссія находитъ возможнымъ согласиться съ программой участія губернскаго земства въ начальномъ образованіи, намѣченной губернской управою*“ ²⁾.

Губернское собраніе (10-го декабря 1903 года) XXXIV сессіи согласилось съ мнѣніемъ управы и комиссіи, ограничило участіе губер-

¹⁾ Комиссія состояла изъ трехъ новыхъ лицъ: гг. Кузнецова, Рудольфа и Боянскаго (всѣ трое представители крупныхъ землевладѣльцевъ). (Журналъ XXXIV соб., стр. 18).

²⁾ Журналы... стр. 462, 463, 258, 259, 260.

саго земства въ осуществленіи общедоступнаго обученія пособиями и ссудами на постройку школьныхъ зданій. Въ уѣздныхъ и губернскомъ земскихъ собраніяхъ было много преній по поводу предложенія школьной комиссіи о позаймствованіи 200 тысячъ изъ страхового капитала для выдачи ссудъ. Многіе находили подобныя ссуды нецѣлесообразною по существу мѣрою (для ускоренія общедоступнаго обученія) и обременительною для населенія. „Трудно разсчитывать, чтобы сельскія общества пожелали воспользоваться ссудами... Если общество и получить ссуду, то нельзя поручиться за то, что оно своевременно заплатитъ: всегда найдется много причинъ, вродѣ пожаровъ и т. п., чтобы ходатайствовать объ „разсрочкѣ или сложеніи долга“, цѣлесообразнѣе увеличить фондъ на безвозвратныя пособия“... „Если губернскае земство воодушевлено стремленіемъ содѣйствовать достиженію всеобщаго обученія, то оно должно отказаться отъ мысли взимать какіе либо % (за ссуды на школьное строительство)“. „Земство—не коммерческое учрежденіе“... „Если за позаймствованныя изъ страхового капитала деньги по закону непременно должны взиматься %, то уплату ихъ лучше проводить дополнительнымъ ассигнованіемъ по губернской смѣтѣ, но отнюдь не отягощать сельскія общества взиманіемъ %“. Г. Кыштымовъ, ссылаясь на свой 30-лѣтній опытъ, говорилъ въ губернскомъ собраніи: „надо обратить вниманію, откуда у насъ образовались милліоны страхового капитала: изъ денегъ, собранныхъ съ сельскаго населенія. Мы не уменьшаемъ страхового налога и должны возратить населенію хотя часть взятыхъ у него денегъ и отказаться отъ взиманія % за ссуды“¹⁾. Представители крупнаго землевладѣнія стояли за взиманіе %. Къ послѣднимъ присоединился и г. Ковалевскій, предсѣдатель губернской управы. „Ссуды не навязываются населенію, говорилъ г. Ковалевскій, если невыгодно брать ихъ (за %), — не берите“²⁾.

Собраніе большинствомъ голосовъ признало нужнымъ взимать % за ссуды на постройку школьныхъ зданій и выдавать эти ссуды сельскимъ обществамъ и уѣзднымъ земскимъ управамъ на срокъ до 10 лѣтъ, подъ условіемъ погашенія долга извѣстнымъ ежегоднымъ взносомъ. Предположеніе школьной комиссіи, поддержанное губернскою управою, о порученіи школьно-статистическому бюро заняться „составленіемъ общаго плана школьной сѣти“ по губерніи, вызвало

¹⁾ Журналы XXXIV сессіи, стран. 262, 263.

²⁾ Тамъ же, стран. 263.

серьезное возраженіе въ губернскомъ собраніи (10-го декабря 1903 года) со стороны Е. И. Кыштымова. „Не совѣмъ понимаю необходимость этого труда. Слѣдовало бы прежде всего рѣшить, будетъ ли губернское земство принимать участіе въ увеличеніи числа школъ въ губерніи. Если этотъ вопросъ разрѣшится отрицательно, то не для чего поручать бюро составлять *общую сѣть* по губерніи... Каждое уѣздное земство будетъ заполнять сѣть по своему усмотрѣнію. Для выдачи пособій и ссудъ на постройку школьныхъ зданій *не требуется составленія „общо-губернской сѣти школъ“*. „Подобная сѣть понадобится только при условіи живого участія губернскаго земства въ открытіи новыхъ училищъ“. „Между тѣмъ, говорилъ г. Кыштымовъ, *все дѣло остановилось только на разговорахъ*“¹⁾. Большинство гласныхъ, однако, не примкнуло къ справедливому заявленію г. Кыштымова. Собраніе, согласно съ заявленіемъ управы и специальной комиссіи, оставивъ открытымъ вопросъ о восполненіяхъ за счетъ губернскаго земства бѣднѣйшимъ земствамъ уѣзднымъ, на началахъ взаимопомощи, въ содержаніи вновь открытыхъ школъ по сѣти, постановило поручить школьному бюро заняться пересмотромъ сѣти²⁾.

Школьное бюро, на которое возлагались широкія надежды, окончательно организовалось при Пермской губернской управѣ только въ маѣ 1904 года, т. е. почти черезъ два года послѣ „совѣщанія“, признаваемаго „бюро“ необходимымъ. На должность завѣдующаго бюро назначенъ кандидатъ духовной академіи г. Беневольскій, до сего времени состоявшій на духовно-учебной службѣ. Г. Беневольскій энергично принялся за работу, но не успѣлъ своевременно приготовить нужныхъ докладовъ. Вслѣдствіе поздняго окончанія работъ бюро, губернская управа, въ свою очередь, не имѣла возможности созвать въ 1904 году школьную комиссію, и губернское собраніе XXXV сессіи (декабрь 1904 г.) не входило въ разсмотрѣніе вопроса о всеобщемъ обученіи, ограничившись ассигнованіемъ 3.800 руб. на содержаніе бюро и заслушиваніемъ отчета объ его дѣятельности. Въ маѣ 1905 года губернская управа созвала школьную комиссію. На разсмотрѣніе ея, въ ряду прочихъ докладовъ, бюро представило и исправленную школьную сѣть по всѣмъ уѣздамъ губерніи. За основанія разработки школьной сѣти бюро приняло прежнія правила губернской управы, но сдѣлало много измѣненій и дополненій въ поуѣздныхъ проектахъ

¹⁾ Журналъ XXXIV-го собранія, стран. 260.

²⁾ Тамъ же, стран. 261.

школьной сѣти, составленныхъ въ 1899—1902 г. Но входя въ разборъ работъ бюро надъ школьной сѣтью! (это можно будетъ сдѣлать только по ознакомленіи съ отзывами уѣздныхъ земствъ относительно произведенныхъ измѣненій въ поуѣздныхъ проектахъ), мы должны отмѣтить, что бюро, при вычисленіи количества школъ по нормальной сѣти и объема ихъ, принимало въ расчетъ только *три* возрастныхъ группы дѣтей школьнаго возраста по даннымъ переписи 1897 г., устарѣвшимъ уже въ 1905 г., и, такимъ образомъ, повторило ошибку, отмѣченную выше при разборѣ постановленій сѣзда инспекторовъ и поуѣздныхъ проектовъ общедоступнаго обученія; — жаль также, что бюро совершенно не приняло во вниманіе при пересмотрѣ сѣти соображенія г. Куломзина ¹⁾ по вопросу объ осуществленіи общедоступнаго обученія. Въ частности бюро не коснулось вопроса о выработкѣ школьной сѣти для городовъ Пермской губерніи; обошло молчаніемъ вопросъ о томъ, изъ какихъ источниковъ и въ какой періодъ времени при наличныхъ условіяхъ народнаго образованія въ губерніи представляется наиболѣе справедливымъ и возможнымъ покрыть всѣ исключенные расходы по заполненію нормальной сѣти. Указанные пробѣлы въ работѣ школьно-статистическаго бюро по всеобщему обученію восполняются трудомъ пермской дирекціи народныхъ училищъ ²⁾, принятымъ въ 1904 году, вслѣдствіе распоряженія министерства народнаго просвѣщенія отъ 2/6 апрѣля за № 11206, для выясненія, насколько соображенія статсъ-секретаря А. Н. Куломзина подтверждаются мѣстными изслѣдованіями и примѣнимы ли къ Пермской губерніи рекомендованные г. Куломзинымъ способы къ скорѣйшему осуществленію общедоступнаго обученія. Согласно съ мнѣніемъ г. Куломзина и вопреки первоначальному мнѣнію (см. I гл. очерка), дирекція признала цѣлесообразнымъ, при разработкѣ вопроса о достиженіи общедоступнаго обученія, опредѣлять а) количество дѣтей школьнаго возраста изъ 7—8% городского населенія и 9% — сельскаго (села, деревни, хутора, поселки, заводы и пр.); б) расходы по заполненію нормальной сѣти исчислять по средней стоимости обученія одного учащагося въ годъ. При одинаковости основаній исчисленія, итоги въ работахъ дирекціи оказались весьма различными отъ итоговъ г. Куломзина, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ.

¹⁾ Въ извѣстной книгѣ „Доступность начальной школы въ Россіи“, СПб., 1904 г.

²⁾ Соображенія пермской дирекціи училищъ наложены съ некоторыми добавленіями въ статью А. П. Раменскаго въ № 3 „Русской Школы“ за 1904 г.

	По проекту А. Н. Кулом- зина.	По расчету дирекціи училищъ.	+
I. Дѣтей школьнаго возраста, остающихся безъ школьнаго обученія:			
а) въ городахъ Пермской губерніи	4.482	2.520	
б) внѣ городовъ (въ селахъ, деревняхъ).	178.831	151.048 ²⁾	
II. Число вновь проектированныхъ школъ:			
а) въ городахъ	74	22 ²⁾	
б) внѣ городовъ (села, деревни, поселки).	3.467	1851 норм. однокл. учил. и 112 училищъ для мелкихъ селеній, всего 1963 для сельскаго населенія, въ добавленіе къ существующимъ начальнымъ школамъ всѣхъ вѣдомствъ; изъ нихъ 1085 вѣд. м. и. пр. въ селеніяхъ, внѣ городовъ, 72 въ городахъ; духовнаго вѣдомства въ городахъ 41; внѣ городовъ—899. Итого по губерніи (съ городами) 1985. Всего въ губерніи наличныхъ начальн. школъ 2.097.	
III. Дополнительный расходъ на обученіе остающихся внѣ школъ дѣтей:			
а) въ городахъ	88.641 р.	28.600 р.	
б) внѣ городовъ	1.788.310 "	1.846.549 "	

²⁾ Въ этотъ итогъ не вошли 7 тысячъ дѣвочекъ магометанокъ, на привлеченіе которыхъ въ нормальныя училища пока нѣтъ надежды.

³⁾ Новыхъ школъ требуется больше всего для Екатеринбурга. 6 уѣздныхъ городовъ уже имѣли общедоступное обученіе, гор. Пермь близокъ къ нему.

Въ приведенныхъ параллеляхъ рѣзко бросается въ глаза различіе въ количествѣ вновь проектированныхъ школъ и несоотвѣтствіе съ указанной разницею итоговъ расходовъ. Это объясняется тѣмъ, главнымъ образомъ, что въ проектѣ г. Куломзина статистическія данныя относились къ 1897—1898 г.г., въ расчетахъ дирекціи къ 1903 г. За пять, шесть лѣтъ, конечно, значительно измѣнилось количество населенія (приростъ), увеличилось число школъ, а слѣдовательно, уменьшилось количество дѣтей, остающихся безъ обученія. 1 школа рассчитана у г. Куломзина въ среднемъ на 50 учащихся, у дирекціи—на 76 уч., что также уменьшало въ расчетахъ дирекціи общее число вновь проектируемыхъ училищъ, по сравненію съ указаніями г. Куломзина. Итоги расходовъ болѣе сближаются между собою въ расчетахъ дирекціи и г. Куломзина потому, что при меньшемъ комплектѣ дѣтей для новыхъ школъ въ расчетахъ дирекціи цифры для средней стоимости обученія одного учащагося выше, а именно 13 р. 18 к. въ среднемъ по губерніи, съ колебаніемъ по уѣздамъ отъ 9 р. 95 коп. до 19 руб. 5 коп. ¹⁾, тогда какъ по исчисленію г. Куломзина средняя стоимость одного учащагося въ годъ только 10 руб.

Интересно также сопоставить послѣднія вычисленія дирекціи съ итогами, выведенными губернской управою въ 1899—1900 г.г. и школьно-статистическимъ бюро Пермскаго губернскаго земства — въ 1905 году. (См. таблицу на стр. 188).

Какъ видно изъ таблицы, дирекція, сравнительно съ вычисленіями бюро, проектируетъ почти *вдвое* больше училищъ и болѣе, чѣмъ въ два раза, возвышаетъ расходы по нимъ. Разница объясняется основаніями расчетовъ. Бюро, повторяя ошибку съѣзда инспекторовъ и губернской управы, принимало въ расчетъ только *три* возрастныхъ группы (7%) дѣтей школьнаго возраста среди русскаго населенія, дирекція—*четыре* (9%). Расширеніе контингента дѣтей, подлежащихъ обученію въ начальной школь, на $\frac{1}{2}$ должно было вызвать соотвѣтственное увеличеніе числа школъ. Другая причина, объясняющая разницу въ указаніяхъ бюро и дирекціи на число новыхъ школъ, заключается въ томъ, что дирекція опредѣляла количество дѣтей, остающихся безъ обученія, только путемъ вычитанія учившихся въ 1903 году изъ общаго количества дѣтей школьнаго возраста, но не принимала во вниманіе того значительнаго количества дѣтей, которое

¹⁾ Дирекція вычисляла стоимость обученія по каждому уѣзду отдѣльно, въ виду разнообразія въ условіяхъ содержанія школъ по уѣздамъ.

Для осуществленія общедоступнаго обученія для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ Пермской губерніи требуется:

1) Открыть новыхъ школъ.

2) Ассимилировать дополнителъныхъ кредитовъ (въ рубляхъ).

ПО ВЫЧИСЛЕНІЯМЪ:		ПО ВЫЧИСЛЕНІЯМЪ:			
Пермской губернской земской управы 1899 — 1900 г.	Школьно-статистическаго бюро въ 1904—1905 г.	Пермской губернской земской управы въ 1899—1900 г.	Школьно-статистическаго бюро въ 1904—1905 г.	Пермской дирекціи народныхъ училищъ въ 1904 г.	Примѣчаніе.
1.202	948	6.256.000	5.841.649	1.845.589	
нормальныхъ училища открыть 360 школъ грамоты преобразовать въ одну классныя училища; въ добавленіе къ существующимъ школамъ всѣхъ вѣдомствъ:	нормальныхъ училищъ и 4 школы грамоты, всего 952 школы.	Руб.	Руб.	Руб.	По вычисленію бюро, общая сумма ежегодныхъ расходовъ для сельскихъ училищъ 2.245.317 р. 25 к. Вычитая изъ этой суммы цифру всѣхъ поступлений на личные школы всѣхъ вѣдомствъ за 1903 г. (1.350.971 руб.) получимъ дирекцію 894.336 руб. добавочныхъ расходовъ на училища сѣмъ родовъ.
1.775.1994.	1.851	Руб.	Руб.	Руб.	

могло бы размѣститься и въ наличныхъ школахъ, при заполненіи ихъ и при устройствѣ пространныхъ зданій для школъ, находящихся въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Выполненіе послѣдняго условія, несомнѣнно, уменьшило бы количество новыхъ училищъ, проектируемыхъ дирекціею. По расчетамъ автора настоящаго очерка, основаннымъ на изученіи поуѣздныхъ школьныхъ сѣтей, учрежденіе 1.250 новыхъ одно-классныхъ училищъ въ селахъ и 20 въ городахъ (съ общежитіями при нѣкоторыхъ сельскихъ школахъ) вполне обезпечить въ Пермской губерніи достиженіе общедоступнаго обученія. Постоянные расходы на содержаніе новыхъ училищъ дирекціею опредѣлялись для каждаго уѣзда отдѣльно, по средней стоимости *дѣйствительнаго* расхода на 1 учащагося ¹⁾. Въ исчисленіяхъ бюро по главной статьѣ постоянного расхода,—на содержаніе педагогическаго персонала, принимались слѣдующія „нормы“: 300 рублей для учителей и учительницъ и 180 рублей для помощниковъ и помощницъ.

По точнымъ свѣдѣніямъ дирекціи, средней окладъ по губерніи 388 руб. для учащихся мужчинъ и 247 руб. для учащихся женщинъ ²⁾. Примѣненіе „нормъ“, которыя ниже средней цифры дѣйствительнаго расхода, удешевляли сѣтты въ расходахъ бюро, но расчеты дирекціи, конечно, правильнѣе указывали размѣры предстоящаго расхода ³⁾. Самый крупный расходъ по осуществленію общедоступнаго обученія—расходъ на устройство и оборудованіе школьныхъ зданій. Сумма этого расхода по губерніи опредѣляется въ среднемъ выводѣ (изъ расчетовъ губернскаго земства и дирекціи) *въ 6 миллионъ* рублей.

Въ проектѣ статьи-секретаря Куломзина указывается оригинальный и, съ перваго взгляда, легко осуществимый способъ для изысканія громаднхъ средствъ на постройку школьныхъ зданій. По мнѣнію г. Куломзина, слѣдуетъ оторочить фактическое открытіе каждой вновь учрежденной школы на три года, а кредитъ, ассигнованный на еже-

¹⁾ Въ городахъ въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія стоимость обученія одного учащагося 14 р. 20 к., въ городохъ въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія—13 р. 18 к., въ училищахъ духов. вѣд.—9 руб.

²⁾ 1.300 руб. ежегоднаго расхода для городскихъ училищъ (при количествѣ 100 учащихся) и 900 руб. для сельскихъ (при 70—80 учащихся) могутъ быть признаны нормами содержанія училищъ.

³⁾ Отчетъ дирекціи за 1904 годъ. Вѣдомость № 4. Во всѣхъ уѣздахъ губерніи введены уже періодическія прибавки къ жалованью учащихся; министерство народнаго просвѣщенія и органы мѣстнаго управленія усиленно стремятся къ повышенію окладовъ учащихся.

годное содержаніе школъ, употребить въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ юридическаго, такъ сказать, бытія школы на постройку школьныхъ зданій; такимъ образомъ, безъ обремененія платежныхъ средствъ покроется самая крупная статья расхода по достиженію общедоступнаго обученія. По мнѣнію пермской дирекціи, трехлѣтняя стоимость содержанія школы меньше средней стоимости 1 школьнаго зданія, но, въ виду возможности бесплатнаго отпуска строительныхъ матеріаловъ и бесплатнаго исполненія „натурою“ части строительныхъ работъ, дирекція находила примѣнимымъ къ Пермской губерніи рекомендованный г. Куломзиннымъ способъ. Предъ сезономъ земскихъ собраній 1904 года директоръ народныхъ училищъ, г. Раменскій, обратился ко всѣмъ уѣзднымъ земскимъ управамъ Пермской губерніи съ просьбой обсудить проектъ г. Куломзина и ввести въ практику указанный способъ покрытія расхода на постройку школьныхъ зданій. Уѣздныя земства различно отнеслись къ способу г. Куломзина. Одни земства заявляли, что этотъ способъ въ сущности сводится къ образованію школьно-строительныхъ фондовъ, которые уже вводятся въ практику губернскимъ и уѣздными земствами, а потому нѣтъ основаній считать способъ г. Куломзина оригинальнымъ и болѣе облегчающимъ постройку школьныхъ зданій, чѣмъ проектируемая земствами мѣра. Другія находили примѣненію способа г. Куломзина несогласнымъ съ закономъ (примѣчаніе къ статьѣ 6 Положенія о земскихъ кредитахъ) и противорѣчающимъ установившемуся въ земствахъ порядку—привлекать сельскія общества къ участию въ постройкѣ и содержаніи школьныхъ зданій на мѣстныя средства, не требуя отъ крестьянъ опредѣленныхъ авансовыхъ денежныхъ взносовъ. Только два земства (ирбитское и красноуфимское) одобрительно отнеслись къ способу г. Куломзина и рѣшили сдѣлать опытъ примѣненія этого способа къ возведенію новыхъ школьныхъ зданій. При отрицательномъ отношеніи большинства земствъ къ способу г. Куломзина, вопросъ объ изысканіи громаднхъ средствъ на устройство зданій для всей сѣти школъ въ губерніи остается пока открытымъ. Значительный шагъ впередъ въ разрѣшеніи его сдѣланъ школьною комиссіею при губернскомъ земствѣ 29 мая 1905 года. По предложенію инспектора народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда, школьная комиссія признала необходимымъ увеличить ассигнованіе на школьно-строительный фондъ до 100 тысячъ ежегодно, о чемъ и постановила просить ближайшее губернское земское собраніе. Уѣздными земствами ассигнуется ежегодно на постройку и ремонтъ школьныхъ зданій 65—70 тысячъ рублей. Допуская возможность поступле-

нія такой же суммы на устройство школьныхъ зданій изъ другихъ источниковъ (сельскихъ обществъ, заводоуправленій и пр.), выводомъ, что максимальная сумма затратъ изъ мѣстныхъ источниковъ на устройство школьныхъ зданій можетъ достигнуть (100 тысячъ отъ губернскаго + 70 отъ уѣздныхъ земствъ + 70 изъ другихъ мѣстныхъ источниковъ) до 240 тысячъ въ 1 годъ; а, слѣдовательно, устройство школьныхъ зданій для всей сѣти можетъ послѣдовать на мѣстныя средства не ранѣе, какъ въ 25-ти лѣтній періодъ (6 милліоновъ: 240 тысячъ = 25).

По вопросу объ источникахъ средствъ для покрытія *постоянныхъ* расходовъ на содержаніе вновь проектируемыхъ училищъ дирекція пришла въ слѣдующимъ выводамъ. Заполненіе школьной сѣти въ *городахъ* губерніи можетъ быть достигнуто на средства городскихъ обществъ, при небольшомъ пособіи отъ казны ¹⁾ и земства въ періодъ отъ двухъ лѣтъ (для большей части городовъ) до 5 лѣтъ (послѣдній срокъ для отставшаго Екатеринбургa). Расходы на наличныя школы учебнаго вѣдомства за 1903 годъ 1.071.725 руб. 61 коп. покрывались земствомъ (79,6%), казною (7,7%), сельскими обществами (6,8%) и изъ другихъ мѣстныхъ источниковъ (5,9%). Ежегодный добавочный расходъ на вновь намѣченныя училища по сѣти 1.846.589 рублей. Если добавочный расходъ распредѣлять между источниками содержанія наличныхъ школъ въ выше приведенной пропорціи, то на долю земствъ (79,6%) придется добавочныхъ расходовъ 1.469.885 рублей; на долю казны 142.187 руб.; сельскихъ обществъ—125.568 рублей и на другіе источники 108.949 руб. Г. Куломзинъ находитъ возможнымъ осуществить въ Пермской губерніи общедоступное обученіе въ 15 лѣтъ. При распредѣленіи причитающихся на долю земствъ расходовъ на 15 лѣтъ (1.469.885 р. : 15 =) получимъ 97.992 руб. среднего добавочнаго кредита отъ земства на каждый годъ, тогда какъ при соблюденіи закона 10 іюня 1900 г. о предѣльности (3%) возвышенія земскихъ смѣтъ, земства Пермской губерніи могутъ ассигновать по расчету дирекціи дополнительныхъ кредитовъ на начальныя школы ежегодно 25.594 руб. ²⁾, т. е. на 72 тысячи рублей (въ круглыхъ цифрахъ) меньше потребной суммы. По опыту минувшихъ лѣтъ нельзя разсчитывать, что сельскія общества и др. мѣстныя

¹⁾ На два приходскихъ училища до 2.600 рублей въ годъ,—1 въ Перми, 1 въ Шадринскѣ. „Русская Школа“ 1905 г., № 3, стран. 122, 123.

²⁾ „Русская Школа“ 1905 г., № 3, стран. 125, 126.

учрежденія будутъ увеличивать свои ассигнованія на школы въ болѣе прогрессіи, чѣмъ земства, и покроютъ дефициты послѣдняго.

Скорѣе нужно ожидать обратнаго явленія: сельскія общества все болѣе и болѣе стремятся переложить свои расходы на счетъ земства. Допуская распредѣленіе добавочныхъ кредитовъ въ будущіе годы между источниками содержанія училищъ въ той пропорціи, какая наблюдается теперь, дирекція находитъ безусловно необходимымъ для осуществленія общедоступнаго обученія въ 15 лѣтъ увеличить ежегодное ассигнованіе отъ казны на 81 тысячу рублей¹⁾ въ добавленіе къ отпускаемымъ 240 тысячамъ теперь (на школы духовнаго вѣдомства 157.668 руб. и на народныя училища 82.647 руб., всего 240 тысячъ рублей). Губернское земство въ послѣдніе годы поддерживало ходатайства оханскаго, кунгурскаго, осинскаго, шадринскаго земствъ о субсидіи изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія на осуществленіе всеобщаго обученія. Въ 1903/1904 г. получены были отвѣты въ томъ смыслѣ, что министерство народнаго просвѣщенія, не отказываясь, по мѣрѣ возможности, помогать открытію новыхъ училищъ, не можетъ пока ассигновать ежегодной субсидіи въ указанныхъ земствами размѣрахъ. Результаты ходатайства объ отчисленіи части страхового капитала на ссуды для образовательныхъ цѣлей пока еще неизвѣстны. Въ засѣданіи школьной комиссіи 29-го мая 1905 г. заступавшій мѣсто директора народныхъ училищъ инспекторъ народныхъ училищъ Пермскаго уѣзда усиленно ходатайствовалъ о томъ, чтобы комиссія опредѣленно высказалась, въ какихъ размѣрахъ губернское земство можетъ дать субсидію уѣзднымъ, на началахъ взаимопомощи, каковы должны быть основанія для распредѣленія между уѣздами пособій отъ губернскаго земства и отъ казны, если послѣдній ассигнуешь опредѣленную субсидію губернскому земству на осуществленіе всеобщаго обученія. Майская комиссія, какъ и предыдущія collegіи губернскаго земства, *уклонилась* отъ рѣшенія этого вопроса, но высказала пожеланіе, чтобы, въ случаѣ созыва народныхъ представителей, депутаты отъ Пермской губерніи выдвинули въ первую очередь вопросъ о скорѣйшемъ осуществленіи всеобщаго обученія.

Вмѣстѣ съ симъ комиссія постановила предложить уѣзднымъ

---

¹⁾ Кроме этого, при завершеніи нормальной школьной сѣти, потребуется, по мнѣнію дирекціи, увеличеніе кредита на содержаніе инспекціи и на мѣры для подготовленія учительскаго персонала.

земствамъ, не пожелаютъ ли они ходатайствовать объ отмѣнѣ закона о предѣльности земскаго обложенія. Постановленія школьной комиссіи 29-го мая 1905 г.—последнее слово губернскаго земства по вопросу о всеобщемъ обученіи въ періодъ, взятый для нашего очерка.

Созывъ народныхъ представителей и результаты ихъ совѣщаній—дѣло неопредѣленного будущаго. Независимо отъ этого, пермскому губернскому земству слѣдовало бы, по примѣру московскаго и другихъ ¹⁾ передовыхъ земствъ, безотлагательно рѣшить вопросъ о формахъ и основаніяхъ участія губернскаго земства въ *постоянныхъ* расходахъ по *содержанію* народныхъ училищъ. Для предположеній о дальнѣйшемъ развитіи начального образованія въ Пермской губерніи могутъ служить показателемъ свѣдѣнія о приростѣ народныхъ училищъ и церковныхъ школъ за 1895—1905 гг., въ періодъ усиленной дѣятельности уѣздныхъ земствъ по осуществленію общедоступнаго обученія. Въ указанное десятилѣтіе въ Пермской губерніи прибавилось 384 одноклассныхъ и 34 двухклассныхъ народныхъ училища, всего 418, въ среднемъ приростъ за годъ—41 училище. Наибольшее число школъ открывалось шадринскимъ, камышловскимъ и осинскимъ земствами, наименьшее — соликамскимъ и окаторинбургскимъ. Число открытых школъ въ одинъ годъ доходило до 81,—въ 1896⁷ году. Послѣ закона 12 июня 1900 г. и отрицательнаго рѣшенія губернскимъ земствомъ вопроса о субсидіи уѣзднымъ на постоянные расходы по содержанію училищъ, число вновь открываемыхъ за годъ училищъ замѣтно стало сокращаться. Главнымъ препятствіемъ къ открытію новыхъ училищъ является недостатокъ средствъ на устройство собственныхъ школьныхъ зданій и отказъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ принимать участіе въ расходахъ по содержанію школьныхъ помѣщеній. Инспектора народныхъ училищъ усиленно ходатайствуютъ предъ уѣздными земствами о томъ, чтобы послѣднія по своей инициативѣ и всецѣло на свой счетъ открывали новыя училища въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе чувствуется нужда въ просвѣтительномъ вліяніи школы, а жители, по бѣдности или косности, отказываются отъ участія въ расходахъ. Въ Пермскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ въ 1904 г. рѣшено открыть нѣсколько школъ всецѣло на земскія средства въ память радостнаго событія въ царствующей семьѣ рожденія Пасхѣ Пасхѣ Пасхѣ Пасхѣ

¹⁾ Интересныя данныя для сравнительной оцѣнки дѣятельности 34 земствъ Россіи рекомендуемъ въ цѣнной статьѣ г. Домнина въ № 2 „Саратовской Недѣли“ за 1904 годъ.

саревича. Если бы всѣ земства взяли на себя инициативу учрежденія новыхъ училищъ, тогда заполненіе сѣти школъ могло бы пойти въ строго систематическомъ порядкѣ, сообразно съ степенью нужды въ просвѣщеніи; теперь же открытіе школъ происходитъ неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ районахъ достигнуто общедоступное обученіе, а въ другихъ, глухихъ мѣстахъ, $\%$ грамотности почти = 0. Число школъ духовнаго вѣдомства въ Пермской губерніи, по свѣдѣніямъ дирекціи, увеличилось за 1895—1905 гг. на 167, т. е. въ среднемъ на 16,7 въ 1 годъ. Средняя вмѣстимость церковной школы приблизительно равна $\frac{1}{2}$ средней вмѣстимости народнаго училища. Опредѣляя вѣроятный средній приростъ училищъ въ будущіе годы въ 50 одноклассныхъ нормальныхъ школахъ ($41 + \frac{1}{2} \cdot 16,7 = 49,3$) по губерніи, можно предположить, что намѣченная губерскимъ земствомъ сѣть училищъ (952) заполнится въ 19 лѣтъ. Губернскія и уѣздныя земства Пермской губерніи стали отрицательно относиться къ школамъ грамоты, находя ихъ мало соответствующими запросамъ населенія. Духовное вѣдомство въ послѣдніе годы сосредоточиваетъ свою дѣятельность на улучшеніи существующихъ школъ, воздерживаясь отъ учрежденія школъ при малой обеспеченности ихъ. Земства сокращаютъ свои субсидіи церковнымъ школамъ. Если не имѣть въ виду прироста церковныхъ школъ, то можно по среднему количеству открытыхъ народныхъ училищъ за минувшее десятилѣтіе заключить, что заполненіе земской сѣти училищъ по губерніи потребуетъ 23 года.

Другой расчетъ. Число учащихся въ народныхъ училищахъ Пермской губерніи за 10 лѣтъ увеличилось на 19 тысячъ мальчиковъ и 10 тысячъ дѣвочекъ; въ школахъ духовнаго вѣдомства на 7.734 мальчика и 7.250 дѣвочекъ; всего на 44 тысячи или въ среднемъ на 4.400 дѣтей обоего пола въ годъ. По расчетамъ дирекціи, въ начальной школы отдаются на 1-ое января 1904 года 151 тысяча въ селахъ и 2.520 въ городахъ, всего 153 тысячи дѣтей. $153.000 : 4.400 = 35$ лѣтъ нужно для достиженія общедоступнаго обученія въ Пермской губерніи, если число учащихся будетъ возрастать въ прежней прогрессіи.

Иаложный очеркъ исторіи вопроса о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи даетъ возможность сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ.

1) Наибольшее участіе въ разработкѣ вопроса принимали въ Пермской губерніи учебная администрація и земскія управы. Изъ представителей городского управленія мы встрѣтили только одно за-

явленіе, гласнаго г. Казанцова о включеніи города Екатеринбургъ въ общую школьную сѣть. Это заявленіе хотя и принято земскимъ собраніемъ, но осталось какимъ-то обособленнымъ въ ряду другихъ городовъ и не привело къ желательнымъ практическимъ результатамъ. Отъ губернскаго города не было никакихъ заявленій по вопросу о всеобщемъ обученіи. Пермскій городской голова ни разу даже не былъ приглашенъ въ многочисленныя коллегіи при губернскомъ земствѣ по народному образованію. То же нужно сказать и о духовно-учебной администраціи. *Въ интересахъ всесторонняго и объективнаго изслѣдованія „тромадной важности“ вопроса, слѣдуетъ пожелать, чтобы основанія для составленія школьной сѣти въ губерніяхъ и мѣръ общегубернскаго характера для осуществленія общедоступнаго обученія обсуждались въ коллегіяхъ изъ представителей всѣхъ общественныхъ группъ и администраціи заинтересованныхъ вѣдомствъ. Проектъ правилъ для составленія школьной сѣти и смѣтныхъ соображеній цѣлесообразно было бы предварительно печатать въ мѣстныхъ газетахъ, съ предложеніемъ всѣмъ, интересующимся даннымъ вопросомъ, высказать къ извѣстному сроку свои замѣчанія. Этимъ путемъ, несомнѣнно, можно предупредить ошибки и упущенія, какія были отмѣчены въ очеркѣ при разборѣ поуѣздныхъ сѣтой, мѣстной сѣзда инспекторовъ, правилъ губернской управы, и устранить рѣзкую разницу въ итогахъ исчисленій губернскаго земства и дирекціи.*

2) Въ губернскомъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ обязательные участники—гг. предсѣдатели уѣздныхъ сѣздовъ. По своему должностному положенію они совершенно независимы отъ давленія, испытывасямаго земскими управами со стороны „крупныхъ“ плательщиковъ земскаго налога. Эти лица, по своему призванію, должны быть близки къ интересамъ населенія. Въ земскихъ собраніяхъ Пермской губерніи за десять лѣтъ пришлось услышать открытое сочувственное заявленіе къ идеѣ всеобщаго обученія только со стороны двухъ предсѣдателей. Большинство или молчали во время преній по данному вопросу, или вотировали противъ мѣропріятій, предлагаемыхъ для скорѣйшаго осуществленія всеобщаго обученія.

3) Представители крестьянско-земледѣльческихъ уѣздовъ (въ особенности Осинскаго) въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ обнаруживали наибольшее участіе къ благопріятному разрѣшенію вопроса. Къ нимъ надо присоединить и представителей удѣльнаго вѣдомства. Въ первой главѣ изложено было цѣнное заявленіе г. Бычкова. Въ теченіе 10 лѣтъ разработки вопроса пермское губернское земство не

прибавило ни одной новой мысли къ тому широкому освѣщенію задачъ губернскаго земства въ дѣлѣ начальнаго образованія, какое сдѣлалъ гласный Бычковъ, и не выполнило самой главной задачи.

4) Въ періодической прессѣ не рѣдко приходится читать разсужденія о томъ, что учебная администрація „тормазитъ“ образовательныя стремленія и мѣропріятія земствъ. Исторія вопроса о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи указываетъ обратное отношеніе. Директоръ и инспектора народныхъ училищъ идутъ впереди земствъ въ разработкѣ вопроса. Дирекція возбуждаетъ рядъ ходатайствъ предъ губернскимъ земствомъ, а послѣднее по большей части только „отклоняетъ“ ихъ. Мало того, по собственному признанію губернской управы, губернское земство тормазило своимъ вмѣшательствомъ работы уѣздныхъ земствъ и ослабляло волну просвѣтительнаго движенія.

5) Обращаетъ на себя вниманіе неустойчивость принципиальныхъ взглядовъ среди гласныхъ губернскаго собранія на основныя задачи губернскаго земства. Въ очеркѣ было представлено много примѣровъ противорѣчій и колебаній въ мнѣніяхъ по одному и тому же предмету. Достаточно здѣсь припомнить, что въ одинъ годъ губернское земство признало необходимымъ взять на себя широкое содѣйствіе начальному образованію, а въ слѣдующую сессію (XXXI) рѣшило отказаться отъ всякаго участія въ разработкѣ вопроса, отъ инициативы въ возбужденіи ходатайствъ по дѣлу всеобщаго обученія. Земцы часто жаловались на стѣснительность закона 12-го іюня 1900 г., а когда губернскому земству предложено было ходатайствовать объ отмініи закона, вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно.

6) Чрезвычайное обиліе вспомогательныхъ коллегій, съ крайне медленнымъ порядкомъ созыва ихъ и громоздкимъ пріемомъ работы специальной школьной комиссіи не облегчило, а только отодвинуло на нѣсколько лѣтъ выполненіе необходимыхъ мѣропріятій (до сихъ поръ губернское земство не возбудило ходатайства о субсидіи предъ казною въ 500.000 р.). Раздававшіеся среди пермскихъ земцевъ голоса противъ многократнаго бесполезнаго пересмотра канцелярскимъ порядкомъ школьныхъ свѣтей оставались единичными. Посвятивъ массу времени и труда на „академическую“, или, проще сказать, на канцелярскую разработку вопроса, губернское земство за 10 лѣтъ провело только одно мѣропріятіе, которое имѣло безспорно важное значеніе въ осуществленіи всеобщаго обученія — образовало фондъ для выдачи безвозвратныхъ пособій на устройство школьныхъ зданій. Но

это мѣропріятіе, предложенное губернскому земству директоромъ народныхъ училищъ г. Раменскимъ въ 1895 г., развивалось медленно ¹⁾).

7) Излишняя притязательность губернской управы по отношенію къ уѣзднымъ оказывала вредное вліяніе на ходъ дѣла. Нельзя не пожалѣть о томъ, что губернская управа нерѣдко уклонялась отъ совмѣстной съ дирекціею работы по данному вопросу. Слѣдовало бы установить за правило, чтобы директоръ народныхъ училищъ обязательно приглашался въ засѣданія губернской управы и всѣхъ школьныхъ комиссій при ней для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ народнаго образованія.

8) Составленіе смѣтъ на осуществленіе всеобщаго обученія лучше всего производить по средней стоимости въ каждомъ уѣздѣ обученія 1 учащагося. Комплектъ учащихся тамъ, гдѣ не ведется именныхъ списковъ дѣтей, опредѣлять изъ 8—9% населенія. Данныя всеобщей переписи устарѣли, да и во многихъ случаяхъ даютъ невѣрные выводы.

9) Велики расходы на достиженіе общедоступнаго обученія, но, повторяя слова осинской управы, „не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ опускать рукъ предъ этимъ святымъ дѣломъ“. Если даже не будетъ отмѣненъ законъ 1900 г., если правительство откажется въ субсидіи изъ казны, въ позаймствованіи изъ капиталовъ губернскаго земства, можно добиваться для борьбы съ ужаснымъ врагомъ—невѣжествомъ—установленія мѣстнаго школьнаго налога. При трехъ милліонахъ населенія губерніи потребуется въ среднемъ на 1 жителя 2 р. единовременнаго взноса (на устройство школьныхъ зданій) и около 50 копѣекъ ежегоднаго ²⁾ взноса на осуществленіе всеобщаго обученія. Это не можетъ быть такимъ тяжелымъ бременемъ, которое бы заставило отказаться отъ благъ, доставляемыхъ просвѣщеніемъ. Холера въ 1891—1892 гг. побудила энергичнѣе взяться за борьбу съ тьмою. Будемъ надѣяться, что тяжкое народное бѣдствіе, вслѣдствіе войны съ болѣе образованною Японіею, заставитъ представителей населенія

---

¹⁾ Первое ассигнованіе было въ 1896 г., увеличено въ 1902 г. до 50 тысячъ ежегоднаго пособія на 12 уѣздовъ, при средней стоимости одного школьнаго зданія въ 3½ тысячи рублей.

²⁾ Въ 1903 г. на 1 жителя въ Пермской губерніи падало земскаго расхода на всѣ потребности 1 р. 87 к., на начальное образованіе 42 к. („Саратовская Недѣля“ 1904 г. № 2, статья г. Домнина).

Пермской губерніи соединить свои силы и приложить всё стараніа, чтобы „заря общедоступной грамотности“, занявшаяся въ 189⁰/7 г. въ Пермской губерніи, *поскорѣ* смѣпилась яснымъ днемъ всеобщаго обученія!..

С. Спротинъ.

О ВРЕМЕННОМЪ ПРЕКРАЩЕНІИ ЗАНЯТІЙ ВЪ ТОМСКОМЪ УЧИТЕЛЬСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Томскій учительскій институтъ, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, былъ временно, на одинъ годъ, закрытъ, занятія прекращены, воспитанники частію размѣщены по другимъ учительскимъ институтамъ Европейской Россіи, частію получили учительскія мѣста въ городскихъ и начальныхъ сельскихъ училищахъ, что для будущимъ учителей городскихъ по положенію 31-го мая 1872 г. училищъ особенно полезно. Такая экстренная мѣра, вызываемая обыкновенно какимъ-либо чрезвычайнымъ въ жизни учебнаго заведенія изъ ряда вонъ выходящимъ событіемъ, въ данномъ случаѣ была обусловлена двумя обстоятельствами: неимѣніемъ помѣщенія и отсутствіемъ преподавателей.

Томскій учительскій институтъ учрежденъ на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 4-го февраля 1902 г. и открытъ 26-го сентября того же года. Учрежденіе его было вызвано недостаткомъ правоспособныхъ преподавателей для занятія учительскихъ вакансій въ городскихъ училищахъ по положенію 31-го мая 1872 г. Извѣстно, что недостатокъ этотъ чувствуется даже въ Европейской Россіи. Тѣмъ замѣтнѣе онъ даетъ себя чувствовать въ предѣлахъ такой далекой и обширной окраины, какъ Сибирь, гдѣ учительскія вакансіи замѣщаются съ необычайнымъ трудомъ и не всегда успѣшно.

Но учебное заведеніе, учрежденное для устранения недостатка въ Сибири правоспособныхъ преподавателей городскихъ училищъ, само вынуждено было временно прекратить свою дѣятельность за недостаткомъ преподавателей: само серьезно потерпѣло отъ того зла, въ устраненіе котораго вызвано къ жизни.

Фактъ этотъ, достойный вниманія и самъ по себѣ, получаетъ двойной интересъ въ силу того обстоятельства, что вопросъ о приисканіи преподавателей въ среднія, низшія и начальныя учебныя заведенія въ настоящее время невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе: съ каждымъ годомъ дѣлается труднѣе и труднѣе замѣщать вакансіи преподавателей, особенно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если при этомъ дѣло касается преподавателей математики или педагогики, то трудность усугубляется. Специальныхъ заведеній для приготовленія учителей математики, естествознанія, новыхъ языковъ въ Россіи совсѣмъ не имѣется. Что касается преподавателей педагогики, то таковыхъ готовятъ, главнымъ образомъ, духовное вѣдомство, ибо педагогика входитъ въ курсъ духовныхъ академій, преподается въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ и духовныхъ семинаріяхъ. Въ учебныхъ же заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія по странной непослѣдовательности педагогика занимаетъ послѣднее мѣсто: при университетахъ не существуетъ кафедры этого предмета, въ историко-филологическихъ институтахъ, приготовляющихъ преподавателей въ среднія учебныя заведенія, педагогика носитъ характеръ чисто прикладной, практической и тоже не существуетъ въ нихъ педагогики, какъ особаго предмета учебнаго курса, въ мужскихъ гимназіяхъ педагогика извѣстна только по наслышкѣ; остается только преподаваніе педагогики въ VIII классѣ женской гимназіи, который и служить единственнымъ разсадникомъ педагогическихъ знаній въ Россіи, да въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, которыя суть спеціальныя, частью закрытыя учебныя заведенія.

При открытіи Томскаго учительскаго института, когда былъ только одинъ первый классъ, въ немъ состоялъ только одинъ штатный преподаватель, русскаго языка, да и то не вполне правоспособный, такъ какъ окончилъ курсъ не въ университетѣ, а въ духовной академіи, для учительскаго же института, равно какъ и для гимназіи, преподаватели назначаются изъ лицъ, получившихъ университетское образованіе, или окончившихъ курсъ въ историко-филологическихъ институтахъ въ С.-Петербургѣ и Нѣжинѣ. Кромѣ русскаго языка этотъ учитель не могъ преподавать ни одного предмета. Что касается остальныхъ предметовъ курса института, то ботаника преподавалась только потому, что преподаваніе этого предмета согласился временно вести профессоръ ботаники Томскаго университета, въ слѣдующемъ же учебномъ году онъ отказался отъ преподаванія. Исторію и географію вынужденъ былъ преподавать директоръ, а для преподаванія матема-

тики съ трудомъ удалось пригласить бывшего лаборанта Томскаго технологическаго института, специалиста по химіи.

Но такъ какъ институтъ—учебное заведеніе закрытое, то воспитанники должны находиться подъ постояннымъ надзоромъ наставниковъ, которые по очереди должны дежурить сутки при институтѢ. Обыкновенный штатъ института состоитъ изъ 4 штатныхъ наставниковъ, такъ что очередь дежурствъ для каждаго настаетъ черезъ три дня; если въ дежурствѣ принимаютъ участіе учителя городского училища, учреждаемаго при каждомъ институтѢ и входящаго въ число его постоянныхъ учреждений, то очередь дежурства настаетъ для каждаго черезъ пять дней. Въ Томскомъ учительскомъ институтѢ въ первый годъ его существованія былъ только одинъ штатный преподаватель, и надзоръ за воспитанниками былъ раздѣленъ между нимъ и директоромъ.

По окончаніи учебнаго года оба преподавателя оставили службу въ институтѢ: одинъ перешелъ на службу по инспекціи народныхъ училищъ, другой—химикъ—на службу по акцизному вѣдомству. Единственнымъ штатнымъ лицомъ учебно-воспитательнаго персонала остался въ институтѢ директоръ, которому пришлось вновь искать преподавателей.

Усилія его какъ будто увѣнчались успѣхомъ, найдены были два кандидата, филологъ и математикъ, первый—наставникъ учительской семинаріи, второй—отставной учитель гимназій, получающій пенсію. Но передъ самымъ началомъ 1903—1904 учебнаго года тотъ и другой взяли назадъ свои прошенія—первый потому, что съ переходомъ въ учительскій институтъ онъ проигрываетъ въ матеріальномъ положеніи (лишается казенной квартиры, переходя на то же жалованье), второй не признавалъ себя способнымъ вести надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ.

Пришлось составлять временный штатъ изъ преподавателей, приглашенныхъ по найму, и таковой съ великими усиліями и потерєю времени былъ составленъ только въ началѣ ноября, и то въ слѣдующемъ видѣ: по русскому языку учитель греческаго языка мужской гимназій, по алгебрѣ преподаватель Томскаго технологическаго института, по геометріи другой преподаватель того же института, по естествовѣдѣнію лаборантъ того же института, по исторіи и географіи учитель русскаго языка женской гимназій, по педагогикѣ—учитель духовной семинаріи.

Этотъ разнородный и совершенно случайный составъ преподава-

телей, состоя изъ лицъ вольнонаемныхъ, могъ посвящать институту только время своихъ уроковъ, ни одного часа вечеромъ. Штатныхъ преподавателей не было ни одного. А изъ названныхъ лицъ ни одинъ не могъ, да и не хотѣлъ взять на себя трудъ надзора за воспитанниками. Пришлось для послѣдней цѣли обратиться въ мѣстное городское училище и пригласить двухъ преподавателей для дежурства при воспитанникахъ. Лица эти, не обладая достаточнымъ образовательнымъ цензомъ и не имѣя надлежащаго авторитета, не могли имѣть никакого благотворнаго вліянія на воспитанниковъ и ограничивались лишь наблюденіемъ за внѣшнимъ порядкомъ, но и это имъ не всегда удавалось, такъ что поведеніе учениковъ за послѣднее время оставляло желать много лучшаго.

При такихъ, въ высшей степени неблагоприятныхъ условіяхъ, оканчивался 1903—1904 учебный годъ, и было совершенно очевидно, что на слѣдующій учебный годъ новый случайный штатъ пришлось бы создавать съ такими же усиліями, потерей времени, при преподаваніи, во многихъ отношеніяхъ болѣе чѣмъ неудовлетворительнымъ, и при отсутствіи всякаго воспитательнаго надзора за учениками.

Независимо отъ сего, съ начала 1904—1905 учебнаго года при институтѣ открывался третій классъ, а вмѣстѣ съ нимъ должно было быть открыто и городское училище по положенію 31-го мая 1872 г. Но для этого институтъ не только не имѣлъ хоть сколько-нибудь удовлетворительнаго помѣщенія, но не имѣлъ никакого: ни собственнаго, ни наемнаго. При учрежденіи института была отпущена соотвѣтствующая сумма на постройку зданія и предполагалось, что къ тому времени, когда придетъ очередь открывать третій классъ и городское училище, зданіе будетъ уже готово и 1904—1905 учебный годъ институтъ долженъ былъ начать уже въ своемъ помѣщеніи. Дѣйствительно, лѣтомъ 1903 г. зданіе вчеряѣ было выстроено и оставалось только лѣтомъ 1904 г. произвести его внутреннюю отдѣлку, чтобы эти предположенія осуществились; но неожиданно вспыхнувшая война на Дальнемъ Востокѣ была причиною ограниченнаго отпуска строительнаго кредита. Этотъ кредитъ совершенно неожиданно для строительной комиссіи былъ настолько урѣзанъ, что сдѣлалъ не только невозможнымъ окончаніе постройки, но поставилъ комиссію въ большое затрудненіе относительно дальнѣйшаго производства уже начатыхъ и неотложныхъ работъ.

При отсутствіи помѣщенія и за неимѣніемъ преподавателей, само

собой разумѣется, занятія въ институтѣ продолжаться не могли. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія и было временное закрытіе института на годъ, чтобы въ этотъ промежутокъ времени пріискать штатныхъ преподавателей и закончить постройку зданія для института.

* * *

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ.

*Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для письменнаго и устнаго изложенія. Пособіе при обученіи русскому языку въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Тюленевъ*, преподаватель Ревельской гимназіи Императора Николая I. Цѣна 75 коп. С.-Пб. 1906. Стр. XII 240 + V.

Книга г. Тюленева состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщены легенды, во 2-мъ анекдоты и историческія преданія, въ 3-мъ отрывки изъ художественной прозы, въ 4-мъ стихотворенія.

Въ общемъ, книга отличается содержательностью: составитель воздерживался отъ печатанія произведеній лирическихъ или статей чисто описательныхъ. Почти все время мы имѣемъ дѣло съ разсказомъ, съ смѣшной событіемъ. Съ этой точки зрѣнія, цѣль его, мнѣ кажется, должна быть признана вполне достигнутой: каждая статья поддается передачѣ, и при томъ безъ особаго труда для учащихся. Второй вопросъ—это—педагогическое качество матеріала. Кромѣ обычныхъ въ хрестоматіяхъ статей и стихотвореній—часть разсказовъ даже прямо взята изъ хрестоматій (Паульсона, Перевлѣскаго и другихъ)—отмѣтимъ отрывокъ изъ сочиненій В. Г. Короленка „Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ“, и изъ поэмы Апухтина „Годъ въ монастырѣ“. Я не помню также, чтобы читалъ въ хрестоматіи „Пастуха“ Майкова и „Емелю-охотника“ Мамина-Сибиряка. Въ общемъ подборъ изъ стараго и новаго матеріала сдѣланъ хорошо, съ педагогическимъ тактомъ, и, гдѣ надо, отрывки сокращены. Но я бы возразилъ противъ одного

---

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

изъ первыхъ разсказовъ: „Яблоко“, Круумахера, хотя и не разъ попадавшагося въ сборникахъ. Къ чему этотъ „ракъ въ печени“ во второмъ же разсказѣ книги?

Разсказъ „Медвѣдь-докащикъ“ (I, № 21) содержитъ мало вѣроятный анекдотъ о необыкновенной привязчивости медвѣдя къ хозяину: во всякомъ случаѣ, въ качествѣ свидѣтеля для преданія суду, это лицо не особенно надежное. „Правосудіе“—анекдотъ о Петрѣ Великомъ (раньше у Перевлѣскаго), своеобразный, но жестокий и изображающій правосудіе далекимъ отъ истинной справедливости. Разсказъ „Видѣніе Муравьева“ (стр. 66, II, № 40) заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о случаѣ зрительной галлюцинаціи, которой приданъ несоотвѣтствующій ей мистическій характеръ. Не менѣе страшнымъ представляется и „Видѣніе Карла XI“ (стр. 105, III, № 31), а также „Видѣніе Императрицы Анны Іоанновны“—оба пророческаго смысла.

Дурно выбрано названіе перваго отдѣла—„Легенды“. Какъ разъ двѣ первыя статьи—не легенды, а *притчи*. Слово легенда употреблено тѣмъ произвольнѣе, что въ слѣдующемъ отдѣлѣ находимъ именно нѣсколько легендъ, напримѣръ, „Карль Великій и змѣя“. Значеніе нѣкоторыхъ разсказовъ, особенно историческихъ, ослабляется отсутствіемъ объясненія. Откуда, напримѣръ, знать ученику 2-го класса, кто былъ Мазарини или кто былъ Виссаріонъ Бѣлинскій и т. д.

III. Анненскій.

*А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ѳ. Нелидовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ. Съ 28-ю рисунками. Изд. второе. М. 1903. Стр. 248. Ц. 1 руб.

Въ этой книгѣ говорится о русскихъ народныхъ пѣвцахъ, — Максимѣ Грекѣ, — хулителяхъ наукъ въ Екатерининской сатирѣ XVIII вѣка, — Фонвизинѣ, — С. Аксаковѣ, — Д. В. Григоровичѣ, — В. Г. Бѣлинскомъ, — Петрушкѣ, — Сервантесѣ и Дефоз. Всѣ статьи, кромѣ статьи о Максимѣ Грекѣ, назначены для учащихся (по словамъ предисловія) и были произнесены въ Московскомъ историческомъ музеѣ на воскресныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ учебнымъ отдѣломъ общества распространенія техническихъ знаний.

Въ первой статьѣ говорится о русскихъ народныхъ пѣвцахъ. Здѣсь встрѣчается слѣдующая невѣрная мысль: говорится (стр. 4), что почти нигдѣ въ остальной Россіи (кромѣ Олонецкой губерніи) народъ не знаетъ былинь.

А факты показываютъ иное. На рѣкѣ Пинегѣ въ Архангельской губерніи въ 1900 г. записано А. Д. Григорьевымъ 167 былинь, — 101 бы-

лина записана Н. К. Ончуковымъ въ 1903 г. на рѣкѣ Печорѣ, и въ томъ числѣ новыя историческія гдѣсни про Императора Александра Перваго (Сборникъ отдѣл. русск. языка и словесности Императорской академіи наукъ, т. 72, стр. VIII). Былины такъ часто въ послѣднее время дѣлаются предметомъ изслѣдованія, что общія положенія о нихъ должны быть высказываемы съ особою осторожностью.

На стр. 17-й той же первой статьи разсматриваемой книги сказано, что причитанія Матрены въ поэмѣ Некрасова „Кому на Руси жить весело“ заимствованы, между прочимъ, изъ сборника Е. В. Барсова („Заплачки“).

Но указанная поэма явилась въ 1873 году, а „Заплачки“ г. Барсова — въ 1882 году... Касательно источника, которому подражалъ Н. А. Некрасовъ въ „Кому на Руси жить весело“ вѣрнѣе, кажется, будетъ мысль В. П. Буренина, что эта поэма построена по образцу поэмы И. С. Аксакова „Бродяги“, напечатанной въ Московскомъ сборникѣ 1852 г., стр. 383 и др.

Для статьи второй: „Максимъ Грекъ“ изображеніе Максима Грека болѣе благообразное, чѣмъ то, которое предложено (стр. 25), можно было бы позаимствовать изъ замѣчательнаго журнала „Христіанскія Древности и Археологія“ за 1863 годъ, издававшагося В. А. Прохоровымъ, знатокомъ древности. Въ этой статьѣ не мало одностороннихъ воззрѣній.

На стр. 30-й читаемъ: „На Руси латинская вѣра считалась «проклятою» и «поганой»“.

А у преподобнаго Феодосія, писателя XI вѣка, легче сказано объ этомъ предметѣ: „вѣрѣ же Латинской не прилучатися, ни обычая ихъ держати и всякаго ученія ихъ не слушати“,—о духѣ же милосердія не говоритъ разбираемая статья: „Милостынею же милуй не токмо своеса вѣры, но и чужеса. Аще видиши нага, ли голодна, ли зимою, аще ти будетъ, ли Жидовинь, ли Сорочининь, ли еретинь, ли Латининь—*всякаго помилуй*“.

Въ бѣглому очеркѣ состоянія русскихъ умовъ и нравовъ XVI вѣка (стр. 32) встрѣчаемъ такіа воззрѣнія: „Ужо въ XII вѣкѣ складывается убѣжденіе, что грамотность и книжныя знанія нужны только церковнику“ (стр. 33).

А источники говорятъ иное. Уже въ Сборникѣ Святослава (XI в.) есть статья о книжномъ почитаніи, гдѣ прямо сказано, что книжное почитаніе добро есть *всякому* христіанину (о церковникѣхъ нѣтъ ни слова). Преподобный Несторъ лѣтописецъ говоритъ о книжномъ уче-

нія и великой пользѣ отъ чтенія книгъ; лѣтописецъ называетъ книги рѣками, напоющими вселенную, исходящими мудрости (лѣта 6545). Въ XII вѣкѣ Кирилль, епископъ Туровскій, говоритъ о важности книжнаго почитанія: „часто почитайте святыхъ книгъ и въ церквахъ и въ домѣхъ: капля бо часто каплюща и камень вдолить (долбить), тако и почитая *часто* книги съ разумомъ, разрѣшить грѣховныя союзы, — приложи почитанію книжному, и Господь дастъ ти разумъ“ (изд. графа Уварова. С.-Пб. 1858, т. 2, стр. 70). Это говорилось не для церковниковъ только, а для всѣхъ, бывшихъ въ церкви. Да и въ Словѣ Божіемъ сказано, что благочестіе на *се* полезно есть.

Стр. 34. „Мы не встрѣчаемъ *нидн* извѣстія объ образованности князей и вельможъ“.

Источники же передаютъ болѣе утѣшительныя извѣстія. Владиміръ Мономахъ, XII вѣка, говорилъ дѣтямъ, что отецъ его, дома сидя, „изумѣяше пять языкъ“, а въ извѣстіяхъ о XVI вѣкѣ говорится, что во время спора Василия Темнаго съ Юріемъ Дмитріевичемъ о великокняжескомъ престолѣ, царь „повелѣлъ своимъ князьямъ судить князей Русскихъ. Князь великій по отчеству и дѣдству искаше стола своего, князь же Юрій Дмитріевичъ, дядя его, *лѣтописцы* и *старыми* *стиски* и духовною отца своего“. (См. любопытную статью М. И. Сухомлинова о Древней Русской лѣтописи, стр. 4).

Стр. 86. „Произведенія духовныхъ писателей (XV и XVI вѣковъ) представляютъ собою своды готовыхъ мыслей, застывшихъ въ неподвижныхъ, какъ бы окаменѣлыхъ формахъ“, и указывается при семъ на сочиненія Іосифа Волоцкаго, митрополита Даніила и Нила Сорскаго (стр. 86).

Опроверженіемъ такого односторонняго возрѣнія на литературныя труды Іосифа Волоцкаго, митрополита Даніила и Нила Сорскаго могутъ служить мнѣнія извѣстныхъ ученыхъ—А. В. Горскаго (1847 г.), преосвященнаго Филарета (Черниговскаго, 1856 г.), неизвѣстнаго автора въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ (1855—1857 гг.), Шевырева (1860 г.), историка Соловьева (1864 г., „Исторія Россіи“, т. V), М. О. Комловича (1881 г.), И. П. Хруцова (1900 г.). Последний ученый въ своей книгѣ: „Бесѣды о древней русской литературѣ“ такъ говоритъ объ Іосифѣ: „Въ книгѣ, названной „Просвѣтителемъ“, съ искренною теплою говоритъ Іосифъ о предметахъ вѣры, со страстною горячію нападаетъ на враговъ церкви. Пре-

дислоіе къ „Просвѣтителю“ начинается величавою картиною русскаго христіанскаго просвѣщенія, при чемъ крещеніе связывается съ міровыми событіями рода человѣческаго и съ проповѣдію апостоловъ“ (Бесѣды, стр. 158).

Стр. 36. „Неподвижность русской мысли отражалась и на религіозномъ пониманіи...; на первомъ планѣ стоялъ обрядъ“ (стр. 36).

А историко-литературные факты говорятъ иное. Въ одномъ поученіи Космы пресвитера, помѣщенномъ въ Прологъ 21-го числа марта, говорится: „А *ме* спасутъ насъ черныя ризы. аще въ лѣпости начнемъ жити. ни губятъ же бѣлыя, аще творимъ Божія заповѣди“. (Историч. Очерки Ѳ. И. Булаева. 2—132). Въ посланіи св. Нила Сорскаго, основателя скитскаго житія въ Россіи (XVI в.), преподаются такіе совѣты, исполненные великаго человѣколюбія: „здравіи и юни да утомляютъ тѣло постомъ, по возмозному; старіи же и немощніи да упокоютъ себе“.

Стр. 38. Говорится, что *иногда* въ древней Руси мелькали гуманныя мысли, какъ, напр., у Башкина—мысль объ освобожденіи рабовъ.

Справедливость требовала сказать, что мысль объ участи *несвободныхъ* людей была постоянною мыслию нашихъ пастырей церкви, начиная съ XI вѣка. Въ правилѣ митрополита Іоанна (XI в.) находимъ статью противъ торговли рабами; отъ XI—XII в. сохранилось Слово о рабахъ, сильно написанное. Сочинитель говоритъ: „сиротъ домашнихъ не обидьте, по больше милуйте... Рабовъ, которыхъ возьмешь въ походъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ рати добрыми помощниками“ (Исторія С. Соловьева. 3—103). Писатель XIII в. Серапіонъ вступаетъ за меньшихъ братій и запрещаетъ свободныхъ сиротъ порабощать и продавать. Іосифъ Волоколамскій написалъ письмо (послание) къ одному вельможѣ о милованіи рабовъ, исполненное глубокаго участія къ ихъ судьбѣ: „естъ бѣда велика и страшна, пишетъ онъ, еже не пекутся о домашнихъ своихъ сиротахъ, но токмо дѣломъ насилуютъ и ранами казнятъ“.

Стр. 40. „Москва была неповинна ни въ какомъ знаніи, ни въ какомъ художествѣ“.

Съ именемъ Москвы связаны воспоминанія о дѣятельности московскаго митрополита Макарія: онъ окончательно составилъ Мини-Четьи—громадный сборникъ всѣхъ книгъ, чтомыхъ тогда. Силы политическія Россіи соединились около Москвы, и силы нравственно-духовныя соединились въ этомъ знаменательномъ памятникѣ нашей внутренней жизни, по объясненію нашихъ уважаемыхъ ученыхъ.—Съ

именемъ Москвы связать „Стоглавъ“, обратившій вниманіе на всѣ слабыя стороны жизни русскаго общества, съ цѣлю улучшенія его, преимущественно на почвѣ просвѣщенія. При имени Москвы возникаютъ представленія о „Посланіи Іоанна Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“ (историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, вопреки П. И. Костомарову, называетъ этотъ памятникъ блистательнымъ литературнымъ произведеніемъ),—о перепискѣ Грознаго съ княземъ Курбскимъ—знаменательное произведеніе древней нашей словесности. Съ именемъ Москвы связано и могущественное средство для просвѣщенія (по словамъ историка С. М. Соловьева)—книгопечатаніе, въ Москвѣ открытое, и появленіе у насъ *первой* печатной книги—„Апостола“. Митрополитъ Макарій (XVI в.) нашелъ и въ Москвѣ людей, способныхъ къ печатанію книгъ (Обзоръ русской духовной литературы—преосвященнаго Филарета, стр. 141). Съ именемъ же Москвы соединяется зодчество церкви Василія Блаженнаго—чудный памятникъ нашей благочестивой старины. У Буслаева (см. его Историческіе Очерки русской народной словесности) можно читать и о другихъ памятникахъ русскаго зодчества, явившихся въ Москвѣ. Въ Москвѣ же возникло громкое дѣло объ иконописаніи, по почину дьяка Висковатаго—объ этомъ дѣлѣ разсуждали на соборѣ 1554 г. Можно ли говорить, что въ Москвѣ *не было* никакого знанія, никакого художества (стр. 40)?.. Было бы правильнѣе принять мнѣніе историка С. М. Соловьева, который въ своей „Исторіи Россіи“ (т. VIII) говоритъ, что XVI вѣкъ, вѣкъ Іоанна Грознаго, представляетъ значительный шагъ впередъ на пути къ просвѣщенію Россіи. „Розыскъ“ на соборѣ по дѣлу Висковатаго (о написаніи иконъ) принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ страницамъ въ исторіи художественно-религіозныхъ идей (Историческіе Очерки Э. Буслаева, т. 2, стр. 233).

Стр. 51. „О древне-эллинской языческой мудрости наши предки не имѣли никакого понятія“, говорится въ книгѣ „Десять чтеній“.

А факты иное говорятъ. Гомеръ (по древнему „Омиръ“) у насъ былъ извѣстенъ въ XI вѣкѣ. Въ богатой библиотекѣ Царскаго найдень переводъ „посланія папы Леонта старѣйшаго и великаго Рима къ Флавіану, архіепископу Константина града, на Евтихія суетумдраго и на единомышленника его“. Переводъ замѣчательенъ своимъ предисловіемъ, писаннымъ однимъ кievскимъ черпорицецемъ, который находился въ сношеніяхъ съ княземъ Святошею Черниговскимъ. Изъ предисловія видно, что переводчикъ былъ знакомъ съ *Омирскими* и *риторскими* книгами („Москвитянинъ“ 1843, № 7). Посланіе митро-

полита Климента (XII в.) къ смоленскому пресвитеру Өомѣ показывается, что онъ пользовался Гомеромъ, Аристотелемъ и Платономъ (Памятники древней письменности, 1892, № XC, стр. 5). Васіанъ, архіепископъ Ростовскій, XV в., въ посланіи къ Іоанну III, на Угру, упоминаетъ философа Димокрита,—какое упоминаніе ясно показываетъ, что наши предки были знакомы въ древнею эллинскую мудростію,—для сего въ старину существовали у насъ сборники, называемые „Пчелами“. (См. изслѣдованіе академика М. И. Сухомлинова о „Пчелахъ“ и новѣйшій трудъ о томъ же г. Семенова). Въ „Пчелѣ“ приводятся мѣста изъ Аристотеля, Демосеена, Елиетета, Еврипида и др.

Стр. 52. „Тогдашніе грамотеи *никогда* не слыхали ни о грамматикѣ, ни о риторикѣ, ни о логикѣ, ни о какихъ другихъ наукахъ“ (стр. 52).

Историко-литературные факты говорятъ другое. Грамматическія свѣдѣнія наши предки могли читать въ сочиненіяхъ Іоанна, экзарха Болгарскаго, X вѣка; онъ перевелъ грамматику Іоанна Дамаскина. Переводъ сдѣланъ такъ, что переводчикъ не только правила подкрѣплялъ славянскими примѣрами, но и самыя правила иногда измѣнилъ по духу славянскаго языка. (Обзоръ русск. духовной литературы, преосв. Филарета, стр. 5).

О риторикѣ мы имѣли понятіе еще въ XI вѣкѣ. Въ Изборникѣ Святослава помѣщено сочиненіе Георгія Хуровскаго „о образѣхъ“, гдѣ сообщаются понятія о тропяхъ и фигурахъ: аллегоріи, метафорѣ („прѣводъ“), синекдохѣ и др. (Сообщеніе преосвящ. Филарета въ журналѣ „Современникъ“ 1836 года, второй томъ, стр. 9 и д. Сборникъ Святослава 1073 г. издалъ Обществомъ древней письменности въ 1870 г.).

О логикѣ предки наши тоже имѣли понятіе. Въ томъ же Изборникѣ 1073 года находимъ статьи философскаго содержанія, напр., о существенномъ и случайномъ, о родѣ и видѣ (Христоматія ц.-слав. языка Буслаева, 1861, стр. 274—275). Въ посланіи митрополита Никифора (XII в.) ко Владимиру Мономаху изъясняются философскія понятія: умственное, страстное, желанное,—говорится о душѣ и пяти ея „чувствіяхъ“ (слухахъ): очахъ, слухѣ, обоняннн, вкусѣ и осязаннн.

Нельзя говорить, что ни о какихъ другихъ наукахъ грамотеи наши не имѣли никакого понятія. Факты говорятъ, что у насъ были гѣтописи (по нимъ исторію изучали и Несторъ ссылался на Амартола

лѣтописца), хронографы (это своего рода исторія), папѣи (историческое сочиненіе, хотя и съ примѣсью апокрифической стихіи), книги Законныя (знакомили съ юридическими понятіями), житія святыхъ (по нимъ и родная исторія изучалась и преподавалась высокая нравственность), — были у насъ переводы Шестоднева Василія Великаго (здѣсь объяснилось все мірозданіе), былъ переводъ творенія Георгія Писиды (XIV в.) о міротвореніи (и объ этомъ замѣчательномъ твореніи даже въ лѣтописи записано), существовали выписки изъ сочиненій Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніи: найдены эти свѣдѣнія въ книгѣ правилъ св. Кирилла, игумена Бѣлозерскаго, XIV в.

Очевидно изъ этихъ фактовъ (число которыхъ я могъ бы умножить), что начатки разныхъ наукъ нашимъ предкамъ были вѣдомы.

Стр. 63. „Защитники старины въ лицѣ своихъ болѣе сильныхъ представителей какъ Геннадій, Іосифъ Волоцкій, Даніилъ (митрополитъ) умѣли дѣйствовать *только* преслѣдованіями, заключеніями и казнями“ (стр. 63).

Опять одностороннее сужденіе! Представители старины—Геннадій, Іосифъ и Даніилъ дѣйствовали не только преслѣдованіями и казнями, а прежде всего дѣйствовали словеснымъ оружіемъ, какъ вездѣ дѣйствовали истинно-религіозные и просвѣщенныя пастыри церкви Христовой. Геннадій написалъ противъ ереси жидовствующихъ, которая тогда раздирала русскую церковь, нѣсколько посланій къ митрополиту и разнымъ епископамъ. Изъ письма Геннадія къ епископу Іоасафу видно, что тѣ же еретики (отвергавшіе *все* христіанское ученіе) побудили его озаботиться составленіемъ *полнаго* списка Библии,—драгоценный трудъ, составляющій славу древне-русскаго образованія. Съ такою же ревностью боролся противъ ереси жидовствующихъ преподобный Іосифъ, игуменъ Волоколамскій: онъ написалъ противъ жидовствующихъ цѣлую книгу, подъ названіемъ „Просвѣтитель“. Въ этой книгѣ рассказана исторія возникновенія ереси и находится *шестнадцать* словъ противъ ереси; сверхъ того, тотъ же ревнитель благочестія написалъ семь посланій къ разнымъ лицамъ о той же ереси. Митрополитъ Даніилъ тоже писалъ противъ ереси жидовствующихъ.

Если указанные ревнители, по долгу своему, писали противъ еретиковъ и словомъ боролись съ ними, то никакъ нельзя сказать, что Геннадій, Іосифъ и Даніилъ боролись съ жидовствующими „только“ преслѣдованіями, заключеніями и казнями (стр. 63).

Въ другихъ статьяхъ, вообще говоря, удовлетворительно соста-

вленныхъ, тоже не мало высказано одностороннихъ воззрѣній. Такъ на стр. 66 сказано: въ русскомъ человѣкѣ вѣками воспитывалась боязнь всякаго проявленія живой мысли; на стр. 69-й византійское вліяніе названо „одностороннимъ“ (а наши ученые—Буслаевъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ называютъ его благодѣтельнымъ); поэзія XVIII в. названа „аристократическою“ (стр. 91); приведено мнѣніе кучера (стр. 109), что русскіяхъ создалъ Богъ, а нѣмцевъ чортъ (не къ чему было печатать для учащихъ такія острословія фонвизинскихъ писемъ); приводится мнѣніе, что С. Т. Аксаковъ поклонялся Гоголю, „идолопоклонничалъ“ (стр. 120, мнѣніе неправильное); на стр. 126-й Шишковъ названъ *фанатикомъ*: такого названія не заслуживалъ человѣкъ, ратовавшій за чистоту русскаго языка и получившій отъ великаго поэта почетнѣйшую характеристику:

„Сей старецъ дорогъ намъ,
Онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года“.

Рѣзко мнѣніе Бѣлинскаго о вліяніи повѣсти Григоровича „Антонъ-Горемыка“ (стр. 141), рѣзкогъ отзывъ разбираемой книги о Кукольниковѣ (стр. 163: „совѣстно говорить о немъ“); критиковъ Пушкинна книга называетъ страшными повѣждами и недобросовѣстными (стр. 161, а критиками были и такіе просвѣщенные дѣятели, какъ Воейковъ, Веневитиновъ, князь Вяземскій, Надеждинъ и др.).

Не совсѣмъ вѣрно и то мнѣніе Бѣлинскаго, которое приведено въ разбираемой книгѣ, что оцѣнка имъ типа Татьяны (Пушкина) „до сихъ поръ едва ли не самая лучшая“ (стр. 168). Кто знакомъ съ превосходною рѣчью Ѳ. М. Достоевскаго о значеніи Пушкина и въ частности о Татьянѣ, тотъ никогда не согласится съ указаннымъ мнѣніемъ В. Г. Бѣлинскаго.

А. Филоненъ.

* *Саратъ-Чандра Дасъ. Путешествіе въ Тибетъ. Съ 2 картами, 2 планами Лхасы, 4 литографированными картинками и 50 рисунками. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію В. Л. Котича. С.-Пб. Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина. 1904. Стр. XLIV+356. Цѣна 4 рубля.*

Издатель перевода приложилъ къ труду Саратъ-Чандра-Даса введеніе, въ которомъ дается географическій очеркъ Тибета съ указаніемъ путей, соединяющихъ Китай и области Тибета со Лхасою; затѣмъ переводчикъ перечисляетъ путешественниковъ европейцевъ, посѣтившихъ Тибетское плоскогоріе въ XIV, XVII и XVIII вв., при-

соединя къ этому и попытку Остъ-Индской компаниі завязать торговля сношенія съ Тибетомъ при знаменитомъ генераль-губернаторѣ Гастингсѣ. Но болѣе подробно переводчикъ останавливается на изслѣдователяхъ Тибета, которые появились въ XIX вѣкѣ, и особенно на русскихъ изслѣдователяхъ Пржевальскомъ, Роборовскомъ, Козловѣ и др., давшихъ толчокъ иностранцамъ, особенно англичанамъ, къ желанію проникнуть въ Тибетъ не со стороны запада и востока, путей, которыми направлялись прошіе путешественники въ Тибетъ, а со стороны сѣвера. Переводчикъ перечисляетъ всѣ иностранныя путешествія и экспедиціи въ Тибетъ съ указаніемъ переводной литературы, описаній этихъ путешествій, какъ-то: американскаго дипломата Рокхила, француза Бонвало, Свенъ-Гедина и др. Англо-индійское правительство, будучи особенно заинтересовано въ Тибетѣ, не удовлетворялось тѣми свѣдѣніями и особенно картами, которыми были сообщены о Тибетѣ нашими и иностранными путешественниками, и пришло къ мысли спеціально готовить такихъ путешественниковъ изъ азіатовъ-буддистовъ, которые получили названіе „пундитовъ“ (ученыхъ). Пундитовъ воспитано было въ Индіи не мало и къ числу ихъ принадлежитъ Саратъ-Чандра-Дасъ, совершившій два путешествія въ Тибетъ: въ 1879 г. и въ 1881—1882 гт. Отчеты о его путешествіяхъ индійское правительство, по разнымъ соображеніямъ, держало въ секретѣ, и лишь черезъ 20 лѣтъ по выходѣ ихъ Лондонское географическое общество получило разрѣшеніе на опубликованіе этихъ трудовъ.

Послѣ русскаго введенія слѣдуетъ предисловіе къ англійскому изданію, которое составлено американскимъ дипломатомъ Рокхилемъ, также путешествовавшимъ въ Тибетъ, и въ которомъ Рокхиль сообщаетъ разныя данныя, какъ о личности Саратъ-Чандра-Даса, такъ и о значеніи его путешествій въ Тибетъ.

Сочиненіе Саратъ-Чандра-Даса пероводено какъ съ примѣчаніями, сдѣланными Рокхилемъ, такъ и съ примѣчаніями русскаго издателя, указывающими или на русскія путешествія или объясняющими разныя малоизвѣстныя термины, преимущественно буддійскіе.

Рисунки, приложенныя къ книгѣ, принадлежать или англійскому изданію, или же сдѣланы съ фотографіи калмыка Норзунова, снимавшаго виды въ Тибетѣ по порученію Императорскаго русскаго географическаго общества. Далѣе къ изданію приложены схематическая карта Тибета, составленная редакціою, и планъ Лхасы съ указателемъ, извлеченный изъ англійскаго географическаго журнала за 1904 годъ.

Наконецъ, къ изданію приложенъ алфавитный указатель личныхъ географическихъ именъ, а также тибетскихъ, санскритскихъ и монгольскихъ словъ.

Сочиненіе это для географа-специалиста представляетъ высочайшій интересъ, такъ какъ оно впервые поднимаетъ ту таинственную завѣсу, которую тщетно старались приподнять путешественники въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Описание Лхасы сопровождается планомъ, составленнымъ по туземнымъ источникамъ, а описание Поталы, резиденціи Далай-Ламы, иллюстрируется раскрашеннымъ видомъ дворца. Независимо отъ этого, даются многія свѣдѣнія о населеніи, объ администраціи области Лхасы, о разныхъ обычаяхъ и церемоніяхъ монастырскихъ, придворныхъ, праздничныхъ, свадебныхъ, погребальныхъ и т. п. Много сообщается мелкихъ бытовыхъ чертъ о постройкѣ крѣпостей, домовъ, о торговлѣ, домашней утвари и т. д. и т. д. Правда, все наиболѣе интересное, имѣющее значеніе для большого круга читателей, въ книгѣ перемѣшивается съ вопросами, имѣющими значеніе специальное, и такого рода матеріалъ, конечно, задерживаетъ чтеніе.

И. Веллярининовъ.

*СТРАНА ТЕПЛА И СОЛНЦА. Сочи, Туапсе, Гагры и Сухумъ. Въ климатическомъ, климато-лечебномъ и охотничьемъ отношеніяхъ. Ихъ настоящее и будущее. Съ 26 рисунками въ текстѣ. Составили *Н. Г. Калабуховъ* и *Н. Г. Иблонскій*. Москва. 1904. Стр. 212. Цѣна 1 рубль.

Озаглавленная книжка назначастся собственно не для юныхъ читателей, а для больныхъ, нуждающихся въ лѣченіи, или для капиталистовъ, желающихъ пріобрѣсти земли на черноморскомъ берегу, или же для любителя охоты. Съ этой точки зрѣнія книга можетъ быть названа весьма полезною. Вся книжка составлена г. Калабуховымъ, а другому автору г. Иблонскому, принадлежитъ только заключительная глава „Черноморскій округъ въ охотничьемъ отношеніи“. Начинается книжка критикою литературы, касающейся Черноморскаго побережья, при чемъ г. Калабуховъ дѣлитъ ее на 2 категоріи: къ первой категоріи относятся сочиненія, имѣющія характеръ рекламы, подобныя книжкѣ, изданной Московскою комиссіонною конторою Виноградова: „Сочи — жемчужина Черноморскаго побережья“, или же сочиненія, принадлежащія авторамъ, видѣвшимъ Черноморское побережье только съ берега, какъ, напримѣръ, сочиненіе Личкова: „Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа“. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р. 25 коп. Ко второй категоріи принадлежатъ сочиненія болѣе

солидные, какъ-то: проф. Краснова подъ заглавіемъ „Русская Ривьера“, и, главнымъ образомъ, сочиненія, принадлежащія комиссіи, командированной по Высочайшему повелѣнію для изслѣдованія Черноморскаго побережья и состоявшей изъ профессоровъ Восейкова, Пастернацкаго и инженера Сергѣева. Сочиненіями этой категоріи авторъ почти исключительно пользовался при описаніи климата и лѣчебныхъ особенностей Сочи, Туансо, Гагръ и Сухума, дополняя книжныя свѣдѣнія своими личными наблюденіями. Сравнивая лѣчебно-климатическія условія курортовъ Гелсиджика, Сочи, Гагръ, Сухума, авторъ оказываетъ предпочтеніе, главнымъ образомъ, Сочи, опираясь на выводы относительно этой мѣстности проф. Пастернацкаго. Для подтвержденія своихъ мнѣній о климатическихъ преимуществахъ Сочи и другихъ ближайшихъ лѣчебныхъ пунктовъ авторъ вводитъ особенную статью подъ заглавіемъ „Лихорадки“, въ которой сравниваетъ заключенія научнаго доклада малярійной комиссіи для Московской губерніи съ наблюденіями, сдѣланными какъ самимъ авторомъ, такъ и другими, надъ Черноморскимъ побережьемъ и особенно Сочи, и приходитъ къ выводу, что страхъ предъ лихорадками на Черноморскомъ побережьѣ основанъ на недоразумѣніи.

Въ слѣдующей статьѣ—„Нѣкоторые земельные вопросы Черноморскаго побережья“ авторъ, наряду со свѣдѣніями и предостереженіями, весьма полезными для капиталистовъ, желающихъ пріобрѣсти полевые участки, беретъ подъ свою защиту Абазу отъ осужденія Личкова въ вышепоименованномъ сочиненіи въ томъ, что Абаза роздалъ земли по побережью богатымъ людямъ, а не крестьянамъ.

Эта защита не бесполезна въ виду того, что обвиненія въ этомъ Абазы, повидимому нѣсколько одностороннія, все чаще повторяются и въ другихъ сочиненіяхъ и, между прочимъ, въ не такъ давно вышедшей книгѣ С. Васюкова—„Край гордой красоты“.

Въ заключительной статьѣ г. Яблонскаго „Черноморскій округъ въ охотничьемъ отношеніи“ содержится перечень животныхъ и птицъ, какъ объектовъ охоты, съ указаніемъ лучшихъ уголковъ и условій охоты.

III. Белларининовъ.

*А. Мусиновичъ. Методика преподаванія новыхъ иностранныхъ языковъ. Изданіе Н. Киммеля. Рига, 1903.

Книжка г. Мусиновича составлена весьма добросовѣстно и старательно человѣкомъ опытнымъ и любящимъ свое дѣло. Недостатки въ

ней найдеть, конечно, каждый критикъ, и это—воплнѣ естественно, такъ какъ методика преподаванія новыхъ языковъ все еще теперь вырабатывается, и нѣтъ, быть можетъ, ни одного изъ ея положеній, которое удалось бы до сихъ поръ непоколебимо установить, и которое можно было бы считать окончательно общепринятымъ.

Хотя бы одинъ выборъ самаго метода преподаванія будетъ дѣломъ еще нѣсколькихъ лѣтъ. На теперешній такъ называемый натуральный методъ, съ его необъяснимымъ страхомъ передъ переводами, съ его постоянными попытками добраться до самой мысли, какъ будто дѣло шло о приобрѣтеніи этой же самой мысли, а не объ ознакомленіи просто съ выраженіемъ ея,—на этотъ методъ, дѣйствительно, можно только смотрѣть какъ на благотворную реакцію противъ прежняго, главными приемами котораго являлись зубреніе фантастическихъ соображеній, называвшихся грамматическими правилами, и изнурительный и напрасный трудъ напичкиванія вокабулами.

Изъ этихъ двухъ, собственно, не методовъ, а группъ приемовъ, со временемъ, можно надѣяться, выработается нѣчто разумное и цѣлесообразное, но пока высказаться категорично въ пользу одного изъ нихъ, разсматривая ихъ какъ два противоположныхъ направленія, было бы рискованно, и потому нельзя не считать очень хорошей чертою разбираемой брошюрки то, что авторъ не навязываетъ читателямъ никакого явно выраженнаго сужденія по этому поводу; если же кому-нибудь интересно знать, какою онъ мнѣніи о сравнительныхъ достоинствахъ описываемыхъ имъ методовъ, то одинъ уже тотъ фактъ, что одному онъ посвящаетъ страницъ 40, а другому 5 только, послужить достаточнымъ отвѣтомъ, и послѣ этого ему нечего распространяться объ ихъ недостаткахъ и преимуществахъ.

Впрочемъ, даже въ томъ случаѣ, если бы авторъ тщательно оправдывалъ и обосновывалъ всѣ предложенные имъ приемы, даже если бы онъ включилъ ихъ въ точныя рамки по отношенію къ числу учебныхъ часовъ, къ возрасту учениковъ и пр., то на всѣ эти его опредѣленія, какія бы они ни были, можно было бы, какъ извѣстно, съ полнымъ основаніемъ и воплнѣ успѣшно возразить. Все равно вѣдь, къ методикѣ преподаванія новыхъ языковъ, какъ къ дисциплинѣ еще не установившейся, необходимо относиться критически, насколько возможно, всякому, даже неопытному преподавателю: по крайней мѣрѣ, на ея указанія слѣдуетъ смотрѣть, не какъ на обязательныя, а какъ на просто возможные и подлежащія постоянному испытанію и провѣркѣ. Начинающему преподавателю, на самомъ

дѣлѣ, не вступать же на каюдру съ перваго же дня въ полномъ вооруженіи: даже изъ рекомендованнаго ему, изъ извѣстнаго ему по книгамъ и лекціямъ, придется на практикѣ отъ многого отказаться, многое видоизмѣнить, кое-что новое за то отъ себя ввести, однимъ словомъ — все болѣе или менѣе передѣлать на свой ладъ и примѣнить по-своему.

Въ связи съ этимъ, на нашъ взглядъ, разсматриваемая „Методика“ представляетъ собою не догматическое руководство по предмету, а простое изложеніе тѣхъ испытанныхъ авторомъ приѣмовъ, которые ему пригодились и которые могутъ, по его мнѣнію, и другимъ пригодиться. А совѣты и указанія, въ основаніи которыхъ лежитъ многолѣтняя практика лица, офиціально признаннаго компетентнымъ, не могутъ, во всякомъ случаѣ, быть лишены значенія, и разъ было установлено, что въ нихъ не содержится ничего безусловно невѣрнаго или предосудительнаго, то недопущеніе ихъ среди заинтересованной публики подъ предлогомъ неизбѣжныхъ въ сущности недостатковъ казалось бы намъ чрезмѣрной строгостью.

Тѣмъ болѣе можно было бы отнестись благопріятно къ скромному опыту г-на Мусиновича, что сколько-нибудь сносныхъ учебниковъ по предмету, съ одной стороны, почти не существуетъ, а съ другой, въ рѣдкихъ только изъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ устроены соответствующіе классы (дополнительный, педагогическій, 3-й), методика преподаванія новыхъ языковъ читается, какъ отдѣльный предметъ, по которому необходимо было бы располагать пособиями, составленными, не смотря на всѣ затрудненія, вполне основательно и безукоризненно.

А. Ларендъ.

*Сборникъ современной нѣмецкой прозы. Выпускъ I. *Ausgewählte moderne deutsche Prosa, für die oberen Klassen russischer Mittelschulen bearbeitet und mit einem Wörterbuche versehen von Ernst von Pezold. Band I.* С.-Пб. 1906. Стр. 173. Цѣна 65 коп.

Вышепоименованный сборникъ раздѣляется на 2 главныхъ отдѣла:
А. Geschichte und Biographie.

В. Geographie, Kulturgeschichte, Naturgeschichte.

Первый изъ этихъ отдѣловъ заключаетъ въ себѣ 12 статей, изъ которыхъ однѣ чисто историческаго содержанія, другія представляютъ собою краткія біографіи извѣстныхъ въ германской исторіи, искусствѣ и литературѣ дѣятелей.

Къ первымъ принадлежатъ статьи: 1-я „Die Kimbrer“ соч. Th. Mommsen'a; 4-я „Bilder aus der deutschen Vergangenheit von Gustav Freytag: a) Friedrich des Grossen Regententätigkeit. b) Erhebung“; 7-я „Die Kosaken in Dresden im Jahre 1813 von Wilhelm von Kügelchen“; 10-я „Die Schlacht bei Wörth von Helmuth Graf von Moltke“; 11-я „Ein Brief von Otto Fürst von Bismark“; 12-я „Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismark“. Ко вторымъ: 2-я „Maximilian I von Leopold von Ranke“; 3-я „Gellert“ von Fr. Hoffmann; 5-я „Königin Luise“ von Heinrich von Treitschke; 6-я „Lebensbilder aus der Zeit der Freiheitskriege“ von Ludwig Häusser; 8-я „Ernst Rietschel“ von Hermann Hettner; 9-я „Kaiser Wilhelm“ I von Edwin Evers.

Во 2-мъ отдѣлѣ сборника помѣщены лишь 4 статьи: 13-я Geographische Charakterbilder von A. W. Grube; 14-я Deutscher Handel am Ausgang des Mittelalters von Joh. Janssen; 15-я Handels-und Verkehrsgeographie von Emil Deckert; 16-я Lebensweise des Elefanten von Alfred Brehm.

За этими статьями въ видѣ приложенія составитель сборника предлагаетъ въ самомъ краткомъ видѣ нѣкоторыя биографическія свѣдѣнія объ авторахъ помѣщенныхъ въ книгѣ статей.

Въ концѣ книги помѣщенъ довольно скудный поstateйный словарь; алфавитнаго словаря въ сборникѣ вовсе нѣтъ.

Выборъ предлагаемыхъ статей, по нашему мнѣнію, едва ли можно признать вполне удачнымъ, нѣкоторыя изъ нихъ написаны весьма труднымъ для учениковъ нашихъ русскихъ гимназій и реальныхъ училищъ языкомъ, какъ, на примѣръ, 2-я, 5-я, 8-я и другія. А статьи 2-го отдѣла какъ, на примѣръ, 13-я, 14-я и 15-я не только трудны, но и скучны.

Главнымъ же недостаткомъ сборника, по причинамъ уже неоднократно нами изложеннымъ въ рецензіяхъ о подобныхъ нѣмецкихъ учебникахъ, мы должны считать то обстоятельство, что содержаніе всѣхъ помѣщенныхъ въ немъ статей, за исключеніемъ лишь послѣдней, относится почти исключительно къ нѣмецкой исторіи, нѣмецкой наукѣ и нѣмецкой жизни.

Внѣшняя сторона книги также могла бы быть лучше: бумага не очень хороша; печать, особенно въ приложеніи и словарѣ, довольно плоха; опечатокъ не мало.

Я. Меръ.

Нѣсколько словъ по поводу двухъ рецензій.

Въ августовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1904 г. въ отдѣлѣ: „Отзывы о книгахъ“, стр. 153, была напечатана рецензія о книгѣ: „Мусиновичъ. Методика преподаванія новыхъ иностранныхъ языковъ“. Въ настоящей книжкѣ того же журнала за текущій годъ помѣщенъ еще одинъ отзывъ о томъ же учебникѣ. Отзывы эти мѣстами довольно далеко расходятся въ оцѣнкѣ названной книги.

Такое разногласіе, если мы помнимъ извѣстное слово: *si duo faciunt idem, non est idem*, не трудно объяснить, такъ какъ отзывы эти принадлежатъ не одному и тому же лицу. Однако, тѣмъ не менѣе, мы желали бы, для устраненія могущихъ, въ данномъ случаѣ, возникнуть у лицъ, интересующихся судьбой названной книжки, недоразумѣній, здѣсь представить нѣкоторыя объясненія замѣчаемаго въ отзывахъ противорѣчія.

Изъ болѣе подробнаго заглавія названной методики, какъ оно дано на заглавномъ листѣ самой книги и въ первомъ о ней отзывѣ, мы усматриваемъ, что самъ авторъ предназначилъ свою методику для употребленія въ педагогическихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній, въ семинаріяхъ и для лицъ, готовящихся къ преподавательской дѣятельности, т. е. г. Мусиновичъ желалъ, чтобы трудъ его служилъ въ качествѣ *руководства* при преподаваніи методики новыхъ языковъ. И вотъ, съ этой именно точки зрѣнія книга г. Мусиновича была рассмотрѣна и оцѣнена въ первомъ о ней отзывѣ.

Если же рассмотрѣть трудъ г. Мусиновича не какъ обязательное для учащихся руководство при изученіи ими методики преподаванія новыхъ иностранныхъ языковъ, но лишь какъ педагогическій этюдъ, представляющій собою интересную бесѣду опытнаго въ дѣлѣ лица по разнымъ вопросамъ о двухъ методахъ, нынѣ примѣняемыхъ въ средней школѣ при преподаваніи названныхъ языковъ, то получится, конечно, другой выводъ о достоинствахъ книги и ея оцѣнка, сдѣланная съ новой точки зрѣнія, по необходимости, будетъ имѣть совершенно другой характеръ. А что авторъ второго отзыва о трудѣ г. Мусиновича, при оцѣнкѣ этого труда, держался именно послѣдняго, а не перваго изъ указанныхъ нами взглядовъ относительно значенія методики г. Мусиновича, едва ли подлежитъ сомнѣнію, какъ это видно хотя изъ слѣдующаго мѣста этого отзыва: „Въ связи съ этимъ, на нашъ взглядъ, разсматриваемая «Методика» представляетъ

собою не догматическое руководство по предмету, а простое изложение тѣхъ испытанныхъ авторомъ приемовъ, которые ему пригодились и которые могутъ, по его мнѣнію, и другимъ пригодиться". Если же наше предположеніе признается вѣрнымъ, то мы не только не имѣемъ никакихъ возраженій противъ сути сказаннаго во второй рецензіи о трудѣ г. Мусиновича, но, напротивъ, охотно присоединяемся къ главной мысли автора этой рецензіи. И мы думаемъ, что книга г. Мусиновича заключаетъ въ себѣ и многое, что, безъ сомнѣнія, можетъ принести пользу всѣмъ лицамъ, занимающимся преподаваніемъ новыхъ иностранныхъ языковъ и не имѣющимъ еще большой опытности въ этомъ дѣлѣ. Только относительно одного пункта второй рецензіи мы не находимъ возможнымъ вполне согласиться съ мнѣніемъ ея почтеннаго автора, а именно: съ оцѣнкою, сдѣланной имъ новому, натуральному методу.

Оставимъ здѣсь въ сторонѣ всѣ существующіе объ этомъ методѣ отзывы извѣстныхъ и неизвѣстныхъ педагоговъ, съ какими отзывами не можетъ быть знакомъ всякій, кто ex officio интересуется преподаваніемъ новыхъ языковъ; пишущій эти строки, авторъ первой рецензіи о книгѣ г. Мусиновича, продолжительное время (болѣе 10 лѣтъ) самъ преподавалъ по натуральному методу нѣмецкій и русскій языки въ разныхъ инородческихъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края и въ настоящее время, уже болѣе 10 лѣтъ, по служебному свосему положенію, наблюдаетъ за преподаваніемъ нѣмецкаго и французскаго языковъ по тому же методу въ одной изъ столичныхъ гимназій,—а посему считаетъ себя обязаннымъ, на основаніи столь многолѣтняго собственнаго опыта, безъ всякаго колебанія высказаться за безусловное преимущество натурального метода предъ грамматическимъ, если имѣть въ виду, въ особенности въ настоящее время, цѣль изученія новыхъ иностранныхъ языковъ въ нашей русской средней школѣ.

Я. Морь.

Отвѣтъ г. Герну.

Въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщено возраженіе г. Герна на рецензію объ его учебникѣ „Новое изложеніе логики и т. д.“ (*Жур. Мин. Нар. Просв.*, іюнь, 1904 г.). Такъ какъ часть этой рецензіи написана мною, то я и считаю себя въ правѣ отвѣтить на относящіяся ко мнѣ возраженія

г. Герна, и очень радъ, что онъ, нападая на меня, даетъ мнѣ возможность снять анонимность съ моей рецензіи.

Г. Гернъ, разбирая упомянутую рецензію, приходитъ къ убѣжденію, что она составлена двумя лицами (стр. 101). Онъ указываетъ, что принадлежитъ одному рецензенту, что—другому (стр. 101, 108), и даетъ нѣкоторую характеристику обонхъ (стр. 102, 101).

На самомъ дѣлѣ отзывъ о книгѣ г. Герна былъ составленъ не двумя, а тремя специалистами, какъ этого и слѣдовало ожидать, сообразно тремъ наукамъ, о которыхъ говоритъ г. Гернъ (философія, физика, математика). Въ какомъ положеніи оказывается г. Гернъ со своими догадками о предполагаемыхъ *двухъ* рецензентахъ, предоставляемъ судить каждому. Для знающаго дѣло нѣсколько забавно видѣть, съ какою увѣренностью г. Гернъ приписываетъ одному сказанное другимъ.

На стр. 108—109 г. Гернъ догадывается, что его рецензентъ самъ понималъ неумѣстность своихъ замѣчаній, но вычеркнуть ихъ не пожелалъ: „еже писахъ, писахъ“.

Прежде всего, мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе г. Герна на всю некорректность его выраженія. Обвинять кого бы то ни было въ помѣщеніи завѣдомо ложныхъ замѣчаній можно только при наличности неоспоримыхъ доказательствъ, которыхъ у г. Герна нѣтъ и быть не можетъ, ибо ему неизвѣстно, что думалъ рецензентъ, когда писалъ свою рецензію.

Относительно существа дѣла мы должны замѣтить, что догадка г. Герна опять неудачна. Рецензентъ дѣйствительно понималъ, только не то, что думаетъ г. Гернъ, а нѣчто совсѣмъ иное, именно, что г. Гернъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ всю важность пропущеннаго имъ условія. Г. Герну не худо было бы знать, что именно это условіе вызвало то скептическое отношеніе къ вѣроятностямъ а posteriori, которое установилось теперь. Никакая ссылка на Джевонса и Зигварта тутъ не поможетъ. Если Джевонсъ и Зигвартъ плохо излагали теорему о вѣроятностяхъ а posteriori, то отсюда не слѣдуетъ, что и г. Гернъ долженъ ее плохо излагать.

Равнымъ образомъ никакая ссылка на то, что знаютъ учащіеся, не можетъ освободить г. Герна отъ обязанности упомянуть основное условіе въ теоремѣ о предѣлѣ суммы (конечность числа слагаемыхъ).

Отвѣчая на нашъ упрекъ: „непонятно, почему авторъ рассматриваетъ понятіе объ отношеніи какъ производное изъ понятія суммы“, г. Гернъ приводитъ цитаты (по нашему мнѣнію, совершенно не идущія

ція къ дѣлу) и не объяснять самаго главнаго, именно, почему ему понадобилось разсматривать понятіе объ отношеніи, какъ производное изъ понятія суммы. Всякому математику извѣстно, что каждое дѣйствіе можно разсматривать, какъ производное изъ сложенія, но вопросъ въ томъ, полезно ли это дѣлать, и, если полезно, то почему? Г. Гернъ, повидимому, не понялъ, къ чему клонилось наше замѣчаніе.

Возражая на замѣчаніе относительно фразы „получается $(a+b-c)$, $d=ad+bd-cd$, выражающее правило умноженія на *цѣлое* число“, г. Гернъ ссылается на то, что это правило доказано имъ въ упомянутомъ мѣстѣ только для цѣлыхъ чиселъ.

Автору книги о логикѣ слѣдовало бы понимать логическую разницу между мыслями: „равенство доказано для такихъ-то чиселъ“ и „равенство выражаетъ такое-то правило“. Равенство можетъ быть доказано только для цѣлыхъ чиселъ и въ то же время выражать собою общее правило.

На остальные наши замѣчанія (весьма существенныя) г. Гернъ не возражаетъ. Мы должны думать, что и онъ признаетъ ихъ правильными.

Профессоръ Б. Коллевицъ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ 1905 года.

— *Бориско, М.* Методъ преподаванія рукодѣлій въ народныхъ училищахъ. Съ приложеніемъ рисунковъ, чертежей, наглядныхъ пособій, образцовъ, вязаній и швовъ. Кіевъ 1905. III—31 стр. Цѣна 60 коп. (съ образцами швовъ цѣна 80 коп.).

— *С. Шоръцкій.* Путешествіе по Сахаръ. По Брему. Съ 10 рисунками. Выпускъ третій „Общедоступной библіотеки Горбунова-Посадова для семьи и школы“. Москва 1905. 89 стр. Цѣна 10 коп.

— *Его же.* Дары моря. Откуда добываются жемчугъ, кораллы, перламутръ и губки. Съ 12 рисунками. Выпускъ четвертый. Москва 1905. 34 стр. Цѣна 8 коп.

— *Его же.* Воздушныя путешественники. Съ 11 рисунками. Выпускъ V? Москва 1905. 53 стр. Цѣна 15 коп.

— *Потанина, А.* Дордж, вурятскій мальчугъ. Съ 10 рисунками. Изданіе „Посредника“. № 534. Москва 1905. 75 стр. Цѣна 15 коп.

— *Ея же.* Разказы о вурятахъ, ихъ вѣра и обычаяхъ. Съ 14 рисунками. Изданіе „Посредника“. № 533. Москва 1906. 60 стр. Цѣна 12 коп.

— *Вашингтонъ, Букеръ Т.* Изъ рабства — въ вѣгавъ жизни (автобіографіи). Съ англійскаго перевелъ заслуженный профессоръ *А. Д. Романовъ.* Русское изданіе при содѣйствіи автора и съ разрѣшеніи американскихъ издателей оригинала. Съ портретомъ автора и фототипными видами Такхигскаго нормального и промышленнаго института. Собственность Кассы взаимомощи литераторовъ и ученыхъ. С.-Пб. 1906. 264 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа за 1904 годъ. Тифлисъ 1906. 60+611+93 стр.

— Труды комиссіи по народному образованію Пермскаго губернскаго земства. Выпускъ II. Пермь 1906. 157 стр.

— Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1904 годъ. Минусинскъ 1906. 22 стр.

— *Савитина, М.* Жизнь растенія. Съ 32 рисунками. Издательство *О. Н. Поповой.* С.-Пб. 92 стр. Цѣна 20 коп. (Изъ жизни природы и человека № 63).

— *Гейфдинъ, Г. А.* Гамльтонъ и сѣверо-американскія конституціи. Издательство *О. Н. Поповой.* С.-Пб. 1906. 47 стр. Цѣна 10 коп.

— *Слободской, І., протоіерей.* Фридрихъ Ницше при свѣтѣ христіанскаго міровоззрѣнія. С.-Пб. 1906. 117 стр. (Христіанство, наука и невѣріе на зарѣ XX вѣка. Выпускъ IV).

— *Геролимовъ, А. А., д-ръ.* О холерѣ, мѣрахъ ея предупрежденія и способахъ леченія. Общедоступное изложеніе. Изданіе *В. Г. Масальскаго.* С.-Пб. 23 стр. Цѣна 20 коп.

— *Бобинъ, С. П.* Краткій курсъ географіи. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Часть первая. С.-Пб. 1906. II+126+II стр. Цѣна 80 коп.

— Отчетъ о состояніи Благовѣщенской учительской семинаріи за 1904 г. (гражданскій годъ). Уфа 1906. 81 стр.

— *Апитъ, К.* Учись I. Русскія азбука и первая, послѣ азбуки, книга для чтенія, съ матеріаломъ для устнаго и письменнаго упражненія, составленная по натуральному (разговорному) методу для инородцевъ. Съ 364 рисунками и таблицей цвѣтовъ. 1-ый годъ (зима) обученія. 2-е исправленное изданіе. Рига 1906. Изданіе Эрнеста Платеса. 126 стр. (Изданіе А съ прямымъ почеркомъ).

— *Билоусенко, О.* Винокъ. Чытанка. Съ 120 малюнками. С.-Пб. 1906. 192 стр. Цѣна 35 коп. (Благотворительное общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ).

— *Русова, С.* Божя иокра. Оповіданія про Рафаэла. С.-Пб. 1904. 48 стр. Цѣна 5 коп. (Благотворительное общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ).

— *Задѣра, Г.* У дитыны голова вольтъ — у матери сердце. (Якъ годуваты

та доглядаты малыхъ дтей). С.-Пб. 1906. 52 стр. Цѣна 5 коп. (Благотворительное общество изданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ).

— *Шевченко, Тарасъ*. Катерина. Поэма. Въ 15 малюнками Н. Н. Каразина. С.-Пб. 1905. 32 стр. Цѣна 5 коп. (Благотворительное общество изданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ).

— *Заирня, М.* Пидъ землю. Оповідання про шахты. С.-Пб. 1906. 108 стр. Цѣна 12 коп. (Благотворительное общество изданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ).

— *Рыльскій, Ѳ.* Сильски прыгоды. (Про выпасы). Оповідання селянина. С.-Пб. 1905. 48 стр. Цѣна 5 коп. (Благотворительное общество изданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ).

— *Конисскій, О.* Ходимо за Нымъ! За Г. Сникевичомъ переловивъ О. Конисскій. Въ 9 малюнками. С.-Пб. 1906. 56 стр. Цѣна 5 коп. (Благотворительное общество изданія общепольныхъ книгъ).

— Отгьтъ Благотворительнаго общества изданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ за 1904 годъ. С.-Пб. 1905. 198 стр.

ЗАМѢТКА.

„Пекарскій зналъ о Тобольскомъ училищѣ по статьѣ А. Ш., помѣщенной въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1857 г., мѣсяцъ июль, отд. III, стр. 30—50; она — довольно обстоятельна и написана въ сочувственномъ тонѣ, но, вѣроятно, направленіе А. Ш. не пришло по вкусу Пекарскаго, который отозвался о самомъ училищѣ весьма пренебрежительно. Впрочемъ, можно сообразить иную статью сочинить по Wahrhaftige und umständliche Historie [вм. „Lust Fridrich“ читай въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1857 г. „Cust Friedrich“ von Wreech], первое издание которой было въ рукахъ у А. Ш.“ Эти слова случайно не попали, въ мою статейку о Началѣ просвѣщенія въ Сибири, см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за сентябрь, 1905 годъ, гдѣ они должны были состоять подстрочную выноску на стр. 61. — Тамъ же, стр. 59 опечатка: Soran вм. Soran, въ заглавіи гѣмоцкой книги.

Д. Гмицбургъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1904 ГОДУ.

Настоящій отчетъ, составленный по образцу отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости, бывшихъ въ 1894—1903 годахъ, подобно имъ распадается на двѣ главныя части: въ первой показаны результаты испытаній, произведенныхъ ученикамъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, при чемъ первыя отдѣлены отъ вторыхъ, а во второй—результаты испытаній, произведенныхъ постороннимъ лицамъ. Въ заключительной (третьей) части отчета сдѣланъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости отчетнаго года, и приведены данныя относительно возраста молодыхъ людей, признанныхъ зрѣлыми на этихъ испытаніяхъ, равно какъ и относительно того рода дальнѣйшей дѣятельности, который они избрали; сдѣланъ сравнительный обзоръ результатовъ испытаній зрѣлости за время съ 1899 по 1904 годъ.

I.

1. Въ 1904 году испытанія зрѣлости были произведены въ 204-хъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, въ которыхъ состояло учениковъ VIII класса 6.540 ¹⁾.

---

¹⁾ Въ двухъ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа и трехъ въ округахъ Одесскомъ и Московскомъ и Туркестанскомъ край, въ отчетномъ году были произведены первые выпуски. Такимъ образомъ, общее число гимназій, въ которыхъ

Изъ Приамурскаго округа свѣдѣній не имѣется.

Распределеніе учебныхъ заведеній и учениковъ VIII класса по учебнымъ округамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Учебные округа.	Число учебныхъ заведеній.	Число учениковъ VIII класса.
Московский	32 ¹⁾	1.113
С.-Петербургскій	30 ²⁾	966
Кіевскій	23	807
Одесскій	22	661
Варшавскій	21	561
Харьковскій	20	617
Кавкавскій	13	511
Казанскій	10	348
Віленскій	10	330
Рижскій	10	276
Оренбургскій	5	127
Западно-Сибирскій	3	94
Туркестанскій край	3	76
Восточная Сибирь	2	58
Всего	204	6.540

Изъ общаго числа учениковъ VIII класса состояло:

въ 194 правительственныхъ гимназіяхъ	6.356 (97,2%)
„ 5 церковныхъ училищахъ	91 (1,4%)
„ 5 частныхъ гимназіяхъ	93 (1,4%)

въ отчетномъ году произведены были экзамены, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, увеличилось на 5 учебныхъ заведеній. О трехъ гимназіяхъ, находящихся въ вѣдѣніи инспектора училищъ Приамурскаго края, въ отчетномъ году свѣдѣній не поступало, почему онѣ и не вошли въ общій счетъ.

¹⁾ 29 правительственныхъ гимназій, считая въ этомъ числѣ и гимназическое отдѣленіе Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ и Александровскій дворянскій институтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; 1 училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла и 2 частныя гимназіи Креймана и Поливанова въ Москвѣ.

²⁾ Правительственныхъ гимназій—23, считая въ этомъ числѣ и гимназію Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ; 4 училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій (св. Петра, св. Анны, св. Екатерины и при реформатскихъ церквахъ) и 8 частныхъ гимназій (Гуревича, Мая и Видемана) въ С.-Петербургѣ.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ VIII класса въ правительственныхъ гимназіяхъ увеличилось на 675 человекъ, а въ церковныхъ училищахъ на 5, въ частныхъ же гимназіяхъ уменьшилось на 8 человекъ; въ общемъ оно увеличилось на 672 человека.

Наибольшее число учениковъ VIII класса было въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа: въ среднемъ 39,3 на одну гимназію, а наименьшее въ гимназіяхъ Туркестанскаго края: въ среднемъ 25,3 на одну гимназію; остальные округа по среднему числу учениковъ VIII класса на одну гимназію слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Кіевскій 35,1, Казанскій 34,8, Московскій 34,8, Виленскій 33,0, С.-Петербургскій 32,2, Западно-Сибирскій 31,3, Харьковскій 30,8, Одесскій 30,4, Рижскій 27,6, Варшавскій 26,7, Восточная Сибирь 26,5, Оренбургскій 25,4.

2. Изъ 6.356 учениковъ, находившихся въ VIII классѣ правительственныхъ гимназій, къ испытаніямъ зрѣлости не были допущены 172 (2,7%) по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія въ гимназіи и 1 по нравственной незрѣлости. Сравнивая числовые данныя, касающіяся недопущенныхъ по первой изъ этихъ причинъ къ испытаніямъ зрѣлости учениковъ правительственныхъ гимназій, мы видимъ, что, не считая Западно-Сибирскаго округа, въ которомъ не было ни одного случая недопущенія къ испытаніямъ по малоуспѣшности, въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ былъ Кіевскій округъ, для котораго процентное отношеніе числа недопущенныхъ къ испытаніямъ по этой причинѣ къ общему числу учениковъ VIII класса выражается числомъ 1,1; за нимъ слѣдуютъ округа: Рижскій—1,5, Московскій—1,6, Казанскій—1,7, Восточная Сибирь—1,9, Кавказскій—2,1, Одесскій—2,3, Туркестанскій край—2,6, Виленскій—3,0, С.-Петербургскій—3,1, Оренбургскій—3,9, Харьковскій—4,0, Варшавскій—7,3. По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ, недопущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости по малоуспѣшности, увеличилось на 33 человека, или на 0,3%. Кроме того, испытаніе зрѣлости отсрочено на одинъ годъ 31 ученику по болѣзни, а 2 умерли—одинъ до испытаній, и одинъ въ періодъ испытаній. Всего было устранено отъ испытаній по разнымъ причинамъ 204¹⁾ ученика правительственныхъ гимназій, что составляетъ 3,2% всего числа уче-

¹⁾ Умершій въ періодъ испытаній въ это число не вошелъ, а также 5 человекъ, которые экзаменъ не держали, но аттестаты зрѣлости получили.

никовъ, бывшихъ въ VIII классѣ (на 0,2% больше, чѣмъ въ предыдущемъ году).

Въ частныхъ гимназіяхъ были устранены отъ испытаній зрѣлости по малоуспѣшности въ ученіи 9 учениковъ (9,7%). По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ этихъ учебныхъ заведеній, недопущенныхъ къ испытаніямъ по малоуспѣшности, уменьшилось на 4 (или 3,2%). Въ церковныхъ же училищахъ всѣ ученики были допущены къ испытаніямъ.

Сводя эти числовыя данныя вмѣстѣ, получимъ общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, устраненныхъ по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости въ отчетномъ году:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	204 ¹⁾	(3,2%)
„ частныхъ гимназіяхъ	9	(9,7%)
<hr/>		
Всего	213 ²⁾	(3,3%)

Исключая это число изъ общаго числа учениковъ VIII класса, получимъ слѣдующія данныя, показывающія число учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году и подвергавшихся имъ:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	6.146 ³⁾	(96,4%)
„ церковныхъ училищахъ	91	(100%)
„ частныхъ гимназіяхъ	84	(90,3%)
<hr/>		
Всего	6.321	(96,6%)

3. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали эти испытанія и получили аттестаты зрѣлости 5.836 (94,7%), считая въ этомъ числѣ и тѣхъ 5 учениковъ (3 въ Московскомъ и 2 въ Харьковскомъ учебныхъ округахъ), которымъ, въ виду ихъ болѣзненного состоянія, съ особаго разрѣшенія высшаго начальства, были выданы аттестаты зрѣлости безъ испытаній. Наиблучшіе результаты дали испытанія, произведенныя въ

¹⁾ По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ учениковъ VIII класса, устраненныхъ отъ испытаній, увеличился; въ 1903 году такихъ учениковъ было 183 (3,1%).

²⁾ Въ это число не вошелъ одинъ, умершій въ періодъ испытаній.

³⁾ Въ это число не вошли пять учениковъ, не державшихъ экзаменовъ, но получившихъ аттестаты, и одинъ, умершій въ періодъ испытаній.

гимназіяхъ Казанскаго учебнаго округа, въ которыхъ изъ допущенныхъ къ испытаніямъ выдержали ихъ успѣшно 99,1%. Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, слѣдующій: Кіевскій (97,6), Одесскій (96,4), Рижскій (96,0), Кавказскій (95,8), Московскій (95,7), С.-Петербургскій (95,7), Харьковскій (94,9), Туркестанскій край (94,7), Виленскій (94,4), Восточная Сибирь (92,3), Оренбургскій (91,7), Варшавскій (86,2) и Западно-Сибирскій (83,0).

Если же взять отношеніе числа учениковъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія, къ общему числу правительственныхъ гимназій въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что наибольшее число аттестатовъ зрѣлости было выдано гимназіями Кавказскаго учебнаго округа—36,5 на одну гимназію; порядокъ остальныхъ округовъ слѣдующій: Казанскій (33,9), Московскій (33,8), С.-Петербургскій (33,7), Кіевскій (33,6), Виленскій (30,1), Одесскій (28,3), Харьковскій (27,8), Западно-Сибирскій (26,0), Рижскій (25,9), Восточная Сибирь (24,0), Туркестанскій край (23,3), Оренбургскій (22,0), Варшавскій (21,3); а въ общемъ, по отношенію ко всей Имперіи, приходится на одну гимназію 30,1 аттестата зрѣлости. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, въ которомъ изъ 5.513 учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ 5.327 или 96,6%, результаты испытаній отчетнаго года нѣсколько хуже, такъ какъ процентъ выдержавшихъ испытанія понизился на 1,9%.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости всѣ: въ первыхъ 91 (100%), во вторыхъ 84 (100%). Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, процентъ выдержавшихъ испытанія учениковъ въ частныхъ гимназіяхъ повысился на 1,1%, а въ церковныхъ—остался тотъ же.

Общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ.	5.836
„ церковныхъ училищахъ	91
„ частныхъ гимназіяхъ	84
Всего	6.011

что составляетъ 95,1% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости. Въ предыдущемъ году этотъ процентъ былъ нѣсколько больше: изъ 5.685 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости 5.498 или 96,7%.

4. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, выдержавшихъ испытанія зрѣлости, были награждены медалями: золотыми—544, серебряными—345, всего 889 учениковъ (15,4%). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ учениковъ, награжденных медалями, слѣдующій: Западно-Сибирскій — 19,2, С.-Петербургскій—18,6, Одесскій—18,1, Казанскій—17,7, Кіевскій—17,5, Харьковскій и Вилноскій—14,9, Московскій—14,6, Рижскій—14,2, Кавказскій—13,6, Оренбургскій—11,8, Варшавскій—9,6, Туркестанскій край—8,6, въ гимназіяхъ Восточной Сибири ни одинъ ученикъ не былъ награжденъ.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій этого отличія были удостоены: въ первыхъ 15 (16,5%), во вторыхъ 7 (8,3%), всего 22 ученика, изъ которыхъ 14 получили золотыя, а 8—серебряныя медали.

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи въ отчетномъ году учениковъ, награжденныхъ медалями, было:

	Золотыми.	Серебряными.	Всего.
въ правительственныхъ гимназіяхъ	544	345	889
„ церковныхъ училищахъ	10	5	15
„ частныхъ гимназіяхъ	4	3	7
Всего	558	353	911 (15,0%)

Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, понижился, какъ въ общемъ выводѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній (былъ 15,9), такъ и для правительственныхъ гимназій (былъ 15,9), церковныхъ училищъ (былъ 20,2) и для частныхъ гимназій (былъ 9,2).

5. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній 315 (5,1%). Наибольшій процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ приходится на Западно-Сибирскій учебный округъ (17,0%), а наименьшій—на Казанскій (0,9%). Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, не выдержавшихъ испытаній, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся имъ, слѣдующій: Варшавскій (13,9), Оренбургскій (8,3),

Восточная Сибирь (7,7), Виленскій (5,6), Харьковскій (5,4), Туркестанскій край (5,3), Московскій (4,5), С.-Петербургскій (4,3), Кавказскій (4,2), Рижскій (4,0), Одесскій (3,6), Кіевскій (2,4.)

По сравненію съ предыдущимъ годомъ, процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій повысился какъ въ общемъ (4,9 вмѣсто 3,4), такъ и по отношенію ко всѣмъ округамъ, за исключеніемъ Одесскаго, гдѣ онъ понизился на 0,6. Наибольшее повышеніе произошло въ Оренбургскомъ округѣ на 5,9.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми (315) учениками правительственныхъ гимназій, не выдержавшими испытаній зрѣлости, доходитъ до 630, изъ которыхъ 365 (57,9%) были получены на письменныхъ испытаніяхъ, а остальные 265 (42,1%)—на устныхъ испытаніяхъ. Наибольшее число такихъ отмѣтокъ приходится на математику, по которой было получено неудовлетворительныхъ отмѣтокъ 257 (187 на письменныхъ и 70 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: русскій языкъ—230 (178 на письменныхъ и 52 на устныхъ испытаніяхъ), исторія и латинскій языкъ по 44, греческій языкъ—38, новые языки—13, Законъ Божій—4.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ, общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ увеличилось не только въ общемъ (на 304), но и по всѣмъ предметамъ испытанія: по математикѣ на 134, по русскому языку на 96, по латинскому языку на 22, по греческому языку на 22, по исторіи на 20, по новымъ иностраннымъ языкамъ на 7, по Закону Божию на 3. Если же взять среднее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ учениками правительственныхъ гимназій въ каждомъ округѣ, то окажется, что наибольшее число такихъ отмѣтокъ было получено въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа, въ которомъ на каждого изъ 21 ученика, не выдержавшихъ испытаній, приходится по 4,1 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ. Порядокъ остальныхъ округовъ, расположенныхъ по степени уменьшенія средняго числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, слѣдующій: С.-Петербургскій (3,5), Туркестанскій край (2,5), Одесскій (2,1), Казанскій (2,0), Московскій и Оренбургскій (1,8), Кіевскій (1,7), Харьковскій и Виленскій (1,6), Восточная Сибирь (1,5), Варшавскій и Западно-Сибирскій (1,4), Рижскій (1,0).

Въ частныхъ гимназіяхъ и въ церковныхъ училищахъ всѣ ученики этихъ училищъ, допущенные къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ успѣшно. По сравненію съ предыдущимъ годомъ, процентъ

не выдержавшихъ испытаній учениковъ церковныхъ училищъ остался тотъ же, а въ частныхъ гимназіяхъ онъ понижился на 1,1%.

Общій итогъ не выдержавшихъ испытаній зрѣлости учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	315
„ церковныхъ училищахъ	—
„ частныхъ гимназіяхъ	—
<hr/>	
Всего	315

что составляетъ 4,9% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытанію зрѣлости ¹⁾).

6. Если къ этому числу прибавить показанное выше число учениковъ VIII класса, устраненныхъ по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости, то получится сумма, показывающая общее число учениковъ, которые были лишены возможности поступить въ отчетномъ году въ высшія учебныя заведенія, вслѣдствіе неполученія аттестатовъ зрѣлости. Такихъ учениковъ было:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	519 (8,4%)
„ церковныхъ училищахъ	—
„ частныхъ гимназіяхъ	9 (9,7%)
<hr/>	

Всего 528

что составляетъ 8,3% всего числа учениковъ, находившихся въ VIII классѣ предъ началомъ испытаній.

Изъ этого числа умерли во время испытаній изъ учениковъ правительственныхъ гимназій 1

выбыли со свидѣтельствами (на основаніи § 80 прав. объ испыт.):

въ правительственныхъ гимназіяхъ	91
„ церковныхъ училищахъ	—
„ частныхъ гимназіяхъ	3
<hr/>	

95

¹⁾ Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости, увеличился сравнительно съ предыдущимъ годомъ, въ которомъ изъ 5.685 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, не выдержали ихъ 187 (3,3%).

остались на 2-й годъ въ VIII классъ:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	427	
„ церковныхъ училищахъ	—	
„ частныхъ гимназіяхъ	6	
		433
<hr/>		
Всего	528	

II.

Постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ 1904 году, было 1404 (сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 240 чел. болѣе). Распредѣленіе ихъ по учебнымъ округамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Кіевскій	333 (23,7%)
Одесскій	195 (13,9%)
С.-Петербургскій	188 (13,4%)
Московскій	152 (10,8%)
Харьковскій	145 (10,3%)
Кавказскій	106 (7,6%)
Казанскій	97 (6,9%)
Варшавскій	76 (5,4%)
Рижскій	34 (2,4%)
Западно-Сибирскій	23 (1,7%)
Восточная Сибирь	20 (1,4%)
Виленскій	16 (1,2%)
Оренбургскій	13 (0,9%)
Туркестанскій край	6 (0,4%)
	<hr/>
Всего	1404

Изъ нихъ не были допущены къ испытаніямъ на основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ: по п. а—29, по п. б—2, по п. в—2, по п. г—90, всего 123 человека. Кроме того, не явились къ испытаніямъ: по болѣзни—3, и по неизвѣстнымъ причинамъ—57, всего 60 человекъ. Такимъ образомъ, изъ всего числа постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться въ отчетномъ году испытаніямъ зрѣлости, были устранены или добровольно отказались отъ нихъ 183 человека (13,0%), а въ дѣйствительности подвергались имъ 1221 (87,0%). Изъ нихъ выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости

618 человекъ, — что составляетъ 50,6% всего числа постороннихъ абитуриентовъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости (по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 0,2 менше).

Наибольшій процентъ ихъ приходится на Туркестанскій край (83,3%); остальные округа можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ: Рижскій (73,3%), Казанскій (59,8%), Одесскій (56,1%), Харьковскій (55,2%), С.-Петербургскій (52,8%), Киевскій (51,4%), Западно-Сибирскій (50,0%), Московскій (49,3%), Восточная Сибирь (45,0%), Виленскій (43,8%), Кавказскій (40,8%), Оренбургскій (38,5%), Варшавскій (16,0%).

Не выдержали испытаній зрѣлости изъ числа постороннихъ абитуриентовъ 603 человекъ (49,4% — по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 0,2% больше). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ не выдержавшихъ испытаній постороннихъ лицъ слѣдующій: Варшавскій—84,0, Оренбургскій—61,5, Кавказскій—59,2, Виленскій—56,2, Восточная Сибирь—55,0, Московскій—50,7, Западно-Сибирскій—50,0, Киевскій—48,6, С.-Петербургскій—47,2, Харьковскій—44,8, Одесскій—43,9, Казанскій—40,2, Рижскій—26,7, Туркестанскій край—16,7.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми 603 посторонними абитуриентами, не выдержавшими испытаній, было 924, изъ которыхъ большая часть—59,4% (549 отм.) была получена на письменныхъ испытаніяхъ, остальные—40,6% (375 отм.)—на устныхъ испытаніяхъ. Наиболѣе неудовлетворительно подготовленными оказались посторонніе абитуриенты по русскому языку, по которому было получено ими всего 346 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ (305 на письменныхъ и 41 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: математика—321 такихъ отмѣтокъ (244 на письменныхъ и 77 на устныхъ испытаніяхъ), физика и математическая географія—70, латинскій языкъ—57, греческій языкъ—43, исторія—35, логика—17, новые иностранные языки—17, Законъ Божій—10, географія—8. По сравненію съ предыдущимъ годомъ общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуриентами, оставшихся почти безъ измѣненія въ среднемъ выводѣ на каждого изъ не выдержавшихъ испытаній (1,5 вмѣсто 1,6), увеличилось какъ въ общемъ итогѣ (на 101), такъ и по отношенію къ слѣдующимъ предметамъ испытанія: по математикѣ на 56, по русскому языку на 28, по латинскому языку на 18, по греческому языку на 14, по физикѣ на 5, по Закону Божию на 5, по логикѣ же, исторіи и географіи число неудовлетвори-

тельныхъ отмѣтокъ уменьшилось для первой на 17, для второй на 7, для третьей на 1, по новымъ языкамъ осталось безъ измѣненія. Если же взять среднее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуриентами въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что хуже остальныхъ были подготовлены къ испытаніямъ посторонніе абитуриенты въ Туркестанскомъ краѣ, въ которомъ одно лицо, которое не выдержало испытаній, получило 4 неудовлетворительныя отмѣтки. Затѣмъ слѣдуютъ посторонніе абитуриенты Кавказскаго округа, въ которомъ въ среднемъ на каждого, не выдержавшаго испытаній, приходится 2,2 отмѣтки, С.-Петербургскаго 1,8 отм., Казанскаго и Оренбургскаго 1,7 отм., Виленскаго 1,5 отм., Московскаго и Восточной Сибири 1,4 отм., Харьковскаго, Одесскаго, Кіевскаго и Варшавскаго 1,3 отм., Рижскаго и Западно-Сибирскаго 1,0 отм.

III.

Въ заключеніи представимъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости 1904 года.

1) Предъ началомъ испытаній состояло учениковъ VIII класса:

въ правительственныхныхъ гимназіяхъ	6,356
„ церковныхъ училищахъ	91
„ частныхъ гимназіяхъ	93
	<hr/>
	6.540

Подано прошеній о допущеніи къ испытаніямъ зрѣлости посторонними лицами 1.404

Всего было абитуриентовъ въ отчетномъ году 7.944

2) Къ испытаніямъ не были допущены или добровольно отказались отъ нихъ:

ученики правительственныхныхъ гимназій	204
„ церковныхъ училищъ	—
„ частныхъ гимназій	9
	<hr/>
	213

постороннія лица 183

Всего было устранено отъ испытаній по разнымъ причинамъ 396

Одинъ умеръ 1

397 (5,0%)

3) Подвергались испытаніямъ:

ученики правительственныхъ гимназій	6.146
„ церковныхъ училищъ	91
„ частныхъ гимназій	84
	<hr/>
	6.321
постороннія лица	1.221
	<hr/>
Всего подвергалось испытаніямъ	7.542
Кромѣ того, получили аттестаты безъ экзамена	5
	<hr/>
	7.547 (95,0%)

4) Не выдержали испытаній:

ученики правительственныхъ гимназій	315
„ церковныхъ училищъ	—
„ частныхъ гимназій	—
	<hr/>
	315
постороннія лица	603
	<hr/>
Всего не выдержало испытаній	918 (12,1%)

5) Выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости:

ученики правительственныхъ гимназій	5.836
„ церковныхъ училищъ	91
„ частныхъ гимназій	84
	<hr/>
	6.011
постороннія лица	618
	<hr/>
Всего выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости было	6.629 (87,9%)

Сопоставляя результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года съ результатами предшествовавшаго года, поскольку они выражаются числовыми данными, мы должны сдѣлать слѣдующее заключеніе: такъ какъ въ отчетномъ году число не выдержавшихъ испытаній нѣсколько

увеличилось (12,1% вмѣсто 10,5%), а число выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости уменьшилось (87,9% вмѣсто 89,5%), то результаты испытаній зрѣлости 1904 года должны быть признаны въ общемъ менѣе благопріятными, чѣмъ въ 1903 году, какъ въ общемъ, такъ и въ частности, по отношенію къ правительственнымъ гимназіямъ, и только для частныхъ училищъ эти испытанія были нѣсколько успѣшнѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году.

Если же взять для сравненія не одинъ предшествовавшій годъ, а все предшествовавшее пятилѣтіе (1899—1903), то, какъ видно изъ приложенной къ отчету сводной вѣдомости (№ 5), отчетный годъ, превосходя своихъ предшественниковъ въ количественномъ отношеніи— по общему числу абитуриентовъ (учениковъ VIII класса и постороннихъ лицъ) ¹⁾ и тѣхъ изъ нихъ, которые выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости ²⁾, въ качественномъ отношеніи, по конечнымъ результатамъ испытаній, произведенныхъ ученикамъ VIII класса и постороннимъ лицамъ, стоитъ ниже всѣхъ предыдущихъ годовъ истекшаго пятилѣтія ³⁾. Процентъ же учениковъ правительственныхъ гимназій, которые выдержали испытанія и получили аттестаты зрѣлости, не достигаетъ даже размѣра средняго процента за всѣ предыдущія пять лѣтъ ⁴⁾.

Помимо этого, хотя для остальныхъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, отчетный годъ можетъ быть названъ вполне благопріятнымъ, такъ какъ произведенныя въ нихъ испытанія зрѣлости дали результаты, которые не только не уступаютъ, но даже превышаютъ успѣшность испытаній предыдущихъ пяти лѣтъ и процентъ учениковъ какъ церковныхъ училищъ, такъ и частныхъ гимназій, выдержавшихъ въ отчетномъ году испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, превышаетъ размѣръ средняго процента за предыдущія пять лѣтъ ⁵⁾, тѣмъ не менѣе въ общемъ вы-

¹⁾ Въ 1899 г.—4.713, въ 1900 г.—4.976, въ 1901 г.—5.342, въ 1902 г.—5.988, въ 1903 г.—7.032, въ 1904 г.—7.944.

²⁾ Въ 1899 г.—4.165, въ 1900 г.—4.378, въ 1901 г.—4.814, въ 1902 г.—5.300, въ 1903 г.—6.033, въ 1904 г.—6.629.

³⁾ Въ 1899 г.—92,1%, въ 1900 г.—91,7%, въ 1901 г.—93,3%, въ 1902 г.—91,1%, въ 1903 г.—89,5%, въ 1904 г.—87,9%.

⁴⁾ Въ 1899 г.—97,8%, въ 1900 г.—97%, въ 1901 г.—97,6%, въ 1902 г.—98%, въ 1903 г.—96,8%, въ 1904 г.—94,7%.

⁵⁾ Въ церковныхъ училищахъ: въ 1899 г.—93,7%, въ 1900 г.—96,5%, въ

водѣ для учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года не могутъ быть признаны благоприятными, такъ какъ процентъ учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, ниже, чѣмъ во всѣ годы истекшаго пятилѣтія, и не достигаетъ даже размѣра средняго процента за это время ¹⁾. Что же касается испытаній зрѣлости, произведенныхъ въ отчетномъ году посторонними лицами, то, хотя въ общемъ эти испытанія дали удовлетворительные результаты, и процентъ тѣхъ изъ постороннихъ лицъ, которые выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости, нѣсколько (на 0,1) превышаетъ размѣръ средняго процента за всѣ предыдущія пять лѣтъ, тѣмъ не менѣе и въ отчетномъ году степень подготовки постороннихъ абитуриентовъ была настолько незначительна, что процентъ выдержавшихъ испытанія и получившихъ свидѣтельства зрѣлости только на 1,2 выше процента не выдержавшихъ этихъ испытаній ²⁾.

Что касается возраста молодыхъ людей, удостоенныхъ въ отчетномъ году аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости, то, какъ видно изъ приложенной къ отчету вѣдомости № 3, наименьшее число тѣхъ изъ нихъ, которые обучались въ правительственныхъ гимназіяхъ, приходится на 17-тилѣтній возрастъ, а наибольшее—на 19-тилѣтній: первыхъ было 284 (4,9%), вторыхъ—1667 (28,6%), въ частныхъ гимназіяхъ въ возрастѣ 17-ти лѣтъ не было ни одного молодого человека; наибольшее же число пришлось на 18-ти лѣтній возрастъ 25 (29,8%); въ церковныхъ же училищахъ наименьшее число изъ окончившихъ курсъ было въ возрастѣ 21 года и болѣе, а наибольшее въ возрастѣ 18 лѣтъ: первыхъ было всего 1 (1,1%), вторыхъ—35 (38,4%). Изъ постороннихъ абитуриентовъ наибольшій процентъ приходится на молодыхъ людей, имѣвшихъ 21 и болѣе лѣтъ: такихъ было всего 417 (67,4%), а наименьшій—на имѣвшихъ 17 лѣтъ: такихъ было всего 12 (1,9%). Распределение по возрасту всѣхъ абитуриентовъ, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, показано въ слѣдующей таблицѣ:

1901 г.—100%, въ 1902 г.—97,8%, въ 1903 г.—100%, въ 1904 г.—100%; въ частныхъ гимназіяхъ: въ 1899 г.—96,7%, въ 1900 г.—92%, въ 1901 г.—98,8%, въ 1902 г.—99%, въ 1903 г.—98,9%, въ 1904 г.—100%.

¹⁾ Въ 1899 г.—97,7%, въ 1900 г.—96,9%, въ 1901 г.—97,7%, въ 1902 г.—98%, въ 1903 г.—96,7%, въ 1904 г.—95,1%.

²⁾ Въ 1899 г.—46,5%, въ 1900 г.—50,6%, въ 1901 г.—56,4%, въ 1902 г.—50,2%, въ 1903 г.—50,8%, въ 1904 г.—50,6%.

Возрастъ.	Правительств. гимназій.	Церковныя училища.	Частныя гимназій.	Постороннія лица.	Всего.
17 лѣтъ . . .	284(4,87%)	12(18,2%)	—	12(1,9%)	308(4,65%)
18 " . . .	1.310(22,45%)	35(38,4%)	25(29,8%)	28(4,5%)	1.398(21,09%)
19 " . . .	1.667(28,57%)	23(25,3%)	22(26,1%)	64(10,5%)	1.776(26,79%)
20 " . . .	1.397(23,93%)	20(22,0%)	20(24,0%)	97(15,7%)	1.534(23,14%)
21 и болѣе лѣтъ.	1.175(20,13%)	1(1,1%)	17(20,1%)	417(67,4%)	1.610(24,28%)
Неизв. возрас.	8(0,05%)	—	—	—	8(0,05%) ¹⁾
Всего	5.836	91	84	618	6.629

Распределение абитуриентовъ 1904 года, получившихъ аттестаты и свидетельства зрѣлости, по избранной ими специальности, показано въ приложенной къ отчету вѣдомости № 4.

Большинство ихъ выразило намѣреніе продолжать научное образованіе въ университетахъ	5.262 (79,39%)
Въ высшія спеціальныя заведенія желали поступить	1.193 (18,00%)
Предполагали посвятить себя практической дѣятельности	135 (2,03%)
Не дали свѣдѣній объ избранной специальности	39 (0,58%)

Всего 6.629

Въ 1-й группѣ большинство принадлежитъ тѣмъ молодымъ людямъ, которые пожелаали поступить на юридическія факультеты университетовъ.

	% по отноше- нію ко всемъ учащимся.	% по отноше- нію къ данной группѣ.
Таковыхъ было	1.661 (25,06%)	(31,57%)
Остальные выбрали факультеты:		
Физико-математическій	1.554 (23,44%)	(29,53%)
Медицинскій (считая вмѣстѣ и Военно-Медицинскую Академію)	1.450 (21,88%)	(27,56%)
Историко-филологическій (считая вмѣстѣ и Историко-филологическіе Институты)	454 (6,85%)	(8,62%)

¹⁾ Подъ рубрикою „неизвѣстнаго возраста“ показаны трое бывшихъ учениковъ одной изъ гимназій Московскаго учебнаго округа, получившіе аттестаты безъ экзаменовъ и о возрастѣ которыхъ не сообщено свѣдѣній управленіемъ округа.

Восточныхъ языковъ	113 (1,70%) (2,15%)
Богословскій	30 (0,46%) (0,57%)

 5.262

Во 2-й группѣ по числу заявленій учебныя заведенія располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Технологическіе институты	489 (7,37%) (41,00%)
Институтъ инженеровъ путей сообщенія и Московское инженерное училище	129 (1,94%) (10,81%)
Политехническіе институты	124 (1,87%) (10,39%)
Лѣсной институтъ	71 (1,07%) (5,97%)
Военныя училища	64 (0,97%) (5,37%)
Горный институтъ и Екатеринославское высшее горное училище	61 (0,92%) (5,11%)
Земледѣльческія академіи и сельско-хозяй- ственные институты	55 (0,83%) (4,61%)
Институтъ гражданскихъ инженеровъ	50 (0,75%) (4,20%)
Электро-техническій институтъ	29 (0,44%) (2,43%)
Морское инженерное училище	27 (0,41%) (2,26%)
Техническія училища	26 (0,41%) (2,19%)
Академія художествъ	17 (0,26%) (1,42%)
Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ	12 (0,18%) (1,00%)
Заграничныя учебныя заведенія	10 (0,15%) (0,84%)
Духовныя академіи	10 (0,15%) (0,84%)
Ветеринарныя институты	7 (0,11%) (0,58%)
Училище Правовѣднія	5 (0,08%) (0,41%)
Александровскій лицей	4 (0,06%) (0,33%)
Римско-католическія дух. семинаріи	1 (0,01%) (0,08%)
Нѣжинскій институтъ	1 (0,01%) (0,08%)
Зубо-врачебные курсы	1 (0,01%) (0,08%)

 1.193

Изъ молодыхъ людей 3-й группы пожелаѣи поступить:

Въ военную службу	67 (1,01%) (49,62%)
Въ гражданскую службу	30 (0,45%) (22,22%)

Избраѣи частную дѣятельность:

Коммерческую	19 (0,29%) (14,07%)
Сельско-хозяйственную	8 (0,11%) (5,95%)

Учебную . . . . .

Мануфактурную . . . . .

Уѣхали за границу . . . . .

Не дали свѣдѣній объ избр
ціальности . . . . .

1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034	2035	2036	2037	2038	2039	2040	2041	2042	2043	2044	2045	2046	2047	2048	2049	2050	2051	2052	2053	2054	2055	2056	2057	2058	2059	2060	2061	2062	2063	2064	2065	2066	2067	2068	2069	2070	2071	2072	2073	2074	2075	2076	2077	2078	2079	2080	2081	2082	2083	2084	2085	2086	2087	2088	2089	2090	2091	2092	2093	2094	2095	2096	2097	2098	2099	2100	2101	2102	2103	2104	2105	2106	2107	2108	2109	2110	2111	2112	2113	2114	2115	2116	2117	2118	2119	2120	2121	2122	2123	2124	2125	2126	2127	2128	2129	2130	2131	2132	2133	2134	2135	2136	2137	2138	2139	2140	2141	2142	2143	2144	2145	2146	2147	2148	2149	2150	2151	2152	2153	2154	2155	2156	2157	2158	2159	2160	2161	2162	2163	2164	2165	2166	2167	2168	2169	2170	2171	2172	2173	2174	2175	2176	2177	2178	2179	2180	2181	2182	2183	2184	2185	2186	2187	2188	2189	2190	2191	2192	2193	2194	2195	2196	2197	2198	2199	2200	2201	2202	2203	2204	2205	2206	2207	2208	2209	2210	2211	2212	2213	2214	2215	2216	2217	2218	2219	2220	2221	2222	2223	2224	2225	2226	2227	2228	2229	2230	2231	2232	2233	2234	2235	2236	2237	2238	2239	2240	2241	2242	2243	2244	2245	2246	2247	2248	2249	2250	2251	2252	2253	2254	2255	2256	2257	2258	2259	2260	2261	2262	2263	2264	2265	2266	2267	2268	2269	2270	2271	2272	2273	2274	2275	2276	2277	2278	2279	2280	2281	2282	2283	2284	2285	2286	2287	2288	2289	2290	2291	2292	2293	2294	2295	2296	2297	2298	2299	2300	2301	2302	2303	2304	2305	2306	2307	2308	2309	2310	2311	2312	2313	2314	2315	2316	2317	2318	2319	2320	2321	2322	2323	2324	2325	2326	2327	2328	2329	2330	2331	2332	2333	2334	2335	2336	2337	2338	2339	2340	2341	2342	2343	2344	2345	2346	2347	2348	2349	2350	2351	2352	2353	2354	2355	2356	2357	2358	2359	2360	2361	2362	2363	2364	2365	2366	2367	2368	2369	2370	2371	2372	2373	2374	2375	2376	2377	2378	2379	2380	2381	2382	2383	2384	2385	2386	2387	2388	2389	2390	2391	2392	2393	2394	2395	2396	2397	2398	2399	2400	2401	2402	2403	2404	2405	2406	2407	2408	2409	2410	2411	2412	2413	2414	2415	2416	2417	2418	2419	2420	2421	2422	2423	2424	2425	2426	2427	2428	2429	2430	2431	2432	2433	2434	2435	2436	2437	2438	2439	2440	2441	2442	2443	2444	2445	2446	2447	2448	2449	2450	2451	2452	2453	2454	2455	2456	2457	2458	2459	2460	2461	2462	2463	2464	2465	2466	2467	2468	2469	2470	2471	2472	2473	2474	2475	2476	2477	2478	2479	2480	2481	2482	2483	2484	2485	2486	2487	2488	2489	2490	2491	2492	2493	2494	2495	2496	2497	2498	2499	2500	2501	2502	2503	2504	2505	2506	2507	2508	2509	2510	2511	2512	2513	2514	2515	2516	2517	2518	2519	2520	2521	2522	2523	2524	2525	2526	2527	2528	2529	2530	2531	2532	2533	2534	2535	2536	2537	2538	2539	2540	2541	2542	2543	2544	2545	2546	2547	2548	2549	2550	2551	2552	2553	2554	2555	2556	2557	2558	2559	2560	2561	2562	2563	2564	2565	2566	2567	2568	2569	2570	2571	2572	2573	2574	2575	2576	2577	2578	2579	2580	2581	2582	2583	2584	2585	2586	2587	2588	2589	2590	2591	2592	2593	2594	2595	2596	2597	2598	2599	2600	2601	2602	2603	2604	2605	2606	2607	2608	2609	2610	2611	2612	2613	2614	2615	2616	2617	2618	2619	2620	2621	2622	2623	2624	2625	2626	2627	2628	2629	2630	2631	2632	2633	2634	2635	2636	2637	2638	2639	2640	2641	2642	2643	2644	2645	2646	2647	2648	2649	2650	2651	2652	2653	2654	2655	2656	2657	2658	2659	2660	2661	2662	2663	2664	2665	2666	2667	2668	2669	2670	2671	2672	2673	2674	2675	2676	2677	2678	2679	2680	2681	2682	2683	2684	2685	2686	2687	2688	2689	2690	2691	2692	2693	2694	2695	2696	2697	2698	2699	2700	2701	2702	2703	2704	2705	2706	2707	2708	2709	2710	2711	2712	2713	2714	2715	2716	2717	2718	2719	2720	2721	2722	2723	2724	2725	2726	2727	2728	2729	2730	2731	2732	2733	2734	2735	2736	2737	2738	2739	2740	2741	2742	2743	2744	2745	2746	2747	2748	2749	2750	2751	2752	2753	2754	2755	2756	2757	2758	2759	2760	2761	2762	2763	2764	2765	2766	2767	2768	2769	2770	2771	2772	2773	2774	2775	2776	2777	2778	2779	2780	2781	2782	2783	2784	2785	2786	2787	2788	2789	2790	2791	2792	2793	2794	2795	2796	2797	2798	2799	2800	2801	2802	2803	2804	2805	2806	2807	2808	2809	2810	2811	2812	2813	2814	2815	2816	2817	2818	2819	2820	2821	2822	2823	2824	2825	2826	2827	2828	2829	2830	2831	2832	2833	2834	2835	2836	2837	2838	2839	2840	2841	2842	2843	2844	2845	2846	2847	2848	2849	2850	2851	2852	2853	2854	2855	2856	2857	2858	2859	2860	2861	2862	2863	2864	2865	2866	2867	2868	2869	2870	2871	2872	2873	2874	2875	2876	2877	2878	2879	2880	2881	2882	2883	2884	2885	2886	2887	2888	2889	2890	2891	2892	2893	2894	2895	2896	2897	2898	2899	2900	2901	2902	2903	2904	2905	2906	2907	2908	2909	2910	2911	2912	2913	2914	2915	2916	2917	2918	2919	2920	2921	2922	2923	2924	2925	2926	2927	2928	2929	2930	2931	2932	2933	2934	2935	2936	2937	2938	2939	2940	2941	2942	2943	2944	2945	2946	2947	2948	2949	2950	2951	2952	2953	2954	2955	2956	2957	2958	2959	2960	2961	2962	2963	2964	2965	2966	2967	2968	2969	2970	2971	2972	2973	2974	2975	2976	2977	2978	2979	2980	2981	2982	2983	2984	2985	2986	2987	2988	2989	2990	2991	2992	2993	2994	2995	2996	2997	2998	2999	3000
------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію и получивших

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Ученики VIII класса.							
	Общее число пред- началомъ испытаній.	Устранены отъ испытаній.				Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости.
		По допущенію къ испытаніямъ.			Отсрочено испыта- ніе по болѣзни.			
		По малосу- пѣнности.	По нравственной незрѣлости.	По семейной причинѣ.				
<i>С.-Петербургскій.</i>								
23 правительств. гимн.	839	26 (3,1%)	—	—	4	30 (3,6%)	809 (96,4%)	774 (95,7%)
4 церковныхъ учил.	79	—	—	—	—	—	79 (100,0%)	79 (100,0%)
3 частныхъ гимназій.	48	—	—	—	—	—	48 (100,0%)	48 (100,0%)
Всего	966	26 (2,7%)	—	—	4	30 (3,1%)	936 (96,9%)	901 (96,3%)
<i>Московскій.</i>								
29 правительств. гимн.	1056	17 (1,6%)	—	—	11	28 (2,6%)	1025 (97,1%)	981 (95,7%)
1 церковное училище.	12	—	—	—	—	—	12 (100,0%)	12 (100,0%)
2 частныхъ гимназій.	45	9 (20,0%)	—	—	—	9 (20,0%)	36 (80,0%)	36 (100,0%)
Всего	1113	26 (2,3%)	—	—	11	37 (3,3%)	1073 (96,4%)	1029 (95,9%)
<i>Казанскій.</i>								
10 правительств. гимн.	348	6 (1,7%)	—	—	—	6 (1,7%)	342 (98,3%)	339 (99,1%)
<i>Оренбургскій.</i>								
5 правительств. гимн.	127	5 (3,9%)	—	—	1	6 (4,4%)	120 (94,5%)	110 (91,7%)
<i>Харьковскій.</i>								
20 правительств. гимн.	617	25 (4,0%)	1	—	3	29 (4,7%)	586 (95,0%)	556 (94,9%)
<i>Одесскій.</i>								
22 правительств. гимн.	661	15 (2,3%)	—	—	—	15 (2,3%)	646 (97,7%)	623 (96,4%)
<i>Кіевскій.</i>								
23 правительств. гимн.	807	9 (1,1%)	—	—	5	14 (1,7%)	793 (98,3%)	774 (97,6%)

НИХЪ АТТЕСТАТЫ И СВИДѢТЕЛЬСТВА ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1904 ГОДУ.

Учрежденіе, въ которомъ учились учащіеся въ учебное заведеніе.	Награжд. медалями.			Постороннія лица.										
	Золотыя.	Серебряныя.	Всего (п процентное отношеніе къ общему числу удостоенныхъ аттест.).	Показл прошенія.	Устранены отъ испытаній.						Всего.	Поддержались испытанія.	Выдержали испытанія и получили свидетельства зрѣлости.	
					Не допущены къ испытаніямъ.			Не явились къ испытаніямъ.						
					На основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ.		Въдѣствіе недостатка мѣста.	По болѣзни.		По невѣдѣн. причинѣ.				
а.	б.	в.	г.											
33,7	79	65	144 (18,6%)	186	5	—	—	1	—	—	—	6 (3,2%)	180 (96,8%)	94 (52,2%)
9,75	8	4	12 (15,2%)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (100,0%)	1 (100,0%)
16,0	4	3	7 (14,7%)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (100,0%)	1 (100,0%)
30,0	91	72	163 (18,1%)	188	5	—	—	1	—	—	—	6 (3,2%)	182 (96,8%)	96 (52,8%)
33,8	96	47	143 (14,6%)	152	1	—	1	8	—	—	—	10 (6,6%)	142 (93,4%)	70 (49,3%)
12,0	2	1	3 (25,0%)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
32,2	98	48	146 (14,1%)	152	1	—	1	8	—	—	—	10 (6,6%)	142 (93,4%)	70 (49,3%)
38,9	84	26	60 (17,7%)	97	—	—	—	—	—	—	—	—	97 (100,0%)	58 (59,8%)
22,0	9	4	13 (11,8%)	13	—	—	—	—	—	—	—	—	13 (100,0%)	5 (38,5%)
7,8	55	28	83 (14,9%)	145	9	2	1	5	—	—	3	20(13,8%)	125 (86,2%)	69 (55,2%)
28,3	79	34	113 (18,1%)	195	1	—	—	24	—	—	13	38(19,5%)	157 (80,5%)	88 (56,1%)
13,6	89	46	135 (17,5%)	339	10	—	—	42	—	—	30	82(24,7%)	251 (75,3%)	129 (51,4%)

2*

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Ученики VIII класса.							
	Общее число продвинутое испытанія.	Устранены отъ испытаній.				Всего.	Подвергался испытаніямъ.	Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости.
		Не допущены къ испытаніямъ.		Осрочено испытаніе по болѣзни.	Всего.			
		По малоуспѣшности.	По недостаточной подготовкѣ.					
<i>Вилнискій.</i>								
10 правительств. гимн.	330	10 (3,0%)	—	+	1	11 (3,3%)	319 (96,7%)	301 (94,4%)
<i>Варшавскій.</i>								
21 правительств. гимн.	561	41 (7,3%)	—	—	—	41 (7,3%)	520 (92,7%)	448 (86,2%)
<i>Рижскій.</i>								
10 правительств. гимн.	276	4 (1,5%)	—	—	2	6 (2,1%)	270 (97,9%)	259 (96,0%)
<i>Кавказскій.</i>								
13 правительств. гимн.	511	11 (2,1%)	—	—	4	15 (2,9%)	496 (97,1%)	475 (95,8%)
<i>Западно-Сибирскій.</i>								
3 правительств. гимн.	94	—	—	—	—	—	94 (100,0%)	78 (83,0%)
<i>Восточно-Сибирскій.</i>								
2 правительств. гимн.	53	1 (1,9%)	—	—	—	1 (1,9%)	52 (98,1%)	48 (92,3%)
<i>Туркестанскій край.</i>								
3 правительств. гимн.	76	2 (2,6%)	—	—	—	2 (2,6%)	74 (97,4%)	70 (94,7%)
Итого:								
Во всѣхъ 194 прав. гимн.	6356	172 (2,7%)	1	—	31	204 (3,2%)	6146 (96,4%)	5836 (94,9%)
„ „ 5 церк. уч.	91	—	—	—	—	—	91 (100,0%)	91 (100,0%)
„ „ 5 част. гимн.	93	9 (9,7%)	—	—	—	9 (9,7%)	84 (90,3%)	84 (100,0%)
Всего:								
Во всѣхъ (204) учебныхъ заведеніяхъ	6540	181 (2,8%)	1	—	31	213 (3,3%)	6321 (96,6%)	6011 (95,1%)

Среднее число на одно учебное заведение.	Наград. медалями.			Постороннія лица.										Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и получили свидетельства зрѣлости.
	Золотыя.	Серебряныя.	Всего (и процентное отношеніе къ общему числу удостоенныхъ аттест.).	Подали прошенія.	Устранены отъ испытаній.						Всего.				
					Не допущены къ испытаніямъ.				Не явились къ испытаніямъ.						
					На основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ.		Въ связи съ недостаткомъ мѣста.	По болѣзни.	По неизвестн. причинѣ.						
в.	б.	в.	г.												
30,1	19	28	45 (14,9%)	16	—	—	—	—	—	—	—	—	16 (100,0%)	7 (43,8%)	
21,8	20	28	43 (9,8%)	76	3	—	6	—	—	4	19 (17,1%)	63 (82,9%)	10 (16,0%)		
25,9	15	12	27 (14,2%)	34	—	—	1	—	3	—	4 (11,8%)	30 (88,2%)	22 (73,3%)		
36,5	38	24	62 (13,6%)	106	—	—	3	—	—	—	3 (2,8%)	103 (97,2%)	42 (40,8%)		
26,0	7	8	15 (19,2%)	23	—	—	—	—	—	7	7 (34,3%)	16 (65,7%)	8 (50,0%)		
24,0	—	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	20 (100,0%)	9 (45,0%)		
23,3	4	2	6 (8,6%)	6	—	—	—	—	—	—	—	6 (100,0%)	5 (83,3%)		
30,1	544	345	889 (15,4%)	1402	29	2	290	—	3	57	183 (13,1%)	1219 (86,9%)	616 (50,5%)		
18,2	10	5	15 (16,5%)	1	—	—	—	—	—	—	—	1 (100,0%)	1 (100,0%)		
16,8	4	3	7 (8,3%)	1	—	—	—	—	—	—	—	1 (100,0%)	1 (100,0%)		
29,4	558	353	911 (15,0%)	1404	29	2	290	—	3	57	183 (13,0%)	1221 (87,0%)	618 (50,6%)		

№ 2. Видомость о не выдержавшихъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подержавшихъ испытанія.	Общее число не выдержавшихъ испытаній.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ				
				Закону Божію.	Русскому азыку.		Математикѣ.	
					Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.
<i>С.-Петербургскій.</i>								
Ученики правительствъ, гимназій	809	35	4,3	—	27	10	38	19
„ церковныхъ училищъ	79	—	—	—	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій	48	—	—	—	—	—	—	—
Всего	936	35	3,5	—	27	10	38	19
Постороннія лица	182	86	47,2	4	43	12	38	22
<i>Московскій.</i>								
Ученики правительствъ, гимназій	1025	47	4,5	1	23	5	22	12
„ церковнаго училища	12	—	—	—	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій	36	—	—	—	—	—	—	—
Всего	1073	47	4,3	1	23	5	22	12
Постороннія лица	142	72	50,7	2	33	2	25	6
<i>Казанскій.</i>								
Ученики правительствъ, гимназій	342	3	0,9	1	3	—	2	—
Постороннія лица	97	39	40,2	1	26	2	23	8
<i>Оренбургскій.</i>								
Ученики правительствъ, гимназій	120	10	8,3	—	8	4	2	3
Постороннія лица	13	8	61,5	—	6	—	5	2
<i>Харьковскій.</i>								
Ученики правительствъ, гимназій	586	32	5,4	1	10	2	19	6
Постороннія лица	125	56	44,8	—	22	3	14	9
<i>Одесскій.</i>								
Ученики правительствъ, гимназій	646	23	3,6	—	16	8	10	4
Постороннія лица	157	69	43,9	—	32	8	19	7
<i>Кіевскій.</i>								
Ученики правительствъ, гимназій	793	19	2,4	—	8	3	12	—
Постороннія лица	251	122	48,6	1	50	4	59	13

испытаній зрѣлости въ 1904 году.

испытаній по отдѣльнымъ предметамъ.							Общее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ.	Изъ числа не выдержавшихъ испытаній и устранившихся отъ нихъ.	
Латинскому языку.	Греческому языку.	Филанкѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.		Остались на другой годъ въ VIII класъ.	Выбыли со свѣдѣтельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніяхъ или вслѣдствіе поступления въ друг. учебн. заведеніи.
8	10	—	9	—	—	1	122	47	18
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8	10	—	9	—	—	1	122	47	18
14	3	11	5	—	1	3	156	—	—
5	6	—	8	—	—	4	86	64	11
—	—	—	—	—	—	—	—	6	3
5	6	—	8	—	—	4	86	70	14
13	10	8	2	1	—	—	102	—	—
—	—	—	—	—	—	—	6	9	—
4	4	—	2	—	—	—	65	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	—	18	15	1
—	—	1	—	—	—	—	14	—	—
5	3	—	4	—	—	2	52	53	8
6	2	6	3	2	2	5	74	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	3	—	4	—	—	1	48	36	1
2	7	5	5	2	1	2	90	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	5	—	—	—	—	—	35	30	3
1	6	18	7	2	3	1	165	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергнувшихся испытаніямъ.	Общее число не выдержавшихъ испытаній.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ				
				Закону Божию.	Русскому языку.		Математикѣ.	
					Писменно.	Устно.	Писменно.	Устно.
<i>Виленскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	319	18	5,6	—	8	2	8	5
Постороннія лица	16	9	56,2	—	3	—	6	—
<i>Варшавскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	520	72	13,8	—	48	7	36	3
Постороннія лица	63	53	84,0	—	40	—	26	—
<i>Рижскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	270	11	4,0	—	3	—	2	2
Постороннія лица	30	8	26,7	—	6	—	2	—
<i>Кавказскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	496	21	4,2	1	13	10	22	10
Постороннія лица	108	61	59,2	—	32	10	18	15
<i>Западно-Сибирскій.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	94	16	17,0	—	11	1	8	—
Постороннія лица	16	8	50,0	1	3	—	3	—
<i>Восточная Сибирь.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	52	4	7,7	—	—	—	2	2
Постороннія лица	20	11	55,0	1	8	—	6	—
<i>Туркестанскій край.</i>								
Ученики правительствъ гимназій	74	4	5,3	—	—	—	4	4
Постороннія лица	6	1	16,7	—	1	—	—	—
Итого:								
Ученики правительствъ гимназій	6146	315	5,1	4	178	52	187	70
„ церковныхъ училищъ	91	—	100,0	—	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій	84	—	100,0	—	—	—	—	—
Всего	6821	315	4,9	4	178	52	187	70
Постороннія лица	1221	603	49,4	10	305	41	244	77
Общій итогъ	7642	918	12,1	14	483	93	481	147

испытаний по отдельным предметам.

Латинскому языку.	Греческому языку.	Филанк и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностран- нымъ языкамъ.
1	—	—	4	—	—	—
2	2	—	1	—	—	—
1	1	—	4	—	—	—
3	2	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
1	1	—	2	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
11	7	—	7	—	—	5
10	6	20	9	1	9	6
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	2	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—
2	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	2	—	—	—	—	—
1	1	1	—	—	—	—
44	38	—	44	—	—	13
—	—	—	—	—	—	—
44	38	—	44	—	—	13
57	43	70	35	8	17	17
101	81	70	79	8	17	30

№ 3. Распределеіе призванныхъ зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>С.-Петербургскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	774	49	6,3	192	25,0	211	27,2	180	23,2	142	18,3
" церковн. училищъ	79	12	15,2	29	36,6	21	26,6	16	20,3	1	1,3
" частныхъ гимназій	48	—	—	11	22,9	14	29,2	12	25,0	11	22,9
Постороннія лица	96	2	2,1	5	5,2	10	10,4	12	12,5	67	69,8
Всего . . .	997	63	6,3	237	23,8	256	25,6	220	22,1	221	22,2
<i>Московскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	978	48	4,9	252	25,8	272	27,7	240	24,6	166	17,0
" церковн. училища	12	—	—	6	50,0	2	16,7	4	33,3	—	—
" частныхъ гимназій	36	—	—	14	38,9	8	22,2	8	22,2	6	16,7
Постороннія лица	70	—	—	3	4,3	8	11,5	12	19,1	47	69,1
Всего . . .	1096	48	4,4	275	25,1	290	26,5	264	24,0	219	20,0
<i>Казанскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	339	9	2,7	88	26,0	100	29,5	87	25,6	55	16,2
Постороннія лица	58	—	—	3	5,1	4	6,9	11	19,0	40	69,0
Всего . . .	397	9	2,2	91	23,0	104	26,2	98	24,7	95	23,9

УЧЕБНЫЯ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Оренбургскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	110	7	6,4	33	30,0	26	23,6	29	26,4	15	13,6
Постороннія лица	5	—	—	1	20,0	—	—	—	—	4	80,0
Всего . . .	115	7	6,1	34	29,6	26	22,6	29	25,2	19	17,4
<i>Харьковскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	556	20	3,6	136	24,5	191	34,3	124	22,3	85	15,3
Постороннія лица	69	3	4,3	5	7,2	9	13,0	15	21,8	37	53,7
Всего . . .	625	23	3,7	141	22,6	200	32,0	139	22,2	122	19,5
<i>Одесскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	623	43	6,9	140	22,5	184	29,5	144	23,1	112	18,0
Постороннія лица	88	4	4,6	2	2,3	10	11,4	12	13,7	60	68,0
Всего . . .	711	47	6,6	142	20,0	194	27,3	156	21,9	172	24,2
<i>Кіевскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	774	45	5,8	147	19,0	216	27,9	199	25,6	167	21,7
Постороннія лица	129	—	—	5	3,9	9	7,0	22	17,0	93	72,1
Всего . . .	903	45	5,0	152	16,8	225	24,9	221	24,5	260	28,8

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Виленскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій	301	16	5,3	68	22,6	104	34,6	68	22,6	45	14,9
Постороннія лица	7	—	—	—	—	3	42,9	1	14,2	3	42,9
Всего . . .	308	16	5,2	68	22,1	107	34,7	69	22,4	48	15,6
<i>Варшавскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	448	10	2,2	71	15,9	184	30,0	110	24,5	123	27,4
Постороннія лица	10	1	10,0	1	10,0	1	10,0	—	—	7	70,0
Всего . . .	458	11	2,4	72	15,8	185	29,4	110	24,0	130	28,4
<i>Рижскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	259	10	3,8	43	16,7	62	24,0	78	28,1	71	27,4
Постороннія лица	22	—	—	—	—	—	—	3	13,7	19	86,3
Всего . . .	281	10	3,7	43	15,3	62	22,0	76	27,0	90	32,0
<i>Кавказскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	475	19	4,0	94	19,8	107	22,5	93	19,6	162	34,1
Постороннія лица	42	1	2,4	1	2,4	6	14,2	7	16,7	27	64,3
Всего . . .	517	20	3,9	95	18,3	113	21,9	100	19,3	189	36,6
<i>Западно-Сибир.</i>											
Ученики правит. гимназій	78	—	—	20	25,6	25	32,0	19	24,4	14	18,0
Постороннія лица	8	—	—	—	—	1	12,5	1	12,5	6	75,0
Всего . . .	86	—	—	20	23,3	26	30,1	20	23,3	20	23,3

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлых.	Возрастъ съ къ		
		17-ти лѣтъ.	18-ти лѣтъ	
<i>Восточ. Сибирь.</i>				
Ученики правит. гимназій	48	2	4,2	11
Постороннія лица	9	1	11,1	2
Всего . . .	57	3	5,3	13
<i>Туркест. край.</i>				
Ученики правит. гимназій	70	6	8,6	15
Постороннія лица	5	—	—	—
Всего . . .	75	6	8,0	15
Итого:				
Ученики правит. гимназій	5833	284	4,9	1310
„ церковн. училищъ	91	12	13,2	35
„ частныхъ гимназій	84	—	—	25
Постороннія лица	618	12	1,9	28
Всего . . .	6626	308	4,7	1398

№ 4. Распределение признанныхъ зрѣлыми по

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе въ									
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Технологическіе институты.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Лесной институтъ.	Институтъ гражданскихъ инженеръ.	Военныя училища.	Военныя академіи и Свѣтло-хоз. инст.	Академія художествъ.	Экономико-статистическій институтъ.	Морское инженерное училище.
<i>С.-Петербургскій.</i>																	
Изъ 23 правительств. гимн.	—	50	156	212	161	18	597	99	40	20	18	19	11	10	6	18	8
„ 4 церковныхъ учил.	6	5	14	20	9	4	58	7	7	1	1	2	—	—	—	—	—
„ 3 частныхъ гимназій.	1	2	6	18	8	1	36	3	1	2	1	1	1	—	3	—	—
Изъ всѣхъ 30 учебныхъ заведеній.	7	57	176	250	178	23	691	109	48	23	20	20	14	11	6	21	8
<i>Московскій.</i>																	
Изъ 20 правительств. гимн.	—	78	242	328	259	17	924	20	12	6	8	2	2	8	—	1	7
„ 1 церковнаго учил.	—	2	2	3	1	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ 2 частныхъ гимназій.	—	4	6	15	9	1	35	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Изъ всѣхъ 32 учебныхъ заведеній.	—	84	250	346	269	18	967	20	12	6	8	2	2	9	—	1	7
<i>Казанскій.</i>																	
Изъ 10 правительств. гимн.	2	28	116	99	86	1	332	36	6	2	1	—	11	4	1	—	—
<i>Орскіебурскій.</i>																	
Изъ 5 правительств. гимн.	—	6	27	27	25	8	93	10	1	1	2	—	—	3	—	—	—
<i>Харьковскій.</i>																	
Изъ 20 правительств. гимн.	—	48	170	146	158	8	530	34	4	4	5	3	7	2	1	2	8
<i>Одесскій.</i>																	
Изъ 22 правительств. гимн.	—	47	225	171	133	12	588	30	12	2	6	3	11	5	2	—	—

занятия, къ которымъ они себя

юшія спеціальныя училища:

Алтай.	Институтъ восточ- ныхъ языковъ.	Александровскій лицей.	Русско-япон- ская семинарія.	Политехническій институтъ.	Нанкинскій инсти- тутъ.	Восточнаарійскій ин- ститутъ.	Духовныя академ.	Заградительныя за- веденія.	Техническій ин- ститутъ.	Зубопротавитель- ную школу.	В с е г о.
4	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	25
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
4	—	1	—	—	—	—	3	1	—	—	28
—	10	—	—	15	—	—	1	—	20	—	11
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	10	—	—	15	—	—	1	—	21	—	11
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	6
—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	2
1	2	—	—	11	—	1	—	—	—	—	8
7	—	—	—	9	1	2	3	3	1	—	9

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе в										
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ язы.	В с о г о.	Технологическіе институты.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Лесной институтъ.	Институтъ гражданскихъ инженеровъ.	Военная академія.	Западно-азиатскій институтъ.	Самарско-хоз. институтъ.	Азиат. университетъ.	Электротехническій институтъ.	Морское инженер.
<i>Кіевскій.</i>																		
Изъ 23 правительствъ гимн.	—	69	243	207	161	22	702	101	26	6	12	10	8	4	4	—	—	—
<i>Виленскій.</i>																		
Изъ 10 правительствъ гимн.	1	12	83	80	70	5	251	30	5	—	1	—	1	2	—	—	—	
<i>Варшавскій.</i>																		
Изъ 21 правительствъ гимн.	5	41	100	114	104	4	368	7	1	3	5	3	2	5	1	2	—	
<i>Рижскій.</i>																		
Изъ 10 правительствъ гимн.	15	18	40	54	74	2	203	28	3	2	4	4	—	3	—	—	—	
<i>Кавказскій.</i>																		
Изъ 13 правительствъ гимн.	—	29	97	133	137	8	404	35	10	9	3	4	6	5	2	2	—	
<i>Западно-Сибирскій.</i>																		
Изъ 3 правительствъ гимн.	—	6	9	13	25	—	53	24	—	1	1	—	2	2	—	—	—	
<i>Восточно-Сибирскій.</i>																		
Изъ 2 правительствъ гимн.	—	8	8	5	13	1	35	8	1	2	—	1	—	—	—	—	1	
<i>Туркестанскій край.</i>																		
Изъ 3 правительствъ гимн.	—	1	10	16	17	1	45	17	—	—	3	—	1	—	—	—	—	
Итого:																		
Изъ всѣхъ (204) учебныхъ заведеній	30	454	1554	1661	1450	113	5262	489	129	61	71	50	64	55	17	29	29	
Процентное отношеніе къ общему числу армянъ.	0,46	6,36	23,44	25,08	21,88	1,70	79,39	7,37	1,94	0,92	1,07	0,75	0,97	0,88	0,26	0,44	2,20	

Имя специальныя училища:											Поступающіе на поприще практической деятельности.										
Имя.	Иркутск. восточн. вых. школ.	Александровскій лицей.	Русско-американскія семинарія.	Политехническій институтъ.	Валевскій институтъ.	Ветеринарный институтъ.	Духовная академія.	Заградительныя школы.	Техническій институтъ.	Зубоохранительную школу.	В с е г о.	Въ гос. служ.		Частн. деятелн.					В с е г о.	Не дали свѣдѣній объ избран. спец.	
												Гражданск.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйствен.	Коммерческой.	Мануфактурной.	Заграничн.			В с е г о.
											175	10	14	2						26	
		1		9				1	1		54	1					2			3	
			1	45		3		1			79	2	3		1	1				7	4
				22				3		1	70	1	4			2	1			3	
				6					3		85		3		3	3			3	17	11
											30										3
											13										9
				2							23	1	6							7	
числ.	5	12	4	1	124	1	7	10	10	26	1	1193	30	67	5	8	19	3	3	135	89
	0,18	0,06	0,01	1,87	0,01	0,11	0,16	0,15	0,41	0,01	18,00	0,45	1,01	0,07	0,11	0,29	0,05	0,05	2,03	0,58	

Часть СООЛХІ (1906, № 10), стр. 4.

3

№ 5. Сводная вѣдомость о результатахъ

Г О Д Ъ.	НАЗВАНІЕ И ЧИСЛО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	Общее число абитуриентовъ передъ началомъ испытаній.	Устранены отъ	
			По мало-успѣшности.	По другимъ причинамъ.
1899	Въ 175 правительственныхъ гимназіяхъ	4.004	103 (2,6%)	26
	„ 5 церковныхъ училищахъ	63	—	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	99	7 (7,1%)	—
	Всего въ 185 учебныхъ заведеніяхъ	4.166	110 (2,6%)	26
	Постороннія лица	547	—	—
	И т о г о	4.713	—	—
1900	Въ 177 правительственныхъ гимназіяхъ	4.154	78 (1,9%)	23
	„ 5 церковныхъ училищахъ	88	—	1
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	113	12 (10,6%)	1
	Всего въ 187 учебныхъ заведеніяхъ	4.355	90 (2,1%)	25
	Постороннія лица	621	—	—
	И т о г о	4.976	—	—
1901	Въ 181 правительственной гимназіи	4.522	57 (1,3%)	22
	„ 5 церковныхъ училищахъ	88	—	1
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	98	8 (8,2%)	3
	Всего въ 191 учебномъ заведеніи	4.708	65 (1,4%)	26
	Постороннія лица	639	—	—
	И т о г о	5.342	—	—

Испытаній зрѣлости съ 1899 по 1904 годъ.

Испытаній.	Подвергались испытаніямъ.	Не выдержали испытаній.	Выдержали по- пытанія и полу- чили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости.	Награждены медалями.
В с е г о.				
129 (3,2%)	3.875 (96,8%)	87 (2,2%)	3.788 (97,8%)	470 (12,4%)
—	63 (100%)	4 (6,3%)	59 (93,7%)	4 (6,8%)
7 (7,1%)	92 (92,9%)	3 (3,3%)	89 (96,7%)	7 (7,8%)
136 (3,3%)	4.030 (96,7%)	94 (2,3%)	3.936 (97,7%)	481 (12,2%)
54 (9,9%)	498 (90,1%)	264 (53,5%)	229 (46,5%)	—
190 (4,0%)	4.523 (96%)	358 (7,9%)	4.165 (92,1%)	—
101 (2,4%)	4.063 (97,6%)	121 (3,0%)	3.932 (97,0%)	477 (12,1%)
1 (1,1%)	87 (98,9%)	3 (3,5%)	84 (96,5%)	10 (11,9%)
13 (11,5%)	100 (88,5%)	8 (8,0%)	92 (92,0%)	4 (4,3%)
115 (2,6%)	4.240 (97,4%)	132 (3,1%)	4.108 (96,9%)	491 (11,9%)
87 (14,0%)	534 (86,0%)	264 (49,4%)	270 (50,6%)	—
202 (4,1%)	4.774 (95,9%)	396 (8,3%)	4.378 (91,7%)	—
79 (1,8%)	4.443 (98,2%)	107 (2,4%)	4.336 (97,6%)	659 (15,2%)
1 (1,2%)	82 (98,8%)	—	82 (100,0%)	13 (15,8%)
11 (11,2%)	87 (88,8%)	1 (1,2%)	86 (98,8%)	9 (10,5%)
91 (1,9%)	4.612 (98,1%)	108 (2,3%)	4.504 (97,7%)	681 (15,1%)
89 (13,9%)	550 (86,1%)	240 (43,6%)	310 (56,4%)	—
180 (3,4%)	5.162 (96,6%)	348 (6,7%)	4.814 (93,3%)	—

3*

Г О Д Ъ.	НАЗВАНІЕ И ЧИСЛО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	Общее число абитуриентовъ передъ началомъ испытаній.	Устранены отъ	
			По малоуспѣшности.	По другимъ причинамъ.
1902	Въ 184 правительственныхъ гимназіяхъ.	4.864	42 (0,9%)	32
	„ 5 церковныхъ училищахъ	90	—	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	103	4 (4,9%)	1
	Всего въ 194 учебныхъ заведеніяхъ.	5.057	46 (0,9%)	33
	Постороннія лица	931	—	—
	И т о г о	5.988	—	—
1903	Въ 192 правительственныхъ гимназіяхъ.	5.681	139 (2,4%)	29
	„ 5 церковныхъ училищахъ	86	2 (2,3%)	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	101	13 (12,9%)	—
	Всего въ 202 учебныхъ заведеніяхъ.	5.868	154 (2,6%)	29
	Постороннія лица	1.164	—	—
	И т о г о	7.032	—	—
1904	Въ 194 правительственныхъ гимназіяхъ.	6.356	172 (2,7%)	32
	„ 5 церковныхъ училищахъ	91	—	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	93	9 (9,7%)	—
	Всего въ 204 учебныхъ заведеніяхъ.	6.540	181 (2,8%)	32
	Постороннія лица	1.404	—	—
	И т о г о	7.944	—	—

испытаній.			Выдержали ис- пытанія и полу- чили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости.	Награждены медалями.
В с о г о.	Подвергались испытаніямъ.	Не выдержали испытаній.		
74 (1,5%)	4.790 (98,5%)	96 (2,0%)	4.694 (98,0%)	809 (17,2%)
—	90 (100,0%)	2 (2,2%)	88 (97,8%)	22 (25,0%)
5 (4,9%)	98 (96,1%)	1 (1,0%)	97 (99,0%)	8 (8,2%)
79 (1,6%)	4.978 (98,4%)	99 (2,0%)	4.879 (98,0%)	839 (17,2%)
98 (10,0%)	838 (90,0%)	417 (49,8%)	421 (50,2%)	—
172 (2,9%)	5.816 (97,1%)	516 (8,9%)	5.300 (91,1%)	—
168 (3,0%)	5.513 (97,0%)	186 (3,4%)	5.327 (96,6%)	848 (15,9%)
2 (2,3%)	84 (97,7%)	—	84 (100,0%)	17 (20,2%)
13 (12,9%)	88 (87,1%)	1 (1,1%)	87 (98,9%)	8 (9,2%)
183 (3,1%)	5.685 (96,9%)	187 (3,3%)	5.498 (96,7%)	873 (15,9%)
111 (9,5%)	1.053 (90,5%)	518 (49,2%)	535 (50,8%)	—
294 (4,2%)	6.738 (95,8%)	705 (10,5%)	6.033 (89,5%)	—
204 (3,2%)	6.146 (96,4%)	315 (5,1%)	5.836 (94,9%)	889 (15,4%)
—	91(100,0%)	—	91(100,0%)	15 (16,5%)
9 (9,7%)	84 (90,3%)	—	84(100,0%)	7 (8,3%)
213 (3,3%)	6.321 (96,6%)	315 (4,9%)	6.011 (95,1%)	911 (15,0%)
183 (13,0%)	1.221 (87,0%)	603 (49,4%)	618 (50,6%)	—
396 (5,0%)	7.542 (94,9%)	918 (12,1%)	6.629 (87,9%)	—

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТАБЛИЦАМЪ.

Къ таблицѣ № 1-й.

По Московскому учебному округу:

Въ графѣ „Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости“: какъ въ числѣ абитуриентовъ правительственныхъ гимназій, такъ и въ итогѣ этой графы по данному округу включены три лица, которыя экзаменовъ не держали, но получили аттестаты.

По Оренбургскому учебному округу:

Въ графѣ „Общее число предъ началомъ испытаній“: въ числѣ 127 значится одно лицо, умершее предъ началомъ испытаній.

По Харьковскому учебному округу:

Въ графѣ „Выдержали испытаніе и удостоены аттестата зрѣлости“: въ числѣ 556 лицъ значатся двое, экзаменовъ не державшихъ, но аттестаты получившихъ.

Въ общемъ итогъ по всемъ округамъ:

Въ графѣ „Подвергались испытаніямъ“: какъ въ число абитуриентовъ правительственныхъ гимназій, такъ и въ итогъ по всемъ 204 учебнымъ заведеніямъ не вошли въ счетъ 5 лицъ, экзаменовъ не державшихъ, но аттестаты получившихъ, и 1 лицо, умершее въ періодъ испытаній.

Къ таблицѣ № 2-й.

По Одесскому учебному округу:

Въ графѣ „Общее число подвергавшихся испытаніямъ“: въ числѣ учениковъ правительственныхъ гимназій (646) значатся трое, которымъ экзамены отсрочены на 1 годъ, и одинъ умершій въ періодъ испытаній.

Въ графѣ „Общее число не выдержавшихъ испытаній“ въ числѣ постороннихъ лицъ (69) значатся 9 человекъ, прекратившихъ экзамены по болѣзни.

По Варшавскому учебному округу:

Въ графѣ „Общее число не выдержавшихъ испытаній“: въ числѣ учениковъ правительственныхъ гимназій (72) значится одинъ, которому экзамены отложены на годъ по болѣзни.

По Рижскому учебному округу:

Въ графѣ „Общее число не выдержавшихъ испытаній“: въ числѣ учениковъ правительственныхъ гимназій (11) значится одинъ, который устнымъ экзаменамъ по болѣзни не подвергался.

Въ табли

По Московскому учебному округу и в

Въ графѣ „Общее число зрѣлыхъ“:
ныхъ гимназій (978) и въ итогѣ (1.096) :
тестаты безъ экзамена и не давшихъ с

Въ табли

1904

Въ графѣ „Подвергались испытанію“:
ственныхъ гимназій (6.146), въ итогѣ
(8.321) и въ общемъ итогѣ (7.542) не зна
безъ экзамена и 1 умершій въ періодѣ

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНСТИТУТЪ КЛАСНЫХЪ НАСТАВНИКОВЪ И О ПРЕПОДАВАНИИ НѢКОЛЬКИХЪ ПРЕДМЕТОВЪ ОДНИМЪ И ТѢМЪ ЖЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ ВЪ ПРУССКИХЪ ГИМНА- ЗИЯХЪ ¹⁾.

Много говорятъ и много предписывается правилъ о томъ, чтобы учителя гимназій сообщали ученикамъ такія знанія, которыя бы не противорѣчили одно другому, но взаимно бы пополняли и подкрѣпляли другъ друга. Еще болѣе говорятъ о томъ, чтобы всѣ учителя одинаково оцѣнивали и примѣняли всѣ мѣры, клонящіяся къ воспитанію въ ученикахъ добрыхъ нравовъ и хорошихъ привычекъ. Но представляется вопросъ, возможно ли преподавателей, различныхъ по темпераменту, воспитанію, образованію и, можетъ быть, по вѣрнопониманію и національности, объединить между собою такъ, чтобы они дѣйствовали во всемъ единодушно? Обыкновенно возлагается надежда на специально педагогическое образованіе учителей гимназій, которое, по выраженію покойнаго П. Скворцова, директора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, *объединяло бы умы учителей въ одною научномъ сознаніи*. Но вотъ вопросъ, можетъ ли это объединенное научное сознаніе предостеречь, напримѣръ, препода-

¹⁾ Пособіями, изъ которыхъ заимствованы въ статьѣ фактическія данныя, служатъ: „Handbuch der Erziehungs- und Unterrichtalehre für höhere Schulen von Dr. Baumeister. Erster Band. 2 Abteilung. München 1897. „Verordnungen und Gesetze für die höheren Schulen in Preussen“ von Dr. Wiese. Erste Abteilung. Berlin 1867. „Gymnasialpädagogik im Grundrisse“ von Gustav Thaulow. Kiel. 1858. „Gymnasialpädagogik“ von Karl Roth. Stuttgart 1865. „Gymnasial-Pädagogik“ von Karl Friedrich Negelsbach. Erlangen. 1879. „Die höheren Schulen in Preussen“ von Adolph Beier. Halle 1902. „Современное педагогическое образованіе учителей нѣмецкихъ гимназій“. Н. Скворцовъ. С.-Пб. 1894 г. Программы прусскихъ гимназій.

давателя специалиста отъ субъективной оцѣнки дидактическаго достоинства тѣхъ или другихъ сообщаемыхъ ученику знаний? Въ коллегіи педагогически образованной, конечно, не можетъ быть такого случая, какой описываетъ покойный директоръ П. Сьворцовъ, когда „преподаватель естествознанія осмѣиваетъ предъ учениками релігіозныя космическія воззрѣнія, а законоучитель внушаетъ имъ, что всѣ открытія естествознанія суть не что иное, какъ діавольское навожденіе, или, еще хуже—когда онъ же, какъ учитель вѣры, преподаетъ по Писанію, а какъ ученый, указываетъ ученикамъ и другія точки зрѣнія на предметы вѣры“. Но, помимо такихъ замѣтныхъ педагогическихъ эксцессовъ, на практикѣ всегда могутъ встрѣтиться безчисленные уклоненія преподавателя въ нежелательную сторону, замѣтить которыя можетъ только опытный педагогъ.

Около 70 лѣтъ тому назадъ прусское министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія ввело, для водворенія солидарности между преподавателями, особую мѣру, о которой можно судить по прилагаемой краткой справкѣ изъ исторіи педагогики. Въ 1812 г. всѣ прусскія учебныя заведенія, открывающія ученикамъ доступъ въ университетъ, получили названіе гимназій, или высшихъ ученыхъ школъ. Въ 1816 г. для этихъ гимназій былъ выработанъ совѣтникомъ министерства Сюверномъ, бывшимъ директоромъ двухъ гимназій и профессоромъ Кенигсбергскаго университета, при большомъ участіи знаменитаго филолога Фридриха-Августа Вольфа, учебный планъ. По этотъ планъ не былъ опубликованъ, и гимназій руководились только регламентами и инструкціями, издаваемыми министерствомъ, и при томъ еще съ правомъ, даннымъ директорамъ, приводить эти инструкціи въ исполненіе по личному своему усмотрѣнію и въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и учительскихъ силъ. На основаніи этихъ регламентовъ упразднялась въ гимназіяхъ параллельная или предметная система, по которой ученики каждаго класса составляли группы по отдѣльнымъ предметамъ и каждая группа подвигалась впередъ отдѣльно одна отъ другой. Эта параллельная система упразднялась, впрочемъ, не вдругъ, такъ что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ она держалась еще въ 30-хъ и даже въ 40-хъ годахъ; но всюду, гдѣ она упразднялась, ее замѣняли система классная, именно вводились 6 послѣдовательныхъ классовъ, но, такимъ образомъ, что для *sexta*, *quinta* и *quarta* назначалось по году, для *tertia* и *secunda* по 2 года, а въ высшихъ (*prima*) 3 года, такъ что всего курсъ продолжался 10 лѣтъ; вмѣстѣ же съ приготовительными классами—13 лѣтъ.

По взглядамъ Вольфа, филологія, т. е. латинскій и греческій языки съ литературою, въ ряду другихъ наукъ считалась наивысшею и наиболѣе важною для человѣка, поэтому и въ планѣ его—латинскому и греческому языкамъ отведено преобладающее число уроковъ, но, согласно идеѣ гуманизма и идеѣ общаго образованія, введены были и другія науки, которыя по числу отведенныхъ на нихъ уроковъ шли въ такомъ порядкѣ: математика, нѣмецкій языкъ, исторія, географія, для закона же Божія и естественной исторіи—одинаковое число уроковъ. Въ прежнихъ высшихъ школахъ (латинскихъ), когда древніе языки не составляли еще особой дисциплины, а имѣли значеніе какъ бы пропедевтическое, преподаватели этихъ языковъ вмѣстѣ съ тѣмъ преподавали и другіе предметы: исторію, географію, математику и т. д.; поэтому въ нѣкоторыхъ такихъ школахъ было только по 2, по 3—4 учителя; теперь же, при превращеніи Вольфомъ филологіи изъ предмета пропедевтическаго въ самостоятельную науку, потребовалось имѣть преподавателей-специалистовъ по латинскому и греческому языкамъ. Точно также потребовались особые преподаватели и по другимъ предметамъ. Составленный въ 1810 г. въ министерствѣ Вильгельма фонъ-Гумбольдта при участіи философа Шлейермахера, а равно Вольфа и выше упомянутаго совѣтника министерства Сюверна, правила для испытанія на званіе учителя, „*Examen pro facultate docendi*“, имѣли въ виду также предметныхъ преподавателей. Одинъ изъ преподавателей каждаго класса получалъ названіе старшаго учителя—*ordinarius*, или класснаго наставника. Такимъ образомъ, возникъ въ Пруссіи институтъ подъ названіемъ „*Klassen-Ordinariat*“. Въ 30-хъ годахъ прусскія гимназій, получившія въ педагогической литературѣ названіе ново-гуманистическихъ школъ, послужили образцомъ для гимназій другихъ протестантскихъ государствъ и даже для католической Баваріи. Философъ Кузенъ, успѣвшій хорошо ознакомиться съ гимназіями въ Пруссіи, ставилъ ихъ выше современныхъ средне-учебныхъ заведеній Франціи.

Но въ 40-хъ годахъ въ прусскихъ гимназіяхъ обнаружилось нестроеніе. Современный намъ нѣмецкій ученый и педагогическій писатель Ваумеистер, въ вышеупомянутомъ сочиненіи, главною причиною недуговъ прусскихъ гимназій 40-хъ годовъ считаетъ переполненіе низшихъ и среднихъ классовъ гимназій учащимися, вовсе не готовящимися къ университетскому образованію. Переполненіе это было такъ велико, что въ нѣкоторыхъ классахъ, не въ 40-хъ годахъ только, но и въ 50-хъ и 60-хъ, оно достигало 80 учениковъ, такъ что учителя

вынуждены были подраздѣлять каждый такой классъ на 2 отдѣленія и заниматься въ каждомъ по-очереди. Но писатели педагоги, жившіе и дѣйствовавшіе на педагогическомъ поприщѣ въ 40-хъ, 50-хъ и даже 60-хъ годахъ, какъ-то: Roth, директоръ Штуттгартской гимназіи, Негельсбахъ, извѣстный въ свое время филологъ и преподаватель, и особенно Thaulow, директоръ учительской семинаріи и профессоръ Кильскаго университета, въ сочиненіяхъ своихъ — „Gymnasial-Pädagogik“ представляютъ другія причины кризиса прусской гимназіи; главныя изъ нихъ слѣдующія: скудное содержаніе преподавателей, многопредметность гимназическаго курса, многочисленность преподавателей, отсутствіе педагогическаго образованія, вслѣдствіе чего преподаватели-специалисты особенно реальныхъ предметовъ обременяли учениковъ массою свѣдѣній, такъ что послѣдніе должны были работать по 13 часовъ въ сутки и болѣе; директора, будучи сами специалистами и иногда и не преподавая даже, не въ состояніи были приводить къ соглашенію преподавателей, которые къ тому же не чувствуя никакой коллегіальности, нерѣдко издѣвались передъ учениками другъ надъ другомъ.

Съ 1826 по 1890 г. существовалъ въ Пруссіи такъ называемый „Probe-Jahr“. Кандидатъ на званіе учителя на годъ опредѣлялся въ какую-либо гимназію, гдѣ онъ и преподавалъ свой специальный предметъ подъ руководствомъ директора; годъ этотъ, конечно, нѣсколько пріучалъ молодыхъ людей къ обязанностямъ, но особенно большой пользы приносить онъ не могъ, такъ какъ молодые учителя, принадлежа большею частью къ богословскому факультету, смотрѣли на себя, какъ бы на прирощенныхъ учителей и по гордости не хотѣли слушать совѣтовъ опытныхъ преподавателей. Къ тому же теорія педагогики, не чуждая въ 40-хъ годахъ учителямъ низшихъ школъ, была въ пренебреженіи у учителей гимназій, и по свидѣтельству Thaulow'a еще въ 60-хъ годахъ едва была извѣстна по имени учителямъ филологамъ.

Въ 1836 г. берлинскій придворный врачъ Lörringer издалъ брошюру подъ заглавіемъ: „Zum Schutz der Gesundheit in den Schulen“, которая произвела удручающее впечатлѣніе на общество и вызвала въ печати споры и самыя разнорѣчивыя мнѣнія за и противъ гимназій (Lörringer Sturm). Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія министерство произвело ревизію въ гимназіяхъ, но не нашло ихъ въ столь печальномъ положеніи, какъ описывали ихъ по преимуществу противники филологів и защитники реальныхъ предметовъ въ гимназіяхъ.

Однако, въ 1837 г. впервые былъ изданъ нормальный планъ гимназій, который въ существенныхъ своихъ чертахъ сохраняется до настоящаго времени; продолжительность курсовъ сокращена до 9-ти лѣтъ; число языковъ и наукъ не уменьшилось, но увеличилось,—такъ, были прибавлены философская пропедевтика и французскій языкъ ¹⁾. При изданіи этого учебнаго плана предложены были такія мѣры, примѣненіе и развитіе которыхъ поставило современныя прусскія гимназіи въ воспитательномъ и особенно въ учебномъ отношеніяхъ на большую высоту. Первая мѣра состояла въ томъ, что предметы гимназическаго курса были подѣлены на основныя и второстепенныя. Вольфъ признавалъ необходимость для учебныхъ цѣлей такого дѣленія, но основными предметами онъ считалъ только древніе языки, остальные же всѣ названы „привходящими“. Теперь же основными предметами названы: законъ Божій, древніе языки и математика, предметы этико-дидактическіе, значеніе которыхъ значительно превосходить другіе предметы. Эта мѣра сохраняется въ учебной практикѣ до сихъ поръ, но послѣ знаменитой берлинской конференціи въ декабрѣ 1890 г. законъ Божій исключенъ изъ разряда основныхъ предметовъ и мѣсто его занялъ нѣмецкій языкъ ²⁾. Другія двѣ мѣры изложены въ министерской инструкціи въ октябрѣ 1837 г. Такъ, директорамъ было предложено ввѣрять преподаваніе сродныхъ между собою предметовъ въ каждомъ классѣ одному преподавателю, такъ чтобы въ низшихъ классахъ было по 2 преподавателя наукъ и языковъ, а съ законоучителемъ—3; въ среднихъ классахъ по 3 преподавателя языковъ и наукъ, а съ Закономъ Божиимъ—4, въ старшихъ классахъ по 4, съ Закономъ Божиимъ—5 ³⁾. Далѣе, по той же инструкціи, ординаріусъ каждого класса

¹⁾ Философская пропедевтика держалась въ учебныхъ планахъ до 1850 г., когда она, какъ самостоятельный предметъ, была исключена и присоединена къ урокамъ нѣмецкаго языка и литературы.

²⁾ Берлинская педагогическая конференція была открыта императоромъ Вильгельмомъ II. Главное значеніе ея состояло въ усиленіи преподаванія нѣмецкаго языка, новой исторіи, въ упрощеніи всего обученія и въ усиленіи физическихъ упражненій, съ цѣлю приготвленія юношей къ военной службѣ. Послѣ этой конференціи гимназіи въ литературѣ стали называться „германо-гуманистической школой“.— Въ виду того, что для учебныхъ и воспитательныхъ цѣлей не безразлично, дѣлятся ли въ гимназіи учебныя предметы на главныя и второстепенныя или не дѣлятся, читателямъ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* небезынтересно бы встрѣтить на страницахъ журнала сообщеніе въ родѣ нѣмецкой статьи O. Weisenfels'a, помѣщенной въ „*Encyclopädisches Handbuch der Pädagogik*“ von W. Rein. Zweite Auflage. 3 Band. 1905.

³⁾ Въ Пруссіи подъ низшими классами подразумѣваютъ sexta, quinta, quarta;

долженъ былъ имѣть наибольшее число уроковъ, и кромѣ того, болѣе точно опредѣлялись его обязанности по отношенію къ ученикамъ и родителямъ, къ своимъ сосоварищамъ-преподавателямъ и по отношенію къ директору.

Можно предполагать, что мѣры эти введены были подъ вліяніемъ философа Гербарта. Самъ онъ уклонялся отъ участія въ администраціи, но педагогическія мнѣнія свои распространялъ въ сочиненіяхъ и въ основанной имъ семинаріи въ Кёнигсбергѣ. Эти мнѣнія, конечно, не были неизвѣстны министерству. Провозглашенные Гербартомъ педагогическіе принципы о концентраціи и о воспитывающемъ обученіи, подробно развитые позднѣе Циллеромъ и Отто Вильманомъ, требовали объединенія учонія и учителей въ методахъ воспитанія и обученія и наибольшаго приближенія къ ученикамъ преподавателей. Въ общемъ, эти мѣры должны были ограничивать зло, происходившее отъ многопредметности и отъ многочисленности преподавателей-специалистовъ въ одномъ и томъ же классѣ.

Но мѣры, предложенныя въ инструкціи, или вовсе не осуществлялись, или же осуществлялись въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ; это происходило отъ невысокихъ экзаменаціонныхъ требованій на званіе преподавателя, поэтому выше поименованная инструкція была почти буквально повторена въ 1856 г., но съ тѣмъ различіемъ, что въ ней особенно обращалось вниманіе директоровъ на неотложную необходимость сократить число преподавателей въ низшихъ классахъ.

Полное примѣненіе этой инструкціи началось только послѣ изданія новаго экзаменаціоннаго постановленія въ 1866 г., отличавшагося мудрою цѣлесообразностью.

На основаніи этого постановленія, допускались 3 степени экзаменовъ: на званіе старшаго учителя (*Oberlehrer*), на званіе учителя среднихъ классовъ и на званіе учителя низшихъ классовъ; при этомъ для каждой степени назначались главные предметы и второстепенные и выборъ ихъ предоставлялся каждому экзаменуемому; такъ, по группѣ историко-филологическихъ наукъ для высшей степени требовалось: знаніе греческаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ на столько, чтобы экзаменующійся могъ преподавать ихъ во всѣхъ классахъ, а предметы второстепенные—исторію, географію или законъ Божій—въ среднихъ классахъ; или же требовалось знаніе греческаго, латинскаго

подъ средними—*tertia* и первый годъ *secunda*; подъ высшими—второй годъ *secunda* и два года *prima*.

языковъ для преподаванія во всѣхъ классахъ, а въ видѣ второстепенныхъ предметовъ—нѣмецкій языкъ, законъ Божій въ среднихъ классахъ. Для второй степени, т. е. на званіе учителя, требовалась способность обучать въ среднихъ классахъ или греческому, латинскому и нѣмецкому языкамъ, или же греческому, латинскому языкамъ, исторіи и географіи и т. д. Сверхъ того, для каждой степени требовалось еще испытаніе въ предметахъ, отнесенныхъ въ общему образованію, именно, по закону Божію, нѣмецкому языку, философіи и педагогикѣ. Благодаря этимъ испытаніямъ и увеличенному позднему содержанію, въ Пруссіи образовался контингентъ такихъ учителей, которые могли преподавать по 2 предмета, по 3 и даже по 4.

Въ экзаменаціонныхъ постановленіяхъ редакціи 1887 г. и 1898 г. по существу удерживается прежній порядокъ, но эти постановленія вмѣстѣ съ прибавкою къ пробному году еще года семинарскаго (ein Seminarjahr, 1890) увеличили научно-педагогическій цензъ преподавательскаго персонала, о чемъ уже можно судить по тому, что была упразднена третья степень, т. е. на званіе учителя низшихъ классовъ, такъ что въ настоящее время въ Пруссіи существуютъ учителя для низшихъ шести лѣтъ и для высшихъ трехъ.

Какъ соединяются въ однѣхъ рукахъ предметы въ гимназіяхъ въ ближайшее къ намъ время, представляемъ примѣръ изъ программъ гимназій Гиссенской, которую управляетъ Шиллеръ, профессоръ и директоръ учительской семинаріи при университетѣ, и изъ программъ берлинской Фридрихъ-Вердерерской гимназій.

Въ Гиссенѣ, по программамъ 1899 г.: директоръ профессоръ Шиллеръ преподаетъ нѣмецкій языкъ и исторію ¹⁾. Законоучитель—законъ Божій и еврейскій языкъ. Профессоръ NN—латинскій языкъ, греческій, нѣмецкій, исторію; профессоръ NN—математику, физику; профессоръ NN—естественную исторію и математику; профессоръ NN—латинскій, греческій, исторію; преподаватель NN—французскій и англійскій языки; преподаватель NN—латинскій, греческій, нѣмецкій и исторію; преподаватель NN—географію, латинскій, нѣмецкій языки, исторію, французскій, гимнастику; преподаватель NN—латинскій, нѣмецкій, гимнастику; преподаватель NN—латинскій, нѣмецкій, геогра-

¹⁾ По королевскому указу 1892 г., треть старшихъ учителей каждой гимназій послѣ 12-ти лѣтней службы возводятся въ званіе профессора и получаютъ высшій служебный рангъ—совѣтника IV класса. Съ того времени профессора университета стали называться „университетскими профессорами“.

фію, гимнастику и т. д.; преподаватель NN — латинскій, нѣмецкій, гимнастику и проч.

Во Фридрихъ-Вердерской гимназіи за зимній семестръ 1901 — 1902 гг. директоръ не профессоръ преподавалъ греческій языкъ, исторію и географію; профессоръ NN — законъ Божій, нѣмецкій языкъ, еврейскій языкъ; профессоръ NN — греческій, латинскій, географію и исторію; профессоръ NN — латинскій, французскій, англійскій и исторію; профессоръ NN — нѣмецкій, латинскій, англійскій, греческій; профессоръ NN — нѣмецкій, греческій, латинскій, законъ Божій; профессоръ NN — греческій и латинскій языки; профессоръ NN — математику, естественную исторію и ариметику; профессоръ NN — французскій, греческій и латинскій; профессоръ NN — латинскій, греческій, исторію и географію; профессоръ NN — математику, физику, естественную исторію.

Изъ этого перечня видно, что стремленіе прусскаго министерства къ тому, чтобы преподаватели соединяли въ своихъ рукахъ нѣсколько предметовъ, увѣнчалось успѣхомъ; но требованіе министерства, выраженное въ циркулярѣ 1837 г., чтобы въ низшихъ классахъ было только по 3 преподавателя закона Божія, наукъ и языковъ, по 4 въ среднихъ, а въ высшихъ — по 5, не осуществилось. Судя по находящимся у насъ, кромѣ упомянутыхъ уже, другимъ программамъ, въ иныхъ низшихъ классахъ находится по 4 преподавателя, въ среднихъ 5, а въ старшихъ — 6 — 7, считая во всѣхъ классахъ и преподавателей закона Божьяго. По зато требованіе вышеупомянутаго циркуляра 1837 г., чтобы ординаріусы имѣли въ каждомъ классѣ замѣтно большее число уроковъ, достигнуто, хотя и не во всѣхъ гимназіяхъ равномерно, какъ это можно судить по представляемой для примѣра таблицѣ съ присоединеніемъ Гамбургской гимназіи за 1897 — 1898 г., какъ болѣе многолюдной и устроенной по образцу прусскихъ. (См. таблицу на стр. 74).

Изъ извлеченія этихъ программъ видно, что преподаватели соединяютъ въ однихъ рукахъ предметы, принадлежащіе, за небольшимъ исключеніемъ, или къ группѣ историко-филологической или физико-математической; исключенія представляются, но они немногочисленны; такъ, напримѣръ, по программамъ одной гимназіи, въ небольшомъ городкѣ Наккелѣ въ IV-мъ классѣ одинъ кандидатъ на званіе учителя преподаетъ французскій языкъ съ математикою и естественною исторію, въ Ascanisches Gymnasium въ Берлинѣ въ IV-мъ классѣ одинъ преподаватель преподаетъ законъ Божій, счисленіе и природо-

КЛАССЫ.	Гиссенская гимназія.	Фридрихъ-Вердерская гимназія.	Гамбургская гимназія.
VI.	11 уроковъ: 9 — латинск. яз., 2 — географіи.	12 уроковъ: 4 — нѣмецк. яз., 8 — латинск.	13 уроковъ: 2 — зак. Бож., 3 — нѣмецк. яз., 8 — латинск.
V.	16 уроковъ: 9 — латинск. яз., 4 — нѣмецк., 3 — географіи.	10 уроковъ: 8 — латинск. яз., 2 — географіи.	17 уроковъ: 2 — зак. Бож., 2 — нѣмецк. яз., 8 — латинск., 5 — франц. яз.
IV.	15 уроковъ: 3 — нѣмецк. яз., 8 — латинск., 2 — истор., 2 — географіи.	6 уроковъ: 4 — математики, 2 — естественной исторіи.	17 уроковъ: 2 — зак. Бож., 2 — нѣмецк. яз., 8 — латинск., 5 — франц.
III.	низшій. 15 уроковъ: 7 — латинск. яз., 3 — франц., 2 — нѣмецк., 3 — исторіи и географіи.	8 уроковъ: латинск. яз.	11 уроковъ: 8 — латинск. яз., 3 — франц.
	высшій. 18 уроковъ: 7 — латинск. яз., 6 — греческ., 2 — нѣмецк., 3 — исторіи и географіи.	10 уроковъ: 2 — зак. Бож., 8 — латинск. яз.	13 уроковъ: 2 — нѣмецк. яз., 8 — латинск., 3 — исторіи и географіи.
II.	низшій. 19 уроковъ: 7 — латинск. яз., 6 — греческ., 3 — нѣмецк., 3 — исторіи.	6 уроковъ: 4 — математики, 2 — физики.	10 уроковъ: 7 — латинск. яз., 3 — исторіи.
	высшій. 9 уроковъ: 6 — греческ. яз., 3 — исторіи.	6 уроковъ: 3 — франц. яз., 3 — исторіи.	16 уроковъ: 2 — нѣмецк. яз., 8 — латинск., 6 — греческ.
I.	низшій. 13 уроковъ: 7 — латинск. яз., 6 — греческ.	6 уроковъ греческаго языка.	14 уроковъ: 3 — нѣмецк. яз., 7 — латинск., 4 — греческ.
	высшій. 6 уроковъ: 3 — нѣмецк. яз., 3 — исторіи.		11 уроковъ: 7 — латинск. яз., 4 — греческ.

вѣдѣніе; но такое соединеніе рѣдко, а съ другой стороны, въ гимназіяхъ небольшихъ городовъ, какъ въ Гиссенѣ, Наккелѣ, ординаріусы преподають и гимнастику; такъ, на примѣръ: въ VI классѣ въ Гиссенѣ у ординаріуса 11 уроковъ + 2 урока гимнастики, въ V классѣ— 14 уроковъ + 2 урока гимнастики, въ IV классѣ — 15 уроковъ + 2 урока гимнастики и т. д.

Приблизительно въ 40-хъ годахъ институтъ ординаріусовъ появился во всѣхъ государствахъ Германіи, а равно и въ Австріи, но такъ какъ въ предполагаемыхъ государствахъ въ однѣхъ рукахъ соединяются и то не всегда только два предмета, то естественно, что ординаріусы не могутъ имѣть такого большого числа уроковъ, какъ въ Пруссіи. Но инструкціи ординаріусовъ во всѣхъ странахъ въ существенномъ между собою сходны; по духу ихъ, классный ординаріатъ можетъ быть разсматриваемъ какъ обязательство и при томъ безвозмездно, лежащее на каждомъ преподавателѣ закона Божьяго, наукъ, языковъ нѣмецкаго, латинскаго, французскаго, а въ Австріи, сверхъ того, славянскаго; безъ уважительной причины отъ этого обязательства никакой преподаватель не можетъ освободиться. Избираемый директоромъ изъ числа преподавателей, имѣющихъ наибольшее число уроковъ въ классѣ, ординаріусъ получаетъ всѣ полномочія директора, и во всѣхъ дѣлахъ своего класса онъ составляетъ первую инстанцію, а директоръ—вторую. По отношенію къ товарищамъ класса, онъ *primus inter pares*, хотя между преподавателями могутъ быть и старше его. Такое преимущество никакому ординаріусу не можетъ внушить мысли показывать свою власть предъ товарищами, во-первыхъ, потому, что сотоварищи его по одному классу могутъ быть въ другихъ классахъ ординаріусами, гдѣ онъ состоитъ обыкновеннымъ преподавателемъ и, во-вторыхъ, потому, что каждый ординаріусъ назначается директоромъ на годъ или на семестръ. Многолѣтній опытъ показалъ, что ординаріатъ приноситъ большую пользу учебно-воспитательному дѣлу и, кромѣ того, институтъ ординаріусовъ содѣйствуетъ, едва ли не болѣе, чѣмъ семинарскія теоретическія лекціи по педагогикѣ, водворенію солидарности между преподавателями, круговой отвѣтственности ихъ и вообще развитію чувства коллегіальности. У директора, также обязаннаго быть класснымъ наставникомъ, естественно не можетъ образоваться преувеличенной оцѣнки своего значенія въ гимназіи. Въ австрійской инструкціи (*Weisungen*) высказывается мысль, что ординаріусъ, хорошо преподающій и ведущій свой классъ, съ надлежащимъ тактомъ относящійся къ товарищамъ, умѣв-

шій пріобрѣсти уваженіе и довѣріе родителей, составляет „истинную благодать для школы“ („ein wahrer Segen für die Schule“). Мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что такіе идеальные ординаріусы чаще могутъ встрѣчаться въ прусскихъ гимназіяхъ, чѣмъ въ гимназіяхъ другихъ германскихъ государствъ и Австріи, и прежде всего благодаря осуществленію вышеупомянутаго циркуляра 1837 г. Но по отношенію къ прусскимъ гимназіямъ нельзя не отмѣтить еще слѣдующаго обстоятельства, не имѣющаго мѣста ни въ одномъ изъ германскихъ государствъ, а равно и въ Австріи. Въ 80-хъ годахъ przygotowательные классы при гимназіяхъ въ Пруссіи (Vorschulen), органически связанные съ гимназіею, получили такую учебную организацію, при которой ученики болѣе или менѣе одинаково пріучаются къ однообразной съ гимназіями дисциплинѣ и болѣе или менѣе одинаково пріучаются къ вниманію, столь необходимому съ первыхъ шаговъ обученія въ гимназіяхъ. При существованіи такихъ школъ учителя, ординаріусы и другіе преподаватели съ самаго уже начала издерживаютъ время и трудъ на работу болѣе производительную, чѣмъ на пріученіе учениковъ къ дисциплинѣ и вниманію.

II. Беллариниовъ.

Въ 1837 г. въ Пруссіи былъ изданъ циркуляръ, въ которомъ предписано, чтобы въ каждой гимназіи были открыты подготовительные классы, въ которыхъ должны были обучаться дѣти, не достигшія еще возраста, необходимого для вступленія въ гимназію. Эти классы должны были быть органически связаны съ гимназіею, и преподаватели въ нихъ должны были быть назначены изъ числа преподавателей гимназіи. Циркуляръ этотъ имѣлъ въ виду, чтобы дѣти, поступающія въ гимназію, были уже знакомы съ основными предметами, преподаваемыми въ гимназіи, и чтобы они были уже привыкли къ дисциплинѣ и вниманію, необходимымъ для успешнаго обученія въ гимназіи. Этотъ циркуляръ имѣлъ большое значеніе для прусскихъ гимназій, и послужилъ образцомъ для другихъ германскихъ государствъ. Въ настоящее время въ Пруссіи подготовительные классы при гимназіяхъ являются общепризнаннымъ учрежденіемъ, и въ нихъ обучаются дѣти, не достигшія еще возраста, необходимого для вступленія въ гимназію. Эти классы являются органически связанными съ гимназіею, и преподаватели въ нихъ назначаются изъ числа преподавателей гимназіи. Благодаря этимъ классамъ дѣти, поступающія въ гимназію, уже знакомы съ основными предметами, преподаваемыми въ гимназіи, и уже привыкли къ дисциплинѣ и вниманію, необходимымъ для успешнаго обученія въ гимназіи. Это обстоятельство является однимъ изъ главныхъ преимуществъ прусскихъ гимназій, и является причиной того, что прусскія гимназіи пользуются большою репутациею въ Германіи и за границею.

А. И. СМ

(Шекс

7-го іюля текущаго года послѣ скончался въ одной изъ частныхъ жизни заслуженный исправляющій Императорскаго Варшавскаго уни-верситетской литературы Александръ Ивановичъ изъ духовнаго званія (сынъ с. Іудинъ, Александровскаго уѣзда образованіе получилъ въ Персяскаго 1851 г.) и Владимірскаго духовнаго чинаіи полнаго курса наукъ въ пос-тупилъ въ Кіевскую духовную академію, откуда на историко-филологическій факультетъ въ которомъ и окончилъ курсъ въ отдѣленіи со степенію кандидата. между прочимъ лекціи у извѣстныхъ и нѣкоторые курсы котораго впоследствии покойный (ср. „Филологическія Записки“ т. т. I, II, III

По окончаніи курса наукъ А. И. (съ 1-го сентября 1869 г.) учителемъ въ Одесскую Ришельевскую мужскую гимназію. Но черезъ пять лѣтъ оставилъ гимназію, чтобы имѣть побольше времени на подготовку къ экзамену, который и выдержавъ А. И. переходитъ на службу

преподавателемъ русскаго языка и словесности и усердно собираеть матеріалы для своей магистерской диссертациі о Словѣ о полку Игоревѣ, каковую и защитилъ 22-го апрѣля 1879 г. Въ это время (въ 1879 г.) ушелъ изъ Варшавскаго университета проф. Яковлевъ; покойный и выступилъ кандидатомъ на занятіе вакантной каѳедры исторіи русской литературы. Въ дѣлахъ университета имѣются интересные отзывы о научныхъ и преподавательскихъ способностяхъ А. И. близко знавшихъ его профессоровъ Колосова и Некрасова (въ письмахъ на имя ректора университета Благовѣщенскаго). Вотъ что, между прочимъ, пишетъ М. А. Колосовъ (28-го октября 1879 г.): „Г. Смирнова я знаю лично, какъ человѣка добросовѣтнаго, трудящагося и дѣльнаго. Не сомнѣваюсь, что онъ съ должнымъ усердіемъ отнесется къ обязанности университетскаго преподавателя и будетъ полезенъ своимъ слушателямъ. Диссертациа его книга дѣльная... Деканъ историко-филологическаго факультета Новороссійскаго университета проф. Некрасовъ, близко знающій г. Смирнова, отзывался мнѣ о немъ съ наилучшей стороны“... 20-го января 1880 г. Смирновъ и былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по названной каѳедрѣ (исправляющимъ должность ординарнаго профессора сдѣланъ 14-го іюля 1883 г.). Такимъ образомъ, занималъ ее покойный нѣсколько болѣе 25 лѣтъ; все время читалъ исторію русской литературы древней и новой (кончая А. С. Пушкинымъ), а по временамъ велъ и практическія занятія по исторіи русскаго языка. За это время вышло изъ Варшавскаго университета много преподавателей русскаго языка и словесности для среднихъ школъ Варшавскаго учебнаго округа и отчасти для другихъ округовъ.

Съ самаго вступленія къ отправленію профессорскихъ обязанностей А. И. Смирнову пришлось стать и редакторомъ-издателемъ учебно-педагогическаго журнала „Русскій Филологическій Вѣстникъ“. Энергичный основатель варшавскаго филологическаго журнала М. А. Колосовъ едва-едва дотянулъ первый (1879) годъ до конца: развившаяся тяжелая болѣзнь (чахотка) заставила его сначала отказаться отъ научной работы, а затѣмъ повлекла за собой и смерть († 14-го января 1881 г.). Съ 1880 г. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ перешелъ къ А. И. Смирнову и издавался подъ его редакціей въ теченіи 25-ти лѣтъ, до 1904 года включительно. За это время вышло 50 томовъ журнала (съ III по LI), болѣе 1.250 печатныхъ листовъ. Уже при Колосовѣ специально филологическій журналъ съ узкою программой не блисталъ матеріальными средствами (всего было 189 подписчиковъ),

а у новаго редактора, казалось, ои своего существованія (въ 1880 г. рiальная поддержка, оказанная мии и отчасти историко-филологическим верситета, а глвноо—прекрасный стали лучшiе русскiе ученые, безко тора спасли журналъ: уже съ 188 ковъ становится болѣе 200, а въ и болѣе. Подписная плата и субси годно дали возможность не стѣсня гимъ наборомъ и выпускать журн ровъ, изъ которыхъ бесплатно разс ученымъ, а также сотрудникамъ д личность редактора, человека до замѣчательной отзывчивостью особ желанiе поддержать наслѣдiе Коло логическому Вѣстнику“, какъ уж ныхъ, которые съ необыкновенны филологiи приняли въ немъ самое) занимающихся въ послѣднiя 25 л печаталъ въ немъ своихъ диссорта комъ долго пришлось бы порочис здравствующихъ русскихъ академик и вообще ученыхъ, принимавшихъ лицъ. Ср. въ томѣ ЛII „Русскаго Ф витный указатель авторовъ и ихъ) теченiе 25-ти лѣтъ редагирования до почетной извѣстности и надлеже

*) Ср., напр., сочувственный и безпри извѣстнаго нашего слависта Т. Д. Флорин ческаго обзора новѣйшихъ трудовъ и изда „Университетскихъ Извѣстiй“), стр. 18—; чоркнуто и въ телеграммѣ, присланной От (15-го декабря 1903 г.) на имя А. И. Смир дующаго содержанiя: „Отдѣленiе русскаго е демiи Наукъ прiлѣтствуетъ васъ съ выхо дическаго Вѣстника“ и желаетъ ему дальнѣ Предѣдательствующiй А. Воселовскiй“. За свидѣтельствоваы и выдающейся царской перстень) по случаю исполненiя 25-тилѣтiя

дѣятельность въ качествѣ редактора учено-педагогическаго журнала давала возможность покойному оказывать воспитательное и отчасти научное вліяніе на обширную среду. „Цѣлый рядъ лѣтъ онъ являлся какъ бы нравственнымъ центромъ для группы профессоровъ, пріѣзжавшихъ на службу въ Варшаву, а его дѣятельность, какъ редактора долго почти единственнаго ученаго изданія, посвященнаго разработкѣ вопросовъ русскаго языка, дала его имени широкую извѣстность не только въ средѣ русскихъ ученыхъ, но и въ славянскихъ странахъ и даже въ западноевропейскихъ центрахъ“¹⁾. Варшавскихъ сослуживцевъ привлекала къ А. И—чу, кромѣ его замѣчательно добраго и отзывчиваго сердца, еще его прекрасная библіотека, содержащая массу рѣдкихъ изданій и изслѣдованій по предметамъ его специальности (русская словесность и отчасти языкъ). Своими познаніями и книгами онъ охотно дѣлился со всѣми, обращающимися къ нему. Видѣвшій самъ въ дѣтствѣ большую пужду, А. И. понималъ затруднительныя обстоятельства другихъ, особенно учащейся молодежи, и старался выручать изъ бѣды.

Количество крупныхъ ученыхъ работъ покойнаго не велико. Онъ больше занимался преподаваніемъ и редактированіемъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“. Початные труды его больше касаются русской литературы и главныхъ дѣятелей на поприщѣ историческаго ея изученія. Они слѣдующіе²⁾.

Труды А. И. Смирнова, напечатанныя

1) въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно:

1. Изъ университетской жизни (объ изученіи древне-русской литературы). Одесскій Вѣстникъ 1869 г. мартъ.
2. Русская лирическая поэзія. Цирк. по управл. Одесскаго учеб. округа 1869 г.
3. О второмъ изданіи старо-славянской грамматики Колосова. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1870 г.
4. Литература о Словѣ о полку Игоревѣ. Фил. Зап. 1875 и 1876 г. (были оттиски).
5. О пятомъ изданіи старо-слав. грам. Колосова. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1877.
6. Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ о Словѣ о полку Игоревѣ. Фил. Зап. 1877 и 1878 гг. (были оттиски).

¹⁾ „Правит. Вѣстн.“ 1905 г. № 159.

²⁾ Ср. „Русс. Фил. Вѣстн.“, т. III, стр. 3—6.

7. Часть лекцій проф. В. И. литературы (по своимъ студенческ унив.). Филол. Зап. 1879 г.

8. О поэтическихъ произведе чаю открытія памятника въ Москвѣ. Вѣстн. 1899 г.

9. Разборъ книги Заустинска Изв. 1882 г.

10. Сборникъ древне-русскихъ рѣчи. Пособіе при изученіи исто

11. Рѣчь при открытіи памяти Дневн. 1884 г. мартъ.

12. О книгѣ „Статьи, напечат кова“. Варш. Дневн. 1886 г.

13. Рѣчь при погребеніи пр 1886.

14. О стихотворномъ перелож ланномъ В. А. Жуковскомъ. Варш.

15. Объ учено-литературной Варш. Дн. 1890 г. октябрь.

16. Объ ученыхъ трудахъ А. 1892 г. №№ 13 и 14.

17. О проф. И. А. Ефремовск

18. А. С. Грибоѣдовъ, его жи „Горе отъ ума“. Актовая рѣчь. Е

19. Некрологи Н. А. Лавровск гина. Варш. Днев. 1899 и 1900 г

II) въ „Русскомъ Филологическ

20. Пѣсни и преданія, записани губ. Томъ I, стр. 181—190, и т.

21. Часть лекцій проф. В. И. ностямъ (по своимъ студенчески унив.). I, II, III и IV.

22. И. И. Срезневскій. Некрол

23. Изъ учебника русской грам

24. Dictionnaire d'étymologie D gyars, Turks, Grecs-moderne et All Рец. III т.

25. Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу. А. Андреевскаго. Рец. III, 147—151.
26. Изборникъ великаго кн. Святослава Ярославича. Статья по поводу изданія его Общ. Любит. древн. письмен. IV, 280—289.
27. О второмъ изданіи Исторіи русской словесности Галахова. IV, 155—160.
28. М. А. Колосовъ. Краткій очеркъ жизни и ученой дѣятельности. V, 208—218.
29. Характеристика Чердынскаго говора по книгѣ Попова: „Народныя пѣсни, собр. въ Черд. у. Перм. г.“. VI, 176—191.
30. Подробная программа лекцій проф. Бодуэна-де-Куртенеэ. VI, 191—199.
31. Некрологи А. П. Попова и А. А. Котляревскаго. VI, 199—203.
32. О грамматикѣ церковно-славянскаго языка А. С. Будиловича. VI, пед. от., 14—16.
33. По поводу педагогическаго съѣзда учителей гимназій Одесскаго учебнаго округа. VI, пед. отд., 16—20.
34. Ждановъ И.—Къ литературной исторіи русской былевой поэзій. Рец. VII, 324—328.
35. Колмачевскій: „Животный эпосъ“ и Е. Барсовъ: „Прочитанія Сѣвернаго края“. Двѣ рец. VIII, 159—170.
36. В. В. Макушевъ. Очеркъ жизни и научно-литературной дѣятельности его. IX, 137—155.
37. Засадкевичъ: „Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ“. Рец. IX, 358—363.
38. И. С. Тургеневъ. Некрологъ. X, 137—138.
39. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный учениками В. И. Ламанскаго. Рец. X, 153—160.
40. Будиловичъ А. Учебникъ церковно-славянскаго грамматикѣ. X, 32 пед. отд.
41. О трудахъ Партицкаго, А. Соболевскаго, Р. Брандта, В. Миллера и Н. Петрова. XI, 150—163.
42. Орфографическіе указатели и правила русскаго правописанія. Критическій разборъ книгъ: Я. К. Грота, Красногорскаго и Разыграева. XIV, 170—209.
43. Орфографическія замѣтки. XV, 181—188.
44. П. А. Лавровскій, А. Л. Дювернуа и П. К. Щебальскій. Некрологи. XV, 221—226.

45. Долопчевъ: „Опытъ словаря неправильностей русской разговорной рѣчи“. Рец. XV, 405—410.
46. Причитаніе, записанное со словъ слѣпца, села Фодотова, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губ. XVI, 187.
47. А. И. Пикитскій. Некрологъ. XVI, 385—386.
48. Памяти А. С. Пушкина (историческіе и общественные его взгляды). Рѣчь въ торжественномъ собраніи Варшавскаго университета 27-го января 1887 г., XVII, под. отд. 1—22.
49. Сравненіе по двумъ изданнымъ спискамъ (Е. Барсова и И. Бычкова) стихотворнаго переложенія Слова о полку Игоревѣ, сдѣланнаго В. А. Жуковскимъ. XVIII, 157—170.
50. Разборъ книги Шимановскаго: „Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ“. XIX, 74—117.
51. А. Соболевскій: „Лекціи по исторіи русскаго языка“. Рец. XIX, 118—121.
52. По поводу изданія Святославова Сборника 1076 г. XX, 303—310.
53. Н. П. Барсовъ. Некрологъ. XXII, 316—318.
54. 2-й списокъ Задонщины по Синодальному списку XVII вѣка. Текстъ, введеніе и примѣчанія. XXIII, 268—288.
55. Очеркъ педагогической и учено-литературной дѣятельности Н. А. Лавровскаго, XXIV, под. отд., 18—25.
56. О выходкахъ проф. В. В. Качановскаго. XXIII, 333.
57. Объ аббатѣ Николѣ, директорѣ Ришельевскаго лицея. XXV, 167—180.
58. Некрологи А. А. Потебни, арх. Леонида и О. Первольфа. XXVI, 261—270.
59. Настольная книга для народа. Разборъ исторической ея части. XXVI, под. отд., 57—67.
60. Некрологъ Я. К. Грота. XXIX, 391—392.
61. Нѣсколько заклинаній. XXXV, 19—24.
62. Некрологъ И. С. Некрасова. XXXIV, 280—282.
63. Некрологи Н. П. Страхова, А. И. Незеленова и В. А. Яковлева. XXXV, 121—124 и 304—305.
64. Тридцатипятилѣтіе журнала „Филологическія Записки“. XXXV, 125—129.
65. Н. А. Лавровскій. Некрологъ. XLII, 285—289.
66. Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности А. С. Пушкина (его литературные и религіозные взгляды). Рѣчь въ

торжественномъ собраніи Варшавскаго университета 27-го мая 1899 г. XLII, 160—193.

67. Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности П. В. Гоголя. Рѣчь въ торжественномъ собраніи общества исторіи филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ 21-го февраля 1902 г. XLVIII, 442—468.

68. Библиографическія замѣтки, иногда довольно обширныя, помещавшіяся почти во всѣхъ томахъ Вѣстника, начиная съ III тома.

Кромѣ того А. И. Смирновымъ издакы еще:

Лекціи проф. В. И. Григоровича, по славянскимъ нарѣчіямъ, читанныя имъ въ Казанскомъ университетѣ (Р. Ф. В. 1883 и 1884 гг. и отдѣльно).

Е. Кареній.

ЗАМѢТКИ КЪ НЕОЛА

Act. Tomician. I, p. 51, nr. 37
Accerpinus nuper... magistrum Prus
Domino in nostrum et dominiorum
impetravisse, cuius vigore ab hom
idem magister subtrahi videtur...,
lestia ferimus ¹⁾).

Отрицание идетъ противъ смѣ
всего письма. Возстановить слѣ
animi molestia ferimus“. Формула
той же стран.): „id quod nos ab i
ravimus“ и (p. 52): „id quod nos
facturam non dubitamus“.

Та же погрѣшность имѣется,
faciat non certiores“ (что исправлен

Act. Tomic. II, p. 18, nr. 22
rotae) ²⁾: ...cum lege naturae cautu

¹⁾ Письмо отъ 1509 г., „datum in c
Кардиналомъ-протекторомъ былъ (cf. p.
S. R. E. presbyter cardinalis Reginus“ (

²⁾ Отъ приносить отъ имени папы
поводу брака короля съ Варварой изъ Зѣ

Et ideo ex beneficio praestito nascitur obligatio, quae in iure nostro vocatur *adantidota*.

Можетъ быть: „ad antidoru(m)“=χατ' ἀντιδωρον, или даже: „catantidora“. Едва ли: „ad antidosin“.

III.

Act. Tomic. ibid. p. 20: accedit, quam sit (король) facilis in aedeundo, quam patiens in audiendo. Nam quas nonnulli eiusmodi dignitatis viri primatibus quoque et in negotiis necessariis more *cantatae* aspidis obstruunt aures, iste vir rarus passim tenuioribus etiam... patulas accommodat“.

Въ поэзиі такъ, конечно, можно бы сказать (ср., напр., Prop. IV, 5, 13: „Ludax cantatae leges imponero lunae“), но здѣсь естественнѣе было бы: „*incantatae*“, тѣмъ болѣе, что *Vulgata* читаетъ *Psalm.* 57, 5 sq. именно: „sicut aspidis surdae et obturantis aures suas, quae non exaudiet vocem *incantantium* (LXX: ἐκἀδόντων) et venefici *incantantis* sapienter“.

IV.

A. Cric. *carm.* I, 5 (*hendecasyllabi* на тему: „Христосъ воскресъ“): Surrexit Dominus (valete, luctus: Totus concinat orbis „alleluia!“³⁾), Vt, qui sanguine nos suo redemit, Illustret foveatque Christus omnes. Qui nunc Tartareas scidit catenas Conclusasque patrum *redemit* umbras, Mortem morte tulit⁴⁾ deditque vitam Et strinxit rabido manus *Plutoni*.

Въ ст. 3-емъ предшествовало: „sanguine nos suo redemit“. Поэтому в. 6 предпочтительнѣе, какъ кажется:

Conclusasque patrum *redegit* umbras.

Тутъ „redigere“=reducere, какъ Lucr. V, 403, Ovid. *F.* IV, 511

XIV в. Иоанномъ XXII и вѣдалъ бенефициальныя вопросы во всѣхъ католическихъ странахъ. Въ составъ его входило 11 докторовъ четырехъ народностей (изъ Италіи, Франціи, Испаніи и Германіи): они именовались „*auditores rotae*“.

³⁾ Второй слогъ еврейскаго возгласа сокращаютъ и Пруденцій и Сидоній.

⁴⁾ Т. е. *sustulit*. Cf. I, 11, 5 sq.: „Vulneribusque meis tua vulnera morte *morbisque* Tollo Deus“, гдѣ проф. Каз. Моравскій предложилъ: „*morteque mortem*“ что, во всякомъ случаѣ, соответствуетъ требуемому смыслу (намъ приходило въ голову: „*morte tuamque* Tollo“). Prud. *Perist.* 2, 19: „*morte mortem* diruit“ и т. н. Мыслимо, впрочемъ, у Кржицкаго: „*Mortem morte lui!*“.

и т. п. Сюда же въ сущности отно-
gere“ (см. Bentl. ad Hor. *epod.* 2,
деньги“ („взыскивать ихъ у должни-
Cath. 9, 71 — 74: „Tartarum ben-
mortuos“.

Въ послѣднемъ стихѣ Кржицкіи
краткостью въ первомъ слогѣ. Д
Діаволъ:

Et strinxit rabido manus T

Ср. Martian. Capell. II, p. 43
Ditemque feruntque Typhonem“⁶⁾.

V

Cric. I, 8, 17—22: Hei mihi, si
nam? Cur diram hanc pateris, Christ
lapsum suasu serpentis iniqui Humar
nus. *Quid tua*, num nostro minor
quam te diligis ipse tuum?

Если Кржицкіи принималъ „St
средняго рода, то въ ст. 20-омъ, к
лежитъ. Но если такое предположе
луй, слѣдуетъ поставить вопросъ,
antra“. Сл., напр., Sen. *Phaedr.* 9:
non *ad antra Stygia* descendens tibi
sqq.: „Non in *Tartareo* latitantem p

⁶⁾ Обыкновенно, разумѣется, первый сл
Manil. II, 874. Lucan. IV, 595, гдѣ есть, ва
letiferi rabiem Typhonis anhelant“; догготу
часть триметра у Сенеки траг. *H. Oct.* 17:
слогъ въ формахъ отъ „Typhoeus“. Въ
I, 279: „saevumque Typhoea“, A. IX, 71
phoeo“, Sil. XIV, 196: „ardenti vicina Typh
е слито съ надежнымъ окончаніемъ въ соот
Lucan. V, 101: „Conditus Inarimes aeterna
разумѣть египетскаго Set (см. Herodot. II,
Кржицкаго „strinxit“ значить „связалъ“.

⁷⁾ I, 1, 2 сказано правильно (въ обр:
esse ortum Styx tremis atra tuum.

⁸⁾ *Ibid.*, 642 sq.: Haud procul a Di
subsedit humus.

gata Descententem animam: primo pallentis hiatus Haeret adhuc Ore! Prudent. *peristeph.* II, 287 sq.: „Cruda est cicatrix criminum Oletque, ut antrum Tartari“; с. *Symmach.* I, 356: „Eumenidum dominâ Stygio caput exserit antris“^{*)}. Claudian. *cons. Stil.* II, 110: „Numina, monstriferis quae Tartarus edidit antris“. Aldhelm. *de ara Thaddaei* 6 (р. 127 Giles): „Et taetris Erebi gaudens emersit ab antris“.—Въ пентаметрѣ Кржицкіѣ *допускаетъ* элизію послѣ діарезы. Ср. v. 16: „Porrigit et labiis pocula amara tuis“^{*)}.

Что касается v. 21, то двойное „tua“ представляется ненормальнымъ. Нельзя ли:

Quid? tua num nostro minor est tibi gloria casu?

VI.

Cric. I, 14, 3 sq.: Verus qui Deus de Deo. Par patri et soboli numine promicas.

Это сказано въ обращеніи къ Св. Духу. Размѣръ нарушенъ очень грубо. Можно бы читать:

Verus qui deus ac Deo
Par Patri et Soboli numine promicas.

VII.

Cric. I, 17, 9 sq.: Pro quibus en meritis, a me nunc, *mellita* mater, Figitur haec laudi sacra tabella tuae.

Это сказано въ обращеніи къ св. Аннѣ, матери Богородицы. И метрически, и по существу эпитетъ очень страненъ. Выше упомянуто говорится: „veneranda parens genetricis Iesu“. Мы бы рискнули: „*caelica* mater“. Сл. I, 1, 3: „Ecco tuas (*младенца Иисуса*) humiles ornat vis *caelica* cunas“.

^{*)} *Cath.* 9, 76: „Sed Deus dum luce fulva mortis antra illuminat—palluerunt sidera“. *Contra Symmach.* I, 388—92: „Haec sunt deliciae (*младенца Иисуса*) Iovis infernalis... Nonne pudet regem populum... Talia pro patriae censere litanda salute? Religionis opem subternis poscere ab antris?“

^{*)} Кстати, I, 9, 17 sq. преданіе гласитъ: „Dulcedo *fel acre* bibit, vis deficit ipsa. Largitor vitae mortuus ipse iacet“. Проф. Моравскій приводитъ вариантъ *cod. Jagell.*: „Fel atrum dulcedo“ и высказываетъ догадку: „Fortasse transpositione: *Atrum fel dulcedo* versus sanandus est“. Мы думали о редакціи: „Dulcedo *fel sacra* bibit“.

Относительно Cic. I, 20, 11 мѣстѣ. Тутъ прибавимъ о стихотвореніи: а) Нѣтъ основанія приписывать „Scire cupis“ eqs. (nr. 23): по общему и „De ratione et sacrificio missae“ снабжено рекомендательнымъ титуломъ фирмой. Кржицкій за изданіе б) Въ сообщаемомъ (р. 19 ed. М.) гекзаметръ, предназначавшемся слѣдуетъ: „*Hic panis est vivus*, вероятно, Кржицкій имѣлъ въ виду (cf. I, 24, 1: „*Illa hic lux mundi*“ юридическую ошибку *est*—посторонней добности прибѣгать къ перестановкѣ *haec [мраморное ciborium] continet* „*Et petra est Christus et p. h. c. i.* Пруденцій не останавливается передъ этой цезурь, напр., *Perist.* 11, 240 *potens*“ въ діарезъ пентаметра. г) Употребленіемъ наставленіе молиться не присовокупляется (vv. 5—8): „*Specula illa Omnia, quae recta cum ratione quaeque dabuntur. Nemo sed improbi* примирились съ ошибочнымъ „*facile*“ 28, 452, если бы пентаметръ („не на то, что предшествовало (*et-etiam*“
 „*Sic facile (in)nocuis et max*

Въ „посвященіи“ стиховъ Кржицкій (р. 4 sq.) цѣлесообразно, кажется, *giis dudum... petitis*“, дабы яснѣе было „*neque id aliter praestare potui... c*“ Тамъ же напечатано: „*Nosti enim caste et superciliose, interdum prurgenus interserere libuit*“. Здѣсь или

„Nosti enim, quam arrideant Musae, <quae non sint> perpetuo castae et superciliosae, <sed> interdum pruriant“, или же слѣдуетъ понимать „arrideant“ проиически (=quantum taedium afferant) и сообразно съ тѣмъ поставить знаки пренія: „Nosti enim, quam arrideant Musae perpetuo castae et superciliosae... Interdum pruriant et pungant!“. Солагательное наклоненіе въ двухъ послѣднихъ глаголахъ имѣло бы, разумѣется, увѣщательный смыслъ.

Въ самомъ концѣ посвященія читается „Vale decus praesulum et vive ut dignus Tithonum et Nestora“. Памъ сперва пришло на умъ: „et vive aequaturus Tithonum“, но порча кроется не въ „dignus“. Нельзя ли: „Vale, decus praesulum, aevo vincere dignus Tithonum et Nestora“? Ни именит. падежъ „dignus“ послѣ звательнаго, ни мужской родъ послѣ „decus“ не должны тутъ смущать.

X.

Уважаемый издатель стихотвореній Андрея Кржицкого, проф. Моравскій, отмѣчает¹⁰⁾, что самъ поэтъ опубликовалъ написанное имъ по поводу брака Сигизмунда I съ Варварой въ сборникѣ, вышедшемъ въ 1512 г.¹¹⁾, и присовокупляетъ: „Nostro aevo carmina haec denuo impressa sunt in Actis Tomicianis II, 21“. Дѣйствительно, во II-омъ т. „Acta Tom.“ (Posnaniae 1852), подъ № XXIII, на страницахъ 21—27, напечатаны подъ общимъ заглавіемъ: „In augustissimum Sigismundi Regis et Regine Barbare connubium Andree Cricii(,)Scholastici Posnaniensis, carmen“ слѣдующія шесть стихотвореній: 1) „Ad inclytum regem Sigismundum“ (=II, 1 ed. Mor.), 2) „Silva“ (=II, 2 ed. Mor.), 3) „Hymeneus“ (=II, 24 ed. Mor.), 4) „Carmen Saphicum“ (=II, 4 ed. Mor.), 5) „Cantilena in Threnczin“ (=II, 3 ed. Mor.), 6) „Cantilena post coronationem“ (=II, 5 ed. Mor.). Въ концѣ послѣдняго сдѣлана въ „Act. Tom.“ сноска, отсылающая къ оригинальному изданію 1512 г.¹²⁾ Такимъ образомъ, источникъ былъ общій у проф. Моравскаго съ „Acta Tomiana“. Спрашивается поэтому, какъ объяснить тутъ существенныя отличія перваго отъ вторыхъ: мы разумѣемъ, съ одной стороны, нѣкоторыя частичныя разночтенія, о коихъ будетъ

¹⁰⁾ Примѣч. на стр. 20 краковского изданія 1888 г.

¹¹⁾ Ср. *praef.* ed. Mořawski р. III, гдѣ сообщается, что издатель пользовался экземпляромъ, принадлежащимъ Ягеллонской бібліотекѣ.

¹²⁾ „Cracovie ex edibus providi viri dni Ioannis Haller. Anno a salutigera incarnatione MDXII. XII Calendas Martias“.

рѣчь дальше, а съ другой—то кр
въ силу котораго „Hymeneus“
проф. Моравскаго (р. 75 sq.) кт
случаю *второго* брака короля (съ
мы дать отвѣта не въ состояніи,
наго изданія 1512 г., ни тѣхъ ру
ссылается въ познанскомъ издан
„Гименей“, то, быть можетъ, Кр:
1512, и въ 1518 гг. подобно тому
1512 года, по нѣкоторой перераб
„In laudem reginae Вонае“ ¹⁵⁾). О
товъ разъясненіе дали бы, пожа
въ основу сборника „A. Tomician
Предисловіе сказанное, перех
дѣльныхъ мѣстъ. Не касаемся
погрѣшностей сборника А. Т.:
Mor. II, 2, 64. 76. 82. 101. 10
4, 1. 17.

Cric. II, 1, 1—6 ed. Mor.: A
clite, vultu, Quod cecinit taedis nos
fulgentibus arca Philippis ¹⁷⁾, Offe
ferrem pateras ¹⁸⁾ aurumque mica
gemmifer amnis habet.

А. Том.: „Lybicus“. Должно (

¹⁵⁾ Codices G(orscianus), Op(aleniant

¹⁶⁾ Т. II, р. 21 in marg.

¹⁷⁾ На то обстоятельство, что II, 27
читателя проф. К. Моравскій въ примѣч.

¹⁸⁾ А. Т. (v. 2): „Quod cecinit *thala*
редакцію (усовершенствованную позднѣе
принадлежать текстъ II, 2, 154: „Ergo a
(такъ А. Т.; въ над. пр. М.: „progredi
mundo patri spes altera regni“ (такъ А.
spes a v.“), 160: „Cuius successor vestig
пр. М.: „Illius et posthac v. c. s.“).

¹⁹⁾ Читай: „philippia“.

²⁰⁾ Horat. c. IV, 8, 1.

²¹⁾ Ср. Ov. Met. II, 2.

2.

Cric. II, 2, 22 sq. ed. Mor. ²⁰⁾: Has autem invenum fulgentes undique turmas Naviger ²¹⁾ en sequitur *spumante sonipede* Lucas.

Почтенный проф. К. Моравский praef. p. LVII говоритъ: „Metri difficultate oppressus produxit... mediam syllabam in vocabulo *sonipes*“. Намъ кажется, что вариантъ въ *A. Tom.*: „spumanti sonipede“ наводитъ на догадку:

Naviger en sequitur spumantis equi pede Lucas.

Ср. Prop. II, 27, 5: Seu *pedibus* Parthos sequitur, seu classe Britannos.

3.

Ibid. 31 sqq.: fidus qui ²²⁾ semper Achates Principis et rerum custos aulaeque magister ²³⁾, Nunc apices regni, nunc *fascēs* scandit avitas.

Страненъ оборотъ „fascēs scandere“. Кроме того, грамматика требовала бы „avitos“. Нельзя ли:

Nunc apices regni, nunc *arces* scandit avitas.

Въдъ и переносное „arx“ значить то же, что *arx*, *culmen* и т. п. Sil. Ital. XIII 770 sq.: „quae te via, fare, superbum Ad decus et summas laudum perduxerit arces“ и т. п.

4.

Ibid. 56 sq.: Per mea braccati noscent hunc carmina Medi, Noscet fortis Iber, noscet Garamantes adustus.

²⁰⁾ Выше, въ томъ же стихотвореніи, мы поставили бы слова: „nostri cur... Populum“ (vv. 6—8) въ скобки съ вопросительнымъ знакомъ; тогда этими прямыми вопросами прерывалась бы фраза съ косвеннымъ вопросомъ: „Ut quid tanta sibi... Roma velit, ...Concepisse queam“.—Въ концѣ v. 13, вмѣсто правильного чтенія у пр. Моравскаго: „quis tantus in urbe tumultus?“, *Act. Tomis.* даютъ порождающій метрическую ошибку вариантъ: „quis tantus tumultus in urbe?“ Ср. v. 115, гдѣ у проф. Моравскаго правильно: „Qui charite et vultu proceres supereminet omnes“, а въ *A. T.* невѣрно: „Qui vultu et charite“.

²¹⁾ „Górka dicitur Naviger, quia in armis habebat naviculam“ (Morawski).

²²⁾ Христофоръ Шидловецкій.

²³⁾ *A. Tom.* (v. 32): „gerum custos et cura *vigant*“ что восходитъ, повидимому, къ: „gerum...cura *zastant*“ (т. е. „королевскихъ“). Такъ какъ это могло быть невѣрно понято о церковныхъ дѣлахъ, то авторъ передѣлалъ редакцію.

Въ *A. T.*: „Garamantus“. Вѣроятно же: „nosce(n)t Garamantes adusti“.

5.

Ibid. 88: *Nupti nupta novi.*

То же и въ *A. T.* Насъ это сильно шокируетъ. Плавтъ выразился такъ объ одѣтомъ женщиной мужикѣ (*Cas. V, 1, 6*), но о королѣ „*nuptus*“ звучитъ дико (иное дѣло—о вступающихъ въ клиръ: *Paulin. Nol. 22, 231*). Тѣмъ не менѣе, *утверждать* порчи, конечно, нельзя. Если она имѣется на лицо, то возможно, что Кржицкій сказалъ: „*Nupti<is> nupta novi<s>*“ со стяженіемъ въ первомъ словѣ.

6.

Ibid. 95 sq.: *Et ludi atque chori, seu quidquid musica blandae Vocis habet, quidquid tangitque teritque vel instat.*

Въ *A. T.*: „*inflat*“. Мы бы такъ и читали. Рѣчь идетъ о разныхъ видахъ инструментальной музыки: „*tangere*“ значитъ здѣсь „ударять“ (*Horat. c. III, 26, 12. Paneg. Messallae 97*), „*terere*“ сказано объ игрѣ смычкомъ, „*inflare*“ относилось бы къ духовымъ (*Verg. E. 5, 2: „calamos inflare leves“* и т. п.).

7.

Ibid. 102 sq.: *Huc tamen argenti plus importatur et auri, Quam Tagus aut Ganges aut profert Thracius Hebrus.*

Такъ и въ *A. T.* Но мы не сомнѣваемся, что К. написалъ:

Quam Tagus aut Ganges aut profert turbidus Hermus.

Мѣсто вѣдь прямо заимствовано частью у Вергилія *Georg. II, 136 sqq.*: „*Sed neque Medorum silvae, ditissima terra, Nec pulcher Ganges atque auro turbidus Hermus Laudibus Italiae certent*“, частью же у Марціала *VIII, 78, 5 sq.*: „*Turbato sordidus auro Hermus et Hesperio qui sonat orbe Tagus*“. Ср. *Prudent. Perist. 2, 194 sq.*: „*(aurum) amnis turbidis Volvens harenis implicat*“.

8.

Ibid. 109 sqq.: *Conspicies vicina etiam tot regna, tot urbes Et varios populos opibus ferroque potentes, Qui fuga victricis gestant imposita Poloni.*

Заслуженный издатель Кржицкаго, проф. К. Моравскій замѣчаетъ *praef. p. LIV*: „*Quanam denique auctoritate Cricius innisus femininam formam victrix* (II, 2, 111—II, 4, 7) *cum substantivis masculini generis* (Polonus, triumphus) *copularit, prorsus non liquet. Nevius quidem* ²⁴⁾ *unum huius usus exemplum apud scriptorem VI saeculi expiscatus est*“.

Многія изъ приписываемыхъ преданіемъ Кржицкому ошибокъ неоспоримы (тутъ же, II, 2, 107 „*comitas*“ съ краткимъ *o* должно быть признано подлиннымъ въ виду V, 37, 10 и VI, 10, 102, какъ отмѣтилъ проф. Моравскій *praef. p. LV*), но о многихъ мы склонны сомнѣваться. Очень возможно, что мы ошибаемся; не скроемъ, однако, что намъ приходило тутъ на умъ:

Qui iuga victricis gestant imposta coron(a)e.

Ср. v. 121 sq.: „*nostrae qui attrita coronae Sceptra gerens*“ eqs.

9.

И другой примѣръ мужского „*victrix*“, указанный проф. Моравскимъ, а именно II, 4, 5—8, намъ подозрителенъ:

*Cui dedit pulchrum Venus alma vultum
Et caput Pallas Pietasque mentem,
Quique victrices agit at secundo
Marte triumphos.*

Тутъ мыслима догадка:

*Cuique victrices aquilae secundo
Marte triumphos.*

Сказуемое („*dederunt*“) легко дополняется изъ предыдущаго *dedit*. Ср. Prudent. *Psychom.* 644 sq.: „*Dat signum... reddere castris Victrices aquilas* („полки“) *atque in tentoria cogi*“. Если мы неправы, то пришлось бы допустить, что на Кржицкаго вліяла ложная аналогія нейтральной формы множ. числа („*victricia arma*“ и т. п.).

10.

Cric. II, 2, 136—9 ed. Mor: *Quid dotes animi referam, quas nulla canendo Vox numerare potest, licet et Grynaeus Apollo Cum Musis veniat, veniat cum fonte caballi, Dicere non posset, quanta est prudentia regis eqs.*

Въ *A. T.* вѣрнѣе поставлено v. 137 двоеточіе передъ „*licet*“, но

²⁴⁾ Т. е. *Neue, Lat. Formenlehre*, II, 23.

абсурдно „licet... veniat cum fonte“ и тамъ читается. Второе „veniat cum“ похоже на диттографію, но, собственно, лишь приспособленіе къ предыдущему. Принято было за „vēiatcū“ повидимому:

licet et Grynaeus Apollo

Cum Musis veniat, vesans fonte caballi.

Нормально „furor“ при „vaticinatio“ приписывается не самому Аполлону и не музамъ, а жрецамъ прорицателямъ, пнои, поэтамъ. Такъ, Lucan. V, 186 sq.: „Sic plena laborat Phemonoe Phoebo... Spumosa tunc primum rabies vaesana per ora Effluit“ и т. п. Однако, мѣста, въ родѣ Stat. Theb., X. 725 sq.: „non si ipse reclusis Comminus ex adytis in me insaniret Apollo“ могли навести Кржидкаго на предположенную комбинацію.

11.

Слѣдуя порядку, въ какомъ стихотворенія даннаго цикла напечатаны въ *A. Tom.*, мы отмѣтимъ теперь разночтенія „Гименей“, но укажемъ сперва, что въ стихѣ II, 24, 3 ed. M.: „Fausta que dicantur tam claris omnia taedis“ (такъ и *A. T.*) естественнѣе было бы *omina* ²⁵⁾.

Начиная съ в. 27, „Гименей“, судя по *A. T.*, былъ для Варвары редактированъ такъ ²⁶⁾:

<i>A. T.</i> 27	At tu, virgo, tuo non adversare marito,	ed. M. 27
	Cum quo te stabili foedere iunxit amor.	
29	Aspice, nunc ²⁷⁾ videas in tot nunc milibus unum,	35
	Cuius forma tuo par sit habenda viro ²⁸⁾ .	

²⁵⁾ Мы уже когда-то в. I: „Гименей“ (такъ и *A. T.*) исправили на: „Гименей nunc, pueri, laetis celebrate choreis“.—Стихи 11 sq. въ *A. T.* напечатаны въ слѣдующемъ видѣ: „At tu connubii dux o venerabilis huius, Гименей, ades felix: o Гименей, Гименей ades“. У пр. M. мѣсто гласитъ: „At tu conubii dux, o venerabilis Гименей, О Гименей, Гименей, о Гименей ades veni“. Первую редакцію авторъ измѣнилъ, когда рѣшился употребить всегда „Гименей“ какъ синонимъ. Вторая редакція не позволила уже сохранить *huius* въ концѣ гексаметра.—Въ 13-омъ стихѣ *A. T.* даютъ: „te totus concinit orbis“, у пр. M.: „convenit“.—Ст. 26-ой въ *A. T.* гласитъ: „Adnuat heus felix: О Гименей, Гименей ades“, а у пр. M.: „Adnuat О Гименей, о Гименей ades“.

²⁶⁾ Не придерживаемся орфографіи сборника. Отступленія, произведенныя во 2-ой редакціи авторомъ въ честь Вола Sforza, мы сообщаемъ опять-таки на основаніи изданія пр. Моравскаго.

²⁷⁾ Читай: „nunc“. Во 2-ой ред.: „Elige praeterea de tot nunc milibus unum“.

²⁸⁾ Во 2-ой ред. послѣ этого стиха прибавлено [37—38]: „Quemque magis decant cum regia sceptris decusque, Tum coniuncta uno balla puella toro“.

31	Non est cur lacrimae: populi ²⁹⁾ regina potentis Diceris et stirpis gloria prima ³⁰⁾ tuae.	31
33	Quare age (tempus adest), thalamo procumbe iugali Et subeas sponsi brachia grata tui ³¹⁾ .	30
35	Dosero Vestalis consortia pura catervae ³²⁾ : Iam tibi Lucina est iamque colenda Venus.	29
37	At vos, o pueri, vocali dicite cantu: Hymen ades felix, o Hymen Hymen ades! ³³⁾ .	43

12.

Cric. II, 4, 15 sq. Mor.: Clara *Cypriae* Bromiique proles, O Hymen, Hymen.

Такъ и въ *A. T.* Но „*Cypriae*“ не встрѣчается. Скорѣе авторъ написалъ: „*Cypriae* clara Bromiique proles“ съ удлинениемъ конечнаго слога эпитета въ цезурѣ передъ двумя согласными. Это въдъ христіанскими писателями считалось вполне допустимымъ. Ср. Prudent. *Cathem.* 5, 152: „Lucem qua reliqua praemia cernimus“, *Perist.* 4, 15 sq.: „Civitas quaeque pretiosa portans Dona canistris“, *Psychom.* 904 sq.: „fervent bella horrida, fervent Ossibus inclusa: fremit et...natura hominis“ (и не въ цезурѣ даже, напр. *Perist.*, 5, 218: „Denté frequenti“ въ ямбическомъ диметрѣ; 7, 39 sq.: „Nil ipse proprii memor Inter stagna periculi“, 59: „*Calcare* fremitum maris“). Не говоримъ ужъ о такихъ текстахъ, гдѣ конечный гласный предшествуетъ слову, которое начинается на *st*, *sp* и т. д., напр., *praef.* 35: „*Pecatrix* anima stultitiam exuat“, *Cath.* 9, 56 и 78. 12, 203. *Perist.* 3, 150. 4, 54 и 91. 6, 75 и 98. 10, 688 и т. д. Мыслимо, впрочемъ, у Кржицкаго и: „*Cypriae* proles Bromiique clara“.

Интерпункцию въ настоящей строфѣ слѣдуетъ измѣнить такъ: „Tuque, plorantem iuveni puellam Quae toro sistis“ eqs.

13.

Cric. II, 3, 7 sq. Mor.: O felix virgo, felicia tempora, quae te Ad tantum patriae progenueré decus.

²⁹⁾ Во 2-ой редакціи: „regni“.

³⁰⁾ Во 2-ой ред.: „magna“. Послѣ этого стиха прибавлено во 2-ой ред. [vv. 33—34]: „Diceris et coniux eius dignissima regis, Cui laude aequari nullus in orbe potest“.

³¹⁾ Во 2-ой ред. послѣ этого стиха прибавлено [41—42]: „Ludite (sat dictum est vobis) nec turpe putate, Natura quod fit, lege hominumque bono“.

³²⁾ Напечатано въ *A. T.*: „caterva“. Исправленнымъ мѣсто читается у пр. Моравскаго.

³³⁾ Во 2-ой ред.: „O Hymen Hymen, o Hymenae veni“.

Судя по *A. Tom.*, въ 1-ой редакціи стояло: „*felicia sidera*“.

XI.

Act. Tom. II, p. 28, nr. 24, въ стихахъ „*magistri Ioannis Solfa*“ (что звучитъ музыкальнымъ псевдонимомъ), рекомендующихъ „*Erithalamium*“ Кржицкаго, сказано о Варварѣ [напечатано по *cod. R*] передъ заключительнымъ (v. 16) обращеніемъ къ читателю:

- Quae formosior est magis Ligustro ²⁴⁾,
 10 Quae concinnior est magis Diana,
 Quae vincit Paridis profecto *nimpha* ²⁵⁾
 Et cunctas Veneres Cupidinesque;
 13 Quam sic Nestoreum sequentur aevum,
 Noctem lucida dum sequentur astra,
 Dum siccas polus incitabit Arctos.
 16 Lector, Palladiae vale ²⁶⁾ catervae.

Не сказалъ ли авторъ v. 13: „*Quam sic Nestoreum frequentet aevum*“, причемъ *sic* значило бы *talem*. Иными словами онъ, повидимому, желалъ ей вѣчной молодости и красоты.

XII.

A. Tom. II, p. 28, nr. 25, въ стихахъ Деція, рекомендующихъ тоже поэзію Кржицкаго, сказано v. 3 (по *cod. R.*): „*En quali sacra ornavit carmine taedas*“. Читать, разумѣется, должно: *sacras*.

XIII.

Cric. II, 6, 3 sq. *Mor.*: *Nec tamen hoc satis est: aquila fertur ad astra, Praebeat ut terris regia signa lupus* ²⁷⁾).

Выпало, безъ сомнѣнія, слово, какъ уже предположилъ пр. Моравскій. Мы бы читали: „*aquila <ardua> fertur ad astra*“, coll. *Verg. A.* XII, 892 sq.: „*ardua pennis Astra sequi*“, *Stat. Silv.* I, 4, 116 sq.: „*ardua testor Sidera*“ и т. п. Мыслимо, конечно, и: „*<aurea> fertur ad*

²⁴⁾ Читай: „*ligustro*“. Съ „*magis*“ при сравнит. степени здѣсь и въ слѣд. стихѣ примириться не легко. Быть можетъ, оба раза (но аналогичн, напр., съ „*satis superque*“) было сказано: „(*et magis*)“, т. е.: „*quae formosior ligustro adeoque magis quam formosior est*“ и т. д.; стало бытъ: „*atque multo formosior, multo concinnior*“?

²⁵⁾ Читай: „*nymphā*“, т. е.: „*nympham*“. Съ краткостью послѣдняго слога въ *profecto* приходится мяться.

²⁶⁾ „*fave*“?

²⁷⁾ *Insignia reginae Barbarae fuere lupus sursum erectus; supra lupum vero luna et stella una* („*рукописный комментарий Гурскаю, приведенный пр. Моравскимъ*“).

astra" (cf. Verg. A. XI, 832). Мы уже, впрочемъ, объ этомъ мѣстѣ когда-то высказались.

XIV.

Cric. II, 9 Mor.: Hoc ego debueram pro *Burro* ferre coronam: Victi Pannonius sed mea fata lupus.

Слова влагаются въ уста Екаторинѣ Меклембургской, которая намѣчалась до Варвары въ невѣсты Сигизмунду. Пр. Моравскій спрашиваетъ: „Voluitne Cricius vobis *Burrus* lupum designare?“, т. е. понимаетъ эпиграмму такъ: „Не этому волку (*зёръ Варвары*), а мнѣ предназначалась корона: но сомниградскій волею одержалъ верхъ надъ моею судьбой“. Намъ приходило въ голову:

Hoc ego debueram pro *guro* ferre coronam.

„Вмѣсто (*герцогскою*) обруча своего я должна была носить (*королевскую*) корону, но“ и т. д. ²⁸⁾.

XV.

1.

Act. Tomis. II, p. 29, nr. 26 (письмо Амата къ вице-канцлеру Хр. Шидловецкому): „Est profecto generosi... animi... erigere afflictos, opitulari miseris, fessis subvenire... Hinc tibi omnes ad unum concillas, emancipas ac devincis.“

Очевидно же: „*emancipas*“.

2.

Тамъ же, немного далѣе: „Sed haec [снѣнность] fortunae aut naturae videntur: illa vero animi et verae virtutis, quae tanquam in caelo stellae in te uno splendent, alta bonitas *calvique* sanctitas, praesens comitas Laellique lenitas, temperata severitas Catonisque gravitas, spectata temperantia maiorisque Gracchi commendabilior modestia, aliaeque doctes innumerabiles, quibus... omnes homines... ad te amandum colendum venerandum allicis.“

Подъ „*calvi*“ кроется имя собственное (см. дальнѣйшія двучленные сопоставленія). Мы думали о чтеніяхъ: „*Curlique*“ и „*Caillique*“, т. е.: „alta bonitas *Camillique* sanctitas“. Ср. Hor. c. I, 12, 42 sqq.,

²⁸⁾ Можно бы въ томъ же смыслѣ: „Нас... pro *spira*“, только это не вызвало бы недоумѣній и не повело бы къ порчѣ, тогда какъ „*guro*“, будучи употреблено семасіологически неправильно авторомъ, неизбежно порождаетъ поврежденіе текста.

Mart. I, 24, 3 и т. д. въ *Act. Tom.* (II, p. 33) *Dantisci Epithal.*
v. 117: „rigidusque Camillus“.

3.

Тамъ же (p. 29): Adeo es verae virtutis amator..., ut boni viri nomen non iam pridem adeptus sis et in eo conseneskas.

Это „non“ слѣдуетъ либо исключить, либо исправить. Послѣ „nomen“ могло „nō“ возникнуть изъ „<met>ilo“.

4.

Тамъ же (p. 29): Quam ob rem magis laconicae brevitati quam multis in his paginis studens decrevi versibus claudero nonnullam tanti iuvenis (т. е. *Крещицано*) laudatiunculam.

Ожидается: „magis quam laconicae brevitati, musis in his paginis studens“.

5.

Тамъ же (p. 29 sq.) и въ стихахъ *Амата* кое-что искажено преданіемъ (приписываемъ поправки въ примѣчаніяхъ):

Quam laetata suo est docta³⁹⁾ Verona Catullo,
Cum Torquate, tuum conderet ille torum;
Quam gavisu suo est facili Sulmona⁴⁰⁾ poeta,
Cum faustos Fabi⁴¹⁾ ferret in astra lares;

³⁹⁾ Читай: „docto“ (Mart. I, 61, 1 и т. п.).—И здѣсь, и дальше quam=quantum.

⁴⁰⁾ Если авторъ образовалъ „Sulmona“ по примѣру названій „Verona“, „Cor- тона“ и т. п., то порчи предположить нельзя. Но было бы загадочно, какъ онъ могъ допустить подобную ошибку въ томъ самомъ стихотвореніи, которое писалъ, имѣя передъ глазами Ovid. *Am.* III, 15, гдѣ встрѣчается и „gaudet Verona Catullo“, и „Sulmonis aquosi moenia“. Однако, слишкомъ много отклонилось бы отъ преданія: „Quam gavisus eras facili, Sulmo, ore poetae“ (совершенно фантастичны были бы редакція: „Quam gavisu suo <patris> est Nasone poeta“, „Quam gavisu suo est saboles Paesigna poeta“, „Quam gavisu Urbs est facili Sulmonis alimmo“ и т. п.). Нельзя ли концидировать:

Quam gavisu suo est facili Solimi ora poeta.

Основателемъ родного города Овидія считался товарищъ Энея, по имени котораго первоначально и самый городъ будто бы назывался „Solimus“ (Sil. IX, 74 sqq.: „claram muris fundaverat urbem Ex sese dictam Solimon; celebrata colonis Mox Italis, paullatim attrito nomine Sulmo“. Cf. Ov. *F.* IV, 79 sqq.: „Huius erat Solymus Phrygia comes unus ab Ida, A quo Sulmonis moenia nomen habent: Sulmonis gellidi, patriae, Germanice, nostrae“).

⁴¹⁾ Читай: „Fabii“.

Quam se Parthenope Statio iactavit alumno,
 Cum caneret stellae⁴⁵⁾ nobile coniugium:
 Tam nunc se Cricio generosa Polonia iactat,
 8 Qui celebrat thalamos, Sigismunde⁴⁶⁾, tuos;
 Ut te nostra pium venerantur saecula regem,
 Sic canet hunc olim Daedala⁴⁷⁾ posteritas.

XVI.

1.

Act. Tom. II, p. 30 sqq., nr. 27, въ Dantisci Epithal. Sig. et Barb. ⁴⁵⁾ стихъ 4-й напечатанъ такъ:

Tibia dat modulos, flatus *Syringa* sonores.

Можно, конечно, ограничиться исправленіемъ: „sonoros“. Но авторъ зналъ навѣрное *Ov. M. I, 691* и *705*, притомъ же самъ в. 85 „aegida“ употребилъ правильно, какъ винит. падежъ, а посему нѣтъ, повидимому, причинъ допустить, что онъ принималъ „*Syringa*“ за именит. падежъ. Нельзя ли:

Tibia dat modulos flatu *syringos odorae*.

Hor. a. p. 205: (tibia) Nondum spissa nimis complere sedilia flatu eqs.—*Calpurn. 4, 19 sq.:* iam puerum calamos et odorae vincula cerae Iungere non prohibes eqs. (*Verg. E. 3, 25. Ov. M. I, 711. N. Heins. ad Prudent. Cathem. 5, 22.*)

⁴⁵⁾ Читаѣ: „Stellae“. ⁴⁶⁾ Читаѣ: „Sigisimunde“. ⁴⁷⁾ Читаѣ: „daedala“.

⁴⁸⁾ Въ *Epithalamii commendatio* в. 5 читаѣ: „Sismunde“ (зм.: „Sigismunde“). Въ самомъ *Epithal.* читаѣ в. 3: „Pulsantur“ (зм.: „Pulsant“), в. 5: „Tanguntur“ (зм.: „Tangunt“), в. 8: „Sismunde“ (зм.: „Sigismunde“), в. 28: „Erycina“ (зм.: „Erytina“), в. 33: „Gaudebunt Erebi manes“ (зм.: „g. Erebi, manes“), в. 50 sq.: „redeat concordia, quae fuit ante Quam dederat Bellona furens mala munera, malum (зм.: „Quae dederat“), в. 54: „Labentique“ (зм.: „Labantique“). в. 81 sq.: „regnumque tenet sceptrumque paternum Gestat“ (зм.: „Restat“), в. 91: „Lacedaemonii“ (зм.: „Lacedaemoni“), в. 111: „Hymenaei“ (зм.: „Hymeneos“), в. 125: „Regalisque“ (зм.: „Regalique“), в. 131: „sollers regi“ (зм.: „solers et regi“), в. 151: „nivibus Rhipaeis“ (зм.: „niveis Ripheis“), в. 189: „phocae“ (зм.: „Phocae“), в. 190: „Persephone“ (зм.: „Persophone“: стихъ, въ большей своей части, изъ Овидія), в. 196: „Mox ubi“ (зм.: „Post ubi“), в. 231: „apposui“ (зм.: „opposui“), в. 241: „perdisceque“ (зм.: „perdiscesque“), в. 272: „Macetum“ (зм.: „Macedum“), в. 277: „Aethere vecta Samum rediit“ (зм.: „Aetherea vecta. Samum r.“). в. 294: „petatis“ (зм.: „precetis“), в. 300: „ex omni“ (зм.: „ot omni“). Тутъ же замѣтимъ, что в. 272: „lactea“—субстантивированное множественное число.

2.

Ibid. v. 72 sq.: a Gadibus usque ad Eurum Cognitus.

Читай: „usque ad Eoum“.

3.

Ibid. v. 85 sqq.: Pallas dedit aegida clarumque *) Ingenium, specimen dederas Charitesque [sc. *dederant*] decorem, Ipsa dedi regnum.

Говорить Юнона, обращаясь къ Венерѣ. Читай: „speciem“.

4.

Ibid. v. 92 sq.: Iustior in dubiis qui litibus addere finem Posset adest nemo.

Кажется: „edere“ („изречь приговоръ“; cf. „oraculum edere“).

5.

Ibid. v. 96 sq.: in quo Virtus sibi nuda paravit Rite domicilium.

Не только метрическая погрѣшность обращаетъ на себя вниманіе, но и странность картины. Мы бы читали: „patrocinium“. Безоружная („nuda“) Добродѣтель приобрѣла себѣ въ его лицѣ покровителя.

6.

Ibid. v. 113 sq.: Quid potuit, Valachus qui Mysia possidet arva Edidicit nuper.

Безъ сомнѣнія:

Quid posset, Valachus qui Moesia possidet arva
Edidicit nuper.

Подлежащимъ къ *posset* *) является представленіе о Сигизмундѣ. Эмендация глагола вытекаетъ изъ того, что здѣсь подражаніе Горацию с. IV, 14, 8 sq.: „Vindelici didicere nuper, Quid Marte posses“.

7.

Ibid. v. 160 sq.: terras, tardus daemone Bootes Quas gelido spectat.

Читай: „temone“. Ср. Овидіево: „Flexerat obliquo plaustrum temone“.

*) Авторъ разумѣлъ, вѣроятно, „ясный умъ“. Нѣтъ достаточнаго повода комментировать: „гагитише“ или: „Gaiumque“.

*) Эту же форму слѣдуетъ восстановить выше, vv. 105 и 109.

Bootes" (ср. *M.* II, 179 sq.: „Bootes.. tardus“; *F.* III, 405: „piger“. *Stat. Th.* I, 371: „Temo piger“. 692 sq.: „Sed iam Temone supino Languet Hyperboreae glacialis portitor Vrsae“).

8.

Ibid. v. 176 sqq. (объ Эротахъ): *Choritos alii ex humeris tensasque sagittas Atque auro infectas plenas gessere pharetras; Innumeras gessit iaculis pars igneus ordo.*

Если другъ другу соотвѣтствуютъ выраженія *alii—pars*, то возможно бы чтеніе:

*Gorytos alii ex humeris densasque sagittas
Flavo auro infectas plena gessere pharetra;
Innumeris fixit iaculis pars ignea corda.*

Здѣсь „igneae corda“ было бы сказано пролептически. Хуже, кажется: „Innumeros ussit iaculans pars ignibus artus“. Съ „auro infectas“ приходится мириться въ виду v. 205 sq.: „Deprome pharetrā Auratum... iaculum“.

9.

Ibid. v. 181: *Cuncta ferire ardent: mare Tartara sidera tellus.*
Конечно: „*terras*“.

10.

Ibid. v. 194 sq.: *Quid adhuc dubitas? mandata recuso Nulla, modo iubeas: manus est mihi certa potensque.*

Если авторъ знаетъ, что данное „modo“ перрихій, то напишетъ: „*mihi manus est (iubeas modo) certa potensque*“.

11.

Ibid. v. 197—201 читай:

(съ *Кракосъ*) *devenimus omnes
Visendi regem studio, qui iura paterno
Tunc solio residens populis dabat. Ilico viso
Obstupui: latos humeros oculosque genasque
<Siderea> et quis non miretur principis ora?*

A. T.: „*iure*“ и: „*dabat ilico*“. Въ 201-омъ стихѣ можно также дополнить въ началѣ: „*<Augusta> et quis non*“ eqs., но это менѣе вѣроятно, ибо изъ дальнѣйшаго видно, что она разумѣетъ красоту.

12.

Есть въ разсматриваемомъ стихотвореніи мѣста, сильно неудовлетворяющія стилистически или же метрически ошибочныя, которыя слѣдуетъ, однако, признать подлинными. Сюда относятся, напримѣръ, тексты:

а) v. 19: „*Ponitur auricomis dum fulva corona capillis*“. Та же тавтологія v. 229: „*auricomi per lactea colla capilli*“.

б) v. 154 sq. (о Варварѣ, въ обращеніи къ Венерѣ): „*Haec, porphyriaci tu quidquid ubique ruboris Et candoris habes, habet*“. Такъ и v. 283: „*Iam porphyriacas malas, iam rubra labella*“ едс. И слова такого нѣтъ, а если бы было, то второй его слогъ былъ бы кратокъ.

в) v. 236 sq.: „*Non pius Aeneas, pueri (mea turba) volucres Non essent, thalamum si quondam forte fugissem Dura viri*“. Просодическій промахъ могъ бы быть устраненъ только съ явнымъ насиліемъ (напримѣръ: „*thalamum si forte perosa fuisset, Dura viris*“; невѣроятно было бы „*fugassem*“). Между тѣмъ за „*si quondam forte*“ говорить v. 234.

г) Свообразное словорасположеніе мы встрѣчаемъ v. 207: „*Sicne isto per aevum Ibit legitima et claris sine coniuge natis?*“, т. е. *sine legitima coniuge et claris natis*. Аналогично v. 258 sq.: „*Iunge toros: qui solvat Hymen metamque pudoris Dignus adest tibi vir*“, т. е.: *adest tibi Hymen virque dignus, qui solvat metam pudoris* ⁴⁸⁾“.

XVII.

Cric. II, 10, 5 sq. Mor.: *Sed mea divertunt aliorum pectora curae Et studium victus occupat omne meum*.

Или Кржицкій ошибочно употребилъ съ долготой *nomin. sgl.* „*victus*“ (и тогда нужно соединять: „*et victus occupat omne studium meum*“), или же „*victus*“ родительный падежъ, и тогда *omne* постав-

⁴⁸⁾ Въ слѣдующихъ за „*thalamum*“ этихъ стихахъ того же автора (А. Т. II, p. 38) нужно читать v. 11: „*Pompeiosve duos*“ (зм.: „*Pompeios duos*“), v. 17: „*Sismunde*“ (зм.: „*Sigismunde*“), а въ концѣ: „*Corda hominum flectunt, non data tura deos*“ (зм.: „*Cor hominis flectit*“ едс. За множественное число говорить, что сказуемымъ къ „*tura*“ не можетъ быть „*flectit*“).

лено субстантивно ⁴⁹⁾. Не рѣшаемся предложить: „omnem (an)l(m)um“.— Относительно Cric. II, 10, 9 и 15 мы высказались въ другомъ мѣстѣ.

XVIII.

Cric. II, 11, 30: Nec tot *perdisset* Russia pinguis opes.

Кажется: „plorasset“. Ср. II, 17, 8: „Iam plorant Valachi“ ⁵⁰⁾.

XIX.

Cric. II, 12, 29: Anxia *luctosam* versabant omnia mentem.

Читай: „morosam“ ⁵¹⁾.

XX.

Cric. II, 15, 35 sq.: Cuius saepe manus *patrem* sistebat euntem,
Quando dabat querulas flebilis orba preces.

Изъ „orba“ ясно, что читать слѣдуетъ: „matrem“ ⁵²⁾.

XXI.

Cric. II, 16, 7 sq.: Si spectare libet pedemque sistis, *Haec* vis
cerea clariora dicet.

Подчеркнутыя слова непонятны. Рѣчь идетъ, повидимому, о надписи на таблицѣ, помѣщенной надъ гробницей св. Казимира. Можетъ быть: „Hapsis“ (сдва ли „Lexis“) или: „Haec vox“.

XXII.

Cric. II, 18, 5: Psallite pontifices, divum *iubilare* ministri.

Требовалась долгота въ первомъ слогѣ.

⁴⁹⁾ Lucr. I, 521, 956, 958.—Кржицкій, II, 11, 91, употребилъ съ ошибкою краткостью окончанія род. надежъ отъ „exercitus“. Но II, 12, 31: „cultus“, должно быть, множественное число.

⁵⁰⁾ *Ibid.* v. 9 читай: „Indiget haec per se magno dos omnis Homero“ (вмѣсто „hic“).

⁵¹⁾ Изъ этого стихотворенія видно, что Кржицкій не стѣсняется удлинять въ дѣреаѣ пентаметра краткій закрытый слогъ. См. v. 55 sq.: „Est leve in alterius sapienter dicere luctu Et quo non premeris esse probare nihil“, v. 78: „Et conductus eques intropidusque pedes“. Ср. также II, 21, 4, „gaperis“, а въ гекзаметрѣ II, 13, 15: „Nos ergo perfer, ut cum te cetera summum“ eqs. (что авторъ зналъ тутъ настоящее количество, видно, напр., изъ II, 15, 56 sq.: „protinus affer opem“ и т. д.

⁵²⁾ *Ibid.* v. 30 читай: „pondere“ (вм.: pondera).

XXIII.

Cric. II, 19, 15 sq. (королева Варвара умираетъ): Non prosunt vires, non prosunt vota nec aetas Integra, nec medici, magni nec cura mariti.

„Vires“ могло бы, конечно, значить: „не помогаетъ могущество“ („обладаніе королевскою властью“) и даже: „не помогаютъ лѣкарства“ („источники новыхъ силъ“). Но слово сбивчиво: именно силы физическія организма помогаютъ выносить болѣзни. Намъ кажется, что Кржицкій написалъ: „veneres“ („красота“). Сл. дальше v. 23 sqq.: „Ausa es, perfida mors, tam clarum attingere corpus Et tantum violare decus... Non te sceptrum monent (*читай* „moment“), non rarae gratia formae“ eqs. (cp. v. 65: „Lachesis nulla pietate movetur“).

XXIV.

Cric. II, 19, 32—35: Undique pro ludis, risu festisque choreis Feralis requies et vox auditur amara, Gestantur diri capuli, *comburitur aether* Et sequitur longo... ordine pompa.

Подчеркнутыхъ словъ мы не понимаемъ. Можетъ быть: „*concurrit arator*“? Стекло въ городъ много деревенскихъ жителей къ похоронному торжеству.

XXV.

Cric. II, 19, 62 sq.: (подъ впечатлѣніемъ смерти королевы) Omnia turbantur, succumbunt omnia luctu Pectora victa gravi, nec habent sua gaudia *taedae*.

Скорѣе же: „*saecula*“ ⁶³⁾.

Г. Зенгеръ.

⁶³⁾ II, 21, 3 „*cito*“ не вѣрно употреблено съ долгимъ о. На II, 21, 4 указано въ примѣч. 51-омъ. О стихѣ II, 23, 16 мы высказались въ другомъ мѣстѣ.

КЪ ИСТОРИИ ВОПРОСА О РУКОПИСНОМЪ ПРЕДАНИИ КОНСТАНТИНОВСКИХЪ ИЗВЛЕЧЕНІИ ПЕРИ ΠΡΟΦΗΤΩΝ.

I.

Въ *Византійскомъ Временникѣ*, V (1898), 439—492, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Къ критикѣ текста второй тетрады Ὑπάρ τῶν κολύμβων Проконія Кесарійскаго. — Введение. Краткій обзоръ рукописнаго преданія и стемма рукописей“, — я, предпославъ возможно краткое обзорѣніе всѣхъ вообще — какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ — источниковъ рукописнаго преданія второй тетрады вышеупомянутаго труда Проконія, какіе только были мнѣ извѣстны въ то время, — сообщилъ въ формѣ соответственныхъ стеммъ рукописей (стр. 471 и 476) результаты своихъ изслѣдованій въ этой области, причемъ намеренно воздержался отъ приведенія прямыхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ были построены эти стеммы, — такъ какъ имѣлъ въ виду посвятить особую статью болѣе или менѣе подробному описанію всѣхъ вообще проконіевскихъ рукописей и детальному выясненію ихъ взаимныхъ отношеній ¹⁾.

Что касается рукописнаго преданія извлеченій пері προφητων, то предложенное мною (I. с., 471 слл.) рѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей этихъ извлеченій существенно разнилось отъ традиціоннаго. Въ то время какъ мои предшественники полагали, что всѣ или почти всѣ рукописи упомянутыхъ извлеченій являются непосредственными копіями пазовскаго кодекса ²⁾, я первый призналъ непосредственными копіями этого кодекса только двѣ рукописи, а именно амброзіанскую (A — cod. Ambrosianus N 135 sup.) и одну изъ

¹⁾ Ср. *Визант. Временникъ*, I. с., 440.

²⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ традиціонномъ мнѣніи читатели найдутъ ниже.

трехъ томовъ утраченной агустиновской рукописи (π — cod. Escorialensis IV. H. 8): первая рукопись (A) содержитъ ELG. и является единственною непосредственною копіей первой половины паэзовскаго кодекса, а вторая (π) содержала ELR. и является единственною непосредственною копіей второй половины этого кодекса ¹⁾.

Сверхъ того я тогда же указалъ, что въ области ELG. эскориальскія рукописи (I' — cod. Escorialensis R. III. 21 [fol. 13 — 397] + cod. Escorialensis R. III. 13) и трехтомная ватикано-палатинская (I' — codd. Vaticani Palatini gr. 411. 410. 412) списаны непосредственно съ амброзіанской (A), а брюссельская (B — cod. Bruxellensis 11317 — 21) и мюнхенская (M — cod. Monacensis gr. 185) являются непосредственными копіями ватикано-палатинской рукописи (P). — Орсиніевскія рукописей (V — cod. Vaticanus gr. 1418, fol. 1 — 79, и N — cod. Neapolitanus III. B. 15) я намѣренно не включилъ въ стемму, такъ какъ въ нихъ нѣтъ извлеченій изъ Проконія, — но что и онѣ (VN) не были непосредственными копіями паэзовскаго кодекса, это доказалъ уже въ 1866 году Эрнстъ Шульце, который на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ имъ изъ переписки Антонія Агустина съ Фульвіемъ Орсини, пришелъ къ выводу, что орсиніевскія рукописи списаны съ агустиновской ²⁾. Тутъ же слѣдуетъ упомянуть, что въ то время я находилъ весьма правдоподобнымъ предположеніе, что амброзіанская рукопись (A) можетъ быть отождествлена съ агустиновскою, т. е. съ тѣми двумя томами послѣдней, въ которыхъ содержались ELG. ³⁾. Это предположеніе, — предвосхищенное, какъ я узналъ впоследствии, Адольфомъ Кисслингомъ ⁴⁾, — не подтвердилось ⁵⁾, но его ошибочность

¹⁾ ELG. — excerpta de legatis gentium ad Romanos; ELR. — excerpta de legatis Romanorum ad gentes.

²⁾ *Ern. Schulze*, De excerptis Constantinianis quaestiones criticae, Bonnæ 1866, 22 — 24 и 49.

³⁾ *Визант. Временникъ*, I. с., 455.

⁴⁾ Въ письмѣ къ *Ниссену*, которое послѣдній приводитъ въ своей книгѣ: *Krit. Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius*, Berlin 1864, 316 adn. („Sollte dies [т. е. cod. Ambrosianus N 135 sup.] nämlich nicht der Codex des Augustinus gewesen sein?“).

⁵⁾ Какъ ни легко было доказать несостоятельность этого предположенія при помощи, съ одной стороны, вариантовъ орсиніевскихъ рукописей, съ другой, — каталога Кольвилля, однако *de Boorp* не былъ въ состояніи справиться и съ этой нехитрой задачей. Его попытка опровергнуть мой „тезисъ“ (*Sitzungsber.* 1902, 151 — 154) лишь выставляетъ въ надлежащемъ свѣтѣ своеобразную сообразительность его, ни мало не увеличиваясь желаемымъ успѣхомъ, несмотря на всѣ усилія

ни мало не колеблетъ вышеизложенныхъ результатовъ моихъ исследованийъ въ области ELG.

Что же касается рукописнаго преданія ELR., то я (l. c., 476 и 480) по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ агустиновской (π) и остальныхъ рукописей ELR., во-первыхъ, отмѣтилъ, что эскориальская рукопись (E—cod. Escorialensis R. III. 14 + cod. Escorial. R. III. 21, fol. 1—12) является непосредственною копией агустиновской (π); во-вторыхъ, я указалъ на независимость отъ E группы BMR (т. е. codd. Bruxellensis 11301—16, Monacensis gr. 267 и Vaticanus Palatinus gr. 413), повводя эту группу къ той же агустиновской рукописи (π) чрезъ посредство одной утраченной рукописи (r). При этомъ необходимо пояснить, что я намеренно воздержался въ то время отъ попытки точнѣе опредѣлить взаимныя отношенія BMR, такъ какъ еще не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно надежныхъ и точныхъ коляцій брюссельской рукописи (B), а рѣшать этотъ вопросъ при помощи жюстисовскихъ коляцій B, опубликованныхъ въ *Anecdota Bruzellensis*, III (Gand 1896), я не находилъ возможнымъ въ виду того, что уже до непосредственнаго моего знакомства съ B имѣлъ основаніе сомнѣваться въ точности и полнотѣ этихъ коляцій ¹⁾).

Ватиканскую рукопись (V—cod. Vaticanus gr. 1418, fol. 80—239), а равно и парижскую (T—cod. Parisinus gr. 2463, olim Thuaneus) я оставилъ въ сторонѣ, такъ какъ ни въ той, ни въ другой рукописи нѣтъ извлеченій изъ Прокопія. Во всякомъ случаѣ, однако, на основаніи факта, констатированнаго, какъ упомянуто выше, Эристомъ Шульце при помощи агустиновской корреспонденціи, — было ясно, что V является непосредственною копіей агустиновской рукописи (π).

II.

Для облегченія читателямъ возможности ориентироваться въ области исторіи изслѣдованія рукописнаго преданія извлеченій пері презвеон до появленія моей статьи въ *Визант. Временникъ* 1898 г. считаю нелишнимъ отмѣтить слѣдующіе факты.

означеннаго „изслѣдователя“. Объ этой неудачной попыткѣ де Боора у меня будетъ подробнѣе сказано въ XXXVIII главѣ моихъ *Varia*.

¹⁾ Ср. по этому поводу *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1902, ноябрь, стр. 532. — Непосредственное ознакомленіе съ вариантами B дало мнѣ возможность установить, что эта рукопись списана съ агустиновской (π), и что MR являются косвенными копіями B, восходя къ послѣдней чрезъ посредство одной утраченной рукописи (x), — см. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1. с., 528 слл.

Первымъ по времени изслѣдователемъ рукописнаго преданія упомянутыхъ извлеченій является Швейгхѣйзеръ, посвятившій этому вопросу цѣлую главу (сар. II) подъ заглавіемъ: „Codex Bavaricus Excerptorum de Legationibus vel de Legatis, περί πρέσβεων. Tum de aliis Codicibus manuscriptis ejusdem argumenti“, — въ предисловіи ко второму тому своего изданія Полибія (Lipsiae 1789), XIV — XXVII.

Швейгхѣйзеръ имѣлъ непосредственное знакомство только съ „Codex Bavaricus“, т. е. съ мюнхенскою рукописью ELG. (cod. Monacensis gr. 185), которую онъ, кстати сказать, ошибочно относилъ ко времени „circa decimum quartum vel quintum seculum“ ¹⁾. О пазовскомъ кодексѣ онъ совсѣмъ ничего не зналъ, принимая за „ipsum antiquum Exemplar“ аугустиновскую рукопись, — причемъ однако онъ допускалъ возможность отождествленія этой рукописи съ „Vrsinianus Codex“; по поводу послѣдней его догадки не мѣшаютъ пояснить, что онъ не только не имѣлъ непосредственнаго знакомства съ этимъ „Vrsinianus Codex“ (= codd. Vaticanus gr. 1481 и Neapolitanus III. B. 15), но даже не былъ вполне увѣренъ въ томъ, что этотъ „codex“ не утраченъ ²⁾. Равнымъ образомъ онъ не подозрѣвалъ и о существованіи эскориальскихъ рукописей (codd. Escorialenses R. III. 14. 21. 13); что же касается прочихъ рукописей, то о нихъ онъ зналъ лишь по наслышкѣ ³⁾.

Понятно, что вслѣдствіе столь неблагоприятныхъ обстоятельствъ Швейгхѣйзеръ не могъ придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ результатамъ и былъ вынужденъ ограничиться лишь разнаго рода предположеніями и догадками, которыя въ лучшемъ случаѣ могли претендовать только на относительное значеніе. Изъ такихъ предположеній Швейгхѣйзера наибольшаго вниманія заслуживаютъ, по моему мнѣнію, два слѣдующихъ: 1) „Ac subiit etiam interdum dubitare, ipsum-ne antiquum Exemplar, an Apographum solum ad Vrsinum miserit Tarraconensis Archiepiscopus [Аугустинъ], cujus fuerat ille со-

¹⁾ Polyb. ed. *Schweighaeuser*, vol. II, praefat. XXIV. -- Этою же рукописью Швейгхѣйзеръ пользовался и раньше — при изданіи Аниана (Lips. 1785).

²⁾ Ibid., XVII: „Et Vrsinianus quidem Codex, si modo superest hodie, in Hispania fuerit fortasse quaerendus, quo remissus esse ab Vrsino videtur, postquam ea, quae in lucem emittere placuit, inde depromserat Editor: certe nec ex Vaticana Bibliotheca, ubi suspicatus sum latere eum codicem, per diligentissimum Spalletum nostrum quidquam de eo potui rescire“.

³⁾ Cp. ibid., XVI sq.

dex^a 1), и 2) „ad Schottanum. quod spectat Codicem 2), quum per complures aliquot annos in Hispania versatum esse constet Andream Schottum, atque etiam circa annum MDLXXXIV contubernalem fuisse ejusdem Ant. Augustini Tarraconensis Archiepisc. qui librum *de Legationibus* ad Vrsinum miserat; nata mihi est suspicio, Schotti illum librum ex eodem fortasse exemplari, quod vel ipsum vel cujus apographum cum Vrsino communicatum fuerat, esse descriptum“ 3).

Далѣе мимоходомъ упомяну объ одной догадкѣ Миллера, которую онъ сдѣлалъ въ концѣ описанія cod. Escorialensis R. III. 14: „Ce manuscrit contient plusieurs passages laissés en blanc, les mêmes lacunes existant dans l'exemplaire (probablement le manuscrit qui appartenait à Antoine Augustin, et d'après lequel Fulvius Ursinus a publié une portion du chapitre περί πρεσβειῶν, Antwerp. in-4°. Voy. Fabricius, t. VIII, p. 7) que Darmarius avait sous les yeux“ 4). Находя „вѣроятнымъ“ предположеніе, что эскориальская рукопись R. III. 14 была списана съ той рукописи (cod. Vaticanus gr. 1418), которою пользовался Орсини, Миллеръ обличаетъ свое незнакомство даже съ этою ватиканскою рукописью. О паззовскомъ кодексѣ, а равно и о трехтомной аугустиновской рукописи (codd. Escorialenses IV. II. 6—8), которая вмѣстѣ съ паззовскимъ кодексомъ стала жертвою пожара въ 1671 году, Миллеръ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній 5).

Въ 1863 году Ниссенъ, который имѣлъ непосредственное знакомство только съ мюнхенскими рукописями (codd. Monacenses gr. 185 и 267) и, подобно Швейгхейзеру, ничего не зналъ не только о паззовскомъ кодексѣ и трехтомной аугустиновской рукописи, но и объ уцѣлѣвшихъ эскориальскихъ рукописяхъ, описанныхъ Миллеромъ, — кон-

1) Ibid., XVII.

2) Этотъ „Schottanus codex“ (= codd. Bruxellenses 11817—21 и 11301—16), судьба котораго долгое время была совершенно неизвѣстна исследователямъ и надателямъ извлеченій пері прѣсвеѣрон, былъ всего лѣтъ двадцать тому назадъ (1884) открытъ въ брусельской библиотекѣ Омономъ, — а не де Бооромъ, какъ полагаютъ (или, по крайней мѣрѣ, полагаютъ) Буассезанъ, Cass. Dio, I, graefat. XXVIII, — введенный въ заблужденіе самимъ де Бооромъ, который, говоря въ предисловіи къ своему изданію Теофилакта Симокатты (Lips. 1887) объ этихъ брусельскихъ рукописяхъ, — надо полагать, по спеціальнымъ соображеніямъ — заблагоразсудилъ умолчать объ Омопѣ.

3) *Schwöbighaeuser*, I. c., XVII.

4) *E. Miller*, Catalogue des mss. grecs de la bibliothèque de l'Escorial, Paris 1848, 29 + note 1. — Газрядка принадлежитъ мнѣ.

5) Ср. *Визант. Временникъ*, XI (1904), 10 сл.

статировалъ взаимную независимость мюнхенскихъ и орсиніевскихъ рукописей и пришелъ къ дальнѣйшему выводу, что „diese [т. е. *VN*] gleichfalls nicht auf ein älteres Original zurückgeht. Vielmehr war die gemeinsame, sei es mittelbare oder unmittelbare Quelle aller bisher benutzten Handschriften eine Abschrift wahrscheinlich des 15. Jahrhunderts mit sehr verdorbenen Text¹⁾, in der bereits die Vollständigkeit der konstantinischen Sammlungen erhebliche Einbusse erlitten hatte“²⁾.

III.

Черезъ три года послѣ изслѣдованія Ниссена появилась диссертация Эрнста Шульце (*De excerptis Constantinianis quaestiones criticae*, Боннае 1866), которому при всей ограниченности средствъ, имѣвшихся въ его распоряженіи³⁾, — все же удалось поставить дѣло изслѣдованія рукописнаго преданія извлеченій пері прѣсвеонон на болѣе солидную почву благодаря привлеченію свѣжаго матеріала и придти къ нѣкоторымъ новымъ выводамъ, не утратившимъ своего значенія и до настоящаго времени или же нуждающимся лишь въ частичныхъ поправкахъ.

На основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ пореписки Агустина съ Орсини и Суретой, Шульце констатировалъ, что общимъ архетипомъ рукописей извлеченій пері прѣсвеонон является именно паэзовскій кодексъ, поступившій въ Эскориальскую бібліотеку въ 1573 году и („повидимому“) сгорѣвшій въ ней въ 1671 году⁴⁾. Онъ же установилъ фактъ, что орсиніевскія рукописи были списаны въ агустиновской⁵⁾. Сверхъ того заслуживаютъ полнаго вниманія нѣкоторые замѣтки Шульце, касающіяся паэзовскаго кодекса (р. 49): „Litteris, ... minutis erat exaratus — — —, compendia scribendi praeter

¹⁾ Разрядка принадлежитъ мнѣ.

²⁾ *H. Nissen*, *Krit. Untersuchungen*, 316.

³⁾ Между прочимъ слѣдуетъ упомянуть, что изъ всѣхъ рукописей Шульце былъ непосредственно знакомъ только съ двумя мюнхенскими, какъ и Ниссенъ.

⁴⁾ *Schulze*, 48. 50.

⁵⁾ *Ibid.*, 22 вѣд. 45. 49. — Многоходомъ замѣчу, что агустиновскую рукопись Шульце — вслѣдствіе чисто случайнаго недосмотра (ср. по этому поводу *Визити. Временникъ*, 1898, 455 примѣч. 2) — отождествилъ съ рукописями Шотта, предполагая, что послѣдній получалъ ихъ въ даръ отъ Агустина (р. 49). По этому поводу не мѣшаетъ напомнить читателямъ, что въ то время шоттовскія рукописи еще на-

usitatissima, ut $\theta\zeta = \theta\epsilon\delta\zeta$,
 verba frequentibus lacun
 bant“, — а равно слѣдую
 рукописи (A): „Indider
 repetere Ambrosianum,
 sunt haec „ex antiquis
 millimum. Hinc cons
 propius ²⁾ ad arch
 nullis locis plenit
 tamen loci corri

Въ 1867 году
 „Die Handschrifte
 сообщил дарма
 образомъ вполн
 и эта рукопись
 не совсѣмъ то
 Schulze hat....
 Handschriften
 selben Origin
 einer selbst
 какъ бы за
 шенно пра

ходились г
 тельны д
 рукописи
 предполо
 и т. п.

²⁾
 нымъ
 tionil
 gum
 tum

т
 :

что орсиніевскія рукописи списаны не съ паззовскаго кодекса непосредственно, но съ агустиновской рукописи, — и такимъ образомъ явился истиннымъ родоначальникомъ традиціоннаго мнѣнія о рукописномъ преданіи извлеченій *περί πρέσβερων* ¹⁾. Остается добавить, что, констатировавъ на основаніи вышеупомянутой *subscriptio* фактъ принадлежности и амброзіанской рукописи къ числу дармаріевскихъ копій, Ниссенъ пришелъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что де „aus den italienischen und deutschen Abschriften wird also wenig für den Text zu hoffen und das Original am Ersten in Spanien zu suchen sein“. По поводу послѣдней фразы слѣдуетъ, однако, замѣтить, что уже Шульце относительно этого оригинала, т. е. паззовскаго кодекса высказалъ пессимистическое предположеніе (р. 50: „Ipsi vero Paezii libri, quos hoc saeculo nemo se vidisse testatus est, incendio, quo bibliothecae Escorialensis magna pars a. 1671 absumebatur, videntur interiisse“), которое, къ сожалѣнію, вполне подтвердилось впоследствии.

Съ легкой руки Ниссена (и Гро?) послѣдующіе ученые стали считать непосредственными копіями паззовскаго кодекса всѣ остальные рукописи извлеченій *περί πρέσβερων* — не исключая и орсиніевскихъ (*N V*). Именно это традиціонное мнѣніе, — кстати сказать, всего определеннѣе формулированное Бюттнеръ-Вобстомъ не далѣе какъ въ 1900 году: „Da es nun feststeht, dass alle ²⁾ Handschriften, welche diese excerpta de legatis enthalten, von Andreas Darmarios oder dessen Schülern (S. Justice a. a. O. S. 10) unter Aufsicht desselben aus einer Pergamenthandschrift des Eskurial, die im Jahre 1671 verbrannte, abgeschrieben sind“, и проч. ³⁾, — въ непосредственной связи съ недостаточнымъ въ общемъ знакомствомъ съ рукописнымъ преданіемъ и послужило, между прочимъ, причиной того, что издатели эксерпированныхъ авторовъ, — какъ напр. Мендельсонъ (изданія Аппіана и Зосима), Буассевэигъ и Мельберъ (изданія Кассія Діона), Нице (изданіе Флавія Іосифа), Диндорфъ (*Historici graeci minores* и изданія Полибія и Діодора), Гульчъ (изданіе Полибія), Бюттнеръ-Вобстъ (изд. Полибія, voll. I—III, Lips. 1882—93), де Бооръ (изд. Теофилакта Симокатты) и др., — даже и не пытались подвергать новому разсмотрѣнію вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей извлеченій *περί*

¹⁾ Ср. также *Graux, Essai sur les origines du fonds grec de l'Escurial*, Paris 1888, 97 adn. 1.

²⁾ Разрядка принадлежитъ самому автору.

³⁾ *Th. Büttner-Wobst, Studien zu Polybios (Philologus, LIX, 1900), 561.*

прѣсѣлов. При всемъ томъ нельзя не признать важной заслуги Мендельсона, который на основаніи детальнаго изученія вариантовъ амброзіанской рукописи уже въ 1876 году отмѣтилъ превосходство послѣдней предъ всѣми прочими извѣстными ему рукописями (E. G. ¹).

IV.

Въ теченіе всего этого періода ²), такъ сказать, слѣплого преклоненія предъ ошибочнымъ традиционнымъ мнѣніемъ только одинъ ученый сдѣлалъ — правда, очень слабую и лишь условную — попытку внести частичную поправку къ общераспространенному заблужденію. Этотъ ученый — Франсуа Кюмонъ (Cumont) — въ письмѣ къ Жюстису, которое послѣдній привелъ въ концѣ своего изслѣдованія, посвященнаго главнымъ образомъ брусельскимъ рукописямъ ³), — высказалъ въ весьма осторожной формѣ предположеніе, что cod. Bruxellensis 11317—21, „а, быть можетъ, и“ cod. Monacensis gr. 185 списаны были непосредственно съ пазовскаго кодекса, но съ амброзіанской рукописи. „A part cette transposition [серій извлеченій изъ отдѣльныхъ авторовъ]“ — говоритъ Кюмонъ ⁴) — „et l'omission partielle du texte de Polybe, le Schottanus [т. е. брусельская рукопись] est absolument semblable à l'Ambrosianus. Je me suis assuré que celui-ci donne partout les mêmes extraits que le premier dans le même ordre. Même au point de vue du texte, presque toutes les particularités (lacunes, renvois en marge, erreurs, etc.) du ms. de Bruxelles se retrouvent dans celui de Milan, seulement ce dernier est plus correct. Leur ressemblance est de telle nature que je serais tenté de croire que S² [т. е. брусельская рукопись] et peut être aussi M¹ [т. е. мюнхенская] n'ont pas été copiés directement sur l'archétype, mais bien sur l'Ambrosianus ⁵), qui seul a été signé par Darmarios et est daté de l'Escurial. Je n'ai pas étudié ce volume d'assez près pour pouvoir affirmer la dépendance du *Bruxellensis*, mais voici du moins à titre de spécimen la collation des derniers extraits d'Eunape, collation

¹) *L. Mendelssohn, Rhein. Museum*, N. F. XXXI (1876), 204, adn. 2; ср. также его изданіе Аппіана, vol. I, Lips. 1879, praefat. XVII, adu. 1.

²) Разумѣю время до 1898 года.

³) *Anecdota Bruxellensia*, III. Ie „Codex Schottanus“ des extraits „de Legationibus“ par Ch. Justice, Gand 1896, Appendice (p. 111 — 119).

⁴) *Ibid.*, 113.

⁵) Разрядка принадлежит мнѣ.

qui montrera clairement la superiorité du manuscrit italien“ (слѣдуетъ колыяція).

Помимо чистой условности эта догадка Кюмона оказывается и фактически ошибочной (дѣло въ томъ, что бруссельская и мюнхенская рукописи ELG. являются непосредственными копіями не амброзіанской, но трехтомной ватикано-палатинской рукописи, какъ я отмѣтилъ уже въ *Визант. Временникъ* 1898, 476), но при всемъ томъ нельзя не привѣтствовать ея уже какъ первой попытки выйти изъ рамокъ традиціоннаго мнѣнія. Сверхъ того слѣдуетъ отмѣтить, что въ сравненіи съ аналогичными попытками де Боора и Бюттнеръ-Вобста, относящимися къ послѣдующему времени (1899 и 1901 г.г.), эта попытка Кюмона оказывается болѣе удачной, такъ какъ его мнѣніе все же ближе къ истинѣ, чѣмъ мнѣнія де Боора и Бюттнеръ-Вобста, о которыхъ болѣе подробно у меня будетъ сказано ниже.

Остается добавить, что догадка Кюмона почему-то не обратила на себя вниманія послѣдующихъ ученыхъ.

V.

Опубликованные въ *Визант. Временникъ* 1898 г. результаты моихъ изслѣдованій въ области рукописнаго преданія извлеченій пері πρῆσβερω оставались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ неизвѣстными заграничнымъ ученымъ — главнымъ образомъ потому, что „*Rossica non leguntur*“. Въмѣстѣ съ тѣмъ и ватикано-палатинскія рукописи (codd. Vaticani Palatini gr. 410 — 413), отношенія которыхъ къ отдѣльнымъ рукописямъ была впервые мною изслѣдованы и опредѣлены въ той же статьѣ (*Визант. Временникъ*, 1898), — по прежнему продолжали оставаться неизвѣстными прочимъ изслѣдователямъ, хотя всѣ онѣ еще въ 1885 году были обстоятельно описаны Стевенсономъ въ его каталогъ ¹⁾).

Въ концѣ 1899 года бреславльскій обербиблиотекаръ Карлъ де Бооръ въ *Sitzungsber. der Berliner Akademie der Wiss.* 1899, 921 — 934, напечаталъ свой „Bericht über eine Studienreise nach Italien, Spanien und England zum Zwecke handschriftlicher Studien über byzantinische Chronisten“, — въ которомъ между прочимъ идетъ рѣчь и о рукописномъ преданіи извлеченій пері πρῆσβερω (р. 932 — 934), и, въ

¹⁾ H. Stevenson senior, *Codices mss. Palatini Graeci Bibliothecae Vaticanae, Romae* 1885, 267 — 269.

частности, опредѣляются взаимныя отношенія этихъ рукописей и значеніе каждой изъ нихъ для критики текста извлеченій.

Надо замѣтить, что де Бооръ уже въ то время находился въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ для правильнаго рѣшенія даннаго вопроса, чѣмъ кто-либо изъ всѣхъ его предшественниковъ: правда, изъ сохранившихся до нашего времени рукописей и отъ его вниманія ускользнули ватикано-палатинскія ¹⁾, но зато въ его распоряженіи имѣлись полныя колляціи всѣхъ эскоріальскихъ, брюссельскихъ и мюнхенскихъ рукописей упомянутыхъ извлеченій и сверхъ того „значительная часть“ колляцій итальянскихъ рукописей (за исключеніемъ, конечно, ватикано-палатинскихъ, которые, кстати сказать, не имѣютъ никакого значенія для критики текста). „Nachdem“ — говоритъ онъ въ самомъ концѣ вышеупомянутой статьи — „ich so das Material der drei die ganze Sammlung der Gesandtschafts-Excerpte enthaltenden Handschriften in München, Brüssel und im Escorial und einen erheblichen Theil des Materials der italienischen Handschriften vereinigt habe, wird es nicht schwer sein, den geringen fehlenden Rest hinzuzufügen und so eine Ausgabe dieser Excerpte auf Grundlage des gesammten Handschriftenbestandes zu versuchen“ ²⁾.

Изъ итальянскихъ рукописей извлеченій де Боору въ то время были извѣстны только три, а именно амброзіанская (*A*), ватиканская (*V*) и неаполитанская (*N*), и я имѣю основаніе думать, что подъ упомянутымъ имъ „geringen fehlenden Rest“ слѣдуетъ подразумѣвать неаполитанскую рукопись, а подъ „erheblichen Theil“ — амброзіанскую и ватиканскую. Правда, въ *Sitzungsber.* 1902, 154 де Бооръ говоритъ: „Bisher sind die Herausgeber der in den Excerpten vertretenen Schriftsteller von der Ansicht ausgegangen, dass aus dem verbrann-

---

¹⁾ Что же касается утраченныхъ рукописей, то невольно обращаетъ на себя вниманіе явное незнакомство де Боора съ трехтомною аугустиновскою рукописью, свѣдѣнія о которой онъ легко могъ бы получить хотя бы изъ того же предисловія Буассевона къ первому тому его изданія Кассія Діона (р. XXII — XXIV), на которое (р. XXX), кстати сказать, ссылается самъ де Бооръ въ *Sitzungsber.* 1899, 933 (см. ниже). Странность такого невѣдѣнія означеннаго „ислѣдователя“ усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ вовсе не является новичкомъ въ области изслѣдованія Константиновскихъ извлеченій, — ср. *Sitzungsber. der philos.-philol. und der histor. Classe der Münchener Akad.* 1883, II, 87 sq., а также *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 932.

²⁾ *Sitzungsber.* 1899, 934.

ten Archetypus mehrere Abschriften genommen seien, ... und auch ich habe, *bevor ich den Ambrosianus aus eigener Anschauung kennen lernte*¹⁾, diese Vorstellung gehabt“, и изъ его словъ, отмѣченныхъ курсивомъ, слѣдуетъ заключить, что съ амброзіанской рукописью означенный ученый въ 1899 году еще не имѣлъ непосредственнаго знакомства, — но, съ другой стороны, изъ одной замѣтки Бюттнеръ-Вобста, несомнѣнно, основанной на сообщеніяхъ самаго же де Боора, совершенно ясно видно, что въ 1901 году де Бооръ сличалъ амброзіанскую рукопись уже вторично, а вовсе не впервые. Эта замѣтка Бюттнеръ-Вобста гласитъ: „Postquam nos in diariis Byzantinis a. 1901, 66 ss. exposuimus, qua ratione codices περί πρέσβων ἰβνῶν ad excerpta Polybii emendanda essent adhibendi, de Boorius codice Ambrosiano iterum inspecto et cum ceteris libris eiusdem generis manu scriptis collato rectissime perspexit codicem Ambrosianum fontem esse ceterorum librorum“²⁾.

Несмотря на столь благоприятныя условія де Бооръ въ 1899 году блистательно обнаружилъ свою полную неспособность правильно рѣшить вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей извлеченій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о значеніи каждой рукописи для критики текста. Разсужденія означеннаго „ислѣдователя“ столь цѣнны и столь своеобразно хороши, что я позволю себѣ привести этотъ перлъ in extenso, причемъ попутно снабжу его своими комментаріями.

„Für die Abtheilung der legationes Romanorum ad gentes“ — говоритъ де Бооръ³⁾ — „haben wir ausser dem Escorialensis zwei vollständige Handschriften im Monacensis 267 und Bruxellensis 11301 — 16; nur einen Theil enthält der Vaticanus 1418. Dass nun in jenen beiden die Excerpte aus Menander die erwähnte Lücke haben⁴⁾, braucht man nicht nothwendig auf einen näheren Zusammenhang derselben unter einander zurückzuführen; es könnte jeder selbständig aus dem Ori-

¹⁾ Курсивъ и разрядка принадлежать мнѣ.

²⁾ Polyb. ed. Büttner-Wobst, vol. IV, Lips. 1904, praefat. XII, adn. I. — Курсивъ и разрядка въ вышенаведенной выдержкѣ принадлежать мнѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно всѣхъ другихъ приводимыхъ мною выписокъ, — если послѣднія не сопровождаются спеціальными оговорками по поводу курсива или разрядки.

³⁾ *Sitzungsber.* 1899, 933.

⁴⁾ Въ рукописяхъ ВМР (послѣдняя была еще неизвѣстна де Боору въ 1899 году) пропущены слова τε καὶ χαλόν — κοινῆ γὰρ (Menandr. RLR. p. 173, 25—174, 9 ed. de Boor).

ginal ¹⁾ entnommen sein, nachdem aus diesem ein Blatt ausgefallen ²⁾. Aber eine Fülle sonstiger gemeinsamer grösserer und kleinerer Corruptelen zeigt, dass die Annahme dieser gegenseitigen Unabhängigkeit unmöglich ist, dass vielmehr entweder eine Handschrift aus der anderen abgeschrieben ist, oder beide auf eine bereits stark verderbte Mittelquelle zurückgehen ³⁾, so dass für die im Vatic. 1418 nicht enthaltene Hälfte der Escorialensis die grundlegende Handschrift bildet ⁴⁾. Und nicht nur für diese Hälfte, denn der Vaticanus ist einerseits durch die von seinem Schreiber verwendete ätzende Tinte vielfach so zerfressen, dass die Lesungen unsicher sind, andererseits von Ursinus, der aus ihm die Excerpte des Polybius u. a. herausgegeben hat, derartig durchcorrigirt, dass man oft nicht mit Sicherheit entscheiden kann, wie die ursprüngliche Lesart lautete, und ob die Correcturen vom Schreiber, der sich vielfach selbst corrigirte, oder von Ursinus herkommen ⁵⁾. Nicht so maassgebend ist die Sammlung des Escorialensis für die Abtheilung de legationibus gentium, weil wir hier neben den durchaus in gleichem Verhältniss [т. е. так же, какъ въ области ELR.] zu einander stehenden Monacensis (185) und Bruxellensis (11317—21) ⁶⁾ und dem Theilstück im Neapolitanus III B 15 ⁷⁾ den vollständigen Ambrosianus N 135 sup. haben, dessen Vortrefflichkeit mit Recht von Mendelssohn in der Ausgabe des Appian und

¹⁾ Подъ „оригиналомъ“ де Бооръ подразумѣваетъ именно наззовскій кодексъ.

²⁾ Отсюда видно, что въ то время де Бооръ имѣлъ болѣе чѣмъ смутное представление какъ о форматѣ, такъ и о вмѣстимости листа наззовскаго кодекса.

³⁾ Объ этой — во всѣхъ своихъ частяхъ невѣрной — де-бооровской трилеммѣ см. ниже.

⁴⁾ Такая оцѣнка значенія ескориальской рукописи для критики текста ELR. главнымъ образомъ обусловлена крупнымъ заблужденіемъ, которому де Бооръ остается вѣренъ и донынѣ, — полагая, что эта рукопись является непосредственною копіей наззовскаго кодекса (ср. Exc. de legationibus ed. de Boor, praefat. XVI), тогда какъ она — подобно брюссельской, ватиканской и парижской рукописямъ (BVT) — списана съ августиньской рукописи (π).

⁵⁾ По поводу послѣднихъ замѣчаній де Воора считаю нужнымъ возразить, основываясь на собственномъ непосредственномъ знакомствѣ какъ съ ватиканскою, такъ и съ неаполитанскою рукописями, что — при условіи достаточно внимательнаго отношенія къ дѣлу сличенія этихъ рукописей, — въ громадномъ большинствѣ случаевъ со-всѣмъ не трудно отличать поправки самого писца отъ поправокъ Оренини.

⁶⁾ Здѣсь мы имѣемъ вторую де-бооровскую трилемму — еще менѣе удачную, чѣмъ даже первая; о ней также у меня будетъ рѣчь ниже.

⁷⁾ Другой „Theilstück“ ELG., — находящійся въ cod. Vaticanus gr. 1418, fol. 1—79, почему-то ускользнулъ отъ вниманія де Боора.

von Boissevain in der Ausgabe des Dio Cassius hervorgehoben ist. Aber wichtig bleibt der Escorialensis auch hier ¹⁾, insofern der Neapeler Codex dieselben Schädigungen aufweist wie der Vaticanus 1418. Somit fällt der Escorial-Handschrift für den grössten Theil der Sammlung die Rolle des Schiedsrichters zwischen den Handschriften in München und Brüssel einerseits und dem auch nicht fehlerfreien Ambrosianus andererseits zu ²⁾.

Таковы результаты де-бооровских „ислѣдованій“ въ области вышеупомянутыхъ важныхъ вопросовъ, — опубликованные *въ 1899 году* — до ознакомленія означеннаго ученаго съ результатами моихъ изслѣдованій, сообщенными въ Визант. Временникѣ 1898 года.

VI.

Какъ видимъ, де Бооръ въ 1899 году — несмотря на богатѣйшій рукописный матеріалъ, который уже тогда находился въ его распоряженіи ³⁾, — безъ всякихъ колебаній признавалъ непосредственными копіями паззовскаго кодекса не только амброзіанскую, но и всѣ три эскориальскія рукописи и даже обѣ принадлежавшія Орсини (codd. Vaticanus gr. 1418 и Neapolitanus III. B. 15), — продолжая такимъ образомъ оставаться на почвѣ ошибочнаго традиціоннаго мнѣнія, и отступая отъ послѣдняго лишь по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ паззовскаго кодекса и брюссельскихъ и мюнхенскихъ рукописей обоеихъ отдѣловъ извлеченій *пері презбеон*.

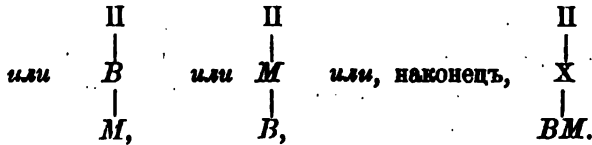
Что же касается этого вопроса, то де Бооръ въ сущности оставилъ его открытымъ, остановясь предъ двойной трилеммой, рѣ-

¹⁾ На самомъ дѣлѣ означенная эскориальская рукопись ELG., являющаяся непосредственной копіей амброзіанской рукописи (A), не имѣетъ ровню никакого значенія для критики текста ELG.

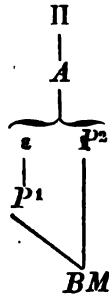
²⁾ Насколько правдивъ и удаченъ ототъ заключительный „выводъ“ де Боора, легко судить уже по тому курьезному обстоятельству, что въ области критическаго установленія текста большей части ELG. непосредственной копіи амброзіанской рукописи (codd. Escorialenses R. III. 21 и 13) присвоится роль „третьскаго судьи“ между двумя косвенными копіями (codd. Monacensis gr. 185 и Bruxellensis 11317 — 21) того же оригинала, съ одной стороны, и самимъ оригиналомъ (A), съ другой.

³⁾ Едва ли нужно пояснять, что этого матеріала было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы путемъ методическаго изслѣдованія его придти къ совершенно правильному рѣшенію даннаго вопроса.

шить которую безъ посторонней помощи онъ, очевидно, былъ не въ силахъ. Эту трилемму, которую я называю двойной, такъ какъ она одинаково относится и къ области ELG., и къ области ELR., можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

Однако ни одна изъ этихъ трехъ (госр. шести) догадокъ означеннаго „ислѣдователя“ не соответствуетъ дѣйствительности, такъ какъ — въ области ELG. — рукописи *BM* списаны съ ватикано-палатинской рукописи (*P*), начало которой (*P*¹ — cod. Vaticanus Palatinus gr. 411, fol. 5 — 112, приблизительно) списано съ августиновской рукописи (*ε*), а вся остальная часть (*P*²) — съ амброзіанской рукописи (*A*), которая послужила непосредственнымъ оригиналомъ (*Vorlage*) для *ε* и является единственной непосредственной копіей первой половины пазовскаго кодекса (*Π*). Эти взаимныя отношенія *ΠAεPBM* графически можно изобразить въ видѣ слѣдующей стеммы (которую я и рекомендую сравнить съ вышеприведенной дебооровской трилеммой):

А въ области ELR. взаимныя отношенія соответственныхъ рукописей таковы: единственною непосредственной копіей второй половины пазовскаго кодекса (*Π*) является августиновская рукопись (*π*); съ *π* была списана брюссельская рукопись (*B*), а съ *B* — одна утраченная рукопись (*x*), которая и послужила общимъ источникомъ для мюнхенской (*M*) и ватикано-палатинской (*P*). Для большей наглядности прилагаю и графическое изображеніе взаимныхъ отно-

кого значенія для критики текста какъ ELG., такъ и ELR.), все же его тогдашнее знакомство съ итальянскими рукописями вовсе не было настолько „lückenhaft“, чтобы именно этимъ обстоятельствомъ можно было объяснить столь крупныя несообразности, какими отличаются результаты его тогдашнихъ „ислѣдованій“, уже извѣстныя читателямъ; напротивъ, — едва ли подлежитъ сомнѣнію, что главнымъ образомъ вслѣдствіе „besonderer Beschränktheit“ де Бооръ не сумѣлъ доискаться въ 1899 же году правильнаго рѣшенія вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей ELG., — уже въ то время имѣя въ своемъ распоряженіи „das Material der drei die ganze Sammlung der Gesandtschafts-Excerpte enthaltenden Handschriften in München, Brüssel und im Escorial und einen erheblichen Theil des Materials der italienischen Handschriften [за исключеніемъ ватикано-паладинскихъ рукописей]“¹⁾. — Лишь при наличности именно „besonderer Beschränktheit“ могли остаться „неясными“ (unklar) для означеннаго „ислѣдователя“ между прочимъ даже взаимныя отношенія брюссельской и мюнхенской рукописей ELG.

Все сказанное мной по поводу опубликованныхъ въ 1899 году результатовъ „ислѣдованій“ де Боора въ области ELG. въ полной мѣрѣ распространяется и на результаты его „ислѣдованій“ въ области ELR. Мало того, — эти послѣдніе результаты даже въ большей степени свидѣтельствуютъ о „besonderer Beschränktheit“ означеннаго „ислѣдователя“, такъ какъ изъ пяти большихъ рукописей ELR., дошедшихъ до нашего времени (BEVMP), онъ не располагалъ въ 1899 году копиями только одной (P — cod. Vaticanus Palatinus gr. 413), — притомъ такой, которая вовсе не имѣетъ значенія для критики текста.

ii

VII.

По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ пазовскаго кодекса и брюссельскихъ и мюнхенскихъ рукописей обоихъ отдѣловъ извлеченій пері презвеон де Бооръ, какъ я уже говорилъ выше, ограничился лишь сообщеніемъ двойной трилеммы, воздержавшись отъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, какія изъ предложенныхъ имъ шести комбинацій слѣдуетъ признать наиболѣе правильными. Рѣшеніе этой послѣдней задачи, — принялъ на себя въ 1901 году Бюттнеръ-Вобстъ, ко-

¹⁾ *Sitzungsber.*, 1899, 934.

торый, какъ читателямъ уже извѣстно ¹⁾, не далѣе какъ въ 1900 году всецѣло находилси еще на почвѣ ошибочнаго традиціоннаго мнѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей извлеченій пері прѣсβεων.

Подобно де Боору Бюттнеръ-Вобстъ въ то время еще не былъ знакомъ съ результатами моихъ изслѣдованій, опубликованными въ *Византійскомъ Временникѣ* 1898, 476, а равно еще не зналъ и о существованіи ватикано-палатинскихъ рукописей. Зато въ его распоряженіи имѣлись полныя копіяи всѣхъ остальныхъ ²⁾ рукописей обоихъ отдѣловъ извлеченій пері прѣсβεων (*ABEMNV* и *BEMV*), относящіяся къ Polyb. ELG. р. 239,2—363,31 и ELR. р. 42,24—65,22 ed. de Boog ³⁾. Сверхъ того ему доступны были опубликованныя Жюстисомъ въ 1896 году копіяи брюссельскихъ рукописей къ Дексиппу, Евналію, Мальху, Менадру, Петру патрицію, Приску и Проконію ⁴⁾; къ Аппіану — копіяи амброзіанской, обѣихъ мюнхенскихъ и неаполитанской рукописей (изданіе Мендельсона), къ Зосиму — копіяи амброзіанской, обѣихъ мюнхенскихъ и ватиканской (изданіе Мендельсона), къ Кассію Діону — копіяи амброзіанской, обѣихъ брюссельскихъ, обѣихъ мюнхенскихъ и ватиканской (изданіе Буассована), къ Мальху, Петру патрицію и Приску — копіяи обѣихъ мюнхенскихъ рукописей (*Historici gr. min. ed. L. Dindorf, vol. I, praefat. LXI—LXXVII*), къ Дексиппу и Евналію — копіяи cod. Monacensis gr. 185 (*ibid.*, LIX—LXI), и т. д.

Ограничивъ сферу своего изслѣдованія лишь вышеупомянутой частью извлеченій изъ Полибія, Бюттнеръ-Вобстъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей извлеченій пері прѣсβεων пришелъ въ 1901 году къ выводу, что въ области какъ ELG., такъ и ELR. брюссельскія и мюнхенскія рукописи были списаны съ какой-то одной утраченной непосредственной копіи паззовскаго кодекса; что же касается остальныхъ рукописей, то онъ, продолжая оставаться на почвѣ

¹⁾ См. выше гл. II, гдѣ приводится выдержка изъ статьи Бюттнеръ-Вобста, помѣщенной въ *Philologie*, LIX (1900).

²⁾ Если оставить въ сторонѣ мелочь въ родѣ cod. Parisinus gr. 2463 (T), Bru-xellensis 8761 и т. п. рукописи, изъ которыхъ только T, въ которой содержится лишь начало ELR. (р. 1—8, 26 τελευτῶντες; по изданію де Боора), имѣютъ значеніе для критики текста.

³⁾ Эти копіяи Бюттнеръ-Вобстъ получилъ отъ Басса, де Боора, Грэвена, Жюстиса, Эмидіо Мартани и Спиро, а также онъ пользовался копіяи Швейгхейзера и Гульча.

⁴⁾ *Justice, Anecdota Bruxellensia*, III.

ошибочнаго традиціоннаго мнѣнія, считаль ихъ (не исключая и оригіневскіяхъ, т. е. codd. Vaticanus gr. 1418 и Neapolitanus III. B. 15) непосредственными копіями паззовскаго кодекса.

Такъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Der Codex Bruxellensis 11317 — 21. Ein Beitrag zum Corpus excerptorum historicorum des Konstantinos Porphyrogenetos“ (*Byz. Zeitschr.* X, 1901, p. 66—69), перечисливъ всѣ рукописи ELG., которыя были ему извѣстны въ то время (*AENVMB*), и предпославъ замѣтку, на которую не мѣшаетъ также обратить вниманіе (p. 67): „Dieselben [т. е. вышеупомянутыя рукописи] sind nun, wie längst bekannt, sämtlich von der Hand der Darmarios geschrieben ¹⁾, und es liegt somit die Annahme sehr nahe, dass sie alle aus dem oben erwähnten 1671 verbrannten Cod. Escorialensis [т. е. II] direkt abgeschrieben sind, wenn auch nur für den wegen seiner relativen Zuverlässigkeit oft gerühmten Ambrosianus ein positives Zeugnis dafür insofern vorliegt, als er auf der ersten Seite den Zusatz hat (s. Boissevain a. a. O. S. XXX) „ex antiquissimo libro S. Laurentii Scorialensis“ ²⁾, — онъ на основаніи детальнаго изслѣдованія вариантовъ брюссельской и мюнхенской рукописей ELG. въ предѣлахъ вышеуказанной части извлеченій изъ Полибія приходитъ къ заключенію, что де „für die behandelten Exzerpte aus Polybios eine verschollene, aus demselben Archetypus, dem verbrannten Escorialensis, abgeleitete, ziemlich verderbte Handschrift die Quelle von O [т. е. cod. Monacensis gr. 185] und W [т. е. cod. Bruxellensis 11317—21] ist“ ³⁾, — доказавъ взаимную независимость OW, которая исключаетъ возможность двухъ другихъ предположеній, т. е., чтобы „или O была списана съ W, или W съ O“.

Два предположенія, ошибочность которыхъ доказалъ Бюттнеръ-Вобстъ, какъ видимъ, совершенно тождественны съ двумя первыми элементами вышеупомянутой (второй) трилеммы де Боора; равнымъ образомъ тотъ выводъ, къ которому пришелъ Бюттнеръ-Вобстъ, называется вполне совпадающимъ съ третьимъ элементомъ той же де-бооровской трилеммы, а такъ какъ послѣдняя ошибочна во всемъ своемъ составѣ, то ясно, что фактически невѣренъ и выводъ Бюттнеръ-Вобста: въ предыдущей главѣ я уже говорилъ, что ру-

¹⁾ Оригіневскія рукописи (*NV*) написаны однако не самимъ Дармаріемъ, но его помощникомъ, — что впервые отмѣтилъ де Бооръ (*Exc. de legat., praefat., XIII*).

²⁾ Последнее сообщеніе неточно, ср. *Визант. Временикъ*, 1901, 481, примѣч. 1.

³⁾ *Byz. Zeitschr.* 1901, 68.

кописи *BM* (=WO, по обозначенію Бюттнеръ-Вобста) списаны съ дошедшей до нашего времени ватикано-палатинской рукописи (*P*), и что послѣдняя восходитъ къ пазовскому кодексу не прямо, но чрезъ посредство амброзіанской рукописи (*A*) — за исключеніемъ лишь начала (*P*¹), списаннаго съ агустиновской рукописи (*e*), которая въ свою очередь, подобно остальной части ватикано-палатинской рукописи (*P*²), является непосредственной копіей той же амброзіанской (*A*).

Свое ошибочное заключеніе Бюттнеръ-Вобстъ тогда же распространилъ, — правда, лишь въ весьма условной формѣ, — на брюссельскую и мюнхонскую рукописи и въ полномъ ихъ объемѣ, — притомъ не только въ области ELG., но и въ области ELR., — въ данномъ случаѣ преимущественно опираясь на результаты изслѣдованій де Боора, опубликованныя послѣднимъ въ 1899 году. „Ob nun“ — говоритъ Бюттнеръ-Вобстъ — „auch für die anderen im Bruxellensis erhaltenen Exzerpte ..... dasselbe gilt, entzieht sich vorderhand meiner Beurteilung, da ich über das nötige Material zur Entscheidung dieser Frage nicht verfüge; allein da de Boor (Sitzungsber. d. Kgl. preuss. Akad. d. Wiss. 1899, S. 931 f.) vermutet, dass auch der Monacensis 267 und der Bruxellensis 11301—16, ... die eine grosse gemeinsame Lücke haben und auch sonst in vielen Beziehungen übereinstimmen, entweder aus einander abgeschrieben sind oder auf eine stark verderbte Mittelquelle zurückgehen, so dürfte es wenigstens wahrscheinlich sein, dass beide Monacenses und beide Bruxellenses demselben verloren gegangenen Manuskript entstammen, einer Handschrift, die aus dem Original aller unsrer Exzerpthandschriften ziemlich flüchtig abgeschrieben war“¹⁾:

VIII.

Вскорѣ послѣ напечатанія своей статьи въ *Byz. Zeitschr.*, I. c., Бюттнеръ-Вобстъ въ томъ же самомъ 1901 году сдѣлалъ попытку поставить высказанное имъ общее предположеніе на болѣе солидную почву при помощи соответственнаго изслѣдованія рукописей ELR.

Ограничивъ и на этотъ разъ сферу своего изслѣдованія лишь частью извлеченій изъ Полибія, а именно ELR. p. 42,24—65,22 (по де-бооровскому изданію), онъ въ третьей главѣ („Die handschriftliche Ueberlieferung der exzerpta περί πρόσβαων Ῥωμαίων πρὸς εὐνοικός“)

¹⁾ Ibid., 68.

своихъ „Beiträge zu Polybios“ (Dresden, 1901, 20—26) на основаніи тщательнаго разсмотрѣнія и опѣнки вариантовъ четырехъ рукописей (codd. Bruxellensis 11301—16, Monacensis gr. 267, Escorialensis R. III. 14 и Vaticanus gr. 1418, — по его обозначенію WNVU) совершенно правильно выдѣлилъ (р. 21 sq.) брюссельскую и мюнхенскую рукописи (WN, а по моему обозначенію BM) въ особую группу независимую отъ обѣихъ остальныхъ рукописей взаимную независимость которыхъ онъ также констатировалъ совершенно правильно (р. 22), — но при рѣшеніи вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ WN онъ впалъ въ крупное заблужденіе — правда не по собственной винѣ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе не точности и неполноты жюстисовыхъ колляцій брюссельской рукописи (W), которыми ему пришлось пользоваться за неимѣніемъ иныхъ.

Избравъ исходнымъ пунктомъ при рѣшеніи упомянутого вопроса (первую) трилему де Боора ¹⁾, — „so ist entweder ein Codex aus dem anderen abgeschrieben, oder sie entstammen einer gemeinsamen Quelle“ (р. 21), — Бюттнеръ-Вобстъ призналъ брюссельскую и мюнхенскую рукописи взаимно независимыми, а потому и остановился на третьей части де-бооровской трилеммы, формулируя свое заключеніе слѣдующимъ образомъ (р. 22): „Daher bleibt nur übrig, dass, ebenso wie der Monacensis A 185 und der Bruxellensis 11317—21 aus einer gemeinsamen verlorenen Handschrift stammen (S. 20), auch der Monacensis B 267 (N) und der Bruxellensis 11301—16 (W), welche beide mit jenen Handschriften eng verbunden sind, insofern die beiden Monacenses und die beiden Bruxellenses die gesamten Exerpte über das Gesandtschaftswesen enthalten, aus einem verschollenen Manuskripte geflossen sind, das aus dem allen gemeinsamen cod. archetypus abgeleitet war“.

Этотъ выводъ, собственно относящійся лишь къ вышеупомянутой части ELR. изъ Полибія (р. 42,24—65,22 ed. de Boor.), которая, кстатіи сказать, составляетъ всего лишь $\frac{1}{10}$ (точнѣе $\frac{22}{227}$) общаго количества ELR. (227 страницъ по изданію де Боора), — Бюттнеръ-Вобстъ не замедлилъ распространить (ср. р. 25 sq.) на брюссельскую и мюнхенскую рукописи въ полномъ ихъ объемѣ, иными словами, — и на остальные $\frac{9}{10}$ общаго количества ELR., — на этотъ разъ высказывая соотвѣтственное предположеніе уже съ полной увѣренностью въ томъ, что оно правильно („woran ich nicht zweifele“, р. 26).

¹⁾ *Sitzungsher.* 1899, 933; см. выше, гл. VI.

Всецѣло совпадая съ третьимъ элементомъ вышеупомянутой неудачной трилеммы де Боора, это мнѣніе Бюттнеръ-Вобста со ipso обнаруживаетъ свою несостоятельность: такой рукописи E.L.R., которая была бы списана съ паззовскаго кодекса и въ то же время являлась бы общимъ непосредственнымъ источникомъ брюссельской и мюнхенской рукописей, нигдѣ и никогда не было, такъ какъ эта мюнхенская рукопись (вмѣстѣ съ cod. Vaticanus Palatinus gr. 413) оказывается косвенною копіей именно брюссельской рукописи, восходя къ послѣдней чрезъ посредство одной утраченной рукописи (x), что было мною доказано въ XXXV главѣ моихъ *Varia* ¹⁾, гдѣ, съ одной стороны, я привелъ изъ разныхъ эскерпированныхъ авторовъ (Полибій, Прискъ, Прокопій) рядъ примѣровъ, непереложно свидѣтельствующихъ о томъ, что именно брюссельская рукопись послужила — чрезъ посредство x — общимъ источникомъ для мюнхенской и ватикано-палатинской рукописей ²⁾, а, съ другой стороны, я подвергнулъ детальному критическому разбору всѣ шесть примѣровъ, приведенныхъ Бюттнеромъ-Вобстомъ въ доказательство независимости мюнхенской рукописи отъ брюссельской ³⁾, и констатировалъ полную несостоятельность всѣхъ этихъ аргументовъ ⁴⁾.

Въ предисловіи къ своему изданію извлеченій *περί πρέσβων* (Berol. 1903) де Бооръ утверждаетъ (р. XV), что „libros Bruxellenses et Monacenses cum multa menda gravia in utrisque inveniantur eadem, primus Buettner-Wobst demonstravit non ex codice archetypo transcriptos esse sed ex apographo valde corrupto“, — по спеціальнымъ соображеніямъ умалчивая о томъ, что Бюттнеръ-Вобстъ считалъ этотъ „арографон“ непосредственною копіей паззовскаго кодекса. Насколько, однако, вышеприведенныя слова де Боора соответствуютъ дѣйствительности, — это весьма легко можетъ понять всякій, кто, съ одной стороны, приметъ во вниманіе тѣ замѣчанія, которыя мною сдѣланы по поводу результатовъ изслѣдованій Бюттнеръ-Вобста, съ другой, — потрудится сопоставить де-бооровскую замѣтку, о которой идетъ рѣчь, напримѣръ, со слѣдующими словами самого Бюттнеръ-Вобста: „Ob nun auch für die anderen im Bruxellensis [11317—21] erhaltenen Exzerpte, die Justice a. a. O. S. 41 ff. sorgsam aufführt, dasselbe gilt,

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1902, ноябрь, 522—539.

²⁾ *Ibid.*, 529—532.

³⁾ *Beiträge zu Polybios*, 21.

⁴⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1902, ноябрь, 535—539.

entzieht sich vorderhand meiner Beurteilung, da ich über das nötige Material zur Entscheidung dieser Frage nicht verfüge“, и проч. ¹⁾).

Несмотря на фактическую ошибочность результатов изслѣдованій Бюттнеръ-Вобста въ области вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей извлеченій *περί πρέσβεων* — нельзя не признать, что въ сравненіи съ де Бооромъ онъ сдѣлалъ немалый шагъ впередъ, устранивъ обѣ неудачныхъ де-бооровскихъ трилеммы, рѣшить которыя безъ посторонней помощи самъ де Бооръ въ 1899 году не былъ въ состояніи, хотя и располагалъ несравненно болѣе обширными рукописными матеріалами, нежели Бюттнеръ-Вобстъ. Устранивъ эти злополучныя трилеммы, послѣдній внесъ болѣе определенности въ сферу выясненія вопроса о брусельскихъ и мюнхенскихъ рукописяхъ, и если ему не удалось придти къ болѣе правильнымъ выводамъ, то это произошло, конечно, не по его винѣ.

Остается добавить, что по вопросу о значеніи дошедшихъ до нашего времени рукописей ELG. и ELR. для критики текста воззрѣнія Бюттнеръ-Вобста, высказанныя имъ въ 1901 году ²⁾, въ основныхъ чертахъ совпадаютъ съ де-бооровскими ³⁾, но выгодно отличаются отъ послѣднихъ болѣе ясностью и определенностью формулировки.

IX.

Въ 1902 году де Бооръ въ *Sitzungsber. der Berliner Akademie*, 1902, 146 — 164, напечаталъ своей „Zweiter Bericht über eine Studienreise nach Italien zum Zwecke handschriftlicher Studien über byzantinische Chronisten“, который былъ прочитанъ въ засѣданіи философско-историческаго отдѣленія академіи 13-го февраля (нов. ст.) и затѣмъ вышелъ въ свѣтъ 20-го февраля 1902 г.

Этотъ „второй отчетъ“, всецѣло посвященный выясненію разнаго рода вопросовъ, касающихся рукописнаго преданія извлеченій *περί πρέσβεων*, и — за исключеніемъ лишь незначительной части — уже подвергнутый мною обстоятельному критическому разбору въ трехъ главахъ (XXXV — XXXVII) моихъ *Varia* ⁴⁾, — является весьма своеобраз-

¹⁾ *Byz. Zeitschr.* 1901, 68.

²⁾ *Ibid.* 68 sq. и *Beiträge zu Polybios*, 25 sq.

³⁾ *Sitzungsber.* 1899, 933.

⁴⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, октябрь — декабрь, стр. 467 — 585; 1903, августъ и сентябрь, 368 — 407; 1904, январь — мартъ, 31 — 103.

нымъ „вкладомъ“ и въ исторію вопроса о рукописномъ преданіи упомянутыхъ извлеченій.

Оставляя пока въ сторонѣ выясненіе наиболее характерныхъ свойствъ этого „ислѣдователя“, выдающіяся способности котораго уже въ достаточной мѣрѣ обнаружались въ его первомъ „отчетѣ“¹⁾, — я прежде всего приступаю къ краткому критическому обзорѣнню тѣхъ „результатовъ“, опубликованныхъ имъ въ *Sitzungsber.* 1902, къ которымъ онъ пришелъ еще въ 1901 году на основаніи своихъ самостоятельныхъ, съ одной, и якобы самостоятельныхъ, съ другой стороны, изслѣдованій въ данной области, — уже не только располагая полными коллѣціями всѣхъ уцѣлѣвшихъ рукописей извлеченій *peri presbeon* (за исключеніемъ лишь рукописей совершенно не имѣющихъ значенія — вродѣ *cod. Bruxellensis 8761* или *cod. Ambrosianus G 72 inf.*), — но и познакомившись съ результатами моихъ изслѣдованій, сообщенными въ *Визант. Временникъ* 1898 г.

По вопросу о рукописномъ преданіи *ELG.* де Бооръ резюмируетъ результаты своихъ „ислѣдованій“ слѣдующимъ образомъ: „*Fasson* wir das Resultat der Untersuchung über die Handschriften der *Excerpto de legationibus gentium* zusammen, so hat sich ergeben, dass der *Ambrosianus* der einzige für eine Ausgabe in Betracht kommende Codex ist. Die Handschriften in Brüssel und München, die *Vaticani Palatini 410—412* und der *Scorialensis R III 13* sind als sicher nachgewiesene Copien von A aus dem Apparat völlig auszuschneiden, aber auch beim *Scorialensis R III 21* und den Handschriften des *Ursinus* ist dies Abhängigkeitsverhältniss so wahrscheinlich, dass den abweichenden Lesarten derselben keinerlei Gewicht beizulegen ist“²⁾.

Къ этому *résumé* необходимо сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній.

1. Основной результатъ (признаніе амбросіанской рукописи единственною рукописью, имѣющею значеніе для критики текста *ELG.*) — правиленъ, но вовсе не новъ, такъ какъ онъ уже былъ предвосхищенъ мною въ 1898 году³⁾.

2. Признаніе брюссельской (*B*) и мюнхенской (*M*) рукописей козенными копіями амбросіанской (*A*) — правильно, но также не

¹⁾ *Sitzungsber.* 1899, 932 sq.; ср. выше гл. V.

²⁾ *Sitzungsber.* 1902, 163.

³⁾ *Визант. Временникъ*, 1898, 476 и 480.

блещеть новизною, такъ какъ и этотъ результатъ уже былъ предвосхищенъ мною съ 1898 году ¹⁾. Напротивъ, новымъ, но невѣрнымъ результатомъ де-бооровскихъ „ислѣдованій“ оказывается его мнѣніе ²⁾, что *VM* списаны не непосредственно съ ватикано-палатинской рукописи (*P*), но съ какой то „утраченной“ рукописи (я буду обозначать ее буквой *z*), — каковая безъ всякой необходимости сочинена самимъ де Бооромъ ³⁾.

3. Признаніе ватикано-палатинской рукописи (*P*) копией *A* — правильно, но также не блещеть новизной, такъ какъ и этотъ результатъ уже былъ предвосхищенъ мною съ 1898 году ⁴⁾. Напротивъ, ново, но совершенно невѣрно мнѣніе де Боора ⁵⁾, будто *P* списана съ какой то „утраченной“ рукописи (*y* — по моему обозначенію), которую означенный „ислѣдователь“ считаетъ непосредственною копией *A* и общимъ непосредственнымъ источникомъ *P* и нѣкоторой части агустиновской рукописи (*z* — по моему обозначенію). Дѣло въ томъ, что и эта „утраченная“ рукопись (*y*) совершенно произвольно сочинена самимъ де Бооромъ ⁶⁾. Что же касается дѣйствительныхъ отношеній, въ какихъ находятся между собою рукописи *A* & *P*, то они графически изображены мною выше, въ гл. VI.

4. Признаніе эскориальскихъ рукописей R. III. 13 и 21 копиями *A* — правильно, но не ново, — такъ какъ этотъ результатъ былъ уже предвосхищенъ мною съ 1898 году ⁷⁾. Попутно считаю нелишнимъ подчеркнуть тотъ фактъ, что де Бооръ все же не сумѣлъ доказать, что cod. Escorialensis R. III. 21 дѣйствительно списанъ съ амброзіанской рукописи, а потому и заключеніе его по этому вопросу оказывается не „sicher“, а только „wahrscheinlich“, хотя бы и „im höchsten Grade“ ⁸⁾. О крупныхъ недостаткахъ его аргументаціи (*Sitzungsber.* 1902, 158—160), — встаетъ сказать, приводящей де Боора къ скром-

¹⁾ Ibid. 476.

²⁾ *Sitzungsber.* 1902, 157.

³⁾ См. по этому поводу мои замѣчанія въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, декабрь, 559—568.

⁴⁾ *Визант. Временникъ*, 1898, 476.

⁵⁾ *Sitzungsber.* 1902, 157 и 161.

⁶⁾ См. по этому поводу мои замѣчанія въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, декабрь, 558—568.

⁷⁾ *Визант. Временникъ*, I. с.

⁸⁾ О повиднѣншемъ превращеніи (по благоусмотрѣнію самого же де Боора) этого „въ высочайшей степени вѣроятнаго“ результата въ „dubium“ читатели узнаютъ ниже.

ному заключенію: „so dürfte doch das Urtheil dahin ausfallen, dass Sc[orialensis R. III. 21] eine relativ vorzügliche Abschrift von A sei“ (ibid., 159), которое лишь позже какими то судьбами превращается въ „im höchsten Grade wahrscheinlich“ (ibid., 163),— мнѣ уже пришлось подробно говорить въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, сентябрь, 385—404.

5. Наконецъ, по поводу признанія де Бооромъ зависимости орсиніевскихъ рукописей (codd. Neapolitanus III. B. 15 и Vaticanus gr. 1418, fol. 1—79) отъ амброзіанской слѣдуетъ замѣтить, что и этотъ результатъ правиленъ, но въ сущности тоже не отличается новизною. Дѣло въ томъ, что въ 1898 году я находилъ весьма вѣроятнымъ отождествленіе *A* съ агустиновскою рукописью ¹⁾, а такъ какъ уже Шульце въ 1866 году — задолго до де Боора, который тѣмъ не менѣе въ *Sitzungsber.* 1902 p. 160 умалчиваетъ объ этой заслугѣ своего предшественника, — констатировалъ, что орсиніевскія рукописи были списаны съ агустиновской ²⁾, то ясно, что изъ выше упомянутаго моего предположенія (предвосхищеннаго Кисслингомъ) о тожествѣ *A* съ агустиновскою рукописью само собою вытекало заключеніе, что орсиніевскія рукописи (*V*, fol. 1—79, и *N*) были списаны съ амброзіанской (*A*).

Правда, этотъ послѣдній выводъ нуждался въ поправкѣ, такъ какъ (предвосхищенное Кисслингомъ) мое предположеніе о тожествѣ *A* съ агустиновскою рукописью не подтвердилось, — но внесенная де Бооромъ поправка не можетъ быть признана вполне удовлетворительной, такъ какъ, во-1-хъ, сама эта поправка нуждается въ немаловажномъ исправленіи, оказываясь въ двухъ отношеніяхъ ошибочною, а во-2-хъ, она не имѣетъ подъ собою достаточно солидной почвы, какъ это видно уже изъ того обстоятельства, что и самъ де Бооръ ³⁾ признаетъ ее не „sicher“, но лишь „wahrscheinlich“ (хотя и „im höchsten Grade“); не говорю уже о томъ поистинѣ курьезномъ фактѣ, что этотъ „въ высочайшей степени вѣроятный“ результатъ дебооровскихъ изслѣдованій не далѣе какъ черезъ годъ превратился уже въ „dubium“ притомъ по благоусмотрѣнію самого же де Боора ⁴⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 455. 476, ср. выше гл. I.

²⁾ См. выше гл. III.

³⁾ *Sitzungsber.* 1902, 163 и 161 (см. ниже).

⁴⁾ Exc. de legationibus ed. de Boor, Berol. 1903, praefat. XV: „Dubium igitur videtur esse utrum alia via ex codice archetypo fluxerint [libri Augusti-

По мнѣнію означеннаго „изслѣдователя“ ¹⁾ орсиніевскія рукописи (V, fol. 1—79, и N) были списаны съ августиновской ²⁾, а эта послѣдняя — съ амброзіанской (A) — за исключеніемъ лишь нѣкоторой части (агустиновской рукописи), а именно „eine ganz kurze Strecke, in den Excerpten aus Arrian und im Beginn der Excerpte aus Appian, etwa..... ein Siebentel der gesammten Appian-Excerpte“ ³⁾, — якобы списанной съ „утраченной“ рукописи y, которая какъ мнѣ уже приходилось говорить выше (п. 3), *просто сочинена самими де Бооромъ.*

Первая часть формулированнаго мною мнѣнія или, лучше сказать, *предположенія* де Боора — въ общемъ правильна, но совершенно не нова, такъ какъ то же самое уже давнымъ давно было высказано Эрнстомъ Шульце ⁴⁾; наоборотъ, вторая часть (отмѣченная разрядкой) по ближайшемъ ея разсмотрѣніи оказывается — новымъ, но совершенно невѣрнымъ предположеніемъ. Объ ошибочности послѣдняго достаточно ясно свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что оно неразрывно связано съ необходимостью сочинить спеціально для этой цѣли „утраченную“ рукопись (y), каковой однако въ дѣйствительности нигдѣ и никогда не было.

Резюмируя сказанное выше по поводу результатовъ де-бооровскихъ „изслѣдованій“ въ области ELG., естественно приходимъ къ слѣдующей общей оцѣнкѣ выводовъ означеннаго „изслѣдованія“: всѣ новые результаты де Боора неправильны, а всѣ правильные — не новы, такъ какъ послѣдніе оказываются уже предвосхищенными либо мною (1898), либо Эрнстомъ Шульце (1866).

III. Крашенинниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

niani, e quibus originem ducunt Ursiniani, et Eb (т. е. cod. Escorialensis R. III. 21) an ex ipso codice A“.

¹⁾ Ср. *Sitzungsber.* 1902, 160 sq.

²⁾ Августиновская рукопись ELG. состояла изъ двухъ томовъ (codd. Escorialenses IV. H. 6 и 7, по послѣдней сигнатурѣ) и спорѣла вмѣстѣ съ третьимъ томомъ (cod. Escorialensis IV. H. 8), содержавшимъ ELR., а равно и съ самимъ пазовскимъ кодексомъ въ 1671 году.

³⁾ *Sitzungsber.* 1902, 160. — Попутно замѣчу, что упомянутая „kurze Strecke“ находилась во второмъ томѣ августиновской рукописи (IV. H. 7).

⁴⁾ См. выше гл. III.

Содержаніе
ТРИСТА-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ПЕРВОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(сентябрь и октябрь 1905 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

**ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ
СЕНАТУ.**

	Стран.
20-го августа 1905 года	68
6-го сентября 1905 года	69

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (12-го февраля 1905 года). Объ учрежденіи при Мариупольскихъ мужской и женской гимназіяхъ стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича 3
2. (19-го февраля 1905 года). О присвоеніи Аткарской женской гимназіи Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича . . . . .
3. (12-го марта 1905 года). Объ учрежденіи при Московскомъ мужскомъ мѣщанскомъ училищѣ 50 стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича . . . . .

4. (23-го мая 1905 года). О предоставлении русским учителям и учительницам русско-туземных училищ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей и Внутренней Киргизской Орды, Астраханской губернии, служебных и пенсионных прав, присвоенных тем же лицам в русско-туземных училищах Туркестанского края 4
5. (23-го мая 1905 года). О кредитъ на устройство и содержание низшей ремесленной школы при Юго-Кнауфском заводе, Осинского уезда, Пермской губернии 5
6. (23-го мая 1905 года). О кредитъ на устройство и содержание низшей ремесленной школы в городъ Мозырь, Минской губернии 6
7. (23-го мая 1905 года). Объ учрежденіи въ Московской 5-й, Уфимской и Иркутской мужскихъ гимназіяхъ, Калужскомъ, Астраханскомъ и Кутаисскомъ реальныхъ училищахъ четвертыхъ должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ 7
8. (30-го мая 1905 года). О кредитъ на устройство и содержание в городъ Калезинъ, Тверской губернии, при низшемъ механико-техническомъ училищѣ низшей ремесленной школы 8
9. (30-го мая 1905 года). Объ учрежденіи в городѣ Свенцѣнахъ, Виленской губернии, Маріинскаго женскаго училища 9
10. (30-го мая 1905 года). Объ учрежденіи класса ручного труда при Оренбургской киргизской учительской школѣ 10
11. (30-го мая 1905 года). Объ учрежденіи класса ручного труда при Читинской учительской семинаріи 11
12. (12-го марта 1905 года). Объ учрежденіи стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича при Елисаветпольскомъ городскомъ шестиклассномъ училищѣ 69
13. (12-го марта 1905 года). Объ учрежденіи в гор. Витебскѣ семиклассной женской гимназійи и о присвоеніи этому учебному заведенію Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича . . . . . —
14. (12-го марта 1905 года). Объ открытіи в С.-Петербургѣ, на средства города, женскаго четырехкласснаго городского училища и объ учрежденіи новаго такового же училища и о присвоеніи какъ сему послѣднему, такъ и учреждаемому на городскія средства мужскому четырехклассному городскому училищу Имени Императора Петра Великаго 70
15. (19-го марта 1905 года). О предоставленіи начальствамъ учебныхъ округовъ права опредѣлять врачей безъ жалованья, но съ правами государственной службы, присвоенными медицинскимъ чиновникамъ, в низшія ремесленныя школы Имперіи . . . . . —
16. (19-го марта 1905 года). О присвоеніи приходскимъ училищамъ в городѣ Калугѣ—второму мужскому, первому и пятому женскимъ особаго наименованія: приходскія училища в память Императора Александра II . . . . . —

17. (19-го марта 1905 года). О присвоении общезнанию при Гельсингфорской женской гимназии имени вдовы бывшего Финляндского генераль-губернатора, генераль-адъютанта Вобрикова, Елисаветы Ивановны Вобриковой 71
18. (19-го марта 1905 года). О присвоении Пензенскимъ 8-му мужскому и 7-му женскому начальнымъ училищамъ и земскому училищу въ селѣ Костредахъ, Вязьмцаго уѣзда, Тверской губерніи, наименованіи училищъ Имени Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича . . . . . —
19. (26-го марта 1905 года). Объ учрежденіи при Каменецъ-Подольскихъ мужской гимназии и среднемъ техническомъ училищѣ стипендій Имени Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича . . . . . —
20. (2-го апрѣля 1905 года). О присвоеніи учреждаемымъ Анапьевскимъ уѣзднымъ земствомъ двумъ стипендіямъ въ Анапьевскихъ мужской и женской гимназіяхъ Имени Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича 72
21. (2-го апрѣля 1905 года). О присвоеніи вновь открытой въ гор. Вобровѣ женской прогимназии и учреждаемымъ при ней тремъ стипендіямъ Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича . . . . .
22. (2-го апрѣля 1905 года). О присвоеніи 13-му городскому начальному училищу въ гор. Екатеринодарѣ и Пидемскому земскому училищу, Олонцкой губерніи и уѣзда, наименованій „Алексѣевскихъ“ . . . . . —
23. (22-го апрѣля 1905 года). Объ утвержденіи списка техническихъ должностей по военному вѣдомству, кои могутъ быть предоставлены, соотвѣтственно получаемому специальному образованію, лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія 73
24. (30-го апрѣля 1905 года). Объ учрежденіи при трехъ Екатеринославскихъ городскихъ училищахъ трехъ стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича 75
25. (30-го апрѣля 1905 года). О присвоеніи 3-му Стерлитамакскому начальному училищу Имени Царя-Освободителя Императора Александра II 76
26. (30-го апрѣля 1905 года). Объ учрежденіи при Тифлисскихъ женскихъ Великой Княгини Ольги Феодоровны 1-й и 2-й гимназіяхъ десяти стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича . . . . .
27. (30-го апрѣля 1905 года). О присвоеніи Оршаицкой женской гимназии наименованія „Алексѣевская“ въ ознаменованіе высокородостнаго событія рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича . . . . . —
28. (30-го апрѣля 1905 года). Объ учрежденіи при Ставропольской (Самарской губерніи) женской прогимназии на средства города десяти стипендій Имени Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича 77

29. (30-го апрѣля 1905 года). Обь учрежденіи при Волховскомъ городскомъ училищѣ десяти стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича	77
30. (7-го мая 1905 года). О принятіи Кяпелскаго евангелическо-лютеранскаго училища Петергофскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи, подъ покровительство Его Высочества Герцога Георгія Георгиевича Мекленбургъ-Стрелицкаго	—
31. (7-го мая 1905 года). Обь учрежденіи при Новомосковской женской прогимназій на средства города двухъ стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича	78
32. (7-го мая 1905 года). О присвоеніи десяти стипендіямъ, учреждаемымъ сызранскими ремесленниками при начальныхъ училищахъ гор. Сызрани, Симбирской губерніи, наименованія „Стипендіи Имени Цесаревича Алексѣя“	—
33. (14-го мая 1905 года). Обь учрежденіи трехъ стипендій Имени Государя Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича при Маргеланскихъ мужской и женской гимназіяхъ	—
34. (21-го мая 1905 года). Обь учрежденіи при Бѣгородской женской гимназій стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича	79
35. (21-го мая 1905 года). О преобразованіи женской прогимназій, содержимой А. М. Фрацке въ гор. Варшавѣ, въ полную гимназію	—
36. (30-го мая 1905 года). Обь учрежденіи для завѣдыванія начальными училищами города Нижняго-Новгорода особаго училищнаго общества и особой должности инспектора народныхъ училищъ	—
37. (6-го іюня 1905 года). Обь измѣненіи годовой платы за содержаніе воспитанниковъ учительскихъ институтовъ	80
38. (6-го іюня 1905 года). О кредитѣ на постройку зданія для низшей ремесленной школы въ деревнѣ Айкнино	81
39. (13-го іюня 1905 года). О служебныхъ правахъ должностныхъ лицъ дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ, учрежденныхъ на основаніи закона 25-го мая 1899 года	82
Высочайшія награды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.	12
Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.	
(27-го іюня 1905 года, № 48)	20
(2-го іюля 1905 года, № 50)	22
(9-го іюля 1905 года, № 52)	27

Е. В. Петуховъ. Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ въ послѣдній періодъ своего существованія (1855—1902). I—II	264
В. П. Петецъ. Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи	345

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. О. Ольденбургъ. Англійско-индійскій походъ въ Тибетъ 1904 года	134
✓ И. А. Шлякинъ. П. Г. Васенко. „Книга степенная царскаго родословія“. С.-Пб. 1904	151
К. О. Радченко. Новый болгарскій журналъ по этнографіи	157
✓ А. М. Лобода. Новѣйшія записки былиль	161
✓ А. Н. Сборникъ статей по исторіи права. Кіевъ. 1904	180
Г. М. Князевъ. Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. С.-Пб.	198
К. Г. Вобльй. <i>Prof. Dr. J. Conrad. Grundriss zum Studium der Oekonomie.</i> Jena 1902	213
✓ В. П. Бузескуль. <i>Проф. P. Виннеръ.</i> Лекціи по исторіи Греціи. Часть I. М. 1905	405
Э. Л. Радловъ. <i>Сикорскій, П. А.,</i> проф. Всеобщая психологія съ физиогномикой въ иллюстрированномъ изложеніи. Кіевъ 1905	436
✓ Д. К. Петровъ. <i>Л. Шенгевичъ.</i> Историко-литературныя этюды. С.-Пб. 1905	439
✓ К. О. Радченко. Статьи по славяновѣдѣнію. Вып. I. С.-Пб. 1904	443
Е. П. Трифилъевъ. Отвѣтъ г. Мавлову-Сильванскому	453
— Книжныя новости	223 и 470

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

✓ Н. И. Ашмаринъ. Нѣсколько словъ о современной литературѣ казанскихъ татаръ	1
П. О. Рудольфъ. Значеніе начальной школы въ распространеніи доступнаго промышленнаго образованія	33
Д. Г. Гилицбургъ. Начало просвѣщенія въ Сибири	58
А. Г. Шалыгинъ. Народное образованіе въ Уругваѣ (<i>окончаніе</i>).	62
А. И. Анастасіевъ. Народныя учительницы	113
С. Г. Сироткинъ. Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи (<i>окончаніе</i>)	135
** О временномъ прекращеніи занятій въ Томскомъ учительскомъ институтѣ	199

Отзывы о книгахъ:

Э. Л. Радловъ. <i>М. Клечковскій.</i> Современное воспитаніе и новые пути по Эльсландеру	76
--	----

В. Т. Э. Паркеръ. Китай, его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней	77
И. И. Белларминовъ. <i>А. Соколовъ</i> . Краткій учебникъ географіи.	79
Ае. Э. Соколовъ. <i>Гусевъ, А.</i> Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка	82
О. Д. Хвольсонъ. <i>Г. А. Лоренцъ</i> . Видимыя и невидимыя движенія	89
— Общедоступныя бесѣды Джона Гимдала	—
В. В. Синовскій. <i>Луиза М. Олькоттъ</i> . Старосвѣтская дѣвушка .	90
— Сказки Кота Мурлыки	91
— <i>Луиза М. Олькоттъ</i> . Джекъ и Джилль	—
— <i>Н. Г. Яблонскій</i> . „Въ листопадъ“	92
— <i>Л. Нелидова</i> . „Радость“	93
— <i>Д. Н. Маминъ-Сибирякъ</i> . Рождественскіе огни	—
— <i>Бьернстернъ-Бьерисонъ</i> . Зиновія Салбаккенъ	—
И. А. Ивановскій. <i>И. П. Кутчиновъ</i> . Крестьянское самоуправленіе	94
В. В. Синовскій. Утинскій сборникъ	95
А. А. Ларондъ. <i>А. Pouchery</i> . Anthologie des poètes et des prosateurs français	96
И. Э. Анненскій. <i>П. Тюленевъ</i> . Сборникъ рассказовъ и стихотвореній	204
А. Г. Филоновъ. <i>А. Алферовъ, А. Грузинскій, Э. Нелидовъ, С. Смирновъ</i> . Десять чтеній по литературѣ	ЖБ
И. И. Белларминовъ. <i>Саритъ-Чиндри Дагъ</i> . Путешествіе въ Тибетъ	212
— <i>Н. Г. Калабузовъ и Н. Г. Яблонскій</i> . Страна тепла и солнца .	214
А. А. Ларондъ. <i>А. Мусиновичъ</i> . Методика преподаванія новыхъ иностранныхъ языковъ	215
Я. Г. Моръ. Сборникъ современной нѣмецкой прозы	217
А. Г. Барановъ. По поводу отзыва г. Радонежскаго о нѣкоторыхъ книгахъ для начальныхъ училищъ	104
Я. Г. Моръ. Нѣсколько словъ по поводу двухъ рецензій	219
Проф. В. М. Коляловичъ. Отвѣтъ г. Герну	220
— Книжныя новости	222

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Л. Лоръ. Письмо изъ Парижа	1
Наши учебныя заведенія. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1904 году .	27
И. И. Белларминовъ. Къ вопросу объ институтѣ классныхъ наставниковъ и о преподаваніи нѣсколькихъ предметовъ однимъ и тѣмъ же преподавателемъ въ прусскихъ гимназіяхъ	66
Е. Э. Карскій. А. И. Смирновъ (<i>некрологъ</i>)	77

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

И. В. Нетушилъ. Вопросы древняго Латія (<i>продолженіе</i>)	397
В. В. Варнеке. Письма Аристенета	409
И. Д. Черновъ. Синтаксическая роль союза <i>ut</i> въ латинскомъ языкѣ и генезисъ придаточнаго предложенія	422
Г. Э. Зенгеръ. Замѣтки къ неолатинскимъ текстамъ	433
М. Н. Крашенинниковъ. Къ исторіи вопросовъ о рукописномъ преданіи константинопольскихъ извлеченій <i>περὶ τρέσβεων</i>	454

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—3

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1905 годъ

(16-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе сентябрьской книжки, имѣющей выйти въ первыхъ числахъ октября, слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Изъ исторіи русской средней школы. *С. Полякова*; 3) Очеркъ реального и профессиональнаго образованія въ Германіи, Австріи и Франціи. (По личнымъ наблюденіямъ) графа *А. А. Мусина-Пушкина*; 4) Чѣмъ жива Швейцарія. *Ш. А. П. Готлиба*; 5) Гигіена воспитанія и образованія. (Продолженіе) Проф. *Ир. Скворцова*; 6) Очерки по психологіи дѣтства. (Продолженіе) *А. И. Нечасова*; 7) Изъ міра педагогическихъ мечтаній. *Евг. Лозинскаго*; 8) Къ дефектамъ средней школы. *Senex'a*; 9) Что могутъ и должны давать народу наши начальныя народныя училища. (Продолженіе) *А. А. Красова*; 10) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1904 г. (Продолженіе). *И. П. Ыльконскаго*; 11) Парадоксы о преподаваніи художественной литературы. *Н. Петрова*; 12) Учебная копторка. *Кипермана*; 13) Забѣтки о процессѣ обученія грамотѣ. *К. Кудрявцева*; 14) Критика и библиографія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромя отдѣла критики и библиографіи, печатаются: Хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ *Е. Р.*, Хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ *И. В. Абрамова*, Хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Д. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*, Хроника профессиональнаго образованія *В. В. Бирюковича* и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкой—7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—восемь рублей; за границу—десять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ“ въ 1901 году.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

НОВАЯ КНИГА:

БУКЕРЪ Т. ВАШИНГТОНЪ.**ИЗЪ РАБСТВА — КЪ БЛАГАМЪ ЖИЗНИ**

(АВТОВІОГРАФІЯ).

СЪ АНГЛІЙСКАГО ПЕРЕВЕЛЪ

заслуженный профессоръ А. Д. Романовъ.

РУССКОЕ ИЗДАНИЕ

при содѣлствіи автора и съ разрѣшенія американскихъ издателей
оригинала.

СОБСТВЕННОСТЬ

Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Цѣна безъ переплета 1 р. 50 к., въ золотообрѣзномъ переплетѣ 2 р.
Выписывающіе изъ Правленія Кассы литераторовъ (Спб. Троицкая
ул. 11, кв. 19) за пересылку не платятъ.

ПОРТРЕТЫ

НОВОСТЬ!

Прекр. раб. 24×30 сант. въ пасп. и широк. рамѣ съ уп. 3 р.

Такой же артист. отдѣл. краск. 4 р. Пересыл. за сч. заказъ.

Предлаг. свѣтов. карт. прекр. раб. на стекл. по 25 к. къ разн.

чт. катал. безпл.

В. СТЕПАНОВЪ, СПБ., Невскій 69.

Въ кассѣ Сенатской типографіи продаются:

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

объ учрежденіи Государственной Думы, съ приложеніемъ:
Учрежденія Государственной Думы и Положенія о выборахъ
въ Государственную Думу.

Цѣна 30 коп.

„РАЗСКАЗЫ“

ВЛАДИМИРА ПРЖЕВАЛИНСКАГО.

Ц. 50 к., съ перес. 65 к. (можно высылать почт. марками.—Налож.
платежъ на 10 к. дороже).

ВЕСЬ ЧИСТЫЙ ДОХОДЪ ОТЪ ИЗДАНІЯ ПОСТУПАЕТЪ ПОРОВНУ
НА УСИЛЕНІЕ БОЕВОГО ФЛОТА

и на постройку дачи для больныхъ и переутомившихся труженниковъ
Сенатской типографіи.

Н. В. МУРАВЬЕВЪ.

Последніи рѣчи. 1900—1903 г.г. Сиб. 1903 г.

Цѣна 1 руб.

Окладъ въ Сенатской типографіи.

ЗАКОНЪ

О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ УВѢЧНЫХЪ РАБОЧИХЪ.

Цѣна 20 коп.

О преобразованіи С.-Петербургскаго городского общественнаго управленія,
объ отиѣнѣ взыскапія съ паспортныхъ документовъ сборовъ въ доходъ
г.С.-Петербурга подъ наименованіемъ адреснаго и прописочнаго и о порядкѣ
ревизіи денежныхъ отчетовъ С.-Петербургскаго общественнаго управленія.

Цѣна 20 коп.

ОПИСАНІЕ И ПРАВИЛА

НОШЕНІЯ ФОРМЕННОЙ ОДЕЖДЫ ДЛЯ ЧИНОВЪ ВѢДОМСТВЪ:

1. МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ. ЦѢНА 25 КОП.
2. ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ. ЦѢНА 20 КОП.
3. ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА.
ЦѢНА 20 КОП.
4. ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ. ЦѢНА 20 КОП.
5. МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ. ЦѢНА 20 КОП.
6. МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ. ЦѢНА 20 КОП.
7. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ. ЦѢНА 20 КОП.
8. МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. ЦѢНА 20 КОП.
9. МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ
ИМУЩЕСТВЪ. ЦѢНА 20 КОП.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

22 МАРТА 1903 ГОДА

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ.

ЦѢНА 50 КОП.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

13 ЯНВАРЯ 1903 ГОДА

ОБЩИЙ ТАМОЖЕННЫЙ ТАРИФЪ

ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТОРГОВЛѢ.

ЦѢНА 50 КОП.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

10 ІЮЛЯ 1900 ГОДА

УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ

СЪ ОТНОСЯЩИМИСЯ КЪ ОНОМУ РАСПОРЯЖЕНІЯМИ МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Изданіе второе, дополненное. ЦѢНА 25 КОП.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ

бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него. составленный на основаніи ст. 10 Высочайше утвержденнаго 10 іюля 1900 г. Устава о гербовомъ сборѢ.

ЦѢНА 50 КОП., въ переплетѣ 65 КОП.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

27 МАЯ 1902 ГОДА

УСТАВЪ О ВЕКСЕЛЯХЪ.

ЦѢНА 50 КОП.

П Р А В И Л А

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ ПОЛОЖЕНІЯ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХЪ ДѢТЕЙ.

Цѣна 25 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныя правила, а также распоряженія **Министра Финансовъ** о приѣмѣ товаровъ въ вѣдѣніе таможенныхъ учрежденій, досмотрѣ, оплатѣ пошлиною и выпускѣ.

Цѣна 50 коп.

I. Именной **Высочайшій указъ** объ отъѣмѣ ссылки на житье пограниченій ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ общественнымъ—**II.** **Высочайшій утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта** объ отъѣмѣ ссылки и утвержденіи временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки на поселеніе и житье другими наказаніями.

Цѣна 15 коп.

Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ узаконеній относительно общихъ собраній и ревизионной части акціонерныхъ компаній, а равно состава правленій оныхъ.

Цѣна 30 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О РИЖСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Цѣна 20 коп.

ОБЪ ОТВОДѢ ЧАСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ КАЗЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ СИБИРИ.

Цѣна 50 коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О ПЕНСИОННОЙ КАССѢ

СЛУЖАЩИХЪ НА КАЗЕННЫХЪ ЖИЗНЕННЫХЪ ДОРОГАХЪ.

Цѣна 20 коп.

Объ утвержденіи инструкціи присутствіямъ по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ, чинамъ фабричнаго и горнаго надзора, а также учрежденіямъ и лицамъ, ихъ замѣняющимъ,—по примѣненію правилъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ и служащихъ, а равно членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности.

Цѣна 20 коп.

ПРАВИЛА О ПРИВОЗѢ ИНОСТРАННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

Цѣна 35 коп.

Н А С Т А В Л Е Н І Е

о порядкѣ освидѣтельствованія, распределенія, регистраціи и przeprowadенія ссыльныхъ.

Цѣна 20 коп.

Сенатскій Архивъ Т. XI.

- 1) Протоколы Правительствующаго Сената 1759 г., 2) Указы и повелѣнія Императрицы Екаторины II, 3) Протоколы Правительствующаго Сената 1760 г. и 4) Указатель.
Цѣна 3 руб.

УРОЧНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНЫХЪ РАБОТЪ.

(Высочайше утверждено 17-го Апрѣля 1869 года).

Въ переплетѣ цѣна 1 руб. 50 коп.

Цѣны обозначены съ пересылкою.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

РѢШЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ПО ВОПРОСАМЪ ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ АДМИНИСТРАТИВНАГО ВѢДОМСТВА ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ ДОЛЖНОСТИ.

(1868—1896 г.).

Составилъ: Членъ Консультацин, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, исп. обяз. товарища Оверъ-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената *В. Н. Тимофеевскій* и вѣдущій Оверъ-Секретарь того-же Департамента *С. П. Кузнецовъ*.

Печатанъ съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи.

Цѣна 4 руб., съ пересылкою—4 руб. 50 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ ОБЩАГО СОВРАНІЯ КАССАЦИОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ I и II ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

съ 1866 по 1 Января 1900 г.

Составилъ Оверъ-Секретарь Общаго Совранія Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената *П. П. Быстровъ*.

Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Оъ требованіяхъ просить обращаться въ г. С.-Петербургу, въ Сенатскую типографію.

Сенатская типографія не высылаетъ изданій съ наложеннымъ платежомъ, а лишь по полученіи ею наличныхъ денегъ или квитанціи Казначейства о вносѣ таковыхъ въ § 12 специальныхъ средствъ Министерства Юстиціи.

Отзѣмы о книгахъ:

И. Ѳ. Аннепкій. П. Тюленевъ. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній	204
А. Г. Филоновъ. А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ѳ. Пеллидовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ	205
И. И. Веллярминовъ. Саратъ-Чиндра Дасъ. Путешествіе въ Тибетъ	212
— Н. Г. Калабуховъ и Н. І. Яблонскій. Страна тепла и солнца	214
А. А. Дарондъ. А. Мустовичъ. Методика преподаванія новыхъ иностранныхъ языковъ	215
Я. Г. Моръ. Сборникъ современной нѣмецкой прозы	217
Я. Г. Моръ. Нѣсколько словъ по поводу двухъ рецензій	219
Проф. В. М. Колюничъ. Отвѣтъ г. Герну	220
— Книжныя новости	222

Овременная лѣтопись.

— Наши учебныя заведенія. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1904 году	27
И. И. Веллярминовъ. Въ вопросу объ институтѣ классовыхъ наставниковъ и о преподаваніи нѣсколькихъ предметовъ однимъ и тѣмъ же преподавателемъ въ прусскихъ гимназіяхъ	66
Е. Ѳ. Карскій. А. И. Омировъ (некрологъ)	77

Отдѣлъ классической филологіи.

Г. Ѳ. Зенгеръ. Замѣтки къ неолатинскимъ текстамъ	433
М. Н. Крашенинниковъ. Къ исторіи вопросовъ о рукописномъ преданіи константинопольскихъ извлеченій пері кризисовъ	454

Объявленія. 1

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го октября).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогійи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу — 16 р. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902, 1903 и 1904 годы.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“; но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ на 1904 г. съ доставкою 2 р. 50 к. Съ 1905 г. годовая цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

4123

21

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by**

**Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts**

1994

